Ф. Раззаков

Самая полная биография знаменитого певца, актера и революционера

Дин Рид:

трагедия красного ковбоя

SHOUT
IT
SHARE

Annotation

Дин Рид – поэт, музыкант, певец, актер, красавец, любимец женщин. У него были все данные, чтобы стать суперзвездой и проводить жизнь в роскоши, почивая на лаврах. Но он выбрал иной путь – бунтаря и революционера, став самым ярым противником буржуазного строя, изгоем в своей стране, приверженцем социализма, преданным другом Советского Союза. Его легендарная жизнь насыщена такими яркими событиями, что ему могли бы позавидовать многие исторические личности, а его трагическая смерть до сих пор окутана завесой домыслов. Он публично издевался над американским флагом и ездил с концертами по всему миру. Он выступал против политики Пиночета, за что был посажен в тюрьму, и снимался в десятках кинофильмов. Он вступал в полемику с Солженицыным и дружил с Че Геварой. Это был человек Мира, променявший сытый покой на бесконечную борьбу…

- Федор Раззаков
  - Предисловие
  - Часть первая
  - Часть вторая
  - Часть третья
  - Эпилог
    - ■
    - ■ P. S
  - Годы жизни Дина Рида
  - Дискография Дина Рида (1959–1986)
  - Фильмография Дина Рида (1964–1985)
  - Использованная литература

Федор Раззаков
Дин Рид. Трагедия красного ковбоя

Предисловие

Говорят, что Дин Рид – персонаж на сегодня несовременный. Дескать, он был популярен в далекие теперь 70-е, когда и жизнь у нас была другой, и мы были другими. Но это заблуждение. Дин Рид сегодня не менее актуален, чем тот же Че Гевара, о котором пишут книги и сняли несколько десятков документальных и художественных фильмов. Между прочим, оба этих человека были лично знакомы, и команданте Че однажды останавливался в аргентинском доме Дина. Вообще у них масса общего: начиная от безграничной любви к Латинской Америке и заканчивая безудержной верой в торжество справедливости во всем мире. Наконец, оба закончили жизнь трагически: Че убили в боливийских джунглях, а Дин нашел трагическую смерть в социалистической Германии. Правда, есть одно «но»: если с гибелью первого все вроде бы ясно, то уход Дина до сих пор окутан плотной завесой слухов и домыслов. Впрочем, такой же плотной завесой окутана вся его жизнь – короткая, но весьма насыщенная событиями, которым могут позавидовать даже самые известные исторические личности.

Книга о Дине Риде должна была появиться в России давно. Ведь это несправедливо, когда такие книги выходят в Англии (в 1994 году), Германии (в 2004), США (в 2005), а в стране, которую Дин искренне любил и с которой был тесно связан на протяжении 21 года (из своих 47 лет), о нем напрочь забыли. Единственная книга о нем появилась в СССР в 1984 году, да и то это была перепечатка с небольшого (карманного формата) издания, выпущенного в ГДР. Настало время эту несправедливость устранить. Эта книга – дань памяти прекрасному человеку и артисту, имя которого каких-нибудь двадцать лет назад в нашей стране было на слуху у каждого – от взрослого до ребенка.

Часть первая
Из поп-звезд в революционеры

Дин Рид родился **22 сентября 1938 года** в небольшом американском городке Уит-Ридж (штат Колорадо), который в те годы был пригородом Денвера (сейчас он входит в состав этого города). Местечко было захолустное, провинциальное, где даже светофоров на улицах не было, поскольку жители городка предпочитали передвигаться по улицам пешком либо на лошадях. Отцу Дина, преподавателю математики и истории Сирилу Риду, в ту пору шел 35-й год, матери (она была дочерью датских эмигрантов) Рут Анне Браун – 25-й. В их семье уже был один ребенок, причем это тоже был мальчик – Дэйл, который родился в 1935 году. Спустя пять лет после рождения Дина его родители решили завести еще одного ребенка, очень надеясь на то, что у них родится девочка. Но, увы, судьба снова послала им мальчика – Вернона.

Дин рос весьма подвижным и дружелюбным мальчиком, целиком оправдывая свой астрологический знак – он родился в год Тигра, который на Востоке считается жизнелюбивым и бунтарским знаком. Еще будучи школьником, Дин всерьез увлекался спортом: занимался легкой атлетикой, баскетболом. Однако больше всего ему хотелось научиться верховой езде, чтобы стать таким же сильным и ловким, как тогдашний кумир миллионов американских мальчишек актер Джон Уэйн, воплощавший на экране исключительно положительных героев – либо храбрых кавалеристов, либо лихих ковбоев. В конце 40-х этим актером бредила не только Америка, но и весь мир, поскольку фильмы с его участием шли во многих странах (в том числе и в Советском Союзе, где сразу после войны был показан первый (и, увы, единственный) фильм с Джоном Уэйном в главной роли – «Путешествие будет опасным», или «Дилижанс»).

Дин боготворил Уэйна, подражая ему во всем: как в его киношных пристрастиях, так и во взглядах, которые этот талантливый актер разделял в повседневной жизни. А в ней Уэйн слыл ярым антикоммунистом. Впрочем, для 10-летнего Дина та антикоммунистическая кампания, которая началась в США в **июле 1948 года** с выступления в Конгрессе провокатора Элизабет Бентли (будучи агентом ФБР, она специально вступила в ряды компартии США, чтобы затем стать ее разоблачителем), а потом была продолжена сенатором Джозефом Маккарти, была, конечно, делом десятым, если не двадцатым. Однако если бы Дина в ту

пору спросили, кого он больше всего не любит, он бы не задумываясь сказал: коммунистов. Тем более что и его отец был ярым маккартистом и не считал зазорным, чтобы и его дети с младых ногтей впитывали в себя ненависть ко всему коммунистическому. Вот такой получается парадокс: будучи одним из самых знаменитых американцев, проповедовавших коммунизм, Дин Рид в детстве разделял диаметрально противоположные убеждения.

Место, где родился и жил Дин, являло собой классическое место американского Дальнего Запада. Для миллионов неамериканцев эти места стали известны благодаря фильмам Джона Форда (именно у него снимался Джон Уэйн), который практически все свои знаменитые кинополотна снимал в одном месте – в Моньюмент-Вэли (Долина Монументов) в штате Юта. А этот штат был соседним с Колорадо, где рос наш герой. Кроме того, Колорадо славился своими лесами и соседством со знаменитым Гранд-каньоном (штат Аризона), посмотреть который в Америку приезжали тысячи туристов со всего мира. Дин бывал возле каньона много раз, но еще больше он обожал величественный лес, где подолгу пропадал во время летних каникул. По его же словам, первые поэтические вдохновения пришли к нему именно там – в чащобах колорадского леса.

Поскольку ковбойская жизнь была немыслима без лошадей, Дин чуть ли не с младенчества мечтал завести себе скакуна. Отец, видя эту страсть, поощрял ее и, забирая сына на ранчо, потихоньку приобщал его к обращению с лошадьми. Однако в отдаленном будущем средний сын виделся Сирилу Риду не фермером, а военным. Поэтому, когда Дину исполнилось десять лет, отец отдал его учиться в кадетскую школу. И как Дин ни сопротивлялся и ни умолял родителя не делать этого, тот был непреклонен: «Ты будешь офицером, и точка!» Мать Дина тоже была против такого решения, однако ее голос в семье значил не больше голоса сыновей.

С первых же дней пребывания в кадетской школе Дин окончательно убедился, что военная служба – не его стезя. Все эти ранние подъемы, муштра, обучение военным наукам казались ему настолько бессмысленным делом, что он не особенно это и скрывал от своих начальников. За что неоднократно бывал наказан. Однако чем больше его наказывали, тем сильнее в нем разгорался огонь непослушания. Это были первые сильные всплески его неукротимого нрава, который можно охарактеризовать одной фразой: «Я всегда все делал по-своему» (именно так будет называться одна из самых знаменитых песен Дина Рида). Видимо, всплески были настолько мощными, что

даже заставили задуматься отца Дина. В итоге спустя год после поступления Дина в кадетскую школу отец забрал его оттуда. Чуть позже люди будут судачить, что Сирил просто испугался того, что средний сын может наложить на себя руки: Дин неоднократно грозился отцу сделать это, как только тот брался за ремень и пытался проучить сына за какую-нибудь провинность. Много позже эти заявления люди припомнят снова, после того как Дин уйдет из жизни при весьма загадочных обстоятельствах. Однако не будем забегать вперед.

Между тем пребывание в стенах «кадетки» оставило у Дина не только плохие впечатления. Именно там его безумная любовь к лошадям получила дополнительный импульс – Дин приобрел навыки настоящей верховой езды. И, вернувшись в семью, он поставил перед собой цель – в ближайшем же будущем заиметь личного скакуна. И хотя лошадь стоила 150 долларов, а у Дина отродясь таких денег не было (отец давал ему всего по нескольку центов на карманные расходы), однако он был уверен, что поставленной цели обязательно достигнет. Так выковывалась еще одна черта его характера: ставить перед собой сложные задачи и обязательно их решать. И Дин начал самостоятельно зарабатывать деньги. В летние каникулы он нанимается к соседям стричь их газон за пару долларов в неделю, а зимой, когда в Колорадо выпадает много снега, этот же газон расчищает. Кроме этого, вместе со своими братьями он мастерит дома подставки для рождественских елок и самолично продает их накануне праздника. Так, цент к центу, Дин за год накопил около ста долларов. Не хватало еще пятидесяти, но тут на помощь сыну пришел его отец. Сирил Рид продал часть кур с фермы и вырученные деньги отдал Дину. В итоге вскоре мальчик стал обладателем своей первой в жизни собственной лошади – буланого жеребца с гривой и хвостом песочного цвета. Звали скакуна Блонди.

С этого момента ближе и роднее друга у Дина не стало. Будучи в школе, он думает только о Блонди, а когда возвращается домой, проводит со скакуном все свободное время. Родителям такое увлечение сына не очень нравится, поскольку эта любовь идет в ущерб учебе. Однако каждый раз, видя, с какой лаской Дин общается с Блонди, как они сливаются в единое целое во время скачки, их сердца все более смягчаются. И родители разрешают сыну всерьез заняться конным спортом. В летние каникулы Дин нанимается на фермы, специально созданные в окрестностях Денвера для привлечения туристов, и вскоре начинает участвовать в родео в стиле времен Дикого Запада. Он также сопровождает богачей, приезжающих в Колорадо на «дьюд ренчс»

(«ранчо для снобов») из Нью-Йорка или Чикаго. Дин учит этих снобов заскакивать в седло как заправские ковбои и скакать по кругу. Снобы поначалу относятся с недоверием к парнишке, но когда видят, как лихо он смотрится в шляпе «стэтсон» и ковбойских полуштанах «чапсах» и, главное, как ловко управляется с лошадьми, их недоверие моментально улетучивается. А когда узнают, что Дин на своем скакуне Блонди уже участвует в родео и даже выигрывает там призы, их доверие к несовершеннолетнему учителю становится безграничным.

Еще одним увлечением Дина в те годы стала музыка. В основном это песни в стиле кантри (сельская музыка), которая была очень распространена на американских фермах. Дин с удовольствием поет эти песни, поражая родителей и знакомых неплохими вокальными данными. Под впечатлением от этих вокальных партий отец Дина покупает ему гитару. Дину в ту пору было всего 12 лет. Но уже через полгода упорных занятий он научился настолько виртуозно обращаться с музыкальным инструментом, что это не осталось незамеченным. И отныне ни один школьный вечер не обходится без того, чтобы Дина не попросили: «Сыграй что-нибудь, Дин!» И он играл, тем более что песни в его исполнении больше всего нравились девушкам, которые занимали в мыслях Дина такое же место, как лошади и музыка. Кстати, не будь последней, Дин вряд ли смог бы пользоваться таким бешеным успехом у представительниц слабого пола. Внешне он был очень симпатичным мальчиком, но из-за своей худобы (друзья даже называли его «тощий Рид») и непропорционально больших ушей у него развился комплекс – ему казалось, что все девушки в душе над ним смеются. Но когда он брал в руки гитару и начинал петь, все эти страхи тут же улетучивались и Дин уже не сомневался – лучше его парня нет.

Именно любовь подвигла Дина на первые композиторские опыты. В 16 лет он влюбился в свою сверстницу Линду Мейерс и, плененный ее красотой, посвятил ей свою первую собственноручно написанную песню – «Не разрешай ей уходить».

Начав свою певческую карьеру с ближней аудитории (родителей и школьных товарищей), Дин постепенно расширяет круг своих слушателей. Вскоре он начинает петь и для туристов, которых обучает верховой езде на ранчо. А после того, как и их реакция оказывается положительной, доходит до того, что выступает в ресторанах перед тамошними посетителями. Эти выступления несут двойную выгоду: и душу греют, и кошелек пополняют. Стоит отметить, что песни в стиле кантри в те годы переживали очередной бум, вызванный появлением рок-н-ролла. Американская пропаганда приняла рок в штыки, отнеся его… к

проискам коммунистов (дескать, это они придумали этот стиль, чтобы сбить с правильного пути американскую молодежь). Поэтому народные песни в стиле кантри всячески поощрялись, и певцы, которые их исполняли, были особенно привечаемы пропагандой. Что касается Дина Рида, то он к рок-н-роллу относился положительно, хотя поначалу и не исполнял песни в этом стиле. Зато, как и большинство американских юношей, был в восторге от зачинателя рока Билла Хэйли и фильма «Blackboard Jungle» (1955), где звучала его знаменитая песня «Rock Around the Clock». С неменьшим пиететом Дин потом относился и к Элвису Пресли.

В **1956 году** Дин заканчивает школу и идет по стопам своего старшего брата, который учится в Валуне, в Колорадском университете на факультете метеорологии, мечтая в будущем стать ведущим прогноза погоды на телевидении. В свободное от учебы время Дин продолжает зарабатывать деньги: поет в ресторанчиках, а в каникулы работает на ранчо.

Летом того же года имя Дина Рида впервые попадает на страницы американской печати. Причем печатают о нем не в какой-нибудь дешевой местной газетенке, а в популярном журнале «Ньюсуик». Однако поводом к этому стали отнюдь не его успехи на музыкальном поприще (до них еще несколько лет). Все было гораздо прозаичнее: Дин стал знаменит благодаря спору со своим коллегой-ковбоем по работе на туристском ранчо, что находится в 55 милях от города Ганнисона.

Ковбоя звали Билл Смит, и с Дином они были друзьями. Оба любили лошадей, однако когда на родео в Ганнисоне между ними зашел спор о физических возможностях лошади и человека, Смит был целиком на стороне животного, а вот Дин взял сторону человека. Вот уже несколько лет Дин занимался легкой атлетикой, в свое время был чемпионом школы по марафонскому бегу и был уверен, что сумеет победить лошадь. Когда Смит это услышал, он долго смеялся над своим коллегой, уверенный, что тот либо сумасшедший, либо отъявленный хвастун. Последнее определение Дин воспринял чуть ли не как оскорбление и предложил Биллу разрешить их спор немедленно. «Давай проведем состязание. Ты преодолеешь путь на ранчо и обратно до родео на лошади и будешь ехать шагом, а я преодолею этот путь на своих двоих». «С превеликим удовольствием!» – ответил Билл, который был не просто уверен, а буквально убежден в своей правоте. Мул не может быть слабее человека, даже если будет идти шагом! И на его месте ни один настоящий ковбой не упустил бы шанса проучить заносчивого мальчишку, который думает иначе.

Сию же минуту были обговорены все условия предстоящего спора. В первую очередь была названа сумма (чисто символическая, поскольку дело было не в деньгах, а в принципе), которая должна была достаться победителю, – 25 центов. Поскольку маршрут был длинным (путь на ранчо и обратно насчитывал 177 километров), необходимо было позаботиться о пропитании. Брать с собой провиант было невыгодно (лишний груз), поэтому спорщики решили привлечь к этому делу повара с ранчо, который должен был на грузовике ехать в арьергарде и по мере надобности подкармливать соревнующихся. Также были оговорены и другие условия. Например, спорщики договорились, что если Билл доедет на муле до заранее отмеченного места отдыха на несколько минут раньше, то и в путь он должен будет отправиться с таким же минутным опережением.

Спорщики стартовали ранним июльским утром. Билл взгромоздился на своего любимого мула Спиди, а Дин отправился в путь на своих двоих, облаченный только в шорты и легкие теннисные тапочки. Следом тронулся на грузовике повар с провиантом. Какое-то время лошадь и человек шли чуть ли не вровень, но потом животное вырвалось вперед и почти весь путь (а он занял 47 часов) не позволяло себя догнать. Хотя, может быть, это был тактический ход со стороны Дина – он таким образом мог усыплять бдительность своего оппонента. И ему это удалось.

Когда состязание подходило к концу и до арены родео оставалось всего 9 миль, Дин перешел с марафонского шага на бег. Сделать это ему было трудно, поскольку к этому моменту ноги его покрывали волдыри и буквально каждый шаг причинял Дину дикую боль. Но когда он сорвался с места и побежал, боль мгновенно куда-то ушла и вместо нее пришло жгучее желание победить. Это желание и без того было сильным, но теперь, на последнем отрезке пути, оно стало просто безудержным. К тому же Дин не любил и не умел проигрывать, а в этом споре он не мог себе позволить этого и подавно – слишком большое количество людей (все обитатели ранчо и родео) были вовлечены в него. И в случае своего поражения Дин просто не смог бы продолжать работать на прежнем месте. Короче, на карту было поставлено все. Видимо, именно это и придало дополнительные силы 18-летнему парню. Он рванул к финишу с такой скоростью, что шансов победить у лошади, которая тоже была не из железа и успела заметно подустать, просто не осталось.

Дин опередил своих соперников ровно на три минуты. Он первым вбежал на арену родео и, добежав до центра, рухнул на песок как подкошенный. Как потом подсчитали очевидцы, чистое

время пробега заняло 22 часа, что составляло в среднем 5 миль в час. Это был фантастический рекорд, который не мог остаться незамеченным со стороны прессы. **6 августа 1956 года** в «Ньюсуик» была опубликована та самая заметка, в которой в подробностях описывались перипетии этого уникального пробега. Называлась заметка просто, но по существу – «Человек победил».

Между тем учеба на метеоролога доставляла Дину все меньше радости. Да это и неудивительно, если учитывать тот факт, что будущую профессию Дин выбирал себе не сам, а с помощью отца. Сирил Рид считал метеорологию весьма перспективной и всегда востребованной профессией и настоял на том, чтобы оба его старших сына посвятили ей свою жизнь. Младшему сыну Вернону тоже была уготована та же судьба, но пока, в конце 50-х, он был еще школьником.

Дин отучился всего лишь один курс, когда окончательно убедился в том, что метеорология – не его стезя. Повторялась та же история, что и в кадетской школе. Однако если в том случае на стороне Дина выступила его мать (что и позволило ему прервать учебу), то на этот раз Рут Анна была категорически против, чтобы Дин уходил из университета. И он остался в нем, хотя все мечты и помыслы его были совсем в иных сферах – он мечтает стать певцом. Хотя никто из его близких и друзей всерьез не верит в его перспективы на этом поприще. Нет, все они с удовольствием слушают песни в его исполнении, некоторыми даже восторгаются, но, когда речь заходит о более серьезной перспективе стать музыкантом, дружно уверяют Дина, что это дело зряшное. «Тебе туда не пробиться», – вот стандартная реакция друзей на мечты Дина. А родители его любимой девушки идут еще дальше: когда Дин надоел им своими разговорами о карьере певца, они попросту запрещают дочери с ним встречаться. И девушка не смеет ослушаться родителей. О чем очень скоро горько пожалеет, но будет уже поздно.

Переломным в судьбе Дина стало лето **1958 года**. Закончив очередной курс в университете, он отправляется на каникулы к своим родителям, которые теперь живут в Аризоне. Это первое появление Дина в новом родительском доме после долгого перерыва. Однако там ничего не изменилось: мама так же, как и раньше, великолепно печет его любимые пирожки с тыквой, а отец не расстается с книгами и спорит о политике. Он был членом ультраправой организации «Общество Джона Бэрча» и ярым сторонником политики нынешнего президента страны Дуайта Эйзенхауэра. А вот государственного секретаря Джона Фостера Даллеса отец Рида недолюбливал и вечно критиковал. Как и миллионы американцев, он считал его виновным в том, что

из-за его неразумной политики подорванными оказались взаимоотношения США даже с наиболее последовательными и верными союзниками и партнерами в Западной Европе. И это в тот момент, когда Советский Союз наращивал свою военную мощь и привлекал на свою сторону все больше сторонников.

Увы, Дин не мог выступить перед отцом в роли достойного оппонента в его диспутах на политические темы. В те годы наш герой был чужд политике и если интересовался ею, то весьма поверхностно. Его больше интересовали музыка, лошади и девушки, чем взаимоотношения США с союзниками и перспективы СССР в ракетной области. К тому же Эйзенхауэр был генералом, а военные всегда меньше всего нравились Дину. Хотя объективности ради стоит отметить – жизнь при президенте-генерале в Америке была неплохой: если предыдущий президент Трумэн оставил после себя долгов на 9,4 миллиарда долларов, то Эйзенхауэру не только удалось сократить дефицит, но в 1956–1957 годах и вовсе свести бюджет с превышением доходов над расходами. Много позже американские экономисты с тоской будут вспоминать эти времена, когда сбалансированный бюджет в их стране был реальностью. А в те годы, в середине 50-х, эта ситуация воспринималась как вполне закономерное явление.

Короче, в те годы Дин был далек от политики, и все его мысли были посвящены одному: тем летом он надумал ехать в Голливуд, чтобы попытать наконец счастья – попробовать осуществить свою мечту стать артистом. Правда, родителям он об этом ничего не сказал, поскольку заранее знал их негативную реакцию на это.

Ранним августовским утром **1958 года** (в последнюю неделю каникул) Дин покинул родительский дом, чтобы на подержанном белом «Шевроле Импала» с откидным верхом отправиться из Аризоны в Калифорнию. Путь был неблизкий, но Дина это не пугало: он верил, что впереди его ждут исключительно успех и слава. Как ни странно, но именно так все и вышло.

До Калифорнии оставалось несколько десятков миль, и Дин мчал своего «железного коня», что называется, во весь опор – стрелка спидометра иногда подскакивала до ста миль в час. Прямое, как стрела, шоссе буквально плавилось от горячего солнца, и быстрая езда была единственным спасением от этого удушающего зноя. За окном автомобиля простиралась одна и та же унылая картина: обломки скал чередовались с вечнозелеными кактусами. Настроив волну радиоприемника на любимую радиостанцию, Дин крутанул ручку громкости до максимальной отметки и врубил музыку на полную мощь. В тот же миг салон автомобиля наполнился дивными звуками – пела модная

перуанская певица Има Сумак, обладавшая потрясающе широким диапазоном голоса. Едва она допела свою песню, как эстафету от нее принял рокер Бадди Холли со своим прошлогодним шлягером «That will be the day». Кроме этого, Бадди спел еще пару песен, где причудливо переплетались мотивы техасского и мексиканского фольклора, так уместные в тот момент, когда наш герой мчал свой автомобиль мимо канделяброобразных кактусов.

До Калифорнии оставалось всего-то ничего, когда на пустынном шоссе Дин заметил длинноволосого парня, голосовавшего на обочине. Парень выглядел не ахти: в стареньких джинсах, линялой ковбойке и стоптанных башмаках. Через плечо у него была перекинута сумка, похожая на ту, в какой спортсмены обычно носят свою униформу. Дин спокойно мог проехать мимо, не утруждая себя лишним поводом напрягаться. У многих американцев все еще свежи были в памяти события полугодовой давности, когда в соседнем с Колорадо штате Небраска объявился маньяк Чарли Старквевер, который на пару со своей подружкой Кэрол Энн отправил на тот свет 11 человек. Среди жертв этой безумной парочки оказались влюбленные, которые по доброте своей посадили их в свой автомобиль, когда те голосовали на дороге. Три месяца назад – **5 мая 1959 года** – Старквевера посадили на электрический стул, а его подружку приговорили к длительному тюремному заключению. Дин, как и все американцы, внимательно следил за этим процессом и с тех пор дал себе зарок не подсаживать к себе в автомобиль незнакомцев. Однако, как это часто бывает, по прошествии какого-то времени зарок обычно забывается и все возвращается на круги своя. Короче, Дин тормознул свой автомобиль на обочине и взял попутчика.

Парень сел на переднее сиденье, а свою сумку бросил на заднее. При этом сумка упала рядом с гитарой, которую Дин всегда возил с собой. Увидев музыкальный инструмент, парень спросил:

– Играешь?

– Играю, – кивнул Дин.

– Молодец, я тоже когда-то баловался этим делом и даже держал собственный джаз.

Увидев косой взгляд Дина, обращенный на его стоптанные донельзя башмаки, парень засмеялся:

– Ты прав, сегодня я больше похож на бродягу, чем на руководителя джаза. Но когда-то на мне был костюм, а в руках саксофон. Мы играли вестерн-свинг и даже пару раз выступали в одних концертах с Бобом Уиллисом и его «Техасскими плейбоями». А ты какую музыку предпочитаешь?

– Разную, – уклончиво ответил Дин, подозревая, что его музыкальные познания рядом с познаниями этого бродяги могут выглядеть бледно.

– Разную – значит, никакую, – немедленно отреагировал собеседник. – К примеру, кто сейчас поет в радиоприемнике?

Дин узрел в словах парня издевку, поскольку по радио надрывался Джин Винсент, исполнявший свой шлягер 56-го года «Be Bop a Lula», который знали даже его родители, весьма далекие от популярной музыки люди. Поэтому Дин не стал называть исполнителя, а только обронил:

– Ты что, издеваешься?

Тогда парень крутанул ручку приемника и поймал другую песню.

– А это кто? – вновь спросил он.

– Это «Too Young» Нэта Кинга Коула, – практически с ходу ответил Дин.

– Ты забыл добавить – покойного, – уточнил парень.

Покойным популярный певец-негр стал недавно: в 1956 году Нэт Кинг Коул был убит в своем родном штате Алабама группой белых американцев, которые таким образом выражали свой протест против того, что негр стал звездой.

– А ты молодец, разбираешься, – после некоторого молчания вновь нарушил тишину попутчик. – Тогда, может быть, ты мне споешь что-нибудь?

– Что, прямо сейчас? – удивился Дин.

– А что нам мешает? Тормозни вон у того дерева и спой свою самую любимую песню. А то музыка в приемнике надоела.

Собственно, Дин и сам давно хотел сделать привал и подкрепиться пирожками с тыквой перед последним автомобильным рывком. Поэтому предложение остановиться он встретил с одобрением и свернул на обочину. После чего спросил:

– Может, сначала перекусим?

– Ни в коем случае! – ответил парень. – Ты разве не знаешь, что петь, так же как и заниматься сексом, надо натощак?

– Почему?

– Голод стимулирует рвение.

Дин не стал спорить с этим утверждением и молча взял в руки гитару. В течение нескольких секунд он перебирал струны, прикидывая в уме, что лучше исполнить. Репертуар у него был богатый, в нем даже значились несколько песен собственного сочинения. Одну из них Дин и решил спеть своему попутчику. Это была его самая первая песня – «Не разрешай ей уходить».

Когда песня была исполнена, в салоне повисла тишина. Она длилась всего несколько секунд, после чего парень сказал:

– А что, недурно. Только я не помню, из чьего репертуара эта вещичка?

– Из моего, – усмехнулся Дин.

– Все понял, – всплеснул руками парень. – Ты универсал: сам пишешь, сам играешь, сам поешь. Скажу прямо: песня средненькая, но вот голос у тебя перспективный. Да и внешность тоже: ты чертовски похож на Бобби Ви. Короче, шанс стать артистом у тебя есть.

– А почему ты думаешь, что я хочу стать артистом? – спросил Дин, укладывая гитару на прежнее место.

– Я не думаю – я убежден. Иначе зачем тебе ехать в Калифорнию в конце летних каникул?

– Да мало ли зачем. Я вообще-то на синоптика учусь.

– Из тебя такой же синоптик, как из меня сенатор. Ты должен идти в артисты и услаждать народ своими сладкоголосым пением. Тем более что от рок-н-ролла народ сейчас устал. Лови момент.

– Легко сказать, лови. У меня ни связей, ни друзей в Голливуде.

– А вот это, брат, судьба. Ты мог промчаться по этому шоссе три или четыре часа назад и влетел бы в Голливуд, не обремененный никакими случайными знакомствами. Но судьба сделала так, что ты проехал именно сейчас и встретил именно меня. Человека, у которого по части этих самых связей кое-что имеется.

– Ты шутишь? – Дин от неожиданности даже повернулся к попутчику всем телом.

– Да, я – шутник, алкоголик и бабник, – с серьезным выражением лица ответил парень. – Но сейчас не тот момент, чтобы козырять этим. Я в глубоком дерьме, и у меня нет даже пары долларов, чтобы оплатить номер в самом задрипанном мотеле. Но я чувствую, что у тебя эта пара долларов есть.

– То есть я должен заплатить за тебя, а ты в свою очередь…

– Совершенно верно, – не дал договорить Дину парень. – Я сведу тебя с людьми, которые занимают не последнее место в музыкальной индустрии. В этой клоаке, где тебя ждут слава, деньги и толпы готовых на все девиц. Так что решай.

– Я уже решил, – Дин вновь взялся за руль и крутанул ключ в замке зажигания.

– А как же перекусить? – удивился парень.

– Возьми в моей сумке на заднем сиденье пирожки с тыквой, а я как-нибудь перебьюсь. Тем более ты сам говорил, что голод стимулирует рвение.

Попутчик не обманул Дина. Он привез его в Лос-Анджелес,

прямиком к офису крупнейшей фирмы грамзаписи «Кэпитол Рекордз». Эта компания появилась на свет в **1942** году благодаря стараниям двух человек: Джонни Мерсера и Бадди Де Силва. В **январе 55-го** большую часть акций «Кэпитол» купила крупнейшая английская фирма звукозаписи «EMI», после чего дела компании заметно пошли на лад. Под крышей «Кэпитол» на тот момент работали Нат Кинг Коул, Дин Мартин, Пегги Ли, Лес Пол, Мэри Форд, Джо Стаффорд. А совсем недавно под крыло «Кэпитол» перешел сам Фрэнк Синатра.

Попутчик познакомил Дина с одним из менеджеров компании. Последний выглядел уставшим, злым и при иных обстоятельствах не стал бы тратить на какого-то студентика свое драгоценное время. К нему каждый день приходят либо звонят сотни таких же вот парней и девчонок, мечтающих стать звездами типа Элвиса Пресли или Бадди Холли, однако настоящих талантов среди них раз-два и обчелся. И этот длинноногий парень, кажется, тоже из их числа. Однако он пришел не один, а с давним приятелем менеджера, которому он многим обязан, поэтому прогнать гостя никак не получалось. «Ну хорошо, я его послушаю», – вяло сказал менеджер. Они прошли в студию, где Дин на одном дыхании спел несколько песен: как своих, так и уже известных. Впечатление он произвел так себе, однако менеджер уловил в его манере исполнения какую-то изюминку. «Что-то в этом парне есть, – подумал про себя менеджер, глядя на то, как ловко Дин обращается с гитарой и как ладно сидят на нем брюки, рубашка и ковбойский „стэтсон“ на голове. – Да и голос у него вроде тоже неплохой».

Когда Дин закончил петь, менеджер подозвал его к себе и провозгласил:

– Вот что, парень. Приходи к нам после выходных, в понедельник, и мы сделаем пробную запись. Мне лично ты понравился, но этого, сам понимаешь, мало: надо, чтобы тебя оценили наши боссы.

Окрыленный этими словами, Дин выбежал на улицу. Он хотел от всей души поблагодарить своего попутчика, предпочевшего дожидаться его в автомобиле, но, увы, салон «железного коня» оказался пуст. Случайный попутчик, которого Дину подбросила сама судьба и имени которого он так и не узнал, бесследно исчез, чтобы больше никогда не объявиться в жизни нашего героя. И единственное, что грело душу Дина, было то, что шесть долларов за номер в отеле он незнакомцу все-таки отдать успел.

На выходные Дин снял номер в дешевом мотеле и провел эти дни в нервном ожидании. Ему до сих пор не верилось, что все

случившееся с ним – правда. И даже когда утром в понедельник он вновь переступил порог студии, все происходящее казалось ему каким-то наваждением. К действительности его вернул все тот же менеджер. Он объявил Дину, что требуется записать на пленку несколько песен, которые потом будут показаны боссам. Дин покорно встал к микрофону. Запись длилась примерно около часа, из которого Дин помнил разве что начало и конец – все остальное было как в тумане. Потом ему сказали, что за ответом надо прийти завтра. И опять Дин провел эти часы в нервном ожидании.

На следующий день Дин снова был в студии. Тот же менеджер вышел к нему улыбающийся и сообщил, что боссам запись понравилась. «Но завтра тебе надо прийти снова. Босс студии лично хочет с тобой познакомиться и окончательно решит твою судьбу». Радоваться этому сообщению у Дина уже не было сил. Единственное, что он тогда подумал: «О боже, сколько же можно?!» Но делать было нечего.

Президентом фирмы «Кэпитол» в ту пору был Уойл Гилмор. Он прекрасно разбирался в коньюнктуре музыкального рынка и, когда ему сообщили, что на горизонте объявился талантливый парень, который не только хорошо поет, но и прекрасно выглядит, он взял это на заметку. Прослушав запись, Гилмор отметил про себя, что его не обманули – голос у парня действительно был неплохой, а манера исполнения вполне могла прийтись по душе как домохозяйкам, так и девочкам-тинейджерам. Однако личное знакомство с парнем рассеяло последние сомнения Гилмора – Дин ему понравился с первого же взгляда. Он увидел высокого, русоволосого, красивого ковбоя в шляпе «стэтсон», будто сошедшего с придорожного плаката. Расспросив Дина о его житье-бытье, Гилмор поинтересовался:

– Если мы подпишем с вами договор, то ваша учеба полетит к черту. Вы готовы к этому?

– Конечно, готов! – ответил Дин, у которого от предчувствия близкого успеха пересохло в горле. – Как сказал мне один хороший человек несколько дней назад, синоптик из меня никудышный.

О том, как отреагируют на этот его поступок родители, Дин в тот момент даже не подумал. Впрочем, даже если бы эта мысль пришла к нему тогда в голову, это бы мало что изменило – желание стать звездой перевесило бы все аргументы.

В тот же день с Дином был подписан контракт, из которого следовало, что в течение семи лет он будет являться артистом фирмы «Кэпитол». Надо ли объяснять, на каком небе от счастья оказался наш герой! Не менее довольными были и представители

«Кэпитол», которые увидели в Дине весьма перспективного артиста именно того направления, которое становилось все более востребованным в музыкальной индустрии. Дело в том, что за последних четыре года слушатель вдоволь наслушался рок-н-ролла, о чем наглядно говорили цифры продаж роковых пластинок – они снизились. Спад интереса к року начался еще в **марте 1957 года**, когда в первую десятку хитов попали лишь два представителя этого направления в музыке – Элвис Пресли и Фэтс Домино. Зато огромным спросом стали пользоваться пластинки с песнями в стиле кантри и лирическими балладами. Короче, на рубеже десятилетий в Америке на смену бунтарскому рок-н-роллу приходила сладкоголосая попса. Вот почему появление на горизонте «Кэпитол» такого исполнителя, как Дин Рид, было расценено боссами фирмы как несомненная удача: ведь Дин одинаково талантливо исполнял как кантри-песни, так и лирические баллады.

Спустя пару дней после заключения контракта Дин уже был в Денвере, чтобы утрясти все вопросы, связанные с его уходом из университета. Эта проблема заняла не так много времени, поскольку уговаривать Дина остаться никто не собирался. Гораздо бóльшую проблему для Дина представляло объяснение с родителями, но он решил перенести это хлопотное дело на потом, благо родители жили неблизко и до следующей встречи с ними еще было время. «В крайнем случае, – подумал Дин, – можно написать им письмо. Лично не придется объясняться».

Вернувшись в Калифорнию, Дин с головой окунулся в проблемы музыкального шоу-бизнеса. Поскольку он был новичком в этом мире, помогать ему взялся его личный импресарио мистер Эберхард. За эту помощь последнему полагалось 25 процентов будущих гонораров Дина. Это была стандартная доля: например, ровно столько забирал у Элвиса Пресли его импресарио. Еще 10 процентов Дин должен был отдавать своему агенту, по 5 процентов полагалось рекламному агенту и бизнес-менеджеру. В итоге на руках у Дина по контракту должна была оставаться половина той суммы, которую он заработал. Но Дина это мало волновало, поскольку к деньгам у него всегда было довольно легкомысленное отношение: есть – хорошо, нет – и не надо.

Покорение Дином музыкального Олимпа началось по схеме, которую стали внедрять в Америке аккурат в конце 50-х. Схема была достаточно проста. Под определенного исполнителя писалась пара-тройка песен, которые потом записывались на студии, прокручивались на радио и показывались по телевидению в передачах типа калифорнийской «American Bandstand» (именно

благодаря этой передаче обрел свою известность твист – песню с таким названием исполнил негритянский певец Чабби Чеккер). И только потом, когда публика запоминала имя исполнителя, он выпускал синглы или «сорокапятки» (диски-миньоны на 45 оборотов с двумя песнями – по одной на каждой стороне, фирма «Кэпитол» перешла на выпуск таких пластинок весной **58-го**). Дин был включен в такую же схему и, по задумке своих боссов из «Кэпитол», должен был за короткие сроки не только отработать вложенные в него деньги, но и принести прибыль.

Между тем настало время, когда Дин сообщил своим родителям о крутых переменах в своей судьбе. Сказать, что они испытали шок, значит ничего не сказать. Особенно сильно переживал отец, который слыл человеком крайне консервативным и мечтал, чтобы его дети получили серьезное образование и приносили пользу обществу. А какую пользу можно приносить, будучи эстрадным певцом, Сирил Рид даже не мог себе представить. Нет, он и сам любил музыку, особенно песни в исполнении Дорис Дэй и Фрэнка Синатры. Но разве можно было сравнить этих исполнителей с теми, кто пришел им на смену? С этими вертлявыми и распущенными певцами типа Элвиса Пресли или Литтла Ричарда? И хотя Дин всячески уверял отца, что его манера пения и поведение на сцене не потрафляют низменным вкусам, Сирила это не убеждало. Он никак не мог смириться с тем, что его сын сменил такую серьезную профессию, как метеорология, на профессию эстрадного певца. Что касается матери, то она пережила этот поворот гораздо менее драматично, поскольку сильно любила среднего сына (она называла его ласково – Дино) и всегда считалась с его мнением, каким бы необычным оно ни было. К тому же в ней самой до сих пор жила артистка (в юности Рут Анна занималась балетом).

Тем временем к началу **1959 года** Дин наконец дорос до первых «сорокапяток». В том году их у Дина вышло сразу три. На первой звучали песни: «The Search», «Annabelle», на второй – «I kissed a Queen», «A pair of Scissors», на третьей – «Our summer romance», «I ain't got you». Первые две пластинки особенным успехом у слушателей не пользовались, о чем наглядно говорит такой факт: песня «The Search» в **феврале 1959 года** заняла всего лишь 96-е место в хит-параде «Hot 100 charts» журнала «Биллборд». И только с третьей пластинки к Дину Риду пришел успех. Песня собственного сочинения «Our summer romance» («Наш летний романс») **4 октября 1959 года** заняла 2-е (!) место в «Top 50» США. И хотя этот хит-лист принадлежал радиостанции Денвера, однако для молодого певца и такой успех был сродни подвигу. Кроме того, за полтора месяца до этого, в **августе**, Дин

дебютировал на телевидении: в передаче «Bachelor Father show» он исполнил песню «Twirly twirly».

В целом обстановка, царившая в музыкальном шоу-бизнесе, и то положение, какое Дин в нем занимал, его вполне удовлетворяли. Он зарабатывал пусть не самые большие, но достаточно хорошие деньги, его узнавали на улицах, ему признавались в любви. Последнее для Дина было немаловажно, поскольку он всегда питал слабость к женскому полу. А тут для его неутомимой сексуальной энергии было настоящее раздолье: девушек можно было менять хоть ежедневно. И хотя Дин не стремился сравняться с другими эстрадными певцами по части любовных побед, однако и в числе отстающих тоже не состоял. В поп-тусовке у него появились друзья – Фил и Дон Эверли, составлявшие легендарный дуэт «Братья Эверли», ставший с 1957 года, с песни «Bay bay love», фаворитом американских хит-парадов. С братьями Дин познакомился в актерской школе «Уорнер Бразерс», где они вместе обучались азам актерского мастерства.

В эту школу Дин попал не случайно. Когда потерпели неудачу его первые пластинки, он впервые всерьез задумался о том, правильную ли дорогу выбрал. Нет, он не собирался возвращаться к прежнему, в метеорологию, однако и его доселе радушные представления о карьере певца дали первую трещину. И когда это произошло, Дин решил подстраховаться. Он задумал пойти по актерской стезе еще дальше и получить профессию драматического артиста. Его теперь влек к себе Голливуд с его не менее большими возможностями, чем музыкальный шоу-бизнес. В итоге по совету одного из своих коллег Дин поступил в ту самую голливудскую школу актерского мастерства кинокомпании «Уорнер Бразерс», которой руководил Патон Прайс. Этот человек был хорошо известен в театральных кругах как приверженец системы К. С. Станиславского. И хотя выдающихся учеников из-под его крыла не выходило, однако в его друзьях состоял сам Кирк Дуглас (они учились в одной театральной студии), а из учеников можно назвать звезд американского ТВ Роджера Смита, Боба Конрада, а также театральную звезду Дона Мюррея (его звездная роль – главный герой в пьесе Теннесси Уильямса «Кошка на раскаленной крыше»).

Несмотря на большую разницу в возрасте (более тридцати лет), Прайс стал для Дина настоящим другом и даже приютил его у себя в доме (Дин проживет в его нью-йоркской квартире два года). Это было не случайно, поскольку по своему духовному посылу они были очень похожи. В Прайсе Дин нашел те качества, которые отсутствовали в его собственном отце: мудрость,

тактичность, терпимость к человеческим слабостям. И даже то, что Прайс, в свои уже немолодые годы, был еще охоч до слабого пола, тоже дико нравилось Дину. Вдвоем они частенько устраивали походы по злачным местам Нью-Йорка, что вызывало удивление у всех, кто знал про эти походы. Кстати, когда мать Дина спросят о том, какое влияние Прайс оказывал на ее сына, она ответит коротко: «Сексуальное». Это, конечно, было не так.

Поскольку Прайс был настоящим фанатом театра, он на многое открыл Дину глаза. Например, на русскую театральную школу. Для Дина это было настоящим открытием, поскольку до этого он относился ко всему русскому, а вернее, советскому, весьма предвзято (чему немало способствовал его отец – поклонник организации крайне правого толка «Общество Джона Бэрча»). Как и большинство американцев, Дин считал Советский Союз самой отсталой и несвободной страной в мире, где по улицам городов бродят дикие медведи (американская пресса писала об этом на полном серьезе). Поэтому, когда в **сентябре 1959 года** Америку посетил Никита Хрущев (один день он посвятил посещению Голливуда), Дин внимательно следил за этим визитом, но сказать, что он был воодушевлен этим событием, было бы явным преувеличением. Хрущев не произвел на него особого впечатления, напомнив внешне какого-нибудь фермера из Аризоны. И вдруг от своего учителя Прайса Дин узнает, что в этой отсталой стране – лучшая театральная школа!

– Система Станиславского – лучшая в мире, – говорил своим ученикам Прайс. – А знаете почему? Потому что в противовес театру ремесла, который у нас практикуют на каждом углу, он был за театр переживания. Актер должен пропускать страдания своего героя через собственное сердце – только тогда он может называться настоящим актером.

Когда же один из учеников напомнил Прайсу, что систему Станиславского многие считают устаревшей, тот взвился так, как будто дело коснулось его личной чести.

– Чушь! – заявил Прайс. – Если вы верите этим заявлениям, тогда вы должны признать устаревшим и многое другое. Например, законы Ньютона, Эйнштейна, Дарвина. Ведь они тоже были открыты многие десятилетия назад. Но вы же так не считаете. Вот и система Станиславского не только благополучно дожила до наших дней, но сегодня еще более актуальна, чем при жизни ее создателя. Например, законы Кеплера о движении небесных тел были непонятны его современникам-ученым, но сегодня они легко и просто укладываются даже в сознании школьников. То же и с системой Станиславского. Наша жизнь сегодня стала еще жестче, прагматичнее, даже циничнее, и

поэтому современное искусство должно не скрести по коже подобно двухцентовой расческе, а вонзаться острой иглой в самое сердце, в душу. Но для того, чтобы это случилось, актеру необходимо трудиться как каторжнику. Именно к этому и призывает система Станиславского.

Много позже Дин так охарактеризует свои чувства к этому человеку: «Патон заставил меня понять, чего же мне не хватает, а именно – зрелости. И дело совсем не в том, что по возрасту он мог быть мне отцом, зрелость отнюдь не возрастное понятие.

Патон обучил меня, как нужно вести себя перед камерой и перед микрофоном, он посвятил меня в тонкости этого ремесла. Но это было не самое главное в его науке. Свою главную задачу он видел в том, чтобы воспитать в своих учениках понимание гуманизма профессии киноактера. И хотя Прайс отлично понимал, насколько подвержено коррупции искусство в Соединенных Штатах, он не уставал повторять: «Как же можно строить дом, не имея фундамента? Как ты собираешься пробудить в аудитории чувства, которых не испытываешь сам? Как ты смеешь говорить правду, если ты сам не веришь в нее, как можно утвердить правду, оставаясь лжецом?» Символ веры Патона Прайса был неколебим: «Человек не способен создать что-либо истинно ценное, если он сам несамоценен»…»

Между тем Прайс открыл Дину глаза не только на театр. Он слыл пацифистом и сумел привить свои взгляды по этому поводу и своему ученику. И хотя Дин так и не смог понять и принять одного поступка Прайса (в годы войны он отказался идти служить в американскую армию, которая вступила в войну с фашизмом, за что угодил за решетку), однако во всем остальном он поддерживал своего учителя беспрекословно. Даже на многие события американской истории Прайс заставил Дина взглянуть по-новому. Однажды, когда они коротали вечер за неспешным разговором, а по телевизору диктор сообщил, что военный бюджет США в **1959 году** превысил 42 миллиарда долларов, Прайс заметил:

– Наша страна, которая была рождена революцией и слыла на протяжении полутораста лет светочем свободы, сегодня превратилась в сильнейший оплот реакции и готова свергнуть любое правительство, если оно может ударить по американским капиталовложениям и политическому влиянию.

– И в чем причина, учитель? – поинтересовался Дин.

– В наших исторических корнях, мой друг. Мы строили свою страну с таким упоением и злостью одновременно, что оба этих чувства слились в нас воедино. Но если наши предки истребляли индейцев и линчевали негров, но сумели сохранить остатки

человечности благодаря религии, то сегодня все иначе. Двадцатый век принес с собой отказ от викторианской стыдливости и решимость не скрывать более свои низменные инстинкты. Наша страна взяла на себя роль мирового жандарма, и большинство наших соотечественников этому рады. Как же, ведь мы – лучшие в мире! Этому учат нас наши учебники истории.

– А разве мы не лучшие в мире? – спросил Дин, который в те годы еще верил в те истины, которые проповедовались в американских учебниках.

– Запомни, Дин, раз и навсегда: хороших или плохих народов не бывает. Когда-нибудь ты это поймешь, но для этого тебе надо поездить по миру. Надеюсь, выбранная тобой профессия тебе в этом деле поможет.

Как покажет будущее, Прайс оказался прав.

Тем временем закончились 50-е. В американской музыкальной индустрии это время было отмечено громким скандалом. По требованию администрации США, которая видела в рок-н-ролле рассадник порока, законодательная власть в конце **1959 года** затеяла целый ряд судебных процессов против нескольких десятков радиостанций на предмет коррупции среди диск-жокеев. Последние обвинялись в том, что брали взятки от рок– и поп-менеджеров, после чего продвигали их исполнителей на первые места в хит-парадах и без конца крутили их песни. Эта «публичная порка» была настолько масштабной, что в Сенате США была даже создана специальная подкомиссия по этому делу. Под каток репрессий угодили многие знаменитые менеджеры, в том числе и «Король биг-бита» Алан Фрид, которого суд упек за решетку на несколько лет (неволя подорвет здоровье Фрида, и, освободившись из тюрьмы, он вскоре умрет в возрасте 42 лет).

Нашего героя эта кампания нисколько не коснулась, поскольку его хиты продвигать в массы с помощью взяток никто не собирался. Да и хитов-то было немного – всего один («Наш летний романс»). Остальные песни Дина Рида американская публика принимала более спокойно. Когда это стало окончательно ясно, боссы «Кэпитол» решили «окучить» соседние с США территории, в частности Латинскую Америку (Чили, Аргентину, Бразилию, Перу). Как итог в **1960 году** свет увидели еще четыре «сорокапятки» Дина Рида, две из которых были предназначены для родного слушателя – американцев, а две другие – для соседей. На пластинках для соотечественников звучали следующие песни: на первой – «Don’t let her go», «No wonder», на второй – «Hummingbird», «Pistolero». Для «соседей» Дин напел свои прежние вещи на испанском языке. Это были: на

первой пластинке – «Nuestro amor veraniego» («Our sommer romance»), «No te tengo» («I ain't got you»), на второй – «No la dejes irse» («Don't let her go»), «No te extranes» («No wonder»).

Прошло всего лишь несколько недель с момента, когда синглы Дина оказались в Латинской Америке, как вдруг случилась сенсация: в «Кэпитол» пришла информация, что пластинки пользуются там большим успехом. Дело дошло до того, что во многих магазинах их спрашивали гораздо чаще, чем пластинки Фрэнка Синатры и Элвиса Пресли, несмотря на то, что именно в те дни оба этих выдающихся певца объединили свои усилия: в **мае 1960** года Синатра и Пресли спели дуэтом в телепрограмме Синатры, причем Пресли впервые нарядился в смокинг, представ перед телезрителями уже не как бунтарь с всклокоченными волосами, а вполне респектабельным исполнителем поп-музыки. Успех пластинок Дина Рида был малопрогнозируем, но он состоялся. И теперь требовалось развить его и поиметь с этого максимальную прибыль. В итоге боссы «Кэпитол» взялись срочно организовывать турне Дина по Латинской Америке. Оно должно было состояться в начале **1961 года**. Но прежде чем отправиться в это турне, Дин принял участие в другом важном мероприятии – выборах 35-го президента США.

Как мы помним, в 50-е годы Америкой правил бравый генерал Дуайт Эйзенхауэр (он пребывал в Белом доме два срока). Когда он в первый раз избирался на пост президента, нашему герою было 14 лет и политика его мало интересовала. Но по мере взросления отношение Дина к тому, что происходило в его стране, стало меняться. Несмотря на то что Эйзенхауэр нравился его отцу, сам Дин был невысокого мнения о генерале. Он еще со времен своего короткого пребывания в кадетской школе понял, что военные – не те люди, которые могут ему импонировать, и что лучше всего держаться от них подальше. Поэтому к президенту-генералу Дин относился без особого пиетета, впрочем, как и большинство его соотечественников, которые оказались разочарованными политикой Эйзенхауэра во время второго срока его правления. На рубеже десятилетий Америке хотелось другого президента, и она с нетерпением ждала новых выборов. И вот это время настало.

Главными кандидатами на пост президента стали выдвиженец республиканцев (к этой партии принадлежал и Эйзенхауэр) Ричард Никсон и демократ Джон Кеннеди. Симпатии Дина целиком были отданы последнему: тот нравился ему и чисто внешне, и по взглядам, наконец, он был на четыре года моложе своего оппонента. Впрочем, Дин здесь был не

исключением – практически вся молодая Америка симпатизировала Кеннеди. А вот учитель нашего героя Патон Прайс был более сдержан в своих чувствах. Будучи пацифистом, он даже в Кеннеди видел продолжателя милитаристских настроений. А когда Дин попытался было с ним поспорить на эту тему, аргументированно ему доказал свою правоту.

– Когда в Белом доме демократы – жди войны, – заявил Прайс. – Если ты хорошо знаешь историю, Дин, то и сам в этом легко убедишься. Вспомни, при ком мы овладели Средним и Крайним Западом, купили Луизиану, провозгласили доктрину Монро, аннексировали Техас? Именно демократы заняли Юго-Восток и Калифорнию. При Рузвельте мы участвовали в войне против фашизма, и хотя эта война справедливая, однако факт есть факт: мы опять воевали. Что касается Трумэна, то его деяния ты и сам хорошо помнишь: холодная война и война в Корее. Так что я не удивлюсь, если и Кеннеди захочет провести какую-нибудь пусть маленькую, но победоносную войну.

Дину нечем было возразить своему учителю, хотя на его тогдашнее отношение к Кеннеди этот спор не повлиял. Ему тогда казалось, что у этого человека все-таки хватит ума не следовать традициям своих предшественников. Впрочем, так думали многие американцы.

Между тем в предвыборной гонке оба кандидата долгое время шли, что называется, ноздря в ноздрю, пока наконец в **сентябре-октябре 1960 года** не состоялись их телевизионные дебаты. Именно они и выявили победителя – Джона Кеннеди (49 % избирателей впоследствии признали, что именно дебаты на ТВ оказали определенное или решающее влияние на их решение, за кого голосовать). Ситуацию пытался спасти Эйзенхауэр, который за неделю до выборов выступил в ряде крупнейших городов востока страны и призвал голосовать за Никсона: дескать, только он может спасти мир и предотвратить инфляцию. Кеннеди генерал назвал «молодым гением», но отметил, что ему недостает качеств, необходимых для президента Соединенных Штатов. Но это выступление не смогло изменить ситуацию: Кеннеди победил, хотя и не разгромно – он получил 34,2 миллиона голосов, всего на 113 тысяч голосов, или на одну десятую процента голосов, больше, чем Никсон (такого незначительного разрыва в голосах американская история не знала с 1880 года).

Инаугурация нового президента состоялась **20 января 1961 года**. Как и большинство американцев, Дин наблюдал ее по телевизору. А спустя полтора месяца – в самом начале марта – Дин отправился на свои первые зарубежные гастроли, в Чили.

Здесь следует совершить небольшой экскурс в историю.

Чили была страной, которой в стратегических планах США отводилось особое место. Причем отводилось достаточно давно – с конца Первой мировой войны, когда американцы сумели значительно оттеснить в Чили англичан (зато позиции Англии оставались сильными в соседних Аргентине, Бразилии и Уругвае). В итоге на протяжении последующих сорока лет Чили являлись активным союзником США, особенно в экономике: на долю американских компаний приходилось 80 % добычи меди – ведущей отрасли чилийской экономики, 90 % добычи йода и селитры, 60 % – железной руды. Однако после того, как в 1959 году на Кубе произошла революция, в Латинской Америке начались необратимые процессы, которые придали новый импульс тем силам, которые были заинтересованы в том, чтобы в их странах гегемония США прекратилась. И Чили здесь не были исключением.

Американцы прекрасно это понимали, боялись этого и поэтому делали все возможное, чтобы не дать вытеснить себя. Вот почему с начала президентства Джона Кеннеди (**осени 1960 года**) американизация Чили сначала проходила с удвоенной энергией. Например, если взять соседнюю Аргентину, то там этот процесс проходил с большей натугой, поскольку этому противились сами власти страны. Взять ту же культуру. Так, президент Перон издал специальный указ, обязывающий местные радиостанции отводить минимум 50 % эфирного времени музыкальным передачам, где должны звучать произведения аргентинских композиторов или фольклорная музыка. В Чили все было иначе. Поскольку подобных законов там не было, то бóльшую часть своего эфира тамошние диджеи отдавали американской музыке, а родной чилийской – меньшую часть. Как итог: под влиянием моды многие популярные чилийские певцы вынуждены были взять себе американские псевдонимы, поскольку только это могло обратить на них внимание публики. Поэтому певец Патрисио Энрикес стал Пэтом Генри, а братья Карраско – «близнецами Карр». Как писали в те дни чилийские газеты, заезжим звездам из США достаточно было быть белокурыми и выглядеть настоящими янки, и мгновенный успех у чилийцев им был обеспечен. Дин Рид хоть и не был белокур, но во всем остальном был типичным янки: он был молод, высок, красив и пел на чистом английском душещипательные песни про любовь.

Когда Дину сообщили об успехе его пластинок в Латинской Америке и предложили совершить турне по ней, он хоть и согласился, но в душе сомневался – ему казалось, что этот успех может быть случайным. Публику ведь не поймешь: сначала она с

удовольствием раскупает твои пластинки, а едва на горизонте появляется новая звезда, тут же про тебя забывает. Но Дин зря сомневался, его визит (как и визиты других американских звезд эстрады) занимал в планах политиков большое место, и денег на его рекламную раскрутку не жалели. Это турне должно было показать: в США – все самое лучшее, и этим лучшим американцы не скупятся делиться со своими соседями.

Уже первые же часы пребывания Дина в Чили заставили его приятно удивиться. В аэропорту города Сантьяго ему был оказан такой прием, какой никогда не был оказан у него на родине. Его встречали как VIP-персону не только носильщики, но и работники таможни и чиновники службы паспортного контроля. А когда Дин вышел на улицу, там его встретила… многотысячная восторженная толпа, в основном состоявшая из девушек. Толпу с трудом сдерживал кордон из полицейских, которые, взявшись за руки, образовали живую цепь. Девушки визжали, размахивали над головой огромными постерами с изображением Дина и кричали: «I love you, Dean!» Тут же сновали репортеры различных изданий и телевизионщики, которые вели прямую трансляцию этого визита. Но это еще не все. Едва автомобиль с Дином покинул аэропорт и въехал в город, как такие же толпы восторженных людей высыпали на тротуары, а другие свесились с балконов своих домов. Короче, такого феерического приема Дин еще ни разу не встречал. А ведь перед самым приездом сюда, в офисе «Кэпитол», когда ему сообщили, что успех его песен в Чили превзошел успех хитов Пресли и Синатры, он искренне посмеялся над человеком, сообщившим ему это, сочтя его слова неуместной шуткой. И вот теперь Дин воочию убедился, насколько тот человек был прав.

Лимузин мчался по улицам чилийской столицы к центру города, к гостинице, а Дин смотрел из окна на людей и не переставал удивляться. Он никак не мог взять в толк, за что его так любят. Неужели за те две-три песни, которые незадолго до этого стали продаваться в здешних магазинах? А за что эти же люди любят тех же Пресли и Синатру? Все за то же – за песни. А еще за тот образ, который сами же люди придумывают в своем воображении. Людям нужны кумиры, они сами их выдумывают, сами возводят их на пьедестал, сами им поклоняются, а потом сами же их оттуда и свергают. И так вышло, что год назад таким кумиром здесь был Пресли, а теперь люди избрали другого – Дина Рида.

Между тем чудеса продолжаются. Гостиница, которую выделили Дину – лучшая в городе. Она расположена прямо напротив президентского дворца Ла Монеда. Лимузин въезжает

на площадь перед дворцом… и Дин видит такую же тысячную толпу, как и в аэропорту. Завидев автомобиль, люди бросаются к нему, сметая полицейский кордон и рискуя оказаться под колесами лимузина. Дин закрывает свое окно, поскольку десятки рук лезут к нему в салон и готовы буквально разорвать его на части. Так длится несколько минут, пока наконец полицейским не удается оттеснить людей (это опять в основном девушки) от автомобиля и создать живой коридор перед входом в гостиницу. Дин стремительно открывает дверцу авто и чуть ли не бегом направляется внутрь здания. За ним следом семенит его импресарио, который подталкивает его в спину каждый раз, когда Дин хочет остановиться и пожать чью-то тянущуюся к нему руку.

В номере гостиницы Дин обессиленно падает на широкую кровать. А импресарио выходит на балкон и спустя какое-то время зовет к себе Дина: «Ты должен выйти к народу, иначе они тебе этого не простят». Дин вынужден подчиниться. За те несколько лет, что он варится в котле шоу-бизнеса, он прекрасно уяснил, что лучше следовать законам этого бизнеса, чем их игнорировать. Он выходит на балкон, и многотысячная толпа тут же взрывается визгом и громом аплодисментов. Дин машет ей рукой и улыбается. Он знает, что завтра эти кадры украсят все центральные газеты.

На следующее утро Дину предстояла первая запись на студии грамзаписи. Как выяснилось, студия расположена всего лишь в нескольких кварталах и добираться до нее на автомобиле всего-то ничего – пять минут. Однако этот путь растянулся на полчаса, поскольку вчерашняя история повторилась – толпы восторженных жителей Сантьяго обступили лимузин, и тому с трудом удавалось пробивать себе дорогу. После этого случая Дин сообщил своему импресарио, что он отказывается от услуг водителя и будет добираться до студии пешком – так быстрее. «Быстрее? – удивился импресарио. – Да тебя разорвут на части эти ополоумевшие девицы!» «А вот это уже твои проблемы: как сделать так, чтобы я добрался до студии в целости и сохранности», – ответил Дин.

Импресарио эту проблему решил. Он обратился за помощью к руководству студии, которое, в свою очередь, дало знать об этом в полицию. И на следующий день Дин действительно добирался до студии пешком, но в плотном кольце стражей порядка. Их было так много, что Дин даже сбился со счета. Он потом уточнил у импресарио их число и, когда тот назвал его, даже присвистнул: полицейских было 58 человек. У самого Элвиса Пресли их было всего на десять больше, когда он приезжал с гастролями в Канаду. Впрочем, Дина это уже не удивляет. В тех же чилийских

газетах, начиная от солидной «Эль Меркурио» и заканчивая утренней «Кларин», его имя ставится в один ряд с именами того же Пресли, Пола Анки, Рэя Чарльза, Фрэнка Синатры и молодой британской звезды Клиффа Ричарда.

В Чили Дин пробыл почти две недели и практически все это время посвятил работе. Утром он обычно записывался на студии, днем репетировал или выступал на радио, а вечером давал концерт. На последних были сплошь одни аншлаги. Лишние билеты спрашивали за километр от концертного зала, и достать их удавалось единицам, поскольку желающих остаться дома в такой вечер практически не было. Дин отрабатывал каждый концерт на полную катушку, варьируя репертуар в угоду публике: чередовал лирические баллады с забойными рок-н-роллами. Где-то в середине гастролей у него выдался выходной день, однако использовать его так, как ему хотелось – спокойно погулять по городу и полюбоваться его красотами, – Дин так и не сумел: импресарио отговорил его делать это, предрекая неминуемое столпотворение. И почти весь день Дин провел в гостинице, часть дня посвятив сну, а вторую – просмотру телевизора и чтению газет. Одна из заметок его поразила больше всего. В ней сообщалось, что на днях чилийские рабочие избили его земляка, американца, управляющего филиалом одной американской компании. При этом они кричали американцу: «Янки, убирайся домой!» Дин был поражен таким отношением к своему земляку: «Я ведь тоже американец, но мне никто здесь не кричит: „Янки, убирайся!“ В чем дело?» Он обратился за ответом к своему импресарио, который был намного старше его, но тот только похлопал Дина по плечу и многозначительно изрек: «Не забивай себе голову всякой чепухой. Это политика, Дин, а с ней нашему брату лучше не связываться».

Нельзя сказать, что Дин был наивен в вопросах политики. Все-таки дружба с Патоном Прайсом на многое открыла ему глаза. Однако время серьезных размышлений на этот счет для Дина еще не наступило. Поэтому в те годы Дин был типичным среднестатистическим американцем, слепо любившим свою страну и не задумывавшимся о том, почему другие народы эту страну активно не любят. И первый серьезный всплеск размышлений на эту тему произошел в его сознании именно в Чили. Однако этот всплеск тогда длился недолго – гастрольная круговерть уже на следующий день вновь закрутила Дина.

Между тем в последний день пребывания Дина в Чили он был приглашен на раут. Его давал в американском посольстве посол США в Чили Коул. Посещение подобных светских вечеринок было обязательным для Дина, поскольку на них всегда можно было

завести полезные знакомства не только с представителями шоу-бизнеса, но и с политиками, бизнесменами и прочими людьми из разряда нужных. Не стал исключением и этот раут: в тот вечер в посольское здание на улице Агустинас, что в 100 метрах от президентского дворца Ла Монеда, съехалось порядка пяти десятков человек, представляющих если не весь цвет, то половину точно истеблишмента Сантьяго. Естественно, никого из них Дин не знал, зато они все его знали, и чуть ли не каждый из них считал за честь подойти к нему и выразить свое восхищение его талантом. Впрочем, Дин не был до конца уверен, что все они были искренни в своих комплиментах: лица некоторых из них источали улыбки, но вот глаза оставались холодными. Хотя были и приятные встречи. Одна из них произошла в самом начале раута, когда к Дину подошла пожилая супружеская чета: усатый мужчина в строгом костюме и миловидная женщина в длинном блестящем платье. Дин мучительно вспоминал, где видел этих людей, но где их встречал, так вспомнить и не смог.

Мужчина протянул Дину руку для приветствия и представился:

– Сальвадор Гонсалес Альенде, а это моя супруга Ортенсия Бусси де Альенде.

Дин пожал руку мужчине, тут же вспомнив, где слышал его имя: в одной из чилийских газет он читал статью про деятельность Альенде на посту министра здравоохранения в конце 40-х годов, когда тот создал в Чили первый страховой фонд для рабочих. Альенде был одним из создателей социалистической партии в Чили и являлся весьма влиятельным сенатором. Знакомство с ним, как выражался импресарио Дина, было из разряда «нужных».

– Мы были на вашем последнем концерте, мистер Рид, и получили массу удовольствия, – произнес Альенде.

Вот тут Дин наконец вспомнил, где он видел этих людей, – на своем концерте в Сантьяго. Чета восседала в первых рядах, однако за кулисы к нему так и не пришла. И вот теперь, видимо, решила познакомиться поближе.

– Мне очень приятно, сеньор Альенде, что мое творчество вам небезразлично, – улыбнулся Дин.

– Да, концерт нам понравился, хотя у меня лично есть и претензии. – По лицу Альенде пробежала лукавая улыбка.

Дин напрягся, поскольку претензий ему в этот вечер еще никто не высказывал. А его собеседник тем временем продолжил:

– Вам следует больше петь чилийских песен, мистер Рид. У нас ведь очень богатая музыкальная культура.

– Я постараюсь учесть ваше замечание, сеньор Альенде, –

ответил Дин.

В этот миг в разговор вмешалась жена Альенде, которая положила свою ладонь на запястье Дина и сказала:

– Мой муж в пору своей учебы в медицинском институте сам увлекался пением и с тех пор очень любит фольклорную музыку. Я же к ней равнодушна и предпочитаю традиционную эстраду. Так что мое мнение: ваш репертуар, мистер Рид, вполне изыскан.

Дин в благодарность за эти слова поцеловал собеседнице руку. На этом их короткая встреча закончилась.

Между тем раут продолжался. Всю его официальную часть Дин простоял со своим импресарио в глубине зала, потягивая прекрасное божоле из глубокого бокала. В отличие от Дина, который место своей дислокации не менял, импресарио периодически куда-то убегал, потом снова возвращался и рассказывал Дину о том, с кем ему посчастливилось познакомиться. В один из таких моментов, когда импресарио в очередной раз испарился, к Дину подошел элегантный господин в смокинге и на чистом английском, правда, с небольшим акцентом, сказал:

– Я думал, что уроженцы Колорадо предпочитают божоле виски.

– Видимо, я не типичный колорадец, – улыбнулся Дин.

– В таком случае я не типичный немец: пиву я предпочитаю армянский коньяк.

Дин оценил шутку и в знак этого поднял руку с бокалом. После чего незнакомец представился:

– Генрих Вайс из Мюнхена. Большой поклонник вашего таланта, мистер Рид. Еще большим поклонником ваших песен является моя супруга, но она, увы, сегодня здесь не присутствует – лежит с температурой дома.

– Передайте ей от меня большой привет, – улыбнулся Дин.

– Мне кажется, что привет – не самый лучший подарок. Было бы лучше, если бы вы черкнули ей свой автограф.

– С удовольствием. – Дин достал из кармана перьевую ручку и размашисто расписался на чистом листе блокнота, который ему протянул его визави.

В это мгновение к Дину вернулся импресарио, и Генрих Вайс, любезно раскланявшись, удалился.

– Кто этот человек? – поинтересовался у Дина импресарио.

– Немец Генрих Вайс. Это все, что мне удалось о нем узнать.

– Ничего, это поправимо, – ответил импресарио и подозвал к себе второго посла, чтобы выяснить у него подробности биографии немца. Но посол ограничился только краткими сведениями, сообщив, что Генрих Вайс – представитель

профсоюзного Фонда Фридриха Эберта в Чили. Этот фонд в ближайшем будущем собирается открывать свою миссию в Сантьяго, и Вайс направлен сюда, чтобы прозондировать почву.

– Я думаю, этот человек нам не очень пригодится, – потягивая виски, произнес импресарио. – Хотя кто знает, кто знает…

Тем временем гастроли Дина продолжаются. После Чили он отправился в Бразилию, затем побывал в Перу и Аргентине. И в этих странах его принимали не менее восторженно, чем в Чили. Опять толпы восторженных поклонниц не давали ему прохода, перекрывая все пути к гостинице и концертным залам.

В Бразилии Дин выступал в нескольких городах, в том числе и в новой столице страны городе Бразилиа. Строительство этого города началось в 1957 году, а его торжественное открытие состоялось всего год назад – в **апреле 60-го**. С этого момента Рио-де-Жанейро утратил свой статус столицы, которой был с 1763 года, еще с колониальных времен. Новая столица Дину понравилась – это был вполне современный город, построенный на берегу живописного водохранилища. И вообще эта самая крупная страна Латинской Америки его здорово впечатлила. Во время своей недолгой учебы в Колорадском университете с ним учился один бразилец, Лусио, который всегда с восторгом отзывался о своей родине и говорил, что лучшего места на земле не существует. На что Дин отвечал: «Лучшее место на земле – это город Денвер». После этого они чуть ли не до хрипоты спорили с Лусио: тот вспоминал про ландшафты своей страны, Дин – про леса вокруг Денвера. Победителей в этих спорах никогда не было, да и не могло быть, ибо каждая местность на земле хороша по-своему. И вот теперь, попав в Бразилию, Дин должен был согласиться, что во многом, расхваливая свою страну, Лусио был прав. А еще он купил себе красочный буклет, из которого узнал, что эта страна, раскинувшаяся на территории в 8,5 миллиона квадратных километров, богата золотом, ураном, бокситами, железом и занимает седьмое место в капиталистическом мире по валовому национальному продукту.

Однако по мере пребывания в Бразилии впечатления от этой страны у Дина начали меняться. Нет, они не становились хуже, но кое-какие сомнения насчет этого «райского уголка» в его душу закрадывались. Например, в одной из газет он вычитал, что нынешний президент страны Куадрос поддерживает Кубу. Ту самую Кубу, которая официально признана США врагом № 1 и которую большинство стран региона бойкотируют. Дальше – больше. Однажды, во время одной из репетиций, Дин познакомился с двумя музыкантами из местного оркестра, которые оказались уроженцами северо-восточной области

Бразилии. По их словам, это были самые неблагополучные районы Бразилии. Собственно, эти двое музыкантов и уехали оттуда, потому что найти приличную работу там невозможно. Средняя продолжительность жизни там всего 50 лет, безработица составляет почти 30 процентов, столько же и безграмотных. Плюс два миллиона беспризорных детей. Дин был потрясен этими сведениями. Он тогда еще подумал про себя: «Знай я об этом три года назад, я бы нашел способ обуздать этого хвастуна Лусио».

После Бразилии гастрольный маршрут Дина пролегал в Перу и Аргентину. В столице последней, в Буэнос-Айресе, Дин улучил момент и отправился осматривать город в одиночку. Своего импресарио он решил не брать, поскольку тот ему уже изрядно надоел, плюс к тому же у того на уме были сплошь одни женщины. Дин и сам был отнюдь не монахом, однако, когда об этом говорят сутки напролет, надоест любому.

Дин поймал такси и попросил водителя, пожилого мужчину по имени Алехандро, который достаточно сносно объяснялся по-английски, устроить ему экскурсию по городу. Тот, узнав, что везет американца, да еще артиста (к удивлению Дина, его фамилии таксист не знал, поскольку музыкой вообще не интересовался), с удовольствием согласился показать гостю красоты своего города. Они катались больше часа, и за это время таксист не только показал ему многие здешние достопримечательности, но и рассказал о них. Так, Дин узнал, что испанские конкистадоры явно ошиблись с выбором места строительства города, поставив его слишком далеко от реки. Да и сам берег оставлял желать лучшего – сплошное мелководье. Поэтому долгое время пассажиры, прибывавшие в город на судах, вынуждены были добираться до берега сначала на баркасах, а потом пересаживаться в кареты с огромными колесами и ехать по мелководью. И только потом, со строительством канала, эта проблема была решена.

Среди достопримечательностей, которые поразили воображение Дина, оказались Розовый дворец президента, здание Национального конгресса, улица 9 июля, шире которой Дин никогда еще не видел – почти 150 метров в ширину! – и 72-метровая колонна-пирамида, воздвигнутая посреди улицы 9 июля. Хотя насчет последней таксист был иного мнения:

– Это позор нашего города!

– Почему? – удивился Дин.

– А вы что, сами не видите: нелепая пирамида посреди самой величественной улицы в мире. Ведь наш город называют «Парижем Южной Америки», но французский Париж украшает Эйфелева башня, а у нас – вот эта уродина.

Дину сравнение с Парижем понравилось, и он подумал: «Если мне когда-нибудь придется выбирать новое место жительства, я, пожалуй, выбрал бы этот „Париж“. Он еще не знает, что до осуществления этой мечты осталось совсем немного времени.

Когда они объехали весь центр города и прилегающие к нему окрестности, Дин внезапно спросил: «А бедные кварталы в вашем „Париже“ есть?» При этом от него не укрылось то, как округлились глаза таксиста в зеркале заднего обзора. После секундной паузы Алехандро ответил:

– Вы первый иностранец, который просит меня отвезти его в наши трущобы. У нас есть поселок нищеты Вилья Мисериа, но я вас туда не повезу – не хочу вам портить настроение. А вот самый достойный бедняцкий район покажу, благо ехать туда не так далеко.

Бедный квартал Буэнос-Айреса назывался Ла-Бока. Он размещался на южной окраине города на берегу реки Риочуэло. Когда они приехали туда, Дин понял смысл тех слов, которые произнес Алехандро, когда согласился привезти его сюда. Ла-Бока действительно выглядел бедно – убогие двухэтажные дома из досок, сверху обшитые рифленым железом. Но поскольку все эти дома были выкрашены в разные цвета, создавалось впечатление, что квартал выглядит как мозаичная картинка.

– Кто же додумался покрасить дома? – спросил у своего собеседника Дин.

– Как кто – сами же обитатели. Ведь здесь в основном живут моряки и корабелы. Они красили свои суденышки, а остатки краски пускали на свои дома. А кто это сделал первый, теперь уже не узнаешь.

На родину Дин вернулся буквально переполненный впечатлениями. Тот прием, который ему устроили во всех посещаемых им странах, окрылил его настолько, что он решил всерьез заняться изучением испанского языка. Уже тогда ему казалось, что именно с этим континентом будет связано его ближайшее будущее. С другой стороны, Дин впервые осознал, что мир – это не только его родные Штаты, которые он до этого считал чуть ли не пупом Земли. Есть и другие страны, где жизнь не менее интересна и разнообразна и где люди не всегда хорошо относятся к его родине. Как будет вспоминать позднее сам Дин:

«Я впервые увидел, в каких унизительных условиях вынуждены жить люди. Я хорошо помню, как во время поездки по побережью наш автомобиль некоторое время ехал мимо бесконечного ряда жалких хибарок, так называемых сламов. В этих районах царила ужасающая нищета. По песку бродили дети, босые, в лохмотьях, с раздувшимися животами – безошибочным

признаком плохого питания. Раньше мне были знакомы эти картины разве что из фоторепортажей об Африке. А теперь я увидел это буквально под боком у своей родины. Старики, такие же оборванные, как и дети, с безучастным видом сидели на корточках. Дети играли в автомобиль: они собирали его из ржавых консервных банок и досок от ящиков, которые были обвязаны шпагатом.

И все это в каких-нибудь двух-трех километрах от нарядных центральных улиц. Но тут-то я вспомнил, что и на этих улицах уже видел плохо одетых людей с угрюмыми лицами, с безрадостными взглядами. Это были чистильщики обуви, продавцы лотерейных билетов, уличные торговцы. Под сияющей неоновой рекламой жевательной резинки «Ригли» какой-то бедолага продавал по одной пачечке резинки. Что он мог заработать на этом? Горсть медных монет. А в сейфы концерна текли миллионы: «Ригли» – марка, известная во всем мире…»

Тем временем в **декабре** случилось невероятное: песня Дина Рида «Наш летний романс» вышла на 1-е место в латиноамериканском хит-параде. Когда Дин узнал об этом, он был на седьмом небе от счастья. Не меньшую радость испытывали и в «Кэпитол», хотя подобный итог там прогнозировался: слишком внушительные силы и средства были брошены на раскрутку певца. Правда, средства средствами, но и талант самого Дина Рида со счетов сбрасывать было нельзя: будь он «пустышкой», ему вряд ли помогли бы и многотысячные долларовые вливания.

Между тем на волне этого успеха Дин внезапно решает отправиться… в джунгли Амазонки. Это решение пришло к нему спонтанно. Он давал концерты в бразильском городе Сан-Паулу, в «Рекорд-театре», после чего у него появилось «окно» в две недели. Это время он решил провести в городке Текивас – весьма экзотическом местечке. Город насчитывал всего лишь 200 тысяч жителей, но имел одну особенность – многие его общественные учреждения и увеселительные заведения стояли… на воде. Объяснялся сей факт весьма просто: налоги в городе взимались только с земельных участков.

Дин поселился в лучшей гостинице городка, где случайно познакомился с тремя своими земляками-американцами: Джоном, Диком и Биллом. Это были документалисты, которые снимали для телекомпании NBC и Музея Нью-Йорка фильм о своих путешествиях по Амазонии. В Текивас они прибыли проездом, чтобы затем отправиться в самую глушь джунглей для встречи с племенем, живущим вдали от цивилизации. Когда Дин узнал об этом, ему жуть как захотелось отправиться вместе с земляками и

воочию увидеть, как живут люди, которые даже не знают, что такое телефон или телевизор. К тому же это было в духе Дина: разного рода приключения он не просто любил, он их обожал. Чуть позже он узнает, что у его напарников была еще одна цель, меркантильная: они хотели исследовать те места на предмет нахождения там «желтого дьявола» – золота. Со времен испанского конкистадора Франциско Орельяна (он прошел Амазонку в 1541–1542 годах) сотни авантюристов искали здесь золото, однако мало кто из них разбогател, поскольку все их находки измерялись даже не килограммами, а граммами. Но, несмотря на это, легенда об Эльдорадо продолжала кружить головы следующим поколениям золотоискателей, в число которых попали и напарники Дина.

Бразильская Амазония занимает порядка 5 миллионов квадратных километров, причем на большую часть этого пространства нога человека еще не ступала. Ни в одном другом месте планеты нет такого обилия и разнообразия жизни, как в Амазонии: 2500 видов рыб, 50 тысяч видов растений. Во времена Франциско Орельяна здесь проживало 3 миллиона индейцев, но за 400 лет активного вмешательства в их жизнь белого человека коренного населения осталось всего 160 тысяч. И теперь индейцев можно было разделить на три категории – тех, кто прозябает в нищете в полуразрушенных фавелах (деревнях), тех, кто живет в городе, и тех, кто сумел сохранить свою самобытность и остался жить в сельве. Последних, естественно, меньшинство, но они еще остались. Из этого меньшинства самыми самобытными являются яномани – они до сих пор ходят в набедренных повязках, воюют с помощью луков, практикуют людоедство. Именно к одному из таких племен, живущих глубоко в сельве, и отправились путешественники.

На гидросамолете ВВС Бразилии они добрались до миссии Тапурагуара, что на Черной реке, где обитало 240 индейских семей. Однако путешественников интересовал только один человек – бразилец Антонио Гоис, который много лет жил с индейцами и вызвался быть проводником в джунглях. Когда Дин увидел этого человека, он был поражен: то был рослый мужчина с длиннющей бородой (как выяснилось, он не брил ее вот уже 12 лет!). К их приезду Антонио уже приготовил три каноэ, и на них они отправились в путешествие. Плыли в течение пяти дней по реке Маравиа. Тяжелее всех в этом походе приходилось Дину, который раньше ни в чем подобном не участвовал. Он был сугубо городской житель и до этого видел Амазонию разве что по телевизору. А теперь ему приходилось плыть по реке в каноэ на жутком солнцепеке, спасаться от крокодилов и большущих змей,

нести тяжелую поклажу. На ночь путешественники устраивались спать в гамаках, подвешенных на деревьях, что для Дина было настоящей пыткой. Он никогда не спал в подобных условиях и к утру был единственным, кто вставал разбитым бессонницей.

На пятый день пути путешественники наконец увидели первых индейцев: это была семья, плывущая на каноэ. Все были полностью обнажены, что для Дина было диковинкой – он-то думал, что местные индейцы носят хотя бы набедренные повязки. Эта семья проводила их до деревни. Но это был еще не конечный пункт путешествия – от этой деревни надо было шагать еще несколько дней по сельве до нужного племени. Однако это путешествие проходило уже без Антонио, который подхватил тропическую малярию и вынужден был остаться в деревне. Поэтому в качестве проводников с путешественниками отправились одиннадцать индейцев из деревни.

Первые впечатления Дина от сельвы были не из приятных. В сельве есть места, куда солнце никогда не проникает и где стоит «вечная ночь». Идти по этим местам можно только с фонарями, но невыносимо не это, а та удушающая жара, которая наваливается на тебя со всех сторон. Сами индейцы называют эти места «зеленым адом», что вполне соответствует действительности. Однако и в более светлых местах не лучше. Там нет удушающей жары, но опасности подстерегают буквально на каждом шагу. Например, в виде змей, которые прячутся под листьями, или ягуаров, которые подкрадываются так тихо, что и не услышишь. А еще у здешних индейцев существует легенда, что в сельве обитает гигантская змея, в желудке которой может уместиться целый человек. И хотя ее еще никто не видел, однако в ее реальность верят даже белые – сама сельва к этому располагает. Дину тоже рассказали про эту змею накануне путешествия, что, естественно, не прибавило ему оптимизма. Поэтому по сельве он шел как по минному полю, шарахаясь буквально от каждого звука. А однажды даже присел, как от разрыва снаряда, когда услышал где-то в стороне оглушительный рев, от которого задрожали листья на деревьях.

– Кто это? – только и успел он спросить у одного из компаньонов, Джона.

– Думаете, ягуар? Нет, всего лишь обезьяна, – ответил тот.

– Какая обезьяна?

– Не шимпанзе, конечно же, – гуариба-ревун.

На вторые сутки Дин освоился в сельве, и никакие ревуны ему уже были не страшны. Он видел, как хладнокровно ведут себя его компаньоны, и ему стало просто неудобно перед ними. Больше всего он боялся сравнений с изнеженными поп-звездами и

не хотел, чтобы в газетах его потом называли «маменькиным сынком». Поэтому все тяготы и невзгоды этого похода он делил с остальными поровну.

Путешественники шли налегке, прихватив с собой только по рюкзаку, где у них лежали личные вещи. Еще два рюкзака несли проводники – в них находились консервы и разные безделушки, которые они собирались раздать индейцам. А у Дина к тому же была с собой и гитара, которую он прихватил по настоянию боссов с «Кэпитол» – ему предстояло запечатлеться с ней на фото в окружении аборигенов. По задумке продюсеров, такие снимки должны были привлечь небывалый интерес к Дину после его возвращения на материк.

Между тем путешественники продвигались в глубь сельвы, и если они питались консервами, то проводники-индейцы предпочитали доставать пищу прямо здесь, в сельве. Например, на одной из встреченных ими речушек они устроили рыбалку и поймали двух здоровых рыбин – сурубин. Дин попробовал их мясо, и ему понравилось – ничего подобного он до этого еще не едал. Также ему пришлись по вкусу и огромные бананы, кои в родных Штатах весили несколько сот граммов, а здесь – больше килограмма. Короче, умереть с голоду в сельве мог разве что ленивый.

Поход длился почти двое суток, пока путешественники не вышли к селению того самого племени, которое искали. Когда они вошли в него, поглазеть на них выбежали практически все жители. Чтобы показать индейцам, что они пришли с миссией дружбы, один из путешественников, Джон, протянул вождю подарок – настоящий охотничий нож. Когда нож перекочевал в руки вождя, он пригласил их в свою хижину – деревянное строение с соломенной крышей. Кроме путешественников и вождя туда вошли еще несколько мужчин племени, а все остальные остались за порогом, горячо обсуждая между собой визит чужеземцев.

В хижине все расселись на полу, устланном все той же соломой, и путешественники, Джон и Дик, принялись объяснять индейцам цель своего визита. Поскольку язык тукано, на котором изъясняются большинство индейцев Амазонии, они знали сносно, помощь проводников не понадобилась. Пока шел разговор, Дин молча сидел рядом со своими компаньонами и внимательно разглядывал индейцев. До этого он видел только их североамериканских братьев, которые разительно отличались от амазонских – «северные» выглядели куда более эффектно в своих одеждах и с орлиными опереньями на головах. Их амазонские собратья ходили практически голыми и из одежды имели только

набедренную повязку – тангу.

Дин сидел ближе к углу хижины и когда перевел взгляд в этот угол, то заметил сквозь неплотно подогнанное дерево чумазую физиономию маленького индейца лет трех-четырех. Мальчишка сидел на корточках и буквально буравил его своими глазами-бусинками. В этот миг Дин внезапно вспомнил, что в кармане его ковбойки лежит початая пачка жвачки. Осторожно, чтобы не привлечь к себе внимания сидящих напротив него взрослых индейцев, Дин достал эту пачку, вытащил из нее одну пластинку и украдкой протянул мальчишке. И тут же пожалел об этом. Едва экзотический предмет оказался в его руках, как мальчуган тут же запихнул ее себе в рот… прямо с оберткой. И пока он интенсивно двигал своими маленькими челюстями, Дин с ужасом смотрел на него и мечтал только об одном – чтобы с пацаном ничего не случилось. Как ни странно, все обошлось. Более того, мальчишка протянул руку за новой порцией чуингама. Но Дин счел за благо отказать парнишке и демонстративно спрятал пачку обратно в карман.

После беседы, которая продолжалась около получаса, вождь распорядился, чтобы гостям принесли поесть. Вскоре в хижину внесли два огромных блюда, на которых дымилось мясо. Запах от него исходил ароматный, но Дин есть не хотел – за пару часов до этого он высосал целую банку сгущенки. Однако сидевший рядом с ним Джон его предупредил:

– Отказываться нельзя – обидятся.

И Дин покорно съел достаточно большой кусок. И ему понравилось – мясо было мягкое и без жира. После чего он поинтересовался у Джона, что это за деликатес.

– Это дикая свинья – кейшада, – последовал короткий ответ.

«Слава богу, что не человечина», – подумал про себя Дин, достаточно наслышанный о нравах, царящих в сельве среди здешних племен.

Так началась жизнь путешественников в индейском племени. В отличие от компаньонов Дина, которые практически ежедневно уходили с индейцами в сельву (истинную цель своей миссии – поиски золота – они Дину не открывали), наш герой весь день проводил в деревне, в основном со стариками, женщинами и детьми. Особенно к нему привязался тот мальчишка, которого Дин угостил жвачкой. Парнишку звали Уге, и первое, что сделал Дин, – научил его употреблять чуингам без обертки. После чего отщелкал на фотоаппарате целую пленку, запечатлев на нее не только Уге, но и остальных обитателей деревни. Правда, вождь племени и шаман сниматься категорически отказались, объяснив Дину через Джона, что фотографироваться боятся: они считали,

что чужеземец таким образом крадет у них души. Но Джон посоветовал Дину предложить обоим за снимки по куску пахучего земляничного мыла, и, когда тот это сделал, вождь и шаман разрешили себя сфотографировать.

Кроме этого Дин провел и собственную фотосессию для «Кэпитол». Он упросил того же Джона взять фотоаппарат и запечатлеть его с гитарой в кругу индейцев. Кадры получились впечатляющие: Дин поет индейцам, а те, обступив его полукругом, внимательно слушают.

Наблюдая со стороны за индейцами, Дин не переставал удивляться их житью-бытью. Им не нужна была никакая цивилизация с ее прогрессом – они вели точно такую же жизнь, какую вели их предки сотни лет назад. Они так же охотились на диких зверей с помощью луков, так же воевали с соседними племенами, воровали жен у соседей и т. д. Все традиции и ритуалы, завещанные предками, соблюдались неукоснительно. Взять, к примеру, похороны. Умерших индейцы уносили подальше от деревни, заворачивали в плотные прутья и подвешивали на дерево. Через какое-то время, когда тело сгнивало до костей, эти останки приносились обратно в деревню и сжигались. Потом пепел смешивался с соком сахарного тростника, и этот напиток выпивался жителями деревни. Индейцы считали, что таким образом жизнь умершего возвращалась в их собственные тела.

Таким же древним был и ритуал рождения детей. Он проходил следующим образом. Незадолго перед схватками роженицы уходили в лес вместе со своими мужьями. Когда ребенок рождался, его приносили обратно в деревню в специальной корзинке, которую женщина вешала себе на спину. Если родители возвращались назад без ребенка, это означало, что роды прошли плохо – родился либо калека, либо больной младенец. Таких обычно родители (это делал отец) убивали и оставляли в лесу.

А однажды Дину и его компаньонам разрешили присутствовать при ссоре между двумя мужчинами деревни. Зрелище это оказалось не для слабонервных. Индеец, оскорбивший соплеменника, должен был стоять неподвижно, а его визави брал в руки увесистую палку и бил ею его по голове. Если после этого удара индеец не падал, палка переходила в его руки и удар наносил уже он. Так они и били друг друга, пока кто-то из них не валился на землю, обливаясь кровью. После этого проигравший лишался всего – не только жены, но и своего честного имени и всех положенных ему прав. Как заметил Дин, почти у всех мужчин племени головы были покрыты

многочисленными шрамами.

Прожив в племени около недели, путешественники наконец собрались в обратную дорогу. Честно говоря, Дин в отличие от своих компаньонов ждал этого момента с огромным нетерпением. Как бы ни были гостеприимны индейцы, однако жизнь вдали от цивилизации ему порядком надоела. Больше всего он мечтал о горячей ванне и… сексе. Впрочем, последний мог быть и здесь, в деревне, но Дин так и не сумел преодолеть свою брезгливость и сойтись в любовном экстазе с какой-нибудь молодой туземкой.

Провожать гостей в обратный путь высыпали все жители селения. Прикипевший к Дину всей душой Уге на прощание крепко обнял его и горячо зашептал ему на ухо на смеси английского и местного наречия: «Дин, я тебя люблю».

Между тем возвращение назад, в деревню, оказалось куда более опасным, чем предполагалось. Где-то на полпути они вышли к какому-то индейскому поселению, чтобы передохнуть. Там один из путешественников решил обменять кое-что из своих вещей на индейские безделушки и во время этого обмена умудрился нечаянно оскорбить жителя поселения. Вспыхнула потасовка, которая привела к тому, что путешественникам пришлось спасаться оттуда бегством. Однако обиженный индеец и часть его соплеменников бросились в погоню. К счастью, у путешественников были с собой ружья, иначе им пришлось бы туго, поскольку их проводники-индейцы, перепуганные не меньше их, в защитники явно не годились. Поскольку убивать своих преследователей никто из путешественников не хотел, их держали на почтительном расстоянии, стреляя из ружей в небо. Однако долго выдерживать такую осаду было невозможно: индейцы могли под покровом темноты подобраться к ним слишком близко и расстрелять стрелами с отравленными наконечниками. Поэтому был избран самый простой способ: путешественники бросились бежать и бежали без остановки несколько часов. Даже Дину, который был чемпионом по марафону, во время этого пробега приходилось несладко – все-таки бег по сельве нельзя было сравнить с бегом по шоссейной грунтовке.

Когда путешественники вернулись в деревню, там их встретил Антонио. Он выглядел обеспокоенным, поскольку все сроки, отведенные путешественникам для возвращения, уже вышли. Поэтому в миссию Тапурагуара даже прибыли пятеро солдат с офицером с целью разыскать путешественников. Но они, к счастью, вернулись сами.

Спустя несколько дней путешественники достигли материка, где их пути разошлись: Джон, Билл и Дик остались в Бразилии, а

Дин отправился в Буэнос-Айрес, где ему был уготован торжественный прием. По задумке боссов «Кэпитол» певец должен был вернуться триумфатором под вспышки фотоаппаратов и стрекот кинокамер. Поэтому, когда Дин спустился по трапу самолета на бетонную полосу столичного аэропорта Эссейса, там его встречала многотысячная толпа журналистов и поклонниц. Три десятка полицейских обступили Дина плотным кольцом, чтобы не дать толпе растерзать своего кумира. Вопросы сыпались на Дина со всех сторон: «Как вам жилось на Амазонке? Почему вы не подавали никаких признаков жизни? Вы не боялись дикарей-каннибалов?» Дин отвечал коротко, чтобы не рассказывать всего до пресс-конференции, которая должна была пройти в зале аэропорта. И когда она наконец началась, удовлетворил любопытство всех страждущих. Дин рассказал, что чувствовал себя в сельве Амазонки вполне комфортно, поскольку прием, который им уготовили индейцы, был по-настоящему теплый.

– Это очень дружелюбные люди, – сообщил Дин собравшимся. – Они живут в ладу с природой и, если вы не выказываете к ним враждебности, принимают вас как своих соплеменников. Я многое понял и переоценил в себе, находясь у них. Мы здесь постоянно находимся в погоне за чем-то: за деньгами, за славой, за положением в обществе. Там всего этого нет, поэтому жизнь в сельве мне показалась более разумной.

– Однако же вы предпочли вернуться из этого рая в наш безумный мир, – с нескрываемой насмешкой произнес один из журналистов с первого ряда.

– Увы, увы, увы, – развел руками Дин. – Я дитя этого мира и изменить себя столь радикально уже не смогу. Единственное, на что я способен: взглянуть на многие вещи другими глазами.

– Например? – раздался чей-то голос с заднего ряда.

– Например, только в девственных лесах Амазонки я не увидел плакатов с надписью: «Янки, убирайтесь домой!» Мы, американцы, в глазах тамошних индейцев обычные люди. Мы не навязывали им свой образ жизни и не стремились завлечь в лоно цивилизации.

Здесь Дин слукавил. Незадолго до конца путешествия он узнал истинную цель прихода в сельву своих компаньонов: они искали золото. К счастью индейцев, такового в их краях не оказалось. Иначе им было бы не избежать участи их североамериканских собратьев: их массовое истребление тоже началось с поисков «желтого дьявола». Однако рассказывать об этом на пресс-конференции Дин счел неуместным. Впрочем, его боссы и без того оказались недовольны его выступлением. Когда

Дин очутился в гостинице, к нему в номер пришел один из менеджеров «Кэпитол», который чуть ли не с порога заявил:

– Дин, какого черта ты полез в политику? При чем здесь плакаты про американцев? Твоя цель – реклама будущих пластинок. А своими экскурсами в политику ты просто распугаешь часть публики.

– Зато останется другая часть – наиболее умная, – ответил Дин.

– Дин, так бизнес не делается, – голос менеджера становился все более раздраженным. – Мы работаем в одной упряжке, поэтому изволь выполнять те обязательства, которые ты обещал исполнять. Мы же свои обязательства перед тобой выполняем.

– Чего вы конкретно от меня хотите?

– Чтобы ты помогал нам в рекламной кампании. Блюдо должно подаваться горячим, а холодным оно никому не нравится. Тебе что, трудно было рассказать пару-тройку ужасных историй про этих чертовых аборигенов? Например, как тебя в сельве едва не съели людоеды или как в тебя влюбились все тамошние девки?

– Но этого не было!

– Да плевать, что не было! Кто это проверит, в конце концов? Мы создали тебе все условия: послали в джунгли, специально все эти месяцы не давали никаких сведений о твоем пребывании там, надеясь, что после твоего возвращения вдоволь потопчемся на этой теме. А ты вздумал завести речи про то, как индейцы хранят свою самобытность. Ты кто: поп-звезда или представитель Географического общества? Поэтому давай договоримся наперед: в этих стенах ты можешь говорить все, что тебе заблагорассудится, но на людях изволь, пожалуйста, говорить то, что выгодно нам. Уяснил?

Дин взял секундную паузу, после чего сказал:

– Я подумаю.

– Что значит подумаю? – взвился менеджер.

– Это значит, что я хоть и поп-звезда, но не попугай. И заученно повторять те слова, которые вы мне начиркаете на бумажке, не собираюсь. Я и так долго позволял вам пренебрегать моим мнением и делать из меня такого же болванчика, каких в нашем шоу-бизнесе пруд пруди. Больше этого не будет.

Пораженный таким ответом менеджер еще какое-то время потоптался в номере, после чего резко повернулся и вышел прочь. И в тот же день об этом разговоре было доложено в головной офис компании. Как ни странно, но там это заявление Дина было встречено куда более спокойно. А директор даже заявил: «А что, это даже оригинально – умная поп-звезда. В конце концов на фоне остальных пустышек появление подобного экземпляра может

принести гораздо большие дивиденды. Только дайте ему знать, чтобы не зарывался. Все эти игры в политику до добра не доводят». Директор даже не предполагал, какие потрясения, связанные с именем Дина Рида, ждут их уже в ближайшем будущем.

В **мае 1962 года** Дин совершал очередное турне по Чили. Именно там разразился скандал, который можно смело назвать поворотным в судьбе Рида. Однако, несмотря на то, что разразился он на территории Чили, истоки его следует искать в Северной Америке, где некоторое время назад новый президент Джон Кеннеди ясно дал понять, что его взгляды на внешнюю политику идентичны тому, что проповедовали его предшественники Трумэн и Эйзенхауэр. Получив от них в наследство холодную войну, Кеннеди и не собирался предпринимать каких-либо попыток вырваться из ее орбиты. Вот когда Дин вспомнил пророчества своего учителя Патона Прайса, который утверждал, что именно при демократах Америка всегда находилась в состоянии войны.

Демократ Кеннеди не стал исключением: в **апреле 1961 года** он санкционировал вторжение контрреволюционных отрядов на Кубу, которое завершилось полным провалом агрессоров. Чуть раньше этого, в **январе**, в своем послании Конгрессу Кеннеди заявил, что для решения «конфликта между свободой и коммунизмом США следует первым делом наращивать вооружения». После чего призвал американцев строить убежища, способные защитить их от радиоактивного излучения, а также запасаться водой, продуктами питания, медикаментами. В результате в течение всего 1961 года американцы исступленно оборудовали убежища в многоэтажных домах и небольших коттеджах, в административных зданиях и школах. По свидетельству журнала «Тайм», порядка 12 миллионов американских семей были готовы к самому худшему. Сия чаша не миновала и родителей Дина, которые в одном из писем сообщили сыну, что они «к ядерной войне готовы».

Вся эта истерия заставила Дина по-новому взглянуть на 35-го президента США, за которого полтора года назад он отдал свой голос на выборах. Нет, в те дни Дин еще не был ярым поборником коммунистических идей, однако и в воинственные намерения кремлевских руководителей тоже уже не верил. «Они что, ненормальные, развязывать ядерную войну, где победителей точно не будет?» – рассуждал Дин.

Под впечатлением этих мыслей Дин совершает поступок, от которого у его боссов в «Кэпитол» волосы встали дыбом. Во время турне по Латинской Америке он пишет сразу несколько писем в

средства массовой информации двух государств – Чили и Перу, где призывает граждан этих стран направить послания президенту Кеннеди и заставить его прекратить испытания ядерного оружия, которые США возобновили в **январе 62-го**. Естественно, этот демарш не мог пройти мимо средств массовой информации.

22 мая в газете «Лос-Анджелес таймс» появилась заметка следующего содержания: «Голливудский певец выступает не на сцене рок-н-ролла, а на политической трибуне, вмешивается в государственные вопросы ядерной политики. Такие известия пришли из Сантьяго-де-Чили и столицы Перу Лимы. Они взбудоражили и Голливуд, и Вашингтон.

Певца зовут Дин Рид, ему 24 года, он имеет контракт с компанией грамзаписи «Кэпитол». Во время его выступлений молодежь в Латинской Америке от восторга падает в обморок.

Рид сообщил своим друзьям, что сотрудник посольства США в Чили пригрозил не выдать ему паспорт, если певец посмеет обратиться с официальным письмом в чилийскую газету. В нем Рид призвал латиноамериканцев направить послание президенту Кеннеди с требованием прекратить испытания ядерного оружия.

Кроме того, как сообщает Рид, посольство США в Чили передало соответствующую информацию посольству в Перу, с тем чтобы частные меценаты перестали оказывать поддержку Риду, вызвавшему неудовольствие правительственных кругов».

Поскольку скандал получился громкий (хотя и не затмил собой другого скандала тех дней – любовного романа двух звезд Голливуда – Элизабет Тэйлор и Ричарда Бартона, который они, семейные люди, закрутили на съемках фильма «Клеопатра»), резонанс получился соответствующий. Ряд перуанских меценатов, получив рекомендации правительственных чиновников, перестали покровительствовать Дину Риду. Однако сорвать гастроли певца не удалось, и в конце **мая** он отправился продолжать турне в Чили. И там скандал получил свое дальнейшее развитие, пойдя по сценарию, которого вообще никто не ожидал. Даже сам Дин Рид.

Аккурат в эти самые дни (**30 мая – 17 июня**) в Чили проходил 7-й чемпионат мира по футболу. И хотя Дин был, в общем-то, равнодушен к этому виду спорта, однако в силу того, что вся страна жила предстоящим футбольным событием, он невольно заразился этими чувствами. Правда, на матчи не ходил и даже не смотрел их по телевизору, но газеты с регулярными отчетами о турнире почитывал.

В том чемпионате участвовало 16 команд, в том числе и сборная Советского Союза. Накануне турнира наша команда

провела турне по Южной Америке и выступила блестяще. До этого ни одна европейская сборная не сумела выиграть у латиноамериканцев на их поле, и только сборной Англии повезло – их встреча закончилась вничью. Сборной СССР большинство мировых специалистов прочили незавидную судьбу всех европейских сборных. Но советские ребята совершили чудо. В первом же матче со сборной Аргентины, которая носила титул чемпиона Южной Америки, сборная СССР выиграла со счетом 2:1. После этого советские футболисты нанесли поражения и двум другим латиноамериканским сборным – Чили и Уругвая. Это была настоящая сенсация! Местные журналисты отмечали отличную физическую подготовку нашей сборной, ее тактическую зрелость, наличие в ней высококлассных мастеров, выделяя, в частности, Льва Яшина, Валерия Воронина, Игоря Нетто, Славу Метревели и Михаила Месхи, прозванного журналистами «грузинским Гарринчей». Поэтому на чемпионат мира в Чили советская сборная приехала в ранге фаворита. Не случайно в популярном чилийском журнале «Го-о-ол!» будущие победители были названы в следующем порядке: 1-е место – Бразилия, 2-е – СССР, 3-е – Аргентина.

Советская команда попала в группу, где помимо нее были еще три сборные: Колумбии, Югославии и Уругвая. Игры этих команд проходили в небольшом городе Арике, насчитывающем 65 тысяч жителей. Городок был мрачноватый, населенный в основном рыбаками и рабочими медных рудников, но наша сборная жила в отеле «Осперия Арика» (перевод – «Удобное место для отдыха»), который располагался на самом берегу Тихого океана. В шаге от него был расположен пляж Лисера, а чуть подальше – стадион имени Эгозо Карлоса Диттборна. Как будет вспоминать много позже Виктор Понедельник: «Вокруг города – выжженная солнцем бескрайняя пустыня. Жарища, пыль столбом… Говорили, что дождей там не бывает по пять лет. Помню, на второй день капитан нашей сборной Игорь Нетто спросил: „У тебя нет ощущения, что тут заканчивается Земля?“

Казино сразу облюбовали югославы. Они ходили туда чуть ли не каждый день. Мы же, получавшие 30 процентов от суточных, такой забавы позволить себе не могли. Поэтому вечера коротали в гостинице. Играли в карты, на бильярде, но главным увлечением, конечно, были шахматы…»

Большинство жителей городка относились к советским футболистам с уважением (например, их встречали в аэропорту с песнями), чего нельзя было сказать о некоторых журналистах. Ведомые своими проамериканскими хозяевами, они чуть ли не ежедневно упражнялись в разного рода колкостях по поводу

«несвобод, царящих в Советском Союзе». Одна из ведущих газет города – «Ла Терцера», дабы разжечь страсти, написала, что руководители советской делегации Валуев и Гранаткин заявили, будто советским футболистам не нравится Арика и созданные здесь условия для отдыха. И хотя руководители поспешили опровергнуть это сообщение, однако слух уже пошел. Чуть позже журналист все той же газеты Освадо Мураи написал целую статью, посвященную царящим в Советском Союзе жутким условиям жизни. Заканчивалась статья характерным пассажем: «Мы думаем, что они (советские футболисты. – *Ф. Р.*) привезли с собой собственный «железный занавес»».

Вот в таких условиях приходилось выступать советским спортсменам. Впрочем, эти трудности только подзадоривали ребят, заставляя их относиться к каждому матчу как к последнему и решительному бою.

Первую игру мы играли с югославами. Несмотря на то что Югославия была дружественной нам социалистической страной, на игре это абсолютно не сказалось. Югославы играли грубо, иной раз просто по-хамски, за что даже удостоились освистывания трибунами. Уже в первом тайме у нас были серьезно травмированы сразу несколько игроков: Метревели (для него эта игра стала последней на чемпионате), Понедельник, Дубинский (ему сломали ногу, и для него этот матч тоже стал последним на чемпионате). А за югославов играл знаменитый игрок Шекуралац, которого называли европейским Пеле и которого бразильцы приглашали в свои детские школы давать мастер-классы. Однако наши все равно оказались сильнее и победили со счетом 2:0.

Следующим соперником советской сборной была команда Колумбии, которую все без исключения относили к аутсайдерам группы. Видимо, это мнение усыпило бдительность наших игроков. Хотя поначалу ситуация на поле складывалась для сборной СССР просто превосходно – уже на 11-й минуте мы вели 3:0. Казалось, что игра сделана. Но затем колумбийцев как будто подменили, и они бросились на штурм советских ворот. В конце первого тайма колумбийцы сократили разрыв в счете – 1:3. В начале второго тайма Понедельник сумел вновь увеличить счет в пользу сборной СССР – 4:1. О том, что происходило дальше, рассказывает участник того матча В. Иванов:

«Перелом произошел незаметно, когда мы вели 4:1. Собственно, это и не выглядело переломом, а цепью нелепых, противоестественных случайностей.

Угловой у наших ворот. Мяч подается низом. Защитник, занявший место у ближней штанги, готов его остановить, но

пропускает. А Яшин, расположившийся у дальней штанги, не успевает добежать до мяча, и тот, никого не коснувшись, заворачивает в ворота между оторопевшими Яшиным и защитником. Мы в недоумении, вся команда застыла на своих местах и, вероятно, напоминает группу чиновников в финальной сцене «Ревизора». Что случилось? Оказывается, Яшин в тот роковой момент крикнул защитнику: «Играй!», а тому послышалось: «Играю», и он пропустил мяч, уверенный, что его подберет вратарь.

Через несколько минут мяч снова в наших воротах. И опять ничто не предвещало гола. Несогласованность вратаря с партнерами, колумбийский форвард проскакивает между ними, и счет уже 4:3.

В оставшееся время мы едва не проиграли. При счете 4:4 Яшин чудом спас наши ворота в совершенно безнадежном положении…»

Следующим соперником советской сборной была команда Уругвая. Ввиду того что мы не смогли выиграть у колумбийцев и обеспечить себе досрочный выход в четвертьфинал, на эту игру нам вновь пришлось выставлять свой сильнейший состав. Игру мы выиграли со счетом 2:1, однако ведущие игроки отдали этой победе слишком много сил. А впереди были встречи с более грозными соперниками. В частности, в четвертьфинале сборной СССР предстояло сразиться с хозяевами турнира – футболистами Чили. И хотя некоторое время назад, во время турне по Латинской Америке, советские ребята сумели обыграть чилийцев на их поле, однако это ничего не значило: тогда это была товарищеская игра, а теперь – чемпионат мира.

Находившегося в эти дни в Чили Дина Рида гастрольная судьба занесла в Арику, причем поселила в тот же самый отель, где обитали советские футболисты, – «Осперия Арика». И в первый же день его пребывания там у него произошла знаменательная встреча.

Случилось это днем, когда Дин возвращался из ресторана к себе в номер. В холле гостиницы он внезапно заметил высокого стройного мужчину, который раздавал автографы небольшой группе чилийцев. Проходя мимо них, Дин внезапно услышал фамилию, которую он уже хорошо знал – Яшин. Это имя запало ему в память год назад, когда советская сборная совершала турне по Латинской Америке аккурат в те самые дни, когда там же гастролировал и Дин. Газеты тогда писали, что Лев Яшин – один из лучших вратарей в мировом футболе и что превзойти его в этом искусстве мало кто способен. Дин запомнил эту фамилию и вот теперь, год спустя, воочию столкнулся с ее обладателем. Он

подошел к Яшину, еще не зная, с чего начать разговор, как вдруг тот сам нашел нужную тему.

– Вам тоже нужен мой автограф? – спросил Яшин через переводчика, стоявшего здесь же.

– С удовольствием приму его от вас в обмен на свой, – ответил Дин.

Переводчик после этих слов напрягся и спросил:

– А вы кто?

– Я Дин Рид. Слышали про такого?

Услышав это имя, переводчик радостно заулыбался и представил Дина Яшину. Причем не преминул рассказать о недавнем скандале, связанном с заявлениями Дина о ядерной политике Кеннеди. Когда Яшин узнал об этом, он протянул Дину руку и сказал:

– Очень рад, что не все американцы видят в нас своих врагов.

Дин не стал разубеждать своего собеседника, а молча пожал его руку. После чего сказал:

– Я рад пригласить вас, мистер Яшин, на свой концерт, который состоится завтра вечером.

Когда переводчик перевел ему это прилашение, Яшин кивнул в знак согласия и, в свою очередь, пригласил Дина на четвертьфинальную игру сборной СССР против сборной Чили, которая должна была состояться через день. Новые знакомые уже хотели было расстаться, как вдруг к ним подбежал невысокого роста коренастый мужчина с массивным фотоаппаратом, висевшим на шее.

– Мистер Рид, я представляю газету «Эль Меркурио», – представился мужчина. – Вы не могли бы попозировать с господином Яшиным для завтрашнего номера?

Дин, в свою очередь, вопросительно посмотрел на Яшина, а тот, поняв все без перевода, широко улыбнулся, привлек к себе Дина и крепко обнял его за плечи. В таком виде их и запечатлел фотограф. И уже менее суток спустя, утром следующего дня, этот снимок стал достоянием самой широкой общественности. Это была настоящая сенсация: русский и американец братались на глазах у многочисленных свидетелей.

В то же утро номер газеты с этой фотографией оказался в руках американского посла в Чили Коула. Из коротенькой заметки под этим фото тот узнал, что американский певец Дин Рид не только вступил в контакт с советским спортсменом, но и пригласил того на свой концерт и принял его ответное предложение прийти на ближайшую игру советской сборной. Когда Коул прочитал об этом, его гневу не было предела.

– Что о себе возомнил этот эстрадник? – бушевал посол. –

Ему что, не дают покоя лавры Поля Робсона? Это же надо: прилюдно братается с красным, в то время как Советы расстреливают своих мирных граждан! Нет, надо определенно вправить мозги этому певуну.

Коул имел в виду события в Новочеркасске **2 июня**, о которых в Америке уже были сведения, хотя и весьма смутные. Осведомленные источники сообщали, что сразу после постановления Совета министров СССР о повышении цен на хлеб и мясо (**1 июня**) в южном городе Новочеркасске произошли волнения людей, которые были подавлены с помощью войск. Источники сообщали о многочисленных жертвах среди населения.

Вправлять мозги Дину Риду был отряжен второй посол США в Сантьяго. Правда, он не стал сломя голову мчаться в Арику, а просто поднял трубку телефона и набрал на своем аппарате гостиничный номер Дина. И когда на другом конце провода раздался голос певца, посол сказал:

– Мистер Рид? С вами говорят из посольства США в Сантьяго. До нас дошла информация, что вы имели контакты с одним из советских спортсменов и даже приняли его предложение посетить ближайший матч. Это верно?

– Абсолютно, господин посол.

– Вы отдаете себе отчет в своих действиях, мистер Рид? – голос посла звенел как струна. – Вы что, думаете, вам сойдет это с рук?

– Я не понимаю, господин посол, в чем моя вина? – стараясь сохранять спокойствие, произнес Дин. – У нас что, не демократическая страна? Почему я не имею права общаться с тем, с кем мне заблагорассудится? Насколько я знаю, войну Советский Союз нам еще не объявлял.

– Перестаньте валять дурака! Да, у нас демократическая страна, но холодную войну еще никто не отменял. А вы являетесь не просто гражданином Америки, а весьма известной личностью. Неужели вы не понимаете, что они могут использовать вас в своих пропагандистских целях!

– Господин посол, я не боюсь никаких пропагандистских акций. За четыре года своей артистической деятельности я в них уже столько раз участвовал, что они мне не страшны.

– Это ваш окончательный ответ? – после небольшой паузы спросил посол.

– Да, бесповоротный. Я терпеть не могу, когда мне угрожают.

Здесь Дин не лукавил: любое давление на себя он воспринимал как посягательство на самое дорогое, что у него было – на свободу.

– В таком случае готовьтесь к худшему, господин Рид, – вновь раздался в трубке голос посла, после чего послышались короткие гудки.

Дин прекрасно понимал, чем он рискует. Еще не успел утихнуть скандал с его заявлением относительно испытаний США ядерного оружия, как его угораздило вляпаться в новую историю. В сложившейся ситуации он легко мог лишиться своего южноамериканского паспорта, да и организаторы его гастролей могли не простить ему таких демаршей. Однако отступить Дин уже не мог: такой поступок полностью противоречил бы его характеру. А скандал тем временем разгорался с новой силой.

Вскоре после звонка посла Дину позвонили из концертной компании, которая отвечала за его гастроли в Чили, и попросили немедленно приехать. Дин подчинился.

В своем просторном кабинете его принял седовласый директор компании и без всяких предисловий заявил:

– По вашей милости, мистер Рид, мы попали в сложную ситуацию. Час назад мне звонили из посольства вашей страны и заявили, что они собираются аннулировать ваш паспорт. Если это случится, вас вышлют из страны, а это означает, что все ваши концерты должны быть отменены. Вам об этом известно?

– Известно, – честно ответил Дин.

– Но это же катастрофа! – в сердцах воскликнул директор. – Билеты на ваши концерты уже давно распроданы, весь город обклеен афишами. Вы просто не имеете права ставить на кон репутацию нашей компании, да и свою тоже. Неужели нельзя что-нибудь придумать?

– Я думаю, что нет, – после короткой паузы ответил Дин.

– Умоляю вас, мистер Рид, не торопитесь с ответом, – директор встал со своего кресла и нервно заходил по кабинету. – Давайте обдумаем все спокойно. Насколько я знаю, в деле замешана политика. Честно вам признаюсь, я тоже не в восторге от многих инициатив вашего президента. Да, да, не удивляйтесь! Например, когда в январе наш министр иностранных дел в Пунта-дель-Эсте отказался проголосовать за исключение Кубы из ОАГ, я был горд за свою родину, которая не испугалась такой великой державы, как ваши Соединенные Штаты. Я такой же патриот своей страны, как и вы. Но я еще и бизнесмен. И если я буду смешивать оба этих понятия, завтра же, да что там завтра – сегодня же вот в этом самом кресле будет сидеть другой человек. Поэтому я очень прошу вас, мистер Рид, давайте отделим политику от бизнеса. Отыграйте ситуацию назад и сделайте так, чтобы на время ваших гастролей у нас ваши проблемы с посольством были урегулированы. А потом шпарьте свою правду

как хотите и кому хотите. Договорились?

– Нет, не договорились, – покачал головой Дин. – Не знаю, как вы, но я так не умею: дома говорить правду, а на работе лгать. Подобная мимикрия мне противна. Поэтому ничего предпринимать я не буду и пусть будет как будет.

Дин поднялся со своего кресла, давая тем самым понять, что его пребывание в этом кабинете закончено. Но едва он успел сделать пару шагов по направлению к двери, как директор его остановил:

– Подождите, мистер Рид. Я же не враг вам, поверьте. И пригласил я вас исключительно для того, чтобы совместными усилиями найти выход из создавшейся ситуации. Вы человек молодой, горячий, а я все-таки вам в отцы гожусь. Поэтому хочу дать вам один совет: никогда не спешите рубить сплеча. Это проще всего. Гораздо труднее, но зато во много раз эффективнее, когда человек находит компромиссный вариант.

– И какой же компромисс вы мне предлагаете?

– А вы сядьте и послушайте, – предложил гостю хозяин кабинета и, когда тот вновь опустился в кресло, продолжил: – Насколько я знаю, вся эта бодяга началась из-за того, что вы подружились с этим русским… как его…

– Яшиным, – подсказал Дин.

– Да, с Яшиным, будь он неладен. Вы даже пригласили его на свой ближайший концерт, что, собственно, и не понравилось вашим соотечественникам из посольства. Так вот, я предлагаю следующий вариант развития событий. Наша компания вышлет Яшину и его коллегам официальное приглашение на концерт, о чем завтра же напишут все газеты. Тем самым вы будете выведены из-под удара, поскольку получается, что на концерт этого красного пригласили не вы, а мы. А вы в свою очередь обещайте мне, что не будете комментировать эту ситуацию в прессе. По рукам?

Дин думал всего лишь секунду, после чего сказал:

– Хорошо, я согласен. Только имейте в виду, что свой поход на футбольный матч я не отменяю.

– Понимаю, не дурак, – развел руками директор. – Но комментировать свой поход, я надеюсь, вы не будете? Иначе наша затея с приглашением ничего не даст: ваш посол будет в ярости и тогда уж точно лишит вас паспорта. Впрочем, он может это сделать сразу после концерта.

– Если вы не верите в благополучный исход дела, зачем же бьетесь над этим битый час? – удивился Дин.

– Потому что я рискую потерять свои деньги. Заметьте, большие деньги, – ответил директор, возвращаясь к столу. –

Кстати, если вас вышлют из страны, вы ведь тоже останетесь на бобах. Вас это не пугает?

– Не знаю, поверите ли вы мне, но не пугает. На свете есть вещи поважнее, чем деньги.

– Интересно, какие? – вскинул брови директор. – Впрочем, не отвечайте. Утром, читая газету со статьей о вас, я, право дело, подумал, что с вашей стороны это всего лишь эпатаж. Знаете, этакая блажь от поп-звезды. Но, поговорив с вами, я понял, что вы не лукавите. Если мои выводы верны, то вы далеко пойдете. В том случае, конечно, если вам не проломят голову…

Вечерний концерт Дина привлек к себе повышенный интерес журналистов, которые примчались к концертному залу, чтобы лично удостовериться в том, придет или нет советский вратарь Лев Яшин на это представление. Удивлению пишущей братии не было предела, когда они увидели, что Яшин пришел не один, а в сопровождении еще нескольких своих товарищей по команде. Журналисты не знали, что сделано это было неспроста: когда в советском посольстве узнали о панике, охватившей их коллег-американцев, было решено выжать из этой ситуации максимум пользы. Поэтому Яшину рекомендовали не только идти на концерт, но и взять с собой товарищей, благо приглашений пришло не одно, а несколько.

Во время концерта Дин повел себя как истинный джентльмен: в паузе между песнями он сообщил собравшимся, что в зале присутствуют советские спортсмены, назвал их своими друзьями и пообещал, что не обманет их с ответным визитом – обязательно придет на их игру со сборной Чили. Он понимал, что тем самым подставляет своих партнеров – устроителей гастролей, однако и особой вины за собой не чувствовал: он давал слово не давать интервью журналистам, а со сцены был волен говорить все, что ему заблагорассудится.

Игра состоялась **11 июня**. Чилийская сборная прилетела в Арику из Сантьяго за три дня до игры и, естественно, угодила в эпицентр народной любви. Весь город носил своих футболистов на руках, желая только одного – победы. Поэтому в день, когда должен был состояться матч (а это было воскресенье), все подходы к стадиону имени Карлоса Диттборна были запружены жителями города, которые пришли сюда с одной целью – присутствовать на триумфе собственной сборной.

Несмотря на то что стадион вмещал в себя 25 тысяч зрителей, людей набилось значительно больше – многие стояли в межтрибунных проходах, видимо, проникнув на стадион без билета. Дин приехал к месту действа примерно за полчаса до начала и… был дружно освистан публикой. Поэтому, когда он под свист зашел на стадион, в голове у него мелькнула мысль о том, что сегодня ему придется туго – болеть за советскую

сборную в такой атмосфере было сродни подвигу. Однако Дина это не испугало, а даже, наоборот, подзадорило. Он занял свое место на одной из трибун, рядом с целой группой чилийцев, которые размахивали национальными флагами своей страны и хором пели заздравные песни. А когда из репродукторов донесся национальный гимн Чили, вся многотысячная толпа болельщиков поднялась со своих мест и в едином порыве запела его вместе с певцом. После гимна во многих местах стадиона стали взрываться петарды. Одна из них даже громыхнула прямо над головой у Дина, отчего он содрогнулся и вжал голову в плечи.

– Что, не нравится? – на сносном английском спросил молодой чилиец, сидевший рядом с Дином. – То ли еще будет! Вот увидите, вашему другу Яшину наши ребята сегодня забьют столько, сколько захотят.

Дин не стал спорить с парнем, поскольку в душе был с ним солидарен: ему казалось, что выиграть у чилийцев в такой атмосфере просто невозможно. Чтобы не отвечать парню, Дин уткнулся в программку матча, которую он купил у входа на стадион. Он читал составы команд, однако из длинного перечня фамилий знал только одного игрока – Льва Яшина. А участвовали в матче следующие игроки. Сборная СССР: Яшин, Чохели, Масленкин, Островский, Воронин, Нетто (капитан команды), Численко, Иванов, Понедельник, Мамыкин, Месхи. Сборная Чили: Эскутти, Эйсагуирре, Рауль Санчес, Леонель Санчес, Наварро, Контрерас, Рохас, Рамирес, Торо, Ланда, Тобар.

Игра началась на полчаса раньше положенного времени – в 14.30. Но не ради воскресного дня, а на случай дополнительного времени, если основное время не выявит победителя. Как и следовало ожидать, матч начался с яростных атак хозяев поля. Подбадриваемые своими поклонниками, чилийцы с первых же минут бросились на штурм наших ворот. Однако советским футболистам удалось отбиться. И вот уже они организовывают ответную атаку. Месхи совершает свой коронный проход по левому флангу, но Эйсагуирре отталкивает его руками. Наши бьют штрафной, который заканчивается угловым ударом. Понедельник играет головой, однако посланный им мяч проходит в нескольких метрах от ворот. Теперь очередь за чилийцами. Они оказываются более удачливыми. Шла 12-я минута матча, когда Воронин, ликвидируя прорыв, нарушил правила у самой границы нашей штрафной. К мячу подошел Леонель Санчес, который сильнейшим ударом послал мяч под перекладину. Яшин, закрытый стенкой, не сумел его отбить. 1:0 в пользу хозяев.

Что тогда началось на стадионе, описанию поддается трудно. Восторженный рев многотысячной толпы, взрывы петард, гром

барабанов, песни. Дин сидел на своем месте, буквально оглушенный этим ревом. Парень, сидевший с ним рядом, неистовствовал, как сумасшедший, после чего внезапно схватил Дина за плечи и стал трясти его что было мочи.

– Я ведь говорил! – заорал парень в ухо Дину, напоминая ему о своем пророчестве.

Дин сидел как пришибленный, не в силах сказать что-нибудь вразумительное.

Между тем игра возобновилась, но стадион еще в течение нескольких минут никак не мог успокоиться, сотрясаясь от восторженных криков. Однако длилась эта эйфория недолго. Спустя пятнадцать минут советские футболисты организовали очередную атаку. Вратарь чилийцев парировал удар Мамыкина, мяч отлетел вправо, и первым к нему подоспел Месхи. Он отправил его в центр штрафной, и оказавшийся там Численко сильным ударом вколотил мяч в сетку ворот. 1:1.

На этот раз стадион отреагировал гробовым молчанием. И только Дин в радостном порыве вскочил со своего места и, взметнув вверх руки со сжатыми кулаками, громко закричал: «Yes!» Со стороны это выглядело более чем странно: громко орущий человек в гуще молчаливой толпы. Дин и сам это вскоре понял, поэтому тут же опустился на свое место и предпочел больше с него не вставать.

Увы, но радость Дина длилась еще меньше, чем радость хозяев до этого. Через две минуты после смены цифр на табло чилийцы вновь вышли вперед. Иванов владел мячом в середине поля, но пока раздумывал, кому его передать, его опекун Рохас «украл» у него мяч, прошел вперед и метров с 35 пробил. Яшин запоздал с броском, и мяч, будто пушечное ядро, влетел в сетку ворот. 2:1.

И снова стадион зашелся в радостном экстазе. Сосед Дина снова схватил его за плечи и радостно заорал:

– Вот тебе и твой Яшин!

Дин был с ним полностью согласен. Даже ему, человеку, мало сведущему в футболе, было понятно, что пропустить мяч с такого расстояния – непростительный промах.

Всю вторую половину матча сборная СССР беспрерывно атаковала ворота чилийской сборной, пытаясь спасти ситуацию. Даже наши защитники перекочевали на половину поля соперников. Однако хозяева, уйдя в глухую оборону, оборонялись дружно, неистово. Советским футболистам так и не удалось найти брешь в обороне чилийцев и хотя бы сравнять счет. И когда голландский судья Хорн дал финальный свисток, возвестив об окончании матча, многотысячный стадион взорвался настоящей

бурей восторга. Чаша стадиона стала похожа на клокочущий вулкан. Ликующие чилийцы, обрадованные тем, что их команда вышла в полуфинальную стадию чемпионата (там сборной Чили предстояло встретиться с командой Бразилии), устроили своим кумирам настоящую феерию любви. Вверх взмывали разноцветные ленты, грохотали петарды, слышалось многоголосое пение. Во всей этой какофонии Дин поначалу чувствовал себя потерянным, но когда сидевшие рядом с ним чилийцы стали и его хлопать по плечам и обнимать, радостно заулыбался и тоже принялся орать во все горло «Вива, Чили!».

Этот чемпионат чилийская сборная закончит достойно: чемпионом она не станет («золото» завоюют бразильцы), но тоже престижное третье место займет.

Победа сборной Чили мгновенно погасила чувство неприязни многих чилийцев к Дину. Чего нельзя было сказать о его соотечественниках из посольства США. Посол Коул и его подчиненные не собирались прощать Дину его демаршей – критику ядерной политики Кеннеди и дружбу с советским спортсменом. Поэтому кампания против Дина, запущенная с легкой руки посольства США в Чили, была продолжена, причем не только в Сантьяго, но и в Лиме. Под давлением информационной службы США ЮСИА (она располагалась на 5-м этаже американского посольства в Сантьяго) ряд чилийских и перуанских радиостанций заблокировали трансляцию песен Дина Рида. Были сорваны несколько его выступлений, поскольку директора концертных залов отказались с ним сотрудничать.

Слухи об этой кампании вскоре достигли родины Дина. Узнал о них и его друг и учитель Патон Прайс, который, естественно, не мог остаться в стороне, когда его ученик и близкий друг оказался в сложной ситуации. И он организовал свою кампанию – в защиту Дина Рида. В нее включились несколько известных голливудских режиссеров и актеров и даже одна красавица – «Мисс Америка-62» Мэрион Макнайт. За их подписями были составлены телеграммы, которые Прайс отправил послам США в Чили и Перу. Содержание их гласило:

«Мы возмущены вашей реакцией на протесты Дина Рида против испытаний ядерного оружия. Попытки заставить замолчать Рида, давление, оказываемое на зарубежные радиостанции и директоров концертных залов с целью аннулировать договоры, заключенные с певцом, представляют собой недопустимое нарушение неотъемлемых прав американского гражданина и создают опасный прецедент – угрозу традиционной американской свободе слова. Ваше безответственное вмешательство во внутренние дела Чили и Перу

представляет собой нарушение положений Хартии Организации американских государств, что вызовет возмущение народов Латинской Америки.

Мы считаем необходимым рассказать американскому народу об этих покушениях на его исконные права и вместе с Американским союзом за гражданские свободы выражаем свой протест государственному секретарю Дину Раску. Мы требуем, чтобы вы защищали права американских граждан в Перу (в Чили), а не подрывали их».

Поскольку скандал достиг пределов США, официальные американские власти вынуждены были давать публичные объяснения происходящему. Эту миссию взял на себя глава внешнеполитического ведомства США Линкольн Уайт, который на одном из брифингов заявил: «Мы никогда не ставили вопрос о лишении Дина Рида паспорта». И тут же добавил: «Хотя представляется вполне естественным, что наши дипломаты вызвали к себе Рида и пояснили ему, что, хотя он и имеет полное право высказывать свое мнение, его долг состоит в том, чтобы не вредить интересам Соединенных Штатов».

Как видим, о дружбе Дина с Львом Яшиным здесь не было сказано ни слова, что вполне объяснимо: власти США не хотели лишний раз навлекать на себя критику советских властей в столь непростое для взаимоотношений между двумя сверхдержавами время. Хотя уже дальнейшие события покажут, что скандал с Дином можно было считать детской забавой по сравнению с тем, какие испытания ожидали эти страны уже в ближайшие месяцы (имеется в виду Карибский кризис **октября 62-го**, когда мир балансировал на грани ядерной войны).

Все эти события, естественно, не могли не сказаться на эстрадной карьере Дина. Фирма «Кэпитол», с которой у него был семилетний контракт, решила расторгнуть его в одностороннем порядке, чтобы не навлекать на себя лишние неприятности из-за связи с неблагонадежным певцом. Могло ли быть иначе? Скорее всего нет, поскольку Дин относился к тому типу людей, которые не умеют долго терпеть диктат над собой кого бы то ни было. Единственным поводом к терпению могли бы стать деньги, но для Дина они всегда стояли на втором месте после личной свободы. В свое время именно из-за этого разладились отношения Дина с его первым импресарио Эберхардом. Тот предпочел продать договор Дина крупной компании, занимающейся шоу-бизнесом. Однако компания рано радовалась новому приобретению. Когда два ее сотрудника заявились к Дину, чтобы объяснить ему, что от него требуется для поднятия собственного имиджа (а для этого требовалось немного: устроить пару-тройку скандалов, закрутить

любовную интрижку с одной из голливудских актрис и т. д.), Дин попросту выгнал их из дома. И предпочел впредь работать без импресарио.

После разлада с «Кэпитол» Дин перешел под крыло другой компании – «Империал», где у него вышло несколько «синглов» с песнями: «I forgot more», «Than you'll ever know», «Once Again». Кроме этого было выпущено несколько миньонов Дина в Латинской Америке: в Чили, Аргентине и Перу.

В это же время Дин закончил учиться в актерской школе Патона Прайса. Однако сделать карьеру в Голливуде ему не удается, поскольку в высокобюджетные проекты его никто не приглашает. Да и в малобюджетные тоже. На вершине тогдашнего Голливуда царили такие звезды, как Джек Леммон, Рок Хадсон, Дорис Дэй, Джон Уэйн, Кэри Грант, Элвис Пресли (он активно снимался в кино), Ширли Маклейн, Анн Маргарет, Пол Ньюмен, Элизабет Тэйлор. Следом шли звезды рангом пониже, однако Дину даже к ним прибиться не удалось. Единственным местом, куда его приглашали, было телевидение, однако и там роли были из разряда «кушать подано». К тому же в актерской среде к телесериалам отношение было презрительным, поэтому участием в такого рода работе мало кто гордился. Так что единственным местом приложения сил для Дина оставалась эстрада, где он чего-то все-таки добился. В основном Дин гастролировал по латиноамериканским странам, где у него по-прежнему была масса поклонников. Что касается родной страны, то здесь популярность Дина оставляет желать лучшего: конкурировать со сладкоголосыми певцами, за которыми стояли новые воротилы шоу-бизнеса вроде Джерри Либера и Майка Столпера, ему было не под силу. Впрочем, он особо и не стремился, прекрасно понимая, что сам выбрал свою стезю – быть не богатым, но свободным.

Между тем судьбе было угодно сделать так, что именно тогда на жизненном пути Дина повстречалась девушка, которой суждено будет стать его первой женой. А свело их вместе кино. В те дни Дин получил приглашение из Мексики: режиссер Джулио Брачо пригласил его сыграть небольшую роль американского студента Роберта Дугласа, который приезжает в Мексику и здесь влюбляется в красавицу мексиканку. Фильм назывался «Гвадалахара летом». Дин с радостью принял это предложение, поскольку, во-первых, давно не снимался, во-вторых – жуть как хотел съездить в Гвадалахару именно летом.

Стоит отметить, что каких-нибудь десять лет назад мексиканская кинематография по праву считалась одной из самых мощных и ярких в Латинской Америке. Достаточно

сказать, что в год там выходило порядка 100 фильмов (рекорд в 1950 году – 122 картины). Однако в конце 50-х наступил резкий спад производства, и в следующее десятилетие мексиканская кинематография вступила в кризисном состоянии, утратив свою ведущую роль на кинорынке Латинской Америки. В 1963 году в Мексике было выпущено всего 30 фильмов, вся остальная продукция – из Голливуда. Что касается фильма «Гвадалахара», то он явился счастливым исключением и принадлежал к числу лучших произведений, за что и был удостоен сразу двух призов на одном из кинофестивалей в Мексике. Но вернемся на некоторое время назад.

В тот знаменательный день Дин приехал в офис кинокомпании «Парамаунт», чтобы обговорить со своим агентом детали предстоящих съемок. Однако первое, что он увидел, переступив порог кабинета, – стройные женские ноги. Обладательница их, темноволосая красавица в короткой юбке, сидела на стуле возле стола и что-то энергично объясняла хозяину кабинета. Когда в помещении появился Дин, девушка лишь повернула голову в его сторону, но позу свою – нога на ногу – не изменила. Дин скользнул глазами по ее аппетитным формам, после чего прошел к столу и сказал пару слов агенту. Потом, поняв, что его приход оказался некстати, ушел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Спустя полчаса Дин снова зашел к тому агенту, твердо уверенный, что прекрасная незнакомка уже удалилась. Так и вышло. Однако, усевшись на стул, на котором некоторое время назад восседал предмет его интереса, Дин не стал торопить события и завел разговор о делах. Но хозяин кабинета был не из глупых. И, пуская в потолок колечки дыма, сказал:

– Ладно, Дин, не валяй дурака. Я же прекрасно вижу, что сейчас все дела тебе побоку. Теперь тобой владеет одно чувство: твоя сексуальная озабоченность.

– Ты так считаешь? – улыбнулся Дин.

– Я в этом уверен. Ты думаешь, я не заметил, как ты своими глазами буквально раздевал мою гостью?

– Неужели это было так заметно? – засмеялся Дин.

– Я бы даже сказал, что это было вызывающе заметно.

Понимая, что прелюдия затянулась, Дин поднял вверх руки и сказал:

– Ладно, сдаюсь.

– Вот так-то лучше, – ответил агент, после чего бросил на сторону стола, где сидел гость, какую-то бумажку.

– Что это? – спросил Дин.

– Телефон твоей красавицы. Зовут Патрисия Хоббс, бывшая

«Мисс Южная Калифорния». Кстати, у нее тоже небольшая роль в «Гвадалахаре». Только шансов у тебя, Дин, все равно не очень много.

– Почему? – пряча бумажку в карман, поинтересовался Рид.

– У нее уже есть ухажер. Актера Хью Брайана знаешь? Так что эти аппетитные формы, Дин, не тебе ласкать.

– Ну, это мы еще посмотрим, – гость поднялся со своего места и протянул руку для прощального рукопожатия.

Вечером того же дня Дин уже звонил Патрисии. Когда та подняла трубку, первое, что она услышала, были слова:

– Это та самая леди с прекрасными ногами?

Девушка сразу догадалась, кто ей звонит, поэтому ответила достойно:

– А это тот самый джентльмен с голодными глазами?

Дин оценил юмор своей собеседницы и рассмеялся:

– Вы угадали. Хотя мой голод объясним: не каждый день на глаза попадается «Мисс Южная Калифорния».

– После того, как вы услышали и мой голос, я надеюсь, ваш голод утолен?

– Наоборот, разгорелся еще сильнее. – Поскольку Дину показалось, что девушка хочет положить трубку, он решил действовать напрямик. – Хочу пригласить вас в один приличный ресторанчик на окраине Лос-Анджелеса. Там подают прекрасных лобстеров и белое вино.

Собеседница на другом конце провода задумалась. Но пауза длилась всего лишь несколько секунд, после чего Дин услышал:

– Почему бы нет? Тем более что я люблю именно белое вино.

– А как насчет лобстеров? – поинтересовался Дин.

– Оставьте их себе, а мне закажите белых трюфелей.

Вечером следующего дня Дин заехал за Патрисией домой, и они отправились в уютный ресторанчик, в котором Дин был завсегдатаем. Официант усадил их за лучший столик в тихом уголке и пулей улетел выполнять заказ. В это время на маленькой эстраде оркестрик из чернокожих музыкантов заиграл одну из мелодий Мадди Уотерса. Под эту мелодию Патрисия решилась задать своему кавалеру вопрос, который ее сильно мучил:

– Наверное, я не первая девушка, кого вы приводите в это заведение?

В принципе девушка угадала, но Дин не был расположен вспоминать о своих прежних пассиях. Поэтому спросил:

– Я что, похож на прожженного юбочника?

– На прожженного, пожалуй, нет, – ответила Патрисия и рассмеялась.

Она говорила правду: Дин хоть и был хорош собой, однако

его взгляд выдавал в нем порядочного человека – в нем не было цинизма. За те несколько лет, что Патрисия вращалась в кругах шоу-бизнеса, она достаточно насмотрелась на такого рода мужчин и, честно говоря, устала от их дотошного внимания к себе. Дин хоть и был из их круга, но его манеры говорили о том, что он джентльмен. Собственно, будь иначе, Патрисия вряд ли приняла бы его предложение, поскольку у нее уже был парень – тоже молодой актер. Однако спроси кто-нибудь Патрисию, любит ли она его, она бы серьезно призадумалась. Да, он ей нравился, но не более того. Так что, принимая предложение Дина, девушка не боялась быть уличенной в предательстве.

Они просидели в ресторане около двух часов, причем это время пролетело для них как одна минута. Патрисия с удовольствием открыла для себя, что ее новый кавалер на удивление интересный собеседник. Если с ее парнем беседы ограничивались разговорами о кино и обсуждением каких-то сплетен, то Дин буквально потряс ее своими рассуждениями о многих серьезных вещах. Например, о русской театральной школе или пацифизме. Но еще сильнее девушка была потрясена его рассказами о своем пребывании в джунглях Амазонии и встречах с тамошними аборигенами. Вот где Дин развернулся во всю свою мощь – буквально завалил собеседницу интересными фактами и историями.

– И знаешь, Патрисия, именно там, у индейцев, я вдруг понял одну интересную вещь, – сказал Дин в заключение своего рассказа о приключениях в Амазонии. – Что нашу жизнь здесь, в цивилизованном мире, можно назвать дикой, а жизнь там, в джунглях, наоборот, цивилизованной. Ведь тамошние индейцы живут в ладу не только с природой, но и с самими собой. Они истребляют себе подобных только в случае крайней необходимости, а не потому, что им диктуют это их политические амбиции.

– Мне приятно это слышать, Дин, – улыбнулась в ответ Патрисия. – Дело в том, что я тоже индеанка. Правда, только наполовину. Моя мама родилась в племени навахо.

– Надо же, а мы, выходит, с ней земляки: я родился в Денвере – в местах, недалеко от которых обитали навахо.

Можно смело сказать, что именно после этого диалога взаимная симпатия молодых людей друг к другу возросла. Она оказалась настолько сильной, что когда на обратном пути Дин остановил машину на обочине дороги и привлек девушку к себе, она не сопротивлялась. Правда, Дин не стал торопить события и ограничился только поцелуями. Хотя в какой-то миг ему показалось, что Патрисия согласна и на большее – то ли под

влиянием его обаяния, то ли из-за выпитого белого вина.

Тем временем пришла пора ехать в Мексику на съемки фильма «Гвадалахара летом». Кавалер Патрисии Хью Брайан больше всего был расстроен этим обстоятельством, поскольку не хотел надолго расставаться со своей невестой. Но еще сильнее он расстроился, когда увидел, с каким настроением его девушка собирается в Мексику. Каких-нибудь пару недель назад она сама говорила ему, что не горит большим желанием ехать на эти съемки, но теперь все изменилось: Патрисия светилась от счастья и буквально летала по квартире, собирая вещи в чемодан. Понять причину столь разительной перемены в настроении своей возлюбленной Хью никак не мог. А сама Патрисия на все его вопросы об этом несла какую-то ахинею типа того, что при новом прочтении сценария ее отношение к роли кардинально изменилось.

Между тем в Мексике роман Дина и Патрисии продолжился. Протекал он весьма оригинально. Днем, во время съемок, Дин «крутил любовь» совсем с другой девушкой – актрисой Алисией Бонет, которая играла в фильме роль Лурдес, в которую был влюблен герой Дина, но едва съемки завершались, как Дин уже заключал в свои объятия Патрисию, которая играла роль подруги Лурдес Сусанны Вудбрайт. В итоге все свое свободное время влюбленные проводили вместе, предпочитая коротать его либо в номере гостиницы, где они отдавались друг другу со всей страстью и пылом, либо колесили по окрестностям на машине, знакомясь с местными достопримечательностями. Незабываемое впечатление на обоих произвело посещение «мексиканской Венеции» – городка Хочимилько. Полдня они катались на гондоле, полной благоухающих цветов, и всю дорогу только и делали, что целовались. Гондольер лишь многозначительно улыбался, искоса бросая взгляды на эту влюбленную парочку. Впрочем, удивить его было трудно – таких парочек он перевез за свою гондольерскую жизнь не одну сотню.

Именно в этой поездке Патрисия поняла, что влюблена в Дина по уши. Однако сказать такое же о Дине она не могла. Нет, он беспрерывно выказывал ей всяческие знаки внимания, был ласков и нежен с ней на людях, а в постели страстен и неутомим, но в то же время она видела, какие жадные взгляды он иной раз бросает и на проходящих мимо мексиканок. К тому же она считала Дина гораздо умнее себя и боялась, что рано или поздно она ему наскучит. Она хорошо помнила слова матери, сказанные ею несколько лет назад, когда Патрисия завоевала титул «Мисс Южная Калифорния»: «С умным мужчиной хорошо дружить, а замуж выходить надо за обыкновенного». Однако что могла

поделать Патрисия, если ее угораздило влюбиться именно в умного?

Между тем в той же поездке Дин умудрился покорить и сердце матери своей возлюбленной. Та приехала в Мехико на несколько дней, чтобы повидаться с дочерью. И Дин, узнав об этом, решил сразить женщину в самое сердце.

– Что больше всего любит твоя мать? – спросил он Патрисию накануне приезда ее матери.

– А ты как думаешь, что может нравиться настоящей индеанке? – вопросом на вопрос ответила девушка.

Дин секунду подумал, после чего сказал:

– Наверняка ей нравятся мужчины, которые умеют хорошо обращаться с лошадьми.

– Ты угадал, – рассмеялась Патрисия.

– Вот и прекрасно! – воскликнул Дин. – Пригласи ее завтра же на родео, и вы увидите, что я умею хорошо укрощать не только женщин и гитару, но и мустангов.

В Мексике родео столь же популярно, как и в Америке. Поэтому на эти соревнования по укрощению необъезженных лошадей собираются толпы зрителей, среди которых можно увидеть не только мужчин, но даже женщин и детей. Дин прекрасно понимал, с какими трудностями ему придется столкнуться: во-первых – его многолетний простой в ковбойском ремесле может сказаться (в последний раз он участвовал в родео еще до своей певческой карьеры), во-вторых – негостеприимность местной публики, которая не любит чужаков, а тем более американцев, будет действовать против него. Однако эти трудности не пугали Дина, а даже, наоборот, еще сильнее заводили. Это было в его характере – чем труднее дело, тем сильнее оно его к себе влекло. Поэтому заявку на участие в соревнованиях он подал безо всякого страха и даже какого-либо внутреннего волнения. Он был твердо уверен в своей победе и даже мысли не допускал, что результат может быть иным. И даже когда ему показали его лошадь – пегого мустанга с сильным крупом, ни один мускул не дрогнул на его лице: пегий так пегий. Хотя мысленно он, конечно, догадывался о подвохе: быть такого не могло, чтобы устроители специально не выбрали для американца самого строптивого мустанга.

Когда пришла очередь Дина выступать, ажиотаж на арене царил неимоверный. Публика была уже достаточно разогрета: трое предыдущих ковбоев не смогли укротить лошадей и повылетали из седел задолго до того, как секундомер отсчитал положенные 10 секунд. А поскольку все неудачники были местными, мексиканцами, весь стадион теперь был на стороне

лошади, на которой должен был восседать ненавистный гринго. Поэтому неудивительно, что в многотысячной толпе за победу американца болели разве что два человека: Патрисия и ее мать.

Дин потуже затянул ремешок своего «стэтсона» на подбородке и одним прыжком взгромоздился на лошадиный круп. Жокей, который держал мустанга под уздцы, отскочил в сторону, и скачка началась. Мустанг резво рванул вперед, но, сделав несколько шагов, вдруг резко остановился и принялся сбрасывать с себя седока. Дина бросало то вверх, то вниз, то в одну сторону, то в другую. Стадион свистел и улюлюкал, подбадривая лошадь изо всех сил. И мустанг, казалось, это понимал, все сильнее и сильнее стал наращивать темп своих движений. В какое-то из этих мгновений всем показалось, что укротитель потерял ориентировку и вот-вот слетит с мустанга головой вперед. Но в самую последнюю секунду Дину хватило сноровки обхватить лошадь за шею руками и чудом удержаться на ней. После этого мустанг как-то сник, а спустя несколько секунд и вовсе успокоился, перейдя на размеренный шаг. Это была победа!

Когда Дин покинул арену под восторженные крики толпы, у выхода его уже дожидались Патрисия и ее мать. Обе выглядели счастливыми: девушка с визгом повисла на шее своего возлюбленного, а мать нежно тронула его за локоть и произнесла всего лишь одну фразу: «Право, Дин, я уже не надеялась увидеть тебя живым».

Праздновать победу Дин повел женщин в ресторан под открытым небом неподалеку от родео. Женщины пили шампанское, а Дин налил себе текилы и к концу застолья здорово набрался. Стояло прекрасное мексиканское лето, и хотелось сидеть в ресторане до самого утра. Пить все ту же текилу с шампанским и слушать дивные мелодии, выдаваемые оркестром марьячес, расположившимся в дальнем углу ресторана. Однако просидеть до утра не получилось: назавтра Дину предстояла ответственная съемка, поэтому женщины увели его в гостиницу, едва на город опустились вечерние сумерки.

Между тем в самый разгар этого романа, когда влюбленные уже вернулись на родину, в Америке произошла трагедия – **22 ноября** в Далласе был убит президент США Джон Кеннеди.

С тех пор как Дин открыто выступил против испытаний ядерного оружия, утекло достаточно воды. За это время произошло несколько судьбоносных событий, которые заставили измениться не только президента США, но и его активных критиков, вроде нашего героя. И главным из этих событий стал Карибский кризис **октября 62-го**, когда мир едва не погрузился в пучину новой войны – ядерной. К счастью, руководителям двух

сверхдержав – США и СССР – хватило ума не развязывать смертоубийственную для человечества войну, после чего в их мировоззрении произошли кардинальные изменения. Во всяком случае Кеннеди явно стал другим. Летом **1963 года** он выступил в Американском университете с речью, которая существенно отличалась как по стилю, так и по содержавшимся в ней мыслям от тех, которые произносились президентом ранее. Отказавшись от уже привычных обвинений СССР во всех смертных грехах, Кеннеди заявил, что, вместо того чтобы взваливать на кого-либо вину или осуждать чей-либо политический курс, Соединенным Штатам следует попытаться определить сферу взаимных интересов с Советским Союзом. По его словам: «Среди многих сходных черт, которыми обладают народы наших двух стран, нет более ярко выраженной, чем наше обоюдное отвращение к войне».

Между тем одних слов Кеннеди было мало, и спустя шесть недель после этого выступления (**5 августа**) США (вместе с СССР и Великобританией) подписали в Москве Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой. То, к чему Дин Рид призывал еще в начале 62-го, воплотилось в жизнь. В своей речи по ТВ, сразу после подписания договора, Кеннеди сказал: «С тех пор как было изобретено ядерное оружие, все человечество боролось за то, чтобы избежать мрачной перспективы массового уничтожения на земле… Если сегодня снова начнется тотальная война – независимо от того, как бы она ни началась, – первыми ее объектами станут две наши страны. Кажется иронией, но это действительно факт: двум сильнейшим державам мира грозит наибольшая опасность опустошения. Все, что мы создали, все, ради чего мы трудились, – все будет уничтожено… Обе наши страны захвачены зловещим и опасным циклом, в котором подозрения на одной стороне порождают подозрения на другой, а в ответ на новое оружие создается контроружие.

Короче говоря, как Соединенные Штаты и их союзники, так и Советский Союз и его союзники взаимно глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире и в прекращении гонки вооружений…

Вчера этот мрак пронизал луч света… Это соглашение не открывает золотого века… Но оно является важным первым шагом к миру, шагом к разуму и шагом от войны… Это соглашение отвечает нашим интересам, и особенно интересам наших детей и внуков, а у них нет здесь в Вашингтоне своего лобби… Древняя китайская поговорка гласит: «Любое путешествие в тысячу ли должно начаться с первого шага»…

Давайте сделаем этот первый шаг…»

Шаги Кеннеди в сторону мира вызвали неоднозначную реакцию в США. Большая часть американцев встретила их с воодушевлением, но были и такие, кто расценил их как явное свидетельство слабости своей страны перед Советами. Вердикт этих людей был убийственный: «Кеннеди оказался трусом, недостойным называться мужчиной!» Дин относился к числу тех, кто поддерживал Кеннеди в его миротворческих стремлениях, а вот его отец Сирил Рид президента США за это презирал.

– Этот сопливый мальчишка пустит прахом все, что было создано до него его предшественниками, – бушевал Сирил, когда его сын в очередной раз навестил родительский дом в Аризоне. – А ты называешь его шаги правильными, потому что окончательно стал красным.

– Отец, никакой я не красный, – пытался вразумить родителя Дин. – Я просто хочу, чтобы мою страну люди не воспринимали как мирового жандарма. Ведь сколько людей ненавидят Америку за то, что она кичится своим могуществом.

– Это ты наслушался речей своего гнилого либерала Патона Прайса, – почти зарычал отец в ответ на слова сына. – Это они, либералы, считают, что надо стыдиться могущества своей родины. А ты, дурень, веришь этим россказням.

– У меня, отец, есть своя голова на плечах, – стараясь, чтобы его голос звучал как можно увереннее, ответил Дин. – И глаза тоже есть. Я, к твоему сведению, неоднократно ездил в Латинскую Америку и знаю, что говорю.

– Ты просто глупец, который дальше своего носа ни черта не видит. – Сирил резко встал с кресла и принялся нервно мерить кабинет шагами. – Чтобы удержать в узде сомневающихся, их надо периодически стращать. Других методов они не понимают. Стоит только дать слабину, как эти страны разбегутся в разные стороны и легко попадут под пяту коммунистов. Как это стало с той же Кубой.

– Но что же тогда мы за страна, если можем удерживать возле себя своих союзников только с помощью силы? – парировал доводы отца Дин. – Значит, Советы лучше нас, если к ним побегут наши союзники.

– Ничем они не лучше! Просто химеры, провозглашаемые ими, пока находят сторонников. Еще бы, ведь они хотят построить на земле бесклассовое общество! Разве это не заманчиво? Но ничего они не построят, как Томмазо Кампанелла не построил свой город Солнца. Я же историк, я знаю.

– А какое общество построили мы? – Дин впервые за время разговора позволил себе повысить голос. – Неужели, по-твоему,

это и есть предел мечтаний для людей?

– Я не идеализирую наше общество, но оно в десятки, нет, в сотни раз лучше, чем то, что строят коммунисты. Да, оно несовершенно, в нем масса пороков, но оно свободное. Понимаешь, сво-бод-но-е!

– Свободное для одних, а для других… Разве чернокожие у нас свободны? Или индейцы? Почему в нашем обществе кучка людей имеет все – заводы, яхты, банки, а другая, бóльшая часть, перебивается чем придется? Почему такой разительный контраст между богатством и нищетой? Ведь если так будет продолжаться и дальше, нашей стране не миновать революции.

– Я же говорю, что ты красный, – вновь рубанул воздух рукой глава семейства. – Люди, поздравьте меня, мой сын – коммунист!

Дин ответил не сразу. Он подождал, пока отец успокоится, и, когда тот перестал нервно ходить по кабинету и застыл у окна, продолжил:

– Так нельзя, отец. Почему всех, кто не согласен с твоим мнением, ты называешь красными? Мне, как и тебе, ненавистна любая идеология. И я скорее пацифист, чем коммунист.

– Какая разница? – отмахнулся от сына отец. – От пацифиста до коммуниста даже не один, а всего полшага.

Здесь Сирил повернулся к сыну и, пристально глядя ему в глаза, закончил:

– И помяни мое слово, Дин, ты сделаешь эти полшага гораздо быстрее, чем тебе кажется.

После этого в кабинете возникла тягостная пауза. Нарушил ее осторожный скрип двери. На пороге кабинета появилась хозяйка дома, которая голосом, полным нежности, произнесла:

– Ну что, наспорились? Пойдемте обедать. Я приготовила ваш любимый картофель с беконом.

Дин вспомнил этот спор **22 ноября**, сидя у телевизора и слушая сообщение комментатора Си-би-эс Уолтера Кронкайта о том, что в Далласе было совершено покушение на Кеннеди. Дин не верил своим ушам. «В Далласе, штат Техас, по президентскому кортежу было произведено три выстрела, – гремел голос комментатора. – Согласно первым сообщениям, президент серьезно ранен, он сник на коленях у госпожи Кеннеди, которая воскликнула: „О, нет, нет!“ Кортеж продолжил свой путь, не замедляя движения. Раны могут оказаться смертельными…»

Это было первое короткое сообщение о покушении, после чего программа телепередач продолжилась – была возобновлена какая-то «мыльная опера». Дин пощелкал каналами, но там было то же самое. И только в 14.38 все каналы американского ТВ прервали свои передачи, чтобы передать экстренное сообщение:

«Президент скончался в 2 часа пополудни…»

В течение последующих трех дней американское телевидение отдало все свое эфирное время только одному событию – убийству своего президента. Не было показано ни одной развлекательной передачи, ни одного рекламного блока. Естественно, версий относительно этого убийства было высказано множество. Однако доминирующей тогда была одна – Кеннеди убили коммунисты. Да и как иначе, если средства массовой информации особо подчеркивали то, что убийца президента Ли Харви Освальд незадолго до покушения жил в Советском Союзе, в Минске, из чего делался однозначный вывод: там он был завербован КГБ и специально прислан в Америку с заданием убить Кеннеди. Как стало известно чуть позже, даже новый президент США Линдон Джонсон в первые минуты после убийства обронил характерную фразу: «Мы еще не знаем, не коммунистический ли это заговор».

Дин внимательно следил за всей информацией, касавшейся трагедии в Далласе, пытаясь своим умом докопаться до истины. И хотя сделать какие-то определенные выводы по горячим следам было еще трудно, он все же твердо определился в одном: Кремль к этому убийству непричастен. И утверждать обратное могли только люди, которые плохо анализировали последние события в мире. Да, каких-нибудь два года назад советский лидер Хрущев мог ненавидеть хозяина Белого дома: за свое унизительное отступление в Берлине в 1961 году и капитуляцию во время Карибского кризиса. Но потом ситуация резко изменилась. За последние полгода США и Советы начали процесс сближения друг с другом, стали нащупывать первые подходы к смягчению международной напряженности. Поэтому убивать Кеннеди Москве было невыгодно и незачем. А вот тем, кто не хотел этого сближения, его смерть была просто необходима как воздух.

Еще весной 63-го Кеннеди заявил, что вскоре после ноябрьских выборов начнется вывод американских войск из Вьетнама. «Меня везде будут проклинать как умиротворителя коммунистов, – сказал Кеннеди. – Но меня это не волнует». **2 октября 1963 года**, то есть за полтора месяца до убийства Кеннеди, военное руководство США вынуждено было объявить, что к 1965 году из Вьетнама будут выведены основные вооруженные силы США; в том числе до конца 63-го на родину вернется 1000 военнослужащих. Однако этот процесс был остановлен, едва прозвучали выстрелы в Далласе. Война во Вьетнаме была выгодна воротилам военного бизнеса и генералам Пентагона, и они вполне могли пойти на устранение президента, у которого были убойные шансы быть переизбранным на второй

срок. Между тем уже спустя два дня после смерти Кеннеди был убит его палач – Освальд. Это сделал некий владелец ночных клубов Джек Руби, выстрелив в Освальда в упор из пистолета в здании городской полиции Далласа. И снова газетчики стали искать в этом преступлении «руку красных». Журналист Чалмерс Робертс в газете «Вашингтон пост» писал: «Конечно, болезнь Далласа – его ультраправый фанатизм, однако президент, как кажется, был убит ультралевым фанатиком». Но если следовать этой логике, то тогда возникал законный вопрос: неужели коммунистическое лобби в Америке было столь велико и могущественно, что его хватило на то, чтобы убить президента сверхдержавы, а потом устранить и его палача? Даже не умаляя достоинств КГБ, в это верилось с трудом.

Как и миллионы его соотечественников, Дин задавал себе все эти вопросы, однако ответы на большинство из них найти ему пока было трудно. Должно было пройти какое-то время, прежде чем эта трагедия обрела бы наконец хоть какие-то завершенные очертания.

А жизнь тем временем продолжалась. Минуло каких-нибудь три-четыре месяца, и трагедия в Далласе если не позабылась, то во всяком случае отошла для американцев на второй, а то и на третий план. И Америку уже волновали другие события. Например, первые гастроли ансамбля «Битлз». На календаре было **7 февраля 1964 года**. Стоит отметить, что «битлы» летели в Америку отнюдь не в ореоле победителей. За месяц до этого их песня «I wan't to hold your hand» («Я хочу держать твою руку»), которая в течение двух месяцев удерживалась на 1-м месте британского хит-парада, была сброшена оттуда песней «Glad all over» в исполнении группы «Дэйв Кларк Файв». А в американском хит-параде эта же песня «Битлз» занимала всего лишь 83-е место. Поэтому большинство музыкальных критиков в те дни предрекали ливерпульской четверке скорое забвение и прозябание в «подвалах» музыкальных чартов. Но вышло все наоборот.

Рекламной кампанией «Битлз» в Америке занималась хорошо знакомая нам компания «Кэпитол Рекордз», где некогда трудился Дин Рид: она потратила на плакаты ливерпульской четверки 5000 долларов (было изготовлено 5 миллионов плакатов). Кроме этого были выпущены специальные сувениры: целлофановые пакеты, в которых лежали парики «под битлов», фото с автографом участников группы и значок «Я люблю „Битлз“». Как итог: первый же концерт «четверки» в знаменитом телевизионном «Шоу Эдди Сэлливана» собрал у голубых экранов рекордную аудиторию – 73 миллиона зрителей. Дин тоже был в числе последних и остался

вполне удовлетворен увиденным. «Битлз» ему понравились из-за молодости, азарта и, главное, из-за мелодизма. Песни, которые исполняли «битлы», практически сразу пришлись по душе Дину. Собственно, он и сам играл нечто подобное и был уверен, что большинство из услышанных им в тот день песен легко можно было бы включить в его собственный репертуар (что и произойдет несколько лет спустя).

Между тем Мексика в те дни стала для Дина вторым домом. Он часто ездил туда по служебным делам, а иной раз и просто так, чтобы развеяться. Иногда он брал туда с собой и Патрисию. Именно во время одной из таких поездок их отношения едва не дали трещину. Поводом к этому послужили следующие события.

В один из дней Дин стал собираться в обратный путь, а Патрисия вынуждена была остаться в Мехико. Ей предложили небольшую роль в одном из фильмов, и пренебречь таким предложением она не могла. Дин тоже мог остаться с возлюбленной, благо эти съемки не заняли бы много времени. Однако он заявил, что уезжает. Патрисия была удивлена, поскольку надеялась, что найдет понимание у любимого. Но Дину к тому времени уже наскучили мексиканские реалии, а слово Патрисии для него мало что значило: в их союзе главным он считал себя. Поэтому их последнее объяснение выдалось бурным.

– Значит, твои дела в Америке для тебя важнее меня! – заявила сквозь слезы Патрисия.

– Что за чушь ты несешь! – злился Дин, пакуя чемодан. – Ты приедешь следом за мной ровно через две недели.

– Но я не хочу жить здесь одна: я просто умру от скуки.

– Ничего с тобой не случится, – был неумолим Дин.

Патрисия заплакала и рухнула на кровать. Она полагала, что этот аргумент заставит ее возлюбленного одуматься. Но Дин даже не повернулся в ее сторону. Закрыв крышку чемодана, он щелкнул замком и молча направился к двери.

– Ах так! – закричала Патрисия, схватила с пола тапочку и бросила ее в удаляющегося Дина. Обувка пролетела полкомнаты и угодила Дину в плечо. Но он даже не обернулся.

Вернувшись в Америку, Дин в первый же вечер позвонил в гостиницу Патрисии. Но она так и не сняла трубку. Дина это удивило, но не более. Зная о том, что девушка влюблена в него по уши, он был уверен, что ее обида пройдет довольно быстро. Каково же было его удивление, когда и в течение всего следующего дня Патрисия не подходила к телефону. Вот тут он забеспокоился. И в голове у него мелькнула неожиданная мысль: «А не проснулся ли в ней нрав ее индейских предков? Если это так, то она способна на любое безумство». И уже ближайшие дни

показали, что его дурные предчувствия полностью оправдались.

Как-то утром в доме Дина раздался телефонный звонок. Он подскочил к аппарату, твердо уверенный, что звонит Патрисия, но ошибся – на другом конце провода он услышал голос того самого агента, который познакомил его с Патрисией.

– Пока ты спишь, твоя девушка замуж выходит, – сообщил агент сногсшибательную новость своему другу.

– Как замуж? – только и нашелся что сказать Дин.

– Что значит как? Самым натуральным образом: с посещением церкви и первой брачной ночью. А будущего мужа ты уже знаешь – это Хью Брайан. Так что не сиди сиднем, а делай что-нибудь.

Услышав это, Дин сполз по стене на пол и в течение нескольких минут сидел в таком положении, держа трубку на весу. Наконец он очнулся… и его обуяла дикая ярость. Он схватил с тумбочки телефонный аппарат и уже хотел запустить им в стену. Но приступ ярости прошел так же быстро, как и начался. После чего аппарат был возвращен на его прежнее место, а Дин успокоился и сел в кресло. Надо было все хорошенько обдумать, прежде чем предпринимать какие-либо действия. Ему было ясно, что Патрисия пошла на принцип и заставить ее изменить свое поведение могло лишь что-то неординарное. Короче, против ее индейских предков надо было выставить что-то не менее существенное. Но что? Дин думал меньше получаса, после чего его осенило. Он вновь бросился к телефону, благодаря бога за то, что тот не только ниспослал ему прекрасную идею, но и уберег от уничтожения аппарата, который теперь оказался как нельзя кстати. Дин позвонил в Мехико, но отнюдь не Патрисии, а своему приятелю – актеру Мигелю, с которым он подружился во время последних мексиканских съемок…

Все эти дни Патрисия знала, что Дин разыскивает ее, но не предпринимала никаких шагов к тому, чтобы ответить на его призывы. Ей казалось, что уже слишком поздно: она дала слово Хью Брайану и тем самым отрезала все пути назад. Хотя сердце ее, конечно же, по-прежнему принадлежало Дину. Впрочем, те, кто хоть раз влюблялся, поймут ее чувства: так часто бывает – любишь одного, а жизнь свою порой вынужден связать с другим.

В тот памятный вечер Патрисия перед сном поговорила по телефону с Брайаном и назначила окончательную дату своего приезда в Америку – в начале следующей недели. После чего погасила ночник и легла под одеяло. Однако не успела она сомкнуть глаза, как за окном внезапно… грянула музыка. Причем не транслируемая через динамики, а самая что ни на есть настоящая – оркестровая. А поскольку Патрисия жила на втором

этаже, а окна ее номера были распахнуты настежь, музыка ворвалась к ней как настоящий вихрь. И в этом переливе мелодий особенно усердствовала испанская гитара «хароно», которая буквально надрывалась от страсти и нежности. Накинув на плечи халат, Патрисия выскочила на балкон… и обомлела. Прямо под ее окнами расположился настоящий оркестр марьячес, а в виртуозном гитаристе девушка узнала друга своего брошенного возлюбленного мексиканского актера Мигеля. Тот же, увидев Патрисию, внезапно рухнул на колени и запел серенаду «Вернись ко мне». И как только он произнес эту строчку, Патрисия сразу поняла, по чьей прихоти у нее под окнами надрывается этот оркестрик. «Дин, ты мерзавец», – только и смогла произнести девушка. В этот миг в сердце ее вошла такая нежность, что из глаз брызнули слезы. Собственно, именно такого эффекта и добивался Дин, когда задумывал этот концерт. Однако одним лишь исполнением серенад он не ограничился.

Утром следующего дня, едва первые лучи солнца проникли в номер Патрисии и разбудили ее, в дверь постучали.

– Кто там? – спросонья спросила девушка, даже не подозревая о том, какой новый сюрприз ждет ее за дверью.

Поскольку вопрос хозяйки так и остался без ответа, а стук в дверь продолжался, она вскочила с кровати и, на ходу застегивая халат, отправилась открывать. Девушка распахнула дверь, и на нее посыпались цветы. Бесчисленное количество роз упало к ее ногам, а на пороге стоял улыбающийся Дин. И первые слова, которые он произнес, обращаясь к девушке, были:

– Патрисия, выходи за меня замуж.

Свадьба состоялась несколько дней спустя в Мехико. Жених и невеста были великолепны: он был в элегантном черном костюме и светлой рубашке, она – в белоснежном платье с розовым бантом. Поскольку отца своего Патрисия не помнила (его не стало, когда дочь только родилась), посаженым отцом на свадьбе выступил генерал мексиканской армии Сальвадор Идис.

После свадьбы, пожив несколько дней в Мексике, молодые отправились догуливать медовый месяц к себе на родину, в Америку. К тому времени там уже почти год правил новый президент – Линдон Джонсон. Он, как и Кеннеди, был демократом и при прежнем президенте занимал должность вице-президента. Большая часть американцев Джонсона не любила и, если бы судьба распорядилась так, что Джонсону пришлось бы избираться в президенты обычным путем, наверняка бы его не выбрала. Однако трагедия способствовала взлету этого человека.

Джонсон проигрывал своему предшественнику практически по всем статьям: начиная с интеллекта (за всю свою жизнь

Джонсон прочитал всего лишь 6 книг, а за все годы пребывания в Белом доме – только одну) и заканчивая внешним видом (на фоне плейбоя Кеннеди с его внешним лоском Джонсон выглядел как типичный фермер из Техаса). Поэтому единственными, кто с большим воодушевлением встретил приход Джонсона к власти, были бизнесмены. И новый президент не обманул их надежд – впервые за всю историю Белого дома Джонсон ввел в практику организацию в своей резиденции званых обедов для крупнейших представителей «большого бизнеса».

Первое время после гибели Кеннеди его преемник свято чтил память предшественника: регулярно вставлял его имя в свои речи. Однако длилось это недолго – около четырех месяцев. В начале весны **1964 года** Джонсон прекратил эту практику, поскольку провозгласил собственную программу – построение «великого общества». Характер и цели этого общества Джонсон раскрыл в своей речи **22 мая**, выступая в Мичиганском университете в городе Энн. А сказал он следующее:

«Великое общество основывается на изобилии и свободе для всех. В ближайшие сорок лет мы должны будем перестроить все города в США, ибо становится все труднее жить в американских городах. Их центры находятся в упадке, а окраины подвергаются разбою. Нам недостает домов и дорог… Во-вторых, наша деревня… Сегодня ее красота в опасности. Вода, которую мы пьем, пища, которую мы едим, даже воздух, которым мы дышим, – все находится под угрозой загрязнения. Наши парки и пляжи переполнены. Зеленые поля и густые леса исчезают… Сегодня мы должны начать действовать, чтобы предотвратить появление Безобразной Америки… Наше общество не будет великим, если каждый молодой человек не получит возможности изучить все достижения человеческой мысли…»

Между тем летом взяла старт очередная предвыборная президентская кампания. Демократическая партия выдвинула своим кандидатом действующего президента Джонсона, республиканская – сенатора из Аризоны Голдуотера. Последний слыл воинствующим антикоммунистом, чем сильно нравился отцу Дина Сирилу Риду (тот жил тогда именно в Аризоне). Сирилу нравилась в Голдуотере его прямолинейность, и многие взгляды сенатора он разделял безоговорочно. Например, он был полностью солидарен с ним в том, что администрация Джонсона проявляла «позорную мягкотелость по отношению к коммунизму», а демократическая партия «превратилась в партию взяточников, одержимых идеей власти, и левых радикалов».

Стоит отметить, что Сирил в своих симпатиях был не одинок – многие американцы думали так же. Как писал С. Уоррен:

«Движение за избрание Голдуотера президентом развилось на базе зарождавшейся в сознании многих американцев тревоги по поводу событий, которые происходили в мире, все в большей степени вызывавшем замешательство и опасения. По их мнению, в мире происходило растворение некогда устойчивых человеческих ценностей, исчезало уважительное отношение к законности и порядку, „ползучий социализм“ подминал под себя здоровый дух индивидуализма и независимости, усиливались веяния „холодной войны“, и советский „вирус коммунизма“ коварно заражал их собственное правительство. Многие из них были порядочными, хотя и одурманенными мужчинами и женщинами, но кроме них существовали экстремистские, правые группировки, кипящие ненавистью к неграм, евреям, католикам, либералам всех мастей и убежденные, что страна их находится на краю гибели…»

Дин по-прежнему был в оппозиции к отцу, ненавидел Голдуотера, однако и к Джонсону никаких симпатий не испытывал. Поэтому твердо решил – в предстоящих осенью выборах не участвовать. И **3 ноября 1964 года**, когда вся Америка пришла к избирательным урнам, Дин впервые за последние годы остался дома. На тех выборах победил Линдон Джонсон, доказав тем самым, что подавляющей части Америки чужд воинственный антикоммунизм Голдуотера. Джонсон победил с огромным перевесом в 16 миллионов голосов (это 62 % американцев, или более 42 миллионов против 26,4 миллиона), чего не было за всю историю Соединенных Штатов Америки.

Между тем творческая карьера Дина на родине вступила в полосу кризиса. Сниматься в кино его практически не приглашали, заглохла и певческая деятельность. Надо было искать другие места приложения своих талантов, и Дин такое место нашел. Место это было им уже давно обжито – Латинская Америка, только теперь было решено посещать ее не наездами, а перебраться туда на постоянное место жительства. Тем более что это давало и финансовую выгоду – не надо было отдавать родному отечеству огромные налоги со своих гонораров. В итоге Дин и Патрисия переехали в столицу Аргентины город Буэнос-Айрес, в тихий район на окраине города Мартинез (примерно в часе езды от центра).

Эта страна была выбрана не случайно. Каких-нибудь два года назад у Дина и мысли не возникло бы туда ехать, поскольку в Аргентине в **марте 62-го** произошел военный переворот – было свергнуто правительство Фрондиси. Новое военно-гражданское правительство, по сути военная диктатура, ввело в стране осадное положение. Оно продолжалось больше года, после чего в **июле**

63-го под давлением народных масс в стране были проведены всеобщие выборы. На них победил кандидат от оппозиционного Радикального гражданского союза 63-летний сельский врач Артуро Ильиа. Будучи убежденным сторонником демократии, новый президент начал проводить в Аргентине радикальные реформы. Он восстановил конституционные права и демократические свободы, освободил из тюрем политических заключенных, прекратил репрессии. В **ноябре 63-го** Ильиа аннулировал все контракты 1958–1963 годов о концессиях с нефтяными компаниями США, несмотря на активное противодействие Вашингтона. Был принят ряд мер в пользу национальной экономики. Кроме этого, в стране был отменен запрет на деятельность коммунистической партии. Все эти реформы сильно подняли авторитет президента не только в Аргентине, но и далеко за ее пределами. Поскольку и наш герой относился к президенту Аргентины с нескрываемым уважением, переезжал он в эту страну осознанно.

Дин и Патрисия достаточно быстро обжились на новом месте, и вскоре дела у них пошли на лад. Вскоре Дин был приглашен в качестве ведущего на телевидение – на 7-м канале каждую субботу, в девять вечера, он выходил в эфир с собственным шоу «Welcome saturday». Строилось оно традиционно: в студию приглашались гости – разные известные люди из мира политики, спорта или искусства, которые делились со зрителями своими взглядами на самые разные проблемы. В паузах между разговорами звучали песни: их пел либо сам Дин, либо кто-то из приглашенных артистов. Это шоу очень быстро стало популярным, поскольку, во-первых, вел его Дин Рид, которого в Аргентине любили, а во-вторых, – темы, которые в нем затрагивались, были очень актуальными и касались самых различных аспектов жизни аргентинского общества – начиная от быта и заканчивая политикой.

Не забывал Дин и о музыке. В Аргентине он выступал с концертами и записал сразу несколько «синглов» на фирме звукозаписи «Одеон». Причем подавляющая часть песен была записана на испанском языке, поскольку Дин не хотел, чтобы его здесь считали очередным янки, приехавшим в страну для пропаганды американского образа жизни.

Была у Дина и работа в кино. Правда, это была чисто коммерческая продукция, поскольку на момент приезда Дина в Аргентину так называемое «новое аргентинское кино» переживало явный спад. Эта волна началась в самом начале 60-х, когда целая группа молодых аргентинских кинорежиссеров (Р. Кун, Д. Х. Коон, Л. Фавио, Х. Мартинес, Л. Муруа и др.)

предложила иной путь развития местного кинематографа – совершенствование художественной структуры фильмов. Не имея общей идеологической и эстетической платформы, эти режиссеры сосредоточили внимание на изображении психологических проблем, испытывая явное влияние европейской школы, особенно французской «новой волны». В итоге на свет родились сразу несколько серьезных картин: «Шунко» (1960) Муруа, повествующая о суровой жизни крестьянской общины, «Пленники ночи» (1960) Коона – об одиночестве человека в глухом и враждебном мире буржуазного общества, «Молодые старики» (1961) Куна – о потерянном поколении и др. Однако на общем фоне остального аргентинского кино, где львиную долю составляли коммерческие фильмы, эти картины погоды не делали. И вскоре эта волна спала, а режиссеры того направления либо эмигрировали из страны, либо ушли в тень. В результате на авансцену в аргентинском кино вышли коммерческие режиссеры. Одним из них был Энрике Каррерас, который снимал легкие музыкальные комедии, где главные роли играл популярный аргентинский певец Палито Ортега. Именно в одну из этих картин и был приглашен Дин Рид. Фильм назывался «Моя первая девушка».

Между тем спустя несколько месяцев после приезда в Буэнос-Айрес Патрисия забеременела. Однако ближе к родам создалась угроза выкидыша, и Дин настоял, чтобы его жена легла в одну из частных клиник. Практически каждый день Рид навещал свою Пэтси (так Дин называл жену), благо клиника находилась в нескольких кварталах от его места работы. В один из таких дней у Рида произошла знаменательная встреча.

Это было воскресенье. Навестив с утра жену, Дин, возвращаясь домой, решил заехать на местный Монмартр – улицу Каминито в бедном квартале Ла-Бока (Дин впервые побывал в этих местах еще во время своего первого приезда в Аргентину – в 61-м). Это была узкая и короткая улочка (в переводе «ла-бока» означает «тропинка» и не превышает ста метров в длину), где по выходным собирались местные художники и скульпторы. Дин регулярно бывал здесь и каждый раз обязательно что-нибудь покупал: то понравившуюся ему картину, то оригинальную настольную скульптурку. Вот и в этот раз, побродив по Каминито около часа, он выбрал бронзовый бюст национального героя Аргентины певца Карлоса Гарделя. К этому человеку Дин относился с большим уважением и даже однажды сделал о нем на телевидении целую передачу. Гарделя в Аргентине знали все от мала до велика и свято чтили память о нем. Этот певец по праву считался лучшим исполнителем песен в стиле танго, которые

родились именно здесь, в портовых кабаках Ла-Боки, почти сто лет назад.

Как и положено национальному кумиру, Гардель завершил свои дни трагически: он погиб в авиационной катастрофе в **июне 1935 года** (его самолет разбился в аэропорту колумбийского города Медельина). Похороны Гарделя вошли в историю Аргентины: ничего подобного здесь еще не было. Практически все портьенос (жители Буэнос-Айреса называют себя именно так – жители порта) вышли на улицы города, из-за чего жизнь в нем была парализована на несколько часов. Свой последний приют Гардель обрел на кладбище Чакарито.

Уложив бюст в сумку, Дин собирался уже покидать гостеприимную Каминито, как вдруг услышал за спиной мужской голос, окликнувший его по имени. Дин обернулся и увидел подле себя мужчину, лицо которого ему показалось до боли знакомым. Вглядевшись в него, Дин наконец вспомнил, где они встречались: в 61-м, на рауте в американском посольстве. Мужчина был, кажется, немцем, вот только имени его Рид никак не мог вспомнить. Видимо, заметив его замешательство, мужчина поспешил помочь Дину и представился:

– Генрих Вайс.

– Нетипичный немец, предпочитающий пиву армянский коньяк, – произнес в свою очередь Дин, пытаясь тем самым доказать, что его память все-таки не столь уж дырява.

Вайс в ответ рассмеялся, что мгновенно разрядило обстановку. После чего немец сделал неожиданное предложение:

– Мистер Рид, раз уж судьба подарила нам эту встречу, не согласитесь ли вы посидеть со мной в каком-нибудь ближайшем ресторанчике?

– Почему бы нет? – легко согласился Дин.

Ресторан под открытым небом они нашли поблизости – на соседней улице Ла Мадрид. Как выяснилось, заведение было стоящее: там подавали прекрасную парильяду – жаренное на углях мясо – и красное вино к нему.

Когда официант отправился выполнять заказ, Дин спросил у своего компаньона:

– Насколько я помню, вы представляли в Чили какой-то профсоюзный фонд?

– Да, Фонд Фридриха Эберта, – ответил Вайс. – Мы открылись в Чили год назад.

– А какая нужда привела вас сюда?

– Совмещаю приятное с полезным: отдыхаю и работаю, – ответил Вайс. – Мы налаживаем контакты с местной Всеобщей конфедерацией труда.

О деятельности ВКТ Дин был хорошо наслышан: один из ее представителей недавно принимал участие в его шоу. Год назад ВКТ осуществила реализацию так называемого «Плана борьбы», чтобы защитить права рабочих. В результате этой акции пролетариат республики (а это 4 миллиона аргентинцев) организованно захватил 11 тысяч предприятий и добился того, чтобы правительство повысило зарплаты и пенсии всем служащим, заморозило цены на продукты питания и предметы первой необходимости.

– Ну, а вас привели в Аргентину очередные гастроли? – поинтересовался в свою очередь Вайс.

– Отнюдь, я теперь здесь живу. Причем не один, а с женой.

По тому, как взметнулись вверх брови его собеседника, Дин понял, что тот удивлен его ответом. Поэтому поспешил объяснить свое нынешнее положение:

– Здесь мне гораздо комфортнее, чем у себя на родине. Во всяком случае работу по душе я имею – веду на телевидении авторское шоу.

– Да, судя по тому, как вы выглядите, вам действительно здесь комфортно, – согласился с Дином Вайс. – Знаете, я ведь следил за тем вашим конфликтом в Чили в 62-м и почему-то был уверен, что он не случаен. Все-таки вы нетипичный представитель эстрадного мира. Нет в вас этой бульдожьей хватки и сильных локтей, которыми ваши коллеги распихивают себе подобных. Вы умный человек, Дин, но это, к сожалению, то самое качество, которое в шоу-бизнесе абсолютно не приветствуется. Вам гораздо ближе политика, чем эстрада. Кстати, вы могли бы весьма удачно два этих дела совмещать. Как это, к примеру, делают ваши соотечественники: тот же Боб Дилан или Пит Сигер.

– Как ни странно, но вы угадали мои тайные желания, – рассмеялся в ответ Дин.

– Значит, за это и стоит выпить первый тост, – предложил Вайс и первым поднял свой бокал.

После того как они приложились к бокалам и отведали дымящейся парильяды, Вайс вновь прервал молчание:

– В Америке у вас остались родственники?

– Конечно, у меня там родители и два брата.

– Неужели последние тоже пошли по вашим стопам?

– К счастью, нет. Старший брат Дэйл преподает метеорологию в Колорадском университете, а младший, Вернон, недавно вернулся из армии – он служил в парашютных войсках.

– И какие впечатления оставила у него служба? – поинтересовался Вайс.

– Увы, ничего хорошего. Он вернулся оттуда не менее

яростным пацифистом, чем я, который в армии служить отказался. Так что у нашего отца теперь два «урода»: я и Вернон. Что касается Дэйла, то он в этом смысле безупречен.

– Насколько я знаю, вы ведь тоже, перед тем как стать артистом, где-то учились?

– Да, в том же Колорадском университете. Кстати, для меня еще не все потеряно: в этом году я собираюсь восстанавливаться в нем.

– Неужели станете метеорологом? – искренне удивился Вайс.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Дин.

– Мне кажется, это не ваша стихия, Дин, – предсказывать погоду. Я же говорю, что вам гораздо ближе иное: разбираться, какие ветры дуют на просторах большой политики. Так что Рид – дважды метеоролог – это явный перебор.

Сказав это, Вайс вновь приложился к своему бокалу. А затем в течение нескольких минут оба собеседника молчали – поглощали парильяду. Наконец Вайс первым нарушил тишину:

– Ваше творчество ограничивается только телевидением?

– Почему же, еще есть музыка и кино. Я записал здесь одну пластинку-миньон, и надеюсь, что не последнюю. Снялся также в одном аргентинском фильме, причем необычном для меня. Это комедия Энрике Каррераса «Моя первая любовь». Видимо, с ролью я справился неплохо, и Каррерас пригласил меня в свою следующую картину, правда, на этот раз роль у меня будет небольшая.

Последнюю фразу Дин произнес со смехом. Однако Вайс не обратил на это внимания и полюбопытствовал:

– Ну и как вам здешний кинематограф?

– Ничем не хуже Голливуда. Вы, наверное, знаете, что здешняя кинопромышленность считается самой большой в Латинской Америке – выпускает до полусотни фильмов в год. Правда, большая часть этих картин откровенно коммерческие. Погоню за звонкой монетой даже здесь никто отменить не в силах.

– В таком случае поезжайте в Европу. Там сейчас набирает силу так называемая «новая волна».

– «Новой волны» мне и здесь хватает, – рассмеялся в ответ Дин. – Дело в том, что так называется фильм Энрике Каррераса, в котором я буду сниматься. А если серьезно, то вряд ли я смогу пробиться в Европе. Я хоть и учился у самого Патона Прайса по системе Станиславского, однако чужаков нигде не любят. Разве Софи Лорен или Брижит Бардо сумели достичь в Голливуде тех же высот, каких они достигли у себя дома?

– Но я слышал, что система Станиславского опять входит в

моду в Голливуде?

– Ерунда, – отмахнулся Дин. – Разве только в отдельных случаях, когда речь идет о таких актерах, как Марлон Брандо или Пол Ньюмен. Но эти фильмы не могут принести большую прибыль. В конце прошлого десятилетия все голливудские студии утратили свою независимость и вошли в состав различных транснациональных кинокомпаний. С этого момента коммерческий успех стал цениться намного больше, чем кинематографическое творчество.

– Короче, с кино у вас та же история, что и с музыкой: творец борется с коммерсантом, – предположил Вайс. – Но бьюсь об заклад, что у вас все-таки есть дело, которое приносит вам настоящее творческое удовлетворение. Сказать, какое?

Дин не стал ничего отвечать и только вопросительно взглянул на собеседника.

– Уверен, что вы активно набиваете руку как серьезный поэт. Все-таки те песенки, которые вы писали и исполняли на пластинках, типичная эстрада без всякой претензии на глубокую мысль. А лавры того же Боба Дилана наверняка не дают вам покоя.

– Скажу честно, до Дилана я недобираю, – улыбнулся в ответ Дин.

– Это вам так кажется из ложной скромности, – ответил Вайс. – Вы лучше прочтите мне что-нибудь, я уж со стороны оценю.

Дин на секунду задумался, поскольку до этого момента еще никому, кроме Патрисии, не читал вслух своих произведений. Однако этот немец внушал ему почему-то доверие, да и вино делало свое дело, так что пауза, взятая нашим героем, длилась недолго. После чего Дин сказал:

– Я прочитаю вам небольшой отрывок из своего последнего стихотворения. Оно называется «Ты этого не испытал».

Дин откинулся на спинку стула и начал декламировать строчки, которые знал наизусть:

Не пожелаю ни врагу, ни другу
Идти всю жизнь по замкнутому кругу…
Ты этого не испытал, нет, нет…
Ты этого не пробовал, однако:
Днем просыпаясь, жить в кромешном мраке…
О, столько горя в нашей круговерти,
Что многим выход видится лишь в смерти,
Ты этого не испытал, нет, нет!

После того как Дин замолчал, тишина за столом длилась в течение нескольких секунд. После чего Вайс сказал:

– Вы можете счесть это за лесть, но мне понравилось. Судя по ритму, это уже готовая песня. Причем не хуже, чем пишет тот же Дилан.

– Спасибо за комплимент, – ответил Дин, вновь прикладываясь к бокалу. – Но вы угадали – это на самом деле готовая песня. Правда, исполнять ее у меня пока нет возможности.

– Ну, это пустяки, – махнул рукой Вайс. – Было бы желание, а время и место всегда найдутся.

Дин тогда счел эту фразу всего лишь пустой формальностью, однако уже ближайшее будущее покажет, насколько прав оказался этот немец.

Между тем первая попытка Дина и Патрисии обзавестись ребенком оказалась неудачной: сохранить младенца не удалось. Патрисия вернулась домой подавленная, да и Дин тоже переживал. Обстановка в их доме стала сложной, и единственным спасением в сложившейся ситуации для Дина была работа. А потом случилось нечто неожиданное – Дин получил приглашение, которое в итоге круто изменит его дальнейшую жизнь. Ему было предложено отправиться в составе аргентинской делегации в Хельсинки на Всемирный конгресс мира. Предложение исходило от известного аргентинского писателя и коммуниста (с 1963 года он был членом ЦК КП Аргентины) Альфредо Варелы, с которым Дин познакомился благодаря все тому же телевидению – Варела участвовал в его передаче о профсоюзном движении. Во время их первого знакомства Варела подарил Дину свою книгу «Темная река» (о тяжелой жизни батраков) и пригласил съездить в Хельсинки на конгресс Всемирного совета мира (Варела также был председателем Аргентинского совета мира и членом ВСМ). Как он выразился: «Поедете как артист, а заодно и узнаете, что такое настоящая борьба за мир».

Как ни странно, но Патрисия встретила эту новость на удивление спокойно. Она понимала, что их отношения заметно осложнились, и увидела в этой разлуке хороший способ успокоиться, оставшись наедине со своими мыслями. В конце концов, какой-то мудрец не зря сказал, что разлука не ослабляет, а только укрепляет брак.

Мировой конгресс должен был начаться **10 июля**. Для Хельсинки принимать этот представительный форум было не впервой: подобное уже случалось здесь десять лет назад. Поэтому для многих участников конгресса эта поездка была не в

диковинку. Но не для Дина, который до этого еще не посещал Европу. А уж об участии его в подобном массовом мероприятии и вовсе говорить не приходилось – ничего подобного в его жизни доселе не происходило. Правда, Дин ехал в Хельсинки еще не как активный борец за мир, а всего лишь как артист – участник культурной программы конгресса. Однако, как известно, все большое вырастает из малого.

Конгресс проводил Всемирный совет мира (ВСМ) – очень влиятельная организация. Она была создана в 1950 году по инициативе Сталина как один из главных рычагов давления на страны капиталистического Запада и на языке спецслужб называлась «организация прикрытия» (то есть совмещала в себе как представительские функции, так и шпионские – в СССР ее деятельность курировали Международный отдел ЦК КПСС и КГБ). Поэтому среди сотрудников ВСМ были разные люди: и те, кто конкретно работал на спецслужбы Советского Союза и социалистических стран, и те, кто бескорыстно отдавал свои силы борьбе за мир во всем мире. Среди последних, например, были весьма известные люди: член британского парламента от лейбористской партии Джеймс Лэймонд, английский физик Джон Бернал (в **1953 году** его удостоили Сталинской премии, а в **1959 году** он стал президентом ВСМ) и др.

Поскольку на Западе прекрасно были осведомлены о том, кто стоит за спиной ВСМ, проблем у него из-за этого хватало. Первая штаб-квартира ВСМ располагалась в Париже, однако американцы сделали все возможное, чтобы ее пребывание там длилось недолго: в итоге уже через год ВСМ вынужден был сменить адрес и перебрался в Прагу. Однако пребывание на территории социалистического государства сужало сферу деятельности ВСМ, поэтому в **1954 году** он перебрался в Вену, где позиции тамошней компартии были очень сильны. Эта защита оказалась настолько серьезной, что когда в **1957 году** австрийское правительство запретило деятельность ВСМ у себя на родине за «деятельность, направленную против интересов австрийского государства», Совет мира не сменил свою штаб-квартиру и продолжал действовать под прикрытием венского Международного института мира.

Конгресс в Хельсинки в 1965 году был собран не случайно и ставил своей целью нанести идеологический удар по Америке, которая начала открытую агрессию против Вьетнама. Вообще вьетнамская эпопея американцев началась еще при Дуайте Эйзенхауэре – в **1954 году**. Тогда вьетнамский народ под предводительством Хо Ши Мина одержал наконец победу над Францией в восьмилетней войне за независимость. После этого,

согласно Женевским соглашениям, Вьетнам был поделен на две зоны, чтобы французы и сражавшаяся на их стороне незначительная часть высокопоставленных вьетнамцев (местных буржуа) смогли уладить свои дела на юге страны. В **1956 году** должны были состояться выборы, которые объединили бы вьетнамцев под знаменами избранного ими правительства. Эти выборы должны были принести победу Хо Ши Мину (по мнению специалистов, за него готовы были отдать свои голоса около 80 % вьетнамцев). Однако Белый дом во главе с Эйзенхауэром и госсекретарем Даллесом решил этого не допустить.

Выход был найден быстро – американцы решили отдать власть во Вьетнаме своей марионетке Дьему. Его сделали диктатором в Южном Вьетнаме и стали подстрекать к тому, чтобы он отменил обещанные выборы. Дьем так и поступил: отменил не только всеобщие выборы, но и традиционные на местах. Вернул богачам-помещикам земли, которые Хо Ши Мин до этого успел раздать крестьянам. В результате в **1960 году** в Южном Вьетнаме вспыхнуло мощное восстание вьетконговцев. Получив широкую поддержку всего населения страны, повстанцы стали освобождать один район за другим. Когда ситуация для Дьема стала угрожающей, руку помощи ему протянули его хозяева-американцы. О том, какие цели преследовали при этом последние, стало ясно из слов, которые за несколько лет до этого произнес сам президент Эйзенхауэр: «Предположим, мы потеряли Индокитай. К нам перестанут поступать олово и вольфрам, представляющие для нас огромную ценность. Поэтому, когда США голосуют за предоставление Франции четырехсот миллионов на ведение этой войны, мы голосуем за нашу мощь и возможность получать все необходимое из богатств Индокитая и Юго-Восточной Азии».

Сначала в Южном Вьетнаме начала работать постоянная американская военная миссия, помогавшая организовать и обучить национальную армию, которая должна была не допустить распространения коммунизма в Юго-Восточной Азии. А после того, как в **феврале 1961 года** в Северном Вьетнаме было объявлено о создании Армии освобождения Южного Вьетнама с целью «проведения национально-освободительной войны во имя избавления от империалистического ига», уже следующий президент США – Джон Кеннеди – направил во Вьетнам первую партию «зеленых беретов» – специалистов по противопартизанской борьбе из состава войск специального назначения (они прибыли во Вьетнам весной 61-го). Как заявил сам Кеннеди: «Россию необходимо убедить в мощи США и решимости американского правительства отстоять свои интересы

в любой части земного шара. И Вьетнам, по-моему, самое подходящее место». В итоге уже к следующему году на юге Вьетнама находилось более 9000 американских солдат и офицеров, а два года спустя, в 64-м, их число перевалило за 20 тысяч.

А что же Советский Союз? Он какое-то время был скован в своих действиях, поскольку, пока у власти находился Никита Хрущев, ханойское руководство было ориентировано на дружбу с Китаем. Сам Хрущев тоже не хотел ввязываться в конфликт во Вьетнаме, обжегшись уже однажды на Кубе (во время Карибского кризиса). Но в **октябре 1964 года** Хрущева отправили в отставку, и его место занял Леонид Брежнев. И тут же последовала смена курса на вьетнамском направлении: Брежнев заявил о «готовности советского народа выполнять свой интернациональный долг в отношении братской социалистической страны». Однако, заявив об этом, кремлевские руководители тянули с отправкой в Северный Вьетнам своих военных специалистов, наблюдая, что предпримут американцы. А те, уже при Линдоне Джонсоне, решились на широкомасштабное открытое вторжение. **2 марта 1965 года** американские ВВС начали операцию «Раскат грома» с целью нанесения бомбовых ударов по коммуникациям, связывающим северян с их оружейными складами. После чего шесть дней спустя началась высадка частей американских войск в портах Южного Вьетнама.

Позже, **28 апреля**, американские войска (30 тысяч солдат) вторглись в Доминиканскую Республику и подавили мятеж полковника Франсиско Кааманьо, который с верными ему частями выступил за восстановление в прежних правах бывшего президента страны Х. Боша (военные свергли его в **сентябре 63-го**). Восставшие разгромили войска хунты и уже праздновали победу демократии, когда в их страну вторглись американцы. Причем Белый дом постарался придать своей интервенции характер коллективной акции Организации американских государств, заставив большую часть членов ОАГ проголосовать за это вторжение: 24 голоса «за», 5 – «против», 1 – «воздержался». **2 мая** сам Линдон Джонсон сорвал маску с действий Белого дома, провозгласив «право США на вооруженное вмешательство в любой стране Западного полушария с целью помешать установлению коммунистического правительства».

Однако если в ДР американцы одержали быструю победу, то с Вьетнамом все вышло наоборот. Глава Северного Вьетнама Хо Ши Мин решил обратиться за помощью к Москве, и в **апреле** сюда приехал его личный представитель Ле Зуан. Москва в этой просьбе не отказала. **6 июля** свет увидело секретное

постановление Совета министров СССР № 525–200, которое предусматривало создание группы советских военных специалистов в Демократической Республике Вьетнам. Одновременно с этим началось и наступление на идеологическом фронте: в Хельсинки был созван конгресс ВСМ, где главным вопросом в повестке значилась ситуация во Вьетнаме.

Участники конгресса (1470 делегатов из 98 стран) начали съезжаться в Хельсинки за три дня до его начала – **7 июля** (первыми прибыли «дальние» государства – Япония и Китай). Дин Рид прилетел в столицу Финляндии накануне открытия форума вместе с аргентинской делегацией. Жить их определили в гостинице в центре столицы, и первое, что сделал Дин сразу после прилета, – отправился на экскурсию по городу. Так он поступал практически везде, куда его забрасывала гастрольная судьба. Погода стояла пасмурная, шел мелкий дождь, времени у Дина было не так много (надо было хорошенько выспаться перед завтрашним открытием конгресса), и ему вполне хватило пары часов погулять по центру финской столицы. Хельсинки ему понравился – это был чистый, благоустроенный город с весьма доброжелательным населением. Когда он зашел в один из баров и попросил налить ему местной водки, бармен, узнав, что он американец, не взял с него денег, объяснив на ломаном английском, что Америка – великая страна. Дин не стал спорить с этим выводом, поблагодарил бармена за щедрость и пробыл в полупустом баре несколько минут. После чего вернулся в гостиницу.

Конгресс открылся на следующий день в 10 часов утра во Дворце культуры «Хельсинки», расположенном в северо-восточном районе города. Место это было выбрано не случайно: в этом районе селились в основном рабочие, что вполне соответствовало духу проводимого мероприятия – бороться за мир в районе, где проживали зажиточные хельсинкцы, было бы идеологически неправильно.

К назначенному времени зал Дворца оказался заполненным до отказа. Дин с товарищами заняли места почти в конце зала, однако даже оттуда было хорошо видно, что происходило на сцене, где были установлены столы для членов президиума. После того как прозвучали торжественные фанфары, под аплодисменты собравшихся в зал вошли президент Финляндии У. Кекконен с супругой, премьер-министр страны И. Виролайнен, министр иностранных дел А. Карьялайнен, министр внутренних дел Н. Рюхтя. Их тут же окружили девушки в красочных национальных костюмах, которые под звуки народных мелодий довели почетных гостей до их мест. Едва они уселись, как

председательствующий и глава ВСМ Джон Бернал произнес приветственный спич в адрес президента и его свиты. Затем конгресс начал свою работу, и на трибуну один за другим стали выходить ораторы: председатель Финского подготовительного комитета В. Свинхвуд, премьер-министр И. Виролайнен, Джон Бернал. Последний сообщил, что первый день конгресса объявляется «Днем Вьетнама», и представил следующего оратора – главу делегации южновьетнамского Комитета защиты мира Динь Ба Тхи. Едва Бернал произнес эту фамилию, как зал встал со своих мест и встретил вьетнамца продолжительной овацией. Этот порыв не был заранее отрепетирован, но наглядно демонстрировал, что все присутствующие прекрасно понимали, какая тема будет ведущей на этом конгрессе.

Вьетнамский делегат говорил дольше всех, поскольку речь его то и дело прерывалась аплодисментами: так делегаты конгресса выражали свою солидарность с борющимся народом Северного Вьетнама. Дин тоже хлопал вместе со всеми, хотя мысли его в тот момент были заняты другим: он искал глазами первую женщину-космонавта, гражданку Советского Союза Валентину Терешкову. Перед самым открытием форума Альфредо Варела сообщил ему, что Терешкова тоже участвует в работе конгресса, и предложил Дину взять у нее интервью для своего телевизионного шоу.

– Я думаю, аргентинцы имеют право пообщаться с первой женщиной-космонавтом хотя бы в телеэфире, – сказал Варела.

Дину идея понравилась, поскольку он и сам давно вынашивал мысль сделать участником своей программы кого-нибудь из известных людей первого в мире государства рабочих и крестьян. С тех пор как в 62-м он близко познакомился с Львом Яшиным и понял, что в Советском Союзе живут отнюдь не сирые и убогие люди, пришибленные «железным занавесом», в нем пробудился интерес к этим людям.

Увы, сколько Дин ни искал глазами Терешкову, найти ее так и не смог. Тем более что воочию он ее никогда не видел, а знал только исключительно по снимкам в газетах да однажды видел по телевидению, когда в **октябре 63-го** Терешкова и Гагарин посещали Мексику. Но когда он в перерыве форума сообщил об этом Вареле, тот рассмеялся и, похлопав Дина по плечу, сказал:

– Найти Терешкову не проблема, было бы желание. Подожди меня здесь, в холле, а я все выясню.

Сказав это, Варела скрылся в толпе делегатов, а Дин присел на скамейку, установленную у стены. Просидел он на ней недолго – минут пять. После чего перед ним вновь предстал его спутник. По его довольному лицу Дин понял, что миссия удалась.

– Терешкова согласна познакомиться с тобой сегодня вечером, – сообщил Варела. – В парке «Хесперия» состоится митинг, посвященный Дню Вьетнама, а перед этим будет открыта выставка фоторабот, посвященных борющемуся Вьетнаму. Вот там мы ее и найдем. Так что поезжай сейчас в гостиницу и прихвати свою кинокамеру – она тебе пригодится.

Дин и Варела приехали к зданию, где проходила выставка, примерно за полчаса до ее открытия. Терешкова и еще несколько членов советской делегации были уже там, общаясь с устроителями выставки и членами вьетнамской делегации. Варела попросил Дина подождать его в сторонке, а сам направился к Терешковой. Улучив момент, когда она отвлеклась от разговора с вьетнамцами, он подошел к ней и что-то сказал. В ответ та улыбнулась и кивнула. После чего Варела подозвал к ним Дина и, когда тот подошел, на довольно сносном русском языке представил его Терешковой. Та, улыбнувшись, протянула руку Дину и произнесла по-русски несколько слов. Варела перевел:

– Она говорит, что рада познакомиться с американцем, для которого дело мира так же важно, как и для всех честных людей планеты. Еще она сказала, что готова дать тебе короткое интервью до начала выставки.

Услышав это, Дин немедленно расчехлил свою японскую кинокамеру «Ярко», и они втроем отошли в сторону, чтобы им никто не мешал.

Терешкова была в хорошем расположении духа и говорила почти без запинки. Дин ничего не понимал, но Варела потом перевел ему суть сказанного: Терешкова говорила о миролюбивой политике Советского Союза и призывала аргентинцев бороться за мир. Интервью длилось минут десять, чего было вполне достаточно – объем шоу, которое вел Дин, все равно не позволял показывать больше. Потом они все вместе отправились осматривать выставку. А сразу после нее в парке «Хесперия» состоялся митинг в поддержку борющегося Вьетнама, где Терешкова сказала речь. Дин слушал ее и по отдельным словам понимал, что она говорила почти то же самое, что час назад говорила ему. Слушая ее, Дин поймал себя на мысли, что эта женщина ему нравится. Молодая, симпатичная, да еще первая женщина-космонавт на Земле! «Это второй человек из Советского Союза, с которым меня сводит судьба, – думал Дин, аплодируя вместе со всеми Терешковой. – Если все советские люди такие же, как Яшин и Терешкова, то мне такие люди симпатичны».

Между тем Варела поставил своей целью познакомить Дина как можно с бóльшим числом своих друзей из разных стран мира.

Так, на второй день работы конгресса он свел его с самим Давидом Сикейросом – выдающимся мексиканским художником-коммунистом, общий стаж пребывания которого в компартии насчитывал более 40 лет (он вступил в партию в 1924 году). Дин много слышал об этом человеке, когда жил в Мексике, и видел его прекрасные архитектурные творения в Мехико: монументальные росписи в Клубе электриков и Дворец изящных искусств. Как оказалось, Сикейрос тоже знал Дина – слышал несколько раз песни в его исполнении по радио. Но это были типично развлекательные произведения, поэтому первое, что сказал художник, было:

– Вам надо включать в свой репертуар больше социальных песен. Тогда вас будут любить не только домохозяйки и напомаженные девицы. У нас, у мексиканцев, много таких песен.

– Например, какие? – с любопытством спросил Дин.

– Например, «Красное солнце». Слышали такую? В ней есть очень точные строки:

> Почему ты, солнце, светишь только немногим,
> Когда же ты будешь светить всем нам?..

В тот же день Дин познакомился еще с одним выдающимся творцом и общественным деятелем, о котором много слышал, – чилийским поэтом-коммунистом Пабло Нерудой. Тот, в отличие от Сикейроса, не стал читать ему стихи, а подарил свою последнюю книгу – поэму «Мемориал Черного острова», вышедшую год назад. И еще дал свой чилийский адрес, с тем чтобы Дин, если будет проездом у него на родине, обязательно пришел к нему погостить.

Этими двумя знакомствами дело не ограничилось. В последующие дни Варела познакомил Дина еще с несколькими людьми. Среди них оказались и два немца: западногерманский священник Мартин Нимеллер и восточногерманский политический деятель Альберт Норден. Оба оказались весьма влиятельными и известными людьми: Нимеллер вот уже четыре года был одним из президентов Всемирного совета церквей, а Норден входил в состав Политбюро ЦК СЕПГ, где курировал международные дела. Дин тогда даже не мог предположить, что знакомство с Норденом станет для него эпохальным и явится одним из поворотных моментов в его жизни.

Тем временем конгресс двигался к своему завершению. Все эти дни Дин не посещал пленарные заседания в комиссиях (их было семь), а только участвовал в культурной программе – выступил несколько раз в сборных концертах. Однако за два дня

до закрытия форума – **13 июля** – Дин угодил в самый эпицентр громкого скандала, который круто изменил его дальнейшую судьбу.

Случилось это в огромном круглом зале Дворца культуры в перерыве между пленарными заседаниями. Там проходил очередной митинг в поддержку Вьетнама, куда Дин пришел специально, чтобы после его завершения спеть делегатам несколько песен. Митинг шел к своему завершению, ораторы сменяли один другого и говорили, в общем-то, одно и то же: что американцы должны прекратить агрессию и убраться из Вьетнама. Как вдруг мерный ход собрания нарушил молодой оратор-американец. Он буквально вбежал на сцену и, к удивлению присутствующих, начал говорить совершенно противоположное: о том, что Америка находится во Вьетнаме не по своей воле, а по просьбе правительства Южного Вьетнама, что, будь иначе, гидра коммунизма расползется по всей Юго-Восточной Азии.

– Вы думаете, американским матерям не больно получать похоронные извещения о гибели их единственных сыновей? – вопрошал молодой оратор. – Но они понимают, что их дети выполняют святое дело – воюют с коммунистами, которые всегда были и будут главными врагами всего свободного мира.

После этих слов в зале поднялся неимоверный шум: часть слушателей начала освистывать оратора и хлопать, не давая ему говорить, а другая бросилась его поддерживать. Председательствующий (это был финн) попытался было прекратить этот гвалт, но у него ничего не вышло – шум только нарастал, поскольку оратор продолжал свою пламенную речь в защиту американских солдат, воюющих во Вьетнаме. Когда председательствующий понял, что этот конфликт может вылиться в нечто большее, чем обычное освистывание, он объявил, что оратор вышел из регламента и должен покинуть сцену. Но американец и не думал выполнять это требование и, стараясь перекричать выкрики из зала, продолжал свою речь. Тогда председательствующий совершил то, чего от него никто не ожидал: этот с виду спокойный финн вдруг встал со своего места, одним прыжком перемахнул через стол и вырвал у оратора из рук микрофон. После чего заявил:

– Объявляется перерыв. Теперь мы послушаем другого американца – певца Дина Рида. Прошу вас, мистер Рид.

Услышав свое имя, Дин поначалу растерялся, поскольку совсем не ожидал, что его именем воспользуются для погашения шумного скандала. Он-то рассчитывал выступать перед миролюбивой аудиторией, а тут зал разделился на две части:

одни решительно осуждали последнего оратора, другие его поддерживали. И Дину надо было найти такой способ, который смог бы примирить две враждующие стороны. Но легко сказать – найти. И пока Дин спускался к сцене, он понятия не имел, как разрядить обстановку. Спасение пришло, как всегда, в последний момент.

Когда Дин встал у микрофона и окинул взглядом зал, он вдруг увидел, что подавляющая часть присутствующих – это молодые люди разных национальностей. Здесь были не только вьетнамцы и американцы, но также русские, финны, французы, англичане. Они принадлежали к разным расам и вероисповеданиям, но их объединяла одна общая идея – ненависть к войне. Ведь даже последний оратор, который вызвал бурю гнева у зала, тоже ненавидел войну, но вынужден был оправдывать американское присутствие во Вьетнаме борьбой с коммунизмом. Когда эта мысль пришла в голову Дину, он начал говорить:

– Уважаемый председательствующий сказал, что я тоже американец. Он не ошибся. Я родился и вырос в Америке и считаю эту страну великой. Но это совсем не мешает мне критиковать и даже ругать мою родину, если ее правительство совершает какие-то ошибки или преступления. Я горжусь, что мои предки построили великую страну, но мне горько осознавать, что они же истребляли индейцев и линчевали негров. Теперь мне больно видеть, как Америка посылает своих лучших сынов убивать людей во Вьетнаме, прикрываясь борьбой за свободу. Разве можно принести свободу на штыках? И что за общество будет построено там, где были пролиты реки крови?

Я понял, что предыдущий оратор, мой земляк, тоже любит свою родину. Однако нас с ним различает одно серьезное «но»: он готов простить своему правительству эту бойню, а я нет. Эта война бросает тень на Америку и заставляет миллионы людей ненавидеть нас, американцев. Но мы не ненавидеть должны друг друга, а объединяться.

Здесь Дин сделал паузу и повесил гитару, которую до этого он держал в правой руке, себе на грудь. После чего продолжил:

– Эти мысли, которые я сейчас озвучил, разделяют миллионы моих соотечественников. А поскольку я артист, разрешите мне донести их до вас посредством главного моего оружия – гитары. Я считаю себя пацифистом, противником всякого оружия, но вы ведь не будете спорить, что из всех видов оружия этот вид самый гуманный. Я спою вам песню моего земляка, которого вы наверняка хорошо знаете, – Пита Сигера. Песня называется «Мы преодолеем!» и часто исполняется на таких же вот митингах и

манифестациях, как наше с вами собрание. Когда звучит эта песня, люди обычно берутся за руки и поют вместе с исполнителем. Мне бы очень хотелось, чтобы и все сидящие в зале сделали то же самое. Давайте объединяться, а не разобщаться.

Завершив свой спич, Дин ударил по струнам и запел. После первого куплета, видя, что часть зала начала ему подпевать, Дин спустился со сцены и начал ходить между рядами, пытаясь заразить своим темпераментом и остальных. И хотя тот парень, которого согнали с трибуны, демонстративно скрестил руки на груди и подпевать не собирался, однако его ближайшие соседи, взявшись за руки, в унисон певцу пели: «Мы все преодолеем! Мы победим!»

Когда Дин закончил петь, в зале раздались аплодисменты. Они длились так долго, что Дину пришлось спеть еще одну песню, поскольку зал, уставший от дебатов, хотел просто отдохнуть. А одной песни было явно мало. Собственно, у Дина были силы и желание сыграть полноценный концерт, однако не было возможности – скандал украл слишком много времени и теперь требовалось освободить помещение для работы очередной комиссии.

Сразу после митинга, когда Дин вышел в холл Дворца культуры, там его поджидали несколько мужчин. Они представились русскими, из Москвы, и стали горячо благодарить Дина за его выступление.

Один из них, упитанный мужчина в темном костюме, отменно говоривший по-английски, представился Георгием Арбатовым и сделал Дину предложение, в реальность которого он поверил не сразу:

– Нет ли у вас желания, мистер Рид, посетить Москву?

– Желание такое у меня есть, нет только возможности, – ответил Дин.

– А если мы вам такую возможность предоставим? – вновь спросил Арбатов.

Дин ничего не ответил, лишь с удивлением воззрился на собеседника. А тот, улыбнувшись, продолжил:

– Мы хотим предложить вам посетить Москву сразу после завершения конгресса. Поскольку это предложение родилось спонтанно и учитывая дела, которые ждут вас в Аргентине, этот визит может ограничиться всего одним-двумя днями. Нам кажется, что человеку, который не боится публично выражать свои симпатии к Советскому Союзу, просто необходимо увидеть эту страну воочию. Вы согласны?

Дин в ответ кивнул. Но поскольку выглядел он по-прежнему

растерянным, его собеседник завершил свой монолог следующими словами:

– Мы понимаем, что это предложение является для вас полной неожиданностью. Поэтому с ответом не торопим и готовы подождать до завтрашнего утра. О'кей?

– О'кей, – ответил Дин и только теперь позволил себе улыбнуться.

Расставшись со своими новыми знакомыми, Дин немедленно отправился на поиски Варелы, чтобы рассказать ему о случившемся и попросить совета. Искал он его около часа, поскольку ни во Дворце культуры, ни в гостинице Варелы не оказалось. Нашел его Дин случайно: заглянул в гостиничный бар, чтобы промочить горло содовой, и увидел Варелу за дальним столиком в компании какой-то пожилой дамы. Но едва Дин приблизился к их столику, как женщина поднялась со своего места и ушла, даже не допив свой кофе. Но обращать на это внимание Дину было недосуг – его голова была забита совсем другими мыслями.

Когда Дин рассказал Вареле о своем разговоре с русскими, тот удивился не менее сильно, чем наш герой.

– Приглашение в Москву – это очень серьезно. Смею тебя уверить, что родилась мысль тебя пригласить не спонтанно – видимо, ты давно обратил на себя внимание русских. Как, ты говоришь, зовут того мужчину, что сделал тебе это предложение?

– Кажется, Арабов.

– Скорее всего Арбатов. Я видел его в Праге, когда приезжал туда три года назад: он тогда работал в журнале «Проблемы мира и социализма». А сейчас знаешь, где он работает? В Центральном комитете их партии, и не где-нибудь, а на американском направлении (Арбатов тогда являлся консультантом Юрия Андропова). Теперь улавливаешь, почему в поле их зрения попал именно ты?

– Улавливаю, – кивнул Дин. – Однако ты не ответил, что мне делать. Завтра утром я должен дать им ответ.

Варела ответил не сразу. Сначала он допил свой коньяк, после чего отставил бокал в сторону и, глядя в глаза своему собеседнику, сказал:

– Я повторяю, Дин, что все это очень серьезно. Я обеими руками за то, чтобы ты съездил к русским. Но ты не должен забывать, что у нас на родине по головке тебя за это не погладят. Потому что одно дело дружить со мной, аргентинским коммунистом, и совсем другое дело – посетить оплот мирового коммунизма Москву по личному приглашению советского правительства. Ты должен сам решить, как тебе поступить.

– Сам? – переспросил Дин, непроизвольно помешивая ложечкой остатки холодного кофе, не допитого пожилой незнакомкой. Пауза длилась всего лишь несколько секунд, после чего Дин наконец произнес: – Ну что же, сам так сам. Я, пожалуй, соглашусь.

Варела был прав, когда сказал, что Дин обратил на себя внимание со стороны русских задолго до конгресса в Хельсинки. Произошло это в **мае 62-го**, когда Дин бросил вызов американским властям, не убоявшись публичной дружбы с вратарем Львом Яшиным. И хотя этот поступок во многом можно было назвать импульсивным, однако о нем немедленно было доложено в Москву по линии КГБ и Международного отдела ЦК КПСС. Именно тогда там впервые услышали имя американского певца Дина Рида. Однако дальше обыкновенной симпатии дело тогда не пошло: все-таки среди американских деятелей культуры людей, открыто выражавших свои добрые чувства к СССР, было достаточно. Но последующие события показали, что Дин Рид пошел дальше всех: он переехал жить в Аргентину и начал контактировать с тамошними коммунистами. И в итоге по их приглашению приехал в Хельсинки на конгресс ВСМ, хотя прекрасно отдавал себе отчет в том, чем эта поездка может ему грозить. Но Дина это не испугало. Более того, в первые же дни своего пребывания на конгрессе он взял интервью у советской космонавтки Валентины Терешковой, твердо пообещав ей, что обязательно включит эту запись в свое телевизионное шоу. Короче, все эти поступки Дина ясно указывали на то, что его симпатии к коммунистам отнюдь не случайность, а вполне осознанный выбор. Правда, по линии КГБ на его счет все еще оставались сомнения: он мог играть двойную игру, будучи завербованным ЦРУ или ФБР. Однако проверить эти сомнения можно было только на практике: например, во время его приезда в Москву.

Конгресс завершился **15 июля**. И в тот же день пути Дина и его аргентинских друзей разошлись: он отправился в Москву, а они – к себе на родину. Звонить Патрисии Дин не стал, а поручил эту миссию Вареле, который должен был объяснить женщине, как и почему ее супруг отправился в столицу первого в мире государства рабочих и крестьян. Когда Патрисия об этом узнала, она от неожиданности даже присела на стул. Но Варела успокоил ее, сообщив, что эта поездка продлится от силы день-два.

– Он вернется уже к концу этой недели, – сказал Варела, подавая Патрисии стакан с водой. – Однако распространяться об этом не стоит.

Последнее предупреждение было лишним: Патрисия и сама

прекрасно понимала, что ее муж серьезно рискует, посещая Москву. Другое дело, она ясно отдавала себе отчет, что скрыть эту информацию все равно не удастся: ищейки местной госбезопасности СИДЕ или военной разведки все равно все пронюхают (президент Ильиа хоть и считался демократом, однако был у власти всего два года и не имел достаточного авторитета в аргентинских спецслужбах, многие сотрудники которых оставались приверженцами военной диктатуры). Так оно и вышло: уже в первые же часы после прилета аргентинской делегации в Буэнос-Айрес местные спецслужбы были поставлены своими информаторами (в составе делегации их было несколько) в известность, куда именно отправился Дин Рид. И это несмотря на то, что отъезд Дина в Москву был обставлен по всем правилам конспирации.

Дин пробыл в Москве всего два дня. Но этого времени вполне хватило, чтобы вдоволь насмотреться на красоты советской столицы и даже запечатлеть их на пленку. Особенное впечатление на Дина произвела Красная площадь, о которой он уже был достаточно наслышан. Увидел он и Ленина, хотя до этого никак не мог взять в толк, как это в центре цивилизованного государства может храниться мумия, пусть и выдающегося человека. Помнится, когда они с Патрисией были в Мексике и посетили городок Гуанохуато, где существует музей мертвецов (в этом местечке почва особенная, и благодаря ей трупы людей консервируются и сохраняются, чем и воспользовались практичные власти: они открыли для обзора подземное кладбище, спрятав мертвецов за витринами), Дин наотрез отказался туда идти, не желая все это лицезреть. Однако отказаться от посещения Мавзолея Дин не смог: побоялся обидеть хозяев. Но шел он туда с дрожью в коленках, заранее предвкушая если не ужасное зрелище, то во всяком случае неприятное. Однако увиденное его сильно удивило: Ленин выглядел вполне естественно в стеклянном саркофаге и совсем не напоминал тех ужасных мертвецов, которые были запечатлены в буклетах в Гуанохуато.

Не менее сильное впечатление на Дина произвела московская подземка – Метрополитен имени Ленина. Это был настоящий город под землей, красоты которого не шли ни в какое сравнение с тем, что Дин видел в Нью-Йорке или даже в том же Вашингтоне, который тоже является столицей. Московское метро предстало перед Дином идеально чистым и сверкающим, как игрушка на рождественской елке. Его провезли по Кольцевой линии и показали несколько станций, которые, к его изумлению, не были похожи друг на друга: в оформлении каждой были использованы

абсолютно разные цвета и скульптуры. Совершенно убило Дина то, что проезд в этом подземном царстве света и чистоты стоил всего пять копеек, в то время как американец отдавал за вход в свою не самую чистую и уютную подземку в мире сумму в десять раз большую.

Вообще цены в Советском Союзе Дина попросту шокировали. Но не своими заоблачными высотами, а совсем наоборот. Работник Идеологического отдела ЦК ВЛКСМ, который был одним из гидов Дина в те дни, объяснил ему: в Советском Союзе самые низкие цены в мире практически на все товары первой необходимости, поскольку государство их дотирует из своего бюджета.

– А какова средняя зарплата советского человека? – тут же поинтересовался Дин.

– Около 110–120 рублей, – последовал ответ. – Чтобы вам было понятно, чему эквивалентна эта зарплата, приведу такой пример. Комплексный обед в обычной столовой стоит 50–60 копеек. Так вот, на свою зарплату советский человек может ходить туда 220–230 раз в месяц! Еще он может купить на нее более ста книг, поскольку книги у нас тоже дешевые. Однако газеты у нас стоят еще дешевле – всего 2 копейки, и если покупать их каждый день, то на это в месяц уйдет всего около 50 копеек! Таким образом, учитывая, что у нас бесплатная медицина и образование, можно смело сказать, что средней зарплаты советскому человеку вполне хватает, чтобы не бедствовать.

Вся эта информация поразила Дина до глубины души, что неудивительно. Ведь на Западе про достижения первого в мире государства рабочих и крестьян вообще ничего не говорилось и весь упор делался только на критику и констатацию тех недостатков, которые в СССР существовали. Заметил эти недостатки и Дин. Так, от его внимательного взора не укрылось то, что на поверхности Москва выглядит совсем не так современно, как тот же Буэнос-Айрес или любой из американских городов. Здесь не было ультрасовременных зданий из железа и бетона и обилия неоновой рекламы по вечерам. Даже таких естественных летом заведений, как открытые кафе, на улицах города почти не было. Да и жители столицы по большей части выглядели достаточно скромно, расхаживая по улицам в не самых модных одеяниях. Однако Дин не увидел среди них ни одного нищего, который просил бы милостыню или копался бы в помойных баках. Поэтому, когда Дин осторожно поинтересовался у своего гида, есть ли в Москве такие же кварталы нищеты, как в Нью-Йорке или Сантьяго, тот только развел руками:

– Вы можете удивляться, но ничего подобного у нас нет и

быть не может. Вот уже почти пятьдесят лет у нас нет просящих милостыню, а трущобы, которые существовали в Москве при царе, мы стерли с лица земли еще в начале двадцатых годов.

Это заявление произвело на Дина большое впечатление. После этого на досадные мелочи, которые сопровождали его в этой поездке, он уже внимания не обращал. Например, в гостиничном номере, в ванной, он долго искал пробку, чтобы закрыть отверстие в ванне, но так и не нашел. Поэтому ему пришлось воспользоваться душем, хотя дома он обожал полежать и «покиснуть» в горячей воде.

Не стоит думать, что Дин все время, пока находился в Москве, занимался исключительно тем, что любовался ее красотами. Было у него и несколько деловых встреч. Так, он посетил ЦК ВЛКСМ, где встретился с секретарем этого учреждения Борисом Пастуховым, а также имел встречу с чиновниками из Госконцерта на предмет возможных будущих гастролей Дина в Советском Союзе.

– Я с удовольствием готов приехать в вашу страну с концертами в любое удобное для вас и меня время, – сказал в Госконцерте Дин. – Причем за любой предложенный вами гонорар.

– Приятно это слышать, – услышал Дин в ответ. – Мы, конечно, не акулы капитала, но наши гонорары тоже вполне приемлемы. Во всяком случае, еще никто из артистов, приезжавших к нам из-за рубежа, на нас не обижался. Короче, если вы согласны, то мы проработаем этот вопрос и через какое-то время дадим вам знать.

Дин улетал из Москвы переполненный впечатлениями. То, что он здесь увидел, поразило его в самое сердце. Он, конечно, давно уже перестал верить тому, что писала американская пресса о Советском Союзе, однако то, что он увидел собственными глазами, окончательно убедило его в правильности его прежних выводов.

Когда самолет с Дином на борту взмыл над аэропортом Шереметьево, наш герой еще не знал, как сложится его дальнейшая судьба, но уже понимал, что легкой и спокойной она не будет. Твердо он знал только одно: путь им был выбран, и свернуть с него означало бы изменить самому себе.

Часть вторая
В паутине спецслужб

Дин Рид возвращался в Аргентину, которая буквально стояла на грани военного переворота. После того как президент страны Артуро Ильиа и правительство отказались поддерживать вооруженные интервенции США в Доминиканскую Республику и Вьетнам, верхушка вооруженных сил страны во главе с командующим сухопутными войсками Хуаном Карлосом Онгания при поддержке крупных предпринимателей и иностранных компаний начала готовить заговор с целью свержения законного правительства и президента. Спецслужбы в этой ситуации заняли выжидательную позицию: одна часть СИДЕ (Государственная информационная служба) взяла сторону Ильиа, а другая часть, как и военная разведка, склонялась в пользу Онгания и только ждала удобного момента, чтобы примкнуть к перевороту.

Между тем компартия Аргентины поддерживала президента и с **1 июля** объявила в стране сбор средств среди населения на пропагандистскую деятельность. По планам сборщиков, в кассу должно было поступить 150 миллионов песо, но реальная сумма превзошла предполагаемую – люди внесли 175 миллионов. На эти деньги началась агитация против интервенционистской политики США, в поддержку президента Ильиа. Кроме этого, Аргентинский совет мира готовился провести в **сентябре** в городе Тукумане конгресс сторонников мира.

Однако и противники режима не сидели сложа руки. Заговорщики в военной разведке и СИДЕ составляли списки активистов, которых надлежало арестовать в первую очередь. Дин Рид попал в этот список в самый последний момент, когда до руководства спецслужб дошла информация о том, что он сразу после конгресса ВСМ в Хельсинки отправился в Москву. Ордер на его арест был выписан немедленно, однако, учитывая популярность Дина у населения и двоякую ситуацию в стране, было решено арест проводить тайно, без свидетелей.

В день прилета Дина в Буэнос-Айрес в аэропорт Эссейса был отправлен агент спецслужб Мигель Дормаль. В его задачу входило убедиться в прилете Дина и негласно сопроводить его до дома. Вообще-то такого рода операции обычно доверяют двум агентам, но начальник Дормаля посчитал это расточительством – отправлять на такое пустячное дело двух своих сотрудников. Знай он, чем обернется его недооценка ситуации, он бы сто раз подумал, прежде чем отправить Дормаля на задание в

одиночестве. Но что случилось, то случилось.

Дормаль был молодым агентом, пришедшим на службу в тайную полицию около года назад. До этого он служил в районном военном комиссариате инспектором, но благодаря протекции своего дяди-полицейского перебрался в СИДЕ. Идя туда, он был полон радужных надежд на то, что новая работа принесет ему массу положительных эмоций. Он мнил себя чуть ли не Джеймсом Бондом, у которого теперь будет все: интересная работа, хорошая зарплата и куча красивых девчонок в придачу. Увы, оправдалось только первое: на новом месте Дормаль действительно стал получать на сотню песо больше, чем в военкомате. Остальное осталось только мечтой. Причем, как понял Дормаль, несбыточной. Ни в каких серьезных тайных операциях его не задействовали, а использовали только в качестве агента «на подхвате»: он в основном сидел в управлении, и лишь пару-тройку раз его посылали вместе с другими молодыми агентами на какой-нибудь митинг или демонстрацию с заданием подслушивать разговоры манифестантов. И даже сегодня, когда ему поручили индивидуальное задание, оно мало вдохновило Дормаля: надо было всего лишь встретить американского певца Дина Рида и негласно сопроводить его до дома. Как выразился начальник Дормаля на сленге оперативников: «положить в адрес».

Дормаль приехал в Эссейса за час до прибытия нужного самолета и коротал время, слоняясь по огромному холлу в здании аэропорта. Когда ходить надоело, Дормаль уселся на скамейку прямо напротив электронных часов и стал разглядывать прохожих, снующих мимо него в разные стороны. Естественно, главное внимание агент уделял молодым красивым женщинам, коих среди находившихся в аэропорту было предостаточно. Среди них были разные особы: и восхитительно красивые дамы со стройными ногами и фигурами, будто с обложек «Плейбоя», и дурнушки.

Между тем до прилета нужного Дормалю самолета оставалось около двадцати минут, когда приятный женский голос объявил по громкой связи, что самолет задерживается на полчаса. Выругавшись про себя, Дормаль встал со своего места и отправился к киоску с прессой, чтобы купить какую-нибудь газету. Он был не большой любитель читать, однако делать было нечего – убивать время, разглядывая женские ноги, ему надоело.

Дормаль уже собирался расплатиться с киоскершей, когда внезапно заметил проходившую мимо киоска симпатичную темноволосую женщину с элегантной кожаной сумочкой, перекинутой через плечо. Она прошла совсем близко от него, и

Дормаль даже уловил тонкий запах ее дорогих духов. Сопроводив незнакомку взглядом, Дормаль заметил, как она зашла в кафе-бар, и, передумав покупать газету, решил последовать за ней.

Бар был заполнен всего лишь наполовину, поэтому отыскать незнакомку Дормалю не составило большого труда. Тем более что она не стала забираться в какой-нибудь укромный угол, а села прямо у барной стойки на высокий овальный стульчик. Поскольку место рядом с ней было свободно, Дормаль взгромоздился по соседству. И заказал себе текилу. Отпив пару глотков, он решился побеспокоить свою соседку вполне уместным для аэропортовского бара вопросом:

– Вы кого-то встречаете?

– Как и вы, – ответила женщина, после чего приложилась губами к своему бокалу с мартини.

– А почему вы решили, что я тоже кого-то встречаю? – удивился Дормаль.

– Потому что я видела, как вы нервно среагировали на объявление по радио о задержке самолета.

– Вы очень внимательны, – похвалил незнакомку Дормаль. – А еще что вы заметили?

– Что вы ждете не женщину.

– А это как вам пришло в голову?

– Иначе вы бы не стали клеиться ко мне, – здесь незнакомка впервые повернула голову и бросила на Дормаля короткий, но оценивающий взгляд.

Дормалю стало неловко под этим взглядом, и он, чтобы скрыть свое смущение, приложился к бокалу. После чего в разговоре наступила пауза. Первой ее нарушила незнакомка, которая спросила:

– Вы встречаете кого-то из близких?

– Увы, – покачал головой Дормаль.

– Тогда друга.

– Опять не угадали.

– Значит, коллегу по работе.

– И снова мимо, – засмеялся Дормаль, после чего наклонился к собеседнице и почти шепотом сказал: – Не трудитесь, все равно не угадаете.

Теперь уже настала очередь женщины удивляться. Дормаль же, поймав ее смятенный взгляд, подумал: «Ну, теперь пташка точно попалась».

Выдержав эффектную паузу, Дормаль наконец сообщил:

– Я из тайной полиции и нахожусь здесь с секретным заданием.

– Зачем же вы мне об этом говорите? – спросила незнакомка.

– Потому что знаю, что вы никому не расскажете.

– А вы не врете?

В голосе собеседницы сквозило неприкрытое сомнение, что Дормалю пришлось не по душе. Он решил открыться до конца, поскольку эта женщина ему понравилась. А поскольку она была умна и вряд ли согласилась бы близко познакомиться с ним, он решил попросту запугать ее. Он был уверен, что отказать агенту секретных служб даже такая женщина побоялась бы. Поэтому он неуловимым движением извлек из внутреннего кармана пиджака свою «корочку» и показал ее незнакомке:

– Теперь убедились?

– Теперь да, – ответила женщина и вновь взяла в руки свой бокал.

Она была явно ошарашена, что не могло укрыться от глаз Дормаля. Поэтому мысленно он уже торжествовал победу. Ему казалось, что еще немного, и эта женщина падет перед ним ниц. Чтобы успокоить ее, Дормаль сказал:

– Вам лично не надо беспокоиться: вы мне очень понравились. А к друзьям я великодушен.

– Спасибо за доверие, – ответила незнакомка. Затем спросила:

– Вас послали сюда, чтобы кого-то арестовать?

– Отнюдь, всего лишь понаблюдать. Он коммунист, а эта публика крайне опасна.

– А вы не боитесь, что я тоже могу быть коммунисткой? – спросила незнакомка и вновь повернула лицо к своему собеседнику.

– Вы? – вскинул брови Дормаль. – Да ни за что на свете! Я коммунистов достаточно повидал и скажу вам честно: таких женщин среди них не встречал. Вы умны, красивы, образованны. А там одни убогие и неотесанные мужланы со своими женами-кухарками.

– Значит, тот, кого вы встречаете, тоже неотесанный мужлан?

– Увы, но тот субъект особенный, – покачал головой Дормаль. – Этот тип совсем из другой оперы. Он американец, причем достаточно известный.

– Американец? – вскрикнула незнакомка.

– Что вы кричите как резаная, – одернул незнакомку Дормаль. – Да, американец. А что вас так удивляет? Среди янки сейчас очень даже модно поддерживать коммунистов. Вот и этот тип купился. Да вы наверняка про него слышали – Дин Рид его зовут.

Едва Дормаль произнес это имя, как незнакомка поперхнулась своим мартини и громко закашлялась. И ее

собеседнику пришлось стучать ее по спине и доставать из кармана платок, чтобы она утерла губы и вытерла капли со стойки бара.

– Я же говорил, что вы его знаете, – после некоторой паузы вновь заговорил Дормаль.

– Да, вы правы, я его очень хорошо знаю, – ответила незнакомка, вставая со своего стула. – Я его жена.

– В каком смысле? – спросил Дормаль, еще не понимая, в какой переплет его угораздило угодить.

– В том смысле, что Дин Рид – мой законный супруг вот уже больше года.

Сказав это, незнакомка достала из своей кожаной сумочки паспорт, открыла его и ткнула в лицо Дормалю. И тот прочитал ее имя: Патрисия Хоббс-Рид.

– О, матерь божья! – только и сумел выговорить Дормаль, непроизвольно делая шаг назад.

Патрисия же спрятала паспорт обратно в сумочку, с шумом захлопнула замок и, громко стуча каблуками, направилась к выходу из бара. А незадачливый агент так и остался стоять у стойки, и его остановившийся взгляд еще в течение нескольких минут продолжал буравить двери даже после того, как фигура Патрисии исчезла из виду.

Самолет с Дином приземлился в аэропорту Эссейса около двенадцати часов дня. Дин прошел на таможенный пункт, рассчитывая, что долго там не задержится: у него с собой было не так много вещей – гитара и спортивная сумка, где лежали вещи и кинокамера. Кассету, на которой было записано интервью Валентины Терешковой, Дин предусмотрительно положил в карман брюк. Однако быстрого досмотра не получилось. Молодой таможенник, к которому подошел Дин, заглянув к нему в паспорт, тут же вызвал своего товарища постарше. Тот отозвал Дина в сторонку и принялся весьма дотошно проверять его вещи. Особое его внимание привлекла кинокамера, которую таможенник долго вертел в руках, после чего спросил:

– Что записано на пленке?

– Исключительно прелести тех мест, где я побывал, – вежливо ответил Дин.

– А где вы побывали? – продолжал допытываться таможенник.

– В паспорте на этот счет есть отметки, – ответил Дин.

Таможенник взял в руки паспорт Дина, однако открывать его не стал, а только повертел в руках и сказал:

– Паспорт пока останется у нас.

– На каком основании? – удивился Дин.

– Небольшие формальности, мистер Рид. Завтра мы его вам вернем.

Поняв, что спорить бесполезно, Дин забрал свои вещи и направился к выходу, где его с нетерпением ждала Патрисия. Та же, едва они обнялись, рассказала ему о своей встрече с агентом спецслужб. По тому, как отреагировал муж, она поняла, что он нисколько не удивлен. Единственное, чему он поразился, – тому, как легко удалось его жене раскусить агента. На что Патрисия засмеялась:

– Да я и не думала его раскусывать – он сам. Кстати, он стоит у печатного киоска с газетой в руках.

Дин взглянул в ту сторону и действительно увидел у киоска мужчину в темном костюме. Он нервно прохаживался из стороны в сторону и косо поглядывал в их направлении. Дин мысленно удивился его молодости, но долго размышлять на эту тему не стал. Он обнял жену, и они отправились на стоянку такси, которое должно было отвезти супругов в их дом на окраине Буэнос-Айреса.

Практически весь вечер Дин только и рассказывал жене о днях, проведенных им в Хельсинки и Москве. Но если о первом городе он говорил немного и скупо, то столица Советского Союза удостоилась куда более обстоятельного рассказа и самых лестных эпитетов. Разложив перед Патрисией набор открыток с видами Москвы, который ему подарил гид-переводчик перед его отлетом на родину, Дин рассказывал и рассказывал. Он вспоминал о том, какой теплый прием ему там оказали, как возили по музеям и паркам, как тепло отзывались о его творчестве.

– Они обещали пригласить меня на гастроли и сказали, что это турне охватит не только Москву, но и другие республики, – хвалился Дин перед женой.

Но Патрисия встретила эту новость без особенного восторга:

– Дин, это же очень опасно. Ты же видишь, что происходит только из-за того, что ты съездил в Москву на пару дней. А что будет, если ты примешь их приглашение уехать туда на гастроли?

– А что будет? – искренне удивился Дин. – Подумаешь, за мной следил агент спецслужб! Меня же не арестовали. Нет, я не думаю, что при нынешнем президенте у кого-то поднимется рука меня арестовать.

– Но Ильиа не вечен, – напомнила мужу Патрисия. – Тебя не было больше недели, и за это время много чего произошло. Люди только и говорят, что о возможном военном перевороте.

– А я тебе говорю, что у них кишка тонка сбросить Ильиа, – с нескрываемым раздражением произнес Дин и сгреб разложенные на столе открытки с видами Москвы в одну стопку. – Ты же

прекрасно знаешь, что о возможном перевороте люди судачат все два года, что Ильиа находится у власти. И что? Да, я знаю, что среди военных есть люди, которые спят и видят, как бы свернуть шею нынешнему президенту. Но у них руки коротки, потому что они понимают, что этот переворот не будет иметь поддержки ни внутри страны, ни за ее пределами. Так что успокойся и приготовь мне ванну – я хочу хорошенько отмокнуть после гостиничных душевых.

Около восьми часов утра следующего дня, когда Дин и Патрисия еще спали, в их доме раздался телефонный звонок. К аппарату подошла Патрисия и услышала на другом конце провода голос незнакомого мужчины, который попросил позвать к трубке Дина. С трудом растолкав мужа, Патрисия вручила ему телефон, а сама встала у двери.

– Да, я слушаю, – не открывая глаз, произнес Дин.

– Мистер Рид, вас беспокоят по поводу вашего паспорта, – сказали на другом конце провода. – Вам надлежит приехать за ним сегодня в двенадцать часов дня по адресу… – И мужчина назвал улицу, куда Дину надлежало прибыть.

Когда в трубке раздались короткие гудки, Дин отложил телефон в сторону и спросил у жены, который час.

– Четверть девятого, – ответила Патрисия.

– Тогда я посплю еще полчаса, а ты пока приготовь завтрак…

Дин приехал по названному адресу в точно назначенное время. Это было массивное серое здание, на входе в которое не было никакой вывески. Однако по тому, что в вестибюле стояли сразу два вооруженных автоматами солдата национальной гвардии, Дин предположил, что это военное учреждение. Увидев справа от входа окошко бюро пропусков, Дин наклонился к нему и назвал свое имя. Сидевший за столиком военный немедленно взялся за трубку телефона и позвонил куда следует. После чего, выслушав ответ, сказал:

– Подождите пять минут, мистер Рид, за вами придут.

Однако ждать пришлось меньше названного времени. Уже спустя минуту к Дину вышел поджарый военный и, даже не представившись, попросил Дина следовать за ним. И повел его к лифту. Когда они вошли в него, военный нажал кнопку нулевого этажа, и лифт отправился вниз. Дин еще тогда подумал: «Странно, что проблему с моим паспортом будут решать в подвале». В те мгновения даже тень опасения, указывающая на то, что с ним происходит что-то необычное, в голове Дина не промелькнула.

Выйдя из лифта, военный повел Дина по длинному и абсолютно пустынному коридору куда-то в глубь подвального

этажа. Дин отметил про себя, что каменные стены подвала по обе стороны были выкрашены в зеленый цвет и совершенно чисты – на них не висели ни плакаты, ни какие-либо указатели. Редкие двери из металла были наглухо закрыты, и из-за них не доносилось ни звука. Все это напоминало скорее тюрьму, чем какое-то паспортное учреждение.

Наконец провожатый остановился возле крайней двери в конце коридора и, открыв ее, жестом пригласил Дина войти. Тот подчинился. И оказался в каменной клетке, где из мебели были только металлический стол и пара стульев из того же металла. Причем, как заметил Дин, вся мебель была прикручена к полу массивными болтами. Кроме этого Дин увидел, что в камере они не одни: на противоположной от стола стороне стоял еще один военный, судя по погонам, офицер, который, скрестив руки на груди, внимательно смотрел на гостя. Сделав несколько шагов по направлению к нему, Дин спросил:

– Лучшего помещения, чтобы вернуть мой паспорт, вы не нашли?

– Увы, – картинно развел руками хозяин кабинета-камеры. – Да и незачем это: вам теперь надо привыкать к подобным интерьерам.

– В каком смысле? – удивился Дин.

– В том смысле, что удел коммунистов и всех, кто им сочувствует, – казематы. Разве ваши друзья в Москве вам этого не объяснили?

Только в этот момент Дин наконец осознал, какой серьезный оборот приобретает для него все происходящее. И слова предупреждения, сказанные вчера Патрисией, тут же всплыли в его памяти. Однако внешне он по-прежнему старался выглядеть невозмутимым. И, глядя прямо в глаза своему собеседнику, спросил:

– Значит, вы пригласили меня совсем не для того, чтобы вернуть паспорт?

– Вы очень догадливы, мистер Рид, – по губам офицера пробежала усмешка. – Паспорт вам может уже не понадобиться.

– Что это значит?

– Это значит, что, если вы не согласитесь нам помочь, вы можете отсюда вообще не выйти.

– Серьезное заявление, – произнес Дин, сглатывая внезапно подкативший к горлу ком. – Но я не понимаю, что от меня требуется?

– Сущие пустяки. Вы должны написать в подробностях о своей поездке в Хельсинки и Москву. Напишите, с кем встречались, что видели, куда ходили.

– То есть вы хотите сделать меня осведомителем?

– Информатором, мистер Рид.

– Спасибо за откровенность, но я ничего писать не буду, – твердо заявил Дин. – Удивительно, что у вас хватило наглости мне подобное предлагать.

– Предложить дело нехитрое, – вновь усмехнулся военный. – Итак, вы не будете писать?

– Даже не подумаю, – так же твердо сказал Дин.

Едва он это произнес, как офицер сделал движение головой, напоминающее кивок, и в следующую секунду страшный удар в спину свалил Дина с ног. Каким-то чудом он сумел в последний момент выставить вперед руки, что уберегло его от удара головой о стену. Но едва он попытался встать на ноги, как удар кованым ботинком под дых заставил его вновь свалиться на каменный пол – на этот раз спиной. И только тут он увидел, кто его бил – тот самый человек, который привел его в эту камеру.

Каких-нибудь двадцать минут назад Дин, впервые увидев его, подумал, что этот благообразного вида мужчина, наверное, служит адъютантом у какого-нибудь начальника, но теперь от этих мыслей не осталось и следа. Совсем недавно спокойное лицо этого «адъютанта» было теперь перекошено такой злобной гримасой, какую Дин до этого видел разве что только в кино. А избиение продолжилось. На этот раз в Дина угодил уже не кованый ботинок, а кулак военного – удар пришелся в левый глаз певца. Дин снова упал. После того как кованый ботинок еще пару раз прошелся по ребрам Дина, офицер коротким окриком прекратил экзекуцию. Выждав, когда жертва придет в себя, офицер спросил:

– Ну что, мистер Рид, теперь вы поняли, что мы не шутим?

– Теперь понял, – сплевывая кровавую слюну на пол, ответил Дин. – Только что-либо писать я после этого однозначно не буду: меня чем больше бьют, тем упрямее я становлюсь.

При этих словах «адъютант» подался было вперед, чтобы продолжить избиение, но начальник остановил его взмахом руки. После чего сказал:

– Похвальное упорство для человека вашей профессии, мистер Рид. Обычно ваш брат артист ломается после первых же кровавых соплей.

– У вас что, богатый опыт по этой части? – поинтересовался Дин.

– Да, приходится работать с разной публикой, – уклончиво ответил офицер. – Ну так что, будете писать?

– Я же сказал, что нет, – твердо ответил Дин.

После этого в камере возникла минутная пауза. Каждый из

присутствующих вел себя во время нее по-разному: Дин продолжал сплевывать на бетонный пол кровавую слюну, «адъютант» стоял у двери, прислонившись к стене, а офицер, сев на край стола, затянулся сигаретой. Наконец, сделав несколько затяжек, офицер вновь нарушил тишину:

– На что вы надеетесь, мистер Рид? На то, что ваши друзья в Америке бросятся вас выручать? Может, кто-то из них и бросится, только ваш посол здесь вряд ли захочет отрывать свою задницу от стула ради того, чтобы спасать своего красного соотечественника. Вы им тоже давно поперек горла. Или вы надеетесь на помощь здешних коммунистов? Так они сами в двух шагах от погибели. Еще каких-нибудь несколько недель – и это гнилое правительство вылетит в трубу вместе со своим президентом.

Дин молча слушал офицера и мучительно соображал, что ему делать. Как ни горько было это признавать, но в словах этого садиста была своя логика: у Дина действительно было мало шансов отсюда выбраться. Единственной надеждой была Патрисия, но эта надежда была призрачной: она даже не знала, куда именно отправился ее муж. Однако и соглашаться на сотрудничество с этими заговорщиками означало бы пойти на предательство. И хотя Дин не был коммунистом, а всего лишь сочувствующим, но стоило ему всего лишь один раз дать слабину, как все пути назад к жизни порядочного гражданина были бы навсегда отрезаны.

Кажется, офицер понял, какие именно мысли одолевают Дина, и поэтому первым нарушил тишину:

– Я вижу, что вы терзаетесь сомнениями по поводу моего предложения. Я вас хорошо понимаю и сочувствую вам. Но поверьте человеку, который достаточно насмотрелся на подобные ситуации: вы выберете именно мое предложение. Жизнь – она одна, а вы еще молоды, чтобы поступаться ею так опрометчиво. Мы ведь церемониться не будем: вспорем вам живот и выбросим с вертолета в Карибское море. Смерть в пасти акул – это вам не виселица и не пуля палача в затылок, а намного страшнее. Так что соглашайтесь.

Но Дин продолжал молчать, уставившись в бетонный пол камеры. Слова о вспоротом животе и жуткой смерти в пасти акул его, конечно, потрясли, но не настолько, чтобы тут же отрекаться от всех своих идеалов и друзей, с которыми жизнь его свела в последние годы. В глубине сознания у него все-таки теплилась надежда на то, что спасение может прийти к нему даже в такой, казалось бы, безнадежной ситуации. Поэтому он молчал, предпочитая тянуть время.

Между тем офицер, докурив сигарету, потушил ее о край

стола и, встав, сказал:

– Ну, хорошо, мистер Рид, я согласен дать вам еще немного времени на раздумья. Но имейте в виду: завтра к вечеру вы должны дать нам свой окончательный ответ. И если он будет отрицательным, я обещаю претворить в жизнь то, о чем говорил минуту назад.

Когда Дин уезжал из дома, Патрисия была спокойна за него. Несмотря на вчерашний спор, Дин сумел-таки убедить жену в том, что ему ничто не угрожает и волноваться за него не стоит. И, чтобы окончательно развеять мрачные мысли супруги, Дин пообещал этим вечером сводить ее в знаменитый театр «Колон», в администрации которого работал его приятель.

– Я съезжу за паспортом, потом заеду на телевидение, а вечером, в шесть часов, мы встретимся с тобой у театральных касс, – сказал Дин, уходя из дома.

Однако первые опасения, что с мужем произошло что-то неладное, пришли к Патрисии около трех часов дня, когда ей позвонили с телевидения и поинтересовались, где Дин.

– Как где – у вас, – ответила Патрисия.

– У нас его нет, – последовал лаконичный ответ.

Вот тут сердце Патрисии впервые защемило. Конечно, был вариант, что выдача паспорта могла затянуться по каким-то причинам, но в это почему-то верилось с трудом. Если бы подобное произошло, Дин обязательно позвонил бы на работу, чтобы предупредить о своей задержке. Но он этого не сделал. Поэтому в театр Патрисия уезжала с сердцем, переполненным тревогой. Всю дорогу она молила Всевышнего, чтобы Дин был на условленном месте. Увы, ее надежды не сбылись – мужа у касс не было. Не пришел он ни через пять минут, ни через полчаса. Спектакль давно уже начался, но Дин так и не объявился. И Патрисия окончательно осознала, что случилось что-то ужасное.

Какое-то время она находилась в полном отчаянии и никак не могла сообразить, что ей предпринять. Наконец, когда стало окончательно ясно, что Дин у театра не появится, она отправилась домой. В глубине души еще теплилась слабенькая надежда на то, что Дин ждет ее дома, но и эта надежда была разбита вдребезги, едва Патрисия переступила порог родного дома, – он был пуст. Понимая, что от ее действий теперь может зависеть жизнь ее мужа, Патрисия взяла себя в руки и начала действовать.

Первым делом она позвонила Альфредо Вареле и рассказала все, что случилось с Дином за минувшие сутки. Варела внимательно выслушал Патрисию и пообещал приложить все

усилия, чтобы выяснить, где Дин. Но и ее попросил не сидеть сложа руки.

– Позвоните всем, кому можно: коллегам Дина на телевидение, американским друзьям, – сказал Варела. – Только подключив к этому делу как можно больше людей, мы сможем предотвратить самое ужасное.

– Ужасное? – вздрогнула Патрисия.

– Успокойтесь, я думаю, до этого дело не дойдет, – заверил потрясенную женщину Варела.

Патрисия сделала все, о чем попросил ее Варела. Первым делом она позвонила на телевидение, где работал Дин, и прямым текстом заявила, что ее муж попал в беду. Телевизионщик, разговаривавший с ней, пообещал свою помощь, но по тому, каким тоном он это сказал, Патрисии стало понятно, что надежд на помощь с этой стороны ждать не приходится. Потом она позвонила в Америку Патону Прайсу. Ибо этого человека Дин искренне любил, считал его своим вторым отцом, и тот отвечал ему взаимностью – всегда старался помочь в трудных ситуациях. Вот и теперь Прайс клятвенно пообещал поднять на ноги всех своих влиятельных друзей в актерской среде и вызволить Дина из беды.

Сдерживая слезы, Патрисия задала Прайсу вопрос, который все это время боялась задать самой себе:

– Как вы думаете, Дин еще жив?

На что Прайс ответил тоном, не терпящим возражений:

– Немедленно прекратите истерику! Дин выбирался и не из таких переделок.

Практически всю ночь Патрисия не ложилась и провела все эти часы у телефона в надежде, что ей кто-то позвонит и сообщит хоть какие-то сведения о муже. Но телефон ночью так и не зазвонил. Он заработал только под утро. На другом конце провода был Прайс, который сообщил первую новость: ситуация с исчезновением Дина доведена до американского посла в Буэнос-Айресе.

– Так что дело сдвинулось, и теперь надо только ждать, – обнадежил Прайс женщину.

А с Дином в это время происходило следующее. После встречи с офицером военной разведки (о принадлежности военного, который его допрашивал, к этой спецслужбе наш герой догадался практически сразу) Дина вывели во внутренний двор учреждения, где его уже поджидала арестантская машина (по-русски «воронок»). Однако ехали они недолго – минут десять. После чего Дина снова вывели наружу. Оглядевшись, он увидел, что его привезли в тюрьму. Очевидно, это была тюрьма «Вила

Давото» – единственная в тех краях, где было учреждение, куда Дин приехал за своим паспортом.

После всего случившегося Дин был настолько разбит, что единственным желанием у него теперь было добраться до лежака и поспать несколько часов. Но этой мечте пока не суждено было сбыться. Вместо камеры, куда он мечтал попасть, его привели в кабинет начальника тюрьмы – высокого мужчины средних лет. Когда Дин вошел в кабинет, начальник стоял у окна и курил дорогую гаванскую сигару. При звуке открывшейся двери он повернулся навстречу гостю и внезапно застыл, пораженный внешним видом вошедшего. Затем, вытащив сигару изо рта, начальник задал вопрос, который Дин менее всего надеялся услышать в этих стенах:

– Что у вас с лицом?

Дин в ответ усмехнулся, после чего ответил:

– Неудачно упал с лестницы.

Но хозяин кабинета повел себя более чем странно. Затушив сигару, он достал из кармана своего военного френча платок, смочил его водой из графина, стоявшего на столе, и передал Дину. Тот взял платок и подошел к зеркалу, висевшему на стене, чтобы привести себя в порядок. Когда процедура была закончена, начальник жестом пригласил его сесть в кресло, стоявшее напротив массивного стола.

– Если вам угодно принять мои извинения, то я, Рикардо Мартин, их вам приношу, – сказал хозяин тюрьмы, когда Дин уселся напротив него.

На что Дин отреагировал весьма нелестно:

– Вы хотите сказать, что в вашем заведении людей не избивают?

– Таких, как вы, нет, – последовал ответ.

– А я что, особенный?

– Без всяких сомнений. Во-первых, вы человек известный, во-вторых – вы нравитесь моей дочери. Ей шестнадцать лет, и она покупает все ваши пластинки. Когда полчаса назад я узнал, что вас привезут в мою тюрьму, я был просто потрясен.

Дин опять усмехнулся и приложил платок к своему заплывшему глазу. Происходящее ему казалось какой-то фантасмагорией. Полчаса назад военные били его коваными сапогами по ребрам, а теперь он выслушивал комплименты от начальника тюрьмы. Но это было не последнее его потрясение. После слов о своей дочери хозяин кабинета достал из стола ее фотографию и, протянув ее Дину, попросил:

– Если вам нетрудно, мистер Рид, поставьте свой автограф.

И Дину не оставалось ничего иного, как переложить платок в

другую руку и взяться за ручку. Но прежде чем поставить свой размашистый автограф, он спросил имя девушки, изображенной на снимке.

– Мари-Элена, – последовал ответ.

– А у нее есть какая-нибудь самая любимая моя песня?

Начальник тюрьмы на несколько секунд задумался, после чего сказал:

– Нам с ней очень нравится песня «Пистолеро».

Услышав это, Дин написал на оборотной стороне фотографии следующий текст: «Мари-Элене от Дина Рида – певца, но не пистолеро». Когда Мартин прочитал эту надпись, он улыбнулся:

– Я понял ваш намек. Однако возьму на себя смелость с ним не согласиться. Ваш пистолет – это гитара, и в иных ситуациях она может разить не менее эффективно, чем огнестрельное оружие. Иначе вы бы здесь не оказались.

– Песня еще никого не убивала, – возразил хозяину кабинета Дин.

– Это как смотреть. Какой-нибудь смутьян может наслушаться революционных песен и пойти убивать военных или тех же полицейских. Разве не так?

– Я вижу, вы философ, – усмехнулся Дин.

– Вы угадали: я учился на философском факультете Национального университета. Кстати, в одно время с Че Геварой, которого я хорошо знал еще с детства, когда он носил прозвище Чанчо – Поросенок. Как и он, я в молодости, во времена Перона, тоже увлекался левыми идеями и одно время даже состоял в подпольной организации – мы мастерили бомбы для защиты от полицейских во время демонстраций. Когда это обнаружилось, меня даже хотели исключить из университета, но мой дядя-военный сумел меня выгородить. С тех пор я сильно изменился.

– То, что сильно, – это правда, – кивнул Дин и недвусмысленным взглядом окинул кабинет.

– Что поделаешь, человек существо переменчивое, – развел руками хозяин кабинета. – Я думаю, вы тоже рискуете со временем серьезно измениться.

– Что вы имеете в виду?

– Вы можете разочароваться в тех идеях, которые сейчас проповедуете.

– А вы в своих нынешних идеях уже не разочаруетесь?

– Тоже могу, хотя для этого должно произойти что-то экстраординарное. А пока я придерживаюсь убеждения, что власть должна быть сильной и люди должны ее уважать и бояться. А все эти разговоры о справедливости для всех – чушь несусветная. Такого в истории никогда еще не было и не будет.

– Вы так считаете?

– Да, я так считаю. Вот вы были в России, и что – там все люди равны?

– Я был там всего несколько дней, чтобы делать какие-то далеко идущие выводы.

– Бросьте, мистер Рид, мы же знаем, какое общество строят тамошние правители, – бесклассовое. И они призывают других следовать их примеру. Но это же неправда – общество у них классовое. Там есть элита и простой народ. И первые доминируют над вторыми. Вы что, не слышали про сталинские лагеря, про расстрелы мирных граждан? И лично я нисколько бы не ставил это в упрек советским правителям, если бы они вещи называли своими именами. Но они же говорят о равенстве и свободе, а сами что творят?

– Насколько я знаю, сталинских лагерей в Советском Союзе уже нет, – стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее, ответил Дин. – Что касается элиты и простого народа, то их элита и, к примеру, наша, американская, это две разные вещи. Вы спросите, почему? Да потому, что цели разные: наша элита проповедует культ денег, их – культ коллективной собственности. Да, согласен, любое государство – это насилие, но все дело в том, ради чего творится это насилие. Я не хочу говорить про Сталина, поскольку его время давно кончилось. И сегодняшний Советский Союз мне импонирует, потому что это общество, со всеми его недостатками, живет идеей всеобщей справедливости. Там не все еще получается, но такая идея у них существует, она пропагандируется. И будущее именно за таким обществом, а не за нашим. Мы ведь аморальны изначально. Одно убийство Кеннеди уже говорит о многом. Как только человек, президент страны, захотел принести своей стране мир и спокойствие, его попросту убили. Простые американцы убили? Нет, те самые люди, которые пекутся о своих барышах. Они весь мир ограбили, продолжают грабить и называют это «американской демократией». Чем же они тогда лучше коммунистов?

– По части обмана своих же граждан – ничем не лучше, – согласился хозяин кабинета. – Но лучше такая демократия, чем ваш коммунизм. Как говорил Черчилль: «Демократия плохая форма правления, но остальные еще хуже».

– Но что это за демократия такая, которую надо нести на штыках? – Дин все больше распалялся, и его голос гремел под сводами кабинета как раскаты грома. – Люди должны сами решать, в каком обществе им жить. А то мы учим гватемальцев, доминиканцев, тех же вьетнамцев, убивая их тысячами. Вы, например, знаете, что за последние тридцать пять лет здесь, в

Латинской Америке, произошло уже более тридцати переворотов? В одном только Эквадоре их было одиннадцать, а в Боливии восемь. И что, жизнь в этих странах стала после этого лучше?

– Дело в том, мистер Рид, что Южная Америка еще не созрела для подлинной демократии, – ответил хозяин кабинета. – И чтобы здесь не наступил хаос, власть должна принадлежать сильным личностям.

– Вроде генерала Онгани? – Дин решил играть в открытую.

Как ни странно, но его оппонент принял эту игру и ответил честно:

– Да, хотя бы ему.

– Но ведь Аргентина при нынешнем президенте живет совсем неплохо.

– Это вам так кажется. На самом деле ее качает из стороны в сторону, как рыбацкую шлюпку в шторм. А ее не должно качать.

– То есть вы хотите, чтобы ее прибило к американскому берегу?

– Лучше к нему, чем к кубинскому. Я же говорил, что я противник идеи всеобщего равенства. Вот увидите, Куба тоже сломает зубы на этом пути, причем еще на нашем веку.

– А я думаю, что вы ошибаетесь. Ведь хватило у нее сил дать нам по зубам в заливе Кочинос.

– Да это потому, что этой операцией руководил ваш плейбой Кеннеди.

– Но братья Кастро уже шесть лет руководят Кубой.

– Говорю вам, все это временно. Я допускаю, что Кубу не удастся покорить с помощью военной силы, поскольку народ там пока находится под воздействием революционного вируса. Но этот же вирус ее и погубит. Это произойдет, когда простые кубинцы поймут, что ее элита их обманула. То есть Кубу убьет разочарование. Это же чувство может убить и вас, с чего я, собственно, и начал наш разговор.

– Я, в отличие от вас, не оракул. – Дин устало откинулся на спинку кресла. – И единственное, что могу вам ответить: жизнь покажет, кто из нас прав. Но я благодарен вам за этот спор: он утвердил меня в том, что я все делаю правильно. И завтра мне есть что ответить вашему коллеге.

Примерно в эти же самые часы в сотнях тысяч километров от Аргентины, в столице США городе Вашингтоне, в штаб-квартире ФБР на Пенсильвания-авеню, на пятом этаже в своем кабинете сидел начальник контрразведки Бюро Уильям Салливан и размышлял о том же – о деле Дина Рида. Полчаса назад начальник отдела политического сыска Чарльз Банни сообщил

Салливану о том, что аргентинская военная разведка арестовала певца и актера Дина Рида за его контакты с советскими коммунистами. Услышав это, Салливан попросил Банни зайти к нему, чтобы вместе обмозговать сложившуюся ситуацию. Банни спросил:

– Как я понял, Рида надо вызволять?

– Думаю, да. У меня есть по этому поводу кое-какие соображения, – ответил Салливан.

– Дайте мне полчаса, и я приду к вам с необходимым материалом, – попросил Банни.

Салливан согласился. А пока Банни готовился к визиту, решил скоротать время за любимым занятием – очинкой цветных карандашей, которые стояли на его столе в специальном пластмассовом стакане. Причем очинял он их не точилкой, которая только ломала грифели, а остро заточенным лезвием «Вилсон», используя в качестве подстилки вчерашний номер газеты «Нью-Йорк таймс». Очинял карандаши Салливан медленно, а попутно размышлял о превратностях существования коммунистической идеологии на территории Соединенных Штатов.

Салливан еще хорошо помнил середину 40-х, когда компартия США переживала свои лучшие времена. Он тогда служил старшим офицером и был только на середине пути к своему нынешнему положению (в середине 60-х Салливан стал человеком № 3 в ФБР). В те годы компартия насчитывала в своих рядах 80 500 человек и к началу следующего десятилетия ставила перед собой цель перешагнуть стотысячный рубеж. Однако американские власти помешали ей этого достичь. Президент Трумэн разрешил ФБР развернуть широкомасштабное наступление на коммунистов, что было встречено шефом Бюро Эдгаром Гувером с большим воодушевлением – охота на радикалов была его излюбленным занятием (до этого с таким же темпераментом он боролся с гангстерами, а потом с нацистами).

Кампания выдалась «славной», ничем не уступавшей «охоте на ведьм», предпринимаемой в те же годы в СССР («борьба с космополитизмом», «дело врачей» и т. д.). У американцев апофеозом этой кампании стало дело супругов Розенбергов, которых обвинили в шпионаже в пользу Советского Союза (якобы они продавали КГБ секреты ядерного оружия) и в **июне 1953 года** казнили на электрическом стуле. И вот уже в 1956 году компартия США вместо предполагаемых 100 тысяч человек сократилась до 20 тысяч.

Между тем операции ФБР против КП и других радикалов, именуемые в служебных документах как КОИНТЕЛПРО,

продолжали осуществляться с той же интенсивностью, что и десять лет назад. В итоге к началу президентства Джона Кеннеди компартия США поредела до катастрофических размеров – 8500 человек. Вот почему, когда Гувер однажды заикнулся, что необходимо и дальше продолжать борьбу с коммунистической угрозой, Кеннеди только рассмеялся и заявил: «Чушь собачья! Компартия настолько одряхлела, что не представляет собой никакой угрозы». Это было справедливое замечание, но невыгодное для шефа ФБР – оно лишало его возможности добиваться от Конгресса дополнительных средств для своего ведомства. Поэтому, едва на место Кеннеди заступил новый президент, Линдон Джонсон, Гувер снова поднял вопрос о коммунистической угрозе. В отличие от своего предшественника Джонсон эту идею поддержал, поскольку так же, как и Гувер, верил, что у коммунистов Америки еще есть потенциал. Он не ошибся, более того, сам невольно способствовал росту этого потенциала – развязав войну во Вьетнаме.

Между тем то, что известный актер и певец Дин Рид внезапно стал испытывать симпатию к коммунистам, не было для Америки чем-то необычным. До него таким же путем шли многие его коллеги. Так, в **октябре 1947 года**, в самом начале «кампании против красных», в США перед сенатской комиссией по расследованию «антиамериканской деятельности» предстали сразу десять представителей Голливуда (так называемое дело «голливудской десятки»), которых уличили в симпатиях к коммунистам. Среди этих людей были: режиссер Герберт Биберман (снял фильм «Соль земли»), сценаристы Лестер Коул, Алва Бесси, Ринг Ларднер-младший, Джон Хоуард Лоусон, Далтон Трамбо и четверо других известных деятелей «фабрики грез». Когда их спросили, являются ли они сейчас или были когда-либо в прошлом членами компартии, они отказались отвечать на этот вопрос, сославшись на соответствующую статью Конституции США, которая позволяла им это сделать. За это вся «голливудская десятка» была наказана: им присудили кому полгода, а кому год тюрьмы за «неуважение к Конгрессу» и штрафы в тысячу долларов. Кроме этих людей в Голливуде пострадали еще примерно три сотни человек – актеры, режиссеры, сценаристы, операторы, музыканты, с которыми по идеологическим соображениям были расторгнуты договора.

Но наиболее известным американским деятелем культуры, которого на протяжении долгих лет обвиняли в симпатиях к коммунистам, был чернокожий певец Поль Робсон. Слава пришла к этому артисту еще в середине 20-х, когда Робсону было чуть меньше тридцати. В **декабре 1934 года** он впервые приезжает в

Советский Союз и оказывается потрясенным увиденным там. Настоящий шок он испытал, когда узнал, что его соплеменник, негр Роберт Робинсон, стал депутатом Московского Совета (Робинсон приехал в СССР в начале 30-х годов и работал на заводе «Шарикоподшипник» в Москве). Поэтому, вернувшись в Лондон, где он тогда жил, Робсон заявил газетчикам: «В СССР все граждане, независимо от расовой и национальной принадлежности, имеют равные права». Спустя два года, в **декабре 1936 года**, Робсон приезжает в СССР уже с первыми гастролями. С этого момента он становится «лучшим другом советских людей».

В 1939 году Робсон переезжает из Европы в США и практически сразу попадает в поле зрения ФБР. За ним устанавливается постоянное наблюдение, его почта перлюстрируется, телефоны прослушиваются. Но Робсона это не пугает. В годы войны его политическая деятельность становится еще более активной. Он выступает перед рабочими оборонных заводов, поет на митингах по сбору средств помощи Советской России, участвует в записи серии грампластинок для американских солдат и союзников. В **апреле 42-го** он выступает на митинге в «Манхэттен-сентре», и его страстную речь «Все силы на мобилизацию афроамериканцев и колониальных народов для борьбы с фашизмом» слушают тысячи ньюйоркцев. А когда в 1944 году американские войска высаживаются в Европе и открывают второй фронт, Робсон одним из первых приветствует это событие.

Увы, но союз с Россией длился недолго. Спустя всего лишь год после войны начинается другая война – холодная, и ФБР вновь активизирует свои акции против Робсона, который к тому времени был уже вице-президентом Конгресса борьбы за гражданские права (руководил этой организацией коммунист Уильям Паттерсон). **Весной 1947 года** власти запретили концерты Робсона в городе Пеории в штате Иллинойс и в столице штата Нью-Йорк городе Олбани, а фирма «Коламбия» расторгла с певцом контракт и изъяла из продажи грампластинки с его записями. Однако даже эти события не смогли напугать Робсона, хотя многие его коллеги в Америке после такого рода давления давали слабину. Так, актер Роберт Тейлор публично клял себя за то, что снимался в фильме «Северная звезда», в кадрах которого появлялись советские люди. Робсон же, не будучи коммунистом, в **январе 1949 года**, когда в США проходил суд над двенадцатью членами компартии США, публично заявил: «Коммунисты были первыми, кто умирал за свободу угнетенных, за свободу всего человечества. Я буду защищать коммунистов так же, как они защищали нас, черных американцев…»

В **апреле** Робсон участвует в I Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже и выступает там с речью. Он заявляет, что «немыслимо, если бы чернокожие люди в Америке или других частях света были втянуты в войну против Советского Союза: черные никогда не будут воевать против Советского Союза». Когда он вернулся на родину, американская пресса, которая с **1946 года** хранила заговор молчания вокруг имени Робсона, буквально с цепи сорвалась. Газеты писали, что Робсон предательски клевещет на свою страну и открыто занимается коммунистической пропагандой. Например, «Вашингтон пост» писала: «Когда он говорит, что является лояльным патриотом, трудно поверить в это. Он утверждает, что его взгляды полностью разделяют все негры, однако в действительности он предает их, следуя тактике коммунистов, направленной на защиту интересов белой расы…»

Робсон ответил на эту кампанию на митинге в Гарлеме. Он заявил следующее: «Я родился и вырос в Америке и люблю свою страну. Я люблю лучшее, что есть в этой стране. Я на стороне чернокожих борцов, прогрессивных людей в странах Карибского бассейна, негров и индейцев Южной и Центральной Америки, народов Юго-Восточной Азии – угнетенных людей всего мира, на стороне народов Советского Союза…»

Это заявление буквально взбудоражило страну, особенно расистов. **27 августа 1949 года** они сорвали концерт Робсона в Пикскville, что в 60 километрах от Нью-Йорка. А когда **4 сентября** Робсон снова приехал в этот город, чтобы все-таки дать концерт, расисты предприняли попытку убить певца – с ближайшего холма в него должен был стрелять снайпер. Однако Робсона спасли его сторонники, которые во время выступления певца буквально окружили его плотным кольцом. Но расисты все же нашли способ отыграться – после концерта они закидали камнями все пятьдесят автобусов, развозивших по домам участников концерта. Этот погром стал прологом к «эпохе маккартизма» – широкомасштабной кампании против коммунистов, начатой сенатором от штата Висконсин Джозефом Маккарти.

Между тем атаки на Робсона продолжались. Летом **1950 года** его лишили заграничного паспорта, сорвав ему гастроли в Европе. Возмущенный этим, певец подал в суд на государственного секретаря США Дина Ачесона. Однако выиграть этот процесс не сумел, поскольку вся мощь государственного аппарата была на стороне ответчика. Полтора года спустя Робсону было запрещено выезжать за пределы континентальной части США, даже в Канаду, которую американцы могли посещать

без паспорта. Все эти события настроили против Робсона подавляющее число белых американцев, а вот среди чернокожих его слава взлетела еще выше. По результатам опроса, проведенного всеми негритянскими газетами США, Робсон был единодушно назван «самым популярным афроамериканцем». Не остались в стороне и советские власти, которые в **декабре 1952 года** присудили Робсону Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». О последнем событии большая часть американцев не узнала, поскольку тамошняя пресса обошла это присуждение дружным молчанием.

В **апреле 1958 года** Робсону исполнилось 60 лет, а спустя два месяца ему вернули заграничный паспорт, правда, не без сопротивления: вопрос решился голосованием, где пятеро судей проголосовали за возвращение паспорта, а четверо против. В **августе** Робсон приехал в Советский Союз с гастролями. Они прошли с огромным успехом, и певец собирался повторить их и в **декабре**. Однако резкое ухудшение здоровья певца не позволило этого сделать.

Говорят, первые симптомы болезни Робсон стал ощущать **осенью 1957 года**: у него часто кружилась голова, темнело в глазах, учащенно билось сердце. Врачи московской клиники, где Робсон проходил обследование, поставили диагноз: атеросклероз с нарушением кровообращения в сосудах головного мозга. Сам Робсон считал, что это результат его активной творческой и общественной деятельности. А вот его сын думал иначе, считая, что инициатором болезни его отца было… ФБР, которое с середины 50-х подменяло ему лекарства – вместо обычных таблеток снабжало галлюциногенными. Версия вполне правдоподобная, поскольку Робсон для ФБР был самым большим раздражителем на родной территории. Как итог: с начала 60-х годов Робсон вынужден был отойти от общественной деятельности из-за частичной потери памяти. Он жил в Нью-Йорке в окружении своей родни, и его уже мало кто вспоминал.

Салливан был в курсе почти всех перипетий жизни и деятельности Робсона, поскольку сам участвовал во многих акциях ФБР против него. Докладывали ему о жизни певца и в нынешние дни, но эта информация была малоинтересной: Робсон был уже инвалидом, и все его заботы вращались вокруг одного – тяжелой болезни его жены Эсланды, которая находилась при смерти. Так что как вечный раздражитель Робсон ФБР уже не интересовал. Однако с уходом Робсона появились другие «раздражители». Среди чернокожих это был Мартин Лютер Кинг, среди белых – Генри Фонда, Пит Сигер, Боб Дилан. И вот теперь на горизонте возник еще и Дин Рид, которому, судя по его

последней деятельности, явно не дают покоя лавры Поля Робсона.

В первый раз Салливан услышал о Дине Риде весной 62-го во время чилийского скандала. Но тогда ФБР только взяло певца на заметку, не утруждая себя сбором досье на него, посчитав, что этот поступок не будет иметь продолжения. И когда Дин уехал в Аргентину, в ФБР посчитали, что проблема с Ридом снята. Но вышло иначе. На новом месте Рид сблизился с коммунистами и в итоге съездил в Москву по приглашению членов советской делегации, участвовавшей в конгрессе ВСМ. Когда Салливан узнал об этом, он был в полном недоумении, поскольку считал, что проблема Рида закрыта раз и навсегда. А теперь стало понятно, что русские обратили внимание на Рида неспроста и явно имеют на него определенные виды.

«Видать, этот парень им очень нужен, если они решились пригласить его в Москву, – размышлял Салливан, очиняя очередной карандаш и отправляя его в пластиковый стакан. – Те же Сигер или Дилан им малоинтересны, поскольку их симпатии к левым, и особенно к коммунистам, не переступают определенную черту. А Рид эту черту, видимо, переступил».

В этот момент дверь кабинета отворилась и на пороге появился Чарльз Банни. В руках он держал тоненькую папку, в которой, как понял Салливан, было досье на Рида. Усевшись в кресло напротив шефа, Банни положил папку перед собой на стол, но открывать ее не стал, ожидая, что скажет Салливан. Но тот молчал, поглощенный очинкой очередного карандаша. В течение какого-то времени Банни с интересом наблюдал за тем, как острое лезвие аккуратно срезает с карандаша слой за слоем, но потом ему это надоело, и он воззрился на миниатюрный бюстик Эдгара Гувера, стоявший на полке за спиной шефа. Заметив это, Салливан, не прерывая своего занятия, обратился к подчиненному:

– Ты можешь начинать, Чарли.

И Банни начал, выложив перед хозяином кабинета всю информацию, которой он обладал по поводу поездки Дина Рида в Хельсинки и Москву. Информации было негусто, чего, собственно, Банни и не скрывал, заявив в начале своего рассказа, что досье на Рида находится пока в стадии «зеро» – нулевого варианта. На что Салливан ответил шуткой:

– Ничего, он парень молодой – наверстает.

Салливан знал, что говорил. В свое время и досье на Поля Робсона начиналось с нескольких листков, а потом распухло до трех тысяч страниц. В досье Чарли Чаплина их было чуть поменьше – 1900. Вообще ФБР с середины 40-х начало заводить досье на всех мало-мальски активных людей из разных слоев

общества. Так, «под колпаком» Гувера были чуть ли не все известные американские писатели: Томас Манн, Дэшил Хэммет, Дороти Паркер, Лилиан Хелман, Эрнст Хемингуэй, Синклер Льюис, Джон Стейнбек, Олдос Хаксли, Артур Миллер, Теннесси Уильямс, Трумэн Капоте, Рекс Стаут. Даже детский писатель Э. Уайт угодил под прицел ФБР. Досье заводились не только на американцев. Например, «под колпак» ФБР попали Альберт Эйнштейн, Пикассо и другие известные личности, которые периодически приезжали в Америку.

Упомянув про досье «Зеро», Банни не преминул сообщить, что с недавних пор Рид занесен в РИ («резервный индекс»). Таких индексов у ФБР было несколько: например, в ИБ («индекс безопасности») вносились наиболее опасные с точки зрения ФБР люди, которые подлежали предупредительному аресту. «Резервный индекс» раньше назывался ИК («индекс коммунистов») и появился на свет в конце 40-х, с начала «кампании против красных». Стоит отметить, что о его существовании не знал даже министр юстиции, которому ФБР подчинялось (их офисы находились в одном здании на Пенсильвания-авеню). В **1960 году**, чтобы показать «гибкость» линии ФБР, Гувер отдал распоряжение переименовать ИК: дать ему более нейтральное название – «резервный индекс». В него входили порядка 18 тысяч человек, среди которых были представители самых разных профессий: ученые, артисты, учителя, врачи, военные, журналисты, юристы и т. д. С **1962 года** туда был занесен и активист черного движения Мартин Лютер Кинг. Так что Дин попал в достойную компанию.

– Как я понял из твоего рассказа, этот парень от своих идей так легко не отступает? – спросил Салливан, когда Банни закончил свой рассказ.

– Да, упертый тип, – подтвердил вывод шефа Банни. – Даже с отцом поссорился на идейной почве. Так что сделать из него второго Фрэнка Синатру или Элвиса Пресли не удастся.

Оба упомянутых артиста долгое время работали на ФБР как осведомители, о чем простые американцы узнают только много лет спустя – уже после их смерти. Кроме этого, в творческой среде у ФБР были и другие стукачи: например, знаменитый мультипликатор Уолт Дисней или актер, а впоследствии президент страны Рональд Рейган (последний был секретным информатором под кодовым номером Т-10).

После слов Банни в разговоре наступила короткая пауза. Она понадобилась Саливану, чтобы свернуть газету с очистками от карандашей и бросить ее в мусорную корзину, стоявшую у него под столом. После чего беседа была продолжена. Возобновил ее

Банни, который предложил:

– Может, стоит применить к Риду активные мероприятия? В случае с Кингом это неплохо получилось.

Банни имел в виду недавнюю, январскую, операцию, когда жене Кинга Коретте была подброшена магнитофонная лента, где ее муж якобы уличался в гомосексуальных связях со своим другом Абернети. После этого Кинг впал в глубокую депрессию, его начала мучить бессонница.

Однако Салливан встретил это предложение без особого энтузиазма:

– Ты же сам упоминал, что Рида все знают как бабника, но отнюдь не как гомосексуалиста. Нет, надо придумать что-нибудь потоньше, похитрее. Здесь была бы уместна такая комбинация, которая и тень бы на объект бросила, и следов не оставила.

– Например? – спросил Банни.

– Судя по всему, русским Рид понадобился как агент влияния, – начал развивать свою мысль Салливан. – И он вроде не против им стать. Значит, надо сделать так, чтобы они сами отказались от его услуг. Пусть думают, что он либо работает на нас, либо на ЦРУ.

– А если последние тоже имеют на него виды?

Банни спросил это не случайно. Согласно закону **1947 года** ЦРУ не имело права заниматься разведкой внутри страны, однако с конца 40-х, с началом «кампании против красных», власти негласно разрешили цэрэушникам заниматься этим. В итоге в Лэнгли было создано Управление внутренних операций (УВО), которое с **1950 года** стало наравне с ФБР собирать свои собственные досье на инакомыслящих американцев. Зная об этом, можно было легко предположить, что у ЦРУ наверняка тоже имелось досье на Дина Рида и цэрэушники тоже могли разрабатывать в отношении него какие-то операции. Но Салливан смотрел на такую возможность скептически.

– С нынешним шефом ЦРУ вряд ли способно на что-то стоящее, – усмехнулся он.

Банни сразу понял, о чем говорит шеф. Во главе ЦРУ тогда стоял вице-адмирал Уильям Рэйнборн, который снискал широкую славу как никудышный руководитель. Он был непрофессиональным разведчиком (всю жизнь прослужил в морском флоте, а перед приходом в Лэнгли руководил программой ракет «Поларис») и стал шефом ЦРУ исключительно по протекции – он был приятелем и земляком-техасцем президента страны Линдона Джонсона.

– Короче, подумай над тем, кому сбросить информацию о том, что Рид – подставной, – продолжил свою речь Салливан. –

Это должен быть агент, которому русские полностью доверяют. Например, Федора. (Под этим псевдонимом проходил полковник внешней разведки КГБ Алексей Кулаков, который с **1962 года** работал на ФБР.) Кстати, под каким именем проходит у нас Рид?

– Под именем «Ковбой».

– Слишком прямолинейно, – недовольно покачал головой Салливан. – Надо придумать другое имя.

Салливан задумался, устремив взгляд в окно, за которым светило яркое солнце. Пауза длилась примерно минуту, после чего Салливан вновь заговорил:

– Он ведь у нас артист, и люди вокруг него так и вьются. Вот и пусть будет Магнитом.

Вместо ответа Банни поднялся со своего места, показывая, что ему все ясно и он готов действовать. О том, когда надо сделать так, чтобы Дин Рид оказался на свободе, он не спрашивал, поскольку это было понятно без слов – как можно скорее. Как это сделать, он тоже знал: у ФБР были хорошие отношения с аргентинскими спецслужбами, которые считали американцев своими стратегическими партнерами. Так что в успехе порученного ему задания Банни нисколько не сомневался.

Дина освободили утром следующего дня. Произошло это до обыденного просто. В одиночную камеру, где он сидел, зашел мужчина средних лет в штатском и попросил Дина следовать за ним. Они спустились на первый этаж, где в специальном помещении Дину выдали все его вещи, конфискованные накануне: портмоне с деньгами, часы, записную книжку. После чего человек в штатском принес Дину свои извинения за, как он выразился, «проявленную жесткость».

– Будьте уверены, мы накажем виновных, – сказал мужчина.

Дин в ответ усмехнулся, показывая, что он прекрасно понимает, что эти слова – всего лишь пустая формальность. Не говоря ни слова, он забрал свои вещи и двинулся вслед за мужчиной в штатском к тюремным воротам. Еще минута – и Дин уже был на свободе.

Когда спустя полчаса Дин появился на пороге своего дома, Патрисия, которая сидела на телефоне в ожидании хоть каких-нибудь известий о муже, была в шоке. В первые секунды она просто не узнала своего супруга – он был небрит, изможден, в мятой одежде и с огромным синяком под правым глазом. Поэтому у нее даже не хватило сил подойти к нему и обнять. Она опустилась на стул, стоявший в коридоре, и заплакала. Чтобы успокоить жену, Дину пришлось самому подойти к ней и, заключив в объятия, поцеловать в щеку.

– Не надо плакать, Пэтси, все обошлось, – шепнул Дин на ухо жене. – Если тебе не трудно, приготовь, пожалуйста, ванну. Я хочу смыть с себя тюремную грязь.

Пока жена хлопотала в ванной комнате, Дин позвонил Альфреду Вареле и сообщил о своем освобождении. По тому, как отреагировал его собеседник – в трубке было слышно, как Варела закричал кому-то, находящемуся с ним в комнате: «Он на свободе!» – Дин понял, что за его судьбу переживали многие.

– Мне нужно несколько часов, чтобы отдохнуть, а вечером я жду тебя к себе, чтобы обо всем рассказать, – сказал Дин Вареле, после чего положил трубку.

В назначенное время Варела пришел не один, а привел с собой двух друзей-коммунистов. Они расположились за столом в большой комнате и просидели до самого утра, перемежая разговоры выпивкой и поглощением говяжьих отбивных, которые приготовила хозяйка дома. Дин в подробностях рассказал о своих злоключениях в военной разведке и тюрьме, заключив свой рассказ однозначным выводом: военные готовят переворот. Его собеседники с ним согласились, хотя и с оговорками: переворот готовится, но не факт, что ему дадут осуществиться.

– Но в любом случае, Дин, тебе нужно на время уехать из страны, – сказал Варела. – Страсти утихнут, и ты опять вернешься к нам.

– Извини, Альфредо, но если я и уеду, то не в ближайшие дни, – ответил Дин. – Я обязан сделать то, что обещал сделать еще в Хельсинки: дать в телеэфире интервью с Валентиной Терешковой. И еще: в тюрьме мне пришла идея написать очерк о своем пребывании в Москве. Ты не мог бы помочь мне осуществить эту затею в какой-нибудь газете?

– С удовольствием, друг, – Варела обнял Дина за плечи, всем своим видом показывая, что готов помочь. – Газета «Эль Мундо» тебя устроит? Тогда садись и пиши свой очерк…

Дин прекрасно отдавал себе отчет, какую реакцию могли вызвать задуманные им акции в стане правых. Но иначе поступить он не мог: во-первых, он дал слово Терешковой, во-вторых – его душу буквально раздирало чувство справедливой мести к военным, что издевались над ним в подвальных казематах, а также их хозяевам.

Интервью с первой женщиной-космонавтом Дин показал в своей субботней передаче, сопроводив его коротким комментарием. В нем он рассказал о поездке в Хельсинки и своих впечатлениях после встречи с Валентиной Терешковой.

– Эта женщина буквально покорила меня, – говорил Дин с телеэкрана. – Глядя на нее, я невольно ловил себя на мысли, что

не каждый мужчина смог бы совершить то, что сделала эта на вид хрупкая женщина, – покорить космос. Всмотритесь в лицо этой женщины, вслушайтесь в ее голос, и вы сразу поймете, что не могут люди, живущие с ней в одной стране, хотеть зла кому-либо в мире. Не верьте тем, кто утверждает обратное, ибо они охвачены только одним чувством – поссорить народы между собой, сделать их игрушками в своих грязных политических играх.

Как уже говорилось, Дин ждал резкой реакции со стороны властей на это интервью. Но та быстрота, с которой эта реакция случилась, его удивила. Интервью вышло в эфир в субботу вечером, а уже утром следующего дня в доме Дина объявился мужчина в штатском. Предъявив удостоверение сотрудника СИДЕ, он попросил Дина проехать с ним в местное управление, как он сказал, «для разговора». Патрисия хотела было броситься мужу на шею, но Дин решительным жестом ее остановил, сказав только одну фразу:

– Держи себя в руках, Пэтси!

Как ни странно, но на этот раз Дин почему-то был уверен, что его не арестуют. Ведь при таком повороте событий общественности стало бы понятно, за что его арестовали – за показанное в телеэфире интервью с Валентиной Терешковой. А это уже тянуло на скандал международного значения.

Дин не ошибся – его не собирались арестовывать. Его привезли в местное управление СИДЕ и провели в кабинет начальника отдела, отвечавшего за советский блок. Хозяин кабинета, коренастый мужчина средних лет, одетый в рубашку с короткими рукавами, не стал темнить и пошел в открытую:

– Значит, мистер Рид, профилактика на вас не действует?

Дин в ответ тоже не стал юлить:

– А я предупреждал ваших коллег, что чем больше меня бьют, тем упрямее я становлюсь.

– А вас еще по-настоящему никто не бил, – сказал хозяин кабинета, откидываясь на спинку стула.

– Это угроза?

– Думайте как хотите. Но имейте в виду, что Москва далеко, а мы близко.

– Что же вы предпримете: опять меня арестуете?

– Как вы наивны! Арест – это не единственная форма воздействия на тех, кто бросает нам вызов.

– Значит, будут провокации, – предположил Дин.

– А вы уезжайте сегодня же в вашу коммунистическую Москву, и проблема разрешится сама собой.

– Никуда я не уеду.

– Ну что ж, это ваше право, – развел руками хозяин кабинета. – Ступайте и передайте привет супруге. Она у вас, говорят, красавица.

Вернувшись домой, Дин сразу предупредил Патрисию, что в ближайшем будущем их жизнь может значительно осложниться. Та удивилась:

– Что значит «осложниться»? По-твоему, до этого мы жили легко?

– Теперь может быть еще хуже. Поэтому я предлагаю тебе на время уехать в Штаты, к матери. Когда здесь все уляжется, ты вернешься обратно.

– Одна я никуда не поеду – только с тобой! – решительно заявила Патрисия.

Дину, конечно, очень хотелось, чтобы его жена уехала в безопасное место и сняла камень с его души. Но, видя, с какой решимостью Патрисия настаивает на том, чтобы остаться с ним, Дин не смог сдержать своих эмоций. Он обнял жену за плечи и поцеловал в лоб.

– Ты у меня молодец, – нежно произнес Дин. – Не волнуйся, все образуется. Я все-таки известный человек, к тому же иностранец, поэтому на что-то серьезное они не решатся.

Это не было самоуспокоением – Дин на самом деле так думал. Даже после того, что с ним случилось за последние дни, он надеялся, что ситуация не зашла слишком далеко и его недруги не посмеют тронуть ни его, ни Патрисию. Последующие события показали, что он ошибался.

Уже на следующий день, когда Дин приехал на телевидение, чтобы заняться подготовкой очередного выпуска своей программы, он вынужден был прервать работу в самом начале и мчаться назад домой. А все потому, что ему позвонила Патрисия и, глотая слезы, сообщила, что у них на заднем дворе случился пожар, а их пса кто-то отравил. Естественно, ни о какой дальнейшей работе Дин уже не помышлял, и всю дорогу до дома с его губ слетали только одни проклятия: «Мерзавцы! Сволочи!»

Вечером к ним приехал Альфредо Варела с несколькими товарищами. Все они стали наперебой уговаривать Дина уехать из страны. Но Дин был неумолим:

– Если я уеду, они сочтут это трусостью.

– Это не трусость, это вынужденное отступление, – возразил ему Варела. – Сражение не всегда можно выиграть впрямую, нужно уметь маневрировать.

Дин согласился с этим доводом, но уезжать все равно отказался:

– Жалко, конечно, нашего пса, но нас они тронуть не

посмеют. Ты и сам, Альфредо, в это не веришь.

Варела понял, что спорить с Дином бесполезно, но попытался оставить у него в доме хотя бы временную охрану: своих друзей Хорхе и Альберто. Но Дин и этого не разрешил, заявив:

– У меня надежная дверь и ставни. И до полицейского участка не так далеко.

Когда гости ушли, Патрисия горько резюмировала:

– Это будет чудо, если сегодня ночью с нами ничего не случится. Тебе надо было послушаться Альфредо и согласиться на охрану.

– Я понимаю твои чувства, Пэтси, но и ты меня пойми: мы не можем рисковать жизнями других людей, – ответил Дин. – Мы можем рисковать только своими.

Спать супруги легли через час. Причем не в спальне, а в большой комнате, чтобы сбить с толку своих вероятных недругов. Поскольку оружия в их доме не было, Дин пристроил рядом с диваном бейсбольную биту, поставив ее прямо возле изголовья. Оба понимали, что ночка им предстоит та еще: мало того, что им придется в жуткую духоту спать при закрытых окнах, так еще каждый шорох во дворе будет заставлять их постоянно вздрагивать.

Первой не выдержала Патрисия – спустя примерно полчаса она провалилась в глубокий сон. Дин держался гораздо дольше, хотя понимал, что рано или поздно сон сморит и его. В итоге так и случилось. Однако спали супруги недолго. За окнами было еще совсем темно, когда в их доме раздался страшный грохот – с треском разлетелось оконное стекло в их спальне. После чего началась беспорядочная пальба. Схватив впавшую в ступор жену в охапку, Дин свалился вместе с ней с постели на пол.

– Лежи и не двигайся! – закричал ей в ухо Дин, а сам схватил биту и приготовился свалить с ног любого, кто посмеет ворваться в их жилище.

Но в дом никто не ломился, хотя стрельба продолжалась. Пули терзали спальню, круша все на своем пути. Дин слышал, как с треском разлетелось зеркало и стоявшая на журнальном столике огромная ваза, привезенная из Мексики. Понимая, что каждая секунда промедления может стоить им жизни, Дин ползком добрался до тумбочки, на которой стоял телефон, и набрал номер полиции. Спустя несколько секунд на другом конце провода раздался мужской голос:

– Полиция слушает.

– На нас напали, обстреливают дом! – закричал в трубку Дин.

– Кто обстреливает? – спросил полицейский.

– А я почем знаю?! – еще сильнее заорал Дин. – Приезжайте

скорее! – и он назвал свой адрес.

Однако в тот самый миг, когда Дин положил трубку, стрельба внезапно стихла. Какое-то время во дворе стояла мертвая тишина, после чего в дверь Ридов кто-то отчаянно забарабанил. Прислушавшись, Дин узнал по голосу своего соседа по ближнему участку. Отложив биту в сторону, Дин поднялся с пола и отправился открывать. Правда, на полпути ему пришлось вернуться, чтобы накинуть на голое тело простыню.

Открыв дверь, Дин впустил соседа в холл. В руках у того было ружье.

– У вас все в порядке? – спросил сосед, едва переступив порог. – Эти мерзавцы сиганули через забор и умчались на автомобиле. Кажется, это был «Мерседес».

– Не волнуйтесь, ни одна из пуль нас не задела, – успокоил соседа Дин. – А вам огромное спасибо: если бы не вы, неизвестно, чем бы все закончилось.

– Принимаю ваш комплимент, но сразу предупреждаю: бегать всю ночь я не намерен. У меня семья, дети. Поэтому предлагаю вам свое ружье – надежная штука. – И сосед протянул Дину оружие.

– А как же вы? – спросил Дин.

– За меня не беспокойтесь: у меня в доме есть еще «кольт» и ружье для подводного плавания.

Но Дин от ружья отказался:

– Спасибо, конечно, но я думаю, что эти мерзавцы больше не вернутся.

Сосед в ответ пожал плечами, сказал: «Ну что ж, дело ваше», развернулся и скрылся в ночи.

Последствия обстрела выглядели ужасно: вся противоположная от окна стена спальни была испещрена пулевыми отверстиями, куски штукатурки засыпали пол и всю кровать, стоявшую у окна. Было разбито зеркало, в щепки разнесен журнальный столик. Увидев этот разгром, Патрисия схватилась за голову. Но Дин был спокоен как никогда. В эту ночь чудо уберегло их от гибели, и стенать после этого было бы несправедливо.

– Оставь уборку до утра и ступай спать, – предложил жене Дин. – Эти негодяи уже не вернутся.

– А ты? – спросила Патрисия.

– А я буду дожидаться полиции.

После того как Патрисия снова легла в постель, Дин уселся в кресло, положив себе на колени биту. Хотя шансов, что налетчики вернутся снова, было мало, он все равно решил не терять бдительности. Примерно полчаса Дин сидел в кресле,

прислушиваясь к тому, что происходит на улице. Но во дворе не раздавалось ни звука. В итоге, убаюканный этой тишиной, Дин провалился в сон.

Спустя несколько часов Дина разбудила Патрисия. За окном уже светило яркое солнце, а весь мусор из спальни был убран заботливой женой.

– А где полиция? – спросил Дин, еще не оправившись ото сна.

– Полиция в полиции, – сострила Патрисия, сваливая в мусорное ведро последние ошметки от ночного погрома. – Наивный, неужели ты думаешь, что они примчатся к тебе по первому же зову?

Как ни горько было это признавать, но Патрисия была права. Однако полицейские все-таки приехали. Вернее, это был один страж порядка, который прикатил к дому Ридов не на машине с мигалкой, а на… велосипеде. Оставив своего двухколесного «коня» за воротами, полицейский прошел в дом и внимательно осмотрел место происшествия.

– Зачем же вы убрали следы преступления? – поинтересовался страж порядка у хозяев.

– Значит, пулевые отверстия в стене вас не устраивают? – съязвил Дин.

– Нам нужна вся картина происшедшего.

– А вы бы приехали чуть пораньше, а не через полдня, глядишь и застали бы общую картину.

– Как я понял, вы против того, чтобы мы завели уголовное дело? – спросил полицейский.

– А что, уголовное дело заставит вас действовать побыстрее?

Полицейский не стал ничего отвечать, молча раскланялся и тут же покинул дом. Его визит продлился чуть больше пяти минут.

Спустя час Дин собрался ехать на работу. Патрисия не стала уговаривать его остаться, поскольку понимала, что это бесполезно. К тому же она тоже прониклась уверенностью, что налетчики больше не вернутся. Во всяком случае, в ближайшее время.

Дин отправился в гараж, где стоял его автомобиль. Там его ждало еще одно открытие. На воротах гаража он обнаружил намалеванный краской рисунок – серп и молот. Чьих рук это послание, секрета не составляло – ночных визитеров. Да и смысл рисунка был понятен: Дину мстили за его дружбу с коммунистами. Отскабливать рисунок времени у Дина уже не было, поэтому он оставил все как есть. После чего сел в машину и отправился на телевидение.

Вернулся Дин вечером. И первое, что увидел, подъезжая к

дому, – нескольких молодых людей с ружьями в руках. Сердце Дина обмерло, но потом все прояснилось: в одном из вооруженных людей Дин узнал Хорхе – того самого парня из Коммунистической федерации молодежи, которого Варела вчера собирался отрядить ему в охрану. Дин понял, что сегодня отвертеться от телохранителей ему уже не удастся. Да и не особенно хотелось это делать: в сложившейся ситуации надо было думать в первую очередь не о себе, а о Патрисии.

Когда Дин поставил машину в гараж, к нему подошел Хорхе. Держа дробовик на плече, он пожал Дину руку и сказал:

– Мистер Рид, мы все знаем и присланы сюда, чтобы охранять вас и вашу супругу. И не надо сопротивляться: вы – наш друг, а своих друзей мы не сдаем.

– Я и не сопротивляюсь, – улыбнулся в ответ Дин.

Хорхе и трое его товарищей охраняли дом Ридов посменно: пока двое спали (хозяева выделили им большую комнату), двое других патрулировали во дворе. К счастью, эта ночь прошла без происшествий. Вполне вероятно, именно потому, что дом охранялся: налетчики поняли, что застать хозяев врасплох уже не удастся, да и потерь при таком раскладе уже не избежать, а потому оставили супругов в покое.

А на следующее утро к Ридам вновь заехал Варела с тем же предложением – покинуть на время Аргентину. Как ни странно, но в этот раз Дин уже не сопротивлялся. Причем вовсе не из страха за свою жизнь, а потому, что, во-первых, он боялся за Патрисию, во-вторых, не хотел утруждать заботами о своей безопасности Варелу и его друзей.

– Ты прав, Альфредо, нам надо на время уехать, – сказал Дин, едва гость заговорил на эту тему. – У меня на родине готовится Марш мира, в котором я хочу принять участие. Так что легкой жизни у меня и там не будет.

Варела прекрасно знал, о чем говорит Дин. За последние несколько месяцев в Штатах поднялась волна народного гнева против политики Белого дома во Вьетнаме. **17 апреля** в Вашингтоне прошла демонстрация протеста, в которой участвовало 30 тысяч человек. Спустя десять дней 4500 известных общественных деятелей США – ученых, писателей, артистов – направили президенту Линдону Джонсону Декларацию гражданского неповиновения. Правда, все эти акции насторожили Белый дом, но отнюдь не напугали. Отступать из Вьетнама команда Джонсона не собиралась, особенно после того как появилась информация, что русские протянули руку помощи северным вьетнамцам. И хотя эта операция считалась секретной, американская разведка сумела об этом узнать. **24 июля 1965**

года северовьетнамские зенитчики, руководимые советскими офицерами, сбили зенитными ракетами комплекса С-75 «Десна» три американских реактивных истребителя-бомбардировщика «Фантом». Война во Вьетнаме вступала в свою новую, еще более ожесточенную стадию.

Марш мира начался **6 августа**, когда десятки тысяч людей из разных городов Америки пришли в Вашингтон, чтобы донести до руководства страны документ, который они озаглавили весьма недвусмысленно – «Декларация совести против политики США во Вьетнаме и Доминиканской Республике». В ней, в частности, говорилось: «На протяжении десятилетия людей во Вьетнаме пытают, сжигают, убивают, их земли и посевы уничтожаются, а их культура разрушается; мы отказываемся, чтобы это делалось от нашего лица, – поэтому мы провозглашаем мир с народом Вьетнама.

Миллионы американцев надеялись и ждали, что их голоса, поданные на президентских выборах 1964 года, продвинут нашу страну в сторону от войны в направлении к миру; эти надежды и ожидания были преданы во Вьетнаме – поэтому мы объявляем мир Вьетнаму…»

Колонны демонстрантов вошли в город с нескольких сторон, неся в руках многочисленные транспаранты и плакаты, на которых были начертаны антивоенные лозунги: «Положить конец грязной войне!», «Прекратите убийства детей и женщин!» и т. д. Дин Рид шел во главе одной из таких колонн вместе с десятком своих коллег – известных деятелей культуры Америки. На улице было жарко, и асфальт под ногами людей был разогрет и походил на пластилин. Однако одетый в светлую рубашку с короткими рукавами Дин этой жары почти не замечал, как и сотни других демонстрантов. Гораздо хуже приходилось полицейским, облаченным в темно-синюю форму и стоявшим по обеим сторонам улиц, которые вели к центру города – Лафайетту.

До центра оставалось всего лишь несколько кварталов, когда произошло неожиданное. Из-за угла ближайшего дома выбежала группа молодых людей, в руках у которых были какие-то предметы. Демонстранты, идущие в первых рядах, не успели ничего сообразить, как эти предметы были брошены в них. Это оказались полиэтиленовые пакеты, наполненные красной краской. Все они угодили в демонстрантов и буквально залили их с ног до головы. Дину повезло – в него не попали, а всего лишь «ранили» – до него долетели брызги после того, как один из пакетов угодил в его соседа справа. А провокаторы, сделав свое дело, исчезли так же быстро, как и появились. Стоявшие поблизости полицейские даже не шелохнулись, видимо, заранее

получив соответствующие инструкции от начальства: провокаторов не трогать. Ведь в глазах властей эти краскометатели были патриотами.

Но это было не последнее происшествие во время движения колонны. Когда демонстранты свернули за угол, они увидели, что путь впереди перекрыт кордоном из полицейских. Стражи порядка выстроились в длинную шеренгу, протянувшуюся от одной стены дома до другой. Стало понятно, что колонну дальше пропускать не собираются и в случае неповиновения будут применены резиновые дубинки, которые полицейские сжимали в своих руках. Однако демонстранты столкновения не испугались. Хотя поначалу первая шеренга сбавила шаг, однако, поскольку задние ряды продолжали напирать, движение вперед не прекратилось. В итоге спустя несколько секунд толпа демонстрантов смяла стройную шеренгу полицейских и началось настоящее побоище. В воздухе замелькали дубинки.

Дин лицом к лицу столкнулся с широкоплечим полицейским, который попытался схватить его за ворот рубашки и уже взмахнул над его головой дубинкой. Но Дину хватило ловкости отпрянуть в сторону. Ворот рубашки Рида остался в руках у стража порядка, а сам Дин повис на его руке с дубинкой. Полицейский грязно выругался на Дина. Вывернув руку полицейского, Дин заставил его выронить дубинку. Затем он отпустил руку «копа» и бросился вперед – туда, куда устремились остальные демонстранты, прорвавшиеся сквозь кордон. Несмотря на то что несколько десятков человек полицейским все-таки удалось скрутить, большая часть демонстрантов сумела просочиться на соседнюю улицу и уже там, восстановив стройность своих колонн, двинулась дальше.

Спустя несколько минут колонна слилась с другой толпой демонстрантов, вышедшей с соседней улицы. А еще через некоторое время демонстранты достигли конечного пункта пути – Лафайетта. Здесь вскоре начался митинг, где была зачитана Декларация совести. Во время ее чтения несколько десятков молодых людей публично сожгли свои призывные карточки.

Между тем ни один из представителей властей к митингующим не вышел, что, собственно, было весьма симптоматично – власть не собиралась прислушиваться к мнению этой части американской общественности. Вообще в Белом доме считали, что все эти антивоенные митинги и манифестации дело рук коммунистов, которыми управляет Москва. Но это была лишь частичка правды. Да, американские коммунисты принимали деятельное участие в этих акциях, но отнюдь не они играли в них главную скрипку. В Америке и без них хватало людей, кому

небезразлична была дальнейшая судьба собственной страны. Это были пацифисты, борцы за гражданские права, чернокожие правозащитники и т. д. Война во Вьетнаме взбудоражила американское общество, разбила его на части, но власть почему-то считала, что та часть, которая митинговала, представляла лишь незначительную часть общества. Уже ближайшее будущее покажет, насколько глубоко власть ошибалась.

Марш мира длился в течение четырех дней (**6–9 августа**), однако Дин присутствовал только на его начале. Затем он отправился в Нью-Йорк, чтобы навестить там своего учителя и друга Патона Прайса. Тот принял ученика весьма радушно и с неподдельным вниманием выслушал его рассказ о житье-бытье в Аргентине. Сообщение о том, что там готовится военный переворот, Прайса не удивило.

– Дело идет к тому, что в скором времени вся Латинская Америка будет под пятой военных, – заметил Прайс. – Знаешь, почему? Куба, кажется, начинает постепенно удаляться от Москвы и изменять своему курсу на экспорт революции в Латинской Америке не собирается. А это для США крайне опасно. Поэтому наши политики сделают все возможное, чтобы в ведущих латиноамериканских странах к власти пришли военные. В Гватемале, Эквадоре, Доминиканской Республике, Гондурасе, Боливии и Бразилии это уже свершилось, теперь на подходе Аргентина. В такой ситуации тебе, Дин, оставаться там опасно.

– Я все-таки рассчитываю, что Ильиа устоит, – ответил Дин. – Есть информация, что в среде военных не все выступают за переворот. К тому же против прихода к власти военных выступают перонисты, которые все еще мечтают посадить на трон Перона, а не генерала Онганию. Именно эти обстоятельства и позволяют Ильиа держаться за власть.

– Может быть, ты и прав, – согласился с Дином Прайс. – Но только на ближайшее будущее. Поскольку общая тенденция все равно возьмет свое. Если Ильиа удастся удержаться сейчас, не факт, что его не свергнут через полгода.

С этим доводом Дин спорить не стал, поскольку сам думал точно так же. Но, даже несмотря на это, покидать Аргентину добровольно он не собирался. В глазах миллионов людей, которые знали его, это выглядело бы как бегство с тонущего корабля.

Не стоит думать, что учитель и его ученик в те дни рассуждали только о политике. Были у них и другие темы для разговоров. Аккурат в те самые дни состоялось третье турне «Битлз» по Америке и Канаде. Гастроли начались **15 августа**, когда «ливерпульская четверка» дала концерт в Нью-Йорке, на

стадионе «Шеа», где собралось рекордное число зрителей – 56 000 человек. Затем концерты последовали в городах Торонто, Атланте, Хьюстоне, Чикаго, Миннеаполисе, Сан-Диего и Сан-Франциско. Практически все американские газеты освещали это турне, в подробностях живописуя тот ажиотаж, который сопутствовал приезду «ливерпульской четверки». Что касается Дина, то его больше всего умилил тот факт, что с «битлами» сочли за честь познакомиться звезды Голливуда. По этому случаю в Беверли-Хиллз был устроен специальный прием, который почтили своим присутствием такие актеры, как Кирк Дуглас, Грегори Пек, Ричард Чемберлен, Дин Мартин, Рок Хадсон, Тони Беннет, Гручо Маркс, Джим Бэрри, Джеймс Стюарт и др. Газеты писали, что некоторых знаменитостей «битлы» так очаровали, что они встали в очередь пожать им руки по второму разу.

Обсуждая с учителем это турне, Дин как-то заметил:

– Этих парней активно приручают. Но я думаю, что из этого ничего не получится.

– Почему? – с интересом спросил Прайс, который думал совсем иначе.

– Слишком ершистые эти ребята. Особенно один – Леннон. Он вечно всем недоволен и шпарит правду, невзирая на все законы шоу-бизнеса. Поначалу мне казалось, что это всего лишь игра, но теперь я все больше убеждаюсь, что это такая позиция.

– А я думаю, что ты заблуждаешься, – усмехнулся Прайс. – Наш шоу-бизнес и не таких обламывал, а этим ливерпульцам от роду чуть больше двадцати. Они, конечно, талантливые ребята, но их ждет та же участь, что и других: ими попользуются и выбросят, как выжатый лимон. Странно, что ты этого не понимаешь, хотя сам прошел через эту индустрию.

– Да, выжать как лимон их, конечно, могут, – согласился Дин. – Но мне почему-то кажется, что они будут яростно этому сопротивляться. Им легче это сделать – их все-таки четверо.

– Сопротивление вещь хорошая, но здесь все как в политике – побеждает сильнейший, – горько резюмировал Прайс. – Даже вчетвером бессмысленно бороться с такой махиной, как шоу-бизнес. Вспомни Элвиса Пресли: каким он был десять лет назад и в кого превратился теперь. Так что этих ребят тоже купят со всеми их потрохами.

– Покупают тех, кто хочет продаться, – заметил в свою очередь Дин.

– Ты думаешь, эти не хотят? – удивился Прайс. – Не надо делать из талантливых, но вполне земных ребят каких-то сопротивленцев. Вот увидишь, их, как патроны, вставят в пулеметную обойму этого продажного бизнеса, отстреляют, а

потом, как гильзы, выкинут за ненадобностью.

Прайс сказал это с такой убежденностью в голосе, что Дин понял: спорить бесполезно. Единственное, на что его хватило, это сказать фразу, которая как бы устанавливала паритет в этом споре: мол, поживем – увидим.

Когда Дин и Патрисия вернулись в Аргентину, ситуация там спокойнее не стала. Более того, она заметно накалилась. **19 августа** в стране прошли массовые аресты коммунистов – были арестованы 90 человек из Коммунистической федерации молодежи. Среди арестованных оказался и Хуан, который некоторое время назад обеспечивал охрану Ридам. Дину сообщил об этом брат Хуана Антонио, который вместе с тремя другими активистами прибыл в дом певца, чтобы опять обеспечивать его безопасность, правда, только в темное время суток. Остальное время супруги были без охраны, что, впрочем, их не пугало. Во всяком случае, Дина: он был уверен, что его недруги решиться на что-то серьезное не посмеют. А провокаций он не боялся. Поэтому смело передвигался по городу в одиночку, а Патрисию оставлял дома не одну, а с оружием – он приобрел в оружейном магазине два «кольта». Однако ситуация резко изменилась, когда Патрисия сообщила мужу, что беременна. После этого Дину пришлось усилить меры безопасности жены: он попросил своих добровольных телохранителей оставаться у него дома и днем, чтобы в случае чего не только защитить Патрисию, но и вызвать врачей, если возникнет в этом необходимость.

Однажды на телевидении у Дина произошла неожиданная встреча. Он выходил из студии в длинный коридор и столкнулся с Генрихом Вайсом. Как оказалось, тот снимался на 11-м канале в какой-то передаче о профсоюзном движении, а сюда пришел специально, чтобы встретиться с Дином.

– Что, соскучились? – засмеялся Дин, польщенный таким вниманием.

– Да нет, скучать по себе вы не даете: каждую субботу появляетесь на экране, плюс к тому же о ваших приключениях теперь нет-нет да напишут в газетах, – ответил Вайс.

После чего он взял Дина за локоть и увел его на лестничную площадку, где в тот момент никого не было. Там Вайс продолжил:

– У меня к вам более серьезное дело, о котором я хотел бы поговорить с вами обстоятельно. Но только не здесь, где наше общение мгновенно станет достоянием СИДЕ. Вы, надеюсь, в курсе, что в вашем учреждении полно ее шпиков?

– Да, это для меня не секрет, – ответил Дин.

– Тогда давайте встретимся в городе. Завтра в пять вечера вас

устроит?

– Вполне. Но где?

Вместо ответа Вайс внезапно спросил:

– Вы какое мясо предпочитаете: свежее или замороженное?

– Свежее, – ответил Дин, не скрывая своего удивления странным вопросом.

– Вот и отлично. Приезжайте на рынок скота в Матадеросе. Там рядом с автостоянкой есть уютное кафе, где я вас буду ждать.

Сказав это, Вайс хлопнул Дина по плечу и скрылся так же быстро, как появился.

Сказать, что Дин был заинтригован этой встречей, значит ничего не сказать. Он хоть и знал Вайса шапочно, однако относился к нему весьма дружелюбно – этот человек ему нравился. В нем он находил умного и очень интересного собеседника, с которым можно было поговорить на самые разные темы. Правда, Вайс был немец, а к людям этой национальности здесь, в Аргентине, было особенное отношение. Немецкая колония в Буэнос-Айресе была мощным образованием, во многом получившим свое могущество благодаря нацистскому рейху. Достаточно сказать, что накануне Второй мировой войны германские капиталовложения в Аргентину превышали и американские, и английские инвестиции. Поэтому Аргентина держалась до последнего в своих связях с фашизмом и объявила войну Гитлеру только накануне его краха – в **марте 1945 года**. Но это объявление можно было назвать формальным, поскольку именно Аргентина стала надежным прибежищем для тысяч нацистов, бежавших из Германии после ее поражения. Поэтому, когда однажды Дин проговорился Вареле о Вайсе, тот его предупредил: мол, будь с ним осторожен. Но Дин пропустил это замечание мимо ушей. И теперь даже ни секунды не сомневался в том, что завтра он отправится в указанное Вайсом место.

К месту назначенной встречи Дин приехал на десять минут раньше. Как ни странно, но Вайс был уже там – он сидел в самом углу кафе и читал газету. Однако, увидев Дина, он отложил ее, после чего сделал заказ на две чашки кофе. Как только официант удалился, Вайс произнес:

– У нас с вами не так много времени, поэтому я начну с главного. Как вам известно, я имею непосредственное отношение к профсоюзному движению, и у меня есть очень осведомленные источники во Всеобщей конфедерации труда. Так вот, эти источники утверждают, что этой осенью военные готовятся сместить президента Ильиа.

– Этой информации можно доверять? – спросил Дин.

– Абсолютно, поскольку она исходит от руководства

Перонистской партии.

– И вы хотите передать эту информацию мне?

– Именно, поскольку из всех здешних партий и движений я симпатизирую той, что и вы, – коммунистической.

Здесь Вайс замолчал, поскольку к ним подошел официант и поставил на стол заказанный кофе. Когда он удалился, Вайс продолжил:

– Вы ведь знаете, что перонисты до сих пор не потеряли надежды на то, чтобы вернуть Перона к власти. После декабрьских событий прошлого года, когда Перон летел в Аргентину, но его заставили сесть в Бразилии и потом обратно отправили в Испанию, они надеются, что на этот раз у них все получится. Но теперь они хотят заключить соглашение с военными. Догадываетесь, для чего?

– Чтобы сместить Ильиа и возвести на престол Перона? – предположил Дин.

– Правильно мыслите. Однако у военных свои планы на этот счет: они видят в президентском кресле своего человека – генерала Онганиа.

– Неужели перонисты этого не понимают? – удивился Дин.

– Все они понимают. Но они надеются, что сильнее военных. Ведь за ВКТ стоит многомиллионный пролетариат.

– Забастовками военных не испугаешь, – сказал Дин, помешивая сахар в чашке с кофе. – Когда перонисты подняли на 48-часовую забастовку пролетариат, чтобы заставить правительство изменить свое решение о высылке Перона, у них ничего не получилось. А военные и вовсе церемониться не станут – просто начнут стрелять.

– В том-то и дело, – согласился с Дином его собеседник. – Однако, к счастью, среди перонистов не все поддерживают курс на союз с военными. Поэтому шансы на успех в грядущем перевороте у военных примерно пятьдесят на пятьдесят.

– Вы хотите, чтобы я довел эту информацию до своих друзей? – после короткой паузы спросил Дин.

– То, что я вам сейчас сообщил, для ваших друзей далеко не секрет. Я хочу информировать их обо всех других подробностях контактов перонистов с военными. А эти контакты, поверьте мне, идут уже полным ходом.

– Я думаю, что мои друзья согласятся с вашим предложением. Но вы, наверное, что-то потребуете за эту информацию?

– Ни-че-го, – по слогам произнес Вайс. – Передайте вашим друзьям, что я делаю это по сугубо альтруистическим соображениям. Я хоть и немец, но не милитарист. И демократ Ильиа мне, как и вам, гораздо ближе, чем генерал Онганиа.

– Как вы предполагаете передавать мне информацию? – поинтересовался Дин.

– Я не хотел бы передавать ее лично вам, поскольку вы человек достаточно известный и вас легко вычислить, – ответил Вайс. – Поэтому найдите надежного человека, который мог бы забирать у меня эту информацию при наших коротких встречах в разных частях города. Я надеюсь, найти такого человека для вас не проблема?

– Угадали, – засмеялся в ответ Дин.

Когда на следующий день Дин рассказал Вареле о своей встрече с Вайсом, тот сильно удивился:

– Я же тебя предупреждал, чтобы ты был осторожен в своих контактах с этим человеком.

– Но почему? – удивился Дин. – Ведь он предлагает себя только исключительно в роли информатора. И если он задумал что-то опасное для нас, мы легко можем проверить это по тем сведениям, которые он нам передаст.

– Это все так, но этому немцу я не доверяю, – продолжал упорствовать Варела. – Хотя и в твоих словах есть свой резон. Мы действительно ничем не рискуем, используя его в качестве информатора. Ладно, уговорил: мы найдем человека для контактов с твоим Вайсом. Сегодня же поговорю об этом с Исидоро.

Дин знал, о ком говорил Варела: человек по имени Исидоро возглавлял разведывательную службу компартии Аргентины и слыл большим специалистом в своем деле. Именно при нем компартия достигла больших успехов в своей конспиративной, а также шпионской деятельности, имея своих агентов и информаторов даже в правительстве и военной среде.

Уже спустя три недели после этого разговора Варела сообщил Дину, что та информация, которой снабжает их Вайс, действительно представляет огромную важность.

– То, что мы имеем от него, не сообщает нам ни один наш источник, – сказал Варела. – Кажется, я был не прав в отношении этого немца.

Дина это сообщение обрадовало. После него он лишний раз убедился, что интуиция и в том случае его не подвела.

Тем временем политическая осень в Аргентине выдалась жаркая. В сентябре в Тукумане был проведен конгресс сторонников мира, на котором была принята резолюция против интервенции США во Вьетнаме. В том же месяце Белому дому был нанесен еще более чувствительный удар: Национальный конгресс Аргентины выступил против резолюции палаты представителей США, одобряющей военную и экономическую интервенции США в

Латинской Америке. Все эти события активизировали действия противников Ильиа, которые через правую прессу стали нападать на президента и его политику. Ожили и разного рода радикальные группировки, которые взяли на вооружение провокации. Одной из их жертв вновь стал Дин Рид, дом которого снова подвергся атаке радикалов.

На этот раз до стрельбы не дошло, однако дом разукрасили сильно – опять намалевали на стенах коммунистические символы в виде серпа и молота. Дин воспринял это спокойно, а вот Патрисия испугалась. Она всерьез решила, что это только начало, что в складывающейся обстановке этим людям ничего не стоит повторить вооруженное нападение на них. И Патрисия стала умолять Дина покинуть Аргентину. Но тот и слушать об этом не хотел. Но, поскольку состояние жены вызывало у него тревогу, он сделал шаг, на который раньше никогда бы не решился: 4 ноября выступил в печати со статьей «Я не коммунист!», где заявил, что никогда не принадлежал к коммунистической партии и вступать в нее не собирается. О своей поездке в СССР Дин заявил, что ездил туда не как политик, а всего лишь как артист, который имеет право выступать в странах с любой политической системой. «Я не политик, – писал Дин, – но я всегда поддерживал политику покойного президента Джона Кеннеди, который пытался освободить мир от угрозы ядерной войны».

Как ни странно, но эта статья возымела действие: провокации против Дина прекратились. А уже вскоре, в середине ноября, чаша весов в противостоянии «президент – оппозиция» склонилась в пользу первого. Кульминацией этого стало смещение с поста главнокомандующего сухопутными войсками генерала Хуана Онгания – главного претендента на президентский пост в стане оппозиции.

В **феврале 1966 года** Дин отправился с концертами в Венесуэлу. Поселился он в гостинице в центре Каракаса, причем окна его номера выходили аккурат на ультрасовременный небоскреб англо-голландской нефтяной компании «Шелл». Эта компания стояла на втором месте по добыче в Венесуэле «черного золота» – нефти. На первом, само собой разумеется, были американцы – компания «Креол», являвшаяся филиалом «Стандард ойл» (на третьем месте тоже были американцы из «Мене Гранде» – филиала «Галф ойл»). Вообще по добыче нефти Венесуэла тогда стояла на третьем месте в мире, после США и СССР, и на первом по ее экспорту. Фактически весь государственный бюджет страны и ее валютные поступления (95 процентов) были отданы на милость иностранных нефтяных компаний. Вывоз «черного золота» из страны был поставлен так

широко, что большинство здешних экспертов не смущаясь признавались: «Нам оставляют кости, а мясо увозят». Правда, в последние несколько лет иностранным компаниям пришлось пойти на некоторые уступки, и их отчисления и налоги в венесуэльскую казну стали составлять ежегодно около полутора миллиардов долларов. Однако львиную долю этих денег присваивала себе местная олигархия «мантильос», которая буквально утопала в роскоши. Она не была заинтересована в развитии сельского хозяйства, предпочитая зарабатывать легкие деньги от банковских и внешнеторговых операций.

Что касается подавляющего числа венесуэльцев, то они жили куда более скромно. Причем если городские жители худо-бедно сводили концы с концами, то вот большая часть крестьян откровенно нищенствовала. Дин собственными глазами видел их убогие хибары «ранчитос», когда проезжал по окраинам Каракаса. И сердце Дина обливалось кровью от подобной несправедливости. Ведь Венесуэла была самой богатой страной Латинской Америки (в пропорции к численности населения, которое составляло свыше 8 миллионов человек), но не могла обеспечить подавляющему числу своих жителей достойной жизни. «Разве это справедливо? – мысленно задавал себе вопросы Дин. – Недра этой замечательной страны безжалостно эксплуатируются иностранными компаниями, в подавляющем большинстве американскими, причем эти деньги идут не на благие дела, а на ту же войну во Вьетнаме».

Итогом этих размышлений стало стихотворение, которое Дин написал сразу по возвращении в Аргентину. Он назвал его «Я видел сто миров…»

Я много повидал миров в подлунном мире,
Они меня без лишних слов ошеломили…
Здесь голодают бедняки за то лишь, боже,
Что цвета черного у них оттенки кожи.

Здесь есть миры, где целят в лоб из револьвера
За то лишь, что в душе твоей – иная вера.
А есть миры, где ребятня, копаясь в глине,
От века видит башмаки – на господине.
Есть странные миры, где врач сулит спасенье
Не раньше, чем узнав у вас про сбереженья.
Не счесть таких миров, увы, смотря на Землю,
Но мир корысти и оков я не приемлю!

В это же время у Дина случилась знаменательная встреча,

которая сильно повлияла в дальнейшем на его мировоззрение. Стоял обычный мартовский день, когда поздно вечером в квартире супругов зазвонил телефон. Поскольку Патрисия уже собиралась ложиться спать, а Дин смотрел телевизор, к аппарату подошел именно он. Подняв трубку, он услышал голос своего агента на телевидении журналиста Хавьера. Тот спросил:

– Вы одни дома?

– Одни, – ответил Дин. – А в чем дело?

– Можно, я приведу к вам на ночь одного человека? Ему негде остановиться.

– Конечно, можно, – не раздумывая ответил Дин, который давно был знаком с Хавьером и полностью ему доверял.

Известие о том, что сейчас к ним в дом придет неизвестный мужчина, Патрисия встретила без особого энтузиазма. Но Дин ее успокоил: мол, ты можешь не выходить к нему и спокойно спать. Но Патрисия, секунду помедлив, все же поднялась с постели.

– Это неприлично, когда хозяйка в доме, а гостя встречает один хозяин, – сказала она.

Дин ничего не сказал жене, но мысленно поблагодарил ее за благородство.

Гости пришли примерно через час. Первым в дом вошел Хавьер, а следом за ним и гость – мужчина с седыми волосами и в очках. Протягивая хозяевам руку, мужчина представился:

– Рамон Бенитес, уругвайский коммерсант.

Сказав это, мужчина внезапно закашлялся и тут же поспешил достать из кармана своего пиджака носовой платок. По этому сильному кашлю Патрисия сразу определила, что у гостя астма.

– Одним платком здесь не поможешь, – сказала Патрисия и ушла в комнату.

Она вернулась спустя минуту и протянула гостю лекарство, снимающее приступы астмы. Принимая его, гость спросил:

– Вы доктор?

– Домашний, – улыбнулась Патрисия.

– Спасибо, сеньора, – поблагодарил хозяйку гость, после чего предложил: – В знак благодарности я готов разделить с вами ваши хлопоты и помочь вам приготовить ужин. Что вы стряпаете?

– Пиццу.

– Прекрасно. Я знаю рецепт неаполитанских спагетти, которые, уверен, вам понравятся. Куда идти?

Вместо ответа Патрисия развернулась и первой отправилась на кухню. Гость прошел следом. Когда они скрылись, Хавьер засобирался в обратный путь. Но прежде чем уйти, он решил открыться Дину. Когда они вышли на улицу и Дин прикрыл за собой дверь, Хавьер сказал:

– Я знаю, Дин, что ты надежный человек, иначе не привел бы к тебе этого человека. Ты его прекрасно знаешь, но тебя ввела в заблуждение его внешность. Но это обычные чудеса гримерного искусства.

– Ты меня заинтриговал, – честно признался Дин.

– Я сам был заинтригован, когда узнал, кого мне предстоит сопровождать. Этот человек – Че Гевара.

– Эрнесто? – вскрикнул от удивления Дин.

– Тише! – воскликнул в ответ Хавьер и даже непроизвольно прикрыл рот друга ладонью. – Я сообщил это тебе не для того, чтобы ты разбудил пол-улицы. Просто с моей стороны было бы не по-дружески оставлять тебя в неведении. Повторяю, мы верим тебе и надеемся, что ты сделаешь все возможное, чтобы команданте было у тебя уютно и спокойно. А завтра утром я заберу его.

Дин был потрясен этим сообщением. Шутка ли: в его доме остановился сам Эрнесто Че Гевара – легендарный команданте, соратник самого Фиделя Кастро! Как и большинство латиноамериканцев, Дин преклонялся перед этими людьми, не только не побоявшимися бросить вызов Америке, но и претворившими свои революционные идеи в жизнь.

Из различных источников Дин хорошо знал биографию Гевары. И эта биография его пленила. Гевара был на десять лет старше Дина и по профессии был врачом – он окончил медицинский факультет Национального университета. Еще в ранней молодости увлекся левыми идеями и вместе со своим отцом состоял в подпольной организации, а потом принял участие в гватемальской революции. Летом **1955 года**, когда Гевара с женой жил в Мексике, судьба свела его с Раулем Кастро – младшим братом Фиделя Кастро (в Мехико и находился штаб фиделистов). Чуть позже Рауль сообщил брату о знакомстве с молодым аргентинским врачом, защищавшим гватемальскую революцию, и посоветовал с ним встретиться. Эта встреча произошла в Мехико, в доме 49 по улице Эмпаран. Во время той встречи Гевара произвел на Фиделя прекрасное впечатление. Чуть позднее лидер кубинской революции скажет, что в тот период Гевара «имел более зрелые по сравнению со мной революционные идеи. В идеологическом, теоретическом плане он был более подкован. По сравнению со мной он был более передовым революционером».

Спустя год – в **декабре 1956 года** – Гевара и Фидель с группой бойцов предприняли попытку вооруженного проникновения на Кубу, высадившись на шхуне «Гранма». Однако спецслужбы диктатора Батисты разгромили повстанцев: из 80

человек погибла половина, 20 человек были арестованы. Геваре и Фиделю удалось спастись с небольшой группой бойцов.

Эта неудача не испугала революционеров, и они, собравшись с силами, продолжили свою борьбу. Гевара участвовал в нескольких сражениях в кубинской провинции Сьерра-Маэстра и дважды был ранен: в шею и ногу. В конце концов усилия повстанцев не прошли даром: **1 января 1959 года** режим Батисты был свергнут. Премьер-министром страны стал Фидель Кастро, его брат Рауль возглавил Повстанческую армию, а Гевара сел в кресло президента Национального банка. Назначая его на эту должность, Фидель заметил: «Я тебе доверяю ключевую должность в кубинской экономике, потому что неограниченно верю тебе, Че…»

Между тем на Геваре была не только экономика – он продолжал оставаться одним из главных идеологов нового режима (в свое время он руководил идейно-воспитательной работой в среде повстанцев). Правда, на некоторые вещи их взгляды с Фиделем расходились. Например, Гевара считал, что нельзя безрассудно бросаться в объятия коммунистической Москвы, а нужно уметь отстаивать собственное мнение, даже если оно не нравится русским. По словам Гевары: «Нет, я не ортодоксальный марксист: предпочитаю определять себя как революционного прагматика. Мне нравится анализировать факты по мере их появления. Я не сторонник жестких схем…» Фидель же считал, что Москва – единственный союзник Кубы на данном этапе, поэтому критиковать какие-то ее неверные методы неразумно. «Можно и промолчать», – говорил Фидель. Но Гевара всегда говорил то, что думал. Однако в спорах с Фиделем ему не всегда удавалось отстоять свою точку зрения. Так, в ноябре 1960 года он участвовал в совещании 81 компартии в Москве и позволил себе заявить, что к Заявлению, принятому там (в нем шла речь и о поддержке кубинской революции), их делегация отношения не имеет, но всем сердцем его поддерживает. Фиделю это высказывание крайне не понравилось, и он потребовал от Гевары его дезавуировать. Что Гевара и сделал, публично заявив, что переводчик неправильно перевел его слова: мол, он имел в виду не все Заявление, а только то место, где речь шла о кубинской революции.

Гевара несколько раз был в Москве, и увиденное там ему не очень понравилось. Особенно в части того, как живет тамошняя партийная и хозяйственная элита. Все эти представительские лимузины «Чайка», спецраспределители для номенклатуры, дачи за высокими заборами шли вразрез с его понятиями о справедливом обществе. Он считал, что элита не должна жить

лучше своего народа. Тем более элита первой в мире страны, где победил социализм. Вот почему на Кубе он проводил совсем другую политику. Именно Гевара был инициатором того, что вся революционная элита Кубы не только декларировала свою близость с народом, но и на деле доказывала это.

На острове в те годы не было никаких специальных распределителей для номенклатуры, и она испытывала те же тяготы, что и простой народ (например, отоваривалась в обычных магазинах). А по выходным все кубинские руководители в качестве добровольцев шли на плантации сахарного тростника или в порт, где вкалывали наравне со всеми: рубили мачете тростник или разгружали сухогрузы. Причем Гевара не делал для себя никаких скидок, хотя с детства страдал приступами астмы. А когда Гевару наградили профсоюзной медалью «Ударник добровольного труда», он смущенно сказал журналистам: «Это недоразумение, так как руководители должны без всяких поощрений показывать пример во всем» (эту медаль он потом подарил своей старшей дочери за отличную учебу). В своих публичных выступлениях Гевара призывал руководителей проявлять «скромность, простоту и правдолюбие; не считать себя единственными обладателями истины; постоянно учиться и правильно воспринимать критику: правда не бывает плохой. Не соблюдающего всего этого руководителя надо просто прогонять».

На посту президента Национального банка Гевара пробыл всего четыре месяца, после чего занял кресло министра промышленности. На новое место работы он пришел с тем же энтузиазмом, что и на предыдущее. Но этот энтузиазм постепенно улетучился. И хотя уже в первый год работы Гевары на этом посту промышленное производство на Кубе выросло в сравнении с предыдущим годом на 6 процентов, однако полного удовлетворения от этого Гевара не испытывал. Как скажет чуть позже Ф. Кастро: «Порою Че чувствовал себя неудачником в этот период, полный неопределенности и ошибок, когда в стране возобладали некоторые критерии, подходы и пороки в социалистическом строительстве. Все это стало причиной глубоких и ужасных огорчений для Че, так как являлось отрицанием идей, революционного мышления, стиля, духа и примера Че».

Чем больше Гевара занимал руководящее кресло, тем отчетливее он понимал, что многие его порывы не находят должного воплощения. Взять ту же идею о воспитании руководителя нового типа. На Кубе происходило то же самое, что и у «старшего брата», в СССР: создание номенклатурной касты, которая все сильнее и сильнее дистанцируется от народа. Как

заметит один кубинский поэт: «Этот Человек с большой буквы (Гевара. – *Ф. Р.*) является нашей гордостью, но и нашим стыдом, так как каждое мгновение он напоминает, каким может быть человек и какими мы все являемся».

Поскольку Гевара продолжал открыто говорить то, что он думает, отношение к нему советских руководителей окончательно испортилось. Но Гевара уже мало обращал на это внимания. В **феврале 1965 года** на совещании в Алжире он заявил следующее: «Не может быть социализма без такого изменения в сознании, которое бы привело к новому, братскому отношению к человечеству, как, например, в отношении всех народов мира, страдающих от империалистического гнета, а не к разглагольствованиям о взаимовыгодной торговле. Если дело ограничится последними, то можно будет утверждать, в известном смысле, что соцстраны – соучастники империалистической эксплуатации».

Еще больше обострила неприязнь Москвы к команданте Че его поездка в Китай, который Советский Союз считал своим врагом № 2 (после США). Гевара отправился туда просить китайское руководство помочь ему оружием, чтобы разжечь пожар партизанской войны в одной из латиноамериканских стран. Но китайцы ему отказали.

Определив местом своей партизанской войны Боливию, Гевара написал своему другу Фиделю прощальное письмо. В нем он так объяснил свое решение покинуть остров Свободы: «Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара. Я могу сделать то, в чем тебе отказано, потому что ты несешь ответственность перед Кубой, и поэтому настал час расставанья…»

Кубу Гевара покинул в начале 1966 года. Он собирался под разными именами и с измененной внешностью посетить несколько латиноамериканских стран. И первой в этом списке стояла его родная Аргентина. Гевара приехал туда в начале марта и должен был пробыть около двадцати дней. Большую часть времени он собирался провести в провинции Кордоба, но не обошлось и без посещения столицы. Именно во время этого краткосрочного визита Гевара и заехал к Дину Риду. Этого человека команданте знал исключительно заочно – по его пластинкам и телевизионной передаче. И был сильно удивлен, когда аргентинские товарищи сообщили ему, что Рид – их активный помощник. Узнав об этом, Гевара решил навестить Рида в его доме.

Проводив Хавьера, Дин вернулся в дом и заглянул на кухню. Увиденная им там картина его умилила: Патрисия скромно

стояла в сторонке, а почетный гость показывал ей, как надо делать неаполитанскую пиццу. Процесс к тому времени двигался к своему завершению, поэтому спустя несколько минут все трое уже сидели за столом в большой комнате. К пицце хозяйка хотела подать мексиканскую водку мецкаль, но гость внезапно отказался от спиртного и попросил поставить на стол более простой напиток – зеленый чай матэ, сказав, что он помогает ему перенести приступы удушья. Услышав это, Патрисия поинтересовалась:

– Давно у вас эта болезнь?

– Мне было всего два года, когда родители взяли меня купаться в открытом бассейне, – отпивая из чашки горячий чай, начал свой рассказ гость. – Я хорошо запомнил этот день – **2 мая 1930 года**. День выдался холодным, но родителей это не испугало. Буквально на следующий день я стал сильно кашлять. Мать тут же повела меня к врачу, который определил астму. Вскоре по его же совету мы переехали поближе к горам – в Кордобу.

– Но как же вы можете ходить без ингалятора? – вновь спросила Патрисия.

– А я и не хожу, – засмеялся гость. – Просто я забыл его у друзей, когда собирался к вам. Со мной это иногда случается. Однажды я чуть не умер из-за этого. Мы путешествовали с моим другом по Аргентине, и у меня начался приступ на теплоходе во время прогулки по палубе. А ингалятор был в сумке. По счастью, мой друг оказался расторопным малым и сумел не только найти ингалятор, но и быстро принести его мне.

Все это время Дин молчал, потягивая свой чай и внимательно разглядывая гостя. И постоянно ловил себя на мысли, что сидящий перед ним человек ни одной черточкой своего лица не похож на того Че Гевару, которого Дин неоднократно видел по телевизору и знал по фотографиям в газетах. Видно, человек, который колдовал над обликом команданте, был настоящим виртуозом своего дела. «Да, сильно бы удивилась Пэтси, если бы внезапно узнала, кто сидит перед ней и выдает себя за уругвайского коммерсанта», – думал Дин, слушая, как Патрисия мучает гостя очередным своим вопросом.

Посидев еще какое-то время с мужчинами, Патрисия затем засобиралась спать. Едва она удалилась, гость спросил у собеседника начистоту, как привык это делать всегда:

– Судя по тому, как вы внимательно меня разглядывали, Хавьер сообщил вам мое настоящее имя?

– Да, команданте, – честно ответил Дин.

– Ну что ж, это к лучшему – не надо будет юлить. – Сказав

это, Гевара допил свой чай и отставил чашку в сторону. После чего продолжил: – Я много слышал о вас, компаньеро, потому и решил посетить ваш дом. Хотя были люди, которые отговаривали меня от этого.

– Почему? – удивился Дин.

– А разве вам неизвестно отношение здешних коммунистов к Фиделю Кастро и его соратникам?

Действительно, Дин знал, что аргентинская компартия скептически относилась к революционной Кубе, считая ее путь вооруженного противостояния Америке не самым лучшим. Но он знал также, что в отличие от своих старших товарищей Коммунистическая федерация молодежи считала иначе и для нее кубинские революционеры были настоящими кумирами. Очевидно, кто-то из них и организовал приезд Гевары в Аргентину.

– Но вы ведь знали, что я тесно общаюсь с местными коммунистами? – после короткой паузы спросил Дин.

– Конечно, знал. Но ведь у вас иное отношение к кубинским событиям. Разве не так?

– Так, – подтвердил Дин.

– Значит, в вашем пацифистском мировоззрении что-то произошло? Значит, вы поняли, что справедливые освободительные войны все-таки существуют?

– Выходит, что так, – улыбнулся Дин.

– Вот этим, компаньеро, вы мне и интересны. Мы ведь с вами чем-то похожи. Вы тоже вышли из благополучной семьи, но не испугались поставить на кон свое сытое будущее и хороший достаток. В вас так же, как и в меня, уже стреляли и так же, как меня, избивали в тюрьме. К тому же у вас такая звонкая и ко многому обязывающая фамилия – Рид.

Последняя фраза гостя заставила Дина вновь улыбнуться.

– Да, в последнее время меня все чаще сравнивают с Джоном, хотя мне до него еще далеко, – сказал Дин.

– Это не главное, – возразил Гевара. – Мне тоже далеко до моих кумиров – Симона Боливара, Хосе Марти или Хосе Карлоса Мариатеги, но я выбрал их дорогу и буду идти по ней до конца. Моя мечта – сделать не только мою родину, но и всю Латинскую Америку национально независимой. Сколько можно гнуть спину на чужого дядю? Ведь тот уровень благосостояния, который имеет та же Америка, стал возможен именно потому, что она нещадно эксплуатирует другие народы. Вспомните, когда в прошлом веке в Америке возникла нехватка рабочей силы для возделывания земель, откуда была завезена рабочая сила? Из Африки! Миллионы молодых африканцев были обращены в рабство и привезены в Америку, чтобы своим потом и кровью создать величие этой страны. И что получили взамен эти люди? Пули и плети надсмотрщиков. Поэтому я полностью согласен с тем историком, который писал, что «капитализм является порождением неравенства в мире и он не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда».

– Как зовут этого историка? – поинтересовался Дин.

– Бродель. Запомните это имя и обязательно почитайте его труды. Впрочем, читать надо не только его, но и Маркса, Ленина, Леви-Стросса, которые тоже писали, что Запад построил себя из материала колоний. Вот сейчас Америка озабочена созданием «межамериканских вооруженных сил». Вот скажите мне, компаньеро, для чего нужны такие силы?

– Я думаю, это то же НАТО, только для Латинской Америки, – ответил Дин.

– Правильно мыслите. Они создали Организацию американских государств со штаб-квартирой в Вашингтоне, теперь собираются создать здешнее НАТО. Они не смогли в одиночку расправиться с Кубой и теперь вынашивают планы

задушить ее руками латиноамериканцев. Но по какому праву Америка вообще претендует на господство над этим континентом? Вы задумывались над этим?

– Наверное, это ближе, – предположил Дин, который до этого ни разу об этом не думал.

– Ерунда, – отмахнулся Гевара. – Огромная часть Латинской Америки расположена в южном полушарии, и расстояние по прямой от Нью-Йорка до Буэнос-Айреса такое же, как, к примеру, от Осло до Дели, а путь из Сан-Франциско до чилийского Пунта-Аренаса в полтора раза длиннее, чем в Иокогаму. Да что там говорить: Бразилия значительно ближе к побережью Африки, чем к побережью США. Так что дело здесь не в расстоянии.

Вот вы, компаньеро, учились в американской школе. Как характеризовалась в ваших учебниках политика Америки в отношении европейских и других стран?

– Политика изоляционизма, – практически с ходу ответил Дин, который всегда имел по этому предмету хорошие оценки.

– А в чем заключалась эта политика? – продолжал допытываться Гевара.

Дин на несколько секунд задумался, после чего ответил:

– Америка до Первой мировой войны не участвовала в европейских войнах и до Второй мировой войны не вступала в союз с какой-либо европейской державой.

– Я вижу, компаньеро, что вы хорошо учились в школе, – похвалил собеседника Гевара. – Но как тогда объяснить, что в эти же годы Америка только в одну Латинскую Америку вторгалась порядка шестидесяти раз? Это что, изоляционизм? Вспомните Мексику, от которой Америка отторгла почти половину территории, оккупировала ее столицу, однако поставить ее на колени так и не смогла, о чем хорошо написал ваш тезка и земляк Джон Рид. Но почему мексиканцы так упорно сопротивлялись? Потому что понимали, что Америка несет им отнюдь не свободу, а кабалу. Это было понятно тогда, понятно и сейчас.

Почему, например, сегодняшний латиноамериканец имеет доход в девять раз меньше, чем гражданин США? А ведь здешний житель работает не меньше американского, да еще поставляет Штатам сырье: нефть, медь, золото, руду, никель и так далее. Вот вы, я слышал, недавно были в Венесуэле и наверняка обратили внимание на то, что нефть оттуда вывозят в основном американцы и англичане. А вы знаете, что в этой самой богатой по части нефти стране всего лишь одна, подчеркиваю, одна венесуэльская нефтяная компания. Причем она появилась каких-нибудь пять лет назад, то есть через сорок лет после того, как нефть Венесуэлы заняла такое важное место в мировой добыче.

Это компания «Венесуэла петролеум корпорейшн». Так вот, из всей добываемой нефти в Венесуэле лишь пять процентов потребляется внутри страны, и на долю этой компании приходятся ничтожные семь сотых процента. И эта цифра вполне устраивает иностранных хозяев.

К этому моменту Гевара так распалился, что его голос буквально звенел под сводами жилища Рида. А поскольку Дин был целиком и полностью согласен с выводами гостя, он сделал пусть робкую, но все же попытку объяснить ему это.

– Вы зря пытаетесь убедить меня, компаньеро, что Америка играет в мире роль мирового жандарма и эксплуататора, – сказал Дин. – Я и сам это давно понял.

Гевара в ответ улыбнулся и похлопал Дина по плечу:

– Действительно, я несколько увлекся. Это во мне проснулся пропагандист: я ведь в отрядах барбудос отвечал за идеологию.

Сказав это, Гевара отрезал от уже остывшей пиццы маленький кусок и отправил его себе в рот. Затем, прожевав пиццу, продолжил:

– Вы ведь, компаньеро, и в Москве тоже успели побывать?

– Да, в прошлом году.

– Ну, и каковы впечатления?

– Они не слишком глубокие, поскольку я пробыл там всего лишь пару дней. Но мне там понравилось. Я почувствовал, что люди там очень доброжелательные и совсем не агрессивные. И то, что пишут про них в американских газетах, – по большей части вранье.

– Да, русские – хорошие люди, – согласился с Дином гость. – Но они, мне кажется, самоуспокоились. А это опасно.

Дин бросил удивленный взгляд на гостя. Поймав этот взгляд, Гевара пояснил:

– В этом году они отмечают двадцать лет своей победы над фашизмом, и у этого поколения еще есть запас прочности. Но у следующего поколения его уже может не быть. В этом отношении Кубе легче: враг всего в 90 милях от нее, что не позволяет расслабляться.

– А я однажды слышал мнение, что Кубу может погубить другое чувство: разочарование, – сказал Дин. – Что построить справедливое общество им не удастся, и это приведет к катастрофе.

– Кто это вам сказал? – поинтересовался Гевара.

– Кстати, ваш знакомый – Рикардо Мартин. Он учился с вами в Национальном университете и даже входил в какую-то подпольную группу.

Гевара на несколько секунд ушел в себя, однако вспомнить

упомянутого человека так и не сумел.

– Это имя мне ни о чем не говорит, – пожал плечами Гевара. – Хотя я не исключаю того, что этот человек находился где-то поблизости со мной и помнит меня молодым. А где вы с ним познакомились?

– В тюрьме. Он сейчас работает начальником «Вила Давото».

Гевара в ответ присвистнул от удивления:

– Ну что же, если грешным делом угожу в эту тюрьму, буду требовать себе поблажек. А по поводу его заявления скажу так: я верю Фиделю и даже мысли не допускаю, что он оторвется от своего народа. Не скрою, когда мы только замышляли революцию, я ему не сильно доверял. Но прожив и проработав с ним несколько лет, понял – это настоящий революционер. И пока жив он и его соратники, кубинцев разочарование не постигнет.

Сказав это, Гевара замолчал, пытаясь совладать с одышкой. Пауза длилась около минуты, после чего гость заговорил снова:

– По вашему смущенному взгляду, компаньеро, я догадался о ваших мыслях. Вам наверняка интересно, почему это я, так восторженно говоря о Кубе, уехал оттуда и не хочу возвращаться. Я ведь угадал?

Дин не стал ничего отвечать, только кивнул в знак согласия.

– Этот вопрос мне мало кто задает, но я чувствую, что все об этом думают. А отвечать каждому я не хочу, да и не имею права. И вам, компаньеро, я отвечу коротко: я не хочу подставлять Фиделя в его отношениях с Москвой. Я хорошо отношусь к советским людям, но люди в Кремле мне несимпатичны. Они превратились в этаких всезнающих снобов, которые думают, что только им одним известна истина. Они твердят о победе коммунизма, а сами закупают зерно у американцев, своих злейших врагов. И страны с нарождающейся демократией для них такое же пушечное мясо, как и для американцев. Карибский кризис это хорошо высветил: там Куба стала для Советов всего лишь разменной монетой в их противостоянии с Америкой. Свои отношения со многими слаборазвитыми странами Кремль не увязывает с революционными целями и думает только о своей выгоде. А Советский Союз и его союзники обязаны идти на убытки и не рассчитывать на возврат своих вложений. Они не понимают, что освобождение от империализма должно чего-то стоить социалистическому лагерю. В противном случае они в определенном смысле становятся соучастниками империалистической эксплуатации.

Так за разговорами мужчины не заметили, как наступило утро. А едва взошло солнце, как в дверь тихонько постучали. Это был Хавьер. Патрисия еще спала, но Гевара попросил Дина не

будить ее и на словах передать его искреннюю благодарность за гостеприимство.

– А вам, компаньеро, я желаю никогда не сгибаться под напором обстоятельств, – сказал Гевара, пожимая на прощание руку Дину. – Имейте в виду, дальше будет еще труднее. Если выдержите – значит, это наше рукопожатие не последнее.

Гевара и Хавьер уже давно скрылись в предрассветной дымке, а Дин все еще стоял у раскрытой двери и размышлял о событиях минувшей ночи. Несмотря на то что его рука все еще хранила силу рукопожатия Че Гевары, разум никак не мог свыкнуться с мыслью, что этот легендарный человек был в его доме, сидел с ним за одним столом и разговаривал как с равным. И даже напутствовал его на будущее. Каким будет это будущее, Дин, естественно, не знал. Как не знал его и Че Гевара, которого впереди ждала партизанская борьба в Боливии и гибель от пуль местных коммандос.

Тем временем к лету **1966 года** обстановка в Аргентине становилась все более тревожной. В воздухе вновь запахло военным переворотом, причем теперь ситуация выглядела гораздо серьезнее, чем это было в конце прошлого года. Тогда военным так и не удалось перетянуть на свою сторону большинство перонистских лидеров, поскольку те продолжали доверять правительству. Однако теперь от этого доверия уже не осталось и следа. Перонисты, обиженные тем, что их так и не допустили до командных высот в руководстве страной и продолжают игнорировать их призывы вернуть в страну Перона, готовы были пойти на соглашение с кем угодно, хоть с чертом, хоть с дьяволом. И было бы большой глупостью со стороны военных не воспользоваться этой ситуацией.

За всеми этими перипетиями политической жизни страны Дин следил с неослабным вниманием, черпая информацию из самых различных источников: от гостей своего телевизионного шоу, от друзей, наконец, из газет. Однако главные события он узнавал от Варелы, с которым встречался в свободное время в его офисе в Аргентинском совете мира. В один из таких приходов Варела обескуражил Дина неожиданным сообщением о том, что генерал Онганиа как частное лицо посетил Бразилию.

– Догадываешься, зачем он туда ездил? – спросил Варела Дина, когда тот сел на свое привычное место – в кресло, напротив его стола.

– Наверное, за опытом, – предположил Дин, который хорошо знал историю недавнего военного переворота в Бразилии.

В **сентябре 1961 года** к власти в этой стране пришел

президент Жоао Гуларт. Он выступил в защиту национальной экономики, за ограничение позиций иностранных компаний и за восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом. Все эти шаги здорово напугали правые силы и, главное, вашингтонских стратегов из Белого дома. Началась широкая пропагандистская кампания против Гуларта, которого стали обвинять ни много ни мало в коммунистическом заговоре и установлении синдикалистского социалистического режима. А Гуларт, вместо того чтобы спокойно оценить ситуацию и приступить к осуществлению своих реформ постепенно, запаниковал и наделал массу ошибок. Например, не смог договориться с коммунистами, и те стали форсировать развитие событий: объявили стачечную борьбу, стали перетягивать на свою сторону военных. Растерянность президента народу не понравилась, и когда в конце **марта 1964 года** в стране грянул военный мятеж, подавляющая часть населения встретила его с восторгом, увидев в нем единственную возможность предотвратить надвигающийся хаос в стране. Гуларт бежал в Уругвай, а к власти в Бразилии пришел маршал У. Кастело Бранко. Именно к нему и летал Онганиа, явно надеясь набраться опыта в предстоящей ему в ближайшее время борьбе за власть.

– Я надеюсь, вы не станете повторять ошибки своих бразильских товарищей и рыть яму президенту Ильиа, – сказал Дин, глядя на то, как Варела заботливо поливает цветок на своем подоконнике.

– Если бы дело было только в нас, – усмехнулся в ответ Варела. – Перонисты назначили 7 июня всеобщую забастовку, и я боюсь, что это может окончательно взорвать обстановку.

– Значит, все уже предрешено? – спросил Дин.

– Думаю, что да. Ильиа может спасти только чудо.

Сказав это, Варела отставил в сторону лейку и вернулся в свое кресло. После чего сказал:

– В середине июня я вылетаю в Женеву на сессию Всемирного совета мира и предлагаю тебе лететь со мной. Там будет принято важное решение – изберут нового генерального секретаря ВСМ.

– И кто же это? – поинтересовался Дин.

– Ромеш Чандра. Помнишь, он подходил к нам в Хельсинки, когда мы разговаривали с Сикейросом?

Дин на несколько секунд ушел в себя, вспоминая события прошлогодней давности. И тут же перед его глазами всплыл образ чернявого индуса в строгом темном костюме со значком ВСМ на лацкане. Он подошел к ним в холле Дворца культуры, чтобы поблагодарить Сикейроса за его творчество и пригласить на какую-то выставку, проводимую в рамках сессии ВСМ.

– Кажется, он индиец? – вновь заговорил Дин после некоторой паузы.

– Да, родом из Лахора, – кивнул Варела. – Окончил Кембриджский университет, в 39-м вступил в ряды компартии. Долгое время работал в ведущих коммунистических газетах страны, а в начале 50-х вошел в Центральный комитет индийской компартии. В 52-м его избрали генеральным секретарем Всеиндийского совета мира. Два года назад ВСМ наградил его золотой медалью имени Жолио-Кюри. Я думаю, что избрание Чандры главой Совета мира разумный шаг: на повестке дня реально встает вопрос о включении в сферу нашей деятельности стран третьего мира. Тем более что Москва после разрыва с Китаем именно Индию рассматривает как своего главного партнера в Южной Азии.

– Так бы сразу и сказал, что Чандру выдвигает Москва, – улыбнулся Дин.

– А ты как будто сам не догадался, – съязвил в ответ Варела. – Ну так что, согласен слетать в Женеву? Можешь и Патрисию с собой прихватить.

– Она не сможет.

– Почему? – удивился Варела. – Не хочет полюбоваться красотами Женевского озера?

– Нет, она не против красот, но… – Тут Дин на секунду запнулся, после чего закончил фразу: – Она беременна.

– И давно?

– Всего несколько недель, но это роли не играет: она плохо переносит авиаперелеты.

– В таком случае полетишь без нее. Тем более что поездка непродолжительная – всего три-четыре дня.

Когда Патрисия узнала о том, что Дин собирается съездить в Женеву, она, конечно, расстроилась. Однако переубеждать мужа не стала: знала, что это бесполезно. Но одно ее беспокоило несомненно: что политика все сильнее и сильнее затягивала Дина в свои объятия. Иной раз с ним и поговорить было не о чем, кроме как о ней. Когда Дин вечером возвращался с работы, он вываливал на жену такой поток информации о политических событиях в стране и мире, что у нее от этого в ушах звенело. А в голове потом была такая мешанина из имен и фамилий разных политических деятелей, что она невольно думала: еще немного, и она свихнется. А Дина, наоборот, вся эта информация возбуждала, приводила в состояние эйфории. Однажды Патрисия обронила:

– Твои речи о политике могут плохо сказаться на нашем

будущем ребенке. Ты бы лучше взял гитару и спел: все-таки для девочки полезнее слушать хорошую музыку, чем речи про дебаты в парламенте и возможность военного переворота.

– А кто тебе сказал, что у нас будет девочка? – искренне удивился Дин. – У нас будет мальчик и только мальчик. Мне нужен наследник, который станет мне другом и помощником в поисках справедливости. И понять он это должен, находясь еще в утробе своей матери. Ведь правда, сын, ты будешь мне помощником?

Сказав это, Дин припал к еще не округлившемуся животу жены и приложил к нему ухо. Патрисия в ответ засмеялась и, сжав голову мужа в своих ладонях, долго не отпускала его от себя. В такие мгновения она испытывала к Дину сильнейший прилив нежности и с болью в душе думала, что таких приливов в их отношениях становится все меньше и меньше.

До отъезда Дина в Женеву оставалось несколько дней, когда ситуация в стране стала стремительно накаляться. **7 июня** ВКТ провела очередную всеобщую забастовку, в которой приняло участие более 4 миллионов человек. Однако президент и правительство не собирались идти ни на какие серьезные уступки. Более того, президент Ильиа даже делал демонстративные шаги, которые должны были показать его недоброжелателям, что он их не боится и не собирается сворачивать с избранного пути. Так, **8 июня** новый посол Советского Союза в Аргентине Юрий Вольский вручил верительные грамоты и личное послание председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина президенту Аргентины, и два дня спустя текст этого послания был опубликован на страницах газеты «Пренса». В документе указывалось, что хотя системы у двух стран разные, но интересы общие: упрочение всеобщего мира, обеспечение невмешательства во внутренние дела государств, прекращение гонки вооружений, окончательная ликвидация колониальной системы. Когда Дин читал текст послания в своем кабинете в телецентре, он был готов подписаться под каждым из этих пунктов. Однако в то же время он понимал, что этот документ становится главным аргументом в борьбе оппозиции с действующим президентом: после него никаких попыток примирения между враждующими сторонами уже быть не могло. Как говорится, ставки сделаны, господа!

12 июня, в тревожное для Аргентины время, Дин в компании Варелы и еще нескольких человек из Аргентинского совета мира улетел в Женеву. На следующий день там открылась сессия ВСМ, которая стала эпохальной: на ней был избран новый генеральный секретарь этой организации – 47-летний Ромеш Чандра. Кроме

этого был расширен Президиум ВСМ: вместо прежних 6 человек в нем теперь стало заседать 13.

Вечером **16 июня** Дин с товарищами вернулись в Аргентину, а два дня спустя там произошли события, которые стали катализатором всего, что случится вскоре. В тот день **18 июня** командующий сухопутными войсками генерал Паскуаль Пистарини направил государственному секретарю по армии генералу Рамону Кастро Санчесу список из 10 требований, выдвинутых оппозиций. В число этих требований входили: проведение радикальных экономических реформ, усиление репрессий против врагов режима – коммунистов и перонистов.

В тот же день был нанесен сильный удар по коммунистам: судья избирательного трибунала Аргентины, ссылаясь на статус политических партий, отказал компартии в праве юридического лица для осуществления нормальной деятельности как в Буэнос-Айресе, так и по всей стране под предлогом, что она «не уважает демократические постулаты».

Как и следовало ожидать, президент Ильиа проигнорировал требования военных, более того – решил дать им бой. В ночь на **28 июня** президент объявил об отставке Пистарини. Тот в ответ поднял мятеж, который поддержала значительная часть вооруженных сил страны. В течение последующих нескольких часов войска мятежников захватили все ключевые объекты: почтамт, здание телефонной станции, правительственные теле– и радиостанцию, здание Национального конгресса. Была взята в кольцо резиденция президента – Каса Росада (Розовый дворец) на площади Пласа-де-Майо. Ильиа приказал верным ему частям гренадеров защищать дворец, однако силы были неравны. Да и сам президент остался в одиночестве – вице-президент Карлос Перетте той же ночью сбежал в Уругвай. В такой ситуации, понимая, что сопротивление может привести только к лишнему кровопролитию, Ильиа сложил с себя полномочия президента. Спустя несколько часов мятежники объявили имя нового руководителя страны, которое, впрочем, ни для кого не было секретом – генерал Хуан Карлос Онганиа. Он объявил о планах нового руководства на ближайшее время, среди которых значились: запрет на забастовки, роспуск партий, Национального конгресса, Верховного суда. Все то же самое, что было в Бразилии после свержения там президента Жоао Гуларта. Так что получалось, что Онганиа съездил в Бразилию не без пользы.

После переворота Дин прекрасно понимал, что дни его в Аргентине сочтены. Нет, они с Патрисией, конечно, могли остаться жить здесь и дальше, однако полноценной эту жизнь уже назвать было бы нельзя. Если год назад, еще при Ильиа, их едва

не убили в собственном доме, то теперь за их жизнь никто бы не дал и ломаного гроша. Может быть, будь он один, Дин и принял бы брошенный ему вызов, уйдя вместе с коммунистами в глухое подполье, однако ему надлежало теперь думать не о себе, а о Патрисии и их будущем ребенке. Поэтому, когда сразу после переворота Дин получил приглашение прибыть в американское посольство, он прекрасно знал, о чем с ним там будут говорить и какой ответ он им даст.

Помощник посла принял его вежливо, но это была деланая вежливость – посла выдавали его холодные глаза и еле уловимая усмешка в уголках губ. Он даже не пригласил Дина сесть, а прямо с порога объявил ему, что им с женой лучше покинуть страну.

– Американское правительство снимает с себя всякую ответственность за вашу дальнейшую судьбу, мистер Рид, – сказал посол, восседая в кресле. – Если с вами что-то случится, это будет ваша собственная вина.

– Это все, что вы хотели мне сказать? – спросил Дин.

– Да, не более того, – развел руками посол. – Разве что могу дать еще один совет: на родину вам тоже лучше не возвращаться. Ваша карьера там вряд ли продолжится.

– Ваш совет лишний: я привык устраивать свою судьбу без чьих-либо советов, – ответил Дин, после чего поспешил покинуть негостеприимный кабинет.

В тот же день они с Патрисией стали думать, куда им лучше всего уехать. Пэтси хотела вернуться на родину, к маме, но Дин сумел убедить ее, что это не лучший вариант, рассказав о разговоре с послом.

– В Америке наша жизнь обещает быть не лучше, чем здесь, при теперешнем режиме, – сказал Дин.

– Но это только в том случае, если ты не бросишь заниматься политикой, – попробовала уговорить мужа Патрисия. – Подумай о нашем ребенке, Дин.

– Пэтси, мы уже с тобой об этом неоднократно говорили, но ты снова и снова заводишь этот разговор, – в порыве раздражения Дин вскочил из-за стола. – И прошу тебя, не надо каждый раз поминать нашего ребенка! Я хочу его рождения не меньше, чем ты, и люблю его так же сильно, как и ты. Но если я соглашусь с твоим условием, будет еще хуже. Как ты себе представляешь мою жизнь без политики? Я стану добропорядочным фермером или буду бренчать на гитаре в каком-нибудь захолустном городишке? Меня уже не изменить, понимаешь? Если я изменюсь, то наши хорошие отношения тоже мгновенно закончатся.

– Мне кажется, они и без этого уже заканчиваются, – ответила Патрисия, еле сдерживая себя, чтобы не разрыдаться.

Увидев в глазах жены слезы, Дин прекратил нервно ходить по комнате и бросился к Патрисии. Заключив ее в свои объятия, он стал осыпать ее лицо поцелуями.

– Ну, успокойся, милая, – шептал Дин в паузах между ласками. – Политика – это такая же работа, как и любая другая. Не спорю, работа опасная, но не более, чем те же съемки в кино. Вспомни нашего знакомого – актера Вернона. Он снимался в вестерне, упал с лошади и сломал себе позвоночник. А я до сих пор жив и здоров. И даже сделал тебе ребенка.

Своего Дин добился: после этих слов Патрисия улыбнулась.

– Ты опять сводишь наш разговор к шутке, – сказала она, когда Дин прекратил ее целовать и вернулся за стол.

– Потому что я знаю, что только так тебя можно отвлечь от дурных мыслей, – ответил Дин. – А пока ты плачешь, нам ни за что не сдвинуться с места и не решить, куда нам лучше уехать. Я предлагаю Испанию. Во-первых, это Европа, во-вторых – мы оба знаем испанский язык и, наконец, в-третьих – у меня там есть друзья.

– Но там же у власти Франко, – попробовала возразить Патрисия.

– Да, Франко, но он уже старик и, говорят, сильно болен. Так что его нам бояться не стоит. К тому же сейчас там начинаются демократические реформы. В апреле даже приняли новый закон о печати, который отменяет цензуру, существующую еще с конца 30-х годов.

Сказав это, Дин многозначительно взглянул на жену. Та же, встретившись с ним взглядом, вновь улыбнулась. Слезы на ее глазах уже просохли, и эта улыбка стала лучшим подтверждением того, что недавняя ссора уже забыта и аргументы мужа оказались сильнее ее аргументов.

Дин и Патрисия уезжали из Буэнос-Айреса в один из жарких **июльских** дней 66-го. Новые власти сделали все возможное, чтобы этот отъезд не вызвал массового ажиотажа среди портьенос – в большинстве газет об этом не было сказано ни слова. Однако скрыть это событие все равно не удалось, поскольку и сам Дин не молчал, да и его друзья с телевидения постарались, чтобы люди не остались в неведении. В результате уже за несколько часов до отъезда Дина и Патрисии в местном порту собралась многотысячная толпа людей (в газетах позже напишут, что пришло 22 тысячи человек), которые хотели, во-первых, достойно проводить своего кумира, во-вторых – показать новым властям, что не все жители столицы боятся выражать свою солидарность с американским певцом-бунтарем. Дин, конечно, был тронут таким

искренним выражением любви к своей персоне, однако поблагодарить собравшихся по-человечески не смог – в порт нагнали тучу полицейских, чтобы те не позволили провести стихийный митинг, который грозил перерасти в политическую манифестацию.

Практически сразу, как только Дин и Патрисия приехали в порт, полицейские взяли их в плотное кольцо и повели прямиком к теплоходу. И единственное, что мог сделать Дин в такой ситуации, это выкрикивать слова благодарности людям, которые стояли на значительном отдалении от него. Те в ответ дружно скандировали: «Дин Рид, мы с тобой!»

После того как Дин и Патрисия поднялись на борт и вышли на палубу, чтобы оттуда приветствовать толпу, капитан судна получил команду немедленно отдать швартовы. Спорить с руководством порта капитан не решился, и спустя несколько минут теплоход отчалил от берега. Так завершилась аргентинская эпопея Дина Рида.

Дин и Патрисия приехали в Испанию в самый разгар скандала, который едва не испортил отношения Испании и США. История началась **17 января 1966 года**, когда самолет «B-52» стратегической авиации США с ядерным оружием на борту из-за пожара в одном из моторов взорвался прямо в воздухе над деревней Паломарес. Учитывая, что на борту самолета было четыре бомбы с ядерными зарядами, каждая из которых была в 1250 раз мощнее той, что в 1945 году упала на японский город Хиросиму (погибло свыше 140 тысяч человек), эта ситуация грозила катастрофой мирового масштаба. Спасло чудо: бомбы не были на боевом взводе. Три из них упали на землю, и у двух сработали тротиловые заряды, инициирующие при боевой атаке подрыв ядерного материала, но не синхронно, поэтому взрывов не произошло, просто уран и плутоний разметало по окрестностям деревушки. Третья бомба спустилась на землю на парашюте, а четвертую отнесло в море.

Операция по поиску четвертой бомбы длилась три месяца. Все это время испанское правительство и американские военные делали все возможное, чтобы успокоить общественное мнение. Говорилось, что бомбы не представляют собой ничего опасного, что ситуация под контролем. По приказу диктатора Франко министр информации и туризма Испании Мануэль Фрага даже искупался перед телекамерами в море, чтобы на собственном примере показать всем, что все в порядке. Однако многие испанцы не верили в эти заявления.

Тем временем операция по поиску четвертой бомбы

продолжалась. Это была самая дорогостоящая операция в истории: США затратили на нее 84 миллиона долларов. Она увенчалась успехом: **7 апреля** руководитель операции контр-адмирал Уильям Гэст объявил, что бомба найдена и обезврежена. На следующий день ее предъявили журналистам. Общественное мнение вроде бы успокоилось. Как выяснится позже, показанная бомба была липовой. На самом деле настоящую бомбу хоть и нашли, но не смогли ее достать – она лежала на самом краю донной расщелины. И только спустя несколько лет, когда был создан специальный аппарат, бомбу удалось наконец поднять на поверхность. Но сделано это было в полной тайне от общественности.

Между тем Дин и Патрисия поселились в Мадриде на квартире, которую для них сняли испанские друзья Дина. Эти же друзья помогли Дину устроиться работать на местное телевидение. Правда, стать автором собственной программы ему не удалось, но он на это, откровенно говоря, и не рассчитывал – здесь он не был в таком фаворе, как в Аргентине. Дин стал трудиться на ниве телевизионного кино и вполне был доволен своим положением – у него и гонорар был нормальный, и отношения с коллегами вполне доброжелательные. Единственное, что настораживало – слежка, которую он заметил практически с первого же дня своего приезда. В какое бы время дня или ночи он ни передвигался по городу, за ним обязательно следовал темно-синий «Фиат». Этому факту Дин нисколько не удивился, однако все равно счел за благо предупредить своих друзей об этом. Те тоже не удивились, сообщив, что эта слежка – дело рук местной спецслужбы «Секуридад».

Некоторое время спустя Дина застал дома звонок из советского посольства. Помощник посла по культуре приглашал его на следующий день в посольство для важного разговора. Тему предстоящего разговора посол разглашать не стал, видимо, догадываясь, что телефон Дина может прослушиваться.

Когда в назначенный час Дин приехал в посольство, у входа его встретил сам атташе по культуре, и вместе они поднялись в его кабинет. Там гостя ждало неожиданное предложение.

– В прошлом году, когда вы, мистер Рид, были в Москве, вам было сделано предложение о гастролях в Советском Союзе, – начал свою речь атташе, когда Дин уселся в кресло напротив него. – Насколько я знаю, вы тогда заявили, что согласны принять такое предложение. Это правда?

– Совершенно верно, – кивнул Дин.

– В таком случае я уполномочен повторить это предложение, но уже более конкретно: мы приглашаем вас с гастролями в нашу

страну уже этой осенью. Как вы на это смотрите?

Несмотря на то что предложение было неожиданным, Дин ответил практически сразу:

– Я согласен.

По тому, как засветились от радости глаза атташе, Дин понял, что именно такого ответа от него и ждали. Однако уже через секунду глаза хозяина кабинета перестали лучиться, и он сказал:

– Не торопитесь с ответом, мистер Рид. Дело в том, что мы предлагаем вам не короткие гастроли, а длительные – с посещением сразу нескольких наших республик. А это значит, что вы пробудете у нас гораздо дольше.

– Сколько? – напрямик спросил Дин.

– Месяца два-три.

Дин на секунду задумался, после чего спросил:

– В таком случае мое согласие целиком зависит от вашего ответа по поводу моей жены: я могу взять ее с собой?

– Безусловно, – твердым тоном произнес атташе. – Более того, мы гарантируем, что вам будут созданы самые благоприятные условия. Ведь ваша супруга, кажется, ждет ребенка?

– Вы и про это знаете? – удивился Дин.

– Наивный вопрос, мистер Рид: вы же публичный человек, – рассмеялся атташе. – Значит, мы договорились? Тогда готовьтесь к отъезду: гастроли планируются на начало октября. Сначала в Москве, потом по республикам и завершение гастролей – снова в Москве. Вас устраивает такой график?

– Вполне.

– В таком случае ждите моего звонка с уточнением всех остальных деталей, – сказал атташе и первым поднялся со своего места, тем самым показывая, что разговор окончен.

После крепкого рукопожатия хозяин кабинета проводил Дина до дверей, но, прежде чем гость удалился, обратился к нему с просьбой:

– Поскольку ваше пребывание здесь, мистер Рид, сопряжено с определенными трудностями, мы бы советовали вам никому пока не сообщать о нашем разговоре. Это в ваших же интересах.

– Просьба понятная, но не думаю, что мое появление у вас останется незамеченным со стороны определенных людей, – ответил Дин.

– За вами следят? – насторожился атташе.

– С самого первого дня моего пребывания здесь.

– Ну и бог с ними, – улыбнулся хозяин кабинета. – Они зафиксируют факт вашего приезда сюда, и не более. А про гастроли вы пока никому не говорите. Разумеется, это не

относится к вашей супруге.

Когда спустя час Дин вернулся домой и сообщил об этом разговоре Патрисии, та не на шутку разволновалась.

– Господи, ты опять, Дин, лезешь на рожон, – запричитала она. – Мы только стали обживаться на новом месте, ты стал работать. И что – теперь все полетит к черту?

– Почему полетит? – спросил Дин.

– Не строй из себя дурака, Дин! Потому что поездка в коммунистическую страну здесь никому не понравится.

– Если не понравится, то нам ничего не стоит уехать и отсюда.

– Как уехать, куда? – схватилась за голову Патрисия. – Уж не в Москву ли ты собираешься переезжать?

– А хоть бы и в Москву, – сказав это, Дин засмеялся. – Это, конечно, не Мадрид или Буйнос-Айрес, но там во всяком случае нас оставят в покое. И ребенка ты сможешь родить в приличных условиях.

– Я и здесь его могла бы прекрасно родить, если бы ты вел себя нормально. Ты что, не мог затеять эти гастроли после моих родов?

– Не мог, поскольку время их проведения определял не я. И вообще ты зря волнуешься: эта поездка – прекрасная возможность для нас увидеть незнакомую страну. Ты же сама говорила мне как-то, что мечтаешь побывать в Советском Союзе.

– Я уже передумала, – резко ответила Патрисия. – Местные газеты пишут, что там не на что смотреть: кругом одна серость и уныние.

– Опять ты за старое, – теперь уже настало время Дина хвататься за голову. – Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не верила всяким небылицам, которые появляются в газетах. Это типичная пропаганда.

– А твои коммунистические газеты – это не пропаганда?

– Вот потому я и хочу, чтобы ты поехала со мной и сама убедилась в том, где правда, а где ложь. Так что ответь мне начистоту: ты едешь или нет?

– Еду, – практически без всякой паузы ответила Патрисия, после чего добавила: – Я же не настолько глупая, чтобы отпускать тебя одного на целых два, а то и три месяца.

Те два месяца, оставшиеся до гастролей в Советском Союзе, Дин провел в нервном возбуждении. Отныне все его мысли были подчинены именно этому событию, а все остальное отступило на второй план. Чуть ли не каждый день после работы он садился за письменный стол и выписывал на листок бумаги песни, которые

могли бы прозвучать в его будущем турне. На первый взгляд работа казалась несложной, но это только на первый – на самом деле на тот момент в творческом багаже Дина значилось более сотни самых разных песен в различных стилях, но в Советском Союзе он мог исполнять не все из них. Например, во время их следующей встречи с советским атташе по культуре последний попросил Дина исключить из репертуара песни в стиле рок-н-ролл. Дин в ответ очень удивился такой просьбе.

– Но эти песни очень популярны во всем мире, – заметил он собеседнику.

– А я разве с этим спорю? – засмеялся атташе. – Мне и самому они очень нравятся, особенно Элвис Пресли и «Битлз».

Сказав это, атташе даже достал с полки один из дисков и торжественно сообщил:

– Вот мне прислали альбом «битлов» под названием «Револьвер». Он буквально на днях вышел (диск появился в Англии **8 августа**. – *Ф. Р.*), а я его уже затер чуть ли не до дыр. Однако наши минкультовские чиновники считают эти песни буржуазной пропагандой и не хотят, чтобы они звучали на московской эстраде. Но мы с вами можем поступить хитро. Во время ваших гастролей в Москве вы эти песни не пойте, а во время концертов в республиках это табу можно снять. К тому же, как я заметил, в вашем репертуаре подобных песен не так уж и много.

Это было правдой: в последние годы Дин сократил число композиций в стиле рок-н-ролл в своем репертуаре, заменив их более серьезными песнями. Именно их он и включил в свой репертуарный список, подготовленный для гастролей в СССР. Среди этих песен значились: «Война продолжается» (песня посвящалась сражающемуся Вьетнаму), «Моя еврейская мама», «Мы победим!», «Хава нагила» и др. Особое место в репертуаре Дина занимала песня, которую он написал совсем недавно, – «Песня будущему сыну». Но она тоже относилась к серьезным произведениям, в ней речь шла о борьбе за мир. В ее припеве были такие строчки: «Хочу, чтоб узнал ты, как войны страшны, как матери плачут, когда погибают сыны…»

Когда атташе увидел название этой песни в репертуарном списке, он улыбнулся и сказал:

– Как и всякий мужчина, вы мечтаете о сыне. Я, кстати, тоже мечтал, а у меня родилась девочка. И знаете, что произошло: я люблю ее так сильно, что жена меня даже ревнует. Кто знает, может быть, и вас ждет нечто подобное.

Дин ничего не стал отвечать, только пожал в ответ плечами. После чего спросил:

– А какая песня сейчас самая популярная в Советском Союзе?

– А что, вы хотите включить ее в свой репертуар?

– Да, я всегда так делаю, когда приезжаю в другую страну. Только мне нужна такая песня, которую с удовольствием подпевал бы со мной весь зал, включая и детей.

Атташе на несколько секунд задумался, после чего сказал:

– В таком случае вам годится только одна песня: «Пусть всегда будет солнце!» Этой песне всего три года, и ее у нас знают все – и взрослые, и дети. И тема ее вполне вписывается в ваш репертуар: она против войны. Если хотите, я сделаю для вас ее подстрочный перевод, чтобы вы смогли выучить ее еще до приезда в Москву. О'кей?

– О'кей, – улыбнулся Дин и протянул руку для прощального рукопожатия.

Дин и Патрисия улетели в Москву в середине **сентября**. И уже спустя несколько часов они ступили на землю первого в мире государства рабочих и крестьян. Столица встретила гостей ясной и солнечной погодой. А в здании аэропорта супругов уже поджидали официальные лица: представитель Госконцерта по имени Михаил и молодой переводчик из фирмы «Интурист» Андрей. Они усадили гостей в новенькую «Волгу» и повезли их в гостиницу «Украина».

Всю дорогу Дин только и делал, что расспрашивал своих попутчиков о предстоящих концертах в Москве (где будут проходить, какова вместительность зала, все ли билеты проданы, какой оркестр будет ему подыгрывать), а вот Патрисия весь путь промолчала, с интересом наблюдая пейзаж за окном. Особенно она оживилась, когда «Волга» ворвалась в пределы Москвы и за окном замелькали столичные улицы. Увиденное Патрисию откровенно удивило: это, конечно, был не Буэнос-Айрес или Мадрид, однако «серым и унылым» этот пейзаж тоже назвать было нельзя. Вполне добротные кирпичные дома, скверы и палисадники во дворах, толпы спешащих по своим делам людей в самых разнообразных одеждах ясно указывали на то, что жизнь в этом городе вполне налажена и мерно течет изо дня в день. Но особенно Патрисию поразило то, что на улицах города нет нищих и того обилия машин, которое присуще любому западному городу с его бешеными скоростями и автомобильными пробками.

Из состояния глубокой задумчивости Патрисию вывел голос переводчика, который внезапно обратился к ней с вопросом:

– Вам нравится наш город?

Патрисия не успела ничего ответить, поскольку ее опередил Дин:

– Разве вы не видите по ее лицу, что она буквально ошеломлена увиденным? Дело в том, что перед поездкой сюда она начиталась правых испанских газет, где Москва описана как средневековый мрачный город. Даже мои открытки с видами Москвы, которые я привез ей в прошлом году, не смогли убедить ее в обратном. И вот теперь она увидела все собственными глазами. Что, Пэтси, похоже это на средневековье?

Та в ответ только смущенно улыбнулась, что было воспринято окружающими как согласие с мнением мужа. Однако переводчика такой ответ не удовлетворил, и он предложил, не заезжая в гостиницу, отправиться на Красную площадь, чтобы у Патрисии не осталось никаких сомнений в правдивости слов ее супруга. Дин с удовольствием поддержал это предложение, а вот Михаил предпочел промолчать, в душе, видимо, не слишком одобряя эту экскурсию: в его планы входило только встретить гостей и привезти их в гостиницу, а не мотаться с ними по городу и разглядывать его красоты. Здесь он с переводчиком был не согласен, но счел за благо промолчать, вполне резонно предположив, что этот парень вполне может иметь отношение к грозному ведомству на Лубянке. Михаил был недалек от истины: его попутчик хоть и числился в штате «Интуриста», но сотрудничал с КГБ, с отделом контрразведки. И задание у него было конкретное: помогать Дину Риду в его поездке по Советскому Союзу и попутно за ним наблюдать.

Когда они приехали на Красную площадь, Андрей первым выскочил из автомобиля и галантно распахнул перед Патрисией дверцу. Потом взял ее под руку и повел показывать красоты главной площади страны. Дин и Михаил шли следом, внимательно прислушиваясь к тому, что переводчик рассказывает своей спутнице. Правда, поначалу понимал он мало, поскольку Андрей говорил на английском. Но когда переводчик заметил, что к его рассказу внимательно прислушивается также его земляк, он стал чередовать английскую речь с русской. В итоге Михаил узнал много интересного. Ведь он был коренной сибиряк, приехавший в Москву несколько лет назад, и о культурных памятниках столицы знал мало, а ходить на экскурсии у него до этого не было ни времени, ни желания. А здесь все так удачно совпало. Поэтому из рассказа Андрея он узнал для себя массу интересных подробностей: что кремлевские стены раньше были из белого камня, что памятник Минину и Пожарскому располагался в другом месте, что на Лобном месте практически никого не казнили и многое, многое другое.

В конце экскурсии Андрей повел гостей в ГУМ, где провел их по всем этажам, а на выходе купил Патрисии мороженое в

вафельном стаканчике, не преминув при этом сообщить:

– Уверен, что такого вкусного мороженого, Патрисия, вы нигде еще не пробовали.

Когда та надкусила холодную мякоть и почувствовала во рту необыкновенно приятный вкус, Андрей спросил:

– Ну как ощущения? Вкусно? Это потому, что в нашем мороженом присутствуют настоящие сливки. А ваш брат-капиталист норовит сэкономить каждый цент и использует разного рода химические заменители. Поэтому ваше мороженое на цвет красивое, а внутри… – Тут Андрей запнулся, видимо, пытаясь подыскать подходящее слово. Но в итоге ничего не стал говорить, а только махнул рукой, что вызвало у Патрисии приступ дикого смеха. Она даже чуть мороженым не подавилась. Этот эпизод окончательно разрядил обстановку, и весь остаток пути до гостиницы, который они проехали на автомобиле, Патрисия уже не сидела как бука, а вертела головой в разные стороны и с удовольствием слушала рассказ Андрея о достопримечательностях города, мелькавших за окнами их «Волги».

Жить гостей определили в гостинице «Украина», в двухместном номере «люкс». И первое, что сделала Патрисия, когда они вошли в него, – отправилась в ванную, чтобы убедиться, на месте ли пробка, отсутствие которой в прошлый приезд ее супруга в Москву испортило ему настроение. На этот раз все было на месте. Удовлетворенная этим фактом, Патрисия включила воду, чтобы хорошенько помыться с дороги. И ночь они провели восхитительную: любили друг друга так, как будто это было в первый раз. И даже беременность Патрисии не смогла им помешать: любящая женщина всегда найдет способ удовлетворить себя и своего возлюбленного даже в такой ситуации. А Патрисия этого очень хотела – начать свое путешествие в Москве именно с ночи любви.

На следующее утро супруги поднялись с постели выспавшиеся и полные сил и энергии. В десять утра за ними зашел Андрей, с которым они спустились в ресторан, чтобы позавтракать. После чего их путь лежал на Берсеневскую набережную, в Театр эстрады, где Дина поджидал для первой репетиции оркестр под управлением Олега Шимановского.

Когда они подъехали к театру, от внимания Дина не укрылась впечатляющая картина: огромный плакат с его изображением на фронтоне здания и толпа людей возле касс.

– Эти люди хотят попасть на ваши концерты, – подтвердил догадку Дина Андрей. – Но, увы, им ничего не светит: все билеты уже давно распроданы.

– Тогда зачем же они здесь стоят? – удивилась Патрисия.

– Они надеются на чудо и еще на спекулянтов, которые продают билеты втридорога.

Эти слова пролились на душу Дина настоящим бальзамом. И то волнение, которое он испытывал, подъезжая к театру, мгновенно улетучилось. Поэтому на сцену театра, где его поджидали оркестранты, он не вошел, а буквально влетел и тут же бросился здороваться за руку с каждым из музыкантов. Их оживленное общение длилось в течение нескольких минут, после чего Дин повесил на спинку стула свой пиджак и первым предложил начать работу. Музыканты согласились, поскольку присланные им за несколько дней до этого партитуры они уже успели хорошо выучить и могли исполнить любую из песен Дина чуть ли не с закрытыми глазами. Что, впрочем, неудивительно: оркестр Театра эстрады под управлением Олега Шимановского считался одним из лучших в стране.

Репетиции продолжались в течение нескольких дней, и Дин был вполне доволен результатом: музыканты схватывали все на лету и понимали его с полуслова. И каждый раз, когда Дин потом возвращался в гостиницу к Патрисии, он не переставал восхищаться тем, что такого единения с оркестром давно не испытывал.

– Понимаешь, это было бы невозможно, если бы этим музыкантам не нравились мои песни, – говорил Дин жене. – Мы репетируем по два-три часа, но это время пролетает как одна минута. Со мной такого давно не было.

Патрисия в ответ радовалась вместе с мужем, хотя ее чувства не были столь бурными. Ей казалось, что он находится в плену эйфории, которая охватила его на фоне того фантастического приема, который ему здесь оказывается. Однако прием приемом, но зрителей не проведешь – если им не понравятся песни Дина, их ни за что не заставишь слушать. А Патрисии многие песни Дина не то чтобы не нравились, но она была к ним равнодушна. Ей нравился рок-н-ролл, вещи молодежные, заводные, а как раз их в репертуаре мужа практически не было. Зато было много песен серьезных, протестных. И они даже однажды с Дином немного поспорили на эту тему. Но Дин быстро ее переубедил.

– Рок-н-ролл в Москве любят не меньше, чем в Америке, – заявил он тогда жене. – Во всяком случае молодежь. Но власти считают эту музыку идеологически вредной, полагая, что она прививает советской молодежи дурные вкусы. И в этом есть своя доля истины. Вспомни, как относились к рок-н-роллу в той же Америке десять лет назад. Его тоже считали аморальным и вредным. Другое дело, что в этом стиле есть свои шедевры,

которые исполнять не зазорно.

– Почему же ты их не исполняешь?

– Как не исполняю? А «Hippy shake», а песни братьев Эверли? В Москве я тоже буду их петь, но очень мало. Нельзя с первых же гастролей настраивать против себя организаторов турне. К тому же ты прекрасно знаешь, в каком качестве меня хотят здесь видеть: в качестве певца песен протеста. И я не могу не оправдать их доверия. Так что, Пэтси, не торопи события: придет время и для твоего любимого рок-н-ролла. Обещаю тебе, что я даже песни «Битлз» здесь когда-нибудь спою.

В воскресенье **2 октября** в Театре эстрады прошла последняя репетиция Дина Рида. Длилась она меньше обычного, поскольку к тому моменту слаженность певца и оркестра достигла своего апогея. И Дин не хотел перегружать музыкантов перед завтрашним концертом, да и сам хотел отдохнуть – он намеревался прогуляться пешком по Москве. А в качестве гида привлек все того же Андрея.

Андрей с удовольствием взялся сопроводить Дина в его пешей прогулке и маршрут выбрал следующий: по Кропоткинской набережной они вышли на Садовое кольцо и поднялись по нему до площади Маяковского. Последняя возникла в их планах не случайно: Дин хотел возложить цветы к памятнику поэта-трибуна, про которого успел здесь достаточно наслышаться. Однако судьбе было угодно сделать так, что одним возложением цветов дело не ограничилось.

Когда Дин и его спутник переходили дорогу от памятника к входу станции метро «Маяковская», прямо перед ними затормозил автобус «ЛиАЗ», из которого внезапно выскочил мужчина в синем спортивном костюме и бросился к Дину. Подбежав к нему, он заключил его в свои объятия, да такие крепкие, что ноги Дина на какое-то время даже оторвались от земли. Андрей, который стоял тут же, сначала хотел было броситься на помощь своему спутнику, но потом, вглядевшись в лицо незнакомца, ахнул:

– Бог мой, да это же Лев Яшин!

Да, это был прославленный футбольный вратарь Лев Яшин, с которым Дин имел счастье познакомиться четыре года назад во время чемпионата мира в Чили. С тех пор они больше не виделись, и эта неожиданная встреча была для обоих как гром среди ясного неба. Во всяком случае Яшин, увидев Дина в окно автобуса, закричал на весь салон водителю «Тормози!», чем изрядно перепугал товарищей. Водитель поначалу не хотел выполнять эту команду, так как дело происходило на оживленной трассе, но Яшин чуть ли не силой заставил его подчиниться.

Когда его товарищи по команде увидели, какая причина заставила их вратаря выскочить из автобуса, они тоже повскакивали со своих мест и бросились следом за своим вратарем.

Дело в том, что многие игроки советской сборной, которые в тот день возвращались с тренировки перед товарищеским матчем со сборной Турции (игра была запланирована на **18 октября**), тоже хорошо знали Дина Рида и были не прочь теперь снова пообщаться с ним. Все они обступили американского певца со всех сторон и стали наперебой протягивать руки для рукопожатия. И счастливый Дин только и успевал, что пожимать ладони, тянущиеся к нему со всех сторон. А Андрею, оттесненному этой толпой, пришлось взирать на происходящее со стороны. Но затем, когда рукопожатия закончились и пришла пора объясняться, Андрей решительно шагнул вперед, чтобы выступить в своем привычном качестве – переводчика. Однако он успел перевести только первую фразу Яшина, в которой он интересовался причиной появления Дина в Москве, как тут к ним подошел постовой милиционер, которого, естественно, не могло не привлечь неожиданное столпотворение на оживленном участке Садового кольца. Тем более что автомобили, которые следовали за автобусом футбольной сборной, теперь отчаянно гудели своими клаксонами.

– В чем дело, товарищи? – успел только спросить милиционер у виновников происшествия, после чего от удивления застыл на месте.

Его замешательство было понятно: прямо перед собой он увидел целое скопище национальных кумиров – знаменитых футболистов Льва Яшина, Игоря Численко, Эдуарда Стрельцова, Альберта Шестернева, Анзора Кавазашвили, Валерия Поркуяна, Йожефа Сабо и других. А поскольку милиционер был заядлым болельщиком и своих кумиров живьем видел только издали – сидя на трибуне стадиона, – теперь он здорово растерялся и в течение нескольких секунд только и делал, что хлопал глазами и нервно теребил шнурок от свистка, который держал в правой руке. Из состояния прострации стража порядка вывел Яшин, который сказал:

– Товарищ старшина, вы извините нас за невольное нарушение правил дорожного движения, но у нас уважительная причина – встретили своего старого друга и не смогли проехать мимо. Ведь друг-то особенный – американский.

– Американский? – только и смог выдавить из себя старшина.

Тут в дело вмешался Андрей, который указал милиционеру на Дина и пояснил:

– Это наш гость – американский певец Дин Рид. Он приехал в нашу страну со своими первыми гастролями, а сегодня совершает пешую прогулку по столице.

– Ах, вот в чем дело, – заулыбался милиционер и протянул свою руку Дину для рукопожатия. – Рады приветствовать вас в Москве.

После чего, возвращая своему лицу серьезное выражение, старшина произнес:

– Однако порядок есть порядок: вы уж либо куда-то в сторону отъезжайте, либо расходитесь. А то вон уже сколько машин позади вас скопилось. Да и народ начинает собираться.

Понимая, что пришло время расставаться, Дин через Андрея передал Яшину и его товарищам устное приглашение на свои концерты в Театре эстрады. Но Яшин в ответ только пожал плечами:

– Ничего не можем обещать, Дин, – усиленно готовимся к игре. Но если вырвемся, то обязательно тебе об этом сообщим.

На этой неопределенной ноте их неожиданная встреча завершилась, и уже спустя минуту движение на Садовом кольце возобновилось.

Свой первый концерт в Театре эстрады Дин давал **3 октября** в семь вечера. Зал был переполнен до отказа, и публика туда пришла особенная: сплошь одна элита, включая партийных и государственных функционеров, звезд эстрады, кино, а также их друзей и родственников. Простых москвичей в зале не было, поскольку им билетов просто не досталось. Кстати, Дин это сразу почувствовал: он отыграл первое отделение, а публика сидела в зале будто мертвая, аплодируя ему лишь в паузах между песнями. Никаких криков «браво!», «бис!», а тем более танцев между рядами, которые частенько устраивала публика на его латиноамериканских концертах, здесь не было. Даже знаменитый рок-н-ролльный шлягер «Тутти-фрутти», который Дин специально включил в свою программу, чтобы расшевелить публику, был встречен более чем спокойно. Когда в перерыве между отделениями Дин спросил у Шимановского, что происходит, тот улыбнулся и сказал:

– Все нормально. Во-первых, у нас не принято, чтобы зрители вскакивали со своих мест и подпевали певцу, во-вторых – публика сегодня уж больно солидная: сплошь одни звезды и начальники.

Услышанное Дина, конечно, расстроило, но не настолько, чтобы впадать в уныние. На следующем концерте, **4 октября**, он решил повести себя иначе: сам спустился со сцены в зал и, двигаясь по проходу между рядами, стал подзадоривать зрителей,

призывая их активно хлопать в ладоши в такт песням. И те зашевелились: стали дружно хлопать, смеяться. С этого момента концерты Дина стали проходить уже более энергично и от былого напряжения не осталось и следа.

Дин дал в Театре эстрады шесть концертов с **3 по 9 октября**. Все они прошли при полных аншлагах и оставили у Дина самые приятные впечатления. Он увидел, что публика принимает его на ура, что его творчество здесь востребовано не менее сильно, чем в Латинской Америке. И пусть по части внешних проявлений здешняя публика выглядела на концертах менее активной, однако после представлений все было, как и везде: Дина поджидали толпы поклонниц, которые требовали автографов и забрасывали его цветами. Кроме того, к Дину проявляли внимание и официальные лица. Так, днем **8 октября** его пригласили выступить на пресс-конференции в Советском комитете защиты мира. Представлял Дина публике писатель Борис Полевой, который назвал Дина «удивительным певцом современности, человеком из народа, умеющим понимать сердце и душу людей, особенно молодежи».

В тот же день в газете «Известия» была помещена первая заметка, посвященная гастролям Дина Рида в Москве. Она называлась «Парень из Колорадо». Однако самому Дину больше понравилась другая публикация – в «Вечерней Москве», которая была датирована тем же днем **8 октября**. Почему она? Дело в том, что она принадлежала перу человека, с которым Дин познакомился несколько дней назад после одного из своих концертов. Дин сидел в своей гримерке, когда к нему зашел Андрей в сопровождении представительного мужчины в темном костюме. Андрей представил его как популярного советского певца Марка Бернеса.

– Он, как и ты, совмещает эстраду с кинематографом, – сообщил Андрей.

Дин пожал руку гостю, после чего они проговорили почти час. Причем говорил по большей части Дин, а Бернес внимательно его слушал и в паузах задавал вопросы: о родителях Дина, о его творчестве, о сегодняшнем житье-бытье. А спустя пару дней, перед очередным концертом, когда Дин также сидел в гримерке, туда вошел Андрей с газетой в руке.

– Помнишь, я приводил к тебе человека – Марка Бернеса? Ну того, что, как и ты, совмещает кино и эстраду? – спросил Андрей. – Так вот, сегодня «Вечерняя Москва» опубликовала его заметку о тебе.

И Андрей стал читать заметку, тут же переводя ее на английский:

«Дин в белой рубашке, темной жилетке. Подростком он ушел из дома, не поладив с отцом, ненавидевшим коммунистов. Чтобы получить образование, юноше пришлось браться за любую работу.

Главная задача исполнителя сейчас, по его собственным словам, – содействовать своим творчеством борьбе против американской агрессии во Вьетнаме. Поэтому так гневны и горячи его песни на эту тему:

Что ж, опять барабаны
бьют!
А солдаты? Опять
поют?
И опять на земле она?
Да! Опять ты идешь
умирать,

И опять причитает мать,
И опять на земле
война!
И политики врут опять,
Чтоб оружье ловчей
скупать…

Я уверен, что замечательного революционного певца Дина Рида полюбят советские слушатели и он станет нашим другом на долгие годы. И это потому, что его сердце так же искренне и чисто, как выразителен и задушевен его артистический голос. Я с удовольствием пойду еще раз слушать Рида».

Когда спустя несколько минут Андрей ушел, оставив газету на столике, Патрисия, сидевшая тут же, грустно заметила:

– Ну что же, Дин, ты можешь быть доволен: тебя назвали революционным певцом. Значит, твои песни здешним властям понравились. Только зачем ты сказал, что сбежал из дома подростком, когда этого не было?

– Я действительно убегал из дома, когда отец меня поколачивал, но всегда возвращался, – ответил Дин. – Именно так я и рассказал автору заметки. Но он то ли не понял, то ли ему так перевели. Вообще так часто случается, когда общаешься с людьми через переводчика. И ты это прекрасно знаешь.

– Я-то знаю, – кивнула Патрисия. – Просто я боюсь, что если в интервью здесь про тебя будут писать разные несуразицы, тебя сочтут за врун. А мне бы этого очень не хотелось. Кстати, за дверью сейчас находится журналист, который собирается взять у тебя очередное интервью. И ты уж постарайся, чтобы твои слова

он понял правильно.

Журналистом, о котором шла речь, был сотрудник газеты «Московская правда» В. Дранников. Это будет его первая встреча с Дином Ридом, после которой они подружатся. И с тех пор, практически в каждый приезд Дина в Москву, Дранников будет писать о нем заметки. Но та, первая, станет своего рода эпохальной – именно в ней советские читатели впервые подробно познакомятся с биографией Дина Рида (другой журналист – Дмитрий Костин – в «Труде» от **9 октября** расскажет только о некоторых фактах биографии Дина). «Московская правда» опубликует заметку Дранникова **12 октября** под заголовком «С гитарой наперевес». В ней приводились следующие слова Дина:

«Когда я приехал в Южную Америку, я впервые для себя увидел бедность. Не подумайте, пожалуйста, будто мне не попадались бедные люди дома. Я видел их, но старался не замечать. Здесь же бедность, нищета, отчаяние людей бросались в глаза. И впервые в жизни я задумался: почему одни имеют все, а другие ничего? И впервые в жизни я понял, что именно мы, американцы, а вернее – наши монополии безжалостно грабят народы Южной Америки…

Некоторое время я находился под влиянием пацифистов. Но мой пацифизм продолжался недолго. Разве можно отказываться от борьбы, если в твой дом врывается грабитель? Разве можно быть пацифистом, когда видишь, что творит твоя страна во Вьетнаме, в Доминиканской Республике, в Южной Америке? Я стал на путь борьбы.

Я бросил дом, потому что мой отец придерживался крайне противоположных взглядов, я покинул свою страну и уехал на передний край борьбы с американским империализмом – в Южную Америку. Вечером я выступал в концертах, а днем разъезжал на джипе и вместе с друзьями устраивал митинги…»

Когда номер газеты с этой заметкой вышел в свет, Дина уже не было в Москве – он находился в Ленинграде, где продолжил свои гастроли. Его концерты в городе на Неве длились пять дней – **12–16 октября**. Свой первый концерт он дал в Доме культуры имени Дзержинского в восемь вечера. На следующий день, 13-го, Дин встретился с питерской общественностью в Доме прессы. На другой день его концерт прошел во Дворце культуры имени Кирова, а 15-го он выступил в другом ДК – имени Первой пятилетки. Краткий отчет о пребывании Дина в «колыбели революции» опубликует газета «Смена» в номере от **14 октября**. Там будет написано, что на одном из концертов Дин лихо отплясывал твист с одной из зрительниц. Видно, ленинградская публика оказалась более раскрепощенной, чем столичная.

Вообще Ленинград произвел на Дина яркое впечатление. Во время многочасовой экскурсии по городу они с Патрисией не переставали восхищаться красотами Северной столицы. Они побывали в Эрмитаже, в Кронштадте, посетили легендарный крейсер «Аврору».

После Ленинграда Дин отправился в столицу Армении город Ереван. Его выступления прошли в Большом зале Армфилармонии **18–20 октября**. Отчет об этом был напечатан в газете «Коммунист» **22 октября**, когда Дин был уже в Тбилиси.

Свой первый концерт в столице Грузии Дин дал **24 октября** в Театре имени Руставели. Аккомпанировал ему все тот же оркестр Олега Шимановского. Два следующих дня Дин посвятил знакомству с городом и его окрестностями. И здесь ему огромную услугу оказал его новый знакомый, с которым он познакомился в первый же день визита в Грузию. Это был секретарь ЦК ВЛКСМ Грузии Юрий Купцов. Одногодок певца, этот светловолосый и жизнерадостный молодой человек сразу понравился Дину. Их сближению во многом способствовало еще и то, что Юрий прекрасно говорил по-английски. Как он сам объяснил Дину, его мать была преподавательницей английского языка в МГУ, а сам он несколько лет назад окончил Институт международных отношений и должен был стать дипломатом в одной из англоязычных стран. Но в итоге предпочел уйти на комсомольскую работу и был отправлен в Тбилиси (это была обычная советская практика: разбавлять национальные кадры русскими). Купцов был чрезвычайно образованным человеком, любил современную музыку и поразил Дина широтой своих познаний в данной области. Практически с первых же дней пребывания певца в Тбилиси Купцов не только присутствовал на его репетициях и концертах, но и везде сопровождал его. И когда у Дина выдались два свободных дня, Купцов вызвался быть гидом Дина и Патрисии в их экскурсии по Тбилиси.

Как и во многих других городах, куда его до этого заносила гастрольная судьба, Дин не избежал искушения посетить главный музей республики – Государственный музей изобразительных искусств. И там впервые для себя услышал о судьбе художника Нико Пиросмани. До этого он ничего о нем не знал, даже не видел ни одну из его картин, но с удовольствием откликнулся на предложение экскурсовода послушать рассказ о полной драматизма судьбе этого живописца. Дин обожал такого рода истории – знакомясь с ними, он всегда проецировал их на свою собственную судьбу, размышляя о том, что ее перипетии когда-нибудь тоже будут интересовать потомков. Что касается истории о Пиросмани, то там было что послушать.

Бедный крестьянский мальчик из кахетинского села приехал в город на заработки, даже не подозревая, какая судьба его здесь ждет. Почувствовав тягу к рисованию, он решил заняться малярным ремеслом. И вот днями Пиросмани бродил в поисках работы – писал вывески для духанов, лавочек и мастерских. Потом, увлекшись живописью, начал писать картины – пейзажи ночного Тифлиса, фигуры животных. Продавал эти произведения за гроши, на которые и жил. Умер он в абсолютной нищете, под лестницей какого-то дома, забытый всеми. До сих пор никто точно не знает, где его могила. Но вот минули десятилетия, и картины, которые Пиросмани рисовал за краюху хлеба или миску похлебки, стали стоить миллионы долларов и висят на стенах музея в Тбилиси и многих других городов мира.

– Парадоксальная судьба! – шепнул Дин на ухо Патрисии, когда экскурсовод закончил свой рассказ о судьбе великого художника.

На что Патрисия откликнулась весьма неожиданно:

– Когда-нибудь и про тебя будут рассказывать подобные истории.

Не меньшее впечатление произвела на Дина и экскурсия по самому Тбилиси, особенно путешествие по канатной дороге к горе Мтацминда, откуда с 400-метровой высоты перед ним открылся восхитительный вид на город и его окрестности. Он увидел поразивший его воображение пейзаж, когда сразу два города, старый и новый, как бы слились воедино. Старый город представляли маленькие домики, словно ласточкины гнезда облепившие окрестные скалы, а новый – бетонные и кирпичные дома, светлые улицы и широкие проспекты.

В те самые дни в Грузии в самом разгаре был сбор винограда – так называемый праздник труда ртвели. И Купцов предложил Дину съездить за город, чтобы воочию увидеть этот праздник. Дин с удовольствием согласился, а вот Патрисия ехать отказалась, так как из-за беременности долгие прогулки были ей противопоказаны. Поэтому Дин и Купцов отправились за город одни, а Патрисия осталась в гостинице.

В деревне Дин и Купцов провели почти весь день. Они побывали на винограднике и даже поучаствовали в сборе винограда, складывая его в специальные корзины – «годори». А вечером жители деревни накрыли под виноградником большой стол, и первый же тост седовласый тамада провозгласил за заморского гостя. Потом началось застолье – шумное и веселое. Тост следовал за тостом, а в промежутках между ними собравшиеся дружно пели грузинские песни и танцевали. Дин был в полном восторге. Нечто подобное он видел в Латинской

Америке – такой же разгул веселья, песен, зажигательных танцев.

Когда веселье было в самом разгаре, Юрий внезапно предложил Дину развеяться. Они тихонько поднялись со своих мест и спустились к реке. Стояла тихая безветренная ночь, а огромное небо было усыпано звездами.

– Я уже два года живу и работаю в Грузии и не перестаю восхищаться здешними людьми, – первым нарушил тишину Юрий, когда они уселись на берегу. – Вообще кавказцы – чрезвычайно гостеприимные люди.

– Разве только кавказцы? – удивился Дин. – Я несколько лет жил в Латинской Америке и могу засвидетельствовать, что тамошние жители не менее радушные хозяева. Особенно это касается деревенских жителей. Горожане в этом отношении более закрытые и холодные люди.

– А как тебе понравилась Москва? – поинтересовался Купцов. – Только честно.

– Честно? – переспросил Дин и рассмеялся. – К сожалению, я видел только центр города, поэтому объективно судить не могу. Но Красная площадь и Кремль меня потрясли: ничего подобного я нигде не видел. Однако я взял себе за правило: везде, куда меня забрасывает гастрольная судьба, я прежде всего смотрю не на дома, которые меня окружают, а на людей. Вот главная достопримечательность любого места на земле. Я почти месяц нахожусь в вашей стране и могу честно заявить: люди у вас живут прекрасные. И очень жаль, что мои соплеменники в Америке почти ничего о вас не знают.

– Так расскажи им о нас.

– Я всегда это делаю при любой возможности, – честно признался Дин. – Правда, с каждым разом таких возможностей у меня становится все меньше.

– Да, я слышал, что у себя на родине ты давно персона нон-грата, – с явным сочувствием в голосе произнес Купцов. – Но, может быть, в скором времени все изменится в лучшую сторону, ведь Джонсон не вечен. Я слышал, что на недавних промежуточных выборах в Конгресс демократы потерпели поражение.

– Ты думаешь, что уход Джонсона что-то изменит? – улыбнулся Дин. – По мне все едино: что демократы, что республиканцы. Хотя последние все-таки могут покончить с войной во Вьетнаме.

– Покончить с ней они, конечно, могут, но им будут всячески мешать. Причем не только в Америке.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Дин.

– Я имею в виду, что политика – грязная штука, – после

некоторой паузы ответил Купцов. – Или ты с этим не согласен?

Дин предпочел промолчать, чтобы не сбивать собеседника с его мысли. Поэтому спустя несколько секунд Купцов продолжил свой монолог.

– Наших руководителей терзают противоречивые чувства: с одной стороны, они сочувствуют вьетнамцам, а с другой – молятся на то, чтобы эта война шла и дальше, поскольку дает огромные козыри в идеологической войне.

– А как считаешь ты сам? – поинтересовался Дин.

– Я похож на наших руководителей, – практически без паузы ответил Купцов. После чего добавил: – Но это то немногое, что меня с ними объединяет.

– То есть? – удивился Дин.

– В остальном я думаю иначе, чем они. Например, они твердят о скорой победе коммунизма, а я в него не верю. Впрочем, в этом чувстве я не одинок: так считают миллионы моих соотечественников. Но наши руководители предпочитают этого не замечать, поскольку им так удобно: сами-то они давно живут при коммунизме. Они же находятся на полном государственном обеспечении и ни о чем не беспокоятся – чем не коммунизм? А все их слова о скором всеобщем равенстве всего лишь пустой звук. Они понимают, что это равенство невозможно, но продолжают о нем твердить, чтобы самим жить припеваючи.

– Ты так говоришь, будто сам к руководителям не относишься.

– Во-первых, я не самая большая «шишка», как называют у нас руководителей. Во-вторых, среди руководящих деятелей разные люди встречаются. Есть и такие, кто пошел во власть не ради того, чтобы присосаться к сладкой кормушке. Ты ведь не будешь спорить с тем, что такие люди есть.

– Не буду, поскольку я таких людей встречал. – Поймав вопросительный взгляд собеседника, Дин уточнил: – Например, Че Гевара. Его бескорыстие буквально вошло в легенду.

– Ну, я не стану сравнивать себя с Че Геварой, однако к привилегиям отношусь столь же негативно, как и он, – улыбнулся Юрий. – И таких, как я, в нашем руководстве немало. Когда два года назад сняли Хрущева, многие надеялись, что к руководству страной придут именно такие: бескорыстные и более молодые. Ведь сегодняшний мир стремительно меняется, и, чтобы успеть за его процессами, нужно иметь прочный запас физических сил и значительный интеллектуальный багаж. Увы, эти надежды не оправдались.

– Под достойными людьми ты кого имел в виду? – поинтересовался Дин.

– Например, Шелепина или Семичастного. Слышал про таких?

– Семичастный, кажется, возглавляет КГБ, – обнаружил Дин свою осведомленность. – А вот про Шелепина я ничего не слышал, – честно признался Рид.

– Шелепин перед Семичастным тоже возглавлял КГБ, и оба они пришли туда из комсомола. Теперь Шелепин является секретарем ЦК КПСС, и многие хотят, чтобы он сменил Брежнева.

– Ты тоже так считаешь?

– Конечно! – почти без паузы сказал Купцов. – Шелепин на 12 лет моложе Брежнева и гораздо образованнее его. Мой отец еще в начале сороковых работал с ним в московском горкоме комсомола и всегда отзывался о нем самым лучшим образом.

– Извини, Юрий, но где работает твой отец? – перебил собеседника Дин.

– В МИДе, – коротко ответил Юрий, после чего пояснил: – В Министерстве иностранных дел. Но речь не о моем отце, а о Шелепине. На мой взгляд, он именно тот человек, который сегодня просто необходим у руля государства. Это жесткий, принципиальный и честный руководитель. Приди он сейчас к власти и приведи с собой своих соратников, я уверен, что после этого никто не будет называть наших вождей зазнавшимися снобами. И пусть к коммунизму это нас не приблизит, зато вера в него у людей значительно возрастет. А это уже немало.

– Откуда такой оптимизм, Юрий? – улыбнулся Дин.

– Из поступков Шелепина, о которых сегодня в партии многие знают. Он, например, открыто выступает против тех же привилегий. Насколько я знаю, Че Гевара тоже разошелся по этому вопросу с Фиделем Кастро. Вот и выходит, что даже кубинцы наследуют пороки нашей системы. А знаешь почему? Они, как и мы, строят закрытое общество с однопартийной системой. В таком обществе у руководителей всегда возникает соблазн жить лучше, чем все остальные граждане.

– Моя родина Америка живет при двухпартийной системе, однако среди руководителей страны бедных людей нет, – напомнил Дин собеседнику широко известный факт.

– Так ведь там строят капитализм! А у нас страна коммунистическая, где декларируется равенство. Однако наша руководящая элита на это равенство наплевала. Знаешь, например, как живет хозяин здешних мест товарищ Мжаванадзе? Даже лучше, чем жил до революции какой-нибудь грузинский князь! А ведь Мжаванадзе не князь вовсе, а коммунист!

– Неужели Шелепин хочет запретить привилегии? – перебил пылкую речь своего собеседника Дин.

– Нет, это было бы слишком смело, – усмехнулся Купцов. – Но у него есть желание значительно сократить их количество. Причем начинает он с себя. Так, во время переезда на новую квартиру он полностью оплатил ремонт, хотя мог легко избежать этого – как-никак на гособеспечении. А когда на Политбюро многие возмутились этим фактом, он поднял вопрос о том, чтобы пересмотреть всю систему привилегий для высшей партийной номенклатуры: лишить большую ее часть спецпайков, дач и даже охраны. И он же выступил против того, чтобы на праздниках люди носили портреты членов Политбюро. Все эти поступки ясно указывают на то, что Шелепин не ортодокс и смог бы повернуть вектор развития нашей страны в иное, более позитивное русло. Но я боюсь, что именно его к власти и не допустят.

– Эти опасения имеют под собой основания? – поинтересовался Дин.

– Имеют. В декабре прошлого года Шелепина лишили поста председателя Комитета партийного контроля, значительно сузив его деятельность. Теперь ходят усиленные слухи, что его вот-вот могут снять и с поста секретаря ЦК. Говорят, Брежнева напугали слухи о неком «теневом кабинете», который формируется вокруг Шелепина.

– То есть Шелепин готовит заговор?

– Нет никакого заговора, – отмахнулся Купцов. – Просто кому-то очень хочется сделать из Шелепина заговорщика и тем самым отправить его в отставку. У нас в Кремле интриги бушуют не хуже, чем когда-то при мадридском дворе. Вашим президентам подобное даже и не снилось. Так что ты, Дин, мотай себе на ус: тебя тоже могут использовать в разного рода интригах, если ты и дальше будешь приезжать к нам в страну.

Сказав это, Купцов внезапно обнял Дина за плечи и, придвинув к себе, спросил:

– Кстати, ты знаешь, что твой переводчик Андрей работает на КГБ?

– Не знаю, но догадываюсь, – кивнул Дин. – Только мне бояться нечего, ведь я ничего предосудительного не делаю.

– Это правильно – бояться не надо. Но иметь в виду стоит. Я с тобой столь откровенен, потому что ты мне очень симпатичен, Дин. Я здесь уже два года, но настоящих друзей так и не приобрел. Кругом одни комсомольские соратники. А вот тебя знаю всего-то три дня, а говорить могу с тобой о чем угодно. И дело здесь вовсе не в вине, а в тебе самом: ты хороший мужик, Дин, как у нас говорят – не говнистый.

Последнее слово Купцов произнес по-русски, не найдя подходящего аналога в английском языке. Но Дину это слово

понравилось, и он даже записал его в свою записную книжку с тем, чтобы потом выучить и использовать при случае. Когда он это сделал и захлопнул книжку, Купцов пошутил:

– Я надеюсь, весь остальной наш разговор ты записывать не будешь.

Дин ответил такой же шуткой:

– Нет, я перескажу все Андрею на словах.

После чего оба собеседника громко рассмеялись.

Гастроли Дина в Тбилиси продолжались. **27–28 октября** он дал еще два концерта, но уже на другой площадке – во Дворце спорта. На следующий день он покинул город, однако Купцов проводить его не смог. В тот день он был весь поглощен другим визитом – в Тбилиси приезжал Леонид Брежнев. **1 ноября** тот присутствовал в том же Дворце спорта, где сутки назад выступал Дин Рид, на торжественном концерте.

Во время пребывания в Тбилиси Дин дал очередное свое интервью – на этот раз журналисту «Комсомольской правды» В. Байбурту (материал будет опубликован **28 октября**). В нем Дин рассказал о некоторых фактах своей биографии, причем в одном месте выступил в роли барона Мюнхгаузена. Речь шла о том, как Дин заключил контракт с фирмой «Кэпитол». По словам Дина, это выглядело следующим образом. Он стоял на автостраде неподалеку от Голливуда, и возле него остановилась машина. Ее владелец любезно предложил его подвезти. В машине Дин запел, и хозяин авто, который сам когда-то был певцом, привез его прямиком к фирме «Кэпитол». «Так я стал певцом», – этими словами Дин заключил свой рассказ. И все бы ничего, если бы двумя неделями ранее Дин не поведал журналисту Дранникову из «Московской правды» совсем другую историю. Из нее выходило, что в Голливуд его привез Патон Прайс и именно благодаря ему он и заключил свой контракт с «Кэпитол».

Чуть позже Дин родит на свет и третий вариант этой истории: как он ехал на своем автомобиле в Голливуд, захватил по дороге попутчика, и тот привез его на фирму «Кэпитол». Чем вызван такой набор версий относительно одного и того же события, сказать трудно: то ли провалами в памяти самого рассказчика, то ли его желанием что-то приукрасить, то ли неправильным переводом (последнее вероятнее всего). Поэтому читатель пусть сам выбирает, какая из этих историй ему нравится больше всех. Я лично выбрал последнюю.

Из Тбилиси путь Дина Рида пролег в столицу Азербайджана Баку. Там он пробыл три дня – с **30 октября по 1 ноября**. Выступал в Клубе имени Дзержинского, в котором его сменил другой гастролер – Муслим Магомаев.

Несмотря на то что график гастролей был жестким, Дин ни разу не высказал каких-нибудь претензий ни организаторам, ни музыкантам. Его практически все устраивало, и единственное, о чем он волновался, – это о здоровье Патрисии. Она была на седьмом месяце беременности, порой неважно себя чувствовала, однако, когда ей предложили остаться в Москве и дожидаться мужа там, категорически отказалась. Даже Дин не сумел ее уговорить. Теперь же, переезжая из города в город, она здорово уставала и все чаще раздражалась. То ей не нравились условия проживания в гостинице, то не устраивала еда, то еще что-то. Даже в мелочах она находила разного рода недостатки. Например, никак не могла привыкнуть к тому, что вечером по телевизору даже нечего посмотреть. Еще в Москве, в гостинице, она была крайне удивлена, что в Советском Союзе черно-белое телевидение и всего три программы.

– Как они здесь живут? – удивилась она как-то вечером, пощелкав ручкой телевизионного переключателя и не найдя ничего интересного.

– Нормально живут, – ответил Дин.

– Что значит нормально, если у них всего три канала, да и по тем идет непонятно что.

– А что ты хотела здесь увидеть? Твои любимые «мыльные оперы» или глупые шоу? Зря надеешься: здешнее телевидение не развлекает людей, а просвещает. Уверен, если бы ты знала русский язык, ты бы наверняка нашла в их передачах много для себя полезного.

Патрисия тогда не стала спорить с мужем, однако когда и в других городах, куда забрасывала их гастрольная судьба, в телевизионных программах она не нашла ничего интересного для себя, ее уныние только усугубилось. И вечером, когда Дин обычно выступал с концертами, а она сидела в гостинице, тоска на нее накатывала невыносимая. Какое-то время она еще терпела, заставляя себя пораньше ложиться спать. Но потом ей это надоело, и она стала буквально изводить Дина своими претензиями. Поэтому, когда в начале **ноября** они вернулись в Москву, Дин был вымотан больше не гастролями, а присутствием рядом с собой супруги. Впрочем, и злиться на нее он не мог – понимал, что ее раздражение во многом обоснованно и вызвано беременностью.

В Москве супруги пробыли неделю и неплохо отдохнули. Побывали в Большом театре, в Третьяковской галерее, а **5 ноября** Дин был приглашен в Театр на Таганке на спектакль «10 дней, которые потрясли мир». Приглашение было не случайным. Во-первых, этот спектакль был поставлен по одноименной книге

однофамильца Дина Джона Рида, во-вторых – Дину было интересно посетить театр, где многие актеры, как и он, пели.

Когда спектакль закончился, актер Готлиб Ронинсон под гром аплодисментов вызвал на сцену Дина и представил его зрителям: «Сегодня у нас в гостях исполнитель песен протеста Дин Рид». Кто-то из зрителей закричал: «Гитару Дину!», что было немедленно исполнено – гитара лежала тут же, за кулисами. И Дин спел несколько своих песен. Ему аплодировали, но ровно до тех пор, пока на сцену не поднялся актер Таганки Владимир Высоцкий. Он уже был дико популярен в Москве, а два месяца назад вернулся со съемок фильма «Вертикаль», который прославит его на весь Советский Союз. Именно несколько песен из этого фильма Высоцкий и спел, чем привел публику в еще больший восторг: ему аплодировали гораздо энергичнее, чем Дину. Но последний не обиделся и, когда оказался в кабинете главного режиссера театра Юрия Любимова, даже произнес фразу: «Режиссер и артисты, совершенно очевидно, люди гениальные».

7 ноября Дин и Патрисия пришли на Красную площадь, на военный парад. Увиденное их по-настоящему потрясло, поскольку ничего подобного в своей жизни они еще не видели. В те дни американские войска совершили очередные злодеяния во Вьетнаме, подвергнув варварской бомбардировке густонаселенные пригороды Ханоя и порт Хайфон. Поэтому советское правительство выступило с официальным осуждением этих актов. И парад на Красной площади должен был продемонстрировать всему миру мощь и силу советских вооруженных сил, готовых отразить любую агрессию извне.

10 ноября Дин и Патрисия были уже в Ростове-на-Дону, чтобы продолжить гастроли. Два дня спустя Дин дал первый концерт в тамошнем концертном зале при полном аншлаге. Та же ситуация была и на втором концерте, который состоялся на следующий день, **13 ноября**. Дин пел по большей части все те же протестные песни, но во втором отделении спел несколько рок-н-роллов, чем здорово завел публику, которая в подавляющем большинстве впервые видела живого американского певца.

Следующим пунктом гастрольного маршрута стал курортный город Кисловодск. В графике поездки этот город возник не случайно: организаторы турне хотели дать Дину и его супруге полюбоваться красотами курорта, который считался элитарным (на нем в основном отдыхали и лечились передовики производства и номенклатурные работники), и заодно отдохнуть там. Однако все бы хорошо, если бы к тому моменту у Дина не обострилась его давняя болячка – болезнь горла. Поэтому в

местную филармонию для переговоров он приехал не в лучшем расположении духа. И пока шли переговоры (их вели администратор Рида и переводчик Андрей), Дин сидел в сторонке. Это не укрылось от глаз одной из работниц филармонии Тамары Толчановой. И она тихонько поинтересовалась у Андрея, в чем дело.

– У Дина разболелось горло, – ответил переводчик.

– Что же вы мне раньше не сказали! – всплеснула руками женщина. – У меня в знакомых ходит ведущий отоларинголог Кисловодска Дора Исидоровна Лернер. Несмотря на то что работы у нее всегда выше крыши, такому гостю она не откажет. Сейчас я ей позвоню.

И Толчанова тут же набрала на телефоне, стоявшем на столе, номер врача. А через минуту уже радостно сообщала Дину о том, что врач согласилась его принять немедленно. Услышав это, Дин достал из кармана кожаное портмоне.

– Сколько стоит консультация? – перевел Андрей его вопрос.

– Вы нас обижаете, – покачала головой Толчанова. – Дин Рид наш гость, и ему эта услуга обойдется бесплатно.

И Дину не оставалось ничего иного, как спрятать свое портмоне обратно в карман.

Спустя полчаса они уже были в клинике. Осмотрев пациента, Дора Лернер поставила неутешительный диагноз:

– Сильное воспаление голосовых связок, на гортани большое количество гнойничков. Так что вам, голубчик, петь никак нельзя.

– Как нельзя?! – встрепенулся Дин, когда Андрей перевел ему слова врача. – У меня контракт, я обязан дать еще несколько концертов. Иначе я буду вынужден платить неустойку, а это очень большие деньги.

– А вам что дороже: деньги или ваше здоровье? – поинтересовалась в ответ Лернер.

– Здоровье, конечно, дороже, но и денег для штрафов у меня тоже нет. К тому же моя жена вот-вот родит.

Услышав слова о беременной супруге, доктор смягчилась.

– Хорошо, я сделаю вам необходимую процедуру, но вам придется потерпеть – будет больно.

– Боли я не боюсь, – расплылся в счастливой улыбке Дин. – Куда садиться?

И доктор указала ему рукой на кресло. Процедура заняла несколько минут, и во время нее Дин даже ни разу не застонал, хотя ему и было больно. Однако он не хотел показаться слабаком в присутствии сразу двух женщин. После процедуры Лернер сказала:

– Теперь вам будет полегче, но мне все равно придется быть

рядом с вами, чтобы делать ингаляцию.

– Но это же несколько концертов в разных городах! – удивился Дин.

– Значит, придется ездить во все эти города, – развела руками Дора Лернер.

Когда Андрей перевел Дину эти слова доктора, тот сначала остолбенел, а потом бросился к врачу и стал прилюдно целовать ей руки. После чего сказал:

– Я многих врачей повидал, но такого, как вы, вижу впервые в жизни! У вас в Советском Союзе все такие?

– Все, – хором ответили обе женщины, после чего дружно рассмеялись своему одинаковому ответу.

Дин пробыл в Кисловодске несколько дней и дал два концерта. И на каждом за кулисами дежурила Дора Лернер с ингалятором. Она обрабатывала певцу горло несколько раз: перед началом концерта и во время перерыва между отделениями, а также иногда в паузах между песнями. Кроме этого Дин в эти же дни проходил специальные процедуры в санатории «Орджоникидзе». Особенно он полюбил принимать горячую доломитную ванну, а также сульфатную.

Однажды, когда они с Андреем возвращались после ванн в гостиницу, у выхода из санатория они столкнулись с группой мужчин, один из которых, узнав Дина, первым шагнул к нему и протянул руку для приветствия. Затем мужчина сказал несколько слов, которые Андрей перевел следующим образом:

– Он говорит, что рад познакомиться с американцем, который не видит в Советском Союзе врага. И еще хвалит тебя за вчерашний концерт, на котором он побывал вместе со своими товарищами.

– Поблагодари его за добрые слова и спроси, как его зовут, – попросил Дин.

Однако Андрей, переведя первую часть просьбы Дина, вторую проигнорировал. И только когда мужчина ушел, сообщил:

– Этого мужчину зовут Юрий Владимирович Андропов. Он секретарь ЦК КПСС, а здесь находится на отдыхе – лечит больные почки. Советую тебе запомнить это имя: глядишь, когда-нибудь пригодится.

Дин так и сделает: запомнит Андропова и, когда весной следующего года того назначат председателем КГБ, восхитится: надо же, совсем недавно этот человек жал мне руку и благодарил за мое творчество.

В последний вечер перед отъездом из Кисловодска Дин, Патрисия и Андрей заглянули на полчаса в филармонию к Тамаре Толчановой. Дин поблагодарил ее за помощь в деле его лечения,

после чего вышел на несколько минут из кабинета – отправился в администрацию, чтобы еще раз уточнить дальнейший график гастролей. Когда дверь за ним закрылась, Тамара через Андрея задала Патрисии вопрос, который давно вертелся у нее на языке:

– Я заметила, что у вас все время грустные глаза. Не потому ли, что трудно быть женою человека, которого все так любят?

– Да, Дина многие любят, – кивнула Патрисия. – Но у него достаточно и врагов. В Аргентине нам устраивают всяческие провокации: обстреливают наш дом, пишут на нем краской разные оскорбления, угрожают по телефону. Поэтому в последнее время жить там стало просто невыносимо. И я совсем не уверена, что смогу выдержать такую жизнь. А Дину она почему-то нравится. Именно это меня и угнетает: при всей любви к Дину я чувствую, что мы все дальше и дальше отдаляемся друг от друга.

– Но ведь вы же ждете ребенка? – удивилась Толчанова.

– И от этого мне еще более грустно. Раньше я думала, что рождение ребенка заставит Дина изменить свой образ жизни. Но теперь поняла, что эти мечты наивны: Дина уже ничто не может изменить. Политика – вот единственное, что теперь его волнует и влечет сильнее всего на свете.

Поняв, что дальнейшие разговоры на эту тему могут причинить Патрисии только боль, ее собеседница замолчала. Да и Андрей был потрясен услышанным не меньше нее и теперь смущенно отводил глаза в сторону, как человек, который стал невольным свидетелем чужой тайны.

Между тем гастрольный тур Дина Рида подходил к концу. **20–23 ноября** они с Патрисией приехали в Ригу, где Дин дал еще несколько концертов во Дворце спорта «Даугава». Везде были аншлаги и отличный прием. Газета «Советская Латвия» напечатала интервью Дина (**23 ноября**), озаглавив его весьма просто – «Песни Дина Рида».

Из Прибалтики супруги вернулись в Москву. И практически сразу Патрисия почувствовала себя плохо: видимо, напряженный гастрольный график мужа все-таки сделал свое дело. Ее немедленно госпитализировали в кремлевскую больницу, что в Кунцеве. Дин стал допытываться у врачей о диагнозе, но те предпочли не беспокоить его раньше времени и отвечали уклончиво: мол, надо сделать анализы, надо немного подождать. Но Дина мучали страшные предчувствия. Вот уже более двух лет они жили в законном браке, однако все их попытки завести ребенка заканчивались ничем. Что-то подсказывало ему, что и в этом случае их ждет очередная неудача. К тому же сама Патрисия в последнее время выглядела подавленной и все чаще укоряла мужа в том, что политика ему стала дороже семьи. С такими

настроениями было гораздо легче потерять ребенка, чем сохранить его. Так оно и вышло. Когда в очередной раз Дин приехал в больницу, чтобы навестить жену, ему сообщили, что ребенка спасти не удалось. Дин бросился в палату, чтобы успокоить Патрисию. О себе в те мгновения он не думал.

В палате с Патрисией лежала еще одна пациентка, которая специально вышла в коридор, чтобы не мешать супругам общаться. Патрисия лежала в кровати, накрытая одеялом, и выглядела подавленной. И хотя при виде мужа по ее лицу пробежало подобие улыбки, однако глаза, полные скорби, выдавали подлинные чувства, которые владели Патрисией в эти минуты. Дин присел на краешек кровати и поцеловал жену в лоб. На глазах Патрисии появились слезы, и она произнесла:

– Прости, Дин, я опять тебя подвела.

– Что за чушь ты несешь, – ответил Дин, поглаживая жену по голове. – Это я виноват в том, что у нас ничего не получается. Не надо было тебя слушать и брать с собой в гастрольное турне. Тогда бы все было нормально.

– Ты думаешь, все случилось из-за этого?

– А из-за чего же? – удивился Дин.

Патрисия ничего не ответила мужу, лишь отвела глаза в сторону. Дин догадался, о чем она думает, и, стараясь сохранять прежнее спокойствие, сказал:

– Пэтси, давай хотя бы сегодня не будем выяснять отношения. Тебе надо поправляться, а своими переживаниями ты только усугубляешь ситуацию. Обещаю, когда мы вернемся в Испанию, мы обо всем с тобой поговорим.

– Ты считаешь, это поможет? – спросила Патрисия, по-прежнему глядя в стену.

– Я в этом уверен, – твердо сказал Дин. – А пока ты должна успокоиться и завершить курс лечения. Я договорился с врачами, что тебя продержат здесь еще несколько дней. А к Рождеству мы уже будем в Мадриде. Кстати, может быть, поговорить с врачами, чтобы тебя перевели в отдельную палату? Я думаю, мне не откажут.

– Нет, нет, – Патрисия вновь повернула голову к мужу. – Одна я точно сойду с ума. К тому же моя соседка – хорошая женщина. Ее муж видный мозамбикский коммунист, и благодаря ей я, кажется, стала лучше понимать людей, так горячо исповедующих коммунизм.

– Вы что, ведете здесь жаркие политические дискуссии? – удивился Дин.

– Это не дискуссии, а скорее разговоры по душам, – улыбнулась Патрисия. – Муж этой женщины был соратником

одного из основателей Фронта освобождения Мозамбика Магайи, которого убили в бою месяц назад, и она много рассказывает мне о том, что творится у них в стране.

– Я просто ушам своим не верю, – продолжал удивляться Дин. – Ты вечно затыкаешь мне рот, когда я начинаю говорить о политике, а здесь во все уши слушаешь разговоры жены мозамбикского коммуниста. Если так пойдет и дальше, то ты станешь левее, чем я.

– Не беспокойся, не стану, – успокоила мужа Патрисия. – Я сказала, что стала лучше понимать людей с коммунистическими взглядами, но сама таковой не стала, да и не стану никогда. Двух «красных» наша семья точно не потянет.

Пока его жена лежала в больнице, Дин без дела не сидел – **27–29 ноября** он дал несколько концертов в Театре эстрады. А также принял участие в съемках телевизионного новогоднего «Голубого огонька», которые проходили в телестудии на Шаболовке. Поскольку Дин был хорошо знаком с западным телевидением (с американским и латиноамериканским), ему было интересно присовокупить к этому и впечатления о советском телевидении. Они оказались двоякими.

С одной стороны, он увидел, что технически советские телевизионщики оснащены не самым лучшим образом. Да и сама Шаболовка не являла собой средоточие суперсовременного дизайна и ультрамодных новшеств (Дину объяснили, что через год в Москве откроется новый телецентр, в Останкине, который обещает стать одним из самых современных в Европе). У советских светотехников не было мощной аппаратуры, как у их западных коллег, поэтому они работали с советскими ламповыми кинопрожекторами, которые расставлялись по балконам в студии, которую они ласково называли «Аннушкой» (студия «А», где снимались «Голубые огоньки»). Этими же приборами освещалась заставка к передаче – Шуховская башня, которая была нарисована на куске старого холста. В самой студии рядом с каждым телеоператором всегда находился мастер по свету. В одной руке он держал зеркальную лампу, а другой возил штатив на колесиках, на котором крепился еще один осветительный агрегат.

Однако все эти детали померкли на фоне того, когда Дину объяснили, что такое «Голубой огонек». Это было своего рода телевизионное кафе, куда приглашались самые известные люди страны: передовики производства, популярные спортсмены, деятели литературы и искусства. Они делились с телезрителями своими планами на будущее, рассказывали какие-то необычные истории из жизни. В паузах между этими рассказами выступали

известные артисты. Эта передача считалась в Советском Союзе самой популярной – у нее были самые высокие рейтинги. И Дин понял почему: у передачи был очень большой положительный заряд. Ни один западный аналог такого заряда не нес, поскольку ставил перед собой исключительно одну цель – развлечь зрителя. Там главными героями становились артисты, для которых главным было «засветиться» на голубом экране. А зрители, которые находились в студии, служили только статистами – им вменялось в обязанность улыбаться и громко хлопать.

Вообще в тот свой приход на Шаболовку Дин узнал много интересного из жизни советского телевидения. Например, он еще год назад был потрясен тем, что на нем начисто отсутствует коммерческая реклама. То есть ни одна советская телепередача, ни один фильм не прерывались каждые 7–8 минут на рекламный блок, без которого западный телезритель своего телевидения не представлял. Причем у подавляющего числа телезрителей эта реклама вызывала стойкую аллергию, однако поделать с ней он ничего не мог – это было обязательным атрибутом телевидения по-западному. Дин хорошо знал эту ситуацию, поскольку в его передаче на аргентинском ТВ без рекламы тоже нельзя было ступить ни шагу. Как было известно Дину из официальных источников, только зарегистрированные доходы телевидения в США от продажи эфирного времени для коммерческой рекламы составили в предыдущем году гигантскую сумму в 4 миллиарда долларов, что равнялось национальному доходу какой-нибудь средней латиноамериканской страны.

Когда Дин поинтересовался у обитателей Шаболовки, на какие же деньги существует телевидение в СССР, ему ответили коротко: на государственные.

– А как насчет цензуры? – задал Дин вопрос, который для советских телевизионщиков был притчей во языцех – иностранцы его часто задавали.

– У нас существует так называемая внутренняя цензура, которая не позволяет нам снимать всяческие непотребности: порнографию, насилие, ужасы и т. д.

Дин был поражен и этим фактом, поскольку хорошо знал ситуацию на своем родном, американском телевидении. В прошлом году одна тамошняя газета провела анализ программ, пользующихся успехом у американских детей, и выяснила, что за 80 часов детям было показано 81 убийство и 372 акта насилия.

Но вернемся к «Голубому огоньку», в котором участвовал Дин. Он исполнил одну из своих самых на тот момент популярных песен: «Элизабет» Пола Анки. Именно эта запись, которую покажут в новогоднюю ночь, позволит миллионам

советских людей впервые воочию увидеть популярного американского артиста, которого советские газеты уже успели окрестить «революционным певцом» и «другом Советского Союза».

Свободное от концертов и съемок время Дин посвящал встречам с разными людьми. В один из тех дней ему в гостиницу позвонила актриса Татьяна Лаврова, с которой он познакомился пару лет назад на кинофестивале в Мар-дель-Плата, и пригласила его вечером на свой спектакль «Двое на качелях» в театр «Современник». Дин отправился туда не один: с ним был Андрей и его коллега, девушка-переводчик Елена, которая только начала постигать азы переводческой деятельности и очень хотела, чтобы в качестве ее дебюта на этом поприще был знаменитый американский певец.

После спектакля было решено отправиться в ресторан «Арагви», чтобы достойно отпраздновать встречу. Лаврову вызвались сопровождать двое ее коллег по театру: ее тогдашний муж Олег Даль, который полтора месяца назад вернулся из Калининграда со съемок фильма «Женя, Женечка и „катюша“», и Михаил Козаков. В ресторане им выделили отдельный кабинет для важных персон, где они могли не опасаться любопытных взоров. Они просидели там вплоть до закрытия ресторана, а затем отправились догуливать вечер, а вернее ночь, в номер Дина в гостинице «Украина». Все уже были изрядно навеселе, и, когда ввалились шумной гурьбой в гостиничный коридор, дежурная по этажу попросила их не шуметь, поскольку все постояльцы уже легли спать. Однако едва веселая компания оказалась в номере, как Дин первым нарушил данное им дежурной обещание. Он взял в руки гитару и спел гостям несколько песен из своего кантри-репертуара. Девушки тут же стали кричать «Браво!» и рукоплескать Дину. Столь бурное проявление чувств к заморскому гостю со стороны его жены задело Олега Даля, и он решил доказать, что тоже кое-что умеет. В трезвом состоянии он бы вряд ли стал бросать вызов Дину, но после сегодняшнего обильного возлияния желание взять реванш буквально распирало его. И он обратился к хозину номера:

– Дин, гив ми инструмент, плиз…

И хотя сказано это было на вполне сносном английском, Дин сначала не понял, чего от него хотят, и продолжал сжимать гитару в руках. Тогда Даль привстал со своего места и протянул руку к гитаре:

– Ну дай мне гитару, не бойся, я ее не съем.

Как ни странно, но эти слова Дин понял и с улыбкой протянул инструмент Далю. Тот возвратился на свое место,

подтянул колки на гитаре, после чего провел пальцами по струнам и запел очень популярную в те годы во время застолий песню «Там вдали, за рекой зажигались огни». Дин не понял ни единого слова, однако то, как душевно пел эту песню Даль, произвело на него сильное впечатление. И когда отзвучал последний аккорд и в номере повисла тишина, Дин первым захлопал в ладоши. Затем стали аплодировать и все остальные. Но Даль даже бровью не повел и без всякого объявления запел следующую песню – «Клен ты мой опавший» на слова Сергея Есенина. И снова первым выразил свой восторг после окончания песни Дин. Плеснув в рюмку водки, он предложил всем присутствующим выпить за исполнителя песен. А когда все осушили свои рюмки, попросил Елену перевести Далю свой вопрос:

– Олег, ваши песни издаются на пластинках?

– Ни на чем они не издаются, – отмахнулся от Дина Даль, закусывая водку бутербродом с сыром. – Я из тех исполнителей, которые дарят людям свое искусство исключительно во время застолий. И таких, как я, у нас большинство. Вот Татьяна мне говорила, что вы недавно были в Театре на Таганке и слушали там Высоцкого. Вам понравилось?

– Очень, – кивнул Дин.

– А ведь у Высоцкого тоже нет ни одной пластинки со своими песнями. Он известен исключительно по магнитофонным записям.

Когда Елена перевела эти слова Дину, он спросил ее:

– Эти записи распространяет государство вместо пластинок?

Елена в ответ рассмеялась, после чего стала объяснять Дину ситуацию с «магнитоиздатом» в Советском Союзе:

– Эти записи государство не поощряет. Этим занимаются сами поклонники певца, принося магнитофоны либо на его концерты, либо делая записи во время таких вот застолий. Потом эти записи передаются из рук в руки и расходятся по всей стране.

– У нас в Америке ничего подобного нет, – развел руками Дин.

– Это потому, что вы строите загнивающий капитализм, а мы скоро будем жить при коммунизме, – сострил Даль, после чего отправил в рот очередную рюмку водки.

Когда Дину перевели эту фразу, он громко засмеялся и похлопал Даля по плечу. Ему нравился этот худющий парень с грустными, как у побитой собаки, глазами. Впрочем, ему нравились все люди, с кем в тот вечер свела его судьба в гостиничном номере.

В Мадрид Дин и Патрисия вернулись незадолго до наступления нового **1967 года**. Однако столица Испании встретила их неласково. Еще в аэропорту приятель Дина журналист Хуан, который должен был отвезти их на машине домой, сообщил им, что за их домом явно установлена слежка. Более того, сказал Хуан, за ними и сейчас следят.

– Откуда ты это знаешь? – спросил Дин.

– Всю дорогу до аэропорта за мной следовал белый «Фиат». Причем он явно не таился: притормозил неподалеку от заправочной станции, где я остановился, и стоял там до тех пор, пока я не тронулся. «Сукиридад» так топорно никогда не работали. Кстати, этот же «Фиат» сейчас опять следует за нами.

Дин и Патрисия одновременно повернулись к заднему окошку и действительно заметили в нескольких десятках метров от своего автомобиля белый «Фиат-1300». Он двигался за ними, строго соблюдая одну и ту же дистанцию.

– Может быть, это не «Сукиридад»? – предположил Дин.

– Тогда это агенты КГБ прибыли из Москвы, чтобы специально охранять вас в логове Франко, – пошутил Хуан. – Нет, это именно агенты Службы безопасности, а не прячутся они, видимо, потому, что хотят, чтобы ты, Дин, их заметил и знал: они не спускают с тебя глаз. Это своего рода шантаж. Или предупреждение, что впереди тебя ждут серьезные испытания. Впрочем, посещая Москву, ты и сам должен был предполагать нечто подобное.

– Ты думаешь, нам не дадут здесь житья? – после некоторой паузы спросил Дин.

– Не дадут, – покачал головой Хуан. – Пока вас не было, здесь кое-что произошло. После отмены цензуры многим показалось, что режим смягчился и готов пойти на новые уступки. Но этого не произошло. Когда тридцать видных представителей интеллигенции направили правительству петицию с требованием политических свобод, им ответили отказом. Им ясно дали понять, что режим будет смягчаться ровно настолько, насколько того хочет правительство. А общественность должна заткнуться. Так что делай выводы, Дин.

На какое-то время в автомобиле повисла тишина. Дин смотрел на проплывающие за окном пейзажи Мадрида и напряженно размышлял о том, что сказал Хуан. Патрисия тоже молчала, не решаясь отвлекать мужа от его мыслей. Так в полной тишине они доехали до своего дома в старой части города. Хуан вызвался помочь супругам донести до квартиры их вещи и взял в руки кожаный чемодан Патрисии, в котором были не только вещи из ее гардероба, но и сувениры, которые они в последние дни

пребывания в Москве приобрели в ГУМе на Красной площади.

Хуан внес чемодан в коридор двухкомнатной квартиры, после чего простился с супругами. Ему надо было срочно ехать в редакцию, где он был ответственным за сегодняшний номер газеты. Когда Хуан ушел, Дин закрыл дверь и отправился в ванную комнату, чтобы принять душ. Но едва он снял рубашку, как в дверь снова позвонили.

– Патрисия, открой! – крикнул жене Дин, а сам стал снимать брюки. Однако он успел только расстегнуть ремень, когда в коридоре раздался истошный вопль Патрисии. Крик был настолько пронзительным, что у Дина по спине пробежали мурашки. Он выскочил из ванной и увидел жуткую картину: Патрисия сидела на лестничной площадке с перекошенным от ужаса лицом, а рядом с ней лежал мужчина. Поскольку все его лицо и рубашка были залиты кровью, Дин не сразу сообразил, кто это такой. Но когда он подбежал ближе, то узнал в нем Хуана.

Тот лежал без признаков жизни на каменном полу и истекал кровью. Кровь текла на каменный пол из раны на голове, которую, судя по всему, нанесли каким-то тупым тяжелым предметом. Дин имел кое-какие познания в медицине (он их приобрел, когда готовился к своему путешествию по джунглям Амазонки), поэтому тут же стал действовать. Он взял Хуана за запястье. К счастью, пульс прощупывался. Убедившись, что Хуан жив, Дин разорвал на нем рубашку и обмотал ею рану на голове. После чего попросил Патрисию позвонить в полицию и «Скорую помощь». Но та как будто ничего не слышала: она сидела у стены, прикрыв ладонью рот, и с ужасом смотрела на истекающего кровью Хуана. Понимая, что от жены в такой ситуации помощи ждать не приходится, Дин сам вскочил на ноги и бросился в коридор, к телефону. В это время на площадку вышла пожилая соседка, которая, увидев на полу окровавленного человека, свалилась в обморок. И Дину пришлось уже бежать к ней, чтобы убедиться, что с женщиной все в порядке. После нескольких шлепков по щекам соседка пришла в себя и, еле шевеля губами, попросила увести ее обратно в квартиру. Что Дин и сделал: подхватив пожилую женщину под руку, он довел ее до дивана.

«Скорая помощь» и полиция примчались к месту происшествия почти одновременно – спустя десять минут. Все это время Дин сидел возле Хуана и с ужасом ждал, что его приятель умрет. Но тот, хоть и не приходил в сознание, но продолжал дышать. Патрисия все так же сидела у стены и только всхлипывала, глядя на то, как ее муж, весь измазанный кровью, то прикладывает ухо к груди Хуана, то слушает у него пульс.

Когда медики положили Хуана на носилки, Дин помог им

донести раненого до реанимобиля, а затем вместе с ними отправился в клинику. А Патрисия осталась дома, чтобы ответить на вопросы полицейских. Домой Дин вернулся только поздним вечером. Патрисия хоть и пришла в себя, но то и дело прикладывала к глазам платок, не в силах сдержать градом катящиеся слезы. И даже сообщение Дина о том, что Хуан в клинике пришел в себя и врачи обещают, что он в скором времени поправится, не смогло ее успокоить. Она никак не могла избавиться от той жуткой картины, которую увидела несколько часов назад на лестничной площадке. Понимая, в каком состоянии находится его жена, Дин не стал ее беспокоить и сам налил полное ведро теплой воды, взял тряпку и отправился на лестничную площадку, чтобы смыть уже запекшуюся кровь. Когда через час он вернулся в квартиру, Патрисия все так же сидела в кресле и плакала.

– Я немедленно уезжаю домой, – сказала она, когда Дин устало опустился на диван напротив нее. – С меня хватит. Рано или поздно, но эти изверги проломят голову и нам с тобой, Дин. И все ради чего? Ради какой-то проклятой политики!

– Я понимаю тебя, Пэтси, – кивнул Дин. – И одобряю твое решение уехать отсюда. Но только не в Америку. Давай уедем в любую другую европейскую страну, например, в Италию. Там эти подонки до нас не доберутся.

Услышав эти слова, Патрисия перестала плакать и какое-то время сидела не шевелясь, не веря, что ее муж так быстро согласился с ее предложением покинуть Испанию. Потом она пересела к Дину на диван, обняла его и сказала:

– Я согласна на Италию. Но ты должен пообещать мне, что ты перестанешь лезть в политику. Ведь ты же артист, Дин. Снимайся в кино, пой песни, но брось заниматься политикой. Ведь ничего, кроме несчастий, это занятие тебе не приносит. Разве ты этого не видишь?

– Вижу, – после короткой паузы ответил Дин. – Но сделать ничего не могу. Неужели ты сама не понимаешь, что если я буду только артистом, то закончу еще хуже: либо сопьюсь, либо повешусь. А в политике у меня есть шанс. Если даже я погибну, то не так бесславно, как спившаяся или свихнувшаяся звезда с Беверли-Хиллз.

После того как Дин пообещал жене покинуть Испанию, супруги стали готовиться к отъезду. Однако сразу уехать они не могли: надо было дождаться выздоровления Хуана и завершения следствия. Хотя по поводу последнего они не заблуждались. Полиция, кажется, и не собиралась искать налетчиков. Во всяком случае, каждый раз, когда Дин звонил в полицию с тем, чтобы

узнать, как движется следствие, ему все время отвечали одно и то же: следствие продолжается, но о его результатах говорить еще рано. Поэтому, когда Дин в очередной раз навестил Хуана в клинике и рассказал ему об этом, тот не удивился.

– Ясно, что это сделали те самые молодчики из «Секуридад», которые «пасли» нас в белом «Фиате», – произнес Хуан. – Я хоть и не успел увидеть никого из этих громил, но сомнений на этот счет быть не может. Однако искать их никто, конечно, не будет. Поэтому забудь об этом и радуйся, что все ограничилось только моей пробитой головой.

– Хуан, прости меня за случившееся, – сжимая руку друга, сказал Дин. – Ведь это моя голова должна была угодить под их удар.

– Не переживай, Дин, твоя голова еще успеет наполучать достаточное количество шишек, – усмехнулся Хуан. – А если ты останешься в Испании, то это случится уже в скором будущем.

– Не случится, поскольку мы с Патрисией уезжаем в Италию. Мы просто ждали, когда ты поправишься.

– Вот и дождались: я практически здоров, – улыбнулся Хуан. – Так что не тяните время и покупайте билеты на ближайший самолет. Когда доберетесь, пришлите мне открытку с видом на Колизей. Обожаю эти развалины.

Италию Дин выбрал не случайно. Еще когда они с Патрисией собирались уезжать из Аргентины, у них был вариант с этой страной, где Дину предлагали работу – сниматься в итальянских вестернах. Но он тогда посчитал это для себя неуместным и выбрал Испанию. И вот, спустя несколько месяцев, Италия снова возникла в планах Дина.

Отправляясь в Италию, Дин прекрасно был осведомлен о положении тамошнего кинематографа и не заблуждался относительно своего места в нем. Он понимал, что ему трудно будет пробиться в работы таких мастеров, как Федерико Феллини, Лукино Висконти или Джузеппе Де Сантис. Его уделом могут стать разве что дешевые «спагетти-вестерны», которые итальянцы наловчились делать с начала 60-х и теперь поставили на поток. Причем если начиналась эта вестерновая волна весьма неплохо – с настоящих шедевров Серджио Леоне, – то потом этот штучный товар уступил место откровенным поделкам, кои итальянские режиссеры стали снимать десятками. В итоге в **1966 году** таких «спагетти-вестернов» в Италии было выпущено почти семьдесят штук, что составляло больше четверти от всей итальянской кинопродукции (всего в тот год вышло 239 фильмов). Причем подавляющее число этих картин было снято на

американские деньги, поскольку Италия являлась самой большой американской фабрикой в Западной Европе, штампующей доллары из целлулоида.

Американцы крепко держали итальянскую кинопромышленность в своих руках. Достаточно сказать, что за последние десять лет янки вложили 350 миллионов долларов в производство итальянских фильмов, а также в постановку американских фильмов в Италии. В целом в руках фирм из США находилось 55 процентов всего итальянского проката. Дин, который слыл человеком с прогрессивными взглядами, все это прекрасно знал, однако согласился участвовать в этом процессе. Пэтси тогда даже пошутила: мол, мой муж симпатизирует коммунистам, а работать будет на капиталистов. На что Дин ответил: дескать, работать я могу на капиталистов, но деньги отдавать коммунистам. Тогда эти слова выглядели как шутка, однако пройдет еще немного времени и фраза, брошенная Дином, станет пророческой: он и в самом деле будет отдавать часть своих гонораров на нужды различных движений левого толка (коммунистов и социалистов).

Принимая предложение итальянских продюсеров стать актером «спагетти-вестернов», Дин, как и всякий честолюбивый человек, надеялся, что некий шанс на благополучное развитие карьеры у него все-таки есть. Перед его глазами стоял пример его земляка, американского актера Клинта Иствуда. Тот тоже в молодости был спортсменом, потом подался в актеры, но в течение нескольких лет вынужден был обретаться даже не на вторых ролях, а на задворках кинематографа, исполняя крохотные эпизоды в голливудских картинах, которые сегодня вряд ли кто и вспомнит. И только в начале 60-х к Иствуду пришла слава, когда он подался в Италию и сыграл свою первую роль в «спагетти-вестерне». Правда, это было настоящее кино, созданное руками первоклассного мастера – фильм «За пригоршню долларов» Серджио Леоне. Затем в течение двух лет Леоне и Иствуд родили еще два потрясающих вестерна по-итальянски: «За несколько лишних долларов» (1965) и «Хороший, плохой, злой» (1966). Эти фильмы шагнули далеко за пределы Италии и даже сумели покорить Америку. Так Иствуд стал звездой мирового масштаба.

Дин видел все эти фильмы, был пленен игрой Иствуда, однако считал, что, выпади ему удача сняться в чем-то подобном, он смог бы сыграть не хуже Иствуда. Главное – попасть в сферу интересов режиссеров, подобных Серджио Леоне. Причем необязательно сразу: первое время Дин готов был сниматься и у мастеров средней руки, используя их как трамплин для

последующей работы с режиссерами рангом повыше. А там, глядишь, можно попасть и на заметку самому Леоне. В те дни, когда Дин приехал в Италию, в киношном мире уже вовсю ходили слухи, что этот режиссер снимает очередной вестерн – «Однажды на Диком Западе» и на главную роль пригласил опять голливудского актера – на этот раз Чарльза Бронсона. При таком раскладе Дин вполне мог рассчитывать, что рано или поздно Леоне может обратить внимание и на него. Но для этого ему надо было сняться хотя бы в одном «спагетти-вестерне». Что вскоре и случилось.

Первым итальянским вестерном Дина Рида стал фильм режиссера Адельчи Бианчи «Буккаро». Дину предложили играть в нем главную роль – меткого стрелка, вершащего правосудие в одном из американских городков возле мексиканской границы. Кроме этого, учитывая главную профессию Дина, ему же доверили спеть в картине несколько песен. Фильм создавала крепкая бригада профессионалов, где даже сценаристов было целых три. Партнерами Дина по съемочной площадке были актеры Моника Брюггер (она играла возлюбленную главного героя), Ливио Лоренсон, Уго Сассо, Жан Луис, Анжела Де Лео и др.

К съемкам фильма Дин приступил практически сразу, как только приехал в Италию, **весной 1967 года**. И одновременно с этим ему стали поступать предложения и от других режиссеров. Это было не случайно. Дин был хорошо известен в Европе как певец, но его фотогеничная внешность и навыки профессионального ковбоя сулили хорошие перспективы для режиссеров, работающих в жанре вестерна или просто приключенческого кино. Но главное, Дин соглашался на гонорары, которые были ниже, чем у большинства его коллег-земляков. Все это и привлекало к Дину внимание итальянских режиссеров. В итоге сразу после работы в «Буккаро» Дин начнет сниматься еще в двух фильмах: вестерне и фильме, относящемся к жанру «плаща и шпаги». Однако об этом речь еще пойдет впереди.

Между тем, чем больше внимания Дин уделял вопросам карьеры, тем сильнее росло напряжение в их отношениях с Патрисией. Переезжая в Италию, молодая женщина надеялась, что здесь они наконец обретут тихое семейное гнездо и начнут наконец полноценную жизнь. Она готова была вновь забеременеть, но Дин был настолько увлечен новым делом, что теперь уже он стал уговаривать жену отложить это дело на потом. Патрисию это удивило, а потом она внезапно прозрела: она стала догадываться, что Дин ей изменяет. Патрисия не знала точно, кто

эта женщина, но была убеждена, что она работает с Дином в одной съемочной группе. Это могла быть актриса или кто-то из обслуживающего персонала. Когда эта мысль впервые пришла в голову Патрисии, она попыталась вызвать Дина на откровенность, но он ее грубо оборвал. Они поссорились и в течение нескольких дней не разговаривали. Потом, правда, помирились, однако осадок все равно остался. Особенно у Патрисии. В итоге спустя какое-то время она заявила Дину, что собирается уехать в Америку.

– Я хочу навестить маму, а ты можешь в мое отсутствие делать все, что тебе заблагорассудится, – сообщила мужу Патрисия, как только он вернулся с очередных съемок.

Как ни странно, но Дин не стал разубеждать жену и легко согласился с ее отъездом.

– Тебе и вправду надо немного развеяться, – сказал Дин. – И я думаю, что лучшим местом для этого станет дом твоих родителей.

На следующее утро он сам отвез Патрисию в аэропорт, а прямо оттуда отправился на студию «Чинечитта» для подписания договора на съемки очередного фильма. А на следующий день у Дина планировался концерт в одном из концертных залов Рима.

Там же, в Италии, Дина застала приятная новость: он узнал, что в Советском Союзе вышел его «лонг-плэй» – долгоиграющий диск. Эту весть Дину сообщил культурный атташе советского посольства. Он же вручил ему и саму пластинку, высказав пожелание, чтобы этот диск был не последней грампластинкой Дина, выпущенной в СССР. Вернувшись домой, Дин внимательно рассмотрел пластинку. В нее вошли 16 песен, которые в разное время выходили на других дисках и миньонах Дина. Среди них были: «Иерихон», «Ты увидишь», «Ищу», «Красные розы», «Не разрешай ей уходить», «Когда ты рядом», «Ла Мамба», «Я хочу, чтобы ты знал», «Элизабет», «Иди с ним», «Счастливая девушка», «Мария», «Сахарный пирог», «Наша любовь всегда будет», «Хава Нагила», «Война продолжается».

Погруженный в повседневные дела, Дин не забывал и о политике. Правда, на первых порах своего проживания в Италии он не принимал в ней участие, а наблюдал за ходом политической жизни, изучая газетные статьи. Читал он в основном родные американские газеты или испанские. Из событий, которые происходили у него на родине летом **1967 года**, Дин особое внимание уделял ситуации с президентом Джонсоном. По всему выходило, что популярность Джонсона катастрофически падает, и вероятность того, что через год его вновь изберут президентом, была равна нулю. И хотя Дин не

верил, что предстоящие выборы смогут что-то кардинально изменить в политической ситуации в его стране, но его радовало хотя бы одно – что многие американцы, которые совсем недавно голосовали за Джонсона, теперь окончательно в нем разочаровались.

Судя по поведению самого президента, он и сам это прекрасно понимал. Если раньше Джонсон вел весьма активную деятельность и чуть ли не каждую неделю совершал какой-нибудь показательный вояж типа проводов американских солдат во Вьетнам или делал какое-то громкое заявление, то теперь он предпочитал нигде не светиться. Как писал в журнале «Лайф» журналист Хью Сайди, автор постоянной колонки, посвященной президенту США: «Джонсон правит государством спазматическими порывами – он осуществляет колоссальную оргию деятельности либо в ответ на брошенный ему вызов, либо в поддержку выдвинутой им самим идеи. За этой оргией следуют недели и месяцы затишья – периодов грустных размышлений и переоценок…»

Из событий итальянской жизни Дин внимательно следил за скандалом, который стал достоянием общественности в начале 67-го и не утихал несколько месяцев. Речь в нем шла о событиях трехлетней давности, когда летом **1964 года** начальник военной разведки Италии СИФАР генерал Де Лоренцо собирался совершить в Италии государственный переворот и привести к власти профашистские силы. Причем помогало генералу в его планах ЦРУ, которое было напугано «полевением» итальянского правительства (в него впервые вошли представители социалистической партии). Однако переворот не состоялся: социалисты сами пошли на широкие уступки демохристианам. Почти три года история про переворот была тайной за семью печатями, пока два журналиста еженедельника «Эспрессо» Скальфари и Януцци не сделали его достоянием гласности. Причем никто в Италии даже не подозревал, что сведения об этом перевороте попали в руки журналистов… от советского КГБ, который преследовал конкретную цель: высветить неблаговидную роль ЦРУ в этом процессе. Своей цели чекисты добились: итальянская общественность долго возмущалась тем, что некоторые их политики имеют тесные связи с американской разведкой.

Не обделял Дин своим вниманием и события, которые происходили в Советском Союзе. Причем эти события были не менее интересны, чем итальянские, и речь в них тоже шла о перевороте. Так, еще в **мае** Дин узнал, что к руководству КГБ пришел тот самый человек, с которым у него случилась

мимолетная встреча в Кисловодске, – Юрий Андропов. Западные журналисты отмечали в своих комментариях, что это назначение сигнализирует о начале чистки в верхних эшелонах власти от так называемых «комсомольцев» – «молодых волков», которые начали свое восхождение к власти еще во время правления Хрущева и теперь могли представлять серьезную угрозу для Брежнева. Имя лидера этих «комсомольцев» Дин уже знал после своей недавней поездки по Советскому Союзу и разговора с Юрием Купцовым – Александр Шелепин. Правда, в отличие от Купцова западные журналисты в своих комментариях были уверены, что Шелепин на самом деле создал теневое правительство и собирался в скором времени привести его к власти. Его даже сравнивали с генералом Де Лоренцо. Но Брежнев оказался хитрее Шелепина. Пока тот находился в больнице с аппендицитом, генсек заменил его близкого приятеля Семичастного на посту председателя КГБ, а самого Шелепина, как только он в **июне** вернулся из клиники, хоть и оставил в Политбюро, но отправил руководить профсоюзами. Узнав об этих перемещениях, Дин с грустью подумал: «Бедный Юрий, он так надеялся на приход Шелепина к власти. А теперь и его самого может ждать незавидная участь».

Между тем минул почти месяц со дня отъезда Патрисии на родину, и Дин уже начал скучать по жене. Женщина, с которой он крутил в те дни роман, была хороша в постели, однако на роль верной подруги явно не тянула. И Дин стал названивать в Америку Патрисии с тем, чтобы она поскорее возвращалась. Но она поначалу отнекивалась, ссылаясь на то, что еще недостаточно отдохнула, а потом и вовсе пропала: каждый раз, когда Дин звонил ей, к трубке подходила либо ее мать, либо вообще никто не подходил. И Дин заподозрил неладное. В итоге очень скоро его подозрения подтвердились. Когда в один из дней Дин в очередной раз позвонил Патрисии, трубку взяла именно она. И огорошила Дина сообщением, что познакомилась с мужчиной.

– Он очень хороший человек и зовет меня замуж, – заявила Патрисия.

Какое-то время Дин не мог произнести ни слова, пытаясь совладать с внезапным волнением, которое охватило его после слов супруги. Наконец он спросил:

– Кто этот человек?

– Ты его не знаешь. Он футболист, родом из Техаса. Мы уже почти месяц встречаемся, и, мне кажется, он меня любит.

– Он тебя любит, а ты его?

На другом конце провода возникла пауза, из которой Дин сделал вывод, что для него еще не все потеряно.

– Твое молчание явно указывает на то, что твои чувства к

нему – это не любовь. Ты просто хочешь сбежать от меня. Я прав?

– Даже если ты и прав, то это ничего не меняет, – ответила Патрисия. – Я устала от наших отношений, Дин. Да и ты тоже. Нам надо расстаться, и лучше без скандала.

– Что значит расстаться?! – сорвался на крик Дин. – А меня ты спросила? Может, я этого не хочу.

– Как не хочешь, если у тебя появилась другая женщина?

– Нет у меня никакой женщины! А если и была, то теперь ее не будет. Короче, ты должна немедленно вернуться в Рим.

Ответом Дину была тишина, которая воцарилась на другом конце провода.

– Что ты молчишь? – закричал в трубку Дин. – Так ты вернешься или нет?

– Я не знаю, – ответила наконец Патрисия.

По ее голосу Дин понял, что она хотя и упорствует, однако уже не столь твердо, как это было в начале разговора. И Дин принял решение.

– Значит, так, завтра у меня свободный день на съемках, и я вылетаю к тебе. И в Рим мы вернемся вместе. Ты меня поняла?

Вместо ответа Дин услышал на другом конце провода всхлипывания, которые окончательно утвердили его в том, что все, что он делает, правильно.

Утром следующего дня Дин вылетел в Америку. Он хорошо знал свою жену, ее индейские корни, и понимал, что любое промедление грозит ему потерей этой женщины. И хотя в глубине души Дин знал, что от былой страсти в их отношениях уже ничего не осталось, однако он еще не был готов к тому, чтобы Патрисия ушла от него навсегда, тем более к какому-то футболисту из Техаса. По натуре Дин был собственником и должен был сам стать инициатором разрыва с любимой женщиной. Но никак не наоборот.

Привезя жену в Рим, Дин на какое-то время стал тем самым Дином, каким Патрисия помнила его несколько лет назад: нежным и любящим. В течение нескольких дней они буквально не расставались: чуть ли не с утра они уезжали за город и домой возвращались под вечер, буквально изможденные от секса, проведенного под открытым небом. На дворе стоял конец **июля**, была прекрасная погода, и эти загородные поездки напоминали обоим те славные дни, которые они когда-то проводили в Мексике. Поэтому, когда в середине **августа** Патрисия обнаружила, что забеременела, обоих это ни-сколько не удивило: упоительные поездки за город не могли закончиться ничем иным.

– Вот увидишь, на этот раз у нас все получится, – уверенно заявил Дин, когда жена сообщила ему о своей беременности. – У

нас родится прекрасный ребенок.

– Почему ты в этом так уверен? – спросила Патрисия.

– Потому что он был зачат в тот самый момент, когда наша любовь висела на волоске. Это наш последний шанс остаться вместе.

Как покажет будущее, этим шансом они воспользоваться не сумеют. Но это случится чуть позже, а пока ничто не омрачало отношений влюбленных супругов.

Поскольку беременность Патрисии развивалась не слишком хорошо и ей постоянно требовалось внимание, Дин старался как можно больше времени проводить дома. Делать это было нетрудно, поскольку съемки в очередном фильме должны были начаться только в конце года. Однако эти свободные часы Дин посвящал не только жене, но и своему политическому самообразованию. Еще будучи в Советском Союзе, он дал себе слово заняться своим марксистским образованием, и вот теперь этот момент наступил.

Часть книг классиков марксизма-ленинизма на английском языке он купил еще в Москве, в «Международной книге», а другую приобрел в Риме, в книжном магазине возле площади Пьяцца Навона. И теперь принялся основательно их штудировать. А все вопросы, которые возникали у него по мере прочтения этих трудов, он обычно адресовал своему здешнему приятелю – коммунисту Джанкомо Винчини, который прекрасно владел английским. Этот человек был одним из ветеранов компартии Италии и долгие годы работал рука об руку с самим основателем и руководителем КП Италии Пальмиро Тольятти, который ушел из жизни за три года до описываемых событий. В последние годы жизни у Тольятти были сложные отношения с руководителями СССР, и это обстоятельство крайне интересовало Дина, который тоже терзался некоторыми сомнениями относительно того, что происходило в первом в мире государстве рабочих и крестьян. И беседы с Винчини на многое открыли Дину глаза.

Обычно Дин приезжал к Винчини в здание ЦК на улице Боттеге Оскура, однако беседовали они не в кабинете, а предпочитали уединиться в каком-нибудь кафе, где было поменьше любопытных глаз и длинных ушей. Во время одной из таких встреч Дин спросил своего собеседника:

– Правда, что в последние годы жизни Тольятти разочаровался в коммунизме?

– Это правда лишь отчасти, – отпивая из чашки горячий «эспрессо», ответил Винчини. – Он разочаровался в том коммунизме, который пытаются построить в Советском Союзе. И Хрущева считал никчемным руководителем.

– Я слышал, что Хрущев повинен в смерти Тольятти?

– В какой-то мере. Тольятти приехал в Москву в августе 64-го, чтобы встретиться с Хрущевым и разъяснить ему позицию итальянских коммунистов по проблеме Китая. Мы были за критику китайской компартии, но без предания анафеме. Однако Хрущев Тольятти не принял – уехал на целину. С Пальмиро разговаривал Брежнев, и у них произошла чуть ли не ссора. Тольятти стал настаивать на встрече с Хрущевым, и ему уступили: повезли в Ялту, куда вскоре должен был приехать Хрущев. Но встреча не состоялась. **13 августа** Тольятти выступает перед пионерами в лагере «Артек», и сразу после этого у него случается инсульт. Через неделю он умирает, несмотря на все старания врачей. А спустя два месяца умирает и Хрущев, правда, как политик – его снимают. Это, конечно, случайность, но вполне закономерная.

– А почему Тольятти был разочарован в советском варианте коммунизма? – после короткой паузы вновь прервал тишину Дин.

– Потому что с определенного времени стал считать его утопическим, – по губам Винчини пробежала еле уловимая усмешка. – Тольятти называл Советский Союз недоношенным ребенком цивилизации.

– Что он имел в виду? – удивился Дин.

– Историю, мой друг, историю, – улыбнулся Винчини. – Ведь в России не было ни рабовладельческого строя, который научил, пусть из-под палки, но работать разные народы, ни капитализма в чистом виде, который создал бы настоящий рынок. Поэтому социализм у большевиков получился недоделанный. Строить его пришлось второпях, почти наугад, и поэтому единственной опорой в этом деле стало насилие. Вот почему, как бы ни был страшен Сталин, но альтернативы ему не было: тот же Бухарин наверняка бы погубил страну. Это понимал даже ваш президент Рузвельт, который вытянул Америку, последовав примеру Сталина – то есть тоже через жестко централизованную экономику. Надеюсь, вы помните, что сказал Рузвельт, когда впервые очутился в своем кабинете в Белом доме?

Дин в ответ кивнул, поскольку эти слова знали почти все американцы. Согласно легенде, когда помощник президента вкатил кресло с парализованным Рузвельтом в его кабинет и закрыл дверь, оставив президента одного, тот спустя несколько минут… громко закричал. Все, кто находился в приемной,

бросились в кабинет, думая о самом худшем. Но с Рузвельтом было все в порядке. А свой крик он объяснил следующими словами: «Я представил: парализованный президент парализованной страны – что может быть ужаснее?»

32-й президент США знал, что говорил, поскольку его страна в ту пору и в самом деле находилась в жутком состоянии. На момент прихода Рузвельта к власти (в **1933 году**) экономика Америки была в жутком состоянии, общество расколото. Страну могло спасти только чудо, и этим чудом стал… 50-летний человек в инвалидной коляске! Из либерального рынка, поставившего его страну на край пропасти, он выводил экономику методами государственного регулирования. И действовал крайне жестко: за спекулятивное повышение цен – тюрьма, за взвинчивание банковских ставок – то же самое. Специальным решением Рузвельт установил пределы банковских ставок и обязал банки выдать для сельского хозяйства беспроцентный кредит. По его заданию были разработаны общегосударственные социально-экономические программы, за исполнением которых президент следил лично.

Не церемонился Рузвельт и с организованной преступностью, которая за несколько последних лет превратилась в настоящую стоглавую гидру, с которой, казалось, никогда не будет сладу (в 1933 году в США было зафиксировано 1 миллион 300 тысяч преступлений – мировой рекорд!). Но Рузвельт и здесь проявил чудеса изобретательности. Он отдал приказ ФБР не церемониться с гангстерами и убивать их без всякой жалости. В итоге все одиозные бандиты Америки тех лет были уничтожены. Среди них: Бонни и Клайд (убиты **24 мая 1934 года**), Джон Диллинджер (**22 июля 1934 года**), Малыш Нельсон (**27 ноября 1934 года**), мамаша Баркер и ее сыновья (**16 января 1935 года**) и др. В тюрьму угодил даже такой босс мафии, как Лаки Лучиано, который **18 июня 1936 года** был приговорен к 50 годам тюрьмы.

Как писали в те годы американские газеты, «Рузвельт ввел экономические и другие законы, превосходившие по жестокости законы большевистской России. Однако именно эти методы и помогли Америке не только не скатиться в пропасть, но и вернуть себе былое величие».

Но вернемся к разговору нашего героя с его итальянским другом.

– Сталина давно нет в живых, а его преемники оказались менее талантливыми, чем он, – продолжил свою речь Винчини. – Сталин создал мощную экономику, но она была ориентирована на нужды военного времени. Благодаря ей русские выиграли войну. Однако холодную войну им с такой экономикой не

выиграть.

– Но они, кажется, пытаются изменить ситуацию. Когда я был в Советском Союзе, я слышал много лестных слов об их премьере Косыгине, – проявил свою осведомленность Дин.

– Косыгин умный руководитель, и та реформа, которую он затеял в экономике, вещь хорошая, – кивнул в знак согласия Винчини. – Он понимает, что военная экономика должна уступить место мирной, в которую будут вплетены элементы рыночной. А контролировать такую экономику должно государство, как это имеет место у нас в Италии. Здесь государственный сектор превалирует над частным, и государство крепко держит в своих руках основные отрасли производства и банки. У вас на родине, Дин, господствует другой тип экономики: там крупнейшие монополии подчинили себе государство. Наконец, при третьем типе экономики доля государственного и частного секторов одинакова, как, например, в Англии.

– Косыгин, как я понял, склоняется к итальянскому варианту? – спросил Дин, когда его собеседник замолчал, чтобы сделать очередной глоток из своей чашки.

– Судя по всему, да. Он понимает, что если советская экономика не сможет стать конкурентоспособной, то его страну ждет крах. Но, к сожалению, опереться ему в руководстве практически не на кого. Молодежь, которая могла бы подхватить его идеи, оттесняется от руководства.

– Вы имеете в виду Шелепина?

– Я бы не хотел называть кого-то конкретно, а просто констатирую факт: молодых и энергичных руководителей в советском руководстве практически не остается. А без омоложения руководящих кадров невозможно двигаться вперед. А рывок просто необходим, тем более что сама мировая ситуация благоволит к советскому руководству. С конца 50-х годов весь мир с удивлением взирает на его успехи: тут и покорение космоса, и критика культа личности, и активность на международной арене. После этого миллионы людей во всем мире стали с симпатией относиться к России. А после того как ваши соотечественники развязали войну во Вьетнаме, эта тенденция только усилилась. Имея такие козыри на руках, Советский Союз просто обязан выиграть холодную войну. Но в силу упомянутых мною выше причин я боюсь, что он может бездарно разбазарить свои преимущества.

– Но, может, у Брежнева все-таки хватит мудрости не доводить дело до краха, – высказал предположение Дин.

– Мне тоже хотелось бы в это верить, – улыбнулся в ответ Винчини.

Затем, допив свое «эспрессо», он кивнул на чашку Дина и сказал:

– Вы так увлеклись разговором, мой друг, что забыли про свой кофе. А холодный он уже не так вкусен.

– Ерунда, – отмахнулся Дин. – Общение с вами стоит того, чтобы пожертвовать даже бóльшим, чем чашка «эспрессо».

Дин нисколько не лукавил, говоря подобным образом: общение с Винчини на самом деле очень помогало ему разобраться не только в каких-то сложных моментах марксистско-ленинской теории, но и в тех процессах, которые происходили в мире и в самом Советском Союзе. Винчини был весьма образованным и, главное, недогматичным коммунистом, который не боялся высказывать даже самые нелицеприятные мысли о коммунистическом движении. Дину последняя черта нравилась особенно, хотя не все выводы Винчини он понимал и разделял. Однако, когда однажды Винчини обратился к нему с просьбой написать песню, посвященную приближающемуся юбилею, 50-летию Октябрьской революции, Дин с удовольствием согласился это сделать. Его даже не смутило заявление Винчини, что он не гарантирует, что эту песню в обязательном порядке опубликует на своих страницах газета итальянских коммунистов «Унита».

– Меня это мало волнует, – сказал Дин. – В конечном итоге я могу дать этой песне гораздо большую популярность, включив ее в свой репертуар.

Так **в сентябре 1967 года** на свет родилась песня «Мы – революционеры», которая стала плодом тех размышлений, которые претерпело сознание Дина после чтения марксистской литературы.

Мы – дети революции, и в этом наша суть,
Мы всем, кто нищ и голоден, укажем светлый путь.
На нашем красном знамени написаны слова
Бессмертные и дерзкие, как юная трава.
Враги кружили стаями, как будто воронье.
Но сжала Революция оружие свое.
И дух Свободы пламенно летит по всей земле,
И вновь восходит дерево, живущее в золе.
У белого и черного пребудет красной кровь.
Заря на нашем знамени взлетает в небо вновь.
Мы искры правды Ленина в сердцах своих храним.
Мы – дети Революции, как Че и Хо Ши Мин.

Минуло меньше месяца со дня написания этой песни, когда весь мир облетела новость о том, что революционер Эрнесто Че

Гевара погиб в боливийской сельве. Дин узнал об этом **11 октября** из газеты, которую он купил днем неподалеку от Колизея. Дин был потрясен этим известием и долго сидел на лавочке, не в силах поверить в случившееся. Развернутая газета лежала у него на коленях, и с ее страницы на Дина глядело улыбающееся лицо команданте Че.

После того как Дин видел Че у себя дома, прошло более полутора лет. С тех пор Дин периодически читал в газетах информацию о Че и знал, что тот отправился в Боливию поднимать на восстание тамошних крестьян. Но те предпочли сохранять лояльность правящему режиму. В итоге партизанский отряд Че, измотанный боями с правительственными войсками, был разгромлен в ложбине Юро. Газета писала, что в том бою Че был убит. На самом деле убили его иначе, о чем станет известно чуть позже.

В том бою Че был лишь ранен и пленен. Сутки он находился под арестом в здании школы в Игере, после чего **9 октября** солдатам, захватившим его, была дана команда расстрелять команданте. Приказ поступил от высшего руководства страны, президента Баррьентоса, а того об этом попросило ЦРУ, давно ненавидевшее Гевару.

Расстрел осуществили двое: лейтенант и унтер-офицер. Во время расстрела Че вел себя мужественно, как настоящий солдат. Сначала расстрелять Че поручили унтер-офицеру, но он не справился. Когда он вошел в комнату, где находился связанный по рукам Че, команданте обо всем догадался и сказал: «Что, тебе приказали прикончить меня? Боишься, парень?! Помочь тебе? Подожди немного… У меня сильно болит рана на ноге, но я хочу встать. Посмотришь, как должен умирать мачо».

У унтер-офицера задрожали руки, и он вышел из комнаты, так и не сумев нажать на спусковой крючок. Тогда в помощь ему был отряжен лейтенант Марио Теран. Че встретил их стоя и понял, что на этот раз расстрел состоится. Че начал прощаться с родными: «Прощайте, дети мои, Алеида, брат Фидель…» Договорить ему не дали. Из девяти пуль, выпущенных в команданте, две оказались смертельными: они угодили в сердце и шею. Но пули так и не смогли закрыть глаза Че. Они оставались открытыми еще несколько часов.

Все эти подробности мир узнает чуть позже. Когда журналисты найдут несоответствие в словах командующего боливийской армии генерала Овандо, который неосмотрительно заявит, что Че, оказавшись в плену, признал свое поражение, тогда и выяснилось, что Че погиб не в бою, а был пленен, а потом расстрелян. А когда армейское командование распространило

снимки убитого Гевары, все прояснилось окончательно. Снимки были сделаны только с правой стороны тела, чтобы не были видны многочисленные раны. Затем объявились свидетели, которые подтвердили, что Гевара был доставлен в школу Игеры с одним пулевым ранением в ногу. Однако для большинства людей, симпатизировавших Геваре, все эти подробности большого значения уже не имели: они и без того были уверены в мужестве и бесстрашии команданте, в том, что он до последнего вздоха был верен своим идеалам.

Три недели спустя после трагедии с Геварой в Италии состоялась премьера первого итальянского фильма с участием Дина Рида – «Буккаро». На календаре было **28 октября**. Этой премьере предшествовала широкая рекламная кампания, где главный упор делался на участие в картине именно Дина Рида. Газеты писали, что изюминка фильма – игра в нем американского певца, который у себя на родине объявлен чуть ли не персоной нон-грата. И люди с удовольствием отправились в кинотеатры, чтобы лицезреть популярного певца в необычной для него роли. Судя по заполняемости залов, фильм пришелся по душе итальянской публике. А одна из песен в исполнении Дина и сочиненная им же, даже вышла на отдельном миньоне.

В конце года, когда фильм «Буккаро» все еще демонстрировался на экранах Италии, Дин заканчивал работу над новой картиной. И опять это был «спагетти-вестерн». Снимал его режиссер Паоло Бианчини, и назывался фильм весьма хлестко – «Бог их породил, я их убью» («Свинцовое блюдо»). Дин снова играл главную роль – виртуозного стрелка Слима Корбетта, наводящего порядок в городке Веллс-сити. Как и в «Буккаро», Дину и здесь доверили спеть несколько песен. Сценаристом фильма был Фернандо Ди Лео, композитором – Марчелло Жиганте, а среди актерского состава выделялись такие звезды итальянского кино, как Агнесс Спак (эта популярная красотка играла возлюбленную героя Дина Рида), Петер Мартелл, Пьер Лулли, Ивано Стациолли.

Между тем начало **1968 года** выдалось для Дина нервным. У Патрисии вновь возникла угроза потери ребенка, и ее пришлось срочно класть в больницу на сохранение. История повторялась уже в который раз, и супруги были просто в отчаянии: им казалось, что господь окончательно от них отвернулся. Во всяком случае, так думала Патрисия, которая постоянно плакала и почти не верила в благополучный исход своей беременности. Но Дин сохранял хладнокровие и в конце концов заставил и жену поверить в лучшее. «Если ты будешь отчаиваться и постоянно плакать, то ничего хорошего и в самом деле не будет», – говорил

жене Дин. В итоге с какого-то момента Патрисия стала абсолютно спокойна и добросовестно выполняла все рекомендации врачей. Она лежала в одной из лучших клиник Рима, а Дин регулярно ее навещал, принося приветы от их общих знакомых и свежие новости. О том, в каком расположении духа находился в те дни Дин, говорит его письмо их общей с Патрисией аргентинской знакомой Нильде Баллестер Родригес, которое Дин написал **12 марта**. В нем он сообщал: «Дела Патрисии прекрасны, и немногим более чем через шесть недель я буду гордым родителем!

Мы очень счастливы здесь, в Европе. Здесь намного больше свободы, чем в Аргентине…»

29 апреля 1968 года на экраны Италии вышел второй фильм с участием Дина – «Бог их породил, я их убью» («Свинцовое блюдо»). В дни этой премьеры Дин был с головой погружен в работу – снимался в своем третьем итальянском фильме: на этот раз это была картина в жанре «плаща и шпаги» под названием «Племянники Зорро». И опять Дин не только исполнял главную роль – самого Зорро, но и выступал как певец. Фильм снимал Марчелло Цирцилино, а партнерами Дина по съемочной площадке были актеры Агата Флори, Франко Франчи, Цицио Инграссия и Ивано Стациолли, который был партнером Дина и в предыдущем фильме.

Как и в двух предыдущих картинах, в этой Дин снимался с большим энтузиазмом. И хотя шедевром этот фильм тоже назвать было нельзя, однако Дин был по-настоящему увлечен съемками, где ему нужно было скакать на лошади, стрелять, фехтовать на шпагах и целоваться с красивыми женщинами. И трудно было сказать, какой из этих процессов Дину нравился больше. Короче, в те дни Дин был в прекрасном расположении духа. Однако его творческие успехи не шли ни в какое сравнение с тем, что случилось в те же самые дни: **2 мая** Патрисия благополучно произвела на свет девочку. Имя ребенку счастливые родители придумывали два дня, поскольку у каждого был свой взгляд на эту проблему. В итоге после долгих споров приняли паритетное решение: каждый вносит в это дело равную лепту. Отныне полное имя девочки звучало Рамона Химене Гевара Прайс Рид, в котором два первых имени были заслугой Патрисии, два последних – Дина.

Под впечатлением этого события Дин, вернувшись домой из роддома, написал письмо своей дочери, в котором попытался выразить все те чувства, которые переполняли его сердце. Письмо родилось буквально за час. Текст его следующий:

«Дорогая Рамона!

Вот я пишу первое письмо к тебе, доченька моя, к тебе, которая так неожиданно быстро появилась на свет **2 мая**. Сегодня мы с Патрисией договорились наконец, как же назвать тебя. Я надеюсь, что когда-либо ты станешь достойной каждого из четырех столь различных имен, что пишутся перед твоей фамилией. Вот эти имена: Рамона Химене Гевара Прайс Рид. Пять слов, как пять пальцев на руке. Но поверь, за каждым из них большой смысл.

Первое имя, Рамона, будет напоминать, что твои предки по матери были индейцами. Оно напомнит тебе об отважной борьбе твоего народа за независимость, но больше всего мне хочется, чтобы оно напоминало тебе о естественности – замечательном качестве индейцев, которое так ценят твои родители. Начало твоей жизни было дано на постели из трав, и лишь листва скрывала любовь двух людей от всевидящего ока мудрых звезд. Твоя мать, и я, и ты были в тот момент частицей природы, и я надеюсь, что благодаря этому ты станешь свободной и независимой, как звери в лесу, как птицы в небе. Ты будешь связана с природой, если поймешь, что они такие же живые существа, как и ты, а ты, моя дочь, такое же дитя природы, как и они.

Второе имя, Химене, – это память о вечере, когда твой отец набрался наконец мужества просить Патрисию, твою мать, стать его женой. Пусть это имя будет символом женственности, столь привлекательной в твоей матери. Дело в том, что в тот вечер мы смотрели с Патрисией фильм под названием «Эль Сид». Герой этого фильма – храбрый рыцарь на белом коне, который жертвует жизнью ради своего народа. Его необыкновенно красивую жену зовут Химене, и она всю себя посвящает Эль Сиду. Патрисия стала моей женой, ей показалось, что и я такой же рыцарь в сверкающих доспехах на белом коне. Жизнь показала, что доспехи мои со временем изрядно потускнели, а белый конь превратился в серую лошадку, но время оказалось неспособным нанести хоть какой-нибудь урон романтической женственности Патрисии. И она захотела, чтобы ты звалась Химене и стала похожей на ту женщину, жену Эль Сида.

Третье имя, Гевара, будет напоминать тебе о таких качествах, которые необходимо иметь каждому мужчине и любой женщине. Ведь человек, который носил это имя, отдал свою жизнь не для удовлетворения собственных желаний, а ради счастья людей. Когда-нибудь ты, дочурка, должна будешь решить, правильную ли жизнь вел твой отец, а я буду изо всех сил стараться не уронить себя в глазах человека по имени Гевара. Ведь жизнь имеет какую-то ценность лишь тогда, когда она отдана ближним и борьбе за

более справедливый и более гуманный мир.

Четвертое имя, Прайс, будет говорить тебе о том, что всякий человек, и ты тоже, должен искать свою собственную правду, а потом отстаивать эту правду во что бы то ни стало. Человек по имени Прайс посвятил всю свою жизнь поискам правды, а когда нашел ее, имел мужество защищать собственную точку зрения от любых посягательств на свои убеждения. И даже тогда, когда его заключили в тюрьму, он не отказался от того, что подсказывала ему совесть. Этот человек стал моим лучшим другом. Я хочу, чтобы ты, Рамона, не принимала за чистую монету, без сомнений все, что будут говорить тебе в течение жизни представители церкви, школы, правительства, даже твои отец и мать. Любое мнение надо перепроверять собственным опытом. И лишь тогда, когда оно окажется соответствующим реальности жизни, стоит принять это мнение как свое и тогда уже отстаивать. Знания постоянно просачиваются в нас капля за каплей, иногда они опровергают сложившееся у нас мнение, и его приходится корректировать, но только так складывается путь к истине.

И, наконец, имя Рид, имя твоих бабушки и дедушки, которые с большой самоотверженностью воспитали твоего отца. Пусть имя Рид станет для тебя символом честности и неподкупности, которые всегда характеризовали твоего деда, а также жизнелюбия, самой главной черты твоей бабушки, которую я унаследовал от нее. Из этих черт сложился я как личность. Дедушка и бабушка будут любить Рамону, как люблю тебя я. Имя Рид будет напоминать тебе постоянно еще об одном человеке, самом главном в нашей семье. Человек этот стал зваться Ридом лишь некоторое время тому назад. Он принял его, хотя понимал, что это имя принесет ему не только радость и счастье, но и горечь, и слезы. Этот человек – твоя мать Патрисия, которая в муках произвела тебя на свет. Не забывай никогда о ней, о ней, которая так много выстрадала, чтобы появилась ты, которая провела в больницах бесчисленные мучительные часы, прежде чем пришел час твоего рождения, которая пролила над тобой столько слез и немало поплачет еще, пока ты не станешь большой. Патрисия Рид, которая влила в меня силы для борьбы, которая научила меня понимать, что есть любовь и что такое взаимное уважение и выдержка; Патрисия Рид, которая поняла, что моя борьба за лучшую жизнь для всех людей есть и борьба за нее и за тебя, Рамона, ведь вы обе – часть того человечества, за которое я борюсь.

Вот твои имена, дитя мое. Носи их с гордостью. Мать и я любим тебя и сделаем все, чтобы твоя жизнь оказалась достойной этих имен. Спокойной ночи, дитя мое.

Твой отец».

В дни, когда у Дина родилась дочь, Италия жила в преддверии парламентских выборов. Они состоялись **19–20 мая** и принесли большой успех коммунистам: за них проголосовали 26,9 % избирателей (8,5 миллиона человек), в то время как на предыдущих выборах этот процент был ниже – 25,3. Рост голосов был во многом связан с бурными событиями марта 68-го, когда в Италии забастовали все 36 университетов. Первоначальной целью студентов была борьба против системы высшего образования, но потом она перешла в борьбу против капиталистической системы как таковой. И хотя коммунисты отнеслись настороженно к этому бунту, однако это не помешало значительной части молодежи голосовать на парламентских выборах за ИКП и ее союзницу ИСППЕ (она получила 4,5 % голосов).

Дин симпатизировал коммунистам, однако голосовать не мог – он был гражданином другой страны. Однако у итальянских коммунистов и без него хватало сторонников среди местных деятелей того же кинематографа. Например, среди режиссеров это были Лукино Висконти, Джузеппе Де Сантис, Франческо Мазелли, Глауко Пеллегрини и многие другие. Объясняя в своем заявлении в печати, почему он голосует за коммунистов, Висконти говорил: «В качестве кинематографиста я хотел бы еще добавить, что также и итальянскому кино, превращенному с некоторого времени в результате удушающего давления рынка и американской промышленности во Вьетнам в миниатюре, необходима, как воздух для дыхания, совсем иная помощь со стороны государства – помощь, которая была бы способна защитить его самостоятельность и свободу художественного выражения от засилия спекулятивного предпринимательства, тесно связанного с американскими интересами».

Но итальянские события не отвлекают Дина от его общественной деятельности, в которую он оказывается вовлечен по линии Всемирного совета мира. **Летом 1968 года** Дин отправляется в социалистическую Монголию. Он много слышал об этой стране, однако совершенно ее не знал, довольствуясь лишь картинками в журналах. Но там в основном печатали фотографии бескрайних монгольских степей и юрт, в которых обитали потомки кочевников. Но когда Дин посетил столицу Монголии город Улан-Батор, он понял, что это вполне современное государство. Пусть и не столь цветущее, как любая из европейских стран, но вполне достойное того, чтобы им восхищаться. Дина потряс рассказ переводчика, который сопровождал его в экскурсии по городу, о том, что до того, как

Монголия стала социалистической, окрестности вокруг центра столицы (она тогда называлась Ургой), где стоял дворец слепого наместника бога на земле Джебцун-дамба-хутухты, представляли собой огромный пустырь, на котором жителям под страхом наказания запрещали селиться. Однако, несмотря на запрет, это нисколько не мешало горожанам превращать «святое место» в огромную мусорную свалку. Теперь же эти места представляли собой гордость города: здесь были разбиты зеленые скверы, проложены красивые улицы.

Дина, как почетного гостя, поселили в лучшей гостинице города рядом с центральной площадью, названной в честь основателя Монгольской народной республики Сухэ-Батора. Здесь же находились все главные учреждения республики: Дом правительства (в нем находились ЦК партии, Совет министров, Президиум Великого хурала), иностранные посольства и даже киностудия «Монголкино». Естественно, на последней Дин побывал, чтобы посмотреть, как снимается кино в республике, которая свой первый художественный фильм сняла всего лишь 30 лет назад.

Еще больше Дина поразило народное песенное творчество монголов. Услышав урт-дуу, протяжную народную песню, Дин был буквально потрясен вокальным мастерством исполнителя: певец тянул один звук в течение такого долгого времени, что Дин думал, что это никогда не закончится. Сам он даже не стал пробовать повторить подобное – знал, что у него ничего не получится. Однако несколько концертов в Улан-Баторе Дин дал, причем при постоянных аншлагах.

Вообще Дина встречали в Монголии превосходно. Его уже знали как активного борца за мир и друга Советского Союза. А эта страна была у монголов в особом почете: без помощи СССР это азиатское государство никогда не смогло бы возникнуть и развиваться на протяжении стольких десятилетий. И хотя монголы были прекрасно осведомлены, что помощь СССР в последнее время не бескорыстна – Монголия была форпостом Москвы против враждебного Китая, – однако это значения не имело: дружить с русскими было выгодно.

Стоит отметить, что за событиями в Китае Дин тоже внимательно следил. Так называемая «культурная революция», которая началась в **1966 году** и продолжалась в течение нескольких последующих лет, чрезвычайно интересовала Дина. Он даже на какое-то время увлекся маоизмом, считая, что идеи, которые претворяют в жизнь хунвейбины, в чем-то прогрессивны. Ему казалось, что только применение силы в отношении представителей обуржуазившейся интеллигенции может

отвратить их от попыток встать на капиталистический путь. Дин считал, что «лучше пролить ручей крови, чем потом реки».

Вернувшись в Италию, Дин с головой погрузился в дела: впереди его ждали съемки в новых фильмах, и еще надо было помогать жене управляться с дочерью. Малышка Рамона менялась буквально на глазах, и Дин не мог на нее налюбоваться: все время вглядывался в ее лицо, пытаясь понять, на кого она больше похожа – на него или на Патрисию. Ему казалось, что дочь больше взяла от матери, хотя сама Патрисия утверждала, что в девочке много и отцовского: губы, глаза.

– Слава богу, что не уши, – шутил Дин, который считал, что уши у него большие и некрасивые.

Однажды, когда Дин гулял с дочерью недалеко от своего дома № 9 на Виа Нера, возле него остановился черный «Пежо», из которого высунулась радостная физиономия молодого человека, и он узнал в нем своего бывшего сокурсника по Колорадскому университету Боба Клэнси.

– Хэлло, Дин, – завопил Боб на всю улицу и от радости даже посигналил.

Дин обрадовался встрече не меньше Боба и покатил коляску к тротуару, где остановился его приятель. Когда тот вылез из автомобиля, друзья горячо обнялись. Потом Боб заглянул в коляску, где мирно спала Рамона, и спросил:

– Как я понял, это твой отпрыск?

– Этот отпрыск женского пола, – поправил друга Дин. – Ей всего три месяца.

– Да хоть десять, – засмеялся Боб. – Лично мне дети всегда действовали на нервы, а ты, я смотрю, играешь роль образцового папаши.

– А ты все так же волочишься за девушками, как это было в университете? – засмеялся Дин.

– Можно подумать, что ты не волочишься? – парировал Боб. – Насколько я знаю, для вас, актеров, охота за женщинами входит в само понятие творческого процесса. Не будь этого, в вашу профессию мало бы кто пошел. Разве я не прав?

Вместо ответа Дин опять засмеялся. Затем они сошли с тротуара, чтобы не мешать прохожим, и Боб спросил:

– У добропорядочного папаши, конечно, нет времени, чтобы пообщаться с институтским товарищем?

– Почему нет? – искренне удивился Дин. – Вот сейчас отвезу дочь домой и вернусь к тебе. Там на углу есть хорошая кантина, где мы могли бы с тобой прекрасно пообщаться.

– Не хочу кантину, – покачал головой Боб. – В такую прекрасную погоду сидеть в темном и сыром подвале неразумно.

На соседней улице я видел открытое кафе, вот там я тебя и подожду. О'кей?

Вместо ответа Дин развернул коляску и быстрым шагом направился к дому.

Когда спустя несколько минут Дин подошел к открытому кафе, Боб уже сидел за столиком и потягивал коктейль. Он выбрал место в самом углу площадки, откуда открывался прекрасный вид на площадь и на само заведение, которое в эти дневные часы было практически пустым. Дин опустился на стул и с ходу спросил:

– Какой ветер, Боб, занес тебя в Рим?

– Моя нынешняя пассия – итальянка, – ответил Боб, подвинув Дину бокал с его коктейлем. – Мы с ней путешествуем по Европе, но вчера она привезла меня сюда, чтобы познакомить со своими родителями.

– Значит, у вас серьезные отношения?

– Это она так думает, а меня держит возле нее ее непомерный бюст и упругая задница, – засмеялся Боб. – Увы, Дин, но я не рожден для брака. С этим смирились все, даже мои родители. Так что по части наследников у них теперь одна надежда – на мою младшую сестру Линду.

Дин отпил из бокала коктейль, оценил его отменное качество и вновь вернулся к прерванному разговору, задав другу неожиданный вопрос:

– Я слышал, твой отец сделал неплохую карьеру?

– Да, папашу взяли в госдепартамент, – кивнул Боб. – Не поверишь, но несколько месяцев назад я вот так же, как тебя, видел вблизи самого Джонсона. Папаша взял меня с собой на какой-то политический раут, и мы подходили к президенту, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. Скажу тебе прямо, Дин, вблизи Джонсон еще неприятнее, чем на фото в газетах. Я буквально сдерживал себя, чтобы не рассмеяться, глядя на его шнобелину.

– Я думаю, если бы ты не сдержался, то поставил бы отца в неловкое положение.

– Плевал я на его положение, – усмехнулся Боб. – Он готов лизать задницу этим уродам, которые довели страну до маразма. Наших ребят тысячами убивают во Вьетнаме, а Джонсон день и ночь твердит, что враг терпит поражение. Какое, к черту, поражение, если наши тупоголовые генералы запросили во Вьетнам еще 200 тысяч солдат к тому полумиллиону, который сегодня там находится. Нам надо скорее драпать из Вьетнама, а не отправлять туда новое пушечное мясо.

– Уход из Вьетнама означает поражение Джонсона, –

напомнил Дин собеседнику то, о чем он, судя по всему, и сам прекрасно был осведомлен.

– Еще год назад Америка восприняла бы этот уход как катастрофу, но сегодня подавляющая часть американцев отнеслась бы к этому с одобрением, – ответил Боб. – За войну сегодня голосуют разве что тупоголовые «ястребы» типа братьев Ростоу.

– Короче, Боб, я понял, что для отца ты отрезанный ломоть как по части наследников, так и по части идеалов, – улыбнулся Дин в ответ на страстный монолог своего приятеля.

– Да уж, мы с ним расходимся во всем, – кивнул Боб. – У тебя, кстати, та же история.

– Ну, я отцу хотя бы внучку подарил.

– Нужна она ему, – отмахнулся Боб. – Главное, чего хотят наши отцы, – это чтобы мы были во всем на них похожи. А я не хочу быть похожим на своего отца. И я в гробу видел его работу в этом вшивом госдепартаменте.

– А чем он там занимается? – поинтересовался Дин.

– Восточной Европой. Сейчас у него буквально голова пухнет от того, что происходит в Чехословакии. Ты, наверное, слышал, что чехословаки собираются отколоться от Советов?

– Слышал, конечно, – ответил Дин.

– Слышал, да не все. Ты, например, знаешь, что Джонсон не собирается помогать чехословакам, чтобы не портить отношения с русскими? А я вот знаю.

– Откуда? – насторожился Дин.

– Случайно услышал разговор отца по телефону. Оказывается, Джонсон отдал приказ, запрещающий наращивать воздушное или наземное патрулирование вдоль чехословацких границ или предпринимать какие-либо действия, которые могли бы быть истолкованы Советами как поддержка режима… забыл, как его зовут…

– Дубчека, – помог другу Дин.

– Точно, Дубчека. Джонсон готовится к подписанию договора по ОСВ и хочет, чтобы все прошло гладко. Таким образом он хочет помочь своему преемнику от демократов на ноябрьских выборах. Идиот, он думает, что это ему поможет. Да демократы все уже давно просрали!

Последнюю фразу Боб произнес так громко, что люди, проходившие по площади рядом с их столиком, даже стали оглядываться в их сторону. Поэтому Дину пришлось легонько толкнуть приятеля ногой по ботинку, чтобы он успокоился. Но это было уже лишним, поскольку Боб и сам понял, что слишком разошелся, и следующие свои слова сказал почти шепотом, всем

телом подавшись к своему собеседнику:

– Дураку понятно, что следующим президентом станет кандидат от республиканцев. Потому что самый главный фаворит от демократов братец Кеннеди получил пулю в голову.

Дин прекрасно знал, о чем идет речь. В последние полгода Америку, да и весь мир, потрясли два циничных убийства: **4 апреля** в Мемфисе был застрелен известный борец за права негритянского населения Мартин Лютер Кинг, а спустя два месяца, **5 июня**, в Лос-Анджелесе был так же хладнокровно расстрелян младший брат Джона Кеннеди Роберт, который шел от демократической партии в президенты страны. Причем уверенно шел: на предварительных выборах он набрал 46 процентов голосов и имел все шансы победить и на Национальном съезде демократов в Чикаго. Однако спустя несколько часов после победы в Лос-Анджелесе Кеннеди-младший был застрелен неким иммигрантом из Иордании Сирхан Сирханом. И хотя тот категорически утверждал, что являлся убийцей-одиночкой и Кеннеди убил исключительно по личной инициативе, в это никто не верил. В те дни среди американцев ходила версия, что с Робертом расправились те же люди, что убили и его старшего брата, – представители военно-промышленных кругов, которые не хотели прекращения войны во Вьетнаме, поскольку та приносила им баснословные барыши. Например, прибыли только от одного производства авиабомб к 1964 году вдвое превысили их доход за весь период Второй мировой войны.

– А твой отец никак не комментировал убийство Кеннеди? – спросил друга Дин, когда тот наконец отвлекся от своего бокала с коктейлем.

Однако ответа на свой вопрос Дин не дождался. В этот момент за соседний столик сели две девицы в мини-юбках, и Боб какое-то время весь был поглощен разглядыванием их оголенных ляжек. После чего разговор о политике был немедленно свернут, и Боб обратился к приятелю с неожиданной просьбой:

– Дин, ты меня обязательно должен познакомить с кем-нибудь из своих актрисулек. Я пробуду в Риме еще неделю и надеюсь потратить это время не впустую.

– У тебя же есть женщина с огромным бюстом и упругой задницей, – усмехнулся Дин.

– Бюсты и задницы хороши тогда, когда их много, – философски заметил Боб. – К тому же в списке моих любовниц еще не было ни одной актрисы.

– Поверь мне, Боб, актрисы в сексе ничем не отличаются от остальных женщин, – огорошил своим заявлением приятеля

Дин. – Так что тебе проще искать себе любовниц среди рядовых итальянок.

Друзья просидели в кафе еще полчаса, но разговор уже не клеился. У Дина из головы никак не выходили слова Боба о чехословацких событиях, поэтому на все последующие вопросы приятеля он отвечал вяло и без особого энтузиазма. Ему хотелось вернуть Боба к разговору о политике, но тот этого явно не хотел. Когда Дин, как бы нечаянно, попытался это сделать, Боб огрызнулся:

– К черту политику! Лучше я умру от сифилиса, чем от политической импотенции. Разве я не прав?

Дин не стал возражать приятелю, но после этого понял, что к интересующей его теме возврата уже не будет.

В течение оставшегося дня Дин не находил себе места, переваривая в уме то, что он услышал от Боба по поводу Чехословакии. Дин внимательно следил по газетам за событиями, происходившими в этой стране, и понимал, что эти события имеют огромное значение для всего Восточного блока. Говорил он об этом как-то и с Винчини, который, как и большинство в Итальянской компартии, был целиком на стороне реформаторов во главе с Дубчеком.

– Чехословаки хотят реформировать свое общество и сделать его более жизнеспособным, – говорил Винчини. – Ведь Москва слишком жестко диктует свои законы, что негативно сказывается на развитии этой страны. Русские стремятся контролировать все: и политику, и экономику. Например, они заставляют чехословаков расширять отрасли тяжелой промышленности, поскольку эта продукция выгодна Советскому Союзу. В итоге Чехословакия производит той же стали вдвое больше, чем может продать, поскольку ее продукция не имеет рынков сбыта за пределами Восточного блока.

– Однако, преследуя экономическую независимость, чехословаки затем сделают следующий шаг – захотят реформировать и свою политическую сферу, – заметил Дин. – И в итоге все сильнее будут дистанцироваться от Москвы, идя по пути Румынии и Югославии.

– Согласен с тобой, но не вижу в этом ничего страшного. Этой дистанцией Москва может манипулировать, используя все те же экономические рычаги. Русские могут держать чехословаков на ресурсной, топливно-энергетической привязи: то есть по-прежнему продавать им недорогое топливо и покупать у них задешево товары. А лояльность их политиков попросту покупать либо использовать иные способы воздействия. Короче, им надо использовать любые ресурсы, кроме военного. Ведь реформы в

Чехословакии могут принести Москве выгоду и на международной арене.

Заметив во взгляде Дина немой вопрос, Винчини попытался объяснить свою мысль более подробно:

– Нынешняя ситуация в Европе открывает перед русскими прекрасные перспективы. Возьми ту же Францию. Ее президент де Голль идет на сближение с Москвой и выводит свою страну из НАТО (это случилось в **1966 году**. – *Ф. Р.*). В **мае** этого года сначала во Франции, а потом и в других европейских странах проходят студенческие бунты, которые ясно указывают на то, что молодежь проникнута левыми идеями. На ее знаменах нарисованы Ленин, Че Гевара и Мао. Авторитет Советского Союза в глазах мировой общественности взлетает на невиданную высоту, поскольку СССР идет в авангарде прогрессивного движения: выступает против войны во Вьетнаме, помогает арабам в борьбе с израильскими агрессорами, выступает за разоружение. И в Чехословакии перемены начались именно на этой волне. Вот почему Москва должна их поддержать, а не давить танками.

– В твоих словах есть резон, однако это всего лишь слова, – после некоторой паузы, понадобившейся ему, чтобы обдумать слова собеседника, произнес Дин. – Реальность же может сложиться совершенно иначе, и реформы в Чехословакии могут стать тем детонатором, который взорвет Восточный блок. Такие взрывы уже были: в 48-м в Югославии и в 56-м в Венгрии. Тогда русским удалось с ними совладать. Но третий взрыв может стать роковым.

– Значит, ты против реформ? – не скрывая своего раздражения, спросил Винчини.

– Я не против реформ как таковых, но чехословаки в своих действиях слишком радикальны. Они выдвинули идею создания Национального фронта, в который войдут несколько партий, но руководить им будут коммунисты. Но где гарантия, что эти партии потом не оттеснят коммунистов от власти? И русские вполне справедливо могут опасаться подобного поворота.

– Я же говорил, что у русских есть множество рычагов воздействия на внутриполитическую ситуацию в Чехословакии. И радикализм пражских политиков можно контролировать без военного вмешательства. А если они применят силу, то окончательно отпугнут от себя тех западных политиков, кто выступает за «австриизацию» Европы, за отрыв ее от Америки. Франция уже вышла из НАТО, а значит, точно так же могут поступить и другие европейские державы, если Москва проявит разум и гибкость в чехословацком вопросе. Но если она пошлет в Прагу армию, то все эти планы будут похоронены.

После этого разговора Дин понял, что их взгляды с Винчини на события в Чехословакии диаметрально разнятся. Несмотря на то что в словах Винчини были определенный резон и логика, однако все они перечеркивались одним доводом: поспешностью, с которой чехословаки хотели реформировать свою страну. Радикализм пражских реформаторов наводил Дина на мысль, что все эти перемены в итоге приведут к неминуемой западнизации Чехословакии. Конечно, социализм, который строили в Советском Союзе, не вызывал у Дина безоговорочного восторга: он находил в нем массу недостатков и даже пороков. Но в то же время он понимал, что любая попытка выйти из-под влияния Москвы сыграет только на руку ее врагам, у которых наверняка возникнет соблазн расширить брешь, пробитую в монолите Восточного блока чехословаками. И те просто могут не заметить, как окажутся не обновителями социализма, а его могильщиками.

Под влиянием этих мыслей Дин решил довести информацию, которую он узнал от Боба, до советских дипломатов. До этого он уже дважды успел побывать в советском посольстве в Риме, расположенном на окраине города, на улице Номентана, по делам сугубо творческим (прощупывал почву на предмет своих возможных гастролей в СССР), поэтому новый его поход в посольство не должен был вызвать подозрений у итальянской контрразведки СИД (пришла на смену СИФАР), которая с недавних пор – после громкого скандала 1967 года, когда внутри Службы военной разведки СИСМИ был разоблачен агент КГБ Ринальди, – усиленно следила за всеми передвижениями вокруг советского постпредства.

Позвонив по телефону в советское посольство, Дин попросил аудиенции у атташе по культуре, что не должно было вызвать опасений у СИФАР, если она сумела зафиксировать этот звонок. Аудиенция состоялась спустя час после звонка. Однако едва атташе услышал о том, на какую тему пришел общаться с ним гость, он тут же объявил, что эта тема не в его компетенции, и проводил Дина в кабинет, расположенный на другом этаже здания. Как понял Дин, это был кабинет службы внешней разведки КГБ.

Хозяин кабинета, мужчина средних лет в светлом костюме из дорогой ткани, назвавшийся Павлом, на довольно сносном английском пригласил Дина сесть в удобное кресло напротив стола и, прежде чем начать разговор, предложил Дину на выбор любой из напитков: коньяк, вино или русскую водку. Дин выбрал вино, херес, в то время как его собеседник налил себе в бокал знаменитый испанский коньяк «Фунандор». Пригубив из своего бокала, Дин отставил его в сторону и подробно рассказал то, что

услышал вчера от Боба. Павел выслушал его рассказ внимательно, ни разу не перебив. Когда Дин замолчал, Павел спросил:

– Почему вы решили рассказать нам об этом?

– Потому что я с симпатией отношусь к вашей стране, – честно ответил Дин. После чего вновь пригубил из своего бокала и спросил: – Или вы в этом сомневаетесь?

– Ни в коем случае! – сделав энергичный жест рукой, ответил хозяин кабинета. – Мы хорошо знаем вас, мистер Рид, как активного борца за мир и нашего друга. Но то же самое знают про вас и наши противники.

– Вы думаете, что Боб работает на них? – после некоторой паузы, понадобившейся ему, чтобы понять значение услышанных от собеседника слов, спросил Дин.

– Почему обязательно работает, они могут использовать Боба без его ведома. Мы называем это «игрой втемную».

– Да нет, вы преувеличиваете, – покачал головой Дин. – Боб встретил меня совершенно случайно, а про телефонный разговор своего отца сказал без всякого умысла, между делом. И как я потом ни пытался снова вернуть его к разговору на политические темы, он больше к нему не возвращался. Никакой «игрой втемную» там и не пахло.

– Ну, хорошо, убедили, – улыбнулся Павел. – И клятвенно заверяю вас, что сегодня же доведу ваши слова до своего руководства в Москве.

Поняв, что на этом аудиенция закончена, Дин допил свой херес и поднялся из кресла. Хозяин кабинета поднялся следом за гостем и первым протянул руку для прощального рукопожатия.

Разведчик не обманул Дина: в тот же день его шифровка была отправлена в Москву, на Лубянку. В те **июльские** дни туда стекалась масса секретных сообщений из Европы и США, в которых агенты КГБ оповещали свое руководство о реакции политических кругов разных стран на события вокруг Чехословакии. Были среди этих сообщений и данные о возможной реакции руководства США. Подавляющая часть этих сообщений была идентична тому, что рассказал Дин: команда Джонсона была осторожна в своей реакции на чехословацкие события и не собиралась в них вмешиваться. И хотя среди американских политиков были и такие, кто настаивал на протягивании руки помощи Праге (например, сенатор Клейборн Пелл), президент и его команда придерживались другой стратегии. По их мнению, играть на двух фронтах одновременно – на вьетнамском и чехословацком – было бы неразумно. Тем более что у Америки были свои серьезные претензии к Чехословакии. Эта страна своей

экономической и военной помощью поддерживала так называемые национально-освободительные движения в слаборазвитых странах – в том же Вьетнаме, например, и занимала 3-е место после СССР и Китая по оказанию такого рода помощи. Чуть позже госсекретарь США Раск в беседе с советским послом в США Добрыниным так выразится на этот счет: «Мы не хотим создавать впечатления, будто за событиями в Чехословакии стоят США или будто США пытаются поощрять антисоветизм в этой стране».

Была еще одна причина, скрытая от широких глаз, согласно которой США не собирались вмешиваться в чехословацкую проблему. Согласно ей Белый дом был заинтересован во вторжении советских войск в Чехословакию, предполагая использовать эту ситуацию в деле раскола международного коммунистического движения. Как теперь известно, этих целей американцы добьются.

Информация, пришедшая от Дина, была немедленно доведена до начальника Первого главного управления КГБ Александра Сахаровского. Ведь хотя в сведениях Дина и не было ничего сверхособенного (о подобном в те дни докладывали многие источники), однако сама личность американского певца вынуждала советских разведчиков поставить в известность своего начальника. А тот уже довел эти сведения лично до Андропова. Услышав это, председатель КГБ удивился:

– Это первый случай, когда Дин Рид вышел на контакт с нами?

– Да, Юрий Владимирович, – ответил Сахаровский. – Но мы не слишком ему верим. Я уже как-то докладывал вам, что еще при прежнем руководителе, Семичастном, на Дина Рида приходила информация от наших источников в Америке, что он может быть связан с тамошними спецслужбами.

После этих слов в кабинете повисла тишина, которая понадобилась для того, чтобы Андропов смог осмыслить услышанную информацию. После чего он сказал:

– Но Дин Рид, насколько мне известно, активно участвует в деятельности Всемирного совета мира и имеет там заслуженный авторитет. Если он агент американских спецслужб, то мы должны поставить в известность руководство Совета.

– Я полагаю, что это несвоевременно.

– Почему? – удивился Андропов.

– Дело в том, что полученная нами информация требует тщательной проверки. Поскольку другие источники ясно указывают на то, что Дин Рид наш активный сторонник. А все сведения о том, что он является вражеским агентом, могут быть

лишь контригрой со стороны американской разведки.

– Да, жалко будет, если Дин Рид окажется нашим врагом, – грустно резюмировал Андропов, откидываясь на спинку кресла. – Парень он симпатичный, да и певец отменный. Я был на его концерте в Театре эстрады два года назад и получил истинное удовольствие. Нашим людям он нравится, а это значит, что мы могли бы здорово использовать его харизму на благо нашей политики.

– Я придерживаюсь того же мнения, Юрий Владимирович, – согласился с доводами своего руководителя Сахаровский. – Так что будем надеяться, что та негативная информация, которая пришла на Дина Рида, не подтвердится.

После того как Сахаровский ушел, Андропов встал из кресла и подошел к окну, выходившему на Лубянскую площадь. Стояло теплое августовское утро, и город за окном жил своей привычной жизнью: по улицам проносились автомобили, десятки прохожих спешили по своим делам. Каждый раз, когда Андропов наблюдал из своего окна эту картину, он думал об одном и том же: что все эти люди даже не подозревают, какие политические страсти бушуют всего лишь в нескольких шагах от них, в стенах Лубянки. Страсти, которые напрямую могут изменить жизнь этих самых миллионов людей.

На душе Андропова было тревожно. Он всего лишь чуть больше года находился на посту председателя КГБ, и чехословацкий кризис был его первым серьезным испытанием в этой должности. Хотя сказать, что все происходящее было внове для него, было бы неправильно: в 1956 году, когда Венгрия пыталась выйти из Восточного блока, Андропов был там послом. И собственными глазами видел, к чему могут привести уступки ревизионистам: под окнами советского посольства оголтелые венгры-антикоммунисты убивали членов партии. Когда это увидела жена Андропова, с ней случился такой нервный срыв, что от него она потом будет страдать всю жизнь. Сам Андропов вынес из тех событий один вывод: в подобных ситуациях надо действовать решительно с самого начала, чтобы потом избежать еще большей крови.

В 56-м Андропов не ошибся, когда выдвинул кандидатуру Яноша Кадара на пост нового руководителя Венгерской компартии. Хрущев хотел видеть на этом посту другого человека – Ференца Мюнниха, но в итоге согласился с кандидатурой Кадара и впоследствии ни разу об этом не пожалел. А вот когда годом раньше в Чехословакии смещали Антонина Новотного и ставили на его место Александра Дубчека, Андропов сомневался в кандидатуре последнего, но Брежнев решил по-своему. «Я Саше

доверяю», – сказал тогда Брежнев. К чему привело это доверие, все теперь прекрасно знают: именно Дубчек привел страну к произошедшему в то время кризису.

В отличие от Надя в 1956 году, Дубчек во всех своих заявлениях подчеркивал, что его правительство не собирается выходить из Варшавского договора или отказываться от социализма. На первых порах даже Андропов поверил в эти заявления, поскольку фигура Дубчека даже неожиданно для него обрела некий ореол борца за демократию. Андропову на какое-то время показалось, что Дубчек способен объединить вокруг себя здоровые силы и сделать Чехословакию еще более верным союзником Москвы, чем это было при сталинисте Новотном. Но спустя некоторое время Андропов вдруг понял, что глубоко заблуждался в отношении этого человека. Дубчек стал дистанцироваться от тех своих соратников, кто выступал за союз с Москвой, и привечать других – врагов такого союза. И тут же многие высказывания Дубчека Андропов стал расценивать уже совершенно иначе. Например, его заявление о том, что он хочет построить «социализм с человеческим лицом». Значит, в том же Советском Союзе этот социализм имеет другое лицо? Тогда какое? Андропов стал склоняться к мнению, что новые чехословацкие лидеры хотят в перспективе дистанцироваться от Москвы и образовать некую Малую Коммунистическую Антанту вместе с Румынией и Югославией. Если это произойдет, то Восточный блок ждут тяжелые времена. Поэтому допустить такого развития событий было нельзя ни в коем случае – история этого бы не простила советским руководителям.

«Если это произойдет, то, значит, те сотни тысяч советских солдат, которые погибли при освобождении Чехословакии от фашизма, погибли зря, – размышлял Андропов. – У Дубчека и его людей, видно, короткая память. Они забыли, что их страну американцы не стали спасать от фашизма, побоявшись проливать кровь своих солдат. И тогда это сделало советское руководство. И миллионы чехословаков с радостью встречали наши войска, а потом, после войны, сами же выбрали путь развития своей страны – социалистический. Почему же сейчас горстка каких-то ревизионистов должна пересматривать итоги истории и под флагом построения „социализма с человеческим лицом“ реставрировать капитализм?

Двадцать лет мы живем без войны, однако это относительный мир, – продолжал размышлять Андропов. – На самом деле война бушует – холодная. И в этом противостоянии любая попытка кого-то из наших союзников дистанцироваться от нас может привести к перевесу сил в пользу нашего противника. А ведь саму эту

войну затеяли не мы. Советское руководство было готово и дальше поддерживать со своими союзниками по Антигитлеровской коалиции партнерские отношения. Об этом было заявлено еще в январе 45-го во время переговоров Молотова с послом США, об этом же говорил и сам Сталин в сентябре того же года во время встречи с американскими конгрессменами. Сталин даже готов был пойти на беспрецедентные политические уступки – постепенный вывод советских войск из Восточной Европы. Но Запад выбрал войну. Причем воевать он собирался отнюдь не с коммунистическим режимом, а с Россией как цивилизацией. Причем это совсем не скрывалось. Как писал один из американских политиков: «Россия – азиатская деспотия, примитивная, мерзкая, хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме». И это писал человек, предки которого сами построили свое государство на крови и костях миллионов коренных жителей Американского континента – индейцев. Это писал человек, предки которого специально привозили из Африки сотни тысяч рабов для того, чтобы те работали на плантациях белых. Наконец, это писал человек, современники которого сбросили атомные бомбы на жителей двух японских городов, за считаные минуты уничтожив несколько миллионов человек.

Конечно, чехословаки вольны сами выбирать свой путь государственного развития. Однако знает ли подавляющая часть населения этой республики, в какое светлое завтра могут привести их нынешние реформаторы? Цели у них, конечно же, благие. Однако выбор путей небогат: либо социалистический, либо капиталистический. А чем последний лучше? Мнимой свободой? Нет этой свободы в природе и никогда не было. Есть право сильнейшего определять жизнь слабейших. Захочет Запад заставить чехословаков жить по своим законам – и они будут по ним жить. Разделять их идеологию, которая ничем не лучше нашей, а во многом и антигуманнее ее. Разве нынешняя война во Вьетнаме не указывает на это? Нет, Чехословакию мы отдавать ни в коем случае не должны. Странно, что это не понимают не только многие чехословацкие руководители, но и даже кое-кто из наших».

Андропов был всего лишь кандидатом в члены Политбюро, поэтому не входил в узкий круг главных руководителей страны, принимавших окончательные решения. В этот круг входили Брежнев, Косыгин, Подгорный, Суслов и Шелест. Однако информацию, которой Андропов снабжал «пятерку» по всем важным вопросам политики, эти люди старались не

игнорировать. Но выводы делали разные. К примеру, если Шелест выступал за принятие радикальных мер воздействия на чехословацкое руководство, то Косыгин являлся сторонником умеренных действий. Ему казалось, что Дубчек проводит в жизнь социал-демократическую программу и стремится в итоге превратить Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию. Андропов считал иначе и требовал принятия решительных мер, поскольку любое промедление, по его мнению, будет стоит дорого. На заседании Политбюро **19 июля** Андропов даже схлестнулся на этой почве с Косыгиным. Председатель КГБ тогда заявил: «Правые во главе с Дубчеком стоят твердо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они, и готовятся очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Все идет против нас…»

А Брежнев, от которого многое зависело в раскладе сил в Политбюро, колебался: брать сторону председателя КГБ или нет. Но Андропов знал, как перетянуть генсека на свою сторону. Именно информация о том, что американцы не станут вмешиваться в чехословацкий кризис, могла окончательно убедить Брежнева в необходимости ввести войска в Чехословакию. Поэтому сообщение Дина Рида из Рима оказалось как нельзя кстати в раскладах председателя КГБ.

Вторжение в Чехословакию началось в 23.00 во вторник **20 августа**. Части советской 24-й воздушной армии взяли под контроль основные аэропорты Чехословакии и координировали действия сотен транспортных самолетов «Ан», которые по воздуху перевозили войска и танки. Одновременно с этим советские войска и силы Варшавского договора пересекли границу ЧССР на севере, востоке и юге и перекрыли границу с ФРГ. Сопротивление войскам вторжения никто не оказывал: чехословацкая армия была поднята по тревоге, но не покидала мест своей дислокации, солдаты оставались в своих казармах. Дубчек и ряд его сторонников в Президиуме ЦК были арестованы и отправлены в Советский Союз, в Ужгород. Однако **24 августа** в Москву прилетел президент ЧССР Людвиг Свобода и потребовал от Брежнева освободить арестованных. «В противном случае мне, как офицеру, придется застрелиться здесь же, в Москве!» – заявил Свобода. И Брежнев отдал распоряжение доставить Дубчека и его соратников для переговоров в Москву. Эти переговоры привели к тому, что Дубчеку было разрешено остаться у руководства страной, но с условием, что он выведет из руководства партии всех недружественно настроенных по отношению к Москве людей. Взамен Дубчеку было обещано, что советские войска покинут территорию Чехословакии в течение месяца.

Когда Дин узнал о чехословацких событиях, он немедленно позвонил Винчини, чтобы узнать у него последние новости. Но того уже не было в Риме – он с делегацией компартии Италии улетел в Будапешт на экстренную встречу руководителей европейских компартий. До этого Винчини принимал активное участие в подготовке документов ИКП к предстоящему в конце года Совещанию коммунистических и рабочих партий, однако вторжение войск Варшавского договора в Чехословакию поставило крест на этом мероприятии (во всяком случае, в том году). Собравшиеся в Будапеште лидеры европейских компартий осудили советское вторжение и выпустили гневное коммюнике, где потребовали от Брежнева немедленно вывести из Чехословакии войска. Дин, прочитавший это коммюнике в газете, его не одобрил по изложенным выше причинам.

Не одобрил Дин и своего недавнего кумира Джона Леннона, который из всей четверки «битлз» нравился Дину больше всех, поскольку он находил в его характере много похожих на свои черт: то же бунтарство, к примеру. И взгляды на политику у них одно время были схожие: пару лет назад оба увлекались маоизмом, а потом почти одновременно к нему охладели. Однако летом 68-го дорожки Дина и Леннона разошлись, а поводом к этому стал ввод советских войск в Чехословакию, который Леннон, в отличие от Дина, осудил. Поэтому не случайно, что именно **21 августа** британское радио устроило премьеру новой песни Леннона «Революция», которую «битл» написал еще весной во время своей поездки в Индию к Махариши. Песня была своеобразным гимном пацифизма, и в ней давался рецепт ненасильственного изменения мира.

Ты говоришь, ты хочешь революции.
Ну что ж, ты знаешь, мы все хотим изменить мир…
Однако если вы толкуете о разрушении,
То знайте – на меня можете не рассчитывать…

Сам Дин в те дни тоже не сидел сложа руки и сочинял одну песню за другой. В основном острополитические. Среди них была песня «Вам!», которую Дин написал **16 октября** и посвятил рабочим Италии и других стран.

Вы – всего владельцы!
Ваша нынче власть,
Власть – обделать дельце,
Власть – синоним – пасть!..
Вы – владельцы прессы.

Вы – владельцы лжи!
Ваши интересы —
В деньгах, торгаши!
Вы – владельцы армий,
Смерти и войны!
Ваши тюрьмы нами,
Посмотри, полны!
Вы – владельцы хлеба,
Голода и слез!

К нашим бедам слепы
Те, кто в роскошь врос.
Наши – грязь и сажа,
Наши – боль и труд,
Капиталы ваши
День и ночь растут.
Только все же зря ты
Пыжишься, делец,
Вашим час расплаты
Будет наконец!
Вспомним наши беды
Нашим господам,
Нашею победой
Подавиться – вам!

Помимо политики Дина не менее сильно интересовала и культурная жизнь Италии, в частности ситуация в кинематографе. Как и многие левые, Дин выступал против американизации итальянского кино, которая, как уже упоминалось выше, в конце 60-х приобрела угрожающие формы. Голливуд буквально схватил за горло итальянский кинематограф, диктуя ему свои условия: во-первых, поставляя свою продукцию (часто не самого высокого качества), во-вторых, заставляя его работать по своим заказам. На многих киностудиях Италии дело дошло до того, что местных актеров обязывали произносить свои реплики по-английски.

Поскольку итальянские кинофирмы были самым тесным образом связаны с Голливудом, их сложившаяся ситуация нисколько не волновала, а даже наоборот – радовала. Они не видели ничего плохого в этой экспансии и делали все от них зависящее, чтобы она продолжалась и дальше. И на этом поприще совершались весьма показательные жесты. Так, президент голливудского объединения МПАА Джек Валенти был награжден

почетным титулом кавалера Итальянской республики, а бывший министр финансов Италии социалист Прети одним росчерком пера подарил семи самым крупным голливудским компаниям 50 миллиардов лир, которые они задолжали итальянскому государству.

Против сложившейся ситуации выступили многие прогрессивные организации Италии, в том числе и компартия. В **июле 1968 года** ИКП выпустила заявление, которое Дин Рид немедленно поддержал. В этом документе говорилось следующее:

«Коммерциализация кино, гонка за прибылями в сфере производства и проката – следствия логики капиталистической системы, которая видит в кино товар для продажи – ныне усугубляется вмешательством американского капитала, колонизирующего итальянскую кинематографию. Здесь политика и интересы крупных промышленных групп полностью совпадают с интересами американцев…

Коммунистическая партия Италии выступает за создание в сфере кино общего европейского рынка. Однако это будет иметь смысл только в том случае, если в отдельных странах будет покончено со скандальным положением, когда кинопроизводство финансируется американцами и при этом используются государственные средства».

Вскоре после того, как Дин публично высказался в поддержку этого документа, у него произошел любопытный разговор с одним из крупных итальянских кинобоссов из Итальянской ассоциации кинопромышленников (АНИКА). Босс случайно встретил Дина в ресторане киностудии «Чинечитта» и, пригласив его за свой столик, спросил на чистейшем английском:

– Вы, мистер Рид, сами снимаетесь в картинах, которые производятся на американские деньги, и имеете наглость ругать Голливуд?

– Да, вы правы – я снимаюсь в подобного рода фильмах, – согласился Дин. – Но я делаю это вынужденно. Как только представится возможность, я с удовольствием буду сниматься в других картинах. Именно для того, чтобы это произошло, я и подписал заявление ИКП.

– Неужели вы всерьез рассчитываете, что подобными заявлениями можно прекратить экспансию Голливуда в нашу кинопромышленность? – продолжал удивляться кинобосс.

– Если бы я не был в этом уверен, я бы это заявление не поддержал.

– В таком случае вы наивный человек, мистер Рид, – улыбнулся кинобосс. – На сегодняшний день Голливуд является Меккой мирового кинематографа, и тягаться с ним никому не под

силу. Да, я согласен, что львиная доля его продукции – это откровенные поделки, но вся соль в том, что эти поделки приводят в восторг миллионы людей. Не будь этого, Голливуд давно бы уже разорился.

– Зачем же так плохо думать о миллионах людей? – теперь уже на устах Дина заиграла лукавая улыбка. – Если им предоставить право выбора, то они, я уверен, сделают его в пользу хорошего кино, а не поделок. Другое дело, что вы им такого права не предоставляете, захламляя кинотеатры второсортной продукцией. И еще: Голливуд хоть и является, как вы выразились, Меккой мирового кинематографа, однако у него не хватит сил и средств, чтобы бороться с объединенным европейским кинематографом. Именно об этом объединении и шла речь в заявлении компартии.

– Общий европейский кинорынок – это еще одна утопия коммунистов, – засмеялся босс. – Эти господа любят провозглашать идеи, которые либо имеют мало общего с действительностью, либо вообще ничего не имеют. Действительность же такова, что большинство людей приходят в кино, чтобы развлекаться, а не загружать свои мозги лишними проблемами. И лучше всех развлекательное кино снимают в Голливуде. Так что выбросьте из головы эти утопические идеи. Человек – это животное: он хочет сытно есть, сладко спать и весело развлекаться. Причем это относится ко всем людям абсолютно: и к тем, кто живет при капитализме, и к тем, кто строит коммунизм.

– У вас что, была возможность в этом убедиться?

– Конечно, ведь не один вы разъезжаете по миру. Я несколько раз бывал в Москве, а также в Праге и Восточном Берлине. И поверьте мне, тамошняя публика точно так же, как и здешняя, хочет смотреть пусть бестолковое, но все-таки красивое и зрелищное голливудское кино. Другое дело, что у них это не всегда получается – власти не разрешают. Но помяните мое слово, американское кино рано или поздно все равно завоюет и эти земли.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно. Капитализм сильнее социализма изначально. Он предоставляет человеку максимум свобод, разрешая ему практически все: от греха до добродетели. Социализм требует от своих адептов только добродетели. Но первородный грех в человеке тоже сидит, его куда девать?

– Однако социализм отметил в прошлом году 50-летие и вроде бы пока еще жив и здоров, – напомнил Дин своему собеседнику известный всему миру факт.

– Это временное явление. Социализм спасла чрезвычайная ситуация. Если брать Советский Союз, то сначала это была Гражданская война, а потом Вторая мировая. Людям было чем заняться – они воевали. А теперь там мирная жизнь вот уже на протяжении двадцати пяти лет. И если в ближайшие пятнадцать-двадцать лет Советский Союз никакой войны вести не будет, он упадет в наши капиталистические руки, как перезревшее яблоко. И тогда голливудские фильмы в нем будут крутить круглосуточно. Почти как у нас.

– Слушая вас, я лишний раз убеждаюсь, что можно ездить в одну и ту же страну, однако смотреть на людей, населяющих ее, разными глазами, – ответил собеседнику Дин. – Не стану скрывать, что в Советском Союзе есть люди, о которых вы мне только что рассказали. Но гораздо больше там других: тех, кто не продаст социализм за ваши капиталистические побрякушки. То, что так легко удалось сделать американцам с индейцами, там не пройдет.

– Еще как пройдет, мистер Рид, – сделав выразительный жест рукой, произнес кинобосс. – Народ ведь как стадо: всегда идет туда, куда его ведут пастухи. А пастухи в Советском Союзе уже наполовину куплены нами. Это же типичная буржуазия, только с партийными билетами. В них уже не осталось ничего от их предшественников – настоящих рыцарей революции. Такая же у них и интеллигенция. А это именно те силы, за которыми и пойдет народ. Ему ведь многого не надо: только хлеба и зрелищ. Насчет хлеба, конечно, могут быть проблемы, а вот зрелищ у него будет в избытке.

– Любопытную версию вы нарисовали, – после некоторой паузы, которая понадобилась, чтобы обдумать услышанное, произнес Дин. – Только у этой версии может быть и другая концовка, о которой вы наверняка не думали.

Кинобосс удивленно вскинул брови, всем видом показывая, что весьма заинтригован словами собеседника. И Дин продолжил:

– Очевидно, вы совершенно незнакомы с марксистско-ленинской теорией, согласно которой капитализм в России непродуктивен. Именно поэтому крахом закончилось его построение в 17-м году. Россия – страна общинного сознания. Коммунисты это поняли и потому до сих пор у власти. Не спорю, что нынешние правители России могут проиграть сражение капитализму. Но это будет временное поражение. Пожив при капитализме, русский народ поймет, что это за чудовище, и расстанется с ним так же решительно, как в 17-м году. Чтобы больше к нему уже не возвращаться. Хорошая концовка?

– Да, любопытная, – соглашаясь, кивнул кинобосс. – Жаль

только, что случится она не скоро и мы с вами ее не застанем.

Не менее пристально Дин продолжал следить за событиями и у себя на родине, которая стояла на пороге президентских выборов. Действующий президент Линдон Джонсон окончательно утратил доверие американцев и еще **31 марта 1968 года** публично заявил, что не станет выставлять свою кандидатуру на будущих президентских выборах. Позднее в своих мемуарах Джонсон так охарактеризует свое решение: «Страну раздирали глубокие противоречия, быть может, наиболее глубокие со времен Гражданской войны. Это были противоречия, которые могли уничтожить нас, если им не уделять внимания и не пытаться их разрешить в конечном итоге. Но эти противоречия были таковы, что я был не в силах их устранить. Моя неспособность это сделать и послужила одной из причин, лежавших в основе моего решения от 31 марта уйти с политической арены…»

Однако, выбыв из предвыборной гонки, Джонсон не оставил надежд привести к власти человека из своей, демократической партии. Но он не учел, что американцы были настолько разочарованы последними годами его правления, что не желали голосовать за любого из кандидатов, выступавших под знаменами Джонсона. Поэтому кандидат от демократической партии, вице-президент США Губерт Хэмфри, проиграл выборы республиканцу Ричарду Никсону. **5 ноября 1968 года** тот набрал на 500 тысяч голосов больше своего оппонента (за Никсона проголосовали 31 770 237 избирателей, за Хэмфри – 31 270 533, а кандидат от Американской независимой партии Уоллес набрал 9 906 141 голос).

В своих предвыборных речах Никсон обещал американцам много благ как во внутренней политике, так и во внешней. Например, он пообещал протянуть руку дружбы русскому народу, а также китайскому. Никсон заявил: «Лидерам коммунистического мира мы говорим: после эры конфронтации наступило время для эры переговоров… Я верю, что мы должны жить в мире. Я верю, что мы можем жить в мире. Нельзя недооценивать трудности этой задачи. Искусство сохранения мира не так просто, как развязывание войны. Но я горжусь, что я работал в администрации, которая закончила одну войну (в Корее. – *Ф. Р.*) и в течение восьми лет оберегала нацию от других войн. Такой опыт и такое руководство нужны сегодня Америке…»

В отличие от многих американцев Дин не верил ни одному из кандидатов в президенты, а Никсону в особенности. Ведь тот был уже не потомком фермеров, как его предшественник, а потомком

лавочников (его родители владели лавкой в городке Уиттиер). И в то время как миллионы американцев терзались сомнениями относительно того, кому отдать свои голоса – Никсону или Хэмфри, Дин считал, что ни один из них не способен сделать что-то позитивное для своей страны. И вообще в двухпартийной системе Америки Дин давно разочаровался, поскольку обе партии были рождены одним и тем же классом – буржуазией, содержались им и верно служили только ему.

Еще совсем недавно Дин симпатизировал демократам и считал, что они более прогрессивны с точки зрения интересов большинства американцев. Но потом, когда пообщался с левыми в разных странах и почитал книги классиков марксизма-ленинизма, понял, что обе партии США имеют различия в подходах к действительности, но цели у них едины – служить корыстным интересам финансового капитала. А все публичные и закулисные баталии между партиями прежде всего отражают противоречия между финансовыми блоками. Как писал известный политолог Д. Койл в своей книге «Политическая система США»: «В настоящее время две партии стали еще более похожи друг на друга. Их называют иногда двойниками. Американские избиратели чувствуют, что демократы и республиканцы имеют только разных кандидатов, а партии в целом являются лишь организациями для победы на выборах и получения контроля над правительством».

Кстати, во время ноябрьских выборов **1968 года** кризис доверия к системе двух партий достиг особой остроты (виной всему была война во Вьетнаме). Это была кампания, в которой активно проявили себя, с одной стороны, движение крайне правого типа во главе с Уоллесом, а с другой – буржуазно-либеральное и прежде всего антивоенное движение, в частности массовое движение молодежи, объединившееся вокруг сенаторов Юджина Маккарти и Роберта Кеннеди (последнего в итоге застрелят накануне выборов). В итоге впервые в истории избирательной системы США третий кандидат – Уоллес – в ходе выборов получил значительное количество голосов, выступая вне рамок двухпартийной системы. Правда, сведущие люди не заблуждались на этот счет, понимая, что таким образом все тот же финансовый капитал создавал себе резерв за пределами системы двух партий. Понимал это и Дин, поэтому в тот день **ноября 68-го**, когда Америка узнала имя своего нового президента, из-под его пера родился поэтический ответ на это событие – песня «О моя бедная родина!»

Народ сам себе напророчил беду

В проклятую осень в проклятом году.
Опомнись, Америка, твой президент
Для мира Земли пожалеет и цент.
О моя бедная родина!

Для нас, избирателей, выбора нет.
Закатом становится каждый рассвет.
Ушел демократ, изолгавшись, в запас,
Чтоб республиканец обманывал нас.
О моя бедная родина!

О как он наивен, мой добрый народ,
Чтоб дать всем дельцам от ворот поворот.
У партий в программах различен покрой,
Но стоит одна своей ложью другой.
О моя бедная родина!

Мы Никсону дали верховную власть.
Теперь он обманом потешится всласть.
Слепит Белый дом штукатуркой вблизи —
От грязных делишек он сам весь в грязи.
О моя бедная родина!

У нас президентское кресло давно
На откуп акулам из банков дано.
Продажное место, продажная честь,
Продажная правда, продажная лесть.
О моя бедная родина!

Кумир Уолл-стрита, Бродвея кумир,
Ты – просто букашка, а мир – это мир.
И люди накинут в конце-то концов
Узду на ракетных твоих жеребцов.
Я верю в мир!

Не стоит думать, что в те дни Дин был увлечен исключительно одной политикой. Много времени он уделял воспитанию своей крохотной дочери Рамоны, а также продолжал сниматься в кино. Правда, за полтора года своего пребывания в Италии он так и не дождался приглашения от кого-то из прогрессивных режиссеров и продолжал сниматься в коммерческих второразрядных фильмах. Ему было, конечно, обидно, однако поделать с этим он ничего не мог: его типаж

красавчика и баловня судьбы отпугивал серьезных режиссеров. Хотя в те дни Дин еще тешил себя мыслью, что когда-нибудь ему удастся сыграть что-то стоящее в итальянском кинематографе. Поэтому он часто повторял в своих интервью, что великий актер Джан Мария Волонте, до того как стать знаменитым, тоже снимался в «спагетти-вестернах». Но здесь Дин лукавил.

Волонте и в самом деле начинал свое восхождение к вершинам славы с вестернов, но это были выдающиеся вестерны. Он играл у Серджио Леоне в «За несколько лишних долларов» и у Дамиано Дамиани в «Золотой пуле». Дин ничем подобным похвастаться не мог. Например, не так давно Волонте снялся в гангстерском боевике Карло Лидзани «Бандиты в Милане», и этот фильм стал настоящей сенсацией итальянского проката 1968 года. Под впечатлением этой картины Дин в том же году тоже дал свое согласие на участие в гангстерском боевике. Но это было кино другого уровня – ниже «Бандитов в Милане». Фильм был испано-итальянским и назывался «Банда трех хризантем». Режиссером его был Игнацио Игуино, а среди партнеров Дина (он играл гангстера по имени Оуэн) значились актеры Даниэль Мартин, Фернандо Санчо, Криста Нелл, Паола Барбара, Лина Каналейес и др.

Еще одним фильмом, в котором Дин согласился сниматься в том же 68-м, была мелодрама Серджио Пасторе «Тайный дневник Фанни», где он играл небольшую роль возлюбленного главной героини Мишеля.

Много позже Дин так объяснит свою итальянскую киноодиссею: «Я никогда не снимался в фильмах, которые пропагандировали бы аморальные и антигуманные идеи. Поэтому я и сейчас не отказываюсь от тех лент, которые делал в Италии. Далеко не каждый фильм становится произведением большого искусства, не каждый его создатель ставит перед собой большие задачи. Должны делаться и просто фильмы для удовольствия. Если бы тогда мне предложили участвовать в съемках картин, назначение которых отвечало бы моим политическим убеждениям, я, конечно, не ответил бы отказом. Но, увы, нельзя утверждать, что итальянское кино шестидесятых годов характеризуется лишь лентами, которые по праву называют шедеврами. Такие картины в количественном отношении лишь исключение по сравнению с той обильной кинопродукцией, которую изготавливают на киностудии „Чинечитта“. И это потому, что такие режиссеры, как Висконти или Феллини, редко находят продюсеров, готовых вложить деньги в критический социальный фильм, а у них самих нечасто есть деньги для осуществления своих творческих планов. Поэтому многие

прогрессивные итальянские режиссеры могут позволить себе делать лишь развлекательные фильмы, таковы уж законы капиталистического кинопроизводства…

В итальянской кинопромышленности, да и, конечно, не только в итальянской, было и остается явное классовое различие: на одной стороне баррикад предприниматель от кино, на другой – работники киноискусства; и это обстоятельство ни в коей мере не затушевывается тем фактом, что некоторые звезды получают миллионные гонорары.

Другое дело, что положение такого актера куда более благоприятно, чем положение рабочего. За счет своей популярности он может активнее отстаивать свои права: ведь любого рабочего можно без труда заменить другим, вон их сколько за воротами кинофабрики. Но многие работники итальянского кино придерживаются прогрессивных убеждений. Среди них немало людей, симпатизирующих коммунистической партии, или даже ее членов. Это люди, чуткие к социальным запросам трудящихся и готовые поддержать их требования.

Работая в Италии, и я старался помочь рабочим».

Говоря так, Дин не лукавил: он в самом деле вел себя с техническим персоналом съемочных коллективов, где ему доводилось работать, не как зазнавшаяся звезда, а как вполне обычный человек. За что, собственно, и снискал себе уважение среди техперсонала. Зная о левых взглядах Дина, те частенько приходили к нему за советом или просто чтобы узнать его мнение по тем или иным проблемам итальянской и мировой политики. А однажды Дин помог рабочим выбить их долги у известного кинопродюсера.

Эта история случилась во время съемок фильма «Банда трех хризантем». Натурные съемки проходили в Сорренто, и Дин был поглощен ими всецело. Поскольку он привык работать без каскадеров, многочисленные трюки он выполнял сам: лазил по пожарной лестнице на крышу дома, дрался, перепрыгивал через высоченные заборы, гонял на автомобиле. А после съемок, возвращаясь в гостиницу, замертво падал на свою кровать и отсыпался. Ни на что другое сил у него уже не хватало. Но вот однажды ему пришлось пренебречь отдыхом ради того, чтобы помочь монтажерам декораций с киностудии.

Те заявились к нему поздним вечером (а было их шесть человек) и на смеси итальянского и английского языков принялись излагать суть своей проблемы. Но поскольку они были возбуждены и никак не могли толком объяснить, что они хотят, Дин поначалу ничего не понял. Поэтому, чтобы не тратить времени впустую, он усадил своих незваных гостей на диван и

попросил выступить кого-то одного, кто хорошо владеет английским. Этим человеком оказался убеленный сединами мужчина в ковбойской рубахе навыпуск. Он назвался Джузеппе и достаточно связно объяснил Дину суть проблемы. Оказалось, что все дело в деньгах, которые продюсер фильма Кризанте не хочет выплачивать монтажерам, поскольку, по его словам, его счет в банке исчерпан.

– Как, и вам он тоже говорил о своем исчерпанном банковском счете? – удивился Дин, когда Джузеппе замолчал.

Услышав это, гости с удивлением воззрились на Дина. А тот улыбнулся и пояснил:

– Некоторое время назад Кризанте и мне не хотел платить гонорар, уверяя меня, что его банковский счет пуст. Но я в итоге заставил его заплатить.

– Вот видите, мистер Рид, значит, мы не зря к вам пришли, – радостно всплеснул руками Джузеппе. – Если вам удалось выбить деньги у этого сквалыги Кризанте, значит, вы и нам сможете помочь.

– Помочь я вам, конечно, готов, но пока с трудом представляю себе, как это будет выглядеть, – развел руками Дин. – Идти к Кризанте и напролом просить у него денег – ход малопродуктивный. Мне он заплатил понятно почему: я актер, и без меня съемки грозят остановиться. Но вас он легко может заменить на других работников.

– Значит, наша ситуация безнадежная? – с горечью в голосе спросил по-английски другой гость – парень в цветастой рубахе апаш.

– Я этого не говорил, – покачал головой Дин. – Просто надо подумать, какой путь избрать.

Дин на какое-то время задумался, а чтобы ему никто не мешал, отошел к окну, из которого открывался вид на вечернюю площадь. Огни неоновых реклам освещали площадь как днем, и Дину прекрасно было видно, как две уличные проститутки пытались заарканить в свои сети припозднившихся клиентов близлежащего кафе. Чуть поодаль, на противоположной стороне площади, Дин увидел огромный плакат нового фильма из разряда криминальных – «Как украсть английскую корону». Дин несколько раз прочитал это название, после чего его внезапно осенило. Он повернулся к своим гостям и спросил:

– Кто-нибудь видел фильм «Как украсть английскую корону»?

– Я видел, – ответил парень в рубашке апаш.

– Ну и как? – поинтересовался Дин.

– Муть, – коротко ответил парень. – Так что идти не советую.

– Я и не собираюсь, – засмеялся Дин. – Просто эта муть

помогла мне придумать, как обмануть Кризанте.

– И как же? – почти в один голос спросили Джузеппе и парень в апаше, которые единственные хорошо понимали английскую речь Дина.

– Мы украдем, только не английскую корону, а меня, – ответил Дин, после чего стал наблюдать за эффектом, произведенным его словами.

Эффект был ошеломляющим только для двух человек: Джузеппе и парня в апаше, поскольку остальные гости сказанное Дином не поняли и сидели на своих местах с каменными лицами. Но когда Джузеппе и им перевел смысл сказанных Дином слов, те тоже воззрились на него с удивлением. Выдержав паузу, Дин продолжил:

– Поскольку мое отсутствие на съемочной площадке грозит простоем и убытками для Кризанте, меня следует похитить и потребовать от продюсера-сквалыги выкуп. Этот выкуп и будет вашей зарплатой.

– А кто вас похитит? – продолжал недоумевать парень в апаше.

– Да никто меня не похитит, – засмеялся Дин. – Мы разыграем похищение перед Кризанте. А на самом деле я спрячусь с вами где-нибудь и по телефону объясню ему, что похищен.

– А если он заявит в полицию? – подал голос Джузеппе.

– Не заявит, поскольку мы объясним ему, что похитители могут так отделать похищенного, что тот надолго попадет в больницу. А это грозит Кризанте огромными убытками в силу простоя. Поскольку сумма его долга не столь уж и велика, я думаю, что он предпочтет выплатить его, а не заявлять в полицию.

Сказав это, Дин вновь воззрился на гостей, ожидая реакции на свои слова. Ему казалось, что план им придуман великолепный и у его гостей просто не может быть против него никаких возражений. Так оно и вышло. После того как слова Дина были переведены всем присутствующим, Джузеппе первым поднялся со своего места и, подойдя к Дину, протянул ему свою ладонь для рукопожатия.

– Ваш план нас полностью устраивает, – сказал Джузеппе. – И уверяю вас, мистер Рид, что в наших руках вы будете самым свободным в мире заложником.

Ответом на эти слова Джузеппе стал громкий смех Дина.

Как и предполагал Дин, операция «Похищение» прошла блестяще. Вместе с «похитителями» Дин уехал в один из городков под Сорренто, и оттуда они позвонили Кризанте. Тот и в самом

деле поначалу хотел заявить о похищении в полицию, но один из «похитителей» предупредил его, что лучше этого не делать – может пострадать похищенный. Об этом же продюсера попросил и Дин, который в коротком телефонном разговоре объяснил, что пока с ним обходятся нормально, но он не гарантирует, что так будет продолжаться вечно. «Эти люди настоящие гангстеры», – произнес Дин в заключение разговора. Эта фраза решила исход дела. Кризанте хотя и догадывался, кто может стоять за этим похищением, однако не исключал и того, что возмущенные рабочие студии могут нанять для выбивания своего долга настоящих гангстеров. Поэтому вынужден был согласиться с их условиями. В итоге спустя час деньги были переведены на указанный счет, а спустя еще несколько часов Дин благополучно вернулся в Сорренто. Увидев его, Кризанте пришел в состояние шока: Дин был так пьян, что еле стоял на ногах. Но даже в таком состоянии он не утратил присущего ему чувства юмора.

– Я отмечал свое благополучное освобождение из лап похитителей, – сказал Дин и гордо прошествовал мимо продюсера в свой гостиничный номер.

После чехословацких событий в Компартии Италии произошел раскол: часть коммунистов решительно осудила действия Москвы, другая заняла умеренную позицию, считая, что произошедшего уже не изменить и необходимо находить общий язык с Москвой. Винчини поначалу поддерживал первых, но затем изменил свою позицию. На этот шаг его подвигли события начала **1969 года**, когда внутри Компартии случился скандал с журналом «Манифесто», созданным группой людей, среди которых были несколько членов ЦК КПИ (например, Россана Россанда). Журнал носил откровенно антисоветский характер и призывал чуть ли не к разрыву с Москвой и грозил серьезными проблемами руководству ИКП. И хотя в этом руководстве у журнала были свои сторонники (например, Энрико Берлингуэр), ИКП во главе с ее председателем Луиджи Лонго выступило против журнала и исключила всех его создателей из партийных рядов. Москва встретила это решение с одобрением. И в начале **февраля** делегировало на XII съезд ИКП заведующего Международным отделом ЦК КПСС Бориса Пономарева. Съезд произвел на последнего двоякое впечатление (на нем заместителем Лонго был избран Берлингуэр, к которому в Москве было не самое лучшее отношение), однако общий итог форума обнадеживал: руководство ИКП согласилось принять участие в Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, которое намечалось на лето этого года.

Спустя почти две недели после закрытия съезда – **27–28 февраля** – в Италию с официальным визитом прилетел новый президент США Ричард Никсон. Сделано это было не случайно. В своей европейской политике американцы уделяли большое внимание Италии и чутко держали руку на пульсе ее внешней и внутренней политики. В последние годы правления Джонсона отношения Белого дома с этой страной были напряженными (Италия даже отказалась помогать США военной силой в войне во Вьетнаме и ограничилась лишь посылкой туда небольшой группы специалистов), поэтому новый президент рассчитывал устранить эту напряженность. К тому же Белый дом чрезвычайно беспокоило «полевение» Италии, когда объединенный блок коммунистов и социалистов набирал все большую популярность в стране и в перспективе грозил отстранить от власти христиан-демократов (ХДП как партия крупной буржуазии возникла в 1942 году во многом благодаря финансовой поддержке американцев).

В дни визита Никсона в Италию Дин был с головой погружен в новую работу – съемки очередного фильма. Это был итало-испанский «спагетти-вестерн» «Саранда» («Твоя жизнь не стоит и доллара») режиссера Мануэля Эстеба. Как всегда, у Дина там – главная роль. В остальных были заняты следующие исполнители: Альберто Фарнезе, Пэтти Шэпард, Луис Ингуни, Марта Мэй, Мария Пиа Конте, Тони Чандлер и др.

Съемки фильма проходили в Испании, неподалеку от Барселоны. Несмотря на то что Дин с головой погружен в съемочный процесс, он не забывает чуть ли не ежедневно звонить в Рим Патрисии, чтобы поинтересоваться как ее здоровьем, так и самочувствием их крохотной дочурки. По обеим Дин сильно скучает и однажды в **мартовский** вечер, в порыве очередного приступа тоски по дому, пишет песню под названием «В объятиях любимой».

Если бы у меня были крылья, как у голубя,
они бы принесли меня к ней.
Что же случилось, я хотел бы один
всегда быть с ней.
В объятиях любимой.

Я хотел бы прикасаться к ее коже,
чувствовать ее губы,
тосковать по ее ласкам
и по нежным прикосновениям ее рук.
В объятиях любимой…

Я буду гореть нетерпеливо, как огонь,
так как не могу вернуться к тебе.
Все битвы, что я веду,
служат только одному дню
в объятиях любимой.

Я хочу построить для нас небо.
Пусть оно будет бесконечно высоким.
Я думаю, что навсегда останусь твоим.
Я хочу, чтоб так было всегда
В объятиях любимой.

В том же году Дин снялся еще в одной картине. На этот раз это был итало-западногерманский детектив «Смерть стучится дважды» («Белокурая приманка для убийцы») режиссера Харальда Филиппа. Дин играл роль Боба Мартина, который помогает своему другу, частному детективу, расследовать запутанное уголовное дело о гибели женщины. В фильме был собран прекрасный актерский ансамбль в лице таких исполнителей, как Анита Эксберг (эта голливудская актриса шведского происхождения стала известна после исполнения роли Элен Курагиной в американской версии «Войны и мира», после чего снялась у самого Федерико Феллини в «Сладкой жизни» (1959) и

«Боккаччо-70» (1961), Надя Тиллер («Будденброки», «Девушка Розмари»), Вернер Петерс, Фабио Тести, Аня Ассман, Леон Аскин и др.

И в этом фильме Дин снимался с удовольствием, несмотря на то что картина была чисто коммерческой (подражала серии фильмов про Джеймса Бонда). Дин играл положительного героя – этакого супермена, который и стрелять умеет, и драться, и кружить головы красавицам. Премьеры фильма состоялись почти одновременно в Италии и ФРГ и пусть не стали оглушительными, однако и к провальным их нельзя было отнести.

Несмотря на коммерческую направленность всех своих картин, Дин вполне удовлетворен развитием своей карьеры в кино. Ему вполне хватает того, что он играет главные роли и фильмы, в которых снимается, имеют неплохую кассу и вполне одобрительные отзывы в прессе. Тем более что аполитичность своих картин Дин легко может компенсировать общественной деятельностью на ниве борьбы за мир.

Дин продолжает живо интересоваться ситуацией в Итальянской компартии. В начале **июня 1969 года** делегация ИКП побывала в Москве, где проходило Совещание коммунистических и рабочих партий. О том, какие баталии разгорелись на этом форуме, Дин узнал от Винчини после того, как делегация ИКП вернулась в Рим. Винчини рассказал, что практически все делегации были едины в одном: в осуждении линии, проводимой компартией Китая. Эта линия на конфронтационность с Советским Союзом привела к вооруженным столкновениям на острове Даманский в **марте 69-го**, которые грозили большими проблемами в коммунистическом движении, даже бóльшими, чем те, которые были вызваны недавним вторжением советских войск в Чехословакию. Поэтому делегаты Совещания решительно осудили действия КПК. Однако в остальном среди делегатов были серьезные расхождения.

Например, делегация ИКП, которую возглавлял Берлингуэр, отказалась подписывать заключительное коммюнике Совещания, поскольку ряд его пунктов вызвал у них решительное несогласие. Брежнев был крайне недоволен таким поворотом событий и попытался сделать все возможное, чтобы устранить эту проблему. Он стал давить на Берлингуэра, но тот поступил хитро: предложил послать в Рим, к председателю партии Лонго, одного из членов своей делегации, чтобы Лонго принял окончательное решение. В итоге в Рим был послан Коссута на персональном самолете Брежнева. Но миссия эта ни к чему хорошему для советских руководителей не привела: Лонго занял ту же позицию, что и Берлингуэр. Узнав это, Брежнев сдался. «ИКП – большая

партия, и если она говорит нет, то это нет», – заявил генсек.

Берлингуэр выступил на Совещании **11 июня** и в своей речи заявил, что само понятие интернационализма переживает кризис и что у него большие сомнения в теоретической обоснованности заключительного коммюнике, которое носит слишком ярко выраженный пропагандистский характер. Эту речь перепечатывают многие итальянские и европейские газеты, которые относят ее к разряду сенсационных: по их мнению, еще никогда никто из представителей иностранных коммунистических партий не произносил в Москве таких резких слов. Когда Винчини рассказывал Дину о реакции публики, собравшейся в Кремлевском дворце съездов, на слова Берлингуэра, он буквально захлебывался от восторга:

– Ты бы видел лица некоторых людей в зале – они были в шоке!

– И вы считаете, что это благо? – спросил Дин.

– Безусловно! – голосом, полным решимости, ответил Винчини. – Мы должны показать Москве, что советская модель построения социализма неприемлема для стран развитого капитализма. Мы не должны и не будем слепо следовать тем догмам, которые проповедует Москва. Надо переосмыслить опыт Советского Союза, и это переосмысление должно основываться на новом понимании соотношений между социализмом и демократией, требующей многопартийной системы, которая допускает сменяемость власти, чередование правящих политических сил.

– А вы не боитесь, что конфронтация с Москвой приведет к еще большему расколу в коммунистическом движении? – выслушав страстный монолог собеседника, спросил Дин.

– И кто это говорит? – не скрывая своего удивления, воскликнул Винчини. – Человек, который сам никогда не был трусом. Если всего бояться, то толку от этого будет мало. Ситуация складывается таким образом, что кто-то же должен показать советским руководителям, что они тоже могут ошибаться. Взять ту же классовую борьбу, которую они проецируют даже на вопросы мировой политики. Да сколько можно! Мир меняется, и мы должны меняться вместе с ним. Надо искать объединения с близкими нам по идеям партиями, чтобы вместе с ними трансформировать капиталистическое общество. Если мы не сумеем этого понять, то мы окажемся в глубоком кризисе и рухнем вместе с Советским Союзом.

– Вы считаете, что он может рухнуть? – удивился Дин.

– Если в Москве будут править догматики, то подобный исход очевиден.

– Но если рухнет Советский Союз, то что станет с мировым коммунистическим движением?

– А вот оно выживет, если, повторяю, сумеет распрощаться с теми догмами, которые успели опутать его, как цепи некогда опутывали рабов на галерах.

В доводах, которые приводил Винчини, многое казалось Дину сомнительным и даже неправильным, но он редко вступал в открытую полемику со своим оппонентом, поскольку все еще чувствовал себя недостаточно готовым теоретически. Те книги по марксизму-ленинизму, которые он читал, давались ему не так легко, как того бы хотелось, и многое в них ему было еще не совсем понятно. Однако интуитивно Дин все-таки чувствовал, что Винчини во многом неправ в своей критике КПСС и что многие взгляды его базируются на сомнительных постулатах, которые скорее ближе социал-демократам, чем коммунистам. И вообще его симпатия к Советскому Союзу в те годы была настолько большой, что он не мог себе даже представить, что его руководители ошибаются в каких-то принципиальных позициях. Да, в каких-то частностях они могут поступать неправильно, но в глобальных проблемах – никогда. И Дин всерьез полагал, что беда Винчини и всех, кто разделял его взгляды, была именно в том, что за частностями они не видели главного: что, вступая в конфронтацию с КПСС, они невольно играют на руку противнику.

Между тем с лета Италию начали сотрясать политические и экономические катаклизмы. **5 июля** ушло в отставку правительство «левого центра», и нависла угроза хаоса. Чтобы предотвратить его, по распоряжению командующего НАТО в стране было введено чрезвычайное положение сроком на два месяца, что помогло левым центристам сохранить власть. Все военные базы на территории Италии были приведены в состояние мобилизационной готовности: на рейде Неаполя стояли корабли 6-го американского флота, а у Винченца расположилась 40-я группа авиации США. Однако напряженность в стране росла. Приближался период перезаключения коллективных договоров для 5 миллионов итальянских трудящихся, что обещало Италии «жаркую» осень. Так оно и вышло. Уже с **сентября** по всей стране начались забастовки рабочих металлургических и машиностроительных заводов. У властей еще оставалась надежда на то, что фронт профсоюзов не устоит и расколется, но эти ожидания не оправдались – профсоюзы проявили удивительную сплоченность. Волна стачек охватила всю страну. Причем если поначалу это были чисто экономические выступления, то затем, во многом благодаря коммунистам, эти выступления стали носить и политический характер. Так, **26 сентября** на заседании

руководства ИКП была принята резолюция с требованием о выходе Италии из НАТО. С **октября** в Италии начались антивоенные митинги, приуроченные к антивоенному мораторию, который объявили в США бывшие помощники сенатора Юджина Маккарти. Организаторы моратория выдвинули требование – немедленный вывод всех войск США из Южного Вьетнама. В одном из этих митингов, прошедших в Риме, принял участие и Дин Рид.

В тот воскресный день Дин собирался встретиться со своими друзьями-актерами на виа Венето и отправиться на пикник за город. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Путь Дина пролегал мимо района, где располагалось посольство США. Поскольку все соседние улицы запрудили демонстранты, участвовавшие в антивоенной манифестации, проехать вперед оказалось невозможным. Поэтому Дин припарковал свой автомобиль на углу улицы и решил дойти до виа Венето пешком. Однако и это оказалось делом непростым. Впереди Дин заметил стройные шеренги полицейских, которые были экипированы согласно ситуации: в пластмассовые шлемы, прозрачные пояса для защиты тела, резиновые дубинки и щиты. Стражи порядка перегородили все улицы, ведущие к району расположения американского посольства, и не пускали туда людей. Не пустили бы они туда и Дина, если бы у него не оказалось с собой его американского паспорта. Как только он раскрыл его перед офицером полиции, отвечавшим за порядок в данном районе, тот козырнул и пропустил Дина сквозь шеренгу, напутствовав его словами: «Будьте осторожны, синьор, сейчас здесь начнется такая заваруха!..» В итоге таким образом Дин миновал несколько полицейских постов и вскоре очутился возле американского посольства. Виа Венето была в стороне, однако идти туда Дин уже не собирался. Пока он пробирался через полицейские кордоны, в его голове созрела другая идея.

Возле американского посольства собралась огромная толпа людей с транспарантами против войны во Вьетнаме. Дин стал с трудом продираться сквозь толпу к входу в посольство. Это оказалось делом достаточно трудным, поскольку люди стояли плотно друг к другу и Дину пришлось расталкивать их плечами. При этом он хранил молчание, опасаясь выдать себя своим плохим итальянским. Узнай кто-то из толпы, что он американец, наверняка бы дальнейший путь вперед ему был бы преграждён, да еще у людей появилось бы искушение надавать ему тумаков.

Спустя несколько минут Дину все-таки удалось достичь первых рядов демонстрантов. Дальше маячили уже шеренги полицейских, а за ними высилась ограда американского

посольства. Одна створка ворот была приоткрыта, и там стояли несколько человек: двое высших полицейских чинов города и несколько сотрудников посольства, среди которых Дин узнал посла США в Италии Грехэма Мартина. Эти люди о чем-то между собой переговаривались, изредка кивая в сторону толпы и отдавая какие-то распоряжения полицейским. Дин вновь извлек на свет свой паспорт и протиснулся к офицеру полиции, отвечавшему за порядок в шеренге. Увидев перед собой американца, офицер вытянул Дина из толпы и спросил, что он хочет. Дин на ломаном итальянском объяснил, что ему надо пройти к той группе людей, что стоит у ворот. Офицер еще раз пробежал глазами по страницам паспорта, после чего вернул его Дину и кивнул. И Дин направился к воротам.

Когда до них оставалось несколько метров, люди у ворот заметили его и, прервав свой разговор, стали с удивлением рассматривать идущего к ним улыбающегося мужчину. И тут один из них узнал его: это был консульский работник, у которого Дин недавно был по вопросам продления своего паспорта. По тому, как этот работник стал что-то энергично говорить своим собеседникам, Дин понял, что его узнали, и решил играть в открытую. Он сделал несколько шагов в сторону и ловко вскочил на бетонный постамент с металлической оградой, опоясывавшей здание посольства. После чего, подняв вверх кулак правой руки, Дин во все горло закричал, обращаясь к толпе демонстрантов: «Да здравствует Хо Ши Мин! Мы требуем прекратить варварские бомбардировки! Агрессоры, убирайтесь из Вьетнама!»

Дин прокричал эти лозунги несколько раз, и толпа, наконец услышавшая их, взорвалась ревом восторга. После чего тоже стала скандировать эти же лозунги и начала наседать на полицейских. Те выставили впереди себя щиты и принялись оттеснять толпу назад. В это же время несколько полицейских из этой шеренги бросились к Дину и, схватив его за руки, сбросили с постамента. Однако бить не стали, а только заломили руки за спину и поволокли к автомобилю, стоявшему неподалеку от ворот в посольство. Спустя несколько минут Дин уже был в полицейском участке, где его продержали больше часа в «обезьяннике». Затем начальник участка лично вручил Дину его паспорт и отпустил, пригрозив в случае повторного задержания более серьезными неприятностями, чем часовое сидение за решеткой.

Бурные события в Италии и в других странах продолжали рождать споры между Дином и Винчини. Например, Винчини продолжал жестко критиковать Советский Союз за вторжение в Чехословакию. А на робкую попытку Дина оправдать это

вторжение хотя бы тем, что СССР всего лишь попытался подавить контрреволюцию в дружеском ему государстве, причем с минимальными жертвами с обеих сторон, Винчини взорвался:

– Я знаю, куда ты ведешь: к войне во Вьетнаме. Дескать, там американцы воюют уже почти десять лет и убили миллионы. Но я не являюсь апологетом войны во Вьетнаме. Просто я не хочу, чтобы эта война была оправданием для других применять военную силу.

Однако в **ноябре 1969 года** случилось такое, что прибавило Дину уверенности в своей правоте, а Винчини заставило если не изменить свою позицию, то хотя бы задуматься. **13 ноября** мировые агентства оповестили людей о кровавом злодеянии, которое учинили американские солдаты во Вьетнаме. Конечно, и до этого многие средства массовой информации писали о зверствах американской армии в этой войне, но делалось это как-то скупо, без детализации. А тут была описана настоящая бойня – жестокая и бессмысленная.

Автором этой мировой сенсации стал 30-летний американский журналист Сеймур Херш. До этого он успел поработать репортером уголовной хроники в Чикаго и пентагоновским корреспондентом агентства Ассошиэйтед Пресс. Из последнего он ушел после того, как его боссы в шесть раз сократили его материал о тайной подготовке США к химической и бактериологической войне. Видимо, именно последнее обстоятельство и стало поводом к тому, что некие анонимные источники из Пентагона, выступающие против войны во Вьетнаме, решили ознакомить его с секретной информацией по поводу закрытого суда над 26-летним лейтенантом армии США Уильямом Колли, который обвинялся в массовом убийстве мирных вьетнамских жителей. Херша чрезвычайно заинтересовала эта информация, и он взялся за расследование обстоятельств дела.

Как выяснил Херш, Колли возглавлял роту «Чарли», которая **16 марта 1968 года** проводила зачистку территории, где, по сведениям разведки, скрывались вьетконговцы. Однако, не обнаружив таковых, солдаты «Чарли» по приказу Колли решили уничтожить жителей деревни Сонгми, которых они заподозрили в пособничестве северовьетнамцам. Озверевших солдат от расправы не остановило даже то, что на тот момент в деревне были одни женщины с детьми да пожилые люди. Расправа напоминала собой зверства фашистов на оккупированной территории. Подчиненные Колли даже устроили между собой соревнование, кто больше убьет людей. Причем при этом они не стеснялись позировать военному фотографу Хэрбелу, который фиксировал эти зверства

на пленку. Видимо, солдаты были полностью уверены в своей безнаказанности. И у них были на этот счет основания: Колли сообщил командованию, что его рота в ходе успешной операции уничтожила 128 вьетконговцев (по другой версии, было уничтожено более 400 человек). После этой депеши, которая ушла сначала в Сайгон, а оттуда в Пентагон, главнокомандующий генерал Уэстморленд поздравил роту лейтенанта Колли с «выдающейся операцией».

Когда статья Херша была готова, он предложил ее двум популярным журналам – «Лайф» и «Лук». Но тех не заинтересовали мертвые Сонгми. Тогда Херш обратился к услугам агентства «Диспетч ньюс сервис» со штатом из двух вчерашних антивоенно настроенных студентов Дэвида Обста и Майкла Морроу, чтобы те подыскали ему издание, которое согласится напечатать материал о Сонгми. Эти поиски увенчались успехом, поскольку аккурат в те дни началась настоящая война между администрацией Никсона и американской прессой. В итоге из 50 американских и английских газет, с которыми связались бывшие студенты, 36 согласились заплатить по 100 долларов за статью Херша. Так весь мир узнал о трагедии маленькой вьетнамской деревушки, которую Пентагон собирался скрыть от глаз широкой общественности, проведя закрытый суд над Колли. Однако теперь, когда правда вскрылась, генералам из Минобороны пришлось спешно привлекать к ответственности и других своих вояк. Правда, итог этого судебного разбирательства оказался вполне предсказуем: козлом отпущения был все же объявлен один человек – лейтенант Уильям Колли, которого суд сначала приговорит к пожизненному заключению, а чуть позже скостит ему срок до двадцати лет.

Как и миллионы американцев, Дин был глубоко потрясен этой историей, хотя до этого неоднократно был наслышан о зверствах своих земляков во Вьетнаме. Но тут он увидел эти зверства воочию: в журналах «Лайф», «Штерн» и газете «Кливленд плейн дилер», куда фотограф Хэрбел продал свои снимки расправ в Сонгми. Эти снимки Дин специально принес Винчини и, после того как тот их посмотрел, спросил:

– Кто-нибудь может предоставить мне такие же снимки зверств советских солдат в Чехословакии?

– Насколько я знаю, в Чехословакии тоже были жертвы, однако ни одна советская газета об этом даже не написала, – после короткой паузы ответил Винчини. – И тем более не опубликовала на своих страницах ни одной фотографии, где были запечатлены эти жертвы.

– Упрек в отсутствии свободы слова в Советском Союзе? –

спросил Дин. – Упрек принимается, но только частично. У меня на родине эта свобода слова тоже имеет свои пределы. Вы можете назвать мне хотя бы один художественный или документальный фильм, который вышел в США за последние восемь лет и где речь бы шла о войне во Вьетнаме?

Винчини в ответ пожал плечами.

– Вот именно: таких фильмов вы не знаете, – не скрывая своего торжества, произнес Дин. – Хотя на самом деле несколько документальных фильмов на эту тему было снято, но их даже близко не пустили к широкой демонстрации. А художественных фильмов о вьетнамской войне вообще никто не снимал, поскольку режиссеры знают – их никто в Америке не покажет.

– Стоп, я, кажется, вспомнил один фильм, – внезапно воскликнул Винчини и даже хлопнул себя ладонью по лбу. – Его снял ваш знаменитый ковбой… как его… – И Винчини наморщил лоб, пытаясь вспомнить фамилию режиссера.

– Уж не кумира ли моего детства Джона Уэйна вы имеете в виду? – догадался Дин, о ком идет речь. – Да, он и в самом деле год назад снял такой фильм – «Зеленые береты» называется. Но это же откровенная пропаганда: в нем наши солдаты во Вьетнаме изображены вроде Армии спасения или Корпуса мира. Но после Сонгми мы видим, чем на самом деле они там занимаются.

– Но не все же такие звери, как этот лейтенант Колли с его ротой, – возразил Винчини. – Война штука жестокая. Я думаю, что и горячо защищаемые вами советские солдаты, окажись они в таких же условиях, что имеют место во Вьетнаме, не смогли бы сохранить свои руки чистыми. А кто думает иначе, тот наивный человек.

– Вот в этом мы с вами, синьор Винчини, кардинально расходимся, – твердо заявил Дин. – Вы опять хотите навесить на советских солдат ярлык агрессоров. Я же считаю, что роль агрессора присуща армиям капиталистических государств, а не социалистических. Насколько я знаю из истории, идея мировой революции советским руководством уже не пропагандируется лет сорок. Не может страна, которая всего два десятка лет назад пережила одну из самых страшных войн и потеряла двадцать миллионов человек, мечтать о новой войне. Я это окончательно понял, когда три года назад побывал в Волгограде, бывшем Сталинграде. А вот в руководителях своей страны я не уверен, поскольку на территории США пока ни одной войны, кроме Гражданской, не было, а значит, нет и настоящего понимания, что это такое.

Спорить с этим тезисом Винчини не стал: то ли согласился с ним, то ли просто не захотел больше говорить на эту тему.

Между тем конец года выдался в Италии кровавым. Неофашистские группировки специально нагнетали напряжение, чтобы подвести страну к государственному перевороту. Проект так называемой «стратегии напряженности» был принят к действию еще в **апреле 69-го**, когда в Падуе собрались руководители различных правых группировок. И первым серьезным актом, соответствующим «стратегии напряженности», явился взрыв бомбы в здании Сельскохозяйственного банка в Милане на пьяцца Фонтана. Взрыв произошел **12 декабря** и унес жизни 16 человек (88 человек было ранено).

Спустя 25 минут после взрыва в Милане срабатывает другая «адская машинка» – на этот раз в Вечном городе, в Риме, в подземном переходе Трудового банка. Там обошлось без убитых, однако 16 человек тяжело ранены. Правые газеты тут же заявляют, что эти преступления – дело рук «красных». Власть легко соглашается с этим выводом и устраивает облавы в стане левых. А правых даже не трогает. Когда один из следователей, расследовавших взрывы в Милане и Риме, заявляет, что нашел следы, ведущие к правым, Главный прокурор республики тут же подписывает приказ об отстранении этого следователя от расследования. В итоге неофашисты торжествуют и накапливают силы для новых терактов. Они возобновятся **весной 1970 года**, когда в стране вновь поднимется волна стачечного движения. Тогда в окрестностях Турина взрывом динамита будет уничтожена высоковольтная линия электропередачи. За этим взрывом вскоре последуют и другие, как мелкие, так и крупные, цель которых одна – посеять панику и страх в обществе.

Но все эти события проходят в стороне от Дина, поскольку в начале года он находится в Испании на съемках очередного фильма. Это была приключенческая картина в жанре «плаща и шпаги» под названием «Пираты зеленого острова» режиссера Фердинандо Балди. Дин и здесь играл главную роль – благородного разбойника Алана Дрейка, который спасает красавицу-принцессу (ее роль играет Анабелла Инконтрера) и добивается ее любви. В остальных ролях снимались: Альберто Де Мендоза, Пака Габалдон, Томас Бланко, Флоринда Чико, Тито Гарсия, Педро Луис Лозано, Сэл Боргезе и др.

А в **марте 1970 года** по линии Всемирного совета мира Дин отправляется в Стокгольм, чтобы принять участие в конференции сторонников мира. Сразу после этого форума Дин должен был отправиться на другой – на очередную сессию Президиума Всемирного совета мира, которая была приурочена к 100-летию со дня рождения В. Ленина.

Конференция сторонников мира должна была начаться **28 марта**, но Дин приехал в Стокгольм на сутки раньше, чтобы поближе познакомиться с городом, который, как он слышал, называли «северной Венецией» или «маленьким Лондоном». Но город Дина не потряс: он показался ему мрачноватым и был и в самом деле похож на Лондон – в нем, как и в столице Великобритании, солнце было нечастым гостем. Зато Дину понравился тамошний «Гайд-парк» – так называемый Хюмлегорден, где обычно собираются разного рода манифестации и митинги. Вот и в тот день, когда там оказался Дин, в «Гайд-парке» проходил шумный митинг против войны во Вьетнаме, приуроченный к мирной конференции. Дин пробыл там больше часа, слушая пламенные речи ораторов и вместе с манифестантами выкрикивая разные лозунги.

Там же Дин познакомился с пожилым шведом, который оказался работником Королевской библиотеки. Поскольку он хорошо знал английский и разделял левые взгляды, они с Дином быстро нашли общий язык. Звали этого человека Густав, и он поведал много интересного Дину, который до этого был убежден, что Швецию не зря называют страной «народного капитализма» – мол, при социал-демократах, вот уже четыре десятилетия стоявших у власти, эта страна достигла больших успехов в социальном развитии. Но Густав внес в это мнение свои коррективы.

– Так как я хорошо помню, как мы жили каких-нибудь десять лет назад, то я могу утверждать, что нынешняя жизнь шведов стала хуже, – объяснял Дину Густав. – Налоги растут, плата за квартиру и цены на продукты тоже, что съедает до сорока процентов заработка. А какая у нас безработица: почти двести тысяч человек при населении в восемь миллионов. Это же катастрофа!

– Зато вы стоите на одном из первых мест в мире по продолжительности жизни, – сделал робкую попытку возразить своему собеседнику Дин, выложив перед ним данные, которые он вычитал в одной из газет накануне поездки в Швецию.

– Сущая правда, – согласился Густав. – Но в то же время у нас самая низкая в мире рождаемость – тринадцать с половиной детей на тысячу жителей – и большое число самоубийств.

– Почему же так происходит? – поинтересовался Дин.

– Мир становится более жестоким, циничным. Нам, шведам, всегда были присущи застенчивость, замкнутость, и в былые годы эти качества не входили в противоречие с окружающей действительностью. А теперь все иначе. Вот многие и не выдерживают каждодневных стрессов в борьбе за место под

солнцем. Например, когда я был молодым, пьянство не было столь распространено в нашей среде, как это происходит сегодня. А про наркоманию я и вовсе молчу. Поэтому преступность у нас растет с каждым годом. Да вот, пожалуйста, я буквально сегодня вычитал интересные данные, – Густав извлек из своего «дипломата» свежий номер какой-то газеты, развернул его и, ткнув пальцем в небольшого размера статью, сообщил: – Оказывается, у нас в 1961 году было зарегистрировано 280 тысяч преступлений, а в прошлом – уже почти пятьсот тысяч. Рост в два раза!

– Ну, это еще не катастрофа: у меня на родине кривая преступности зашкаливает за миллион преступлений в год, – попытался успокоить собеседника Дин.

– Вы, пожалуйста, не сравнивайте Америку и маленькую Швецию, – пряча газету обратно в «дипломат», возразил Густав. – Хотя, если дело и дальше так пойдет, то мы в этом с вами скоро сравняемся. Вот, например, вы, американцы, много читаете. Но что читаете? В основном комиксы и бульварные книжонки. У нас до недавнего времени было иначе, это я вам говорю как сотрудник Королевской библиотеки. Но уже сегодняшняя наша молодежь тоже подсела на бульварное чтиво. И понятно почему: серьезная книга у нас стоит сорок крон, а бульварная – всего пять-десять. А сколько у нас развелось порнографических изданий? Вы сходите в старую часть города, на улицу с красивым названием Светлая Северная Церковная, и убедитесь: там на каждом шагу разместились магазины порнографических изданий и кинотеатры сексуальных фильмов. Как это цинично: на улице с таким названием теперь торгуют похабщиной! Хотя, может, я и ошибаюсь: не цинично, а символично?

В тот же день Дин побывал на пресс-конференции, которая была посвящена предстоящему форуму миролюбивых сил. На ней всем участникам был роздан секретный документ, который, как было объявлено, поступил в адрес шведского комитета медицинской помощи Вьетнаму от неизвестного американского борца за мир. В кулуарах конгресса потом будут ходить слухи, что под личиной этого «неизвестного борца» скрывался КГБ. Версия вполне правдоподобная, поскольку война во Вьетнаме была полигоном не только военного, но и разведывательного противоборства. И КГБ здесь явно обыгрывал своего давнего конкурента ЦРУ.

Документ, который был роздан участникам конференции, представлял собой секретную инструкцию «ТС 3—16», подписанную бывшим главнокомандующим войск США во Вьетнаме генералом Уэстморлендом. В этой инструкции

говорилось о применении войсками США химического оружия в ходе военных действий во Вьетнаме и Лаосе. На одной из страниц этой инструкции сообщалось об отравляющем веществе, которое «на открытой местности и при нормальных погодных условиях эффективно действует примерно в течение 14 дней». Тут же следовала рекомендация солдатам США, как применять это отравляющее вещество против мирных жителей. Инструкция была не фальшивкой: американские войска на самом деле применяли во Вьетнаме химическое оружие, причем страдали от него не только вьетнамцы, но и сами солдаты США, многие из которых потом возвращались домой инвалидами. Американская печать почти ничего не писала об этом, зато коммунистические издания европейских стран сообщали об этом регулярно.

Например, два года назад мир был буквально потрясен сообщением о том, что американцы внедряют во Вьетнаме программу «уничтожения враждебной растительности». Эта программа преследовала сразу несколько целей: лишить вьетконговцев природных укрытий в виде лесов и уничтожить посевы риса. Уничтожалось все перечисленное с помощью все тех же химикатов, которые во Вьетнам поставляли сразу несколько американских компаний, вроде «Доу кемикл». Мировая печать сообщала, что только в 1967 году американцами были сделаны бесплодными 450 000 акров обрабатываемых полей – более пяти процентов всей обрабатываемой земли Южного Вьетнама. Однако когда мировая общественность попыталась возмутиться этим фактом, правительство США заявило, что эта программа внедряется самими вьетнамцами. Правда, вопрос о том, кто поставляет вьетнамцам гербициды, так и остался без ответа (в 1967 году ВВС США закупили гербицидов на 57 690 000 долларов).

Конференция миролюбивых сил открылась **28 марта** в Доме рабочего просветительского союза. Как было объявлено перед ее началом, на конференцию съехались свыше 300 делегатов от демократических, миролюбивых международных и национальных организаций всех континентов (всего было представлено 62 страны). От Советского Союза прибыла делегация во главе с председателем Советского комитета поддержки Вьетнама профессором Л. Смирновым. Дин его не знал, зато встретил в составе делегации работника ЦК ВЛКСМ, с которым познакомился в 1966 году во время гастролей по Советскому Союзу. И хотя знакомство было скорее шапочное, но Дину было приятно увидеть в советской делегации хоть одно знакомое лицо. Тем более что этот человек – Сергей Коняев – на хорошем английском передал ему привет от другого знакомого Дина –

Юрия Купцова. Услышав эту фамилию, Дин расплылся в широкой улыбке и спросил Сергея:

– Юрий все там же, в Тбилиси?

– Нет, он теперь в Москве, в ЦК ВЛКСМ, – последовал ответ.

На этом их встреча закончилась, поскольку Сергей куда-то спешил. Но и этой информации Дину было достаточно: он узнал, что карьера Юрия не закончилась. Судя по всему, этому посодействовал его отец, ответственный работник МИДа.

Поскольку главной темой конференции была война во Вьетнаме, практически все речи ораторов касались этой темы. Во второй день работы форума очередь дошла непосредственно до самих вьетнамцев: в тот день выступили глава делегации ДРВ Суан Тхюи и глава делегации Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Данг Куанг Минь. Последний заявил, что при новом американском президенте Ричарде Никсоне агрессия приняла еще большие масштабы. Здесь оратор, конечно, преувеличил. Война во Вьетнаме продолжалась, однако при Никсоне масштабы агрессии стали несколько иными.

Дело в том, что еще в **ноябре 1968 года** начались мирные четырехсторонние переговоры в Париже (в них принимали участие США, ДРВ, правительство Южного Вьетнама и представители Фронта освобождения Южного Вьетнама), и Никсон вынужден был осадить своих «ястребов» из Пентагона. В итоге, если за весь 1968 год (последний год правления Джонсона) американцами было совершено свыше 37 тысяч самолето-вылетов, то в 1969 году их было выполнено всего 6645. Конечно, и эти ограниченные вылеты приносили неисчислимые бедствия вьетконговцам, однако масштабы их были уже иные. Дело дошло до того, что именно в 1969 году советские военные специалисты стали покидать Вьетнам, поскольку тамошние зенитчики начали без них справляться с американскими летчиками. Чуть позже выяснится, что вьетнамцы рано радовались: количество налетов со стороны американцев вскоре опять начнет расти.

Конференция продлилась до **30 марта**. В последний день ее делегаты приняли резолюцию, в которой обращались ко всем народам, всем миролюбивым силам планеты с призывом активизировать свои акции, свои выступления за мир во Вьетнаме, за немедленный и безусловный вывод войск США и их союзников из Южного Вьетнама. Конференция также создала специальную международную комиссию по расследованию военных преступлений США во Вьетнаме.

В последний день работы форума Дин вновь встретился с Сергеем Коняевым. Тот сам нашел Дина на выходе из зала и буквально огорошил его неожиданным предложением – сходить

на хоккей. В те дни в Стокгольме проходил очередной чемпионат мира по хоккею с шайбой, и Дин прекрасно это знал: во-первых, чуть ли не весь город был увешан рекламными плакатами, а во-вторых – каждый раз, когда Дин в номере своей гостиницы включал телевизор, он почему-то натыкался либо на трансляцию какого-нибудь матча, либо на передачу, где об этом говорилось. Когда Дин поинтересовался у гостиничного портье, почему шведская пресса так увлечена хоккеем, тот засмеялся и на ломаном английском объяснил: мол, этот чемпионат оказался для Швеции внеплановым (сначала предполагалось, что он пройдет в Москве, но та отказалась, сославшись на подготовку к 100-летнему юбилею Ленина), и на нем впервые за долгие годы хозяева имеют все шансы завоевать «золото».

– Ну и как, завоюют? – поинтересовался Дин, который не знал результата ни одного матча, поскольку хоккеем никогда не интересовался.

– Трудно сказать, – пожал плечами портье. – Русские, конечно, хороши. В то время как наши ребята потеряли очки в двух встречах, русские только в одной. И теперь все решится в их последнем поединке друг с другом.

Именно на этот поединок, который состоялся **30 марта**, и пригласил Дина Сергей.

– Будем болеть за наших, чтобы они победили, – радостно сообщил он.

– Ты считаешь, что это поможет? – спросил в ответ Дин.

– А ты в этом сомневаешься?

– Дело в том, что несколько лет назад я случайно оказался на чемпионате мира по футболу в Чили и болел как раз за русских, – попытался объяснить смысл своих слов Дин. – Так вот, мое присутствие на финальном матче не помогло твоим землякам победить.

– А сегодня поможет, – не терпящим возражений голосом сказал Сергей. – Там, в Чили, за наших мало кто болел, а здесь советских болельщиков наберется несколько сотен. Почти все наше посольство придет на игру.

В итоге Сергей уговорил Дина отправиться на матч. А по дороге рассказал ему о последних скандальных событиях на чемпионате, сунув ему в руки свежий номер самой читаемой шведской газеты «Экспрессен». На ее первой полосе был запечатлен весьма некрасивый поступок, который совершил капитан сборной Чехословакии Вацлав Недомански: он плюнул в лицо игроку советской сборной Александру Мальцеву.

– Почему он это сделал? – спросил потрясенный Дин.

– Чехи проиграли нам 1:5, – ответил Сергей. – Но это,

конечно, не главная причина. А главная кроется в том, что этот плевок – отголосок событий августа 68-го. То есть дело здесь пахнет политикой. И ведь что обидно: Недомански к 50-летию Октябрьской революции был удостоен звания заслуженного мастера спорта Советского Союза. Вот тебе и благодарность!

Когда Дин в компании Сергея и еще нескольких членов советской делегации, приехавшей на Конференцию миролюбивых сил, пришли во Дворец спорта «Юханесхоф», большая часть зрителей была уже там. Естественно, подавляющую их часть составляли хозяева – шведы. Многие из них вырядились в майки под цвет своего национального флага – желтые – и принесли с собой также огромные транспаранты, флаги и различные музыкальные инструменты – барабаны, погремушки, дудки. Все это многоголосье, которое буквально сотрясало стены «Юханесхофа», живо напомнило Дину атмосферу финального матча чилийского чемпионата, когда сборная Советского Союза тоже встречалась с хозяевами турнира.

– Вот мы так поддерживать своих ребят не умеем, – сказал Сергей, когда они заняли свои места под ложей прессы. – Кричать, конечно, кричим, но ни знамен, ни барабанов на стадионы с собой не носим. Но попомни мое слово, Дин, что все эти погремушки не помогут сегодня шведам одолеть наших соколов. У нас отличная сборная, где каждый игрок – звезда. И тот же Мальцев, которому Недомански плюнул в лицо, сегодня обязательно забьет свою шайбу, а то и две.

Сергей не ошибся: Мальцев и в самом деле забил в этом матче гол. Правда, случилось это не сразу, а после упорной и продолжительной борьбы, которая длилась весь первый период. Он закончился боевой ничьей 0:0. Во втором периоде советские хоккеисты оказались более удачливыми и дважды поразили ворота хозяев, в то время как те сделали это только однажды.

В перерыве Дин и Сергей спустились вниз, чтобы отдохнуть от шума, который бушевал на трибунах. Выпив по чашке кофе, друзья на время разлучились: Сергей пошел в туалет, а Дин остался ждать его у входа на трибуну. В этот момент мимо него проходила пожилая шведка, которую Дин сразу узнал: все два периода она сидела неподалеку от них и, не переставая вращать в руках трещотку, орала благим матом, пытаясь таким образом поддержать атакующие порывы игроков шведской сборной. Глядя на нее, Дин всю игру удивлялся: вот, мол, какая активная бабуля. Удивился он и теперь, поскольку даже в перерыве шведка не расставалась со своей трещоткой – она была заткнута у нее за поясом. Судя по всему, шведка тоже узнала Дина и, остановившись возле него, спросила:

– Русо?

Дин понял, о чем его спрашивают и, покачав головой, ответил по-английски:

– Нет, я американец.

Шведка сделала удивленные глаза и, после небольшой паузы, спросила на плохом английском:

– Тогда какой черт вы сидеть с русскими и болеть за них?

– А что, нельзя? – искренне удивился Дин.

– Но они же коммунисты! – возмутилась шведка.

– Тогда я тоже коммунист, – улыбнулся в ответ Дин.

Дальше произошло неожиданное. Шведка одним рывком выхватила из-за пояса свою трещотку и тряхнула ею перед лицом Дина так сильно, что тот невольно отпрянул. И едва не сбил с ног Сергея, который подошел к нему сзади.

– Тебе молодых шведок уже мало, ты клеишься к старухам? – удивленно спросил Сергей.

– Я и не собирался к ней клеиться, – ответил Дин. – Эта старушка оказалась ярой антикоммунисткой и, едва узнала, что я болею за русских, чуть не убила меня своей трещоткой.

– Ничего, мы отомстим ей забитыми голами, – успокоил Сергей и подтолкнул его вперед, к дверям, ведущим на трибуну.

Сергей и в этот раз оказался прав. В заключительном периоде советские хоккеисты забили еще одну шайбу, а в свои ворота не пропустили ни одной. Таким образом, победив шведов со счетом 3:1, советская сборная впервые в истории мирового хоккея стала чемпионом мира восьмой раз подряд.

На следующий день Дин вместе с советской делегацией покинул Стокгольм, и всю дорогу до Москвы (Дин летел туда на очередную сессию ВСМ) между ними только и было разговоров, что о победе советской сборной. Правда, Дин быстро утомился от этих дебатов и предпочел уснуть, развалившись в своем кресле у иллюминатора. Всю дорогу ему снились родные: Патрисия и Рамона. Но назвать этот сон благостным было нельзя: в нем Дину снилось, как его жена и дочь собираются куда-то уехать, а он пытается их остановить. Однако Патрисия ничего не хочет слушать и упрямо собирает чемодан. Рамона сидит подле матери, вцепившись руками в свою любимую куклу Барби, и плачет.

Этот сон возник не на пустом месте. В последние месяцы отношения между Дином и Патрисией вновь серьезно осложнились. Ушли куда-то прежняя теплота, забота друг о друге. Случались дни, когда Дин и Патрисия весь день проводили дома вместе, но не говорили друг другу ни слова, каждый занятый своими делами. При этом если раньше Дин замечал, что подобные ситуации вызывают у его жены раздражение, а иной раз

даже злость, то теперь Патрисия была на удивление спокойна. Дину казалось, что Патрисии даже доставляет удовольствие не общаться с мужем. Впрочем, объяснение нынешнему поведению жены Дин мог легко найти: раньше Патрисия была одинока, а теперь с нею была Рамона, на которую она могла переключить все свое внимание в те дни, когда у них с Дином что-то не ладилось. В конце концов дело дошло до того, что мать и дочь стали буквально неразлучны друг с другом, а Дин остался как бы в стороне. Когда он попытался сказать об этом Патрисии, та в ответ бросила свою излюбленную фразу: «Твоя любовь – политика».

Что касается Рамоны, то она, конечно, любила своего отца, однако в силу его частых отлучек из дома воспринимала его менее тепло, чем мать, которая буквально трепетала над ней и выполняла любое ее желание. В такие минуты Дин невольно думал о том, что если бы у них был сын, то он бы наверняка был больше привязан к нему, а не к Патрисии. Но сына у них не было: мальчик умер в результате преждевременных родов там, в Москве. А нового ребенка Патрисия рожать уже не хотела: ей вполне хватало Рамоны, да и врачи не советовали после стольких прежних неудачных попыток.

Поскольку мысли о сыне часто приходили Дину в голову, это находило отражение и в его поэзии. Несколько своих произведений он посвятил своему нерожденному сыну, причем сделал это не в прошедшем времени, а в будущем – как бы надеясь, что когда-нибудь у него еще будет мальчик. Пусть даже не от Патрисии, а от любой другой женщины. Одно из таких стихотворений-песен Дин написал буквально накануне своей поездки в Стокгольм и посвятил все той же теме – борьбе за мир. Песня называлась «Чтобы ты знал», которая в советской интерпретации была названа иначе – «Лозунг планеты».

Советская интерпретация появилась не случайно. Когда Дин приехал в Москву на пленум ВСМ, с ним встретилась его давняя знакомая – одна из сотрудниц Комитета советских женщин Екатерина Шевелева, с которой он познакомился еще пять лет назад, во время пребывания на Всемирном конгрессе мира в Хельсинки. В этот приезд в Москву Дина Шевелева поинтересовалась у него, что нового он написал, и когда он назвал сразу несколько произведений, предложила опубликовать их в советской печати. Причем перевод взялась осуществить сама. Дин с удовольствием согласился и передал Шевелевой несколько своих стихотворений. Одно из них, «Чтобы ты знал», приглянулось редакции популярного в Советском Союзе журнала «Огонек». Это издание Дин посетил в самом начале своего визита в Москву и, когда его попросили спеть несколько песен, начал

именно с песни на эти стихи. В результате уже спустя две недели номер журнала с песней ушел в печать.

Лозунг планеты —
Сердца стук.
Рокот мотора,
Поэта мира,
Запад, Восток,
Север и Юг
Требуют мира,
Требуют мира…
Ветры свободы —
Противники смерти:
Бомбы и доллар —
Не символы века.
Ветры Свободы сильны.
Битва идет
за права человека,
Битва за мир – против войны.

Между тем сессия Президиума Всемирного совета мира открылась **2 апреля** в столичном Доме союзов. Дин встретил на ней многих людей, с которыми давно не виделся: председателя Советского комитета защиты мира Николая Тихонова, восточногерманского идеолога Альберта Нордена, руководителя монгольского совета мира Сондома, с которым Дин близко познакомился во время своей двухгодичной давности поездки в Монголию. Еще Дин хотел увидеть своего аргентинского друга Альфредо Варелу, но тот в Москву не приехал, однако передал привет Дину через своего коллегу по Аргентинскому совету мира Каселье.

Открылась сессия с выступления советского писателя и председателя Верховного Совета Украины Александра Корнейчука, который зачитал делегатам приветственное послание от руководителей советского государства (Брежнева в те дни в Москве не было – он находился в Будапеште на праздновании 25-летия с момента освобождения Венгрии от фашизма). Затем выступили Николай Тихонов, который зачитал доклад «В. И. Ленин и борьба советского народа за мир», и глава ВСМ Ромеш Чандра, который прочитал доклад на близкую тему – «В. И. Ленин и всемирное движение за мир». Потом был объявлен перерыв, а после него начались выступления зарубежных делегатов: министра иностранных дел Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам

Нгуен Тхи Биня, Альберта Нордена и др.

Дин слушал доклады без должного внимания, поскольку все его мысли были о другом: о предстоящих ему в Москве делах и встрече с Юрием Купцовым. Последний сам нашел его, позвонив в гостиничный номер «Украины». Разговор был коротким, но лаконичным: Юрий сообщил Дину, что находится сейчас в Ленинграде, но через день вернется в Москву и они обязательно встретятся дома у Юрия.

– Вечером, после сессии, сиди в своем номере и никуда не уходи: я пришлю за тобой машину, – сказал Юрий и повесил трубку.

Во второй день работы сессии Дин высидел только первую половину заседания, после чего уехал на фирму «Мелодия», чтобы подписать контракты на выпуск сразу нескольких своих пластинок в Советском Союзе. После первого долгоиграющего диска-гиганта, появившегося в Советском Союзе в **начале 1967 года**, «Мелодия» хранила молчание, что выглядело странно: диск был принят публикой на ура и пришлось даже допечатывать новый тираж, а также выпускать еще и гибкий миньон с четырьмя песнями из него. Однако это молчание объяснялось отнюдь не просчетом руководства «Мелодии», а скорее политическими мотивами: после чехословацких событий многие зарубежные звезды, которые некогда ходили в друзьях Советского Союза, изменили свое отношение к нему и превратились во врагов. Поэтому их дальнейшая популяризация в СССР была прекращена. Например, знаменитый французский певец Ив Монтан, который долгие годы считался искренним другом советских людей (Марк Бернес даже пел песню об этом – «Когда поет наш друг Монтан»), после августа 68-го превратился в ярого антикоммуниста и в **1970 году** снялся в главной роли в антисоветском фильме испанца Коста Гавраса «Признание», который был экранизацией книги чехословацкого коммуниста Артура Лондона (речь в книге шла о репрессиях в Чехословакии в начале 50-х).

Дин Рид ничего подобного поступкам Монтана не совершал, однако он был американцем, и в Москве поначалу опасались, что рано или поздно он тоже может совершить нечто неблаговидное по отношению к СССР. Тем более в КГБ имелась информация, что Дин может работать на американские спецслужбы. Однако последующее поведение Дина постепенно убедило Москву, что он вряд ли может перейти в стан антисоветчиков. Об этом говорило многое: и участие Дина в антивоенных митингах, и его новые песни антиимпериалистической направленности, и интервью в газетах. Поэтому к моменту приезда Дина в Москву в **апреле 1970 года** «Мелодии» было спущено указание из Идеологического

отдела ЦК КПСС начать широкую популяризацию песенного творчества Дина Рида.

Кстати, такое указание было дано не только «Мелодии», но и многим средствам массовой информации Советского Союза (история с тем же «Огоньком» из этого ряда). По идее советских идеологов, Дин Рид мог стать идеальной фигурой для политической пропаганды: мало того, что он был внешне привлекателен, он к тому же был прекрасным эстрадным певцом, творчество которого могло иметь успех у миллионов людей, в том числе и молодежи. По этим параметрам Дин Рид в глазах идеологов котировался гораздо выше, чем его предшественники Поль Робсон и Пит Сигер (последний приезжал в Советский Союз на гастроли в начале 60-х, но больше с тех пор такого желания не изъявлял).

На «Мелодии» Дин пробыл больше часа и узнал, что фирма грамзаписи собирается издать в Советском Союзе сразу несколько его пластинок, в том числе и второй «лонг-плэй» – диск-гигант. В него должны были войти 16 песен, в разное время выходивших на его пластинках в Латинской Америке и Европе. Диск готовился к печати в **мае** этого года, а песни были следующие: «Наш летний романс» (первый шлягер Дина Рида, с которого и началась его слава как певца), «Свободная мелодия», «Стрелок» (обе – Гофман), «Руки моей любимой» (Дин Рид), «Не задавай вопросов» (Пагано), «Аннабель» (Дэвис – Мор), «Счастливое старое солнце» (американская народная песня), «Ножницы» (Бэкон – Келлер), «Свобода», «Долина радуги» (обе – Дин Рид), «Колибри» (Д. Робертсон), «Неудивительно» (Кальманов – Шредер), «Расплата за поцелуй» (Д. Мастерс), «Белла, чао» (итальянская народная песня), «То, что я видел» (Дин Рид), «Ты не со мной» (Джонс). Параллельно с выходом диска-гиганта свет должен был увидеть миньон с четырьмя песнями с этого «лонг-плэя»: «Белла, чао», «Свобода», «Долина радуги» и «Ножницы».

Еще одна пластинка-миньон планировалась к печати в **августе**, и в нее должны были войти четыре песни на испанском языке: «Песня из фильма „Буккаро“ (Дин Рид), „Музыка кончается“ (Бинди), „Я ищу себя“ (Пагано – Бардотти), „Я закрываю глаза“ (А. Салерно – Г. Моро).

В **сентябре** планировалось издать еще один миньон с четырьмя песнями, но уже на английском языке: «Ножницы» (Бэкон – Келлер), «Счастливая девушка» (Элвис Пресли), «Ты увидишь» (Р. Беннет), «Когда ты рядом» (Дин Рид).

Когда Дин узнал об этих планах «Мелодии», он был по-настоящему счастлив. До этого в нескольких странах уже успело выйти больше десятка его пластинок, однако такого мощного

прорыва – «лонг-плэй» и три миньона одновременно! – ни в одной стране еще не было. Дин понял, что в Советском Союзе он вполне может стать одним из самых раскручиваемых зарубежных исполнителей. А среди американцев – и вовсе единственным. Поэтому, когда вечером того же дня он встретился с Юрием Купцовым у него на квартире на Кутузовском проспекте, то первым делом не преминул похвалиться перед ним этим фактом. На что Юрий заметил:

– По мысли моих коллег из Идеологического отдела ЦК КПСС, тебе предстоит стать некой заменой «Битлз».

– Так они же распались, – сообщил Дин новость, которую на тот момент знали уже все в мире: именно в том **апреле** Пол Маккартни окончательно объявил о распаде «ливерпульской четверки».

– Они действительно распались, но их творчество будет жить вечно, – философски изрек Юрий. – На протяжении почти десяти лет, пока они существовали, в Советском Союзе не вышло ни одной их пластинки, но люди слушали их на магнитофонах и будут слушать дальше. Как и Элвиса Пресли, Джонни Холлидея и так далее.

– И мне ты отводишь роль некой альтернативы этим исполнителям?

– Не я, а мои коллеги со Старой площади. Впрочем, я с ними солидарен. Ситуция сложилась такая, что наша молодежь все сильнее тяготеет к классическому рок-н-роллу. На Западе об этом знают, как знают и то, что за последние несколько лет наша промышленность стала выпускать еще больше новых магнитофонов и проигрывателей. Поэтому на Западе делают все возможное, чтобы увеличить приток сюда своих пластинок с записями рок-исполнителей. И хотя наша таможня на границе борется с ними, однако перекрыть все каналы нам не удается. Поэтому мы ищем все возможные пути, чтобы переиграть наших противников на этом поле.

– И я один из ваших козырей?

– Что-то в этом роде.

– Спасибо за доверие, но я не услышал в твоем голосе оптимизма, – заметил Дин.

– Потому что все наши козыри противник до недавнего времени успешно бил. Ситуация такая, что чем больше мы что-то запрещаем, тем сильнее это нравится молодежи.

– В таком случае, может быть, надо изменить тактику: запрещать не все подряд, а выборочно? – предложил Дин. – Например, я не понимаю вашего запрета на творчество «Битлз».

– Это потому, что ты иностранец, – усмехнулся Юрий. –

«Битлз» мне самому нравятся, но есть вещи, которые выше личных симпатий – идеология. Так вот, согласно ей, «Битлз» – типичное порождение западного шоу-бизнеса, насквозь пропитанного только одним желанием – жаждой наживы. И та «битломания», которая началась на Западе, для нас была очень удобным поводом уличить этот самый шоу-бизнес в его торгашеской сущности. Теперь понятно?

– Понятно, но ведь это было в самом начале их пути. Потом «Битлз» из заурядной группы превратились в гениальную. Они даже прекратили концертную деятельность, поскольку были против этой самой «битломании».

– Согласен, но здесь в дело вмешались уже другие факторы. Ты здорово удивишься, если узнаешь, что в **1968 году** у нас всерьез рассматривался вопрос о приезде «Битлз» в Советский Союз. Их импресарио Вик Льюис в июле приезжал в Москву, чтобы договориться об этих гастролях. Но через месяц грянули события в Чехословакии и все сорвалось, поскольку участники «Битлз» осудили ввод наших войск в эту страну. Их песня «Революция» даже стала гимном чехословацкой оппозиции. Не учитывать этого мы не могли. Вот ты, например, не осудил ввод наших войск, а они осудили.

– Но с тех пор прошло почти два года, и участники «Битлз» уже не вспоминают о чехословацких событиях, – напомнил другу Дин.

– Это верно, поэтому я не исключаю вероятности того, что пластинки «Битлз» в нашей стране появятся уже в скором времени (это произойдет весной **1974 года**. – *Ф. Р.*). Мы, кажется, поняли, что лучше пусть будут «Битлз», чем кто-то другой – более агрессивный и аморальный. Ведь западные спецслужбы не оставляют, а, наоборот, активизируют свои попытки протащить к нам пластинки и записи самых одиозных своих рок-исполнителей. И как мы ни бьемся, чтобы перекрыть каналы их проникновения к нам, как ни пытаемся сориентировать молодежь на отечественных исполнителей, все впустую.

– Неужели все? – удивился Дин.

– Ну, какие-то наши контрмеры имеют успех и удерживают часть молодежи от низкопоклонства перед Западом. Еще в конце 60-х, в пору борьбы с «Битлз», у нас в ЦК ВЛКСМ созрела идея противопоставить западным рок-кумирам свои доморощенные ансамбли – вокально-инструментальные. Идея вроде прижилась, и поэтому на самом верху решено объявить это движение массовым. Но предсказать, как оно будет развиваться в дальнейшем, я не берусь. Слишком много факторов играет на руку нашим противникам, и главный из них: запретный плод

всегда сладок. Мы в настоящем цейтноте, говоря шахматным языком: вроде и разрешить надо, чтобы плод обесценить, и в то же время нельзя этого делать, поскольку это подрывает нашу идеологию.

Закончив свой монолог на этой грустной ноте, Юрий одним залпом осушил рюмку с водкой и, подцепив вилкой маринованный гриб с тарелки, отправил его в рот. Дин не стал следовать примеру друга и со своей рюмкой расправился более аккуратно – в несколько глотков. После чего встал из-за стола и подошел к окну, выходящему на Кутузовский проспект.

– Место, где ты живешь, считается престижным? – после короткой паузы вновь нарушил тишину Дин.

– Угадал, – улыбнулся в ответ Юрий. – Всего через несколько домов от нас живут Брежнев и Андропов. Отцу дали эту квартиру пару лет назад, а я вернулся сюда год назад, когда развелся.

– Развод был твоей инициативой?

– Обоюдной. А почему ты это спрашиваешь? – поинтересовался Юрий.

– Дело в том, что наши отношения с Патрисией тоже на грани развала, – честно признался Дин. – Только у нас, в отличие от вас, есть ребенок.

– И это вас удерживает от решительного шага?

– В какой-то мере.

– Ну и зря. Если ваша дочь будет наблюдать за вашими скандалами, она рискует повторить то же самое в будущем.

Дин не стал спорить с этим доводом, поскольку полностью его разделял. Вернувшись к столу, он взял с тарелки бутерброд с черной икрой и, прежде чем отправить его в рот, сказал:

– Однако ты, Юрий, хорошо живешь на родительском попечении.

– Ничего, скоро я буду жить один: мне обещают выделить отдельную квартиру.

– Но обеспечение и там будет таким же? – улыбнулся Дин.

– Понимаю, куда ты клонишь, – по губам Юрия пробежала легкая усмешка. – Да, привилегии вещь заразная: если пристанут, то не отвяжешься.

– Значит, теперь ты мыслишь иначе, чем тогда, в Тбилиси?

– Мыслю я так же, но жить приходится иначе, – ответил Юрий. – С тех пор, как мы с тобой последний раз виделись, много воды утекло. И многое изменилось. Вон тот же Шелепин хотел бороться с привилегиями – и где он теперь? Перебирает бумажки в профсоюзах. Где его друг Семичастный? Отправлен подальше из Москвы, на Украину. Вот и думай после этого, стоит ли игра свеч. У нас в таких случаях говорят: не надо лить воду против ветра.

Услышав последнюю фразу, Дин рассмеялся. А Юрий, даже не обратив на это внимания, продолжил:

– Многие считали, что Брежнев слабак, а он вон как повернул: всех под себя подмял. Причем не только здесь: он даже чехов приструнил. Теперь вот за либералов взялся: два месяца назад Твардовского снял с поста главного редактора журнала «Новый мир». А этот журнал был главным рупором наших прозападных либералов. Кстати, надеюсь, ты к ним не относишься?

Дин не успел ничего ответить, поскольку в этот миг в комнату вошел пожилой статный мужчина в элегантном темном костюме. Взглянув на него, Дин мысленно сравнил его с лондонским денди – столь импозантно он выглядел. Поскольку в его лице явственно проступали черты лица Юрия, Дин сразу догадался, что это его отец, Петр Сергеевич. Поднявшись со своего места, Дин протянул руку для приветствия. После того как они пожали друг другу руки, Купцов-старший сказал на чистейшем английском:

– Сразу чувствуется рука спортсмена. А вот мой отпрыск даже зарядку по утрам не делает. А вы, Дин, этим делом явно не пренебрегаете?

– Зарядку я делаю ежедневно с девятнадцати лет, – ответил Дин, после чего пояснил: – Это помогает мне в моей актерской работе.

– Это помогает не только в актерской работе, но и вообще в жизни, – добавил Петр Сергеевич. – Я с детства слежу за своим здоровьем и, как видите, нормально выгляжу в свои шестьдесят с небольшим. На наш шестой этаж поднимаюсь без лифта. И в МИДе им не пользуюсь. А наш Юрий в свои тридцать уже имеет одышку и брюхо, как у любителя пива. Я уж и не знаю, как с ним бороться.

– А не надо со мной бороться, отец, – подал голос Юрий. – Надо просто смириться.

– Вы согласны с моим сыном? – спросил у Дина Купцов-старший.

– Я не могу вам что-то советовать, поскольку я тоже многие советы отца игнорировал, – ответил Дин.

– Ну, допустим, у вас были на это несколько иные причины, – выказал свою осведомленность Петр Сергеевич. – Хотя в одном я соглашусь: дети, особенно сыновья, часто идут наперекор своим родителям. И в этом, видимо, есть своя сермяжная правда.

– Что и следовало доказать, – радостно возвестил окончание спора Юрий и опрокинул в себя очередную стопку водки.

Как ни странно, но отец не поддержал порыва своего сына и

вместо спиртного налил себе в бокал клюквенного морса из графина. Сделав несколько глотков, он поставил бокал рядом с собой и вновь обратил свой взор на Дина.

– Честно признаюсь вам, Дин, я давно мечтал с вами познакомиться, – сказал Купцов-старший. – Вы один из немногих американцев, который, кажется, искренне верит в наши идеалы.

– Почему кажется? – спросил Дин.

– Потому что определенные сомнения на этот счет все равно остаются, – улыбнулся Купцов-старший. – И вы, Дин, это прекрасно знаете.

По тому, как улыбнулся Петр Сергеевич, Дин понял, что тот говорит без всякой задней мысли – честно и откровенно. Поэтому никакой обиды эти слова у него не вызвали. И та симпатия, которая возникла у Дина к этому человеку с первых же секунд его появления, у него не только сохранилась, но даже стала еще крепче. Поэтому Дин решил быть с этим человеком столь же откровенным.

– Я прекрасно понимаю, что многими людьми мои поступки воспринимаются как конъюнктурные, – сказал Дин. – Дескать, этот американец продался русским, чтобы сделать себе у них карьеру. Но дело в том, что карьеру себе я уже сделал: во многих странах меня знают как популярного певца и киноактера. Так что эти обвинения абсурдны и я на них внимания не обращаю.

– И слава богу, что не обращаете, – поддержал Дина его собеседник. – Но вы должны быть готовым к тому, что такие разговоры всегда будут преследовать вас во время каждого визита в нашу страну. И наша либеральная интеллигенция никогда не простит вам ваших высказываний в защиту социализма.

Последняя фраза настолько поразила Дина, что он с удивлением воззрился на своего собеседника, не в силах вымолвить хотя бы слово.

– Что, удивлены? – По губам Петра Сергеевича пробежала усмешка. – Я имею в виду нашу прозападную либеральную интеллигенцию, о которой только что упоминал мой сын. Она всю жизнь кормится с руки власти, но в душе люто ее ненавидит. И при первом же удобном случае продастся господам капиталистам, что называется, с потрохами. Поэтому для нее такие, как вы – хуже самых рьяных коммунистов. Ведь вы коренной американец и своим личным примером опровергаете главный аргумент наших либералов – что на Западе жизнь как в раю. Теперь уяснили?

– Теперь уяснил, – кивнул Дин.

– Вот и отлично. Кстати, в Италии, где вы теперь обитаете, у вас тоже не так много сторонников?

– Вы и это знаете? – удивился Дин.

– Мне положено это знать: я все-таки работаю в Министерстве иностранных дел. И прекрасно информирован о том, что подавляющая часть итальянских коммунистов близка по своим настроениям нашим либералам. Дураки, они думают, что, критикуя нашу политику, они делают благо коммунистическому движению.

– А вы как считаете? – поинтересовался Дин.

Петр Сергеевич ответил не сразу. Сначала он отпил из своего бокала очередную порцию клюквенного морса, а потом бросил взгляд на своего сына, который, после нескольких рюмок водки, выпитых им без закуски, теперь клевал носом, сидя на стуле. И только после этого Купцов-старший ответил:

– Это типичная ересь. Ее, по идее, надо выжигать каленым железом, как это в свое время делала инквизиция. Но этого, к сожалению, не будет. Поэтому ересь эта будет только шириться и в итоге приведет к необратимым последствиям.

– Например? – спросил Дин.

– Например, к слиянию западноевропейских коммунистов с либеральной буржуазией, к депролетаризации рабочего класса. Кстати, начался этот процесс именно в Италии. Еще девять лет назад так называемый «красный поп» – папа Иоанн 23-й – выступил с энцикликой «Матер эт Магистра», где была провозглашена концепция, дающая рабочим шанс стать частными собственниками. И эта программа благополучно осуществляется, что помогло христианским демократам на выборах 68-го года собрать почти половину голосов среди средних слоев населения и более трети голосов рабочего класса. Коммунисты теперь в растерянности, и эта растерянность только ширится. А они еще задумали дискутировать с нами по идеологическим вопросам. Да не время сейчас для дискуссий!

Последнюю фразу Петр Сергеевич произнес так громко, что дремавший на стуле Юрий внезапно проснулся и разочарованно произнес:

– Кто про что, а вы все про политику. Ты бы, отец, лучше поздравил Дина: он сегодня подписал договор с «Мелодией» на предмет выхода у нас сразу нескольких его пластинок.

Услышав эту новость, Купцов-старший с радостью протянул гостю свою ладонь для крепкого рукопожатия. И с этого момента разговор плавно перешел от политики к искусству.

– По всему выходит, что теперь ваше творчество будет востребовано и у нас, – не скрывая своего удовлетворения, произнес Петр Сергеевич. – Но это только песни. А как же насчет ваших кинофильмов?

– Увы, но эта продукция вряд ли до вас когда-нибудь дойдет, – развел руками Дин. – Уж слишком она коммерческая.

– Странно, что вас, приверженца левых идей, не приглашают в свои фильмы прогрессивные режиссеры, – удивился Петр Сергеевич.

– А для меня как раз здесь все понятно. Я ведь «левак» с уклоном в сторону вашей страны, а это в Италии не слишком приветствуется.

– Я думаю, что после августа 68-го это не приветствуется нигде на Западе, – заметил Петр Сергеевич. – И ваш удел отныне стричь купоны со своей популярности только в странах Восточного блока. Вас это не огорчает?

– Нисколько, – голосом, полным твердости, ответил Дин. – Я достаточно насмотрелся на западный шоу-бизнес и прекрасно знаю, что это такое. Погоня исключительно за наживой всегда привлекала меня меньше всего.

– Так уж и всегда? – позволил себе усомниться в словах собеседника Купцов-старший.

– Ну, разве что в самом начале, когда я делал первые шаги как певец, – улыбнулся Дин. – Я тогда был молодым и неопытным. Кстати, так было и с другими исполнителями, гораздо более известными, чем я. Например, с теми же «Битлз». Их хватило всего на восемь лет, причем гастрольную деятельность в статусе звезд они вели и того меньше – всего четыре года. И распались главным образом по причине своего нежелания быть куклами в этом балагане под названием шоу-бизнес.

– Распад «Битлз» символизирует закат романтической эпохи 60-х, поскольку на смену этому времени идет другое – более прагматичное и циничное, – внес свою ремарку в рассуждения Дина его собеседник. – После молодежных бунтов конца 60-х тамошние идеологи поняли, что если не найти контраргументов против этого поколения бунтовщиков, то западное общество ждут серьезные испытания. И такой выход был найден: вчерашних бунтовщиков скупили на корню. В итоге у них теперь два пути: либо превратиться в преуспевающих буржуа, либо сгореть в наркотическом угаре.

– Но есть ведь и такие, кто не продался: тот же Джон Леннон, – сделал попытку возразить Дин. – Кажется, он искренне участвует в движении сторонников мира.

– Леннон великий музыкант, но в политику ему соваться не стоит, – по губам Купцова-старшего пробежала легкая усмешка. – Мне кажется, что многие его политические декларации – это всего лишь плод его эпатажа. Взять хотя бы их недельное лежание

с Йоко Оно в амстердамском отеле «Хилтон» в марте прошлого года. Весь мир тогда потешался над ними как над клоунами, над двумя богатыми буржуа, которые столь экстравагантным образом привлекают к себе внимание. Ведь даже номер в гостинице эти борцы за мир сняли самый дорогой. Таково было желание Оно, которая, кстати, и придумала всю эту комедию. А Леннон все послушно выполнил. Он вообще человек слишком внушаемый. Вот я и думаю, что сегодня он находится под чарами своей супруги-японки, а завтра очаруется кем-то другим. Я не вижу в нем основательности, он слишком холеричен. Вот вы, Дин, другой: в вас я вижу человека серьезного, неэпатажного. Вы из тех, кто сначала думает, а потом делает. Поэтому в политике вы можете достичь гораздо большего, чем в искусстве.

– И вы так думаете? – удивился Дин.

– А что, вам это уже кто-то говорил?

– Да, было дело, – кивнул Дин, вспомнив свой давний разговор с Генрихом Вайсом. – Однако, возвращаясь к Леннону, скажу, что даже несмотря на всю экстравагантность его поступков, служат они благому делу. Ведь это он жертвует десятки тысяч долларов на разные мероприятия в поддержку движения за мир и на благотворительность. И в этом мы с ним очень похожи.

Их спор мог продолжаться до бесконечности, если бы спорщики не обратили внимание на то, что третий участник разговора вновь заснул. Уронив голову на грудь, а руки сложив на животе, Юрий провалился в сон, глубину которого вскоре стал выдавать мощный храп. Поэтому Дину и Купцову-старшему не оставалось ничего иного, как прервать свой разговор и позаботиться о спящем, который мог в любой момент свалиться со стула. В итоге спустя минуту Юрий уже лежал на диване в соседней комнате, а Купцов-старший с грустью заметил:

– Как ни горько это признавать, но пристрастие Юрия к алкоголю становится все сильнее. И я очень рад, Дин, что вам эта пагубная страсть неведома.

Дин не нашел, что ответить на эти слова, поэтому счел за лучшее промолчать. После чего быстро распрощался с хозяином квартиры и отправился к себе в гостиницу.

Вернувшись из Москвы в Рим, Дин вскоре включился в работу над очередным фильмом: четвертым в его послужном списке «спагетти-вестерном» под названием «Прощай, Сабата» («Черный Индио») режиссера Жанфранко Паролини (псевдоним – Фрэнк Крэмер). Это было продолжение фильма «Сабата», который вышел год назад стараниями того же режиссера. Поскольку фильм имел

успех, Паролини решил снять продолжение, но уже с другими актерами (исключение – Игнацио Спалла, который сыграет во всех частях этой трилогии). Во второй части главную роль исполнял знаменитый актер Юл Бриннер, прославившийся ролью Криса в вестерне «Великолепная семерка» (1960): в «Прощай, Сабата» он играл похожего героя – одинокого стрелка Сабату, или Черного Индио, который принимает участие в мексиканской революции, не забывая заодно отхватить для себя кругленькую сумму в золоте. Дину Риду досталась роль напарника Сабаты – пианиста и художника Баллантайна. Роль была второплановая, да еще и не слишком положительная – в конце фильма герой Дина оказывался прохвостом и пытался присвоить себе все золото, но в итоге терпел неудачу.

Судя по всему, еще на стадии прочтения сценария Дину было понятно, что лента не тянет на шедевр. Это было типичное коммерческое кино из разряда второсортных, с банальными диалогами и непрерывной пальбой, с помощью которой режиссер хотел прикрыть убогость сюжета. Однако Дин все равно дал согласие в нем сниматься. Причин было несколько. Во-первых, других ролей ему никто не предлагал, а жизнь в Риме была дорогая – деньги нужны были всегда. Во-вторых, Дин хотел встретиться в работе со знаменитым Юлом Бриннером. И хотя тот за последние годы скатился во второсортные звезды (тоже из-за денег соглашался сниматься в разного рода коммерческих фильмах), однако своего прежнего лоска этот актер еще не утратил. И публика, несмотря на череду провальных картин с его участием, продолжала «клевать» на это имя. К тому же Дину Бриннер был интересен как человек, поскольку они во многом были похожи. Нет, Бриннер не увлекался, как Дин, политикой, однако в Америке тоже считался изгоем, поскольку несколько лет назад отказался от гражданства США и стал гражданином Швейцарии (там были меньше налоги).

Между тем в эту картину Дин мог и не попасть. А виной всему была его политическая активность: тут были и события «жаркой осени» 69-го, и последняя его поездка в Москву. После того инцидента у посольства США американский посол телеграфировал на родину о том, что Дин Рид опять позорит свою страну, выступая против ее правительства. Эта информация дошла до боссов кинокомпании «Юнайтед артистс», усилиями которой должен был появиться на свет и фильм «Прощай, Сабата». Когда боссы узнали, что Паролини собирается пригласить на одну из главных ролей Дина Рида, они отправили в Рим телекс с просьбой подыскать другого актера. Но Паролини и продюсер фильма Альберто Гримальди, что называется, уперлись:

вся фишка их будущего фильма как раз и состояла в том, чтобы соединить в одном тандеме Юла Бриннера и Дина Рида, который в Италии был очень популярен. Однако боссы «Юнайтед» тоже не собирались сдаваться и требовали выполнения своей просьбы, грозя режиссеру и кинокомпании штрафными санкциями. Тогда Гримальди пошел на хитрость. Он пригласил к себе Дина и, объяснив ему ситуацию, сделал предложение: актер в течение трех съемочных месяцев обязуется не выступать с публичными политическими заявлениями, а он добивается у боссов «Юнайтед артистс» утверждения его на роль. Дин подумал и согласился: уж больно ему хотелось сыграть в паре с самим Юлом Бриннером. Это условие даже включили отдельным пунктом в контракт Дина, чего с ним до этого еще ни разу не происходило.

Съемки фильма проходили в Испании и оставили у Дина двоякое впечатление. С одной стороны, он мог вполне быть доволен результатом (герой, сыгранный им, оказался наиболее интересным из всех представленных в фильме), с другой – теплых отношений с Юлом Бриннером не получилось. Тот оказался человеком достаточно малоконтактным, да к тому же еще исповедовал антикоммунистические взгляды. И, едва произошла их первая с встреча с Дином, не преминул подчеркнуть последнее, заявив следующее:

– Я, конечно, уважаю перебежчиков, но только тех, кто бежит на нашу сторону, а не на ту.

Позднее Дин узнал, кого имел в виду Бриннер: Рудольфа Нуреева (Бриннер одно время даже собирался фиктивно усыновить танцовщика, чтобы выправить ему паспорт) и Романа Поланского.

Закончив съемки, Дин вернулся в активную политику. И в начале **августа 1970 года** отправился в Чили, где назревала настоящая сенсация – приход к власти левых сил.

Все эти годы Дин внимательно следил за тем, что происходило в Латинской Америке, и в особенности в Чили. Он несколько раз ездил туда с гастролями, поскольку слава его, с тех пор как он впервые там появился, продолжала оставаться достаточно высокой. Дина в Латинской Америке называли «гринго» (друг), и публика всегда с большим энтузиазмом шла на его концерты, поскольку он с одинаковым успехом пел не только американские рок-н-роллы и песни в стиле кантри, но и латиноамериканские шлягеры: чилийские, аргентинские, кубинские и т. д.

После того как путь в Аргентину ему был заказан (там по-прежнему у власти находился генерал Онганиа), Дин чаще всего из всех латиноамериканских стран приезжал именно в Чили, где

у него было много друзей. В основном это были представители низших слоев населения – крестьяне, рабочие, но были среди них и политики: например, лидер социалистов Сальвадор Альенде, а также многие члены Коммунистической партии Чили. С последними Дин имел самую тесную связь и иногда выполнял их разовые поручения, являясь неким связующим звеном между чилийскими коммунистами и их западноевропейскими соратниками.

Между тем в стратегических планах США в Латинской Америке Чили занимала важное место. Поэтому к власти там в последние годы приходили люди, которые были удобны Вашингтону. Например, карьера президента страны того времени Эдуардо Фрея (**1964–1970**) резко пошла в гору с **1961 года**, когда он выступил в газете «Нью-Йорк таймс» с заявлением, что христианская демократия Чили (а Фрей был лидером ХДП с **1957 года**) «окончательно и открыто присоединяется к антикоммунизму, она не будет добиваться национализации всех горнорудных предприятий, а будет осуществлять в этой области лишь очень осторожные шаги, как, например, это было сделано в отношении нефти».

В итоге, когда три года спустя Фрей выставил свою кандидатуру на пост президента, именно его поддержал Белый дом, а также деловые круги некоторых европейских стран, которые тоже имели свои интересы в Чили. Чуть позже один американский журналист приоткрыл завесу секретности над президентской кампанией 64-го года. Он сообщил, что христианские демократы получали ежемесячно около 1 миллиона долларов из американских источников, а также от 18 до 20 миллионов долларов от христианских демократов ФРГ, Италии и Бельгии.

Однако по мере нахождения Фрея у власти отношение к нему Вашингтона менялось. В итоге, когда в **мае 1968 года** правительство Фрея поставило страну на грань экономического кризиса, американцы даже пытались подталкивать тамошних военных к перевороту. Но из этой затеи ничего не вышло. А в **сентябре** того же года американцы получили новый урок. В том месяце в Рио-де-Жанейро прошла 8-я Межамериканская военная конференция, на которой присутствовали военные делегации 18 латиноамериканских стран. Цель этого форума озвучил американский генерал Уильям Уэстморленд (он до этого возглавлял американские вооруженные силы во Вьетнаме), который заявил: «Никакая гражданская администрация в Латинской Америке неспособна с успехом бороться с коммунистической подрывной деятельностью. В то же время

долгом вооруженных сил является овладение положением и борьба с указанной угрозой».

На этой конференции было принято несколько резолюций. И только министр обороны Чили Серхио Кастильо Арангис оказался одним из немногих, кто нашел в себе силы проголосовать против некоторых из них (он, например, предложил заменить в документах слово «коммунизм» на «мятеж»). Таким образом США было в очередной раз указано, что чилийская армия не хочет быть марионеткой в их руках (как, например, армия аргентинская).

Между тем на рубеже 60-х ситуация в Чили становилось все более драматической. К концу десятилетия в стране стал нарастать экономический кризис, когда инфляция в стране достигла 35–40 % в год. В итоге требования более радикальных преобразований, выдвигавшиеся левыми партиями, стали встречать все большую поддержку, в том числе и среди самих христианских демократов. Численность руководимого коммунистами и социалистами Единого профцентра трудящихся (КУТ) превысила полмиллиона человек. И вот уже в **марте 1969 года** на парламентских выборах депутаты от ХДП потеряли 27 мест (было 82, стало 55), а коммунисты и социалисты увеличили число своих мандатов до 37.

К декабрю ситуация еще более «полевела»: левые силы объединились в блок Народное единство, в который вошли коммунистическая, социалистическая и обновленная радикальная партии, Движение единого народного действия и др. Эти силы всерьез рассчитывали осенью следующего года привести к власти своего кандидата. Случись это, и впервые в истории Латинской Америки президентом законным путем мог стать промарксистски настроенный кандидат. Имя его было известно – лидер социалистов Сальвадор Альенде, который не смог прийти к власти в **1964 году** во многом из-за сопротивления Вашингтона. Поскольку Дин хорошо знал этого человека и разделял его политические взгляды, он всей душой желал ему победы. А чтобы не остаться в стороне от политической борьбы, он решил ехать в Чили и сделать от себя все возможное, чтобы Альенде победил.

В президентской гонке Альенде противостояли еще два кандидата: кандидат от ХДП Радомиро Томич и кандидат от правых партий – Национальной и Демократической радикальной – Хорхе Алессандри, который уже был президентом страны в **1958–1964 годах**. Томич обещал своим избирателям довести до конца аграрную реформу, осуществить национализацию медной и других отраслей добывающей промышленности, «покончить с империализмом и неоколониализмом». Конечной целью его программы провозглашался социализм на основе системы

самоуправления с широким участием населения.

Главным лозунгом предвыборной программы Алессандри стало обещание установить в стране «законность и порядок» и наладить эффективную экономику.

Программа Альенде шла дальше всех: она предполагала национализацию иностранного (80 % чилийской экономики контролировали иностранные компании) и местного монополистического капитала, ликвидацию латифундизма, широкие социальные мероприятия в пользу трудящихся, вовлечение их в управление экономикой, меры в пользу мелких и средних предпринимателей, демократизацию государственного управления и армии, независимую внешнюю политику. Осуществление намеченных преобразований должно было подготовить условия для мирного перехода к социализму при соблюдении конституционных правовых норм и демократических свобод, идеологическом и политическом плюрализме с сохранением многопартийной системы, при существовании различных форм собственности (государственной, кооперативной и частной).

Дин прилетел в Сантьяго в самый разгар президентской гонки и с первых же дней с головой окунулся в предвыборную суету. Его гидами в этом деле были его друзья: Коко Маседа и известная чилийская актриса и бывший депутат от Коммунистической партии Чили Мария Милуэнда. Именно с ними Дин обсуждал все последние новости, планировал свои шаги по участию в президентской кампании. Как человек достаточно популярный в Чили, Дин рассчитывал своими призывами в пользу Альенде принести ему определенное количество голосов, в основном молодежи. Но в то же время Дин понимал, что одних призывов недостаточно.

На тот момент в президентской гонке сложилась шаткая ситуация: Альенде и Алессандри набирали примерно равное количество голосов, причем многие считали последнего наиболее реальным кандидатом на пост президента. Ведь Алессандри был не только сыном знаменитого политика первой половины века Артуро Алессандри, дважды бывшего президентом страны, но и сам успел поруководить страной несколько лет назад. И хотя его руководство нельзя было назвать чересчур успешным, однако и провальным оно не было. Но главное: Алессандри тоже ориентировался на США и в одном только **1964 году**, буквально накануне своего ухода с президентского поста, по указке Вашингтона разорвал дипломатические отношения с Кубой и разрешил открыть в Сантьяго региональное отделение ЦРУ. Поэтому в президентской гонке-70 симпатии Белого дома были

на его стороне, и это сильно сказывалось на предвыборной агитации: рекламная кампания Алессандри была одной из самых мощных.

Дин все это видел воочию либо на улицах, либо по телевидению (особенно усердствовал в пропаганде Алессандри 13-й канал Католического университета в Сантьяго, который контролировался смешанным обществом, представлявшим нью-йоркскую «Американ ородкастинг компани инкорпорейшн» и чилийскую компанию «Протел»). А еще Дин видел такое, чего еще ни разу до этого в своей жизни не видел: как политические симпатии разводят в разные стороны людей, причем даже самых близких. Не было дня, чтобы его чилийские друзья не рассказывали ему о том, как в соседнем доме распалась семья (муж был за Альенде, а жена – за Алессандри), а в соседнем квартале брат отрекся от брата (по все той же причине поддержки разных кандидатов).

За Альенде и его Народное единство выступали в основном рабочие, крестьяне и молодежь. Поскольку достаточных средств на предвыборную агитацию у этой категории населения не было, было решено использовать все доступные методы. На свет появились тысячи местных комитетов, так называемых КУТов, которые были созданы при всех заводах, школах, институтах, больницах. Например, в известном районе бедняков Ла-Фаэна было создано 38 КУТов. Эти КУТы начали вести свою предвыборную агитацию, используя… настенную живопись. Тысячи подростков и молодых людей по ночам выходили на улицы чилийских городов и с помощью обыкновенной масляной краски рисовали лозунги в поддержку Альенде. Эти бригады художников получили название БРП (Бригады Рамоны Парры – отважной чилийки, которая погибла от рук карабинеров в 1946 году).

В одну из таких августовских ночей с бригадой БРП вышел на улицы Сантьяго и Дин. На стареньком грузовичке он в компании трех молодых студентов и двух подростков, облачившись в замызганную брезентовую спецовку и надев на голову защитный шлем, отправился рисовать лозунги в поддержку Альенде. Поскольку в этой бригаде он был новичком, наставлять его вызвался самый проворный член группы – 15-летний сын рабочего текстильной фабрики Алехандро Варгас. Юркий чернявый паренек держал себя с популярным певцом удивительно независимо, чем сразу понравился Дину. Когда они забрались в кузов грузовика и машина тронулась в ночь, Алехандро сказал Дину:

– Ты, гринго, не суетись. Сначала побудешь «лоро» –

постоишь на страже, пока мы будем рисовать на стене. Если заметишь что-то подозрительное, свисти. Свистеть-то, надеюсь, умеешь?

Дин в ответ засмеялся: такой забавной показалась ему ситуация, когда его, 32-летнего взрослого мужчину, учит уму-разуму безусый юнец. Однако Алехандро на смех этот никак не отреагировал и, отвернувшись от Дина, больше к нему не обращался.

Спустя несколько минут грузовик сделал первую остановку в одном из переулков. Водитель заглушил мотор, но из кабины не вышел, поскольку в любую секунду должен был в случае сигнала тревоги вновь сорвать свой грузовик с места. Все сидевшие в кузове люди спрыгнули на землю и, сжимая в руках кисти и ведра с краской, бросились в ближайший двор. Дин бежал вместе со всеми, однако на углу Алехандро его остановил и приказал остаться здесь. А сам вместе с другими товарищами побежал к стене соседнего дома.

То, что произошло дальше, поразило Дина. Алехандро, который считался в бригаде лучшим художником, в течение нескольких минут нарисовал на стене очертания лозунга в поддержку блока Народное единство и его кандидата, а его напарники споро закрасили этот лозунг. Поскольку у каждого из ребят был свой участок рисунка и вся техника закрашивания была уже давно ими отработана, эта операция заняла всего несколько минут. Затем вся бригада рванула обратно к грузовику. Так стена за стеной «бригадисты» разукрасили с десяток домов.

Примерно на половине пути произошел любопытный эпизод. Когда «бригадисты» вошли в один из дворов, они увидели, что стена дома уже разукрашена: на ней свежей краской сиял лозунг в поддержку соперника Альенде Алессандри. Дин, который еще не успел отойти на свою позицию к углу здания, поинтересовался происхождением этого плаката. На что Алехандро буркнул:

– А ты, гринго, думаешь, что мы одни такие умные? У Алессандри тоже есть свои рисовальщики. Ну, ничего, их картинке недолго здесь красоваться.

Сказав это, Алехандро подал сигнал своим товарищам, и они, вооружившись валиками, довольно быстро закрасили краской лозунг противников. И рядом так же споро нарисовали свой. Дин понял, что эта борьба художников из разных предвыборных блоков ведется таким образом по всему городу, а то и стране. Однако накал этой борьбы Дин сумел ощутить спустя примерно час на собственной шкуре.

Работа «бригадистов» приближалась к концу, и им оставалось расписать всего одну стену. Дин, как обычно, стоял на страже,

однако явно утратил бдительность, усыпленный тем, что до этого все проходило гладко. В тот момент, когда он прислонился к стене и прикрыл от усталости глаза, ему на голову обрушился удар. Он был настолько сильным, что Дина буквально отбросило в сторону. И если бы на его голове не было защитного шлема, то Дин имел все шансы вообще никогда не очнуться. А тут он сумел привстать на четвереньки и отползти в сторону. По ходу дела он услышал, как за его спиной раздался топот множества ног и послышались глухие удары, сопровождаемые громкими криками. Затем Дин почувствовал, как кто-то подхватил его под локти и поволок к грузовику, который вынырнул из-за угла.

Все, что было дальше, Дин запомнил как один короткий эпизод из какого-то боевика, в которых ему неоднократно приходилось сниматься. Грузовик тормознул у тротуара, и руки, которые волокли Дина, приподняли его над землей и перекинули через бортик. Затем в кузов запрыгнули «бригадисты», и грузовик, взвизгнув шинами, лихо развернулся и сорвался прочь от места неожиданного побоища.

Как выяснилось позже, на «бригадистов» напали сторонники Алессандри, которые приехали на это же место, чтобы оставить на стене свою «роспись». В том, что они объявились внезапно, повинен был Дин, который, будучи «лоро», должен был ни на секунду не терять бдительности и глядеть во все глаза по сторонам. А он вместо этого позволил себе расслабиться. За что и получил удар бейсбольной битой по голове. Но ему повезло дважды: во-первых, на голове у него был защитный шлем, во-вторых – его товарищи уже успели разрисовать стену и возвращались обратно в тот самый момент, когда нападавшие собирались сделать из Дина отбивную котлету. Так что Дин легко отделался: всего лишь легким сотрясением мозга и ссадинами на руках, полученными им во время падения на асфальт.

После этого случая Дин сутки провалялся в постели. Однако даже тогда он времени зря не терял: думал над тем, чем еще он мог быть полезен своим чилийским товарищам. Именно тогда ему и пришла в голову идея, которая прославит его на весь мир: выстирать американский флаг у ворот американского посольства. Но прежде чем это произойдет, Дин успеет побывать на 2-м фестивале новой чилийской песни. Практически все исполнители выражали поддержку Альенде, а тех, кто заявлял о своей приверженности Алессандри, зрители просто освистывали. Именно тогда Дин впервые услышал новую песню, которая вскоре заняла достойное место в его репертуаре. Это была песня «Венсеремос» («Мы победим»), музыку которой написал Серхио Ортега, а слова – будущий друг Дина поэт Виктор Хара.

Между тем свою знаменитую акцию с американским флагом Дин наметил на **28 августа**. Своей идеей он поделился с Коко Маседой и еще несколькими чилийскими товарищами, которые полностью ее одобрили. Правда, кто-то из них высказал предположение, что это может быть опасно, но Дин ответил на это шуткой:

– Клянусь своей головой, что разрисовывать по ночам стены домов предвыборными лозунгами куда опаснее.

Все необходимые предметы для акции были найдены достаточно быстро, поскольку таковых было немного: американский флаг, пластмассовое ведро и флакон с жидким мылом. Друзья Дина позаботились, чтобы про акцию узнала пресса. И хотя эту информацию довели до журналистов из левых изданий и одного телеканала, но поставили их в известность примерно за полчаса до акции, чтобы избежать утечки информации. Поэтому к месту проведения акции, на улицу Агустинас, 1343, что в ста метрах от президентского дворца Ла Монеда, Дин и журналисты прибыли примерно в одно и то же время – в четыре часа дня. Дин был не один – его сопровождал Коко Маседа. Однако именно Дин держал в руках пластиковое ведро с водой, в которой плескался американский флаг. И когда они вдвоем направились к массивным железным воротам посольства, кто-то из прохожих узнал Дина и вслух удивился:

– Хэлло, Дин! Что вы делаете здесь с ведром воды?

На что Дин ответил:

– А вы не уходите и узнаете.

Как вспоминал сам Дин: «С каждым шагом мои ноги начинали двигаться быстрее, и ритм шагов словно совпадал с нарастающим биением моего сердца. В некоторые моменты казалось, что ноги стараются обогнать сердце, как иногда у певца, когда он чувствует, что оркестр играет слишком медленно…»

Дин и Маседа подошли к воротам посольства и огляделись. Полицейских поблизости не было, а те, что были, стояли на значительном удалении от них и пока ни о чем не догадывались, глядя в противоположную сторону. И заволновались они только тогда, когда из-за деревьев к посольству двинулась толпа журналистов с микрофонами и телекамерами. Только тогда полицейские обратили внимание на то, что возле ворот посольства стоят двое мужчин, один из которых, высокий и светловолосый, одетый в светлый пиджак и темные брюки, достает из пластикового ведра какую-то тряпку и показывает ее толпе. Полицейские двинулись в этом направлении и вскоре разглядели, что тряпка в руках светловолосого – это звездно-полосатый американский флаг. А потом до их ушей стали доноситься и слова, которые светловолосый говорил людям, собравшимся у ворот посольства. Разумеется, этим оратором был Дин Рид. Говорил он следующее:

– Этот флаг запятнан кровью вьетнамского народа, который борется за свою национальную свободу и независимость против агрессии правительства США. Этот флаг запятнан кровью

негритянского населения моей страны, которое все еще живет на положении полурабов, в системе, где правительство проводит политику геноцида против них.

Этот флаг запятнан кровью американских индейцев, которые все еще должны жить в полуконцентрационных лагерях. Этот флаг запятнан кровью народов Азии, Африки и Латинской Америки, которые должны жить под военной, экономической и политической диктатурой против их воли, потому что правительство США поддерживает эти диктатуры.

Полицейские остановились в нескольких шагах от Дина, поскольку были в полной растерянности, не зная, что им делать дальше. Причем они испугались не Дина, а той толпы журналистов, которая собралась вокруг него и теперь во все уши слушала его речь и записывала ее на диктофоны и кинокамеры. Понимая, что делать все равно что-то нужно, стражи порядка решили запросить помощи у своего начальства. Для этого один из них побежал в полицейскую будку, которая стояла в нескольких десятках метров от ворот посольства. Дин заметил это и понял, что у него, для того чтобы закончить речь, есть еще несколько минут. И он продолжил:

– Этот флаг грязен, потому что наше правительство предало Декларацию независимости моей страны, но я люблю свою страну и хочу исправить ее ошибки. Вот почему я символически выстираю флаг моей страны сегодня в Сантьяго в Чили.

Сказав это, Дин приступил к главному акту своего спектакля. Он вылил жидкое мыло в ведро с водой и опустил в него звездно-полосатый флаг. Однако, как только он начал стирать его, тут же почувствовал на своем плече чью-то руку. Дин ни секунды не сомневался в том, что это рука полицейского.

– Немедленно прекратить! – раздался в следующую секунду над ухом Дина властный голос.

Однако Дин предпочел не прекращать своих манипуляций с флагом, специально провоцируя стража порядка на насильственные действия. Ведь ему было важно, чтобы эти действия оказались запечатленными на видеопленку. И он своего добился: полицейский резким рывком оттащил Дина от ведра и заставил его прекратить стирку.

– Вам надлежит пройти с нами, – вновь обратился к Дину полицейский и жестом указал ему, куда надо идти – в сторону караульного помещения, которое находилось на территории консульства, примыкающего к посольству.

Дин не стал спорить с полицейским и послушно двинулся в указанном направлении. Толпа журналистов двинулась следом, однако у входа в консульство вынуждена была остановиться,

поскольку один из полицейских преградил им дорогу. Дин же, едва оказался в предбаннике консульства, тут же сделал заявление:

– Я являюсь гражданином США, и поскольку мы находимся на территории американского посольства, выражаю протест по поводу моего задержания. Только американцы могут арестовать меня или судить за преступление.

Однако страж порядка, который оттащил его от ведра, сообщил Дину, что он будет находиться здесь столько, сколько потребуется полицейским. Дин понял, что разговаривать с этим человеком бесполезно и надо ждать прибытия в караулку кого-нибудь из более высоких чинов. Так в ожидании прошло примерно десять минут. Затем Дин услышал на улице какой-то шум и, выглянув в окно, увидел во дворе полицейский фургон, из которого вышли около десяти стражей порядка. Дину предложили пройти к фургону, но он решил сопротивляться и стал требовать, чтобы распоряжение о его аресте официально исходило от сотрудников посольства. Поскольку голос его был полон решимости и к тому же вновь прибывшие полицейские узнали в нарушителе порядка популярного американского певца, ситуация разрешилась мирным путем. Дину предложили пройти из предбанника в здание консульства и там подождать, пока сержант не позовет кого-нибудь из официальных представителей этого учреждения.

Между тем атмосфера в коридоре, где стоял Дин, начала медленно накаляться. Дело в том, что здесь же находились около двух десятков людей, которые боялись победы блока «Народное единство» и теперь мечтали об одном – побыстрее получить визы для выезда из Чили. Это были в основном богатые люди, которые, узнав, за что задержан Дин, начали бросать в его сторону проклятия.

– Красная сволочь! Продажный ублюдок! – такие ругательства стали сыпаться на Дина со всех сторон.

Какое-то время он стоически терпел эти выпады, после чего не выдержал. Повернувшись лицом к одному из оскорбляющих его людей – пожилому мужчине в дорогом костюме, он громко, чтобы слышали все присутствующие, сказал:

– Внешне вы производите впечатление достопочтенного джентльмена, а ведете себя как распоясавшийся подросток. Постыдились бы своих седых волос.

На что пожилой мужчина ответил:

– А вы ведете себя как уличная девка, которая за пару долларов готова лечь под кого угодно. Вы, например, легли под красных.

После этих слов толпа загудела пуще прежнего, и дело вполне могло закончиться потасовкой, если бы в коридор не вышел один из работников консульства, видимо, привлеченный шумом. Жестом успокоив людей, он обратился к Дину:

– Что я могу сделать для вас, мистер Рид?

– Вы можете восстановить справедливость, – стараясь говорить как можно спокойнее, заявил Дин. – Стирая флаг моей страны, я был на территории посольства, то есть на территории США. Поэтому я протестую против того, чтобы меня арестовывала чилийская полиция.

Толпа опять недовольно загудела, снова послышались ругательства в адрес Дина. Но работник консульства вновь заставил толпу замолчать и, глядя в глаза Дину, сказал, буквально чеканя каждое слово:

– Нет, господин Рид. Вы сделали одну маленькую, но весьма существенную ошибку. Видите ли, территория посольства – действительно часть территории США, а здесь – территория консульства. Она находится в распоряжении чилийских властей. Следовательно, они могут делать с вами все, что захотят. А я не смогу ничего сделать, если даже они отправят вас на каторгу в Антарктиду.

Услышав эти слова, толпа радостно загалдела, послышались аплодисменты. А тот самый пожилой мужчина, с которым до этого пикировался Дин, радостно возвестил:

– Каторга – самое подходящее место для этих недорезанных марксистов!

Дин понял, что проиграл, поэтому предпочел не вступать в бессмысленную полемику и отошел к стене. Толпа расценила это как свою победу, и ругательства в адрес Дина посыпались с новой силой. Понимая, что ситуация снова выходит из-под его контроля, работник консульства подозвал к себе сержанта и попросил его отвезти Дина в полицейское управление. На этот раз Дин не стал спорить и покорно проследовал в автомобиль. Но прежде чем сесть в него, Дин бросил взгляд на окна посольства. В одном из них, на втором этаже, он заметил нескольких людей, которые во все глаза смотрели на то, что происходит на улице. Дину показалось, что в одном из этих людей он узнал посла США в Чили Эдварда Корри. «Ну что ж, тем лучше, – удовлетворенно подумал Дин. – Значит, уже сегодня о моем поступке будут знать в Вашингтоне».

Спустя несколько минут Дина привезли в Главное полицейское управление Сантьяго и доставили в кабинет начальника этого учреждения. Шефом столичной полиции оказался поджарый мужчина с бледным лицом и усталыми

глазами. Он сидел за столом, откинувшись на спинку кресла, и вертел в руках щипцы для сигар. Толстая дорогая сигара лежала тут же, на столе, готовая быть использованной по назначению в любую секунду. Однако начальник не спешил к ней притрагиваться. Вместо этого он предложил Дину занять место в кресле напротив себя и, когда тот последовал его приглашению, без всяких предисловий спросил:

– Зачем вы это сделали, мистер Рид?

Дин так же без подготовки ответил:

– Потому что я люблю свою страну.

– Это, по-вашему, любовь? – Брови полицейского взлетели вверх. – Стирать флаг своей страны на глазах десятков человек?!

– Если правительство моей страны убивает миллионы людей вдали от своих границ, то любой честный американец имеет право сказать ему в лицо самые нелицеприятные слова. А поскольку я много раз уже это делал и понял, что слова плохо доходят по моего правительства, то решил перейти к действиям. Стирка государственного флага на глазах общественности – хороший повод для моего правительства задуматься.

После этих слов в разговоре возникла пауза, во время которой оба собеседника не отрываясь смотрели в глаза друг другу. Наконец первым не выдержал страж порядка. Отложив щипцы в сторону, он произнес:

– Я вполне могу понять вашу нелюбовь, мистер Рид, к каким-то поступкам своего правительства, но я поражен, что вы до сих пор так и не поняли, что совершили кощунственный поступок. Нельзя втаптывать в грязь один из государственных символов своей родины!

– А я поражен вашим упорством не понимать очевидных вещей, – чеканя каждое слово, сказал в ответ Дин. – Вы ошибаетесь, утверждая, что флаг моей родины втоптан в грязь мною. Этот символ уже втоптали в грязь задолго до меня: в Доминиканской Республике, во Вьетнаме и других странах, где солдаты моей страны проливают кровь невинных людей. И сегодняшняя моя акция – это всего лишь попытка разбудить совесть человечества для понимания той несправедливости, которую мое правительство навязывает народам всего мира, прикрываясь именем свободы. Ведь свобода, о которой оно говорит, это свобода подчинять себе чужие страны в своих интересах.

– Как много высокопарных слов, – сказал шеф полиции, после того как Дин замолчал. – Такое впечатление, будто вы на митинге, мистер Рид. Между тем в этом кабинете нас только двое. Вы можете говорить своими словами, а не цитатами,

почерпнутыми вами из передовиц марксистских газет?

– Именно своими словами я с вами и разговариваю, – все тем же спокойным голосом ответил Дин. – Но даже если вам угодно считать, что мои слова – это фразы из передовиц марксистских газет, пусть будет так. Потому что эти передовицы говорят правду. Разве это не верно, что помимо той свободы, которую проповедует правительство моей страны, есть еще и другая свобода? Свобода каждой матери знать, что, когда ее ребенок родится, он не умрет при рождении от недостатка медицинской помощи. Свобода не быть голодным и не бояться стать безработным. Свобода жить в старости с достоинством и не страдать из-за отсутствия средств к существованию. Вот за какие свободы я выступаю. И, стирая сегодня флаг моей родины, я только хотел показать, насколько он запятнан «свободой наоборот».

– Ну что ж, видит бог, я делал все от меня зависящее, чтобы уладить этот инцидент, – не скрывая своего разочарования, заявил шеф полиции. – Но вы, мистер Рид, избрали другой путь. Поэтому мне придется действовать строго по закону.

Сказав это, шеф полиции нажал на кнопку вызова и, когда в кабинет явился его секретарь, приказал ему препроводить Дина в соседнюю комнату. Дин понял, что шеф полиции будет советоваться по его поводу с кем-то из высоких начальников – судя по всему, с самим министром внутренних дел или кем-то из его заместителей. Так оно и было. После звонка министру шеф полиции вновь вызвал Дина к себе. На этот раз хозяин кабинета не предложил гостю сесть, а жестом подозвал его к столу и положил перед ним какой-то документ и авторучку.

– Вам необходимо ознакомиться с этой бумагой и подписать ее, мистер Рид, – сказал шеф полиции.

Дин взял в руки документ и углубился в чтение. В документе сообщалось, что Риду надлежит через два дня, в половине десятого утра, прибыть в здание суда для участия в рассмотрении его дела. Посольку эта бумага ни в чем не ограничивала его свобод, Дину не оставалось ничего иного, как подписать ее. После того как он сделал это, его отпустили. Едва Дин вышел из полицейского управления, как его тут же окружили журналисты, которые приехали сюда от здания посольства. Один из них спросил:

– Чем все закончилось, мистер Рид?

– Еще ничего не закончилось: через два дня мне надо будет явиться в суд, – ответил Дин.

Тот же журналист спросил:

– Если судья отправит вас в тюрьму, раскаетесь ли вы в том,

что стирали флаг своей страны?

Дин повернул голову к стоявшему рядом с ним Коко Маседе и так, чтобы слышали все, сказал:

– Как мало эти люди знают меня.

Затем, повернувшись к журналисту, задавшему вопрос, Дин пояснил суть сказанных им слов:

– В своем сегодняшнем поступке я никогда не раскаюсь. Если я должен буду провести немного времени в тюрьме, то это будет еще одним из миллионов преступлений, совершаемых существующей системой законопорядка. Но я думаю, что меня не посадят. В таком случае чилийский народ поймет, что я был арестован за то, что «оскорбил» американских империалистов – «хороших друзей» ваших капиталистов.

– Но вам могут инкриминировать вмешательство во внутренние дела нашей страны, – подала голос симпатичная журналистка из второго ряда.

– Конечно, будут люди, говорящие так, – ответил Дин. – Но это те, кто и до сегодняшнего случая отзывался обо мне нелестно. И если они будут ругать меня, то я буду лишь счастлив, поскольку верю в пословицу, которая гласит: «Если враги ругают тебя – значит, ты поступаешь правильно».

Ответив еще на несколько вопросов, Дин затем извинился перед журналистами и вместе с Коко Маседой проследовал к его автомобилю. Спустя несколько минут Дин уже был в номере гостиницы «Конкистадор», где рухнул на кровать, даже не откинув с нее покрывала.

– Может быть, заказать тебе обед? – спросил Маседа.

– К черту обед, – не поднимая головы от подушки, ответил Дин. – Единственное, чего я сейчас хочу, так это выспаться.

Маседа не стал больше ни о чем спрашивать приятеля и вышел из номера, плотно прикрыв за собой дверь.

На следующее утро Маседа явился к Дину около десяти утра с целой кипой разных газет. Дин открыл ему дверь, будучи голым по пояс и с зубной щеткой во рту. Увидев в руках друга газеты, Дин сразу обо всем догадался и, возвращаясь в ванную комнату, сказал:

– Пока я буду приводить себя в порядок, ты можешь начинать.

Маседа не заставил упрашивать себя дважды и, развалившись на кровати, стал зачитывать Дину одну заметку за другой, где речь шла о вчерашнем инциденте возле посольства США. Длилось это примерно полчаса. Затем начались звонки по телефону. Дину звонили как друзья, так и совершенно незнакомые люди из разных левых организаций и партий и выражали свою

солидарность с его вчерашним поступком. Как будет позднее вспоминать сам Дин: «Это был один из самых эмоциональных дней в моей жизни, потому что, когда я вышел на улицу, многие обнимали и благодарили меня за то, что я „хороший американец“. Там была одна старая женщина, которую я никогда не забуду. Спина ее согнулась от тяжелой работы, и, когда она взяла мои руки в свои, я ощутил ее мозоли. Бедно одетая, но полная человеческого достоинства, она сжала мою руку и тихо сказала:

– Спасибо. От имени чилийского народа спасибо!

Затем заплакала и исчезла так же быстро, как и появилась. Теплоту недолгих встреч с рабочими и крестьянами, которые старались приободрить меня, никогда не забуду…»

На следующий день Дин отправился к судье, чтобы выслушать его вердикт относительно инцидента у американского посольства. Поскольку Маседа в тот день был занят на работе, с Дином вызвалась пойти актриса и коммунист Мария Милуэнда. Когда они подъехали к зданию суда, там их уже поджидали журналисты. Причем среди них были не только благожелательно настроенные к Дину. Например, журналист из правой газеты «Эль Меркурио» позволил себе отпустить по адресу Дина хлесткую остроту:

– Дин, ты бы лучше договорился с фирмой стиральных машин, чтобы она заплатила тебе за то, что ты устроил бы публичную стирку флага в ее машине! Тогда, может быть, и фирма, выпускающая жидкое мыло, тоже стала бы платить тебе за рекламу ее товара!

В толпе раздался смех, который больно ударил по самолюбию Дина. Он хотел было ответить остряку, но Милуэнда крепко сжала его локоть, взглядом показывая, что лучше этого не делать. И Дин сдержался, чтобы не накручивать себя перед судебным разбирательством.

Когда Дин и Милуэнда появились в зале суда, секретарь предложил им занять места в первом ряду. Спустя некоторое время в зал вошел судья, кивнул присутствующим и сел за большой стол. Достав из папки бумаги, судья разложил их перед собой на столе, но читать не стал. А вместо этого обратился к Дину:

– Мистер Рид, пожалуйста, опишите мне в подробностях, что случилось два дня назад у здания посольства США. Передо мной протокол, составленный арестовавшим вас офицером полиции, но мне бы хотелось услышать вашу версию.

Дин встал со своего места и рассказал судье все, что произошло у посольства. Выслушав его, судья сообщил:

– Против вас возбуждено дело по обвинению в подстрекательстве к беспорядкам. Поэтому я задаю вам вопрос: много ли людей присутствовало при… – Судья на секунду замешкался, подбирая нужные слова, но в итоге сказал так, как думал: —… при стирке.

– Нет, народу было немного – только полтора десятка журналистов, которых я предупредил за полчаса до начала акции, – ответил Дин. – И никаких беспорядков не было.

– Но вы отдавали себе отчет, что они могли быть? – задал новый вопрос судья. – Ведь вы известная личность, и ваш поступок мог спровоцировать беспорядки со стороны случайных свидетелей.

– Я вел себя вполне адекватно и уверен, что мои действия ни к каким беспорядкам привести не могли, – все тем же спокойным голосом ответил Дин.

– Но вы отдавали себе отчет, что этой акцией вы нарушаете законы Чили?

– Это полиция утверждает, что я совершил противозаконный поступок. Я же говорю, что это не так. Этим поступком я назвал вещи своими именами. А разве сказать правду считается в Чили незаконным актом? Весь мир знает, что правительство США воюет против вьетнамских крестьян, единственное желание которых – жить в мире и решать свое будущее без иностранных солдат, убивающих их женщин и детей, сжигающих их дома. Генералы США, например Кертис Лэмей, говорят, что они планируют разбомбить Вьетнам до стадии каменного века. Вот я и спрашиваю, противозаконна ли в Чили такая правда, известная всему миру?

– Вы забываете, мистер Рид, что вопросы здесь задаю я, а не вы, – твердым голосом заявил судья.

– Прошу прощения, ваша честь, – извинился Дин и покорно склонил голову перед судьей.

Судье этого извинения оказалось достаточно, и он, задав еще несколько вопросов Дину, наконец поднялся со своего места и объявил, что удаляется в соседнюю комнату для обдумывания своего окончательного решения. Дин опустился на место, полностью уверенный, что все его ответы были правильными. Так же думала и Милуэнда, которая, едва Дин сел, положила ладонь на его руку и произнесла:

– Все будет хорошо.

Милуэнда не ошиблась. Спустя несколько минут судья появился вновь и, заняв привычное место за столом, объявил свой вердикт: состава преступления в действиях Дина Рида не найдено и он может быть свободен.

– У вас есть какие-нибудь просьбы? – спросил в заключение своей речи судья.

– Да, есть, ваша честь, – ответил Дин. – Дело в том, что флаг, который я выстирал, является моей собственностью, и я хотел бы, чтобы мне вернули его обратно.

– Эту просьбу я не удовлетворяю, – сухо ответил судья.

– Почему? – спросил Дин.

– У здания суда собралась толпа журналистов, и ваше появление перед ними со злополучным флагом только подольет масла в огонь. Так что возвращайтесь назад без флага.

Однако в итоге флаг Дину все равно был возвращен. И помог ему в этом знаменитый чилийский поэт Пабло Неруда, в дом которого на Черном острове (Исла Негра) привезла Дина после суда Милуэнда.

Неруда встретил Дина очень тепло: обнял его прямо у ворот и повел в дом знакомиться со своей женой. Обитель поэта поразила Дина: она была стилизована под морской корабль. Гостиная была обставлена под кают-компанию, а у окна высилась площадка с подзорной трубой и лестницей, подобной корабельному трапу. Дом был буквально напичкан морскими раковинами, керамикой и многочисленными макетами кораблей разных эпох, вмонтированных в стеклянные бутылки. Довершал картину огромный якорь, который был установлен во дворе.

К приезду гостей хозяева подготовились тщательно: был накрыт праздничный стол, выставлены изысканные напитки. Когда в ходе разговора Дин обмолвился о том, что злополучный флаг ему так и не вернули, Неруда заявил:

– Ничего, мы это дело исправим.

Затем он удалился в соседнюю комнату и вернулся назад спустя несколько минут с небольшим листком бумаги в руках. Протянув этот листок Милуэнде, поэт сказал:

– Мария, пошли, пожалуйста, прессе вот эту телеграмму сегодня же вечером. Текст ее гласит: «Правителям Чили. Вы должны вернуть американский флаг Дину Риду. Он смыл с него кровь, которой его правительство запятнало флаг. Он достойный представитель своей страны и своим смелым символическим поступком показал дорогу всем художникам. Пабло Неруда».

Благодаря этой телеграмме злополучный флаг Дину был возвращен.

4 сентября 1970 года в Чили прошли выборы президента. Спустя несколько часов после их начала представитель МВД зачитал по радио первые результаты: два главных претендента – Альенде и Алессандри – шли почти вровень. Еще спустя несколько часов тот же представитель объявил, что вперед

вырвался Альенде – благодаря голосам избирателей на севере страны, которые проголосовали за него почти единогласно. С этого момента в стане «Народного единства» воцарилось оживление, хотя до окончательного подведения итогов оставалось еще несколько часов.

Дин в те часы находился среди сторонников Альенде и переживал за него не меньше других. Ближе к полуночи большинство из тех, кто поддерживал «Народное единство» в Сантьяго, стали стекаться на Аламеду, что напротив холма Санта-Люсия, к зданию Федерации студентов Чили. Дин в компании Маседы, Милуэнды и других сторонников «Народного единства» тоже отправился туда, чтобы там узнать окончательные результаты голосования. Судя по тому, как вели себя люди на Аламеде, никто уже не сомневался в победе Альенде. Сам будущий президент тоже был здесь и со всех сторон принимал поздравления. Глядя на это, Дин спросил Милуэнду:

– Может быть, не стоит радоваться раньше времени?

– Что за предрассудки, Дин? – засмеялась Мария. – Альенде будет президентом – и точка. Видишь, сюда пришли все наши руководители: Лучо Корвалан, Володя Тейтельбом? А это значит, что победим мы, а не «мумии» (так в Чили называли противников Альенде).

Правота слов Марии окончательно подтвердилась в пять минут первого ночи, когда Хефе де Пласа – высший военный чин, ответственный за проведение избирательной кампании, – объявил по радио о победе Альенде. Однако эта победа была еще не окончательной. Согласно результатам голосования, Альенде набрал 36,3 % голосов, в то время как его главный соперник Хорхе Алессандри собрал 35 % (Томичу отдали свое предпочтение 27,8 % избирателей). Но поскольку Альенде не получил абсолютного большинства голосов, через 50 дней после выборов Национальный конгресс должен был окончательно определить, кто станет президентом из двух кандидатов, набравших большинство голосов. Правда, в пользу Альенде была давняя традиция: в истории Чили еще не было прецедента, чтобы Конгресс не утвердил кандидата, занявшего первое место.

Именно поэтому все, кто собрался в ту ночь на Аламеде, были уверены, что Альенде уже без пяти минут президент. И когда он вышел на балкон здания Федерации студентов Чили, толпа встретила его восторженными криками. Альенде сказал пламенную речь, которая вызвала еще большую бурю восторга. Дин кричал вместе со всеми, хотя на душе у него все равно было неспокойно. Он хорошо знал политическую ситуацию в стране, был осведомлен о раскладе сил в Конгрессе, и поэтому кое-какие

сомнения у него оставались. Он знал, что борьба впереди предстоит нешуточная. И он в своих предположениях не ошибся.

Победа Альенде на выборах чрезвычайно озаботила Вашингтон. Приход к власти в Чили промарксистски настроенного президента грозил Белому дому огромными потерями. Поскольку к тому времени всем уже было понятно, что война во Вьетнаме Америкой проиграна, потерпеть еще поражение и в Латинской Америке означало для США потерять статус великой державы, претендующей на звание мирового жандарма. К тому же у президента США Ричарда Никсона были и личные мотивы, чтобы вмешаться в чилийскую ситуацию: он давно дружил с Дональдом Кендаллом – председателем и исполнительным директором фирмы «Пепсико», которая имела в Чили предприятие по розливу пепси-колы. Их дружба имела давнюю историю, еще с тех пор, когда Никсон начал адвокатскую практику в Нью-Йорке, а Кендалл передал ему полный корпоративный отчет фирмы. Нынешние события в Чили угрожали бизнесу Кендалла, а также других американцев, которые владели предприятиями в этой стране. Так что политика здесь тесно переплеталась с бизнесом.

Впрочем, так было уже не однажды: с той же Кубой была похожая история. И глава ЦРУ Ричард Хелмс это прекрасно понимал. Нельзя сказать, что он был обрадован перспективой включения его ведомства в тайную операцию против Чили, однако другого выхода у него не было: надо было завоевывать авторитет у президента страны. Хелмс хорошо помнил слова основателя ЦРУ Аллена Даллеса: «Если вы хотите получить какое-то заброшенное агентство в дальнем запыленном углу, то отмените тайные операции. Президенты всегда хотят иметь скрытный путь для некоторых дел. И именно так ЦРУ может латать дыры в отношениях с Белым домом».

Поэтому, когда Никсон попросил Хелмса подготовить ему аналитическую справку о перспективах дальнейшего развития ситуации в Чили с перечнем мер, которые США могут предпринять для того, чтобы ситуация стала для них благоприятной, глава ЦРУ взял под козырек. **7 сентября** Хелмс положил подготовленную его аналитиками справку на стол президента. В ней сообщалось следующее:

«Относительно угрозы национальным интересам США мы приходим к следующим выводам:

1. У США нет жизненно важных национальных интересов в Чили. Однако победа Альенде может привести к очень большим издержкам в политическом, психологическом и экономическом

плане:

а) политическое единство континента оказалось бы под угрозой в силу того, что сам факт существования правительства Альенде был бы вызовом Организации американских государств. В этом случае цепная реакция в других странах не заставила бы себя ждать;

б) возможная победа Альенде явилась бы явным психологическим уроком для определенных сил в Соединенных Штатах и явным успехом марксистских идей».

Далее на нескольких страницах аналитиками ЦРУ предлагался целый комплекс мер, которые могли привести Альенде к поражению. В этом комплексе мер Никсона привлекли два варианта. Согласно первому, который получил кодовое название «Трек-1», ставка делалась на правые силы. Они должны были заключить союз с христианскими демократами и проголосовать в Конгрессе за кандидатуру Алессандри, который должен был пообещать, в случае своей победы, отказаться от власти и открыть путь к повторным президентским выборам, на которых его сторонники поддержали бы кандидата от ХДП и обеспечили ему победу.

Второй вариант был куда более радикальным и должен был осуществиться в случае провала первого. Этот вариант назывался «Трек-2», или «Гамбит Фрея». Согласно ему правые должны были дезорганизовать экономику, спровоцировать сторонников Альенде на беспорядки и столкновения с вооруженными силами. После этого в стране должен был произойти военный путч, во время которого вся власть в стране перешла бы в руки армии. Затем бывший президент страны Эдуардо Фрей должен был объявить о роспуске парламента и назначить новую дату выборов. Разумеется, выставляя при этом свою кандидатуру.

Первый вариант понравился Никсону больше, поскольку позволял провернуть дело на вполне законных основаниях. Поэтому было решено сделать упор на этом варианте, однако не упускать из виду и второй, запасной. Послу США в Чили Эдварду Корри было дано указание установить контакт с Фреем, а также была указана сумма, которую правительство США сможет выделить для «секретной поддержки проектов, которые Фрей или его доверенные лица сочтут целесообразными» – 250 тысяч долларов. При этом Корри предупредили: «Это только начало. Если понадобится больше – будет больше».

15 сентября в Белом доме Никсон принял членов «Комитета 40» – одного из самых засекреченных правительственных органов Вашингтона, в функции которого входило утверждение планов ЦРУ по проведению тайных операций в разных частях мира. Этот

комитет возглавлял помощник президента по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер, а помимо него в комитет входили директор ЦРУ Ричард Хелмс и ряд высокопоставленных деятелей госдепартамента. Совещание длилось около двух часов. В своей речи на нем Никсон поставил перед комитетом вполне конкретные задачи.

– У нас может быть один шанс против десяти, но нужно спасти Чили от красной угрозы, – сказал Никсон. – Стоимость операции не имеет значения, поскольку в случае победы эти деньги вернутся к нам сторицей. Поэтому связанный с финансированием риск во внимание не принимается. Мы ассигнуем на это дело в общей сложности 10 миллионов долларов, а в случае чрезвычайной необходимости и больше. Работа должна вестись круглосуточно, и на нее должны быть брошены наши лучшие агенты. На разработку стратегии дается 48 часов.

Сразу после совещания, вернувшись в Лэнгли, директор ЦРУ Ричард Хелмс вызвал к себе в кабинет начальника директората разведывательных операций Томаса Карамессинеса и сообщил ему, что президент страны лично санкционировал начало операций «Трек».

– Предпочтение отдается первому «Треку», – сообщил своему подчиненному Хелмс. – Каковы наши перспективы на этом направлении?

– Не слишком радужные, – честно ответил Карамессинес. – Есть вероятность того, что левоцентристское крыло ХДП выскажется в поддержку Альенде. Поэтому я бы отдал предпочтение «Треку» номер два.

– Свое мнение оставьте при себе, Томас, – жестко заявил Хелмс. – Слово президента для нас закон, и мы обязаны выполнять требования главы государства. Однако никто не мешает нам параллельно первому «Треку» разрабатывать второй. Так что работы в ближайшем будущем нам предстоит много.

– Значит, будем работать, – улыбнулся Карамессинес.

Едва он вышел из кабинета Хелмса, как директор ЦРУ вызвал к себе следующего визитера – начальника латиноамериканского управления Уильяма Броу. Перед ним тоже была поставлена вполне конкретная цель – создание в Чили экономических трудностей, которые должны были поколебать авторитет Альенде среди чилийцев. Броу должен был немедленно вылететь в Сантьяго и встретиться там с первым вице-президентом «Рэйдио корпорейшн оф Америка» Нэдом Джерити, чтобы передать ему перечень мер, которые были разработаны в ЦРУ и Госдепартаменте США. Меры были следующие:

1. Банки США не должны возобновлять чилийские кредиты.

2. Компании должны задерживать все дела, связанные с Чили, в следующих областях: отправка денег, поставка готовой продукции, запасных частей и т. д.

3. Оказать давление на чилийские сберегательные и кредитные компании, с тем чтобы вынудить их закрыться, что отрицательно повлияет на экономику страны в целом.

4. Надо лишить чилийскую экономику всякой технической помощи.

Тем временем за событиями, которые происходили в Чили, внимательно следили и по другую сторону океана – в Москве. Как и Никсон, Леонид Брежнев в те дни тоже регулярно встречался с шефом своей спецслужбы – председателем КГБ Юрием Андроповым, а также аналитиками из Международного отдела ЦК КПСС. И те докладывали генсеку все последние перипетии президентской гонки в Чили и будущие перспективы Альенде. Когда Брежнев получил от Андропова сведения о том, что ЦРУ тайно готовится к вмешательству в политическую борьбу в Чили, Брежнев спросил:

– А твои люди могут как-то помочь Альенде?

– Впрямую этого лучше не делать, Леонид Ильич, – покачал головой Андропов. – Во всяком случае пока. Но мы можем попросить об этом наших коллег из разведок ГДР и Кубы, которые имеют в Чили хорошую агентурную сеть.

– Ты хочешь сказать, что наша сеть там дерьмовая? – В голосе Брежнева зазвенели металлические нотки.

– Я так не говорил, Леонид Ильич, – стараясь сохранять хладнокровие, ответил Андропов. – Просто нам не стоит спешить. Лично мне Альенде тоже импонирует, но мы не может быть полностью уверены в том, какие преобразования он станет осуществлять после прихода к власти.

– Во всяком случае, не хуже, чем его предшественники, которые только и делали, что лизали задницу американцам, – продолжал выражать неудовольствие Брежнев. – Коммунисты Чили поддерживают Альенде, а значит, и мы должны быть на его стороне. У нас есть надежный канал связи с ним, кроме посольского?

– Да, наш представитель в Сантьяго Святослав Кузнецов лично знаком с секретарем Альенде и его любовницей Марией Контрерас Белл.

– Надо же, у него и любовница есть? – оживился Брежнев. – Молодец, Сальвадор! Хотя он, кажется, моложе меня.

– Всего на два года, – уточнил Андропов.

– Все равно молодец, – подвел итог разговору Брежнев и еще раз напомнил Андропову о том, чтобы его ведомство регулярно составляло для него аналитические справки о ситуации дел в Чили.

Выйдя от Брежнева, Андропов через несколько минут был уже у себя в кабинете на Лубянке (здания ЦК КПСС и КГБ находились в пяти минутах ходьбы друг от друга, а на служебной машине это расстояние покрывалось еще быстрее). Проходя в свой кабинет № 370, Андропов на ходу обратился к своему секретарю, чтобы он вызвал к нему начальника Первого главка Сахаровского. Через пять минут тот был уже у председателя.

– Леонид Ильич хочет, чтобы мы держали руку на пульсе событий в Чили, – сообщил Андропов главному разведчику. – Я предложил в этом деле опираться на наших коллег с Кубы и из ГДР.

– Вполне разумное решение, – согласился с шефом Сахаровский. – И те и другие наши давние партнеры.

– Ну, положим, кубинцы не очень давние, – поправил своего подчиненного Андропов.

Председатель говорил правду. В те несколько последних лет кубинцы старались вести независимую от Москвы политику и даже совершали недружественные Кремлю акции. Так, в **январе 1968 года** на Кубе прошел суд над тридцатью пятью членами просоветской «микрофракции», которых приговорили к длительным срокам тюремного заключения за «подпольную пропаганду, направленную против линии партии». Сразу после этого с Кубы был выслан главный советник КГБ при кубинском МВД Рудольф Шляпников. Короче, ситуация для Москвы складывалась крайне неблагоприятная. В итоге в Кремле решили надавить на Кастро экономически: сократить поставки нефти в эту страну. В итоге на Кубе стали останавливаться сахарные заводы и фабрики. Кроме этого, пресекся и денежный поток, который шел из Москвы в Гавану. После этого Кастро пошел на примирение. И первое, что сделал: безоговорочно поддержал ввод советских войск в Чехословакию в августе 68-го. За что Москва возобновила экспорт нефти и выделила Кубе значительные средства на поднятие экономики (к концу 1969 года Куба должна была Советскому Союзу 4 миллиарда долларов).

Вместе с экономическими связями крепли и связи двух разведок. Именно в **1970 году** кубинская госбезопасность (ДГИ) под давлением Москвы начала избавляться от сотрудников, которых КГБ считал антисоветски настроенными. А рядом с кабинетом начальника ДГИ Мануэлем Пиньеро Лосадо теперь расположилась целая группа сотрудников КГБ во главе с

генералом Виктором Семеновым. Именно на них теперь и возлагались обязанности по координации действий ДГИ и КГБ в плане последних событий в Чили.

Что касается восточногерманской разведки («Штази»), то тут Андропов был полностью спокоен. В плане разведывательной деятельности это была самая сильная из восточноевропейских спецслужб и самая преданная Москве. Еще **летом 1960 года** Москва определила восточным немцам в качестве приоритетных направлений Ближний Восток и Африку, а в середине 60-х к этому списку добавилась и Латинская Америка. Немцы с радостью с определенными им направлениями согласились, поскольку увидели в них прекрасную возможность установить экономические связи и добиться признания ГДР хотя бы государствами третьего мира (многие страны игнорировали ГДР, поддерживая боннскую доктрину Галльштейна, призывавшую к разрыву дипломатических связей с любой страной, официально признавшей ГДР). Восточногерманские политики давно симпатизировали Альенде и были чрезвычайно заинтересованы в его приходе к власти. Кроме этого, Андропов знал, что в окружении Альенде было несколько людей, которые работали на «Штази».

В самом конце аудиенции, когда Сахаровский уже собирался покинуть кабинет Андропова, шеф КГБ внезапно спросил:

– Я слышал, что наш старый знакомый Дин Рид опять отличился?

– Да, выстирал американский флаг у посольства США в Сантьяго, – не в силах скрыть улыбки, ответил Сахаровский.

– Чем закончилось дело, известно?

– Хорошо закончилось, Юрий Владимирович: отпустили парня.

– А как ваши успехи по линии его проверки?

– А в чем дело, Юрий Владимирович? – удивился Сахаровский.

– Сегодня в идеологическом отделе ЦК я слышал разговор, что после этого случая с флагом Дина Рида могут пригласить на гастроли в Советский Союз. Во всяком случае, Министерство культуры об этом ходатайствует. И мы должны дать свои рекомендации парню.

– Значит, дадим, – улыбнулся Сахаровский. – Пусть поет свои песни, тем более что вам лично он тоже нравится.

– Да уж, Александр Михайлович, лучше он, чем Элвис Пресли, – по губам Андропова пробежала легкая усмешка. – Хотя мои сын и дочь почему-то любят последнего.

В те дни Дин находился уже не в Чили – он отправился к себе на родину в США, чтобы встретиться с родителями и друзьями, которых у него там продолжало оставаться много, несмотря на то что многие американцы считали его предателем. Отец Дина в ту пору уже жил один, поскольку они с Рут Анной незадолго до этого развелись. Дин заехал к нему в первые же дни своего приезда в США, и встреча их хоть и не получилась слишком теплой, однако была вполне дружеской. К тому времени Сирил уже окончательно смирился с тем, что его сын стал убежденным «красным», и привычного раздражения не выказывал. Что Дина откровенно радовало. Он даже уловил в репликах отца откровенную иронию, в то время как раньше в них присутствовали либо желчь, либо злость.

– Надеюсь, тебе хорошо платят в твоем Конгрессе мира? – спросил Сирил у сына, когда они расположились на крыльце их ранчо в плетеных креслах и с бутылками пива в руках.

– Это организация называется Всемирный совет мира, – поправил отца Дин.

– Да как бы она ни называлась, суть одна: срубить побольше денег под прикрытием популярных лозунгов, – засмеялся Сирил.

– А тебя не удивит, отец, если я скажу, что денег со своего пребывания в этой организации я не имею? – спросил Дин.

Сирил оторвался от своей бутылки с пивом, которую он уже подносил ко рту, и с удивлением воззрился на Дина. После чего сказал:

– Я всегда знал, что ты, Дин, полный профан в бизнесе. Как можно торговать своим именем и не брать за это денег?

– Я достаточно получаю в других областях своей деятельности, – ответил Дин.

– Но разве деньги бывают лишними? Нет, ты все-таки полный профан, – остался при своем мнении Сирил и вновь вернулся к своему пиву.

В тот день они долго общались, обсудив множество различных тем. И Сирил почти ни разу не выказал раздражения, хотя многое из того, о чем говорил Дин, ему откровенно не нравилось. Отец сорвался только однажды, когда речь у них зашла о преступности, захлестнувшей Америку. Дин высказал свое возмущение, что федеральная власть дала слишком большие права ФБР, приняв закон, согласно которому агенты Федерального бюро теперь могли вскрывать любое частное письмо, а также осудил власти штата Колорадо, которые разрешили полицейским врываться в дома подозреваемых в преступлениях без стука.

– Под этими законами ясно читается политический подтекст.

Так власть собирается бороться с инакомыслящими, с теми же «Черными пантерами», например, – заявил возмущенный Дин.

На что немедленно получил выговор от отца.

– У тебя, видно, совсем мозги съехали набекрень от «красной» пропаганды. Ты во всем видишь одну сплошную политику! Ты даже не хочешь понять, что все эти законы могут быть продиктованы вполне житейскими проблемами. Полицейским дали право врываться в дома подозреваемых без стука, потому что только так можно поймать за руку торговцев наркотиками. Иначе они всю свою дурь скинут в унитаз. А частные послания надо вскрывать, чтобы не допустить распространения порнографии.

Ты, Дин, не живешь в Америке, поэтому ничего не понимаешь в том, что здесь происходит. Я вообще считаю, что мы слишком либеральничаем с преступниками, и готов обеими руками голосовать, чтобы таких законов принималось еще больше. Я голосую за отмену условно-досрочного освобождения и за восстановление во всех штатах смертной казни. Давно пора покончить с этими телячьими нежностями к отбросам общества, со сладкоречивостью и хныкающими просьбами о снисхождении со стороны высоколобых либералов.

– Я, по-твоему, тоже либерал? – спросил Дин.

– Ты просто запутавшийся дурак, – выдохнул Сирил, после чего резко поднялся из своего кресла и ушел в дом, громко хлопнув дверью.

Это был единственный раз, когда нервы отца не выдержали. А в целом отец с сыном очень даже мило пообщались.

А в это время ситуация в Чили все больше накалялась. Голосование в Конгрессе должно было состояться в конце **октября**, а пока все будущие участники этого процесса лихорадочно готовили почву для собственной победы. Правые, при поддержке Вашингтона, пытались заручиться поддержкой христианских демократов, чтобы протащить кандидатуру Алессандри. Часть демократов дрогнула, получив за свою сговорчивость солидные вознаграждения из тех 250 тысяч долларов, которые ассигновал Белый дом. Однако таких продажных политиков оказалось недостаточно для того, чтобы правые победили. Большая часть конгрессменов от ХДП пошла за своим левоцентристским крылом и высказалась за поддержку Альенде. Правда, и Альенде здесь не подкачал, пообещав христианским демократам целый ряд серьезных уступок в случае своего прихода к власти.

В частности, он обещал не проводить экспроприации без

санкции закона, не увольнять администрацию по идеологическим соображениям, не нарушать свободу средств массовой информации и существующие права собственности на них, не вмешиваться в дела армии, которая должна была оставаться вне политики, не создавать параллельные вооруженные формирования наподобие «рабочей милиции». Альенде согласился на все эти требования, настояв лишь на одном – на праве президента назначать командующего сухопутными войсками.

Естественно, про эти договоренности почти сразу стало известно в Вашингтоне. Когда Хелмс доложил об этом Никсону, тот задал всего один вопрос:

– Что нужно делать?

Ответ последовал столь же короткий, как и вопрос:

– «Трек-2».

Никсон выдержал небольшую паузу, после чего сказал:

– Ну что ж, действуйте. Какая-нибудь дополнительная помощь вам нужна?

– Поскольку дело впрямую касается армии, нам понадобится помощь военных: в частности, военной разведки.

– Хорошо, вам окажут такую помощь, – пообещал президент.

28 сентября заместитель директора ЦРУ генерал Кашмэн пригласил к себе заместителя начальника военной разведки (РУМО) генерала Джона Фильпотта. На встрече, которая длилась больше часа, два генерала договорились о сотрудничестве по всем вопросам, касающимся Чили. В тот же день американскому военному атташе в Сантьяго была послана тайная депеша следующего содержания:

«В тесном сотрудничестве с директором ЦРУ или в его отсутствие с заместителем попытайтесь установить контакты с руководящими лицами в армии, способными на активную роль в любой операции против Альенде на его пути к власти. Вы не должны ни извещать посла об этом письме, ни даже намекать на его содержание. Свои действия координируйте с директором ЦРУ – этим письмом вам дается такое разрешение».

Несмотря на то что эта депеша пришла по тайному каналу армейских шифровальщиков, посол США в Чили Эдвард Корри уже спустя сутки узнал о ее существовании. Это стало возможным благодаря его связям с разведкой Госдепартамента.

Главнокомандующим чилийской армии в то время был 57-летний генерал Рене Шнейдер. Это был честный служака, который стоял на принципиальной позиции – армия в политике не участвует. Поэтому даже мысли переманить его на свою сторону у организаторов военного переворота не возникало. Так

что единственным средством убрать принципиального генерала с пути было его физическое устранение.

Кстати, посол США Корри еще **21 сентября** сообщал в своем тайном донесении помощнику президента по национальной безопасности Генри Киссинджеру и помощнику госсекретаря Чарльзу Мейеру, что в интересах успеха операции «Трек-2», или «Гамбит Фрея», необходима «нейтрализация» Шнейдера. Но тогда эти действия посчитали несвоевременными. К середине **октября** такие условия созрели, поскольку заговорщики нашли человека, который готов был заменить Шнейдера. Это был отставной генерал чилийской армии Роберто Вио Морамбио (в качестве запасного варианта рассматривался другой генерал – Валенсуэла). В случае успеха переворота ЦРУ пообещало Вио 20 тысяч долларов наличными и полис на 250 тысяч долларов в качестве страховки жизни его самого и его сподвижников.

Сигналом к началу переворота должно было стать похищение генерала Шнейдера. Его наметили на **19 октября**. Утром того дня группа офицеров-заговорщиков должна была перехватить главнокомандующего по дороге из дома в Министерство обороны и спрятать в укромном месте на окраине Сантьяго. Однако этот план провалился – генерал изменил маршрут следования и в расставленную ловушку не попался. Та же история повторилась и на следующий день. И только **22 октября**, за два дня до голосования в Конгрессе, заговорщикам сопутствовала удача. Около восьми часов вечера на одной из улиц Сантьяго заговорщики блокировали с двух сторон кортеж Шнейдера и, перестреляв охрану, смертельно ранили главнокомандующего (в него угодили три пули).

Когда эта новость достигла Вашингтона, Хелмс доложил Никсону о сложившейся ситуации:

– Нами были приложены максимальные усилия. Теперь довести до конца государственный переворот могут только сами чилийцы. Их подвели к той черте, за которой открывается военное решение проблемы.

– Будем надеяться, что наши усилия не окажутся напрасными, – подвел итог разговора президент.

Но Никсон ошибся. Покушение на генерала Шнейдера сплотило нацию и заставило даже колеблющихся отдать свои голоса в пользу Альенде. В результате **24 октября** более чем 3/4 голосов Национальный конгресс избрал Сальвадора Альенде президентом Чили. Большая часть чилийцев ликовала, хотя все праздничные церемонии были отменены ввиду тяжелого состояния генерала Шнейдера. На следующий день в 7 часов 52 минуты генерал-конституционалист скончался. В Чили был

объявлен трехдневный национальный траур. Сразу после него новым главнокомандующим чилийской армии был назначен генерал Карлос Пратс, а командующим военным округом в Сантьяго стал генерал Валенсуэла – тот самый генерал, который рассматривался стратегами ЦРУ как один из главных организаторов военного переворота. Это назначение, а также ряд других факторов явились для Вашингтона теми предвестниками, которые сохраняли пусть слабую, но все-таки надежду на то, что приход Альенде к власти продлится недолго. Поэтому сказать, что Белый дом был полностью деморализован в те дни, было нельзя. Все те ведомства, которые проморгали приход Альенде к власти, не собирались складывать оружие и готовились к очередным баталиям на ниве тайной войны.

Между тем Дин Рид вернулся из Америки в Чили и продолжал оказывать помощь «Народному единству» в качестве активного пропагандиста его идей. Правда, флаги он больше не стирал и не совершал других подобных акций, однако без дела тоже не сидел. Например, он перечислил несколько тысяч долларов из своих киношных и концертных гонораров на счет «Народного единства». А когда на его имя пришло письмо от некой чилийской девушки Хулии, которая обвиняла его в том, что благодаря ему потеряла работу и вынуждена уехать из страны, Дин решил ответить этой девушке публично, поскольку эта полемика была выгодна «Народному единству».

Хулия обвиняла Дина в том, что до сентябрьских выборов она работала в одной американской компании, но после победы Альенде эта компания свернула свою деятельность в Чили и уволила всех своих работников. Дин написал Хулии открытое письмо, которое опубликовали сразу несколько левых изданий. В нем он объяснил девушке, а с нею и тысячам других чилийцев, разделяющих ее взгляды, что они заблуждаются в том, что в их бедах повинен он или «Народное единство». Дин писал, что американские компании давно сосут соки из чилийской экономики, набивая свою мошну миллионными прибылями, а чилийцам платя жалкие крохи. «Вы должны строить собственную сильную экономику, которая будет опираться на свои кадры», – писал Дин. В конце своего письма он резюмировал, обращаясь к Хулии, что она поспешила уехать из страны, поскольку в скором времени новое правительство сумеет создать достаточное количество новых рабочих мест без помощи иностранных компаний.

Тем временем **3 ноября 1970 года** в Сантьяго прошла торжественная церемония вступления Сальвадора Альенде в

должность президента страны. Торжество проходило в президентском дворце Ла Монеда при участии множества людей: здесь были политики, общественные деятели, люди науки и искусства. За пределами дворца, на площади, собрались тысячи людей, которые своим приходом сюда хотели выразить восхищение талантом и мужеством нового президента, который пусть с третьей попытки, но все же сумел встать у руля власти. Дин Рид тоже был там и собственными глазами видел и толпы восторженных людей у дворца, и саму церемонию. По его словам: «Тогда я единственный раз в жизни оказался в обстановке, которая внешне походила на ту, что окружала меня, когда я приехал в Южную Америку в качестве молодой свежеиспеченной голливудской звезды. Теперь на мне был солидный черный костюм, как и на всех других мужчинах, за исключением военных, надевших парадные мундиры. Женщины были в роскошных нарядах. В бокалах пенилось шампанское, которое разливали лакеи в ливреях.

Но все сходство с той обстановкой было только внешним. Вся элегантность была лишь данью официальному протоколу. А вот разговоры, которые велись во время этого вечера, так же отличались от банальностей, которыми обмениваются в высшем обществе, как ковбой отличается от своего босса. И неудивительно: ведь многие из присутствовавших впервые участвовали в подобном торжестве. Впервые в истории представители народа встретились в президентском дворце Ла Монеда…»

Дин видел, как прежний президент Эдуардо Фрей передал Альенде президентскую повязку и сказал несколько напутственных слов своему преемнику. Дин находился в толпе людей и вместе со всеми аплодировал этой церемонии. Рядом с ним стоял статный военный в парадном генеральском мундире. Аплодируя вместе со всеми, он повернул голову в сторону Дина и сказал:

– Ваша приверженность новому президенту поражает многих.

– Вы меня знаете? – спросил Дин, внимательно вглядываясь в лицо собеседника и мысленно отмечая, что это лицо он где-то уже видел.

– Кто в Чили не знает Дина Рида, – усмехнулся генерал. – Вы, наверное, единственный американский артист, чье творчество в равной мере нравится разным слоям чилийцев. Хотя ваши политические воззрения разделяют далеко не все.

– Спасибо за откровенность, – поблагодарил Дин своего собеседника. – Позвольте узнать ваше имя.

Однако ответа он не дождался: в этот момент Альенде

направился на балкон президентского дворца, чтобы выступить перед тысячной толпой, собравшейся на площади, и генерал покинул общество Дина. Но имя его он все равно узнал. Повернувшись к даме, которая во время их разговора стояла по другую сторону генерала, Дин поинтересовался у нее:

– Кто это?

– Генерал Аугусто Пиночет, – ответила дама, не скрывая своего удивления неосведомленностью Дина.

Ее удивление было понятно: начальника Генерального штаба в Чили знали многие. Дин тоже неоднократно слышал его имя и даже один раз видел генерала по телевизору, однако запомнить его так и не удосужился. Однако очень скоро имя и лицо этого человека станут известными на весь мир. И Дин тоже запомнит Пиночета на всю жизнь.

А в это время в своей речи перед собравшимися на площади Альенде говорил: «Я всего лишь обычный человек с присущими мне слабостями и недостатками. Мне приходилось в прошлом терпеть поражения, но сегодня я воспринимаю победу с полным пониманием ее значения, победу, которая не является моей личной победой. Я разделяю ее с народом, который вместе со мной 4 ноября войдет в президентский дворец Ла Монеда».

Слушая президента, Дин справедливо считал, что в этой победе есть и его заслуга. Ведь та его акция с флагом у посольства США имела большой резонанс не только в Чили, но и во многих странах мира (в основном благодаря стараниям левых изданий). И на президентской церемонии в Ла Монеда Альенде не преминул лично пожать Дину руку и поблагодарить его за тот вклад, который он сделал для победы левых сил.

– Надеюсь, это не последняя ваша помощь нашему делу? – спросил Альенде у Дина, когда толпа фоторепортеров запечатлела их крепкое рукопожатие.

– Я готов хоть завтра выполнить любое ваше поручение, товарищ президент, – ответил Дин.

– Ну, завтра не надо, а вот если вы включитесь в культурную программу нашего блока, которую мы собираемся начать осуществлять уже в ближайшие месяцы, мы будем вам очень благодарны.

– Считайте, что я уже участвую в этой программе, – ответил Дин, широко улыбаясь.

В тот день ликовал не только Сантьяго, но и вся республика. Дин увидел это воочию, когда возвращался поздно ночью в гостиницу «Конкистадор». Столица Чили превратилась в место всеобщего праздника искусств, какого эта страна никогда прежде не видела. На двенадцати сценах, воздвигнутых под открытым

небом в разных местах центра города, в атмосфере всеобщего ликования безостановочно сменяли друг друга ведущие художественные ансамбли и отдельные исполнители. Причем среди артистов были не только политически ангажированные коллективы, но и вполне официальные: симфонические оркестры, Национальный балет, труппа Института театра, а также многие известные поэты, актеры цирка, оперетты и т. д. Как писала Джоан Хара:

«Это было замечательное событие, и праздничные толпы заполонили весь центр города. Улицы были закрыты для транспорта, и массы людей всех возрастов прогуливались, смотрели и слушали выступления на открытом воздухе. Отовсюду звучала музыка, доносился запах эмпанадос, жареных земляных орешков, тянуло дымом костров, над которыми жарили мясо на вертеле, а от одной сцены к другой перекатывалось громовое эхо аплодисментов…»

Спустя несколько дней Дин уехал в Италию, рассчитывая в следующем месяце снова вернуться в Чили. В Риме его застала весть о том, что Нобелевский комитет присудил премию в области литературы советскому писателю Александру Солженицыну. Новость была из разряда неновых, и Дин узнал об этом еще месяц назад (присуждение состоялось **8 октября**), однако активное осмысление этого события началось у Дина именно в эти дни, когда он скопом познакомился с откликами на это событие как в англоязычных изданиях, так и в итальянских.

Отклики были разные: как восторженные, так и диаметрально противоположные. Причем разброс мнений присутствовал даже в коммунистических изданиях. Например, газета американских коммунистов «Дэйли уорлд» осудила это присуждение, а «Унита» (издание КП Италии) и «Юманите» (издание КП Франции), наоборот, одобрили. Столь разный подход к этому событию был не случаен и вызван был прежде всего теми проблемами, которые существовали внутри этих компартий. Ведь августовские события 68-го в Чехословакии раскололи мировое коммунистическое движение, и этот раскол за два минувших года не только не исчез, но еще больше углубился. И тот спор, который возник в недрах многих компартий Запада по поводу присуждения Солженицыну Нобелевской премии, высветил эту проблему с новой силой.

Дин не читал произведений Солженицына и был знаком только с аннотацией к одному его роману – «Август четырнадцатого», с которого, собственно, и начался скандал. До этого на Западе тоже выходили книги Солженицына (в антисоветском издательстве «Посев» в ФРГ), однако именно

«Август…» стал отправной точкой для Запада в его активном пропагандировании Солженицына. До этого он был для западных идеологов всего лишь гонимым писателем (в **ноябре 1969 года** писателя исключили из Союза писателей СССР), а теперь был возвеличен до главного борца с режимом. И все потому, что «Август четырнадцатого» был самым антисоветским его романом (в нем под другим углом описывались события, предшествовавшие Октябрьской революции).

В конце **1970 года** гамбургский журнал «Штерн» выступил с большим материалом в связи с изданием в ФРГ этого романа, который и побудил Дина написать Солженицыну открытое письмо. Этот поступок был вызван вовсе не тем, что Дин прекрасно понимал, как иная позиция может отразиться на его карьере в Советском Союзе, которая там только начиналась. В конечном счете он мог и не встревать в эту полемику и тем самым имел возможность сохранить свою репутацию незапятнанной. Но он поступил иначе, поскольку был твердо убежден в том, что Солженицын творит несомненное зло своей родине. И для Дина было неважно, осознанно творится это зло или по неведению.

Дин упорно стоял на той точке зрения, что в сложившихся в мире условиях нельзя было позволять критиковать одну из ведущих держав мира, которая вела изнурительную холодную войну с другой сверхдержавой – США, которую Дин считал виновницей этой самой холодной войны (даже несмотря на то, что она была его родиной). Причем Дин не был против критики вообще, но в данном случае он был уверен – эта критика рождена на свет не из благих намерений, а исключительно по политическим мотивам и во многом благодаря помощи врагов. Не случайно поэтому деяния советских диссидентов находили самый горячий отклик в стане самых реакционных деятелей Запада, и особенно в ФРГ, где неонацисты буквально грезили реваншем за май 45-го. А произведения того же Солженицына печатали издания, которые щедро оплачивались ЦРУ. Да и нынешнее присуждение ему Нобелевской премии было больше политическим актом, чем общественным: антисоветские круги на Западе хотели таким образом нанести удар по передовой коммунистической державе в тот самый момент, когда левые идеи торжествовали: во Вьетнаме войска вьетконговцев одерживали одну победу за другой, а в Латинской Америке появилась вторая Куба – Чили. Так что Солженицын подвернулся недругам Москвы как нельзя кстати.

«Август четырнадцатого» расхваливался на Западе на все лады, причем не по причине его выдающихся литературных

особенностей, каковых в нем было немного, а исключительно из-за темы. По задумке восхвалителей «Августа…», эта книга должна была представить западному обывателю родину Великого Октября как «тюрьму народов». Некоторые западные журналисты в своих статьях, посвященных этой книге, так и писали: дескать, советские люди и сегодня живут в постоянном страхе перед всемогущим КГБ и даже боятся разговаривать по телефону, зная, что их могут подслушивать секретные службы. Дин, который побывал в Советском Союзе и пробыл там три месяца, как никто другой знал, что подобные статьи – откровенный бред воспаленной фантазии журналистов, которые либо никогда не были в этой стране, либо были, но предпочитают писать о ней откровенную неправду по заданию своих антисоветски настроенных хозяев.

Многочисленные встречи с советскими людьми в самых разных городах Советского Союза наглядно продемонстрировали Дину, что люди этой страны если и боятся чего-то – так это только новой войны, которую могут развязать капиталисты. А в целом это очень открытые и добросердечные люди, уверенные в своем будущем. И называть их «дрожащими от страха и забитыми кроликами», как написал один американский журналист, было верхом цинизма. Поэтому, решаясь на свой открытый ответ Солженицыну, Дин имел в виду именно это, а не что-нибудь другое. И хотя он знал, что после этого поступка определенная часть советской интеллигенции отвернется от него (о чем его еще предупреждал Купцов-старший), он не испугался этого: за те годы, что он занимался политикой, он уже привык к тому, что кто-то не просто его не любит, а откровенно ненавидит.

Открытое письмо Александру Солженицыну Дин написал в **декабре** и передал в советское посольство. После чего вернулся в Чили, чтобы участвовать в культурной программе блока «Народное единство». Планы у Дина были масштабные: он собирался снять документальный фильм о ситуации в Чили, дать несколько концертов и участвовать в создании в провинции народных театральных коллективов. Этими планами Дин поделился с советским журналистом В. Весенским из газеты «Комсомольская правда», который за последние годы первым из представителей советской прессы взял у него интервью прямо в номере гостинице «Конкистадор» (статья под названием «Этот флаг не отмыть» будет опубликована **26 декабря**).

Тем временем Альенде сформировал коалиционное правительство, в которое вошли представители всех партий «Народного единства»: три социалиста, три коммуниста, три радикала и несколько других представителей от блока левых сил.

И хотя это правительство не имело всей полноты власти и его сторонники составляли меньшинство в Конгрессе, однако ему удалось на первых порах, в обстановке общей эйфории, охватившей общество, начать в стране широкомасштабные преобразования, которых Чили до этого еще не знала. Дети до 15 лет стали ежедневно получать по пол-литра молока бесплатно, была повышена зарплата, приняты меры по борьбе с безработицей. Альенде отменил более 20 декретов о повышении цен, ввел бесплатное медицинское обслуживание, распустил специальные отряды карабинеров, которые до него прославились своей жестокостью при подавлении народных выступлений. На государственных предприятиях стали создаваться советы с участием администрации, рабочих и профсоюзов. Они получили право изменять условия труда рабочих и решать вопросы экономического планирования.

Во внешней политике Альенде тоже придерживался радикальных шагов. Так, спустя чуть больше недели после своего вступления в президентскую должность, **12 ноября**, он восстановил дипломатические отношения с Кубой, которые были прерваны Фреем под давлением США.

Между тем в **январе 1971 года** Дин отправился в поездку по чилийской провинции с группой театральных актеров. Среди последних был популярный театральный режиссер и певец Виктор Хара. Поскольку этому человеку суждено будет сыграть в жизни нашего героя значительную роль, стоит рассказать о нем подробнее.

Хара родился в **1934 году** в бедной семье: его родители были батраками в поместье богача в Лонкене. Помимо Виктора, который был младшим ребенком, в семье росло еще трое детей: две девочки и мальчик. Виктор слыл среди них самым независимым, за что ему неоднократно доставалось как от родителей, так и от старших сестер. Однако в школе Виктор учился хорошо и своих учителей редко огорчал. В 40-е годы семья переехала в Сантьяго и поселилась в нескольких кварталах от стадиона «Чили», который чуть позже станет для Виктора роковым – именно там он найдет свою мученическую смерть. Однако до этого еще далеко. А пока Виктор пошел учиться в католическую школу Руис-Тагле. Чуть позже он поступил в коммерческое училище на счетовода. Но учеба там Виктору была в тягость. И после того как в **марте 1950 года** от кровоизлияния в мозг умерла мать Хары, он поступил в семинарию, надеясь в религии найти свое призвание. Но и там его ждало разочарование. В семинарии царила строгая дисциплина, и бунтарю Харе было трудно приспособиться к тамошним

порядкам. В итоге в **марте 1952 года** он ушел и оттуда – в армию. Служил в пехотном училище в Сан-Бернардо.

Когда Хара вернулся на «гражданку», он устроился работать санитаром на «Скорой помощи». Жил один, поскольку муж его родной сестры не пустил Виктора жить к себе, не желая прощать его уход из семинарии. В конце **1954 года** Хара в компании друзей отправился на север Чили, чтобы изучать народную музыку. Именно эта поездка и станет определяющей в судьбе Хары – он увлекся народным творчеством. Под влиянием этой поездки, а также после знакомства со своим сверстником Фернандо Бордеу, который учился в театральной школе Чилийского университета, Хара в **марте 1956 года** поступил в эту же школу. Там Хара увлекся левыми идеями, полюбил пьесы Горького (в одной из них, «На дне», Хара играл роль Бубнова). Там же Хара подружился с будущим кумиром чилийцев актером Нельсоном Вильягра (станет знаменит после роли в фильме «Шакал из Науэльторо»), а также впервые серьезно влюбился в женщину, которая была старше его на несколько лет. Именно она подарила Харе гитару, которая до конца жизни станет его главным оружием и прославит на всю страну. В **1957 году** именно с этой гитарой Хара сделает свою первую сольную запись для песни фольклорного ансамбля «Кункумен». Год спустя Хару взяли гитаристом в этот ансамбль. А еще через год Хара окончил театральную школу.

Получив диплом актера, Хара решил повременить с актерской практикой и все силы стал отдавать музыкальной деятельности – играл в «Кункумене». Гастроли ансамбля проходили как в Чили, так и далеко за ее пределами: например, летом 1961 года ансамбль побывал в Москве и Ленинграде. Когда ансамбль вернулся в Чили, Хара сказал знаменитые слова: «У русских надо учиться, как жить сообща. Они обладают духовной непоколебимостью».

Тогда же Хара встретил свою будущую супругу. Звали ее Джоан, она в свое время была балериной, а когда Хара учился в театральной школе, преподавала там сценическое движение. Однако в школе их связывали только служебные отношения. А потом Хара как-то встретил Джоан на улице и пригласил ее в кафе. После чего принялся настойчиво за ней ухаживать. Джоан поначалу испугалась такой настойчивости, поскольку только недавно развелась и не хотела завязывать отношений с мужчинами. Но Хара сумел-таки растопить лед в ее сердце, и в **1962 году** они поженились. Через два года у них родилась дочь Аманда, чуть позже еще одна – Мануэла.

В **1964 году** Хара уже работал режиссером в Институте

театра Чилийского университета и ставил прогрессивные пьесы (например, Бертольта Брехта). В том же году он отправился в Уругвай на народный фестиваль «Атлантида» и там познакомился с Сальвадором Альенде и его женой Ортенсией Бусси (они были приглашены на первое представление чилийской труппы). После спектакля Альенде сказал речь, в которой поздравил Хару и его актеров с удачной постановкой.

В середине 60-х в Чили начался бум фольклорной песни, и Хара на какое-то время ушел в музыку. Он записал пластинку с песней «Благочестивая», которая стала поводом для громкого скандала. Это была народная песня, которая высмеивала чрезмерную страсть дамы к своему исповеднику. Церковь считала эту песню крамольной и была крайне возмущена, когда Хара записал ее на пластинку и эту запись начали транслировать по радио. Служба информации при президенте страны потребовала изъятия этой пластинки из продажи и уничтожения оригинала. Хара по этому поводу заявил: «Люди, считающие эту плутовскую и остроумную народную песню дерзкой и непочтительной, отрицают тем самым добропорядочность народного творчества, которое является основой основ нашей традиции».

Этот скандал только утвердил Хару в том, что его удел – социальные песни. В те годы в чилийской музыке преобладали коммерческие коллективы и исполнители, репертуар которых соответствовал программе христианских демократов: это был принаряженный, напыщенный фольклор без признаков какого-либо протеста. Среди ансамблей, которые подражали западным, выделялись два: «Лос куатро куартос», с прилизанными солистами в смокингах, и их женский двойник «Лас куатро брухас», солистки которого выступали в сверкающих платьях и увешанные драгоценностями. На этом фоне Виктор Хара заметно выделялся и был настоящим любимцем простого населения Чили. Почти все его песни социальные, они пользовались огромным успехом в крестьянских общинах и среди рабочих.

В **марте 1967 году** грянул новый скандал, связанный с именем Хары: на этот раз из-за песни политического характера. Она называлась «Неуловимый» и была посвящена Эрнесто Че Геваре. Поскольку это имя в Чили было под официальным запретом, Хара вынужден был зашифровать его на пластинке (ее выпустила фирма «Одеон»). Песня называлась «Для Э. Ч. Г.». Однако люди прекрасно поняли, о ком идет речь. В песне была идея преследуемого и охотников, которые назначили цену за голову «неуловимого». Песня вышла в свет весной, а осенью весь мир облетела весть о том, что Че Гевара погиб. Стоит отметить, что коммунисты Чили критиковали Хару за эту песню, поскольку

отстаивали идею осуществления революции не вооруженным путем, к которому призывал Че Гевара, а в рамках парламентской демократии. Однако Хара объяснил им, что смысл песни в другом: «Это не призыв к оружию, а выражение восхищения героизмом Че».

В конце 60-х Хара был уже настоящим кумиром миллионов простых чилийцев. Практически каждая его песня становилась шлягером в народной среде и головной болью для власть имущих, которые называли его произведения «подрывными». Например, песня «Солдат» была призывом к армии не поворачивать оружие против своих соотечественников («Солдат! Не стреляй в меня, брат мой»), а песня «Кто убил Кармелиту?» была посвящена памяти девушки, которая погибла от наркотиков в нищем районе, где одно время жил и сам Хара. В **июне 1969 года** на новой студии грамзаписи «ДИКАП» (ее учредил Союз молодых коммунистов Чили) Хара записывает альбом собственных песен «В твои раскрытые ладони», который стал чрезвычайно популярен.

Естественно, не мог остаться Хара в стороне и от выборов президента страны в **1970 году**. Он выступал со своими песнями на митингах в поддержку Альенде (слова к первому предвыборному варианту знаменитой песни «Венсеремос» («Мы победим») написал именно Виктор Хара), ставил как режиссер прогрессивные спектакли. А когда Альенде победил, Сальвадор лично обратился к Харе с предложением отправиться в провинцию и организовывать там народные театры. В качестве компаньонов Хара взял с собой в эту поездку группу актеров своего театра, а также Дина Рида.

Артистическая бригада колесила по Чили на старом грузовике, который, правда, перед поездкой был покрашен, чтобы скрыть его солидный возраст. На его деревянных бортах были прикреплены плакаты с изображением сжатых кулаков, как на некоторых картинах Пикассо, а посредине на фоне сине-бело-красного флага Чили большими буквами было написано: «Унидад популар» («Народное единство»). Этот грузовик служил не только средством передвижения, но также отличной трибуной и сценой. Приехав в какой-нибудь город, члены бригады устраивали сначала митинг, на котором рассказывали о целях и задачах нового правительства, а затем выступали с концертом. Дин и Хара пели песни, а остальные актеры декламировали стихи или читали отрывки из революционных произведений. Стоит отметить, что за свою работу участники бригады не получали ни единого эскудо и единственное, о чем просили, – чтобы их кормили.

Тем временем **27 января 1971 года** в Советском Союзе было опубликовано открытое письмо Дина Рида Александру Солженицыну, которое явилось ответом на ту полемику, которая разгорелась в СССР и на Западе в связи с присуждением Солженицыну Нобелевской премии. Письмо Дина появилось на страницах главного издания советской творческой интеллигенции – в «Литературной газете». Содержание его было следующим:

«Дорогой коллега по искусству Солженицын!

Я, как американский артист, должен ответить на некоторые Ваши обвинения, публикуемые капиталистической прессой во всем мире. По моему мнению, они являются ложными обвинениями, и народы мира должны знать, почему они ложные.

Вы заклеймили Советский Союз как «глубоко больное общество, пораженное ненавистью и несправедливостью». Вы говорите, что Советское правительство «не могло бы жить без врагов, и вся атмосфера пропитана ненавистью и еще раз ненавистью, не останавливающейся даже перед расовой ненавистью». Вы, должно быть, говорите о **моей** родине, а не о своей! Ведь именно Америка, а не Советский Союз, ведет войны и создает напряженную обстановку возможных войн, с тем чтобы давать возможность своей экономике действовать, а нашим диктаторам, военно-промышленному комплексу наживать еще больше богатства и власти на крови вьетнамского народа, наших собственных американских солдат и всех свободолюбивых народов мира. Больное общество у меня на родине, а не у Вас, г-н Солженицын!

Именно Америка, а не Советский Союз превратилась в самое насильственное общество, которое когда-либо знала история человечества. Америка, где мафия имеет больше экономической власти, чем крупнейшие корпорации, и где наши граждане не могут ходить ночью по улицам без страха подвергнуться преступному нападению. Ведь именно в Соединенных Штатах, а не в Советском Союзе, свои же сограждане убили в период с 1900 года больше людей, чем число всех американских солдат, погибших в боях в Первой и Второй мировых войнах, а также в Корее и во Вьетнаме! Именно наше общество считает удобным убивать любого и каждого прогрессивного лидера, который находит в себе мужество поднять голос против некоторых наших несправедливостей. Вот что такое больное общество, г-н Солженицын!

Далее Вы говорите о расовой ненависти. В Америке, а не в Советском Союзе, на протяжении двух столетий остаются безнаказанными убийства негров, которых держат в полурабстве.

В Америке, а не в Советском Союзе, полиция без разбору избивает и арестовывает любого и каждого негра, пытающегося выступить в защиту своих прав.

Затем Вы говорите, что «свобода слова, честная и полная свобода слова – вот первое условие здоровья любого общества, и нашего тоже». Попытайтесь распространить эти мысли среди страдающих народов, вынужденных бороться за свое существование и жить – вопреки своей воле – под гнетом диктаторских режимов, держащихся у власти лишь благодаря военной помощи США.

Скажите о своих мыслях людям, чье «здоровье» заключается лишь в том, что половина их детей умирает при рождении, так как у них нет денег на врача, и они всю свою жизнь мучаются из-за отсутствия медицинского обслуживания. Скажите об этом людям капиталистического мира, чье «здоровье» состоит в том, что всю свою жизнь они проводят в постоянном страхе перед безработицей. Скажите американским неграм, как много им помогли на деле «здоровье» и «свобода слова» в процессе их справедливой борьбы за равноправие с белыми, когда после двух столетий «свободы слова по-американски» во многих районах США считают, что убить негра – это все равно что поохотиться на медведя!

Скажите трудящимся капиталистического мира о Ваших идеях по поводу «свободы слова как первого условия здоровья». Вы говорите о свободе слова, тогда как большая часть населения земного шара пока еще говорит о возможности читать слова!

Нет, г-н Солженицын, ваше определение свободы слова как первого условия здоровья неверно. Первое условие заключается в том, чтобы сделать страну достаточно здоровой морально, умственно, духовно и физически, с тем чтобы ее граждане умели читать, писать, трудиться и жить вместе в мире.

Нет, г-н Солженицын, я не принимаю Вашего первого условия здоровья общества, и особенно в Вашем определении и контексте. Моя страна, известная своей «свободой слова», – это страна, где полиция нападает на участников мирных походов. В моей стране разрешены мирные походы, и в то же время продолжающаяся война губительно отражается на жизни вьетнамского народа, ибо демонстрации, разумеется, нисколько не меняют политику правительства. Неужели Вы действительно думаете, что военно-промышленный комплекс, правящий моей страной и полумиром, печется о «свободе слова»?! Правители его сознают, что они, и только они, обладают властью принимать решения. Воистину, свобода слова на словах, а не на деле!

Вы заявляете также, что Советский Союз идет не в ногу с XX

веком. Если это и верно, то потому, что Советский Союз всегда идет на полшага впереди XX века! Неужели вы предлагаете Вашему народу отказаться от своей роли вождя и авангарда всех прогрессивных народов мира и вернуться к бесчеловечным и жестоким условиям, существующим в остальной части земного шара, где несправедливость воистину изобилует в атмосфере чуть ли не феодальных условий многих стран?

Г-н Солженицын, в статье далее сказано, что Вы – «многострадальный писатель из Советского Союза». По-видимому, это означает, что Вы много страдаете из-за отсутствия моральных и общественных принципов и что Ваша совесть мучает Вас в тихие ночные часы, когда Вы остаетесь наедине с собой.

Верно, что в Советском Союзе есть свои несправедливости и недостатки, но ведь все в мире относительно. В принципе и на деле Ваше общество стремится к созданию подлинно здорового и справедливого общества. Принципы, на которых построено Ваше общество, здоровы, чисты и справедливы, в то время как принципы, на которых построено наше общество, жестоки, корыстны и несправедливы. Очевидно, в жизни могут быть ошибки и некоторые несправедливости, однако несомненно, что общество, построенное на справедливых началах, имеет больше перспектив прийти к справедливому обществу, нежели то общество, которое строится на несправедливости и эксплуатации человека человеком. Общество и правительство моей страны отстали от времени, потому что их единственная цель заключается в стремлении сохранить во всем мире статус-кво.

Именно Ваша страна стремится делать прогрессивные шаги во имя человечества, и если в чем-то она несовершенна и порою спотыкается, то мы не должны осуждать за эти недостатки всю систему, а должны приветствовать ее за мужество и стремление прокладывать новые пути.

Искренне Ваш Дин Рид».

О том, какова была реакция на его письмо в СССР и на Западе, Дин узнает чуть позже, а пока он продолжает свою агитационную деятельность в Чили. Он колесит по стране, выступая с концертами и митингами в профсоюзных клубах, на заводах, на рудниках и даже в тюрьмах. Вместе с Харой они создают театральные коллективы в небольших провинциальных городках и учат тамошних актеров ставить революционные пьесы. Все участники бригады сильно устают, однако никто из них не жалуется – ведь они добровольно взвалили на себя эту ношу. А Дину роптать и вовсе не положено: он должен доказать своим коллегам, что он хоть и является звездой «спагетти-вестернов», но

может не только в них сниматься, но также участвовать и в стоящих делах.

В этой поездке Дин жадно впитывал в себя все, с чем ему приходилось сталкиваться. Например, во время выступления в тюрьме он не мог оторвать глаз от парня, который плакал во время их выступления и, не стесняясь своих товарищей, вытирал градом льющиеся из его глаз слезы черными от ежедневной работы ладонями.

Не меньшее впечатление произвела на Дина и встреча с шахтерами крупнейшего в Чили медного рудника Эль-Теньенте в поселке неподалеку от Ранкагуа. Этот поселок прилепился к почти отвесной скале, и его дома выглядели как прикленные к стене картонные кубики. Дин, Хара и другие члены бригады были приглашены шахтерами посетить шахту, в которой добывалась медь. Причем своеобразие этого рудника заключалось в том, что он шел не вглубь, а вверх. От туннеля подъемник поднимал шахтеров на различные этажи рудника, а руда по пробитым между забоями колодцам сбрасывалась вниз на уровень туннеля, откуда ее потом вывозили на вагонетках. При прежнем президенте эта шахта хоть и числилась чилийской, однако заправляли ею американцы (51 % акций принадлежал чилийскому правительству, однако американцы из компании «Кеннекотт коппер корпорейшн» сохраняли за собой право на ближайшие двадцать лет руководить как производством, так и сбытом меди, что было очень выгодно: это освободило американцев от импортных пошлин и «заморозило» налоговые обложения). При Альенде американцы еще продолжали заправлять рудником, однако дальнейшие перспективы складывались для них безрадостные: все понимали, что если политика нового президента будет продолжаться и дальше в том же духе, то американцам придется сворачивать в Чили свой бизнес.

Затем Дин и его товарищи побывали на угольных шахтах на юге от реки Био-Био. Эта река была знаменита тем, что за 150 лет своего владычества испанские конкистадоры так и не смогли ее пересечь, так как натолкнулись здесь на упорное сопротивление индейских племен арауканов. Сегодня эти места были знамениты тем, что местные шахты давали 85 % всего чилийского угля, а здешние шахтеры были самым боевым отрядом рабочего класса Чили. Именно отсюда в 30-х годах пролетарии послали в парламент депутатов-коммунистов, и именно в этих местах ковался Чилийский народный фронт в **1936 году**.

В каждом из шахтерских поселков (по-чилийски побласьонос) Дина и его друзей принимали как своих и оказывали им самые

изысканные почести. Правда, изысканность была относительная, поскольку жили горняки достаточно бедно. Однако миску горячей похлебки и кувшин «чипульки» (молодое вино с мукой) для гостей всегда находили. А вечером Дин обычно коротал время в обществе Хары, с которым они сильно подружились. Каждому из них было что рассказать друг другу, начиная от политики и заканчивая личной жизнью. Их сближали даже дети: ведь у обоих росли дочери и они безумно их любили.

В **марте** реформы, проводимые Альенде, вступили в новую фазу своего развития: были взяты под контроль государства медные рудники Чукимата и Эль-Теньенте, на которых заправляли американцы. В Конгрессе началось обсуждение поправки к конституции страны, которая позволила бы немедленно национализировать медные рудники и тем самым лишить американцев самого лакомого куска чилийской экономики. Естественно, американцев это не устраивало, и начался саботаж с их стороны. Дело стало доходить до вопиющих фактов: например, на Эль-Теньенте выплавленную медь стали сливать в реку. Когда об этом стало известно правительству, оно назначило на медные рудники своих директоров, чтобы они прекратили саботаж.

Более четырех месяцев Дин провел в агитационных разъездах, исколесив чуть ли не всю Чили. Затем Дин решил отправиться в Аргентину. Это решение было не случайным. Когда в **апреле** Дин находился в Сантьяго, там его нашли гонцы от его давнего приятеля Альфредо Варелы. Гонцы вручили Дину письмо от Варелы, в котором он предлагал ему приехать в Аргентину, чтобы участвовать в революционных преобразованиях, которые намечались в его стране. Причем Дин должен был приехать в Аргентину под видом артиста, якобы с гастролями, но на самом деле его миссия была бы такой же, как и в Чили, – пропагандистской.

Аргентина в те дни и в самом деле стояла на пороге перемен. Военный режим генерала Онгании был свергнут в результате военного переворота **8 июня 1970 года**. Его участники таким образом хотели предотвратить дальнейшее нарастание народного движения путем устранения потерявшего авторитет диктатора. Новым президентом страны стал генерал Марсело Левингстон, однако его приход к власти не усмирил народ Аргентины. Уже осенью того же года страну охватили одна за другой три всеобщие забастовки в Кордове. Президент направил туда войска, которые встретили решительное сопротивление рабочих – там начались баррикадные бои. Эти события всколыхнули другие области. В результате **23 марта 1971 года** Левингстон был

смещен со своего поста, и на его место пришел другой генерал – Алехандро Лануссе. Новый президент, опасаясь радикального полевения страны, как это случилось в Чили, вынужден был пойти на значительные уступки: он проявил готовность к компромиссу с умеренной оппозицией, провозгласил либерализацию режима и допустил легальную деятельность партий. Однако на объявление амнистии политическим заключенным не пошел и выпустил антикоммунистический декрет № 17401. Во внешней политике Лануссе отошел от доктрины «идеологических границ» на позиции «идеологического плюрализма» и первое, что сделал, – встретился с президентом Чили Сальвадором Альенде.

Все эти события стали поводом к активизации деятельности Компартии Аргентины, которая входила в блок левых партий Революционный народный союз, куда помимо нее вошли «непримиримые» радикалы, левые социалисты и христианские демократы. Поскольку блок стоял на позициях расширения стачечной борьбы, то приезд такого агитатора, каким успел зарекомендовать себя Дин Рид, явился бы как нельзя кстати в этих условиях.

Дин покинул Чили в **мае**. Но прежде чем уехать оттуда, он написал всем своим единомышленникам письмо, в котором хоть и не раскрыл причину своего отъезда из страны, но многое объяснил. Это письмо было опубликовано **25 мая** в таких крупных чилийских изданиях, как «Кларин», «Насьон» и других. В нем Дин писал следующее:

«Пришел час, который должен был прийти, час моего расставания. Я прожил четыре месяца бок о бок с вами, столь значительные и для чилийского народа, и для меня лично…

Я приехал в Чили, чтобы быть вместе с вами, чтобы помочь вам, чтобы показать, насколько я разделяю ваше желание жить в свободном и справедливом обществе. Я приехал, чтобы учиться и учить. Ведь когда любят друг друга, как вы и я, то нет учителей и учеников, обе стороны – и учитель и ученик – учатся. Я никогда не забуду те четыре месяца, что провел рядом с вами. Как могут изгладиться из памяти часы, проведенные на шахтах Теньенте и Чукикамата, беседы с крестьянами Консепсьона, встречи с рабочими в Сантьяго, Арика и Вальпараисо! Все эти чилийцы имеют различные представления о жизни, у каждого свое прошлое, но у всех объединяющее их будущее. Все с надеждой и доверием смотрят в будущее – новую Чили.

Мои слова не столько слова прощания, сколько вера в новую встречу. Мы ведь всегда будем рядом друг с другом, когда речь идет о выступлении против несправедливости. Мы будем рядом в

любой точке земного шара, где мужчина или женщина защищают свой очаг от иноземного агрессора. Мы будем рядом в любом месте, где рабочие, крестьяне, студенты и интеллигенция борются за мир, в котором нет места несправедливости и войнам.

Мы будем рядом, где есть люди, отстаивающие свои неотъемлемые права, и мы будем бороться вместе с этими людьми – будь то во Вьетнаме, Анголе или Бразилии.

Мы будем рядом и в тех местах, где цветут цветы, сияет солнце, смеется ребенок. Ведь нашим будущим будет мир, где обретают высочайшую ценность самые чистые и гуманные человеческие качества. В этом мире единственным привилегированным классом будут дети, а мужчины и женщины будут дарить свою жизнь не только друг другу, но и всему человечеству, будут солидарны с каждым, кто нуждается в солидарности. Это будет мир, в котором люди будут ощущать боль, если больно соседу. Это будет мир, в котором люди будут жить достойно и мирно.

Чилийцы, я желаю вам счастья на вашем пути. Вы взяли на себя историческую задачу, и я знаю, что вы справитесь с ней. Не сдавайтесь. Всегда следуйте за правдой. Я всегда готов помочь вам. Я обнимаю вас. Дин Рид».

Это письмо вызвало удивление у многих чилийцев, которые его прочитали. Но не теми мыслями, которые были в нем отражены, а самим тоном – в нем автор как будто навсегда прощался с чилийцами. И люди, читавшие это письмо, никак не могли взять в толк, откуда взялась эта интонация. Вот почему это письмо получило название «прощального». Однако интонация эта возникла не случайно.

Дин прекрасно понимал, что поездка в Аргентину является опасной. И хотя ехал он туда как артист и даже брал туда с собой свою жену Патрисию, однако до конца не был уверен, что вернется оттуда живым. Аргентинские спецслужбы могли устроить ему любую провокацию и убрать его при любой удобной возможности. Как это, например, случилось с президентом самого большого профсоюза Аргентины Вандором, которого застрелили на улице неизвестные. Или с бывшим президентом Союза журналистов Аргентины, которого сразила «случайная» пуля полицейского. Однако и не ехать в эту страну Дин тоже не мог: это было не в его правилах – сворачивать с дороги на полпути.

Тем временем **29 мая** в крупной чилийской ежедневной газете «Насьон» вместо привычной передовицы было напечатано прощальное приветствие, обращенное к Дину Риду. Его автор, редактор этой газеты Мигель Умберто Агирре, писал: «Правда, гринго, заключается в том, что нам нелегко сказать тебе „гуд

бай“, тебе, который никогда ничего не требовал от нас. Мы много раз работали вместе, всегда во имя нашего революционного дела.

Ты сейчас далеко от своей семьи, ты оставил своих близких, чтобы жить в окружении друзей. Ты сейчас далеко от своего дома, от своих родителей, далеко от родины и от своей дочери Рамоны.

Ты оставляешь нас как брат, Дин. Ты оставляешь нас как романтик нашего дела. Ты оставляешь нас, потому что такова твоя судьба – бороться за то, во что ты веришь.

Нас покидает друг.

Ты для нас друг, который отправляется теперь в другую точку планеты, чтобы поднять оружие за счастье других народов.

Мы прощаемся с хорошим товарищем. Поцелуй и обними за нас Рамону. Пусть она простит нас за то, что мы столь надолго задержали ее отца, и пусть поймет, что это было необходимо».

Когда Патрисия узнала, что Дин собирается ехать в Аргентину, она всячески отговаривала его от этой затеи. Поскольку к тому времени их брак превратился в чисто формальный и их связывали только дружеские отношения, Патрисия не могла умолять Дина своим именем. Поэтому она призвала на помощь имя дочери, которую Дин безумно любил. Однако даже это обращение не помогло. Только после этого Патрисия поняла, что эта поездка для Дина скорее не возможность увидеться со старыми друзьями, а нечто гораздо большее. Это была очередная игра на грани, тот самый вплеск адреналина в кровь, без которого Дин уже не мыслил своего существования. Поняв это, Патрисия успокоилась и, когда Дин спросил ее, едет ли она с ним, ответила утвердительно. «В конце концов, если я буду рядом, может быть, он не совершит каких-то необдуманных поступков», – подумала она. Увы, она в очередной раз ошиблась.

Поначалу Дин собирался въехать в Аргентину легально, для чего отослал запрос в аргентинский МИД. Но когда оттуда пришел отрицательный ответ, воспользовался нелегальным каналом, который существовал на границе с Уругваем и которым давно пользовались его аргентинские товарищи. По планам Дина, они с женой должны были пробыть в Аргентине чуть больше недели, после чего Дина ждала новая поездка – в Советский Союз. Там он собирался посетить в качестве гостя Международный московский кинофестиваль, а потом отправиться на гастроли по стране.

Дин и Патрисия приехали в Буэнос-Айрес и поселились в доме своего давнего друга адвоката Эдуардо. Практически с первых же дней их пребывания в Аргентине об этом стало

известно руководству главной спецслужбы страны СИДЕ, которое немедленно доложило об этом президенту страны Лануссе.

– Дин Рид – этот тот самый американский певец, который выстирал флаг своей страны в Сантьяго? – поинтересовался президент у главы СИДЕ.

– Тот самый, – подтвердил шеф спецслужбы.

– Известно, зачем он приехал к нам?

– Судя по всему, не в качестве туриста или исполнителя своих песен. По нашим сведениям, он планирует провести здесь какую-то пропагандистскую акцию в поддержку левых.

После этого в кабинете повисла тишина, которая длилась в течение минуты. Все это время президент сидел в своем кресле и глубокомысленно смотрел в окно, а глава спецслужбы не решался отвлечь хозяина кабинета от его мыслей. Наконец шеф СИДЕ не выдержал и поинтересовался:

– Может быть, арестовать его и выслать из страны? Повод для этого у нас есть: он ведь проник к нам нелегально.

– Вот именно, что проник, обведя вас вокруг пальца, – не скрывая своего раздражения, заявил президент. – Теперь о его пребывании здесь известно всем, и стоит вам применить насилие, как об этом тут же раструбят левые газеты. Вы хотите выставить своего президента душителем свобод?

Шеф СИДЕ счел за благо промолчать, понимая, что и в самом деле сморозил глупость. Возникшая в кабинете пауза длилась около минуты, после чего Лануссе подвел итог разговору:

– Не спускайте с этого американца глаз и, как только он задумает что-то противозаконное, немедленно высылайте из страны.

В течение нескольких дней Дин и Патрисия жили в Буэнос-Айресе, стараясь не давать повода властям думать, что они замышляют что-то противозаконное. Дин даже заехал на студию грамзаписи с тем, чтобы разведать обстановку насчет возможных переговоров о выпуске своих пластинок, и сделал зондаж на предмет проведения своих концертов. Побывал он и на киностудии, где встретился с режиссером Энрике Каррерасом, у которого в 60-х снялся в двух фильмах. От него Дин узнал, что тот только что выпустил свою очередную музыкальную комедию с непритязательным названием «Улыбка мамы», где главную роль опять сыграл его постоянный исполнитель – популярный аргентинский певец Палито Ортега.

– А для меня ролей у тебя нет? – как бы в шутку спросил Дин.

– Увы, Дин, но твоя персона вряд ли устроит боссов киностудии, – развел руками Каррерас. – Но я слышал, что ты и в Италии испытываешь такие же трудности?

– К сожалению, это правда, – подтвердил этот слух Дин. – Моя политическая активность у многих как кость в горле. Впрочем, их понять можно. Господа капиталисты не хотят платить мне гонорары, зная, что половину из них я буду отдавать коммунистам.

– А не отдавать нельзя? – поинтересовался Каррерас.

– Это моя принципиальная позиция, – пряча улыбку, ответил Дин.

– В таком случае тебе легче сниматься у коммунистов.

– Судя по всему, к этому все идет, – ответил Дин и первым протянул ладонь для прощального рукопожатия.

Но за всеми этими посещениями Дин не забывал и о главном, ради чего он сюда приехал, – о пропагандистской акции. Ею должна была стать пресс-конференция, на которой Дин собирался озвучить свое воззвание к аргентинскому народу. Организовать это мероприятие взялся Эдуардо и группа товарищей из числа коммунистов и левых социалистов. Местом проведения акции решено было выбрать адвокатскую контору Эдуардо. Что касается привлечения к этому делу представителей средств массовой информации, то их решено было предупредить буквально за час до акции, чтобы власти не успели что-либо предпринять.

Пресс-конференция Дина состоялась **22 июня**. В небольшой зал набилось столько журналистов, что яблоку негде было упасть. Здесь были представители нескольких крупных газет, а также операторы сразу с четырех телеканалов и нескольких радиостанций, которые оперативно транслировали происходящее на всю страну. В результате в эфир было выпущено следующее обращение Дина:

«Я всегда полагал, что каждый человек не только имеет право, но и обязан участвовать в борьбе против несправедливости. Если же речь идет о деятеле искусства, об актере, которому посчастливилось иметь успех, то он тем более обязан использовать свое влияние ради победы мира и социального прогресса на земле. Писатель использует в борьбе за мир свое перо, киноактер свои фильмы. Певец может употребить в качестве оружия гитару, революционер же, сражается ли он в тропических джунглях Южной Америки или в каменных джунглях городов, вынужден взяться за винтовку, чтобы силой отстоять права народа против посягательства агрессоров, которые пытаются навязать свою волю большинству населения в тех странах Южной Америки, где власть захватили военные диктатуры. Восстание народа – это лишь реакция на долгие годы террора. Тысячи детей умирают, не получая медицинской помощи, миллионы людей живут в постоянном страхе, что не

смогут прокормить свою семью; их дети каждый вечер голодными ложатся спать. Но есть и другие виды уже явного террора. Это когда аргентинское правительство бросает против мирной демонстрации полицию и солдат; когда пытаются подавить забастовку рабочих, выступающих за улучшение условий жизни, когда сотни аргентинцев подвергаются пыткам в застенках.

Народ Аргентины имеет в сотни раз больше прав выступать против своих угнетателей, чем мои предки, американские поселенцы, которые в 1776 году сбросили иго английской метрополии…

Я много лет не был в Аргентине и теперь чувствую, что просто обязан внести свой, пусть весьма скромный, вклад в дело солидарности с аргентинским народом, который я очень люблю. Я хочу сказать этому народу, что мы, живущие в Европе, знаем о его трудной и справедливой борьбе. Пусть он знает, что мы считаем военную диктатуру в Аргентине не менее жестокой, чем власть греческой хунты.

Я должен это сказать; ведь если сегодня позволить диктатору безнаказанно попирать права аргентинского народа, завтра это может случиться с народом Италии или США.

Я знаю, что правое дело во всем мире выиграют и без моей помощи, но полагаю, что моя жизнь обретет смысл в том случае, если в победе прогрессивных сил будет и мой вклад».

Пресс-конференция длилась примерно около часа, после чего Эдуардо дал команду сворачиваться. Дин не стал спорить и объявил о закрытии мероприятия. Когда все журналисты покинули помещение конторы, Эдуардо сообщил Дину, что заметил на улице нескольких подозрительных мужчин.

– Они явно из СИДЕ или военной разведки, – предположил Эдуардо.

– Думаешь, они хотят меня арестовать? – спросил Дин.

– Может быть.

– Тогда почему они не сделали это до пресс-конференции?

– Либо опоздали, либо на тот момент у них еще не было повода, – ответил Эдуардо.

Дин выглянул в окно, однако ничего подозрительного на улице не заметил.

– Кажется, страхи оказались напрасными, – повеселевшим голосом сказал Дин и начал собираться домой.

Идти ему было недалеко – квартира Эдуардо находилась в нескольких куадрах (кварталах) от его адвокатской конторы. Поскольку сам Эдуардо собирался покинуть свое рабочее место чуть позже, Дин вышел на улицу один. Там он еще раз внимательно огляделся по сторонам и, не обнаружив ничего

подозрительного, двинулся в путь. Однако едва он свернул за угол, как один из автомобилей, стоявших на другой стороне улицы, двинулся следом за ним.

Когда Дин, пройдя несколько сот метров, был уже в полной уверенности, что опасность миновала, чуть впереди его затормозил автомобиль. С двух сторон из него вышли трое мужчин в штатском и окружили Дина. Один из этих мужчин, темноволосый усач, извлек из внутреннего кармана своего пиджака удостоверение офицера СИДЕ, раскрыл его перед носом у Дина, после чего предложил ему сесть в их автомобиль.

– А в чем дело? – поинтересовался Дин.

– Дело в пустой формальности, которую мы должны устранить с вашей помощью в нашем ведомстве, – ответил усач.

– И сколько времени отнимет у меня эта формальность? – продолжал упорствовать Дин, хотя прекрасно понимал, что сесть в автомобиль ему все равно придется. Просто ему хотелось лишний раз поиграть на нервах у агентов охранки.

– Все будет зависеть лично от вас, – все таким же спокойным голосом ответил усач.

После этого Дин не стал больше препираться и шагнул к автомобилю. В глубине души он продолжал верить, что серьезных поводов для своего длительного задержания не давал. Однако уже ближайшее будущее показало, как глубоко он заблуждался.

О том, что он угодил в серьезный переплет, Дин догадался в тот самый момент, когда автомобиль подъехал к воротам здания, которое Дин хорошо знал. До этого он думал, что его доставят в полицейское управление или в штаб-квартиру СИДЕ, но его привезли прямиком в тюрьму «Вила Давото», в которой он однажды уже имел несчастье побывать – **летом 1965 года**. И теперь, когда ворота тюрьмы закрылись за их автомобилем, Дин понял, что выйти отсюда ему будет непросто. Единственное, что немного грело душу Дину, было то, что в этой тюрьме начальником работал человек, который произвел на него неплохое впечатление. Впрочем, Дин не был уверен в том, что этот начальник до сих пор работает здесь. Увы, опасения подтвердились.

Когда агенты СИДЕ передали Дина в руки тюремных работников, те отвели его по уже знакомому маршруту в кабинет начальника тюрьмы. Но когда Дин перешагнул порог кабинета, он увидел за столом совершенно незнакомого ему седовласого мужчину в генеральском мундире. Мужчина склонился над столом и что-то сосредоточенно писал, не обращая внимания на гостя. Дин не обиделся на эту невнимательность, поскольку ничего иного встретить здесь не рассчитывал. И пока начальник

был увлечен своим делом, Дин успел осмотреться. Он отметил, что в этом кабинете мало что изменилось за те пять лет, что он здесь не был. Тот же массивный деревянный стол напротив окна, шкаф в углу, кресла. Другими были только шторы и портрет президента над столом: теперь на нем красовался генерал Лануссе.

Начальник наконец закончил писать и, отложив в сторону изящную ручку с золотым пером, вперился в гостя взглядом. Дин первым нарушил тишину:

– Пять лет назад в этом кресле сидел другой человек. Где он?

Начальник ответил не сразу. Аккуратно сложив листы бумаги, на которых он писал, в одну стопку и спрятав их в ящик стола, он поднялся со своего кресла и подошел к Дину. Встав напротив него и сложив руки за спиной, начальник произнес:

– Очевидно, вы имеете в виду полковника Рикардо Мартина. Догадываюсь, чем он сумел произвести на вас впечатление, если вы интересуетесь в первую очередь его судьбой, а не своей. Обычно посетители этого кабинета требуют адвоката, грозят всяческими карами за нарушение их прав.

– Я не такой, – все тем же спокойным голосом произнес Дин.

– Я это понял, – по губам начальника пробежала легкая усмешка.

– Так чем на меня произвел впечатление ваш предшественник? – после короткой паузы вновь задал вопрос Дин.

– Наверняка он вел с вами философские беседы, это он любит.

– А вы, судя по всему, не философ?

– Моя философия проста: никакой философии. Тем более в тюрьме. Здесь люди должны дрожать от страха и молить господа, чтобы он поскорее вытащил их отсюда и никогда больше не возвращал. А Мартин устроил из тюрьмы чуть ли не санаторий. За что, собственно, и пострадал. – Сказав это, начальник вернулся к столу и, опускаясь обратно в кресло, закончил свою речь сообщением: – Ваш Рикардо Мартин отправлен в отставку и сейчас, наверное, выращивает розы в своей оранжерее, кажется, в Кильмесе. Так что вести умные беседы вам будет не с кем.

– А я не собираюсь вести с вами умные беседы: их будет вести с вами мой адвокат, – меняя тон на более решительный, произнес Дин. – Я могу с ним связаться?

– Сможете, но не сейчас. Я же сказал, что это заведение перестало быть санаторием с тех пор, как я его возглавил. И вам придется выполнять те приказы, которые установил здесь я.

Сказав это, начальник нажал на кнопку вызова и приказал надзирателю отвести Дина в камеру. Когда они шли по длинному

тюремному коридору, надзиратель шепотом сообщил Дину, что является давним его поклонником.

– Я помню еще ваш первый приезд в Аргентину, мистер Рид, – сказал тюремщик. – Это было грандиозное зрелище. А еще у меня дома до сих пор хранятся несколько ваших пластинок. Правда, они датированы серединой 60-х, а в последние годы ваши диски у нас не выходят.

– Это происходит не по моей вине, – сообщил надзирателю Дин.

– Я понимаю, все дело в политике, – вновь зашептал тюремщик.

В этот момент они подошли к дверям камеры, в которой Дину предстояло сидеть.

– Это одиночка? – спросил Дин, когда надзиратель вставил ключ в замочную скважину.

– Да, мистер Рид, – кивнул тюремщик. – Причем вас приказано посадить в блок, где сидят уголовники. Поэтому будьте осторожны с этой публикой.

Едва дверь открылась, Дин шагнул в камеру. Однако прежде, чем надзиратель успел уйти, Дин поинтересовался его именем.

– Меня зовут Карлос, – последовал короткий ответ, после чего дверь захлопнулась.

Камера, куда попал Дин, была небольшим помещением с металлической кроватью у стены и рукомойником в углу. В дальнем конце камеры было зарешеченное окно, причем стекло в нем оказалось разбитым. Потолок представлял собой тонкий металлический лист, который тепла в камеру тоже не давал. О тепле Дин поначалу не задумывался, но когда наступила ночь, он об этом сразу вспомнил. В разбитое окно стал задувать такой холодный ветер, что Дину пришлось срочно что-то придумывать. Но что можно было придумать, если никаких особых материалов для того, чтобы закрыть разбитое окно, под рукой у Дина не было. В итоге ему пришлось заткнуть дыру в окне подушкой, а самому укладываться на койку без нее. Так в холоде и неудобстве он провел свою первую ночь в тюрьме.

Утром Дин проснулся от шума. Небольшое окошко в двери открылось, и надзиратель, причем это был уже не Карлос, передал Дину завтрак. Тот был весьма скудный: стакан чая и кусок черствого хлеба. Но поскольку у Дина со вчерашнего утра не было во рту и маковой росинки, он проглотил даже эту еду за считаные минуты. После чего умылся и сделал привычную зарядку. Это несколько взбодрило его, и он даже повеселел. Затем надзиратель отвел его в туалет, а оттуда вывел на утреннюю прогулку во внутренний дворик тюрьмы. В эти минуты там

совершали такую же прогулку несколько десятков заключенных, в ряды которых и влился Дин. Памятуя о вчерашнем предупреждении Карлоса о том, что в этом блоке содержатся одни уголовники, Дин предпочел не вступать ни с кем из них в контакт и ходил по дворику молча, сосредоточенно глядя перед собой. Однако его уединение длилось недолго. Скоро он услышал за своей спиной хрипловатый голос, который внезапно произнес:

– С каких это пор политических стали держать вместе с уголовниками?

Дин, не останавливаясь, повернул голову назад и увидел, что эти слова произнес невысокого роста мужчина средних лет с глубоким шрамом через всю щеку. Дин хотел было ответить незнакомцу, но в этот момент конвойные объявили об окончании прогулки, и заключенных развели по их боксам.

Между тем Дина привели не в его камеру, а в помещение в другом блоке, где его уже поджидал тюремщик в белом халате и с механической машинкой для стрижки волос в руках. Перед тюремщиком стояло кресло, в которое Дину было предложено сесть. Но Дин отказался от этого предложения, решительно заявив:

– Я не буду стричься! Меня арестовали без предъявления какого-либо обвинения и до сих пор не допустили ко мне адвоката. Но уже хотят остричь наголо. Я протестую!

– Вы можете протестовать сколько хотите, но я сделаю то, что мне приказано, – мрачно произнес тюремный цирюльник.

– В таком случае вам придется здорово со мной помучиться, прежде чем вы усадите меня в это кресло, – все так же твердо произнес Дин.

Парикмахер переглянулся с коллегой, который привел Дина к нему, после чего положил машинку на столик у стены и вышел из помещения. Он отсутствовал около пяти минут, после чего вернулся, но не один, а в сопровождении какого-то важного офицера. Тот подошел к Дину и спокойно сообщил:

– Я обещаю вам, мистер Рид, что в ближайшее время вы не только ознакомитесь с обвинениями, которые вам предъявлены, но и встретитесь со своим адвокатом. А пока вы должны выполнять те требования, которые существуют в этой тюрьме. А здесь всем заключенным предписано быть остриженными.

– Но я отказываюсь стричься наголо, – продолжал упорствовать Дин.

– Я снова повторяю, мистер Рид, что здесь тюрьма, а не модный салон, – все тем же невозмутимым голосом произнес офицер.

– В таком случае я буду сопротивляться.

Сказав это, Дин отступил к стене и принял угрожающую стойку. Офицеру хватило нескольких секунд, чтобы, взглянув на его суровое лицо и сжатые кулаки, понять, что он не шутит. После чего офицер смягчился. Подойдя к Дину вплотную, он сказал:

– Учитывая, что вы не только политический деятель, но и артист, мне разрешено сделать для вас исключение: вас постригут всего лишь коротко, а не наголо. Но это все, что я могу для вас сделать.

После этих слов офицер сделал шаг в сторону и жестом пригласил Дина сесть в кресло. Дин еще какое-то время колебался, но затем, сообразив, что его упорство только усугубит ситуацию, решил отдать свою шевелюру в руки цирюльника.

Офицер не обманул: сразу после обеда, который состоял из тарелки фасолевого супа, Дину действительно предъявили обвинение. Он был обвинен в коммунистической пропаганде, выразившейся в том, что существующий режим в Аргентине он назвал диктаторским, а также в проведении не санкционированной властями пресс-конференции. Однако на очередное требование Дина допустить к нему адвоката ему ответили отказом. В результате две недели Дин был полностью отрезан от внешнего мира: к нему никого не допускали и запретили даже получать передачи с воли. Был момент, когда Дин даже впал в отчаяние и хотел объявить голодовку, но потом передумал, поскольку понял: напугать таким поступком тюремные власти не удастся. А потом случилось чудо: ему разрешили свидание с Эдуардо.

Они встретились в помещении для свиданий, и первое, о чем спросил Дин, было: как там Патрисия.

– Нормально, – ответил Эдуардо. – За долгие годы брака с тобой она уже успела привыкнуть к твоим арестам. Так что завтра жди ее к себе с передачей.

– Это было бы весьма кстати, – обрадовался Дин. – Здесь кормят одной фасолью и заплесневелым хлебом. Еще неделя такой пищи, и я просто протяну ноги.

Затем Дин поинтересовался судьбой своей дочери Рамоны.

– С ней тоже все в порядке, – заверил его Эдуардо. – Когда я заходил сегодня к твоей жене, она как раз разговаривала по телефону с Рамоной. Та держалась молодцом.

Последнее сообщение обрадовало Дина больше всего: оставляя дочь у знакомых, они с Патрисией больше всего боялись, что ей там будет плохо. Но, кажется, эти опасения были напрасными.

– Сколь долго они смогут меня здесь держать? – спросил Дин у друга, когда от семейных дел они перешли к насущным.

– Трудно сказать, – пожал плечами Эдуардо. – В законе на этот счет есть масса лазеек, которые позволяют им держать таких, как ты, под арестом сколь угодно долго. Ведь тебя обвиняют в коммунистической пропаганде. И, судя по всему, приказ о твоем аресте поступил с самого верха.

– Но что-то можно сделать?

– И я это делаю, Дин, – заверил друга Эдуардо. – Ты же видишь, что я все-таки добился свидания с тобой. Я подключил к этому делу общественность, журналистов, профсоюзы. Даже дошел до твоих коллег актеров. Все они уже выступили с обращением к властям с просьбой о твоей освобождении.

– Но я могу как-то участвовать в этом процессе?

Эдуардо ответил не сразу. Сначала он посмотрел по сторонам и, убедившись, что охранников поблизости нет, спросил:

– У тебя есть возможность написать письмо на волю? А мы бы постарались, чтобы оно оказалось напечатанным.

Дин на несколько секунд задумался, после чего кивнул:

– Кажется, один из надзирателей мне симпатизирует. Я мог бы попытаться сделать это через него.

– Вот и отлично. Постарайся сделать это в ближайшие два дня, когда мы увидимся с тобой снова.

Дину повезло: именно в тот день, когда он встречался с Эдуардо, в тюрьме дежурил тот самый надзиратель, который восхищался его творчеством, – Карлос. И когда он принес Дину обед, тот попросил у Карлоса карандаш и листок бумаги.

– Вы собираетесь писать стихи? – удивился Карлос.

– Нет, я хочу написать письмо своим друзьям, рассчитывая на то, что вы, Карлос, пронесете его на волю.

Какое-то время Карлос молчал, обдумывая смысл услышанных слов. После чего сказал:

– Хорошо, я сделаю это из уважения к вашему творчеству и к вам как к человеку.

И спустя десять минут в камере у Дина было то, что он просил: бумага и карандаш. А еще через час он вернул их Карлосу, напутствуя его словами:

– Рабочий телефон человека, которому вам надо передать письмо, я написал в конце письма.

Дин, конечно, рисковал, доверяясь Карлосу. Однако иного выхода у него не было: больше никого в тюрьме он не знал. Но его доверие полностью оправдалось. Когда через день к нему вновь пришел на свидание Эдуардо, он сообщил Дину, что его письмо благополучно дошло до адресата.

– Твой тюремщик оказался честным человеком, – сообщил Дину Эдуардо.

Письмо Дина было опубликовано в журнале «Сьете диас». В нем Дин подробно объяснил, что побудило его собрать пресс-конференцию. «Моя позиция такова: только социалистическое общество может обеспечить человечеству мир и социальную справедливость, – писал Дин. – Социализм ведет к прогрессу, а те, кто утверждает обратное, лгут».

О публикации этого письма Дин узнал не от Эдуардо, а от начальника тюрьмы. Тот вломился к нему в камеру после обеда и, потрясая журналом перед лицом Дина, закричал:

– Я вижу, что даже в тюрьме вы не прекращаете свою марксистскую агитацию!

– А зачем вы читаете марксистские издания? – вопросом на вопрос ответил Дин, даже не встав с койки.

Этот ответ еще сильнее разозлил начальника. Он чуть ли не вплотную приблизил свое красное от гнева лицо к лицу Дина и, чеканя слова, произнес:

– Я вас предупреждал, что это не санаторий? Теперь я докажу это вам на практике.

– Примените силу? – спросил Дин.

– Зачем? Вас и пальцем никто не тронет, но вам будет так больно, что вас вывернет наружу со всеми потрохами.

Выдохнув эти слова в лицо Дину, начальник удалился из камеры так же быстро, как и появился в ней. А Дин остался лежать на койке, размышляя о том, что могут означать слова, которые он только что услышал. Итог этих мыслей оказался неутешительный: Дин понял, что впереди его ждут суровые испытания. Но какие именно, он пока себе не представлял. Однако это неведение длилось недолго.

Ночью, когда Дин крепко спал, свернувшись калачиком под тонким одеялом, его разбудил шум открываемой двери. Разомкнув веки, Дин увидел на пороге сразу двух надзирателей: Карлоса и двухметрового верзилу, которого он видел впервые.

– Встать и выйти в коридор! – рявкнул верзила, звеня связкой ключей.

Дин повиновался. В коридоре его заставили завести руки за спину, и как только он это сделал, Карлос застегнул на его запястьях наручники. Затем верзила толкнул Дина кулаком в спину и заставил идти вслед за Карлосом, который шел чуть впереди, служа своего рода поводырем в тюремных лабиринтах. Так в полном молчании они прошли несколько лестничных пролетов и спустились в подвал тюрьмы.

Едва они очутились там, как до ушей Дина внезапно стали доноситься чьи-то глухие стоны и крики. Они раздавались в дальнем конце длинного полутемного коридора, по которому

процессия двигалась все тем же неторопливым шагом. По мере приближения к концу коридора эти стоны и крики становились все громче и отчетливее. Наконец, когда процессия дошла до двери, ведущей в одну из камер, эти крики стали настолько явственными, что у Дина по спине побежали мурашки. Карлос толкнул дверь рукой, а верзила подтолкнул Дина, чтобы тот переступил порог камеры.

То, что открылось перед глазами Дина, потрясло его. Прямо посредине довольно обширного помещения, на цепи, которая свисала с потолка, болтался привязанный за руки голый по пояс и окровавленный мужчина, а двое надзирателей били его дубинками по телу. Мужчина корчился от боли и сотрясал камеру дикими воплями. Потрясенный этим зрелищем, Дин невольно попятился, однако натолкнулся на кулак верзилы, который вошел в камеру следом за ним.

– Что, не нравится? А ведь это только начало, – услышал Дин голос верзилы.

Как только он это произнес, один из надзирателей-садистов шагнул к Дину и, взяв его за локоть, подвел к жертве. И Дин, всмотревшись в залитое кровью лицо этого человека, к своему ужасу, узнал в нем одного из тех людей, которые участвовали в его нелегальном приезде сюда. Дин даже вспомнил имя этого парня – Хуан Мануэль. Это был самый веселый и шустрый парень из той тройки, что сопровождала его до Буэнос-Айреса, этот парень всю дорогу напевал песни из репертуара национального кумира аргентинцев Карлоса Гарделя.

– Я родился в квартале Сан-Тельмо и одно время пел в кафе «Вьехо Альмасен», – объяснил Дину свою любовь к музыке Хуан Мануэль. – Так что в чем-то мы с вами похожи, гринго.

Дину очень понравился этот парень, и они всю дорогу общались с ним так, как будто были знакомы много лет. И вот теперь этот веселый и общительный молодой человек висел под потолком на цепи и корчился под ударами тюремных садистов. У Дина сердце кровью обливалось от этой картины, но помешать этому избиению он не мог. И только теперь до его сознания наконец дошли слова, сказанные начальником тюрьмы сегодня днем: «Вас и пальцем никто не тронет, но вам будет так больно, что вас вывернет наружу со всеми потрохами». Начальник тюрьмы оказался прав: смотреть на то, как на твоих глазах бьют смертным боем твоего товарища, для Дина было во сто крат больнее, чем собственное избиение.

Когда дубинки вновь заходили по телу Хуана Мануэля и он стал оглашать камеру дикими воплями, Дин попытался было броситься к нему, однако сзади его обхватили сильные руки

верзилы и оттащили к двери. И уже оттуда Дину вновь пришлось наблюдать, как избивают его товарища. Это продолжалось столь долго, что у Дина заложило уши от диких воплей, а в глазах была резь от нескончаемых слез. Вконец обессиленный, он повис на руках у верзилы, и в таком положении его и застал начальник тюрьмы, который вошел в камеру спустя какое-то время.

– Как вижу, я оказался прав: вас действительно вывернуло наизнанку, – не скрывая своего злорадства, произнес начальник, обращаясь к Дину. – Но вы же, мистер Рид, революционер, а значит, должны быть готовы и не к таким экзекуциям.

– Вы скотина, – презрительно выдохнул Дин.

– Ну, скорее на скотину больше похож ваш товарищ, который болтается под потолком, как бычок на скотобойне, – рассмеялся начальник. – Из него получился отличный бифштекс: что называется, с кровью. Если хотите, мы можем его еще и поджарить. И получится этакая парильяда из человечинки. Не пробовали?

Но Дин вместо ответа отвел глаза в сторону, не в силах больше глядеть на эту самодовольную лоснящуюся физиономию. Однако начальник тюрьмы схватил Дина за волосы и, повернув его голову к себе, прошипел:

– Нет, мистер Рид, вы будете смотреть туда, куда я прикажу.

Сказав это, начальник жестом приказал своим тюремщикам продолжать экзекуцию. И дубинки снова обрушились на Хуана Мануэля. Но тот уже почти не кричал, поскольку находился в полубессознательном состоянии.

– Хватит, не надо, – из последних сил произнес Дин, пытаясь прекратить это избиение.

– А вы оказались более впечатлительным, чем я предполагал, – самодовольно произнес начальник тюрьмы, выпуская из рук остриженную шевелюру Дина. – Но это даже к лучшему. Если вы хотя бы словом проговоритесь своему вонючему адвокату или кому-либо еще о том, что здесь увидели, этого беднягу на ваших же глазах четвертуют. То же самое парня ждет, если вы опять надумаете дать какое-либо интервью из стен моего заведения. Вы меня поняли, мистер Рид?

Дин в ответ опустил голову, что означало полное смирение.

Когда на следующий день Эдуардо вновь пришел на свидание с Дином, от него не укрылось подавленное состояние товарища.

– В чем дело, Дин? – с тревогой в голосе спросил Эдуардо.

– Я очень сильно вымотался, находясь здесь, – ответил Дин, после чего добавил: – Сам понимаешь, это же не курорт.

– Тебе придется потерпеть еще немного: мы прилагаем все усилия, чтобы вытащить тебя отсюда, – заверил друга Эдуардо. –

Мы подготовили к властям несколько обращений, которые подписали очень известные в стране люди. Еще немного, и ты будешь на свободе.

– Я-то, может, и буду, а вот другие… – тяжело вздохнул Дин, чем привел Эдуардо в замешательство.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил Эдуардо.

Но Дин, памятуя о предупреждении начальника тюрьмы, ответил коротко:

– Многих, Эдуардо, многих.

После чего первым поднялся со своего места, показывая конвоиру, что свидание закончено.

Эдуардо не преувеличивал, когда говорил, что многие известные люди Аргентины подняли свой голос в защиту Дина Рида. Среди подписавших петиции в адрес президента страны были знаменитые актеры, писатели, политические и общественные деятели страны. Все они требовали отпустить Дина Рида на свободу, мотивируя это тем, что в его действиях не было серьезного состава преступления. Но Лануссе молчал, предпочитая тянуть время. Однако президент понимал, что долго так продолжаться не может. К голосам протестующих присоединялось все больше и больше людей, и ситуация грозила выйти из-под контроля. Сторонники певца могли вывести людей на улицы, что было им вполне под силу. Ведь даже генеральный секретарь конфедерации профсоюзов, обращаясь к Дину Риду со страниц одной из газет, заявил: «Сердечно обнимаю вас и хочу, чтобы вы знали, что вас обнимает в моем лице весь аргентинский народ». К тому же за Дина начал хлопотать и советский посол, который был обеспокоен возможным срывом поездки Дина в Советский Союз. Короче, после трех недель заключения Дина наконец выпустили на свободу. Об этом ему сообщил начальник тюрьмы, вызвав к себе в кабинет. При этом начальник не преминул заметить:

– Держите ваш язык на замке, мистер Рид. В противном случае ваш приятель рискует вообще отсюда никогда не выйти.

Дин прекрасно понял, о ком именно идет речь, и вместо ответа кивнул. Впрочем, что-то рассказать своим аргентинским товарищам Дин все равно тогда не мог. Ведь его хоть и выпустили на свободу, однако увидеться ни с кем не дали. В сопровождении специального эскорта Дина привезли из тюрьмы в аэропорт и, посадив на первый же самолет, следовавший в Уругвай, отправили восвояси. И предупредили, что если он еще когда-нибудь сюда вернется, то так удачно уже не выпутается.

– Лет десять тюрьмы мы вам точно обещаем, – сказал Дину на прощание полковник, который лично проводил его до трапа

самолета.

Несмотря на то что из тюрьмы Дин вышел серьезно ослабленным как физически, так и морально, он и мысли не мог допустить, чтобы отменить свою поездку в Советский Союз. И хотя Патрисия настаивала именно на отмене турне, Дин даже слышать об этом не хотел.

– Эта поездка, наоборот, приведет меня в чувство, – заявил Дин жене.

К тому же он рассчитывал на помощь медицины: именно после освобождения из аргентинской тюрьмы Дин начал всерьез принимать антидепрессанты. В последующем увлечение ими серьезно скажется на его нервной системе. Но это будет позже, а пока Дин достаточно быстро пришел в себя и отправился в Москву. Причем уехал он туда без Патрисии, которая осталась в Европе, чтобы быть рядом с их дочерью Рамоной.

Дин вылетел в Москву **20 июля**. Перед полетом накупил в аэропорту кучу разных газет, поскольку за то время, пока находился в тюрьме, успел здорово отстать от событий, которые произошли в мире. Он вообще любил во время авиаперелетов почитать.

Из всего прочитанного в тот раз на Дина особенное впечатление произвела весть о трагедии, случившейся в Советском Союзе три недели назад. **30 июня** во время космического полета погибли сразу трое советских космонавтов: Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев. В нескольких газетах, которые анализировали эту трагедию, давались различные версии гибели космонавтов, однако подтекст был один: русских постигла закономерная неудача. «Советские космонавты положили свои жизни на алтарь коммунистической партии, которой очень хотелось отрапортовать миру о новой победе советской космонавтики в годовщину большого юбилея – 10-летия полета Юрия Гагарина».

Прочитав это резюме, Дин, который знал о приверженности русских отмечать разные круглые даты трудовыми подвигами, подумал, что версия журналиста, судя по всему, верная (только те, кто имел непосредственное отношение к полету, знали подробности трагедии: что космонавты погибли из-за разгерметизации кабины, будучи без скафандров. А последних на них не было потому, что в таком случае в кабину поместились бы двое членов экипажа, а начальство хотело установить рекорд – отправить в полет троих космонавтов). Однако с общим выводом статьи, который сводился к тому, что эта трагедия закономерна для социализма, он был категорически не согласен. Да, гибель

трех космонавтов была ужасна, как ужасна любая другая гибель. Но смерть смерти рознь. Эту трагедию можно было смело отнести к разряду героических, положенных не на алтарь коммунистической партии, как писал автор статьи, а на алтарь мирового прогресса. И в этом смысле эта трагедия и в самом деле была характерна для социализма. А вот капитализм дает примеры совсем иных смертей.

Из тех же газет, взятых им в полет (из статьи в «Нью-Мюзикл экспресс»), Дин узнал, что за последние два года на Западе из жизни ушли сразу четыре кумира рок-музыки. Первым **2 июля 1969 года** умер один из лидеров ансамбля «Роллинг Стоунз» Брайан Джонс. Через год, **18 сентября 1970 года**, скончался Джимми Хендрикс, а спустя две недели настала очередь еще одного рок-кумира – Дженис Джоплин. И, наконец, недавняя смерть – **3 июля 1971 года** из жизни ушел лидер группы «Дорз» Джим Моррисон. Причина смертей всех этих людей была одна: злоупотребление наркотиками. Джонс утонул в своем бассейне, приняв перед этим изрядную долю алкоголя и наркотиков, Хендрикс захлебнулся рвотными массами, проглотив перед этим несколько наркотических таблеток, а Джоплин и Моррисон умерли от передозировки героина.

«Разве при социализме такое возможно? – размышлял Дин. – Вот и выходит, что там кумиры жертвуют своими жизнями ради прогресса, а в западном мире кумиры умирают за порцию героина. Как говорится, почувствуйте разницу».

Подумав об этом, Дин пожалел, что с ним сегодня не летит в одном самолете тот кинобосс из ассоциации «АНИКА», с которым они так темпераментно спорили в 68-м году о преимуществах социализма и капитализма. «Интересно было бы послушать его версию на этот счет», – подумал Дин, откладывая в сторону газеты и глядя в иллюминатор.

Дин прилетел в Москву ближе к полудню и попал, как говорится, с корабля на бал: 7-й Международный московский кинофестиваль уже начался. Он открылся за день до этого, и на него съехались кинематографисты из 50 стран. Они поселились, как обычно, в гостинице «Россия», куда был определен для проживания и Дин. А привезли его туда из аэропорта Шереметьево двое сопровождающих: представитель Госкино Алексей и переводчик Виталий. Причем первый всю дорогу восторгался активностью Дина на поприще борьбы за мир и особенно его акцией у посольства США в Сантьяго. Дину было неловко выслушивать эти комплименты, однако прервать чиновника он не решался. Гораздо большее впечатление на него

произвело другое сообщение: что в Советском Союзе с нетерпением ждут его гастролей и что этому событию сопутствует широкая реклама.

– Позавчера, например, по телевидению был показан документальный фильм «Поет Дин Рид».

Услышав эту новость, Дин оживился, поскольку до этого, по его сведениям, передач, посвященных ему, на советском телевидении не показывали.

– Ваших концертов действительно очень ждут у нас, – подтвердил слова чиновника Виталий. – В **мае** у нас в стране впервые гостил испанский певец Рафаэль, и ажиотаж вокруг его выступлений был неимоверный. Я думаю, что такой же успех будет сопутствовать и вашим концертам.

Однако радостное настроение Дина было несколько испорчено инцидентом, который случился с ним у входа в гостиницу «Россия». В холле он встретил театрального критика, с которым познакомился во время своих гастролей в **1966 году**. Тот шел с какой-то дамой к выходу, и Дин, увидев их, бросился им навстречу. Критик тоже узнал Дина, однако никаких признаков радости от этой встречи не выказал. Он как-то наспех пожал протянутую Дином руку и, сославшись на то, что очень спешит, чуть ли не волоком потащил к выходу свою даму, которая, в отличие от него, была в полном восторге от лицезрения рядом с собой красавчика Дина Рида.

Обескураженный подобным отношением, Дин примерно минуту стоял в холле, глядя на удаляющиеся спины критика и его подруги. Из этого состояния его вывел Виталий, который тронул Дина за локоть и сказал:

– Вам надо привыкать, что среди моих земляков не все будут рады встрече с вами.

А когда Дин удивленно взглянул на него, Виталий пояснил:

– Виной всему ваше открытое письмо Солженицыну.

Эти слова вернули Дина с небес на грешную землю. С тех пор, как он написал открытое письмо Александру Солженицыну, минуло уже полгода, и он успел забыть о нем. Что было вполне закономерно, поскольку за эти месяцы в жизни Дина произошло множество других событий, по масштабу гораздо более значимых, чем это письмо. Однако он хорошо знал, что его послание вызвало неоднозначную реакцию в стане его соратников и даже друзей.

Например, еще будучи в Чили, он узнал, что в Италии это письмо многими коммунистами было встречено в штыки. Дин тогда несколько раз пытался связаться по телефону с Винчини, но каждый раз наталкивался на его супругу, которая ледяным тоном

отвечала, что мужа нет дома. Дин еще грешным делом подумал, что Винчини от него скрывается. Потом он убедил себя, что это всего лишь плод его воображения, но после сегодняшнего случая эти мысли снова пришли ему в голову. Поэтому всю дорогу, пока они поднимались в гостиничном лифте на нужный этаж, Дин молчал, сосредоточенно размышляя о случившемся. В эти минуты на память ему пришли слова Петра Сергеевича Купцова, сказанные им во время их встречи в прошлом году: «Наша либеральная интеллигенция никогда не простит вам ваших высказываний в защиту социализма».

Но грустные мысли одолевали Дина недолго. Уже спустя час он окунулся в фестивальную суету, и грусть сразу уступила место веселью. В гостиничном баре Дин встретил нескольких своих знакомых, которые в отличие от литературного критика с искренней радостью встретили его появление. И Дин до глубокой ночи просидел с ними, даже проигнорировав вечерний показ одного из фестивальных фильмов. В итоге в свой номер Дин вернулся, что называется, «на бровях», чем потряс дежурную по этажу, которая явно не ожидала от американского певца такой чисто русской тяги к спиртному. Но эта дежурная оказалась чрезвычайно сердобольной женщиной.

Утром следующего дня она специально пришла в номер к Дину и вручила ему банку с какой-то жидкостью. Дин, который практически не говорил по-русски (он знал только несколько слов типа «здравствуйте» и «до свидания»), с изумлением смотрел на эту банку, пытаясь понять, что в ней. Женщина ему что-то объясняла, но Дин ни единого слова из сказанного не понимал и только улыбался в ответ, кивая как игрушечный болванчик. Ситуацию разрешил Виталий, который поднялся в номер Дина, чтобы вместе с ним отправиться на фестивальные мероприятия. Взяв из рук женщины злополучную банку, Виталий сказал Дину:

– Это огуречный рассол – прекрасное средство от утреннего похмелья. На Руси им пользуются уже много веков.

Услышав это, Дин рассмеялся и, обняв женщину за плечи, от всей души поцеловал ее в щеку. Та в ответ смутилась, отчего ее лицо стало пунцовым, что еще больше развеселило Дина. Он схватил с кровати свою гитару и, ударив по струнам, специально для гостьи исполнил единственную в его репертуаре песню на русском языке «Пусть всегда будет солнце!».

После завтрака в гостиничном баре Дин и Виталий отправились в Кремлевский дворец, чтобы присутствовать на просмотре очередного фестивального фильма. К обеду они вернулись обратно в «Россию», где у Дина случилась встреча, которая в итоге перевернула всю его жизнь.

Все произошло у входа в гостиницу, где Дина обступила толпа восторженных поклонниц и фоторепортеров из разных советских печатных изданий. Позируя последним, Дин внезапно обратил внимание на красивую блондинку, стоявшую чуть в стороне. Она была одна и с интересом наблюдала за тем, как высокий красавец позирует перед объективами фотоаппаратов. Эта женщина много слышала о Дине Риде, однако, как ни странно, ни разу его не видела и поэтому позирующего красавца приняла за какого-то рядового заморского актера. Звали эту женщину Эве Киви.

Киви была старше Дина Рида всего на несколько месяцев – она родилась **5 мая 1938 года** в Таллине. Еще в детстве она мечтала стать актрисой и в итоге осуществила свою мечту: после школы поступила в театральную студию при Таллинском театре имени Кингисеппа. Еще будучи студенткой, в середине 50-х, стала сниматься в кино, поскольку была необычайно красива: этакая красотка-блондинка с обложки модных журналов.

Настоящее признание пришло к Киви в **1959 году**, когда она снялась сразу в трех фильмах: «Сампо», «Капитан первого ранга» и «Озорные повороты». С этого момента Киви стала очень популярна, войдя в число первых красавиц советского кинематографа (а таковых тогда было не так уж и много). К ней с первых же дней очень благоволила министр культуры Екатерина Фурцева, которая знала толк в женской красоте (в молодости сама таковой считалась). Когда в **1961 году** на Московском кинофестивале Главный приз взял фильм японского режиссера Кането Синдо «Голый остров», именно Фурцева настояла на том, чтобы приз и цветы режиссеру вручала красавица Эве Киви. Эта фотография потом облетела печатные издания многих стран мира.

Красота принесла Киви много полезного в ее профессии, но она же порой доставляла и много огорчений. Особенно обидно было молодой актрисе, когда отдельные режиссеры и операторы, потеряв голову от ее красоты, норовили затащить актрису в постель. Причем так повелось еще с самого начала ее карьеры в кино. Например, на «Сампо» в нее без ума влюбился оператор фильма, который в ту пору был женат на не менее молодой и красивой актрисе, восходящей звезде советского кинематографа. Но Киви сумела затмить ее, из-за чего оператор даже примчался в Таллин, где начал оказывать Эве самые изысканные знаки внимания. Он, к примеру, добился у городских властей того, чтобы премьера фильма «Капитан первого ранга» с участием Киви прошла в самом лучшем кинотеатре города. После этого оператор, видно, решил, что этого достаточно для того, чтобы покорить сердце девушки, и стал предлагать Киви свои руку и сердце. А когда она ему отказала, он пригрозил, что покончит жизнь самоубийством. К счастью, этого не произошло, поскольку оператору под руку подвернулась другая пассия – пятнадцатилетняя школьница.

Подобных историй в жизни Киви было множество, что стало поводом к тому, что в народе о ней стали ходить слухи как о настоящей женщине-вамп. Говорили, что она легко кружит головы мужчинам, однако быстро их бросает и навсегда вычеркивает из своего сердца. В список этих мужчин народная

молва включила многих знаменитостей, в том числе и ее соотечественников: Бруно Оя, Георга Отса.

А в начале 60-х Киви влюбилась в иностранца – популярного французского актера Жоржа Ривьера, который снимался в Советском Союзе в фильме «Нормандия – Неман». По словам самой Киви, это была испепеляющая любовь. Причем, если на тот момент она была совершенно свободной женщиной, то Ривьер был женат и воспитывал ребенка. Вполне вероятно, что именно последнее обстоятельство и стало поводом к тому, чтобы этот роман прекратился. Ривьер уехал в Париж, и больше они с Киви не встречались. Вскоре после этого она вышла замуж. Но это был скорее брак по расчету. Киви устала от слухов, которые постоянно роились вокруг нее, и решила принять предложение руки и сердца первого же мужчины, кто это сделает. Этим человеком оказался капитан дальнего плавания. Актрису в нем подкупили… романтическая профессия и запах хорошего парфюма. Плюс к тому же он часто бывал в разъездах.

Брак с капитаном продлился несколько лет. И распался по вине самой Киви в самом конце 60-х, после того как она нашла себе другого избранника. Им оказался спортсмен – олимпийский чемпион **1964 года** в Инсбруке конькобежец Антс Антсон. Их знакомство произошло благодаря случаю. Для скандинавских стран готовили большой материал об Эстонии и искали актрису, которую там знают. А там знали Эве Киви, поскольку она была обворожительна и ее фото даже украшало обложку журнала «Советский Союз» (кстати, эта обложка долгое время красовалась и на крышке чемодана Жоржа Ривьеры). В итоге Киви выбрали для фотосессии, а в качестве ее напарника был приглашен Антсон. Они пообщались всего три часа, после чего Антсон сделал Киви предложение. И она с ходу его приняла. По ее же словам: «Мне надоело слышать, как муж постоянно звонит из Лондона: „Эве, у нас тут забастовка уже два месяца“. Черт с тобой! Сиди там. И потом, я устала от постоянного навязчивого внимания жен офицеров: то нельзя, это нельзя, смотрите, как Эве вызывающе одета! Когда муж вернулся из плавания, я ушла к Антсону».

Через год после свадьбы у молодоженов родился ребенок – сын Фред. Однако желанного счастья в молодую семью это событие не принесло. А все потому, что вскоре после этого, летом **1971 года**, в жизни Эве Киви появился Дин Рид. Заметив одинокую блондинку, Дин не мог упустить шанса познакомиться с ней. Решительным жестом он заставил толпу фотографов и поклонниц расступиться и шагнул к незнакомке. Та не успела даже рта открыть, как Дин обнял ее за плечи и жестом предложил

фотографам запечатлеть его в таком виде. Фотографы не заставили упрашивать себя дважды и, обступив красивую парочку, принялись щелкать своими аппаратами. Эве была потрясена такой дерзостью, однако даже попытки не предприняла, чтобы скинуть руку незнакомца со своего плеча. Она была опытная женщина и сразу оценила своего партнера по незапланированной фотосессии на все сто: он был высок, красив и чрезвычайно обаятелен.

Спустя пять минут, когда фотографы успели отщелкать уже достаточно снимков, Дин наконец нашел возможность представиться своей спутнице. Тыча себя пальцем в грудь, он представился по-английски:

– Dean.

Киви в ответ улыбнулась и назвала свое имя. Дин был в восторге: красавица блондинка, да еще с библейским именем! Однако развить свое знакомство дальше Дин не успел: в это время к гостинице подъехал автобус, и Виталий позвал Дина – нужно было ехать на очередное фестивальное мероприятие. Заскочив на подножку автобуса, Дин помахал Эве рукой, а потом спросил у Виталия:

– Ты случайно не знаешь, кто эта девушка?

– Почему не знаю? – удивился Виталий и назвал Дину ее полное имя: – Это популярная эстонская актриса Эве Киви.

Что касается Эве, то ей открыл глаза на личность ее случайного знакомого один из фотографов. Когда она, все еще ошеломленная от случившегося, задала вслух вопрос: «Кто-нибудь знает, что это за Дин?», молодой фотограф в клетчатой рубахе навыпуск с удивлением произнес:

– Надо же какая темная, Дина Рида не знает!

Весь остаток того дня Дин только и думал, что о своей новой знакомой. Он был чрезвычайно рад тому обстоятельству, что она не простая москвичка, пришедшая к гостинице в поисках автографа какой-нибудь знаменитости, а именно актриса: это означало, что найти ее в фестивальной сутолоке будет гораздо проще. И сделать это Дин намеревался уже на следующий день. А пока весь остаток дня он посвятил фестивальным делам. В частности, он побывал на просмотре документального фильма французского режиссера Юланды дю Луар «Анджела Дэвис. Портрет революционерки». Героиню фильма Дин не знал лично, однако был достаточно наслышан о драматических перипетиях ее судьбы. Впрочем, как и подавляющая часть советских людей, для которых Анджела с недавних пор стала одной из самых популярных политических фигур. Чем же прославилась эта 26-летняя чернокожая женщина?

До **октября 1969 года** Дэвис работала ассистентом профессора философии Калифорнийского университета. Потом ее уволили за принадлежность к Коммунистической партии США, членом которой она была вот уже несколько лет. Однако Дэвис не смирилась с этим увольнением и через суд добилась своего восстановления в прежней должности. Но в **июле 1970 года** Дэвис снова уволили. А потом объявили в розыск по обвинению в пособничестве убийце и **13 октября** арестовали. Дело об убийстве выглядело следующим образом.

Все началось **7 августа 1970 года**, когда в округе Мэрин (20 миль к северу от Сан-Франциско) начался суд по делу заключенного Джорджа Джексона, который обвинялся в убийстве кинжалом тюремного надзирателя. На суд в качестве зрителей пришли несколько десятков человек, среди которых был младший брат подсудимого 17-летний Джонатан. Он умудрился пронести под одеждой четыре пистолета, которые пустил в дело, едва открылось заседание. Направив один из стволов на охранников, он подбежал к судье и взял его в заложники. Затем он передал два пистолета своему брату, который добавил к одному заложнику еще четверых – прокурора и трех женщин-присяжных. Прикрываясь их телами, братья вышли из зала и попытались скрыться на грузовике, который специально подогнали к Дворцу правосудия их сообщники. Однако их план сорвала охрана, которая внезапно открыла огонь на поражение.

В завязавшейся перестрелке были убиты три человека: Джексон-старший, судья и один из заключенных-свидетелей. Джексон-младший был арестован. В ходе следствия над ним и всплыло имя Анджелы Дэвис. Оказалось, что парень не только работал ее телохранителем (злые языки утверждали, что их связывали куда более близкие отношения), но и что три пистолета из четырех, пронесенных во Дворец правосудия, принадлежали Анджеле. Она, естественно, последний факт наотрез отрицала. Однако когда узнала, что власти выписали ордер на ее арест, ударилась в бега.

ФБР охотилось за Дэвис в течение двух месяцев. Наконец **13 октября** «джи-мэны» выследили ее и арестовали. Этому событию американские власти придали особенное значение. Сам президент страны Ричард Никсон публично поздравил шефа ФБР Эдгара Гувера с победой. А газета «Нью-Йорк таймс» назвала безнадежными попытки «придать делу Дэвис политическую окраску и тем самым отвлечь внимание от предъявленных ей конкретных обвинений».

Суд над Дэвис начался в графстве Марин штата Калифорния в **январе 1971 года**. В **июне** 35 тысяч граждан США подписали

петицию с требованием освободить Дэвис под залог, однако судья в этом отказал, мотивируя свой отказ тем, что Дэвис обвиняется в преступлении, относящемся к категории особо тяжких. Этот вердикт вызвал целую бурю негодования среди коммунистов всех стран, и особенно – в Советском Союзе. Вот почему показу документального фильма про Анджелу Дэвис на МКФ было уделено особое внимание: о нем широко писали в прессе, а также прочили ему одну из наград фестиваля.

Между тем на Дина фильм не произвел сильного впечатления, но он отметил, что картина в целом удалась и ту задачу, которая на него возлагалась – вызвать симпатии к Дэвис, – он выполнил. А большего от кино подобного рода и не требовалось.

Вечером того же дня Дин встретился с Юрием Купцовым. Тот как раз вернулся из Болгарии, где отдыхал, и, приехав к Дину в гостиницу, прямо с порога удивленно спросил:

– Где же твоя модная шевелюра? В наши дни быть коротко стриженным – пережиток прошлого.

– Эта прическа – плод насилия, – ответил Дин. – Ее мне сделали в аргентинской тюрьме.

От удивления Юрий даже присвистнул:

– Завидую, Дин, твоей насыщенной жизни. Чего в ней только нет: концерты, съемки в кино и даже тюремные камеры.

– Надеюсь, насчет тюрьмы это всего лишь шутка, – усмехнулся Дин. – Уверяю тебя, в той тюрьме, где я побывал, лучше никогда не оказываться.

– Конечно, это шутка, – заверил друга Юрий и тут же предложил: – Поскольку вид у тебя не слишком здоровый, я предлагаю тебе небольшой круиз. Как ты смотришь на то, чтобы совершить вечернюю прогулку по Москве-реке на теплоходе?

– Замечательно смотрю, – ответил Дин, после чего они с приятелем покинули гостиничный номер.

Далеко идти им не пришлось: причал находился в пяти минутах ходьбы от «России». А еще спустя десять минут друзья заняли свои места на корме речного пароходика.

Едва они уселись на скамейку, как Юрий достал из внутреннего кармана своего пиджака сложенную вдвое газету и протянул Дину. Тот с удивлением воззрился на друга.

– Это та самая «Литературная газета», где напечатано твое письмо Солженицыну, – объяснил приятелю смысл происходящего Юрий. – Или у тебя уже есть этот номер?

– Честно говоря, есть, – улыбнулся Дин.

– Тогда пусть будет два.

Дин не стал спорить и положил газету рядом с собой на

скамейку. Затем спросил:

– Как ты отнесся к этому письму?

– Нормально отнесся, – пожал плечами Юрий, после чего спросил: – А ты рассчитывал на что-то другое?

– Нет, не рассчитывал, поскольку тебя я достаточно хорошо знаю, – честно признался другу Дин. – Но вот других…

– Кого ты имеешь в виду под другими? – поинтересовался Юрий.

Дин не стал ничего скрывать и рассказал приятелю об инциденте с театральным критиком. На что Юрий глубокомысленно изрек:

– Этого следовало ожидать. Солженицын в определенных кругах нашей интеллигенции нечто вроде светоча. По-английски это вроде человека, который указывает заблудшим дорогу к свету. А ты взял и начал учить этого светоча жизни.

– Для меня Солженицын никакой, как ты сказал, не светоч, а человек, который играет на стороне противника. Как это у вас говорится: льет воду на мельницу врага.

– И кто это говорит? – поворачиваясь к другу всем корпусом, спросил Юрий. – Человек, который сам, будучи американцем, льет воду на советскую мельницу.

Дин с удивлением уставился на своего друга, не в силах понять: шутит он или говорит правду. Но Юрий сам разрядил ситуацию. Он улыбнулся и, похлопав друга по колену, сказал:

– Это всего лишь шутка, Дин. Ты льешь воду на хорошую мельницу.

– Спасибо, успокоил, – с сарказмом в голосе произнес Дин.

– Если ты будешь обижаться, то тебя здесь съедят с потрохами, – после короткой паузы вновь нарушил тишину Юрий. – Повторяю, ты покусился на человека, которого наши доморощенные либералы считают святым, и они тебе этого никогда не простят. Так что будь готов к разного рода неприятностям: тебе и руку перестанут подавать, и разные нехорошие эпитеты будут бросать в спину, а то и в лицо. Тебя об этом еще мой отец предупреждал.

– Кстати, как он? – Дин только теперь понял, какую бестактность он совершил, не поинтересовавшись с самого начала здоровьем Купцова-старшего.

– Сейчас уже лучше. В прошлом году он хвалился тебе своим здоровьем, а в этом у него случился микроинфаркт. Но все обошлось, и сейчас он снова работает, как будто ничего не случилось. Хорошо, что ты о нем вспомнил. Он просил меня напомнить тебе, чтобы ты не забыл пригласить его на один из своих концертов в Москве. Они когда состоятся?

– В сентябре, – ответил Дин. – И передай своему отцу, что я лично свяжусь с ним и приглашу на первое же выступление в Театре эстрады.

После этого друзья вновь замолчали, любуясь красотами вечерней Москвы. Причем у каждого из них были свои впечатления. Если Юрий смотрел на проплывающий мимо пейзаж глазами человека, который давно к этому привык, то Дина переполняли совсем иные чувства: он был в восторге. За последние годы он побывал во множестве разных столиц и везде видел примерно одно и то же: залитые светом неоновых огней улицы, мчащиеся в разные стороны даже в ночные часы автомобили. Со стороны это напоминало некую сюрреалистическую картину, от которой у Дина всегда рябило в глазах. В этой картине не было ничего живого, того, что могло бы пробудить в сердце человека хоть какое-то щемящее чувство своего единства с природой. Какое, к черту, единство в этом хаосе неоновых огней и шуме автомобильных двигателей!

Другое дело в Москве. Эта вечерняя прогулка на теплоходе буквально заворожила Дина. Москва предстала перед ним не в великолепии неоновых огней, искусственность которых обдавала человека холодом, а в скромном наряде из редких фонарей и горящих тут и там окон, то есть вполне живым и милым сердцу городом. В глазах Дина улицы Москвы не были столь эффектны, как улицы других столиц, однако в них было другое – величие одного из самых спокойных и мирных городов в мире. И для Дина это величие стоило во сто крат больше всех сверкающих неоном городов планеты, вместе взятых. Завороженный этим пейзажем, Дин произнес фразу, которая заставила его друга вновь повернуть к нему голову:

– Вы, москвичи, даже не подозреваете, в каком прекрасном месте вы живете.

– Это ты к чему? – поинтересовался Юрий.

– К тому, что надо ценить и беречь то, что у вас есть, а не гоняться за фантомами красивой жизни. Ваша жизнь и без того красива, только вы этого почему-то не замечаете. Вы, например, привыкли к тому, что по улицам вашей столицы можно безбоязненно гулять даже ночью. Вас бы отправить на денек в Нью-Йорк, Чикаго или в римский район Кампо де Фьоре, где у вас даже средь бела дня могут отнять кошелек, а то и жизнь. Капиталистическое общество буквально пропитано насилием: только в прошлом году в США было зафиксировано свыше пяти миллионов преступлений. У вас ничего подобного нет, однако тот же Солженицын называет ваше общество «глубоко больным и пораженным ненавистью и несправедливостью». Он что,

ненормальный?

– Полагаю, что он нормальней многих из нас, – ответил Юрий. – Просто Солженицын до сих пор не может простить нашей власти своего прошлого: ведь он сидел в ГУЛАГе.

– Но ведь с тех пор прошло столько лет!

– Видимо, для Солженицына это значения не имеет, – развел руками Юрий. – Хотя есть и обратные примеры. Например, мой родной дядя, брат отца, десять лет просидел в том же ГУЛАГе, но не озлобился и после освобождения тридцать лет проработал в медицине, дослужившись до должности главного врача районной больницы. Власть нашу особенно не любил, однако слова худого про нее не говорил и к ее свержению не призывал. Наоборот, много раз беседовал со мной на эту тему и призывал не делать поспешных выводов, касаемых истории. Он вообще на многое мне открыл глаза.

Да разве один мой дядя такой? Есть у нас прекрасный актер Георгий Жженов. Он пятнадцать лет просидел ни за что в ГУЛАГе, но злобы в нем нет ни на грамм. Хотя власти он наверняка этого не простил и помнит каждый день, проведенный в лагере. Однако, как и мой дядя, он поставил себе цель приносить людям пользу. Снимается в отличных фильмах, некоторые из которых, кстати, созданы по заданию КГБ.

Поймав на себе недоуменный взгляд Дина, Юрий пояснил:

– Да, да, КГБ. Вот, например, недавно вышел второй фильм из серии про «резидента», где Жженов играет главную роль – резидента западной спецслужбы русского происхождения, который соглашается работать на КГБ. Кино, конечно, пропагандистское, но так лихо закручено! Жаль, что ты ни слова не понимаешь по-русски, а то бы я сводил тебя посмотреть.

– Значит, ты считаешь, что Солженицын делает все умышленно? – вновь вернул друга к первопричине их разговора Дин.

– Здесь дело сложнее, чем кажется на первый взгляд. Солженицын совмещает в себе сразу двух творцов: писателя и историка. А поскольку наша история, как и любая другая, это набор мифов и полуправд, он, разоблачая их, имеет огромную популярность в интеллигентских кругах. В народе его творчество малопочитаемо, поскольку книги Солженицына запрещены к изданию. Поэтому у народа есть другой кумир – Валентин Пикуль, который тоже разоблачает всяческие мифы, но из более древнего прошлого и без явного крена в современную политику. А Солженицын бьет конкретно по советской истории. Другое дело, что бьет он вроде бы по делу, но в конечном итоге играет на руку нашим идеологическим врагам.

– А что ты имеешь в виду, говоря, что он бьет по делу? – поинтересовался Дин.

– А то, что он порой пишет правду и про Октябрьскую революцию, и про те же лагеря. Я же говорю, что наша история полна полуправды, а то и откровенной лжи. Другое дело, зачем эти ложь и полуправда проповедуются. С одной стороны, чтобы помочь власти удержаться у власти, извини за каламбур. Но с другой стороны, народ любит всяческие мифы. У вас, например, то же самое. В ваших учебниках истории тоже есть и ложь с полуправдой, и разного рода умолчания. Взять хотя бы истребление индейцев или работорговлю. Что, этим событиям в ваших учебниках уделено много места? Да и про недавнее прошлое там тоже такое понаписано! Взять хотя бы Вторую мировую войну, которую вы почему-то изучаете с 44-го года, с открытия Второго фронта. Однако если сейчас начать переписывать историю и разоблачать многие мифы, лучше ли от этого станет?

А тема сталинских лагерей нашей партией закрыта не только по своей воле, как это пишет западная пропаганда. Просто это очень мощный козырь в руках идеологов холодной войны. Зачем же его им оставлять? Мы осудили сталинские преступления в 56-м и навсегда закрыли эту страницу истории. Однако господам капиталистам это невыгодно. Между тем сами они не лучше нашего. Я что-то не вижу, чтобы те же англичане постоянно посыпали голову пеплом и каялись за истребление буров, которых они тоже тысячами отправляли в концентрационные лагеря, которые они, кстати, первыми и придумали. Или взять твоих земляков американцев, которые истребили свыше миллиона индейцев. Они этой темы тоже тщательно избегают. Даже кино на эту тему не снимают, а если и снимают, то до сих пор изображают там индейцев кровожадными аборигенами.

– Артур Пенн в прошлом году снял совсем другое кино: «Маленький большой человек» с Дастином Хоффманом, – внес свою поправку в слова друга Дин. – Кстати, этот фильм участвует во внеконкурсном показе нынешнего Московского кинофестиваля.

– Спасибо, что сообщил, обязательно на него схожу, – поблагодарил Дина Юрий. – Однако фильм Пенна всего лишь исключение из общего правила. У нас, кстати, тоже есть несколько фильмов, где мы разоблачаем сталинизм и репрессии. Но не вечно же этим заниматься! Тем более когда идет холодная война. Я давно занимаюсь идеологией, еще со студенческих времен, и поэтому знаю, что говорю.

– Значит, в этом ты видишь выход? – поинтересовался у друга

Дин.

– Выход я вижу в эволюции, – без паузы ответил Юрий. – Не надо искусственно торопить ход событий, а надо терпеливо ждать, когда власть сама начнет двигаться в сторону переосмысления истории. Не всей, конечно, но отдельных ее отрезков. Но такие люди, как Солженицын, ждать не хотят. Что, в общем, тоже понятно: наша нынешняя власть даже намека не дает, что она готова меняться в сторону эволюции. Мы, скорее всего, идем к застою.

– Не слишком оптимистический взгляд для одного из работников ЦК ВЛКСМ, – пошутил Дин.

– Извини, но другого не имею, – вновь развел руками Юрий. – Однако в этом споре власти с Солженицыным я целиком на стороне первой, как и ты. Солженицын играет на руку нашим врагам: печатает свои произведения в антисоветских изданиях, которые содержатся на деньги ЦРУ. Так сказать, поставляет смертоносные снаряды, в виде своих книг, для вражеских орудий. И ведь позицию какую выбрал: он, дескать, хочет добиться правды, осчастливить ею народ. Даже лозунг придумал: жить не по лжи! Да кто же против? Но это же типичная либеральная брехня, идеализм! Людей призывает не лгать, а сам что делает? Откуда он вообще знает, чего желает наш народ, если он с этим народом даже не общается? Живет как отшельник на даче у Ростроповича и целыми днями только и делает, что пишет.

– Ростропович – это музыкант? – уточнил Дин.

– Да, виолончелист, муж нашей оперной примы Галины Вишневской. Но речь не о них. Я понимаю, что Солженицын может обижаться на власть, даже на своих коллег литераторов, которые исключили его из Союза писателей. Но неужели он не видит, что своими действиями он конкретно помогает врагу? Тому самому врагу, против которого он воевал в 41-м? Неужели он не видит, что метит он в ненавистный ему коммунизм, а попадает в Россию? Ведь не процветания хотят господа капиталисты нашей стране, а полного ее уничтожения. И он им в этом помогает.

– Наверное, он об этом не задумывается, – пожал плечами Дин.

– А может, наоборот: хорошо понимает, что его-то господа капиталисты отлично устроят в случае своей победы. Это они тех людей, что едут вместе с нами на теплоходе, пустят по миру, а тех, кто им помогал, сделают хозяевами жизни. Вот Солженицын и старается. Его любимый конек – тема сталинских лагерей – почти в каждом произведении присутствует: и в «Одном дне Ивана Денисовича», и «В круге первом». (Книга «Архипелаг

ГУЛАГ» на тот момент еще не была известна: Солженицын тогда написал только первый том и работал над продолжением. – *Ф. Р.*).

Причем он правильно считает, что они были созданы для использования дармового, рабского труда миллионов заключенных. Но ведь во многом именно благодаря этому труду мы и отстояли социализм. Как Запад отстоял свой капитализм благодаря труду своих колониальных рабов. Вот и мы: и войну выиграли, и страну после нее отстроили. Кощунственно звучит, но это так. Не будь этого рабского труда, этого самоотречения целого народа, и не было бы никакого Советского Союза. И на этом теплоходике по Москве-реке не мы бы с тобой сейчас катались, а какие-нибудь Ганс с Вальтером.

– Значит, ты оправдываешь сталинские лагеря? – удивился Дин, который подобную трактовку уже слышал из уст Джакомо Винчини, однако от советского комсомольского работника услышать явно не рассчитывал.

– Я не могу их оправдывать, поскольку мой родной дядя там чуть не погиб, – возразил Юрий. – Я просто констатирую факт: если бы не жестокость Сталина, к власти пришли бы либералы типа Бухарина и пустили бы страну под откос. Третьего было не дано. И единственное, что хоть как-то может смягчить эту трагедию, это то, что жертвы ГУЛАГа были не напрасными: страну мы все-таки отстояли в самой ужасной битве в истории человечества.

– Твои слова кто-нибудь разделяет в этой стране?

– Многие разделяют, только говорить вслух боятся, поскольку в учебниках истории говорится совсем иное. Именно этим и пользуется Солженицын. Он считает ГУЛАГ естественным порождением советской системы, хотя это ложь. ГУЛАГ – это вынужденное отступление от социализма.

– Но ведь лагеря у вас и сейчас существуют? – высказал свою осведомленность Дин.

– Лагеря есть, но это уже не ГУЛАГ. Тот был настоящей тюремной империей, где использовался рабский труд миллионов заключенных. Надо было осваивать Сибирь и Дальний Восток, а людей туда добровольно загнать было нельзя. Вот и построили эту империю. Сегодня в лагерях содержатся в основном справедливо осужденные люди. Ведь преступники пока еще существуют.

– А так называемые диссиденты?

– Все наши диссиденты вполне взрослые люди, которые должны отдавать отчет в своих поступках. Раз они выступают против существующего в стране режима, значит, должны

понимать, что их за это по головке не погладят. Вот в твоей Америке есть диссиденты?

– Конечно, – кивнул Дин. – Участники негритянского движения, те же индейцы.

– И что, с ними там власти церемонятся? А кто убил Мартина Лютера Кинга? А борцов за права индейцев кто сажает в тюрьмы, а иной раз и убивает? Вот и наши диссиденты тоже получают наказание соответственно своим заслугам.

– Но, может, стоит их не только наказывать, но и прислушиваться к тому, что они говорят? – предположил Дин. – Ведь какие-то из их инициатив могут быть вполне полезными.

– Вполне разделил бы эту точку зрения, если бы не одно «но»: за нашими диссидентами конкретно стоит Запад, – все с той же твердостью в голосе произнес Юрий. – Вот за вашими индейцами и неграми никто не стоит, а за нашими диссидентами стоит. Поэтому ни о каких конструктивных контактах между ними и властью речи идти не может. За то, что они постоянно апеллируют к Западу, их даже простые люди ненавидят, а ты хочешь, чтобы с ними сотрудничала власть.

– Неужели все ваши диссиденты настроены прозападно? – продолжал удивляться Дин. – Мне кажется, среди них могут быть и такие, кто искренне хочет исправить недостатки системы без вмешательства извне.

– Вот именно, что тебе это только кажется! Недостатков у нас и правда хватает, только диссиденты, борясь с ними, преследуют одну цель: демонтаж существующей системы. Им власть советская поперек горла, и больше ничего.

Видя, как его друг с каждым словом распаляется все сильнее и сильнее, Дин положил ему руку на колено. И хотя на соседней лавочке за ними никто не сидел, однако люди на корме все равно были и давно уже с интересом наблюдали за двумя иностранцами, которые очень живо обсуждали какие-то животрепещущие проблемы по-английски. Поэтому, чтобы успокоить друга, Дин сказал:

– Ты зря горячишься, Юрий, ведь я целиком на твоей стороне.

– Извини, Дин, это у меня профессиональное: частенько приходится выступать на разного рода митингах и собраниях, а там нужно иметь луженую глотку, – оправдываясь за свою горячность, произнес в ответ Юрий.

После короткой паузы, которая понадобилась для того, чтобы собеседники перевели дыхание, Дин спросил:

– Сталин в твоем понимании – это кто?

– Выдающийся политик, – все с той же твердостью в голосе произнес Юрий. – Жестокий, коварный, но выдающийся,

поскольку мыслил категориями не сиюминутными, а заглядывал в будущее. Да, людей не жалел, поскольку хорошо знал их сущность. Ведь плохого и хорошего в нас поровну. И эти две половины все время борются друг с другом. Сталин умело этими половинами управлял. Ведь наивно думать, что репрессии, которые он осуществлял в годы своего правления, были бы возможны без одобрения миллионов людей. А что касается жестокости Сталина… К твоему сведению, он даже своих родственников не жалел, чтобы у людей не было причин бросить ему упрек в том, что он кому-то делает поблажки. Между тем Наполеон был не менее жесток, однако вся Франция ему до сих пор поклоняется. А как быть с вашим президентом Трумэном, который в 1945 году приказал сбросить атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки, где всего за два дня погибло 215 тысяч человек? Однако этого политика почему-то в стан душегубов никто не причисляет. Разве я не прав?

Дин ответил не сразу. Какое-то время он сидел молча, глядя на проплывающую мимо Москву, после чего произнес:

– Наверное, ты прав в своих оценках, но я с детства не выношу тиранию. Поэтому Трумэн мне гораздо симпатичнее Сталина.

– Это потому, что Трумэн американец, – ответил Юрий. – У нас в таких случаях обычно говорят: «Пусть дерьмо, зато свое».

В это время теплоход закончил свою экскурсию и причалил к пирсу. Друзья поднялись со своих мест и направились к выходу. На скамейке, где они только что сидели, сиротливо остался лежать январский номер «Литературной газеты» с открытым письмом Дина Рида Солженицыну.

Первую половину следующего дня Дин посвятил не фестивальным мероприятиям, а личным: он бросил все силы на поиски красавицы-блондинки Эве Киви. Помогать ему в этом вызвался его переводчик Виталий, который достаточно быстро навел справки на этот счет: Киви была членом эстонской делегации, и проследить через оргкомитет фестиваля за передвижениями этой делегации оказалось делом несложным. В итоге уже через какое-то время Дин вышел на след Киви. Он подкрался к ней незаметно со спины и на глазах у изумленных гостей фестиваля закрыл ей ладонями глаза. Киви стала вслух произносить имена тех, кто бы это мог быть, на что многочисленные свидетели происходившей сцены отвечали дружным смехом. Наконец кто-то из них не выдержал:

– Эве, ты будешь гадать до утра.

Тогда Эве обернулась и к своему огромному удивлению

увидела перед собой улыбающегося до ушей Дина Рида.

– Я и правда никогда бы не подумала, что это вы, – смущенно улыбаясь, произнесла на довольно сносном английском Киви.

То, что она умела говорить по-английски, было неудивительно: Киви благодаря своей красоте была самой выездной актрисой в Советском Союзе и за эти годы успела объездить уже более двух десятков разных стран и выучить язык. Она, кстати, умела немного говорить и по-испански.

– А я бы вас узнал даже с закрытыми глазами, – ответил Дин, после чего предложил: – Давайте убежим от всех куда-нибудь подальше.

– Подальше – это куда? – спросила Киви.

– Давайте сначала убежим, а потом найдем это подальше, – рассмеялся Дин и, схватив ее за руку, увлек за собой.

Виталий, который стоял неподалеку, сразу понял, что его помощь здесь не понадобится, и счел за благо не следовать за своим подопечным.

Дин и Эве в течение часа гуляли по Москве, любуясь ее красотами. Правда, им это быстро надоело, поскольку остаться вдвоем им никак не удавалось: их обязательно кто-нибудь узнавал и тут же подходил к ним за автографами. Поначалу они с радостью откликались на эти просьбы, но потом их это стало утомлять. В итоге, когда они очутились в окрестностях «России», Дин внезапно предложил своей спутнице подняться к нему в номер.

– Зачем? – изобразила удивление на лице Киви, хотя прекрасно понимала скрытую причину этого предложения.

Дин ответил почти не задумываясь:

– Я хочу подарить тебе свою фотографию с дарственной надписью. Ты будешь на досуге разглядывать ее и вспоминать обо мне.

Киви в течение нескольких секунд колебалась, после чего все-таки приняла предложение. Соблазн оказаться в одном номере с самим Дином Ридом был слишком велик. Однако Дин сам все испортил. Вместо того чтобы терпеливо и настойчиво обхаживать гостью, он чуть ли не с порога, едва закрыв за собой дверь номера, заключил гостью в свои объятия и стал осыпать ее лицо и шею страстными поцелуями. Впрочем, понять его было можно, поскольку Киви была обворожительно хороша: красивое лицо, стройная фигура в легком летнем платье, под которым так аппетитно проступали ее соблазнительные формы.

В первые мгновения этого натиска Киви была ошеломлена и безропотно позволяла Дину не только целовать себя, но и ласкать. Однако едва он попытался повалить ее на кровать, как

она тут же опомнилась и, выскользнув из его объятий, бросилась к двери. Дин только успел спросить:

– Куда же ты, а фотография?

– Я заберу ее после, а пока мне нужно срочно улетать на съемки. Я вернусь через три дня, – объявила Киви и выпорхнула за дверь.

Насчет съемок она не врала: в тот день ей и в самом деле нужно было лететь в родной Таллин для участия в съемках фильма «Маленький реквием для губной гармошки». Дин быстро навел справки об этом и буквально поставил на ноги всех своих знакомых, чтобы те раздобыли ему эстонский телефон Киви. Кто-то из них потом позвонил ей и сообщил: «Эве, тут тебя какой-то сумасшедший разыскивает». Киви сразу поняла, кто был этим сумасшедшим. И тут она окончательно поняла, что романа с Дином Ридом ей не избежать. Как ни странно, но ее это только обрадовало. И хотя у нее был муж и маленький ребенок, однако соблазн закрутить интрижку со знаменитым Дином Ридом был настолько велик, что сопротивляться этому Киви не то что не могла, она просто не хотела.

Между тем в отсутствие Киви Дин без дела не сидел. Он продолжал посещать фестивальные мероприятия, а также рассматривал предложения советских кинематографистов по поводу возможных съемок в их картинах. Прознав о том, что Сергей Бондарчук собирается экранизировать книгу его тезки Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», Дин загорелся желанием сыграть в нем главную роль. Однако Алексей, представитель Госкино, сообщил ему, что Бондарчук уже нашел исполнителя на эту роль. «Если хотите, Дин, то вы сыграете в этой картине любого другого героя», – заверил Дина Алексей. Тот, конечно, согласился, однако из этой затеи так ничего и не получилось: Бондарчук снимет фильм про Джона Рида только через десять лет.

Гораздо больше было шансов у Дина сняться в другом советском фильме: 3-серийном сериале белорусских кинематографистов «Вашингтонский корреспондент» по сценарию Михаила Сагателяна. Это был фильм о жизни советского журналиста в США, где Дин должен был играть самого американского президента Джона Кеннеди. Роль ему очень понравилась, и он готов был сниматься в ней даже бесплатно – лишь бы только попасть в первую советскую картину. Тем более что она снималась для Центрального телевидения, а значит, охват аудитории у нее обещал быть огромным. Кроме того, Дин сумел убедить авторов фильма, что секретаршу Кеннеди должна играть только Эве Киви. Зачем ему это было нужно, объяснять не

имеет смысла.

Что касается фестивальных мероприятий, то и здесь Дину скучать не приходилось. Так, он побывал на нескольких кинопросмотрах, в том числе и документального фильма кубинского режиссера Сантьяго Альвареса «Как, зачем и почему был убит генерал», где речь шла об убийстве в **октябре 1970 года** в Чили министра национальной обороны этой страны Шнейдера. Поскольку все эти события Дин наблюдал воочию, ему было очень интересно увидеть все это на экране. Этот показ состоялся **24 июля**.

А на следующий день Дин вместе с гостями фестиваля посетил киностудию «Мосфильм». Их провели по павильонам самой главной киностудии страны, разрешили поприсутствовать на съемках новых фильмов: в тот день Андрей Тарковский снимал «Солярис», Юлий Райзман – «Визит вежливости». Затем гостям показали отрывки из уже отснятых фильмов, которые готовились к выходу на экраны: «12 стульев», «Дядя Ваня».

Вообще на тот кинофестиваль приехало много именитых гостей, в том числе и из Америки, хотя Госдепартамент США и пытался бойкотировать это мероприятие. Среди именитых американцев, посетивших МКФ в том году, были режиссеры Сидней Поллак, Артур Пенн, Стэнли Крамер, Холл Барлетт. Из других зарубежных гостей стоит отметить следующих: Раджа Капура, Даниэля Ольбрыхского, Жан-Луи Трентиньяна, Кинга Видора, Барбару Брыльску, Беату Тышкевич.

Были на фестивале и чилийские представители, в частности режиссер Альдо Франсиа, который привез в Москву свои фильмы «Кровавая селитра» и «Вальпараисо – моя любовь». Это был первый выход чилийского кино за границы страны, поскольку за последние 16 лет их фильмы не демонстрировались ни в одной из стран мира.

Наконец настал день, когда Дин вновь увиделся с Эве Киви. Причем она прилетела в Москву неожиданно и ничего не сообщила об этом Дину. Прямо из аэропорта она приехала к гостинице «Россия», однако вынуждена была в течение часа нервно мерить шагами стоянку такси, так как не решалась подняться к Дину на этаж: ей было неудобно спрашивать разрешения пройти к нему в номер у неприступных администраторш. Тем более она знала, что про этот визит сразу станет известно всем.

Эта дилемма разрешилась сама собой. Киви уже хотела было поймать такси и вернуться к себе в «Украину», как вдруг перед нею вырос сам Дин Рид в своем полосатом пиджаке, который он купил во время своей многомесячной чилийской командировки.

Обхватив Киви руками, он приподнял ее над землей и крепко поцеловал в щеку.

– Как я рад тебя видеть! – во все горло закричал Дин, после чего объявил: – Поехали к моему приятелю читать сценарий нового фильма. Я буду играть в нем Кеннеди, а ты его секретаршу.

Киви была настолько ошарашена этим натиском, что даже не нашла в себе силы сопротивляться. Поэтому, когда Дин тормознул первое же попавшееся под руку такси, она безропотно села в салон и они тронулись в путь.

Обсуждение сценария заняло несколько часов и шло в непринужденной обстановке. Дин, Киви и сценарист говорили о деталях предстоящих съемок, по ходу дела поглощая спиртное (мужчины пили армянский коньяк, а гостья – мартини) и закусывая разными деликатесами, которые хозяин дома извлек из своего холодильника. Наконец ближе к ночи гости засобирались. Хозяин по телефону вызвал им такси, и Дин отправился провожать Киви в гостиницу «Украина». Однако проводы не состоялись. У входа в гостиницу Дин отпустил такси, а сам поднялся в номер к Киви. На их счастье, дежурная по этажу оказалась вполне миролюбивой женщиной, которая не стала поднимать шум из-за того, что после одиннадцати вечера к постоялице 465-го номера пришел в гости посторонний мужчина. В итоге практически сразу влюбленные нырнули в постель и оторвались друг от друга только под утро, когда сил на очередные ласки у них уже просто не осталось.

Несмотря на то что почти полночи Дин не сомкнул глаз, встал он раньше своей возлюбленной, поскольку ему надо было принимать участие в очередных мероприятиях фестиваля. Поцеловав на прощание Эве, Дин покинул ее номер, плотно прикрыв за собой дверь. Однако понежиться в постели Киви все равно не дали. Спустя несколько минут после ухода Дина в номер прибежала подруга Киви из Чехословакии и радостно сообщила:

– Я знаю, что в твоем номере всю ночь провел Дин Рид!

– Я за тебя очень рада, – засмеялась в ответ Киви.

– Ты – за меня? – округлила глаза подруга. – Это я буквально вся захожусь от зависти, думая о том, что вы здесь вытворяли! Вот на этой самой постели! Скажи, как он?

– В каком смысле? – сделала вид Киви, будто не поняла, о чем идет речь.

– Не строй из себя девочку, ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, – сделала серьезное лицо подруга. – Он, наверное, очень искушенный в сексе человек? По нему это буквально видно.

– Мы заснули только под утро, – томно потягиваясь, ответила

Киви.

– Счастли-и-вая-а-а… – закатывая под потолок глаза, протянула подруга. – Ты здесь с самим Дином Ридом… Это надо обязательно запечатлеть!

Киви с удивлением уставилась на свою подругу.

– Я имею в виду, что этот исторический момент надо обязательно зафиксировать на пленку, – объяснила свою мысль подруга и спустя пару минут вернулась в номер с фотоаппаратом.

Взведя аппарат, подруга водрузила его на трюмо, а сама вместе с Киви взобралась на взбитые подушки, и в таком виде они зафиксировали для истории этот эпохальный момент. В те мгновения Киви поймала себя на мысли, что этот гостиничный номер уже в который раз приносит ей счастье: десять лет назад в нем же она предавалась любви с французом Жоржем Ривьером. Правда, тогда ее счастье никто на пленку не фиксировал.

Практически все оставшиеся до окончания фестиваля дни Дин и Киви проводили вместе. Даже фестивальные просмотры они посещали вдвоем. Большое впечатление на них произвел фильм Холла Баретта «Генералы песчаного карьера» по роману Жорже Амаду «Капитаны песка» (позже в советском прокате этот фильм пойдет под названием «Генералы песчаных карьеров»), где речь шла о полной драматизма судьбе бразильских беспризорников. Это было социальное кино с хорошей мелодраматической основой: по сюжету лидер беспризорников влюблялся в красавицу Дору. И хотя концовка фильма была трагической – девушка погибала, да и судьба самого вожака была под вопросом, однако в целом фильм оставлял светлое впечатление. Во многом благодаря музыке, которую написал композитор Луис Оливейра. Дин был в восторге от песни, звучавшей в фильме, и даже немного позволил себе помечтать о том, как бы эта песня хорошо вписалась в его репертуар.

– Я бывал в Бразилии и собственными глазами видел многое из того, о чем говорится в фильме, – сообщил Дин Киви, когда они покинули кинозал. – Так что это очень честное и правдивое кино. Я бы с удовольствием в таком сам снялся.

– Почему же не снимаешься? – спросила Киви.

– Потому что не приглашают, – честно ответил Дин.

Кстати, этот же вопрос несколько дней спустя задаст Дину и журналист газеты «Советская культура» Ф. Андреев (интервью под названием «С песней по свету» появится **7 августа**). На что Дин ответит: «Я не привез в Москву свои фильмы потому, что они не стоят этого. Это приключенческие боевики из ковбойской жизни. В них нет ничего грязного, жестокого, что порой отличает этот киножанр. Но фильмы эти – один из компромиссов, на который я

вынужден идти. Не будь их, я не в состоянии был бы совершить многомесячное турне по Чили. Ведь всю выручку от своих концертов я отдавал в фонд помощи правительству Народного единства…»

Если «Генералов» советский прокат купит через два года и покажет своим зрителям (на МКФ фильму будет присужден специальный приз), то вот другой американский фильм – «Беспечный ездок» с Фондой-младшим и Денисом Хоппером (он же режиссер) в главных ролях – до советского зрителя так и не доберется. С этой картиной в те фестивальные дни вышла незадача. По Москве пронесся слух, что «Ездока» будут показывать в кинотеатре «Ударник». Легко представить, что творилось возле кинотеатра в день показа: толпы молодых людей, штурм кассы, который едва не закончился ее разгромом. Объяснения работников кинотеатра, что никакого «Беспечного ездока» показывать не будут, на людей никакого впечатления не производили: все считали, что их просто водят за нос. Но страждущих никто не обманывал: в тот день на самом деле вместо «Беспечного ездока» был показан фильм «Наездники» с красавцем Омаром Шарифом в главной роли. Ничего общего между этими фильмами, естественно, и близко не было.

Между тем фестиваль завершился **3 августа**. Причем завершился он скандалом. Камнем преткновения стал главный приз фестиваля. Дело в том, что еще за несколько месяцев до открытия форума киношное руководство СССР и ГДР договорились между собой, что Золотой приз получит картина президента Академии искусств ГДР режиссера Конрада Вольфа «Гойя» (в главной роли там снялся советский актер Донатас Банионис). Но во время фестиваля этот сговор внезапно был сорван одним из членов жюри – режиссером Григорием Козинцевым. Кстати, когда его выбирали в жюри, он всячески противился этому, а когда его все-таки уговорили туда войти, честно предупредил: откровенную халтуру поддерживать не буду. Видимо, чиновники из Госкино к этому заявлению отнеслись слишком легкомысленно, за что и поплатились. Козинцев решительно выступил против «Гойи». В своем письме коллеге-кинорежиссеру Сергею Юткевичу он, в частности, писал:

«Тебе, как члену-корреспонденту немецкой Академии художеств… несомненно интересно будет узнать, что одним из „гвоздей“ было забивание гвоздей в жюри на предмет записи „Гойи“ в выдающееся (из ряда – какого? – вон, – куда – вон?) произведение. Хотя в фильме есть и несомненные достоинства (трактовка популярного художника в духе популярных произведений Птушко), но цветовое решение („по решению“

ихней Академии художеств) в духе немецких олеографий конца века, а также излишнее оригинальничанье в показе Испании (кастаньеты, раз; гитары, два; бой быков, три – и обчелся), кроме того – спорный выбор артистки Чурсиной (последний раз я видел аккурат такую испанку в Рязани) вызвали некоторые разногласия среди присутствующих, что не помешало всем им признать кинофильм твоего уважаемого председателя дерьмом…»

Чтобы протащить «Гойю» на «золото» фестиваля, чиновники из Госкино предприняли массу всевозможных шагов (уговоры, различные посулы членам жюри), а когда это не помогло, пожаловались в ЦК КПСС. В итоге Козинцева, как главного смутьяна, в первых числах августа вызвали на Старую площадь, в отдел культуры, и стали уговаривать не упорствовать в своем неприятии фильма: мол, это же наши коллеги из братской социалистической республики, их надо поддержать и т. д. и т. п. Но Козинцев был неумолим. Более того, устав выслушивать нотации из уст чиновников, он заявил, что если «Гойю» будут продолжать тянуть в фавориты, он немедленно выйдет из состава жюри и уедет в родной Ленинград. Видимо, это заявление отрезвило чиновников, поскольку они действительно отстали от Козинцева, а «Гойя» получила то, что заслуживала – всего лишь Серебряный приз. А обладателями Золотых призов стали безусловные шедевры: «Белая птица с черной отметиной» (СССР, режиссер Юрий Ильенко), «Сегодня жить, умереть завтра» (Япония, реж. Канэто Синдо), «Признание комиссара полиции прокурору республики» (Италия, реж. Дамиано Дамиани).

После завершения фестиваля Дин остался в Советском Союзе, поскольку впереди у него были концертные гастроли. Он был чрезвычайно рад этому обстоятельству, и рад вдвойне: во время их проведения у него была прекрасная возможность наслаждаться обществом Эве Киви. Та хоть и не имела возможности отправиться с Дином на гастроли по городам, но могла встречаться с ним во время его пребывания в Москве в начале гастролей и в самом их конце.

Во время подготовки к гастролям случился инцидент, который оставил у Дина неприятный осадок. Когда он согласовывал с чиновниками Госконцерта свой репертуар, в который вошли 20 песен, большая часть из которых (целых 16 штук) в Советском Союзе ни разу не исполнялась, Дину было заявлено, что две песни из старого репертуара он исполнять не должен. Когда Дин спросил, какие именно, ему ответили: «Хава Нагила» и «Моя еврейская мама».

– Но эти песни знают и поют во всем мире! – искренне удивился Дин. – В них нет никакой политики!

– Политика есть во всем, – четко выговаривая по-английски каждое слово, резюмировал чиновник Госконцерта. – И в этих песнях она есть тоже. Это еврейские песни, а у нас на данный момент отношения с Израилем очень непростые. И нам бы не хотелось, чтобы вы, исполняя эти песни с наших подмостков, делали реверанс в сторону Израиля.

– Когда я исполняю эти песни, я не думаю об Израиле, – продолжал отстаивать свою точку зрения Дин. – Я думаю о миллионах евреев, которые разбросаны по всему миру, и о той их части, что приходит на мои концерты. Нельзя же во всем видеть одну политику! В прошлый раз ваши люди пытались запретить мне петь рок-н-роллы, а теперь добрались и до народных песен!

Этот страстный монолог убедил чиновника, но только в том, что с наскока собеседника не возьмешь. Поэтому он решил найти иные подходы к нему.

– Несмотря на несхожесть позиций, мы с вами, товарищ Дин, делаем одно дело, – после короткой паузы вновь продолжил беседу чиновник. – Мы не только развлекаем людей, но и занимаемся идеологией. Только вы в качестве артиста, а я – сидя в этом кресле. Повторяю вам, политика есть во всем. Я лично не имею ничего против названных песен, но прошу вас в этот раз их не исполнять. Вот наладятся у нас отношения с Израилем, и вы будете петь «Хаву Нагилу» хоть по нескольку раз в день.

После этих слов в кабинете повисла пауза, которая понадобилась Дину для того, чтобы обдумать услышанное. Наконец Дин принял решение и озвучил его все с той же твердостью в голосе:

– Я согласен с тем, что мы оба делаем одно дело, но на данную проблему у меня особое мнение. И оно принципиальное. Я считаю, что подобными запретами мы только усугубляем ситуацию: мы разъединяем людей, а не объединяем их. Вот представьте себе, какая дикая может сложиться ситуация. Во время концерта кто-то попросит меня спеть «Мою еврейскую маму» – а эта песня очень популярна – и что мне придется делать? Говорить о сложных отношениях Советского Союза с Израилем? Вы что, хотите выставить меня идиотом?

Последнюю фразу Дин вновь произнес на повышенных тонах, что крайне не понравилось чиновнику. Он как-то недобро взглянул на Дина, после чего положил обе ладони на стол и заявил:

– Значит, вы отказываетесь выполнить нашу просьбу?

– Совершенно верно, – кивнул Дин. – Я готов пойти вам навстречу во многих вопросах, но эту просьбу я отвергаю как неприемлемую. В моем репертуаре есть песни разных народов, и

смысла исключать из него какие-либо произведения я не вижу. Ущемлять чувства своих зрителей я не намерен.

Сказав это, Дин наскоро попрощался с чиновником и покинул его кабинет. Никакого страха или даже намека на испуг у него и в помине не было. Он знал, что его гастроли уже объявлены, афиши расклеены по всем городам, где он будет выступать, а это значит, что отменить их никто не посмеет. Тем более из-за каких-то двух песен. Другое дело, что это отразится на отношениях чиновников Госконцерта лично к нему, Дину Риду, но ему и это было не страшно. Было неприятно, но не страшно, поскольку Дин никогда не пытался под кого-то подстраиваться. Он, конечно, мог пойти на компромисс в каких-то отдельных случаях, но когда дело касалось его принципов, то тут он становился по-настоящему упертым. Причем чем сильнее на него пытались давить, тем отчаяннее он сопротивлялся.

Когда в тот же день Дин поведал об этом разговоре Юрию Купцову, тот нисколько не удивился.

– Для тебя это выглядит дико, а у нас вполне обычное явление, – сказал он Дину. – Нелюбовь к евреям у нас распространена не только на политическом уровне, но и на бытовом.

– Но это же ненормально! – возмущенно воскликнул Дин.

– Конечно, но с этим все смирились, поскольку каких-то вопиющих прецедентов на этой почве не происходит. Ну, ограничивают показ евреев-артистов на телевидении или не пускают их в Политбюро. Зато у них есть своя автономная область в Хабаровском крае и даже создан Еврейский комитет. А с прошлого года им даже разрешили эмигрировать из страны. Негры в Америке таких прав, как наши евреи, никогда не имели и иметь в ближайшем будущем не будут. Насколько я знаю, чернокожих у вас начали замечать только недавно, в 60-х, да и то под влиянием войны во Вьетнаме, поскольку в вашей армии воюет много негров.

– То есть ты осуждаешь мой сегодняшний поступок? – внимательно выслушав монолог друга, спросил Дин.

– Ни в коем случае! – всплеснул руками Юрий. – Ты прав изначально, утверждая, что искусство должно объединять народы, а не разъединять их. Ну и во-вторых, этих дармоедов из Госконцерта надо хорошенько проучить. Привыкли, понимаешь, манипулировать людьми. Тебе в этом отношении легче: ты бы видел, как они обращаются с нашими артистами.

Этот конфликт разрешился на самом высоком уровне. Отказ Дина исключить из своего репертуара две еврейские песни был доложен в ЦК КПСС, где было решено не нагнетать ситуацию и

«залитовать» предложенный певцом репертуар. Дина лишь попросили не исполнять злополучные песни на бис. Это условие он принял.

Гастроли Дина начались **12 августа** с концертов в Ленинграде. Они длились в течение пяти дней и прошли при полных аншлагах. К тому времени Дин Рид был уже хорошо известен в Советском Союзе, причем на его выступления с огромным удовольствием шла не только молодежь, но и люди старшего возраста. Концерт Дина состоял из двух десятков песен, но каждый раз он заканчивал свое выступление одним и тем же произведением: пел вместе с залом песню «Пусть всегда будет солнце!».

19–22 августа Дин дал серию концертов в столице Украины городе Киеве. И опять при полных аншлагах. Этому событию тамошняя «Рабочая газета» посвятила материал под названием «Я верю в людской разум». Это было интервью Дина, в котором он рассказал о себе, о своем детстве в Колорадо. Рассказ был выдержан в романтических тонах. Дин рассказал о том, что днем он работал на ферме, а вечером ложился спать поближе к лошадям – так было теплее. А утром его обычно будило пение птиц. Он любил уходить далеко в лес и с наслаждением впитывал в себя все тамошние звуки. Так в его душе родилась музыка.

24–26 августа Дин посетил с концертами еще один украинский город – Одессу. В газете «Знамя коммунизма» тоже было опубликовано его интервью, но уже под другим названием – «Песня – его оружие». Оно уже было менее романтичным и касалось в основном политических взглядов Дина и его творчества на Западе (Дин сообщил, что снялся уже в 11 фильмах). Кроме этого, визит Дина был показан по местному телевидению. Это был фоторепортаж, который было поручено сделать журналисту Михаилу Рыбаку. Поскольку видеокамер в те годы еще не было, а для съемки всех сюжетов для повседневных телепрограмм не хватало пленки, фоторепортажи на экранах черно-белых телевизоров в те годы были очень популярны. Демонстрировались они элементарно: на студии перед стационарной камерой помощник режиссера перелистывал фотографии, расположенные в определенном порядке, а диктор за кадром сопровождал иллюстрации коротким текстом. Если автор репортажа был профессионалом своего дела и умел найти эффектные ракурсы, отснять общие, средние и крупные планы, а также сопроводить все это интересным текстом, то такой фоторепортаж ничем не уступал документальному фильму. О том, как проходил этот фоторепортаж, вспоминает сам М. Рыбак:

«Дин Рид остановился в гостинице „Красная“. Там мы и

встретились в просторном номере, куда я пришел со своим 17-летним сыном. Аркадий уже входил в нашу журналистскую среду, и в данном случае мы собирались делать совместный материал для газеты. Аркадий заговорил с гостем на английском языке, и тот решил, что мы можем обойтись без переводчицы. Она весьма неохотно оставила нас втроем, и все почувствовали себя раскованно…

Освободившись от опекунства переводчицы, Дин Рид взял в руки одну из своих прекрасных гитар, заказанных индивидуально в Испании, и исполнил несколько песен, мелодичных и зажигательных. Покинув «Красную», мы вышли на Пушкинскую, оттуда на Приморский бульвар, гуляли по улицам города. Фотоаппарат запечатлел десятки интересных ситуаций во время общения гостя с одесситами, а они (особенно молодежь) узнавали популярного певца и на каждом шагу приветствовали его.

Из дверей загса вышли молодожены, и Дин поздравил их, затем увидел оставленный на обочине мотоцикл с коляской и лежащий в ней шлем. Дин надел его, шаловливо запрыгнул в седло, но, увидев, что собирается толпа, спросил, не арестует ли его полиция. В этот день общительный, доброжелательный Дин Рид только успевал пожимать руки и раздавать улыбки. Он был счастлив, каждая встреча вызывала у него такую радость, как будто все эти люди были его давними друзьями».

5—11 сентября Дин гостил в хорошо ему уже знакомом по гастролям пятилетней давности Тбилиси. Концерты Дин давал в Большом концертном зале Грузинской государственной филармонии. На всех концертах яблоку негде было упасть. Дин был на седьмом небе от счастья, поскольку такого единения с публикой давно уже не испытывал. Даже в Чили с ним такого не было.

Продолжились гастроли концертами **14–18 сентября** в Новосибирске. В этом городе Дин был впервые, однако публика принимала его так, как будто они были знакомы много лет. Даже маленькие дети несли ему на сцену цветы, а поклонницы толпами караулили его у выхода из концертного зала. Журналистка М. Рубина в газете «Советская Сибирь» так описывала начало концертов Дина: «Сначала играет эстрадный оркестр, потом за кулисами возникает песня, и лишь затем на сцене появляется сам певец. Легкий, стройный, с копной густых волос, в экзотическом желтом костюме, он, точно солнечный луч, приносит в зал тепло – улыбкой, звонким молодым голосом…»

Дин давал свои концерты в большом зале новосибирского Театра оперы и балета. Специально для Дина в нем было сделано новшество: через оркестровую яму был перекинут помост, чтобы

певец мог не только ходить по нему, но и спускаться вниз, в зал, и петь свои шлягеры вплотную перед зрителями. А иногда и вместе с ними, как это было во время исполнения песни «Пусть всегда будет солнце!». Вообще свой концерт Дин построил на чередовании ритмичных песен и медленных. Так, первое отделение Дин начинал с одной из самых своих любимых песен, которая была также хорошо известна советским слушателям – «Элизабет» (ее премьера состоялась еще в новогоднем «Голубом огоньке» **1 января 1967 года**). Затем Дин исполнял еще одну свою любимую песню, которая появилась в его репертуаре буквально накануне этих гастролей, – лирический шлягер Шарля Азнавура и Крэтцмера «Вчера, когда я был молодым». Причем с этой песней случилась поразительная вещь: в устах Дина она звучала гораздо интереснее, душевнее, чем в интерпретации ее автора, Шарля Азнавура. В результате это приведет к тому, что именно эта песня станет визитной карточкой Дина Рида на долгие годы.

Второе отделение состояло в основном из песен так называемого гражданского содержания. И сценический наряд Дина уже выглядел иначе: вместо экстравагантных и ярких костюмов он облачался в рубашку апаш и полосатые спортивного типа брюки. И пел «То, что я видел» (о бедняках), «Мы сказали: „Хватит!“ (о борьбе за мир), „Венсеремос“ (песня чилийских коммунистов) и т. д. Последние четыре песни Дин пел, аккомпанируя себе на гитаре: „Белла, чао“ (песня итальянских партизан), „Сельский паренек“ (кантри-песня, рожденная в родных местах Дина в Колорадо), „Джерико“ (негритянская песня) и „Пусть всегда будет солнце!“.

После Новосибирска Дин дал несколько концертов во Владивостоке. И **21 сентября** вернулся в Москву, чтобы концертами в столице завершить свое турне. Здесь ему должны были аккомпанировать музыканты, которых он хорошо знал – оркестр Театра эстрады под управлением Олега Шимановского, с которым Дин уже выступал во время гастролей в 1966 году. Поэтому, когда он пришел на первую репетицию, первое, что сделал, крепко обнял каждого из музыкантов. И только после этого началась репетиция. Дин скинул свой полосатый пиджак и встал перед оркестром. Репетировал он импульсивно, темпераментно. Он то громко выкрикивал слова, то произносил их чуть тише, а иной раз и вовсе бормотал их себе под нос. Потом просил начать песню снова и в новом варианте уже пел все произведение до конца, четко выговаривая каждое слово. Так ему было легче приноровиться к ритму. Поминутно Дин делал пометки карандашом в нотах, пританцовывал в такт музыке. Так

длилось в течение нескольких часов. На следующий день все повторилось сначала.

Но объявленные на **25–26 сентября** концерты пришлось переносить. Дело в том, что накануне первого выступления Дин внезапно почувствовал недомогание, которое явилось следствием его напряженного гастрольного графика. В итоге два концерта в самом вместительном столичном зале – во Дворце спорта в Лужниках, где вмещалось более 14 тысяч зрителей (с местами в партере), Дин дал чуть позже – **29–30 сентября**. Зал был набит битком, причем публика была разная: в партере сидела элита в лице известных политиков, общественных деятелей, дипломатов, артистов, а на трибунах восседал простой люд. Были и друзья Дина, включая все семейство Купцовых.

Одна из очевидцев тех концертов – Флора Бурова – вспоминает: «Осенью 1971 года я, счастливая обладательница билета на концерт Дина Рида, направлялась к концертному залу. Американский певец, борец за мир, был уже хорошо известен в нашей стране, а молодежь разделилась на поклонников Рафаэля и поклонников Дина Рида.

Неожиданно я увидела его самого. Улыбаясь, он подошел почему-то ко мне и сказал по-русски: «Здравствуйте. Как дела?» Обалдевшая, я пролепетала, что иду, мол, на его концерт. Дин очень обрадовался. И я решила, что он меня с кем-то спутал. Но очень скоро мы встретились у Екатерины Васильевны Шевелевой – журналистки, поэта и его «русской мамы», как певец называл ее. Увидев меня, Дин засмеялся и сказал: «Ну вот, я же не случайно с тобой познакомился». Он много рассказывал, пел, шутил, а Екатерина Васильевна, сдерживая улыбку, сердилась: «Дин, да ешь ты в конце-то концов! Хватит болтать!» И – несколько кусочков осетрины ему на тарелку. Дин аж подскочил: «Нет! Только не рыбу!»

В эти же дни с тем же оркестром Олега Шимановского и вокальным квартетом «Улыбка» Дин записал свой первый в Советском Союзе «живой» диск-гигант на студии грамзаписи «Мелодия». Предыдущий советский «лонг-плэй» Дина был полностью скомпонован из его архивных записей. И вот теперь дошла очередь до «живой» записи. Для «Мелодии» это было самым удобным способом: поскольку специальных денежных средств для вызова зарубежных музыкантов на записи у студии не было, она использовала именно гастрольное время.

Запись проходила в студии на улице Станкевича и оставила у всех присутствующих неизгладимое впечатление. К удивлению многих студийцев, Дин оказался настолько профессиональным музыкантом, что большинство песен записал с первого же дубля.

И это при том, что чувствовал он себя в тот день не слишком хорошо. Однако он делал все возможное, чтобы присутствующие даже не догадывались о его плохом самочувствии. Дин держался очень непринужденно, был раскован и абсолютно не «звездил». Для работников «Мелодии» это было открытием, поскольку на их памяти были примеры, когда некоторые советские артисты вели себя на записи как напыщенные фанфароны. А тут артист из Америки, знаменитый Дин Рид держал себя так, как будто не он звезда, а они, работники студии.

В тот день были записаны два десятка песен, из которых в диск будут включены тринадцать: «Мы – революционеры» (Дин Рид – испанский текст О. Гелдереса), «То, что я видел» (Дин Рид), «Пусть всегда будет солнце!» (А. Островский – Л. Ошанин), «Гуантанамера» (Хосе Марти), «Мы победим» (Пит Сигер), «Мы идем и поем» (Бардоти, Энрико, Вандре), «Аллилуйя» (народная мелодия – слова Дина Рида), «Элоиза» (Риан), «Я всегда все делал по-своему» (Пол Анка), «Сопротивление любви» (Голдсборо), «Нежно и тихо» (Калабресе), «Мутная Миссисипи» (Голдсборо), «Вчера, когда я был молодым» (Шарль Азнавур – Крэтцмер), «Это не дождь» (Панцери). Когда запись была готова, Дин поинтересовался планами выхода этого диска. Работники «Мелодии» сообщили ему, что пластинка планируется к выпуску на начало следующего года в двух вариантах: сначала выйдет миньон с четырьмя песнями, а следом уже и весь «гигант».

Руководитель восточногерманской спецслужбы «Штази» Эрих Мильке приехал в здание министерства около двух часов дня и, поднявшись к себе в кабинет на третьем этаже, попросил своего секретаря вызвать к нему одного из руководителей контрразведки – Нойберта. Однако дойдя до двери кабинета и открыв ее, Мильке застыл на пороге и, обращаясь к секретарю, уточнил:

– Пусть зайдет ко мне через пятнадцать минут.

В кабинете Мильке снял с себя китель и повесил его на вешалку в углу. Затем прошел в соседнюю комнату, предназначенную для отдыха, и достал из холодильника бутылку минеральной воды. Залпом осушив стакан, он опустился на диван и откинулся на его спинку. Поездка, из которой он только что вернулся, утомила его. Мильке шел 63-й год, из которых 24 года он возглавлял «Штази». Во всем социалистическом блоке не было ни одного руководителя спецслужб, кто столь долго находился бы у их руля. Мильке был единственный. Работу свою он любил, однако в последнее время стал сильно уставать.

Особенно много сил отняли у него события полугодовой давности, связанные с отставкой Первого секретаря ЦК СЕПГ

Вальтера Ульбрихта. Тот перестал пользоваться доверием Брежнева, который надумал навести мосты между Москвой и Бонном, и был приговорен к смещению. На его место Брежнев наметил более молодого и энергичного Эриха Хонеккера, который курировал в Политбюро спецслужбы. Почти вся подготовка по смещению Ульбрихта с его поста легла на плечи ведомства Мильке. И шефу «Штази» пришлось постараться. Накануне **майского 1971 года** Пленума ЦК СЕПГ его люди провели ряд мероприятий по перетягиванию сторонников Ульбрихта на сторону Хонеккера. Потом дошла очередь и до самого Ульбрихта. Хонеккер лично навестил его на даче, приказав Мильке заблокировать с помощью агентов «Штази» все подходы к даче и лишить ее связи. В итоге, поняв, что предан всеми, Ульбрихт добровольно отрекся от власти.

Несмотря на то что после этого бескровного переворота отношения Мильке и Хонеккера еще больше окрепли, шеф «Штази» чувствовал себя вконец измотанным. Этот путч отнял у него слишком много сил и вновь заставил задуматься над превратностями судьбы: если в Москве кому-то придет в голову сместить и его, Хонеккер сделает это не задумываясь. Единственное, что могло хоть как-то успокоить Мильке, – это делать все от него зависящее, чтобы не давать лишних козырей своим недоброжелателям как здесь, так и в Москве. И сегодняшняя его поездка была из этого же ряда.

С утра Мильке побывал у Альберта Нордена, чтобы поделиться с ним информацией по весьма любопытному делу, которое взяло свое начало некоторое время назад. Речь шла о судьбе известного американского певца и борца за мир Дина Рида. Этого человека Норден и Мильке хорошо знали, причем первый знал гораздо ближе: он познакомился с ним еще в середине 60-х по линии Всемирного совета мира. Норден всегда отзывался о Риде весьма лестно и не раз говорил Мильке, что это большая удача – иметь такого сторонника марксистских идей среди западных деятелей искусства. То же самое Мильке доносили и его люди, в частности агент «Хорст», который на Западе был известен как западногерманский бизнесмен Генрих Вайс. Тот познакомился с Дином Ридом в Чили еще в начале 60-х, после чего имел с ним еще несколько встреч и тоже отзывался о нем как о весьма перспективном для коммунистического движения агенте влияния.

В Москве тоже ценили Дина Рида, однако с недавних пор тот заставил тамошних идеологов заволноваться. Те вдруг решили, что Рид начал всерьез задумываться над тем, чтобы сменить место жительства и осесть в Советском Союзе. Причин для этого у

него было несколько: неудовлетворенность своим положением в Италии (его актерская карьера там пошла на спад, а друзья-коммунисты постепенно от него отвернулись), а также внезапно вспыхнувшая любовь к советской киноактрисе.

Между тем желание Дина Рида осесть в СССР было невыгодно советским властям с политической точки зрения: его деятельность как борца за мир была ценна именно тем, что он американский гражданин, а Советский Союз посещает исключительно как артист или общественный деятель. Но поскольку желание Дина Рида покинуть Италию с каждым днем могло становиться все сильнее (особенно после того, как его брак с первой женой превратился в обыкновенную формальность и вот-вот готов был развалиться официально), в Москве пришли к мнению, что в качестве места проживания ему можно выбрать одну из социалистических стран, в частности ГДР, с которой у Москвы были самые добросердечные отношения. Именно это и было доведено до сведения Нордена, когда он недавно летал в Москву. А тот, в свою очередь, поставил об этом в известность Мильке.

– Москву понять можно: если Рид переедет жить к ним, то его ценность как независимого борца за мир может заметно снизиться, – сказал Норден Мильке во время их первой встречи. – А сказать ему об этом прямо там не решаются: боятся обидеть.

– Может быть, у них на его счет есть какие-то подозрения по линии разведки? – предположил Мильке.

– Этого я не знаю, – покачал головой Норден. – И вообще, Эрих, эти сведения – прерогатива твоего департамента. Я же только знаю, что мы должны помочь Москве. Тем более что эта помощь играет нам только на руку. Дин Рид – фигура известная и может сослужить нашей стране хорошую службу.

Мильке понимал, о чем ведет речь Норден. Все годы своего существования восточногерманское руководство делало все от него зависящее, чтобы получить признание в мире. На рубеже 60-х эта политика стала приносить свои плоды: все больше стран стали поворачиваться лицом к ГДР. И любой человек, который мог привлечь к ГДР внимание как к стране, ориентированной на поиск взаимопонимания, был ценен для восточногерманского руководства. Дин Рид был как раз из числа таких людей. Кроме этого, он мог помочь и русским, поскольку представлял собой либеральное крыло американского истеблишмента, с которым советское руководство собиралось затеять детант, или разрядку.

– Надо создать Риду такие условия, чтобы он сам захотел у нас остаться, – продолжил развивать свою мысль Норден. – Он ведь пока ни разу у нас не был?

– Ни разу, – подтвердил Мильке. – Но собирается в ноябре посетить кинофестиваль документальных фильмов в Лейпциге.

– Да, я знаю: в качестве режиссера документального кино, – кивнул Норден. – Вот и надо его хорошо встретить, обустроить. Предложить работу у нас на «ДЕФА». Что он снимается в Италии в каких-то дешевых поделках! У нас он мог бы играть не только главные роли, но и сам снимать художественные фильмы как режиссер и получать за это приличные гонорары. Короче, надо заинтересовать его хорошими перспективами. Только делать это надо не в лоб, а тонко, тактично. Я Дина знаю, он не любит, когда ему навязывают свое мнение. Он должен до всего дойти сам. Впрочем, кого я учу: ты, Эрих, и сам все прекрасно понимаешь.

Мильке тактично промолчал, тем самым подтверждая правоту последних слов.

Этот разговор состоялся пару недель назад, а сегодня Мильке опять виделся с Норденом, чтобы обсудить с ним детали этого дела, которое в недрах «Штази» получило кодовое наименование «Прописка». Мильке изложил перед Норденом целый комплекс мер, которые его ведомство собиралось применить с целью склонить Дина Рида к решению переехать в ГДР. Шеф «Штази» также сообщил о контактах его ведомства с КГБ на предмет получения данных о возможном сотрудничестве Дина Рида с вражескими разведками.

– Русские утверждают, что такие подозрения существуют, но у них есть сомнения, что это может быть контригрой со стороны ЦРУ или ФБР, – сообщил Мильке.

– Значит, надо проверить эти данные по своим каналам, – посоветовал Норден.

– Уже делается, – коротко ответил Мильке.

Эта встреча длилась больше часа и изрядно утомила Мильке. Норден интересовался деталями операции столь дотошно, будто речь шла об устройстве судьбы его собственного сына. Впрочем, Норден и не скрывал, что испытывал к Дину Риду чуть ли не отцовские чувства. Даже невооруженным глазом было видно, что он сильно симпатизирует этому человеку. Думая об этом, Мильке невольно вспомнил о собственном отпрыске, сыне Франке, которого он всю жизнь бережно опекал и часто помогал в его врачебной карьере.

Размышления Мильке прервал шум, раздавшийся в соседнем кабинете. Догадавшись, что это пришел вызванный им Нойберт, Мильке поднялся с дивана и как был, без кителя, вышел к своему подчиненному. Вдвоем им предстояло продолжить обсуждение комплекса мер по операции «Прописка».

Когда Дин вернулся из Советского Союза в Рим, он был чрезвычайно измотан физически. И когда Патрисия, которая встретила его в аэропорту, увидела мужа, она даже испугалась за него: внешне Дин напоминал ей того человека, который только-только вышел из аргентинской тюрьмы. Единственным отличием того Дина от этого были его глаза: у теперешнего они светились счастьем. Всю дорогу из аэропорта домой Дин только и делал, что делился впечатлениями о своей поездке в Советский Союз. Он говорил, что все прошло замечательно: он побывал на кинофестивале, объездил с гастролями почти десяток городов, записал «лонг-плэй». Еще Дин влюбился, но эту новость он Патрисии, естественно, сообщать не стал, хотя на тот момент они уже находились в фактическом разводе. Однако он знал, что даже при таком положении вещей Патрисии будет неприятно услышать из его уст новость о том, что он завел себе очередную любовницу.

В Риме Дин решил отложить в сторону все свои творческие и общественные дела и все свое время посвятить своему здоровью и дочери Рамоне, по которой он жутко соскучился. Девочка тоже была на седьмом небе от счастья от встречи с отцом и все эти дни практически ни на шаг от него не отходила. Дин читал ей книжки, пел свои песни и рассказывал о людях и странах, в которых побывал. Он рассказывал ей о президенте Альенде, о том, что в Чили хорошие дяди хотят победить плохих, а он, ее папа, хочет этим хорошим людям помочь.

– Я четыре месяца выступал в Чили и все деньги отдавал в помощь Альенде, – рассказывал Дин дочери, показывая ей фотографию в одной из чилийских газет, где он был запечатлен рядом с Альенде на его инаугурации.

Потом он показывал дочери открытки с пейзажами Москвы и других городов Советского Союза и уже рассказывал о советских людях.

– Эти люди, – говорил Дин, – тоже помогают Альенде и хотят, чтобы на земле наступил наконец мир. Чтобы нигде не рвались бомбы и не стреляли автоматы, и чтобы дети всей земли были уверены, что их родителей не убьют на войне. Вот если бы, к примеру, меня убили на войне, ты бы как себя повела? – спросил Дин у дочери.

– Я бы очень сильно плакала, – ответила Рамона и обвила шею отца своими ручонками. – Но тебя ведь не убьют, папочка?

– Не убьют, доченька, – прижимая к груди Рамону, ответил Дин. – Не убьют, потому что хороших людей на земле больше и они обязательно победят.

Ночами Дин включал настольную лампу, садился в кресло и читал своего любимого Ромена Роллана. С недавних пор этот

писатель стал особенно дорог Дину. Он находил в его судьбе много общего со своей собственной судьбой, и многие его взгляды были ему очень близки. Ведь Роллан тоже шел к пониманию социализма постепенно, шаг за шагом, увлекаясь этим учением все сильнее и сильнее. Поначалу он воспринимал его с романтических позиций, поскольку о философии диалектического материализма имел весьма туманные представления.

Роллан считал, что марксизму недостает высоких духовных порывов, и мечтал привнести в него «божественное начало». Однако вместе с тем он чувствовал, что в идее социалистического преобразования мира заключена большая нравственная сила: ведь сама идея несет в себе дух человеческого братства, выводит личность за узкие пределы эгоистического бытия. Эти мысли были очень хорошо понятны Дину. И, читая дневники Роллана за октябрь **1895 года**, он готов был подписаться под каждым его словом. Роллан писал: «Если еще есть надежда избежать гибели, которая угрожает Европе, ее обществу и ее искусству, то надежда эта в социализме. Только в нем я вижу источник новой жизни, все остальное – лишь догорающий древний огонь… Через сто лет Европа будет социалистической, или ее не будет вообще».

Любимым произведением Роллана у Дина был роман «Жан-Кристоф», поскольку в этом герое он видел… самого себя. И хотя действие книги происходило в Германии XIX века, однако многое из того, что было описано в романе, Дин находил идентичным перипетиям своей собственной судьбы. Как и он, Жан-Кристоф родился во вполне благополучной семье и с юных лет увлекался музыкой. Но он вынужден был в течение нескольких лет услаждать слух захолустных деспотов и, только возмужав, сумел вырваться из этого затхлого мирка на свободу. Жан-Кристоф отправился в путешествие и на своем пути сталкивался с людьми из разных слоев и разных политических воззрений: с декадентами, социал-демократами, бедняками, богачами и т. д. Затем Жан-Кристоф покидает родину и попадает во Францию. Там он теряет своего лучшего друга (тот погибает), переживает мучительную страсть к замужней женщине, влюбляется в аристократку, находит признание как талантливый композитор.

Увидев в этом бунтаре, восставшем против общества, взрастившего его, самого себя, Дин был пленен этим образом настолько сильно, что после того, как прочитал книгу один раз, тут же взялся перечитывать ее заново. Он уподобился тем читателям, которые поступали точно так же в начале века, когда «Жан-Кристоф» впервые был опубликован в Европе. Как писала биограф Ромена Роллана Т. Мотылева:

«Независимый ум, находящийся в оппозиции к обществу, – это само по себе было бы не так уж ново. Западноевропейская литература разных эпох породила уже немало критически мыслящих личностей – от байроновского Чайльд-Гарольда до профессора Бержере из „Современной истории“ Анатоля Франса.

Однако Жан-Кристоф – личность не только мыслящая, но и активная. Он не только видит и судит, но и – на свой лад – действует. Действует прежде всего в той сфере, которая наиболее близка самому Роллану: в области искусства, музыки. И, подобно Роллану, он рассматривает свое искусство как служение людям.

Такого героя еще не было в мировой литературе…»

В конце **ноября** Дин покинул Италию и впервые в своей жизни отправился в Германскую Демократическую Республику, в город Лейпциг, где **25–29 ноября** должен был состояться XIX фестиваль документального кино. Этот фестиваль начал проводиться с **1956 года** и имел откровенную идеологическую направленность. Его девизом было: «Фильмы всего мира – во имя мира во всем мире». Поэтому Дин отправился туда не случайно: во-первых, как режиссер, снявший в Чили документальную ленту о блоке «Народное единство», во-вторых – как активный борец за мир.

Дина встретили в Лейпциге по-королевски: поселили в лучшей гостинице, выделили сразу двух переводчиков, которые сменяли друг друга. Зная о том, что Дин любит знакомиться с достопримечательностями городов, куда заносит его насыщенная общественная и артистическая деятельность, организаторы фестиваля устроили ему экскурсию по городу. И начали ее, естественно, с посещения революционных мест: с музея видного болгарского коммуниста Георгия Димитрова, судебный процесс над которым фашисты устроили именно в Лейпциге (музей расположился аккурат в здании бывшего суда). Затем Дин посетил и другие достопримечательные места города: собор Томаскирхе, где когда-то играл на органе сам Иоганн Себастьян Бах (в память этого события в центре собора выложена мемориальная доска), а также знаменитый пивной бар «Ауэрбахкеллер», описанный Гете в «Фаусте» (именно там Фауст и Мефистофель провели вечеринку со студентами, покинув ее верхом на винном бочонке). Для рядовых жителей Лейпцига попасть в этот погребок дело совсем не простое, но для Дина, естественно, было сделано исключение.

Фестиваль документальных фильмов открылся **25 ноября**. На него съехались кинематографисты из 42 стран, которые привезли с собой в общей сложности 335 фильмов. Здесь были разные картины, однако все они были объединены одной тематикой: рассказывали о неприглядной сущности капитализма. Фильм Дина был снят им самим на собственные деньги и представлял собой полуторачасовой рассказ о предвыборной гонке, о самих выборах, а также о ситуации, которая сложилась в Чили после прихода к власти Сальвадора Альенде. Лента была полна оптимизма и показывала, что подавляющая часть населения Чили с уверенностью глядит в свое будущее и верит, что при новом президенте жизнь в стране изменится в лучшую сторону. Героями этой картины были разные люди: и сам президент Альенде, и десятки простых чилийцев, которые говорили в камеру слова поддержки новому правительству.

В течение четырех дней, когда в нескольких кинозалах шли показы конкурсных и внеконкурсных картин, Дин исправно посещал самые громкие премьеры фестиваля. Пересмотрел не один десяток картин, от которых у него в итоге стало буквально рябить в глазах. Ведь там были разные картины: «Воды в рот набрали» (Италия; про сицилийскую мафию), «Моя страна во власти оккупантов» (США; про положение в Гватемале), «Бумаги Пентагона» (США), «Только начало» (США; об участниках антивоенного движения, возвращающих свои ордена американскому правительству), «Наш путь» (Северный Вьетнам) и

т. д.

Однако сильнее всего Дин, конечно, ждал премьеры собственного фильма. Поскольку это был его дебют в качестве режиссера документального кино, фильм не мог претендовать на какую-то даже самую утешительную награду. О чем сам Дин прекрасно был осведомлен. Но в силу того, что он никогда не страдал чрезмерным тщеславием, его сей факт нисколько не задел. Ему было достаточно и того, что зал на премьере его картины был забит битком. К тому же фильмы, посвященные событиям в Чили, в итоге нашли свои награды в Лейпциге. Чилийская картина «Цена, которую платит Чили» была удостоена «Золотого голубя», а картина чехословацкого режиссера Ярославла Шикла «Вива, Чили!» взяла «Серебряного голубя». Другие награды фестиваля распределились следующим образом:

«Золотой голубь» – «Час Ирландии», «Крестьяне» (оба – СССР), «Кто, если не мы», «Песня интернационала» (оба – ГДР), «И выросли сыновья» (про Варшавский договор);

«Серебряный голубь» – «Безумный бег» (Куба), «Коммунар XX века» (про Жака Дюкло), «Поезд в пути» (Франция; про советского документалиста Романа Кармена).

Дин мог быть вполне удовлетворен этой поездкой. Его документальная лента была вполне благожелательно встречена и зрителем, и критикой, а выступление на митинге в кинотеатре «Капитолий» в честь борющегося с американской агрессией народа Северного Вьетнама (там Дин призвал людей сдавать кровь для вьетнамцев и заявил, что готов сделать это первым) было названо в прессе «самым кульминационным моментом». В белой водолазке и с гитарой в руках Дин в обнимку с вьетнамским режиссером Нгием Фу Ми спел «Венсеремос». Эта фотография потом облетела многие печатные издания социалистических стран (в Советском Союзе она будет помещена в мартовском номере за **1972 год** журнала «Советский экран»).

Кроме того, Дин был чрезвычайно обрадован предложением представителей восточногерманской киностудии «ДЕФА», которые обратились к нему с предложением попробовать свои силы в их кинематографии.

– Нам кажется, западный кинематограф не может раскрыть даже малую толику ваших актерских способностей, – сказал Дину чиновник с «ДЕФА». – У нас же вы найдете тот материал, который эти способности раскроет наиболее полно. Вы будете играть не только главные роли, но очень стоящие роли. К тому же вы можете и сами снимать фильмы как режиссер.

В итоге Дин дал свое согласие на участие в качестве актера в одном из проектов студии «ДЕФА», который намечался на

следующий год. Это был фильм режиссера Цилино Бляйвица «Из жизни одного бездельника» (до этого режиссер снял всего одну картину – «Большой и маленький Клаус»). Бляйвиц тоже был на этом фестивале и, познакомившись с Дином, загорелся идеей именно его снять в главной роли. Дин ответил согласием. Он и в самом деле устал уже сниматься в дешевых «спагетти-вестернах», которые таили в себе какую-то новизну в начале его киношной карьеры, но сейчас его творческое развитие только тормозили – он их явно перерос. Единственное, что его еще удерживало в съемках в них, – хорошие гонорары. Однако представители «ДЕФА» обещали за участие Дина в их картинах не обидеть его по части денежных вознаграждений. Ведь он как-никак звезда.

Между тем победители кинофестиваля были названы в последний день работы форума **29 ноября**. В тот же день у Дина случилась встреча, которая круто изменила всю его дальнейшую жизнь. Встреча произошла на вечеринке, посвященной закрытию фестиваля. Дин отправился туда в компании своих друзей и знакомых и был в прекрасном расположении духа. Когда его усадили за стол, он заметил напротив себя светловолосую девушку, которую до этого ни разу на фестивале не видел. Когда Дин в очередной раз хотел промочить горло и взял со стола бутылку с газированной водой, именно эта девушка протянула Дину стакан. И сказала по-английски: «Вы самый красивый мужчина в мире». Встретившись с взглядом ее зеленых глаз, Дин прочитал в них неподдельный интерес к своей персоне.

Как опытный дамский обольститель, Дин сразу понял, что девушку с таким зовущим взглядом можно раскрутить на знакомство без особенного труда. Так оно и вышло. Дин подсел к девушке и узнал, что ее зовут Вибке Дорнбах. Еще Дин узнал, что она раньше преподавала английский язык в школе, а теперь работает переводчиком. А на фестиваль попала благодаря помощи своих друзей. Дина так и подмывало спросить девушку, кто эти таинственные друзья, но он предпочел промолчать, чтобы не прослыть в глазах новой знакомой чересчур любопытным. Пообщавшись немного, Дин внезапно спросил свою новую знакомую: «Вы хотите убежать отсюда?» Вибке с удивлением воззрилась на него, в первую секунду подумав, что он предлагает ей бежать из ГДР. Но потом недоразумение разъяснилось, и они покинули вечеринку.

Несмотря на то что девушка не была красавицей (в отличие от той же Эве Киви), да и возраст у нее был уже не юный (потом Дин узнает, что Вибке моложе его всего на три года – в августе 71-го ей исполнилось 30 лет), она была очень обаятельна и сексуальна. И Дин готов был пустить в ход все свои чары, чтобы

уже этой ночью заключить новую знакомую в свои объятия. Тем более, судя по ее поведению, и сама она была не против такого поворота событий. Но все дело было в том, что пребывание Дина в ГДР заканчивалось и у него в кармане уже лежал билет на вечерний самолет. Поэтому в тот раз им пришлось довольствоваться всего лишь короткой прогулкой по городу, а ночь любви перенести на другое время. Однако в том, что она обязательно случится, ни Дин, ни его новая знакомая нисколько не сомневались.

Между тем, познакомившись с Вибке, Дин даже в мыслях не держал, что этой женщине суждено будет сыграть в его жизни значительную роль: она не только станет его второй официальной женой, но и родит ему ребенка – еще одну дочь. Но это будет чуть позже, а пока Дин отнесся к этому знакомству как к прелюдии к рядовому роману, каковых в его долгой гастрольной жизни было уже предостаточно. Поэтому, когда спустя две недели он прилетел в Москву, чтобы договориться о новых гастролях, планируемых на начало следующего года, про Вибке он уже забыл, поскольку здесь его ждала встреча с Эве Киви.

Влюбленные обычно встречались в гостинице «Украина», где поселился Дин, и наслаждались обществом друг друга двадцать четыре часа в сутки: днем гуляли по городу, совмещая деловые визиты с дружескими посиделками, а ночами предавались феерической любви в гостиничных апартаментах. И трудно сказать, кто из них был больше увлечен другим: оба они в те дни буквально светились от счастья. Даже гостиничные работники, видя это, поражались и тайно завидовали влюбленным. Хотя один раз черная кошка между влюбленными все-таки пробежала. Кто-то из московских друзей Дина рассказал ему, что в его отсутствие Эве была замечена в обществе популярного югославского певца Джордже Марьяновича. И Дин немедленно потребовал у возлюбленной объяснений. Причем выглядел он при этом крайне раздраженным. Эве сначала никак не могла понять, в чем дело, а когда наконец сообразила, о ком идет речь, рассмеялась:

– Да, я действительно в начале декабря была на концерте Марьяновича во Дворце спорта в Лужниках. Однако даже близко к нему не подходила.

– Тогда почему люди говорят, что у вас с ним что-то было? – продолжал сомневаться Дин.

– А ты не подумал о том, что люди могут просто завидовать нашим отношениям и всячески хотят их расстроить?

На эту реплику возлюбленной Дин не смог найти ответа, поскольку она была справедливой: завистников у них и в самом

деле хватало. На этом конфликт был исчерпан, и больше влюбленные не ссорились. Сама Киви много лет спустя так будет вспоминать о тех днях:

«Мы не могли даже ночевать у друзей – Дину, как иностранцу, предписывалось на ночь возвращаться в отель. Конечно, мы старались из его „люкса“ свить уютное гнездышко. Я очень любила оставаться с ним вечером наедине… Когда мы задергивали шторы и отключали телефон, я обожала смотреть, как он работал: надевал очки и писал. Дин становился таким домашним и трогательным! Обязательно сажал меня при этом на колени. Потом, лежа в постели, играл на гитаре и пел мне песню: „I need your love“. Я плакала от счастья. Когда мы возвращались откуда-то, у нас был любимый ритуал: он сажал меня на стульчик и, присев на корточки, медленно расшнуровывал мои сапожки. Дин снизу вверх смотрел на меня васильковыми глазами, а я таяла от любви. Мы были очень заметной парой – удивительно хорошо смотрелись вместе. Я ходила в черных сапожках-чулках и в коротком розовом кримпленовом платье. Дин же любил свитеры-водолазки и джинсы. Потом он и мне привез такую же водолазку, как у него, чтобы мы ходили в одинаковых…»

Кстати, Киви весьма иронично относилась к политическим воззрениям своего возлюбленного, особенно к его восторгам по поводу ситуации в СССР. «Ты не можешь делать верные выводы о жизни здесь, поскольку ты иностранец», – говорила Киви всегда, когда Дин что-нибудь нахваливал из советской действительности. По словам Киви:

«Дин настолько был увлечен красивой идеей социализма, что ничего вокруг не видел. Дин только кивал и молчал, когда я, затащив его в ванную и пустив воду, шепотом просвещала. Я всегда относилась к советской власти скептически и наивно пыталась раскрыть ему глаза на действительность: „Как ты можешь жить в СССР?“ В ответ он искренне поражался: „Что ты говоришь? Это же самая свободная страна в мире!“

Он любил приезжать в Советский Союз – его здесь обожали. Повсюду преследовала толпа и громко скандировала: «Белла чао! Белла чао!» На концертах поклонницы задаривали Рида плюшевыми мишками, книгами. Он недоумевал: «Я ведь русского не знаю, зачем мне дарят книги?» Жил в хороших гостиницах, щедро расплачивался с таксистами и не имел ни малейшего представления о зарплате советского человека. Однажды я даже отправила его в рабочую столовую, так после «дегустации» у него два дня болел живот…»

Этот отрывок требует отдельного комментария. То, что Киви скептически относилась к советской действительности, – явление

типичное. Это было перманентное состояние тогдашней советской творческой интеллигенции из числа так называемой либеральной (правые, которых называли «почвенниками», существующей властью были в принципе довольны). И Дин за пять лет своего знакомства с СССР уже успел привыкнуть к подобным взглядам, поскольку «перевоспитать» его пыталась не одна Киви, но и многие другие советские интеллигенты (рабочих и колхозников среди таковых не было).

Между тем Дин, слушая подобные речи, всегда не мог взять в толк, почему подобное происходит. Ведь жила советская интеллигенция во много раз лучше простого народа, однако жизнью своей была почему-то недовольна. Ему было удивительно слышать брюзжание советских интеллигентов по поводу того, что на Западе, дескать, их коллеги живут куда более свободно. Но Дин-то знал, что все это чушь собачья: в той же Америке, хоть и существует свобода слова, однако ее границы тоже строго определены – только не идеологией, а деньгами. У кого деньги, тот и распоряжается. А деньги в руках у хозяев жизни – банкиров с Уолл-стрит и прочих миллионеров. Кстати, все советские СМИ регулярно оповещали об этом свое население, однако творческая элита в эти заявления не верила, считая их пропагандой. Самое удивительное, что она не верила и живому представителю Запада – Дину Риду, считая его лицом необъективным. Как заявил Дину один из таких спорщиков:

– Вы попали под влияние наших доморощенных идеологов.

На что Дин ответил:

– А вы, в таком случае, под чье влияние попали?

Ответа на этот вопрос он так и не дождался.

Да, советская интеллигенция (не вся, а определенная ее часть, прозападная) являла собой уникальное явление. На словах радеющая за народ, на деле она этот самый народ откровенно презирала. Например, в то время как миллионы простых людей давились в очередях за различным дефицитом, интеллигенция проникала в магазины через «заднее крыльцо» (выражение Аркадия Райкина). И в общественных столовых она тоже не питалась, предпочитая им элитные заведения: рестораны типа «Арагви», Дома кино, Дома литераторов и ВТО, в гостиницах «Националь» или «Метрополь».

Но это ладно бы! Однако, уплетая за обе щеки осетрину с икрой, запивая их армянским коньяком, интеллигенция между делом склоняла на чем свет стоит «ужасную советскую власть». Власть, конечно, не самую идеальную на земле, однако ту самую, которая эту самую интеллигенцию, что называется, обувала и одевала. Посылала ее в заграничные командировки, давала

звания и квартиры в элитных домах, различные премии и т. д. и т. п. Видно, зря давала, поскольку большая часть советской элиты на этих подачках настолько разжирела, что со временем стала их воспринимать как нечто само собой разумеющееся.

Между тем, когда к сонму этих критиков советской власти добавилась его возлюбленная Эве Киви, Дина этот факт по-настоящему огорчил. Видимо, от нее он подобного шага не ожидал. Поэтому и заявил ей со всем пылом своей романтической натуры: «Как ты можешь так говорить, ведь вы же самая свободная страна в мире! Знала бы ты, как живут твои коллеги на Западе». Увы, Киви пошла по пути всех остальных спорщиков с Дином: сочла его слова заблуждением. А зря. Дин был прав, когда говорил, что те же работники западного кинематографа имели куда больше проблем, чем их советские коллеги.

Например, в СССР люди, занятые в кинопроизводстве, могли работать спустя рукава, однако зарплату имели стабильную. Не бедствовали ни технический персонал, ни актеры, начиная от эпизодников и заканчивая звездами. Чтобы кто-то из них два раза в месяц не получил свои кровные – такого даже в страшном сне представить было нельзя. А на Западе киношники жили только сегодняшним днем: есть деньги – снимают кино, нет денег – сидят голодными. И Дин, хотя и относился к разряду звезд, однако хорошо был осведомлен о том, как жили рядовые служащие киношного производства как в США, так и в Италии, Испании и других капиталистических странах.

Эве Киви тоже была из разряда звезд, только советских. У нее вроде бы все было. Она числилась на хорошем счету у министра культуры Фурцевой, снималась в двух-трех фильмах в год (пусть и не в главных ролях, однако снималась же!), регулярно выезжала за границу, представляя многонациональный советский кинематограф. Чего еще надо? Какой свободы и благ не хватало? Может быть, роскошного особняка, как у Элизабет Тейлор? Или лимузинов, как у Барбры Стрейзанд? Так это понятно: Советский Союз государство не буржуинское, чтобы позволять своим гражданам кичиться богатством и роскошью.

Может быть, Киви притесняли чиновники Госкино, которые видели в ней не талантливую актрису, а исключительно секс-диву для своих возможных утех? Вполне может быть. Только ведь и в «самом свободном» капиталистическом мире с этим делом ситуация была точно такой же. Если не хуже. Там редкая актриса может стать знаменитой, не переспав с дюжиной продюсеров. Кстати, анекдот о том, как актриса приходит на киностудию и с порога спрашивает: «Где у вас тут диван, на котором талант проверяют?», родился на Западе (эти диваны появились в

Голливуде еще в 20-е годы).

Так что прав был Дин Рид, когда удивлялся тому, что его возлюбленная так нелестно отзывается о своей стране. Ему было с чем сравнивать, а Киви, как и большинство ее коллег, пребывала в заблуждении относительно того, как хорошо людям живется на Западе. Она ведь видела его пусть и близко, но все-таки на расстоянии (во время своих заграничных командировок). А Дин не только там родился, но и успел вдоль и поперек изучить тамошний шоу-бизнес. И понял, что это такая клоака, в которую лучше не соваться. Причем он наверняка не заблуждался и по поводу советского шоу-бизнеса, поскольку знал его уже пять лет. Просто в сравнении с западной советская культурная клоака казалась ему раем.

И еще несколько мыслей по этому поводу. Какие цели перед собой ставили те, кто хотел наставить Дина Рида «на путь истинный»? Чего они добивались? Хотели, чтобы он стал таким же, как и они: на словах хвалил советскую власть, а в душе ее люто ненавидел? Или, может быть, рассчитывали, что он, после того как они «раскроют» ему глаза, расплюется с этой властью и никогда больше сюда не приедет? А то и начнет говорить диаметрально противоположное: ругать эту самую власть на чем свет стоит? Если это так, то у советской творческой элиты и впрямь мозги были набекрень. Вместо того чтобы протянуть руку дружбы иностранцу, который поставил целью возвеличить их родину, они все силы бросали на то, чтобы сделать из него врага собственной родины.

Можно себе представить, какие мысли одолевали Дина, когда он в минуты одиночества задумывался над этой ситуацией. Может быть, вспоминал слова того итальянского кинобосса из компании «АНИКА», который был уверен в том, что советская интеллигенция душой давно продалась Западу? Вот почему в свете всего вышесказанного надо отдать должное Дину Риду – врагом Советского Союза он так и не стал.

Однако вернемся в конец **1971 года**.

Католическое Рождество Дин и Киви тоже встретили вместе у друзей. Потом им пришлось на какое-то время расстаться: Киви уехала к подруге, а Дин предпочел вернуться в гостиницу. И там на него внезапно снизошло поэтическое вдохновение. Он вдруг вспомнил свою дочь Рамону, которая находилась от него за сотни миль, и буквально за считаные минуты, глядя на ее фотографию, стоявшую на его столе, написал стихотворение под названием «В ночь под Рождество» (Поэма для Рамоны).

Тихо падает снег,

как оборванный смех.
Он летит и летит,
словно ищет ночлег.
Я слежу из окна
за звездой на трубе.
Ну а мысли бегут,
как щенята, к тебе.
В эту ночь постучит
Санта-Клаус к тебе.
В эту ночь прилетит
Микки-Маус к тебе.
И с метелью в родстве —
аж малиновый нос —
в ночь по тихой Москве
зашагал Дед Мороз.
В США Рождество,
Новый год – в СССР.
Но одно волшебство —
в гуще елочных сфер…
… Ну а с фото глядит
мне Рамона в глаза.
(Только глянец блестит,
как шальная слеза.)
Я хотел бы сейчас
долететь до нее
и увидеть цветы
и родное жилье.
Санта-Клаус, спаси,
дай оленей мне в путь,
чтоб промчать по Руси
и на небо взглянуть.
И, взлетев в небеса,
отыскать на земле
дом, где вспыхнет роса
из окна на заре…
Мне обратно пора
из чудесного сна.
Спит моя детвора.
Ночь тиха и ясна.
Прячет месяц края
в серебристую пыль.
Эта сказка моя
превращается в быль.

Новый год Дин и Киви собирались встречать вместе в веселой компании своих друзей в Москве. А за несколько часов до его наступления произошел случай, который обрадовал обоих влюбленных. В гостиничный номер Дина постучали, и, когда хозяин открыл дверь, на пороге возник представительный мужчина с увесистым пакетом в руках. Переступив через порог, незнакомец протянул пакет Дину и сопроводил свои действия словами:

– Мистер Рид, вам и Эве Киви велела передать свои наилучшие пожелания и поздравление с Новым годом Екатерина Алексеевна.

Затем мужчина откланялся и покинул номер так же стремительно, как и появился в нем. Дин с удивлением взглянул на Киви:

– Кто эта Екатерина Алексеевна?

Киви в ответ всплеснула руками и радостно сообщила своему возлюбленному:

– Какой же ты темный, не знаешь министра культуры СССР Екатерину Алексеевну Фурцеву!

Дин, конечно же, не только знал Фурцеву, но даже имел честь познакомиться с ней на одном из своих концертов. Однако он, во-первых, привык называть ее по фамилии, а не по отчеству, а во-вторых, он и представить себе не мог, что сама министр культуры СССР удостоит его не только своим поздравлением с Новым годом, но и пришлет подарок. Однако Киви быстро растолковала Дину, в чем здесь дело:

– Фурцева знает меня уже десять лет – со второго Московского кинофестиваля. Можно сказать, что мы с ней подруги. Вот она и решила поздравить нас с Новым годом.

– Значит, она все про нас знает? – высказал предположение Дин.

– Дурачок, конечно же, – засмеялась Киви. – О нашем романе уже вся Москва знает. Давай лучше посмотрим, что прислала нам Екатерина Алексеевна.

И Киви, взяв у Дина сверток, вывалила его содержимое на стол. В свертке оказалась бутылка «Советского шампанского», банка черной икры и коробка шоколадных конфет. Вожделенный для каждого советского человека новогодний набор деликатесов.

Дин тут же выставил на стол два фужера и, открыв шампанское, разлил в них пенистый напиток. Тост произнесла Эве:

– Давай проводим старый год и скажем ему спасибо: ведь он познакомил нас друг с другом.

Влюбленные чокнулись и осушили фужеры до дна. В эти

мгновения им казалось, что впереди их будет ждать только хорошее.

Встретив Новый год в Москве, Дин уже **2 января 1972 года** улетел в Италию. Впереди его ждал отдых в Сан-Марино. Это крохотное государство на территории Италии возникло в IV веке нашей эры и считалось одним из древнейших в современной Европе. Оно насчитывало всего около 20 тысяч жителей и жило в основном за счет туризма (в год его посещало около 3 миллионов туристов). У власти там с **1957 года** стояли христианские демократы, однако блок левых сил в лице коммунистов и социалистов тоже имел большую популярность (до ХДП власть в Сан-Марино принадлежала именно левым), и Дин некоторых из этих деятелей хорошо знал.

Отдыхая в Сан-Марино, Дин не забывал и о политике. Правда, его участие в ней в те дни было скорее пассивным, чем активным: он каждое утро посвящал знакомству с англоязычными газетами. Из них он узнал, что у него на родине возобновился процесс по делу Анджелы Дэвис. К тому времени эта чернокожая коммунистка стала настоящим героем для миллионов приверженцев марксистских идей во всем мире. В самих США был образован Национальный объединенный комитет борьбы за освобождение Анджелы Дэвис (NUCFAD). Стало выходить периодическое издание, которое так и называлось: «Освободить Анджелу». За пределами США в разных странах мира возникли 67 комитетов, координирующих свою деятельность с NUCFAD.

После того как суд в **июне 1971 года** отклонил ходатайство защиты Дэвис о ее освобождении из-под стражи под залог, в **январе 1972 года** была предпринята вторая попытка уже на федеральном уровне. По всем приметам выходило, что на этот раз суд вынесет вердикт в пользу подсудимой. Даже Дин был уверен в этом и **5 января** написал стихотворение, которое назвал «Наша храбрая Анджела Дэвис».

Сегодня я взволнован услышанной молвой:
Анджела на свободе – и свет в ее глазах.
Опять она нам машет курчавой головой,
с запутавшимся солнцем в прекрасных волосах.
О наша смелая Анджела!

Уловки Пентагона и планы ФБР
Рассеялись по ветру и превратились в шум.
Как видно, не хватило всех полицейских мер:
у чернокожей Дэвис на редкость светлый ум!
О наша смелая Анджела!..

Наш враг, увы, не дремлет. Он снова рвется в бой.
Но суждена победа Историей самой.
Обещана победа не роком и не вдруг:
в одной шеренге с нами идет бесстрашный друг —
о наша Анджела Дэвис!

Стоит отметить, что Дин был не единственный из деятелей западной культуры, кто выразил свое отношение к этой чернокожей коммунистке: Джон Леннон тогда выпустил альбом «Недолгое время в Нью-Йорке», где была песня, посвященная Дэвис, – «Анджела».

К сожалению миллионов сторонников Анджелы Дэвис, суд и в тот раз отказал ей в освобождении под залог. Хотя судья Уильям Суйгерт и сделал при этом характерное признание в том, что отсрочки судебного разбирательства уже равносильны нарушению права обвиняемой на быстрое судебное рассмотрение своего дела, а возможно, и запрещенному конституцией страны жесткому и необычному наказанию до вынесения приговора. Эта оговорка позволила сторонникам Дэвис надеяться, что дело ее освобождения – это вопрос уже ближайшего будущего. Что в итоге и подтвердилось: Дэвис освободят через полгода – **4 июня 1972 года**.

Отдохнув в Сан-Марино, Дин вернулся в Рим. К тому времени они уже были с Патрисией в формальном разводе, поэтому она забрала Рамону и уехала в США. А Дин готовился к новым гастролям в Советском Союзе, которых он очень ждал – на них должна была прилететь его мама Рут Анна. Она тогда уже была в разводе с Сирилом Ридом и с головой ушла в собственную карьеру – поступила в университет в Гонолулу на факультет социологии, который должна была закончить в **1976 году**. Дин очень ждал встречи с матерью и специально устроил так, чтобы она состоялась именно в Москве. Ему хотелось показать матери, что страна, которую он так полюбил, стоит этого и что люди этой страны его так же искренне любят.

Дин прилетел в Москву в начале **февраля**, аккурат к выходу в свет его диска-гиганта и миньона, песни к которым он записал в **октябре** прошлого года. Представители «Мелодии» с радостью сообщили Дину, что весь тираж обеих пластинок разошелся в считаные дни и они готовят его срочную допечатку. Сообщили они ему и сумму гонорара, который Дину готовы были выплатить немедленно. Оба сообщения были восприняты Дином с восторгом. Сжимая в руках свой «лонг-плэй», Дин поблагодарил

сотрудников «Мелодии» за этот подарок и сказал:

– Надеюсь, что это не последний наш совместный диск.

Что касается гонорара, то Дин уже знал, как он им распорядится. Одну половину он собирался оставить себе, а другую – отдать в фонд помощи блоку «Народное единство» в Чили.

Практически сразу после приезда в Москву Дин начал встречаться с Эве Киви. Их отношения тогда могли круто измениться, если бы Киви не поторопилась. Дело в том, что после декабрьских встреч с Дином Киви обнаружила, что беременна. Однако рожать ребенка от Дина она побоялась. Почему? Вот ее собственные слова:

«О том, что я беременна, я не решилась ему признаться. Может, если бы он узнал, все сложилось бы иначе… А скрыть это мне посоветовала подруга: „Эве, не вздумай сказать ему о ребенке! А то получается, ты вынуждаешь его жениться. Нехорошо“. И я, дура, послушалась! Я лежала в палате одной из московских больниц и, свернувшись калачиком, рыдала. Дин подвез мою подругу с апельсинами, но сам в палату так и не поднялся, даже из машины не вышел. Когда мы увиделись, не смог скрыть раздражения: „Очень обидно, что я узнаю об этом последним и не от тебя, а от твоей подруги“. Мне нечего было ему ответить…»

Гастроли Дина начались **12 февраля** с концерта в Театре эстрады в Москве. Там же он выступил и на следующий день, а потом еще **15** и **16 февраля**. Затем Дин дал два концерта (**18–19 февраля**) в более скромном зале – в кинотеатре «Октябрь». На одном из этих концертов побывала старая знакомая Рида Т. Толчанова (она познакомилась с Дином во время его гастролей в Кисловодске в **1966 году**). Вот как она вспоминает о той встрече с певцом.

«Начало концерта. Зал переполнен. Сцена пуста. И откуда-то издалека послышалась усиленная динамиками речь на русском языке. В ней звучит тоска по родине, боль разлуки, покаяние сына перед матерью за причиненные страдания, любовь, которую он хранит к ней в своем сердце. После краткой паузы тот же радиоголос объявляет:

– Эту песню исполнит Дин Рид.

Дин на сцене. Он почти не изменился за эти несколько лет. Он без гитары. Подходит к авансцене, опускается на колени перед немолодой, скромно одетой женщиной, сидящей в первом ряду, берет микрофон и без музыкального сопровождения поет по-английски песню, посвященную маме. Это и была его мать. Она прилетела из Америки, чтобы повидаться с сыном. А он пел с

такой любовью, с такой задушевной теплотой, с таким отчаянием и тоской, что в зале не нашлось ни одного равнодушного слушателя. Я плакала. Да разве я одна?

Песня закончилась. Тишина. Стоя на коленях, Дин подает в зал корзину цветов. Чьи-то руки подхватывают ее и ставят к ногам матери. А она протягивает руки сыну. По ее щекам текут слезы. Весь зал встает и взрывается аплодисментами.

На сцену выходит оркестр. Концерт начинается.

Я видела, как Москва знает и любит сына Америки. Дин пел много, повторял на бис. Ему бросали цветы, он ловил их и многие передавал в оркестр. Ему что-то кричали, он благодарил. Я думала: какая же сила обаяния живет в нем, если, не имея больших вокальных данных, он так покоряет слушателей! Это талант, высокое мастерство. Но не только. Это еще и жар души.

После концерта я, поколебавшись, решила пойти за кулисы. Увидела Дина в тесном окружении людей. Кто-то обнимал его, кто-то просил автограф, кто-то преподносил цветы. Я была без цветов и чувствовала себя неловко. Дин кого-то искал глазами. Его взгляд скользнул мимо меня, потом вернулся. Дин направился в мою сторону. Я стояла не двигаясь. Мне казалось, он идет навстречу тому, кого искал глазами. Но он приближался ко мне.

– Неужели это вы? – сказал по-русски. – Кисловодск! – и с трудом вспоминает мое имя. – Тамара! Жаль, я не знал, что встречу вас. А где Дора? (Врач Дора Лернер лечила горло Дина. – *Ф. Р.*)

Я не успела ответить – появилась его мама. И он поспешил ей навстречу, склонил голову, долго-долго целовал ее руки, а она целовала его в макушку. Господи! Американские матери целуют своих взрослых сыновей в макушку, как и русские. Они так же любят, так же страдают, так же радуются.

Я тихонько исчезла. С тех пор мы больше не виделись…»

Гастроли Дина закончились концертами в Государственном концертном зале «Россия». Эти выступления прошли **24, 27** и **28 февраля**. Затем мама Дина покинула Советский Союз, буквально переполненная гордостью за то, что ее сын пользуется столь огромной популярностью в такой огромной стране, как Советский Союз. Сам Дин остался в Москве еще на некоторое время, чтобы поправить здоровье. Благодаря стараниям министра культуры СССР Екатерины Фурцевой он лег в Кремлевскую больницу, где ему удалили гланды. После чего его отправили в санаторий «Барвиха». Там его почти каждый день навещала Эве Киви, пропуск которой в этот привилегированный санаторий помогла получить все та же Фурцева.

Вообще Екатерина Алексеевна явно симпатизировала этому роману и была бы очень рада, если бы он завершился свадьбой. Однако в то же время она знала, что в «верхах» сложилось какое-то двоякое отношение к Дину Риду. С одной стороны, его всячески расхваливали как друга Советского Союза и борца за мир, а с другой – явно его в чем-то подозревали. Фурцева не могла знать истинную подоплеку этих подозрений, но о том, что они имеются, убедилась лично. В те дни, когда она устраивала Дина в «Барвиху» и заехала по делам на Старую площадь, в ЦК КПСС, к ней подошел заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК и сказал:

– Ваши хлопоты о Дине Риде, Екатерина Алексеевна, заслуживают всяческой похвалы. Однако его отношения с этой эстонской актрисой вы зря так явно поощряете. Ведь она замужем за весьма уважаемым человеком, и у них растет ребенок.

– Насколько я знаю, этот брак всего лишь формальность, – ответила Фурцева.

– Вы хотите сказать, что Дин Рид и эта эстонка могут пожениться?

– Эту эстонку, к вашему сведению, зовут Эве Киви, – стараясь сохранять спокойствие, произнесла Фурцева. – Она очень известная советская киноактриса, представляла нашу страну во многих странах мира. Это во-первых. А во-вторых, если двое молодых людей полюбили друг друга и захотят связать свою жизнь, это надо только приветствовать.

– Но Дин Рид не просто молодой человек, он американец, – не скрывая своего раздражения, произнес идеологический работник. – Да, он наш друг, но подданный другой страны, которая является нашим главным стратегическим противником. И нам совсем не хотелось бы, чтобы он обосновался у нас. И совсем не потому, что мы его не любим. Это вопрос политики. Вы же, Екатерина Алексеевна, человек, облеченный властью, и должны понимать, что нам выгоден Дин Рид как борец за мир с американским паспортом, а не с советским. Вот почему нас беспокоит его роман с этой… – Здесь идеологический работник на секунду запнулся, после чего продолжил: – с Эве Киви. Они не должны надеяться на то, что смогут связать свои отношения официально и что Дин Рид может переехать жить к нам.

– Что же вы от меня хотите? – после некоторой паузы, которая понадобилась ей, чтобы обдумать услышанное, спросила Фурцева.

– Не надо их слишком обнадеживать. Бог с ним, с этим романом, однако Дин Рид не должен получать каких-то серьезных сигналов относительно того, что ему могут предоставить здесь

убежище. Подчеркиваю, это вопрос политики, а не каких-то личных симпатий. – Сказав это, идеологический работник улыбнулся и добавил: – Я сам, между прочим, являюсь большим поклонником таланта Дина Рида.

Тем временем актерская карьера Дина Рида на Западе и в самом деле шла к закату. Это понимали все: и сам Дин, и его работодатели. Хотя последние старались выжать из Дина максимум возможного даже на закате его карьеры как западного актера. В итоге в **1972–1973 годах** Дин снимется еще в двух итало-испанских фильмах, после чего поставит на этом деле точку.

Как упоминалось, в последний раз Дин выходил на съемочную площадку более полутора лет назад: летом **1970 года**, когда снимался в «спагетти-вестерне» «Прощай, Сабата» («Черный Индио»). С тех пор его киношная карьера была «заморожена», причем по вине самого Дина. Он с головой окунулся в политические дела, и времени на кино у него просто не оставалось. И только в начале **1972 года**, когда Дин немного освободился от своих общественных дел, все те же люди – продюсер Альберто Гримальди и режиссер Жанфранко Паролини (псевдоним – Фрэнк Крэмер), которые его снимали в «Прощай, Сабата», вновь пригласили Дина на главную роль – бунтаря Буда Спенсера в приключенческую картину «Битва титанов» («Четыре веселых друга»). Партнером Дина уже в который раз стал итальянский актер Игнацио Спалла, а среди исполнителей других ролей были: Ник Жордан, Сэл Боргезе, Фани Сакантану, Марио Брега, Марселло ди Фалко, Карло Тамбарлини, Джордж Янг, Франко Укмар, Пино Маттеи, Сальваторе Билла и др.

Съемки фильма проходили **летом 1972 года** в Испании, а также в павильонах «Чинечитты» в Риме. Как раз в это время в Вечный город приехала кинематографическая делегация из СССР, в которой была и Эве Киви (она специально добилась своего включения в группу, чтобы увидеться с Дином). В первый же день влюбленные встретились, причем Киви пришлось прибегнуть к конспирации. Она выскочила из отеля, в котором жила, под вечер, надев на голову темный парик. А назад она вернулась рано утром, когда ее коллеги еще спали и не могли обнаружить ее отсутствия. И так продолжалось в течение нескольких дней. Как скажет позднее сама Киви: «С тех пор Рим мой самый любимый город – я все время мысленно брожу по нему».

Если участие в «Битве титанов» не приносило Дину большого удовлетворения, то съемки в совместном – киностудии «ДЕФА» и Группы «Берлин» (Западный Берлин) – фильме под названием «Из

жизни одного бездельника» (по мотивам новеллы Йозефа фон Айхендорффа) доставляли Дину истинное удовольствие. Это была авантюрная комедия, действие которой происходило в Германии XVIII века. Дин играл обаятельного и романтического музыканта-скрипача 20 лет от роду (Бездельника), который, попадая в различные передряги, с честью из них выходил.

Дин, который до этого повидал немало разных киностудий, был приятно удивлен масштабами и технической оснащенностью студии «ДЕФА», экскурсию по которой ему устроили незадолго до начала съемок. В компании с работницей студии Гизелой и переводчиком Дин в течение двух часов бродил по территории студии и внимательно слушал весьма познавательный рассказ своего гида.

– После войны здесь были лишь развалины бывшей студии УФА, – рассказывала Гизела. – Но уже в мае 1946 года состоялось учредительное собрание нового акционерного общества по производству фильмов – «Дойче фильм акциенгезельшафт», то есть «ДЕФА». И руководитель советской военной администрации торжественно передал руководителям общества лицензию на выпуск фильмов. И в октябре того же года было создано ее первое детище – фильм Вольфганга Штауде «Убийцы среди нас», посвященный антифашистской борьбе немецкого народа.

Из последующего рассказа Дин узнал, что нынешняя студия занимает территорию в 42 гектара. В год она выпускает около 40 фильмов, которые демонстрируются во многих странах мира. Многие студии, в том числе и советские, обращаются на «ДЕФА» за помощью в поисках какого-нибудь редкого атрибута давно минувших лет, поскольку в ее реквизитном цехе хранится 600 тысяч предметов. Когда Дин услышал об этом, он даже присвистнул: такого хранилища нет даже на итальянской «Чинечитте». Кстати, многие предметы из этого реквизитного цеха перекочевали на съемочную площадку фильма «Из жизни одного бездельника». Среди них была и скрипка, которой, по ходу сюжета, должен был виртуозно владеть герой Дина.

Стоит отметить, что до этого момента Дин никогда не брал в руки этот музыкальный инструмент, тем более не умел на нем играть. Однако когда пришлось, он выучился этому делу за неделю (слово «выучился» слишком громкое, поэтому вернее будет сказать – научился правильно держать смычок), хотя это стоило ему огромных мук. Как признается потом сам Дин, во время обучения ему в голову только и приходила мысль, чтобы разбить эту скрипку о голову учителя.

А вот к другому делу Дин отнесся с превеликим удовольствием. По сюжету герою Дина надо было петь, а этому

занятию Дина учить было не надо. Правда, песни были на немецком, однако Дин, у которого была прекрасная память, очень быстро выучил текст и записал все произведения чуть ли не с первого дубля. Дин с удовольствием согласился на этот эксперимент – петь песни на немецком, поскольку в будущем он собирался выучить этот язык и включить несколько песен на нем в свой репертуар. Помимо этого Дин еще выполнял самостоятельно и все трюки в картине. Причем поначалу ему предлагали взять дублера, но он отказался, гордо заявив режиссеру: «Даже в Мексике мне не было равных среди „чаррос“. Я все делаю сам!»

Кроме этого, поездка в ГДР принесла Дину радость и в личном плане – он встретился там с той самой девушкой, Вибке Дорнбах, с которой познакомился в Лейпциге осенью прошлого года. И теперь у них начался роман, который придал дополнительную остроту ощущениям Дина во время его пребывания в ГДР.

Режиссером фильма был 33-летний Цилино Бляйвиц, с которым Дин познакомился на Лейпцигском фестивале документального кино осенью предыдущего года. Созданию прекрасной атмосферы на съемочной площадке способствовало то, что коллектив подобрался достаточно молодой и сплоченный. Даже семейственность, присутствовавшая в коллективе, и та шла на пользу: жена Бляйвица актриса Моника Войтович играла роль камердинерши, а их маленькая дочь Инна, с которой у Дина сразу сложились теплые отношения, поскольку она напоминала ему его дочь Рамону, играла небольшую детскую роль. Кроме того, в фильме были заняты следующие актеры: Анна Дзиадук (эта польская актриса играла Красавицу), Ханнелоре Эльзнер (Графиня), Ханс Фишер (портье), Герри Вольф (Ринальдо Ринальдини), Кристел Боденштайн (Гуидо Флора).

В разгар съемок (**22–26 августа**) Дин съездил в Сопот на фестиваль эстрадной песни, где выступил как почетный гость, исполнив несколько песен (две из них – «Элизабет» и «Джерико» – потом вышли на отдельном миньоне «Дин Рид в Сопоте»).

Между тем съемки фильма проходили в **августе – октябре 1972 года** на территории и в окрестностях знаменитого замка в стиле барокко Рамменау в округе Бишофсверд. Как будет вспоминать потом сам режиссер фильма: «Метод работы Дина – это лишнее подтверждение его таланта. Он работает с необычайной самодисциплиной, недоволен собой, всегда ищет оптимальные решения. Он интересуется всей работой фильма, что выражается в его мыслях, а также в действиях».

Когда снимали в Румменау, туда на две недели приехала

мама Дина Рут Анна. Это была ее вторая встреча с сыном за последние полгода. На этот раз Рут Анна приехала из Хельсинки, где она участвовала в семинаре по социологии. Она присутствовала на съемках фильма, где играл ее сын, гуляла с ним по окрестностям замка, а также сопровождала его во всех поездках. Так, Дин специально взял ее с собой в больницу Пулсниц, где его обследовали на предмет нагноений в горле, чтобы мать собственными глазами увидела, как далеко продвинулась медицина в ГДР. Рут Анна побеседовала с главным врачом этой больницы и действительно многое для себя открыла.

Она была поражена теми правами и льготами, которыми пользуются женщины в ГДР (эти же факты поразили ее и во время пребывания в Советском Союзе). Она, например, узнала, что матери с тремя или больше детьми работают здесь только 40 часов в неделю и получают при этом ту же самую зарплату, что и их бездетные коллеги. Кроме этого они получают пособия для многодетных, имеют ряд других льгот. Американским женщинам об этом можно было только мечтать. Они с Дином потом долго обсуждали эту тему. Дин говорил матери:

– Ты можешь себе представить подобное отношение к женщинам у нас, в Америке? В то время как в социалистических странах женщины имеют возможность занимать руководящие должности и работать в самых различных специальностях, у нас этого нет и в помине. В Америке женщинам почти закрыт доступ в адвокаты, в университетские преподаватели, да и тех же женщин-врачей редко где встретишь. А уж если женщина чернокожая, то тогда и говорить не приходится – полная дискриминация. А меня в Москве лечила врач-узбечка!

Рут Анна, в отличие от ее бывшего мужа Сирила Рида, слушала сына почти не перебивая, поскольку почти во всем с ним соглашалась. Она прекрасно знала, что американская демократия имела поразительную двойственность: провозглашала всеобщие права и в то же время возводила множество барьеров на пути к этой самой демократии. Например, сама Рут Анна именно потому и поступила учиться в университет в Гонолулу, поскольку в родной Америке это сделать было бы труднее. Например, в Стэнфордском университете на тот момент не было ни одного (!) преподавателя-женщины (первую из них примут только в **1974 году**).

Мать и сын в те дни побывали во многих местах ГДР: в Дрездене, Потсдаме, где Дин даже выступил с концертом под открытым небом. И вновь, как и в Москве, Рут Анна была поражена, как принимает публика ее сына: тепло и восторженно. Даже шофер, который вез их обратно в Берлин, не удержался от

слов восхищения по поводу выступления Дина.

Тем временем работа над «Бездельником» продолжалась. Остаток натурных сцен доснимали на территории Румынии в середине **октября**. Дин и там достаточно быстро подружился со всеми участниками съемок с румынской стороны. Там произошел весьма показательный случай.

Из гостиницы до места съемок Дина привозили на служебном «Мерседесе». У него да еще у режиссера была такая привилегия, а остальные добирались до съемочной площадки на автобусе. А некоторым иной раз приходилось и вовсе добираться своим ходом, если они, к примеру, опаздывали к отправлению автобуса. Так случилось с одним румынским осветителем, который опоздал к автобусу и стал упрашивать водителя диновского «Мерседеса» взять его с собой. На что тот ответил: «Я везу только американца!» Когда Дин узнал об этом, он был крайне раздосадован таким поведением своего шофера. И на следующий день специально подозвал к себе одного из участников массовки, с небритым лицом, и, демонстративно открыв перед ним дверцу «Мерседеса», пригласил его в салон. «Этот человек поедет с нами», – сказал Дин водителю. Тот в ответ ничего не сказал, прекрасно поняв, на что намекал Дин своим поступком.

Как уже упоминалось, все трюки в фильме Дин исполнял сам. Не стали исключением и натурные съемки в Румынии, где произошел печальный эпизод. В эпизоде, где Бездельник летит кувырком с горы, Дин неловко приземлился на спину и вдребезги разбил скрипку, которая находилась в сумке. Когда он вместе с членами съемочной группы собирал обломки инструмента, кто-то нашел листок, который все это время хранился внутри скрипки. На нем было написано имя мастера – Страдивари. Дин был в шоке от этого открытия, понимая, что он сотворил что-то несусветное – погубил раритетную скрипку, сделанную руками выдающегося мастера. А румынские товарищи по этому поводу шутили: «Не волнуйся, Дин, киностудия „ДЕФА“ достаточно богата, чтобы купить еще одну такую скрипку».

К концу осени работа над фильмом «Из жизни одного бездельника» была завершена. Дин был вполне удовлетворен результатом: несмотря на то что картина по своему жанру относилась к авантюрным комедиям, в ней присутствовала гуманистическая идея. То, что никогда не отличало прежние картины Дина, которые были сплошь коммерческие и служили лишь одному – развлечь зрителя и не нагружать его мозги какими-либо серьезными мыслями.

Дин остался доволен и другими итогами своего пребывания в ГДР. Во-первых, он обнаружил к своей персоне самое трепетное

отношение со стороны как властей страны, так и простых граждан. А его коллега, режиссер Вернфрид Хюбель, даже снял документальный фильм под названием «Дин Рид – певец другой Америки». Таких знаков внимания Дин не удостаивался даже в СССР, где про него тоже был снят документальный фильм «Поет Дин Рид», но уж больно короткий – всего двадцать минут, причем бóльшая часть из них ушла на показ его концертных выступлений. А немецкий фильм раскрывал личность Дина во всей полноте: как с гражданских позиций, так и с творческих.

Наконец, Дин мог быть вполне доволен и успехами на личном фронте. Его роман с Вибке складывался на удивление легко, и парочка за все время своего общения ни разу не поссорилась. Да что там поссорилась: между ними даже тени какого-либо конфликта не возникло. Вибке определенно нравилась Дину цельностью своей натуры и тем, что она не стремилась никому ничего доказать. В ней не было ни грамма какой-либо показухи, она была естественна во всех своих проявлениях.

Правда, было одно «но», которое в какой-то мере напрягало Дина. Он знал, что она является дальней родственницей Первого секретаря ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера, и это обстоятельство могло заставить недоброжелателей Дина распускать о нем всяческие слухи: дескать, он крутит роман с Вибке исключительно ради устройства собственной карьеры. Кстати, подобные разговоры уже доходили до него, когда он снимался в «Бездельнике». Но потом Дин плюнул на них и решил жить проще: он-то знал, что Вибке ему нравилась прежде всего как женщина, а это было главным в его отношении к ней. Во всяком случае тогда.

В самом конце осени Дин снова отправился в Лейпциг, где в очередной раз проходил фестиваль документальных фильмов. Только на этот раз он принимал в нем участие не как режиссер, а как почетный гость. Фестиваль проходил **20–25 ноября** и, как обычно, собрал несколько сот кинематографистов из разных стран мира. Дин опять много времени проводил на фестивальных просмотрах, а также на различных митингах солидарности. А все свободное время он посвящал Вибке, которая опять была на фестивале переводчиком.

В последний день фестиваля были оглашены имена победителей. Главного приза («Золотой голубь») были удостоены картины: «Чужого горя не бывает» (СССР; о вьетнамских детях), «Кирпичики», «Свидетельство геноцида» (обе – Колумбия), «Победа на дороге № 9» (Южный Вьетнам), «Генералы за кулисами» (Англия).

«Серебряный голубь» достался фильмам: «Почта», «Туманы

Британии», «Шахтеры» (все – СССР), «Бангладеш», «Продавец игрушек» (оба – Индия), «Концерны проглатывают наш город» (ФРГ), «Американец в Ханое», «Вьетнам, август 72-го» (оба – Швеция).

Как видим, очень много фильмов на этом фестивале было посвящено вьетнамским событиям. Это было не случайно, поскольку война во Вьетнаме хоть и близилась к своему завершению, однако переживала кульминационный момент. После того как в **марте 1972 года** военно-политическое руководство Демократической Республики Вьетнам ушло с четырехсторонних переговоров в Париже и возобновило активные военные действия южнее демилитаризированной зоны, война вспыхнула с новой силой. Американцы ответили на эти действия сил ДРВ новыми массированными ударами. Ими была проведена операция «Linebacker», которая увенчалась успехом: наступление Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама захлебнулось. Загнанное в угол массированными воздушными налетами, руководство ДРВ вынуждено было в очередной раз пойти на возобновление переговоров. В ответ **23 октября** президент США Ричард Никсон объявил о прекращении бомбардировок на территории Северного Вьетнама.

Кстати, в том же **ноябре** в США состоялись президентские выборы. Дин желал победы кандидату от демократической партии сенатору Джорджу Макговерну. По его же словам: «Он такой же представитель капиталистической системы, однако более прогрессивный». Макговерн и в самом деле слыл либералом и был главным оппонентом действующего президента Ричарда Никсона, который вновь собирался переизбираться на этот пост. Макговерн ратовал за прекращение войны во Вьетнаме, за ослабление гонки вооружений, за установление более теплых отношений с Советским Союзом и странами Восточного блока. Однако Никсон сумел почти все его предвыборные обещания внедрить в жизнь буквально накануне выборов.

В первой половине **1972 года** Никсон умело разыграл китайско-советскую карту, съездив сначала в феврале в Пекин, а затем, в мае, и в Москву, в которой американские президенты не были с **1959 года**. В результате этих переговоров американцы вывели свои войска с Тайваня и подписали в Кремле Договор ОСВ-1 (о сокращении стратегических ядерных вооружений). Потом наступила очередь Вьетнама, о чем речь уже шла выше. В итоге на выборах за Никсона проголосовали свыше 47 миллионов американцев, что было на 18 миллионов голосов больше, чем у Макговерна.

Тем временем прямо из Лейпцига Дин в начале **декабря**

отправился в Советский Союз на очередные гастроли. И снова, как и в начале года, это были не концерты по стране, а всего лишь выступления в одном городе – в Москве. Причем концерты проходили на одной площадке – в Театре эстрады в течение **9—10, 12–13, 15–16 декабря** и были приурочены к знаменательной дате – 50-летию СССР, которое отмечалось в те дни.

Стоит отметить, что незадолго до начала гастролей Дина в Советском Союзе в Москву впервые с официальным визитом приехал президент Чили Сальвадор Альенде. Это случилось **6 декабря**. Программа визита Альенде была чрезвычайно насыщена, однако он нашел время, чтобы встретиться с Дином как раз перед своим посещением МГУ **7 декабря** (там Альенде вручили диплом почетного доктора МГУ). Оба были чрезвычайно рады этой встрече, хотя от Дина не укрылось то, что Альенде выглядит грустным. И Дин догадывался, чем была вызвана эта грусть.

После того как Альенде победил на президентских выборах осенью **1970 года**, минуло уже два года. И Дин, который внимательно следил за событиями в Чили, был прекрасно осведомлен о ситуации в стране. Так хорошо начавшись, президентское правление Альенде затем явно забуксовало. Наметившееся после выборов сотрудничество блока с преобладавшими в ХДП левоцентристскими кругами этой партии могло получить дальнейшее развитие путем включения их представителей в правительство. В таком случае власть опиралась бы на широкие слои населения. Альенде и руководство Компартии Чили во главе с Луисом Корваланом склонялись к такому варианту. Но большинство социалистов и другие участники «Народного единства» не желали делить власть с «реформистами», что только усугубило ситуацию.

После того как в **июле 1971 года** парламент Чили единогласно объявил о национализации медных рудников и других природных ресурсов, вся страна несколько дней ликовала. Но это вызвало дикую злобу США, которые усилили свое давление на Чили как с экономической стороны, так и с идеологической. Тогда же в оппозицию к Альенде встали и руководители ХДП, чашу терпения которых переполнило убийство экстремистами видного деятеля их партии Суховича. Так в стране стало нарастать сопротивление противников левых партий, которые использовали неполноту власти правительства, слабость его связей с армией, преобладание оппозиции в конгрессе, в государственной администрации, в судебных органах, средствах массовой информации.

Сыграло против Альенде и то, что некоторые левые радикалы

призывали его не церемониться с контрреволюционерами и ставить их к стенке. Особенно усердствовало в этом движение МИР (оно в основном состояло из молодежи, проживающей в бедняцких районах, которая в своих действиях опиралась исключительно на силу кулаков). Участники МИР самочинно захватывали предприятия, объявляя это «расширением базы революции». Однако ни к чему хорошему это не приводило: вскоре эти предприятия терпели убытки и закрывались из-за неумелого руководства. Эти захваты только усугубляли ситуацию: доверие к Альенде в народе падало. Все это играло на руку врагам президента. Например, ЦРУ, которое до этого никак не могло подобрать нужные «ключики» к военным, в **январе 1970 года** сумело это сделать: ряд высокопоставленных генералов чилийской армии согласились принять помощь американцев и подготовить вооруженный переворот. Эти планы впервые были проанализированы в Генеральном штабе **13 апреля**.

К концу **1972 года** ситуация в Чили была близка к критической. В самом блоке «Народное единство» уже не было никакого единства и верх в нем взяло экстремистское крыло соцпартии, возглавляемое ее генеральным секретарем Карлосом Альтамирано. Тот в своих действиях исходил из необходимости «в наиболее короткие сроки создать в Чили социалистическое общество». Как он сам заявил на пленуме ЦК в **июне 1972 года**: «В ходе революционного процесса организации, участвующие в нем, имеют право нарушать любые существующие в стране законы и даже отступать от требований собственной программы».

В **октябре** оппозиция в лице ХДП, руководство которой осуществляли сторонники бывшего президента Фрея, организовала антиправительственную забастовку мелких собственников, предпринимателей и значительной части служащих. Правда, подавляющая часть рабочих не поддержала эти выступления, однако обстановка в стране все равно была взрывоопасной. В начале **ноября** Альенде пришлось обращаться за помощью к военным и вводить трех их представителей в правительство. Один из них – генерал Карлос Пратс – стал министром внутренних дел. Только после этого забастовка была прекращена. Однако конфликт на этом исчерпан не был: он всего лишь затих и готов был разгореться с новой силой при любой удобной возможности.

Альенде, зажатый с двух сторон, вынужден был искать себе союзников за пределами страны. Главными среди них были два: Советский Союз и Куба. Вот почему в конце **ноября** Альенде отправился в Гавану, а оттуда прилетел в Москву. Прилетел не один, а в компании с руководителем компартии Чили Луисом

Корваланом. На руководство СССР оба они возлагали особые надежды: им нужны были значительные финансовые вливания в экономику Чили, чтобы попытаться выбить почву из-под ног своих противников. И в своем приватном разговоре с Дином Альенде нисколько этого не скрывал. Может быть, он надеялся, что Дин своим авторитетом сможет помочь ему в этом деле? Но Дин такого авторитета, к сожалению, не имел. А советские руководители уже не хотели помогать Альенде, поскольку их прежние вливания в эту страну закончились ничем – все вылетело в трубу.

– Я понимаю Брежнева, ведь ему еще надо поддерживать и Кубу, – говорил Альенде Дину. – Но он тоже должен понять, что если они не помогут нам сейчас, то наш режим может рухнуть. И тогда это обернется для Москвы еще большей катастрофой.

Дин с болью в сердце слушал эти слова и ничем не мог облегчить страдания Альенде. Единственное, что он мог предложить в этой ситуации, – вновь приехать в Чили и своими концертами хоть как-то пополнить правительственную казну и призвать людей к сплоченности.

– Я также обещаю отдать все сборы от своих нынешних концертов в Москве «Народному единству». Это единственное, что в моих силах, – сказал Дин.

Альенде в ответ улыбнулся и пожал Дину руку.

– Спасибо и на этом, – поблагодарил президент.

Визит Альенде в Москву продлился три дня. Внешне все выглядело прекрасно: помимо МГУ Альенде посетил завод «Станколит», побывал в Большом театре на балете Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта». В честь приезда делегации был устроен торжественный прием в Кремлевском дворце. Однако того, за чем Альенде приехал в Москву, он так и не добился: денег ему не дали. И Альенде отправился в США, чтобы там договориться хотя бы о частичной отмене экономических санкций. Но и эта затея провалилась. Администрация Белого дома была прекрасно осведомлена о том, что Москва больше не собирается оплачивать чилийский эксперимент из своего кармана. И ЦРУ была дана установка на активизацию действий по нагнетанию напряженности в Чили. А это означало, что при удачном стечении обстоятельств режим Альенде мог рухнуть в ближайшее же время.

После отъезда из Москвы Альенде Дин остался в Москве продолжать гастроли. Здесь же была и его возлюбленная Эве Киви. К тому времени она уже была в официальном разводе со своим мужем Антсом Антсоном, поскольку тот узнал о ее романе с Дином Ридом. Причем рассказали ему об этом сотрудники

эстонского КГБ. Это они вызвали Антсона в свое учреждение и практически с порога ошарашили сообщением: «Товарищ Антсон, разве вы не знаете, что ваша жена изменяет вам с Дином Ридом?» Антсон в это не поверил. «Моя жена не такая легкомысленная, как кажется», – сказал он. Однако едва Эве вернулась из Москвы и он рассказал ей о своем разговоре в КГБ, она не стала ничего скрывать от него и призналась: «Да, я люблю Дина Рида». И они подали на развод. Не было никакого скандала, никаких выяснений отношений. Сына Фреда Эве забрала к себе, и они вдвоем поселились у мамы актрисы.

После развода у Эве появилась надежда, что они с Дином наконец могут пожениться. Ведь она тогда ничего еще не знала про его роман с Вибке. Однако когда в **декабре 72-го** Эве, как бы случайно, обмолвилась об этом, Дин ответил ей:

– Давай не будем спешить. Ведь нам и так с тобой хорошо. К тому же мне вряд ли разрешат поселиться в Советском Союзе.

– Почему ты так говоришь? – удивилась Эве. – Если хочешь, я могу поговорить с Фурцевой или еще с кем-то из высокого руководства.

– Думаю, что Фурцева здесь ничего не решает, – грустно ответил Дин. – Она ведь даже не смогла пробить мое участие в фильме «Вашингтонский корреспондент». Нет, в этом деле все решают люди куда выше рангом.

Кого именно он имеет в виду, Дин не назвал, но Эве и без того прекрасно поняла, о ком идет речь. А к этим людям у нее подхода не было.

Между тем Дин догадывался о причинах, которые не позволяют советскому руководству разрешить ему поселиться в Советском Союзе. Об этом ему обмолвился Юрий Купцов, который навестил Дина в его гримерке после одного из концертов в Театре эстрады. Вышло все случайно. Дин завел разговор о том, что хотел бы в ближайшем будущем подумать о покупке квартиры в Москве (дескать, устал жить в гостиницах), на что Юрий невесело заметил:

– Думаю, это безнадежная затея. Ты и так напугал кое-кого наверху своим романом с Киви. Они грешным делом подумали, что ты собираешься жениться на ней и остаться жить в Москве. А это им невыгодно.

– Почему? – спросил Дин.

– Брось задавать глупые вопросы, – усмехнулся Юрий. – Это же чистая политика, а ты как-никак в этом деле далеко не мальчик. У нас в таких случаях говорят: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». То есть если ввязался в большую политику, то имей смелость чем-то жертвовать.

– Неужели мне даже квартиру в Москве нельзя купить? – после некоторой паузы спросил Дин.

– Я в этом деле тебе вряд ли смогу помочь, – развел руками Юрий. – Разве что могу свести тебя с одним человеком.

– Каким человеком?

– Большим человеком, – заговорщическим тоном произнес Юрий и сделал недвусмысленный жест, указав пальцем в потолок. – Я имею в виду дочку Леонида Ильича Галину Брежневу. Завтра она будет на вечеринке у одного актера из Театра Советской Армии, куда я могу взять и тебя. Надеюсь, завтрашний вечер у тебя свободен?

– Ради такого дела я сделаю его свободным, – ответил Дин.

На следующий день вечером Юрий заехал на своей «копейке» за Дином в «Украину», и они отправились на вечеринку в один из домов на Селезневской улице. Когда они приехали туда, вечеринка была уже в самом разгаре, и гости, которых насчитывалось около двух десятков, в полумраке (горел только торшер в углу) танцевали медленный танец под магнитофон. Дин сразу узнал песню, звучавшую из динамиков, – «История любви» в исполнении Энди Вильямса. Эта композиция вот уже два года была очень популярна во всем мире, и Дин одно время даже хотел взять ее в свой репертуар. Но потом передумал, рассудив, что лучше Вильямса вряд ли ее споет.

Между тем едва они вошли в квартиру, как хозяйка дома, супруга того самого известного актера, прервала песню на половине и, включив свет, объявила:

– Господа, прошу любить и жаловать – Дин Рид.

Услышав это, гости изобразили неподдельное оживление: мужчины зааплодировали, а женщины завизжали от восторга. Прервал этот шум Юрий, который воскликнул:

– Милые дамы, зачем же так визжать – вы испугаете нашего гостя.

После этого хозяйка усадила новых гостей за стол и поставила перед ними чистые тарелки. Затем женщина, сидевшая по левую сторону от Дина, предложила:

– Давайте я за вами поухаживаю, – и принялась накладывать в тарелку Дина разные деликатесы.

Как заметил Дин, яства были отборные: на столе высились бутылки с коньяком, водкой, виски и мартини, а из закусок преобладали несколько разных салатов, рыба, включая дефицитную осетрину, бутерброды с черной и красной икрой и многое другое, чего в советских магазинах даже днем с огнем невозможно было отыскать. Пока женщина накладывала в тарелку Дина разной снеди, Юрий толкнул его в бок и сказал:

– Твоя соседка слева – это Галина Брежнева.

Услышав это, Дин поначалу напрягся, но потом взял себя в руки и, когда соседка поставила перед ним его тарелку, сказал по-русски:

– Спасибо.

Женщина в ответ улыбнулась. Задержав на ней свой взгляд, Дин мысленно отметил, что она и в самом деле похожа на своего отца: такая же чернявая и бровастая, с широкой костью. И хотя она не была во вкусе Дина – ему нравились миниатюрные блондинки, – однако он отметил, что она по-своему красива. И Дин даже подумал, что она наверняка весьма искусна в постели. Впрочем, об этом ему же говорил и Юрий, пока они ехали сюда. Он сообщил ему, что Галина меняет любовников с регулярной периодичностью, хотя и пребывает больше года в браке с высокопоставленным офицером МВД.

– Так что будь с ней осторожен, не заигрывай, – предупредил Дина Юрий. – Если она почувствует в тебе слабину по этой части, то может вцепиться в тебя мертвой хваткой.

– Но как мне отказать ей, если я хочу от нее чего-то добиться? – удивился Дин.

– Вот так и откажи. Если она подумает, что ты хочешь переспать с ней ради своего дела, то у тебя ничего не выгорит.

Поскольку Дин с утра ничего не ел, он тут же принялся наверстывать упущенное и с большим аппетитом стал уплетать то, что положила ему в тарелку его соседка. При этом он пару раз нашел взглядом хозяйку дома и вслух высказал ей свое восхищение приготовленными блюдами. Хозяйка в ответ подняла за него тост.

– Я пью за друга нашей страны Дина Рида! – сказала она и залпом осушила бокал с шампанским.

Затем одна из женщин, которая сидела прямо напротив Дина и все это время буквально не сводила с него глаз, обратилась к нему с неожиданной просьбой:

– А вы не могли бы нам спеть?

Юрий перевел этот вопрос Дину, но тот попросил его объяснить женщине, что он приехал сюда без гитары.

– А если мы найдем вам инструмент? – воскликнула в ответ хозяйка дома и, скрывшись в соседнюю комнату, вскоре вернулась назад с гитарой.

И Дину не оставалось ничего другого, как взять в руки инструмент. Несколько минут у него ушло на то, чтобы настроить гитару, после чего он спросил через Юрия у гостей, что они хотят услышать.

– Только не «Венсеремос»! – вырвалось из уст полного

мужчины, который сидел рядом с женщиной, попросившей Дина спеть.

В комнате повисла напряженная тишина, вызванная бестактностью прозвучавших слов. Дин, который без всякого перевода понял сказанное, в первые мгновения готов был встать со своего места и покинуть эту вечеринку, но все-таки нашел в себе силы не делать этого. В конце концов, пьяная выходка какого-то зажравшегося идиота не должна была бросать тень на всех присутствующих. И Дин сделал вид, что не обратил внимания на этот пьяный выкрик. Тем более что женщина, которая попросила его спеть, назвала свою любимую песню:

– Если можно, «Вчера, когда я был молодым».

И Дин исполнил песню, которую и сам очень любил. Это был ностальгический шлягер, где герой размышлял о бессмысленности прожитой им жизни. Когда отзвучал последний аккорд, в комнате некоторое время сохранялась тишина, после чего грянули аплодисменты. Дин вернул гитару хозяйке, всем своим видом показывая, что на этом его импровизированный концерт закончен. Как ни странно, но никто из присутствующих не выразил вслух сожаления по этому поводу, видимо понимая, что именитый гость пришел сюда не для того, чтобы услаждать слух гостей своим пением. Кто-то снова включил магнитофон, и гости вновь разбились на пары.

– Не сиди как истукан и пригласи свою соседку танцевать, – шепнул на ухо Дину Юрий.

Дин так и сделал. Они станцевали с Галиной один медленный танец, после чего Галина присела на диван и подозвала к себе Юрия.

– Дин что-то пытался мне сказать, но я так ничего и не поняла, – обратилась Галина к Юрию. – У него какие-то проблемы?

– Проблема только одна: он хотел выяснить, можно ли ему купить в Москве квартиру, чтобы не мотаться по гостиницам.

– А ты сам не мог ему в этом помочь? – удивилась Галина.

– Увы, Галина Леонидовна, но я в этом деле бессилен, – развел руками Юрий. – Эту проблему могут решить только фигуры вашего уровня.

– Даже так? – брови Галины вновь взметнулись. – Ну хорошо, я попытаюсь решить эту проблему по своим каналам.

Пообщавшись с Галиной, Юрий вернулся к Дину и передал ему суть разговора с дочерью генсека.

– И если у нее ничего не выгорит, то тогда придется смириться, – в заключение своих слов произнес Юрий.

Увы, но вмешательство в это дело Галины Брежневой ничего

не изменило. Спустя несколько дней она позвонила Юрию в его кабинет в здании ЦК ВЛКСМ на улице Богдана Хмельницкого и сообщила:

– Здесь все упирается в большую политику. А в этом деле я отцу не перечу. Но ты передай Дину, что еще не вечер: может быть, чуть погодя ситуация изменится и все само собой образуется.

Но судя по тому, как произносила последние слова Галина, Юрий понял, что она сама не слишком верит в благополучный исход этого дела. Когда Юрий сообщил об этом разговоре Дину, тот нисколько не удивился. К тому времени он уже смирился с тем, что ради большой политики ему придется жертвовать чем-то личным.

Вскоре после наступления нового, **1973 года** Дин отправился в Уругвай, куда его лично пригласил первый секретарь ЦК тамошней компартии Родней Арисменди. Цель у Дина была одна – сбор денежных средств в поддержку блока «Народное единство» в Чили. В Уругвае он встретил самую горячую поддержку своим начинаниям, поскольку тамошние коммунисты были солидарны со своими чилийскими товарищами. Ведь то, что произошло в Чили осенью 70-го, дало мощный импульс многим латиноамериканским компартиям, в том числе и уругвайской. До этого их борьба против правящего режима чаще всего оканчивалась безрезультатно. Но после прихода к власти в Чили Альенде в Уругвае тоже начались перемены. В **феврале 1971 года** коммунисты, социалисты, христианские демократы, а также вышедшие из основных буржуазных партий Уругвая левые группировки объединились в блок «Широкий фронт» на основе единой программы преобразований. На всеобщих выборах в **ноябре 1971 года** он получил 18,5 % голосов и приобрел 16 из 100 мест в палате депутатов. Впервые после многолетнего существования двухпартийной системы в Уругвае появилась третья влиятельная политическая сила.

Когда Дин находился в Уругвае, ситуация там была неспокойной. **7 февраля** президент страны Бардаберри назначил министром обороны генерала Франсесе, надеясь, что с его помощью ситуация в стране стабилизируется. Но вышло иначе. Когда Франсесе попытался сместить со своих постов двух командующих – армии и ВВС, – те подняли восстание. Бунтовщики заняли ряд радио– и телестанций в Монтевидео и потребовали от президента выполнения сразу нескольких требований: отставки Франсесе, большего своего участия в работе правительства и одобрения своей программы, состоящей из 19

пунктов (ликвидация безработицы, инфляции, проведение аграрной реформы и т. д.). В итоге президент согласился на ряд условий военных и учредил Совет национальной безопасности, куда включил и представителей из числа бунтовщиков.

Между тем Дин в эти дни без дела не сидел. **24 февраля** он принял участие в фестивале солидарности «Чили – Вьетнам», все средства от которого должны были поступить в фонд помощи прогрессивным силам этих стран. Вьетнам возник здесь не случайно. Дело в том, что именно в начале **1973 года** американская интервенция в этой стране, длившаяся больше десяти лет, завершилась. **27 января** были подписаны Парижские мирные соглашения, предусматривавшие отказ от иностранного вмешательства в дела Южного Вьетнама. Начался вывод американских войск из этой страны.

Однако война после этого не закончилась, поскольку две противоборствующие стороны – северяне и южане – продолжали вооруженное противостояние. И это несмотря на то, что североамериканское вторжение принесло народам Индокитая неисчислимые бедствия: было убито 4,6 миллиона жителей, ранено и искалечено 5,5 миллиона. В одном Вьетнаме американцы уничтожили 1,9 миллиона человек, 4,5 миллиона ранили, 9 миллионов превратили в беженцев. Американские летчики сбросили на Индокитай 7 миллионов тонн бомб – больше, чем США сбросили на Германию, Японию и их союзников во Второй мировой войне и на Корею в начале 50-х. Потери самих американцев выглядели следующим образом: 58 022 солдата и офицера были убиты, более 300 000 были ранены.

Помимо участия в митинге Дин также дал несколько концертов в Уругвае и с помощью «Широкого фронта» выпустил здесь свой диск-гигант. Все сборы от этих мероприятий Дин перечислил в пользу чилийского «Народного единства».

В эти же дни Дин из газет узнал о событиях, которые потрясли Америку, а затем и весь мир. Речь идет о восстании североамериканских индейцев в поселке Вундед-Ни (Раненая Коленка) в резервации Пайн-Ридж, где в **декабре 1890 года** 7-й кавалерийский эскадрон армии США расстрелял из пушек 250 индейцев. Восстание организовали члены Движения американских индейцев, которые захватили здание и бюро по индейским делам и потребовали от американского правительства немедленно начать расследование деятельности правительственного бюро, которое, по их мнению, дискриминировало коренное население Америки. Власти в ответ попытались применить силу, но получили вооруженный отпор. В итоге это противостояние продлилось 71 день и завершилось тем,

что власти сначала уступили восставшим, а потом обрушились на его зачинщиков с репрессиями. Дин внимательно следил по газетам за этими событиями и даже написал об этом песню под названием «Раненный в Вундед-Ни». А чуть позже он задумает снять об этом и фильм, о чем речь еще пойдет впереди.

Весной Дин вернулся к актерской профессии – снялся в своем последнем на Западе итало-испанском «спагетти-вестерне». Это был фильм Тонино Риччи «Кулак, фасоль и… карате». Это была очередная ковбойская стрелялка, сдобренная элементами входящего в ту пору в моду (с подачи Брюса Ли) жанра «фильм-карате». Дин играл в нем главную роль – симпатичного и преуспевающего бандита, который вместе со своим другом путешествует по Дикому Западу в поисках больших денег. Помимо Дина в фильме был собран итало-испанский актерский состав в лице Альфредо Майо, Сала Боргезе, Фернандо Санчо, Франчески Романа Колуччи, Ивайо Йошика, Ангелы Аранды, Луиса Ингуни и др.

В **мае** Дин приехал в ГДР по делам творческим и сугубо личным. Он обговорил с руководителями Союза свободной молодежи (аналог советского комсомола) свое участие во Всемирном фестивале молодежи и студентов, который должен был пройти в **июле – августе** в Восточном Берлине, а также встретился со своей возлюбленной Вибке. Последняя была очень обрадована заявлением Дина, что он собирается жениться на ней и переехать на постоянное место жительства в ГДР.

Это решение созрело в Дине не случайно. После того как в конце прошлого года, во время его гастролей в Советском Союзе, он окончательно убедился в том, что постоянная «прописка» там ему не светит, он решил осесть в Восточной Германии. Жизнь в Италии, где он с каждым днем ощущал себя одиноким и никому не нужным, ему уже не нравилась, а в ГДР все было наоборот – там он видел свою востребованность как в творческом отношении, так и в общественном. Например, во время его майского приезда в республику в ГДР вышел первый диск-гигант Дина Рида в этой стране и миньон с двумя песнями: «Together» и «I'm Not Ashamed». Кроме этого, представители киностудии «ДЕФА» окончательно подтвердили ему, что согласны начать работу над очередным фильмом с его участием – экранизацией рассказов Джека Лондона. А затем готовы запустить в производство фильм по его собственному сценарию. Ничего подобного ни в одной стране мира Дину никогда еще никто не предлагал.

После смерти Дина многие будут строить предположения относительно того, какие чувства двигали Дином, когда он

принимал решение жениться на Вибке и остаться жить в ГДР. Наверное, без меркантильных соображений здесь не обошлось. Ведь Дин был прекрасно осведомлен о том, что Вибке является пусть дальней, но все же родственницей Эриха Хонеккера, и понимал, какие привилегии свалятся на него в связи с этим. Те же проекты с «ДЕФА» должны были навести Дина на эту мысль. Однако большое значение в решении Дина играло и такое чувство, как любовь.

Как упоминалось, оба романа Дина начали развиваться практически одновременно: с Эве Киви с лета 71-го, с Вибке Дорнбах – с ноября того же года. Шансы стать женой Дина у обеих женщин были равные, хотя поначалу их было больше у Киви. Во-первых, она познакомилась с Дином на полгода раньше, во-вторых, соответствовала тому типу женщин, который Дину всегда нравился (красива, образованна, знаменита). И если бы не ряд обстоятельств, то именно Киви стала бы его женой. Однако эти обстоятельства оказались из разряда доминирующих: аборт Киви, а затем и нежелание советских властей, чтобы Дин осел в Советском Союзе.

Последнее обстоятельство сыграло решающую роль и как бы сняло моральные обязательства Дина перед Киви. Он по-прежнему испытывал нежные чувства к этой женщине, но имел право думать: я сделал все, что мог, но твои власти не захотели, чтобы мы поженились. Все перечисленное и решило исход дела в пользу Вибке. Когда **6 июня 1973 года** Дин летел в самолете над Атлантикой, направляясь из Бангладеш в Панаму, он написал стихотворение, посвященное Вибке. Оно было полно любви и уважения к этой женщине и доказывало, что чувства его были отнюдь не меркантильными.

Между тем в Бангладеш Дин попал не случайно. Он прилетел туда в конце **мая**, чтобы участвовать в мирной азиатской конференции, проходившей под эгидой ВСМ в городе Дакке (конференция собрала представителей 32 стран). И опять он оказался в стране, где ситуация была далека от спокойной. После того как два года назад в результате бенгальского национального движения Бангладеш был провозглашен республикой и год спустя установил дипломатические отношения с Советским Союзом, это вызвало дикую ярость со стороны Пекина. В Бангладеш начались террористические акты: нападения на полицейские участки, обстрелы правительственных зданий.

В этих условиях в **марте 1973 года** в Бангладеш состоялись парламентские выборы, где большинство голосов набрали представители правящей Национальной лиги – 73 %. Но

поскольку оппозиция, опиравшаяся на Пекин, была недовольна результатами этих выборов, тревожная ситуация в стране продолжала сохраняться. Все шло к введению чрезвычайного положения. Чтобы избежать его, требовалось объединение всех левых сил: Национальной лиги, Компартии, Национально-народной партии. Именно для того, чтобы способствовать этому объединению, в Бангладеш и приехал Дин Рид. Он призывал жителей страны поддержать левые силы, дал несколько концертов, средства от которых перечислил в пользу Компартии. Стоит отметить, что эти усилия не пропадут даром: в **октябре** левые силы создадут Фронт народного единства и сохранят действующий режим в стране.

Из Бангладеш Дин в начале **июня** отправился в Панаму, где проходила еще одна конференция – на этот раз стран данного региона (Панамы, Гондураса, Венесуэлы, Мексики и Коста-Рики). Этот форум, собравший представителей 90 прогрессивных организаций, принял резолюцию, в которой содержалось требование к правительству США, чтобы оно вывело с территории Панамы свои войска (в этой стране было 14 американских военных баз). На этой конференции Дин вновь встретился со своим аргентинским другом Альфредо Варелой. Тот приехал туда в качестве секретаря Всемирного совета мира (стал им в **1969 году**) и лауреата Ленинской премии, которую ему присудили меньше года назад.

Затем Дин побывал с краткими визитами в Венесуэле и Мексике, после чего отправился к себе на родину в США. Едва он туда прилетел, как сразу обнаружил за собой слежку. Сделать это было нетрудно, поскольку, во-первых, методам конспиративной работы Дина обучили еще в Чили (научили, как вычислять филеров, как от них отрываться и т. д.); во-вторых, агенты спецслужб и не думали особо таиться от своего подопечного и достаточно откровенно вели его, пристроившись за автомобилем, в котором он ехал. Как понял Дин, это были агенты ФБР. В своих предположениях Дин не ошибся.

На тот момент досье на Дина имелось в двух спецслужбах Америки: в ФБР и ЦРУ. Причем последнее, согласно закону **1947 года**, не имело права оперировать внутри США, однако позволяло себе нарушать это правило. В структуре ЦРУ в **1962 году** даже было создано тайное подразделение УВО (Domestic Operations Division – Управление внутренних операций), которое под мнимым предлогом сбора внутри США внешней разведывательной информации (частично якобы с помощью восточноевропейских эмигрантских организаций) занималось слежкой за неблагонадежными соотечественниками и

составлением на них подробных досье. Особую активность в этом направлении ЦРУ начало демонстрировать с конца 60-х, когда в США поднялась волна антивоенного движения. Именно тогда в недрах УВО и появилось досье на Дина Рида. В ФБР, как мы знаем, оно было заведено еще раньше – в середине 60-х.

У обеих спецслужб Дин числился как «подрывной элемент» и должен был подвергаться постоянному наблюдению все время его пребывания на территории США. Причем если поначалу обе спецслужбы не слишком делились информацией об этом друг с другом, то в конце 60-х наступило потепление, санкционированное с самого верха: в Белом доме пришли к выводу, что одно ФБР оказалось не в состоянии подавить движение протеста, вызванное войной во Вьетнаме. С тех пор ЦРУ согласилось снабжать ФБР данными о контактах Дина Рида с «подрывными элементами» за пределами США.

Между тем в **феврале 1973 года** в ЦРУ сменилось руководство: вместо Ричарда Хелмса, который занимал этот пост с **1966 года**, у руля встал Джеймс Шлессинджер. Это назначение совпало с расследованиями Сената США незаконных операций ЦРУ за рубежом и внутри страны, поэтому при новом руководителе сотрудникам ОВО было уже не до Дина Рида. Зато ФБР его не забывало. Едва он прилетел в Америку, как к нему «приклеилось» сразу несколько фэбээровцев, которые почти в открытую сопровождали его во время всех передвижений.

Дин эту слежку видел и даже провел специальную акцию с целью узнать, как далеко простираются планы его соглядатаев. В нью-йоркской гостинице, где Дин остановился на сутки, он оставил специальные метки в своем номере и на вещах, которые помогли бы ему понять, был там кто-то чужой в его отсутствие или нет. Как понял Дин, чужие в номере были. Так Дин узнал, что против него была проведена операция, которая на жаргоне американских спецслужб называется «черная сумка» (незаконное проникновение в жилище и осмотр вещей).

Находясь в США, Дин навестил своих родственников (отца, братьев, бывшую жену Патрисию и дочь Рамону), а также встретился со своим учителем Патоном Прайсом. Последний живо интересовался делами Дина. И тот охотно рассказал ему о своих поездках по миру, о том, что собирается переехать жить из Рима в Восточный Берлин. Коснулись они и событий в Чили, которые тоже волновали Прайса. Он считал, что дни Альенде сочтены, поскольку ему не хватает решительности одним ударом расправиться с оппозицией. Дин неоднократно слышал подобные заявления от других людей, поэтому слова учителя встретил с пониманием. Иной раз он и сам ловил себя на мысли, что тоже

склоняется именно к такому выводу.

К тому времени ситуация в Чили продолжала оставаться напряженной. После того как **4 марта 1973 года** во время парламентских выборов правым не удалось свергнуть правительство легальным путем (левые партии получили свыше 44 % голосов), правыми был взят курс на военный переворот. Причем уверенность в его успехе правым придавало то, что он был полностью одобрен в Вашингтоне (Белый дом ассигновал на это дело несколько миллионов долларов). При этом правительство догадывалось об этих намерениях, однако предпочитало действовать законными методами: министр внутренних дел Пратс высказался против дальнейших экспроприаций, за гарантии мелким и средним собственникам и предпринимателям, за поиски широкого национального согласия даже с участием ХДП.

Между тем левые радикалы во главе с председателем Соцпартии Альтамирано выступали за репрессии и требовали отправить Пратса и его сторонников в отставку. Альенде оказался перед сложным выбором. В итоге он совершил роковую ошибку: принял сторону радикалов. После удаления Пратса позиции дискредитированных сторонников лояльности президенту в армии были подорваны. **28 июня** эти люди предприняли попытку свалить Альенде.

В тот день три группы танков и бронетранспортеров с сотней солдат направились в центр Сантьяго. Однако путч не удался, поскольку не был поддержан большинством в армии. Кроме того – Альенде был заранее предупрежден о нем советским КГБ (кстати, почти за два месяца до этого – в начале **мая** – Москва наградила Альенде Ленинской премией, которой суждено будет стать его последней прижизненной наградой). Вечером перед дворцом Ла Монеда состоялся 100-тысячный митинг, на котором Альенде заявил, что не распустит оппозиционный парламент, но прибегнет к референдуму, чтобы узнать мнение народа. Он все еще надеялся победить своих противников с помощью законных мер.

Прайс эти надежды Альенде не разделял.

– Альенде либеральничает со своими врагами, а они его не пожалеют, – говорил Прайс. – Вон, даже твой любимчик Джон Леннон сначала призывал к пацифизму, а теперь призывает к борьбе.

Дин прекрасно знал, о чем идет речь. Три года назад Джон Леннон сочинил пацифистскую песню «Дайте миру шанс», а спустя год написал уже другую – «Власть народу», где проповедовал совсем другие идеи: что «без борьбы не приходят к

власти». Даже обложка сингла выглядела соответствующим образом: на ней Леннон и Йоко Оно были изображены в военной форме.

Однако Дин знал и другое: что Леннона в его политических воззрениях часто бросает из стороны в сторону. Поэтому если раньше Дин объяснял это незрелостью политических воззрений Леннона, то теперь стал склоняться к мнению, которое ему пытался втолковать еще Купцов-старший: что все эти шатания великого «битла» – плод его эпатажа и влияния жены-японки. Особенно Дину не понравилось интервью Леннона, которое он дал левой газете «Red Mole». В нем он заявил:

«На меня нападают за то, что я требую власти для народа и говорю, что никакая группа не должна обладать ею. Бессмыслица! Народ – это не группа. Народ – это каждый. Я придерживаюсь взгляда, что каждый человек имеет равные права на владение и что сам народ должен иметь долю в предприятиях, должен решать, кому быть боссом и кто что должен делать. Ученики должны иметь возможность сами выбирать своих учителей. Это было бы что-то вроде коммунизма, но я не знаю точно, что такое настоящий коммунизм. В мире нет подлинного коммунизма. В России, например, его точно нет. Социализм, о котором говорю я, возможен в Англии, но не там, где его практикуют несколько повернутых русских. Мы хотели бы иметь здесь хороший социализм. Британский социализм…»

Пока Дин путешествовал по миру, перспективы его дальнейшей судьбы обсуждались в стане высшего восточногерманского руководства. После того как в **мае** в «Штази» стала известна информация о том, что Дин собирается жениться на Вибке Дорнбах и осесть в ГДР, Эрих Мильке немедленно доложил об этом Эриху Хонеккеру. Тот встретил эту новость вполне благожелательно. Как мы помним, Вибке была его дальней родственницей, двоюродной племянницей, поэтому ее судьба была ему небезразлична. Он знал, что долгое время личная жизнь родственницы складывалась очень непросто, и поэтому теперь был рад за нее: ведь она могла не только обрести счастье с популярным американским артистом, но и принести пользу своей родине, поскольку этот брак был очень выгоден Восточной Германии.

В последние несколько лет, когда ГДР стала предпринимать решительные шаги для своего признания в мире, на Западе началась настоящая пропагандистская вакханалия, направленная против восточногерманского государства. Какие только эпитеты не употребляли западные журналисты, называя ГДР то

«тоталитарным государством фашистского толка», то «самым безжалостным сателлитом Москвы». Одна западногерманская газета даже написала, что «ГДР убивает своих граждан, жаждущих найти свободу на Западе, так же, как нацисты убивали евреев, стремившихся вырваться из варшавского гетто». Намек был более чем прозрачен.

С тех пор как в **августе 1961 года** ГДР отгородилась от Западного Берлина бетонной стеной, минуло уже больше десяти лет, и за это время восточногерманские пограничники убили несколько десятков своих соотечественников, которые пытались перелезть через стену на территорию Западного Берлина. Про эти случаи знали все жители обоих городов, однако если в ГДР официальная пропаганда их почти не озвучивала, то западная печать писала об этом постоянно, обвиняя власти ГДР в нечеловеческой жестокости. Однако никто не писал, что эта жестокость оправданна: ведь Берлинская стена считалась государственной границей ГДР, и порядки на ней были установлены соответствующие. Любой из жителей Восточной Германии знал, что попытка пересечения этой границы карается жестоко и без предупреждения и не мог упрекнуть свои власти в том, что они его об этом не предупреждали. Между тем ни один западный журналист не писал, к примеру, что такие же порядки установлены и в других странах. Например, в тех же США, где на мексиканской границе американские пограничники так же безжалостно стреляют в «мокрые спины» – перебежчиков из числа мексиканцев, пытающихся переплыть Рио-Гранде. Причем, в отличие от ГДР, на Рио-Гранде только за один год таким образом погибают тысячи людей.

Когда Мильке доложил Хонеккеру о желании Дина Рида остаться в ГДР, глава Восточной Германии тут же увязал этот вопрос с проблемой перебежчиков.

– Это будет хорошим поводом для того, чтобы вставить хорошую пилюлю западным борзописцам, – сказал Хонеккер. – На примере Дина Рида можно будет показать, что от нас не только люди бегут, но и едут к нам на постоянное место жительства.

Мильке целиком и полностью был согласен с Хонеккером. Сидя в удобном кресле в кабинете главы восточногерманского государства, Мильке чувствовал себя человеком, который с честью выполнил свой долг и теперь имеет полное право надеяться на какое-то поощрение. Поощрение шеф «Штази» получил, но исключительно в виде похвалы, которую Хонеккер отпустил в его адрес спустя несколько минут. После чего хозяин кабинета поинтересовался:

– В прошлый раз ты говорил, что у русских есть какие-то

подозрения насчет Дина Рида. Они подтвердились?

– Точных сведений об этом по-прежнему нет, – ответил Мильке. – Но русские обещают уведомить нас об этом сразу же, как только появится дополнительная информация.

– А наши источники могут нам в этом помочь?

– Мы уже ориентировали их на это. Послана шифровка в наше посольство в США, и даже перед Люттихом поставлена та же задача.

Майор Эберхард Люттих был единственным восточногерманским агентом-нелегалом «Штази» в США, который был направлен туда как раз в те самые летние дни **1973 года**. Он имел на руках поддельные документы на имя Ганса-Дитриха Штейнмюллера из западногерманского портового города Гамбурга. Став разведчиком четыре года назад, Люттих с блеском окончил разведшколу и получил статус офицера действующего резерва (Offizier im besonderem Einsatz). Он должен был осесть в Нью-Йорке под видом торгового агента в филиале крупной западногерманской транспортной фирмы «Шенкер энд Компани». Помимо сбора информации о передвижениях личного состава посольств и воинских частей в его задачи также входило обзаводиться связями в различных американских учреждениях с целью вербовки агентов для «Штази».

Выслушав ответ Мильке и вполне удовлетворенный им, Хонеккер сообщил:

– Я беседовал с Норденом, так вот он считает, что Дин Рид абсолютно чист и все эти разговоры о его возможном сотрудничестве с американской разведкой – «утка», запущенная самими же американцами.

– Я тоже так считаю, – кивнул головой Мильке. – Дин Рид делает много полезного для нашего дела и может принести еще больше пользы, если мы не отпугнем его своими подозрениями. Однако я прошу, Эрих, разрешить моим людям наблюдать за ним. Так сказать, на всякий случай.

Хонеккер прекрасно понял, о чем идет речь. Ведь после того, как Дин Рид официально женится на Вибке, перед «Штази» встанет весьма щекотливая задача – следить за мужем родственницы главы государства. Поэтому после короткой паузы Хонеккер ответил:

– Можешь считать, Эрих, что в этом деле руки у тебя развязаны.

Тем временем в субботу **28 июля 1973 года** в Восточном Берлине открылся X Всемирный фестиваль молодежи и студентов. На этот форум съехались свыше 20 тысяч человек, представляющих 1700 молодежных организаций из 140 стран. Почему местом проведения была выбрана именно столица ГДР, объяснялось просто. Эта страна делала все возможное, чтобы прорвать свою дипломатическую изоляцию, и весьма преуспела на этом поприще. В **августе** и **декабре 1970 года** ФРГ подписала договоры с СССР и Польшей, где признала в международно-правовой форме территориальную целостность всех государств Европы, признала границу по Одеру – Нейсе в качестве западной

границы Польши и охарактеризовала государственную границу между ГДР и ФРГ как нерушимую. Спустя год, в **сентябре 71-го**, было подписано четырехстороннее соглашение между СССР, США, Великобританией и Францией по Западному Берлину, в котором четыре державы подтвердили, что Западный Берлин не является частью ФРГ и не может управляться ею. Это была еще одна победа Восточной Германии и ее верного союзника СССР. Затем последовала еще одна: в **декабре 1972 года** ГДР и ФРГ подписали Договор об основах отношений.

В **1972 году** дипломатические отношения с ГДР установили такие капиталистические государства Европы, как Швейцария, Швеция, Австрия и Бельгия. Другие государства сделали этот шаг в **1973 году**, и к моменту проведения Всемирного фестиваля молодежи и студентов ГДР поддерживала дипломатические отношения со 100 странами. Все шло к тому, что в сентябре этого же года ГДР, как и ФРГ, должна была быть принята в члены ООН.

Фестиваль начался с торжественного момента: на поле стадиона был вынесен флаг с фестивальной эмблемой, а также шесть красочных плакатов с девизом Всемирного фестиваля на разных языках. После этого началось фестивальное шествие – круг почета участников фестиваля. Колонну возглавляла делегация из Болгарии, страны-хозяйки предыдущего фестиваля. Замыкали колонну хозяева форума – представители ГДР. После того как все участники выстроились на стадионе, слово взял председатель Всемирной федерации демократической молодежи Роберто Виецци. Он объявил об открытии X Всемирного фестиваля молодежи и студентов. На поле вынесли 9 факелов, и один из факелоносцев – олимпийский чемпион по прыжкам с шестом Вольфганг Нордвиг – зажег огонь в Большой чаше стадиона. Одновременно с этим в воздух были запущены десятки голубей – символов мира.

За этим действом непосредственно на стадионе наблюдали 60 тысяч человек, а миллионы остальных людей – по телевизору (прямая телевизионная трансляция этого события велась на десятки стран). На стадионе также находилось и все восточногерманское Политбюро во главе с Эрихом Хонеккером. Последний выступил с речью сразу после того, как был зажжен огонь в Большой чаше. Затем началась спортивная часть: выступления членов спортивно-гимнастического союза ГДР. Закончилось торжественное открытие звуком 1200 фанфар и пением Гимна демократической молодежи.

29 июля начались непосредственные фестивальные мероприятия. Все они прошли под эгидой Дня солидарности с народами, молодежью Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. На митинге,

организованном в тот день, выступили многие ораторы, в том числе и представитель Советского Союза – секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Пастухов (кроме на него на фестиваль прилетели еще несколько высокопоставленных советских деятелей: глава ВЛКСМ Евгений Тяжельников, руководитель Комитета советских женщин Валентина Терешкова, секретарь Советского комитета ветеранов войны Алексей Маресьев).

В этот же день в Восточный Берлин прилетела Анджела Дэвис. В аэропорту ее встречали как национальную героиню тысячи людей. От восточногерманского руководства Дэвис встречали главный идеолог Герман Аксен и первый секретарь центрального совета Союза свободной немецкой молодежи Гюнтер Ян.

Во второй половине дня участники фестиваля провели субботник в Трептов-парке – собственноручно посадили на его аллеях 5500 розовых кустов. А вечером взял старт фестиваль политической песни, в котором должны были участвовать 90 ансамблей и солистов. Дин Рид тоже был заявлен в числе участников этого фестиваля, но должен был включиться в него через несколько дней. Дело в том, что в это время он хоть и был в ГДР, но был занят сугубо личными делами – он женился на Вибке Дорнбах. Эта церемония состоялась **31 июля** в городке Дебельне (28 тысяч жителей) рядом с Лейпцигом, где проживала невеста. К слову, рядом с Дином в те дни была и его 5-летняя дочь Рамона, которую он привез из США, чтобы вдоволь насладиться ее обществом.

А молодежный фестиваль тем временем продолжается. **31 июля** на Люксембург-плац был проведен очередной митинг солидарности – на этот раз с народом Чили. Звучали речи в поддержку президента Альенде, проклятия в адрес его врагов. Между тем мало кто из тех, кто принимал участие в этом митинге, догадывался, сколь опасная для Альенде ситуация сложилась в Чили. Ведь восточногерманские газеты хоть и писали о трудностях, переживаемых этой латиноамериканской страной, однако старались сглаживать свои комментарии оптимистическими прогнозами.

Зато руководители ГДР были прекрасно осведомлены о тяжелом положении Альенде. И **31 июля** именно об этом Хонеккер говорил с Брежневым в Крыму, куда руководитель ГДР прилетел с коротким визитом. В эти самые дни в Чили бастовали все водители грузовиков, и деньги на эту забастовку – 50 тысяч долларов – выделило ЦРУ. А еще в Сантьяго был убит заговорщиками военно-морской адъютант Альенде – капитан первого ранга Артуро Арайа. В связи с этим в стране был

объявлен трехдневный траур.

Посольство США в Сантьяго и тамошнее отделение ЦРУ работали не покладая рук. Стоит отметить, что во главе этих учреждений стояли опытные заговорщики: Натаниэль Дэвис (посол) и Реймонд Уоррен (резидент ЦРУ) имели за плечами опыт успешного переворота в Гватемале в **1954 году**. По задумкам ЦРУ и чилийской оппозиции, осенью должно было произойти смещение Альенде с его поста. Заговорщиками была определена и кандидатура нового руководителя – им должен был стать начальник Генерального штаба Аугусто Пиночет.

Дин Рид приехал в Восточный Берлин **1 августа** и попал, что называется, с корабля на бал: вместе со своим приятелем и переводчиком Виктором Гроссманом (бывшим американцем, который теперь жил в ГДР) он сразу отправился на Люксембург-плац, где на открытой эстраде продолжался фестиваль политической песни. Когда Дин с гитарой в руках появился на сцене, многотысячная толпа встретила его бурей аплодисментов. Дин спел несколько революционных песен, в том числе «Венсеремос» и свою новую песню «Мы скажем „да“.

Мы – молодые люди
всех человеческих рас —
споем о том, что любим,
о том, что мучит нас.
Пусть черный, желтый, белый —
мы об одном споем,
летит над миром целым
та песня о родном.
Протянем другу руку,
выстраиваясь в ряд,
и полетит по кругу
доверье без преград.
Мы скажем: да, товарищ,
мы скажем: йес, ванг, йа,
среди земных пожарищ
мы – дружная семья…

Аккомпанировал Дину самодеятельный ансамбль. Следом на сцену вышли советский ВИА «Песняры» (исполнили песню «Комсомольский билет») и кубинский секстет «Мангуаре»; французский певец Морис Фаннон спел песню «Коммунисты».

Затем Дин присутствовал на митинге солидарности с борьбой молодежи и студентов США на Бебель-плац. Там с речью выступила Анджела Дэвис. Тогда-то Дин с ней и познакомился.

Однако сказать, что эта встреча была слишком теплой, нельзя. Дэвис хоть и выказала радость от встречи со своим земляком, однако едва представилась возможность покинуть его общество, так тут же это и сделала. То ли спешила очень, то ли еще что-то. А вот с другим человеком, с которым Дин познакомился на этом же фестивале, у него сложились самые хорошие отношения. Это был глава Организации освобождения Палестины Ясир Арафат.

Арафат с молодости включился в борьбу за освобождение Палестины от израильской оккупации. Эта борьба началась в **1948 году**, когда Израиль захватил большую часть земель, предназначенных для арабов (согласно решению Ассамблеи ООН от **29 ноября 1947 года**, на территории Палестины ликвидировался английский мандат и должны были быть образованы два государства: еврейское и арабское). Арафату в ту пору было 19 лет. Спустя десять лет, в **1959 году**, он уже возглавил самую крупную и влиятельную организацию палестинцев – Национально-освободительное движение Палестины (ФАТХ). А еще через пять лет на свет появилась ООП, которую на конференции глав арабских государств и правительств признали официальным представителем арабского народа (в структуре ООП детище Арафата играло доминирующую роль).

Спустя несколько лет после конференции на ООП обратили внимание в Кремле, создав с ней специальный канал связи. В планах Кремля ООП была именно той организацией, которая могла реально бросать вызов Израилю. И даже поражение арабов в войне **1967 года** не заставило советское руководство отвернуться от ООП – их контакты не только продолжались, но и расширялись. То же самое касалось и союзников СССР.

Отношения с ООП Восточная Германия наладила еще в середине 60-х. Тогда некоторые ближневосточные страны разорвали отношения с ФРГ (та тайно поставляла оружие Израилю и вообще симпатизировала этой стране, чувствуя себя косвенно виновной за зверства фашистов по отношению к евреям) и повернулись лицом к ее соседу. С тех пор Арафат превратился в одного из самых доверенных лиц на Ближнем Востоке для «Штази». Особенно он близко сошелся с Хонеккером, который сразу после прихода к власти взялся укреплять плацдарм на Ближнем Востоке и наладил тесное сотрудничество с разведслужбами Египта, Ливии, Сирии и ООП. Поэтому приглашение Арафата на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Восточном Берлине не вызвало ни у кого удивления.

Арафат хорошо знал Дина Рида, однако заочно. Лидер ООП прекрасно понимал, какую большую роль на идеологическом

фронте играет этот американец, поэтому давно вынашивал мысль познакомиться с ним поближе. И когда узнал, что Дин тоже будет на фестивале, попросил работников ЦК СЕПГ устроить ему такую встречу. Что касается Дина, то, когда ему сообщили, что с ним хочет встретиться председатель ООП, он был польщен и удивлен одновременно.

До недавнего времени у него было двоякое отношение к Арафату и его организации. Он был на стороне палестинцев в их борьбе за свои территории, оккупированные Израилем, но в то же время осуждал акты терроризма, которые прокатились по Европе в начале 70-х и к которым имели отношение палестинцы. Дин знал, что Арафат всячески отмежевывался от этих терактов, но в то же время он был осведомлен, что во главе организации «Черный сентябрь», которая совершила один из самых кровавых налетов последних лет – убийство 11 израильских спортсменов на Олимпиаде-72 в Мюнхене, – стоит заместитель Арафата и его ближайший соратник Абу Иад. Поэтому на встречу с Арафатом Дин шел с определенной опаской. Однако это внутреннее напряжение длилось недолго, поскольку Арафат сумел сразу расположить к себе собеседника. Первое, что он сказал Дину, когда тот появился на пороге кабинета (лидер ООП хорошо говорил по-английски), было:

– Я недавно был в Бейруте и всюду видел ваши плакаты. Там демонстрировали фильм с вашим участием.

– Что за фильм? – поинтересовался Дин.

– Не помню, но, кажется, какой-то свежий итальянский боевик.

Дин предположил, что это мог быть его последний «спагетти-вестерн» «Кулак, фасоль… и карате», который только что вышел в прокат.

Между тем тема кино на этом была благополучно забыта, и Арафат перевел разговор на главную тему:

– Вы, Дин, человек очень популярный в мире, в том числе и в арабских странах. А это очень большая редкость, поскольку арабы к большинству американцев относятся если не враждебно, то настороженно. Поэтому я давно хотел с вами познакомиться. И вот такая удача: мы оказались в одном и том же месте и в одно и то же время.

Их беседа длилась больше часа и принесла обоим много полезного. Особенно был удовлетворен ее итогами Арафат: он понял, что нашел в лице Дина самого горячего сторонника многих из своих идей. А это означало только одно: впереди их ждут новые встречи, еще более плодотворные и тесные, чем эта.

Между тем среди участников фестиваля с быстротой молнии

распространился слух, что умер бывший председатель СЕПГ Вальтер Ульбрихт. Слух оказался правдой: бывший хозяин ГДР скончался **1 августа** в 12.55. Сами немцы зло шутили, что так покойный отомстил Хонеккеру за свою отставку в 71-м. В этой шутке была своя доля правды: смерть Ульбрихта явилась настоящей головной болью для руководителей страны. В итоге было решено не омрачать фестиваль похоронами и провести их сразу после закрытия молодежного форума.

4 августа в центре Восточного Берлина, на проспекте Маркса, прошла демонстрация под девизом «Народ, молодежь и студенты ГДР строят социализм». Дин стоял на трибуне рядом с Хонеккером, Арафатом, Терешковой и другими. Кстати, со своим высокопоставленным родственником – Хонеккером – Дин близко познакомился именно тогда. Перед самым началом демонстрации они пожали друг другу руки, и Хонеккер сообщил, что его жене и дочери очень нравятся песни Дина.

– А вам они не нравятся? – поинтересовался Дин.

Хонеккер засмеялся и сказал:

– Я тоже слушаю их с удовольствием.

Во второй половине Дин отправился на очередной концерт – на этот раз на Александр-плац. Вот как об этом пишет Ханс Дитер Байер:

«В те августовские дни 1973 года все улицы и площади в центре Берлина – сплошная пешеходная зона, заполненная пестрой поющей и смеющейся толпой. И хотя за ветровым стеклом автомашины явственно виден пропуск, машина еле двигается.

Особенно много народу на Александр-плац, где десятки тысяч людей держат в осаде многочисленные трибуны.

Дина, который в эти дни дает концерт за концертом, с нетерпением ждут на площади… Дин сердцем рвется на площадь, но его машина ползет как улитка. Недалеко же от Александр-плац она и вовсе застревает. Водитель беспомощно пожимает плечами. Рид в отчаянии, он еще плохо знает немецкий и не может объяснить людям, которые окружили машину и машут ему руками. Переводчик Виктор Гроссман тоже в растерянности.

Но вдруг приходит спасение: патрульная полицейская машина. Товарищи в белых фуражках узнают молодого американца и сразу понимают, что случилось. Бело-зеленый «Вартбург» берет машину певца в кильватер, включается сирена, и… певца доставляют на концерт…»

Выступление Дина зрители встретили ликованием, а его песню «Мы скажем „да“, которая в эти дни звучит из всех репродукторов и поэтому выучена наизусть, подхватили тысячи

голосов:

Враг шепчет прямо в ухо:
«Зачем друзья тебе,
подумай не о друге —
о собственной судьбе…»
До нас вам не добраться,
нет, толстосумы, нет,
мы в дружбе ищем счастье
и крикнем вам в ответ.
Мы крикнем: да, товарищ,
мы крикнем: йес, ванг, йа,
среди земных пожарищ
мы – дружная семья!

5 августа Дин выступал в концерте для гостей фестиваля на Белом озере. Причем зрители, собравшиеся в тот день перед импровизированной сценой, поначалу думали, что действо не состоится: незадолго до начала представления хлынул ливень. Однако концерт все равно начался. Вместе с Дином на сцене в тот день свое искусство зрителям дарили Манфред Круг (с этим киноактером Дину еще предстоит работать в совместном фильме), Вольфганг Циглер, звезда чехословацкой эстрады Хелена Вондрачкова и др.

6 августа состоялось торжественное закрытие фестиваля. Мероприятия начались на Александр-плац, а к вечеру переместились на площадь Маркса – Энгельса. Тремя мощными потоками начала стекаться сюда молодежь (около 750 тысяч человек). Посреди площади, в лучах множества прожекторов, высилась трибуна, где находились руководители ГДР и другие высокопоставленные деятели из числа гостей фестиваля. Дина на трибуне не было – он выступал на одной из эстрад все с той же песней «Мы скажем „да“, которая превратилась в неофициальный гимн фестиваля, поскольку ее пели, чуть ли не на каждом углу. Чуть позже он принял участие и в заключительном концерте, где помимо него также выступали чилийский ансамбль „Венсеремос“, вьетнамские артисты с „Танцем цветов“ и др. И снова Дин пел „Мы скажем «да“.

От По до Амазонки,
от Ганга до Куры
звучит напев наш звонко,
что люди все добры.
Мир – не для лиходеев,

планета – для людей,
пусть золотом владеют —
идеи посильней!
Вся молодость планеты
выходит на парад,
и каждый в жизни этой —
сестра, товарищ, брат.
Мы скажем: да, товарищ,
мы скажем: йес, ванг, йа,
среди земных пожарищ
мы – дружная семья!

После фестиваля Дин две недели наслаждался «медовым месяцем» с Вибке. Все, кто видел его в те дни, говорят, что выглядел он как настоящий молодожен: буквально светился от счастья. Вместе с женой они посетили премьеру первого восточногерманского фильма Дина Рида «Из жизни одного бездельника», который вот уже два месяца демонстрировался на экранах. Нельзя сказать, что фильм потряс зрителей чем-то необычным, однако люди шли на него очень охотно, и именно потому, что на афишах значилось имя Дина Рида.

Во второй половине **августа** Дин отправился в Чили, чтобы участвовать в мероприятиях в поддержку президента страны Сальвадора Альенде. **25 августа** Дин выступил по чилийскому ТВ с призывом к народу объединиться вокруг президента. Однако надежды на такое объединение таяли с каждым днем.

В те дни Дин часто встречался со своим другом и коллегой певцом Виктором Харой. К тому времени тот уже вступил в компартию Чили и стал членом ее Центрального комитета (в **1972 году**). С концертами Хара выступал редко, зато работал как режиссер: ставил торжества в честь компартии, а также спектакли. С Дином они тогда много общались, обсуждая сложившуюся в Чили обстановку.

Хара всерьез опасался, что в стране может произойти военный переворот. Дин тоже разделял это мнение. В то же время они видели, что Альенде предпринимает определенные шаги, чтобы не допустить этого, но у него это плохо получается – слишком много ошибок было сделано прежде. Даже встреча с лидером ХДП Эйлвином, которую Альенде устроил в начале **августа** кардинал Рауль Сильва Энрикес, не помогла.

На ней лидер ХДП предложил президенту объявить вне закона все параллельные вооруженные формирования, возвратить владельцам экспроприированные предприятия и поместья,

освободить телеканал, не допускать национализации компании по производству бумаги, так как эта акция угрожает свободе печати. Но главное, на чем настаивал Эйвлин, – срочно подписать закон о поправке к конституции, касающейся форм собственности. «Вам надо определиться, сеньор президент, – говорил лидер ХДП. – Нельзя одновременно быть другом Альтамирано и военно-морского флота. Вы не можете в одно и то же время защищать демократию и поддерживать вооруженный путь борьбы».

Однако Альенде на эти условия не согласился, поскольку они фактически перечеркивали все, чего он добился за годы своего президентства. Вместо этого **8 августа** он назначил генерала Пратса министром обороны с сохранением поста главнокомандующего сухопутными войсками. Но спустя две недели тот под давлением оппозиции подал в отставку. На его место пришел генерал Аугусто Пиночет.

– Я этому человеку не доверяю, – обозначил свое мнение о Пиночете Хара. – Этот вышколенный служака – хороший кандидат на роль главаря военного путча. И то, что вместо Пратса пришел именно он, – дурной знак.

Дин плохо знал Пиночета – видел его только один раз на инаугурации Альенде, поэтому спорить с Харой не стал, целиком положившись на его мнение. Как покажут дальнейшие события, Хара окажется прав. К тому времени, когда Пиночет стал главкомом, он уже был главой законспирированного заговора и только ждал удобного момента, чтобы свергнуть законного президента. Как выскажется он сам много позже: «Когда **23 августа** я принял командование, решение о перевороте определилось окончательно».

В эти же дни в Чили приехала и возлюбленная Дина Эве Киви. Она приехала туда не одна, а в составе советской кинематографической делегации, чтобы присутствовать на Неделе советских фильмов (Киви представляла картину «Руслан и Людмила»). К тому времени Эве уже была прекрасно осведомлена о том, что Дин женился на Вибке и перебрался к ней в ГДР. Поэтому, когда в Сантьяго Дин и Эве встретились, первое, что она спросила у него:

– Интересно, ты ей в постели мешок на голову надеваешь?

Намек был более чем прозрачен: Вибке и в самом деле проигрывала Киви в красоте. Дин в ответ попытался оправдаться: дескать, не он же виноват в том, что советские власти не захотели разрешить ему жить в СССР.

– Но это не повод для того, чтобы жениться на первой встречной, – парировала Киви. – Как же быть с любовью ко мне, о

которой ты мне прожужжал все уши?

– Любовь осталась, а то, что произошло с той женщиной, – просто необходимость, – ответил Дин.

– Хорошо ты устроился, – засмеялась Киви. – Жить будешь с ней, а любовь крутить со мной. В таком случае я тоже вольна вести себя свободно.

И уже в ближайшем будущем Киви подтвердила свои слова делом: влюбила в себя личного врача Альенде. Звали его Данило Бартулин (он был внуком югославских переселенцев), а на Киви он обратил внимание во время торжественного приема в честь открытия Недели советских фильмов. Данило, который внешне напоминал французского актера Жан-Поля Бельмондо, подошел к актрисе и сказал: «Позвольте мне только смотреть на вас… Любоваться вами!»

Чуть позже, когда Данило будет уже без ума от Киви, он преподнесет ей в качестве подарка жемчужину Саргассова моря – огромную розовую раковину, сопроводив свой подарок словами: «Ми амор, когда будешь скучать по мне, приложи ее к уху – шум моря напомнит тебе мою любовь».

Об этом романе Дин узнал практически сразу и был крайне уязвлен этим. Но что он мог поделать в этой ситуации? Только скрипеть зубами от бессилия и злости. В порыве отчаяния он подарил Киви свою свежую фотографию, на обороте которой написал: «Желаю счастья с твоим Данило!»

К слову, у Дина в Чили тоже была женщина – актриса кабаре Нута Дювал. Позднее она будет вспоминать о Риде не очень лестно. По ее словам, «Дин был политическим наркоманом. После секса он любил поговорить о Марксе и Энгельсе».

Между тем личный врач Альенде оказался не единственным кавалером Киви в те дни. Еще в нее влюбился один из охранников Альенде по имени Эдуардо. Самое интересное, что познакомил их… сам Данило. Он тогда уезжал по срочным делам в Мексику и попросил, чтобы именно Эдуардо охранял Киви. Эта просьба не была лишней. Дело в том, что Киви за те дни, что находилась в Сантьяго, уже успела навлечь на себя злобу со стороны экстремистской организации «Партия и либертад»: она позволила себе на открытии Недели советских фильмов облачиться в красное платье. И на следующий день многие чилийские газеты вышли в свет с аршинными заголовками: «Экраны Чили перекрашены в красный цвет!» Если учитывать, что в те дни экстремисты обстреливали советское посольство и бросили бомбу на территорию кубинского представительства, то Киви вполне могла угрожать опасность.

Когда Данило уезжал в Мексику, он сказал Киви: «Эвита, я

должен срочно уехать. Но я приставлю к тебе самого надежного человека. Если он рядом с тобой, я могу быть спокоен». Киви не стала возражать, а когда увидела этого человека, то оказалась пленена его красотой. В Эдуардо удивительным образом слились красота Кларка Гейбла и отчаянная жестокость убийцы. Это был настоящий мачо! К счастью Дина, на тот момент, когда Киви познакомилась с Эдуардо, его уже не было в Чили – он уехал в Уругвай, чтобы **27 августа**, по приглашению 1-го секретаря ЦК КП Уругвая Роднея Арисменди, принять участие в фестивале искусств в Монтевидео, проходившем под эгидой газеты уругвайских коммунистов «Популар».

С Киви Дин расстался вполне миролюбиво, и они даже собирались встретиться через пару недель в Аргентине, куда Дин должен был прилететь из Лондона (интервью с ним собирался показать один из тамошних телеканалов). Однако этой встрече не суждено будет осуществиться: в Аргентину Дина не пустили, и он вернулся в ГДР, к своей законной супруге. Именно там его и застала страшная весть из Чили: **11 сентября** там произошел вооруженный переворот, в результате которого президент Сальвадор Альенде погиб во дворце Ла Монеда с оружием в руках. Во главе переворота стоял генерал Аугусто Пиночет. О подробностях путча мир узнает не сразу, а спустя много месяцев, когда некоторые его участники покинут Чили и начнут давать многочисленные интервью. Согласно этим рассказам, переворот выглядел следующим образом.

Путч не случайно начался **11 сентября**: на этот день Альенде назначил референдум о доверии главе государства. Он заявил, что если народ проголосует против него, то он сложит с себя президентские полномочия. Альенде был уверен, что победит. Ведь совсем недавно, **4 сентября**, в Сантьяго состоялась грандиозная демонстрация в его поддержку, которая собрала около миллиона человек! Однако до референдума дело так и не дошло. В 6 часов утра в Вальпараисо восстали военно-морские силы. Узнав об этом, Альенде простился с женой и отправился в Ла Монеду. Туда же прибыли его сотрудники, а также две дочери президента – Беатрис и Исабель. Причем Беатрис была беременна, однако покидать дворец наотрез отказалась. Альенде только покачал головой.

В 7.50 утра по радио было зачитано заявление военной хунты, требующей передать всю власть в стране в ее руки. У Альенде еще оставалась возможность добровольно заявить о своей отставке. Но он вместо этого отдал приказ готовить Ла Монеду к обороне. Своим сотрудникам он сказал: «Если бы я мог оказаться в другом месте для продолжения борьбы, я бы это

сделал. Но я в Ла Монеде, и именно здесь я буду бороться и погибну, если потребуется».

Около девяти утра во дворец позвонил Пиночет и предложил Альенде самолет и гарантии вылета в любую страну мира. «А что будет, если я не соглашусь?» – спросил президент. «Тогда мы начнем штурм», – последовал ответ. Услышав это, президент буквально взорвался, закричав в трубку: «Вы разговариваете с президентом республики, президент, избранный народом, не сдается! Сдаются только трусы. Такие, как вы».

Потом некоторые будут упрекать Альенде в этом поступке. По мнению этих людей, президенту следовало искать поддержку в рабочих кварталах Сантьяго. Тогда у него был бы шанс выиграть сражение. Но он выбрал оборону Ла Монеда, видимо побоявшись вовлекать плохо вооруженных трудящихся в кровопролитную бойню с регулярными войсками. Самое удивительное, что и рабочие в подавляющей массе своей не пришли на выручку своему президенту.

Спустя несколько минут авиация начала бомбить радиостанции, призывающие население выступить в поддержку «Народного единства». В эфире оставалось только радио компартии «Магальянес», к которому подключился Альенде и обратился со своей последней речью к народу:

– Трудящиеся моей родины! Я благодарю вас за верность, которую вы всегда проявляли, за доверие, оказанное вами человеку, который был лишь выразителем глубоких чаяний справедливости и который, поклявшись уважать конституцию и закон, сдержал свое слово.

Штурм дворца начался в 11.00. Однако первая атака была отбита защитниками Ла Монеды. Потом в народе будут ходить разговоры, что Альенде из гранатомета лично подбил один из танков. После первой атаки Альенде предложил карабинерам из президентской охраны покинуть дворец. Те подчинились.

Вскоре с президентом вновь связались заговорщики и сообщили, что дворец будет подвергнут бомбардировке. Альенде попросил выждать несколько минут с налетом, чтобы находившиеся во дворце женщины могли его покинуть. Это условие было принято. В 12.00 начался авианалет. Как будет вспоминать один из защитников дворца Кинтин Ромеро: «Мы увидели огромную дыру в стене, образовавшуюся от снаряда, пущенного из танка, а сверху посыпались осколки бомб. Все попрятались по углам. Загорелись ковры и гобелены. Было ужасно. Ползком, на четвереньках, доползли до зоны огня и стали сбивать пламя диванными подушками…»

После налета авиации Альенде направил к заговорщикам

парламентеров. Однако заговорщики сочли, что президент просто тянет время, рассчитывая, что вскоре ко дворцу подоспеет помощь из числа рабочих отрядов. Поэтому Альенде сообщили, что, если он в течение нескольких минут не сложит оружие, авианалет продолжится. Альенде подумал… и согласился. Он разрешил своим людям выходить из дворца, а сам отправился в помещение под названием Салон независимости, чтобы, как он выразился, уничтожить последние бумаги. Однако живым он оттуда уже не вышел. По словам его телохранителя Давида Гарридо:

«Я видел, как президент простился с каждым по очереди. Мне он сказал: „Компаньерос, большое тебе спасибо, желаю тебе счастья и везения“. В помещении нечем было дышать. Дым проникал отовсюду. Мы задыхались. Я находился в конце коридора, почти напротив личного кабинета президента, и видел, как Альенде вошел в кабинет. Я решил дождаться его выхода, чтобы сопровождать его. Со мной рядом стояли комендант дворца Энрике Уэрта и два охранника. И тут я услышал твердый голос президента: „Альенде не сдается…“ И сразу же два-три выстрела. Кто-то стоявший рядом прошептал: „Президент покончил с собой“. Я со своего места через приоткрытую дверь увидел сидящего за столом Альенде, его голова была откинута назад. По стене стекала кровь…»

Сразу после падения Ла Монеды заговорщики объявят на весь мир, что президент Сальвадор Альенде покончил жизнь самоубийством. Однако большинство людей не поверят в эту новость: многие полагали, что эта версия возникла специально, чтобы бросить тень на президента-мученика и оправдать путчистов, которые утверждали, что не хотели убивать Альенде, а готовы были выслать его в Мексику. «Альенде убили заговорщики, изрешетив его тело десятками пуль», – будут долгие годы писать все левые издания. Что касается Дина Рида, то он первое время будет думать точно так же.

Версия, которую долгое время озвучивали левые издания, выглядела следующим образом. Альенде был убит одним из телохранителей Пиночета капитаном Рене Риверосом, который застрелил президента в Красном зале Ла Монеды. Потом тело мертвого Альенде перенесли в Зал независимости, где он обычно принимал посетителей. Чтобы скрыть раны, вместо простреленной одежды на него надели другой костюм, уложили на диван, а голову прострелили из автомата, подаренного Альенде его близким другом – лидером Кубы Фиделем Кастро.

Когда в народе пошли слухи, что все это – грубая инсценировка пиночетовских спецслужб, глава хунты создал

специальную комиссию по расследованию причин смерти Альенде, поставив во главе ее одного из своих подручных Хорхе Эспиносу. Вскоре комиссия вынесла официальное заключение: Альенде покончил жизнь самоубийством. Однако даже этот вердикт так и не рассеял сомнения людей, которые верили, что Альенде погиб от пуль заговорщиков. Хотя, по большому счету, разве столь важно было, как погиб президент: важно было другое – он погиб, хотя имел все шансы спастись, приняв предложение Пиночета о капитуляции. Трусы так не поступают. Как скажет Фидель Кастро: «Ни один президент на американском континенте не совершал столь драматического подвига, как это сделал Сальвадор Альенде».

Всю вторую половину **сентября** Дин каждый день включал свой радиоприемник и с содроганием слушал передачи, где речь шла о путче в Чили. И слезы буквально застилали ему глаза. Так он узнал о гибели и похоронах Альенде (его захоронили в Виньядель-Мар, на кладбище Санта-Инес, в фамильном склепе Грове Альенде, но подробности этих похорон до Дина дойдут позже), о смерти Пабло Неруды, последовавшей вскоре после путча – **23 сентября** (у поэта был рак). Еще одна скорбная весть касалась Виктора Хары – сообщалось, что путчисты убили его в первые же дни переворота на стадионе «Чили», который был превращен в огромный концлагерь. О том, как погиб его друг, Дин в подробностях узнает тоже значительно позже.

В тот роковой день **11 сентября** Хара должен был выступать в Техническом училище в Сантьяго на выставке «За жизнь. Против фашизма» (на нее должен был приехать и Альенде). Когда начался путч, жена Виктора Джоан стала волноваться за него, однако никаких вестей от Хары не поступало. И только вечером он наконец объявился: позвонил жене по телефону и сообщил, что домой придет завтра утром из-за комендантского часа. Но ни на следующий день, ни в последующие Хара домой так и не пришел – его арестовали.

Утром в училище пришли солдаты и стали избивать всех подряд. Хара успел незаметно выбежать из училища и даже сел в свой автомобиль. Однако кто-то из солдат заметил это и заставил его выбраться наружу. Его обыскали, но никаких документов не нашли (Хара предусмотрительно избавился от них еще в училище). Однако когда его привезли на стадион «Чили», там его узнал унтер-офицер. «Ты и есть тот самый дерьмовый певец, а?» – засмеялся офицер и ударил Хару сначала кулаком в лицо, а затем стал избивать и ногами. На следующий день Хару отвели в подвал, чтобы разъединить его с другими заключенными. **14 сентября** Хара раздобыл карандаш и клочок бумаги, на котором

написал свое последнее стихотворение под названием «Нас здесь пять тысяч». В тот же день его расстреляли в одном из подтрибунных помещений. За две недели до его 39-летия.

О том, что ее муж погиб, Джоан Хара узнала случайно, благодаря смелости одного молодого человека. После того как Хару расстреляли, его тело вместе с пятью такими же расстрелянными мучениками палачи выбросили с грузовика неподалеку от стадиона – в районе Сан-Мигель, рядом с кладбищем Метрополитано. Там их и нашли жители района. Вызвали медиков, и те увезли тела в морг.

Этим трупам была уготована общая судьба – лежать в безымянной могиле. Однако один из работников морга – 20-летний парень по имени Эктор – узнал Хару и пошел на риск: разыскал адрес Джоан Хара в архивах Отдела регистрации населения. И Джоан немедленно приехала в морг, чтобы забрать мужа. Как будет вспоминать она сама много позже: «Это был Виктор, хотя он выглядел изможденным и худым… Что же с тобой делали, что ты так истаял за одну неделю? Глаза его открыты и, кажется, продолжают смотреть вперед с негодованием и вызовом, хотя на голове рана, а на щеке – ужасные кровоподтеки. Одежда на нем изодрана, брюки упали до колен, свитер складками собрался под мышками, синие кальсоны клочьями свисают с бедер, словно изрезанные ножом или штыком… грудь изрешечена дырами, а на животе – зияющая рана (всего на теле Хары было 44 пулевых ранения, из которых 32 были сквозными. – *Ф. Р.*). Его руки висели под странным углом к предплечьям, словно ему переломали запястья… Но это был Виктор, мой муж, мой возлюбленный».

Все эти подробности Дин узнает через несколько лет, когда приступит к работе над фильмом «Эль Кантор» («Певец»), посвященным памяти Виктора Хары. А пока он продолжает жить привычной жизнью: выступает с концертами, готовится к съемкам очередного фильма на «ДЕФА». Так, **22 сентября**, в свой 35-й день рождения, Дин выступал в одном из замков в городе Фридрихе. Этот концерт записывался телевидением для очень популярной в ГДР эстрадной программы «Пестрый котел».

Спустя месяц Дин уже был в Москве, чтобы участвовать в работе Всемирного конгресса миролюбивых сил. Этот представительный форум, собравший 3200 делегатов из 144 стран, проходил **25–31 октября** в Кремлевском Дворце съездов.

Первое заседание конгресса началось в 16.00 **25 октября**. На него пришло все советское Политбюро в полном составе: Леонид Брежнев, Андрей Громыко, Андрей Кириленко, Алексей Косыгин, Федор Кулаков, Кирилл Мазуров, Арвид Пельше, Николай

Подгорный, Дмитрий Полянский, Александр Шелепин. Из кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК были следующие деятели: Петр Демичев, Борис Пономарев, Дмитрий Устинов, Владимир Долгих, Иван Капитонов, Константин Катушев.

В президиуме конгресса восседали: А. Норден (ГДР), Ц. Драгойчев (Болгария), вдова С. Альенде Ортенсия Бусси, Д. Ибаррури (Испания), С. Фолкнер (США) и др.

Открыл работу конгресса вступительным словом заместитель председателя Международного подготовительного комитета, президент Международного бюро мира Шон Макбрайд (Ирландия). Затем слово взял президент ВСМ Ромеш Чандра. Именно он предложил гостям конгресса почтить память Сальвадора Альенде, Пабло Неруды и всех чилийских патриотов, которые погибли во время переворота 11 сентября (таких было 3200 человек), минутой молчания.

Как и большинство участников форума, Дин в эти мгновения смотрел на вдову Альенде и видел, как она украдкой смахивает слезы с глаз. Было видно, что она еще не отошла от недавних трагических событий. После того как первый день работы конгресса завершился и был объявлен перерыв перед концертом, Дин нашел в холле КДС Ортенсию Бусси, и они в течение нескольких минут общались между собой. Речь шла о событиях в Чили, о том, что там происходит и есть ли какие-то сведения о соратниках Альенде, которых хунта арестовала в первые же часы путча.

Кроме этого, Ортенсия Бусси поведала Дину о том, как прошли похороны ее мужа. Сальвадора Альенде похоронили в городе Винья-дель-Мар, на кладбище Санта-Инес. Из родственников на них разрешили присутствовать только четверым: вдове, сестре Альенде и двум его племянникам. Зато солдат на кладбище нагнали несколько десятков. Ни о каких почестях не могло быть и речи, и даже опечатанный гроб не был покрыт национальным флагом, как это подобает при прощании с главой государства. Офицер-распорядитель разрешил вдове приоткрыть крышку гроба для прощального поцелуя, но сделано это было буквально на мгновение. Вдова заметила, что тело ее мужа было обернуто в мешковину. Когда она спросила офицера, почему так сделано, тот ответил: «Это в ваших же интересах: его лицо сильно обезображено от выстрела». Кстати, поставить на могилу плиту с указанием имени бывшего президента власти не разрешили.

Когда тело было предано земле, вдова все-таки нарушила запрет на выступления и произнесла короткую речь. «Не забудьте, – сказала она, – вы хороните президента Чили. Здесь не

произнесено ни одного слова, не проявлено ни одного знака, чтобы отдать дань уважения покойному президенту. Расскажите своим внукам о том, что вы видели сегодня. Пусть никогда не забудется этот трагический час для нашей родины».

Между тем событиям в Чили на конгрессе уделялось много внимания. Практически каждый оратор говорил о них в своем докладе. На второй день работы форума, **26 октября**, слово было предоставлено и самой Ортенсии Бусси. В заключение ее речи по громкой трансляции на весь зал был воспроизведен голос Альенде – его последнее обращение к народу перед штурмом Ла Монеды. И вновь, как и в первый день, зал в едином порыве встал, чтобы почтить память погибшего президента Чили минутой молчания. Дин тоже стоял вместе со всеми, вспоминал Альенде, а также вчерашний разговор с Юрием Купцовым у него дома.

– Как ни кощунственно это звучит, но гибель Альенде нам выгодна, – мрачно резюмировал Юрий, опрокидывая в себя очередную порцию водки. – Теперь мы сделаем из него мученика, а из пиночетовской хунты – второй Вьетнам. Нам в ЦК ВЛКСМ уже пришли такие инструкции. И это правильно: делать политику в белых перчатках ни у кого еще не получалось.

– Может, ты считаешь, что ваше руководство сознательно вело дело к гибели Альенде? – спросил Дин.

– К своей погибели Альенде шел сам, – четко выговаривая каждое слово, ответил Юрий. – Не надо было либеральничать со своими врагами. А то, что мы перестали финансировать его режим, так и в этом он тоже виноват сам. Ведь все его экономические программы провалились. Я был в Чили год назад и видел это собственными глазами. А ты бывал там и того чаще. Разве я не прав?

Дин предпочел ответить молчанием, что Юрий расценил как знак согласия. Налив в свою рюмку очередную порцию горячительного, Юрий залпом осушил ее. На что Дин заметил:

– Ты много пьешь, Юрий.

Но тот пропустил это замечание мимо ушей и продолжил развивать свою мысль по поводу чилийских событий:

– После того как американцы вывели свои войска из Вьетнама, у нас из рук выбили важный пропагандистский козырь. Козырь, который исправно служил нам на протяжении десяти лет. Поэтому переворот в Чили для нас как подарок. В течение нескольких лет Запад делал из нас монстра после ввода наших войск в Чехословакию, теперь мы отыграемся на них событиями в Чили. Ведь за этим переворотом явно торчат уши ЦРУ.

Затем, сведя свою речь до полушепота, Юрий сказал:

– Скажу тебе как другу: драка предстоит жаркая. На Западе

опять готовятся очередные крупномасштабные акции против нас. Наш хороший знакомый Солженицын написал опус, который станет главным жупелом антисоветской пропаганды на много лет. Это история ГУЛАГа, которую он, оказывается, тайно писал несколько лет. И куда только наши доблестные органы смотрели?!

– Откуда же ты про это знаешь? – удивился Дин.

– Надежные люди рассказали. Одну из рукописей этой книги нашли у какой-то знакомой Солженицына в Ленинграде, и теперь наверху решают, что предпринять. Вполне вероятно, что Солженицына вышлют из страны. Если это произойдет, то главной фигурой среди наших диссидентов станет академик Андрей Сахаров, который тоже нас уже порядочно достал. Вот увидишь, ему, как и Солженицыну, присудят Нобелевскую премию, чтобы придать его фигуре масштаб и сделать неприкасаемой.

Между тем во второй половине дня **26 октября** на конгрессе выступил Брежнев. Дин про себя отметил, что советский руководитель выглядит отменно: бодр, подтянут, энергичен. Легко взойдя на трибуну, он практически без запинок прочитал двухчасовой доклад. По поводу отношений Советского Союза с освободительными движениями в мире Брежнев сказал следующее:

«Народные массы стремятся изменить мир и будут менять его. Что же касается Советского Союза, то он всегда будет на стороне сил социального прогресса. Мы – противники „экспорта революции“. Вместе с тем Коммунистическая партия Советского Союза, наше правительство, весь советский народ открыто и недвусмысленно выражают солидарность со своими братьями по классу, борющимися в зарубежных странах, солидарность с освободительными, антиимпериалистическими движениями».

С **27 октября** на конгрессе началась работа в 14 комиссиях. Дин работал сразу в двух: культурной и комиссии по Чили. **28 октября** он выступил в последней с докладом, в котором обвинил американские монополии в организации переворота в Чили и призвал всех людей доброй воли оказать поддержку движению солидарности с чилийским народом. Помимо Дина в тот день в комиссии также выступили: советник С. Альенде Хоан Е. Гарсес, поэт из Перу, профессор Уинстон Орильо (он продемонстрировал собравшимся одну из первых книг о сентябрьском перевороте в Чили под названием «Правда о Чили»), секретарь ВЦСПС Сергей Шалаев, Вьи Тхи Кам из Вьетнама, Манфред Коссок из ГДР (он обвинил Китай, что тот признал чилийскую хунту), член политкомиссии ЦК КП Чили Володя Тейтельбойм.

Последнего Дин хорошо знал, познакомившись с ним еще в 60-х. Несмотря на возраст (Тейтельбойму в 73-м было 57 лет), он считался одним из старейших деятелей компартии Чили, поскольку вступил в ее ряды еще будучи 16-летним подростком – в **1932 году**. Генеральный секретарь ЦК КП Чили Луис Корвалан вступил в партию тоже в 16 лет (в том же 32-м), однако в руководящие органы партии пришел значительно позже Тейтельбойма. Если последний стал членом ЦК в 29 лет, то Корвалан в 36 лет; если Тейтельбойм в 34 года вошел в состав высшего органа компартии – Политкомиссию ЦК, то Корвалан стал ее членом в 40 лет. Единственное, в чем Корвалан опередил Тейтельбойма, – это членство в Национальном конгрессе. Корвалан стал сенатором в **1961 году**, а его визави на четыре года позже. Однако Тейтельбойм был еще и писателем, который написал несколько книг о жизни и революционной борьбе чилийского пролетариата: «Сын селитры» (1952), «Семя на песке» (1956). Монография «Человек и человек» (1969) была посвящена русской литературе.

Между тем самого Корвалана в Москве не было, поскольку он в те дни находился… в тюрьме. **27 сентября** ищейки Пиночета выследили его на конспиративной квартире и арестовали. Дин знал об этом, однако подробности этого ареста открылись перед ним только в Москве, когда он тесно общался с тем же Тейтельбоймом и другими членами чилийской делегации, которые тоже приехали из ГДР (у этой страны всегда были самые тесные отношения с режимом Сальвадора Альенде, к тому же дочь Хонеккера была замужем за одним из членов «Народного единства», что позволило найти приют в этой стране многим чилийским левым: бывшему вице-президенту Кладомиро Альмейде, бывшему министру иностранных дел Рикардо Нуньесу, генеральному секретарю радикальной социалистической партии Карлосу Альтамирано и многим другим).

Подробности ареста Корвалана Дину сообщил Луис Варгас – старший брат того самого Алехандро, с которым Дин расписывал стены домов лозунгами в поддержку «Народного единства» осенью 70-го. С тех пор много воды утекло, и, как знал Дин, бывший 15-летний подросток не только возмужал, но и дорос до одного из лидеров «Хоты» – Союза молодых коммунистов Чили. По словам Луиса, Алехандро продолжал находиться в Чили и вел там нелегальную работу – обеспечивал каналы связи, по которым в страну проникали противники режима Пиночета.

Общение Дина и Луиса проходило высоко над Москвой – в ресторане «Седьмое небо», который располагался на самой верхотуре Останкинской телебашни (на высоте свыше 300 метров

над землей). Этот ресторан был открыт вместе с телебашней в **1967 году** и считался элитным. Его курировал КГБ, поскольку основными посетителями этого заведения были различные правительственные делегации, приезжавшие в Советский Союз из разных концов света. К слову, право посещать «Седьмое небо» имели и простые советские граждане; правда, сделать это было трудно: билеты-приглашения поступали в продажу только в том случае, если столики не были заняты зарубежными гостями или кем-то из советской элиты (эти билеты стоили 8 рублей: 6 рублей за вход и 2 рубля за амортизацию телебашни). К тому же посетители «с улицы» имели право попасть туда только по предъявлении паспорта, что давало возможность КГБ тщательно их фильтровать.

Дин давно мечтал посетить этот ресторан, но удобного случая для этого ему никак не представлялось. И только во время работы Конгресса миролюбивых сил такая возможность появилась: чилийскую делегацию пригласили посетить это заведение, и они взяли с собой и Дина. Это посещение произвело на всех его участников неизгладимое впечатление. Даже Дин, который успел побывать во многих ресторанах в разных частях света, был потрясен увиденным. Благодаря тому, что площадка ресторана медленно вращалась, посетители имели прекрасную возможность любоваться панорамой Москвы с высоты трех сотен метров. И первые несколько минут, пока они сидели за столом, члены делегации только этим и занимались: смотрели сверху на город и делились впечатлениями. Именно тогда Луис и рассказал Дину об обстоятельствах ареста Корвалана. Он знал эти подробности не из чьих-то уст, а сам был прямым участником событий, которые предваряли арест его тезки.

– Этот арест – вполне закономерный итог нашей бестолковщины, – сказал Луис. – Сеть конспиративных квартир в Сантьяго мы начали формировать чуть ли не за месяц до путча, уверенные, что они не понадобятся. А те квартиры, что подобрали, были расположены не в лучших местах. Например, убежище для Корвалана мы подобрали в нескольких сотнях метрах от его настоящего дома. И пока мы туда с ним шли, как раз в день переворота **11 сентября**, нам по дороге встретились многие, которые хорошо знали Лучо. Подозреваю, что среди них были не только те, кто симпатизировал правительству Сальвадора Альенде, но и наши враги. И им было нетрудно проследить наш путь.

А в самой квартире вышла и вовсе дикая с точки зрения конспирации история. Когда мы туда пришли, то обнаружили кучу людей. Оказывается, к хозяйке приехали родственники из

Тальки. В итоге нам пришлось прибегнуть к запасному варианту. И ты можешь себе представить: он тоже располагался в двух шагах от дома Лучо!

Сказав это, Луис громко рассмеялся, а Дин стал озираться по сторонам, опасаясь, что кто-то может услышать их разговор. Заметив это, Луис развеселился еще больше.

– Ты что так озираешься, мы же не в Чили, – сказал он Дину. – К тому же испанским здесь вряд ли кто-то владеет. А тот, кто владеет, находится не за нашими спинами, а под столом. Столики в этом ресторане наверняка находятся на прослушке КГБ. Но нам и этого бояться не стоит. Ведь именно советские товарищи помогают нам теперь налаживать конспиративную сеть на родине.

– Значит, в Москву тебя привел отнюдь не конгресс? – спросил Дин.

– Угадал, – улыбнулся Луис. – Хотя благодаря ему я встретился со многими товарищами, и с тобой в том числе.

– А вы знаете, где содержится Лучо? – вновь задал вопрос Дин.

– Его держат в концлагере на острове Досон вместе с 35-ю другими видными чилийскими деятелями – руководителями блока «Народное единство» и членами правительства президента Альенде, – ответил Луис. – Среди этих людей бывшие министры Флорес, Пальме, Кадемартори, сенатор Монтес и другие. Против всех выдвинуто обвинение в государственной измене. Пиночет хочет любой ценой сфабриковать доказательства того, будто левые силы вынашивали план обезглавить вооруженные силы, ликвидировать весь офицерский корпус и расправиться с политическими деятелями, бывшими в оппозиции к блоку «Народное единство». Правые газеты уже вовсю пишут о существовании такого заговора: расписывают, что в развалинах разрушенного замка Ла Монеда найдены планы уничтожения высших армейских офицеров, руководителей оппозиции и журналистов с целью установления в стране коммунистической диктатуры. И находятся люди, которые этому вранью верят.

Последним словам Дин не удивился: печать всегда обладала мощным воздействием на умы и могла склонить на свою сторону даже самых стойких скептиков. Поэтому не удивили его и другие слова Луиса: о том, что в Чили объявилось очень много стукачей, которые готовы доносить хунте на противников режима.

– Газеты опубликовали коммюнике хунты, призывающее чилийцев доносить на чилийцев, – продолжил свой рассказ Луис. – Там же опубликовали телефон для доносчиков – 85—623 – и фотографии политических и общественных деятелей страны,

за головы которых хунта сулит огромные деньги – 1 500 эскудо. Кроме этого, стукачам обещаны и все деньги, которые будут найдены у арестованных с их помощью людей. И желающие, представь себе, находятся. Мы подозреваем, что и Корвалана сдал кто-то из таких «крыс».

В это время симпатичные официантки подошли к их столику с подносами, и разговор пришлось прервать. Больше к теме ареста Луиса Корвалана друзья не обращались.

На следующий день распечатка этого разговора легла на стол Юрия Андропова, что было закономерно: ведь речь шла о лидере чилийских коммунистов. Шеф КГБ не обнаружил в высказываниях участников разговора никакой крамолы, однако сделал для себя один очень важный вывод: он понял, что чилийские подпольщики доверяют Дину Риду как себе. Видно, у них было достаточно времени для того, чтобы убедиться в его надежности.

С чилийскими товарищами Дин общался и на следующий день, **29 октября**, когда присутствовал на митинге, посвященном переименованию улицы 7-я Песчаная в Москве в улицу имени Сальвадора Альенде. Была там и вдова Альенде Ортенсия Бусси, которая сообщила Дину, что сразу после конгресса отправится на Кубу.

– Наша с Сальвадором дочь ждет ребенка, – сказала компаньера Тенча (так в Чили называли жену президента).

Во время работы конгресса были у Дина и другие встречи. В частности, с Эве Киви, которая специально приехала в Москву, чтобы повидаться с Дином. На этот раз никаких скандалов между ними уже не происходило, поскольку оба уже успели привыкнуть к той ситуации, которая между ними сложилась. Киви, видимо, окончательно поняла, что винить Дина, по большому счету, не имеет права: не по его вине ему не удалось осесть в СССР, а в ГДР он мог переехать, только женившись на родственнице Хонеккера. Поэтому эту тему влюбленные уже не обсуждали.

Между тем их отношения продолжали беспокоить советское руководство. Ведь там прекрасно понимали, что если о них станет известно Хонеккеру, то его реакция на это дело может быть самой непредсказуемой. Хотя шеф КГБ Юрий Андропов был иного мнения на этот счет. Когда он принимал у себя в кабинете одного из руководителей контрразведывательного управления, ответственного за мероприятия, проводимые на конгрессе, и речь зашла о Дине и Киви, Андропов сказал:

– Мы в это дело вмешиваться не будем. Я достаточно хорошо изучил Дина Рида и сделал вывод, что резкие движения по отношению к нему могут только усугубить ситуацию. Надо сказать ему спасибо, что он не полез в бутылку, когда понял, что

жить у нас ему не разрешат. И продолжает неплохо к нам относиться. А что касается реакции Хонеккера, то я хорошо знаю и его. Он политик до мозга костей и не станет жертвовать политикой ради адюльтера. К тому же он, думаю, прекрасно осведомлен о том, что Дин Рид – тот еще юбочник.

Стоит отметить, что сам Андропов весьма благоволил к актрисе Эве Киви и, хотя они не были лично знакомы, старался не пропустить ни одного фильма с ее участием. По словам самой актрисы: «О том, что я была симпатией Андропова, я узнала случайно от одного высокопоставленного чиновника, оказавшегося моим попутчиком. На показе в ЦК картины „Особых примет нет“, где я играла сестру Дзержинского Альдону, Андропов сказал, что я его любимая актриса.

Был и другой случай. Как-то я летела из Таллина в Москву. Моя хорошая приятельница, стюардесса, провожала меня в самолет через депутатский зал. По дороге шепнула: «Я тебя посажу с одним влиятельным человеком. Наверняка пригодится». В соседнее кресло сел представительный мужчина, помощник главного идеолога страны Михаила Суслова. «Знаете, вы очень нравитесь Юрию Владимировичу». «Да? Но я с ним не знакома», – ответила я…»

Конгресс миролюбивых сил закончился **31 октября**, после чего Дин вернулся в ГДР. Там его застали события, которые с большим восторгом были встречены в Восточной Германии. А именно: бензиновый кризис в ФРГ. **25 ноября** правительство ФРГ запретило своим гражданам заливать бензин в канистры, а чтобы предотвратить создание его запасов, установило предельную норму покупки. Эти трудности у соседей радовали восточных немцев, которые ничего подобного у себя не испытывали.

История с бензином уходила корнями в недавнее прошлое. Все началось **6 октября**, когда Египет и Сирия напали на Израиль. Однако эта война дилась недолго – всего 19 дней. После того как Израиль нанес ряд поражений объединенным войскам противника, те отступили. **25 октября** между этими странами было заключено перемирие. А три дня спустя семь арабских нефтедобывающих стран объявили эмбарго на поставки нефти в США и Нидерланды из-за произраильской позиции этих государств. **5 ноября** те же страны приняли решение о сокращении добычи нефти на 25 %. Так они пытались заставить Израиль вывести свои войска с оккупированных арабских территорий. Сделать это им так и не удалось, зато они смогли перетянуть на свою сторону некоторые страны. Так, Великобритания прекратила поставки оружия в Израиль, а Япония отказалась от своих произраильских симпатий.

Одновременно с сокращением добычи и поставок нефти арабские государства – члены ОПЕК – повысили цены на нее: **16 октября** цена 1 барреля (159 литров) повысилась на 70 %. В итоге западные страны, особенно европейские, вынуждены были пойти на радикальные меры: ограничение пользования автомобилями и снижение максимальной скорости. В ФРГ цена на дизельное топливо подскочила с 12 пфеннигов за литр до 70 пфеннигов. В те дни по восточногерманскому телевидению показывали улицы многих городов ФРГ, которые словно вымерли – на них почти не было автотранспорта.

На фоне этих событий продолжалась творческая жизнь Дина. Он давал концерты, а также трудился над сценарием своего первого полнометражного фильма. Во многом эта лента должна была стать для Дина автобиографической, хотя действие ее и происходило во второй половине XIX века в США. Главного героя этой картины – солдата-кавалериста американской армии Гармонику – Дин собирался играть сам и наделил его многими своими чертами.

Сюжет фильма был таков: во время налета кавалерийского полка на деревню индейцев племени шайенов Гармоника настолько потрясен увиденными зверствами, что сбегает из армии (в этом эпизоде герой Дина ломает о колено древко американского флага, а реальный Дин этот самый флаг выстирал перед посольством США в Сантьяго). Потом Гармоника спасает от смерти индейскую девушку и на руках приносит ее в деревню шайенов. Поначалу индейцы не слишком доверяют бледнолицему, но тому все же удается убедить индейцев в своей честности, и они оставляют его у себя. Он женится на спасенной девушке и воюет против своих бывших однополчан в рядах шайенов. Как признается позже сам Дин: «Гармоника, как и я, прошел путь от наивного юноши, верящего в то, что его армия творит добро, до пацифиста, а затем активного борца против любого угнетения».

Еще на стадии, когда сценарий только задумывался, Дин долго размышлял о том, на каком материале следует остановиться. И тут как нельзя кстати подоспели события в Вундед-Ни, где индейцы выступили против правительства США. Так Дин нашел тему своего будущего сценария, который он назвал «Братья по крови». А когда он заикнулся об этом на «ДЕФА», там его идею полностью поддержали, поскольку создание так называемых «дефа-вестернов» на этой киностудии с середины 60-х было поставлено на поток.

Обращение восточногерманских кинематографистов к такому жанру, как вестерн, было не случайным. За несколько лет до них

подобные фильмы стали снимать их соотечественники и вечные идеологические конкуренты западные немцы, выпустив за несколько лет (**1962–1968**) целую серию фильмов по книгам Карла Мая о приключениях вождя апачей Виннету и его верного друга белого охотника Олда Шаттерхэнда.

Эти фильмы имели огромный успех в Европе и принесли их создателям огромные прибыли. Поэтому в ГДР и было принято решение начать выпуск собственных вестернов. Причем если западные немцы, создавая свои «штрудель-вестерны», преследовали исключительно материальные выгоды и не слишком заботились об идеологии, то их восточные соседи пошли иным путем: во главу угла они поставили не кассовые сборы (хотя и они имелись в виду), а прежде всего идеологию. В «дефа-вестернах» речь должна была идти о благородных индейцах, которые в одиночку противостоят алчным и коварным бледнолицым капиталистам, а также безжалостной регулярной американской армии (намек на современную армию США был более чем прозрачен).

Стоит отметить, что и серия фильмов «про Виннету» отличалась от американских вестернов прежде всего тем, что индейцы в них выступали в качестве положительных героев (в то время как в американских они в основном представали исключительно в образе злодеев). Мало кто знает, но сами североамериканские и канадские индейцы были крайне недовольны сложившейся в кино ситуацией и пытались изменить ее. Например, в **1967 году** канадские индейцы обратились в департамент культуры с предложением, чтобы Управление канадской кинематографии содействовало созданию хотя бы одного фильма, в котором индейцы побеждают бледнолицых (фильмы про Виннету в канадском прокате не шли). Но, увы, их просьба осталась без внимания. Но вернемся к «дефа-вестернам».

В качестве литературной основы для своего первого вестерна восточные немцы взяли книгу Лизелотты Вельскопф-Генрих «Харка – сын вождя» из цикла романов «Сыновья Большой Медведицы». Именно этот цикл и дал название первому «дефа-вестерну», который снял «варяг» – чехословацкий режиссер Йозеф Мах. Главную роль в «Сыновьях Большой Медведицы» сыграл будущий главный индеец студии «ДЕФА» и всего социалистического лагеря югославский актер (серб по национальности) 25-летний Гойко Митич (до этого он играл индейцев только в эпизодах, в том числе и в фильмах серии «про Виннету»).

В последующие восемь лет Митич был впряжен в настоящий конвейер по выпуску «дефа-вестернов», снявшись подряд в восьми

картинах: «Чингачгук – Большой Змей» (1967), «След Сокола» (1968), «Белые волки» (1969), «Смертельная ошибка» (1970), «Оцеола» (1971), «Текумзе»(1972) «Апачи» (1973), «Ульзана» (1974). Говоря по правде, этот конвейер буквально выхолостил Митича. И если в первых «дефа-вестернах» он снимался с огромным удовольствием, находя в них массу привлекательного для себя, то в последние годы эта работа ему откровенно наскучила.

Для миллионов зрителей во многих странах он превратился в актера одной роли, хотя сам считал, что его актерский потенциал гораздо шире. Митич мечтал играть в театре, а в кино хотел перейти от ролей индейских вождей к более серьезным и драматическим. Поэтому, когда в **1973 году** к нему в очередной раз обратились с предложением сыграть храброго индейца Твердую Скалу (родного брата той самой индейской девушки, которую спасал герой Дина) в фильме «Братья по крови», Митич пребывал в больших сомнениях. Во-первых, по причине названной усталости от подобных ролей, а во-вторых – он прекрасно знал, под кого именно делается эта картина – под Дина Рида. А к этому человеку у Митича были противоречивые чувства.

С одной стороны, он уважал его как певца (в меньшей степени как актера, поскольку был хорошо осведомлен о его ролях в итальянских «спагетти-вестернах»), с другой – не одобрял его слишком тесных связей с властями предержащими. Как и большинство восточных немцев, Митич знал, на ком был женат Дин, и делал однозначный вывод – этот брак явился следствием расчета со стороны певца. Поэтому у Митича, который всегда был аполитичен и любил свободу во всех ее проявлениях, подобный шаг не мог вызвать одобрения. Но в то же время он понимал, что, отказываясь от роли в «заказном» фильме, он рискует навлечь на себя гнев со стороны начальства, чего ему тоже не хотелось. В итоге после некоторого раздумья Митич согласился сниматься в своем десятом по счету «дефа-вестерне». Однако до начала съемок этого фильма еще несколько месяцев, а пока Дин занят другими делами. В частности, он вновь посетил Советский Союз, однако визит этот оказался самым коротким из всех, что ему приходилось осуществлять до этого.

Поездка Дина в СССР в самом начале **февраля 1974 года** была вызвана срочной необходимостью. Дело в том, что в те дни в Советском Союзе готовилось к запуску грандиозное строительство – Байкало-Амурская магистраль (БАМ), железная дорога, которая должна была пересечь всю Восточную Сибирь и Дальний Восток. История этой магистрали брала свое начало еще при последнем российском царе. Именно тогда в Иркутске собрались

промышленники и купцы, чтобы обсудить идею строительства северной дороги, которая могла соединить золотые прииски в бассейне Лены. Однако из этой затеи тогда так ничего и не вышло – показалось дорого. Однако при Сталине к этому проекту вернулись снова. Тогда уже в Сибири появились лагеря, и строительство БАМа стоило недорого. Именно зэки построили между Транссибом и будущим БАМом две соединительные ветки, БАМ – Тында и Известковая – Ургал, а также соединили Комсомольск с Тихим океаном, а после войны построили участок Тайшет – Лена (город Усть-Кут). Затем строительство «заморозили» на двадцать лет.

Строительство возобновили в середине 60-х, однако в течение нескольких лет оно шло, что называется, ни шатко ни валко. Затем, с **декабря 1971 года**, почти в секретном порядке и очень неторопливо начали укладывать рельсы от Транссиба до поселка Тындинский. Но когда весной следующего года американцы взялись разыгрывать китайскую карту, было решено придать БАМу стратегическое значение. К тому же это строительство должно было стать и важным идеологическим мероприятием – очередной «стройкой века», должной вдохновить молодежь на новые трудовые подвиги. В итоге на начало **1974 года** было запланировано начать широкомасштабное строительство БАМа от Братска до Тихого океана. К отправке на БАМ готовился первый комсомольский строительный отряд численностью 600 человек. Именно в преддверии этого десанта Дину в ГДР и позвонили из Москвы, из ЦК ВЛКСМ, и попросили помочь придать этому мероприятию дополнительную идеологическую окраску. По задумке комсомольских боссов, если на БАМ приехал сам Дин Рид, значит, ехать туда можно безбоязненно. Однако эти гастроли закончились провалом.

Приглашение прилететь в Советский Союз Дин получил **7 февраля**. Вечером того же дня вместе со своим немецким импресарио Дитером Эгню Дин вылетел в Москву. В аэропорту Шереметьево их встретил всего лишь один человек – представитель Госконцерта Борис Бачурин. Дина это насторожило, поскольку он предполагал встретить здесь и кого-нибудь из своих знакомых комсомольских лидеров. Того же Юрия Купцова, например. Однако Бачурин вел себя настолько уверенно, что сомнения Дина развеялись: все идет как и должно. На самом деле это было не так. Незадолго до этого в ЦК КПСС было решено перенести дату начала строительства на месяц – на середину **марта**. Комсомольских боссов об этом уведомили сразу, а они, в силу каких-то бюрократических проволочек, забыли предупредить об этом представителей Госконцерта. В результате Бачурин

посадил Дина и Эгню в самолет и полетел вместе с ними в Красноярск. Там они пересели на вертолет и отправились в район Тынды.

Когда они прилетели к месту предполагаемого концерта, они там никого не обнаружили. Посадив вертолет на какой-то заснеженной поляне, окруженной огромными кедрами, вертолетчик с недоумением смотрел на знаменитого певца, не понимая, перед кем он собирается здесь петь. Не понимал этого и сам Дин вместе со своими компаньонами.

– В чем дело? – поинтересовался у Бачурина Эгню.

Но что тот мог ответить, если сам был в глубоком шоке. Они стояли возле вертолета, недоуменно озирались по сторонам и никак не могли взять в толк, что происходит. Особенно нелепо в этой ситуации выглядел Дин, который сжимал в руках дорогую акустическую гитару «Музима» в матерчатом чехле. В конце концов всем стало понятно, что вышла какая-то накладка и концерт не состоится. Все опять погрузились в вертолет и вернулись обратно в Красноярск. И только там местные деятели из обкома комсомола наконец сообщили им об ответе, который пришел на их запрос из Москвы: начало строительства и все торжественные мероприятия, связанные с этим, переносятся на март.

– Такое возможно только у нас, – разводили руками красноярские комсомольские боссы. – Виной всему наше вечное раздолбайство.

Дин и Эгню с последним утверждением не спорили. Дин тогда еще подумал, что у немцев с их врожденной пунктуальностью такой накладки никогда бы не произошло.

Между тем когда Дин находился в Красноярске, он услышал от одного из комсомольских работников новость о том, что в Советском Союзе началась широкомасштабная кампания в газетах против Александра Солженицына. Комсомольский начальник поделился с Дином этой вестью не случайно: видимо, еще помнил о том, как три года назад Дин выступил против Солженицына со страниц «Литературной газеты».

– Судя по всему, этого «литературного власовца» готовят к высылке из страны, – высказал предположение комсомольский босс.

На этом разговор был закончен, поскольку проходил в присутствии переводчика, который не внушал доверия обоим собеседникам.

Когда Дин вернулся в ГДР, там его застала весть о том, что Солженицын выдворен из Советского Союза и прилетел в ФРГ. Дин тогда подумал, что это разумный шаг со стороны Кремля:

арест и осуждение писателя могли бы только вызвать на Западе новую волну обвинений СССР в жестокости. Поэтому Дин был крайне удивлен, когда Альберт Норден при встрече с ним в восточногерманском Комитете мира высказал совсем иную точку зрения на эту проблему:

– Солженицына нужно было сослать в те места, о которых он так любит писать, – в лагеря. Москва проявила ненужный либерализм и очень скоро пожалеет об этом: на Западе Солженицын превратится в еще более опасного идеологического врага.

Стоит отметить, что так думал не один Норден: в самом советском Политбюро тоже имелись сторонники такого решения. Например, главный идеолог Михаил Суслов, которого поддерживали Николай Подгорный, Александр Шелепин и ряд других деятелей. Все они предлагали Брежневу арестовать Солженицына и отправить за решетку, поскольку боялись, что за границей он активизирует свою антисоветскую деятельность. Серьезным аргументом при этом был некий технический анализ, который был подготовлен в недрах ЦК КПСС, где рассматривались перспективы развития спутникового телевидения на Западе. Согласно этому анализу в скором времени Запад должен был запустить в космос спутники, благодаря которым удалось бы заполонить советское ТВ заграничными программами. Естественно, львиную долю этих программ составляли бы антисоветские передачи, в том числе и выступления Солженицына. Вполне вероятно, что Норден тоже был в курсе этих перспектив.

Между тем в конце того разговора с Дином Норден сказал фразу, которая потрясла его собеседника:

– Мы знали о желании Брандта пригреть Солженицына, но решили не вмешиваться.

Дин потом долго размышлял над этой фразой, но единственное, к чему он пришел, было то, что «Штази», видимо, была в курсе закулисной истории с высылкой Солженицына в ФРГ. И он в своих выводах был прав.

Дело в том, что в близком кругу канцлера ФРГ «Штази» имела своего человека. Это был самый ценный агент восточногерманской разведки, который работал на нее вот уже почти 20 лет. Гюнтера Гийома и его жену перебросили в ФРГ в **1956 году**, и им потребовалось восемь лет, чтобы врасти в западногерманскую почву. Затем Гийом получил пост в аппарате социал-демократической партии и начал свое движение наверх. К **1973 году** он уже был референтом аппарата федерального канцлера по связям с профсоюзами, однако доступа к секретным

документам не имел. Как вдруг в **июле** того же года Брандт взял Гийома к себе в качестве референта.

Когда в Москве приняли решение выслать Солженицына из СССР, КГБ стал искать возможные места высылки писателя. Было перебрано несколько стран, но все они отказались принять у себя изгнанника. И только одна ФРГ согласилась. Когда об этом узнал Гийом, он немедленно поставил об этом в известность «Штази». Та, в свою очередь, информировала Хонеккера. И хотя тот не одобрял решения Москвы, однако вмешиваться в ситуацию не стал – понимал, что это нетактично. Да и не хотел «светить» Гийома, о котором Москва ничего не знала.

Но вернемся к Дину Риду.

Вернувшись в ГДР, он на месте долго не сидел: спустя несколько дней уже опять был в пути, причем снова отправился в места достаточно холодные. Это были Высокие Татры в Чехословакии, где Дину предстояло начать сниматься в фильме «Кит и К», который был экранизацией рассказов Джека Лондона «Яичный переполох», «Малыш видит сны» и «Скачка». Картина являлась совместным продуктом трех киностудий – «ДЕФА», «Мосфильма» и «Баррандов» (ЧССР), а снимать ее должен был известный восточногерманский режиссер Конрад Петцольд.

За свою почти 20-летнюю карьеру в кино этот мастер снял несколько разных фильмов. Среди них были комедии («Охота за сапогом», 1961), драмы («Сегодня и в час моей смерти», 1965). Затем Петцольд взялся за постановку так называемых «дефа-вестернов» (фильмов про индейцев), сняв их подряд целых три: «Белые волки» (1969), «Смертельная ошибка» (1970), «Оцеола» (1971). Видимо, потому, что реалии американской жизни XIX века Петцольд изучил хорошо, ему и доверили экранизировать рассказы Джека Лондона. Причем и этот фильм специально снимался под Дина Рида, который должен был играть главную роль – молодого журналиста Кита Беллью, отправляющегося на поиски золота на Аляску. А на роль его друга Шорти режиссер пригласил одного из своих любимых актеров, которого он постоянно снимал в своих «дефа-вестернах», – Рольфа Хоппе (например, в «Белых волках» он сыграл главаря бандитов Бешана).

Главную женскую роль – возлюбленной Кита Джой Гастелл – отдали не менее популярной актрисе Ренате Блюме. Поскольку в жизни нашего героя этой женщине предстоит сыграть важную роль (она станет его третьей официальной супругой), стоит рассказать о ней более подробно.

Блюме родилась **3 мая 1944 года**. После окончания школы в **1961 году** поступила в Высшую школу актеров в Восточном

Берлине. Еще будучи студенткой, начала сниматься. Правда, не в большом кино, а на телевидении: впервые зрители увидели ее в популярном эстрадном телесериале «Шлягеры большого города». Затем была главная роль в другом телефильме – «Таня» – по пьесе советского драматурга Алексея Арбузова.

В **1964 году** Блюме окончила Высшую школу актеров и в том же году дебютировала в большом кинематографе: режиссер Конрад Вольф пригласил ее на главную роль в получившем широкое признание фильме «Расколотое небо». Когда через год фильм вышел на экраны страны, Блюме уже работала в труппе дрезденского «Штаатс-театра». В последнем она сыграет много ролей, в том числе и классических, в таких спектаклях, как «Комедия ошибок» В. Шекспира, «Враги» М. Горького, «Заговор Фиеско в Генуе» Ф. Шиллера, «Натан Мудрый» Лессинга и др.

В **1969 году** Блюме вышла замуж. Ее супругом стал известный кинорежиссер Франк Байер, который работал в кино с конца 50-х, однако славу приобрел в начале следующего десятилетия, когда стал снимать фильмы на политические темы – про немецких борцов-антифашистов. Таких фильмов он снял несколько: «Пять патронных гильз» (1960), «Королевские дети» (1962), «Голый среди волков» (1963; был удостоен приза на Международном московском кинофестивале), «Карбид и щавель» (1964). За свое творчество Байер в 60-е годы был дважды удостоен Национальной премии ГДР (1963, 1968).

Этот брак многие называли конъюнктурным, но это было не так: Блюме и в самом деле влюбилась в Байера и замуж вышла по любви. «Франк был моей первой большой любовью», – призналась позднее она сама. К тому же отец Блюме был высокопоставленным чиновником (позднее возглавит студию «ДЕФА»), поэтому по части работы у Блюме никогда проблем не было. Хотя первое время молодожены жили в достаточно стесненных условиях. По словам Блюме: «Франк переехал в Дрезден, где я играла в театре. Мы имели только одну комнату и узкую тахту, которую мы должны были отодвигать от стены, чтобы мы подходили с обеих сторон. Если мы хотели смотреть телевизор, мы должны были выдвигать детскую кровать с нашим сыном Александром (родился в **1971 году**. – *Ф. Р.*) в прихожую. Денег у нас было мало, я получала приблизительно 450 марок как дебютантка. Но мы были счастливы все же…»

Несмотря на рождение ребенка, брак Блюме и Байера продержался всего пять лет. После развода оба супруга достаточно быстро нашли утешение в романах с другими людьми. Так, Блюме, снимаясь в **1973 году** в «дефа-вестерне» «Ульзана», познакомилась с актером Гойко Митичем, и сразу после

завершения работы они стали жить вместе. Так что на момент своей встречи с Дином Ридом в картине «Кит и К» Блюме была несвободна и вполне счастлива с Митичем. Поэтому ее тогдашняя встреча с Дином была чисто рабочей, хотя по ходу съемок им приходилось разыгрывать любовь со всеми положенными ей атрибутами: поцелуями, обниманиями, ласковыми словами и т. д.

Между тем натурные съемки таили в себе массу трудностей. Как уже говорилось, они начались в **феврале 1974 года** в Высоких Татрах, в Чехословакии, которая на время съемок должна была превратиться в Аляску. В том месяце там выпало слишком много снега. И если во время выбора натуры осенью прошлого года режиссеру и оператору эти места приглянулись именно своим снежным покровом, то теперь он только отпугивал. А когда съемочная группа все же добралась до нужного плато, то испытания на этом не закончились. Потом им предстоял подъем наверх почти по вертикальной ледяной стене. Этот подъем требовал от каждого определенного мужества. И в то время как многие члены съемочного коллектива выказывали нервозность перед подъемом, Дин, наоборот, был на удивление спокоен. Авантюрист по натуре, он любил подобного рода ситуации, когда надо показать свою смелость на глазах у десятков людей.

Сначала в горы поднялись опытные альпинисты. Они с помощью ледорубов кололи ступени в затвердевшем снеге и натягивали защитные канаты. С помощью этих ступеней и канатов съемочной группе удалось подняться на нужную точку. Там и прошли съемки части эпизодов «на Аляске».

После экспедиции в Высокие Татры съемочная группа отправилась снимать Аляску в Советский Союз. В Карелии, под городом Петрозаводском, группе предстояло отснять эпизоды гонки на собачьих упряжках, а также ряд других натурных сцен. Здесь природа тоже подкачала – хоть и было безветренно, но очень тепло (чуть больше 0 градусов). Местом съемок выбрали район у Кончезера между поселками Косалма и Шуйская Чупа. Там располагался колхоз имени Ленина, где трудились около 3 тысяч человек. Мужчины там занимались охотой на тюленей, песцов и красных лис, а женщины выделывали меха.

Первыми к месту будущих съемок приехали полсотни (а если точнее, то целых 53) лохматых собак и их хозяева – чукотские каюры Паат, Тымкитегин, Аречайвун, Тынанпеглау, Айметпергин. Спустя два дня, **10 марта**, подтянулись и члены съемочной группы: Конрад Петцольд, Ханс Хайнрих (оператор), Дин Рид, Рената Блюме, Рольф Хоппе, Манфред Круг (он играл роль Дикого Уотера Билла), Джерри Вольф (играл Шунка Вилсона). Группу от «Мосфильма» возглавлял В. Смелянский, но его в первые же дни

ждала неудача – он заболел, поэтому на съемках его замещал заместитель директора мосфильмовской группы Николай Зуев. Именно благодаря его расторопности удалось наладить съемочный процесс.

Он начался с того, что каюры стали натаскивать актеров правильно водить собачьи упряжки (их было пять). Как ни странно, но лучше всех этот процесс освоила Рената Блюме. Видимо, потому, что она была единственной женщиной в группе и собаки быстро ее признали. У Дина управлять упряжкой получалось хуже: собаки никак не слушались его команд, хотя он старался изо всех сил и во всем слушался своего каюра. Поэтому в эпизодах, где не было крупных планов, Дина заменял дублер – Виктор Аречайвун (Круга заменял Иван Айметпергин).

Снимать начали с эпизода приезда Кита в городок золотоискателей. Последних изображала массовка в лице… студентов музыкального училища и консерватории из Петрозаводска, которые отдыхали на турбазе в Косалме.

На следующий день начали снимать гонки на упряжках, в которых участвовали Дин и Манфред Круг. Стоит отметить, что отношения между двумя актерами были далеки от идеальных. Круг был известным в ГДР актером, снялся в полутора десятках картин и имел репутацию неуживчивого человека. Он никогда не лез в карман за словом и всегда говорил то, что думал. А поскольку он считал Дина человеком, активно прислуживающим власти, однажды сказал ему это прямо в лицо. Как мы помним, Дину уже неоднократно приходилось попадать в подобного рода ситуации, поэтому он должен был к этому привыкнуть. Но, поскольку в ГДР подобное с ним случилось впервые, он воспринял это крайне болезненно. Тем более конфликт случился с человеком, с которым ему предстояло тесно общаться на протяжении продолжительного времени. Вот почему едва съемки эпизодов заканчивались, как Дин и Круг тут же расходились в разные стороны.

Стоит отметить, что и со своей будущей женой Ренатой Блюме Рид тоже общался не так тесно. Обычно Дин предпочитал проводить время перед съемками в автобусе за чтением произведений своего любимого писателя Ромена Роллана, а Блюме предпочитала отдыхать в компании Конрада Петцольда или других актеров. Поэтому попыток ухаживать за ней Дин даже не предпринимал.

Гораздо приятнее ему было общаться с советскими людьми, которые относились к нему тепло и доброжелательно. Начиная от персонала в гостинице и заканчивая прохожими на улицах Петрозаводска.

Как-то, отдыхая после прогулки по городу на скамейке в тенистой парковой аллее, Дин стал делиться своими впечатлениями о встречах с петрозаводчанами с пожилым переводчиком из «Интуриста» Иваном Андреевичем.

– Почти десять лет я приезжаю в Советский Союз и каждый раз не перестаю восторгаться вашими людьми, – говорил Дин. – Все-таки вы и американцы – совершенно разные люди. У моих земляков тоже много прекрасных черт. Они деловиты, собранны, энергичны. Как и вы, они очень любят шутки. Однако все они – разобщенные люди, поскольку сама жизнь в Америке делает их такими. Такое распространенное выражение, принятое у вас, – «поговорить по душам» – американцам почти неведомо. Они даже на уличных скамейках стараются сидеть поодиночке. Когда я жил в Нью-Йорке, меня всегда это поражало: где-нибудь в Сентрал-парке или на Ривер-сайд-драйв вдоль Гудзона люди сидели по одному человеку на скамейке, как будто боялись, что кто-то нарушит их одиночество. А у вас все скамейки в парках забиты людьми, поскольку даже незнакомые люди ищут общения друг с другом.

Выслушав этот монолог, Иван Андреевич улыбнулся и в продолжение темы сообщил собеседнику еще одну сногсшибательную новость:

– Вы, наверное, сильно удивитесь, Дин, но я вам признаюсь, что дверь своей квартиры я запираю только ночью. А днем она всегда открыта, так как нам совершенно некого бояться. Думаю, в том же Нью-Йорке подобная смелость тоже мало кому будет понятна.

Чтобы читатель не посчитал эти слова голой пропагандой, приведу официальную статистику того времени. Возьмем хотя бы **1972 год**. В Советском Союзе тогда было совершено 1 064 976 преступлений, в США – 5 891 900. Из них умышленные убийства составляли – 15 129 (СССР), 18 520 (США); изнасилования – 13 368 (СССР), 46 430 (США), разбои – 6 635 (СССР), 374 560 (США).

Находясь в Петрозаводске, Дин подружился с членами сборной СССР по боксу, которые приехали в Карелию на очередные сборы и жили в той же гостинице, что и он. Иной раз после съемок Дин любил приходить в номер к тренеру команды Владимиру Воробьеву (в прошлом знаменитому боксеру), который оказался интересным собеседником. Под водочку они с Дином и переводчиком подолгу беседовали на самые разные темы.

Как выяснилось, Воробьев тоже одно время жил в Германии, правда, не социалистической, а фашистской. В пять лет он вместе со своей мамой и сестрами попал в оккупацию и вскоре угодил в

гитлеровский концлагерь под Бременом.

– В отличие от большинства пленных нам повезло – мы жили в относительно сносных условиях, – рассказывал Воробьев. – Мы попали в интернациональный семейный лагерь. Там нас берегли как дешевую рабочую силу. А я к тому же подлежал германизации. Знаешь, что это такое?

Поскольку Дин ни о чем подобном не слышал, Воробьев продолжил:

– То есть меня должны были сделать «чистокровным арийцем». Для этого я прошел специальную комиссию, и со временем меня должны были передать на воспитание в немецкую семью или в специальный детский приют. Но до этого дело так и не дошло.

А в лагере я занимался музыкой – играл в тамошнем оркестре. Там я познакомился с немецким мальчишкой, который бегал в школу мимо лагеря. Он был сыном эсэсовского генерала и жил неподалеку – в собственном родовом замке. Мы с ним подружились, и он мне здорово помогал – носил сласти, одежду, которая была формой гитлерюгенда. А однажды я даже некоторое время жил в его замке. Ганс тогда заболел, подхватил воспаление легких и попросил своих родителей привести меня к нему. И его отец-генерал выполнил просьбу сына. И несколько дней я жил в этом замке, причем родители Ганса относились ко мне вполне дружелюбно. Хотя потом Ганс мне рассказал, что когда его отец узнал о том, с кем встречается его сын, он его здорово выпорол.

– Кроме того генерала вы еще кого-нибудь видели из нацистской верхушки? – поинтересовался Дин.

– Я видел еще Геринга, но это было мельком. Он проезжал мимо лагеря в свое имение, а я стоял вместе с другими детьми вдоль шоссе и махал его кортежу флажком. Совсем как сегодня встречают правительственные делегации.

– Значит, в фашистском плену вы не видели никаких ужасов? – с недоверием спросил Дин.

– Я же говорю, что в нашем лагере были сносные условия. Но это не значит, что так было в других. Например, рядом с нами был лагерь советских военнопленных, который немцы называли Собачьим. В последние дни войны немцы его затопили, уничтожив сразу 35 тысяч заключенных. Кстати, такая же участь должна была постигнуть и нас, поскольку немцы не хотели оставлять свидетелей. У нас, детей, ведь и кровь брали для переливания раненым немецким солдатам.

Освободили нас твои земляки-американцы. Правда, впечатления у меня от встречи с ними остались не самые радостные. Они привезли нам советские газеты с публикациями о

судах над немецкими пособниками и стали запугивать наших родителей, что всех, кто работал на фашистов, дома ожидает каторга. В итоге большинство тех, кто сидел с нами в лагере, испугались и уехали в Англию. Но моя мама поступила иначе. Она заявила, что является женой красного командира и желает только одного – воссоединения семьи. Но, когда мы вернулись на родину, нас определили в фильтрационный лагерь в Гродно. И мы даже поначалу пожалели, что вернулись обратно. Но потом нас, как семью майора Красной Армии, который геройски погиб в первые дни войны, отправили в Тульскую область, в город Сталиногорск, откуда мы родом.

– А как же ваш немецкий друг Ганс – вы с ним больше не виделись?

– Когда нас освободили союзники, я сразу побежал в замок к Гансу. Но застал там только труп его отца, который лежал у себя в кабинете с простреленной головой. Судя по всему, он застрелился, чтобы избежать плена. А остальных домочадцев в замке уже не было – видно, сбежали.

– А как в вашу жизнь вошел бокс? – продолжал допытываться Дин, который хоть и был под хмельком, но с интересом слушал рассказ боксера.

– Это все началось в том же Сталиногорске. Причем косвенно в этом были виноваты немцы.

– Как это? – удивился Дин.

– Местные ребята дразнили меня фашистом и недобитым буржуем, поскольку я ходил в добротной западной одежке, которой нас снабдили англичане. Чтобы постоять за себя, мне пришлось заняться спортом. Начал я с толкания ядра, а потом перешел в боксерскую секцию. С тех пор бокс стал для меня смыслом жизни.

В течение всех дней, что Дин жил в Петрозаводске, он продолжал общаться с Воробьевым, найдя в нем искреннего и доброжелательного собеседника. Однажды Воробьев здорово выручил Дина, когда ему надо было срочно выезжать на съемки, а у входа в гостиницу собралась толпа поклонниц, которая была готова буквально разорвать Дина на сувениры. Тогда Дин пришел к Воробьеву и через его окно, которое находилось на первом этаже, выбрался на задний двор гостиницы и благополучно миновал толпу поклонниц.

Когда пришла пора прощаться и Дин стал приглашать Воробьева к себе в ГДР, тот только усмехнулся:

– Это вряд ли, Дин. Я ведь невыездной: у меня и анкета «подмочена» лагерным эпизодом, и членом партии я не являюсь.

Кстати, когда Воробьев вернется в Москву, его сразу вызовут

в Спорткомитет для разбирательства. Кто-то из своих, кто тоже был в Петрозаводске, донес на Воробьева, что он весь тренировочный сбор только и делал, что встречался в своем гостиничном номере с американцем, пьянствовал и не проводил тренерских советов. Воробьев будет защищаться: мол, этот американец – знаменитый борец за мир Дин Рид.

– С каких это пор тренеру советской сборной нельзя встречаться с борцом за мир? А что водочку пили, так это в меру – никаких скандалов мы не устраивали.

В итоге наказывать Воробьева не стали и отпустили восвояси.

Съемки в Карелии длились две недели и закончились в конце **марта**. Затем съемочная группа вернулась в ГДР, чтобы в павильонах киностудии «ДЕФА» в Бабельсберге (под Потсдамом) продолжить съемки. А в **апреле** у Дина начались концертные гастроли: сначала он выступал в нескольких городах Восточной Германии, после чего отправился в Чехословакию (это была его первая гастрольная поездка в эту страну). В Праге Дин познакомился с актером Вацлавом Некаром, который на долгие годы станет его другом.

Между тем той весной случились события, которые вновь напомнили Дину разговор с Альбертом Норденом о Солженицыне. Дин совершенно случайно узнал, кого имел в виду Норден, когда проговорился о том, что в Берлине давно знали о желании Москвы выслать писателя. **24 апреля** в ФРГ был арестован Гюнтер Гийом, которого разоблачили как многолетнего агента «Штази». Этот арест привел к отставке канцлера ФРГ Вилли Брандта, последовавшей **6 мая**. Как потом выяснится, разоблачение Гийома было хитроумной операцией западногерманской БНД с целью заставить одного из инициаторов западноевропейской разрядки Вилли Брандта уйти в отставку. БНД еще в **1973 году** разоблачила Гийома как агента «Штази», но предпочла не торопиться с его разоблачением, чтобы сделать это в будущем, когда представится удобный случай.

Эта история больно ударила и по Советскому Союзу. Когда Брежнев узнал о разоблачении Гийома, он буквально рвал и метал. Генсек чрезвычайно симпатизировал Брандту, с которым у него установились самые теплые отношения, а тут получалось, что Брандта подставил агент «Штази», о котором КГБ даже не догадывался. В итоге этот скандал на какое-то время осложнит отношения двух социалистических государств.

Тем временем Дин продолжает совмещать творческую деятельность с общественной. В конце **мая** он отправился в Париж, где должна была пройти юбилейная сессия Всемирного совета мира (она была посвящена 25-летию движения

сторонников мира). В Париже Дин уже бывал до этого несколько раз, и этот город ему очень нравился. И когда он впервые попал сюда, то практически весь день проходил по улицам и площадям, наслаждаясь его красотами. Вот и в этот свой приезд он первый же день посвятил экскурсии. Прокатился на катере по Сене, покормил чаек в саду Тюильри и заглянул на Монмартр, чтобы послушать тамошних гармонистов. Заглянул он и в свой любимый итальянский ресторанчик возле Латинского квартала, где делали его любимые равиоли и каннелони, которые были ничуть не хуже тех, что Дин любил вкушать в Риме.

Сессия ВСМ открылась **28 мая** в парижском зале «Плейель» – в том самом зале, где в 1949 году состоялся первый Всемирный конгресс сторонников мира. Заседания сессии, на которую съехались 2200 делегатов из более чем 60 стран, проходили также в Люксембургском дворце и резиденции ЮНЕСКО. Дин снова получил возможность встретиться со многими своими друзьями: Альфредо Варелой, Ортенсией Бусси де Альенде, а также с чилийцами, которые специально приехали в Париж, чтобы встретиться с Дином и обговорить с ним возможность его участия в пропагандистских мероприятиях, направленных против хунты. Среди этих людей был и Луис Варгас, который рассказал Дину о последних событиях политической жизни Чили. От него Дин узнал, что в **январе** хунта приняла декрет о политических партиях, согласно которому в стране вводился запрет на любые собрания, что в Чили более 250 фабрик и заводов возвращено их бывшим владельцам, но в то же время закрыто большинство институтов и факультетов с преподаванием общественных наук.

– Так Пиночет борется с марксистскими идеями, – усмехнулся Луис. – Но у него это плохо получается: наше подполье ему все равно не истребить. Вот и мы наберемся здесь немного сил и опыта и вновь вернемся на родину.

Дин не стал уточнять, где именно Луис собирается набираться опыта, поскольку хорошо об этом знал. Например, он был осведомлен об учебно-тренировочном лагере «Байкал», который действовал на территории ГДР – восточнее Берлина, близ польской границы. Там чилийцев-нелегалов обучали азам конспиративной работы, подрывному делу. А обращению с оружием их учили в другом месте – в Мотцене, к юго-востоку от Берлина. Причем Дин знал это не от своих немецких товарищей, а от тех же чилийцев, которые давно уже убедились в том, что Дин – надежный и верный товарищ.

Во время того разговора с Луисом и его товарищами Дин завел разговор и о своей собственной персоне: спросил, какую лепту он может внести в дело борьбы с Пиночетом.

– Ты и так достаточно много делаешь для нашего дела здесь, в Европе, – улыбнулся Луис.

– Но я мог бы принести еще больше пользы, если бы, к примеру, разоблачил деяния хунты непосредственно в Чили, – возразил Дин.

– Это очень опасно, – покачал головой Луис.

– Не более опасно, чем ваша работа, Луис, или то, что сейчас делает твой брат.

После этого в разговоре наступила пауза, которая потребовалась для того, чтобы Луис мог обдумать сказанное Дином. А тот между тем не унимался и продолжал гнуть свою линию:

– Если я приеду в Чили, меня уничтожить они не посмеют, поскольку я американский гражданин. К тому же один из активных сотрудников Всемирного совета мира. Единственное, что возможно, – это арест. Но долго держать меня они не посмеют по тем же перечисленным причинам.

Видимо, резон в словах Дина был, поскольку Луис прервал свое молчание и, пожав Дину руку, сказал:

– Хорошо, мы подумаем над этим вариантом. Но, в любом случае, ты отчаянный человек, Дин.

– Мой отец выражался по этому поводу более грубо – он говорил, что его средний сын – глупец без тормозов, – не скрывая довольной улыбки, ответил Дин.

Жизнь Дина в ГДР можно вполне назвать благополучной. Вместе с Вибке они живут в юго-восточном пригороде Восточного Берлина Раухфангсвердер рядом с тихим озером. Эту квартиру им помогли получить власти страны, а если конкретно – лично Хонеккер. Дин даже допущен в круг высших германских руководителей и иногда видится с ними на теннисных кортах в привилегированном поселке Вандлиц в 23 милях севернее Восточного Берлина.

Этот поселок был построен еще при Ульбрихте, в **1960 году**, и к середине 70-х уже насчитывал 23 особняка, в которых проживали высшие руководители ГДР. Здесь было все, чтобы жители Вандлица ни в чем не нуждались: магазины, бытовые учреждения, бассейн, сауна, спортивные площадки и т. д. Периодически приезжая туда, Дин видит не только Хонеккера, но и шефа «Штази» Эриха Мильке и Альберта Нордена. Последний, правда, в теннис не играет в силу своего возраста (в **1974 году** ему исполнилось 70 лет), однако любит сидеть на лавочке и наблюдать за игрой других. Однажды, когда Дин доиграл очередной сет и присел отдохнуть рядом с Норденом, он задал ему вопрос, который давно вертелся у него на языке:

– Вы знаете, как в народе называют этот поселок?

Норден ответил не сразу, а сначала смерил Дина внимательным взглядом, после чего на хорошем английском задал ответный вопрос:

– А ты откуда услышал это название?

– В случайном разговоре на «ДЕФА».

– Понятно, – усмехнулся Норден. – Думаешь, мы здесь отгородились от народа и находимся в абсолютном неведении относительно того, что о нас думают простые люди? Зря ты так думаешь. У Мильке очень хорошая служба, которая регулярно информирует нас, что происходит за этим забором. От него я и услышал народное название этого поселка – Вольвоград. Правильно?

Дин в ответ утвердительно кивнул головой.

– Я очень хорошо понимаю, какие мысли тебя обуревают, Дин, но с этим ничего не поделаешь – несмотря на то что все наши лозунги провозглашают о том, что народ и партия едины, однако между руководством и народом должна сохраняться некая дистанция, – после некоторой паузы продолжил разговор Норден. – Так легче жить обеим сторонам.

– Вы так думаете? – В голосе Дина сквозило неприкрытое сомнение.

– Абсолютно. Ты же был во многих социалистических странах и видел примерно одно и то же. Так что мы ничего нового не открываем.

– А вы не боитесь, что эта дистанция со временем превратится в пропасть?

– А вот здесь ты заблуждаешься, – покачал головой Норден. – Во-первых, я уже говорил, что Мильке регулярно информирует нас о ситуации в обществе. Во-вторых, мы часто бываем на местах и собственными глазами видим, как живут люди. Ты ведь уже больше года живешь в ГДР, а до этого бывал у нас неоднократно.

Скажи, разве наши люди живут хуже, чем, например, в Советском Союзе? Ты разве не слышал, что нашу страну называют «витриной социализма»?

– Да, ваши люди живут неплохо, – согласился Дин со своим собеседником. – Но то, что имеете вы, руководители, намного превосходит уровень жизни простых людей. И это их злит. Вы не боитесь, что рано или поздно эта злоба может обернуться бедой?

– Не боюсь, поскольку знаю главное условие: не надо перегибать палку. Да, мы живем лучше простых людей, но не настолько, чтобы эти самые люди нас ненавидели. К тому же в процентном отношении мы составляем мизер. Неужели ты считаешь, что было бы лучше, если бы мы жили вместе с простыми гражданами в панельных домах и ездили в общественном транспорте? Вот покойный Сальвадор Альенде пытался жить по таким правилам – частенько приглашал в президентский дворец простых людей из шахтерских поселков, горожан, индейцев. Иной раз сам ездил работать на стройки, орудуя киркой или собственноручно разгружая машины. Не спорю, это прекрасные порывы, однако это чистой воды популизм. И сентябрьский путч 73-го года это хорошо высветил: большинство того самого народа, с которым Альенде работал на стройке или на заводе, не захотели прийти на помощь своему президенту. А почему? Да потому, что люди, тесно общаясь с ним, узнали не только его достоинства, но и недостатки. Он перегнул палку в своем популизме.

– То есть вы хотите сказать, что он перестал быть для них идолом? – спросил Дин.

– Пусть будет так, – согласился Норден. – И не надо бояться этого слова. Мы хоть и живем в двадцатом веке, однако тяга к идолопоклонству у наших современников не менее сильная, чем это было несколько веков назад. И тут не имеет значения, что мы строим: капитализм или социализм. Более того, в капиталистическом обществе это явление имеет куда более уродливые формы. Вспомни, что творится вокруг тех же звезд эстрады или кино. Что происходило с миллионами людей, когда они приходили на концерты «Битлз» или видели живую Мэрилин Монро? А как они поклонялись президенту Америки Джону Кеннеди?

– Во всяком случае, не так, как это было при Сталине, – попытался возразить Дин.

– Культ личности Сталина случился тогда, когда социализм делал только первые шаги, – все тем же бесстрастным голосом ответил Норден. – И у этого явления были объективные причины: Советский Союз был со всех сторон окружен враждебными

государствами, и, чтобы выжить, ему нужно было вокруг кого-то сплотиться. Сталин стал цементом этого государства в прямом и переносном смысле – он был настолько жесток, что иной раз казалось, будто он сам сделан из камня. Но только такой твердокаменный политик мог вывести страну в мировые лидеры. Будь на месте Сталина другой человек, его бы история давно стерла в порошок.

– А вы лично видели Сталина? – поинтересовался Дин.

– Конечно, я ведь член партии с 20-го года, а в середине 30-х неоднократно бывал в Москве, в том числе и в Кремле. Сталин живой и Сталин на картинках – два разных человека. Я всегда поражался, как этот, в общем-то, невзрачный с виду человек сумел стать тем, кем он стал – великим руководителем. Эту загадку я лично до конца так и не раскрыл.

– Зато вы хорошо разбираетесь в мыслях и чаяниях своего народа.

Уловив некую усмешку в устах Дина, Норден отреагировал на это с раздражением:

– Ты зря иронизируешь по этому поводу. Мы допустили тебя в наш круг потому, что считаем разумным человеком. Жить все время с революцией в сердце – вещь опасная. Истинный революционер должен пройти путь от чистого идеалиста до холодного прагматика. Только в таком случае он может принести пользу своему делу. Я лично этот путь прошел. Когда я вступил в компартию, я был 16-летним подростком. Наивным идеалистом, на котором не было даже нормальных штанов и рубашки. Через пятнадцать лет этот идеализм из меня выветрился, когда я чудом сумел не попасть сначала под сталинский молох, а потом и под гитлеровский. Жизнь меня обтесала. То же самое она сделает и с тобой, причем чем раньше это произойдет, тем лучше. Хотя ты изо всех сил сопротивляешься этому процессу.

– Может, это к лучшему? – высказал предположение Дин.

– Для артиста – может быть, но не для политика. Но ведь ты рвешься в политику. А если так, то изволь выбросить свой идеализм к черту. Влезь в нашу шкуру. Вот ты, например, можешь позволить себе разъезжать на «Ладе» и запросто общаться с народом за кулисами. Это естественно для артиста. Мы же себе такое позволить не можем, потому что люди назовут это популизмом. Они скажут, что Норден таким образом завоевывает себе дешевый авторитет.

– Так скажут единицы, а большинство вас поймет и поддержит, – возразил Дин.

– Опять ты идеализируешь людей, Дин. Среди твоих коллег-артистов много таких, кто дает бесплатные концерты, как ты? Да

они почти все гоняются за западными шмотками, а тебя считают ненормальным. И они по-своему правы, поскольку такое поведение им диктует наша действительность. Люди хотят жить лучше, чем их предшественники, – эту аксиому надо принять как данность. А мы, руководители, такие же люди, как и все. До этого поселка, который построили всего-то пятнадцать лет назад, мы жили гораздо скромнее. Но жизнь меняется, а с нею меняемся и мы. Главное, как я уже говорил, не перегибать палку.

Сказав это, Норден замолчал и вновь устремил свой взгляд на теннисный корт. Дин тоже молчал, понимая, что последнее слово его собеседник еще не произнес. Так оно и было. Помолчав около минуты, Норден вновь нарушил тишину:

– Я прекрасно понимаю, Дин, причину твоих сомнений. Корень их в несоответствии тех истин, которые ты почерпнул из книг и увидел в действительности. Да, наш социализм не похож на тот, каким описывали его теоретики. Но в том-то и дело, что они были всего лишь теоретиками, а нам выпало быть практиками. Мы первопроходцы в этом деле, поэтому не застрахованы от ошибок. Это я тебе говорю как политик и профессор Гумбольдтского университета с двадцатилетним стажем.

– Хорошо бы, чтобы эти ошибки не стали роковыми, – ответил собеседнику Дин, после чего поднялся с лавочки, поскольку настала его очередь вновь выходить на корт.

Между тем продолжается концертная деятельность Дина: в **июле** он выступил на фестивале песни и танца в Тюрингии. Там он спел несколько песен и сообщил зрителям, что в скором времени собирается сниматься в очередном фильме – «Братья по крови». «В этом фильме я играю героя, который во многом похож на меня самого», – сообщил Дин.

В «Братьях…» Дин выступил сразу в нескольких ипостасях: он был автором сценария (вместе с Хансом-Иохимом Вальштайном), исполнителем главной роли, а также автором и исполнителем песни «Люби брата своего». Последнему произведению в скором времени предстоит стать настоящим шлягером и лишний раз стать поводом к разговорам о том, что Дин Рид не только хороший певец, но и отменный композитор. Что касается текста, то он наглядно демонстрировал трансформацию его автора, прошедшего за последние десять лет путь от пацифиста до активного революционера, который в случае необходимости не прочь применить и силу.

Друг – это друг, но враг – он вечно враг!

Мир от любви, казалось мне, вовек неотделим,
но все равно – пусть любишь ты или ты сам любим,
тебе ни мира, ни любви враг не отдаст за так!..
Не надо только никогда отказываться жить,
за эту жизнь мы каждый день обязаны платить.
А чем мы платим за нее – не спрашивай мечту,
корысть и суету мечта узнает за версту!
Когда-то любовью и миром мечтал я врага усмирить,
но силу – в ответ на это – решил он удесятерить.
Так пусть же знает, что с этих пор
готов у меня для него отпор.
Но, верю я, кончится в мире война —
и придет тишина,
и придет тишина!..
Минует, верю, время бед,
не будет на земле ракет,
победы нашей час пробьет —
в Мир человечество войдет.

Съемки «Братьев по крови» начались летом в Румынии: там снимались натурные эпизоды, связанные с «индейской» жизнью (лагерь шайенов и появление там Гармоники). В этой стране Дин уже бывал – снимался в «Бездельнике». Однако сказать, что он чувствовал себя там уютно, было нельзя. Нет, простые жители относились к нему вполне доброжелательно, как и везде, а вот люди из числа руководителей проявляли к нему настороженность. И Дин понимал, с чем это связано, – Румыния в социалистическом блоке считалась самой антисоветски настроенной страной. Достаточно сказать, что она единственная из соцлагеря не разорвала дипломатические отношения с Чили после того, как там к власти пришел Пиночет (так же поступил и коммунистический Китай, но он в соцлагерь не входил).

Дин ни понять этого шага, ни принять его не мог. Ему казалось, что Чаушеску это сделал исключительно в пику Советскому Союзу, поскольку больших экономических и политических выгод этот союз с пиночетовской хунтой Румынии не давал. Поэтому даже мысли о том, чтобы, например, выступить в Румынии с концертами, у него не возникало. Хотя такой шанс у него был, но он закончился скандалом. Чиновники из румынского министерства культуры предложили Дину выступить у них, но попросили не исполнять песни гражданского содержания. Дин от такого предложения чуть не взорвался, но потом взял себя в руки и ответил отказом. А потом долго размышлял на тему

превратностей культурной жизни в социалистических странах: в Советском Союзе его просили не исполнять рок-н-роллы и еврейские песни, а в Румынии уже не устроили его гражданские композиции (к слову, Румыния не выпустит ни одной пластинки с песнями Дина Рида).

Между тем съемки в Румынии для Дина тоже оказались трудными, но дело было не в политике, а в самом съемочном процессе, который оказался сложным во многих отношениях. Например, к тому времени Дин хоть и выучил немецкий язык, однако еще не настолько, чтобы легко общаться с партнерами по съемочной площадке. И в этом отношении ему здорово помог Гойко Митич, который начинал с того же – когда он в середине 60-х взялся сниматься в «дефа-вестернах», тоже плохо изъяснялся на немецком. Поэтому он всячески старался помогать Дину в его языковых проблемах. Однажды рассказал ему историю, после которой тот долго смеялся. Речь шла об эпизоде, где герой Митича должен был сказать своим соплеменникам фразу: «Обоз бледнолицых мы обстреляли!» А глагол «шиссен» (стрелять) в прошедшем времени очень напоминает другой глагол – «шайсен» (обосраться). В итоге Митич заставил всю съемочную группу буквально свалиться от хохота, когда перепутал эти глаголы и объявил, что «Обоз бледнолицых мы… шайсен».

Не менее сложными съемки выдались и в физическом плане. И хотя Дин привык на съемочной площадке все делать самостоятельно, без дублеров, однако ему пришлось изрядно попотеть. Особенно это касалось эпизода, где его герой соревнуется с героем Гойко Митича и взбирается по горным склонам. Во время другого сложного эпизода Дин и вовсе получил серьезную травму – сломал правую руку. И в итоге выбыл из съемочного процесса почти на месяц. Однако времени зря не терял: писал новые песни и общался с женой, которая, честно говоря, уже изрядно устала от того, что ее муж вечно где-то пропадает: то на гастролях, то в киноэкспедициях, то разъезжая по свету как посланец Всемирного совета мира.

Тогда же Дин узнал о событиях, которые потрясли его родину, Америку. **8 августа 1974 года** президент Ричард Никсон добровольно сложил с себя полномочия после так называемого «уотергейтского» скандала. Истоки его брали начало еще в событиях двухлетней давности, когда в ночь с **16 на 17 июня 1972 года** в помещение Национального комитета демократической партии незаконно проникла группа людей, которые тут же были арестованы агентами ФБР. Как выяснило следствие, взломщиками (они выдавали себя за водопроводчиков) оказались «республиканцы», люди из команды Никсона, которые

собирались установить в помещении НКДП подслушивающие устройства с тем, чтобы знать о планах своих конкурентов по поводу предстоящих в ноябре президентских выборов. Этот скандал длился больше двух лет и стал поводом к дискредитации Никсона и уходу его с поста президента.

Узнав об этом, Дин поймал себя на мысли, что американский истеблишмент изменился в лучшую сторону. Если раньше он убивал неугодных ему президентов (как это было в случае с Джоном Кеннеди), то теперь обошелся вполне гуманно – только дискредитацией жертвы. А то, что Никсона подставили специально, чтобы убрать из Белого дома как не оправдавшего надежд, было слишком очевидно. Новым президентом США стал Джеральд Форд, который с **1973 года** занимал пост вице-президента страны.

Между тем в Вандлиц в те дни Дин не ездил, решив не давать лишний повод людям упрекать его в том, что он «ест хлеб из рук сановных руководителей». Многие люди в съемочной группе и без того косились на него и распускали разного рода нелепые слухи. Даже Гойко Митич, с которым у него с самого начала сложились вполне ровные отношения, вскоре стал избегать Дина и уже не проявлял той активности в общении, как это было раньше. Впрочем, Дин был сам в этом виноват. Однажды, когда они беседовали в перерыве между съемками и Митич пожаловался ему, что устал быть «вечным индейцем» и мечтает играть серьезные роли, Дин посоветовал коллеге:

– Так попроси, чтобы тебе разрешили сыграть что-то другое.

– Я просил, но все без толку: мне дали понять, что мой удел – индейские вожди.

– Тогда давай я тебе помогу. Ты в теннис играешь?

Митич с удивлением воззрился на Дина, не понимая, куда он клонит.

– Ну играю, – ответил наконец Митич.

– Тогда поехали со мной в Вандлиц. Там ты познакомишься с нужными людьми, и все твои проблемы будут решены.

Услышав, куда зовет его Дин, Митич усмехнулся:

– Вот куда я не поеду, так это туда. И тебе не советую бывать там: сам не заметишь, как превратишься в такого же зажравшегося функционера, какие обитают за тамошним забором.

Сказав это, Митич встал со своего места, всем своим видом показывая, что разговор на этом окончен. И хотя их отношения после этого не прервались, однако прежней теплоты в них уже не было. И Дин прекрасно понимал, чем вызвано подобное отношение к нему. Именно тогда он впервые задумался о том, правильно ли он сделал, решив переехать жить в ГДР. Ведь, когда

он жил в капиталистической Италии, у людей, симпатизирующих ему, было меньше поводов упрекать его в приспособленчестве. Теперь же поводов к таким упрекам стало гораздо больше. Однако дать задний ход Дин уже был не в состоянии.

Свое 36-летие **22 сентября 1974 года** Дин встретил в ГДР в кругу близких и друзей. Съемки «Братьев по крови» тогда были в самом разгаре, но Дин нашел время для того, чтобы сделать паузу в съемочном процессе. Как отметили многие, выглядел он тогда бодро и был в хорошем тонусе: как в личном, так и в творческом.

В конце года Дин возобновил свою концертную деятельность – **13 декабря** выступил в одном из лучших берлинских залов «Фридрихштадтпалас» в концерте в честь 25-летия пионерской организации имени Эрнста Тельмана. А шесть дней спустя на экраны ГДР вышел второй восточногерманский фильм Дина Рида – «Кит и К». Публика и критики принимали его гораздо теплее, чем предыдущий – «Из жизни одного бездельника». Видимо, проза Джека Лондона и реалии Америки конца XIX века были публике ближе, чем Германия XVIII века.

В **1974 году** в ГДР вышли два миньона Дина Рида на немецком языке. На одном были записаны песни: «Singt unser Lied» и «Liebe liebt Zdrtlichkeit», на другом – «Wenn du gute Freunde hast».

В **январе 1975 года** Дин опять находился в Румынии, где проходили натурные съемки фильма «Братья по крови». К весне картина была снята, и Дин возобновил концертную деятельность. Планы на этот счет у него были масштабные: ему предстояло дать гастроли в трех странах – на Кубе, в Венгрии и Чехословакии.

Во время пребывания Дина на Кубе его нашел чилийский товарищ Луис Варгас. Он жил на Острове свободы почти два года, перебравшись сюда после пиночетовского переворота (после путча 10-миллионную Чили покинул 1 миллион жителей). Но жил не в праздной неге, а трудился в поте лица, поддерживая связь с чилийским подпольем (деньги на это на Кубе имелись – в **1973 году** именно сюда были переведены на хранение валютные фонды правительства Сальвадора Альенде). В этом деле Луису и его товарищам активно помогала кубинская госбезопасность – ДГИ (Direction General de Intelligencia). Луис напрямую был завязан на Управление Америки, которое занималось тайными акциями и связями с зарубежным левым подпольем. Этим отделом руководил один из лучших кубинских разведчиков Мануэль Пиньеро Лосадо, который до этого возглавлял ДГИ. Лосадо хорошо знал Дина Рида, но только заочно. И он, общаясь с Луисом, всегда поражался, как тот с восхищением отзывается об американце и особенно о его политической активности.

– Артистам нельзя доверять, – отвечал Луису Лосадо. – Они привыкли идти на поводу у своего тщеславия и гоняться за внешним эффектом.

– Но Дин не такой, – возражал Луис. – Да, он артист, но это не главное его призвание, в душе он настоящий революционер. Такой же отчаянный, как я или любой другой из нашего круга. Вы не можете этого знать, поскольку не видели его в деле. А я видел. О нем даже команданте Че хорошо отзывался.

Услышав последнюю фразу, Лосадо усмехнулся в бороду (она была огненно-рыжей, за это Лосадо прозвали Рыжей Бородой). Он тоже слышал об этих отзывах Че Гевары, но всегда относился к ним скептически – он и Че считал приверженцем эпатажных поступков. Когда в **1967 году** Че задумал поднимать восстание в Боливии, Лосадо был против этого, считая, что время для этого еще не наступило. Но его не послушали, и Куба помогла Че людьми и средствами: несколько сотрудников ДГИ из Управления Америки отправились с команданте в Боливию. И все сложили там головы. Лосадо мог напомнить об этом Луису, но не стал – понял, что это бесполезно. Вместо этого он сказал:

– Мне нравится, что ты защищаешь этого гринго, как собственного брата. Надеюсь, эта вера поможет тебе, когда вы отправитесь в Чили.

Поездка, о которой говорил Лосадо, была та самая затея Дина, о которой он упоминал еще в прошлом году в Париже. Дин собирался нелегально проникнуть в Чили, чтобы воочию убедиться в ситуации, сложившейся в Чили при Пиночете. Эти сведения Дин собирался потом озвучить с высокой трибуны ВСМ и других международных организаций. Однако была еще одна причина для поездки Дина в Чили – творческая. Луис и его товарищи хотели, чтобы Дин помог кинематографистам из чилийского Сопротивления в работе над документальным фильмом, который создавался в суровых условиях подполья. Ведь несмотря на то, что в Чили зверствовала хунта, национальный чилийский кинематограф продолжал существовать. Правда, большая часть кинематографистов работала вне пределов страны (за два года после переворота в мире было снято несколько фильмов про современную ситуацию в Чили), однако ряд деятелей кино находились и в Чили, с риском для жизни продолжая свою деятельность. Они снимали документальные фильмы, каждую минуту рискуя быть обнаруженными пиночетовскими ищейками, что грозило только одним – смертью (кстати, за первые годы правления хунты чилийский национальный кинематограф был практически уничтожен – 110 деятелей кино бесследно пропали в пиночетовских застенках).

Устроители поездки Дина в Чили прекрасно отдавали себе отчет, что для него риск ареста тоже очень велик. Но в то же время они были уверены, что самого ужасного – физического устранения Дина – произойти не должно: несмотря на всю свою жестокость, пиночетовская хунта старалась не совершать явных беззаконий, о которых стало бы известно всему миру. И дело здесь было вовсе не в мягкости хунты, а в политических и экономических интересах – режим Пиночета боролся за свое признание в мировом сообществе, а также финансовые кредиты. В обоих случаях дела у Пиночета обстояли не самым лучшим образом. Например, в **марте 1975 года** было отменено заседание Парижского клуба, который должен был рассмотреть сроки погашения задолженности Чили. Сразу несколько государств – Англия, Италия, Швеция, Нидерланды, Бельгия, Дания и Норвегия – заявили, что не считают возможным предоставлять финансовые льготы Чили, пока там нарушаются права человека. В такой ситуации любое физическое воздействие на такого известного в мире человека, как Дин Рид, да еще подданного США, могло пагубно сказаться на имидже пиночетовского режима. Так что время приезда Дина в Чили было выбрано не случайно.

Несмотря на то что между Чили и США существовал безвизовый режим передвижения, ехать туда легально Дин не хотел – понимал, что шансов у него мало, поскольку его имя наверняка есть в компьютерной системе пиночетовской спецслужбы ДИНА. Поэтому, чтобы не «светиться», и было выбрано нелегальное проникновение. Операция готовилась в полном секрете – о ней знали только несколько человек: Лосадо и двое его заместителей по УА, а также Луис и Дин. В Чили об этом был осведомлен брат Луиса Алехандро и его товарищи, в преданности которых сомнений не было. Проблему необходимых документов для Дина взяло на себя ДГИ: в спецотделе ему должны были сделать фиктивный паспорт, с которым он должен был проникнуть в страну (перемещаться по Чили Дин уже должен был с настоящим паспортом).

Детали предстоящей операции Дин и Луис обговорили в один из дней, прогуливаясь по Гаване. Они встретились в Старом городе на Плаза-де-ла-Катедраль (Кафедральная площадь). Дин любил подобные места во всех городах, где он бывал, ведь они дышали подлинной историей. А на Кафедральной площади буквально каждый камень нес в себе это дыхание веков: здесь, помимо собора, стояли дома, которые раньше принадлежали знатным жителям города и носили поистине сказочные названия – Дом Маркиза Пресной Воды или Дом Маркиза Чистой Воды.

Названия эти возникли не случайно – на табличке, установленной на одном из этих домов, можно было прочитать, что здесь когда-то протекал единственный в Гаване ручей пресной воды (теперь он был спрятан в трубу и устлан сверху ровными квадратами брусчатки).

Но главной достопримечательностью этого места был, конечно же, сам Кафедральный собор. Особенно прекрасный вид на него открывался со стороны порта. В лучах солнца башни и купола собора с разноцветными витражами так причудливо переливались, что при виде этой красоты у любого человека просто захватывало дух. Кстати, в самом соборе Дина ждало неожиданное открытие. Когда они вошли внутрь, Луис внезапно спросил у друга:

– Ты знаешь, где похоронен Колумб?

– Конечно – в Испании, – без запинки ответил Дин, поскольку знал об этом давно, еще когда жил в этой стране.

– Правильно, но до этого его прах какое-то время покоился именно в этом соборе, – сообщил Луис.

Заметив удивление в глазах Дина, Луис специально подвел его к алтарю и указал на памятную надпись, которая подтверждала правоту его слов.

– Сначала испанцы похоронили Колумба на острове Санта-Доминго, теперь это Гаити, но потом, когда остров перешел к Франции, перевезли прах Колумба сюда, в Гавану, – сообщил Луис. – А в конце XIX века, когда на Кубу высадилась морская пехота США, прах Колумба обрел свое последнее место пристанища – в Испании.

Однако, не переставая любоваться гаванскими красотами, друзья не забывали о главном – предстоящей поездке в Чили.

– Мы проникнем в страну через Перу, где у нас налажен надежный канал перехода.

Дина это сообщение не удивило. У Перу всегда были сложные отношения с Чили из-за территориальных проблем, а теперь, когда у власти там встал Пиночет, они и вовсе испортились. При этом на ситуацию не влияло даже то, что в Перу у власти тоже находились военные – президентом страны там был Х. Веласко Альварадо, который пришел к власти в ходе бескровного переворота в **1968 году**. При нем в стране стал осуществляться так называемый «план Инка». Он предполагал ликвидацию господства олигархических групп, латифундизма в деревне, преодоление экономической зависимости и отставания от ведущих стран, «уничтожение любых форм эксплуатации» и построение «общества социальной демократии». Американские компании стали вытесняться из страны сначала в нефтяной

отрасли (в **октябре** того же **68-го** был издан декрет о национализации крупнейшего нефтяного комплекса в районе Талары, принадлежавшего американской «Интернэшнл петролеум К°»), а потом и в горнодобывающей (в **1973 году** была национализирована американская компания «Серро де Паско»). В **1973 году** республика вступила в Движение неприсоединения, стала одним из инициаторов создания Андской группы (1969) и ее решений об ограничении иностранного капитала. Кроме этого, Перу делала соответствующие шаги и в области политики. Так, в **феврале 1969 года** были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом, а в **1972 году** – с Кубой.

Правда, не все в Перу было столь однозначно. Несмотря на то что власти провозглашали построение демократического общества, они отказались от активного сотрудничества с левыми партиями, видя в них не союзников, а конкурентов (впоследствии именно это поможет реакционерам свергнуть Альварадо). Поэтому леворадикальные организации видели в военном режиме лишь враждебную буржуазно-реформистскую силу и призывали к борьбе с ним. Но даже несмотря на это обстановка в стране была вполне благоприятна для того, чтобы чилийские эмигранты чувствовали себя в ней в относительной безопасности.

– Тебе на некоторое время предстоит перевоплотиться в коммерсанта Хорьхе Донато, – продолжал свою речь Луис. – Документы на его имя уже почти сделаны, и дело осталось за малым – наклеить фотографию.

– Чью фотографию? – спросил Дин.

– Твою, естественно, но несколько измененную. Хорьхе Донато у нас очкарик и с усами.

Поймав на себе удивленный взгляд Дина, Луис произнес:

– А ты думал, что мы повезем тебя в Чили с твоей физиономией? Нет, гринго, не повезем. Так что придется привыкать и к накладным усам, и к очкам с ложными линзами.

– Да я, собственно, не против, – ответил Дин.

Дин пробыл в Гаване еще несколько дней, успев уладить все свои дела: выступить с концертами и подготовиться к проникновению в Чили. После чего он покинул гостеприимный Остров свободы и отправился продолжать свое турне. Он побывал с концертами в Венгрии, а потом в Чехословакии. И везде его выступления пользовались огромным успехом. Несмотря на то что Дин был известен в этих странах как активный общественный деятель, он в то же время был певцом из страны, одно упоминание о которой вызывало у молодежи приступ восторга, – из Америки. Учитывая, что других исполнителей из этой страны в государства Восточного блока с концертами почти не

приглашали, вся слава невольно перепадала Дину Риду. Во всяком случае, пока. Например, в Чехословакии он тогда дал 13 концертов, которые посетили 57 тысяч 500 зрителей.

После гастролей Дин завершил еще одно дело – работу над фильмом «Братья по крови». И только после того, как управился со всеми своими творческими проблемами, он отправился в очередной вояж – в Чили. Несмотря на то что Дин рассчитывал на свой дипломатический иммунитет (он все-таки был гражданином США), определенный риск все равно существовал. В Чили продолжало действовать военное положение, политические партии были запрещены, а в тюрьмах томилось около 9 тысяч политзаключенных. За пределами страны находилось около 60 тысяч политических эмигрантов, из которых 4950 въезд в Чили был категорически запрещен. Дин Рид не относился к числу последних, однако приехать в Чили легально все равно не мог – ему бы просто не дали въездную визу, учитывая его политические убеждения и то, что он был другом Сальвадора Альенде.

В столицу Перу город Лиму Дин прилетел один под видом коммерсанта Хорьхе Донато. Там его встретил Луис, с которым они вместе отправились на конспиративную квартиру рядом с площадью Мигель Дасо. Здесь им предстояло прожить около двух дней, прежде чем люди, ответственные за их переход через перуано-чилийскую границу, подготовят условия для перехода. Операция развивалась вполне успешно и не грозила никакими осложнениями, поскольку до этого все предыдущие переходы заканчивались благополучно. Однако досадная случайность, случившаяся по вине Дина, едва не погубила всю операцию.

Все произошло на вторые сутки. Утром Дин и Луис отправились на рынок на улице Абанкай, чтобы купить необходимые продукты (вечером того же дня им предстояло покинуть Лиму). Сделав покупки, друзья отправились назад, в свою квартиру. Однако на полпути Дин отстал, решив на пару минут заскочить в книжный магазин. Он и правда пробыл там недолго, но когда выходил на улицу, нос к носу столкнулся с высоким мужчиной, входившим в магазин. В этом человеке Дин узнал своего старого знакомого – бывшего начальника тюрьмы «Вила Давото» в Буэнос-Айресе Рикардо Мартина. С тех пор – а прошло уже десять лет – Мартин почти не изменился, разве что седины в волосах стало больше. Поэтому узнать его не составило большого труда. Однако, опешив от этой встречи, он на какое-то время застыл на месте будто вкопанный, что позволило Рикардо внимательно вглядеться в его лицо. И хотя на Дине были очки и накладные усы, бывший начальник тюрьмы тоже узнал своего бывшего подопечного.

– Мистер Рид? – не скрывая своего удивления, произнес Мартин и первым протянул руку для приветствия.

И Дину не оставалось ничего другого, как пожать эту руку, тем самым выдавая себя с головой. При этом краска смущения залила его лицо, что не укрылось от глаз Мартина.

– Я вижу, вы изрядно смущены нашей встречей, – произнес Мартин, продолжая держать ладонь Дина в своей руке. – Честно говоря, и я не ожидал встретить вас в этом городе, да еще в таком виде. Чем он вызван?

– Исключительно проблемой моей популярности – таким образом я скрываюсь от ненормальных поклонниц, – соврал Дин и мысленно похвалил себя за сообразительность.

– У вас здесь гастроли? – продолжал удивляться Мартин.

– Нет, но я приехал сюда, чтобы договориться об их проведении и еще о выпуске моего диска, – продолжал врать Дин. После чего решил перехватить инициативу и задал ответный вопрос: – А вас какими судьбами занесло в Лиму? Насколько я знаю, вы должны выращивать розы в своей оранжерее в Кильмесе.

На этот раз пришла пора удивляться уже Мартину.

– Откуда такая осведомленность? – спросил он у Дина.

– От вашего преемника в «Вила Давото».

– Значит, вы опять гостили в ее стенах? За что?

– Все за то же – за неуважение к властям.

– Ах да, я же забыл, что вы по-прежнему остаетесь приверженцем коммунистической доктрины. Причем с тех пор, как мы с вами виделись, вы «покраснели» еще сильнее. Я читал об этом в газетах.

Дин не стал опровергать эту информацию, но, чтобы не упускать инициативу, вновь вернул собеседника к своему вопросу:

– Вы так и не ответили мне, какие ветры занесли вас в Перу?

– Разные ветры, мистер Рид: и личные, и политические, – после небольшой паузы ответил Мартин. – После того как два года назад в Аргентину вернулся Перон, друзья заставили меня забыть про мои розы и влиться в ряды оппозиции. Потом, как известно, Перон скончался, и к власти пришла его благоверная – Мария Эстела Мартинес. Тут уж обстановка в стране стала совсем невыносимой. Во всяком случае, для меня. В итоге я живу здесь у своей дочери Мари-Элены.

– У той самой девочки, которой я когда-то подписывал фотографию?

– Ну, сегодня она уже далеко не девочка, – засмеялся Мартин. – Она превратилась в красивую женщину с двумя детьми. Но ваши песни она по-прежнему любит слушать.

– Помню, особенно «Пистолеро».

– Нет, теперь ей нравится ваша лирика.

– Ну, конечно, двое детей обязывают именно к таким песням, – улыбнулся Дин.

Поскольку вот уже несколько минут они стояли посреди оживленной улицы, а мимо них в разные стороны сновали прохожие, Мартин внезапно предложил Дину зайти в какое-нибудь кафе и побеседовать там. Но Дин от этого предложения отказался, сославшись, что у него через полчаса назначена встреча в звукозаписывающей компании. На самом деле он не хотел, чтобы Луис, обеспокоенный его отсутствием, отправился на его поиски и застал его за этой беседой.

– Очень жаль, – не скрывая своего сожаления, произнес Мартин, после чего предложил: – Тогда, может быть, мы встретимся с вами завтра? Вы где остановились?

– В «Крильоне», – назвал Дин первый же пришедший ему на ум отель в Лиме. – Но встреча, увы, не состоится – завтра меня уже не будет в Перу.

– Обидно, – все с тем же сожалением в голосе сказал Мартин. – Мне так хотелось подискутировать с вами о политике. Ведь за эти годы вы, мистер Рид, успели превратиться в достаточно известного политического деятеля.

Видя, какое неподдельное сожаление охватило собеседника, Дин попытался его успокоить и предложил встретиться в следующий раз, когда он приедет в Перу. А чтобы у Мартина не оставалось сомнений на этот счет, Дин попросил у него его здешний адрес. И Мартин, достав из кармана своего пиджака записную книжку, написал на листке свои координаты. На том они и расстались. И когда Дин свернул за угол ближайшего дома, он с облегчением перевел дух: эта неожиданная встреча могла пустить под откос всю операцию. Но, как показали дальнейшие события, радовался Дин рано.

Он уже подходил к нужному дому, когда кто-то неожиданно тронул его за плечо. Дин обернулся и, к своему удивлению, увидел перед собой Луиса. Дин уже хотел было начать объяснять другу причину своего отсутствия, как вдруг осекся. Луис держал в руках какой-то листок бумаги и, изображая на лице смущенную улыбку, которая никогда до этого ему не была присуща, вдруг стал просить Дина… подсказать ему маршрут до улицы Инка Гарсалио де ла Вега.

– Знаете, я первый раз в этом городе и совершенно заплутал в здешних улицах, – нес явную чушь Луис. – Друзья написали мне нужный адрес, но я никак не могу сориентироваться.

Сказав это, Луис сунул Дину в руку свой листок, как бы

приглашая его прочитать написанный там адрес. Но Дин, к своему изумлению, увидел на бумаге только девственно чистую гладь. Он хотел уже рассмеяться над нелепой шуткой друга, как тот, внезапно снизив голос до шепота, произнес:

– Гляди в листок и слушай меня внимательно. Сделай вид, что объясняешь мне дорогу, и веди за собой до ближайшего угла. Там мы с тобой сворачиваем, и дальше ты делаешь то, что тебе скажу я. Ты меня понял?

Только тут до Дина наконец дошло, что это не розыгрыш, а нечто более серьезное. Однако уточнять у Луиса детали происходящего у Дина времени не было, поэтому он сделал все, как ему сказал друг. С видом гида, хорошо знающего город, Дин повел Луиса за собой, и очень быстро они дошли до первого же перекрестка. Здесь они свернули за угол ближайшего дома, после чего Луис хлопнул Дина по плечу и с возгласом «Беги за мной!» первым бросился бежать.

Несмотря на то что Дин в юности был отменным бегуном и даже участвовал во всех школьных соревнованиях, он с трудом поспевал за приятелем, который несся вперед как заправский стайер. Причем это был бег с препятствиями: несколько раз Луис сворачивал в какие-то дворы, они перелезали через решетчатые сетки, служившие заборами в тупиках, взбирались на каменные лестницы, перепрыгивая по несколько ступеней кряду. Через какое-то время Дин стал задыхаться, что было естественно: он хоть и заботился о своем здоровье, регулярно делая зарядку, но против местного климата ничего не мог поделать – в Лиме была постоянная высокая влажность. В итоге Дин остановился и прислонился к стене дома. Увидев это, Луис тоже прекратил свой бег и подошел к другу. Как ни странно, но выглядел он гораздо свежее своего напарника.

– Выходит, прыткий ковбой ты только в кино, – прислонясь к стене рядом с Дином, произнес Луис.

– Просто этот климат не по мне, – попытался оправдаться Дин, с трудом переводя дыхание. – К тому же я так и не понял, куда мы бежим: Чили, кажется, в другую сторону.

Луис в ответ рассмеялся и не приминул похвалить друга за отменное чувство юмора. После чего сообщил:

– А бежали мы, к твоему сведению, от «хвоста», который упорно следовал за тобой по соседнему тротуару.

Услышав это, Дин на несколько секунд застыл как вкопанный – так велико было его удивление. Наконец, придя в себя, он спросил:

– Ты уверен, что это был «хвост»?

– И этот вопрос ты задаешь человеку, который почти десять

лет занимается конспиративной работой? – вопросом на вопрос ответил Луис. – Ты лучше расскажи, где этот «хвост» к тебе приклеился. Когда мы ходили на рынок, все было чисто.

И тут до Дина наконец дошла вся серьезность происходящего. Такой опытный человек, как Луис, не мог ошибиться, и это счастье, что он, успев занести домой сумки с продуктами, вернулся назад и обнаружил за Дином слежку. Не случись этого, их конспиративная квартира была бы благополучно провалена. Но как к нему «приклеился» этот «хвост»? И тут Дина осенило: он вспомнил свою неожиданную встречу с Рикардо Мартином возле книжного магазина. О чем немедленно поведал Луису.

– Если бы этот Мартин следил за тобой, он бы вряд ли стал искать с тобой встречи, – сделал вывод из услышанного Луис. – Судя по всему, следили за ним, а тебя стали вести как его контактера. Но в любом случае оставаться в городе уже нельзя. Поэтому у нас всего лишь час на сборы.

Спустя пять минут друзья поймали такси и доехали до площади Мигель Дасо. Здесь Луис оставил Дина в автомобиле, а сам, соблюдая осторожность, добрался до дома, где они прожили с Дином почти два дня. Забрав сумки, он вернулся к площади, и они отправились на другую явку, где их должны были поджидать товарищи, которым предстояло сопровождать их сначала до Арекипы, а оттуда до границы с Чили.

В тот момент, когда Дин и Луис покидали площадь, резидент аргентинской военной разведки в Перу Орландо Ново уже знал о том, что их подопечный Рикардо Мартин, за которым они усиленно следили последние несколько недель, встречался у книжного магазина с неизвестным мужчиной. Эту информацию до Ново довели его агенты, которые не только зафиксировали этот контакт, но и запечатлели на фотопленку. Плохо было лишь то, что агент, сопровождавший неизвестного мужчину до места его проживания, в итоге с этим заданием не справился – упустил объект, которому помог скрыться, судя по всему, его напарник. Выслушав этот доклад, Ново распорядился как можно быстрее отпечатать фотографии, запечатлевшие встречу у книжного магазина.

Примерно около четырех часов дня эти фотографии легли на стол Ново. На нескольких из них лицо неизвестного мужчины было специально увеличено до размеров портрета. Разглядывая эти снимки, Ново никак не мог отделаться от мысли, что этого человека он уже где-то видел. Особенно обращали на себя внимание эти большие, похожие на ручки от кувшина, уши. Повертев фотографии в руках, но так ничего и не вспомнив, Ново

бросил их на стол, а сам достал из раскрытой пачки сигарету и закурил.

Откинувшись на спинку кресла и пуская в потолок ровные колечки дыма, разведчик закрыл глаза и стал усиленно напрягать свою память, пытаясь все-таки вспомнить, где он мог видеть запечатленного на фото человека. Так длилось несколько минут. Наконец, когда сигарета была почти докурена, Ново вспомнил. Это было в **1965 году**, когда он только начал встречаться со своей нынешней супругой. В один из вечеров они отправились в кино на фильм Энрике Каррераса «Новая волна». Одну из главных ролей там играл американский актер, который сразу понравился девушке Ново. А когда он попытался урезонить ее, заметив, что у парня слишком большие уши, она ответила: «Эти уши его совсем не портят, а даже наоборот». Как же звали этого американца? Он ведь какое-то время жил в Аргентине и выступал здесь как певец. Но Ново не любил современную музыку, отдавая предпочтение классике, поэтому никак не мог вспомнить имя этого американца.

Когда стало окончательно ясно, что одному ему с этим делом не справиться, Ново вызвал к себе своего заместителя Марио. Тот был на пять лет его моложе и был большим знатоком всех популярных веяний в эстрадной музыке. В итоге, едва он услышал название фильма Каррераса, как тут же назвал имя американца, снимавшегося в нем, – Дин Рид.

– Точно! – радостно воскликнул Ново. – Его еще выдворили из нашей страны за незаконную пресс-конференцию.

– А почему вы считаете, что это он? – спросил Марио, повертев фотографию незнакомого мужчины в руках.

– А ты представь его без очков и усов, – посоветовал Ново.

– Да, пожалуй, похож, – после некоторой паузы произнес Марио. – Только что он здесь делает, если у него нет ни гастролей, ни съемок в Перу? Может, приехал как турист?

– А зачем ему тогда от кого-то убегать? А также маскироваться? Вряд ли здешние женщины настолько хорошо его знают, чтобы разорвать на части. Он все-таки не Элвис Пресли. Или я ошибаюсь?

– Определенно не Элвис, – покачал головой Марио.

– Значит, его привело сюда что-то другое. Агент утверждает, что вел его до района площади Мигель Дасо. У дома № 9 он скрылся с напарником. Что мы знаем о прилегающих к этой площади домах?

– В некоторых из них живут чилийские эмигранты, – сообщил Марио.

– Что и требовалось доказать, – многозначительно подняв указательный палец, произнес Ново. – Этот американец явно

приехал сюда под прикрытием этих самых чилийцев. И он явно не хочет, чтобы об этом знали посторонние. Вот почему он маскировался и сбежал, как только почувствовал слежку.

Отпустив Марио, Ново бросил фотографии в стол, но одну из них, где лицо Дина было запечатлено наиболее крупно, положил в свой портфель. После чего взял трубку телефона и набрал номер коммерсанта Мануэля Наварро. Ново был одним из немногих, кто знал, что Наварро на самом деле возглавлял агентуру ДИНА в Перу.

Управление национальной разведки Чили (сокращенно ДИНА) было образовано вскоре после прихода Пиночета к власти **– 18 июля 1974 года**. Эта структура объединила в себе все ранее существовавшие в Чили спецслужбы: СИМ – разведку сухопутных сил, СИФА – военно-воздушную разведку, СИН – военно-морскую разведку, СИКАР – разведслужбу корпуса карабинеров, а также политическую полицию. Многие из сотрудников новой спецслужбы прошли подготовку под началом американских инструкторов в «Школе Америк» в Форт-Гулике, что в зоне Панамского канала.

Несмотря на то что первая статья декрета-закона о создании ДИНА гласила, что эта спецслужба будет занята добыванием в общенациональном масштабе любой информации в самых различных областях деятельности, за ДИНА была закреплена еще одна функция – вместе с военной разведкой она должна была бороться с оппозицией как внутри страны, так и за ее пределами. Во главе ДИНА Пиночет поставил своего близкого друга и соратника полковника Мануэля Контрераса Сепульведу, который до этого командовал полком в городе Техас Вердес. Вторым лицом в чилийской охранке был бывший армейский разведчик Хорхе Эспиноса, который непосредственно отвечал за борьбу с оппозицией (именно Эспиноса был автором операции «Самоубийство Альенде»).

К середине 70-х в ДИНА уже насчитывалось около 15 тысяч человек, которые весьма эффективно действовали не только в Чили, но и за ее пределами. Расширению последней функции способствовало то, что чилийские эмигранты, которые осели за рубежом, не собирались складывать оружие и продолжали бороться с ненавистным им режимом Пиночета даже за пределами родины. Подключив к этому делу мировую общественность, чилийцы создали несколько организаций, которые занимались подготовкой свержения военной хунты в Чили. Особую роль при этом играла так называемая Международная комиссия по расследованию преступлений военно-фашистской хунты в Чили, которая ежегодно проводила

свои заседания в разных странах. Во многом под влиянием этой комиссии удалось вскрыть многочисленные нарушения прав человека и преступления, творимые чилийской хунтой.

Чтобы сбить эту волну разоблачений, чилийские власти решились на крайние меры: подключили к этому делу ДИНА, дав ей особые полномочия по физическому устранению наиболее рьяных противников режима. Так на свет явился секретный «Проект Андреа». В рамках этого проекта действовал еще один – «План Кондор», который подразумевал объединение усилий разведывательных служб шести диктаторских режимов Латинской Америки. Именно этот план и позволил наладить ДИНА контакт с разведками из соседних стран. Правда, аргентинская СИДЕ поначалу к этому плану подключена не была, хотя многие ее сотрудники симпатизировали ДИНА и охотно шли на контакт с ее представителями (через год, когда к власти в Аргентине опять придут военные, эти контакты будут официально узаконены).

Орландо Ново начал контактировать с ДИНА около десяти месяцев назад, когда чилийцы попросили помочь им выследить и убрать генерала Карлоса Пратса. После сентябрьского переворота Пратс покинул Чили и стал одним из самых активных противников режима Пиночета. Проживая в Аргентине, он выступал с разоблачениями хунты и призывал соотечественников бороться с ненавистным режимом. Кроме этого, Пратс собирался написать мемуары, в которых многие руководители нынешнего чилийского режима, которых Пратс лично знал, должны были предстать в самом неприглядном виде. В итоге в ДИНА было принято решение устранить смелого генерала физически. Ново, который в те дни еще работал в Буэнос-Айресе, вызвался помогать сотрудникам ДИНА в этой операции. **30 сентября 1974 года** генерал Пратс и его жена былы взорваны в собственном автомобиле в самом центре аргентинской столицы.

С Мануэлем Наварро Ново встретился в небольшом кафе в одном из старых районов перуанской столицы Римак. Они сели за столик в дальнем углу зала и заказали себе по чашке кофе. После чего Ново сразу перешел к делу: извлек из портфеля фотографию Дина и положил ее на стол перед собеседником.

– Этот человек вам наверняка знаком, хотя на этом фото он тщательно маскирует себя с помощью усов и очков, – сказал Ново.

Наварро взял фотографию в руки и в течение нескольких секунд внимательно вглядывался в изображенного на ней человека. После чего положил снимок на стол и произнес:

– Этот человек мне и в самом деле кого-то напоминает, но вот кого именно, я вспомнить не могу. Если вам не трудно, Орландо, откройте его инкогнито.

– Этого человека зовут Дин Рид.

Услышав это имя, Наварро вновь взял со стола фотографию и, вглядевшись в лицо человека, изображенного на ней, сказал:

– И в самом деле похож. И где же вы запечатлели этого борца за мир во всем мире?

– Представьте себе, здесь, в Лиме. Это случилось сегодня утром. Мои люди следили за одним человеком и фиксировали на пленку все его контакты. Один из них случился с этим, как вы сказали, борцом за мир во всем мире.

– Контакт запланированный?

– Мои люди утверждают, что случайный. Во всяком случае, так это выглядело со стороны.

– А кто тот человек, за кем вы следили?

– Бывший полковник нашей армии Рикардо Мартин. Однако, мне кажется, он не представляет интереса для вашей конторы. С Дином Ридом они, видимо, познакомились давно, а сегодня случайно столкнулись на улицах Лимы.

– Хорошо, оставьте вашего полковника себе, – кивнул головой Наварро. – Но Дин Рид – наш клиент. У него здесь гастроли?

– Как я выяснил, нет.

– Но ваши люди узнали, где он остановился?

– Увы, – развел руками Ново. – В Лиме он, судя по всему, не один, и именно кто-то из его напарников засек нашего агента и помог Риду скрыться.

– Где это произошло?

– Недалеко от площади Мигель Дасо. Судя по тому, что этот напарник объявился там, именно в этих краях они и проживают. По-видимому, у кого-то из ваших земляков, коих в этом районе много.

Выслушав собеседника, Наварро вновь взглянул на фотографию. Пока он это делал, Ново с удовольствием отпил несколько глотков еще горячего бразильского кофе. Что касается его собеседника, то он за все время их разговора к своей чашечке даже не притронулся.

– Я могу взять эту фотографию себе? – прервал наконец молчание Наварро.

– Разумеется, – улыбнулся Ново, после чего добавил: – Только сначала назовите мне сумму, которую вы согласны заплатить за нее и за мой рассказ.

Наварро перевел взгляд с фотографии на собеседника и спросил:

– Мы давали вам поводы сомневаться в нашей щедрости?

Вместо ответа Ново покачал головой. Причем лицо его при этом выражало явное смущение.

– В таком случае вам не стоит беспокоиться и в этот раз, – произнес Наварро и спрятал фотографию в кожаную папку, которая все это время лежала на столе по правую руку от него. – Номер вашего счета нам известен, так что уже завтра вы сможете убедиться, что ваши старания не пропали даром.

Сказав это, Наварро залпом выпил свой уже остывший кофе и первым поднялся со стула, тем самым показывая, что встреча закончена.

Уже вечером того же дня в штаб-квартире ДИНА в Сантьяго было известно, что Дин Рид приехал в Перу с какой-то тайной целью. А поскольку в чилийской охранке прекрасно знали о том, что Дин является одним из ярых противников пиночетовского режима и работает в тесном контакте с чилийскими левыми, там нисколько не сомневались, что этот визит в Перу является не случайным.

– Вполне возможно, что они готовят переход этого американца к нам, – заявил Эспиносе начальник контрразведывательного отдела Сорда. – Целью, видимо, станет сбор негативной информации о ситуации в Чили.

Эспиноса был согласен с последним выводом своего подчиненного, но в данный момент его волновало другое – как поступить с Дином Ридом, если его удастся задержать: ликвидировать или оставить в живых? Лазейка для ликвидации этого оголтелого борца за мир у ДИНА существует: ведь Рид наверняка проникает на территорию Чили по подложным документам. Однако эта лазейка существует только ограниченное количество времени – после перехода границы Рид может вновь стать тем, кто он есть на самом деле. И в таком случае ликвидация его может принести больше минусов, чем плюсов.

Стоя у окна, Эспиноса курил кубинскую сигару и мучительно прикидывал в уме варианты своих возможных действий. После убийства Пратса в мире поднялся невероятный шум, который в какой-то мере напугал Пиночета. Он, конечно, ожидал, что эту смерть свяжут в первую очередь с его режимом, но не думал, что это возмущение приобретет такие масштабы. Даже из Белого дома раздались осуждающие голоса. Поэтому, думал Эспиноса, в сложившейся на данный момент ситуации устранять в Чили пусть левого, но все-таки американца режиму было крайне невыгодно. Во всяком случае, Пиночет такую акцию никогда бы не одобрил. Зато другую акцию он наверняка поддержит. А именно: арест Дина Рида и заключение его в тюрьму с последующим освобождением. Вся мировая печать была заполнена материалами о том, что в чилийских тюрьмах томятся десятки тысяч безвинных людей, поэтому освобождение этого борца за мир могло бы

сыграть только на руку чилийскому режиму.

Пока Эспиноса думал, Сорда сидел в кресле и молча буравил взглядом спину начальника. Так продолжалось в течение нескольких минут. Наконец хозяин кабинета сделал еще несколько затяжек, после чего вернулся к столу и, буквально вдавив недокуренную сигару в пепельницу, объявил:

– С головы этого американца не должен упасть ни один волос. Ваше дело выследить его и арестовать. Все остальное я беру на себя.

Несмотря на то что ДИНА подняла на ноги всех своих секретных осведомителей, обнаружить и арестовать Дина Рида в первые же дни его пребывания в Чили ей не удалось: он проник на территорию страны и благополучно натурализовался – опять стал Дином Ридом. Существование тотального контроля в стране и действие военного положения не помешало чилийским левым создать такое подполье, которое весьма эффективно действовало даже в таких непростых условиях.

После перехода границы в одном из небольших городков неподалеку от Арики Дин встретился с младшим братом Луиса Варгаса Алехандро, которого он помнил еще подростком. Теперь же перед ним предстал высокий молодой человек с копной черных волос, усами и небольшой бородкой (большие бороды чилийские мужчины отпускать опасались, поскольку это могло навлечь гнев хунты, которая запретила бороды сразу после переворота, считая их подражанием кубинским барбудос). В дни сентябрьского переворота Алехандро чудом избежал ареста и теперь скрывался от ищеек ДИНА под чужим именем и чужой биографией. Он поведал Дину, что их теперь в живых осталось только двое – он и Дин – из тех людей, кто осенью 70-го в одной бригаде БРП расписывал стены домов в Сантьяго.

– Двое погибли в первые же дни после переворота – их расстреляли на стадионе «Чили», а двое других были убиты недавно: один в концлагере в пустыне Чакабуко, другой – в концлагере «Ритока», – сообщил Дину Алехандро.

Эта новость ошеломила Дина, поскольку этим парням он был обязан жизнью: ведь если бы они тогда не отбили его у сторонников Алессандри, те могли забить его до смерти.

С Алехандро Дин прообщался почти весь день, а на следующее утро они простились – Дину предстояло ехать в Сантьяго, где его должны были принять уже другие люди.

Путь до столицы Чили оказался недолгим: сначала Дина довезли на частном самолете до Вальпараисо, а оттуда до Сантьяго на автомобиле (в каждом случае это были разные люди).

Но и этого времени Дину оказалось достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы относительно ситуации, которая сложилась в Чили.

В целом страна мало изменилась с тех пор, как Дин здесь был в последний раз (а это случилось за две недели до переворота). Внешне жизнь напоминала вполне мирную: на улицах того же Вальпараисо гуляли люди, в скверах сидели молодые мамаши с колясками, в которых мирно дремали младенцы. И только военные патрули на улицах города напоминали о том, что в стране все еще действует военное положение. Да еще лица большинства людей были другие – более напряженные и отстраненные. Да и с чего было радоваться большинству чилийцев, если «шоковая терапия» пиночетовского режима принесла им больше разочарований, чем радости: реальная заработная плата в **1975 году** составила менее половины от уровня **1972 года**. А безработица в стране с 3,8 % в **1972 году** выросла до 30 % в **1975-м**. Зато частный капитал чувствовал себя превосходно. Ему были переданы сотни государственных предприятий, что привело к восстановлению и дальнейшему укреплению позиций местных и иностранных корпораций. Достаточно сказать, что за два года после переворота в чилийскую экономику было вложено более 1 миллиарда долларов иностранных, преимущественно американских, капиталов, и эта сумма с каждым годом должна была увеличиваться. В итоге к середине **1975 года** внешняя задолженность Чили достигла почти 5 миллиардов долларов.

Сопровождающие привезли Дина в Сантьяго и помогли ему снять квартиру в одном из домов на окраине города. После этого сопровождающие расстались с Дином, поскольку их дальнейшая связь могла быть опасна для обеих сторон. При этом Дину было заявлено, что отныне связь будет односторонняя – через несколько дней подпольщики сами выйдут на Дина, чтобы познакомить его с кинематографистами чилийского Сопротивления. Однако последним планам так и не суждено будет осуществиться.

На следующий день после приезда в столицу Дин предпринял первую вылазку в город. Взяв такси, он отправился в центр города для ознакомительной экскурсии. Он доехал до улицы Аугустинас, после чего отправился пешком ко дворцу Ла Монеда. Ему хотелось взглянуть на здание, в котором так трагически оборвалась жизнь его друга – президента Сальвадора Альенде. В последний раз Дин живьем видел этот дворец в начале сентября 73-го. Затем он увидел его через несколько недель по телевизору и ужаснулся – это были съемки штурма Ла Монеды войсками

путчистов, которые расстреливали здание из орудий, бомбили с самолетов. Увы, но следов этих бомбежек Дин уже не застал: за эти два года дворец был специально восстановлен властями, чтобы не напоминать ни жителям города, ни туристам об ужасах тех сентябрьских дней. Однако военные патрули на площади перед дворцом все же не позволяли людям ни на минуту забыть, что в стране царят отнюдь не лучшие времена.

В Сантьяго Дин успел пробыть чуть больше двух дней. Потом его арестовали. При каких обстоятельствах это произошло, так и осталось невыясненным: то ли Дин засветился сам, то ли его «сдал» кто-то из длинной цепочки его сопроводителей (в рядах чилийского подполья у ДИНА были свои осведомители, которым они щедро платили за информацию). Арест произошел до обыденного просто. Дин шел по улице, когда рядом с ним притормозил «Форд Фальконе», из которого выскочили двое мужчин в штатском и силой втолкнули Дина в автомобиль. Спустя несколько минут его привезли в полицейский участок, где его принял высокий и подтянутый мужчина в дорогом костюме и явно с военной выправкой. Даже не предложив Дину присесть, хозяин кабинета взял с места в карьер:

– Какие причины привели «красного ковбоя» Дина Рида в нашу страну?

Дин не удивился тому, что его так быстро расшифровали, поскольку с самого начала своего проникновения в Чили был готов к подобному повороту событий. Поэтому ответил честно:

– Любовь к этой стране, ведь я близко знаю ее уже почти пятнадцать лет.

– Хорошая у вас любовь: бороться с законной властью, – усмехнулся хозяин кабинета.

– Эта власть держится на штыках.

– И слава богу! – громко воскликнул хозяин кабинета. – Власть вашего Альенде держалась на добром слове, и это слово едва не привело страну в пропасть. Так что мы, в отличие от него, творим благое дело.

– То же самое говорил Гитлер своим соотечественникам, – парировал Дин.

После этих слов в кабинете наступила тишина, поскольку упоминание имени нацистского вождя произвело определенное впечатление на собеседника Дина. Он в течение нескольких секунд пристально глядел ему в глаза, после чего твердым голосом произнес:

– За одно сравнение нашего режима с фашистским я могу упечь вас за решетку на несколько лет. Это во-первых. Во-вторых, вам светит еще несколько лет за нелегальное проникновение на

территорию Чили. К тому же у вас наверняка и виза в паспорте поддельная. Где вам ее делали: в Москве, в Гаване или еще в каком-нибудь марксистском вертепе?

Дин предпочел не отвечать на этот вопрос, понимая, что любое его слово будет истолковано в этом кабинете превратно. Угрозы хозяина кабинета имели под собой основание (именно в **мае 75-го** хунтой был издан декрет № 1009, разрешающий «превентивное» заключение лиц, которые рассматривались как представляющие угрозу национальной безопасности), однако Дина они мало пугали: ему казалось, что и в этот раз он сумеет выпутаться с помощью своих друзей, которые остались на свободе. К тому же после трех предыдущих пребываний за решеткой у него уже выработался определенный иммунитет к этому делу.

Видя, что его собеседник перестал с ним спорить, хозяин кабинета счел это за его поражение и тоже утратил всяческий интерес к диалогу. Он вызвал в кабинет своих сотрудников и сделал им жест рукой: мол, уведите. Дин думал, что его поместят в одну из камер здесь же, в участке, но его повезли в другое место. Как оказалось, это была тюрьма «Вилья Гримальди». Там он прошел стандартную процедуру: его тщательно обыскали, сняли с него брючный ремень, шнурки с ботинок, отобрали часы и даже носовой платок и расческу. После чего сопроводили в камеру-одиночку. Все время, пока длилась эта процедура, Дин сохранял молчание, понимая, что любая просьба к тюремщикам – типа связаться с посольством или адвокатом – бессмысленна. Было понятно, что в этом учреждении Дину предстоит провести какое-то время, пока его товарищи не узнают, где он находится.

В тот же самый день, когда Дина арестовали, руководитель ДИНА Мануэль Контрерас Сепульведа доложил об этом Пиночету. Тот хорошо знал Дина Рида, и чувство у диктатора к нему было двоякое: с одной стороны, он ценил его как талантливого артиста, который очень популярен в Чили, но, с другой стороны, не мог понять его активной приверженности марксистской идеологии. В 60-е, когда Пиночет впервые услышал о Дине Риде, он расценил его увлечение левацкими идеями исключительно как дань моде – тогда это было очень популярно у молодежи. Но когда и с течением времени эти идеи не выветрились из головы Дина, Пиночет понял, что к этому человеку с обычными мерками подходить бесполезно. И с этого момента Дин Рид превратился для Пиночета в серьезного врага: он ненавидел его и уважал одновременно. И то, что Дин не побоялся при-ехать в сегодняшнюю Чили, где людям его политических воззрений

уготован не самый лучший прием, только прибавило ему авторитета в глазах диктатора.

Выслушав доклад руководителя ДИНА, Пиночет спросил его, где содержится Дин. Узнав, что этим местом стала тюрьма «Вилья Гримальди», которую маркистская пропаганда успела окрестить «основным местом пыток пиночетовского режима», диктатор мысленно воздал хвалу руководителям своей спецслужбы: он понял, что таким образом те хотели показать миру, что из этого ужасного места люди не только уходят на тот свет, но и благополучно выходят на свободу. А то, что Дина Рида никто не собирается убивать, Пиночет понял сразу – в противном случае ему бы вряд ли доложили о его аресте. Диктатор хорошо знал своих ищеек: они могли тайно вывезти этого американского бунтаря куда-нибудь за город и растворить его тело в бочке с серной кислотой. И никто бы не нашел никаких концов. Мало ли за эти два года в Чили пропало бесследно людей? (Как установит в 1990 году специальная комиссия, за 17 лет правления Пиночета в Чили бесследно исчезли после ареста 975 человек. Но это были только доказанные документами случаи, а если учитывать еще и случаи документально не подтвержденные, то число пропавших без вести исчисляется тысячами. – *Ф. Р.*)

После непродолжительной паузы, которая понадобилась Пиночету для того, чтобы вынести свое решение по поводу услышанного, диктатор подвел итог этой встрече. Глядя в глаза руководителю ДИНА, он произнес:

– Судя по тому, что я от тебя услышал, ты прекрасно отдаешь себе отчет, что надлежит делать. Вот и действуй в том же ключе. Все должно выглядеть законно. Сообщите о факте ареста Дина Рида прессе, после чего проведите над ним суд. После того как за его освобождение выступят его товарищи, пойдите им навстречу – вышлите этого бунтаря из страны. Короче, дайте прессе повод раструбить на весь мир, что Пиночет совсем не исчадие ада.

В «Вилья Гримальди» Дин провел почти три недели. Все это время с ним обходились вполне цивилизованно: сносно кормили, регулярно выводили на прогулки, не мучили допросами. Правда, среди тюремщиков попадались разные люди. Один из них, например, сразу невзлюбил Дина и при каждом удобном случае стремился поставить на место. Например, вечером в камере было особенно холодно, и Дин, чтобы согреться, кутался в одеяло. Однако каждый раз, когда он это делал, охранник в окошко кричал ему: «Руки держать поверх одеяла!» И Дину приходилось находить другие средства, чтобы согреться: например, ходить по камере и делать гимнастические упражнения.

Несмотря на сносные условия, которые Дину устроили в тюрьме, он прекрасно понимал, что это скорее исключение, чем правило. Ночами он слышал глухие стоны и крики, которые доносились из соседних блоков и явно указывали на то, что к остальным заключенным здесь относятся по-другому. Но особенно Дина потряс один случай, который случился прямо средь бела дня. Он стоял у окна и наблюдал за тем, как в тюремном дворе из «воронка» выгружают очередную партию заключенных, когда дверь в его камере внезапно отворилась и туда втолкнули женщину в арестантской робе. Вид ее был ужасен: лицо было разбито в кровь, а голые ноги от колен и до пят буквально почернели от кровоподтеков. Женщина тяжело дышала, а ее взгляд был настолько отрешенным, что казалось, будто он принадлежит не человеку, а скотине, которую через секунду отправят на бойню.

В какой-то миг Дину показалось, что ноги женщины вот-вот подкосятся, поэтому он бросился к ней и попытался поддержать под руки. Но женщина сделала жест рукой, давая понять, что это лишнее. Потом, еле двигая разбитыми в кровь губами, произнесла фразу, которая заставила сердце Дина буквально сжаться от боли:

– После пяти суток непрерывных пыток упасть на бетонный пол для меня не самое страшное.

Это была единственная фраза, которую успела произнести женщина. В следующую минуту дверь камеры снова отворилась, и тюремщик, схватив женщину за локоть, вытащил ее в коридор. Как понял Дин, эта встреча была незапланированной, просто в тот миг по коридору вели какого-то заключенного, с которым не должны были встречаться другие зэки. Вот женщину и втолкнули в первую же попавшуюся камеру.

Весь остаток дня Дин только и делал, что думал об этой женщине. До этого он много слышал от своих чилийских товарищей, а также читал в газетах о пытках, которые пиночетовская охранка практикует в своих тюрьмах. Однако одно дело слышать об этом и читать, и совсем другое – увидеть результаты этих пыток воочию.

В **феврале 1975 года** на очередной сессии Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили был распространен документ о систематических издевательствах, которые применяла хунта к врагам режима. Дин читал этот документ и буквально ужасался изощренности пиночетовских палачей. В их арсенале было более двух десятков различных пыток, начиная от «цивилизованных» – электрошока и подвешивания заключенных за ноги и за руки к потолку – и заканчивая «варварскими» – пытки голодными крысами и

помещение в карцер, кишащий насекомыми. Многие из этих пыток, как писалось в документе, превзошли собой даже гестаповские. К слову, одним из главных консультантов ДИНА был Вильгельм Рауф, который в годы войны был штандартенфюрером СС и «прославился» тем, что был одним из авторов «душегубок» (газовых камер). Вообще в пиночетовских спецслужбах служили несколько десятков бывших нацистов, которые после войны нашли свое прибежище в Чили и все эти годы жили в специальном закрытом поселении.

Несмотря на все старания хунты скрыть факты массовых издевательств над заключенными, правда все-таки просачивалась за пределы страны. Однако все попытки мировой общественности приехать в Чили с инспекцией лагерей и тюрем (в частности, этого добивалась Специальная рабочая группа Комиссии ООН по правам человека) хунта отвергала. «У нас пытки не применяются, поскольку это чуждо нашему образу мыслей и действий», – заявляли высокопоставленные чилийские дипломаты.

Размышляя в тюремной камере обо всем этом, Дин прекрасно отдавал себе отчет, что он находится в привилегированном положении. Если бы ДИНА захотела его убрать, она бы давно это сделала, причем эта акция была бы по-настоящему устрашающей: перед смертью его бы наверняка жутко пытали, мстя тем самым за активную антипиночетовскую деятельность. Но вместо этого его вот уже три недели держат в тюрьме и даже пальцем не трогают. «Судя по всему, меня собираются использовать в пропагандистских целях, – думал Дин. – Выпустят на свободу, а потом раструбят на весь мир, как хунта гуманна со своими противниками. Только ведь я тоже молчать не буду и подробно опишу все, чему был здесь свидетелем».

Наивно думать, что главари хунты не понимали этого. Однако они исходили из того, что свидетельства Дина Рида станут всего лишь очередными в длинной череде таких же свидетельств, которые гуляли по миру. Как говорится, одним свидетельством больше, одним меньше – не суть важно. Другое дело – факт освобождения видного борца за мир из пиночетовских застенков. На этом факте можно было строить мощную пропагандистскую кампанию, которая могла на какое-то время стать козырем в общениях главарей хунты с мировым сообществом. И эта кампания была проведена с большой помпой. Сначала Дина Рида отдали под суд как принципиального врага пиночетовского режима и присудили его к 10 годам тюремного заключения. Затем Пиночет лично помиловал его, пойдя навстречу как мировому сообществу, так и своему родному, чилийскому (в Чили за освобождение Дина выступили разные

силы: начиная от левых и заканчивая «Викариатом солидарности», который был создан католической церковью и считался в Чили одной из самых влиятельных оппозиционных организаций, поскольку обижать церковь хунта все-таки опасалась). Вот почему, когда Дин Рид благополучно вернулся на свою вторую родину, в ГДР, эта история не была раздута средствами массовой информации Восточного блока как пропагандистская. Там понимали, что в таком случае придется объяснять миллионам граждан социалистических стран, каким образом Дин Рид избежал длительного тюремного заключения (в результате помилования, которое подписал Пиночет). Но поскольку и скрыть эту историю тоже было нельзя, был выбран самый удобный вариант: были опущены подробности попадания Дина в Чили, зато его рассказ о тюремных впечатлениях был озвучен в полную силу. Причем рассказ появился не в прозе, а в стихах.

Поэму «Друзья, я это знаю по себе» Дин написал сразу после того, как вернулся из Чили в Восточный Берлин. Далась она ему легко, поскольку впечатления от пребывания в чилийской тюрьме еще были свежи в памяти Дина и продолжали будоражить его сознание. Поэтому, когда он сел писать эту поэму, она родилась за считаные часы.

Я это знаю по себе,
что значит долгими часами
шагать по камере, шагами
бессчетными, как по судьбе,
по тесной камере кружить,
как тигр, который хочет жить.
Я это знаю хорошо,
как холод проникает в тело
и коброй вьется над душой,
пугает призраком расстрела,
и даже теплое дыханье
сливается с ознобом зданья.

Я это знаю наизусть,
как хочется заснуть спокойно,
но сон идет тропой окольной,
и стоит хоть на миг уснуть,
как заорет охранник в ухо:
«Не кутать в одеяло руки!»
Да, я свидетель кратких встреч,
когда еще не вдовы – жены

в тюрьму входили напряженно,
свиданья тают вроде свеч,
беда для тех, кто был годами
совместно сердцем и делами.
Молили молча жен: «Не плачь!
Возьми себя скорее в руки,
чтоб ни охранник, ни палач
не увидали этой муки».
Да, приносили вам свиданья
печаль по милым и страданья.
Я из тюремного окна
часами наблюдал: машины
во двор въезжали допоздна,
шли заключенные, мужчины,
по одному, из тех, кто в «красных» —
навек в «особенно опасных»…
Пари держу: в тюремный двор
не привезут для блага мира
дельца, заводчика, банкира, —
и вновь выигрываю спор!
По клеткам разводили вас —
бесправных и осиротелых,
вас, обездоленных, но смелых,
кому еще не пробил час,
ведь полицейские рабы
вас не отторгли от борьбы!
Я пыток тех не испытал,
от коих вздрагивают стены,
когда летят ночные стоны —
и содрогается металл.
Однажды в камеру ко мне
втолкнули женщину
(был жуток
трагичный лик ее,
пять суток
ее пытали…),
вся боль израненного тела
перелилась в меня,
всецело
постиг и я, почти крича,
что значит «ласки» палача.

Друзья, превыше всяких благ
пусть в мире славится свобода, —

но не свобода небосвода —
вся в равнодушных облаках…
Свобода двигаться куда
глаза глядят!
Свобода звонко
смеяться,
обнимать ребенка!
Быть с милой женщиной всегда!
А то с дочуркой в зоосад
вдруг заглянуть, любя и веря,
и вот за прутьями оград
увидеть загнанного зверя.
Он мечется, скрывая злость,
по камере, готовый к бою…
Я не сдержу невольных слез,
а дочка спросит: что с тобою?
Пусть слезы превратятся в соль,
как будто клятва и молитва,
что не окончится та битва,
пока жива на свете боль…
Пока в тюрьме друзья мои…
Я вызволю вас из темницы,
чтоб вы, свободные, как птицы,
рванулись в новые бои.
И это главное в судьбе.
Все тропы дантовского ада
прошел, друзья, я с вами рядом.
Все это знаю по себе.

Эта поэма была напечатана в ГДР, а чуть позже и в Советском Союзе. Причем в Восточный Берлин за ней специально был прислан ответственный секретарь Советского комитета защиты мира. А уже спустя три месяца поэма увидела свет в СССР (ее опубликовала газета «Советская культура» в номере от **23 сентября 1975 года**). Однако вернемся на некоторое время назад.

В ГДР Дин вернулся в не самом лучшем физическом состоянии, поэтому какое-то время ему пришлось заниматься собственным здоровьем. Его поместили в привилегированную клинику, обслуживающую восточногерманскую элиту, где им занялись лучшие врачи. В итоге домой он вернулся посвежевшим и готовым к новым путешествиям. Правда, его продолжала мучить бессонница, от которой он спасался обычным способом – с помощью пилюль со снотворным. Вообще нервная система Дина в

последнее время все чаще стала давать сбои, что вполне закономерно: тот образ жизни, который он вел, не мог привести к другим результатам. Об этом же Дину говорили и врачи в немецкой клинике, которые советовали ему несколько умерить свою активность. Но он в ответ только отшутился: «Сидеть дома в кресле у камина у меня не получится. Боюсь умереть от скуки». Поэтому, пробыв дома с Вибке каких-то несколько недель, Дин в середине **июля** вновь сорвался с насиженного места – отправился в Москву на IX Международный кинофестиваль.

Фестиваль начался **10 июля** и собрал 1300 кинематографистов из 100 стран. Практически все они поселились в восточном крыле гостиницы «Россия». Дин жил там же и чувствовал себя превосходно: многих работников гостиницы он хорошо знал и относился к ним как к родным людям. Кроме этого, он встретил в Москве и своих друзей, в том числе и Эве Киви, которая тоже принимала участие в этом фестивале. Дин и Эве совершенно не стеснялись показывать на людях свои теплые чувства друг к другу, практически каждый день проводя вместе.

На тот момент Киви была по-прежнему свободна от уз Гименея, однако, помимо Дина, имела еще одну привязанность – того самого Данило Бартулина, который когда-то работал личным врачом Сальвадора Альенде. После сентябрьского переворота 73-го года Данило попал в лапы хунты и прошел через 11 концлагерей, в том числе через стадион «Чили» (он сидел там с Виктором Харой и был одним из последних людей, кто видел его живым). Затем Данило устроили побег и он попал в Мексику. Оттуда он связался с Киви, и между ними установилась переписка. А потом они увиделись – Данило тогда приехал в Москву, сопровождая вдову Альенде Ортенсию де Бусси. Дин был хорошо осведомлен об этой связи, однако претензий Киви не предъявлял, поскольку сам был женат.

Те июльские дни запомнились Дину с самой лучшей стороны. После тюремного заключения в Чили ему требовалась мощная положительная разрядка, которую Московский кинофестиваль предоставлял ему в полной мере. К тому же творческие дела Дина складывались самым лучшим образом. В **июне** в ГДР состоялась премьера фильма «Братья по крови», которая прошла с триумфом. За полтора месяца проката картина собрала огромную кассу и много положительных откликов в прессе.

Для большинства этот триумф явился полной неожиданностью. Дело в том, что в том году в ГДР отмечалось 10-летие со дня рождения первого «дефа-вестерна» («Сыновья Большой Медведицы»), однако этот юбилей вызвал массу скептических выводов. Многие считали, что «дефа-вестерны»

исчерпали себя как в финансовом отношении (они уже не приносили те баснословные деньги, которые падали на них золотым дождем в начале пути), так и в идеологическом. Поэтому предлагалось либо полностью прекратить их производство, либо остановиться и сделать передышку в несколько лет. Как вдруг фильм «Братья по крови» вновь вернул интерес к «дефа-вестернам», став лучшим фильмом **1975 года** в ГДР. Правда, у скептиков вновь нашлось оправдание этому феномену: дескать, зритель клюнул исключительно на присутствие в картине двух звезд – Гойко Митича и Дина Рида. Это было сущей правдой и практически никем не оспаривалось. Поэтому успех «Братьев по крови» и не стал поводом к продолжению «дефа-вестернов» – их производство будет «заморожено» в ГДР на несколько лет. А когда эти «заморозки» закончатся, это будет уже другое кино. Фильм «Северино» (1978), которым «ДЕФА» продолжит свою серию «вестернов», можно отнести скорее к серьезному жанру драмы, чем к приключениям. Однако вернемся непосредственно к герою нашего рассказа.

Те дни были чрезвычайно насыщены для Дина. Он исправно посещал отдельные фестивальные мероприятия, встречался с друзьями, а также договорился в Госконцерте о своих новых гастролях в Советском Союзе – они должны были состояться этой же осенью. С Киви Дин виделся чуть ли не каждый день, совершенно не опасаясь каких-то кривотолков по поводу этих отношений. Они даже позировали вместе фотографам из различных киношных изданий, что было чревато: какую-то из этих фотографий вполне могла увидеть жена Дина Вибке. Одна из таких фотографий была сделана в самом начале фестиваля прямо у гостиницы «Россия». На ней фотограф журнала «Советский экран» В. Маслиев запечатлел счастливых Дина, Киви, а также еще двух участников фестиваля – польского актера Даниэля Ольбрыхского и актрису из Сенегала Иссу Н'Янг. На фотографии царит сплошная идиллия, хотя на самом деле это было не так.

Например, Ольбрыхский всегда отличался своими независимыми взглядами и к Дину относился плохо – считал его коммунистическим прихвостнем. И даже в тот день, когда они фотографировались у «России», он, улучив момент, спросил у Киви: «Когда ты наконец бросишь этого коммуниста?» Киви этот вопрос не удивил: за годы отношений с Дином ее об этом спрашивали неоднократно, особенно в Эстонии, где взгляды Дина тоже вызывали у многих не самую лестную характеристику. Однако чаще всего в таких случаях Киви отделывалась шутками, хотя в глубине души подобные вопросы были ей неприятны.

Что касается самого Дина, то, как уже отмечалось, для него

тоже не было секретом, что многие его коллеги с пренебрежением, а то и откровенной враждебностью относятся к тому, что он делает на поприще борьбы за мир. Причем так было не только в Советском Союзе, но и в ГДР, где он жил, а также в других странах социалистического блока, где он бывал (в Румынии, Чехословакии, Венгрии). Поначалу Дина огорчало подобное отношение, но потом он к этому привык. И в итоге приучил себя не обращать на это внимания. Он знал, что был честен в своих взглядах, и доказывать это каждому встречному считал ниже своего достоинства. И он был прав. Ведь чем занималось большинство его коллег-артистов из стран социализма: в душе ненавидели коммунизм, а на деле рьяно обслуживали его идеологию, снимаясь в пропагандистских фильмах или исполняя гражданские песни. Они жили двойной жизнью и почему-то считали это более правильным, чем то, что делал Дин Рид, у которого подобного раздвоения не было.

В то циничное время Дин выглядел мастодонтом, этаким Дон Кихотом, который борется с ветряными мельницами. Быть идейным в 70-е стало уже не модно, а модным стало другое – быть внутренним диссидентом с вечной фигой в кармане. Это внутреннее диссидентство было очень удобным занятием: лежи себе на диване и критикуй втихаря власть, которая тебя кормит. Да еще посмеивайся над наивным американцем Дином Ридом, который распевает песенки про мир и дружит с властями предержащими. А то, что он при этом жертвует собственным комфортом и часто рискует жизнью, преследуемый не мнимыми, а настоящими врагами, это в расчет не бралось. Не бралось потому, что в таком случае пришлось бы спросить и себя: а ты что сделал, чтобы бороться за свою идею: в тюрьмах сидел, от пуль уворачивался, от ищеек убегал? Нет, ты сидел на теплой кухне и под водочку дискутировал о том, какая коммунистическая власть плохая и как она гнобит народы.

Между тем хороших впечатлений на том кинофестивале у Дина было гораздо больше. Например, он вновь встретился с вдовой Сальвадора Альенде Ортенсией де Бусси, которая была включена в жюри фестиваля (председателем его был советский кинорежиссер Станислав Ростоцкий, с которым Дин тоже был знаком). **15 июля** Дин присутствовал на пресс-конференции, которую вдова Альенде дала для советских и иностранных журналистов. А затем они побывали на просмотре документального фильма английского режиссера Стенли Формана «Компаньеро», который был посвящен памяти чилийского певца Виктора Хары. Рассказ в ленте велся от лица вдовы певца Джоан Хары – многолетней «компаньеро» Виктора.

Картина понравилась Дину, однако именно там он внезапно задался вопросом о том, почему до сих пор никто не догадался снять художественный фильм про этого замечательного человека. И, не найдя вразумительного ответа на этот вопрос, Дин пришел к неожиданному выводу: а почему этим человеком не могу быть я? Так в его голове сложилась идея снять полнометражный фильм про Виктора Хару. Этой идеей он поделился с директором киностудии «ДЕФА» профессором А. Вилькенингом, который тоже гостил на Московском кинофестивале, и тот целиком и полностью поддержал Дина, поскольку любой проект, касающийся пиночетовского путча в Чили, властями ГДР встречался с восторгом.

Все дни, пока Дин находился в Москве, он буквально купался в лучах своей славы. Стоило ему выйти из гостиницы на улицу, как его тут же атаковали толпы фанатов, среди которых в основном преобладали представительницы слабого пола. Кстати, из многочисленных гостей фестиваля такого пристального внимания удостаивались немногие: разве что польская актриса Барбара Брыльска (за месяц до фестиваля она закончила сниматься в комедии Эльдара Рязанова «Ирония судьбы», которая вознесет ее славу в Советском Союзе на еще более недосягаемую высоту), ее земляк Даниэль Ольбрыхский, а также американские звезды Барбра Стрейзанд, Фэй Данауэй, болгарская актриса Невена Коканова и еще ряд других зарубежных звезд, которых в СССР знали и любили.

Каждый раз, когда Дина окружала толпа поклонников, он в течение нескольких минут терпеливо раздавал автографы, не отказывая в просьбах никому. При этом неизменно улыбался, всем своим видом источая искреннюю добросердечность и радушие. Ни разу он не обидел ни одного из фанатов отказом дать свой автограф, хотя оставлять его приходилось на разных предметах, в том числе и на отдельных органах человеческого тела. Например, однажды некая женщина попросила Дина оставить свою роспись… на ее обнаженной груди. Что Дин и сделал, размашисто начертав фломастером свое имя от одной груди до другой.

Еще в одном случае молоденькая девушка протянула Дину конверт с гибкой грампластинкой, на которой Дин узрел отнюдь не свою фотографию, а какую-то молодую певицу с распущенными волосами. Удивленно воззрившись на девушку, Дин в течение нескольких секунд стоял столбом, не понимая, что происходит. Пока переводчик не объяснил ему суть происходящего.

– Девушка говорит, что у нее под рукой нет ни клочка бумаги. Вот она и просит вас оставить свой автограф на этом миньоне. Кстати, это очень популярная сейчас в Советском Союзе пластинка: «Арлекино» Аллы Пугачевой. (Первая пластинка будущей примадонны советской эстрады появилась в продаже именно в те июльские дни 75-го. – *Ф. Р.*)

В течение двух фестивальных недель Дин посмотрел больше десятка разных фильмов. Начиная от советской картины «Дерсу Узала», которую снял выдающийся японский режиссер Акира Куросава, и заканчивая французским боевиком в жанре «плаща и шпаги» «Зорро» с Аленом Делоном (последний фильм вызвал интерес Дина не случайно: как мы помним, сам он уже играл этого героя в итало-испанском фильме конца 60-х «Племянники Зорро»). Не пропустил Дин и один из самых «шумных» фильмов фестиваля – американский блокбастер Джека Смайта «Аэропорт-75» по одноименному бестселлеру Артура Хэйли.

Из нефестивальных событий, которые заинтересовали Дина, был совместный советско-американский космический полет. Именно в разгар фестиваля, **17 июля**, на космической орбите состоялась стыковка двух кораблей: советского «Союза-19» и американского «Аполлона», которая привлекла к себе внимание всего мира. Это было эпохальное событие, которое знаменовало собой начало нового периода в жизни человечества – так называемую разрядку («детант» по-западному). Две сверхдержавы – СССР и США – впервые после начала холодной войны в **1946 году** начали реальный процесс сближения друг с другом.

В начале **августа** этого же года в Хельсинки состоится еще одно эпохальное событие: Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, где главы 33 европейских государств, а также США и Канады провозгласят принципы суверенного равенства, взаимного уважения прав суверенных государств, образованных после Второй мировой войны, неприменения силы или угрозы силой, невмешательства во внутренние дела, уважения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, убеждений.

К сожалению, период разрядки продлится недолго. Впрочем, в те июльские дни 75-го большинство людей об этом еще не знают и пребывают в эйфории.

IX Московский международный кинофестиваль закончился **23 июля**. Главные призы достались трем фильмам: советскому «Дерсу Узала», польской «Земле обетованной» и итальянскому «Мы так любили друг друга».

Дин вернулся в ГДР переполненный впечатлениями и в прекрасном расположении духа. Вибке в те дни взяла отпуск, и они устроили себе «медовый месяц», отправившись в путешествие по стране. А спустя месяц Вибке объявила Дину, что забеременела. Дин был по-настоящему счастлив, узнав об этом, поскольку все еще не терял надежды, что когда-нибудь у него родится сын. И когда в **октябре** в Восточный Берлин приехала его мама, чтобы участвовать во Всемирном конгрессе женщин, Дин без тени сомнения сообщил ей, что скоро у него родится мальчик. Мать не стала разубеждать сына, поскольку тоже не прочь была заиметь себе внука.

В первой половине **ноября** Дин снова покинул ГДР: он отправился в Советский Союз, где его ожидали двухнедельные гастроли (четвертые по счету за последние 9 лет) с восточногерманским оркестром Дитера Джулика. Приезд совпал с приятным событием: в СССР демонстрировался фильм с участием Дина «Из жизни одного бездельника». И хотя большого ажиотажа эта картина в советском прокате не вызвала, однако критика приняла ее благосклонно (в **декабрьском** номере журнала «Советский экран» будет помещена положительная рецензия на фильм).

Гастроли Дина начались с концертов в Москве на сцене Театра эстрады **15–16 ноября**. Дин спел два десятка песен, из которых только одна была на русском языке – «Пусть всегда будет солнце!». Вообще у Дина давно была мечта выучить русский язык и иметь в своем репертуаре несколько советских песен. Однако к гастролям-75 Дин этого так и не сделал в силу вполне объективных причин – в первую очередь он учил немецкий язык.

Выступления Дина в Москве прошли при полных аншлагах. Такой же ажиотаж царил на концертах Дина и в следующем городе – в Риге. Там он выступал в Спортивном манеже, который располагал гораздо большим количеством мест, чем Театр эстрады, однако и там яблоку было негде упасть. Концерты длились два дня: **19–20 ноября**.

Потом Дин приехал в Таллин (впервые в своей жизни) и тоже выступал в самом вместительном зале – во Дворце спорта «Калев». На календаре было **22–23 ноября**.

В Таллине Дин жил у своей советской возлюбленной Эве Киви. Семилетний сын киноактрисы Фред, который был ровесником дочери Дина Рамоны (он родился в феврале 68-го, а она в мае), поначалу с настороженностью отнесся к певцу, но длилось это недолго, поскольку Дин быстро нашел нужные ключики к сердцу мальчишки. Как вспоминает сама Э. Киви: «Дин обожал детей и считал, что мы должны думать вначале о них и только потом о себе. Когда они познакомились с Фредом, то очень понравились друг другу. Подросший сын говорил учительнице пения: „Я не знаю детских песен на эстонском, моя любимая песня – „Белла чао“. И вообще я скоро уеду в Боливию освобождать индейцев“. Это его Дин научил…»

Из Таллина Дин отправился в Ленинград. Там в те дни (**24–25 ноября**) проходила Всемирная конференция представителей национальных движений за мир, среди участников которой было много друзей Дина. В частности, Альберт Норден, с которым Дин встретился в своем гостиничном номере в последний день работы конференции. Норден пришел к нему вечером один (охрану, положенную ему по статусу члена восточногерманского Политбюро, он оставил за дверями) и сообщил, что Всемирный совет мира принял решение наградить Леонида Брежнева «Золотой медалью мира» имени Ф. Жолио-Кюри. Но Дин уже знал об этом из других источников. Знал он и одну из главных причин этого награждения: это было ответом на недавнее присуждению советскому диссиденту Андрею Сахарову Нобелевской премии. Этой премией Запад поднимал статус Сахарова в глазах мировой общественности, пытаясь придать ему ореол лидера советского диссидентского движения (как это было несколько лет назад с Солженицыным). Однако Брежнев заслуживал этой премии и по другим причинам: например, он и в самом деле за последние несколько лет сделал много полезного для дела мира во всем мире, в частности, был одним из главных инициаторов Совещания по безопасности в Европе в Хельсинки, где Советскому Союзу удалось отстоять свои послевоенные границы в Европе.

Визит Нордена продлился недолго – около получаса. Однако,

уходя, гость затронул тему, которую Дин никак не рассчитывал от него услышать, но из-за которой тот, судя по всему, и пришел. Надев на себя пальто и уже стоя в коридоре номера, Норден спросил:

– У тебя и в самом деле любовь к этой эстонке?

Этот вопрос застал Дина врасплох: он буквально остолбенел, не в силах вымолвить ни слова. Видя его замешательство, Норден решил раскрыть все свои карты. Он достал из внутреннего кармана пальто какой-то журнал и сунул его Дину под нос. На фотографии, которая была помещена на раскрытой странице, Дин узнал себя в обществе Эве Киви, Даниэля Ольбрыхского и чернокожей актрисы из Сенегала, имя которой он не помнил. Как понял Дин, это было фото из журнала «Советский экран» времен июльского кинофестиваля.

– Это совершенно невинная фотография, – после некоторой паузы произнес Дин.

– Не спорю, – кивнул головой Норден, после чего добавил: – Если не знать, что ты весь фестиваль крутил шашни с этой Эвой, а несколько дней назад встречался с ней в Эстонии. Ты думаешь, если ты находишься в тысячах километров от Германии, значит, о твоих похождениях мы ничего не знаем? Да у нас здесь десятки доброжелателей, которые сами готовы доносить нам о каждом твоем шаге.

– Мне казалось, что моя личная жизнь никого не должна касаться, – продолжал защищаться Дин.

– С тех пор как ты полез в политику, твоя личная жизнь стала предметом не только твоей заботы. У тебя в Германии находится законная жена, которая мало того что родственница нашего руководителя, но еще и ждет от тебя ребенка. Этих обстоятельств для тебя недостаточно?

Поскольку против перечисленных аргументов Дину возразить было нечего, он счел за благо промолчать. Любое оправдание в сложившейся ситуации было неуместно, и Дин прекрасно это понимал. Между тем эта пауза несколько разрядила обстановку. Норден спрятал журнал обратно в карман, после чего взял Дина за ворот рубашки и, притянув его голову к себе, зашептал ему на ухо:

– Как мужчина, я тебя прекрасно понимаю. Твои голливудские привычки по части слабого пола, судя по всему, неискоренимы. Но я прошу тебя, будь осторожнее в этом деле. Ты все-таки не только артист, но и политик. А в политике действуют совсем иные законы.

Сказав это, Норден по-отечески похлопал Дина по плечу и вышел из номера, плотно прикрыв за собой дверь.

Концерты Дина в Ленинграде длились два дня – **26–27 ноября** – и проходили в Большом концертном зале «Октябрьский». После чего Дин покинул Северную Пальмиру и вернулся в Москву, где должна была быть поставлена финальная точка в его выступлениях. **29–30 ноября** Дин выступил с концертами на сцене Театра эстрады, а **3 декабря** принял участие в сборном концерте в Москве в честь борющегося народа Чили. После чего вернулся в ГДР. Причем возвращался он переполненный тревогами. После разговора с Норденом ему казалось, что Вибке должна знать все о его амурных похождениях, и он готовился к скандалу. Но скандала не случилось. То ли Норден пожалел нервы беременной женщины, то ли вмешались более весомые причины из разряда политических, но возвращение Дина не было омрачено ни малейшим признаком подозрения со стороны Вибке. Поэтому наступление нового, **1976 года** они встретили в полной семейной идиллии. А вскоре после этого, в первой половине **января**, Дин снова покинул дом – он отправился в столицу Чехословакии город Прагу, где на студии грамзаписи «Супрафон» должен был записать диск-гигант «Dean Reed a jeho svet».

Стоит отметить, что в Чехословакии Дина ценили прежде всего за его лирические песни и произведения в стиле «кантри». А вот его гражданский репертуар там не сильно приветствовался, поэтому эти песни Дин в тамошние пластинки практически не включал. Вот и на этом диске, в который вошли 12 песен, были всего две подобные вещи: «Компаньерос» и «Люби брата своего».

Вернувшись в ГДР, Дин дал несколько благотворительных концертов в разных учреждениях республики. Например, **22 марта** он посетил один из детских домов, где с удовольствием выступил перед персоналом. Дети тоже с радостью общались с Дином, тем более что совсем недавно видели его в роли друга индейцев в картине «Братья по крови», которая стала одной из самых любимых картин восточногерманской детворы.

Между тем Дин продолжает внимательно следить за политическими событиями, происходящими в мире. Его особое внимание привлекла одна тема, поскольку в центре ее стоял человек, с которым у Дина были особые счеты. Речь идет о пропагандистской поездке Александра Солженицына по Европе, которая состоялась в **марте – апреле 1976 года**. Писатель побывал в нескольких странах – Англии, Франции, Испании, – где выступил с речами, которые мало отличались от того, что он пропагандировал ранее. Эти речи газеты ГДР не публиковали, но поскольку Дин имел возможность приобретать и англоязычную

прессу, недостатка в информации у него не было.

Читая выступления Солженицына, Дин находил в них массу поводов для внутренних споров с этим человеком. Например, выступая по английскому ТВ, Солженицын заявил следующее: «В пятидесятые годы, после окончания войны, мое поколение буквально молилось на Запад как на солнце свободы, крепость духа, нашу надежду, нашего союзника. Мы все думали, что нам будет трудно освободиться, но Запад поможет нам восстать из рабства». Эти строки вызывали у Дина яростный протест. «Какое право имеет Солженицын говорить подобным образом от лица целого поколения? – думал он. – Разве не это поколение воевало с фашизмом и победило его, положив на алтарь победы 20 миллионов жизней? Разве не оно потом отстроило страну, которая находилась в руинах?

Да, часть этого поколения прошла через лагеря, но не все же поколение сидело за решеткой! Да и последующее поколение тоже оказалось достойным подвига своих отцов. Взять того же Юрия Купцова. Он же рассказывал мне, каким романтическим юношей он был в те самые 50-е годы. Как они с друзьями радовались Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве, запуску первого спутника в космос, как ездили работать на целину, преисполненные жаждой изменить жизнь к лучшему. А Солженицын в это время, оказывается, «молился на Запад», который олицетворялся у него с «солнцем свободы». И это в то время, как в Корее американская армия проливала реки человеческой крови и устраивала государственные перевороты, как это было в Гватемале».

Другой пассаж из выступления Солженицына привел Дина в неменьшее изумление: он указывал на то, что писатель сам себе противоречит. В своей речи по французскому ТВ Солженицын заявил: «Нынешнее положение Запада – это не только политический, но и духовный кризис, которому, возможно, 300 лет. Этот кризис происходит оттого, что со Средних веков мы бросились в материю, мы захотели иметь много вещей, мы хотели жить ради телесного, а моральные задачи мы забыли». Под этими словами Дин готов был подписаться обеими руками, но тут же спрашивал себя: «Если Запад, по словам Солженицына, находится в кризисе вот уже 300 лет, тогда какого черта он молился на него в 50-е годы? Что, тогда он не понимал, что вся идеология западного образа жизни пропитана этой телесной жаждой наживы? Что советское общество, даже со своими недостатками, было гораздо моральнее западного? Да и сейчас зачем он столь рьяно служит этому прогнившему обществу? Чтобы оно победило его родину и навязало ей свои ценности, которые он сам же и

критикует? Поистине трудно понять логику этого человека. Что им движет? Жажда славы? Испепеляющая злоба на советскую власть за свое лагерное прошлое? Что?» К сожалению, точного ответа на этот вопрос Дин не находил.

Кстати, искреннее недоумение выступления Солженицына вызвали тогда не только у Дина. Когда писатель выступал по испанскому ТВ и с одобрением отозвался о победе Франко в гражданской войне, английская газета «Таймс» опубликовала возмущенный отклик на эти слова некоего Кеннета Тайнана. Тот писал: «Ну, сэр, теперь, когда Британия сурово поставлена в угол Александром Солженицыным, многие из ваших читателей могут подумать, что писатель в изгнании считает дело всего западного мира погибшим. Счастлив заверить вас, что это не так. Г-н Солженицын усмотрел по крайней мере один маяк надежды в окружающем мраке. Во время недавнего 48-минутного интервью по испанскому телевидению он с энтузиазмом отозвался о победе Франко в гражданской войне как победе „концепции христианства“. Он затем поздравил испанский народ, среди которого провел целых восемь дней, с тем, что испанцы, по его словам, пользуются „абсолютной свободой“. Поэтому мы можем со спокойной совестью обозвать большевистскими экстремистами тех граждан Испании, первым побуждением которых после этих слов было чистосердечное желание плюнуть прямо в глаза великому моралисту».

По поводу турне Солженицына по Европе у Дина в те дни случился разговор с Альбертом Норденом. Последний по долгу службы обладал куда большей информацией, чем Дин, поэтому этот разговор многое прояснил.

– Как ты помнишь, я еще два года назад предупреждал, во что может вылиться высылка Солженицына из Советского Союза, – сказал Норден. – Я оказался прав: западные «ястребы» делают большую ставку на этого человека. Он станет одним из таранов в их идеологической войне против нас. Ты же видишь, что происходит в мире в последнее время: идеи социализма распространяются с невероятной быстротой. В **апреле** прошлого года Южный Вьетнам капитулировал перед Северным, а сразу после этого коммунисты взяли власть в Лаосе и Камбодже, а чуть позже, в **ноябре**, в Анголе Советский Союз и Куба привели к власти Народное движение освобождения. Эти победы здорово напугали Запад. Так что борьба впереди предстоит нешуточная. Возможны провокации во всем Восточном блоке. Но лично меня больше всего волнует совещание компартий, которое намечается на конец **июня** у нас, в Восточном Берлине. Насколько нам известно, ряд европейских компартий хотят заявить свою

собственную платформу, отличную от советской.

В те же дни у Дина случился еще один знаменательный разговор. В тот день – **20 апреля** – он находился дома один, поскольку Вибке вот уже несколько дней находилась в клинике на обследовании. Сделав привычную зарядку и позавтракав, Дин собирался засесть за работу – он хотел наконец разобраться с корреспонденцией, которая пришла на его имя как из ГДР, так и из других стран, однако в этот момент в дверь позвонили. На пороге своего дома Дин обнаружил двух мужчин приблизительно его возраста, которые представились сотрудниками «Штази»: одного звали Йоган, другого Ханс.

В первые мгновения Дин был по-настоящему удивлен этим визитом, поскольку до этого в его доме ни один сотрудник восточногерманских спецслужб еще не бывал. Однако он быстро справился со своими чувствами и пропустил гостей. Так как в доме больше никого не было, Дин счел возможным не вести их в свой кабинет, а пригласил расположиться в гостиной. Он предложил гостям кофе, но те вежливо отказались, сославшись на то, что только что позавтракали. Поэтому общение протекало в обстановке, в которой собеседников ничто не отвлекало.

Начался разговор с неожиданного предисловия. Обратив внимание на полотнище американского флага, которое висело в коридорчике, ведущем из гостиной в кабинет Дина, один из гостей, Йоган, на чистейшем английском языке спросил:

– Это тот самый легендарный флаг, который вы выстирали в Сантьяго?

– Да, он самый, – подтвердил Дин. – Его мне вернули после того, как Пабло Неруда написал телеграмму в чилийское Министерство внутренних дел.

– Однако ваши земляки этого шага вам до сих пор не простили, – продолжал развивать тему Йоган. – И в анналах ФБР и ЦРУ вы, товарищ Дин, занимаете видное место.

– Я догадывался об этом, – кивнул головой Дин, который пока никак не мог взять в толк, ради чего затеян весь этот разговор.

– Теперь эти догадки нашли свое подтверждение, – сказал Йоган и извлек из внутреннего кармана своего пиджака сложенный вчетверо лист бумаги. Развернув его и положив на стол, Йоган продолжил: – Нам удалось раздобыть секретный документ ЦРУ о так называемой операции «Хаос», где одним из объектов являетесь именно вы, товарищ Дин.

– Что это за операция? – брови Дина от удивления поползли вверх.

– Она началась еще в **августе 1967 года** по распоряжению

тогдашнего директора ЦРУ Ричарда Хелмса. Целью этой операции была борьба с антивоенными, радикальными и негритянскими организациями, выступающими за немедленное прекращение агрессии США во Вьетнаме. ЦРУ и ФБР выступали в этой операции плечом к плечу и за несколько лет собрали досье на тринадцать тысяч человек, которые в документах этой операции именуются как «подрывные элементы». Одним из них являетесь вы, товарищ Рид. Причем ваше досье фигурирует рядом с досье на таких известных артистов, как Джон Леннон и Джин Сиберг (прославилась киноролью Жанны Д'Арк. – *Ф. Р.*).

Последнее сообщение удивило Дина еще больше. Правда, это было скорее приятное удивление.

– И все это есть в этой бумаге? – спросил Дин, указав на листок, лежавший на столе.

– Да, это фотокопия списка людей, на которых в ЦРУ и ФБР составлено специальное досье и за которыми эти ведомства должны неустанно следить.

– Однако с августа 67-го минуло почти десять лет. Неужели эта операция продолжается до сих пор? – спросил Дин.

– Да, вы правы – времени прошло много, – согласился Йоган. – Да и у руля ЦРУ и ФБР уже другие люди: Ричард Хелмс в отставке почти три года, а Эдгар Гувер умер еще раньше. Однако их преемники продолжают начатое ими дело. Подчеркиваем, грязное дело. Вы, например, в курсе того, какие провокации были устроены против упомянутых Сиберг и Леннона?

Дин в ответ пожал плечами, что стало поводом к тому, чтобы Йоган продолжил свой рассказ:

– Первая, как известно, является одной из немногих среди людей с белым цветом кожи сторонниц организации «Черные пантеры». В 70-м году американские спецслужбы распространили в прессе информацию о том, что Сиберг нагуляла ребенка от активиста «Черных пантер», хотя на самом деле отцом был другой человек – один мексиканский актер, с которым она снималась в совместном фильме. Эта ложь стала поводом к душевному срыву со стороны Сиберг и попытке самоубийства с ее стороны. Врачам удалось ее спасти, но ребенка она потеряла.

Несколько иначе обошлись с Ленноном. ЦРУ совместно с английскими спецслужбами устроили обыск в лондонской квартире Джона и якобы нашли там марихуану. Это стало поводом к тому, чтобы поставить Леннона в положение человека, которого лишили возможности получить вид на жительство в США и одновременно лишили права выезда из страны. Если бы он пересек границу, его не пустили бы обратно, но раз в год ему заявляют, что в ближайшие 30 дней он просто обязан покинуть

Штаты. Эта ситуация вконец доконала Леннона, и он, как известно, отошел от общественной деятельности и теперь живет чуть ли не отшельником.

– Весьма интересные истории, но при чем здесь я? – удивился Дин.

– При том, что против вас вполне возможны такие же провокации. Ведь ваша персона по-прежнему продолжает интересовать спецслужбы США. И эта фотокопия списка людей, которую мы вам принесли, наглядно это демонстрирует: она датирована концом прошлого года. Так что против вас «Хаос» все еще продолжается.

– Но вы ведь пришли ко мне не только затем, чтобы сообщить новость, о которой я в принципе догадывался, – после короткой паузы произнес Дин.

– Вы угадали, – кивнул головой Йоган, после чего вновь свернул листок с фотокопией вчетверо и спрятал его в карман. – Мы давно собирались поговорить с вами о наших взаимоотношениях, да все откладывали этот разговор на потом. Сегодня такой случай представился. Но вам не стоит опасаться, что мы пришли завербовать вас в свои агенты. По сути, вы и так наш человек и приносите нам много полезного и без корочки штатного агента «Штази». Наша цель другая: мы хотим заявить вам в открытую о своем добром расположении к вам и о том, что в любую минуту готовы предоставить вам всю необходимую помощь. Ведь мы делаем одно дело, но до сих пор ни разу не заявили об этом друг другу в открытую. Вы со мной согласны?

– В части того, что мы делаем одно и то же дело, – полностью, – согласился Дин. – И я благодарен вам, что вы не собираетесь меня вербовать. Хотя на моей родине многие все равно считают меня агентом коммунистических спецслужб.

– К сожалению, это стандартное отношение к людям, подобным вам, – развел руками Йоган. – И здесь мы, увы, бессильны. Но мы можем помочь в другом: по возможности оградить вас от тех провокаций, которые могут готовиться против вас на вашей родине или в других странах.

– Как я понял, вы представляете внешнюю разведку? – спросил Дин.

– Да, я являюсь сотрудником внешней разведки, а мой коллега, – здесь Йоган сделал жест в сторону второго гостя, который все это время не проронил ни звука, – представляет контрразведку.

– В таком случае я хочу спросить вашего коллегу: моя личная жизнь является сферой интересов его подразделения?

После этих слов в гостиной повисла пауза, которая длилась

несколько секунд. Нарушил ее контрразведчик, который также по-английски спросил:

– А в чем дело, товарищ Дин?

– Дело в том, что я совершенно случайно узнал о том, что о фактах моей личной жизни в Советском Союзе здесь тоже становится известно.

– А кто вам это сказал?

– Это неважно. Но этой информации у меня нет оснований не верить.

– Ну что ж, будем откровенны, – кивнул головой контрразведчик. – Вы должны понимать, товарищ Дин, что ваша личная жизнь неразрывно связана с вашей политической деятельностью. Исходя из этого надо делать вывод и о том, что обе они входят в сферу наших интересов. Хотя почему только наших: советский КГБ тоже ими интересуется. Но я хочу сказать вам откровенно, товарищ Дин. Факты вашей личной жизни хоть и становятся достоянием нашего внимания, однако не могут служить средством давления на вас. Мы все-таки не ЦРУ или ФБР. Вот они, кстати, попади подобная информация к ним, вполне способны использовать ее в ущерб вам. У нас же цель другая: защитить вас от подобной компрометации. Вот Леннона и Сиберг защитить никому не удалось, и вы видите, к чему это привело.

Выслушав этот откровенный ответ, Дин какое-то время сидел молча. Затем, откинувшись на спинку дивана, он сказал слова, которые подвели итог этой теме:

– Ваши слова меня вполне удовлетворили. И я благодарен вам за то, что ваше ведомство не использует факты моей личной жизни в целях какого-либо шантажа. А теперь я готов выслушать ваши предложения о нашем сотрудничестве.

Поскольку Дин перевел взгляд на Йогана, тот ему и ответил:

– Наши предложения просты: мы готовы прикрывать вас от происков западных спецслужб, но мы должны работать в тесном контакте. Перед каждой вашей заграничной поездкой нам хотелось бы, чтобы вы сообщали нам об этом и проходили соответствующий инструктаж. И в тех странах, где вы будете, наши люди будут периодически выходить на контакт с вами и сообщать обо всех телодвижениях противоположной стороны. В сущности, ничего нового в перечисленном выше для вас нет, учитывая ваш предыдущий опыт с чилийскими товарищами.

Последней фразе Дин не удивился, поскольку был в курсе того, что «Штази» хорошо известно обо всех его контактах с чилийскими эмигрантами. А Йоган между тем продолжил свою речь:

– Поскольку контакты с вами будут конспиративными, мы предлагаем использовать в качестве пароля ваше агентурное имя. Насколько мы знаем, чилийцы зовут вас Гринго? Однако в нашем случае оно не подходит – слишком прямолинейное. Имя должно быть такое, чтобы противоположная сторона не смогла догадаться о том, кто за ним скрывается. Поэтому мы остановились на имени Виктор, памятуя о вашей дружбе с чилийским певцом Виктором Харой. Вы не против?

– Наоборот, я обеими руками за, – без всякой паузы ответил Дин.

– В таком случае знайте, что любой человек, который выйдет на контакт с вами и назовет это имя, – наш сотрудник.

После этих слов гости поднялись со своих мест, показывая, что на этом их миссия закончилась.

Однако политика политикой, но Дин той весной жил не только ею. Близилось время родов Вибке, и с каждым днем приближения этого счастливого момента Дина охватывало все большее волнение. Памятуя о прошлом, когда они с его бывшей женой Патрисией несколько раз теряли ребенка, Дину мерещилось, что и теперь все может повториться. И даже заверения врачей, которые наблюдали за Вибке в привилегированной клинике, что никаких симптомов осложнений у будущей роженицы нет, не могли успокоить Дина. Однако, глядя на то, как сама Вибке спокойно относится к предстоящим родам, Дин постепенно все-таки успокоился. И теперь зациклился на другом: ему хотелось, чтобы дитя появилось на свет в один день с его предыдущим ребенком – дочерью Рамоной, которая родилась сразу после Международного дня солидарности трудящихся – **2 мая**. Дин считал, что это стало бы хорошим предзнаменованием как для него самого, так и для его отпрыска. Но, увы, планам Дина не суждено было осуществиться. Вибке «промахнулась» дважды: во-первых, родила девочку, во-вторых – **17 мая**. Младенца назвали Наташей.

В те дни в Восточном Берлине проходил IX съезд СЕПГ (**18–22 мая**), где одним из предложений прозвучало ввести в ГДР «год младенца». Согласно этому проекту, при рождении второго и каждого последующего ребенка женщины имели право взять оплачиваемый послеродовой отпуск до достижения ребенком возраста одного года. Когда Дин узнал об этом, он в разговоре с женой пошутил:

– Ну что, дорогая, нам создают все условия для появления еще одного ребенка.

Увы, но эта реплика так и останется всего лишь шуткой,

поскольку спустя полтора года молодые разведутся. Но не будем забегать вперед.

Между тем Дин недолго наслаждался общением с новорожденной. Уже через несколько недель он вновь вынужден был сорваться с насиженного места и отправился в Москву, чтобы записать там свой очередной «лонг-плэй» (третий по счету в Советском Союзе). В него вошли 12 песен, причем 5 из них принадлежали перу самого Дина Рида. Полный список представленных на диске произведений выглядел следующим образом: «Мы скажем „да“ (музыка и слова Дина Рида), „Если певец замолчит“ (музыка и слова Г. Гварани), „Нас не сломить“ (испанская народная песня), „Вместе“ (музыка и слова Дина Рида), „Би Боп“ (музыка и слова П. Буна), „Мы победим“ (музыка и слова С. Ортега), „Люби брата своего“ (музыка и слова Дина Рида), „Я не боюсь сказать“ (музыка и слова В. Мануеля), „Свадебная песня“ (музыка и слова Дина Рида), „Слова для Юлии“ (музыка и слова П. Абанеса), „Пойте нашу песню“ (М. Гофман – Шнейдер), „Вы“ (музыка и слова Дина Рида).

Этот диск увидит свет осенью этого же года. Он будет тепло встречен публикой, однако того ажиотажа, который сопутствовал первым дискам Дина, выпущенным в Советском Союзе, он иметь уже не будет. Вообще стоит отметить, что определенная часть молодых слушателей стала охладевать к творчеству Дина Рида. И у этого явления были вполне закономерные причины. Дело в том, что в **1974 году** в СССР стали выпускаться грампластинки с записями популярных западных рок-групп и отдельных исполнителей, которые в среде советской молодежи котировались гораздо выше, чем Дин Рид, который хоть и пел рок-н-роллы, однако у большинства слушателей ассоциировался прежде всего с песнями протеста. Вот и в последнем диске Дина половина песен проходила по разряду гражданско-патриотических, а рок-н-ролл был представлен всего лишь одной («Би Боп»).

Эта политическая ангажированность вредила Дину, поскольку в Советском Союзе, во-первых, наступало иное время – идеологического разочарования, а во-вторых, шло массированное проникновение западной музыки. Поэтому позиции певца Дина Рида среди молодежной аудитории резко пошли вниз, и его новый диск эта часть публики уже не расхватывала, подобно горячим пирожкам, как это было каких-нибудь пять лет назад. На смену Дину Риду пришли другие исполнители: «Битлз» (именно с них «Мелодия» начала в **апреле 1974 года** выпуск миньонов западных звезд), «Роллинг Стоунз», «Криденс», «Дип Перпл», «Свит», «Ти рекс» и т. д.

Именно со второй половины 70-х в Советский Союз стали

приезжать настоящие звезды западной рок-музыки, концерты которых вызывали огромный ажиотаж у населения. Например, в **1976 году** таким исполнителем станет Клифф Ричард (гастроли в **августе – сентябре**). Что касается Восточной Германии, то там этот процесс начался еще раньше, поскольку у тамошней молодежи возможностей приобщения к западной рок-музыке было гораздо больше, чем у их советских ровесников: туда и звезды приезжали чаще, чем в СССР, и по телевидению их можно было смотреть чуть ли не ежедневно (производимые в ГДР телевизоры с недавних пор стали оснащаться специальным декодером, который позволял принимать передачи из ФРГ).

В дни, когда Дин находился в Москве, туда же прибыла делегация чилийских коммунистов во главе с Володей Тейтельбоймом. Целью этого приезда были переговоры с советской стороной по поводу выделения очередных денег на подпольную работу в Чили и продолжение обучения чилийских подпольщиков азам конспиративной деятельности. Последнюю проблему решал КГБ, шеф которого Юрий Андропов подписал в те дни очередное распоряжение по этому поводу. Это дело чрезвычайно заботило советское руководство, поскольку чилийское подполье продолжало нести существенные потери: **12 мая 1976 года** агентами пиночетовской ДИНЫ был схвачен заместитель генерального секретаря ЦК КП Чили Виктор Диас и еще ряд видных чилийских коммунистов. Если дело пойдет так дальше, размышляли в Москве, то чилийское подполье будет полностью разгромлено. Допустить этого было нельзя, поэтому Москва делала все от нее зависящее, чтобы обучить чилийских коммунистов способам конспиративной работы (такое же обучение проводилось в ГДР силами «Штази»).

В тот же день, когда Андропов подписал распоряжение по Чили, ему пришлось решать еще одну проблему, связанную с Чили: давать «добро» на выпуск книги, речь в которой шла о чилийском перевороте 1973 года и участии в нем американского ЦРУ. Книга должна была выйти в издательстве «Политиздат» и принадлежала перу журналиста, который на самом деле являлся штатным сотрудником КГБ. В своих изысканиях автор книги много внимания уделял материалам, которые стали достоянием гласности три года назад, когда в США специальная комиссия Конгресса учинила расследования по поводу незаконного вмешательства ЦРУ в дела Чили. Тогда перед лицом этой комиссии предстали бывшие директора ЦРУ Ричард Хелмс и Джеймс Шлессинджер, которые и поведали миру о тех неблаговидных делах своего ведомства, которое оно творило в

1970–1973 годах. Андропов тоже был знаком с этими разоблачениями и еще тогда, в 73-м, высказал мысль о том, что надо обязательно использовать их в пропагандистских целях. Его мнение было претворено в жизнь: за последние несколько лет в Советском Союзе вышло несколько книг, в которых рассказывалось об интригах ЦРУ в Чили.

Вообще политическая ситуация в США в первой половине 70-х была настоящим Клондайком для пропагандистских акций со стороны спецслужб СССР и его союзников по социалистическому лагерю. Поражение во Вьетнаме, «уотергейтский» скандал и разоблачение методов ЦРУ в Чили и других странах – все эти события, выплеснувшиеся на страницы американской и западной прессы, давали отличные козыри в руки пропагандистов Восточного блока. Ведь одно дело – сообщать о неблаговидных делах своих противников и ссылаться на свое мнение или на мнение анонимных источников, и совсем другое – приводить слова непосредственных участников этих неблаговидных дел. Тем более что слова эти принадлежат людям такого ранга, как директора ЦРУ.

Знакомясь с материалами расследований комиссии Конгресса, Андропов мысленно благодарил судьбу за такой бесценный подарок. Однако в отличие от некоторых из своих коллег, которые выражали невольное восхищение плодами западной демократии, Андропов имел на этот счет несколько иное мнение. Он считал, что дело здесь вовсе не в демократии, а в причинах куда более меркантильных. Все дело было в том, что к началу 70-х ЦРУ приобрело слишком большой вес в обществе и превратилось в этакое государство в государстве. Оно противопоставило себя многим институтам власти и многими своими неблаговидными поступками, которые нет-нет, но просачивались в общество, портило представление о хорошо отлаженном механизме контроля и равновесия в системе управления. Вот американский истеблишмент и решил приструнить зарвавшееся ведомство.

Кроме этого, целью кампании по разоблачению ЦРУ было снять крышку с котла, то есть дать простор гласному обсуждению общественных проблем, что, по традиции, в жизни США играет куда большую роль, чем в Западной Европе. Например, в Англии было бы невозможно опубликовать книгу о разведке и контрразведке, которую Виктор Маркетти написал о ЦРУ в середине 70-х на волне расследований конгресса.

Вот почему Андропов полагал, что эта кампания по разоблачению ЦРУ в итоге приведет не к развалу грозного ведомства (этого никто из властей предержащих в США не хочет и

не позволит), а к его укреплению. И все эти обвинения бывших директоров ЦРУ в злоупотреблениях властью закончатся пшиком (так оно и выйдет: Ричарда Хелмса хотя и отдадут под суд, однако присудят ему 2 года условного тюремного срока и заставят выплатить штраф в 2 тысячи долларов).

Однако Андропов не собирался упускать прекрасного шанса воспользоваться удобным моментом и вытащить грязное белье своего противника на обзор советского общества. Тем более в ситуации, когда американская администрация начала сворачивать многие инициативы, рожденные в эпоху разрядки. Тут должно было пойти в действие все: книги, пресса, кинематограф. Правда, придавать этому процессу широкие формы не входило в планы Андропова, так как он не хотел, чтобы у противоположной стороны появился лишний повод упрекнуть его страну в дискредитации процесса разрядки. Вот почему в те же летние дни 76-го Андропов выступил против проката в СССР одного из известных американских фильмов. Дело было так.

В **1974 году**, когда кампания по разоблачению ЦРУ в США была в самом разгаре, известный американский режиссер Сидней Поллак (автор таких остросоциальных фильмов, как «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», «Такие мы были») решил снять художественный фильм на эту тему. В итоге на свет явилась картина «Три дня Кондора» по мотивам романа Джеймса Грэйди «Шесть дней Кондора», где речь шла о том, как некое подразделение в структуре ЦРУ физически ликвидирует своих же аналитиков, которые невольно сумели стать помехой в их неблаговидных делах. Уничтожив шестерых человек, киллеры ЦРУ охотятся за последним аналитиком – Кондором, который чудом сумел уцелеть во время ликвидации остальных (в этой роли снялся Роберт Редфорд).

Премьера этого фильма прошла в Америке в **сентябре 1975 года** и привлекла к себе внимание самой широкой общественности. Ажиотаж был вызван не только темой, но и трагедией, случившейся в те дни: внезапно скончался продюсер ленты Стэнли Шнайдер, для которого этот фильм был дебютом на продюсерском поприще. Смерть внешне здорового человека породила у людей подозрения, что в этом деле замешано ЦРУ, которое явно не хотело, чтобы эта картина вышла в свет. Однако спрятать фильм от общественности так и не удалось.

Не остались в стороне от этой премьеры и люди из КГБ. Поскольку фильмов, где так убедительно раскрывалась зловещая суть ЦРУ, в США еще не снималось, чекисты были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы такое кино вышло в советский прокат. В итоге «Совэкспортфильм», который был тесно связан с

КГБ, немедленно обратился к своим американским коллегам с просьбой продать эту картину в СССР. Те согласились, после чего копия фильма была привезена в Москву и здесь спешно переведена на русский язык закадровым текстом. Эту копию хотели специально показать Андропову, чтобы он дал свое резюме фильму: показывать его в Советском Союзе или нет.

Такая практика показа спорных картин высшим деятелям государства давно применялась в СССР, хотя Андропов в качестве разрешителя киношной продукции выступал крайне редко – только когда речь шла о фильмах шпионской тематики. Так, незадолго до этого, в **1974 году**, именно Андропов запретил к показу картину корифея советского кинематографа Григория Александрова «Скворец и Лира». Речь в этом шпионском боевике шла о советской разведчице (эту роль исполняла жена режиссера Любовь Орлова), которая под видом родственницы, пропавшей во время войны, внедрялась в западногерманскую семью по заданию КГБ. Однако окончание работы над картиной совпало с громким скандалом в ФРГ: там разоблачили агента «Штази» Гюнтера Гийома, который был референтом самого канцлера ФРГ Вилли Брандта. На фоне этого скандала выпуск фильма о советской разведчице, действующей на территории ФРГ, оказался несвоевременным. В результате фильм положили на полку на долгие годы.

Что касается картины «Три дня Кондора», то она Андропову очень понравилась. После ее просмотра в кинозале на Лубянке шеф КГБ заявил, что у этой ленты два несомненных достоинства: первое – она очень увлекательна, второе – полезна как орудие пропаганды, сделанное руками самих американцев.

– Однако выпускать ее в прокат в ближайшее время я считаю несвоевременным, – заметил Андропов. – Я, конечно, понимаю наших товарищей из «Совэкспортфильма», которые предвкушают хорошие сборы с этой ленты, но деньги в этом случае не главное. Главное – идеология. А мы не должны давать лишнего повода Вашингтону обвинять нас в нагнетании антиамериканской истерии и подрыве идей разрядки. Вот почему я считаю, что эту картину надо приберечь для других времен.

Никто из присутствующих в тот момент в зале спорить с шефом КГБ не стал. В результате «Кондор» появится в советском прокате только в начале 80-х, о чем речь еще пойдет. А пока вернемся к Дину Риду.

Из Москвы Дин вернулся в ГДР, где его застала радостная новость: на экраны вышел документальный фильм «Так много песен, так много слов», повествующий о фестивале молодежи и студентов в Восточном Берлине в **1973 году**. В этом фильме

нашлось место и Дину Риду, который выступал в нем с интервью и исполнял песню собственного сочинения, посвященную фестивалю.

Когда Дин возвращался из аэропорта домой и увидел афишу этого фильма на одной из улиц Берлина, он с грустью подумал: «С тех пор минуло уже три года, а я этого даже не заметил. В те дни мы с Вибке только поженились, а теперь у нас уже родилась дочка. Как все-таки стремительно несется время».

Всего лишь пару недель Дин провел дома в обществе жены и дочери, после чего вновь покинул их, отправившись на свою историческую родину – в США. Там он встретился со всей своей родней: родителями, братьями (старший работал инженером в компании «Боинг», а младший был пилотом гражданской авиации), а также навестил свою бывшую жену Патрисию и дочь Рамону. У Патрисии все было в полном порядке: она владела актерским агентством в Риме, которое подбирало работу для актеров, фотомоделей и эстрадных исполнителей. Кроме этого, она в том году удачно вышла замуж и была вполне счастлива со своим новым мужем. Кстати, Дину он тоже понравился, и в первый же день они так напились, что Патрисия закатила им скандал и выгнала из дома. Но мужчины не сильно расстроились, отправившись продолжать знакомство в один из близлежащих баров.

В один из тех дней у Дина случилась еще одна встреча. Его разыскал бывший однокашник по Колорадскому университету Боб Клэнси, с которым они не виделись восемь лет – с момента их последней встречи в Риме жарким **летом 1968 года**. Как и в прошлый раз, Боб объявился сам: нашел Дина дома у его бывшей жены в Сан-Диего, и они отправились в тот же самый бар, где Дин недавно коротал время с мужем Патрисии. Пока друзья шли туда, Боб всю дорогу не переставал удивляться тому факту, что Дин теперь живет в Восточной Германии.

– Это же надо: променять свободный Рим на коммунистический Берлин! – патетически восклицал Боб. – Там ведь нет ни секс-шопов, ни стриптиз-баров. Ведь нет?

– Нет, – смеялся в ответ Дин.

– Ужас! Я однажды был в Болгарии, так сбежал оттуда через несколько дней от тоски. А ты живешь в Восточном Берлине уже три года. Ты железный человек, Дин!

– Я не только там живу, но я еще женился на немке, и она родила мне дочь, – сообщил другу Дин.

– И это все ты сделал по доброй воле? – продолжал удивляться Боб. – Мне в это не верится. Наверняка тебя охмурила тамошняя разведка, поскольку ты для них очень ценный кадр:

американец, который ненавидит капитализм! Признайся, что тебя охмурили.

– Никто меня не охмурял, – вновь рассмеялся Дин. – И мне там действительно нравится. Это очень цивилизованная страна, пусть и без секс-шопов и стриптиз-баров.

– Страна не может считаться цивилизованной, если там нет секс-шопов, – твердо заявил Боб. – Секс – это естественная потребность человеческого организма, а насильное ограничение этой потребности есть глумление над человеческой природой. Впрочем, там, где ты сейчас живешь, это глумление – норма жизни.

Вот скажи мне, почему коммунисты декларируют, что у них нет проституции, а на самом деле она есть? Когда я был в Болгарии, я собственными глазами это видел: в нашем отеле я насчитал больше десятка женщин легкого поведения. С двумя из них я благополучно переспал. Не скажу, что был поражен их мастерством, но страсть свою утолил. Так вот, одна из этих девиц рассказала мне, что власти прекрасно осведомлены о сложившейся ситуации, но закрывают на это глаза. А все потому, что все имеют с этого навар: и руководство отеля, и стражи порядка. Так, может, государству легче легализовать это дело, а не морочить людям голову?

Этот рассказ Боба не стал для Дина откровением. Он сам неоднократно был свидетелем того, как в московских гостиницах «Россия» и «Украина», где он обычно останавливался, вились жрицы любви. Несколько раз они даже пытались поймать в свои сети и его, но он предпочитал не иметь с ними дело, зная, что об этих встречах тут же станет известно в компетентных органах. Однако Бобу он предпочел об этом не рассказывать, а на его вопрос ответил следующим образом:

– При социализме проституция поставлена вне закона, поскольку там пытаются построить высокоморальное общество. И женщин, занимающихся проституцией, там легко могут посадить в тюрьму. А то, что не всех сажают, так это издержки системы – нечистых на руку руководителей там тоже хватает.

– Про руководителей это ты здорово сказал, – довольно потирая руки, произнес Боб. – На мой взгляд, там таких руководителей – через одного. Взять ту же Восточную Германию, где тамошние хозяева страны наладили торговлю собственными гражданами.

– А это откуда тебе известно? – поинтересовался Дин.

– Из нашей свободной печати. Вот скажи, зачем они это делают: разрешают собственным гражданам уезжать в ФРГ только за деньги? А тех, кто пытается сделать это бесплатно, перелезая

через стену, расстреливают. Что это за политика такая?

– К твоему сведению, деньги, которые выплачиваются за отъезжантов, идут в государственный бюджет. Сорок процентов стоимости продуктов и товаров народного потребления в ГДР составляют государственные дотации. А что касается расстрелов перебежчиков, то эти люди сами выбирают свою судьбу: они нарушают государственную границу. Разве наше правительство не поступает точно так же по отношению к «мокрым спинам» – мексиканцам, желающим переплыть Рио-Гранде?

В этот момент друзья благополучно дошли до бара и заняли место за стойкой. Боб заказал себе джин с тоником, а Дин предпочел апельсиновый сок. После недавнего скандала с Патрисией он не хотел лишний раз огорчать свою бывшую супругу, а также дочь Рамону.

– Ну, чем еще можно гордиться в твоей Восточной Германии? – сделав несколько глотков из своего бокала, спросил Боб.

– Многим, дружище. Например, женщин в ГДР больше, чем мужчин: на сто мужиков приходится сто шестнадцать представительниц слабого пола.

– Это ты к чему? – спросил Боб.

– К тому, что ты тоже мог бы приехать в ГДР и тоже жениться на немке. Ведь, судя по тому, что ты так ратуешь за публичные дома, жены у тебя так и не появилось?

– Угадал, – подтвердил догадку Дина Боб. – Спать с одной и той же женщиной в одной постели я могу крайне ограниченный отрезок времени. От силы неделю. Потом меня тянет на других.

– Значит, внуков своим родителям ты так и не сделал?

– Не сделал, поскольку я всегда предохраняюсь. Зато их сделала моя сестра Линда – целых двух. Так что моим предкам есть с кем коротать часы своего досуга.

– А как дела у твоего отца? – задал Дин вопрос, который давно вертелся у него на языке.

– Он ушел из госдепартамента и теперь трудится в предвыборном штабе Джимми Картера. Этот парень рвется в президенты, и мой папаша ставит именно на него.

– И каковы его шансы, по-твоему?

– Мне кажется, он может выиграть эти выборы. Ведь Форд со своей разрядкой здесь уже многим надоел.

– Но ведь он вроде от нее открестился, – напомнил другу Дин события недавнего прошлого, когда в **марте 1976 года** Джеральд Форд совершил поворот на 180 градусов в советско-американских отношениях, заявив следующее: «Разрядка – всего лишь выдуманное слово. Я не считаю, что в дальнейшем его следует

применять».

– Это он играет на публику, пытаясь перехватить инициативу у своего конкурента по республиканской партии Рональда Рейгана. Я лично Форду не верю. А вот Картер может здорово надрать задницу коммунистам.

– А чем тебе не угодили коммунисты? – удивился Дин. – Неужели тем, что они не разрешают иметь у себя секс-шопы?

– И этим, кстати, тоже, – кивнул головой Боб, заказывая себе вторую порцию джина с тоником. – Но если честно, то во мне говорит великодержавный патриот.

– Однако когда наша армия воевала во Вьетнаме, ты мечтал о том, чтобы она поскорее оттуда убралась, – напомнил Дин приятелю их давний разговор лета 68-го.

– Тогда во мне говорил гнилой либерал, – кривя губы в усмешке, ответил Боб. – В конце 60-х их у нас было много, а теперь стало еще больше. В итоге благодаря им мы терпим в мире одно поражение за другим, и этому процессу не видно конца. Все началось с поражения во Вьетнаме, потом Никсон затеял этот «детант». А красные тем временем прибирают к рукам третьи страны: например, вместе с кубинцами прикарманили себе Анголу.

– Это тебя отец просветил в международной политике? – поинтересовался Дин.

– Да нет, это я некоторое время встречался со спичрайтершей одного сенатора, которая после секса обычно любила разглагольствовать о высоких материях, – сообщил другу Боб. – Вот она меня и просветила. Я ее в сексе, а она меня в политике.

– Значит, ты опять хочешь конфронтации с русскими?

– Что значит я хочу? – возмутился Боб. – Это они хотят, наращивая свое ядерное вооружение. А мы, как дураки, дали себя втянуть в договор о прекращении испытаний ядерного оружия и в переговоры ОСВ.

– Извини, Боб, но разве у русских министром обороны служит Шлесинджер?

– Ну, у нас. А при чем здесь это?

– А при том, что это он летом прошлого года заявил, что США не исключают возможности применения стратегического ядерного оружия первыми. После этого в декабре того же года ядерные силы США и их союзников по НАТО были распределены для поражения 25 тысяч целей на территории Советского Союза и его союзников по Варшавскому договору.

– Это все делается в целях самообороны, – продолжал гнуть свою линию Боб. – Коммунизм – вот кто несет агрессию, а не мы. Это же агрессивная идеология, как ты не понимаешь! Эти красные

всех хотят построить в одну шеренгу и заставить топать в одном направлении.

– А ты был в Советском Союзе, чтобы так говорить? А я был, причем не в одной Москве, а во многих республиках. Так вот заявляю тебе, что советские люди не хотят войны, поскольку хорошо помнят войну другую – Вторую мировую, где у них погибло 20 миллионов жителей.

– Войны не хотят простые люди, а их правители и глазом не моргнут, отдавая приказ о нападении. Ведь они спят и видят себя в качестве мировых господ. Потому они и лезут в Анголу, Мозамбик и другие страны. А наши идиоты Никсон с Киссинджером им в этом всячески потворствовали. Этот так называемый «детант» на деле принес больше плюсов русским, чем нам. К счастью, у нас нашлись умные головы и предприняли ряд шагов, которые не дали русским почувствовать себя полными победителями.

– Что ты имеешь в виду?

– Да хотя бы поправку Джексона – Вэника (этот закон, принятый Конгрессом США в **декабре 1974 года**, запрещал американскому правительству предоставлять СССР статус наибольшего благоприятствования в торговле, увязав эту проблему с эмиграцией из Советского Союза. – *Ф. Р.*). Не будь ее, русские убили бы сразу двух зайцев: накормили свой народ, а освободившиеся деньги направили на военные нужды.

– Я вижу, что твоя спичрайтерша и в самом деле умная женщина, – похвалил подругу приятеля Дин. – Но она не учла одного: что именно эта поправка во многом все испортила. Именно она заставила русских действовать жестко и активизировать свои действия в третьем мире.

– А я считаю, что русские и без нее сделали бы это, поскольку они по своей сути агрессоры. Я не имею в виду простых людей, которые, согласен, в большинстве своем не хотят войны. Но ты же не будешь спорить, что они слишком заидеологизированы? А такие люди сделают все, что прикажут им их правители. Здесь ты меня никакими доводами переубедить не сумеешь.

Глядя в раскрасневшееся от напряжения лицо приятеля, Дин внезапно поймал себя на мысли, что этот спор абсолютно бесперспективен. Каждый из спорщиков с пеной у рта отстаивает свою точку зрения, и аргументы противоположной стороны его нисколько не волнуют. Едва эта мысль пришла в голову Дину, как он тут же утратил интерес к этому диалогу. Поэтому, чтобы разрядить обстановку, он решил все свести к шутке.

– Ты боишься русских потому, что предвидишь в случае их победы закрытие горячо любимых тобой стриптиз-баров? –

расплываясь в улыбке, спросил Дин. – Так и быть, я поговорю с русскими, чтобы они не трогали Америку. А если все-таки тронут, то я уговорю их оставить хотя бы один стриптиз-бар под твои нужды.

Боб, который уже успел изрядно набраться, все-таки сумел оценить юмор Дина и так громко засмеялся, что посетители бара невольно повернули головы в их сторону. Так двое недавних непримиримых спорщиков вновь превратились в закадычных друзей.

Между тем из Америки Дин отправился сначала на Кубу, а затем в Лондон. Это были не праздные поездки, а деловые, вызванные работой Дина над сценарием «Эль Кантор» («Певец»), посвященным Виктору Харе (соавтором сценария был Вольфганг Эбелинг, с которым Дин работал также над сценарием «Братья по крови»). В Гаване жили люди, которые хорошо знали Хару и видели его перед самой смертью, находясь вместе с ним на стадионе «Чили», который пиночетовская хунта превратила в концлагерь (одним из таких людей был друг Хары Патрисио Бюнсэль, который согласился стать консультантом фильма). А в Лондоне проживала вдова Виктора Хары Джоан. Та тепло встретила Дина и с удовольствием поведала ему о тех 12 годах, которые она бок о бок прожила с Харой. Дин, в свою очередь, подробно рассказал ей о том, какой он видит свою будущую картину.

– Этот фильм не должен быть памятником, по крайней мере не таким памятником, на который смотрят снизу вверх, не памятником, перед которым люди останавливаются в священном и величественном трепете. Я хочу создать портрет человека, который будет понятен миллионам людей во всем мире. Человека, который любил и ненавидел, огорчался и радовался, был серьезным и веселым. Ведь по-настоящему человечным может быть лишь тот, кто естественен в своих чувствах, мыслях, поступках.

– Но хватит ли тебе только моих воспоминаний? – поинтересовалась Джоан.

– А кто сказал, что я ограничусь только ими? – улыбнулся Дин. – Я встречусь со многими людьми, которые знали Виктора и помнят его до сих пор. Более того, некоторым из них я сделаю предложение сыграть в моем фильме.

– Кого сыграть? – удивилась Джоан.

– Самих себя. Это будет необычное кино: художественный фильм с элементами документалистики, где наравне с вымышленными персонажами будут играть и реальные люди. Например, Кладомир Альмейда (генеральный секретарь

социалистической партии Чили. – *Ф. Р.*) или Эрнана дель Канто (член ЦК социалистической партии Чили. – *Ф. Р.*).

– А Виктор будет выступать под своим именем?

– Вот именно – я оставлю только имя. Я хочу, чтобы это был некий обобщенный образ чилийских патриотов, замученных хунтой. Ты не против такого поворота?

– Не против. – По губам Джоан пробежала едва уловимая улыбка. – Я же понимаю, что ты собираешься снимать не биографический фильм. Это было бы слишком прямолинейно и не давало бы тебе простора для фантазии. Кстати, ты уже выбрал исполнителя на главную роль?

– Я его выбрал давно – с того самого момента, как мне пришла в голову идея подобной картины.

– И кто же он?

– Думаю, ты его очень хорошо знаешь.

Здесь Джоан засмеялась, не в силах больше скрывать того, что ей давно было известно. Она знала, что на главную роль Дин определил себя, и полностью разделяла этот выбор. А неведение она изобразила специально для того, чтобы расшевелить Дина, который на протяжении всего их разговора был слишком серьезен. Задумка Джоан удалась: когда Дин понял, что его разыграли, он тоже рассмеялся, причем так заразительно, что в соседней комнате проснулась младшая дочь Джоан Мануэла. Ей было около десяти лет, и Дину она напоминала его дочь Рамону: такая же красавица и веселушка.

За день до отъезда Дина из Лондона у него случилась еще одна встреча – с Луисом Варгасом. Как и Дин, тот прилетел в английскую столицу не в качестве туриста, а по неотложным партийным делам – чтобы встретиться здесь с представителями правозащитной организации «Эмнисти интернейшнл». Когда Дин узнал причину этой встречи, он был по-настоящему поражен. Оказывается, несколько месяцев назад чилийская охранка ДИНА сумела нанести чилийским коммунистам существенные удары: был не только арестован заместитель генсека Виктор Диас, но и разгромлены сразу три подпольных центра компартии. Во время арестов в одном из них в сети ДИНЫ угодил и родной брат Луиса Алехандро. Последнее известие особенно огорчило Дина, поскольку к Алехандро он относился как к родному человеку.

Не меньшее впечатление произвело на Дина и другое сообщение: что в **июне** бесследно исчезли руководящие деятели другой партии – социалистической: Эксикиель Понсе, Рикардо Лагос, Ариель Мансилья и генеральный секретарь федерации социалистической молодежи депутат парламента Карлос Лорка, а также руководители Левого революционного движения (МИР)

Баутиста Ван Шовен и Эдгардо Энрикес.

– Была убита также Марта Угарте – та самая женщина, которая помогала переправить тебя в Сантьяго два года назад, – сообщил Луис.

Дин хорошо помнил эту симпатичную женщину, которая когда-то работала школьной учительницей, а затем выросла до члена ЦК компартии Чили. В последний период существования правительства Альенде она занимала ответственный пост в Управлении промышленности и торговли, а когда к власти пришел Пиночет, стала работать в подполье. По словам Луиса, Марта приняла мученическую смерть. Ее тело было обнаружено случайными прохожими **11 сентября 1976 года** на пляже Ла-Бальена со следами истязаний, которые были характерны для ДИНА: у женщины был сломан позвоночник, отрублены пальцы, а шею охватывала железная петля.

– Алехандро и его друзья находятся сейчас на военно-воздушной базе «Эль Босне» под Сантьяго, – продолжал свой рассказ Луис. – Мы знаем, что их усиленно пытают, пытаясь выяснить имена оставшихся на свободе подпольщиков. Поэтому если мы не предпримем решительных шагов, то моего брата и его товарищей ждет незавидная участь.

– Под решительными действиями ты имеешь в виду побег? – спросил Дин.

– К сожалению, побег с военно-воздушной базы невозможен. Но у нас появилась возможность обменять наших товарищей. Именно для этого я и прилетел в Лондон.

И Луис подробно рассказал Дину о своем плане. Суть его состояла в том, что в последнее время Пиночет ищет любые возможности придать своему режиму черты гуманности. Когда в **марте** этого года в Чили приезжала группа членов палаты представителей американского Конгресса, диктатор пообещал им, что готов пойти навстречу мировой общественности и совершить акт доброй воли – обменять нескольких политзаключенных, томящихся в чилийских тюрьмах, на равноценных людей. Эта идея понравилась мировому сообществу, которое готово было воспользоваться любой ситуацией, лишь бы вырвать из застенков хунты ее узников. Ведь о том, как обращались пиночетовские охранники со своими жертвами, весь мир уже прекрасно знал.

Так, в самом конце **декабря 1975 года** под давлением английского правительства Пиночет вынужден был выпустить на свободу подданную Англии, дочь вице-маршала авиации, католическую монахиню Шейли Кэссиди. Агенты ДИНА схватили ее **31 октября 1975 года** в ее собственном доме и предъявили ей обвинение в том, что она оказывала медицинскую помощь

раненому руководителю подпольной организации МИР Нельсону Гутьерресу (при этом она не знала, что раненый человек является подпольщиком). Кэссиди доставили в тюрьму «Вилья Гримальди» и в течение нескольких дней пытали, требуя ответа, почему она оказывала медпомощь одному из лидеров объявленной вне закона партии. Эти пытки могли закончиться для женщины самым плачевным образом, если бы за нее не заступились ее соотечественники. Под давлением английского правительства Пиночет вынужден был освободить Кэссиди, которая вернулась на родину и поведала людям о том, какие нравы царят в пиночетовских тюрьмах.

Подобные факты не могли остаться незамеченными и со стороны пропагандистов из социалистических стран, которые использовали любую возможность уличить режим Пиночета в жестокости. Однако каждая подобная попытка тут же встречала ответную реакцию со стороны противников социализма, которые, в свою очередь, кололи глаза тому же Брежневу или Хонеккеру их собственными проблемами в области прав человека – например, гонениями на диссидентов. И когда в **1976 году** на свет была вытащена история Кэссиди и ряда других людей, чудом выживших в чилийских застенках, тут же последовала ответная кампания – в поддержку диссидентов, томящихся в советских тюрьмах. На волне этой кампании у деятелей известной антисоветской организации НТС и появилась идея о том, чтобы совершить широкомасштабный обмен: обменять 42 советских политзаключенных на такое же количество чилийских коммунистов, содержащихся в пиночетовских тюрьмах.

По данным, которыми располагал Луис, эта идея принадлежала одному из руководителей НТС Алексею Радзевичу. Во время войны он служил во власовской армии, а после поражения Гитлера переехал жить в Чили. Там он служил в военном ведомстве, где читал лекции будущим офицерам чилийской армии. В **1961 году** он уехал в США, где его и застала весть о пиночетовском перевороте 73-го года. Его Радзевич встретил с воодушевлением, поскольку, во-первых, ненавидел коммунистов, во-вторых – был рад, что к власти в Чили пришли именно те люди, которых он хорошо знал, читая им лекции в 50-х. Именно второе обстоятельство и натолкнуло Радзевича на мысль предложить хунте обменять Луиса Корвалана на видного советского диссидента генерала Петра Григоренко. Пиночет был готов осуществить этот обмен, однако советская сторона от него отказалась.

В **1976 году**, когда нападки на режим Пиночета со стороны Восточного блока вновь усилились, эта идея снова овладела

Радзевичем и его коллегами по НТС, только теперь в их планах значился не единичный обмен, а широкомасштабный. Но история вновь повторилась: Пиночет был «за», а Москва не хотела отпускать из своих тюрем такое большое количество диссидентов, поскольку: а) прекрасно отдавала себе отчет в том, что все эти люди, окажись они на Западе, сразу бы влились в ряды их активных идеологических врагов, б) не хотела давать мировому сообществу повод говорить о том, что Советский Союз заключает сделки с режимом, который сам же называет кровавым.

Между тем энтээсовцы не оставляли попыток осуществить задуманное. Тем более что чилийские коммунисты, находящиеся в эмиграции, в этом деле оказались на их стороне. В итоге Москва сдалась, поскольку проблему диссидентов подняли на щит их коллеги из братских западных компартий: так, во Франции и Италии начались митинги в защиту советских диссидентов. Советские власти пытались сбить эту волну, направляя лидерам западных компартий личные письма, но это не помогло. Когда стало понятно, что подобными мерами эту кампанию не остановить, Москва стала склоняться к тому, чтобы согласиться на обмен.

– Правда, он будет единичный, – сообщил Луис в заключение своего рассказа.

Из этих слов выходило, что спасти Алехандро и его товарищей в ближайшее время не удастся. Дин прекрасно понимал, какие чувства обуревают друга, и мысленно поразился его выдержке. Ведь, несмотря на то, что идея широкомасштабного обмена сорвалась, Луис все равно остался в деле и продолжил начатое – курсировал по Европе и утрясал все детали предстоящей операции.

Выслушав рассказ друга, Дин спросил его, какую помощь он смог бы оказать ему в этом деле. Но Луис в ответ только усмехнулся:

– Я полагаю, что твои возможности в этом деле ограничены. Все решает Брежнев, а до него тебе не добраться. К тому же мы почти уверены, что обмен состоится, а объектом его должен стать Луис Корвалан. Он является личным другом Брежнева, а советский генсек, говорят, человек весьма сентиментальный.

Как показало будущее, в своих предположениях Луис оказался прав.

Из Лондона Дин вернулся в ГДР, преисполненный желания как можно быстрее запустить в производство фильм о Викторе Харе. Картина должна была сниматься для телевидения и была детищем двух студий: «Ein Film des Fernsehens der DDR» и

«ДЕФА». Обращение Дина к телевизионному кино было не случайным. С недавних пор он подружился с влиятельным партийным деятелем Эбергартом Феншем, который с **1969 года** занимал должность заместителя руководителя отдела агитации ЦК СЕПГ по ТВ и кино (они познакомились в телевизионной программе «Вечер видных деятелей»), и тот предложил Дину работать для телевидения. В итоге было решено снимать на ТВ специальное эстрадное шоу Дина Рида «Мужчина из Колорадо», а также фильм «Эль Кантор». Все эти начинания Дин воспринял с огромным энтузиазмом, поскольку имел большой опыт работы на телевидении (как мы помним, этот опыт он приобрел в Аргентине и Испании).

Тем временем в **ноябре** из Америки пришла весть о том, что на президентских выборах победил кандидат от демократической партии Джимми Картер. Причем своего главного конкурента, действующего президента Джеральда Форда, он победил с незначительным перевесом. Позднее станет известно, что победа Картера стала возможна благодаря его тесному общению с рокфеллеровским кланом и в особенности с главой этого клана супербогачом Дэвидом Рокфеллером. Клан Рокфеллеров ворочал миллиардами долларов, обладая решающими позициями в таких гигантских монополиях, как «Экссон», «Мобиль ойл», «Стандарт ойл оф Калифорния». Он занимал прочное место в руководящих органах таких громадных концернов, как «Дженерал электрик», «Доу кемикал», в трех крупнейших страховых обществах США, а также держал в своих руках контрольные пакеты акций в десяти авиационных компаниях, в военном концерне «Макдонел Дуглас», в электронных и атомных концернах. Если учитывать, что этот же клан командовал еще и в гигантских объединениях финансового капитала вроде «Чейз Манхэттен бэнк», «Нейшнл Сити бэнк оф Нью-Йорк» и «Нэйшнл бэнк оф Чикаго», то не будет преувеличением сказать, что с могуществом Рокфеллеров вряд ли кто мог сравниться в Америке.

Джимми Картер никогда бы не попал на пост президента США, если бы на него не сделал ставку именно рокфеллеровский клан. Позднее в американской прессе промелькнет сообщение, что с Дэвидом Рокфеллером Картер впервые встретился в **1972 году** благодаря стараниям сотрудника ЦРУ Мильтона Каца. А уже спустя год, после совместного ужина в Лондоне, Дэвид Рокфеллер пришел к мнению, что «новый человек» из штата Джорджия, еще не замешанный в скандалах и аферах высоких политиков, является вполне удачной кандидатурой на пост нового президента США. После той лондонской встречи Рокфеллер ввел Картера в очень влиятельную в политических кругах

трехстороннюю комиссию, которая координирует отношения США с Западной Европой, Канадой и Японией. В эту комиссию, председателем которой от США являлся сам Дэвид Рокфеллер, входила политическая элита США, Западной Европы, Канады и Японии. Туда же был введен и Збигнев Бжезинский, который при президентстве Картера стал его помощником по национальной безопасности.

Дин отнесся к результатам президентских выборов без какого-либо восторга, понимая, что Картер вряд ли станет тем человеком, кто повернет политический курс его страны в какое-то позитивное русло. После недавнего посещения Америки Дин понял, что там преобладают великодержавные настроения, когда подавляющая часть американцев считает, что их страна сдает одну позицию за другой и что с этим делом пора уже заканчивать. Именно поэтому Картер, который пообещал вернуть Америке прежний статус великой державы, и победил.

Как покажет будущее, Картер не оправдает ожиданий своих соотечественников, хотя поначалу его начинания вызовут волну восторга. Так, в Белом доме он заменит всех поваров-иностранцев – они были французами и итальянцами – на американцев. Он же распорядится, чтобы вина теперь подавались только калифорнийские, причем это коснулось и всех посольств США во всех странах – туда самолетами будут доставлять ящики с тем же калифорнийским вином. Однако вернемся к герою нашего рассказа.

В конце **ноября** Дин посетил Лейпциг, где в течение недели проходил XIX фестиваль документальных фильмов. На нем было представлено свыше 150 кинолент из 52 стран. После того как во Вьетнаме закончилась война, вьетнамская тематика исчерпала себя и уступила место другим. В частности, на этом фестивале было много фильмов о последних событиях в Чили и Анголе.

Что касается Дина, то он посмотрел около двух десятков фильмов и принял участие в нескольких митингах солидарности и пресс-конференциях. Награды фестиваля снискали следующие ленты:

«Золотой голубь» – «Кто боится черного человека» (С. Катинс, ГДР), «Жить, чтобы быть свидетелем» (В. Акилши, Япония).

«Серебряный голубь» – «Путь к туннелю» (А. Коваль, М. Мамедов, СССР), «Будни одного приключения» (К. Тетулафф, ГДР), «Ангола» (А. Стешкевич, Польша), «Уличные мальчишки» (С. Дурен, Колумбия), «Дикое поле» (Г. Глозер, Ф. Кепп, ГДР).

Специальная премия – «Битва за Чили» (П. Гусман, Чили – Куба).

Специальная премия за лучший мультипликационный фильм

– «Икар и мудрецы» (Ф. Хитрук, СССР).

В **декабре** из Москвы пришло сообщение, которое Дин встретил с восторгом: на свободу вышел лидер чилийских коммунистов Луис Корвалан. Причем освободился он благодаря тому самому обмену, о котором речь шла выше: его обменяли на советского диссидента Владимира Буковского, который в **марте 1971 года** был осужден на 7 лет тюрьмы и 5 лет ссылки за антисоветскую деятельность (он собирал и обнародовал факты о том, что советская психиатрия участвует в преследованиях диссидентов).

Фамилию Буковского Дин уже слышал, поскольку все последнее время внимательно следил за теми событиями, которые происходили в Западной Европе и касались проблемы советских диссидентов. Из англоязычных газет он знал, что за последние пару месяцев в Италии и Франции прошли митинги именно в поддержку Буковского (**21 октября** в Париже, **25–27 ноября** в Риме). Кроме этого, во Флоренции, в рамках международной выставки искусств (Биеннале), которая проходила **15 ноября – 17 декабря**, была затеяна дискуссия по диссидентам. Из этого можно было сделать вывод, что именно этого человека Запад хочет видеть в качестве кандидата на обмен. Так оно и вышло. Причем устроители обмена с советской стороны специально подгадали его к юбилейной дате – 70-летию Брежнева.

Обмен состоялся **18 декабря 1976 года** в Цюрихе. Буковского туда сопровождала спецгруппа антитеррора КГБ «Альфа», для которой это была первая серьезная операция с момента создания подразделения в **1974 году**. Стоит отметить, что когда за Буковским в Лефортовскую тюрьму (туда его перевели незадолго до обмена из «Владимирки») приехал один из «альфовцев» – Николай Берлев, который был одет в милицейскую форму, – диссидент сразу догадался, к какому ведомству тот принадлежит. Уж больно вежливо себя вел: разорвал свой носовой платок и обмотал Буковскому запястья, чтобы наручники не резали кожу. Из Лефортова диссидента доставили на «рафике» в Чкаловское, чтобы оттуда лететь на «Ту-134» в Цюрих. С Буковским летели его мать, сестра и племянник (мальчика забрали прямо из палаты онкологического отделения больницы, где он лежал).

Самолет приземлился в цюрихском аэропорту после полудня. Место приземления было тут же оцеплено полицией – их было человек семьдесят. Все вооружены автоматами. Вскоре сюда же подъехал черный представительский автомобиль, в котором находился Корвалан. Еще через несколько секунд чилийский коммунист вместе с женой вышли на бетонку и направились к

самолету. Как вдруг Буковский возмутился: «Это же американцы! Мы хотим в Швейцарию, а не в Америку. Я протестую…»

Корвалан с женой уже поднялись по трапу, заняли места в переднем салоне, а Буковский наотрез отказывался покидать самолет. Люди, приехавшие в автомобиле, заподозрив подвох со стороны чекистов, тут же выхватили из-под плащей автоматы и наставили их на «альфовцев». Ситуация создалась критическая. Тогда чекисты связались со своим шефом – Андроповым. Тот, когда ему сообщили о происшедшем, вдруг рассмеялся: сказал, что опять «вражьи голоса» поднимут вой о происках КГБ. Было приказано успокоить Буковского и передать, что никто не собирается его обманывать. Узнав, что свое честное слово ему дает сам Андропов, диссидент согласился покинуть самолет.

Когда командир экипажа сообщил, что самолет летит в Минск, теперь настала очередь волноваться уже Корвалану. Поначалу думали, что беспокойство связано с изменением маршрута, но оказалось, дело в другом. Советское руководство приняло решение: после обмена в течение суток никаких заявлений не делать. Но Корвалан возражал: «Как же так, исчез, а куда?» Доложили в Москву. Вскоре было дано «добро», и Корвалан с борта самолета сделал заявление для печати. Именно оно на следующий день и было опубликовано в советской прессе, а также у союзников СССР.

Дин узнал об этом тоже из газет. В них же он прочитал и о том, что **23 декабря** Корвалан приехал в Москву и был тепло встречен там советскими руководителями. Особенно был рад этой встрече Брежнев, который едва не задушил лидера чилийских коммунистов в своих объятиях и облобызал так, как иной мужчина не целует любимую женщину.

Наступление нового, **1977 года** Дин встретил в кругу своей семьи: с ним рядом были жена Вибке и семимесячная дочь Наташа. У всех было прекрасное настроение, и тем, кто видел тогда Дина и его жену со стороны, даже в голову не могла прийти мысль, что меньше чем через год эта семья распадется.

Между тем отношения Дина и Вибке были далеки от идеальных и давно переживали кризис. Дин вновь, как и в первом браке, столкнулся с желанием его второй половины привязать его к дому, к семье. А он этого не хотел, поскольку вся суть его существования была именно в кочевом образе жизни. Без постоянных путешествий, которые позволяли ему с калейдоскопической частотой менять впечатления, он себя просто не мыслил. И находиться долго в четырех стенах, даже среди близких ему людей, он не мог. Вибке этого не понимала, что вполне естественно. Во-первых, она была женщиной, во-вторых –

женщиной уже немолодой (она вышла замуж за Дина, когда ей уже перевалило за тридцать). Ей хотелось уютного домашнего очага и мужа, с которым она могла бы видеться не три-четыре месяца в году, а постоянно. И хотя рождение ребенка на какое-то время отвлекло ее от мыслей изменить супруга, однако потом все вернулось на круги своя. И чем чаще Вибке озвучивала эти мысли вслух, тем сильнее росло их с Дином отчуждение друг от друга.

В **январе** состоялся дебют Дина на восточногерманском телевидении: свет увидел первый выпуск эстрадного шоу «Мужчина из Колорадо», где Дин был не только ведущим, но и одним из участников. Это было типично развлекательное представление, куда Дин приглашал артистов разных жанров – как из ГДР, так и из других, преимущественно социалистических, стран.

В те же дни были завершены последние приготовления к фильму «Эль Кантор» («Певец»), где Дин собирался выступить сразу в трех ипостасях: автор сценария, режиссер и исполнитель главной роли (певец Виктор Лебен). Все было готово к запуску фильма в производство. Даже согласие нескольких известных чилийских эмигрантов принять участие в съемках было получено. Среди этих людей значились: генеральный секретарь социалистической партии Чили и министр иностранных дел в правительстве Сальвадора Альенде Кладомир Альмейда, член ЦК соцпартии Эранана дель Канто, бывший президент Объединения чилийских студентов Алехандро Рохас, известная певица Исабель Парра и ряд других деятелей.

В те же дни начала года Дин встретился с Луисом Варгасом, который специально приехал в ГДР, чтобы рассказать Дину о последних событиях в Чили и предупредить его о возможных провокациях против него, которые могут предпринять агенты чилийской охранки ДИНА.

По словам Луиса, обстановка в Чили по-прежнему была тревожной. Ищейки ДИНА рыскали по всей стране, пытаясь разгромить остатки коммунистического подполья. Однако в орбиту этих действий попадали не только коммунисты. Дина буквально потряс рассказ друга о гибели чемпиона мира 1972 года по подводному плаванию Рауля Чоке. Эта смерть была из разряда совсем недавних – спортсмен погиб в **январе 1977 года**. Чоке случайно обнаружил в прибрежной полосе Тихого океана, где он промышлял рыбной ловлей, место тайного захоронения останков жертв пиночетовского террора. Это были тела чилийских патриотов, объявленных хунтой «пропавшими без вести». Потрясенный Чоке рассказал о своей находке нескольким друзьям, один из которых, видимо, оказался стукачом ДИНА. В

итоге спустя несколько дней спортсмен был убит неизвестными в своем доме. То, что этими неизвестными были сотрудники ДИНА, никто из чилийцев не сомневался.

Однако, даже несмотря на тот террор, который развязала в стране хунта, оппозиция продолжала существовать и действовать. В конце **1976 года** в Чили было проведено первое после переворота совещание представителей партий «Народного единства».

Луис также напомнил Дину и о событиях, которые произошли за пределами Чили и где также читался почерк ДИНА.

– По нашим сведениям, с конца прошлого года у пиночетовской охранки созрели новые авантюры в отношении лидеров чилийской эмиграции, – сообщил Луис. – После убийства Орландо Летельера (этого видного деятеля, который был в правительстве Альенде министром обороны, а после переворота стал одним из лидеров заграничной оппозиции, взорвали средь бела дня в столице США Вашингтоне в собственном «Шевроле» **21 сентября 1976 года**. – *Ф. Р.*) у них на очереди еще несколько эмигрантов, в том числе и Кладомир Альмейда, которого ты собираешься снимать в своем фильме. Его пытались убрать еще в **декабре** прошлого года в Мадриде, где проходил съезд соцпартии, но эта затея сорвалась. Наша разведка сумела запутать убийц и направить их по ложному следу: им подсунули не тот отель, где на самом деле проживали социалисты. Однако ДИНА до сих пор не оставила попыток привести свой приговор в исполнение. Так что имей это в виду.

– Я имею, – ответил Дин, который и в самом деле знал о том, что нескольким чилийским эмигрантам, занятым в его картине, грозит опасность. – Поэтому съемки своего фильма буду проводить здесь и в Болгарии, где архитектура очень напоминает чилийскую. Власти обеих стран пообещали сделать все от них зависящее, чтобы никаких эксцессов на съемках не возникало.

– Некоторых людей из болгарской ДС (Державна сегурность – Государственная безопасность. – *Ф. Р.*) я хорошо знаю, – сообщил Луис. – Это толковые парни, которые помогают нам в некоторых операциях по доставке оружия и изготовлению документов. Если они что-то обещают, то всегда выполняют. В этом они очень похожи на педантов немцев.

Съемки «Эль Кантора» начались на студии «ДЕФА» в **феврале**. Дин собрал дружный и сплоченный коллектив. Помимо него (он играл певца Виктора Лебена), в картине снимались следующие актеры: Эдвин Мартин (репортер), Джерай Улофф (друг Виктора Патрисио Бюнсэль), Герри Вольф, Томас Вольф, Эдвин Мариан, Исабель и Ангел Парра и др. На главную женскую

роль – возлюбленной Виктора Лебена Жанет – Дин пригласил восточногерманскую актрису Фредерику Аугуст.

Стоит отметить, что в первоначальных планах Дина было пригласить на эту роль Ренату Блюме, с которой Дин был знаком со времен фильма «Кит и К». Блюме с радостью согласилась с этим предложением и уже готова была сниматься, когда в дело вмешались непредвиденные обстоятельства. Советский режиссер Лев Кулиджанов в содружестве с ГДР задумал снимать телесериал «Карл Маркс. Молодые годы» и обратился к своим восточногерманским коллегам с просьбой подыскать исполнительницу на главную женскую роль – жены Маркса Женни. В итоге выбор пал на Ренату Блюме. А поскольку эта лента проходила как «госзаказ», отказываться от роли было неразумно. И новая встреча Дина и Ренаты на съемочной площадке тогда так и не состоялась. Как скажет позднее сам Дин: «Думаю, если бы Рената смогла сниматься в моем фильме, то день нашей свадьбы был бы раньше. Однако я прекрасно понимал, как важно было для нее сняться в роли жены и друга Карла Маркса».

Оператором фильма Дин пригласил Ханса Хайнриха, которого он хорошо знал еще со съемок «Братьев по крови». Знаком ему был и автор музыки к фильму – чехословацкий композитор Карел Свобода, с которым Дин тесно сотрудничал во время записей на студии «Супрафон».

После съемок в ГДР съемочная группа отправилась в Болгарию, где снималась натура. В частности, там был снят эпизод массовой демонстрации в поддержку «Народного единства». В этой сцене были задействованы около 10 тысяч человек, которых Дину помог собрать Болгарский союз молодежи. Давая интервью одной из тамошних газет, Дин так определил свои мысли по поводу этого фильма: «Это горько осознавать, что сегодня 10 тысяч чилийских детей голодают. Но я также знаю, что даже спустя три года после фашистского переворота память о движении „Народное единство“ не вытравлена из сознания людей. Это движение по-прежнему живо и однажды опять победит. И своим фильмом мы бы хотели дать знать чилийским товарищам, что наша любовь принадлежит им и они могут быть уверены в нашей боевой солидарности с ними».

Тем временем **21 марта** в Советском Союзе в широкий прокат вышел фильм «Братья по крови» (предварительный показ фильма в рамках Недели фильмов ГДР прошел в столичном кинотеатре «Ударник» еще осенью прошлого года). Несмотря на то что к тому времени так называемая «индеаномания» (увлечение подростков фильмами студии «ДЕФА» про индейцев) в СССР уже сходила на

нет, фильм «Братья по крови» вызвал новый всплекс интереса (как выяснится позже, последний) к подобным произведениям. Фильм принес большой коммерческий доход в основном благодаря тому, что в нем были задействованы две звезды: Дин Рид и Гойко Митич. Всем, кто шел в кинотеатры на эту картину, хотелось посмотреть, каким образом два этих популярных актера смотрятся в совместном тандеме. Оказалось, что неплохо смотрятся. Этот фильм заметно реанимировал популярность Дина Рида в СССР, что тут же было использовано. Фирма «Мелодия» выпустила доптираж осеннего диска Дина, который тут же был раскуплен.

В **июне** Дин сделал короткую паузу в работе над «Эль Кантором» и съездил в Испанию, где произошло знаменательное событие. После смерти диктатора Франко в **ноябре 1975 года** к власти там пришел король Хуан Карлос, который спустя полтора года после этого (**15 июня 1977 года**) провел в стране первые за последние 40 лет демократические выборы в парламент. В этих выборах участвовала и Коммунистическая партия Испании, которая при Франко была официально запрещена. Буквально за два месяца до выборов – **9 апреля 1977 года** – Верховный суд Испании вынес вердикт о том, что программа и устав КПИ не дают основания рассматривать ее как «тоталитарную организацию, стремящуюся к насильственному изменению существующего строя». Сразу после этого из эмиграции вернулась председатель КПИ Долорес Ибаррури. А генеральным секретарем КПИ продолжал оставаться с **1960 года** Сантьяго Каррильо.

Между тем голоса на выборах распределились следующим образом: Союз демократического центра (СДЦ) – 34,7 %, Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) – 29,2 %, Коммунистическая партия Испании (КПИ) – 9,2 %. Эти выборы наглядно продемонстрировали, что две ведущие левые партии – ИСРП и КПИ – располагают прочной поддержкой значительной части избирателей и являются ведущими оппозиционными партиями страны. Выборы также показали, что подавляющее большинство испанцев высказалось за полную ликвидацию франкистских порядков и продолжение процессов демократизации, начатых Хуаном Карлосом.

В Испании Дин встретился с другим Хуаном – тем самым журналистом, с которым он был знаком с середины 60-х и который едва не погиб по его вине, будучи избитым неизвестными людьми, которые следили за Дином. Хуан по-прежнему работал журналистом, однако теперь был уже партийным человеком – год назад он вступил в компартию. И теперь живо поддерживал все начинания своего партийного

руководства. В том числе и так называемый еврокоммунизм, который приобретал все большую популярность в Европе с середины 70-х.

История еврокоммунизма началась еще в конце 60-х, а в мощное движение он оформился недавно – с конференции **1974 года** в Брюсселе, когда было продемонстрировано совпадение позиций компартий Испании, Италии, Франции, Финляндии и некоторых других. В последующие годы они все больше сближались на общей идейной платформе, что, в частности, проявилось на конференции в Восточном Берлине в **июне 1976 года**, где лидер итальянских коммунистов Энрике Берлингуэр впервые официально и употребил этот термин – «еврокоммунизм». На чем же он базировался?

Идеологи еврокоммунизма ставили целью глубже разобраться в том, почему рабочее движение на Западе отстает от прогресса, не сумев включиться в процесс революционных перемен, открытый победой Октябрьской революции в России. В итоге они пришли к мнению, что советская модель социализма неприемлема для стран развитого капитализма. Отсюда и желание переосмыслить опыт СССР, основанный на новом, как они утверждали, понимании соотношений между социализмом и демократией. Главным постулатом еврокоммунизма было утверждение, что социализм без свободы – это не социализм. При социализме должна существовать многопартийность, светское (то есть деидеологизированное) государство и разделение властей: судебной, исполнительной, законодательной. Путь к социалистическому обществу – это развитие демократии и перенос ее из политической области в экономическую и социальную сферы общественной деятельности. Идеологи еврокоммунизма также ратовали за смешанную экономику.

Исходя из этого, еврокоммунисты отвергали идею диктатуры пролетариата, поскольку, по их мнению, эта идея так и не была нигде осуществлена – еще ни разу в истории пролетариат не добивался своей диктатуры. Под взятием власти идеологи еврокоммунизма понимали не однопартийный переворот, а приход к управлению государством широкого народного объединения – фронта трудящихся и интеллигенции.

В авангарде критиков КПСС шла компартия Испании. Сразу после легализации в **1977 году** тамошние коммунисты вычеркнули слово «ленинская» из определения своей партии. Как объяснил лидер КПИ Каррильо: «Я мотивировал этот шаг тем, что ленинизм принадлежит уже прошлой эпохе. Конечно, рабочий лидер, который не читал Ленина, безнадежно необразован. Но если вы хотите иметь современную партию, которая хочет решать современные проблемы, то надо признать: основополагающие идеи Ленина устарели и в современных условиях могут оказаться ошибочными. Я имею, прежде всего, в виду идею превращения империалистической войны в гражданскую и захвата власти, а также идею диктатуры пролетариата».

В **мае** того же **1977 года** тот же Каррильо выпустил книгу «Еврокоммунизм и государство», где говорилось, что советская система вовсе не диктатура пролетариата и не рабочая демократия, а бюрократическая диктатура чистой воды. Да еще со всеми отличительными чертами тоталитарного режима. Эта книга была напечатана во многих странах, однако в СССР она была запрещена. В журнале «Новое время» появилась короткая аннотация на эту книгу, где она была разбита в пух и прах. В статье говорилось, что этой книгой лидер испанских комммунистов оказывает хорошую услугу классовому врагу и способствует усилению агрессивного блока НАТО. Что, кстати, было недалеко от истины.

Именно об этой доктрине еврокоммунизма и спорили Дин и Хуан, когда встретились вновь после стольких лет разлуки. Хуан горячо поддерживал лидера своей компартии, Дин же, напротив, критиковал его, хотя некоторые его постулаты и поддерживал: расширение свобод, разделение властей. Однако в остальном радикализм еврокоммунистов его откровенно пугал. Хуан пытался его переубедить.

– Как ты не понимаешь, что Октябрьская революция дала гораздо больше народам за пределами СССР, чем его собственным народам, – горячился Хуан. – Из страха, что она вызовет цепную реакцию, капитализм был вынужден сделать столько уступок, что они модифицировали нашу систему. Сегодня испанские рабочие имеют такие права, которые советским даже не снились.

– А ты был в Советском Союзе, чтобы судить о правах их рабочих? – не менее эмоционально отвечал своему оппоненту Дин. – Да, там много недостатков, но эта система функционирует и обеспечивает жизнедеятельность огромной страны, в которой почти два десятка республик. И рабочих там никто не эксплуатирует, подобно тому, что происходит на Западе. Ты хоть

раз слышал, чтобы в Советском Союзе бастовали фабрики или заводы?

– Может быть, советские рабочие и рады бы забастовать, но они боятся репрессий.

– Да нет там никаких репрессий вот уже почти тридцать лет! Сколько можно пугать мир сказками о жуткой атмосфере, царящей якобы в СССР?!

– И однопартийной системы там тоже нет? – с явной издевкой в голосе спросил Хуан.

– Вот это есть, врать не буду. Однако почему ты берешь на себя смелость поучать другую компартию, какую систему ей развивать? К тому же наличие многопартийной системы совсем не означает плюрализма мнений. Ты вот критиковал меня за то, что я поселился в ГДР, утверждая, что там самый заидеологизированный режим из всех просоветских. Но ведь в Восточной Германии существует многопартийная система. Значит, ты противоречишь своим словам.

– Нет, не противоречу. И в Советском Союзе, и в ГДР партии исповедуют демократический централизм, который и является главным тормозом для развития этих партий. Мы же от этого отказались. Как только вышли из подполья, так сразу и убрали этот самый демоцентрализм. Теперь у нас существует тайное голосование – с первичек до самого верха. Мы отменили положение, обязывающее состоять членом партии несколько лет, чтобы получить право войти в руководящие органы, в том числе и ЦК. Мы гарантировали права меньшинства – и все получили возможность высказывать и отстаивать свои платформы на съездах и собраниях. Ведь сегодня рабочий класс не имеет ничего общего с тем пролетариатом, который существовал в начале века. И его интересы не может представлять монолитная и вооруженная единогласием партия.

– Ты еще забыл упомянуть, что ваша партия заключила исторический компромисс с либеральной буржуазией, – не скрывая своего сарказма, произнес Дин.

– Да, заключила и опять же по той же причине: сегодня на дворе иные времена. После Октябрьской революции утекло слишком много воды, и новое общество можно строить лишь с участием самых различных политических и социальных сил, гарантируя неприкосновенность основных коллективных и индивидуальных свобод.

– Однако, идя на этот компромисс, вы не боитесь, что рано или поздно сами превратитесь в мелкобуржуазную партию? Что главным для вас станет ваше собственное благополучие, а не интересы народа?

– Можно подумать, в Советском Союзе партийная верхушка не превратилась в мелкобуржуазную уже сегодня? – засмеялся Хуан. – Разве ты не видешь это собственными глазами каждый раз, когда приезжаешь туда? Да и в ГДР, насколько я знаю, произошло то же самое.

– Да, я понимаю, что ты имеешь в виду. Но ваши руководители совершают гораздо больший грех: они сеют неверие в рядах своей партии открыто, даже бравируя этим. Я даже думаю, что это делается сознательно, чтобы завоевать новые симпатии и получить возможность соучастия в правительстве. Мне кажется, что вся ваша критика коммунизма есть попытка не дать марксистский анализ современных задач борьбы за преобразование общества, а желание приспособиться с правых позиций к сегодняшней ситуации. Ведь ваши лидеры ищут только плохое в коммунизме и целенаправленно акцентируют на этом внимание. Но разве было только одно плохое? Разве не благодаря Советскому Союзу состоялось международное признание ГДР и границ, которые сложились в Европе после Второй мировой войны? Или налаживание сотрудничества с социал-демократами? Или подписание Брежневым и Фордом во Владивостоке заявления, в котором Америка признавала принцип мирного сосуществования? А созыв Хельсинкского совещания? Вы же все это сознательно забываете и вместо того, чтобы поддерживать все эти начинания, вносите раскол в коммунистическое движение.

– Это не раскол, а позитивная критика, – продолжал стоять на своем Хуан. – Другое дело, что люди, которых ты поддерживаешь, не признают вообще никакой критики. Они закостенели в своем развитии и являются тем самым балластом, который тянет нас всех на дно.

– А может, на дно тянете именно вы, еврокоммунисты? В своих действиях вы похожи на капитулянтов, приспособленцев. Ваша партия становится мелкобуржуазной, о чем наглядно говорит множество фактов. Вы отказались от требований земельной реформы, национализации. Вы даже не хотите устранить бывших франкистов из госаппарата, что уже само по себе о многом говорит. Вы присоединились к «пакту Монклоа», который создан, чтобы держать в узде трудящихся, которые стали жертвами радикального капиталистического «оздоровления» экономики. Я понимаю, что таким образом вы хотите стать правительственной силой. Но этот компромисс в равной степени может как вознести вас вверх, так и сбросить вниз.

– Слушая тебя, можно подумать, что ты стал ярым коммунистом, – не скрывая своего изумления, воскликнул Хуан.

– Ни в каких партиях я не состою, – понизив голос до

обычного, ответил Дин. – И это должно заставить тебя задуматься над моими словами. Я рассуждаю как сторонний наблюдатель, а со стороны, как известно, поле боя видно лучше, чем из какого-либо окопа.

Вернувшись в ГДР, Дин завершил работу над фильмом «Эль Кантор». Труднее всего ему далась концовка картины, где показывалась гибель главного героя – певца Виктора. Эта сцена почти в точности воспроизводила подлинную смерть Виктора Хары на стадионе «Чили», и Дину надо было так сыграть эту сцену, чтобы будущий зритель по-настоящему оценил весь ужас того, что произошло и продолжало происходить в Чили. Дин долго внутренне готовился к этой сцене, пытаясь поставить себя на место Хары. И в этом деле ему помог личный опыт. Он вспомнил собственные тюремные университеты в аргентинской тюрьме, где его пытали пусть не физически, но морально – заставляли присутствовать на пытках его товарищей. В итоге финальную сцену он отыграл на одном дыхании.

К **сентябрю** Дин закончил работу над фильмом и, полностью удовлетворенный результатом, вновь покинул Восточную Германию. Он отправился в Чехословакию, чтобы договориться на студии грамзаписи «Супрафон» о записи своего диска-гиганта под названием «Моя песня для тебя».

Из Чехословакии Дин взял курс на одну из тогдашних горячих точек планеты – Южный Ливан. Эта поездка была не спонтанной. Как мы помним, еще в **августе 73-го** Дин познакомился и подружился с лидером ООП Ясиром Арафатом. За прошедшие после этого знакомства четыре года их дружба окрепла и пустила глубокие корни с обеих сторон. Дин и Арафат настолько прикипели друг к другу, что при любой возможности старались либо созвониться, либо увидеться друг с другом. Глядя на их взаимоотношения, Альберт Норден даже как-то пошутил:

– Вы случайно не спите друг с другом? А то за Ясиром, говорят, этот грешок водится.

Дин тоже слышал эту версию – что Арафат гомосексуалист и любит общество юных мальчиков. Однако он не верил в эти слухи, считая, что их специально распускают враги Арафата. Ведь лидер ООП вел настолько скромный образ жизни, что обвинить его в каких-либо грехах было очень трудно. Вот недоброжелатели и выбрали эту версию – гомосексуальную. Но Дин на своем веку повидал немало представителей сексуальных меньшинств и легко мог отличить натурала от «голубого». Так вот, по его мнению, Арафат абсолютно не был похож на гомосексуалиста.

После первой встречи с Арафатом Дин не переставал следить

за его судьбой и был рад тому, что авторитет этого человека в мире продолжает расти. Несмотря на то что многие люди считали его повинным в смертях сотен людей и называли не иначе как террористом, Арафат все круче взбирался на мировой олимп. Сам король Иордании Хусейн, который в **1970 году** заставил 15 тысяч палестинцев бежать из его страны, заявил, что ООП представляет арабов Палестины. После этого Арафата признали и в остальном мире: **13 ноября 1974 года** он добился того, что его с высокими почестями приняли в Нью-Йорке на торжественном заседании Организации Объединенных Наций. С легкой руки Советского Союза ООП была включена в состав ООН в качестве наблюдателя, что позволило ООП открыть свои официальные представительства на уровне консульств во многих странах мира.

К тому времени ООП была изгнана с территории Иордании и базировалась в Ливане. Однако спокойной ее жизнь там назвать было нельзя. Две влиятельные силы – христиане-мароните (самая богатая группа в стране) и друзская община – были враждебно настроены по отношению к ООП, поскольку та вносила дисбаланс в их жизнь: своими акциями против Израиля палестинцы навлекали на Ливан ответные удары, а это не могло не возмущать маронитов, которые хотели не воевать, а торговать. В итоге очень скоро Ливан запылал.

Сначала в **апреле 1975 года** там разразилась гражданская война, а спустя 13 месяцев – в **июне 1976 года** – в Ливан ввела свои вооруженные силы Сирия, мотивировав интервенцию попыткой положить конец внутриливанской междоусобице и стабилизировать ситуацию в стране (у Сирии были хорошие отношения с Москвой, но здесь она предпочла не слушать ее советов и действовала независимо). Несмотря на отчаянное сопротивление палестинцев, к **октябрю** большая часть Ливана находилась уже под абсолютным контролем сирийской армии, что привело к полной победе Сирии, капитуляции большей части палестинских вооруженных формирований и фактическому прекращению гражданской войны. Эта победа была выгодна не только Сирии, но и Израилю, а вот союзники палестинцев – социалистический блок – оказались в явном проигрыше.

Несмотря на то что в **ноябре 1976 года** в Ливан были введены межарабские силы по поддержанию мира (около 30 тысяч человек), ситуация там продолжала оставаться напряженной. Не помогло даже мирное соглашение, известное как Штурийский договор, который был подписан между Ливаном и ООП **25 июля 1977 года**, но никем не соблюдался. Правохристианские силы мечтали добить силы ООП, которые дислоцировались в Южном Ливане, для чего устраивались

различные провокации. Например, снайперы убивали сирийских солдат, а минометчики и артиллеристы обстреливали кварталы Бейрута. Особенно ожесточенными эти столкновения стали в **сентябре – октябре**, когда туда приехал Дин Рид. Отправился он туда по приглашению Арафата, чтобы вновь вплеснуть в свою кровь адреналина. Кроме этого, гнали его туда и личные причины: брак с Вибке трещал по всем швам, и Дин мечтал на время забыться от семейных склок, погрузив себя в боевые условия.

Когда Дин приехал в Южный Ливан, там было неспокойно. Ежедневно со стороны Израиля шел интенсивный артиллерийский обстрел этих территорий, из-за чего люди находились в постоянной боевой готовности. Даже подростки ходили, вооруженные автоматами Калашникова, и были готовы отразить любое нападение вражеских сил. Дина поселили в каменном здании, перестроенном под бункер, вместе с командиром федаинов Билалем, который воевал еще в Алжире и пусть не очень хорошо, но все-таки говорил по-английски. Американского гостя он называл «брат Дин».

Вечером, когда федаины собрались в бункере, чтобы отдохнуть и выпить чаю с большим количеством сахара (арабы называют его «палестинский виски»), Билаль попросил «брата Дина» спеть какую-нибудь песню. И Дин исполнил «Мы победим», которая здесь известна не менее хорошо, чем в Америке.

Свою первую ночь на новом месте Дин почти не спал. Он поминутно просыпался от звуков артиллерийской канонады и с удивлением обнаруживал, что все остальные федаины, которые находились с ним в бункере, продолжали пребывать в глубоком сне. Просто они уже привыкли к этому гулу и не боялись быть застигнутыми врасплох христианами-фалангистами – за стенами бункера были выставлены многочисленные посты.

На следующий день Дина специально повезли к линии фронта, чтобы он воочию оценил ситуацию. С высокого холма, на который они взобрались, хорошо просматривались позиции фалангистов. Билаль лично комментировал ситуацию, при этом не забывал постоянно предупреждать Дина, чтобы тот сильно не высовывался.

– У фалангистов хорошие снайперы, – объяснял Билаль.

Во второй половине дня Дин присутствовал на демонстрации, которая проводилась в честь назначения новых командиров ООП. Там Дин увиделся с Арафатом, который выступил на митинге перед несколькими тысячами палестинцев. Причем эту речь не смог прервать даже пролет израильского самолета над местом митинга. Сказав речь, Арафат повернулся к Дину, который стоял

у него за спиной. Они крепко обнялись, и Арафат сказал:

– Какое счастье, что у палестинцев есть такой друг-американец.

Встреча друзей длилась недолго – Арафату нужно было срочно уезжать. Однако он пообещал в ближайшие дни вновь встретиться с Дином и уделить ему гораздо больше времени. Что касается Дина, то он после этой встречи отправился в один из сиротских домов поблизости от Бейрута. Увиденное там потрясло его до глубины души: он встретился с детьми-сиротами, родители которых погибли во время бомбежек израильской авиации и атак фалангистов. Многие из этих детей сами были калеками: у кого-то не было руки, у кого-то ноги или глаза. Однако вместе с потрясением Дин испытал и чувство гордости за этих детей. Одетые в полувоенную форму цвета хаки, гордо именуя себя «львятами», эти дети готовы были хоть завтра взять в руки оружие и идти сражаться с агрессором, чтобы отомстить за своих погибших родителей и отстоять честь родины. Дин отметил, что все «львята» на вопрос, где они родились, гордо отвечали: «В Иерусалиме» и добавляли: «Мы обязательно туда вернемся, даже если нам придется за это погибнуть».

На следующий день ознакомительные мероприятия были продолжены. Дина в компании с несколькими иностранными журналистами повезли в окрестности города Тир. Им показали все, что осталось от небольшой деревни Рас-эль-Айн после налета израильской авиации, – груду камней. Над некоторыми руинами еще стелился дым, поскольку бомбежка была буквально на днях. Гид-палестинец, который сопровождал гостей, сообщил, что этот налет унес жизни 52 человек. Причем, подчеркнул гид, среди них были как палестинцы, так и ливанцы, которые не имели никакого отношения к вооруженным формированиям.

– Это были обычные крестьяне, преимущественно пожилые, а также женщины и дети, – сообщил гид.

Дин также провел ознакомительную экскурсию по Бейруту, побывав как в центральной его части, наиболее зажиточной, так и на окраине, в районе, где селились бедняки. Вместе с коренными жителями города, ливанцами, в жалких хижинах-бидонвилях жили сезонные рабочие, приехавшие на заработки в Ливан из соседних арабских стран. Здесь же селились и палестинцы – самые бедные жители Бейрута, которые жили на правах беженцев.

Побывал Дин и в порту, который представлял собой своеобразное государство в государстве. Здесь жили и работали десятки тысяч людей. Причем еще совсем недавно, каких-нибудь пять лет назад, этот порт был самым оживленным местом города. Сюда заходили 3,5 тысячи судов, доставлявших 6 миллионов и

вывозивших 3,5 миллиона тонн грузов. В те годы порт переживал настоящий бум, связанный с закрытием Суэцкого канала, и многие грузы, раньше направлявшиеся через Суэц, шли тогда через Ливан. Порт кормил в те годы порядка 20 тысяч семей. Однако теперь, с началом войны, все эти благополучные времена канули в Лету. Осенью **1975 года** израильская авиация разбомбила большинство портовых сооружений. И хотя два года спустя руководство города пыталось восстановить разрушенное, до конца сделать это так и не удалось. Работа порта была восстановлена лишь на одну четверть от ее довоенного уровня.

На другой день с утра Дин попросил провести его на передовую, к зенитной батарее, которая стояла в нескольких километрах от позиций фалангистов. Поскольку путешествие было опасным, Дина соответствующим образом экипировали: дали ему в руки пистолет-пулемет с двумя патронными лентами, на пояс повесили несколько яйцевидных ручных гранат. Кроме этого, на Дине была полевая форма палестинцев, а на шее повязан пестрый клетчатый платок куфья. В таком виде Дин и прибыл на батарею. Ее пушки были установлены для ведения наземного боя и защищали небольшую полуразрушенную деревню, где продолжали жить несколько десятков семей палестинцев. Как заметил Дин, практически все жители этой деревни были вооружены автоматами Калашникова, а жили под землей – в бункерах. В нескольких десятках метров от батареи, на равнине, стоял подбитый броневик фалангистов.

К счастью, в тот день на передовой было затишье и новых атак фалангистов так и не последовало. Поэтому применять свое оружие Дину так и не потребовалось. Хотя, случись эта самая атака, он бы не задумываясь встал в один ряд с федаинами и лупил бы из своего ручного пулемета с таким же остервенением, как и они. Кстати, никто из тех, кто сопровождал Дина в этой поездке, в этом не сомневался.

Между тем Дин не забывал и про свое главное оружие – гитару. Вечерами он обычно собирал вокруг себя толпу палестинцев и пел им свои песни. В эти же дни состоялась и премьера его двух новых песен, которые он написал, находясь в Южном Ливане: «О, Иерусалим» и «Моя родина». Кстати, в репертуаре Дина продолжали оставаться и две его прежние еврейские песни – «Хава Нагила» и «Моя еврейская мама» – только палестинцам он их, естественно, не пел. Но наличие этих песен ясно указывало на то, что Дин не делил народы на хорошие и плохие. Крайне негативно относясь к правительству Израиля, к евреям он продолжал питать теплые чувства. Свою позицию он объяснял следующими словами: «Палестинцы не хотят войны.

Реакция принудила их взяться за оружие. Палестинцы же хотят, чтобы евреи, христиане и мусульмане жили дружно друг с другом».

В Южном Ливане Дин провел почти два месяца. В конце поездки он вновь встретился с Арафатом. Их встреча прошла в Бейруте на одной из конспиративных квартир Арафата (таких квартир в городе у него было около шести, и ни в одной из них он не ночевал больше одной ночи – постоянно менял дислокацию, зная, что за ним охотятся как израильтяне, так и фалангисты). Привез Дина к Арафату его личный шофер Дюрак Касум, с которым у Дина сразу установились хорошие отношения. Касум был чрезвычайно умным человеком, поскольку в свое время изучал философию в Лондоне и прекрасно владел английским. Вот и в тот раз, пока ехали к Арафату, они всю дорогу беседовали на разные темы. В частности, Касуму было очень интересно, как Дин пришел к своей революционной деятельности.

– Ведь вы, Дин, из нормальной семьи, да еще делали карьеру в западном шоу-бизнесе. И вдруг подались в бунтари. Это была дань моде шестидесятых? – спросил Касум, уверенно крутя баранку бронированного «Мерседеса».

– Нет, это осознанный выбор, – ответил Дин. – Бунтарем я был уже с детства, когда восставал против диктата своего отца. Он отдал меня в кадетскую школу, а я оттуда сбежал через год. Он пытался привить мне правые взгляды, а я стал «леваком». Так что своим бунтарством я во многом обязан моему отцу.

– Значит, и тяга к риску тоже от него? То вы проникаете нелегально в Аргентину и Чили, где вас сажают в тюрьму, то мчитесь сюда, в Южный Ливан.

– Нет, тяга к риску у меня не от отца, – засмеялся Дин. – Он как раз человек более осторожный. А вот мама может совершать неожиданные поступки. Например, взяла и в 52 года круто изменила свою жизнь, поступив учиться в университет. Видно, я в нее.

Спустя несколько минут они подъехали к нужному дому на окраине Бейрута, и Касум, заглушив мотор, первым вышел из автомобиля. Никто из ближайшего окружения Арафата, включая и Дина, тогда не знал, что Дюрак Касум был агентом израильской разведки «Моссад». Самым ценным ее агентом, поскольку работал рука об руку с самим Ясиром Арафатом. Израильтяне сумели завербовать его в Лондоне на самой распространенной уловке – посулив хорошие деньги. За каждое свое радиосообщение Касум получал две тысячи долларов.

Как это ни странно, но предатель Касум во многом способствовал тому, что Арафат был жив. Дело в том, что в

«Моссаде» было две группировки, от мнения которых зависела судьба Арафата. Представители одной настаивали на убийстве лидера ООП; члены другой считали этот шаг неверным, упирая на то, что в таком случае на место Арафата может прийти более воинственный руководитель, который будет неприемлем как для Запада, так и для левых сил в Израиле. Многие сообщения Касума подтверждали правоту последних, поэтому жизнь Арафата была сохранена.

В доме, куда привезли Дина, его встретили Арафат и начальник штаба армии генерал Хадре. Этого человека Дин тоже знал, но не столь близко. Хадре отвечал в ООП за поставки оружия из Восточного блока и поэтому часто бывал в ГДР, где они с Дином несколько раз и виделись.

Когда Дин вошел в комнату, где находились Арафат и Хадре, те о чем-то оживленно беседовали друг с другом. Увидев гостя, они тут же прервали разговор и почти одновременно поднялись с дивана. Потом каждый из них обнял Дина, и они уселись на тот же диван уже втроем, причем гость оказался посередине. После чего Арафат произнес:

– Только что мы с генералом обсуждали одну очень важную проблему: о твоей помощи, Дин, нашему делу. Я слышал две песни, которые ты написал, будучи здесь, в Ливане, и они произвели на меня очень сильное впечатление. Но песня – это всего лишь короткое произведение длительностью меньше пяти минут. А вот кино – совсем другое дело. По силе воздействия с ним ничто не может сравниться.

– Куда ты клонишь, Ясир? – спросил Дин, для которого эта тема стала полной неожиданностью.

За Арафата ответил Хадре:

– Мы хотим, чтобы ты снял кино про нашу борьбу. Несколько лет назад ты создал фильм про борьбу североамериканских индейцев за свою свободу, а в этом году закончил картину про борьбу за свою свободу уже чилийцев. Чем палестинцы хуже?

В течение нескольких секунд Дин сидел, ошарашенный этим предложением, попеременно глядя то на одного своего собеседника, то на другого. Наконец он произнес:

– Честно говоря, мне даже в голову не приходила такая идея. Ведь я только-только закончил снимать «Эль Кантор» и рассчитывал отдохнуть от кино.

– Отдых, конечно, дело хорошее, но не в то время, когда в мире продолжает литься кровь, – философски заметил Арафат. – Ты же видишь, что здесь происходит и сколь долго длится этот конфликт. И если не привлечь к нему внимание мировой общественности, то он может продолжаться до бесконечности. А

кино могло бы сослужить в этом деле хорошую службу. Ведь ты же знаешь, как оно способно воздействовать на людей. Вспомни историю с восстанием в Вундед-Ни.

Дин хорошо знал эту историю, больше похожую на легенду. По ней выходило, что знаменитое восстание индейцев сиу в Вундед-Ни в **феврале 1973 года** во многом было спровоцировано извне: якобы «Штази» переправила в США копию самого первого «дефа-вестерна» «Сыновья Большой Медведицы», и настоящие индейцы, посмотрев этот фильм, решили действовать точно такими же методами, что и герои картины, – восстать против бледнолицых.

– Какое же кино вы хотите? – поинтересовался Дин.

– Мы же говорим, что это должно быть кино о героической борьбе палестинского народа, – ответил Арафат. – И тему мы уже придумали – как раз обсуждали ее перед твоим приходом. Ты слышал про мужественную оборону поселка палестинских беженцев Телль-Заатар?

Дин не стал врать и ответил честно: только в общих чертах. Его собеседники предпочли не заострять внимания на этом невежестве своего собеседника и предложили тут же восполнить этот пробел: рассказать всю историю в подробностях. И Дин согласился.

Эпопея Телль-Заатара началась в **июне 1975 года**, когда в Ливане разразилась гражданская война. Этот лагерь, где проживали около тридцати тысяч палестинских беженцев, находился на восточной окраине Бейрута. Вскоре после начала войны правохристианские фалангисты, не сумев сломить сопротивление защитников лагеря, взяли его в кольцо. Начались долгие дни блокады. Правда, в первые месяцы она была еще не столь плотной, и в лагерь удавалось доставить муку и другое продовольствие. Но потом «кольцо» захлопнулось окончательно. И начался настоящий ужас, когда тысячи людей, среди которых было много стариков, женщин и детей, были отрезаны от источников снабжения продовольствием, водой и медикаментами. А каждого, кто пытался тайком пробраться к колодцам, правохристианские снайперы безжалостно убивали. Как сказал в те дни сам Ясир Арафат: «Каждая капля воды в Телль-Заатаре добывается ценой стакана крови».

13 июля, на 22-й день сопротивления, жители Телль-Заатара обратились к миру с письмом: «В нашем лагере сейчас 30 тысяч человек – мужчин, женщин, детей и стариков. Около 40 процентов из них ливанцы-бедняки, остальные палестинцы. Сегодня наш лагерь стал ареной ужасных разрушений. Нет больше воды, кроме той, которую удается добывать из колодцев

под угрозой обстрела и смерти. Нет пищи, кроме той, что удалось спасти после разрушения наших жилищ. Нет ни электричества, ни медикаментов для ухода за ранеными. Многих из раненых можно было бы спасти, но даже легкораненые истекают кровью из-за недостатка лекарств.

Вы не можете вообразить себе, сколь горестно и ужасно видеть, как на ваших руках умирает брат, друг или товарищ, которому вы не в силах ничем помочь. Мы хороним наших мучеников в ямах, которые нам удается вырыть, и некоторые из нас гибнут в этот момент, когда погребают своих братьев…»

Это письмо не осталось без внимания. На него откликнулся Международный Красный Крест, который заявил о своей готовности принять меры к спасению раненых. Однако едва его машины приблизились к Телль-Заатару, как со стороны правохристианских фалангистов раздалась стрельба. Начались долгие переговоры между Красным Крестом и фалангистами. В начале **августа** они увенчались пусть небольшим, но успехом: представителям Красного Креста удалось вывезти из осажденного лагеря около трехсот раненых. Но это была капля в море, поскольку к этому моменту в Телль-Заатаре скопилось четыре тысячи раненых. А **12 августа** случилось и вовсе ужасное.

В тот день была достигнута договоренность о новом вывозе раненых. Но как только машины Красного Креста въехали в лагерь, фалангисты открыли шквальный огонь из всех своих орудий – от 75-мм гаубиц до 155-мм тяжелых пушек. В этом аду погибло несколько тысяч человек. Вот как описывала увиденное в лагере шведская медсестра Эва Сталь, которая потеряла в Телль-Заатаре руку и мужа: «С июня лагерь беспрерывно обстреливали. Фактически он был стерт с лица земли. Нет больше ни улиц, ни домов. Люди жили в страшной тесноте, в подземных убежищах. Выйти на поверхность означало отправиться навстречу смерти».

Осада лагеря продолжалась 52 дня. Последний штурм был особенно ожесточенным. Со стороны правых христиан в нем участвовали около семи тысяч человек из отрядов фалангистов, шамунистов и бойцов «Фронта защиты кедра», а также сотни бронемашин и танков. Что касается защитников лагеря, то там сражались все: и взрослые мужчины, и женщины, и дети 13–14 лет. Бой длился несколько часов и закончился победой фалангистов. Под развалинами лагеря оказалось погребено более пяти тысяч палестинцев и ливанцев. Как писал советский журналист Л. Вольнов: «Ворвавшись в лагерь, фалангисты учинили массовую расправу над оставшимися в живых. Тысячи жителей кинулись из лагеря, попадая под перекрестный огонь. Большинство из них были женщины, дети, старики. Автоматные

очереди добивали раненых. Все шестьдесят медицинских работников лагеря, которые в течение семи недель ухаживали за ранеными и больными, отдавая им свою кровь и деля скудный паек, были убиты. Их строили десятками по двое в ряд, выводили и расстреливали из автоматов…»

– Когда Телль-Заатар пал, фалангисты пригнали к нему бульдозеры и сровняли с землей остатки его строений, чтобы навсегда стереть у палестинцев память об этом месте, – закончил свой рассказ Арафат. – Однако народную память невозможно стереть бульдозерами. Вот почему мы хотим, чтобы был снят фильм об этой героической обороне.

Дин был по-настоящему потрясен услышанным рассказом. Эта история и в самом деле имела все основания лечь в основу хорошего фильма о мужестве и самоотверженности людей. Почти двухмесячное противостояние в основном не обученных военному делу беженцев и вооруженных до зубов фалангистов впечатляла. Уже в процессе рассказа перед взором Дина представали кадры будущего фильма. Вот отчаянный бой в развалинах ведут молодая мать и ее 13-летний сын, которые в итоге оба погибают. А вот за оружие берется представитель Красного Креста, который всегда был противником всяческого насилия. Короче, когда Арафат и Хадре закончили свое повествование, у Дина уже не было никаких сомнений: такой фильм он снимать согласен. Что и было немедленно сообщено им его собеседникам.

Услышав это, Арафат и Хадре не стали скрывать своей радости. Поочередно обняв Дина, они предложили отметить это событие. Хадре вышел из комнаты и спустя какое-то время вернулся обратно, но уже не с пустыми руками: впереди себя он катил тележку, заставленную разной снедью. Из представленных напитков Дин выбрал русскую водку, а его товарищи предпочли налить себе апельсинового сока, поскольку спиртное не пили. Когда бокалы были осушены, Арафат сообщил:

– Со своей стороны мы готовы приложить все усилия для создания такого фильма. Мы поможем тебе финансами, людьми, найдем зарубежных партнеров. От тебя требуется литературная основа и пробивание этого проекта в Восточной Германии.

В ГДР Дин возвращался, переполненный впечатлениями и преисполненный желания вновь взяться за дело, которое казалось ему чрезвычайно актуальным. На какое-то время всеми мыслями его завладел Ближний Восток. Однако этот энтузиазм стреножили личные проблемы, которые навалились на Дина в те же самые дни. Он понял, что его брак с Вибке подошел к своему логическому концу. Четыре года он прожил с этой женщиной, но этого времени оказалось достаточно для того, чтобы понять, что

их отношения зашли в тупик. Дин вспомнил события июня 73-го, когда он, летя над Атлантикой, в самолете написал стихотворение, полное любви и нежности к Вибке. Теперь от этих чувств не осталось и следа.

Всю дорогу до дома Дин перебирал в памяти различные эпизоды их совместной с Вибке жизни и пытался разобраться в том, кто же виноват в случившемся. «Когда мы познакомились, нас притягивал друг к другу исключительно секс, – думал Дин, глядя в иллюминатор воздушного лайнера. – Вибке оказалась очень опытной женщиной, которая хорошо знает, как доставить мужчине истинное удовольствие. Затем сексуальное влечение переросло в любовь. Во всяком случае, мои чувства к ней были таковы. Да нет, почему только мои? Я же видел, как нежно относилась ко мне и Вибке. Именно поэтому все эти досужие сплетни о том, что ее специально подложили под меня, чтобы заманить в Германию, я всегда отметал. Так могли говорить только люди, которые не видели наших отношений вблизи.

Нет, мы действительно любили друг друга. Другое дело, почему эта любовь закончилась так быстро и кто в этом виноват больше? Видимо, оба в равной степени. Она никак не хотела смириться с тем, что я принадлежу прежде всего своему делу, а уже потом семье, а я сопротивлялся любому стремлению Вибке сделать из меня домоседа. Видно, нет в мире такой женщины, которая смогла бы стать для меня идеальным спутником жизни. Но больно мне не от этого. А от того, что еще одна дочь вынуждена будет расти без отцовского внимания. Так выросла Рамона, эта же участь, увы, ждет и Наташу».

Дин прекрасно отдавал себе отчет в том, что его развод с Вибке мог серьезно осложнить его отношения с Хонеккером и другими восточногерманскими политиками. Однако жить с нелюбимым человеком по политическим соображениям Дин тоже не мог – это противоречило его принципам. Поэтому он решил расстаться с Вибке, надеясь, что у Хонеккера хватит благоразумия не делать из этого события трагедии. И Дин в своих расчетах не ошибся. Хонеккер и в самом деле не стал заострять своего внимания на этом разводе, хотя и одобрить его он тоже не мог. Когда в один из тех **ноябрьских** дней он принял Дина в своем кабинете в здании ЦК СЕПГ на Маркс-Энгельс-плац, он удивился:

– Неужели нельзя избежать этого развода?

– Зачем его избегать, если два человека перестали любить друг друга? – удивился Дин, который к тому времени уже достаточно сносно говорил по-немецки.

– Ты уверен, что два?

– Хорошо, пусть этим человеком буду один я, – устало

произнес Дин.

По тому, как он это произнес, Хонеккер понял, что говорить на эту тему уже нет смысла: все уже решено. Да и большого желания обсуждать этот развод у лидера СЕПГ тоже не было: у него и без того голова буквально пухла от различных государственных проблем. В последние несколько месяцев таковых было в избытке: в **мае** Заир прервал отношения с ГДР, обвинив ее в поддержке повстанцев, в **июне** Конгресс США обнародовал доклад, где обвинил руководство ГДР в нарушениях прав человека. Однако основной головной болью Хонеккера было то, что внутри его руководства, кажется, зрела реальная оппозиция его курсу. Возглавлял оппозиционеров молодой и энергичный член Политбюро Вернер Ламберц.

Хонеккер всегда с настороженностью относился к чрезмерной активности этого человека, а с недавних пор она и вовсе стала вызывать у него откровенное раздражение, поскольку лидер СЕПГ стал подозревать Ламберца в желании занять его кресло. И когда в конце **октября** Хонеккер был с визитом в Москве, он уловил в речах некоторых советских товарищей скрытые намеки на то, что время его руководства может скоро подойти к концу. Это окончательно убедило Хонеккера в том, что его подозрения относительно Ламберца небеспочвенны. Правда, шеф «Штази» Мильке не разделял этих подозрений лидера СЕПГ, уверяя Хонеккера, что Ламберц не помышляет о том, чтобы встать у руля страны. Однако Хонеккеру от этого легче не стало. Он хорошо помнил о событиях шестилетней давности, когда сам пришел к власти с помощью пусть бескровного, но все-таки переворота. И Мильке он не слишком доверял, памятуя о некоторых его поступках, где он вел себя по отношению к нему не самым лучшим образом. Взять, к примеру, ту историю с врачихой.

Года два назад Хонеккера угораздило закрутить роман с собственным стоматологом – весьма симпатичной женщиной, муж которой работал в охране Хонеккера. Именно последнее обстоятельство и стало в итоге больше всего беспокоить лидера СЕПГ. По мере того, как его отношения с врачихой углублялись, он всерьез стал опасаться, что ее муж может догадаться об этом и в порыве ревности совершить что-то ужасное. Поэтому Хонеккер обратился к Мильке с просьбой лишить мужа своей любовницы права ношения табельного оружия. Шеф «Штази» в ответ вспылил:

– Как ты себе представляешь эту акцию? Что я скажу этому человеку, если он меня спросит относительно того, почему я его одного лишаю оружия? Или мне всю твою охрану разоружить?

Хонеккеру очень не понравилась эта вспышка гнева со

стороны Мильке, и этот эпизод стал еще одним поводом к тому, чтобы затаить злобу на шефа «Штази». Однако отправить Мильке в отставку Хонеккер не мог: у того были очень влиятельные сторонники как здесь, так и в Москве.

Вспомнив про свою недавнюю поездку в Москву, Хонеккер сообщил Дину приятную новость:

– В Москве я слышал, что тебя собираются наградить по линии Советского комитета защиты мира. Ты об этом знаешь?

– Да, мне звонили мои московские друзья, – ответил Дин.

– Что они для тебя припасли, какую-нибудь медаль?

– Любая награда этого комитета будет для меня почетна, – все тем же бесстрастным голосом произнес Дин.

– Ладно, не притворяйся: небось спишь и видишь у себя на груди «Золотую медаль» Жолио-Кюри, – усмехнулся Хонеккер. – Только ею награждают фигуры куда более значимые, чем ты. Например, Корвалана или Чаушеску (оба были награждены этой медалью в **январе 1977 года**. – *Ф. Р.*).

– К чему этот разговор? – спросил Дин, внимательно посмотрев в глаза Хонеккеру.

– К тому, что в Москве тебя мало ценят. В кино сниматься не приглашают, в Кремле не принимают. Брежнев с кем только не встречается, а тебя ни разу не захотел увидеть. Ему какой-нибудь миллионер Арманд Хаммер дороже, чем борец за мир Дин Рид. Тебя это не обижает?

– Нисколько, – практически без паузы ответил Дин. – Я занимаюсь политикой бескорыстно, по зову души. Разве вы этого до сих пор не поняли?

– Да, я знаю это и ценю, – ответил Хонеккер. – Но речь не о твоем бескорыстии, а совсем о другом. Вот мне в этом августе исполнилось 65 лет, и Москва наградила меня орденом Октябрьской революции. Думаешь, мне так нужен этот орден? Да мне их уже девать некуда. Однако это награждение – определенный сигнал, что в Москве меня все еще ценят и уважают. Тебя вон тоже хотят наградить, но только по линии Комитета мира. А где же награды от Кремля, от самого Брежнева? Ведь ты больше десяти лет ездишь в Советский Союз в качестве активного борца за мир. Значит, в Кремле твоя личность полным доверием до сих пор не пользуется. Неужели ты этого не понимаешь?

– Все я понимаю, но значения этому не придаю, – продолжал стоять на своем Дин. – Мне вполне хватает тех знаков внимания, которые мне оказывают простые советские люди. Поверьте, Эрих, эти знаки куда более весомее, чем все ордена и медали вместе взятые.

– Если все, что ты сейчас мне здесь сказал, правда, то политик из тебя никудышный, – с грустью резюмировал Хонеккер. – Нет в тебе того цинизма, который присущ настоящему политику.

– Переделывать меня уже поздно, да и не надо, – произнес Дин, поднимаясь со стула. – К тому же вы забываете, Эрих, что у нас цели одни, а должности разные. Вы руководитель страны, а я всего лишь рядовой боец. Это вам без цинизма не обойтись, а мне без него очень даже неплохо.

Между тем год закончился для Дина хорошо. **22 декабря** в одном из лучших кинотеатров Восточного Берлина «Космосе» состоялась премьера фильма «Эль Кантор». В зале был аншлаг, и публика пришла в основном номенклатурная: партийные функционеры и чилийские эмигранты. Среди последних было много таких, кто сам был живым свидетелем событий, которые были показаны на экране. В фильме рассказывалось о последних трех неделях перед путчем **11 сентября 1973 года** в Чили, а в центре повествования была судьба певца Виктора Лебена, прототипом которого послужил зверски замученный пиночетовской хунтой коммунист Виктор Хара (его, как мы помним, играл сам Дин Рид).

Встретив наступление нового, **1978 года** в ГДР, Дин в первых числах января отправился в Москву, где ему должны были вручить медаль Советского комитета защиты мира «Борцу за мир». Это награждение было следствием недавней поездки Дина в Южный Ливан, которую в Москве оценили по достоинству. Вручение медали состоялось **9 января**. Два дня спустя Дин посетил редакцию газеты «Комсомольская правда», где рассказал о своей недавней поездке все в тот же Южный Ливан.

Несмотря на то что в этот свой приезд Дин никаких выступлений давать не собирался, действительность внесла некоторые изменения в его планы. Он поселился в гостинице «Украина», персонал которой встретил его с таким радушием, что Дин решил отплатить ему тем же. И в итоге дал бесплатный концерт для работников гостиницы. Дин выступал почти два часа и спел больше двух десятков своих песен, среди которых были разные вещи: и лирика, и рок-н-роллы, и песни протеста. Публика была в полном восторге, поскольку ничего подобного в «Украине» еще не было.

Еще в те дни Дин встретился с Купцовыми: отцом и сыном. Причем встреча с последним прошла в необычных условиях. Пытаясь разыскать Юрия по телефону, Дин позвонил сначала ему на работу, в ЦК ВЛКСМ, а когда его там не оказалось, сделал звонок ему домой. Но к аппарату и там никто не подошел. Тогда

Дин позвонил в МИД его отцу Петру Сергеевичу. Тот оказался на месте и с ходу огорошил Дина сообщением о том, что Юрий находится в больнице.

– Что с ним? – не скрывая своей обеспокоенности, поинтересовался Дин.

И получил ответ, который его буквально потряс.

– Допился до чертиков, вот что, – раздраженно ответил Купцов-старший. После чего сменил тон на более доброжелательный и продолжил: – Если хочешь его повидать, то я могу подбросить тебя до больницы, где он лежит. Есть у нас такое место для алкашей – больница имени Соловьева, в простонародье именуемая Соловьевкой. Жди меня в гостинице, через час я приеду.

В течение нескольких минут после этого разговора Дин неподвижно сидел на диване, размышляя об услышанном. Несмотря на то что эта новость его потрясла, по-настоящему неожиданной она для него не стала. Еще несколько лет назад, когда он в последний раз виделся с Юрием, его поведение уже внушало опасения Дину: во время их встреч Купцов-младший пил водку рюмку за рюмкой, практически не закусывая. А когда Дин однажды попытался сделать ему замечание, тот лишь отшутился: «Я первую бутылку обычно не закусываю». И вот результат: угодил в больницу.

Просидев в раздумьях несколько минут, Дин внезапно вспомнил, что навещать больного с пустыми руками не принято. И спустился в гостиничный ресторан. Однако там его ждало разочарование: на ресторанных прилавках было много разной снеди, однако совершенно отсутствовали какие-либо фрукты. Но Дину повезло. Его присутствие привлекло к себе внимание одной из работниц ресторана, которая буквально боготворила Дина. Несмотря на то что Дин очень плохо знал русский язык, он все-таки сумел объяснить работнице, что ему нужно. И та повела его в подсобку ресторана, где в картонных ящиках лежали не только апельсины, но еще и бананы. И Дин набрал два пакета каждого из этих фруктов. С ними он вернулся к себе в номер и едва успел выложить пакеты на стол, как в номер зашел Купцов-старший. Увидев фрукты, он усмехнулся:

– Сомневаюсь, чтобы мой алкаш обрадовался такому экзотическому набору. Коллеги по работе обычно тащат ему в больницу «Пшеничную».

– «Пшеничная» – это водка? Как же он лечится? – удивился Дин.

– Вот так и лечится – алкогольными инъекциями.

Петр Сергеевич приехал на собственной «Волге», которую он

поставил на стоянке возле входа в гостиницу. Спустя несколько минут они уже уселись в автомобиль и отправились в путь. Как ни странно, но говорили больше о политике, чем о Юрии. Было видно, что Купцов-старший зол на своего сына и сознательно не хочет о нем говорить. Да и что было обсуждать, когда и без слов было все понятно.

Узнав о том, что Дин приехал в Москву за медалью «Борцу за мир», Купцов-старший произнес:

– В отличие от большинства награждаемых этой медалью ты самый достойный. Это не комплимент, а констатация факта. Все остальные борцы за мир сидят в своих кабинетах и боятся оторвать свои задницы от удобных кресел. А ты не испугался в Южный Ливан съездить. Ну, и какие впечатления?

– Тяжелые, – ответил Дин. – И не потому, что там идет война, а потому, что она, кажется, будет длиться бесконечно.

– Это ты верно подметил, – кивнул головой Петр Сергеевич. – Причем в этой войне есть доля и нашей вины. Слишком много мы наделали ошибок, ориентируясь на экстремистское крыло палестинцев, что привело только к дестабилизации арабского мира. Ливан еще десятилетие назад выступал как финансовый и политический центр арабского мира, а теперь лежит в руинах. Мы сами нанесли удар идее арабского единства и теперь пожинаем плоды этого.

– Вы считаете людей из ООП экстремистами? – удивился Дин.

– А ты считаешь их ангелами с крылышками? Они почти сорок лет воюют и ничего, кроме этого, больше делать не умеют. Они даже друг с другом договориться не могут, поскольку все споры привыкли решать с помощью оружия. Тот же Арафат хоть и ориентирован на нас, однако таскать каштаны из огня в нашу пользу не станет. Слишком он хитер для этого.

– Лично на меня Арафат произвел совсем другое впечатление – положительное, – попробовал заступиться за лидера ООП Дин.

– Не спорю, это он делать умеет – производить впечатление, – усмехнулся Купцов-старший. – Кроме того, что он хитрый, он еще и умный человек. В Москве он ведет себя как кандидат в члены КПСС, а в королевской семье – как отпрыск короля. Много лет он обхаживал наше руководство и все-таки добился своего: уломал Брежнева на личную встречу (первая встреча Брежнева с Арафатом произошла в **апреле 1977 года**. – *Ф. Р.*). При этом Арафат ведет себя весьма независимо: каждый раз, когда приезжает в Москву, он возлагает венок к Могиле Неизвестного Солдата, но ни разу – к Мавзолею Ленина. Хочет показать, что он не соединяет свою борьбу за свободу Палестины ни с каким «измом». Кроме одного – с терроризмом.

– Терроризм Арафат осуждает.

– Только на словах. Другое дело, что Арафат не самый оголтелый экстремист в ООП и знает, как не перегнуть палку. Этим он нас, собственно, и привлекает, поскольку из двух зол обычно выбирают меньшее.

– Однако многие акты террора со стороны палестинцев были вынужденной реакцией на террор со стороны Израиля, – продолжал возражать Дин. – И именно национально-освободительная борьба пробудила в палестинцах национальное самосознание. В итоге на сегодняшний день ООП не только получила поддержку со стороны двух десятков арабских стран и стран Восточного блока, но и достигла международного признания, включая официальное представительство в ООН.

– Именно поэтому ООП и считается самой уникальной террористической организацией, которая впервые в современной истории смогла достичь политических целей, используя довольно часто террористические методы. Однако ты же не будешь спорить, что главной своей цели – уничтожения Израиля – она так и не достигла. Более того, я выскажу крамольную мысль: именно существование ООП сплотило израильское общество, а их спецслужбы сделало одними из самых эффективных в мире.

– И все же, возвращаясь к Арафату, я считаю, что большинство его поступков продиктованы благими намерениями, – упорствовал Дин. – Он человек принципиальный и умеет держать слово. А уж о его скромности и вовсе ходят легенды. У него нет вилл где-нибудь в Европе, он спит всего по 4–5 часов в сутки – остальное время работает.

– Зато остальные руководители ФАТХ погрязли в роскоши и коррупции. И простые палестинцы прекрасно это знают и видят. Что касается Арафата, то он скромен по части быта, но нескромен в другом – в жажде власти. Именно это и делает подчас переговоры с ним крайне тяжелыми и непредсказуемыми.

– Но эти переговоры важны, особенно сейчас, когда Египет затеял сепаратные переговоры с Израилем.

– Эти переговоры во многом и стали возможны потому, что Арафат до сих пор так и не сформулировал четко свои предложения о том, как привести дело к политическому урегулированию на Ближнем Востоке. Нельзя же все время говорить только «нет»! Будь у ООП хоть какая-то позитивная программа, то она давно бы стала политическим противовесом этим сепаратным переговорам.

В этот момент Купцов-старший остановил автомобиль перед светофором, что на некоторое время приостановило диалог двух спорщиков. Но едва они снова тронулись, как Петр Сергеевич

продолжил свою речь:

– В последние годы мы допускаем досадные просчеты не только на Ближнем Востоке. В головах наших стратегов началось головокружение от успехов, когда им показалось, что после того как США проиграли во Вьетнаме, у нас развязаны руки. Взять ту же Анголу, где мы сделали ставку на МПЛА. Да, воюют там кубинцы, но мы финансируем эту кампанию из своего кармана. В итоге в то время, когда американский Конгресс отказался давать ассигнования на дальнейшую поддержку проамериканских партий и фракций, мы начали этим фракциям помогать. Но итог-то плачевный: гражданская война в Анголе заполыхала с новой силой. МПЛА, конечно, удержалась у власти и даже месяц назад провела свой первый съезд (от КПСС туда ездил член Политбюро Андрей Кириленко. – *Ф. Р.*), однако конца войны пока не видно. И знаешь почему? Потому, что в Анголе воюют не бедные с богатыми, а бедные с бедными. Но ведь это было понятно с самого начала – еще в 75-м году!

– Но если вы, работая в МИДе, знали все это еще тогда, почему не настаивали на своем варианте? – спросил Дин.

– Настаивал не только я, но и люди рангом повыше, – ответил Купцов-старший. – Но все без толку. У нашего руководства сложилось впечатление, что сегодняшняя Ангола – это Испания 1935 года и мы просто не можем остаться в стороне. Однако эта позиция может стать для нас настоящей пороховой бочкой – она окончательно подорвет все наши успехи, которые были достигнуты в период разрядки. Ведь после Анголы мы умудрились вляпаться еще и в эфиопские события: отреклись от своего давнего союзника Сомали в пользу Эфиопии. А это новые траты бюджетных денег, причем траты существенные (в **апреле 1977 года** к власти в Эфиопии пришел подполковник Менгисту Хайле Мариам, который заявил о начале строительства социализма у себя на родине, после чего Москва стала ему активно в этом помогать. – *Ф. Р.*).

– Однако деньги у вас теперь, кажется, есть, и деньги огромные, – заметил Дин.

Это было правдой: после нефтяного кризиса **1973 года**, когда цены на «черное золото» в мире резко повысились, в советскую казну потекли баснословные деньги, которые вскружили голову кремлевским руководителям. Поэтому Купцова-старшего реплика Дина не удивила.

– Именно это меня и пугает: деньги у нас действительно есть, но распорядиться ими мы правильно не умеем, – произнес Купцов-старший. – Вместо того чтобы значительную часть этих средств пустить на модернизацию собственной экономики, на

нужды людей, мы пускаем их по ветру – на так называемую интернациональную помощь. Бесспорно, помогать третьему миру мы должны, но не так расточительно, как это происходит сегодня. Ведь шальные деньги, которые льются на головы нашим друзьям, развращают их. Они считают, что мы чуть ли не обязаны субсидировать их из своего кармана. Взять ту же Сирию. Мы поставляем ей оружие практически бесплатно, поскольку она является нашим оплотом на Ближнем Востоке и снабжает этим оружием палестинцев. Но эта помощь оборачивается нам в копеечку: десятки миллиардов инвалютных рублей. При этом Сирия ведет себя с нами как капризный ребенок: что хочу, то и ворочу, а вы все оплатите. Вот почему иной раз мне даже хочется, чтобы этот денежный дождь иссяк, поскольку он только питает левацкие настроения наших руководителей.

В этот момент «Волга» подъехала к воротам Соловьевки. Купцов-старший притормозил, однако мотор заглушать не стал, сообщив, что дальше Дину придется идти одному.

– У нас с сыном на данный момент размолвка, поэтому присутствовать при вашем общении мне бы не хотелось, – сообщил Купцов-старший. – Так что давай договоримся: я пока заеду еще в одно место, а через полтора часа вернусь и заберу тебя обратно. Думаю, этого времени вам вполне хватит, чтобы насладиться обществом друг друга.

Несмотря на то что Дин плохо говорил по-русски, однако объяснить регистраторше, зачем он приехал, ему не составило особого труда. Он назвал нужную ему фамилию, и девушка быстро сориентировалась, с кем его связать. Другое дело, что его появление в холле клиники вызвало небывалый ажиотаж у персонала и стало поводом к настоящему столпотворению. Дина сразу окружила толпа молоденьких врачих в белых халатах, они стали наперебой просить поставить свой автограф на вырванных из тетрадок листках. А одна из врачих специально сбегала в свой кабинет и принесла портрет Дина из какого-то советского журнала, который висел на стене. И Дин поставил свою размашистую подпись под этой фотографией.

Именно за этим делом Дина и застал Юрий Купцов, который бесцеремонно вклинился в толпу, окружившую Дина, и, взяв друга за локоть, повел за собой. Они поднялись на второй этаж и заняли один из кабинетов, который Юрий попросил уступить ему одного из врачей на время встречи с высоким гостем. Здесь они уселись на кожаный диван, стоявший у стены, а пакеты с фруктами Дин положил на стол.

– Извини, но «Пшеничную» я покупать тебе не стал, – сообщил другу Дин.

– Судя по твоей осведомленности, привез тебя сюда мой отец, – заметил Юрий. – Как он выглядит?

– По сравнению с тобой очень даже неплохо, – ответил Дин, что было правдой: Юрий со своим одутловатым лицом и мешками под глазами и впрямь производил не самое хорошее впечатление.

– А мне красота ни к чему, – все тем же мрачным тоном резюмировал Юрий. – Это ты у нас кумир толпы, а не я.

– Значит, поэтому ты должен допиваться, как сказал твой отец, «до чертей»?

– Наверное, не до чертей, а до чертиков, – поправил друга Юрий. – А пью я, Дин, потому, что работа у меня такая: глядеть на нее трезвыми глазами просто невозможно – с ума можно сойти.

– Другие же смотрят, и ничего.

– Я за других не ответчик.

Сказав это, Юрий поднялся с дивана и, взяв из пакета апельсин, принялся нервно очищать его от кожуры. При этом назад он не вернулся, а присел на угол стола.

– И что же такого страшного ты видишь на своей работе? – после паузы спросил Дин.

– Ты прекрасно знаешь что, поскольку сам варишься в этой же каше. Как и мой отец и все остальные. Кстати, отец не жаловался тебе на нашу неразумную внешнюю политику?

– Было, – кивнул головой Дин.

– Видишь, и ему его работа доставляет одни разочарования.

– Но он не стал алкоголиком.

– У него закалка другая, а я представитель другого поколения – более инфантильного. Я рефлексирующий интеллигент, как принято сейчас выражаться. Сейчас полстраны таких, как я, а может быть, даже и больше.

– И в чем причина этой рефлексии?

– Я же говорю, в окружающей действительности. В несоответствии провозглашаемых лозунгов и того, что происходит на самом деле. Мы стремительно катимся в пропасть.

– Мы – это кто?

– Страна, дорогой мой, – с нескрываемым раздражением произнес Юрий и даже бросил обратно в пакет так и не дочищенный до конца апельсин. – Некогда могучая, сильная держава, которая на глазах дряхлеет и разваливается. Помнишь, одиннадцать лет назад, в Грузии, мы говорили с тобой о том, что нашей стране нужны жесткие и активные руководители? Так вот сегодня они нужны нам во сто крат сильнее, чем тогда. Но где они? Нет их! А есть Брежнев, из которого буквально песок сыпется. Да что я тебе рассказываю, ты и сам прекрасно это

видишь.

– Последний раз я видел Брежнева живьем осенью 73-го на конгрессе миролюбивых сил, – напомнил другу Дин. – С тех пор я наблюдаю его только по телевизору.

– Тогда поверь словам человека, который периодически видит нашего генсека воочию. Осенью 73-го он был вполне здоров. А через год, в конце 74-го, во время встречи во Владивостоке с президентом Фордом, он пережил инсульт, и с тех пор его здоровье стало стремительно ухудшаться. Он конкретно подсел на психотропные лекарства и выглядит очень плохо: отечное лицо, плохая дикция, нетвердая походка. Он даже работает теперь по два-три часа в день, а остальное время отдыхает. Любимым его занятием теперь стала охота, а не государственные дела. Причем я не против, чтобы он занимался охотой и отдыхал: ради бога! Но уйди ты на пенсию и поставь вместо себя энергичного и толкового руководителя, который начнет что-то стоящее делать. Ведь загубим же страну!

– Почему же Брежнев не хочет оставить свой пост?

– Он, может, и хочет, да его соратники этого не хотят. Их у нас называют «днепропетровской мафией» – это выходцы из его родного города Днепропетровска. Все они присосались к государственной кормушке и понимают, что, если Брежнев уйдет на покой, их безоблачному существованию придет писец. Конец по-нашему. Вот они и заставляют больного Брежнева оставаться на посту. А руководитель из него уже никудышный. Жесткости в нем не было никакой и раньше, а сегодня он и вовсе превратился в доброго Деда Мороза.

– Однако сумел убрать Подгорного и стать еще вдобавок и президентом страны, – напомнил другу Дин события полугодовой давности, когда Брежнев присовокупил к посту генсека и должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

– Это ему товарищи по Политбюро помогли, которые Подгорного на дух не переносили. Да еще ситуация в Европе, где еврокоммунисты воду мутят. Вот почему в нашей новой Конституции отныне закреплена ведущая роль компартии. Но ты забыл, что перед Подгорным Брежнев убрал еще и Шелепина, выведя его из Политбюро и отправив руководить пэтэушниками – так у нас называют учеников профессионально-технических училищ (Александр Шелепин был отправлен в отставку в **апреле 1975 года**. – *Ф. Р.*).

Как ты помнишь, на Шелепина я возлагал надежды еще тогда, в Грузии. Но ведь он и сейчас еще мог бы пригодиться – ему в этом году исполняется только шестьдесят лет. На фоне Брежнева, которому семьдесят один, он выглядит огурчиком. Между тем из

15 нынешних членов Политбюро восьмерым уже семьдесят лет или близко к этому, а четверым перевалило за шестьдесят. И только троим еще нет шестидесяти, причем самому молодому из них – Григорию Романову – только пятьдесят три года.

– Я смотрю, ты здесь времени зря не теряешь, – засмеялся Дин.

– Да, времени на подобные размышления у меня здесь предостаточно, – согласился с репликой друга Юрий. – Так вот, возвращаясь к нашим баранам. Брежневу уже за семьдесят, а президенту США Картеру только пятьдесят два. Президенту Франции Жискар д'Эстену в этом году будет пятьдесят. Даже во главе ведущих европейских компартий стоят люди моложе Брежнева: испанцу Каррильо сейчас шестьдесят лет, а итальянцу Берлингуэру – всего пятьдесят три года. Ну, бог с ним, с возрастом, ведь иной мужик и в семьдесят лет выглядит молодцом. Вон, моему отцу скоро шестьдесят восемь будет, а он даже после инфаркта может дать фору нам обоим вместе взятым. Однако к Брежневу это как раз и не относится – он болен, и с каждым годом его здоровье только ухудшается.

– Кого же ты видишь его преемником? – поинтересовался Дин.

– Ты зря считаешь, что только я один мечтаю о приходе нового руководителя, – ответил Юрий, вновь взявшись очищать апельсин от остатков кожуры. – Об этом мечтает подавляющая часть населения. Потому что люди тоже устали от лицезрения больного руководителя, про которого по стране ходит куча анекдотов. Вот, кстати, последний. Брежнев приходит на переговоры, а на ногах у него разные ботинки: один черного цвета, другой желтого. Товарищи начинают над ним смеяться, а Брежнев недоумевает: «А чего вы смеетесь, у меня и дома два таких ботинка: один черный, а другой желтый».

Увидев, как Дин прыснул от смеха, Юрий продолжил свою речь:

– Вот видишь, и тебе смешно. Но это смех сквозь слезы. В стране с таким руководителем расшатана идеология, загибается экономика, растет коррупция. О каком движении вперед может идти речь, если эти старые пердуны из Политбюро только и думают, как бы безбедно дожить свой век, а после них хоть трава не расти. Поэтому молодежь у нас все сильнее смотрит в сторону Запада, а взрослое население сплошь спивается.

– Как ты, – едко заметил Дин.

– Да, как я! Причем если люди внизу пьют от безысходности, то я пью от ужаса, поскольку вижу собственными глазами, до какой степени загнивания дошла наша руководящая верхушка.

Иной раз даже думаю: неужели сама номенклатура не понимает, что такая ситуация гибельна и для нее самой. В 64-м ей хватило ума сместить Хрущева, а сегодня она палец о палец не ударяет, чтобы отправить в отставку немощного Брежнева.

– Видимо, ваша номенклатура состарилась вместе с Брежневым, – не скрывая сарказма, произнес Дин.

– Ты абсолютно прав. Короче, все идет к тому, что через несколько лет такой жизни некогда великая страна, как у нас говорят, «сыграет в ящик». Причем Западу не надо будет посылать сюда своих солдат и забрасывать нас ракетами – мы все сделаем сами. И сбудутся слова Ленина о том, что никто не может нас погубить, кроме наших собственных ошибок. Ты с этим согласен?

Дин ответил не сразу. Сначала он в течение нескольких секунд неподвижно смотрел в пол, после чего поднял голову и, глядя другу в глаза, произнес:

– В отличие от тебя я все-таки оптимист. Не могу я смириться с тем, что первое в мире государство рабочих и крестьян так бездарно закончит свое существование. Что страшная война и другие беды, которые за эти десятилетия обрушивались на вас, окажутся напрасными. Что в вашей стране есть люди, которые собственными руками отдадут на поругание ту родину, за которую сложили головы двадцать миллионов их соотечественников. У меня просто не укладывается это в голове.

Этот монолог, который Дин произнес на одном дыхании, подвел итог их разговору. Так и не притронувшись к очищенному апельсину, Юрий положил его обратно в пакет и усталым голосом сообщил:

– Ты извини, Дин, но мне через десять минут надо идти на процедуры. Отцу передай, что у меня все нормально и через три дня меня выпишут, – пусть успокоит мать. Если хочешь, мы можем встретиться с тобой после моей выписки.

– Увы, но тогда меня уже не будет в Москве, – развел руками Дин. – Но я приеду в апреле на съезд ВЛКСМ.

– Значит, встретимся в апреле, – сказал Юрий, после чего добавил: – Надеюсь, к тому времени наша страна еще не развалится.

Из Москвы Дин отправился в Прагу, где на студии грамзаписи «Супрафон» записал диск под названием «Моя песня для тебя». В эту пластинку, которую Дин записал с двумя оркестрами – студийным и «Дискоболзом», – вошли 12 песен, львиная доля из которых была написана в содружестве с чехословацкими композиторами. Список этих песен выглядел следующим образом: «Эй, Билади» (Дин Рид), «Синди» (П. Ребер –

Р. Цуковский), «Сумасшедшее оружие» (Р. Муни – Ч. Силз), «Достоинства» (К. Свобода – Дин Рид), «Желаю тебе всего хорошего» (П. Хапка – Дин Рид), «Этот поезд» (музыка народная, обработки В. Попелки, Дина Рида), «Скажи мне» (Я. Неккарж – Дин Рид), «Без тебя» (П. Анка), «Певец» («Эль Кантор») (К. Свобода – Дин Рид), «Рыжеволосый незнакомец» (К. Штутц – Линдеманн), «Моя песня для тебя» (К. Свобода – Дин Рид), «О, Иерусалим» (Я. Клемпирж – Дин Рид).

В ГДР Дин вернулся в начале **марта** и угодил в самый эпицентр трагических событий. **6 марта** во время поездки в Ливию погиб член Политбюро ЦК СЕПГ Вернер Ламберц. В стране это событие вызвало настоящий шок и массу всевозможных слухов.

Дин знал Ламберца по встречам в Вандлице – несколько раз они играли вместе в теннис и общались после игры. Ламберц производил впечатление умного и обаятельного политика, к тому же одного из самых молодых в составе восточногерманского Политбюро. Свое восхождение к высотам партийной карьеры он начал с работы в Союзе свободной немецкой молодежи – аналога советского комсомола. В последние годы Ламберц отвечал в Политбюро за международные дела (курировал ближневосточный регион) и достиг на этом поприще заметных успехов. Его активность и организаторские способности стали поводом к тому, чтобы в народе пошли слухи о том, что именно Ламберц в скором времени должен занять место стареющего Хонеккера на посту лидера страны.

Дин был в курсе этих разговоров и в принципе разделял то же мнение. А после встречи в Москве с Юрием Купцовым и разговора о Брежневе он только утвердился в своем мнении. Нельзя было допустить, чтобы и в ГДР сложилась ситуация, когда стареющий руководитель (а Хонеккеру шел уже 66-й год) пожизненно узурпировал бы пост руководителя страны. Однако чаяниям Дина и миллионов восточных немцев не суждено было осуществиться: Ламберц погиб.

В последние несколько месяцев Ламберц зачастил в Ливию, что было не случайно. После того как Египет пошел на сепаратные переговоры с Израилем, он настроил против себя весь арабский мир и заставил его сплотиться. В **декабре 1977 года** лидер Ливии Муамар Каддафи разрешил Арафату собрать у себя в Триполи совещание руководителей палестинских организаций, в том числе и представителей Фронта отказа. Там было принято решение выступить единым фронтом. Именно для согласования общих вопросов с лидерами ООП в Ливию тогда приехал и Ламберц.

Между тем в **феврале 1978 года** египетско-израильские переговоры зашли в тупик, и президент Египта Анвар Садат запросил помощи у Вашингтона. Там ему пошли навстречу: Картер взял на себя миссию по урегулированию переговорного процесса. Кроме этого, Египту была оказана и военная помощь: впервые США начали поставлять туда новейшие самолеты. Посредничество Вашингтона встревожило арабский мир и его союзников, которые продолжали вынашивать планы по срыву этого процесса. Именно для согласования очередных вопросов по этой проблеме в самом начале **марта** в Ливию вновь отправился Вернер Ламберц. Эта поездка стала для него роковой.

Как гласила официальная версия, трагедия стала возможна из-за неисправности вертолета, на котором Ламберц перемещался по Ливии. С большой высоты вертолет рухнул вниз, погребя под своими останками восемь человек: одного пилота, трех телохранителей и четверых высокопоставленных деятелей: Ламберца, Пауля Марковского (заведующего отделом международных связей ЦК СЕПГ), Таха Шерифа Бен Амера (секретаря Высшего народного комитета (Совет министров) СНЛАД по связям), Ахмеда Бушагура (заведующего протокольным отделом Высшего народного комитета по иностранным делам).

Большинство простых немцев было уверено, что эта трагедия произошла не случайно. Никому не хотелось верить в то, что самый энергичный и молодой член Политбюро мог погибнуть так нелепо – из-за неисправности вертолета. Гораздо привлекательнее выглядела версия о том, что Ламберца убрал Хонеккер, опасаясь, что тот метит на его место. Что касается Дина, то его переполняли двоякие чувства. С одной стороны, он достаточно хорошо знал Хонеккера и вполне допускал, что тот может совершать в политике какие-то нечистоплотные поступки. Однако в то, что он способен на убийство, Дин поверить не мог. С другой стороны, Дин знал, что политика дело грязное и может сломать даже самого правильного и принципиального политика.

Понимая, что ответов на свои вопросы он в одиночку не найдет, Дин попытался кое-что выведать у Альберта Нордена. Придя к нему по поводу некоторых вопросов, которые возникли у него в ходе работы над сценарием «Телль-Заатар», Дин как бы случайно спросил:

– Потеря такого человека, как Ламберц, сильно ударит по нашей политике на Ближнем Востоке?

– Есть такая поговорка: незаменимых людей нет, – сухо ответил Норден. – Ламберц, конечно, был опытным политиком с большими связями среди ближневосточных руководителей, но его гибель – это всего лишь короткий сбой в работе огромного

аппарата. Однако твой вопрос вызван отнюдь не заботой о нашей ближневосточной политике. Ты, как и многие, ищешь определенный подтекст в этой трагедии. Я ведь прав?

Увидев, как смутился его собеседник, Норден продолжил:

– Нет там никакого подтекста. Да, на первый взгляд все в этом деле выглядит подозрительно. Но я лично видел заключение технической экспертизы, которая указывает на то, что вертолет упал на землю из-за неисправности двигателя.

– Но экспертизу можно подделать, – выразил сомнение Дин.

– Можно, но это независимая экспертиза двух сторон. Ты не забывай, что в этой аварии погибли еще и два высокопоставленных ливийских руководителя. Так что перестань забивать себе голову всякими глупостями и переключись на свой сценарий. Тем более что с ним у тебя могут возникнуть определенные проблемы.

– Какие?

– А ты сам этого не видишь? После того как Израиль нанес удар по палестинцам (**15–20 марта** Израиль проводил операцию «Литани» по зачистке Южного Ливана от бойцов ООП. – *Ф. Р.*) и передал власть Армии Южного Ливана, там наступило относительное затишье. И в этот самый момент ты собираешься снимать фильм о зверствах фалангистов в том же самом Южном Ливане. Я думаю, что это вызовет определенные вопросы у Хагера (Курт Хагер – главный идеолог СЕПГ. – *Ф. Р.*), да и не только у него.

– Вы считаете, что мой фильм может взорвать обстановку на Ближнем Востоке? – не скрывая своего удивления, спросил Дин. – Но это же всего лишь произведение искусства и не более того. Фильм будет посвящен мужеству палестинцев, которые недавно опять угодили в самое пекло – их буквально месили гусеницы израильских танков. Вот я и хочу показать…

– Ты зря пытаешься убедить меня в своей правоте: я не имею ничего против твоей картины, – прервал на полуслове монолог Дина Норден. – Поэтому свое красноречие ты прибереги не для меня, а для Хагера.

Несмотря на этот разговор, Дин не прекратил своей работы над сценарием и даже более того – стал работать еще интенсивнее. Параллельно он успевал заниматься и другими делами. Так, **6 апреля** он выступил с концертом на 80-летии Академии искусств ГДР. А в двадцатых числах того же месяца отправился в Москву, чтобы принять участие в работе XVIII съезда ВЛКСМ.

Дин ехал в Советский Союз, преисполненный больших надежд. Причем связаны они были отнюдь не с его общественной

деятельностью, а с личной жизнью: он рассчитывал возобновить свой роман с Эве Киви. В последние годы они почти не виделись, занятые каждый своими проблемами. Киви активно снималась в кино и продолжала встречаться с бывшим врачом Альенде Данило Бартулиным. Однако к **весне 1978 года** их роман уже закончился. Причем по вине Киви. Когда в **октябре 1976 года** она гостила у него в Мексике, Данило сделал ей официальное предложение руки и сердца. Но Киви отказала ему, не захотев строить счастье на чужом горе: ведь в первой семье Данило росло пятеро детей.

Когда Дин узнал об этом, он очень обрадовался и возобновил переписку с Киви. Незадолго до своего приезда в Москву в **апреле 78-го** он прислал ей очередное послание, полное признаний в любви, с обнадеживающей припиской: «Жду встречи. Жду весну. Думаю о будущем». Киви тоже была счастлива возобновлению романа и специально отправилась в аэропорт Шереметьево-2, чтобы встретить Дина. Вместе с ней туда же отправился и один из боссов ЦК ВЛКСМ Сергей Коняев, который знал Дина еще по Конгрессу миролюбивых сил в Стокгольме в 1970 году (это он пригласил Дина на хоккейный матч с участием сборной СССР).

Коняев был весьма обходителен с Киви и всю дорогу до аэропорта, сидя на заднем сиденье служебной «Волги», нахваливал Дина и сулил хорошие перспективы их с Киви роману. В порыве откровенности Коняев даже проговорился, сообщив актрисе информацию, которая не была предназначена для ее ушей.

– Мы проверяли Дина тринадцать лет и теперь полностью в нем уверены, – сказал Коняев, стряхивая пепел с сигареты в раскрытое окно «Волги». – Так что, думаю, теперь вам разрешат пожениться.

– А вы уверены, что мы захотим это сделать? – поинтересовалась в свою очередь Киви.

Коняев с удивлением взглянул на актрису, пытаясь понять, шутит она или говорит правду. Наконец он произнес:

– Я что-то не понимаю. Вы не замужем, Дин тоже развелся со своей немецкой женой – что же мешает вам после стольких лет знакомства скрепить ваши отношения официально?

– Вам ответить честно или как? – спросила Киви.

– Хотелось бы честно, поскольку я с вами говорю откровенно.

– Тогда извольте. Если мы поженимся и останемся жить здесь, то наш союз ждет та же участь, что и предыдущий брак Дина, – развод. Ведь жить под колпаком – это сущее наказание. Поэтому если мы с Дином скрепим свои отношения официально,

то здесь жить не останемся.

– Куда же вы уедете: в ГДР, что ли?

– Боже упаси! – всплеснула руками Киви. – Как у вас, у русских, говорят: это менять шило на мыло. Мы уедем за границу – например, в ту же Испанию, где у Дина есть друзья и где нет Франко.

Услышав эту новость, собеседник Киви примолк, погрузившись в раздумья. А Киви, довольная произведенным эффектом, с гордым видом уставилась в лобовое стекло автомобиля. В итоге весь оставшийся путь до аэропорта они промолчали. Однако едва они достигли Шереметьева, как Коняев вновь повеселел и стал таким же вежливым и обходительным, как и в начале поездки. Поэтому, когда в зале ожидания появился сияющий от счастья Дин, лицо Коняева светилось такой же радостью, как и лицо его спутницы.

Всю дорогу из аэропорта в Москву Дин и Киви просидели на заднем сиденье «Волги» и целовались как подростки. Дин то и дело шептал Киви разные ласковые слова и слова ободрения: «Какая ты храбрая! Столько выдержала. Я благодарен тебе за твою любовь». Киви в ответ молчала, но всем своим видом показывала, что ее сердце буквально млеет от таких проявлений любви. В общем, они были очень счастливы в те минуты.

Дин остановился в гостинице «Украина», которая давно стала для него вторым домом. Киви поселилась с ним же, хотя никаких прав на совместное проживание не имела – они ведь были не расписаны. Однако власти закрыли глаза на этот факт и позволили возлюбленным наслаждаться обществом друг друга в гостиничных апартаментах сколько им заблагорассудится.

Между тем **25 апреля**, в десять часов утра, в Кремлевском Дворце съездов начался XVIII съезд ВЛКСМ. Дин был аккредитован на нем как почетный гость и занял место в гостевой ложе. Настроение у него было приподнятое, ведь у него все ладилось: он был доволен тем приемом, который ему уготовили в Москве, а еще больше счастлив от того, что вновь соединился с Киви. Минувшей ночью они с таким темпераментом любили друг друга, что почти всю дорогу до КДС Дин только и делал, что вспоминал об этом. Однако едва съезд начал свою работу, как эти мысли уступили другим – рабочим.

В первый день съезда его работу посетило Политбюро ЦК КПСС в полном составе. С большой речью от руководства страны выступил Леонид Брежнев. Дин почти пять лет не видел воочию этого человека (с осени 73-го), поэтому с особым пристрастием наблюдал за ним теперь. Памятуя о январском разговоре с Юрием Купцовым, он хотел собственными глазами убедиться, правда ли

то, что Брежнев серьезно болен и немощен. Как заметил Дин, эти разговоры имели под собой основание, но не настолько, чтобы впадать в панику. Походка Брежнева и в самом деле стала похожа на старческую – он шел не спеша и шаркал ногами, – а дикция порой напоминала некое шамканье. Однако в целом Дин нашел генсека вполне дееспособным, хотя прекрасно понимал, что эта дееспособность могла быть результатом воздействия на Брежнева определенных медицинских препаратов.

В своей речи Брежнев воздавал обильную хвалу советской молодежи и имел на это полное право. Буквально на днях (**30 марта – 9 апреля**) Брежнев находился в поездке по Дальнему Востоку и посетил одну из самых известных молодежных строек страны – Байкало-Амурскую магистраль. Кстати, эта поездка стала еще одним поводом к тому, чтобы Дин задумался о самочувствии советского генсека: будь он полутрупом, ему вряд ли удалось бы совершить столь далекий вояж. «У нас прекрасная молодежь!» – говорил Брежнев с трибуны съезда, и зал отвечал на эти слова громом аплодисментов.

Дин хлопал вместе со всеми, хотя на душе у него было не совсем спокойно. Видя вокруг себя много молодых и одухотворенных людей, он в то же время видел и другие лица: скучные, зевающие. Особенно это стало заметно в последующие дни работы съезда, когда спала эйфория первого дня и обстановка в зале стала намного раскрепощеннее. И Дин заметил, как десятки делегатов заняты кто чем: кто-то читал газету, кто-то дремал, а кто-то играл в морской бой.

Кроме этого, по мере работы съезда зал пустел – в его рядах появились «проплешины», которые явно указывали на то, что некоторые делегаты форума предпочитают заседаниям прогулки по городу или иные занятия. Нельзя сказать, что подобную картину Дин видел впервые в своей жизни (за те годы, что он работал в ВСМ, ему приходилось наблюдать подобные картины на многих конгрессах и конференциях), однако почему-то только сейчас он поймал себя на мысли, что ему грустно наблюдать за всем этим. В нем как будто наступило некое прозрение. Объяснение сему факту крылось все в том же разговоре с Юрием Купцовым: у Дина до сих пор стояли в ушах хлесткие реплики друга, отпускаемые по адресу руководства страны и ситуации, которая складывалась в обществе.

Вращаясь среди делегатов съезда, которые олицетворяли собой лучшую часть советской молодежи, Дин внезапно увидел, что многие из них не соответствуют этому званию. Что многими из пришедших сюда двигают отнюдь не светлые порывы, а элементарные меркантильные инстинкты. Дин узнал, что

делегатам выдавались специальные талоны на так называемый дефицит – вещи, которых в открытой продаже достать было невозможно (сапоги, рубашки, кожаные сумочки и портфели и т. д.). В киосках КДС продавались книги, которых в обычных книжных магазинах тоже было не достать: собрания сочинений Александра Дюма, Евгения Евтушенко, Вальтера Скотта, Майн Рида и других классиков советской и зарубежной литературы. А в буфете можно было наесться от пуза самых изысканных деликатесов по чисто символической цене (например, черной икры, сервалата или осетрины). В сущности, та же картина существовала и в других странах социализма – например, в той же ГДР, где Дин жил вот уже несколько лет. Правда, там в понятие дефицита входило значительно меньше вещей, чем в СССР, но в целом это явление там тоже присутствовало. Поэтому специальные инвалютные магазины типа советских «Березок» в ГДР тоже были (их начали открывать в **1973 году**).

Совсем недавно, задумываясь над этими явлениями, Дин старался не драматизировать ситуацию, поскольку верил в то, что большинство советских людей выше этих трудностей (Дин привык мерить людей собственным аршином, поскольку сам был человеком без завышенных запросов). Теперь же у Дина как бы появились новые глаза: он стал иначе смотреть на ситуацию и пришел к выводу, что Купцов во многом прав – система постепенно гниет изнутри. Погоня за так называемой красивой жизнью может выбить почву из-под ног молодого поколения, которое не знало ни ужасов войны, ни голода, ни холода. Оно постепенно привыкает к ситуации, когда от него требуется только одно: провозглашать громкие лозунги на съездах и собраниях, а в обычной жизни напрочь про них забывать и жить вопреки этим самым лозунгам.

Кстати, эти мысли Дин поведал тогда же самому Юрию Купцову, когда они встретились в его холостяцкой квартире в номенклатурном доме в Воротниковском переулке (это жилье Юрий получил несколько лет назад). Юрий молча выслушал друга, сидя в мягком кресле и потягивая пепси-колу, которую Дин купил в «Березке», направляясь к другу.

– Помнишь, тогда, в Грузии, мы с тобой говорили о привилегиях, которые существуют в среде номенклатурных работников? – спросил Юрий. – Тогда еще можно было хоть что-то изменить, начни с этим борьбу. Теперь же все запущено настолько сильно, что ситуацию может изменить только революция снизу. Но если она произойдет, то страна просто рухнет.

– Ты забыл про революцию сверху, – подал голос Дин, который сидел за столом и тупо смотрел в экран включенного телевизора, который специально работал без звука.

– Этот вариант и вовсе безнадежный, – отмахнулся от друга Юрий. – На Брежнева работает все 4-е управление Минздрава и собирается поддерживать его жизнеспособность до последнего. Идиоты, они не понимают, что ноги они ему могут еще починить, но вот мозги вряд ли. У руля государства нужен умный и энергичный человек, который думал бы не о своих старческих хворях, а о будущем страны.

– В ГДР такой человек был, но месяц назад очень странно погиб в авиакатастрофе, – вспомнил Дин историю про Ламберца.

– Намекаешь, что и у нас возможно подобное? Спорить не буду, поскольку почти за пятнадцать лет работы в комсомольской номенклатуре насмотрелся на всякое. Однако у нас пока убирать некого – все смотрят в рот Брежневу и даже попыток не делают, чтобы занять его место. Хотя, скажу тебе по секрету, один такой человек все-таки есть.

Заметив вопросительный взгляд Дина, Юрий продолжил:

– Федора Кулакова прочат в преемники Брежнева. Ему в прошлом месяце исполнилось всего шестьдесят лет, и он полон энергии. С середины 50-х занимается сельским хозяйством и в ЦК вот уже тринадцать лет курирует эту область. Семь лет является членом Политбюро, русский. Короче, весьма перспективный руководитель.

– Тебе лично он нравится? – спросил Дин.

– Да я на любого согласен, лишь бы он выглядел здоровым и адекватным человеком. Ведь над нами скоро весь мир смеяться будет. Еще пара-тройка лет такой ситуации, и мы потеряем остатки нашего международного авторитета. Нас уже бьют по многим направлениям. Взять то же Хельсинкское совещание в 75-м. Мы ведь считали его своей победой, а теперь выходит, что просчитались. Так называемая «третья корзина» открыла администрации Картера возможность обсуждения темы прав человека и их нарушений в нашей стране. Картер лично принял у себя в Белом доме нашего диссидента Владимира Буковского, продемонстрировав тем самым всему миру, на кого он делает ставку в противостоянии с Советским Союзом.

– Разве диссиденты имеют такое влияние в вашей стране? – спросил Дин.

– Понимаю твой скепсис. Активных диссидентов и в самом деле не так много – несколько десятков. Но они выполняют роль дрожжей, закваски – ничтожного по величине, но весьма активного и размножающегося элемента системы. И

размножаться они начали именно сейчас, когда Картер затеял свою кампанию по защите прав человека. Диссиденты выпускают бюллетени, пишут книги, раздают интервью западным журналистам. Создали даже правозащитную организацию «Хельсинки». Кстати, не только у нас, но и в других социалистических странах: например, в Чехословакии действует так называемая «Хартия-77». Деятельность диссидентов подтачивает идеологические основы государства. Тем более что эта идеология и без того трещит по всем швам, возглавляемая престарелым Михаилом Сусловым. Поэтому к тем упомянутым нескольким десяткам диссидентов следует добавить еще половину страны в лице так называемых внутренних диссидентов, которых можно купить с потрохами за джинсы «Левис» или коробочку духов «Шанель № 5».

– Я вижу, ты по-прежнему полон мрачных прогнозов, – произнес Дин, после того как его друг сделал паузу в своем монологе. – Прямо в духе писателя Друри.

– Что за писатель такой? – удивился Юрий.

– Антисоветский писатель, книгу которого я прочитал, пока летел в Москву.

– Ты читаешь антисоветских писателей?

– Надо же знать своих врагов, чтобы потом эффективно с ними бороться.

– В этом ты прав, – согласился с доводом друга Юрий. – Однако тебе не помешает знать и своих личных врагов тоже. Это правда, что вы с Киви собираетесь переехать жить в Испанию?

– С чего ты это взял? – теперь настала пора удивляться уже самому Дину.

– Киви сообщила это Сергею Коняеву, а тот доложил куда следует. Ты что, не понимаешь, что никуда уехать лично тебе не позволят?

– Да не собирался я никуда уезжать! Судя по всему, Эве выдала желаемое за действительное. Но почему ты так уверен в том, что мне не позволят это сделать?

– Потому что на тебя по-прежнему имеют виды многие товарищи как здесь, так и в ГДР. Я же говорил, что американцы затевают кампанию по защите прав человека, а такой человек, как ты, может принести нам много пользы в деле контрпропаганды. Ты разве сам этого не понимаешь?

– Понимаю, не маленький, – ответил Дин.

– Вот и молодец, что понимаешь, значит, не наделаешь глупостей. Эх, жаль, мне пить нельзя, а то бы я выпил за ваше с Эве личное благополучие. Кстати, у тебя с ней как: серьезно или очередная передышка?

– А у тебя как? – поинтересовался Дин, который явно не был расположен к тому, чтобы исповедоваться перед другом.

– У меня никак, поскольку постоянной женщины я так и не заимел – перебиваюсь случайными.

– Вот и перебивайся, а мою личную жизнь оставь мне. Если мы с Эве что-то надумаем, то обязательно пригласим тебя в качестве шафера.

– Буду ждать и надеяться, – засмеялся Юрий и салютовал Дину стаканом с пепси-колой.

Между тем тема личной жизни Дина этим разговором не исчерпалась. В те же самые дни его пригласили в международный отдел ЦК на Старой площади, где интеллигентного вида мужчина в темно-синем костюме, назвавшийся Олегом Ивановичем, угощая Дина горячим чаем со сладкими сушками, завел все тот же разговор – об его отношениях с Эве Киви.

– Мы понимаем, что вы теперь человек свободный, однако хотим предостеречь вас от поспешных шагов, – сказал хозяин кабинета. – Вы можете иметь в Советском Союзе сколько угодно любовниц, однако законная жена – это уже другая история.

– Почему? – удивился Дин.

– Потому, что личная жизнь известного борца за мир Дина Рида не является только его личным делом. У вас должна быть идеальная биография, чтобы нашим идеологическим противникам нельзя было вас в чем-то уличить. А вы дважды разводились, бросив двух детей. Мы понимаем, что жизнь есть жизнь, но и вы нас поймите: мы не можем позволить вам так легкомысленно себя вести. У вас есть уверенность, что, женившись в третий раз, вы и здесь не допустите ошибку? А если это произойдет, какую пищу для разговоров вы дадите людям? Поэтому мы настоятельно рекомендуем вам не делать необдуманных шагов. Живите с Эве Киви сколько угодно, однако о женитьбе забудьте. Тем более что я уверен в том, что лично вам и без официальной регистрации хорошо.

– Почему вы так думаете?

– Потому что сам мужчина и живу со своей благоверной больше двадцати лет. И у меня тоже была на стороне женщина, которая мне все уши прожужжала о том, чтобы я бросил семью и наконец женился на ней. Но я этого не сделал, поскольку в нашей среде это называется «аморалкой». За это можно и из партии вылететь. Так что приходилось изворачиваться, но иного выхода не было.

– Значит, и мне вы советуете то же самое?

– А вы, Дин, и так много лет живете подобной жизнью. Разве, будучи женатым на немке, вы не имели в любовницах нашу

актрису? Да разве только одну ее? Так что бросьте притворяться, тем более что я был с вами предельно откровенен. Живите с вашей актрисой сколько душе угодно, но про женитьбу на ней забудьте.

Этот разговор поначалу разозлил Дина. Он не любил, когда ему кто-то что-то приказывал. Однако потом, покинув злополучный кабинет, Дин успокоился. Он понял, что в главном его собеседник прав: гарантии, что они с Киви, поженившись, потом не разведутся, у Дина не было. А третий развод и в самом деле мог плохо сказаться на его имидже. Это на Западе к этому делу подходят гораздо проще, а здесь, в Восточном блоке, моральный облик бойцов идеологического фронта должен быть безупречным. Показуха, конечно, но была в этом и своя истина: у людей должна быть вера хоть во что-то светлое. Поэтому предложение руки и сердца Дин своей возлюбленной так и не сделал. От этого им обоим было грустно. Как вспоминает Э. Киви: «Я ни на чем не настаивала, а он не стал предлагать. Почему-то до сих пор не могу забыть его взгляда в последний наш вечер. Казалось, Дин прощается со мной. Он уехал…»

Дин покинул Советский Союз сразу после завершения комсомольского съезда – **28 апреля**. Он вернулся в Восточный Берлин, поскольку ему предстояло закончить работу над сценарием «Телль-Заатар». Это заняло у него немного времени, поскольку большая часть сценария была уже написана. Сюжет был незамысловат: двое главных героев – врачи Красного Креста, которые получили образование в Советском Союзе (одного из них должен был играть сам Дин Рид) – попадали в осажденный лагерь палестинских беженцев Телль-Заатар и становились свидетелями тех ужасов, которые выпали на долю защитников лагеря. Под впечатлением этих ужасов врачи сами вынуждены были взять в руки оружие и погибали смертью храбрых.

Закончив сценарий, Дин отослал его по двум адресам: Ясиру Арафату и директору студии «ДЕФА» Хану Дитеру Мэде. По задумке Дина, фильм должен был стать копродукцией: техническую базу должна была предоставить «ДЕФА», натурные съемки намечалось проводить в Ливии, а прокат в Европе должна была организовать итальянская сторона (у Дина еще остались связи в киношном мире этой страны).

2 мая Дин позвонил в Америку, чтобы поздравить свою дочь Рамону с днем рождения – девочке исполнилось 10 лет. У нее все складывалось хорошо: она жила с мамой и отчимом душа в душу, хорошо училась. Слушая ее звонкий голосок в телефонной трубке, Дин вспомнил себя в этом же возрасте и позавидовал дочери белой завистью: это было замечательное время, может

быть, самое прекрасное в его жизни. Другое дело, что в те годы он почему-то об этом не задумывался и слишком беспечно относился к своему счастью. Впрочем, в этом Дин был не одинок: кто из детей умеет ценить свое детство?

В **июне** Дин принял участие в фестивале прессы в Восточном Берлине, после чего отправился в Чехословакию, в город Карловы Вары, где проходил традиционный, 21-й по счету, Международный кинофестиваль художественных фильмов. Причем Дин отправился туда не в качестве гостя, а как непосредственный участник – его фильм «Эль Кантор» был включен в конкурсную программу фестиваля. К сожалению, творению Дина на этом кинофоруме никаких наград не перепало. Гран-при достался двум картинам: «Тени жаркого лета» чехословацкого режиссера Ф. Влачила и «Белый Бим Черное ухо» советского режиссера Станислава Ростоцкого.

Однако время, проведенное Дином в Чехословакии, принесло ему немало приятных мгновений. Он встретился со многими своими друзьями-кинематографистами, а также приобрел новых друзей, будущие контакты с которыми обещали ему хорошие перспективы. В частности, со своим чешским другом Вацлавом Некаром Дин задумал снимать музыкальную комедию-вестерн. Эта идея понравилась обоим ее инициаторам и сулила хорошие дивиденды по части зрительского успеха, поскольку комедии любят все. Правда, у Дина еще не было режиссерского опыта по части создания фильмов подобного жанра, но это его не пугало, а даже наоборот – подстегивало. Ведь, будучи авантюристом по натуре, он никогда не пасовал перед трудностями.

С тем же Вацлавом Некаром Дин в те дни побывал во многих местах, в том числе и на слете молодежи в городе Кралове. Там Дин выступил на митинге, спев несколько гражданских песен.

Между тем по возвращении Дина в ГДР его ждало грустное известие: его идея с фильмом «Телль-Заатар» не нашла поддержки в ЦК СЕПГ. То, о чем предупреждал Дина Альберт Норден, сбылось. Во время разговора с главным идеологом Куртом Хагером и секретарем ЦК СЕПГ по международным делам Германом Аксеном Дину была разъяснена позиция восточногерманского руководства: его фильм несвоевремен.

– Сложная обстановка, которая сейчас сохраняется на Ближнем Востоке, не позволяет нам запустить этот проект в жизнь, – сообщил Хагер Дину. – Мы читали ваш сценарий и в целом оцениваем его очень высоко. Это действительно замечательное произведение искусства. Но политический аспект связывает нам руки. Мы не можем допустить ошибки на этом взрывоопасном поле.

– Значит, у этого проекта нет никакой перспективы? – спросил Дин.

– Почему же нет, есть, – вступил в разговор второй собеседник – Герман Аксен. – Просто на сегодняшний день это несвоевременно. Мы же говорим, что сценарий просто замечательный. Правда, несколько перенасыщен натуралистическими сценами смертей и медицинскими операциями. Здесь, Дин, вы явно пошли на поводу у западного кинематографа, где сейчас модно показывать реки крови.

– Я с вами не согласен. Та кровь, что льется в западных фильмах, и та, что показана у меня, – разные крови. У меня это кровь палестинских беженцев, которых безжалостно уничтожают озверевшие фалангисты.

– И все равно ее слишком много. Вот и директор «ДЕФА» Мэде считает точно так же, – продолжал упорствовать Аксен.

– Однако глупо спорить о недостатках сценария, который в ближайшее время все равно поставлен не будет, – с нескрываемой грустью в голосе резюмировал Дин.

– Но мы не ставим точку в этом проекте, а переносим его на другое время, – вновь подал голос Хагер. – А пока мы готовы способствовать любым другим вашим проектам.

– Я думаю, что тот фильм, который я задумал снимать в скором будущем, не имеет отношения к вашим ведомствам, – сообщил Дин.

– И что же это за фильм? – с нескрываемым удивлением поинтересовался Хагер.

– Это музыкальная комедия-вестерн. В нем не будет никакой идеологии и никакой политики.

– Это вы зря, Дин, – улыбнулся Хагер. – Идеология и политика есть везде, даже в музыкальной комедии. Но в целом вы правы: подобного рода кино затрагивает наши ведомства в меньшей степени, чем фильм о сегодняшнем Ближнем Востоке.

Всю первую половину лета Дин провел в ГДР, совмещая общественную деятельность с отдыхом. Что касается последнего, то здесь Дин отдавал предпочтение экстриму: гонял на своем гоночном мотоцикле по парковым аллеям и карьерам неподалеку от своего дома. При этом ему представлялось, что он мчится на быстроногом мустанге по бескрайним прериям, которые он в детстве обошел в родном штате Колорадо и соседнем штате Юта чуть ли не вдоль и поперек.

Не забывал Дин в те дни и следить за событиями в мире. Две новости из Советского Союза навели его на грустные мысли. Первая касалась приезда в Москву знаменитого боксера Мохаммеда Али. Он прибыл в Советский Союз по личному

приглашению Брежнева **12 июня** и был принят генеральным секретарем ЦК КПСС спустя неделю (перед этим боксер побывал в Ташкенте и Самарканде). Беседа длилась чуть больше получаса. Прощаясь, генсек подарил американскому гостю свою книгу «Малая земля».

В тот же день Мохаммед Али собрал пресс-конференцию, на которой рассказал о своей встрече с советским лидером. Естественно, выдержана она была в самых радужных тонах. Боксер рассказал: «Я нахожусь под огромным впечатлением от встречи с Леонидом Ильичом Брежневым… Мне трудно найти слова… Я простой американский боксер, но мне была оказана высокая честь быть принятым господином Брежневым… Я привык слышать, что русские всегда угрожают американцам. Но я убедился, что это не так. Брежнев – горячий сторонник мира, я это понял, беседуя с ним 35 минут. Он не похож на того, каким его представляет кто-то в нашей стране. Это – великий человек, который руководит великой страной…

Брежнев в хорошей форме! Вы много лет будете слышать его. Когда я сходил с трапа самолета в Москве – ожидал увидеть солдат с автоматами… За 8 дней я не видел ни одного ружья или пистолета. У нас в стране на улицах грабят, повсюду можно встретить проституток… Когда в Москве моя жена пошла в парикмахерскую и оставила там на столе сумочку с драгоценностями и деньгами, она не боялась, что их украдут. Когда я в 2–3 часа ночи выбегал на темные московские улицы, чтобы потренироваться, я был в полной уверенности, что на меня никто не нападет…»

Дин готов был подписаться под каждым словом Мохаммеда Али, однако думал он тогда о другом: что пусть знаменитого, но всего лишь боксера Брежнев сподобился принять у себя в Кремле, а его, борца за мир Дина Рида, так ни разу этой чести и не удостоил, хотя времени для этого у него было предостаточно – Дин посещал Советский Союз вот уже 13 лет. Точного ответа, почему так случилось, Дин не имел. У него были только предположения: то ли Брежнев просто не симпатизировал ему как человеку, то ли подозревал его в двойной игре (в свое время Дину косвенно давали понять, что у КГБ имелись подозрения в том, что он ведет двойную игру: служит и Москве и Вашингтону).

Как ни странно, но даже после случая с Мохаммедом Али Дин все еще не будет терять надежды на то, что его встреча с Брежневым все-таки состоится. Но он ошибся: этого так и не произойдет. Только много позже Дин узнает, что Брежнев не хотел с ним встречаться… из зависти: единственным и неповторимым борцом за мир во всем мире советский генсек

считал себя и не хотел делиться этой славой ни с кем. Поэтому любое упоминание о другом претенденте на этот титул его раздражало. Все это было связано с возрастом Брежнева: к старости он стал чрезвычайно тщеславен и охоч до почестей.

Вторая новость из СССР тоже касалась политики. Она гласила, что **17 июля** в Москве скончался член Политбюро Федор Кулаков. Как мы помним, в последний раз это имя всплыло в разговоре Дина с Юрием Купцовым в апреле этого года. По словам Юрия, именно Кулаков был реальным претендентом на то, чтобы заменить Брежнева у руля страны. И вот этот человек внезапно умирает в не самом преклонном возрасте – ему шел всего лишь 61-й год. Эта смерть напомнила Дину другую трагедию – гибель члена Политбюро ЦК СЕПГ Вернера Ламберца, который тоже числился по разряду преемников, но у другого лидера – у Хонеккера. «Если за этими смертями стоит высокая политика, то это вдвойне печально, – размышлял Дин. – Значит, „борьба бульдогов под ковром“ имеет место быть, и к чему она приведет, трудно себе представить».

В конце **июля** Дин покинул ГДР и отправился на Кубу, где в те дни (**29 июля – 7 августа**) должен был пройти XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Ехал туда Дин с большой радостью, поскольку Кубу любил и рассчитывал встретить там многих своих друзей. Так и вышло: уже в аэропорту Хосе Марти Дина встретил его чилийский друг Луис Варгас, с которым они не виделись вот уже полтора года. Вместе с ним они отправились в лучший отель кубинской столицы – двадцатипятиэтажную «Гавану Либре» («Свободная Гавана»), где предстояло жить Дину (кстати, там же находился и пресс-центр фестиваля). Стоит отметить, что из ГДР на этот молодежный форум приехало 750 делегатов, причем 1-го секретаря Центрального совета ССНМ Эгона Кренца среди них не было по неизвестным причинам.

Вечером того же дня, когда город оказался во власти живительной прохлады, нагоняемой ветром со стороны океана, а набережная у гостиницы стала заполняться толпами людей, Дин и Луис тоже вышли подышать свежим воздухом. Возле гостиницы «Националь», которая, как и «Гавана Либре», была построена еще до кубинской революции **1959 года**, они забрались на покрытый травой пригорок, откуда открывался прекрасный вид на океан, и Луис сказал:

– Говорят, до революции этим отелем владел известный мафиози Мейер Лански, который точно так же, как теперь мы с тобой, любил наблюдать с этого пригорка за океанским штормом.

– Я думаю, это правда, поскольку почти все гостиницы в Гаване принадлежали тогда мафии: «Капри» – Джону Рафту,

«Гавана Хилтон» – брату Лански Джеку, – Дин поделился с другом сведениями, которые он почерпнул из рекламного буклета, взятого им в гостинице. – Даже не верится, что все это закончилось каких-нибудь двадцать лет назад.

– Перевороту в Чили в этом году исполнится пять лет, а такое впечатление, что это было вчера, – вновь продолжил разговор Луис. – Я был на родине полгода назад и воочию наблюдал то «чудо», о котором так трезвонят все западные газеты.

Дин знал, о чем идет речь. После спада в экономике в **1974–1975 годах** в Чили начался некоторый ее рост. В итоге к **1978 году** объем ВВП достиг уровня **1973 года**. Эти показатели тут же были использованы пиночетовским режимом для того, чтобы раструбить на весь мир, что Чили вступает если не в пору своего нового расцвета, то во всяком случае встает на ноги. «При Альенде такого не было и быть не могло!» – заявляли идеологи хунты. Действительно, в последний год правления Альенде экономика страны переживала серьезный кризис: в магазинах было шаром покати, безработица росла. Это во многом и погубило режим. В 78-м полки магазинов уже не пустовали, однако приобрести эти деликатесы могли только избранные – подавляющая часть чилийцев сидела на крохотной зарплате и на забитые полки магазинов взирала, глотая слюни. Все это было плодом так называемой «шоковой терапии», которую внедряли в Чили так называемые «чикагские мальчики» – 30 молодых выпускников университета Чикаго.

– Эти мальчики безбоязненно творят в Чили свою «шоковую терапию», потому что знают – за ними стоит Пиночет со своей армией, – продолжал рассуждать Луис. – Та же история происходит и в Аргентине, где у власти опять же военные (в **марте 1976 года** к власти в Аргентине пришел генерал Хорхе Рафаэль Видела. – *Ф. Р.*). И там тоже многие люди говорят, что демократическое правительство никогда бы не допустило того, что сделали со страной военные. Под их патронажем те же представители «чикагской школы» сделали из Аргентины настоящий рай для международных банков, и те нещадно доят страну, наполняя свою казну миллиардами долларов, а население ввергая в нищету. Вот почему зачинателю «чикагской школы» экономисту Милтону Фридману присуждают Нобелевскую премию.

– Ты видишь во всем этом трагедию, а надо посмотреть на это дело философски, – попытался успокоить друга Дин. – Может, этим странам надо пройти через эти ужасы, чтобы потом, освободившись от них, никогда больше к ним не возвращаться. Ведь ты помнишь, как многие твои соплеменники сначала

восхищались Альенде, а потом стали его проклинать. В итоге посадили себе на шею Пиночета. Теперь они проклинают его, а об Альенде вспоминают только хорошее. Надо надеяться, что все это станет уроком для страны.

– Слишком жестоким и кровавым получается этот урок, – все с той же печалью в голосе произнес Луис. – Скольких чилийцев еще ждет голодная смерть и гибель в пиночетовских застенках. Вот почему кубинцы вызывают у меня искреннее восхищение. Их пытаются сломить вот уже почти двадцать лет, а они не сдаются. И Фиделя сколько раз пытались убить, и самих кубинцев чем только ни пугали, даже эпидемии на них насылали.

В **1971 году** на Кубе была зафиксирована (впервые в западном полушарии) эпидемия африканской свиной чумы. В результате в стране погибло 500 тысяч свиней, что нанесло колоссальный урон хозяйству. И вот в прошлом году в американской газете «Ньюсдей» появилось заявление бывшего агента ЦРУ, который признался, что эпидемию спровоцировала именно эта спецслужба. По словам цэрэушника, он получил на военной базе США в Форт-Гулике сосуд с вирусом и передал его кубинским оппозиционерам, которые доставили отраву на Кубу.

– В **1965 году**, когда я сидел в аргентинской тюрьме «Вила Давото», тамошний начальник заявил мне, что кубинцев погубит разочарование, – вспомнил Дин события почти пятнадцатилетней давности. – Что построить справедливое общество им не удастся, и это приведет к катастрофе. Когда я спустя полгода передал эти слова Че Геваре, он категорически их опроверг. И, как видишь, оказался прав.

Еще больше часа Дин и Луис сидели на зеленом пригорке и вели неторопливую беседу. Они не были идеологически зашоренными людьми и прекрасно были осведомлены о многих недостатках и даже пороках кубинского режима. Однако каждый раз, когда они приезжали сюда, не переставали удивляться кубинцам. Несмотря на все лишения, которые выпали на их долю (например, продукты первой необходимости на Кубе выдавались по карточкам), они продолжали оставаться верными тем идеям, которые были провозглашены на острове с приходом к власти команды Фиделя Кастро. Из 10 миллионов кубинцев, проживающих на острове, подавляющее большинство сознательно поддерживало режим Кастро и готово была поддерживать его и впредь. И только незначительный процент людей, недовольных властью, пытались покинуть остров, отправляясь в опасное путешествие по волнам Мексиканского залива.

Когда Дин, будучи в Америке, читал в тамошних газетах материалы о Кубе, он каждый раз поражался тенденциозности

этих статей. В них на полном серьезе утверждалось, что режим Кастро держится на штыках, что простые кубинцы давно бы скинули ненавистную им диктатуру, если бы не боялись репрессий. Однако Дин собственными глазами видел, что никакого особого страха перед властью кубинцы не испытывают. Более того, они искренне гордятся своими руководителями, считая их самыми передовыми из всех лидеров Латинской Америки. Ведь они обеспечивали власть большинства на их острове, в то время как в других странах континента этого не было и в помине.

В отличие от остальных латиноамериканских стран, определенный уровень социальной защищенности, занятость, бесплатное образование и медицинское обслуживание были гарантированы всем кубинцам, что поддерживало их веру в преимущества социализма. Эта вера особенно укрепилась в **1975 году**, когда ОАГ отменил свои санкции против Кубы и вновь разрешил латиноамериканским странам торговать с Островом свободы. Это было весомой победой кубинского руководства, которая вдохнула в жителей острова новые надежды на светлое будущее.

Между тем все недостатки кубинского режима существовали не благодаря, а во многом вопреки действующей власти. Ведь главный враг Кубы – США – находился в непосредственной близости и ни на секунду не переставал вынашивать планы по ликвидации ненавистного ему коммунистического строя. Против Кубы ежедневно велась массированная идеологическая пропаганда, осуществлялись диверсии, засылались шпионы. Кубе буквально не давали свободно дышать, используя любой удобный случай, чтобы устроить ей какую-нибудь пакость. Вот и в преддверии молодежного фестиваля со страниц многих своих печатных изданий США вылили на своего соседа буквально ушаты грязи. Статьи были откровенно тенденциозными. Например, писалось не про то, как кубинцы приводят в порядок свои улицы и площади, а про то, как из Гаваны выселяют проституток и геев, чтобы они не портили внешний облик города. Писали не про то, как дети в садиках и школах устраивают художественные выставки, где соревнуются, кто лучше нарисует картинки в честь фестиваля, а про то, как кубинская госбезопасность изымает у людей «подрывную американскую литературу». «Остров свободы боится свободы!» – таким был рефрен многих статей и заметок в американской прессе, посвященных предфестивальной Кубе.

XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов открылся **27 июля** на Латиноамериканском стадионе. Под звук торжественных

фанфар знаменитый кубинский бегун Альберто Хуанторено появился на беговой дорожке и, вбежав по ступеням, зажег огонь в огромной чаше стадиона. Затем началось торжественное шествие делегатов фестиваля. Первой шла делегация ГДР, которая пять лет назад принимала у себя предыдущий фестиваль. Когда на стадион вышла делегация Чили, все присутствующие в едином порыве встали со своих мест и приветствовали чилийцев бурными аплодисментами.

На открытии не было кубинского лидера Фиделя Кастро, но был его родной брат Рауль. Он и выступил с приветственной речью перед собравшимися.

Среди гостей фестиваля был и лидер ООП Ясир Арафат, с которым Дин, естественно, встретился. Во время этой встречи Дин с грустью сообщил Арафату, что фильм «Телль-Заатар» не состоится. Как ни странно, но Арафат этому сообщению не удивился. Оказалось, что ему уже успели об этом сообщить сами восточногерманские руководители. Арафат ободряюще похлопал Дина по плечу и произнес:

– Ты не должен принимать это близко к сердцу. Ты сделал все, что мог: написал замечательный сценарий, был готов к съемкам. Это все политики испортили.

Дин не стал уточнять, каких именно политиков Арафат имел в виду, но к этой теме они больше не возвращались.

Во время той встречи Арафат познакомил Дина с высоким и симпатичным палестинцем, которого он то ли в шутку, то ли всерьез назвал сыном. На самом деле Дин знал, что детей у Арафата не было, но эта реплика ясно указывала на то, что этот человек действительно очень дорог лидеру ООП. Мужчину, который, судя по внешности, был ровесником Дина, звали Али. Он возглавлял службу охраны Арафата («Отряд 17») и оказался чрезвычайно начитанным и образованным человеком, прекрасно владевшим не только английским, но и французским языком. Он сразу огорошил Дина фразой о том, что в его сценарии «Телль-Заатар», который он тоже, оказывается, читал, есть ошибка.

– Вы пишете, что оба ваших главных героя учились в Советском Союзе, но неправильно указываете название учебного заведения: в Москве нет медицинского института имени Семенова, а есть мединститут имени Сеченова.

– Вы так хорошо знаете Москву? – удивился Дин.

– Да, приходилось там бывать, – улыбнулся Али.

– Еще он бывал в Сорбонне, где получил прекрасное образование, – встрял в их разговор Арафат, который стоял поблизости.

– Кстати, когда я там учился, я купил в музыкальном

магазине вашу пластинку, – вновь подал голос Али. – Там был какой-то романс, который очень нравился моей тогдашней девушке.

– «Наш летний романс», – уточнил Дин название своей песни.

– Точно, он самый. А вот мне больше нравились рок-н-роллы в исполнении Элвиса Пресли. Я до сих пор с удовольствием их слушаю.

Дин и Али проговорили где-то с полчаса, обсудив разные темы. Этот человек понравился Дину, хотя, узнай он подробнее его подноготную, сильно бы удивился. Чуть позже именно так и произойдет. Этим человеком был Али Хасан Саламе, который был создателем и одним из руководителей самой одиозной вооруженной группировки ООП «Черный сентябрь». Именно это подразделение в **сентябре 1972 года** устроило теракт на мюнхенской Олимпиаде, когда погибли 11 спортсменов команды Израиля. После этого «Моссад» устроил настоящую охоту за «сентябристами» и за год уничтожил 11 его участников. Однако до Саламе им тогда добраться так и не удалось, поскольку тот был крайне осторожен. «Моссад» доберется до него чуть позже: в **январе 1979 года** Саламе будет взорван на одной из улиц Бейрута. Однако вернемся в фестивальную Кубу.

В те же дни у Дина состоялась еще одна знаменательная встреча – с вдовой Виктора Хары Джоан. Она сообщила Дину, что все так же живет в Лондоне вместе со своими дочерьми. И что в этом году известная школа танцев в Лейпциге пригласила ее и еще балетмейстеров из 15 стран (двоих из Советского Союза) преподавать две недели в своих стенах. Еще Дин был обрадован новостью о том, что в Чили продолжают помнить и любить Виктора Хару.

– В **апреле** в Сантьяго прошел фестиваль народной музыки, – сообщила Джоан. – И там на сцене висел портрет Виктора, хотя люди рисковали: если бы хунта прознала об этом, она бы запретила фестиваль.

Джоан также рассказала, что в Гаване уже смонтирован документальный фильм о Викторе, состоящий из отрывков его концертных выступлений. Кроме этого, Джоан организовала концерт солидарности с Чили, где выступили многие известные исполнители песен протеста, в том числе и земляк Дина Пит Сигер.

Все дни фестиваля были чрезвычайно насыщенными для Дина. Все было так же, как и пять лет назад, когда он участвовал в предыдущем подобном фестивале, проходившем в Восточном Берлине: Дин только и делал, что переезжал с одного места на другое и участвовал в различных мероприятиях – то митингах, то

концертах политической песни. Так, **31 июля** он принял участие сначала в митинге солидарности с народами, молодежью и студентами арабских стран, а потом в концерте, который проходил в профсоюзном Дворце имени Ласаро Пеньи (на нем присутствовал кубинский лидер Фидель Кастро). Дин пел песни протеста, а также одну из своих любимых песен – кубинскую «Гуантонамеру».

1 августа Дин уже был в Международном центре антиимпериалистической солидарности, где кроме него были также Ясир Арафат, Луис Корвалан и другие известные политики и общественные деятели. На следующий день в Гаване прошел День солидарности с народами Латинской Америки. Во второй половине дня Дин выступил на открытой эстраде возле Клуба советской делегации, расположенного в живописном районе Гаваны Мирамаре (в этом концерте приняли участие также Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Ирина Понаровская, Владимир Винокур и другие артисты).

Радостная атмосфера, которая царила тогда в гаванской столице, оставила неизгладимое впечатление у всех присутствующих. Было много забавных случаев. Например, группа польских делегатов решила пролететь на аэростате над Гаваной – с набережной Малекон до Клуба польской делегации (это примерно 3 километра пути). Однако в первый день путешественников постигла неудача – они приводнились в волнах Мексиканского залива. Но **4 августа** попытка была повторена вновь и завершилась успехом. Об этом событии написали все кубинские газеты, сделало репортаж телевидение.

Фестиваль закончился **5 августа** грандиозным зрелищем – настоящим латиноамериканским карнавалом. Стоит отметить, что карнавалы на Кубе проводились издревле, однако до революции **1959 года** они отличались одной особенностью – во время их проведения кривая преступности резко росла вверх. Особенно много было убийств, когда люди, вырядившись в маски, выискивали своих обидчиков и убивали их, благополучно скрываясь в толпе. С приходом к власти Фиделя Кастро был издан указ, который запрещал людям во время карнавалов надевать на лица маски. И карнавальные убийства сразу прекратились.

Фестивальный карнавал **1978 года** тоже прошел без каких-либо серьезных правонарушений. Он проходил все на том же Малеконе – самой знаменитой шестикилометровой набережной кубинской столицы. Карнавальное шествие возглавляла колесница – карроса, в которой находились ослепительной красоты девушки в белых накидках и сапожках. Следом двигались танцевальные группы – кампарса, которые развлекали народ

песнями и зажигательными танцами. Тысячи людей участвовали в этом феерическом шествии, которое длилось всю ночь с **5-го на 6-е августа** и стало даже не точкой, а жирным восклицательным знаком в концовке фестиваля (пять лет назад в ГДР молодежный форум завершился не менее грандиозно, но все-таки более официозно – массовым факельным шествием).

Между тем **осень 1978 года** выдалась для Дина жаркой. Его имя оказалось в эпицентре громкого скандала, который выплеснулся на страницы многих мировых изданий по обе стороны океана. Можно смело сказать, что такого ажиотажа вокруг имени Дина Рида не было давно – с осени 70-го, когда он выстирал американский флаг у стен посольства США в Сантьяго. На этот раз скандал случился непосредственно на родине Дина – в Северной Америке. А предшествовали ему события, которые от большинства людей были скрыты за плотной завесой тайны.

К себе на родину Дин отправился не с праздной целью отдохнуть, а по причинам сугубо творческим – повез туда свой фильм «Эль Кантор». Причем это был не широкий прокат фильма (ни одна прокатная компания в США не собиралась показывать у себя фильм о чилийском коммунисте Викторе Харе), а показ малым экраном: Дин собирался продемонстрировать картину только в одном месте – в стенах университета города Миннеаполис, что в штате Миннесота, где училось много чилийцев. Однако мало кто знал, что эта поездка была только прикрытием для другой, настоящей цели, с которой Дин отправился в США.

Эта история началась в самом начале **сентября**, и не в Восточном Берлине, а в Москве. В один из тех дней начала осени председатель КГБ Юрий Андропов сидел в своем кабинете в здании на площади Дзержинского и размышлял над сообщением, которое ему подготовили его аналитики. В нем сообщалось о гибели **7 сентября 1978 года** в Лондоне видного болгарского диссидента Георгия Маркова. Эта информация не стала бы поводом к глубоким размышлениям шефа КГБ, если бы он сам не имел непосредственного отношения к этому событию.

Дело в том, что еще в начале года в этом самом кабинете проходило деловое совещание, на котором впервые прозвучало имя Маркова. Упоминалось оно в связи с тем, что болгарское руководство в лице Тодора Живкова просило помощи у Москвы в деле физического устранения этого диссидента, окопавшегося в столице Англии и вот уже в течение нескольких лет ведущего подрывную работу против Болгарии на радиостанции Би-би-си. Болгары прямым текстом просили оказать им помощь в убийстве

Маркова. Андропов отнесся к этой просьбе резко отрицательно. «Я против политических убийств! Я против того, чтобы мы влезали в дела, которые потом не могут быть прощены!» – заявил шеф КГБ. Однако руководители внешней разведки сумели привести такие аргументы, которые поколебали решимость Андропова.

Они заявили, что этот отказ может не только испортить отношения КГБ и болгарской госбезопасности ДС, но и обидеть Живкова, который считался одним из самых преданных соратников Брежнева в Восточном блоке. Между тем причины для столь радикальных мер в отношении диссидента у болгарского лидера были более чем весомые: Марков одно время был вхож в семью Живкова, пользовался там безграничным доверием, но в итоге отплатил черной неблагодарностью – стал распространять за рубежом сведения, порочащие членов семьи Живкова.

Во многом именно идя навстречу просьбе Живкова, Андропов после некоторых колебаний согласился помочь болгарам – правда, только технически. «Никакого личного участия, – заявил Андропов. – Окажите болгарским товарищам техническое содействие, пошлите инструкторов, дайте все необходимые средства, оружие, яды, если необходимо, пусть болгары все делают сами». На том и порешили. В итоге помощь болгарам оказали специалисты 12-й лаборатории оперативно-технического управления КГБ: выделили болгарам яд рицин, научили, как им пользоваться. Первоначально диссидента собирались отравить, намазав ядом ручку его автомобиля. Но потом, посчитав, что этот способ может обернуться гибелью ни в чем не повинных людей (за ручку мог взяться кто-то из родственников или друзей Маркова), остановились на другом способе – укол зонтиком, наконечник которого был отравлен. Операция прошла без проблем.

Утром рокового дня, когда Марков ждал автобуса, чтобы отправиться на работу (его автомобилем в тот день воспользовался кто-то из родственников), к нему подошел агент ДС и кольнул его зонтиком. Марков сначала не обратил на этот случай никакого внимания, однако в середине дня ему стало плохо. Чувствуя неладное, он поделился с сослуживцами тем, что с ним произошло на автобусной остановке, и те немедленно вызвали врача. Маркова срочно госпитализировали. Однако спасти его уже не смогли. В его теле нашли остатки капсулы с рицином, которая не успела раствориться. Это дало основание предполагать, что его отравили.

Прочитав это сообщение, Андропов с грустью поймал себя на мысли, что на исходе двадцатого века, в период так называемой разрядки, им вновь приходится возвращаться к временам

недавнего прошлого, когда убийства идеологических противников воспринимались как норма. «Кто в этом виноват: мы или наши противники? – задавал себе вопрос Андропов. – Видимо, обе стороны в равной мере. Хотя до того, до чего додумалась противоположная сторона, мы пока не доросли. Взять ту же операцию ЦРУ „Феникс“, которая проводилась во время войны во Вьетнаме в конце 60-х – начале 70-х годов и ставила целью физическую ликвидацию руководителей вьетконговцев. В ходе этой операции были уничтожены тысячи человек. Или разве не ЦРУ пыталось несколько раз убить Фиделя Кастро? А также помогало разведкам дружественных США стран устранять их политических противников, вроде председателя итальянской ХДП Альдо Моро? Судя по тому, как развивается нынешняя ситуация, разрядка близится к своему логическому концу, – продолжал размышлять Андропов. – Вновь растет взаимное ожесточение, которое все дальше уводит нас от поисков путей к взаимопониманию. Хотя намерения провозглашаются вроде бы благие. Картер выдвинул на авансцену своей политики борьбу за права человека, но эта борьба преследует только одну цель – расшатать основы нашего государства. Не права человека их волнуют в первую очередь, а поддержка „пятой колонны“ в Советском Союзе».

Эти мысли Андропова возникли не на пустом месте. Уже через месяц после своей победы на выборах, в **декабре 76-го**, Картер поддержал кампанию, развернутую в Западной Европе, по обвинению Советского Союза в нарушениях прав человека. И показательный акт, который совершил Картер **1 марта 1977 года**, когда принял в Белом доме советского диссидента Владимира Буковского, которого обменяли на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана, был не случайным: он должен был показать всему миру, что администрация Картера ставит проблему борьбы с нарушениями прав человека во главу своей деятельности.

Стоит отметить, что эта кампания касалась не только Советского Союза (хотя именно он был главной мишенью, подписав Хельсинкские соглашения), но и других стран. Так, администрация Картера пыталась решить эту же проблему и в некоторых странах Латинской Америки, где у власти находились военные. Однако главным побудительным мотивом для этого опять было не желание помочь узникам совести, а экономические мотивы. Эти режимы создавали США условия наибольшего благоприятствования и приносили баснословные прибыли, но из-за негативного восприятия этих режимов в мире это грозило американцам потерей их прибылей. Поэтому и было решено

побудить эти режимы нанести на свой фасад хотя бы демократический глянец.

Летом 1977 года группа высокопоставленных эмиссаров Картера во главе с помощником госсекретаря США по межамериканским делам Т. Тодмэном и членом американской делегации в ООН Э. Лоуэнстейном побывала в ряде стран Латинской Америки и ознакомилась с состоянием дел в области соблюдения прав человека. Как итог: в пиночетовской Чили была упразднена одиозная спецслужба ДИНА (указом от **13 августа 1977 года**) и вместо нее была создана другая структура – Национальный информационный центр. Никто, конечно, не сомневался, что это упразднение – всего лишь смена вывески, однако пресса преподала это событие как еще один шаг на пути Чили к демократии.

Другим таким шагом явилось расследование дела об убийстве видного чилийского политика Орландо Летельера, которого взорвали в его машине в **сентябре 1976 года** в столице США Вашингтоне. Администрация Картера сделала все возможное, чтобы это преступление было раскрыто. В итоге в **апреле 1978 года** группа агентов ФБР арестовала в Сантьяго одного из участников убийства – Майкла Таунли – и экстрадировала его в США. В ходе следствия он назвал в качестве своих сообщников нескольких человек: бывшего шефа ДИНА генерала Мануэля Контрераса, его заместителя полковника Педро Эспиносу, шефа оперативного отдела Фернандеса и пятерых кубинских эмигрантов-контрреволюционеров – членов «Движения кубинских националистов».

К **июлю 1978 года**, после того как представители правосудия США стали решительно настаивать на допросе чилийских фигурантов этого дела, Пиночет отдал команду своим людям прекратить всякое общение со следствием. Но этот трюк у диктатора не прошел. Правительство США тут же отозвало своего посла в Сантьяго для десятидневных консультаций относительно американо-чилийских отношений. А **1 августа** хунте было официально вручено обвинительное заключение по этому делу. Пиночет вынужден был отступить. В тот же день, когда чилийским властям было вручено обвинительное заключение, диктатор приказал арестовать Контрераса, Эспиносу и Фернандеса. И чилийская сторона возобновила свои контакты с американским правосудием. Пресса США тут же окрестила это событие «победой администрации Картера». Позднее эта «победа» обернется пшиком: Таунли отсидит лишь половину срока и будет выпущен на свободу (по одной версии, он был агентом ЦРУ, и оно не оставило в беде своего человека), а все его сообщники и вовсе

избегут какого-либо уголовного наказания.

Однако наиболее громогласной станет кампания о нарушениях прав человека в Советском Союзе. Для этого картеровской администрацией были задействованы внушительные силы: пресса (она активно оповещала американскую общественность о фактах ущемления демократических свобод в СССР), разведка (она проводила «активные мероприятия» в западных странах, вбрасывая в тамошнюю прессу материалы на ту же тему). Например, **летом 1978 года** в СМИ США и Западной Европы много места уделялось судебным процессам, которые прошли в Советском Союзе: над видным физиком, членом АН Армянской ССР Юрием Орловым (**май**) и активистом еврейского движения за эмиграцию, членом Московской Хельсинкской группы Анатолием Щаранским (**июль**). Первый был приговорен к семи годам тюрьмы и пяти годам последующей ссылки за антисоветскую агитацию и пропаганду, второй – к тринадцати годам заключения за шпионаж.

Осудили обоих справедливо: Орлов распространял «открытое письмо» Брежневу, где отождествлял советский строй с рабовладельческим, феодальным и даже нацистским рейхом, а Щаранский опрашивал евреев, которым было отказано в выезде под предлогом секретности, и эти сведения рассказал американскому журналисту. Однако западная пресса называла обоих не иначе как «невинными жертвами тоталитарного режима». За Щаранского даже заступился президент США Картер, который официально заявил, что тот не имеет никакого отношения к американской разведке (трудно представить, чтобы Картер мог сказать что-то противоположное: таким образом он бы выдал ценный источник информации и дал повод задуматься другим щаранским, стоит ли сотрудничать с ЦРУ). Кроме этого, в США был создан Комитет американских ученых SOS (Спасите Орлова Щаранского), который распространял в американской печати сведения, где обвинял советское руководство в безжалостном отношении к узникам совести.

На самом деле при Брежневе с диссидентами в СССР обходились гораздо мягче, чем это было каких-нибудь 30 лет назад: наиболее активных сажали в тюрьмы, а к остальным применялись меры профилактического воздействия. Последнюю меру придумал лично Андропов. Согласно ей, диссидентов вызывали в КГБ, где они предупреждались о возможных уголовных санкциях против них в случае продолжения своей деятельности. При этом диссиденту предлагалось подписать документ, который подтверждал получение предупреждения. Если уговор потом диссидентом нарушался, то в суде этот

документ рассматривался как отягчающее обстоятельство. Этот метод назывался «манипулирование страхом без посредства насилия». Так что заявления западных СМИ о том, что шеф КГБ был «душителем свобод», не соответствовали действительности.

Согласно официальным документам, в **1973 году** по статье 70 УК СССР (антисоветская агитация и деятельность) было осуждено 73 человека, в **1974 году** – 47, в **1975 году** – 22. Во второй половине 70-х произошел некоторый рост этих показателей, но вызвано это было исключительно тем, что советские диссиденты под влиянием политики картеровской администрации активизировали свои действия. А некоторые из них и вовсе перешли к террористическим актам, как это сделали армянские националисты, взорвав три бомбы в центре Москвы в начале **января 1977 года**, что унесло жизни семи человек, а 37 человек получили ранения различной тяжести. Государство в ответ стало защищаться, что было вполне закономерно – так поступает любой режим. Тем более что один из видных советских диссидентов – академик Андрей Сахаров – именно сразу после взрывов в Москве составил для Картера список 16 советских диссидентов, которых следовало взять под защиту «американской демократии» (стоит отметить, что Картер специально прислал в Москву своего эмиссара, чтобы тот доставил этот список в Вашингтон).

Между тем сами США тоже не особенно либеральничали со своими диссидентами. Так, в **феврале 1976 года** там погибла известная индейская правозащитница Анна Мэй Акуош (в 73-м она была одним из руководителей восстания индейцев в Вундед-Ни): ее тело было найдено случайным прохожим в резервации Пэйн-Ридж. По заключению судебных медиков, женщину убили выстрелом в висок. Поскольку до этого власти обвиняли Акуош в гибели двух агентов ФБР, друзья и коллеги покойной сразу догадались, кто мог приложить руку к этому убийству. Однако официальные власти спустили это дело на тормозах, и виновники гибели индейской диссидентки так и не были найдены.

Еще один пример был связан с другим лидером индейцев – Расселом Минсом (он тоже участвовал в восстании в Вундед-Ни). **Летом 1978 года** он был вдохновителем марша протеста 350 индейских племен (его участники пешком пересекли всю территорию США с запада на восток), за что власти устроили за ним настоящую охоту. По обвинению в «организации общественных беспорядков» его привлекли к уголовной ответственности и бросили за решетку. В тюрьме Минса попытались убить: один из заключенных ударил его ножом в грудь, причем лезвие прошло всего лишь в нескольких

миллиметрах от сердца. Это нападение произошло за несколько часов до приезда в тюрьму для встречи с ним активистов кампании в поддержку борьбы национальных меньшинств США за гражданские права. После этого случая почти весь оставшийся срок заключения Минс провел в тюремной больнице.

Про все эти случаи Андропов прекрасно знал, поскольку аналитики КГБ регулярно клали ему на стол обобщенные справки на эту тему. И относился шеф КГБ к этим сведениям вполне спокойно: понимал, что такова специфика работы всех спецслужб, которые обязаны стоять на страже государственных интересов. Другое дело, что подобные жестокие методы не должны быть нормой, а возникать только в исключительных случаях. Как, например, дело Маркова. Иначе можно измазаться так, что потом всю жизнь не отмоешься. Вот почему, даже несмотря на свою принадлежность к КГБ, Андропов считался в Политбюро чуть ли не либералом. Например, в истории с высылкой Солженицына именно Андропов настоял на подобном исходе, в то время как некоторые его коллеги – Громыко, Подгорный, Шелепин – настаивали на аресте писателя и заключении его в тюрьму. Потом, когда Солженицын развернул на Западе яростную антисоветскую кампанию, Андропов не раз будет ловить себя на мысли, а правильно ли он поступил, разрешив писателю уехать. Ведь тот позитив, который СССР приобрел в мире этой высылкой, был очень быстро сведен на нет тем ущербом, который стал наносить Солженицын своими пропагандистскими вояжами по миру.

В аналитической справке по Маркову указывалось, что западная печать активно трубит о «руке Москвы» в этом деле. Кроме этого, указывалось, что в США нарастает волна критики советского руководства в связи с уголовными процессами над Орловым и Щаранским (приводились выдержки из американских газет). Еще активно муссировалась шпионская история: о предстоящем скоро в США судебном процессе над советскими разведчиками В. Энгером и Р. Черняевым, которым грозили солидные тюремные сроки – порядка 50 лет заключения. Во всей этой кампании ясно виднелись уши американских спецслужб, которые специально вбрасывали в прессу эти темы (на профессиональном сленге это называлось «активными мероприятиями»). Поэтому Андропов прекрасно понимал, что оставить без ответа эти акции означало для КГБ расписаться в собственной слабости. Другое дело, что можно было предпринять в этой ситуации? Какое «активное мероприятие» и с чьим участием использовать?

Размышляя на эту тему, Андропов какое-то время

неподвижно сидел в своем кресле, после чего встал и принялся мерить шагами кабинет. Пройдя его от стола до двери и обратно, он подошел к окну. На улице уже сгустились сумерки, и в свете фонарей площадь Дзержинского выглядела как на фотографии из буклета «Ночная Москва». Андропов любил это время суток и эту картину за окном: она самым лучшим образом располагала к размышлениям. Вот и теперь, глядя на вечерний город, Андропов поймал себя на мысли, что ему легко думается. В результате спустя несколько минут в его голову пришла именно та мысль, которую он и искал.

Он вспомнил, как несколько дней назад ему сообщили, что американский певец и борец за мир Дин Рид отправил президенту США Картеру открытое письмо, где обвинил его в лицемерии. Дин Рид писал, что нельзя рассуждать о правах человека в то время, как американское правительство поддерживает все реакционные диктаторские режимы мира в военном, экономическом и политическом плане. Между тем в американских тюрьмах томятся порядка 600 тысяч заключенных и, как заявил постоянный представитель США в ООН Эндрю Янг, тысячи и тысячи из этих узников томятся за решеткой по политическим мотивам (после этого заявления Картер отзовет Янга из ООН).

«Если американцы бьют нас руками наших диссидентов, то почему бы и нам не ударить по ним с помощью их соотечественника? – подумал Андропов. – Вот уже много лет Дин Рид бескорыстно служит нашему делу и наверняка согласится оказать нам такую услугу. Тем более что это идет в русле его собственного письма Картеру».

Подумав об этом, Андропов нажал кнопку селекторной связи и попросил секретаря немедленно вызвать к нему одного из руководителей внешней разведки, ответственного за «активные мероприятия».

Уже на следующий день КГБ запустил в действие операцию «Бумеранг». В Восточный Берлин вылетел сотрудник ПГУ из Службы А (активные мероприятия) с миссией уговорить Дина Рида стать главным фигурантом этой операции. Вместе с тем самым сотрудником «Штази» Йоганом, который уже приходил к Дину два года назад, чекист из Москвы навестил Дина в его доме. Разговор был предельно откровенным. Сотрудник ПГУ сообщил, что прибыл сюда по личному распоряжению Андропова, и подробно изложил суть дела. Дин внимательно выслушал собеседника и практически сразу согласился участвовать в этой операции. Суть ее была в следующем. Дин должен был отправиться в США с фильмом «Эль Кантор» и во время этого

вояжа спровоцировать местные власти на свой арест. Как только это произойдет, советская сторона должна была начать кампанию по освобождению Дина Рида, целью которой будет уличение администрации Картера в нарушении прав человека.

В США Дин прилетел в середине **сентября**. Прямо скажем, в неудачное время. Только что в Америке отгремел скандал, связанный с другим американским певцом и сторонником коммунистов – Полем Робсоном. Суть скандала состояла в следующем. Гильдия американских киноактеров и американское театральное общество единодушно выдвинули покойного певца в качестве кандидата на бронзовую звезду «Променада славы» («Площадь звезд») в Лос-Анджелесе. Однако отборочный комитет торговой палаты Голливуда решительно отвел кандидатуру Робсона. Глава комитета Уильям Хертц так мотивировал этот отказ: «Я не думаю, что мистер Робсон отвечает необходимым критериям. Во скольких кинофильмах он снимался? Сколько его пластинок продано? Какие артистические награды он имел? Уверяю вас, политика тут ни при чем».

Однако Хертц лукавил, и это понимали все. Отказ отборочного комитета выдвинуть кандидатуру Робсона был вызван именно политическими мотивами: в Америке набирал силу антисоветизм, а Робсон долгие годы был искренним другом Советского Союза. А ссылки Хертца на его скромные регалии выглядели смешно: Робсон снялся в 13 фильмах (один из них – «Император Джонс» – входил в сокровищницу американского кинематографа) и выступал в 26 театральных постановках. Самая известная его роль в театре – Отелло – до сих пор держала рекорд среди шекспировских постановок в США: он выступал в этой роли 296 раз.

За доброе имя Робсона пытались заступиться многие американские актеры. Один из них, Бен Верин, даже предложил, чтобы его звезда, украшавшая «Площадь звезд», была передана Робсону. Свое недоумение выразил даже мэр Лос-Анджелеса негр Том Брэдли, который заявил: «Я обеспокоен и опечален подобным решением. Как можно отказать Робсону в звезде, одному из самых почетных символов Голливуда, в звезде, которую он сорвал с неба еще при жизни?» Однако как друзья и коллеги Робсона ни старались, торговая палата Голливуда так и не изменила своего решения, предложив попытаться выставить кандидатуру Робсона как-нибудь в следующий раз. Стоит отметить, что в **1978 году** чести получить звезду на «Площади звезд» был удостоен… мультяшный мышонок Микки-Маус.

На фоне скандала с Робсоном все, что произошло с Дином,

едва он ступил на родную землю, выглядело вполне закономерно. Весь его груз, где главным являлись бобины с фильмом «Эль Кантор», оказался запертым на таможне. Было понятно, что власти не хотят, чтобы Дин со своим фильмом колесил по Америке, поэтому таможенники стали выдумывать разные причины того, почему они не хотят выпускать «Эль Кантора» «на свободу». В итоге эти мытарства продолжались почти полтора месяца, причем они совпали с днем рождения Дина – **22 сентября** ему исполнилось 40 лет.

Но Дин без дела не сидел и все время, пока длилась таможенная эпопея, посвятил общению с родными и друзьями. Он встретился с родителями, братьями, а также с Патрисией, Рамоной и Патоном Прайсом. Эти встречи доставили Дину много приятных минут, поскольку за минувшие два года он успел здорово соскучиться по родным, да и по Америке тоже. Вообще в последнее время Дин все чаще стал ловить себя на мысли, что разлука с родиной дается ему все тяжелее и тяжелее. Когда он был молодым, подобных чувств у него не возникало, даже более того – он с радостью уезжал из Штатов, обуреваемый неуемной жаждой повидать остальной мир. Но теперь, в конце 70-х, все было иначе. Он уже успел пресытиться путешествиями (побывал более чем в 30 странах), и его стало неумолимо тянуть на родину. Причем в ГДР он специально поселился в местах, которые напоминали ему просторы родного Колорадо, – в лесном массиве на берегу озера. Однако даже этот пейзаж не мог заменить ему тех мест, которыми он привык восторгаться с раннего детства. И когда Дин поделился этими мыслями с Прайсом, тот глубокомысленно изрек:

– Я всегда знал, что ты слишком сентиментален, чтобы любить свою родину на расстоянии. Твоя жизнь перевалила за свой экватор, впереди маячит старость, а она всегда ностальгична. Поэтому тебе стоит хорошенько подумать, где лучше встретить осень жизни: на чужбине или на своей родине.

– Неужели я так плохо выгляжу, если ты уже записываешь меня в старики? – попытался отшутиться Дин.

– Выглядишь ты прекрасно, но твои глаза полны усталости. И мне кажется, тебе пора перестать бороться с ветряными мельницами.

Дин с удивлением взглянул на своего учителя, явно не ожидая услышать от него подобных речей. Поймав этот взгляд, Прайс продолжил:

– Да, ты напоминаешь мне Дон Кихота в ядерном веке. Человека, пытающегося примирить две системы, которые по сути своей не способны к подобному примирению. Им суждено вечно

враждовать и воевать друг с другом до победного конца.

– И кто же из них, по твоему мнению, победит? – поинтересовался Дин.

– Этого никто не знает. Однако лично я ратую за то, чтобы победа никому не досталась. В противном случае в мире нарушится равновесие, а это приведет к бедам гораздо большим, чем сегодняшние.

– Ты имеешь в виду ядерную войну? Но она возможна и в наши дни, причем ее угроза исходит с этой стороны. Ты разве забыл доктрину нашего бывшего министра обороны Шлессинджера, выдвинутую им чуть меньше трех лет назад? О том, что США не исключают возможности применения стратегического ядерного оружия первыми?

– Во-первых, Шлессинджера у власти больше нет. Во-вторых, его слова были обычным сотрясанием воздуха, вызванным желанием запугать своего противника. Я не верю, что ядерная война возможна, пока существуют две сверхдержавы – США и Советский Союз. Вот когда кого-то из них не станет, то возможно всякое.

– Тогда почему ты называешь меня борцом с ветряными мельницами, если я все свои силы отдаю на то, чтобы одна из этих сторон, Советский Союз, не проиграла это сражение? – удивился Дин.

– Потому что все твои старания уходят в песок. Ты пытаешься убедить себя в том, что власть и народ не одно и то же. Что есть плохие руководители, вроде ястреба Шлессинджера, а есть простые, хорошие американцы, которых эта власть водит за нос. Но ты ошибаешься. Подавляющая часть простых американцев думает точно так же, как и ястребы-министры. И сколько бы ты ни старался изменить их к лучшему, тебе это не удастся. Ты привез с собой фильм про переворот в Чили, но людям здесь глубоко наплевать на то, что происходило или происходит в этой стране. Ты же американец, ты должен знать, что здесь людей интересует только эта страна и никакая больше.

– Я другого мнения о своих соотечественниках, – вновь возразил своему учителю Дин. – Да, многие из них не видят дальше собственного носа, но много и таких, кому небезразлична судьба их родины. И они с интересом будут смотреть мой фильм о Чили.

– Повторяю, людей, о которых ты с таким восторгом говоришь, единицы. И их взгляды совершенно не изменятся от того, узнают они что-то новое о Чили или нет. Но ты попытайся показать свой фильм другим американцам – тем, которые считают Америку великой сверхдержавой. Уверен, что они

назовут твою картину коммунистической пропагандой. И их позицию уже ничем не изменить: слишком глубоко пустил в этой стране свои корни антикоммунизм. И помяни мое слово, следующим после Картера президентом будет еще более ярый антикоммунист, чем все предыдущие президенты вместе взятые.

– И поэтому ты предлагаешь мне сложить оружие, вернуться на родину и почивать в кресле-качалке на ранчо в Колорадо?

– А почему бы и нет, если все происходящее вокруг тебя указывает на то, что ход истории не изменить?

– Но как в таком случае я буду выглядеть в глазах тех людей, которые мне верили?

– Но ты же не боялся плохо выглядеть в глазах тех людей, кто видел в тебе поп-звезду? Ты же разочаровал их, уйдя в политику, и не испугался этого. К тому же многие люди твоего поколения уже прошли этот путь: Поль Робсон, Джон Леннон, Боб Дилан и некоторые другие. Может быть, теперь настала твоя очередь присоединиться к ним?

– Люди, которых ты перечислил, и в самом деле ушли из общественной деятельности, но каждый это сделал по разным причинам. Робсона в конце жизни подвело здоровье, а Леннон решил посвятить себя семье – у него родился сын, о котором он так долго мечтал. Что касается Дилана, то этот человек оказался слаб духом, поскольку предал те идеалы, которые проповедовал в молодости, – он превратился в типичного буржуа. Ты предлагаешь мне поступить как он?

– Может, Дилан просто понял, что все, за что он боролся в молодости, бесполезно и не имеет смысла? Что жизнь одна и слишком коротка, чтобы растрачивать ее на какие-то бессмысленные вещи.

– Жизнь и в самом деле у нас одна, но каждый из нас по-разному видит ее смысл. Я, к примеру, не хочу превратиться в толстого и самодовольного фермера или владельца студии звукозаписи, только и думающего о том, как бы приплюсовать к своим барышам лишнюю тысячу долларов. И умереть от ожирения и злоупотребления наркотиками, как это случилось с Элвисом Пресли, тоже не хочу. Уж лучше я погибну где-нибудь в Ливане от пули фалангиста или в той же Чили от рук пиночетовских душегубов. Зато мои дети потом не скажут, что их отец напрасно прожил свою жизнь.

– Ты знаешь, Дин, как хорошо я к тебе отношусь, поэтому желаю, чтобы твои последние слова никогда не сбылись, – тоном, в котором уже не было никакой иронии, обратился к Дину Прайс. – Живи как можно дольше, чтобы мы имели возможность точно так же встречаться с тобой и спорить на самые разные

темы.

Сказав это, Прайс в знак окончательного примирения протянул своему ученику руку. И тот с благодарностью ее пожал, давая понять, что не таит на своего учителя никаких обид.

Между тем в конце **октября** Дину удалось отвоевать у таможенных служб свой груз, после чего он устроил премьеру своего фильма в Голливуде. Помог ему в этом его старый приятель актер Джон Рэндолф, который входил в президиум объединения профессиональных актеров Голливуда. В небольшом кинозале он собрал несколько десятков своих коллег-артистов, а Дин не только показал им «Эль Кантора», но предварительно рассказал им о прототипе главного героя картины Викторе Харе. Сделано это было не случайно. Дело в том, что в США люди хоть и были осведомлены о событиях сентября 73-го в Чили, однако имен чилийских патриотов, тем более коммунистов, там никто не знал. Американская пресса о них практически ничего не писала, чтобы не делать из них мучеников.

Вообще американское кино в конце 70-х переживало сложные времена. Боссы Голливуда прекрасно понимали, что после поражения во Вьетнаме появится новое поколение режиссеров, которые будут стремиться более критически осмысливать те проблемы, которые существовали в обществе. Поэтому, чтобы увести от этих режиссеров публику, боссы сделали ставку на зрелищный кинематограф. Именно в середине 70-х в США стали один за другим выходить блокбастеры, которые поражали зрителей масштабом массовки, декораций и спецэффектов, но были далеки от реальной действительности, как небо от земли. Именно тогда Стивен Спилберг снял свои «Челюсти» (1975; про акулу-убийцу) и «Близкие контакты третьего вида» (1977; про контакты землян с инопланетянами), а Джордж Лукас – «Звездные войны» (1978; про галактические войны будущего). Тогда же, в 78-м, был снят и не менее знаменитый блокбастер «Супермен», премьеру которого почтил своим присутствием президент США Джимми Картер, давая тем самым понять, какое именно кино по душе администрации Белого дома.

На фоне этих суперколоссов фильмы прогрессивных американских режиссеров смотрелись гораздо сиротливее, их смотрела только элитарная публика. Самыми известными картинами этой волны во второй половине 70-х были: «На пути к славе» (1976) Хала Эшби (про народного певца Америки Вуди Гатри, боровшегося в 30-е годы за права профсоюзов), «Возвращение домой» (1978) того же режиссера (о ветеране вьетнамской войны), «Охотник на оленей» (1978) Майкла Чимино (о тех же ветеранах войны во Вьетнаме). Фильм Дина Рида «Эль

Кантор» можно было отнести к этому же ряду, хотя от перечисленных выше картин его отличала чрезмерная политизированность, что вполне объяснимо: Дин хоть и был американцем, но снимал свое кино по лекалам социалистического кинематографа.

После показа «Эль Кантора» в Голливуде Дин повез картину в город Миннеаполис, в штат Миннесота, чтобы показать ее студентам тамошнего университета. Причем не всем пришелся по душе этот приезд. Едва Дин остановился в гостинице, как ему в номер позвонил неизвестный и посоветовал отменить премьеру. «Иначе хуже будет», – закончил свою речь незнакомец. Он явно не знал, что с Дином такие штуки не проходят: чем сильнее его пугали, тем злее он становился. В итоге **28 октября** фильм «Эль Кантор» был показан в университете Миннеаполиса при огромном скоплении народа. Дин остался очень доволен показом, поскольку зрители приняли его картину очень тепло. И после окончания сеанса он еще долго отвечал на вопросы студентов, которых интересовало буквально все: начиная от процесса съемок фильма и заканчивая сегодняшней ситуацией в Чили.

На следующий день Дин отправился в небольшой городок Делано. Эта поездка должна была стать одним из главных звеньев операции «Бумеранг». В тот день в Делано должна была пройти демонстрация фермеров, в которой Дину предстояло принять участие. Эта акция была направлена против энергетической компании «Нортуэст коул компани», которая отторгла часть земель фермеров и собиралась строить на них высоковольтные линии электропередачи. Чтобы помешать этому, и было решено провести демонстрацию протеста в Делано, на которую собрались не только местные фермеры, но и другие люди: рабочие, студенты, служащие из Миннеаполиса и столицы штата Миннесота Сент-Пола. Демонстранты договорились встретиться именно на том участке, где на днях служащие энергокомпании прогнали с земли нескольких фермеров, которых потом арестовала полиция за то, что они отказались продать свои участки.

Дин приехал на демонстрацию, одевшись во все светлое: белые брюки и такого же цвета водолазку. В руках у него была гитара, которая должна была стать его главным оружием. Однако сначала гитара висела у него за спиной, а в руках был плакат «Власть – народу!». Затем, когда демонстранты открыли митинг, Дин передал плакат стоявшему рядом с ним молодому парню, а сам взял в руки гитару и запел знаменитую песню Пита Сигера «Мы победим!», которую он неизменно пел на всех подобного рода мероприятиях. Демонстранты, которые прекрасно знали

слова этой песни, стали петь ее в унисон с Дином. За всем этим со стороны наблюдало около сотни полицейских, которые прибыли сюда на 49 патрульных машинах из ближайшего городка Буффало (не путать с городом в штате Нью-Йорк).

Митинг длился около часа. За это время с речами, направленными против руководства энергетической компании, выступило около десятка манифестантов. В паузах между этими выступлениями Дин пел свои песни из разряда протестных. Полицейские стояли в стороне и никого не трогали, поскольку никакой угрозы митингующие собой не представляли. Все изменилось сразу после того, как митинг закончился. Несколько демонстрантов решили повесить свои плакаты на решетчатую изгородь, за которой находились владения энергетической компании. Поскольку изгородь считалась частной собственностью компании (и демонстранты это прекрасно знали, поскольку на изгороди висела предупредительная надпись), полицейские бросились их арестовывать.

Судя по всему, именно это и нужно было демонстрантам. Они стали вырываться из рук копов, некоторые пытались применить силу. На землю полетели плакаты, а в воздухе замелькали полицейские дубинки. Дин бросился в самую гущу этого столпотворения, однако силу к стражам порядка не применял, а практически сразу дал заломить себе руки за спину и сдался на милость победителям. Этот арест входил в его планы и должен был стать катализатором всех дальнейших событий.

Всех арестованных, а их оказалось около двадцати человек, полицейские затолкали в «воронки» и повезли в Буффало. Дин ехал в первом «воронке» вместе с шестью другими арестованными. У всех на руках были застегнуты наручники, но не обычные металлические, а пластмассовые – это была новинка американской полиции, которая таким образом отвечала на инициативу администрации Картера, провозгласившей борьбу за соблюдение прав человека не только во всем мире, но и у себя в стране. Однако буффалские полицейские в спешке не учли одного факта: что арестованных надо тщательно обыскать. В итоге один из обитателей «воронка», шустрый молодой парень, достал из кармана перочинный ножик и ловко перерезал наручники у своего ближайшего соседа. А тот уже освободил всех остальных. И когда процессия въехала на территорию буффалской тюрьмы «Райт Каунти» и заключенным приказали выходить из «воронков», у полицейских чуть глаза на лоб не полезли. Из первого же автомобиля на землю стали выпрыгивать заключенные без наручников, да еще один из них во все горло горланил песню на испанском языке (это был Дин, который пел песню чилийских

коммунистов «Венсеремос»).

Всех арестованных разместили в нескольких камерах. Они представляли собой холодные железные клетушки, которые по ночам освещались яркими лампами. Из мебели в них были только проржавевшие койки со старыми одеялами. Однако все камеры были технически оснащены: в них были установлены камеры слежения и динамики, которые позволяли администрации тюрьмы общаться с заключенными.

Дина поместили в одну клетушку с несколькими фермерами, которых он до этого не знал, – они приехали в тюрьму в разных «воронках». Однако контакт между ними был установлен достаточно быстро – всех объединила общая беда. В итоге спустя час Дин уже сумел подговорить своих соседей по камере объявить акцию протеста – голодовку. Причем чуть позже, во время вечерней прогулки, Дину удалось подбить на это и заключенных из других камер. Поэтому, когда утром надзиратели принесли заключенным завтрак, десять человек (из них три женщины) от него отказались.

Когда об этом стало известно начальнику тюрьмы, он сразу понял, чьих рук это дело.

– Если так дальше пойдет, то этот «красный ковбой» может взбаламутить всю тюрьму, – изрек главный тюремщик. – И какой олух только додумался привезти сюда этого «красного»?!

Начальник тюрьмы знал, что говорил. Он был прекрасно осведомлен о том, какая птица угодила в его заведение, и догадывался, что обычные меры воздействия на него вряд ли подействуют. Как явствовало из депеши, которую ему прислали из Сент-Пола, этот Дин Рид до этого четырежды арестовывался полицией разных стран и хорошо знал, что такое тюремные нары. В отличие от всех заключенных, которых арестовали на митинге в Делано, он был самым матерым и опытным – настоящим профессиональным революционером. Однако именно поэтому к нему нельзя было применять никаких мер устрашения – об этом мгновенно стало бы известно на воле. И отпускать его тоже было нельзя, поскольку в таком случае пришлось бы освободить и всех остальных участников митинга. Короче, ситуация была не из легких.

Тем временем, едва Дин оказался в буффалской тюрьме, операция «Бумеранг» вступила в свою решающую фазу. Уже через день все средства массовой информации Восточного блока оповестили свое население об этом «факте вопиющего произвола». То же самое сделали и многие левые издания на Западе. Началась шумная кампания «по освобождению известного борца за мир Дина Рида из американских застенков».

Застрельщиками в этой кампании были отдел пропаганды ЦК СЕПГ, недавно созданный отдел международной информации ЦК КПСС, который отвечал за подготовку радиопередач на зарубежные страны (две тысячи часов радиовещания еженедельно на 40 языках), работу важнейших газет и двух агентств печати: ТАСС – официального рупора советского правительства, имевшего представительства в 83 странах мира, и «Новости» (АПН), созданного в 60-х годах для пропаганды советского общественного мнения.

Только с началом этой шумной кампании американская сторона поняла, в какой капкан она угодила. Сотни телеграмм со всего мира полетели в Белый дом, в которых говорилось одно и то же: «Требуем освобождения Дина Рида!» Для Розалинды Картер, супруги президента США, которая много времени и сил отдавала вопросам защиты прав человека, наступили тревожные дни. Что касается самого президента, то у него голова болела о других проблемах: именно тогда разразился кризис в переговорах между Египтом и Израилем, в которых американская администрация выступала в качестве посредника. Так что Картеру было не до Дина Рида, хотя имя это он тогда, безусловно, слышал.

Газеты Советского Союза начали освещать события вокруг Дина Рида в начале **ноября**. Чуть ли не каждый день в прессе публиковались, пусть короткие, сообщения о ситуации в Буффало, а в первые дни об этом даже сообщила главная телепрограмма страны «Время» (потом она еще несколько раз будет возвращаться к этому событию). В ГДР происходило то же самое. Вот что, к примеру, писалось в телеграмме, отправленной в буффалскую тюрьму на имя Дина Рида из центрального совета Союза свободной немецкой молодежи:

«Молодежь нашего социалистического государства, твоей нынешней родины, восхищается твоим страстным выступлением за права угнетенных и эксплуатируемых капиталом рабочих и фермеров, поддерживает твой протест против преступлений американского империализма. Тот произвол, с которым власти подавили вашу мирную демонстрацию в Буффало, еще раз показал миру истинное человеконенавистническое лицо империализма, сорвал с него личину так называемого поборника гражданских прав. Империализм США обнаружил свое лицемерие. Мы постоянно рядом с тобой. Дружба».

Увы, эту телеграмму Дину в те дни прочитать не удалось – тюремные власти не передавали ему почту, поступавшую на его имя, а из газет приносили только правые. Однако о том, что такие телеграммы и письма идут в тюрьму, Дин был прекрасно

осведомлен – проговорился один из тюремщиков, который во время короткой встречи с Дином в тюремном коридоре раздраженно бросил:

– Как же нас достали твои защитники со своими письмами!

Эта фраза придала Дину дополнительных сил. Он понял, что его не забыли, о нем беспокоятся, его любят. И хотя он догадывался, что львиная доля посланий в его защиту написана под диктовку комсомольских или партийных функционеров, однако он искренне верил в то, что сделано это от чистого сердца, а не по разнарядке. Не думай он так, вряд ли бы согласился участвовать в этой акции, да и вообще давно бы бросил заниматься всей этой политикой. Он разделял точку зрения, что с противником надо бороться его же методами: тот бьет по тебе из всех своих пропагандистских орудий (а кампания картеровской администрации против нарушений прав человека в социалистических странах была не менее мощной), значит, и ты имеешь право отвечать ему тем же. И никто не может упрекнуть его в том, что это точка зрения несправедлива. Ведь на дворе тогда бушевала холодная война.

Между тем американская пресса достаточно скупо освещала это событие, поскольку не хотела делать лишнее паблисити борцу за мир. Лишь несколько газет периодически упоминали про арест Дина Рида, но без каких-либо подробностей. Так, «Миннеаполис стар» писала: «Поскольку Дин Рид широко известен в других странах, сообщение о его аресте вызвало протесты со стороны крупных общественных деятелей и даже правительства». Каковы были масштабы этого протеста, американская газета не сообщала.

Тем временем, чувствуя за собой поддержку своих друзей, Дин продолжал гнуть свою линию – не прекращал голодовку, соглашаясь принимать из рук тюремщиков только воду. То же самое делали и его сокамерники. Понимая, что сломить сопротивление заключенных не удастся, а насильственные действия только усугубят ситуацию, руководство тюрьмы стало торопить Министерство юстиции со скорейшим началом судебного процесса.

– Иначе они у меня здесь передохнут как мухи, – заявил начальник тюрьмы.

Во время пребывания Дина в буффалской тюрьме с ним произошел курьезный случай. Случился он на третий день заключения. В разгар дня, когда Дин вел неторопливую беседу с сокамерниками, внезапно включился динамик, и оттуда раздался властный голос:

– Эй, ты, Рид! Тут к нам приехал шериф со всей своей семьей, они хотят тебя послушать. Спой нам что-нибудь.

– С удовольствием, – ответил Дин и запел «Венсеремос».

Только прозвучало несколько первых строк гимна чилийских коммунистов, как динамик немедленно отключился.

Тем временем кампания в поддержку Дина Рида крепла и ширилась. После **5 ноября** советские газеты почти каждый день информировали своих читателей о развитии ситуации. Была к этому делу подключена и творческая интеллигенция, у которой к Дину Риду продолжало оставаться сложное отношение. Причем в последние годы это отношение еще больше ухудшилось, что объяснялось просто – дряхлели руководители страны, и каждый, кто им симпатизировал (а Дин хоть и не высказывался об этом вслух, но поступки совершал соответствующие), невольно навлекал на себя не только гнев, но и презрение со стороны либеральной интеллигенции. Причем удивительным было то, что многие из этих людей себе подобное поведение по отношению к власти позволяли, но другим в таком праве отказывали. Тем более американцу.

Однако реальность была такова, что почти никто из советских интеллигентов не боролся за мир столь бесстрашно, как это делал Дин Рид. Даже если представить себе, что делал он это из конъюнктурных соображений, все равно он был честнее своих критиков. Ведь за свои идеи он неоднократно рисковал жизнью, несколько раз попадал за решетку. А его критики предпочитали отстаивать свои убеждения в тылу, так сказать, в комфортабельных условиях.

О том, каковы были масштабы этой нелюбви к Дину Риду, можно судить по словам известного предпринимателя Вадима Туманова. Цитирую: «В один из вечеров мы с Володей Высоцким приехали к нему домой на Малую Грузинскую, зашли в квартиру, включили телевизор. На экране – известный тогда международный обозреватель. Володя смотрел-смотрел и говорит: „И где только они такие рожи находят?! Ну явно на лице – ложь“. Володя предложил мне сесть в другой комнате. Каждому предстояло составить список из ста фамилий – самых неприятных, на наш взгляд, людей. Первая четверть у нас совпадала, хотя порядок был разным, примерно семьдесят процентов фамилий у нас были одни и те же, а под четырнадцатым номером у нас с Володей был один и тот же человек – Дин Рид…»

Самое парадоксальное, что, несмотря на столь сильную антипатию к Дину Риду, оба его критика были… очень на него похожи. Оба были людьми из породы настоящих мужиков, авантюристами по складу своего характера. Например, Туманов прошел через ГУЛАГ и выжил там только благодаря своей

дерзости и бесстрашию. Высоцкий хоть и не был в сталинских лагерях, однако тоже знал, почем фунт лиха, – его внутреннее диссидентство давно уже вошло в поговорку. И вот надо же, троим в одной лодке этим людям было тесно.

Кто оказался прав в этом споре, показало время. Уверен, окажись Высоцкий в сегодняшней России, он наверняка бы ужаснулся тому, что произошло с его страной. Увидев нищих стариков, беспризорников и бомжей на улицах, посмотрев российское телевидение и почитав газеты, он вполне справедливо бы подумал: об этом ли мы мечтали в конце 70-х? И, задав себе подобный вопрос, он невольно задал бы и следующий: может, прав был Дин Рид, когда не боялся быть приверженцем социализма гораздо более яростным, чем вся советская творческая интеллигенция вместе взятая?

Однако вернемся к событиям ноября 78-го.

Когда сотрудники идеологического отдела ЦК КПСС попытались поднять творческую интеллигенцию на защиту Дина Рида, вышла загвоздка – таковых оказалось немного. Большая часть тех людей, к которым идеологи обратились с просьбой подписать петицию в защиту певца, ответили либо отказом, либо просто ушли от прямого ответа. В итоге эта прослойка поддержала Дина весьма скупо. Первыми это сделали руководители Союза композиторов СССР во главе с Тихоном Хренниковым, которые отправили в США письмо протеста практически сразу после того, как оттуда поступило сообщение об аресте Дина. Чуть позже к этой группе присоединилось еще несколько человек.

11 ноября в ряде советских газет было опубликовано открытое письмо президенту США Джимми Картеру с просьбой отпустить певца на свободу. Под этой петицией стояли подписи пяти человек: Майи Плисецкой, Максима Шостаковича, Игоря Ойстраха, Юрия Темирканова, Евгения Нестеренко. В письме говорилось следующее:

«Уважаемый г-н президент, с чувством глубокой тревоги узнали советские музыканты об аресте широко известного певца Дина Рида. Его имя хорошо знают в нашей стране. Мы высоко ценим его замечательное искусство, его выступления в защиту мира и социальной справедливости.

Вместе со всеми людьми доброй воли выражаем наше возмущение актом произвола, допущенного в отношении Дина Рида. Мы надеемся, господин президент, что вы окажете свое влияние с целью освобождения мужественного борца за права человека».

В тот же день, **11 ноября**, Дин Рид и его товарищи по

несчастью предстали перед судом присяжных в городе Буффало округа Райт, в штате Миннесота. Зал суда забит под завязку, причем среди людей, пришедших сюда, было много представителей прессы. В первый день прокурор штата Томас Прайс вел себя достаточно агрессивно, явно пытаясь склонить суд к жесткому решению. Однако на следующий день с ним произошла странная метаморфоза: он вдруг помягчел и даже перестал возражать с места, когда кто-то из подсудимых давал показания. Вот тогда многие в зале суда поняли, что дело идет к благополучной для подсудимых развязке.

Поворотным моментом стал день **13 ноября**, когда подсудимым разрешили выступить с речами в свою защиту. Самой длинной и эмоциональной речью стало выступление Дина, который готовился к этому чуть ли не всю ночь. Сказал он следующее:

– Ваша честь, господин судья, господа присяжные заседатели. Меня зовут Дин Рид. Я родился и вырос в штате Колорадо. Я американский гражданин. Я жил в Калифорнии, Аргентине, Чили, Перу, Мексике, Италии. В настоящее время я живу в Германской Демократической Республике. Некоторые люди пытаются сделать из этого вывод, что я человек посторонний. На самом деле я интернационалист, я верю, что все люди – одна большая семья. Какой же я посторонний? Так же, как и вы, я ем, по крайней мере, в нормальных условиях. Как же я могу быть равнодушным к судьбе фермеров, которые дают всем нам продукты питания? Честные люди не могут оставаться равнодушными к проблемам фермеров нашей страны.

В адрес губернатора штата Перпича и президента Картера поступили уже сотни телеграмм, авторы которых настаивают на нашем освобождении. Разрешите мне зачитать только одну из них, адресованную губернатору.

«Как гражданин Соединенных Штатов и член президиума объединения профессиональных актеров, я глубоко возмущен арестом известного в мире актера и певца Дина Рида и других граждан под мнимым предлогом незаконного вторжения на частную территорию, в то время как эти люди на самом деле участвовали в мирной демонстрации миннесотских фермеров. Мы теряем доверие во всем мире, когда постоянно твердим о защите прав человека и одновременно допускаем элементарное нарушение гражданских прав наших соотечественников, принявших участие в мирной, никому не угрожавшей акции.

Я призываю вас как губернатора одного из крупных штатов нашей страны употребить свое влияние, чтобы покончить с этим издевательством над принципами американской демократии и

немедленно освободить всех заключенных. Джон Рэндолф».

Меня обвиняют в противозаконном вступлении на территорию, но я заявляю, что не признаю этого обвинения. Я не должен защищаться, но я имею право обвинять. И я обвиняю крупные энергетические концерны в том, что они стремятся получить еще больше прибыли, когда создают новые линии высоковольтной передачи. Именно они нарушают закон, и не потому только, что отняли землю у фермеров Миннесоты, но еще и потому, что попрали при этом их человеческие права.

29 октября я пел для участников мирной демонстрации и нес плакат с надписью: «Власть – народу!» Меня арестовали. Гражданское неповиновение является священной американской традицией протеста против несправедливости, если никакие другие средства не помогают. Кто из нас не гордится теми американскими патриотами, которые выбросили в воду партию английского чая в ходе знаменитого «Бостонского чаепития», этого акта гражданского неповиновения, ставшего одной из славных страниц истории США. (Речь идет о событиях **15 декабря 1773 года**, когда несколько неизвестных пробрались на английские суда, стоявшие в порту Бостона, и выбросили в море 342 тюка с чаем. Таким образом неизвестные выразили акт протеста против установления Англией монополии на сбыт ее товаров в колониях. Этот случай послужил одним из поводов начала войны за независимость и образование США. – *Ф. Р.*).

Когда-нибудь американский народ будет с такой же гордостью вспоминать об актах протеста против диктата крупных концернов, загрязняющих окружающую среду; этим концернам их прибыли дороже людей. Именно в этом все дело: право крупных энергетических монополий получать прибыли угрожает человеческим правам фермеров.

Незадолго до ареста один фермер рассказал мне историю своего соседа, восьмидесятилетнего старика. Люди концерна пришли к нему и сказали: если он не продаст им участок, его конфискуют и все равно лишат земли. Напуганный старик продал свой участок, сразу потеряв все, что ему удавалось сохранять 80 долгих лет: жизнелюбие, смысл жизни, средства к существованию, жизненную активность.

Ваша честь, господин судья, господа присяжные заседатели! Миллионы людей от Южной Америки до Европы смотрят сейчас на вас и ждут, какой приговор вы вынесете: решите ли вы в пользу монополий и их прибылей или отдадите голоса за человеческие права фермеров и других граждан нашего государства.

Я надеюсь, что вы примете справедливое решение, я верю

вам. Ведь и я оказался здесь, так как я верю в справедливость, уважаю права фермеров и считаю себя обязанным выразить солидарность с ними.

Да, я жду, что вы примете справедливое решение и признаете невиновными меня и моих друзей.

Для меня было большой честью провести одиннадцатидневную голодовку протеста вместе с друзьями, которые сидят сейчас рядом со мной. Это хорошие, принципиальные люди, и мы все должны гордиться их мужеством и их уважительным отношением к правопорядку.

Власть – народу».

После речей подсудимых судья прервал заседание и объявил последний перерыв – для вынесения вердикта присяжными заседателями (среди них было трое мужчин и столько же женщин). Эта пауза длилась семь часов – с 16.00 до 23.00. Наконец присяжные вернулись в зал суда и вынесли свой вердикт: все обвиняемые невиновны.

В первом же своем заявлении по выходе из тюрьмы Дин выражает благодарность за международную поддержку, благодаря которой он и его товарищи оказались на свободе. И тут же добавляет: «Удвоим наши усилия, чтобы добиться освобождения Бена Чейвиса и других политических заключенных США». Речь шла о так называемой «уиллингтонской десятке»: десяти чернокожих, которых суд в Северной Каролине в **1972 году** осудил в общей сложности на 282 года тюрьмы за якобы поджог бакалейной лавки. На самом деле это была месть чернокожему активисту Бену Чейвису за его общественную деятельность. Самое интересное, что уже на следующий день после заявления Дина Министерство юстиции США оправдало «уиллингтонскую десятку».

Дин еще был в США, когда в Москву прилетела делегация Конгресса этой страны во главе с Абрахамом Рибиковым. **16 ноября** члены делегации встретились в Кремле с двумя членами Политбюро: Алексеем Косыгиным и Григорием Романовым (для последнего это была первая столь значительная международная встреча на высоком уровне). Когда американцы завели речь о нарушениях прав человека в Советском Союзе, Романов жестко оборвал гостей и заявил:

– Вы сначала разберитесь с правами человека у себя на родине. Только что в Америке был ни за что арестован известный борец за мир Дин Рид и выпущен на свободу только благодаря заступничеству мировой общественности.

Сенаторы с удивлением стали переглядываться друг с другом, поскольку ничего не знали ни о Дине Риде, ни о его аресте. Заметив это удивление, Романов сказал еще более жестким тоном:

– Вот видите, вы даже ничего не знаете о своем знаменитом соотечественнике, который является гордостью Америки. Зато вы наизусть выучили имена наших диссидентов, этих отщепенцев вроде Щаранского или Сахарова. Со всей ответственностью заявляем вам, что если вы и впредь будете педалировать тему нарушений прав человека у нас в стране, то ни о каком конструктивном диалоге речи быть не может.

Американцы были сильно удивлены поведением Романова, которого они до этого почему-то считали фигурой малозначимой в Политбюро. Им казалось, что этот самый молодой представитель кремлевского ареопага еще не дорос до того, чтобы вести себя подобным образом в присутствии куда более влиятельного Косыгина. Именно поэтому, когда сенаторы вернутся на родину и поведают об этом визите журналистам, в американской прессе тут же появится версия о том, что Романов готовится занять кресло Косыгина, а потом, возможно, сменит и самого Брежнева.

В ГДР Дин вернулся **19 ноября** в ореоле героя. Стараниями руководства Союза свободной немецкой молодежи в аэропорту были собраны тысячи молодых людей, которые устроили Дину торжественную встречу с транспарантами, флагами и музыкой. На митинге, который был устроен тут же, Дин выступил с речью, в которой выразил благодарность всем людям, которые откликнулись на его арест и все дни его пребывания в тюрьме слали ему туда телеграммы поддержки.

– Пока мы едины – мы непобедимы! – провозгласил в заключение своей пламенной речи Дин.

Между тем это был не последний митинг с участием Дина, который прошел в те дни. Идеологический аппарат Восточной Германии хотел извлечь максимум выгоды из этой эпопеи, и поэтому Дину пришлось изрядно попотеть. Так, **21 ноября** он принял участие в митинге в школе имени Вильгельма Пика в Богензее, а пять дней спустя отметился в Дне солидарности, который проходил в восточноберлинском «Палас дер Републик».

В эти же дни у Дина случился конфликт со «Штази». Поводом к нему послужило то, что сотрудники восточногерманской госбезопасности попытались уговорить Дина стать их человеком в окружении Арафата. При этом мотив был выдвинут следующий. В середине **ноября** в Вашингтоне расстроились египетско-

израильские переговоры, после чего у Москвы и Восточного Берлина появилась реальная возможность перехватить инициативу у США и попытаться уговорить Арафата сесть за стол переговоров с Бегином. Но для того чтобы это сделать, необходима была вся информация о том, что происходит в стане лидера ООП. У «Штази» и КГБ, конечно, были свои люди возле Арафата, однако лишние уши, как говорится, никогда не помешают. Вот Дину, который периодически общался с лидером ООП, и было предложено стать такими «ушами». Почему в «Штази» решили, что Дин согласится стать их осведомителем и будет подглядывать и подслушивать за своим другом Арафатом, непонятно. Может, подумали, что раз он согласился участвовать в операции «Бумеранг», то теперь не откажет и в этой просьбе? Однако Дин отказал, причем в самой категоричной форме. После чего отправился к Хонеккеру и пожаловался ему на агентов «Штази».

– У них хватает наглости предлагать мне стать осведомителем и доносить на своего друга, – негодовал Дин.

Но Хонеккер не разделил эту точку зрения. Судя по всему, он был в курсе этой инициативы «Штази», поэтому попытался успокоить Дина.

– Ты, наверное, неправильно понял людей Мильке, – стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче, произнес Хонеккер. – У нас и без того достаточно источников, которые могут держать нас в курсе того, что творится в ООП. Просто Арафат очень хорошо к тебе относится, и ты мог бы стать нашим главным связующим звеном с ним. Это очень важно именно сейчас, когда американцы затеяли эти сепаратные переговоры в Кэмп-Дэвиде.

– Я прекрасно осведомлен о том, что происходит на Ближнем Востоке, но это не повод для того, чтобы предлагать мне стать осведомителем, – продолжал негодовать Дин. – Я готов сотрудничать со «Штази», но только по добровольному согласию. Мы все делаем одно дело, но я не собираюсь становиться штатным агентом госбезопасности. Я свободный человек и никакого диктата над собой не потерплю. Если я узнаю что-то ценное, я и без того расскажу вам об этом. Но сделаю это по велению моей совести, а не потому, что от меня этого требуют агенты «Штази». Поэтому я прошу тебя, Эрих, оградить меня от назойливого внимания сотрудников госбезопасности.

Выслушав эту пылкую речь, Хонеккер окончательно понял, что никакие аргументы не сумеют переубедить его собеседника. Поэтому глава СЕПГ не стал больше отнимать время ни у себя, ни у Дина и твердо пообещал гостю, что больше никакого давления на него со стороны «Штази» не будет. Слово свое Хонеккер

сдержит.

В конце месяца Дин отправился в Лейпциг, где **29 ноября** начал свою работу XXI Международный фестиваль документального кино. Там его застало сообщение, что по советскому телевидению прошла премьера его фильма «Эль Кантор» (**3 декабря**). Сделано это было не случайно, а исключительно в целях продолжения той кампании вокруг Дина Рида, которая началась в конце октября.

Между тем в конкурсе лейпцигского фестиваля было представлено 75 картин. Дин пересмотрел, наверное, большую половину из них, при этом успев поучаствовать и в ряде других мероприятий. В частности, на специальной пресс-конференции он рассказал о своей недавней поездке в США и о том, как на его родине прошла премьера «Эль Кантора».

Из фильмов, которые Дину понравились больше всего, стоит отметить ленту «День земли», которую снял режиссер Г. Шаат из ООП, кубинскую «55 братьев» и советскую «Тихие американцы», которая представляла собой весьма зрелищное кино о том, как ЦРУ работает на территории Советского Союза. Стоит отметить, что КГБ едва не забраковал этот фильм, однако личное заступничество Андропова помогло ему не только выйти на экраны страны (премьера по ТВ прошла **25 июля 1978 года**), но и отправиться на фестиваль в Лейпциг. Вот как эту историю описывает непосредственный свидетель событий бывший чекист Олег Калугин:

«В 1978 году Центральная киностудия документальных фильмов с участием внешней контрразведки создала фильм „Тихие американцы“, показывавший ЦРУ в самом неблагоприятном свете. До выхода на экран презентация фильма руководству КГБ была поручена мне. В малом просмотровом зале на Лубянке собрались зампреды, начальники главков. После демонстрации посыпались упреки и замечания: почему президент Картер показан как простой симпатичный человек? Почему директор ЦРУ Тернер выглядит эдаким добряком и скромником? Зачем показывать на экране, как в телефонную трубку закладывается „жучок“ для подслушивания? Наши граждане начнут развинчивать все телефонные аппараты. Почему ЦРУ преподносится как богатая организация, щедро оплачивающая своих агентов? Это может вызвать у граждан ненужный соблазн. Общий вывод: фильм нуждается в серьезной доработке. Его пропагандистский накал слаб, хотя текст Генриха Боровика вполне пригоден.

Слушая своих старших коллег, я приходил в тихий ужас. Эти люди в лучшем случае не понимали особенностей документального жанра. О другом думать не хотелось, спорить тоже. Понуро я выходил из зала. Неужели вся работа насмарку? Неожиданно при выходе я столкнулся с помощником Андропова Игорем Синицыным. Он отозвал меня в сторону и негромко сказал: «Председатель видел этот фильм, и он ему понравился. Пускайте на экран». Вскоре состоялась премьера фильма…»

Кстати, фильм «Тихие американцы», который был снят режиссерским тандемом в лице Л. Махнача и Е. Вермишевой, был удостоен в Лейпциге «Серебряного голубя». Остальные награды закончившегося **5 декабря** фестиваля распределились следующим образом. Главного приза – «Золотого голубя» – были удостоены следующие картины: «Паранджа» (СССР; М. Каюмов), «День земли» (Организация освобождения Палестины; Г. Шаат), «Никарагуа, сентябрь 1978» (Нидерланды; Ф. Диамонд). Госкиноархив ГДР был награжден главным призом за ретроспективу мультфильмов социалистических стран.

«Серебряные голуби» достались следующим картинам: «Тихие американцы» (СССР; Л. Махнач, Е. Вермишева), «Долорес в Бильбао» (Испания), «Портрет Камило» (Колумбия; К. Альварес), «Контроль над интересами» (США; Л. Эделман), «Это оружие» (Мозамбик), «55 братьев» (Куба) и др.

Специальная премия жюри была присуждена ленте бельгийского режиссера Л. Шаголла «Именем фюрера».

Вернувшись в Восточный Берлин, Дин отдохнул пару дней, после чего вновь с головой ушел в работу. На этот раз ему

предстояло в течение двух недель объездить с концертами 20 городов ГДР. Турне получилось весьма успешным, чему в немалой степени способствовали события месячной давности, когда Дин угодил в американскую тюрьму. Тысячи молодых людей ломились на концерты Дина, желая собственными глазами увидеть того, о ком так много писали газеты и трубило телевидение. Кстати, не забыло оно Дина Рида и в этот раз: **16 декабря** он выступил в одной из телепередач восточногерманского ТВ.

Наступление нового, **1979 года** Дин встретил в Москве, куда он приехал сразу после окончания гастролей в ГДР. Приезд Дина совпал с небывалыми морозами, которые случились в Советском Союзе в те дни. В столице, к примеру, столбики термометров опустились до минус сорока градусов, а по области было и все сорок пять. Большинство ртутных термометров замерзли и остановились. Во многих домах вышли из строя отопительные системы, и людям приходилось не только передвигаться по квартирам в пальто и шубах, но даже спать в них. Во многих местах люди высыпали на улицу и принимались жечь костры, чтобы хоть как-то согреться. Короче, это было серьезное испытание для москвичей. Как сообщали газеты, за прошедшие 100 лет это были самые сильные холода в столице, и холод этот был вызван вторжением на материк очень холодного воздуха с Атлантики.

Дин, который ничего подобного в жизни не переживал, вынужден был приспосабливаться к ситуации вместе с москвичами. В какой-то момент он даже пожалел, что приехал в Москву в столь неподходящее время. Однако делать было нечего: надо было терпеть, поскольку это была не праздная, а деловая поездка – Дину предстояло выступить в Москве с несколькими концертами. И Дин терпел. Хотя обстановка в городе была тревожной.

Сразу после Нового года по городу поползли слухи, что в ближайшие дни морозы достигнут отметки в минус 50 градусов. Телефоны большинства редакций центральных газет в те дни буквально разрывались от звонков: люди в панике вопрошали: неужели это правда? Чтобы успокоить людей, газеты выступили с опровержением ложных слухов. Так, **5 января** в «Комсомольской правде» сообщалось, что вчера температура в Москве была божеской – всего-то 18 градусов холода. В ближайшие дни, обещала газета, хоть и будет наблюдаться понижение температуры, но не до жутких 50 градусов, а всего до 19–24. Так что не надо паники. Далее сообщалось, что в буржуазной Европе людям тоже несладко приходится: в Лондоне, например, из-за

холодов парализован аэропорт Хитроу.

В эти самые дни, когда мороз заметно спал, Дин выступал с концертами. Это были не те привычные выступления, которые он давал в Советском Союзе до этого, а концерты для детей. Для этой части советской аудитории Дин Рид по-прежнему оставался одним из самых любимых зарубежных артистов, тогда как у более старшей публики появились уже иные кумиры: Джо Дассен, Демис Руссос, «АББА» и «Бони М» (последние посетили Москву с концертами аккурат перед приездом Дина – **7—10 декабря 1978 года**).

8—12 января Дин принял участие в новогодней елке в Кремле, где не только спел несколько песен, но также водил хороводы с детьми. Дети общались с Дином с нескрываемым восторгом. Он тоже был счастлив, о чем наглядно говорят многочисленные фотографии, сделанные в те дни. На одной из них Дин запечатлен в фойе Кремлевского Дворца съездов у новогодней елки в окружении детей. Дети стоят вокруг Дина, а остальные сгрудились наверху, на лестнице, и с восторгом взирают на то, как знаменитый американец отплясывает вместе со всеми какой-то танец, взявшись за руки. На лицах всех участников этого действа изображено неподдельное счастье, а сам Дин, с пионерским галстуком на шее, смеется сильнее всех.

9 января Дин дал концерт во Дворце пионеров на Ленинских горах, а вечером **12 января** выступил в кинотеатре «Энтузиаст». Затем он вернулся в Восточную Германию, где по сравнению с Советским Союзом была жара – всего-то минус пять градусов, и здесь дал еще один концерт в городе Хетсштадте.

В это же время Дин приступил к работе над очередным своим сценарием, который он намеревался экранизировать как режиссер. На этот раз это была музыкальная комедия-вестерн. Обращение к этому жанру было для Дина не случайным. После «Эль Кантора» и особенно после неудачи с фильмом «Телль-Заатар» он решил отдохнуть от политики и снять легкое, развлекательное кино. Ему хотелось, чтобы зрители ассоциировали его имя не только с политической деятельностью, но и вспомнили, что он еще умеет просто веселить людей.

Идея этого фильма давно оформилась в голове Дина. Снимать картину он собирался со своим чехословацким другом – актером Вацлавом Некаром (ему предназначалась вторая главная роль). Сценарий фильма под названием «Ковбои» Дин специально отправился писать на небольшой рыбацкий остров в Северном море, чтобы никто не смог отвлечь его от работы. Те дни Дин запомнил как одни из лучших в его жизни за последние несколько лет. Целый день он писал, сидя у окна, выходившего на

море, а вечером гулял по берегу, вдыхая свежий морской воздух. В такие минуты он не думал ни о политике, ни о гастролях – он просто наслаждался жизнью. «Когда-нибудь я куплю себе на таком вот острове небольшой уютный домик и буду целыми днями наслаждаться жизнью», – думал Дин, бродя по берегу. Он не знал, что этим мечтам так и не суждено будет осуществиться.

Почти три недели Дин находился на острове, после чего вернулся на материк. Это была вынужденная поездка: **2–5 февраля** Дин принял участие в сессии Всемирного совета мира, которая прошла в Восточном Берлине. В последний день работы сессии Дин вышел на трибуну с гитарой в руках, в своей неизменной белой водолазке и спел вместе с залом «Венсеремос».

Сразу после сессии Дин отправился в город Карл-Маркс-Штадт, где приступил к съемкам очередного выпуска телевизионной передачи «Человек из Колорадо», в которой он был не только автором, но также ведущим и одним из исполнителей. Тот выпуск был знаменателен тем, что в нем принял участие друг молодости Дина американский певец Фил Эверли из знаменитого дуэта «Братья Эверли» (в конце 50-х этот дуэт конкурировал с самим Элвисом Пресли). Кроме Эверли в программе также участвовали венгерская певица Кати Ковач, секстет Ахима Менцеля из Восточного Берлина, певица Герда Габриель и музыкант Штефан Дистельман (для двух последних это был дебют на телевидении). Сам Дин не только был ведущим, но и спел несколько песен в стиле кантри, а также выступил дуэтом с Кати Ковач и с Ахимом Менцелем.

В эти же дни в ГДР вышел диск-гигант Дина «Моя песня для тебя», который был перепечаткой с чехословацкого диска студии «Супрафон». Чуть позже эта же пластинка выйдет и в Советском Союзе.

28 февраля Дин выступил в восточноберлинском кинотеатре «Вавилон», а в начале **марта** дал концерт в 15-й средней школе в восточноберлинском районе Шмоквиц. Концерт был бесплатным, поскольку это было правило Дина – для детей он всегда выступал бескорыстно. **10–18 марта** Дин выступил в ревю «Алекс Буммель» в «Палас дер Републик» в Восточном Берлине. А с **19 марта** у Дина началось самое большое его концертное турне по ГДР – по 58 городам.

На всех концертах были неизменные аншлаги, правда, публика была весьма неоднородна. Молодежь составляла меньшую половину зала, а подавляющая часть зрителей относилась к взрослому населению. Это неудивительно: большинство молодежи ГДР в те годы уже вовсю слушали западных исполнителей, а Дин Рид в их число не входил. Он хоть

и был американцем, однако считался своим, тем более на нем лежала печать «проклятого» – он служил власти, что молодая публика воспринимала крайне негативно. В их понимании настоящий артист должен был быть аполитичен. Кстати, сам Дин прекрасно знал об этом и даже делал попытки переломить ситуацию – переманить молодежь к себе. Для этого в конце 70-х он специально включил в свой репертуар песни «Битлз»: «Hard days night», «Yesterday», «Can't buy me love», «Michelle», «Yellow Submarine». Однако это мало помогло: манера исполнения этих песен Дином Ридом не ложилась на слух продвинутой молодежи, которая считала подобное исполнение устаревшим. Ведь в те годы в моде было «диско», а Дин пел свои песни под обычную семиструнную гитару и без спецэффектов в виде цветомузыки. Поэтому люди старшего возраста охотно шли на концерты Дина, а вот молодежь в большинстве своем их игнорировала.

Та же история случилась и во время следующих гастролей Дина – в Чехословакии, куда он отправился в **апреле**. Там тоже подавляющую часть зрителей на его концертах составляли люди среднего и пожилого возраста. Именно тогда Дин впервые всерьез задумался над тем, что годы берут свое: молодая аудитория считает его неким «динозавром», несмотря на то что внешне Дин продолжал выглядеть блестяще – он лихо отплясывал рок-н-роллы на концертах, многие его песни были по-настоящему энергичны. Однако стиль его исполнения явно отставал от музыкальной моды тех лет, и это отставание с каждым годом, судя по всему, должно было только увеличиваться.

Вернувшись на свою вторую родину, в ГДР, Дин продолжил работу над сценарием «Ковбои». Затем, в **мае**, прервал работу и отправился с коротким визитом в Венгрию. Там **21 мая** он выступил на грандиозном митинге солидарности с Чили на «Непштадионе»: в присутствии 70 тысяч человек Дин спел несколько песен, в том числе «Венсеремос».

По возвращении в ГДР Дина вновь ждала насыщенная работа. **1 июня** он выступил на молодежном фестивале в Восточном Берлине, на следующий день принял участие сразу в двух мероприятиях: в концерте на Александр-плац и на детском фестивале в Культурпарке. **3 июня** Дин выступил в телевизионной передаче восточногерманского ТВ.

На эти же дни выпало знаменательное событие – советско-американские переговоры в Вене. Они прошли **15–18 июня** и стали важной вехой в мировой политике, поскольку до этого все время своего пребывания в Белом доме президент США Джимми Картер игнорировал советско-американские встречи на высшем уровне (вместо него на разных встречах отдувался госсекретарь

Сайрус Вэнс). Однако к лету 79-го в Белом доме пришли к мнению, что лучше взаимная сдержанность, чем авантюрные попытки достичь стратегического превосходства. Вот почему Картер прилетел в Вену и подписал договор ОСВ-2, который определял количество носителей стратегического оружия для обеих сторон.

Дин следил за ходом этих переговоров, причем специально делал это не только по газетам, но и смотря новости по ТВ. Ему хотелось воочию убедиться, в каком состоянии находится Леонид Брежнев, о котором даже в ГДР ходили упорные слухи, что он уже чуть ли не при смерти. Слухи оказались преувеличенными, хотя выглядел советский генсек и в самом деле неважно. На фоне подтянутого и лучезарно улыбающегося Картера советский лидер представал грузным стариком с шаркающей походкой. И хотя кадры, где показывали Брежнева, длились недолго (это делалось специально), однако не заметить неважного состояния генсека было все равно невозможно. Поэтому Дин вполне поверил рассказам о том, что Вена советской стороной была выбрана не случайно: до Вашингтона Брежнев долететь был уже не в состоянии.

Чуть позже, уже после венского саммита, Дин общался с живым свидетелем этого события – немецким тележурналистом Герхардом. И тот живописал ему свои впечатления от встречи с Брежневым:

– Советский лидер совсем плох. Говорит только по бумажке, двигается с трудом при помощи двух своих телохранителей. А когда в последний день, на аэродроме, Брежневу предстояло одному пройтись по красной ковровой дорожке к трапу самолета, мы все только и гадали: упадет или не упадет. Как ни странно, но он не упал. Но ты бы видел, с каким трудом ему дается каждый его шаг.

Этот рассказ произвел на Дина удручающее впечатление. Он сразу вспомнил свой прошлогодний разговор с Юрием Купцовым и его грустные выводы по поводу Брежнева. Потом Дин и сам воочию наблюдал генсека на трибуне комсомольского съезда и имел возможность убедиться в правоте своего друга. Однако тогда ему казалось, что благоразумие все-таки восторжествует у советских руководителей и они не станут долго мучить старого и явно больного лидера. Однако с той поры минуло больше года, а воз и ныне там: Брежнев по-прежнему руководил страной и даже не боялся выезжать за границу.

В **июле** Дин снова возобновил работу над «Ковбоями» и потрудился весьма плодотворно – сумел закончить сценарий. На его взгляд, получилась весьма неплохая комедия: о том, как два

ковбоя и маленькая девочка путешествуют по Дикому Западу и, попадая в разные передряги, с честью из них выходят. Специально для фильма Дин написал и несколько песен, которые собирался исполнить сам от лица главного героя.

Однако до съемок фильма было еще далеко, а пока вниманием Дина вновь завладела Латинская Америка, где за короткое время произошли судьбоносные события: в двух тамошних государствах произошли народные революции. Сначала это случилось в маленькой островной стране Гренаде (площадь 344 кв. км, население 110 тысяч человек). **13 марта 1979 года** власть там захватила группа революционеров во главе с Морисом Бишопом, поддержанная населением. На острове начались преобразования. Ведущие позиции в экономике занял государственный сектор, получила развитие производственная кооперация в сельском хозяйстве, росло производство, проводились широкие социальные мероприятия, ликвидировалась неграмотность. Гренада вступила в Движение неприсоединения, установила сотрудничество с западноевропейскими странами, а также с Кубой и Советским Союзом.

Еще одна народная революция случилась в Никарагуа. Там **19 июля 1979 года** бойцы Сандинистского фронта национального освобождения (назван в честь Сандино – руководителя партизанской войны против американской интервенции в 1927–1933 годах) низвергли диктатуру Анастасио Сомосы, который правил страной с **1967 года**. Власть в Никарагуа перешла к Правительству национального возрождения. Оно провозгласило курс на создание демократического плюралистического общества с сосуществованием государственной, кооперативной, частной и смешанных форм собственности в сфере экономики. Декретом от **20 июля** было экспроприировано имущество клана Сомосы и на этой основе создан государственный сектор. Были национализированы банковская система, транспорт, энергетика, внешняя торговля. Никарагуа установила дипломатические отношения с соседней Кубой, Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Эти события чрезвычайно взволновали Дина, который был уверен, что они станут предвестниками скорых революционных изменений во всей Латинской Америке. Но особенно Дин переживал за Чили, где у власти по-прежнему оставался Пиночет и его хунта. Дин продолжал встречаться с чилийскими коммунистами, ведущими подпольную борьбу с пиночетовским режимом, и поэтому был в курсе самых последних событий в этой стране. После широкомасштабных репрессий, предпринятых

пиночетовским режимом в **1976 году** (тогда хунтой были уничтожены сразу три подпольных руководящих центра компартии), левые силы долго не могли оправиться. И только два года спустя наметились признаки активизации рабочего движения и нелегальной деятельности левых партий, первой из которых восстановила свою подпольную структуру компартия (во многом благодаря помощи соцстран в лице ГДР, ЧССР, Болгарии, Советского Союза, а также Кубы).

В самом конце **июля** Дин вновь отправился в Советский Союз, где ему предстояли необычные гастроли – по Байкало-Амурской магистрали. Как мы помним, в первый раз Дин должен был выступить там в **феврале 1974 года**, но тогда из этой затеи ничего не вышло – произошла досадная накладка, которая сорвала выступление Дина. На этот раз ничего подобного случиться не могло – Дин должен был совершить целое гастрольное турне по большому участку БАМа в рамках фестиваля «Огни магистрали» (этот музыкальный фестиваль стал проводиться несколько лет назад). Кроме этого, Дин собирался посетить Московский международный кинофестиваль, который должен был проходить аккурат в те самые дни, когда завершится его турне по БАМу.

В Москве Дин пробыл несколько дней, причем впервые жил не в своей любимой гостинице «Украина», не в «России», а в гостинице «Юность». **2 августа** в ее конференц-зале Дин дал пресс-конференцию для советских журналистов, где рассказал о своих ближайших планах. Он сообщил, что вскоре отправится на БАМ, а пока репетирует концертную программу с популярным вокально-инструментальным ансамблем из Белоруссии «Верасы».

Этот коллектив появился на свет в начале 70-х. В **1974 году** он стал лауреатом 5-го Всесоюзного конкурса артистов эстрады в Москве, после чего начались его успешные выступления на международных конкурсах. Так, в **1975** и **1977 годах** «Верасы» участвовали в конкурсе политической песни в Финляндии, а в **1976 году** выступили на фестивале «Алый мак» в болгарском городе Благоевграде. Именно там они и встретились с Дином Ридом, который был приглашен на тот фестиваль в качестве почетного гостя. Будучи покорен выступлением «Верасов», Дин нашел их руководителя Василия Раинчика и лично выразил ему свое восхищение. А когда фестиваль закончился, Дин и Раинчик дали друг другу слово продолжить знакомство уже на концертной эстраде во время совместных гастролей в Советском Союзе. Этого случая пришлось ждать несколько лет. И когда в начале 79-го Дин договаривался в ЦК ВЛКСМ о своих гастролях по БАМу, он вспомнил о Раинчике и пожелал, чтобы в этой поездке в качестве

аккомпанирующего коллектива у него выступали именно «Верасы».

4 августа в компании с «Верасами», артисткой из Узбекистана Ларисой Кандаловой, переводчиком Олегом Смирновым и группой документалистов из телевизионного объединения «Экран», которые должны были запечатлеть это турне Дина на пленку и сделать документальный фильм, Дин вылетел в Иркутск. Когда прилетели, на аэродроме их встретили представители обкома комсомола и отвезли в гостиницу. Затем Дин отправился в экскурсию по городу: в частности, возложил цветы к Вечному огню у мемориала сибирякам, погибшим в Великую Отечественную войну.

После этого Дин нанес визит в обком партии, где его принял заведующий отделом зарубежных связей Борис Недашковский. Разговор носил скорее официальный характер, чем дружеский. Хозяин кабинета рассказ об истории БАМа, о том, что эта ударная комсомольская стройка сумела мобилизовать тысячи молодых советских людей. Дин все это прекрасно знал, хотя знал и другое – что к концу 70-х этот энтузиазм уже заметно поубавился. Юрий Купцов, который весной 74-го от ЦК ВЛКСМ был в первом бамовском десанте, рассказывал ему, что это было грандиозное событие: бамовцев провожали как героев. О них писали в газетах, показывали по телевидению, слагали песни и стихи.

– И они заслуживали это, – с гордостью говорил Юрий. – Ведь условия для работы у первых бамовцев были ужасные. На улице мороз минус 60 градусов, а они жили в палатках, которые обогревались только маленькими печками-«буржуйками». Утром они просыпались с волосами, покрытыми инеем, а потом весь день работали – рубили вековую тайгу бензопилами «Дружба». Они были героями, хотя бардака тогда тоже хватало. Часть ценнейшего леса приходилось сжигать, потому что с ним некогда было возиться – надо было сдавать участки трассы к юбилейным датам: то к дню рождения Ленина, то к майским праздникам. И тогда столько леса пропало, что вспоминать стыдно. Мы в Москве знали об этом, но поделать ничего не могли – отчетность была прежде всего. Я помню, в те дни японцы обратились к нам с просьбой продать им вырубленный лес, причем обещали увезти все сами. Но мы не дали им ни щепки – не хотели помогать капиталистам.

– А много ли платят людям, которые едут на БАМ? – поинтересовался Дин.

– Намекаешь на то, что их гонит туда корысть? Не спорю, много там и таких, кто едет прежде всего за «длинным рублем». Есть у нас одна хорошая песня из 60-х про романтиков, которые

едут в тайгу «за туманом и за запахом тайги». Правда, хорошая метафора? Так вот сегодняшние циники поют ее уже иначе: «А я еду за деньгами, за туманом едут только дураки». На БАМе и в самом деле хорошо платят: по 500–700 рублей, в то время как средняя зарплата по Союзу составляет 120 рублей. Плюс еще там выдают талоны на разный дефицит: автомобили, мебель, ковры. Однако не стоит думать, что корысть – главная составляющая этой грандиозной стройки. На ней все равно далеко не уедешь, поскольку условия работы там по-настоящему тяжелые: люди вкалывают с утра до ночи как проклятые. И те, кто приезжает туда исключительно за деньгами, выдерживают от силы месяц или два.

В течение всех этих лет, пока шло строительство, наша пропаганда не оставляла БАМ своим вниманием – регулярно оповещала народ о каждом пройденном километре, – продолжал свой рассказ Юрий. – И хотя восторженных эпитетов при этом не жалелось, однако с каждым годом реакция народа на эти события становилась все хуже и хуже. Изменилась ситуация в стране, и трудовые подвиги бамовцев – впрочем, как и любых других строителей, работавших на «ударных стройках коммунизма», – уже не вдохновляли людей на подвиги. А все потому, что слишком разителен контраст: во главе страны стоят немощные старцы, а все плакаты и транспаранты призывают страну идти вперед. Вперед куда – за старцами?

Дин слушал монолог Юрия и испытывал такие же смешанные чувства, что и он. Ему было радостно от того, что в этой великой стране все-таки находятся тысячи молодых людей, которые готовы ехать за тридевять земель и рубить вековой лес в тяжелейших погодных и бытовых условиях, и в то же время было грустно, что руководство страны так бездарно разбазаривает их героический энтузиазм. И своей поездкой Дин собирался отдать дань уважения именно бамовцам, а не кремлевским руководителям, как считали многие его недоброжелатели. «Опять этот американец решил выеб….я!» – злословила творческая интеллигенция Советского Союза, которая в конце 70-х ни на какие БАМы уже не ездила, а просиживала штаны на своих кухнях в яростных спорах о пользе «самиздата» и той фиги в кармане, которую она регулярно показывала советской власти.

После посещения обкома Дина специально свозили на берег озера Байкал, чтобы он смог воочию увидеть красоту и величие этих мест. Увиденное Дина и в самом деле покорило – таких красот природы он нигде еще не видел.

На следующий день Дин дал концерт в иркутском Дворце спорта. Зал набился битком, причем люди стояли даже в

проходах. Несмотря на то что в те годы в Советском Союзе уже вовсю властвовали другие кумиры в музыке – Джо Дассен, «АББА» и «Бони М» со «Смоками» – однако здесь, в глубинке, Дин Рид по-прежнему оставался не менее желанным гостем, чем все перечисленные выше исполнители. Поэтому первое, что сделали иркутяне, когда Дин вышел на сцену, – завалили его букетами цветов.

Тронутый этими проявлениями любви и уважения к себе до глубины души, Дин сказал в микрофон: «Я боюсь, что в иркутских садах не осталось цветов – все принесли сюда. Цветы – это символ любви. Благодарю вас за них, благодарю за ту солидарность, которую вы оказали мне, когда я находился в тюрьме». После этих слов зал разразился громом аплодисментов, которые не смолкали в течение нескольких минут. Поэтому концерт начался с некоторым опозданием. Помимо Дина в нем участвовали «Верасы» и певица Лариса Кандалова. Стоит отметить, что Дин Рид оказался первым американским артистом, который выступил с концертами на Дальнем Востоке. Впрочем, он был первым не только в этом: более десяти лет назад он стал первым американцем, который спел рок-н-роллы в СССР, а в конце 70-х он станет первым и в другом деле – станет лауреатом премии Ленинского комсомола. Однако не будем забегать вперед.

7 августа Дин продолжил ознакомительные поездки по окрестностям: он побывал у строителей интернациональной стройки СЭВ – Усть-Илимского ЛПК. Там он полдня общался со строителями, после чего дал для них концерт.

Из Иркутска Дин поездом отправился в путешествие по БАМу. Поезд был литерный и принадлежал начальнику магистрали. В нем было всего три вагона: в первом ехали журналисты, второй был спальным, а в третьем были складированы продукты, причем дефицитные: икра, красная рыба, экспортная водка с винтовой пробкой и другие деликатесы.

Надо отдать должное Дину, он вел себя скромно: в то время как некоторые сопровождающие его лица вместе с журналистами всю дорогу пировали, он хоть и участвовал в застольях, однако пил мало и быстро уходил к себе, чтобы, как он говорил, «порепетировать» (на самом деле он любил понаблюдать из окна на проплывающие мимо пейзажи). А посмотреть было на что. Лето в те дни выдалось короткое, но жаркое. Луга и леса, покрытые большую часть года снегом и льдом, теперь переживали период буйного цветения. Зелень березовой листвы сочна как нигде, трава по берегам выше человеческого роста, цветы дурманят своим запахом. Короче, благодать, да и только. Вот этой благодатью и наслаждался Дин. Тем более что поезд по трассе

шел медленно – рельсы только проложили.

Однажды, когда Дин в очередной раз стоял у окна и наблюдал за пейзажем, он увидел картину, которая поразила его не менее сильно, чем местные красоты. Он увидел, как по тайге медленно идет человек в рваной телогрейке и треухе. И это в тридцатиградусную жару! Пораженный этой картиной, Дин обернулся за объяснениями к своему переводчику Олегу Смирнову. Тот в ответ грустно резюмировал:

– Это же места, где раньше были сплошные лагеря. Перед нами типичный зэк – то есть заключенный. Судя по всему, у него пожизненный срок. Такие весной убегают, все лето в тайге скрываются, а зимой возвращаются обратно на зону.

Приехав на Западный участок БАМа, Дин дал там концерт прямо под открытым небом – на импровизированной площадке. Народу на концерт пришло несколько тысяч человек – практически все строители с этого участка трассы. Ничего подобного в жизни Дина еще не было – ведь до этого он всегда выступал только в залах, а здесь пришлось играть под палящим солнцем в присутствии огромной аудитории. Нечто вроде знаменитого Вудстока.

Кстати, это было не единственное новшество Дина во время тех гастролей. Также он впервые в жизни пел песни, стоя… на крыше литерного поезда, а его в это время с вертолета снимали на пленку документалисты телевизионного творческого объединения «Экран» (этот эпизод станет одним из самых эффектных в будущем документальном фильме о пребывании Дина Рида на БАМе «Я желаю вам счастья»).

После Западного Дин побывал на Бурятском участке БАМа. Затем по плану стоял Центральный участок, а именно – столица БАМа город Тында. Однако Дин попал туда не сразу. В течение двух дней стояла нелетная погода и вертолетчики не имели возможности взлететь. И только когда распогодилось, поездка Дина по БАМу продолжилась.

На эвенкийском языке слово «тында» означало место, где перепрягают оленей. Именно этим делом здесь до революции и занимались, так как место для этого было удобное – здесь не дули ветры, поскольку тракт в Якутию шел поперек распадка. И три первых дома в Тынде построили тоже поперек. А потом стали строить как придется, из-за чего город в скором времени стал похож на столицу ветров. Поскольку город строили в основном москвичи, дома в нем были похожи на столичные, из «спальных» районов. Однако бараки были – как по всему БАМу. Кстати, в **1974 году**, когда возобновили строительство БАМа, ударный отряд комсомольцев разделился на две группы: первая начала

стройку из Усть-Кута, другая – из Тынды. И к **лету 1979 года** строители прошли уже половину пути навстречу друг к другу (стыковка случится через пять лет – в **1984 году**).

В Тынде Дина встречало все руководство города во главе с женщиной-мэром. Во время разговора с последней произошел курьезный случай. Дин поинтересовался у мэрши, чем знаменит ее город, и она, начав за здравие – с рассказа о победе в социалистическом соревновании, о трудовом энтузиазме тындинцев, закончила свою речь «за упокой»:

– В нашей стране мы держим первое место по сифилису и гонорее.

Переводчик Олег Смирнов, услышав последнюю фразу, был в шоке, не зная, что делать: переводить ее Дину или нет. Наконец он решил, что не стоит портить гостю настроение, и перевел слова мэрши следующим образом: дескать, в городе имеются определенные проблемы в здравоохранении.

В Тынде Дин дал концерт под крышей – в Доме культуры «Юность». Вот как описывает это Ханс Дитер Брайер: «Все места в Доме культуры, новеньком, как и все в этом новом городе, возникшем у железной дороги, которая пройдет на 3100 километров от Усть-Кута до Комсомольска-на-Амуре, давно проданы. Но все равно у входа толпятся сотни юношей и девушек в надежде на „лишний билетик“: вдруг кто-нибудь заболел или вынужден выполнять какое-то срочное задание. Ведь такое случается однажды: на БАМе, в центре тайги, выступает Дин Рид!..

Два часа длится концерт. Дин, как говорят у него дома, «в нокауте», болит каждый мускул, каждая голосовая связка, болит даже рука, которая перебирает струны гитары. Но восторг зрителей вновь и вновь подталкивает его к микрофону. «Еще, еще», – просят слушатели. Сколько же песен он исполнил на бис? Семь, восемь? Дин не считает. Это делает за него на следующий день журналист местной газеты…»

Кстати, советская пресса достаточно подробно освещала турне Дина Рида. Причем писали о нем не только крупнейшие газеты («Гудок», «Восточно-Сибирская правда» и др.), но и более мелкие, вроде тындинской.

На следующий день Дин совершил поездку по этому участку трассы: побывал в поселках линии Тында – Беркакит. А вечером он снова выступал с концертом в ДК «Юность». Это выступление было внеплановое – об этом Дина попросило руководство города, мотивируя это тем, что в первый раз на его концерт не смогли попасть все желающие. Дин согласился без всяких раздумий. Затем у Дина был еще один концерт, на этот раз под открытым

небом – на фестивале самодеятельной гитарной песни «БАМ-79», который проходил на сопке Фестивальная. В отличие от ДК «Юность» там собралось несколько тысяч человек. Участием в этом фестивале закончилось турне Дина по БАМу. И он вылетел в Москву, поскольку спешил успеть на последние дни Международного кинофестиваля в Москве.

21 августа Дин был уже в столице, где дал пресс-конференцию в Комитете молодежных организаций в Москве и подробно рассказал о своих гастролях на БАМе. Затем Дин участвовал в работе Московского кинофестиваля – исправно ходил на наиболее громкие его премьеры. Так, **25 августа** он посетил кинотеатр «Россия», где демонстрировался внеконкурсный фильм его земляка, американца Фрэнсиса Форда Копполы, «Апокалипсис наших дней». Весь мир давно судачил об этой грандиозной ленте, посвященной войне во Вьетнаме, и столичная элита просто не имела права остаться в стороне от этого шедевра. Пришли практически все: парт– и госноменклатура, люди искусства, журналисты, иностранные дипломаты, а также директора крупных магазинов, баз и даже преступные авторитеты.

Вот как вспоминает о той премьере тогдашний председатель Госкино Ф. Ермаш: «Весь партер занимали иностранные гости, которые с неменьшим, чем наши соотечественники, трепетом ожидали показа. Но перед началом случился серьезный конфуз. Неожиданно падает занавес. Все замирают. Кагэбэшники в зале переполошились. В этом усмотрели диверсию. Я, правда, не склонен так думать. Просто обычная неполадка.

На ее устранение потребовалось полтора часа. Проблемы возникли потом. На вечер того дня для иностранной делегации была запланирована поездка в Ленинград. Для этих целей заказали специальный поезд. Но поскольку показ задержали, то, соответственно, гости опаздывали на поезд. Я звоню начальнику Ленинградского вокзала и прошу перенести время отхода состава. Он в ужасе. Говорит, что это невозможно. Добираюсь до самого министра путей сообщения. Была суббота, он уже выехал на дачу, но что было делать? Подробно объясняю ситуацию. После долгих колебаний он все же отдает необходимое распоряжение…»

Кстати, Дин тоже находился в том же поезде и ехал в одном купе с одним советским кинокритиком, который считался специалистом по американскому кинематографу и прекрасно владел английским. В ту ночь обоим так и не удалось сомкнуть глаз: под мерный стук колес они откупорили бутылку водки «Посольская», открыли банку черной икры и почти всю ночь проговорили о проблемах мирового кинематографа. А началось

все с того, что на восторженную реплику о том, что Коппола молодец, сняв такую грандиозную картину о вьетнамской войне, Дин заметил:

– Однако долго же он к ней шел – спустя пять лет после окончания войны во Вьетнаме.

– Лучше поздно, чем никогда, – парировал критик. – Зато теперь она покорила весь мир и наверняка возьмет «Оскар».

– В последнем я сомневаюсь: американские академики вряд ли захотят отдать пальму первенства фильму о войне, в которой Америка потерпела сокрушительное поражение, – возразил Дин (будущее покажет, что именно он окажется прав: лучшим фильмом **1979 года** в США творение Копполы не станет. – *Ф. Р.*).

– И все же, что бы вы мне ни говорили, Дин, однако ваш кинематограф семимильными шагами идет вперед, а наш советский топчется на месте, – вливая в себя очередную порцию «Посольской», произнес критик. – Мы отстаем буквально во всем: и в техническом плане, и в тематическом. Наше сегодняшнее кино какое-то запуганное, оно боится обращаться к самым актуальным проблемам современности. И страх этот исходит оттуда, – сказав это, критик воздел свой указательный палец вверх.

– Намекаете на то, что власти не дают вам снимать то кино, которое вам бы хотелось? – спросил Дин. – Однако в этом запрете есть и своя положительная сторона: благодаря этому в вашем кинематографе меньше всякой дряни, чем в американском. В год Америка выпускает порядка двухсот фильмов, однако настоящими шедеврами становятся единицы. Остальное – это всякие фильмы ужасов, боевики, фантастика, которые забываются после первого же просмотра. В этих фильмах нет никакой идеи, кроме одной – голого развлечения.

– Но почему вы так пренебрежительно относитесь к развлечению? – тоном, полным недовольства, спросил критик. – Люди приходят в кино, чтобы отдохнуть. А в нашем кино людей привыкли нагружать разными проблемами: как надо варить сталь, как убирать хлеб и вызывать друг друга на социалистическое соревнование. И ладно бы это было снято талантливо, так ведь нет – сплошные розовые сопли. Как у нас говорят: борьба хорошего с лучшим. Поэтому люди и не ходят на такие фильмы, о чем наглядно говорят цифры сборов в наших кинотеатрах.

– Вы зря считаете, что я против того, чтобы люди в кино отдыхали, – продолжал возражать своему оппоненту Дин. – Я просто боюсь, что вы в порыве своего щенячьего восторга по поводу американского кино начнете копировать у него самое

худшее. И в итоге останетесь, как это у вас, у русских, принято говорить, у разбитого корыта. Вы не сможете сравниться с американской технологией, а свою собственную специфику утратите.

– Это какую такую специфику вы имеете в виду?

– Просветительскую. Ваш кинематограф просвещает зрителя, а американский развращает.

– Это Коппола развращает? Или Сидней Поллак со Стэнли Крамером?

– Вы передергиваете мои слова: зачем вы берете прогрессивных режиссеров? – Теперь уже настала очередь Дина раздражаться. – Этих режиссеров единицы, а подавляющая часть снимает никчемное и ни к чему не обязывающее кино. Да в любой вашей, как вы говорите, прозводственной картине наверняка больше мыслей, чем в десяти американских фильмах ужасов.

– Называя этих режиссеров, я имел в виду совсем другое: они имеют возможность остро освещать проблемы современности, а нашим этого делать не дают. Да что там говорить о современности, если даже прошлое под запретом. Несколько лет назад наш прекрасный режиссер Элем Климов снял фильм «Агония» о бывшем царском фаворите Григории Распутине, так эту картину до сих пор не выпускают на экран. А все потому, что властям показалось, будто режиссер под разложением царского режима имел в виду наш нынешний. Разве кто-то из ваших американских режиссеров проходит через подобное?

– Наивно полагать, что в Америке отсутствует цензура по идеологическим мотивам, – усмехнулся Дин. – Когда я собирался показать свой фильм «Эль Кантор» у себя на родине, ни одна прокатная компания не захотела его брать. А все потому, что им не нужна такая правда о Чили, которая показана в моей ленте.

– Однако вы все-таки ездили с ним в Америку и сумели пару раз показать его там, – парировал критик. – И это еще раз доказывает, что по части творческих свобод там дела обстоят значительно лучше, чем у нас. В противном случае из нашей страны раз за разом не убегали бы артисты. Вот буквально на днях сбежал еще один – артист балета Александр Годунов (он остался в США во время гастролей Большого театра **23 августа 1979 года**. – *Ф. Р.*). А до этого сбежали Рудольф Нуреев, Михаил Барышников и еще масса других людей, которым в Советском Союзе жить стало просто невмоготу.

– Эти примеры ни о чем не говорят, поскольку я могу вам привести ответный список людей, которые уехали из Америки по тем же причинам – из-за ущемления свобод. Один из таких людей сидит перед вами.

– Но вы, Дин, не были объявлены у себя на родине врагом и до сих пор сохраняете гражданство США. А наши невозвращенцы объявляются здесь предателями и отщепенцами. Это как объяснить?

– Наверное, недостатками вашей системы, которая продолжает жить по законам военного времени. Здесь я с вами согласен. Но я уверен, что люди, которые бегут отсюда в поисках свободы творчества, на Западе не обязательно ее находят. Человек прежде всего должен быть свободен внутри себя. Если этого нет, то никакие поиски вовне к хорошему результату не приведут. Поэтому те имена, которые вы мне привели, сегодня звучат в одном контексте, а завтра могут звучать уже в другом. Время – лучший судья.

– Ни в каком другом контексте эти имена звучат не будут, – голосом, полным уверенности, произнес критик. – Нуреев и Барышников прекрасно устроились на Западе и будут себя чувствовать точно так же и через двадцать лет. Уверен, что и Годунов найдет себя на чужбине. А вот те, кто здесь остается, вынуждены творить в условиях откровенной несвободы. (Критик ошибается: Нуреев заразится СПИДом в самом начале 80-х и умрет в расцвете славы – в 54 года. А Годунов скончается от алкоголизма, который станет следствием его тоски по родине, на 45-м году жизни. – *Ф. Р.*)

Ну что, например, снимают наши знаменитые режиссеры? Бондарчук взялся экранизировать вашего земляка и однофамильца Джона Рида, Герасимов ушел в еще более давнюю историю – в петровскую Русь, а один из самых талантливых молодых режиссеров, Михалков-Кончаловский, снял заказную картину про нефтяников Сибири. А что снимают прогрессивные американские режиссеры? Стэнли Крамер выдал социальную драму «И спотыкается бегущий», Поллак – «Электрического всадника», где разоблачает дельцов от рекламного бизнеса, Скорсезе – «Бешеного быка» про жестокую реальность капитализма, Чимино – «Охотника на оленей» про ветеранов вьетнамской войны, и так далее. А где же обличители наших пороков? Или у нас их нет? Да у нас, будет вам известно, с каждым годом становится их все больше и больше.

Выдав этот монолог, критик на некоторое время замолчал, чтобы «промочить» горло очередной порцией «Посольской», которую он закусил бутербродом с икрой. Затем, интенсивно двигая челюстями, он продолжил наседать на Дина:

– Вот у вас в прошлом году вышел фильм Уолтера Хилла «Воители», про то, как в Нью-Йорке воюют друг с другом молодежные банды. Думаете, у нас таких сюжетов нет?

Ошибаетесь, любезный! В прошлом году у нас славный город Казань прославился именно тем же – настоящим взрывом молодежного насилия. Там объявилось несколько десятков банд, которые поделили город на части и воюют друг с другом, в том числе и с помощью огнестрельного оружия. В этой схватке льется кровь, гибнут молодые люди. Разве это не тема для остросоциального фильма? Вместо этого у нас два года назад лидером проката стала картина «Несовершеннолетние» – этакая розовая сказка про то, как двое бывших солдат чуть ли не в одиночку перевоспитывают отъявленных хулиганов.

– Значит, вы ратуете за то, чтобы все мерзости и жестокости этого мира находили свое воплощение на экране? – спросил Дин.

– Именно! – тыча указательным пальцем Дину в грудь, заявил критик. – Только таким образом мы сможем эффективно бороться с нашими общественными пороками. Это можно сделать только правдой и ничем больше. Умолчание лишь плодит число этих пороков.

– Однако те же «Воители» вызвали настоящую вспышку насилия в Америке, – напомнил Дин своему собеседнику общеизвестный факт. – Даже американские критики это отметили, написав, что со времен другого подобного фильма – «Механического апельсина» Стэнли Кубрика – такой волны насилия еще не было в Штатах. Несколько кинотеатров даже отказались прокатывать картину в своих залах, а другие наняли дополнительных охранников, которые должны были присматривать за порядком во время сеансов.

Или взять другой пример: так называемое «дело Заморы», датированное прошлым годом. Двое пятнадцатилетних парней, Рональд Замора и Дэррел Агрелла, из курортного города Майами-Бич забрались в квартиру 82-летней старушки и застрелили ее из пистолета, забрав чуть больше четырехсот долларов. Причем застрелили очень грамотно – положив подушку ей на лицо. Когда их арестовали, выяснилось, что подобный способ убийства они подсмотрели в популярном телесериале «Коджэк». А еще некоторое время спустя врачи обнаружили у Заморы болезнь – «телевизионную наркоманию». Оказывается, этот парень обожал смотреть боевики и фильмы ужасов.

Суд над малолетними убийцами широко освещался в Америке, став первым процессом, который от начала до конца транслировался по телевидению. И знаете, что ужасно: после этого у Заморы появились подражатели, которые захотели точно такой же славы. Для того, чтобы прославиться и появиться в телевизоре, они тоже отправились убивать. Что вы скажете на это?

– Скажу, что все это чепуха! – с раздражением отмахнулся критик. – Этот ваш Замора убил бы старушку и без всякого сериала. И те, кто захотел ему подражать, похожи на него: это дети с плохой наследственностью. Взять, к примеру, тех же казанских бандитов, о которых я говорил. Они ведь росли при советской власти и смотрели наши родные советские фильмы, в которых вообще нет сцен жестокого насилия. Понимаете, Дин: нет вообще! Однако жестокие казанские подростки, убивающие людей, откуда-то ведь взялись. Отсюда вывод: либо их такими сделало наше гуманное кино, либо в этом виновата та среда, где они живут. Я лично склоняюсь к последнему варианту.

– И все же я не согласен с вами в том, что ваше кино нуждается в резкой смене курса: оно четко следует цели построения гуманного общества. Да, в нем есть свои недостатки, как и в любом другом, но в целом оно здорово и продуктивно. Если вам, к примеру, в течение нескольких месяцев показывать низкопробные американские боевики, вы превратитесь в одичавших людей.

– Это почему? – удивленно взметнув брови вверх, спросил критик.

– В вас нет иммунитета к насилию. Вы похожи на индейцев, которых белые спаивали тысячами, поскольку организм коренных жителей Америки не был способен воспринимать алкоголь. Западное кино – это продукт капиталистического общества, где всем правит жесткая конкуренция. И западный зритель, приученный выживать в каменных джунглях, к такого рода кинематографу уже привык. А вы – нет и никогда не привыкнете. Поэтому вы, как индейцы к алкоголю, тянетесь к нему, но стоит вам его распробовать, как вы начнете вымирать. Прежде всего духовно. В этом я глубоко убежден.

Между тем в Ленинграде Дин и другие участники фестиваля пробыли сутки, посвятив это время знакомству с достопримечательностями славного города на Неве. Несмотря на то что Дин уже бывал здесь неоднократно, он все равно с удовольствием еще раз посетил эти места: Эрмитаж, крейсер «Аврору», Петергоф, киностудию «Ленфильм».

Вернувшись в Москву, Дин вновь окунулся в фестивальную текучку. В те дни у него произошла знаменательная встреча с земляком, которому суждено будет стать другом Дина. Речь идет об американском режиссере документального кино Уилле Робертсе. Их встреча произошла совершенно случайно на Красной площади, куда оба пришли, чтобы полюбоваться здешними красотами. Во время прогулки Робертс обратил внимание на толпу людей, которые окружили высокого статного красавца и

стали атаковать его просьбами дать им автографы. Поскольку до этого Робертс никогда этого мужчину не видел, он обратился за разъяснениями к переводчику. И тот, удивленно округлив глаза, сказал:

– Вы не знаете Дина Рида? Это же ваш земляк – знаменитый артист и борец за мир.

И только тут Робертс вспомнил, что где-то уже слышал это имя. Но поскольку никакими подробностями его биографии он не обладал, Робертс решил познакомиться с Дином поближе. И сделал это прямо там же, на Красной площади. Так завязались их отношения, которые в итоге приведут к появлению документального фильма о Дине Риде. Однако об этом рассказ впереди.

Московский кинофестиваль продлился до **28 августа**. В последний фестивальный день Дин отправился в Золотой зал, расположенный в западном корпусе «России». В тот пасмурный день в этом зале в два часа дня началась заключительная пресс-конференция, где были оглашены имена победителей (Золотой зал использовался в этом качестве с **1971 года**). В зал набилось более 200 участников фестиваля и журналистов. Итоги огласили Станислав Ростоцкий (полнометражные фильмы), Александр Згуриди (документальное кино) и Анатолий Алексин (детские фильмы). Не стану перечислять всех победителей фестиваля, а назову лишь награжденных по разряду полнометражного кино. «Золотые призы» достались следующим лентам: «Христос остановился в Эболи» (Италия, режиссер Франческо Рози), «7 дней в январе» (Испания, реж. Хуан Антонио Бардем), «Кинолюбитель» (Польша, реж. Кшиштоф Кесьлевский). Почетный «Золотой приз» был присужден фильму «Да здравствует Мексика!» Сергея Эйзенштейна.

Из всех перечисленных режиссеров Дин был лично знаком только с одним – с Бардемом, с которым судьба свела его несколько лет назад во время его поездки в Испанию. И фильмы, снимаемые им, – острые, злободневные – Дин тоже любил и всегда смотрел их одним из первых. Вот и «7 дней в январе» он посмотрел в первые же дни фестиваля и остался очень доволен увиденным. Его до глубины души потрясла эта почти стилизованная под документальное кино история о злодейском убийстве группы адвокатов, боровшихся за права рабочих профсоюзов, которое случилось в Испании в **январе 1977 года** и за которым стояли изуверы из числа сторонников павшего франкистского режима.

Сразу после завершения фестиваля Дин отправился в столицу Австрии город Вену, где **2–3 сентября** ему предстояло принять

участие в празднике газеты австрийских коммунистов «Фольксштимме» («Голос народа»). Стоит отметить, что австрийская компартия была одной из старейших в Европе (основана в **ноябре 1918 года**) и тесно сотрудничала с КПСС. Как и во многих других европейских компартиях, в ней имелось правое крыло, которое стояло на позициях еврокоммунизма и призывало к разрыву с КПСС, особенно после событий августа 68-го. Однако на 22-м съезде КПА в **январе 1974 года** правые были разгромлены окончательно и удалены из партии. Поэтому на празднике «Фольксштимме» представители КПСС всегда были желанными гостями.

Что касается праздника газеты в сентябре 79-го, то в рамках этого мероприятия его организаторами была устроена советская фотовыставка «Олимпиада-80 в Москве». Дин ее тоже посетил и с удовольствием ознакомился с экспонатами: более чем сотней фоторабот, на которых была запечатлена столица СССР, которую он искренне любил и многие места которой хорошо знал. Затем он выступил на самом празднике газеты, который прошел в венском парке Пратер: Дин спел со сцены несколько своих гражданско-патриотических песен.

Уже после выступления, когда Дин сошел со сцены и собирался отправиться на прогулку по городу, у него случилась неожиданная встреча. Кто-то осторожно тронул его за локоть, и когда Дин обернулся, он не поверил своим глазам: перед ним стоял тот самый западногерманский профсоюзный деятель Генрих Вайс, с которым он познакомился еще в **1961 году** в Чили, затем виделся с ним в Аргентине, но в последние четырнадцать лет утратил с ним всяческую связь. Как заметил Дин, Вайс мало изменился с последней встречи с Буэнос-Айресе: разве что голова поседела да над брючным ремнем свисал пивной живот.

Между тем оба были настолько искренне обрадованы этой встречей, что немедленно заключили друг друга в объятия и почти минуту стояли так под удивленными взглядами многочисленной толпы, сгрудившейся возле эстрады. Заметив эти взгляды, друзья решили зайти за импровизированные кулисы, где Вайс предложил Дину продолжить встречу в каком-нибудь уютном венском кафе. Дин с радостью согласился, тем более что у Вайса не только было на примете одно из таких кафе, но еще был под рукой и автомобиль – серебристый «Мерседес», стоявший на стоянке у входа в парк.

Едва они тронулись, как Дин задал вопрос, который вертелся у него на языке:

– Ты представляешь все тот же профсоюзный фонд?

Вайс не удивился этому вопросу, как и тому, что Дин первым

перешел на «ты» – все-таки за их плечами было почти двадцать лет знакомства. Уверенно крутя баранку, Вайс ответил:

– Я уже давно ушел из Фонда Фридриха Эберта и сейчас занимаюсь бизнесом – владею сетью фирм по выпуску электроники. Однако в Вену меня привел отнюдь не мой бизнес.

– Красоты города? – попытался угадать Дин.

– Я их успел изучить в мой прошлый приезд три года назад.

– Значит, что-то личное: например, женщина, – состроив лукавую гримасу на лице, предположил Дин.

– Увы, я добропорядочный семьянин, – засмеялся Вайс, после чего добавил: – И не пытайся угадать, Дин, все равно тебе это не под силу.

Спустя пять минут они подъехали к кафе, которое располагалось на первом этаже старинного особняка с окнами, выходящими во внутренний дворик. В этот час заведение было заполнено наполовину, поэтому друзья без труда нашли столик у дальнего окна, напротив кадки с каким-то экзотическим растением. Вайс сразу заказал два бокала пива и даже не стал слушать возражения со стороны Дина (тот пиво не любил), заявив, что здешнее пиво он обязательно должен попробовать.

– Оно не хуже баварского, – сообщил Вайс.

Когда официант принес им заказ и Дин первым пригубил пенистый напиток, Вайс поинтересовался:

– Ну, как впечатление?

Дин в ответ лишь пожал плечами, поскольку для него любое пиво было одинаковым на вкус – он в нем совершенно не разбирался, хотя и прожил в ГДР уже больше шести лет. Не дождавшись от него ответа, Вайс приник к своему бокалу и чуть ли не одним глотком отпил из него ровно половину. Увидев это, Дин засмеялся и сказал:

– Теперь я понимаю, откуда у тебя такой живот.

– Не всем же быть спортсменами, подобными тебе, – отшутился Вайс.

На фоне своего собеседника Дин и вправду выглядел предпочтительнее: высокий, стройный, подтянутый. Это было вполне закономерно, поскольку Дин по-прежнему рьяно следил за своим физическим здоровьем: утром делал 50 отжиманий от пола, а по вечерам бегал полуторакилометровый кросс.

– Неужели и в Вену тебя привела любовь к пиву? – вновь вернулся Дин к теме, с которой начался их разговор.

Прежде чем ответить, Вайс сделал еще пару глотков, после чего поставил бокал на аккуратную хлопчатобумажную салфетку и произнес:

– Не стану тебя больше мучить, но причина, по которой я

оказался в этом городе, находится напротив меня: это ты, Дин.

Прочитав во взгляде собеседника одновременно немой вопрос и удивление, Вайс продолжил:

– Твое удивление будет еще большим, если ты узнаешь, с какой целью я искал тебя и где я на самом деле работаю.

– Значит, это не электронный бизнес? – спросил Дин.

– Бизнес – только прикрытие. На самом деле я числюсь в том самом ведомстве, где меня, как и тебя, зовут иначе, чем в обычном миру. Хочешь, я назову твое тамошнее имя?

И, не дожидаясь ответа, Вайс извлек из кармана своего пиджака записную книжку, вырвал оттуда листок и шариковой ручкой написал на нем всего одно слово. После чего положил листок перед Дином. И тот прочитал на нем имя: Виктор. Это было его агентурное имя, которое ему дали в «Штази».

Пока Дин приходил в себя от прочитанного, Вайс с помощью зажигалки поджег листок и положил его догорать в стеклянную пепельницу, стоявшую посередине стола. Затем он вновь поднял глаза на Дина и спросил:

– Удивлен?

Прежде чем ответить, Дин какое-то время смотрел на догорающий в пепельнице листок и только потом поднял глаза на Вайса и сказал:

– Удивлен – не то слово: я потрясен. Значит, все время…

– Да, Дин, все время, пока мы с тобой были знакомы, я работал в «Штази», – не дав Дину закончить его фразу, ответил Вайс. – И ты бы никогда об этом не узнал, если бы не чрезвычайные обстоятельства, которые заставили меня приехать в Вену.

– И каковы же эти обстоятельства?

– Я же говорю: чрезвычайные. – Произнеся эту фразу, Вайс придвинул стул, на котором сидел, ближе к столу и, слегка понизив голос, продолжил: – Мне стала известна информация, которая имеет государственное значение. Речь в этой информации идет об Афганистане. Ты, надеюсь, в курсе, что происходит в этой стране?

Дин в ответ кивнул головой. Он действительно знал о ситуации в этой центральноазиатской стране, правда, в общих чертах. Он знал, что в **апреле 1978 года** там произошла так называемая саурская революция, когда афганские левые в лице Народно-демократической партии Афганистана свергли короля Мухаммеда Дауда. В итоге к власти в Афганистане пришли писатель Нур Мухаммед Тараки, который занял пост президента, и офицер Хафизулла Амин, занявший кресло премьер-министра. Поскольку НДПА стояла на позициях марксизма, Советский Союз

не мог остаться в стороне от этих событий и взялся всеми силами помогать молодой афганской революции. Тем более что долгие годы Афганистан входил в сферу интересов СССР и тот не мог бросить стратегически важного партнера в трудную минуту.

Но саурская революция принесла Афганистану больше проблем, чем спокойствия. Дело в том, что в НДПА существовало два крыла – «Хальк» и «Парчам», которые между собой враждовали. И теперь, после прихода к власти, противоречия между ними только усугубились. В результате в стране начались репрессии, и «парчамистам» пришлось уйти в подполье, а их лидер Бабрак Кармаль нашел убежище в Чехословакии. А **весной 1979 года** начались массовые волнения в нескольких афганских провинциях. Из-за этого в афганском руководстве обострились противоречия, которые привели к тому, что Амин начал теснить Тараки, явно собираясь полностью взять власть в стране в свои руки. Это было все, что знал Дин о ситуации в Афганистане. Все остальное ему теперь предстояло услышать из уст Вайса.

– Русские симпатизируют Тараки, но все идет к тому, что власть в стране захватит Амин. – Голос Вайса продолжал звучать негромко, но уверенно. – А у русских недавно появилась информация, что Амин может быть связан с ЦРУ. Оно якобы завербовало его, когда он учился в США, в Колумбийском университете. Однако я полагаю, что это всего лишь дезинформация ЦРУ с целью заманить Кремль в капкан.

– В какой капкан? – не скрывая своего удивления, спросил Дин.

– В афганский капкан, – без паузы ответил Вайс. – Они хотят, чтобы русские ввели свои войска в Афганистан.

– Это твое личное предположение или… – Дин не стал договаривать фразу, рассчитывая, что Вайс и без этого поймет, о чем идет речь.

– Мои личные впечатления здесь ни при чем: эта информация основана на фактах, – ответил Вайс после того, как сделал еще несколько глотков из бокала. – Все случилось несколько недель назад, когда я раздобыл информацию о том, что одна западногерманская фирма заключила договор с американскими партнерами на проведение аэрофотосъемки и геодезических исследований в Афганистане для строительства ракетных комплексов. Эту информацию я передал в Восточный Берлин, а оттуда ее переправили в Москву.

Однако несколько дней назад до меня дошла новая информация: что заключение упомянутых договоров – липа. Что таким образом ЦРУ пытается создать у русских впечатление, будто американцы собираются договориться с Амином и

построить в Афганистане пусковые установки для ракет и специальных транспортных самолетов для переброски оружия. Я немедленно дал знать об этом своему руководству, но они в эту информацию не поверили. Меня назвали паникером и потребовали более тщательно фильтровать сведения от моих источников. Именно поэтому я и решил обратиться к тебе, Дин.

– Спасибо за доверие, но я ведь тоже американец, – напомнил своему собеседнику Дин. – Ты не боишься, что я не оправдаю твоих надежд?

– Не боюсь, поскольку именно я в свое время участвовал в твоей проверке по линии нашей разведки, – все так же, не повышая голоса, ответил Вайс. – Еще в начале 60-х мы подозревали тебя в связях с американскими спецслужбами и постоянно держали под колпаком. Причем делали мы это как по своей собственной инициативе, так и по просьбе русских.

– Ну и как успехи? – усмехнулся Дин.

– Прекрасные, иначе бы русские относились к тебе иначе, а я сегодня не стал бы обращаться за помощью.

– Чем же я могу помочь?

– Я хочу, чтобы ты донес до русских ту информацию, которую я тебе рассказал. Но без упоминания источника, то есть моего имени. Я знаю, тебя уважают и ценят в Москве, поэтому твои слова могут произвести там впечатление.

– Спасибо за добрые слова, – поблагодарил собеседника Дин, после чего продолжил: – Но почему это не хочет сделать ваше руководство?

– Потому, что оно боится сделать даже малейшую ошибку в своих отношениях с Москвой. Наша республика по уши в долгах, которые достигли 30 миллиардов долларов. А через месяц в ГДР пройдут торжества по случаю 30-летия республики. Говорят, туда должен приехать Брежнев. Поэтому Хонеккер хочет добиться от советского генсека финансовой помощи в деле погашения долгов. И поднимать на этом фоне тему Афганистана ему невыгодно. А вдруг это ошибка и американцы и в самом деле собираются строить в Афганистане свои пусковые установки? В таком случае Хонеккер выступит как дезинформатор.

– Но ты уверен в том, что американцы на самом деле блефуют?

– Я опираюсь только на сведения, которые передал мне мой источник. Но это очень высокопоставленный деятель из бундестага. К сожалению, эти сведения не имеют под собой документальной основы, то есть ни в каких документах не зафиксированы. Однако процент вероятности, что эта информация правдива, очень высок.

– И в чем же выражается этот процент?

– В том, что американцы никогда не решатся ввозить ядерные боезаряды в такую нестабильную страну, как Афганистан. Ведь эти боезаряды могут вскорости оказаться либо в руках антиамериканских мусульманских сил, либо в руках племенных вождей, которые могут продать эти боеголовки кому угодно. Например, в тот же Иран, который делает решительные шаги по выходу из зоны американского влияния (в **феврале 1979 года** в Иране был свергнут проамериканский шахский режим и к власти пришел аятолла Хомейни, взявший курс на исламизацию страны. – *Ф. Р.*).

– Но точно так же могут рассуждать и в Москве.

– Могут, но только не Брежнев с его престарелой командой. Они до сих пор живут реалиями Второй мировой войны и буквально дрожат от одной мысли об упреждающем ударе со стороны предполагаемого противника. Вот почему информация о строительстве американцами пусковых установок в Афганистане была встречена ими с доверием. Это я понял по тому, как меня поздравлял Центр. То есть русские поверили в дезинформацию американцев.

– Но ты сам говоришь, что сведения об американских пусковых установках достаточно шатки, – продолжал сомневаться Дин. – И кроме твоих личных впечатлений плюс слов твоего источника, под ними ничего нет. Нет реальной базы, на которую можно опираться. Поэтому на каких фактах мне апеллировать к разуму моих московских друзей, мне непонятно.

– А каких друзей ты имеешь в виду?

– Только не Брежнева, поскольку его я вижу лишь на значительном расстоянии, и шансов, что он меня примет в этот раз, нет никаких. Речь идет о людях из МИДа, ЦК КПСС и руководства ЦК ВЛКСМ. Но они наверняка потребуют убедительных доказательств моих слов. И что я им отвечу?

– Я повторяю, документально подтвержденных фактов у меня нет, – твердым голосом повторил Вайс. – Во всяком случае, пока. Но я знаю одно: надо торопиться, в противном случае может быть поздно. Ты представляешь, что будет, если Москва введет свои войска в Афганистан? Это будет второй Вьетнам.

– Неужели ты думаешь, что в Москве этого не понимают?

– Опять ты за старое, Дин. – В голосе Вайса впервые за весь разговор появилось раздражение. – Я уже говорил тебе, что от брежневской команды сегодня можно ожидать чего угодно. Там верховодят ястребы, которым нужна маленькая победоносная война. Они, видимо, полагают, что обойдутся короткой войсковой операцией типа «вошел-победил-вышел». Напрочь забывая, что

точно так же в свое время думал и Линдон Джонсон, отправляя ограниченный контингент американских войск во Вьетнам. Вот уж воистину коротка человеческая память!

У русских явно присутствует эйфория от событий последнего времени. За минувшие шесть лет Москва захватила влияние в семи странах: Южном Вьетнаме, Камбодже, Лаосе, Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Южном Йемене. Эти победы плюс шальные нефтедоллары, которые проливаются на Москву золотым дождем, и вскружили головы кремлевским руководителям. Именно этим, судя по всему, и хотят воспользоваться американцы. Их цель – втянуть Москву в кровопролитную войну и рассорить ее с исламским миром.

– Звучит убедительно, – после короткой паузы произнес Дин. – Однако уверенности, что твоя информация дойдет до ума моих московских друзей, у меня по-прежнему нет. Нужны неопровержимые доказательства.

– То есть ты отказываешься выполнить мою просьбу? – спросил Вайс.

– Ни в коем случае! – практически без паузы ответил Дин. – Однако в Москву в ближайшее время я поехать никак не могу – на днях у меня должны состояться репетиции на телевидении, а следом начнутся большие гастроли по ГДР. Однако в октябре, в дни празднования 30-летия республики, в Восточный Берлин должен приехать мой хороший друг – работник советского МИДа Петр Сергеевич Купцов. Именно с ним я об этом и поговорю.

– Значит, ждать придется целый месяц, – уставившись в пепельницу, в которой лежала кучка пепла от сожженного листка, произнес Вайс.

– Ничего не поделаешь, – развел руками Дин. – Однако я не думаю, что за это время может произойти что-то кардинальное на афганском направлении. А тебе, Генрих, может быть, удастся раздобыть какие-то новые сведения о планах американцев.

После этого за столом повисла пауза, которая длилась недолго. Затем Вайс высыпал пепел из пепельницы в бумажную салфетку, скомкал ее и сунул в карман. После чего произнес:

– Ну что же, будем ждать. Если ты мне понадобишься, то я сам тебя найду. Встречу можно устроить в том же Западном Берлине, куда ты, насколько я знаю, любишь периодически приезжать.

Вернувшись в ГДР, Дин **7 сентября** вновь окунулся в работу: в зале «Фридрихштадтпалас» в Восточном Берлине у него прошла репетиция популярной эстрадной телепередачи «Кессель бунтес» («Пестрый котел»). На следующий день были концерт и запись

передачи (эфир состоится **29 сентября** по восточногерманскому ТВ). А спустя несколько дней у Дина начались гастроли по ГДР. Турне было масштабным: Дину предстояло выступить в 26 городах республики. Именно в разгар этих гастролей в ГДР отмечалось 30-летие республики.

На эти торжества из Москвы прибыла высокая государственно-правительственная делегация во главе с Леонидом Брежневым (**4–8 октября**). Советский лидер выглядел неважно, однако старался держаться бодро и даже произнес речь на торжественном заседании. В ней Брежнев заявил о новых мирных инициативах Советского Союза. Генсек сообщил, что в течение этого года СССР вывел с территории ГДР около 20 тысяч советских военнослужащих, 1000 танков и другую военную технику. Брежнев также заявил о готовности СССР в одностороннем порядке сократить число средств доставки атомного оружия среднего радиуса действия, расположенных в западных областях Советского Союза, если НАТО откажется от размещения дополнительных носителей атомного оружия в Западной Европе.

При этих словах у Дина отлегло от сердца. Он лишний раз убедился в том, что советское руководство настроено совершенно неагрессивно и на этом фоне вряд ли совершит нечто ужасное на афганском направлении. Однако слово, данное им Вайсу, Дин нарушать не собирался, поэтому специально приехал в Восточный Берлин, чтобы здесь встретиться с Купцовым-старшим.

На Петра Сергеевича Дин вышел через советского атташе по культуре в Восточном Берлине. Поскольку тот знал о том, что семейство Купцовых ходит в давних друзьях Дина, он нисколько не удивился этой просьбе. И уже спустя несколько минут Дин разговаривал по телефону с объектом своего интереса, который с радостью согласился встретиться с ним этим же вечером у фонтана «Бронзовый Нептун» на Александр-плац.

К месту встречи Дин приехал на своей «Ладе» вишневого цвета. Купцов-старший уже был там, сидя на лавочке неподалеку от фонтана и листая какой-то журнал. Увидев приближающегося Дина, он отложил журнал в сторону и поднялся с места. Они обменялись крепким рукопожатием и опустились на лавочку. Несмотря на то что на улице уже смеркалось, площадь все еще была полна людей, которые с удовольствием прогуливались здесь, наслаждаясь красотами вечернего города и вдыхая свежую вечернюю прохладу.

После стандартной прелюдии, где Дин поинтересовался делами и здоровьем представителей семейства Купцовых, он сразу перешел к главной теме – рассказал своему собеседнику о

венской встрече с Генрихом Вайсом. Правда, по имени он его не назвал, ограничившись определением «мой старый приятель, работающий на „Штази“. Купцов-старший спокойно выслушал рассказ Дина, при этом на его лице не дрогнул ни один мускул. Когда Дин замолчал, он задал вопрос, который Дин ожидал услышать:

– Ты считаешь, твоему приятелю можно доверять?

– Я думаю, что да. Мы с ним знакомы почти двадцать лет, и у меня не было причин сомневаться в его добрых намерениях. В Аргентине он сам вызвался помогать коммунистам, когда в стране готовился военный переворот.

– Хорошо, убедил, – согласился с доводами Дина Купцов-старший. – Однако я боюсь, что даже если я доведу информацию твоего источника до кремлевского руководства, это уже не сможет изменить ситуацию.

– Почему?

– Потому, что мы сами позволили загнать себя в этот капкан. И это случилось далеко не вчера, а гораздо раньше – при прежнем руководителе Афганистана Мухаммеде Дауде. Ведь это во многом с нашей подачи этот человек пришел к власти в 1973 году. Он не был коммунистом, но придерживался умеренных социал-демократических позиций, что вполне нас устраивало. С его помощью мы хотели сделать из Афганистана еще более братскую для нас страну. Но лидеры НДПА все испортили.

В своем стремлении поставить телегу впереди лошади они стали торопить события, подстегивать Дауда в проведении радикальных реформ. А мы, вместо того чтобы решительно вмешаться и пресечь это, медлили. А то и вовсе потворствовали смутьянам. В итоге грянула саурская революция, которая только обострила ситуацию в этой стране. Мы полагали, что лидеры НДПА хотя бы в этой ситуации сумеют сплотиться, а они вместо этого перегрызли друг другу горло: Амин убил Тараки, которого Брежнев считал своим личным другом (это убийство произошло в середине **сентября**, причем сразу после того, как Тараки вернулся из поездки в СССР. – *Ф. Р.*). Если он так поступил, то кто даст гарантию, что сделал он это не по приказу из Вашингтона?

– Значит, вы верите в то, что Амин может быть агентом ЦРУ? – спросил Дин.

– Верю, как и в то, что в его окружении есть еще несколько агентов американской разведки, которые ежедневно снабжают Лэнгли оперативной информацией. Кроме того, американцам подыгрывают и европейские союзники. Ты, например, в курсе, что в Бонне пришли к мнению разместить в ФРГ американские «Першинги»?

– Разве это уже решенный вопрос? – удивился Дин.

– Этот вопрос решен еще в **январе** этого года на секретной встрече в Гваделупе, где Картер согласился с созданием европейской валюты и подписанием договора ОСВ-2 в обмен на то, что западные немцы и их союзники согласятся разместить в Западной Европе «Першинги». В **декабре** на съезде немецких социал-демократов это согласие будет получено. Вот и выходит, что американцы могут убить сразу двух зайцев: размещают свои ракеты в Европе и ставят пусковые установки в Афганистане, тем самым накрывая своими ракетами основную часть центральной территории Советского Союза. В таком случае под их прицелом оказываются и космодром Байконур в Казахстане, и нефтепромыслы в Тюмени, и все наши южные промышленные районы.

Выдав на одном дыхании этот монолог, Купцов-старший на какое-то время замолчал, давая возможность своему собеседнику вникнуть в смысл услышанного. И только потом продолжил:

– Вообще США явно хотят взять реванш за годы разрядки, которые, по их мнению, ослабили их, а нас, наоборот, усилили. Они грамотно расставляют капканы, в которые заманивают не только нас, но и своих союзников в Европе. Посуди сам. После революции в Иране американские нефтяные компании создали искусственную нехватку нефти, увеличив ее стратегические запасы. Цены подскочили на 60 процентов, что подорвало усилия западных европейцев и японцев по обеспечению положительного сальдо своих платежных балансов, а европейская валютная система, задуманная как противостоящая доллару зона валютной стабильности, оказалась под угрозой краха. Чтобы спасти свои капиталы, европейцам придется искать место для их спасения, и таким местом станет Америка, где, во-первых, процентные ставки гораздо выше, чем в Европе, а во-вторых, нет явной угрозы ядерной войны, которую, кстати, выдумали все в том же Белом доме. Состоятельные европейские семьи уже потянулись в Штаты, скупая себе квартиры и целые дома в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Чикаго.

Кроме этого, именно с этого года резко вверх пошла цена золота. Если в январе унция стоила 225 долларов, то в конце августа цена повысилась на 40 процентов, достигнув 315 долларов, а к декабрю достигнет отметки выше 500 долларов. И это отнюдь не предел. О чем это говорит? О том, что это позволит американскому правительству изъять или заморозить значительную часть долларов, находящихся за границей или на счетах богатых американцев. И этот приток денег будет прежде всего использован для модернизации производства, для гонки

вооружений.

– Но если вы знаете об этом, то неужели об этом не догадываются партнеры американцев? – задал вполне уместный вопрос Дин.

– Конечно, догадываются. Именно поэтому американцам позарез необходима сильная отвлекающая операция, которая помогла бы им добиться нового единства с союзниками. Судя по всему, такой операцией и должны стать события в Афганистане.

– Но ведь эта война может стать для вас вторым Вьетнамом, – вновь попытался воззвать к разуму своего собеседника Дин. – Неужели тот же Громыко этого не понимает?

– Конечно, понимает. Но, боюсь, его слово сегодня значит меньше, чем слова других членов Политбюро, ратующих за усиление нашей военной мощи. Они считают, что мы не должны уступать противнику ни пяди той земли, которая входит в сферу наших интересов. Так что наши «ястребы» ничем не отличаются от ваших, американских. К тому же, как я говорил, американцы грамотно расставили капканы, из которых безболезненного выхода не существует. Изменить ситуацию в Афганистане уже невозможно, а если и возможно, то только хирургическим путем. Именно на этом и настаивают наши доблестные генералы, которые обещают не совать в этот капкан всю руку, а только палец. Они рассчитывают на молниеносную операцию по устранению Амина и его сторонников.

– То же самое думал Линдон Джонсон, когда отправлял своих солдат во Вьетнам. – Дин вновь вернул своего собеседника к событиям одной из самых кровопролитных войн в Юго-Восточной Азии.

– Я не думаю, что число афганских оппозиционеров равнозначно числу вьетконговцев, – продолжал стоять на своем Купцов-старший. – Хотя, конечно, шансы на то, что мы можем увязнуть в Афганистане, весьма велики. В таком случае это сильно подорвет наш авторитет в международном сообществе. Ведь мы совершим акт агрессии. Согласно резолюциям ООН, вводить войска в какое-либо государство можно только в том случае, если этому государству угрожают извне. Но Афганистану никто не угрожает, там идет гражданская война. Вот почему все последние заседания Политбюро не обходятся без обсуждения ситуации в этой стране. Однако слишком много факторов тянут чашу весов в сторону вторжения. Во-первых, события в Иране, где поднимает голову исламский фундаментализм, во-вторых – агрессивная политика Китая в Юго-Восточной Азии. Плюс то, о чем я говорил ранее: американские «Першинги» в Западной Европе. В сложившейся ситуации потеря Афганистана для нас

смерти подобна: ведь эта страна, вместе с Вьетнамом, Камбоджей и Индией, создает некий «санитарный кордон», препятствующий американской и китайской экспансии.

Сказав это, Купцов-старший замолчал, поскольку рядом с лавочкой, на которой они сидели, остановилась молодая влюбленная парочка, которая, совершенно не стесняясь окружающих, слилась в долгом и страстном поцелуе. Затем как ни в чем не бывало парочка продолжила свой путь, а Купцов-старший философски изрек:

– В то время как мы с тобой, Дин, спорим о мировой политике, эти простые берлинцы просто наслаждаются жизнью.

– Однако это наслаждение находится в прямой зависимости от тех проблем, которые мы с вами сегодня обсуждаем, – ответил Дин. – Поэтому я считаю, что мы обязаны сделать все, чтобы второго Вьетнама не случилось. И я прошу вас, Петр Сергеевич, все-таки довести ту информацию, о которой я вам рассказал, до компетентных людей. Я могу на это надеяться?

– Безусловно, – практически без паузы ответил Купцов-старший. – Я тоже придерживаюсь мнения, что даже если нельзя изменить ход истории, все равно надо стараться до конца оставаться верным своему долгу. В противном случае наши внуки нас проклянут.

Между тем после гастролей в ГДР Дин практически сразу отправился в новое турне – на этот раз в Чехословакию. Правда, эта поездка была короткой – она заняла чуть больше недели (**21–30 октября**). Но именно там Дин встретился с Генрихом Вайсом, который специально прилетел в Прагу для встречи с ним, чтобы узнать о результатах встречи Дина с Петром Купцовым. Прогуливаясь по Карлову мосту и проходя мимо задумчивых скульптур, застывших над прозрачными водами Влтавы, Дин в подробностях описал свою встречу с советским дипломатом. Вайс слушал внимательно, ни разу не прервав плавного течения рассказа. А когда Дин замолчал, глубокомысленно изрек:

– Чему быть – того не миновать.

– Ты считаешь, что русские все-таки решатся на вторжение? – спросил Дин.

– Странно слышать этот вопрос после того, что ты мне поведал, – удивился Вайс. – К тому же мне стало известно, что опальный лидер НДПА Бабрак Кармаль, который находится здесь, в Праге, в качестве посла, в последнее время зачастил в Москву. Судя по всему, именно его русские готовят на место Амина.

– А вдруг русские одной этой заменой и ограничатся? – высказал предположение Дин.

– Я бы согласился с этим доводом, если бы у Кармаля была опора в НДПА, – возразил Вайс. – Но ее, увы, нет. Значит, Кармаль будет сидеть на троне при поддержке советских штыков. Вполне распространенный в мировой политике способ удержания власти.

И все-таки даже этот разговор не смог окончательно убедить Дина в том, что советское вторжение в Афганистан дело решенное. И он продолжал тайно надеяться, что этого убийственного шага советское руководство не предпримет. А найти подтверждение этим своим надеждам Дин предполагал в Москве, куда он собирался вылететь после гастролей в Чехословакии. Повод для этого у него был убедительный. **29 октября** появилось постановление ЦК ВЛКСМ о присуждении Дину Риду премии Ленинского комсомола. Причина была указана сугубо творческая: «за песни, посвященные антиимпериалистической солидарности, миру и дружбе народов». На самом деле Дин был удостоен высокой награды (к слову, это был первый и единственный случай, когда премия Ленинского комсомола вручалась американцу) не только за свое творчество, но и за те услуги, которые он оказывал советскому правительству на поприще борьбы за мир.

Кстати, в первоначальных планах Москвы значилось награждение Дина Рида более весомой премией – Ленинской, однако на самом кремлевском верху это предложение не прошло по причине, которая уже упоминалась ранее: окружение Брежнева не хотело огорчать своего генсека, который по-прежнему ревностно относился к тому, чтобы на поприще борьбы за мир у него не было равных конкурентов.

Между тем **30 октября** Дин давал заключительный концерт своего чехословацкого турне в одном из лучших и престижных концертных залов страны – пражской «Люцерне». Публика пришла сплошь номенклатурная, хотя в зале было много и простых пражан, которые с симпатией относились к Дину. Некоторые из них, вручая ему цветы, искренне поздравляли его с высокой советской наградой. Хотя так поступали не все пражане. Еще до концерта Дину в гостиницу позвонил некто неизвестный и на ломаном английском обозвал его «кремлевским прихвостнем и лизоблюдом». «У тебя язык не устал вылизывать задницу Брежневу?» – прошипел на том конце провода незнакомый голос.

Этот звонок не выбил Дина из колеи: за долгие годы своей политической карьеры он успел достаточно наслушаться подобных оскорблений и уже привык к ним. И то, что в Чехословакии, где антисоветские настроения были очень сильны, известие о его награждении премией Ленинского комсомола было

встречено кем-то негативно, его нисколько не удивило. Позднее он так выскажется по этому поводу:

«Некоторые говорят, что я марионетка Кремля. Я не согласен с этим. На меня нападают со всех сторон, но у меня есть что ответить на все выпады в мой адрес. Я принадлежу только себе и прислушиваюсь к голосу своей совести. Я следую своим собственным убеждениям, а не партийной линии или каким-либо другим правилам, которые шли от отца, от церкви или от любого правительства».

Сразу после гастролей в Чехословакии Дин отправился в Москву. Пробыл он там всего три дня – **3–5 ноября**. Это событие достаточно широко освещалось не только в советской прессе, но и в левых изданиях на Западе. Таким образом Москва хотела показать, что, награждая американца Дина Рида столь высокой наградой, она по-прежнему придерживается тех принципов, которые были выработаны в период разрядки – то есть не боится награждать американца. Правда, это был американец, которого в самих США считали предателем. Вот почему в Штатах об этом награждении ничего не сообщалось.

В Москве Дин пытался встретиться с Купцовыми, однако ни Петра Сергеевича, ни Юрия в столице не оказалось. Первый был в Болгарии, второй в Ленинграде на конференции идеологических работников. Поэтому Дин покинул Москву, так и не узнав новых сведений о событиях в Афганистане. Но по отдельным репликам деятелей, с которыми он встречался в ЦК ВЛКСМ и в международном отделе ЦК КПСС, Дин понял, что ничего хорошего ждать не приходится. Так оно и вышло.

Конец года Дин провел в ГДР. **15 декабря** он принял участие в очередном митинге солидарности – на этот раз с народом Кампучии, который прошел в средней школе в восточноберлинском микрорайоне Митте. **27 декабря** он дал концерт в городе Котбусе. Выходя на этот концерт, Дин уже знал, что накануне случилось то, чего он больше всего опасался: вторжение советских войск в Афганистан. Предыстория этого события выглядела следующим образом.

12 декабря в Москве состоялось очередное заседание Политбюро, на котором и было принято окончательное решение о вторжении. Правда, в письменном решении, записанном рукой Константина Черненко, слова «Афганистан» не было, но все, кто ставил подписи под этим документом, прекрасно знали, о чем идет речь. Под решением подписались: Брежнев, Андропов, Громыко, Устинов, Черненко, Пельше, Суслов, Кириленко, Гришин, Тихонов. На заседании присутствовал всего лишь один неголосующий кандидат в члены Политбюро – Борис Пономарев.

Что касается отсутствующих членов Политбюро, то с ними ситуация выглядела следующим образом. Косыгина, который все еще никак не мог оправиться после инфаркта, беспокоить не стали. А вот трем другим членам копию документа отослали по месту их пребывания: Кунаеву в Алма-Ату, Щербицкому – в Киев, Романову – в Ленинград.

Первыми через Амударью переправились разведчики, затем по мосту пошли остальные части 108-й мотострелковой дивизии. Войска выдвигались через Пули-Хумры и Саланг в Кабул. В это же время самолеты военно-транспортной авиации начали переброску по воздуху и высадку основных сил воздушно-десантной дивизии и отдельного парашютно-десантного полка на аэродромы Кабула и Баграма. За 47 часов было совершено 343 самолето-рейса. В оба города было доставлено 7700 человек, 894 единицы боевой техники и 1062 тонны различных грузов.

Тем временем **26 декабря** войсками советского спецназа был взят штурмом дворец Амина. Сам Амин в ходе боя был убит вместе со своими родственниками. Новым лидером Афганистана стал тот самый недавний посол этой страны в ЧССР Бабрак Кармаль.

Несмотря на то что внутренне Дин уже был готов к самому худшему варианту, однако известие о вторжении все равно не оставило его равнодушным. Он был потрясен этим актом и долго не находил себе места. Всего лишь одиннадцать лет назад он поддержал аналогичное вторжение советских войск в Чехословакию, однако теперь занял диаметрально противоположную позицию. И для этого у него были веские основания.

Во-первых, Чехословакия была членом Варшавского договора, и на этом фоне агрессия Советского Союза против нее была объяснима и понятна. Во-вторых, то вторжение оказалось почти бескровным – во время него пострадало всего лишь несколько десятков человек. Совсем иное дело было с Афганистаном. Эта страна ни в какие совместные с СССР блоки не входила и входить не собиралась. Там бушевала гражданская война, которую могли остановить только меры внутреннего характера. Вмешательство извне было бессмысленно и грозило пролитием еще большей крови, чем это было ранее. И даже те веские доводы, которые Дину приводил совсем недавно Купцов-старший, не могли убедить его в правильности такого решения: ему по-прежнему казалось, что советские руководители могли найти иные пути выхода из афганского кризиса.

Между тем вторжение в Афганистан поставило союзников СССР во всем мире в сложное положение. «Ведь нам теперь

придется публично объяснять людям, зачем Брежнев это сделал, – мысленно возмущался Дин. – И что прикажете говорить: правду или те пропагандистские уловки, которые печатают восточные газеты, называя это вторжение „интернациональной помощью афганскому народу“? Как это похоже на те заявления, которыми Линдон Джонсон успокаивал американцев, когда отправлял солдат своей страны воевать во Вьетнам. И теперь по этому же пути идет Москва, которая рассчитывает на молниеносную военную операцию, но может получить долгую кровопролитную войну. А это значит, что их ждет то же самое, что и американцев: тысячи гробов с убитыми солдатами, доставляемых самолетами на родину, и людское горе по обе стороны войны. Плюс мощная пропагандистская атака противников по всему миру, которые не упустят своего шанса преподать войну в Афганистане как несправедливую со стороны Советского Союза. Я уже вижу кричащие заголовки мировых газет, как это было во Вьетнаме, фотографии убитых женщин и детей, а также сожженных кишлаков и т. д. Англичане столько лет пытались покорить афганцев, но сломали о них зубы. Почему в Кремле считают, что им удастся превзойти англичан? Видно, прав был Юрий Купцов, когда утверждал, что Брежнев и его команда все последние годы ведут страну к пропасти».

Подумав об этом, Дин в следующую секунду мысленно содрогнулся, представив себе, как все последние годы сам мог выглядеть в глазах миллионов людей. «А ведь я тоже приложил руку к этому гибельному курсу. Я ездил в Москву, получал награды из рук пусть не кремлевских, но близких к ним людей, пел дифирамбы социализму. Выходит, во всем, что сейчас происходит, есть и частичка моей вины? Но почему тогда я этой самой вины за собой не чувствую? Не потому ли, что я поддерживал и поддерживаю многие инициативы Кремля в области разоружения и борьбы за мир не по причине того, что они исходят из уст Брежнева, а потому, что они созвучны моим собственным мыслям? Самого Брежнева я раньше считал сильным политиком, много сделавшим для дела мира. Но сегодняшний Брежнев – это уже не тот руководитель, которым я когда-то восхищался: это старый и больной человек, которому давно пора уступить свое кресло более молодому и трезвомыслящему деятелю. Уйди Брежнев в отставку три-четыре года назад, и он бы оставил в памяти людей только положительные воспоминания.

Кем я всегда восторгался и буду восторгаться, так это простыми советскими людьми, которые действительно стали мне очень близки. Именно ради них я приезжал в Советский Союз и колесил по разным городам с концертами. И на БАМе я выступал

не ради премии Ленинского комсомола, а ради тех ребят и девчат, которые, презрев уют и тепло, отправились в далекую Сибирь рубить тайгу и прокладывать рельсы. Вот кто мои настоящие кумиры, а вовсе не кремлевские небожители. И социализм я продолжаю считать лучшей в мире системой и все неудачи этой системы опять же связываю с личными качествами ее проводников – все тех же кремлевских руководителей. Если бы на их месте были другие, более молодые, более образованные и честные люди, эта система завоевала бы весь мир. И не силой оружия, а силой своих идей. Только где взять таких руководителей? Нет их. А есть другие, которые в силу своего догматизма дискредитируют систему и делают все, чтобы победа в этом мировом противостоянии досталась противнику».

События в Афганистане заставили Дина на многое взглянуть по-новому. Однако побудить его свернуть с однажды выбранного им пути они не смогли. Он по-прежнему оставался другом Советского Союза и не собирался изменять этой дружбе даже теперь, когда советские войска вторглись в Афганистан. В глубине души он продолжал лелеять надежду, что последующая цепь событий заставит советских руководителей одуматься. «Они помогут Кармалю закрепиться у власти и сразу после этого выведут войска из страны», – успокаивал себя Дин.

Увы, этим надеждам не суждено будет осуществиться, и советский воинский контингент пробудет в Афганистане почти десять лет.

Часть третья
Умри, чтобы жить

Начало **1980 года** Дин встретил в работе: на киностудии «ДЕФА» он запустился с комедийным вестерном «Пой, ковбой, пой». Это была веселая и непритязательная картина о том, как двое друзей-ковбоев и восьмилетняя девочка, которая сбежала из дома и прибилась к ковбойской повозке, путешествуют по Дикому Западу. Дин в этом фильме выступал сразу в четырех ипостасях: как автор сценария, режиссер, исполнитель главной роли (ковбой Джо) и певец. Этот фильм явился на свет как нельзя кстати. Как мы помним, Дин задумал этот проект еще пару лет назад, решив взять передышку на ниве политического кинематографа. И теперь, когда он находился под сильным впечатлением от афганских событий, эта лента могла стать для него неким бальзамом на душу. Дин с огромным вдохновением работал над фильмом, вкладывая в него всю свою душу и весь запас творческой энергии.

В это же время Дин принял участие в написании своей первой и, увы, единственной прижизненной биографии под названием «Рождается в сердце». Эта идея возникла в недрах пропагандистского аппарата ГДР на седьмом году жизни Дина в этой республике и была вполне закономерным явлением: все-таки Дин много делал для прославления ГДР во всем мире, и теперь наступило время для самой Восточной Германии отдавать долги. Кроме того, в подобной книге нуждались и другие социалистические страны, где имя Дина Рида было также хорошо известно. Короче, журналисту Хансу Дитеру Брайеру было дано задание интервьюировать Дина и на основе этих интервью сделать небольшую, карманного типа, книгу, где в доступной форме живописались бы жизнь и общественная деятельность Дина Рида. Никаких сенсаций и тем паче закулисных тайн в ней не должно было быть. Поскольку помимо книги Дин был занят еще и другими делами, процесс создания биографии занял без малого полгода. В ней было 8 частей: «На родине», «Южная Америка», «Мы преодолеем!», «Знакомство со страной Ленина», «Гуд бай, брат гринго!», «Дома в другой стране», «Скандал в Миннесоте», «В гостях у Дина Рида».

В **марте** Дин отправился в Чехословакию, где на студии грамзаписи «Супрафон» ему предстояло записать очередной диск-гигант. Он назывался «Рок-н-ролл, кантри и романтика». Появление этого диска тоже было показательным: на нем в

основном были представлены американские рок-н-роллы, которые Дин знал и любил с детства. А гражданская тематика была представлена всего двумя песнями: «БАМ» и «Вундед-Ни-73» (или «Раненный в Вундед-Ни»), да и то потому, что написаны они были в энергичном ключе, напоминающем тот же рок-н-роллл. Полный список произведений, представленных на этой пластинке, выглядел следующим образом:

«Kansas City», «Rock'n'Roll i give you the Best years of my life», «Sweet little sixteen» (в дуэте с Кати Ковач), «Sensible», «Rock'n'Roll – Medley» («Be-Bop-A-Lula», «Heartbreak Hotel», «Rock around the Clock», «Blue Suede shoes», «Let's twist again», «Tutti Frutti»), «Leroy Brown», «You don't bring me flowers» (в дуэте с Кати Ковач), «Fighting and Fussing», «B. A. M.», «Wounded Knee-73», «Beatles Medley» («Hard day's night», «Yesterday», «Can't buy me love», «Michelle», «Yellow Submarine»).

Этот диск выйдет осенью этого же года одновременно в трех странах: ЧССР, ГДР и Советском Союзе. А чуть раньше этого, в середине **апреля**, по советскому телевидению был показан документальный фильм о прошлогодней поездке Дина Рида на БАМ. Этой ленте тоже была уготована пропагандистская роль: она должна была показать, что не все представители западной творческой интеллигенции осудили Советский Союз за вторжение в Афганистан – американец Дин Рид по-прежнему оставался на нашей стороне. Это было сущей правдой: Дин хотя и не одобрял вторжение, однако публично об этом никогда не заявлял и продолжал числить себя другом Советского Союза.

В **апреле** Дин вернулся в ГДР, где продолжил работу над фильмом «Пой, ковбой, пой». Начались натурные съемки, которые проходили в Румынии. Параллельно с этим Дин вернулся к своей общественной деятельности. Так, **24–26 мая** он принял участие в митинге дружбы молодежи ГДР и СССР в городе Карл-Маркс-Штадте. Этот митинг был не случайным: в свете антисоветских инициатив, предпринятых на Западе в связи с войной в Афганистане, надо было показать, что восточные немцы во всем солидарны с Советским Союзом.

Тем временем ситуация в Афганистане становилась все более напряженной. Дин с жадностью ловил любые сообщения из этой страны, причем из разных источников: читал как немецкие, так и англоязычные газеты, слушал «вражеские голоса». Именно из них он узнал, что в **марте 1980 года** советские войска начали широкомасштабные боевые действия в Афганистане. И хотя объяснялось это активизацией сопротивления со стороны моджахедов, которых субсидировали и вооружали американцы, это сообщение болью отозвалось в душе Дина: он понял, что его

расчеты на быстротечную военную операцию не оправдываются. Война явно расширялась, что грозило самыми непредсказуемыми последствиями. Западные СМИ уже называли афганских моджахедов «борцами за свободу» и вовсю расписывали зверства советских солдат: что те убивают мирных жителей, проводя массовые зачистки в кишлаках. Читая об этом, Дин невольно ловил себя на мысли, что все это один в один напоминает ему войну во Вьетнаме. «Пройдет еще немного времени, и западные журналисты раскопают какую-нибудь афганскую Сонгми», – с грустью думал Дин.

Между тем афганская война продолжала оставаться главным козырем в руках антисоветских сил. В **июле** в Москве прошли Олимпийские игры, которым в Советском Союзе придавали большое значение, прежде всего как идеологическому мероприятию (кстати, Дина приглашали принять участие в культурной программе Олимпиады, но он сослался на занятость – у него в тот момент проходили съемки фильма). Москва много лет боролась за право принять у себя Олимпийские игры, и только в **1976 году** ей удалось продавить это решение. Но тогда ситуация в мире была совершенно иной – более благоприятной для СССР. Четыре года спустя все резко изменилось, прежде всего из-за войны в Афганистане.

В итоге Конгресс США принял резолюцию о бойкоте Игр. Эту резолюцию поддержали еще 9 правительств: Великобритании, Канады, Чили, Саудовской Аравии, Египта, Австралии, Новой Зеландии, Пакистана и Голландии. Прямое давление Картера на Национальный олимпийский комитет США вынудило НОК принять решение просить Международный олимпийский комитет о переносе летней Олимпиады **1980 года** в другое место, отложить или отменить ее вообще. Однако МОК устоял перед этим давлением. И все же Олимпиаду в Москве бойкотировали в общей сложности 57 национальных олимпийских комитетов.

Дин в те дни снимал «Пой, ковбой, пой» в Румынии и внимательно следил за всеми перипетиями этой кампании. К слову, румынские власти не одобрили ввода советских войск в Афганистан, однако Игры бойкотировать не стали. Иная ситуация сложилась в Польше, события в которой тоже привлекли внимание Дина. Нет, польские спортсмены тоже участвовали в Московской Олимпиаде, но у них на родине начались массовые забастовки рабочих, вызванные повышением цен на мясо (правительство пошло на этот шаг, запутавшись во внешних долгах – главным образом западных, в которые они влезли в последние годы). В результате забастовки железнодорожных рабочих в Люблине оказалась блокирована дорога, которая

связывала Советский Союз с ГДР. Тревожная ситуация сохранялась в течение нескольких дней, после чего была разрешена в положительную сторону.

Несмотря на все эти трудности, Олимпиада-80 все-таки состоялась. В ней приняли участие спортивные делегации из 81 страны, общей численностью более 8,3 тысячи человек. На Игры прибыли 3,5 тысячи почетных гостей и официальных лиц, а также зарубежные туристы из 72 стран. Сами соревнования посетили около 5 миллионов зрителей. Кроме этого, эти Игры привлекли широкое внимание мировой общественности: на них было аккредитовано 5529 представителей средств массовой информации, в том числе 3,5 тысячи человек из-за рубежа. Телерепортажи об Играх передавались на все континенты мира, ежедневно их смотрело более 1,5 миллиарда человек. Кстати, смотрел их и Дин, который особое внимание уделял легкой атлетике, боксу и плаванию. Еще он был восхищен поступком двух английских спортсменов – Стива Оветта и Себастьяна Коэ, которые, несмотря на бойкот Игр со стороны их комитета, отправились в Москву.

Олимпиада-80 стала триумфом советских спортсменов, которые завоевали 80 золотых, 69 серебряных и 46 бронзовых медалей.

Однако вскоре после завершения Олимпийских игр ситуация в Восточном блоке ухудшилась. Катализатором этого стала Польша, в которой властям так и не удалось сбить волну забастовок. **14 августа** началась забастовка на большой гданьской судоверфи имени Ленина, где бастовал весь 16-тысячный коллектив предприятия. Во главе этой акции оказался 36-летний рабочий-электрик Лех Валенса, который в ближайшем будущем станет лидером профсоюзного объединения «Солидарность». Привлеченные этим событием, в Гданьск толпами ринулись западные журналисты, чтобы уже в ближайшие дни расписать своим читателям то, что творится в одной из стран социалистического лагеря. Одна из таких заметок попалась и на глаза Дину. В ней ее автор с нескрываемой радостью сообщал, что «если бы Маркс ожил сегодня, он не поверил бы своим глазам: разгневанные рабочие в социалистической стране остановили работу портов, заводов и фабрик на всем Балтийском побережье».

Наблюдая за ситуацией в Польше, Дин в ужасе думал о том, как отреагирует на это дело Москва. «Неужели опять введет войска, как в 68-м в Чехословакии? Акция вроде бы вполне оправданная, но только не сейчас, когда советские войска воюют в Афганистане». К счастью, опасения Дина не оправдались и ситуация разрулилась мирными средствами. После того как

первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек расписался в полном бессилии, да еще бросился за помощью к Западу (вновь принялся занимать деньги у западных банков), Москва решила отправить его в отставку. **5 сентября** в Варшаве состоялся VI пленум ЦК ПОРП, который привел к власти Станислава Каню. После этого в Польше появилась шутка: «Лучше Каня, чем Ваня» (намек на возможный ввод советских войск). Ситуация в стране на какое-то время стабилизировалась.

Тем временем война в Афганистане и события в Польше активизировали антисоветские настроения на родине Дина, в США. К власти там рвался представитель крайне правого крыла республиканской партии Рональд Рейган, который в своих предвыборных речах обещал «поставить Советский Союз на место». **Летом 1980 года** Рейган заявил, что администрация Картера морально разоружилась перед Советским Союзом и проводит примиренческий курс на международной арене, а все администрации США предшествующего десятилетия, начиная с администрации Никсона, игнорировали необходимость перевооружения США в условиях роста коммунистической угрозы. «В поведении Картера в ходе переговоров с СССР я услышал жалкое постукивание зонтика Невилла Чемберлена по булыжным мостовым Мюнхена, – заявил Рейган. – Поэтому Договор ОСВ-2 следует положить на полку, и вообще переговоры с Советским Союзом никогда не должны превращаться в умиротворение. Не следует заблуждаться – за всеми беспорядками, происходящими в мире, стоит Советский Союз».

Рейган лукавил: например, за беспорядками в Польше стояли сами США со своими спецслужбами. Это был очередной капкан, который Запад начал расставлять для Восточного блока во второй половине 70-х. В нем было выбрано самое слабое звено – Польша, где была сильна роль католической церкви (во многом именно поэтому в **1978 году** главой Римской католической церкви был выбран поляк Кароль Войтыла). Согласно хитроумному плану, Запад заманил польское руководство в долговую яму, рассчитывая таким образом убить сразу двух зайцев: сначала дестабилизировать ситуацию в Польше, а потом заставить Москву расплачиваться за ее долги (здесь Западу как нельзя кстати пришлась война в Афганистане, на которую Кремль тоже вынужден был тратить огромные денежные средства).

Между тем слова Рейгана пришлись по душе большинству американцев, которые тоже считали, что Картер капитулировал перед Москвой, нанеся имиджу такой сверхдержавы, как Америка, колоссальный урон. И это в то время, как Советский Союз захватывает все новые территории, наращивает свою военную

мощь и распространяет свое влияние чуть ли не по всему миру.

Стоит отметить, что в противоположном от Рейгана лагере, демократическом, к его воинственной риторике относились без должного внимания. Когда **17 июля 1980 года** на съезде республиканской партии Рейган был выдвинут кандидатом в президенты, первым ему позвонил Джимми Картер и поздравил с успехом. Позднее в своих мемуарах Картер так объяснит свой поступок:

«В то время вся группа моих политических советников считала, что Рейган является самым слабым из всех кандидатов, которые могла выдвинуть республиканская партия. Мои эксперты по анализу предвыборной кампании внимательно изучили все, что он говорил в ходе республиканских предварительных выборов, и, поскольку его позиция была хорошо известна общественности, им казалось невероятным, что он может оказаться приемлемым кандидатом в президенты. Огромное снижение налогов на богатых, чувствительные сокращения в области социального обеспечения и программ, предназначенных для бедняков и престарелых, оказание федеральной помощи частным школам, беспрецедентное повышение расходов на оборону, отказ от ОСВ, игнорирование распространения ядерного оружия, предпочтительное отношение к Тайваню в противовес Китаю, отдельные его уклончивые заявления, касающиеся гражданских прав и прав человека, и практический отказ от кэмп-дэвидских соглашений как основы мира на Ближнем Востоке служили примерами высказанных им намерений, которые, с нашей точки зрения, должны были сделать его уязвимым…»

Кстати, точно так же думали и в Москве, когда прикидывали шансы Рейгана занять президентское кресло. Большинство советских экспертов были убеждены, что Рейган не пройдет как по перечисленным выше обстоятельствам, так и по другой причине: он был достаточно стар (в **феврале 1981 года** ему должно было исполниться 70 лет). К тому же на определенные сомнения наводила и прошлая профессия Рейгана: он был голливудским актером, уделом которого были в основном второразрядные фильмы.

Как показали дальнейшие события, все эти расчеты оказались неверными. **4 ноября 1980 года** Рональд Рейган был избран 40-м президентом США. И хотя победу его нельзя было назвать убедительной (из 160 с лишним миллионов американцев за него проголосовало всего 43,9 миллиона – менее 26,7 % избирателей, обладавших правом голоса), однако сути дела это не меняло – к власти в Белом доме пришел не просто правый политик, а махровый правый.

Не оставлял своим вниманием Дин и соседний регион – Латинскую Америку, в частности Чили, где происходили сложные процессы. Под давлением оппозиции и растущей международной изоляции режим Пиночета был вынужден в конце 70-х отказаться от курса на создание «корпоративного государства» и стал предпринимать шаги по приданию режиму атрибутов «законности», с допуском к ограниченной легальной деятельности умеренных партий. В ходе этого процесса правительство разработало проект новой конституции Чили, который был вынесен на плебисцит аккурат к 7-й годовщине путча – **11 сентября 1980 года**. Оппозиционные силы, в том числе и компартия, осудили это мероприятие как попытку узаконить диктатуру. Однако плебисцит состоялся. А против конституции высказались всего 32,5 % голосовавших.

Новая конституция провозглашала восстановление институтов представительной демократии и гражданских свобод. Однако деятельность партий регламентировалась, а политические объединения, придерживающиеся классовой борьбы (типа коммунистов), по-прежнему запрещались. Учреждалась авторитарная власть президента, избиравшегося голосованием сроком на восемь лет с правом повторного избрания. Было объявлено, что новая конституция начнет действовать с **марта 1981 года**, но осуществление ее основных статей – о демократических свободах, о выборах, о Конгрессе и партиях – откладывалось на 8 лет. До истечения этого срока полномочия Конгресса исполняла хунта в составе четырех генералов – командующих родами войск и корпуса карабинеров. Пиночет без всяких выборов был объявлен «конституционным» президентом на ближайшие 8 лет, с правом переизбрания на последующие 8 лет. Тем самым режим диктатуры фактически был узаконен.

8 декабря 1980 года с родины Дина пришло сообщение о трагедии, которая потрясла весь мир. В Нью-Йорке был застрелен кумир миллионов людей бывший битл Джон Леннон. Мы помним, что Дин с большой симпатией относился к этому человеку, поскольку их взгляды на многие общественные проблемы совпадали. Однако в **1975 году** у Леннона родился сын Шон, и экс-битл ушел не только из политики, но вообще отдалился от мирской суеты, превратившись в домашнего затворника.

Осенью 1979 года Дин узнал из англоязычной прессы, что Леннон вновь собрался вернуться к активной творческой и политической жизни. Газеты писали, что бывший битл в студии звукозаписи приступил к репетициям, а потом и к записи нового альбома. А чуть позже Леннон стал раздавать интервью, из которых явствовало, что его гражданская позиция ничуть не

изменилась – он по-прежнему был радикалом в своих политических воззрениях. Так, он заявил, что собирается часть сборов от своего нового альбома передать в пользу неимущих, а также объявил, что примет участие в демонстрации рабочих-иммигрантов, требовавших равной оплаты труда.

Но Дина особенно поразили не эти заявления Леннона, а другие: где он назвал Пентагон «гигантским публичным домом агрессии», а генералов, одержимых манией «советской угрозы», заурядными «вышибалами, которым платит военно-промышленный комплекс». На фоне той антисоветской истерии, которая бушевала в США в связи со вторжением советских войск в Афганистан, подобные заявления можно было смело назвать гражданским подвигом. Всем своим поведением Леннон ясно давал понять, что те люди, кто пять лет назад списали его со счетов, явно поторопились. Леннон явно хотел вновь вернуться в активное творчество и политику, но предательские пули поставили крест на этих мечтах.

Практически сразу весь мир узнал имя того, кто разрядил револьвер в Джона Леннона, – 25-летний уроженец Атланты, бывший битломан и член «Ассоциации молодых христиан» Марк Чэпмен. Газеты писали, что он убил Леннона по причинам сугубо личным – дескать, хотел таким образом прославиться, однако Дин считал иначе. Он вспомнил свою встречу четырехлетней давности с сотрудниками «Штази», когда ему показали фотокопию документа ЦРУ об операции «Хаос», которая была направлена против участников антивоенного движения. В этом списке фигурировало и имя Леннона. Поэтому Дин имел все основания полагать, что смерть экс-битла могла быть отнюдь не случайной. Слишком подозрительно все было: как только Леннон вновь заявил о своем возвращении из затворничества и стал раздавать политически острые интервью, как тут же объявился киллер.

Читая комментарии западных газет об этой трагедии, Дин ловил себя на мысли, что журналисты лукавят. Они писали о Чэпмене как об убийце-одиночке, этаком исключении из общего правила. На самом деле это преступление для той же Америки было вполне закономерным – насилие там было возведено в абсолют. А убийство Леннона с особой очевидностью высветило новую проблему, вставшую во весь рост в капиталистическом обществе: что для маньяков, будь они одиночки или агенты спецслужб, уже не осталось ничего святого – они готовы убивать даже национальных кумиров. И чуть позже, давая интервью советским газетам, Дин озвучил эти мысли следующим образом: «Буржуазная пресса очень много писала об убийстве Джона

Леннона. Это, конечно, трагедия, но та же буржуазная статистика предпочитает умалчивать о том, что лишь за один прошлый год на улицах Нью-Йорка было убито 1800 человек, подавляющее большинство которых чернокожие или цветные. Это настоящая война».

Не оставлял своим вниманием Дин и Польшу, где, как мы помним, обстановка была крайне тревожной. Несмотря на то что волна забастовок там сошла на нет, оппозиция в лице профобъединения «Солидарность» не собиралась успокаиваться. Судя по всему, она просто накапливала силы для нового броска. А пока **16 декабря 1980 года** в Гданьске был торжественно открыт памятник жертвам коммунистического режима. Три гигантских стальных креста, украшенных якорями, символизировали жертвы рабочих волнений 1956, 1970 и 1976 годов. На этом открытии присутствовали тысячи людей, причем приехали туда и руководители ПОРП.

Западные газеты много писали об этом событии, и Дин, в отличие от большинства жителей ГДР, имел возможность узнать о нем из первых уст. Из этих публикаций явствовало, что одним из участников этого мероприятия был популярный польский киноактер Даниэль Ольбрыхский. Нельзя сказать, что известие об этом сильно удивило Дина.

Он знал Ольбрыхского вот уже несколько лет – они встречались на Московских кинофестивалях. Дин также был осведомлен о том, что этот поляк откровенно недолюбливает его, считая кремлевским прихвостнем. Однажды Ольбрыхский даже демонстративно отказался здороваться с Дином, а тогдашней любовнице Дина Эве Киви вслух заметил: «Бросай ты этого коммуняку». Вот почему, прочитав в одной из заметок о том, как Ольбрыхский участвовал в открытии памятника жертвам коммунистического режима и в свете прожекторов читал имена погибших, Дин нисколько не удивился этому. Он удивился другому: почему же этот человек все эти годы исправно ездил в Москву и получал из рук советских чиновников самые высокие кинематографические награды? (Последней такой наградой стал приз за роль в фильме «Земля обетованная» на МКФ в **1977 году**.) Почему он охотно раздавал интервью советским газетам и журналам, хотя мог бы от этого отказаться, дабы не сотрудничать с ненавистным для него коммунистическим режимом, повинным, как он считал, в гибели его соотечественников в 56-м, 70-м и 76-м годах? Эту мимикрию Дин понять никак не мог. Кстати, после **1980 года** фамилия Даниэля Ольбрыхского навсегда исчезнет из всех советских изданий и вернется туда только в годы перестройки. Но Дин этого уже не застанет.

Тем временем конец 80-го запомнился Дину тем, что внес существенные коррективы в его личную жизнь. Вот уже три года он был свободен от брачных уз, предпочитая официальной регистрации кратковременные романы как в ГДР, так и в местах, куда его забрасывала гастрольная деятельность. Однако мимолетные увлечения были удобны с точки зрения смены впечатлений, но негативно сказывались на имидже Дина. Ему нужна была жена, хозяйка его дома, которая могла бы не только заботиться о нем, но и служить неким приложением к его славе популярного артиста и борца за мир. Поэтому в этом качестве должна была выступать женщина не только искушенная по части жизненного опыта, но и известная. Такой женщиной суждено было стать актрисе Ренате Блюме.

Как мы помним, с Ренатой Дин познакомился в **1974 году** во время совместной работы над фильмом «Кит и К». Однако тогда они были просто партнерами по съемочной площадке, хотя и играли влюбленных друг в друга героев. Вполне вероятно, что их тогдашнему более тесному сближению помешало то, что Дин в ту пору был счастливо женат на Вибке, а у Ренаты только-только начался роман с Гойко Митичем. В течение последующих лет Дин и Рената несколько раз пересекались по служебным делам, но это опять были чисто деловые отношения. Так длилось до конца **1980 года**.

Что тогда произошло с Дином и почему он вдруг начал активно ухаживать за Ренатой, объяснить трудно. Списать все на его романтическую натуру было бы неверно: ему к тому времени уже перевалило за сорок. Скорее всего, это был голый расчет: он устал жить холостяком, а Блюме была самой подходящей кандидатурой из всех тех, кого Дин не только знал в ГДР, но и кому симпатизировал. К тому же у нее отец был влиятельным функционером на студии «ДЕФА», и это сулило Дину хорошие перспективы по части творчества.

Как утверждает сама Рената, ухаживания Дина за ней начались неожиданно. Это случилось зимой, когда она с сыном от первого брака Александром ехала в отпуск, а Дин остановил их на автобане и привез им теплый молочный коктейль. А потом, аккурат накануне нового, **1981 года**, Дин без приглашения появился в доме Ренаты. По его словам: «Дома были ее родители. Должен признаться, что в свой первый визит я произвел большее впечатление на них, нежели на Ренату! Но после этого мы стали встречаться так часто, как нам позволяло время. Я все лучше и лучше узнавал Ренату и полюбил ее. Это была любовь, которая объединила в едином союзе мое сердце и чувства с моими мыслями и разумом. Нет, это не была влюбленность, которая

может на какое-то время ослепить человека. Это было растущее чувство любви, возникающее по мере того, как все ближе узнаешь любимого человека и все больше проникаешься уважением к нему. Никогда в своей жизни я не встречал такой красивой и такой талантливой женщины, которая была бы и хорошей матерью, и хорошим другом. Я никогда не встречал такой знаменитой женщины, которая была бы столь скромна, столь застенчива в повседневной жизни. Рената прекрасна не только потому, что прекрасен ее облик, – у нее красивая душа…»

Как покажет будущее, эта любовь не принесет Дину счастья. Что, впрочем, было понятно изначально: столь разными людьми были Дин и Рената. Даже астрология была против них: Тигр (Дин) и Обезьяна (Рената) редко находят общий язык в семейной жизни (игривая Обезьяна любит кататься на спине серьезного Тигра и дразнить его, дергая за усы). Знай Дин астрологию, наверняка бы сто раз подумал, прежде чем решиться на эти отношения. Кроме того, тот год нес в себе определенные знаки свыше: тогда скончались два знаменитых Тигра: Владимир Высоцкий (**25 июля**) и Джо Дассен (**20 августа**). Дин этой участи избежал, однако именно в год Обезьяны допустил фатальную ошибку в личной жизни.

Начало **1981 года** Дин отметил активной работой на певческом поприще. Так, он впервые принял участие в фестивале политической песни, который регулярно проводился в Восточном Берлине. Фестиваль проходил в крупнейшем концертном зале столицы ГДР «Конгрессхолле». Помимо Дина в нем участвовало множество исполнителей из разных стран. Так, Дин специально пригласил на него американского кантри-певца Лэри Лонга, с которым он познакомился в **октябре 1978 года** в США на том самом митинге фермеров, где Дина арестовали. По словам Дина: «Лэри поразил меня своей чистотой и правдивостью. Никогда не „делая деньги“ и не добиваясь славы, он все свое искусство отдает мелким фермерам, живя среди них, участвуя в их митингах».

Кроме этого, в фестивале участвовали два фольклорных коллектива: один из Эфиопии, другой из Чили. Последний назывался «Аманкай», и его участников Дин тоже хорошо знал, поскольку уже неоднократно встречался с ними в других местах: в частности, на Кубе. С этим коллективом Дин спел на фестивале песню чилийских коммунистов «Венсеремос», а также сольно исполнил другую песню на испанском – «No nos moveran». На английском языке Дин спел песню покойного Джона Леннона «Дайте миру шанс».

С началом весны последовали новые концерты. Первый из

них состоялся **4 марта** в восточноберлинском зале «Космос». А пять дней спустя Восточный Берлин потрясло происшествие, которое было явным отголоском войны в Афганистане. **9 марта** был взорван советский памятник – танк, стоявший на постаменте в центре города прямо напротив казарм Народной полиции. Несмотря на это соседство, стражам порядка не только не удалось предотвратить диверсию, но и было потрачено много времени на поиски ее организаторов и исполнителей: их арестуют только в **августе**. Как выяснится, этими людьми были активный антисоветчик Йозеф Кнайфель (в **1975 году** он был приговорен к 10 месяцам исправительных работ за клевету против руководителей СЕПГ) и двое его друзей, один из которых служил сержантом в Народной армии. В итоге Кнайфель будет приговорен к пожизненному заключению, а его сообщники к менее суровым срокам.

14 марта Дин выступил в телеконцерте «Пестрый котел» в восточноберлинском «Палас дер Републик». На следующий день он принял участие в радиопередаче, а два дня спустя уже давал концерт в студенческом клубе. **21–22 марта** он снова пел в «Палас дер Републик». В первой половине **апреля** Дин участвует в концерте «Дайте миру шанс» в «Конгрессхолле». **15 апреля** Дин выступает в «Вавилоне». На этом его концертная деятельность в ГДР на время прекращается, и Дин отправляется на гастроли в Советский Союз. Как мы помним, в последний раз Дин давал концерты в СССР летом 79-го. Но тогда он ограничился одной Сибирью, а теперь ему предстояло объехать три республики: Белоруссию, Украину и РСФСР.

Турне началось с концертов в Минске, куда Дин приехал впервые. В интервью местным журналистам Дин признался, что этот город ему чем-то напомнил родной Денвер. Во время пребывания в Белоруссии Дин по своему обыкновению один день посвятил знакомству с новыми местами. Он не только погулял по Минску, собирая вокруг себя толпы людей, но также посетил два мемориальных комплекса: деревню Хатынь, сожженную дотла фашистами в **1943 году** вместе со всеми ее жителями (149 человек, в том числе 76 детей), и Брестскую крепость.

К своему стыду, Дин до этого практически ничего не знал об истории этих мест. Ни того, что в Белоруссии во время войны погиб каждый четвертый житель и таких деревень, как Хатынь, здесь были сотни; ни того, что крохотный гарнизон Брестской крепости больше месяца героически сражался с превосходящими силами фашистов. Но даже несмотря на это Дин мог считать себя намного просвещеннее своих соотечественников, которые в подавляющем своем большинстве вообще ничего не знали о

героизме советского народа и отсчет войны вели с **1944 года** – момента открытия Второго фронта. Именно для того, чтобы восполнить этот пробел, в **1978–1979 годах** советские и американские кинематографисты объединили свои усилия и сняли 20-серийный телефильм «Великая Отечественная: неизвестная война», премьера которого состоялась в **мае – июле 1979 года**. К сожалению, этот проект станет последним «голубем разрядки» в отношениях двух стран, после чего наступят «заморозки».

В Минске Дин дал несколько концертов **18–20 апреля**, после чего отправился в Киев. Там он выступал **23–26 апреля** во Дворце культуры «Украина». Прием был такой же теплый, как и в Минске: у гостиницы Дина караулили толпы поклонниц, а на концертах буквально заваливали цветами. И это при том, что в Советском Союзе в ту пору в большом фаворе были песни в стиле диско и из каждого окна доносились песни в исполнении групп «АББА», «Би Джиз», «Смоки», мелодии оркестра под управлением Поля Мориа, а из сольных исполнителей больше всего нравились Адриано Челентано, Джо Дассен, Демис Руссос. Дин Рид в этот список всенародно популярных исполнителей не входил, причислямый подавляющей частью молодежной аудиторией к гонимой эстраде социалистических стран. Однако, даже несмотря на это, свой слушатель у него был, и процент их был достаточно высокий, в первую очередь за счет людей среднего и пожилого возраста. Им Дин Рид продолжал нравиться своей простотой, скромностью и нешумным репертуаром.

После Киева Дин отправился в Ленинград, где дал несколько концертов вместе с ВИА «Верасы» в спортивном комплексе имени В. Ленина (**28 апреля – 1 мая**). И опять на всех его выступлениях были аншлаги. Первомай Дин встретил в городе на Неве, и это событие произвело на него большое впечатление.

Дин специально встал с утра пораньше, сделал привычную зарядку, позавтракал и вышел на улицу. В это время колонны демонстрантов шли по Невскому проспекту, и люди, узнав Дина Рида, стали звать его в свои ряды. А тому только это и было нужно. Поэтому он с радостью влился в колонну и даже получил из рук мужчины, шагавшего рядом, красное знамя. И хотя Дин плохо говорил по-русски, однако переводчика ему не понадобилось: все было понятно и так, без лишних слов. Потом Дин признается: «Проходя по Дворцовой площади, я подумал: „Ты должен быть счастлив, ведь находишься на земле, где начиналась Великая Октябрьская революция“.

К сожалению, Дин в тот день был, наверное, одним из немногих, кто думал подобным образом. Большинство

демонстрантов относилось к происходящему без излишней патетики, а то и просто равнодушно. К тому времени советское общество вступило в полосу серьезного кризиса, когда большинство пропагандистских лозунгов уже не работало. Ситуация дошла до той точки, когда верхи и низы жили обособленно друг от друга, сохраняя подобие тесной связи только внешне: в виде многочисленных плакатов, развешанных во всех советских городах, где значилось, что «Народ и партия едины». 74-летний Брежнев выглядел уже совсем плохо.

Не лучшим образом обстояли дела и у других руководителей страны, которые пребывали в не менее преклонном возрасте, чем генсек: самому старому члену Политбюро Арвиду Пельше шел 83-й год, Михаилу Суслову – 79-й, Николаю Тихонову **1 мая** исполнилось 76 лет, Андрею Кириленко шел 75-й год, Дмитрию Устинову – 73-й, Андрею Громыко – 72-й. Возраст еще четверых членов Политбюро приближался к семидесяти (им было от 65 до 69 лет). И только двум представителям высшего партийного ареопага не было еще шестидесяти: Григорию Романову исполнилось 58 лет, Михаилу Горбачеву – 50. Это был своеобразный рекорд: ни одно государство в мире не имело такого количества престарелых руководителей.

Естественно, люди это видели и реагировали соответственным образом: про членов Политбюро в народе ходили десятки анекдотов и саркастических частушек. Все это дискредитировало власть, а самих ее проводников делало посмешищем в глазах окружающих. И это при том, что население не видело своих руководителей вблизи, не знало, как они себя ведут в обычной жизни. Но все обо всем догадывались. Позднее многолетний телохранитель Брежнева Владимир Медведев публично поведает о том, как выглядели руководители страны вблизи:

«С министром иностранных дел Громыко разного рода ЧП случались неоднократно. В конце семидесятых годов Брежневу вручали очередную Золотую Звезду Героя. Все соратники и единоверцы стояли на почтительном расстоянии, выходили по очереди к микрофону и дружно аплодировали каждому восхвалению своего вождя. Неожиданно Громыко стало плохо, он начал заваливаться. С одной стороны к нему прижался стоявший рядом Андропов, с другой притиснулся еще кто-то, и так, сжатого с двух сторон, Андрея Андреевича в полуобморочном состоянии вынесли из зала…

В другом случае еще один из лидеров страны в перерыве всесоюзного совещания зашел в туалет, сел на унитаз и… заснул там. Охрана сорвала дверь, разбудила! Я не могу назвать его

фамилию – стыдно. За страну стыдно, за великую державу.

Андрей Павлович Кириленко являлся фактически третьим лицом в партии, а значит, и в государстве. У него началась атрофия головного мозга, но он продолжал работать… Мне приходилось быть свидетелем его телефонных разговоров с Брежневым. Кириленко звонит:

– Леонид, здравствуй!

– Здравствуй.

– Это я, Андрей.

– Слушаю, слушаю тебя, Андрей.

– Ты знаешь… – вдруг замолкал. Наступала длительная пауза. Леонид Ильич сидит, улыбается, ждет. – Леонид, извини, вылетело из головы…

– Ну ничего. Вспомнишь – позвони.

Брежнев с улыбкой передавал мне:

– Ну вот, хотел что-то сказать и забыл…»

Стареющие руководители просто физически не могли уже нести на своих плечах бремя огромной страны, однако продолжали руками и зубами держаться за свои руководящие кресла. В их среде сложилось мнение, что если кто-нибудь из них уйдет на заслуженный покой, то это внесет дисбаланс в общество и сыграет на руку их врагам. Они даже не задумывались, что их упорное нежелание уступить свои места более молодым и энергичным лидерам наносит стране еще больший вред. И каждый день такого промедления только усугублял ситуацию: народ стремительно терял остатки доверия к власти, общество разлагалось, проблем во всех областях жизни становилось все больше и больше.

Однако внешне все продолжали строить хорошую мину при плохой игре: власть трубила о своем единстве с народом, а народ рапортовал о своей поддержке власти. На самом деле между властью и народом образовалась настоящая пропасть, которая с каждым днем увеличивалась все сильнее и сильнее. Срочные меры надо было принимать еще пять лет назад, на XXV съезде КПСС, но этого сделано не было. В итоге к следующему съезду КПСС, который состоялся в **феврале 1981 года**, советское руководство пришло практически в том же составе, но состав этот был уже катастрофически стар. А старым людям перемены ни к чему. И в то время, как в начале 80-х мир подошел к очередному переделу сфер влияния, советское руководство уже было не в состоянии отвечать на эти вызовы времени.

Дин все это, конечно, видел и испытывал те же чувства, что и большинство людей: ему было грустно. В такие минуты он все чаще мысленно возвращался к событиям недавнего прошлого – к

60-м годам, когда мир, как казалось многим, стоял на пороге серьезных перемен к лучшему. Это были романтические годы, когда революционные идеи владели миллионами умов, а ветер свободы витал над половиной мира. Именно на волне этих идей Дин и пришел сначала к пацифизму, а потом и к марксизму. В те годы он был уверен, что под ударами прогрессивных режимов, к которым он в первую очередь относил страны социализма, капиталистический мир если и не рухнет, то вынужден будет существенно измениться в лучшую сторону. И наступившая в начале 70-х годов разрядка ясно на это указывала. Но действительность оказалась совсем не такой, какой представлялась Дину, да и миллионам других людей. На рубеже 70-х маятник начал разворачиваться в обратную сторону, и все, что с таким трудом было завоевано в годы разрядки, грозило быть похороненным. Обе системы опять вернулись к своим первоначальным позициям.

Будучи человеком неглупым, Дин не собирался винить в происшедшем лишь одну сторону – противоположную. Он понимал, что достаточно ошибок надела и та сторона, на которую он поставил в этой игре. И, часто размышляя над природой этих ошибок, Дин приходил к мнению, что они были обусловлены несколькими факторами. Во-первых, тем, что социализм был еще слишком молод (в **1977 году** он отметил свое 70-летие, что равнялось средней продолжительности жизни одного человека), во-вторых – внешними факторами, выразившимися в кознях многочисленных врагов, которые буквально не давали социализму ни дня передышки, и, в-третьих, – непростительными ошибками, которые совершали и продолжают совершать сами лидеры социализма.

Взять, к примеру, то же упорное нежелание уступать свои места молодым, чуть ли не патологическая боязнь какого-либо обновления. Ведь сложившаяся в советском руководстве ситуация служила дурным примером и для других руководителей Восточного блока. Так, лидеру СЕПГ Эриху Хонеккеру через год исполнялось 70 лет, председателю Совета Министров ГДР Вилли Штоффу шел 67-й год, президенту Народной палаты ГДР Хорсту Зиндерманну – 66-й. И хотя самый старый член восточногерманского Политбюро – 74-летний Альберт Норден – в прошлом году был отправлен на пенсию, общей ситуации это не меняло: руководство СЕПГ, хоть и было моложе советского, однако ненамного. Та же картина была и в других соцстранах: руководителю Болгарии Тодору Живкову было 70 лет, венгерскому лидеру Яношу Кадару было на год меньше, чехословаку Густаву Гусаку – 68 лет, монголу Цеденбалу – 65.

Самым молодым был румынский лидер Чаушеску, которому шел 63-й год.

Между тем дело было не только в возрасте, но и во времени, которое человек занимал высшие в стране посты. Если в тех же США президенты менялись каждые четыре года и почти такие же сроки фигурировали и в большинстве западноевропейских стран, то в Восточном блоке все было совершенно иначе – там можно было сохранять высшие посты чуть ли не пожизненно. Так, Брежнев руководил страной вот уже 17 лет, Чаушеску – 16, Гусак – 12, Хонеккер – 10. Но дольше всех у руля стояли Живков – 27 лет, Кадар – 24, Цеденбал – 23 года (среди западных политиков единственный пример такого рода – президент Финляндии Урхо Кекконен, который занимал этот пост 25 лет).

Учитывая, что руководство страной дело все-таки архисложное и отнимает у человека много физических сил, было бы уместно ввести в странах социализма специальную возрастную квоту, которая ограничивала бы время пребывания на высшем посту хотя бы двумя сроками. Но этого как раз и не было. Поэтому каждый раз, когда Дин живьем или на экране телевизора видел того же Брежнева, он испытывал двойственные чувства: с одной стороны, жалел этого старого и больного человека, с другой – досадовал, что подобным образом в глазах миллионов людей во всем мире дискредитируется сама идея построения справедливого общества, ради которой в разные годы сложило головы столько людей.

Тем временем вечером **1 мая** Дин дал свой последний концерт в Ленинграде. В этот же день в газете «Смена» было опубликовано интервью с ним под названием «Мое сердце с вами!». В нем Дин поделился своими впечатлениями от пребывания в Советском Союзе (естественно, только позитивными), а также отпустил «шпильку» по адресу своего соотечественника – знаменитого американского певца Боба Дилана. Цитирую:

«Я, к примеру, никогда не верил Бобу Дилану, хотя тот писал прекрасные актуальные песни. Но сочинял их в „оранжерейных“ условиях – собственном особняке, студиях звукозаписи. Зарабатывал на них огромные деньги в то время, когда другие шли в бой, рискуя жизнью. Многие из них погибли. Дилан же, нажив миллионы, круто переменил взгляды, став реакционером, антикоммунистом, потому что это теперь выгодно, на этом можно „делать деньги“…»

Как мы помним, Боб Дилан завоевал звание бунтарского певца в 60-е годы, во время войны США во Вьетнаме. Однако в следующем десятилетии, когда закончилась не только эта война,

но из американского общества выветрился сам дух бунтарских 60-х, Дилан превратился во вполне добропорядочного исполнителя – этакого типичного буржуа с гитарой. Останься он таковым, и, вполне вероятно, не удостоился бы от Дина Рида никаких уничижительных оценок. Однако Дилан публично осудил ввод советских войск в Афганистан, что и вызвало столь бурную реакцию со стороны Дина. Сам он, как мы помним, тоже не был в восторге от этого вторжения, однако публично об этом никогда не заявлял, поскольку понимал, что в таком случае подыграет противнику. А это было не в его правилах.

Что касается Дилана, то его антикоммунизм был явлением вполне закономерным: с приходом к власти Рейгана в США все больше людей стали исповедовать именно эту идеологию. И представители творческой интеллигенции не остались от этого в стороне. Например, в последние пять лет в США практически не снималось антисоветских фильмов, а если таковые и появлялись, то чаще всего их сюжеты были завуалированы под фантастические. Только за один **1979 год**, год подписания венских соглашений по ОСВ-2, на экраны Америки вышли сразу три таких фильма: «Бак Роджерс в XXV веке», «Звездный линкор „Галактика“ и „Столкновение звезд“. Поскольку создатели этих картин не слишком изощрялись в желании скрыть адресатов своих персонажей, зрители прекрасно понимали „кто есть ху“ в этих картинах.

Например, в «Баке Роджерсе» действовали три цивилизации: Федеральный директорат – этакая цитадель цивилизации, огражденная от внешнего мира хитроумной технологией, государство Анархия, которое населяли примитивные обитатели, и империя Дракония – тоталитарное общество, основанное пришельцами с иных планет. И практически с первых же кадров зрителю было понятно, что Директорат – это США, Дракония – страны социализма, а Анархия – все остальное человечество. Главной составляющей сюжета этой картины служила следующая коллизия: руководители Драконии пытаются обмануть руководство Директората лживыми заверениями о своем миролюбии, но те не поддаются на это и, ввязываясь в схватку с ними, побеждают. После чего несут блага цивилизации населению Анархии.

При Рейгане все эти условности были отброшены в сторону, и в Голливуде начали клепать конкретные антисоветские картины типа «Москвы на Гудзоне», где речь шла о современных реалиях и где советские люди представали в образах откровенных дебилов (причем эти роли соглашались играть бывшие советские актеры вроде Савелия Крамарова). И даже присуждение премии «Оскар» в

марте 1981 года советскому фильму «Москва слезам не верит» как лучшему зарубежному фильму было скорее исключением, чем правилом: это событие так и не стало поводом к затуханию антисоветской кампании в американском искусстве.

Что касается советского кинематографа, то он в 70-е годы откровенно антиамериканских фильмов не снимал. Вместо этого он закупал американские фильмы на социальные темы («Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», «Топ и Гарри», «Новые центурионы», «Жестокое лицо Нью-Йорка» и др.), которые должны были показать советскому зрителю всю жестокость капиталистического мира. Однако фильмов, обличающих политическую систему Америки, советские прокатчики не покупали, довольствуясь итальянскими фильмами на эту же тему. (До советского проката так и не дошла самая мощная американская лента подобного рода «Вся президентская рать» (1976) об уотергейтском скандале. Правда, советские кинематографисты сняли похожую ленту, «Вся королевская рать» (1971), однако это несколько иное – советское кино про американцев и собственно американское кино про самих себя). Так что в 70-е годы, особенно в эпоху «разрядки», советские власти соблюдали определенные правила игры на киношном поле.

Когда к власти в США пришел Рейган и открыл шлюзы для самой разнузданной антисоветской кинопродукции, Москва тоже не осталась в долгу. Вот почему известный американский фильм Сиднея Поллака «Три дня Кондора», где речь шла о разоблачениях преступных методов ЦРУ, вышел в советский прокат именно в то время – в самом конце **1981 года**. А вот фильм Фрэнсиса Форда Копполы «Апокалипсис наших дней» до советских экранов так и не добрался. Как мы помним, его показали на Московском кинофестивале в 1979 году, хотели уже купить для советского проката, но тут случились афганские события и эту идею благополучно похерили: по мысли советской стороны, фильм об ужасах вьетнамской войны мог невольно навести зрителей на мысли о войне афганской.

По той же причине не случилось реализовать с тем же Копполой и другой кинопроект: советско-американский фильм, посвященный проблемам разоружения. Идея подобной картины принадлежала администрации Картера, и тот лично встречался в начале **1979 года** с Копполой, чтобы заручиться его поддержкой. Режиссер такое согласие дал: от имени своей фирмы «Зоотроп фильм» он изъявил желание принять на себя финансовое и организационное обеспечение проекта с американской стороны. С нашей стороны за это дело взялось Госкино. Фильм

планировалось запустить в **1980 году**, но события в Афганистане поставили крест и на этом проекте.

Между тем похолодание в политике прибавило работы нашему герою, Дину Риду. После того как были заморожены советско-американские отношения в области культуры и началась открытая конфронтация двух держав по всем направлениям, именно Дину было предложено взяться за постановку фильма, разоблачающего хваленую американскую демократию. Причем выбор темы оставили за ним. Дин думал недолго и в итоге решил обратиться к событиям начала 70-х, когда американское правительство подавило восстание индейцев в местечке Вундед-Ни. Эта тема давно волновала Дина, и в его репертуаре была даже песня под тем же названием, написанная им по горячим следам этих событий. Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, стоит рассказать об этом подробнее.

Эта история началась **27 февраля 1973 года**. Именно в тот день около двухсот индейцев племени сиу – членов Движения американских индейцев за гражданские права (ДАИ), основанного в 1970 году, – захватили здание бюро по индейским делам в поселке Вундед-Ни (Раненая Коленка) в резервации Пайн-Ридж, где в **декабре 1890 года** 7-й кавалерийский эскадрон армии США расстрелял из пушек 250 индейцев. Восставшие выдвинули требование: сенатской комиссии во главе с сенатором Эдвардом Кеннеди следует немедленно начать расследование деятельности правительственного бюро по делам индейцев и МВД, дискриминирующих коренное население Америки. Индейцы требовали проверить 371 договор, которые они когда-то подписали с белыми и большинство из которых последние бессовестно нарушают. Разъясняя позицию индейцев, член ДАИ Клайд Беллькур заявил:

«Вожди и старейшины племен пригласили нас в эту резервацию… Трижды по самым разным случаям пытались они привлечь к суду президента их племени. Они просили провести референдум о реформе их конституции… У них ничего не вышло. Это возможно для людей белых, но не для индейцев…

Выкурив с нами трубку мира и каждого из нас обняв, вожди и старейшины просили нас сделать все необходимое для разоблачения тех условий, в которых живут индейцы в резервациях и по всей стране. Вундед-Ни в Южной Дакоте выбрали потому, что это средоточие эксплуатации индейцев в этой стране… В Вундед-Ни основали свою торговую факторию Гильдерсливы… которые благодаря системе кредита контролируют теперь почти все земли индейцев… и продают индейцам продовольствие по сверхвысоким ценам: покупают у

них за 5 долларов расшитые бусами мокасины, а на другой день индейцы видят эти мокасины в витрине, но цена им уже 60 долларов… Именно в Вундед-Ни члены ДАИ, оглала-сиу, вожди племен, старейшины и их сторонники решили стоять насмерть…»

Поначалу власти отнеслись к этой индейской акции без должного понимания и, блокировав захваченное здание, предложили краснокожим добровольно покинуть его. Дескать, кончайте бузить, расходитесь, а мы, в свою очередь, так и быть, обязательно рассмотрим ваши требования. Но индейцы на это не купились и извлекли на свет огнестрельное оружие, винтовки, которыми заранее запаслись. Только после этого власти поняли, что дело серьезное.

В начале **марта** ситуация в Вундед-Ни накалилась до такой степени, что началась перестрелка индейцев с полицией. Появились первые раненые, к счастью, не смертельно. Но и этого хватило, чтобы власти объявили в Вундед-Ни блокаду и отключили в зданиях, которые захватили индейцы, воду и электричество. Одновременно были заведены уголовные дела против 31 краснокожего активиста. Во время следующего штурма был убит один агент ФБР, двое индейцев ранены.

Вся Америка с интересом следила за этими событиями и разделилась на две половины: одна часть была на стороне властей, другая поддерживала краснокожих. К стану последних примкнул и актер Марлон Брандо, которого Дин уважал за многие его смелые поступки и высказывания, идущие вразрез с официальной линией Вашингтона. События в Вундед-Ни не оставили Брандо равнодушным, и в начале **апреля** он совершил смелый поступок. Когда на церемонии вручения премии «Оскар-72» подошла его очередь выходить на сцену (а к тому времени ситуация в поселке все еще оставалась напряженной), вместо него вышла девушка из племени апачи по имени Шашин Маленькое Перо и зачитала заявление актера. Приведу лишь отрывок из него:

«Голливуд, крупнейший кинематографический центр, виновен в том, что в лентах, выпускаемых в его студиях, индейцы изображены враждебными, злыми, дикими существами. Голливуд постоянно высмеивает черты индейского характера, издевается над самым дорогим для каждого индейца. Как же индейские дети могут смотреть в глаза друг другу, когда они постоянно видят, как на экране высмеивается и унижается народ, к которому они принадлежат?!»

Осада Вундед-Ни длилась 71 день и завершилась **8 мая**. Лидера индейцев Рассела Минса приняли в Вашингтоне и после продолжительных переговоров заверили, что ряд выдвинутых

индейцами требований будут удовлетворены. И поначалу власти действительно выполняли свои обещания. Но вскоре напрочь о них забыли и обрушили на участников восстания и всех, кто им помогал, репрессии. 550 арестованных, 185 обвинительных актов – таковы были масштабы деятельности американской Фемиды в одной индейской резервации. Был арестован и Рассел Минс, которому предъявили обвинение в «вооруженном сопротивлении представителям власти, находящимся при исполнении своих обязанностей».

Художественный фильм о восстании в Вундед-Ни первым задумал снимать еще Марлон Брандо, но из этой затеи так ничего и не вышло: среди боссов Голливуда не нашлось смельчаков, кто согласился бы выделить деньги на этот проект. А в Восточном блоке эта идея в 70-е даже не рассматривалась, поскольку в ходу была «разрядка». В той же ГДР хоть и снимали антиамериканские «дефа-вестерны», однако речь в них шла о событиях столетней давности, а история Вундед-Ни была из современности. Но в начале 80-х, когда к власти в США пришел крайне правый президент, табу с этой темы было снято. В качестве создателя такого фильма был выбран Дин Рид, который, во-первых, был американцем, во-вторых – хорошо знал историю восстания в Вундед-Ни. За написание сценария Дин засел в конце **1980 года** и к моменту своего гастрольного турне по Советскому Союзу успел уже написать половину текста.

Но вернемся непосредственно к гастролям Дина **весной 1981 года**.

После выступлений в Ленинграде он отправился в Москву. Поселился в гостинице «Метрополь», где дал интервью журналу «Панорама». Потом вместе с фотокорреспондентом этого издания Дин отправился на прогулку по Москве, чтобы быть запечатленным на пленку на фоне ее улиц и площадей. Судя по фотографиям, опубликованным в журнале, настроение у Дина прекрасное: он смеется, с удовольствием общается с москвичами.

Между тем в столице Дин дал всего один концерт – **7 мая** в Государственном концертном зале «Россия». Причем это выступление было незапланированным: об этом Дина попросил Союз композиторов СССР во главе с Тихоном Хренниковым, и отказать Дин никак не мог: в **октябре 78-го**, когда его арестовали в Америке, именно Союз композиторов СССР прислал в тюрьму первую телеграмму поддержки. Поэтому этот концерт Дин отработал совершенно бесплатно. Представление состояло из двух отделений, и Дин выступал во втором вместе с «Верасами». А в первом зрителей развлекали: «Скиффл-группа» из города Шверина (ГДР), Иосиф Кобзон, Ренат Ибрагимов, Галина

Ненашева, Сергей и Татьяна Никитины, ансамбль «Гренада» и др.

Находясь в Москве, Дин совершил несколько деловых визитов. Он встретился с руководителем Советского комитета защиты мира Юрием Жуковым и Генеральным секретарем ЦК КП Чили Луисом Корваланом.

В ГДР Дин вернулся в прекрасном настроении, переполненный впечатлениями и в предвкушении встречи с любимой женщиной – Ренатой Блюме. Они жили как муж и жена в доме Дина в юго-восточном районе Берлина Раухфангсвердер и в скором времени собирались зарегистрировать свои отношения официально. Вместе с ними жил и 9-летний сын Ренаты от первого брака Александр.

В ГДР Дина застало известие о том, что в Риме было совершено покушение на папу римского Иоанна Павла II. Это случилось **13 мая** на глазах 20 тысяч богомольцев, собравшихся на площади Святого Петра. К счастью для папы, выстрелы оказались несмертельными, а сам преступник был схвачен на месте преступления. Им оказался 23-летний турок Мехмет Али Агджа, который имел отношение к турецкой террористической организации «Серые волки».

В то время как восточногерманские газеты писали, что Агджа – религиозный фанатик-одиночка, западные СМИ напирали на то, что Агджа – агент социалистических спецслужб. По их версии, смерть папы была выгодна Кремлю, который таким образом хотел лишить бунтующую Польшу их духовного лидера (как мы помним, Иоанн Павел II был поляком Каролем Войтылой и поддерживал «Солидарность»). Итальянские спецслужбы поначалу тоже разделяли эту версию и даже арестовали болгарского гражданина Сергея Антонова, объявив его агентом болгарских спецслужб, помогавшим Агдже в его преступлении. Однако в итоге доказать причастность Антонова к покушению так и не удастся, и он будет выпущен на свободу.

Кстати, за полтора месяца до покушения на папу жертвой такого же преступления стал президент США Рональд Рейган. **30 марта**, в момент, когда он выходил из вашингтонского отеля «Хилтон», где Рейган выступал перед профсоюзными деятелями, он был обстрелян из пистолета. Одна пуля попала Рейгану в грудь, остальные приняли на себя его телохранители, которые сумели прикрыть президента своими телами и втолкнуть в автомобиль.

Нападавшим оказался сын состоятельного нефтепромышленника Джон Хинкли. Поначалу ряд американских СМИ тоже пытались уличить Хинкли в связях с коммунистами, поскольку последним смерть Рейгана была очень выгодна. Новый

президент США только два месяца занимал свой пост, но уже успел здорово досадить той же Москве, сделав целый ряд резких заявлений. Так, всего через 9 дней после въезда в Белый дом Рейган заявил, что не знает «ни одного лидера Советского Союза со времен революции и включая нынешнее руководство страны, который бы не заявлял, и притом не раз, на различных коммунистических съездах, что их целью должно быть содействие мировой революции и создание единого социалистического или коммунистического государства». Кто бы ни вступал в договорные отношения с СССР, продолжал Рейган, должен всегда помнить, даже в условиях разрядки, что для советских лидеров «единственно морально оправданным является только то, что способствует реализации их целей» и что «они резервируют за собой право совершать любое преступление, лгать и обманывать».

Версия о причастности коммунистов к этому покушению продержится недолго. Следствие так и не найдет никаких улик на этот счет и объявит Хинкли убийцей-одиночкой, который совершил свое преступление с целью прославиться (типичный для западных реалий побудительный мотив многих маньяков). Что касается Рейгана, то он достаточно быстро поправится и уже **11 апреля** вернется к исполнению своих обязанностей.

В **июне** возобновились концерты Дина в ГДР: **7-го** он дал концерт на стадионе в Лейпциге. А на следующий день в журнале «Ньюсуик» была напечатана большая статья про него, принадлежавшая перу американского журналиста Билла Хэвитта. Статья была выдержана в положительном ключе, что было удивительно – в Америке уже поднимал голову антисоветизм, и статья об американце, ставшем другом Советскому Союзу, выглядела на этом фоне как нечто невероятное. Это была робкая попытка либеральных кругов если не сбить, то хотя бы смикшировать поправение Америки. Из этой же оперы было и уже упоминавшееся присуждение «Оскара» советскому фильму «Москва слезам не верит». Увы, эти попытки ничего не изменят: антисоветизм, который направлялся непосредственно из Белого дома, станет краеугольным камнем рейгановской политики.

Между тем факт выхода статьи в «Ньюсуик» несильно занимал внимание Дина, поскольку в те дни его гораздо больше волновало другое событие – премьера его фильма «Пой, ковбой, пой». Это событие случилось **12 июня** во время «Летних дней кино» в ГДР. А **18 июня** фильм уже демонстрировался в одном из престижных восточноберлинских кинотеатров «Космос». Дин пришел туда не один, а в компании с Ренатой Блюме и ее сыном Александром.

Спустя несколько дней в немецкой печати появились первые

рецензии на фильм, которые были выдержаны в спокойных тонах. Дина не ругали, но и особо не хвалили, из чего Дин сделал вывод, что фильм особого впечатления на критиков не произвел. Но Дин давно убедил себя, что критиков слушать не стоит, а главным показателем успеха должно служить мнение зрителей. «Прокат картины все рассудит», – решил про себя Дин.

Тем временем в ГДР в те дни приехал американский режиссер Уилл Робертс (тот самый, с которым Дин познакомился в дни МКФ в **августе 1979 года**) и приступил к съемкам документального фильма про Дина Рида под весьма выразительным названием «Американский бунтарь». Причем денег под свою картину Робертс в Америке найти не сумел, поэтому вынужден был снимать на свои средства – он заложил свой дом в Штатах. **1 июля** состоялась очередная съемка – интервью Дина Рида, где он высказал свое отношение к марксизму. Цитирую:

«Марксизм – политическая и экономическая философия, где мы верим в то, что можем изменить общество, сделать его лучше для человеческого существования. Но мы не заманиваем в это общество посредством метафизики. Например, церковь Южной Америки верит не в марксистские представления, а в метафизические. Она учит, что если ты, к примеру, рожден бедным, то надо принимать это как данность. И если ты примешь это, то тогда попадешь в рай на небесах после окончания жизни на земле. Марксист рассуждает иначе: „Нет. Мы изменим это положение, мы изменим жизнь и сделаем ее лучше прямо сейчас, при этой жизни. Мы не будем ждать, пока бог сделает это. Мы сделаем это сами“…

Я не являюсь членом какой-либо партии, поэтому я не могу назвать себя марксистом или социалистом. Потому что у меня своя жизненная позиция и философия… Я принадлежу только себе и прислушиваюсь к голосу своей совести…»

Спустя несколько дней Дин и Рената отправились в Москву, чтобы присутствовать на XII Московском международном кинофестивале, который проходил **7—21 июля**. Дин приехал туда не с пустыми руками – привез свою картину «Пой, ковбой, пой», которая участвовала во внеконкурсном показе. В этом же показе участвовали следующие фильмы: «Полуночный ковбой», «Глория» (оба – США), «Предупреждение», «Последнее метро», «Укрощение строптивого» (все – Италия), «Мефисто» (Венгрия), «Мой американский дядюшка» (Франция) и др.

Все дни пребывания в Москве Дин и Рената были при деле: посещали кинопросмотры, встречались с коллегами и друзьями. У Дина знакомых было больше, хотя и Ренату в Москве хорошо

знали, поскольку ее последней киноработой была роль в фильме советского режиссера Льва Кулиджанова «Карл Маркс. Молодые годы». Они посетили Красную площадь, ВДНХ, побывали на «Мосфильме». Последнее посещение для Дина было еще и рабочим: именно эта киностудия собиралась участвовать с советской стороны в съемках фильма Дина про восстание в Вундед-Ни (позднее это право перейдет к Рижской киностудии). Что касается фильма «Пой, ковбой, пой», то советские прокатчики согласились его купить, чтобы поставить в план проката следующего года.

Фестиваль завершился **21 июля**. Главных призов на нем были удостоены три фильма: «Тегеран-43» (СССР), «Опустошенное поле» (Вьетнам) и «Выжатый человек» (Болгария).

Вернувшись в ГДР, Дин продолжил работу над сценарием «Вундед-Ни», а в свободное время гонял на своем спортивном мотоцикле по проселочным дорогам. Гонял либо один, либо в компании с лихими рокерами из того же района Раухфангсвердера. Эти молодые ребята нравились Дину: они относились к нему без всякого чинопочитания, как к своему, и были абсолютно аполитичны. Зато они любили западную рок-музыку и просвещали Дина по части современных музыкальных течений. Восточногерманский рок они не слушали. Во всяком случае, когда Дин заикнулся было, что ему нравится группа «Пудис», его едва не подняли на смех. Однако Дина эти насмешки совершенно не убедили и свое отношение к «Пудису» он не изменил: ребята из этой рок-команды ему продолжали нравиться, особенно вещи, которые они исполняли в классическом роковом ключе.

Из других восточногерманских исполнителей Дину больше всего нравились Катрин Линдер, Хольгер Биге, а также группа «Октобер-клуб». Что касалось классической музыки, то Дин никогда ею особо не увлекался. И это неудивительно, поскольку в США подобная музыка – досуг лишь для высших слоев общества. В родном городе Дина Денвере проживало более полумиллиона жителей, но не было ни оперного театра, ни собственного симфонического оркестра, по пальцам можно было пересчитать магазины грампластинок, в которых бы продавали записи классической музыки.

В августе Дин вернулся к концертной деятельности. **16 августа** он дал концерт в зале «Палас дер Републик» в Восточном Берлине. **25–30 августа** в этом же зале прошли большие концерты Дина под названием «Пой, Дин, пой», где помимо него участвовали также Фил Эверли (друг молодости Дина), Дагмар Фредерик, Йозеф Лаупер, Марион Шарф, Элке Мартенс. **28**

августа Дин принял участие в митинге журналистов на Александр-плац в Восточном Берлине.

В **сентябре** Дин отправляется в Чехословакию, где на пражской студии «Супрафон» записывает диск «Дин Рид— кантри». Это была первая пластинка Дина, выпущенная в соцстране, куда он не включил ни одну из своих гражданско-патриотических песен. Это был диск из любовной лирики, который подводил определенную черту под творчеством Дина. Ему захотелось, чтобы публика перестала ассоциировать его только с песнями протеста и в полной мере задумалась над тем, что он еще и лирик. Этот поворот был обусловлен не только некоторой усталостью Дина от политики, но и переменами в его личной жизни – в ту пору он был по-настоящему влюблен в Ренату Блюме. И этот альбом он, в сущности, посвящал ей – она была его тогдашней Музой.

В пластинку вошли 12 песен: «Susan» («Today i shall come to»), «Lucille», «You came into my life girl», «High Noon», «Colorado sun», «My friend», «Riders on the Sky», «22 of September», «Thunder and Lightning», «Living Alone», «A Cowboy», «Deano loves you Baby».

Между тем запись этого альбома оказалась омрачена большим скандалом, который случился между Дином и чиновниками из чехословацкого Министерства культуры. Стоит отметить, что этот скандал зрел давно, причем не по вине Дина. Слывя любителем острых ощущений в большой политике, в бытовой жизни Дин был малоконфликтным человеком. Здесь он терпеть не мог выяснять отношения и старался избегать любых трений как с друзьями, так и с коллегами по работе. В итоге долгие годы Дину удавалось сохранять собственные нервы в полном порядке именно благодаря своей гибкой позиции в разного рода конфликтах. Однако вечно продолжаться так не могло.

С годами ситуация менялась, и Дину становилось все труднее сохранять привычное хлоднокровие. Причем не только в быту (отсюда и проблемы в его семейной жизни), но и в своих общениях с чиновниками от культуры. Если раньше, в те же 60-е, высокопоставленные деятели из стран социализма относились к Дину с изрядной долей романтики, как к первому американцу, выбравшему в качестве своего идеала марксизм, то в начале 80-х от этого чувства уже не осталось и следа. Пришло новое поколение чиновников, которые были уже не романтиками, а прагматиками. Эти деятели относились к социализму исключительно потребительски, а такие люди, как Дин, которые продолжали верить во что-то светлое, для них были пережитком прошлого.

Дин все это видел, поскольку не заметить этого было просто невозможно. Ведь дело дошло до того, что высокие чиновники стали открытым текстом вымогать у него взятки. Именно это и произошло в Чехословакии, где с него потребовали крупную сумму в долларах за то, чтобы организовать его новое турне по стране. Дин поначалу был шокирован этим предложением, а потом взорвался. Он устроил такой скандал, что в кабинете чиновника, вымогавшего у него взятку, задрожали стены. Дин так заорал на хозяина кабинета, будто перед ним сидел не коммунист с многолетним партийным стажем, а настоящий враг типа пиночетовской ищейки. Впрочем, Дин справедливо считал, что подобные коммунисты приносят вреда не меньше, чем откровенные враги социализма.

– Судя по тому, что вы набрались смелости вымогать взятку даже у меня, вам подобная деятельность до сих пор сходила с рук, – прежде чем уйти из кабинета, заявил Дин. – Но вы зря это сделали. Я приложу максимум сил, чтобы ваша карьера на этом завершилась и вы пожалели, что связались со мной.

Увы, это сражение Дину выиграть было не суждено. Едва он попытался найти справедливости у руководства чехословацкого Министерства культуры, как его немедленно осадили. В ответ на его требование немедленно снять чиновника-взяточника с его должности ему ответили уклончиво: чиновника мы накажем, но каким именно образом – решим сами. В итоге Дин понял, что никто никого наказывать не собирается. Что эта система взяток опутала все министерство и одни взяточники ни за что не дадут в обиду других. Ведь в таком случае ниточка может дотянуться до самого верха. Когда Дин это понял, его запал моментально потух, хотя решимость не оставила.

– В таком случае я оставляю за собой право вообще отказаться от гастролей в вашей стране, – заявил Дин.

– Это ваше дело, – без всякой паузы ответил на это заявление министерский чиновник.

В итоге Дин в течение почти четырех лет не будет пересекать границу Чехословакии.

Стоит отметить, что конфликты с чиновниками от культуры у Дина в разные годы происходили не только в ЧССР, но также и в других социалистических странах. Однако именно в Праге конфликт достиг таких размеров, что это вынудило Дина надолго забыть дорогу в эту страну. Правда, на судьбе «супрафоновского» диска «Дин Рид—кантри» этот скандал не отразился – он выйдет в Чехословакии в **1982 году**.

Между тем этот конфликт обозначил проблему, которая все четче вырисовывалась перед Дином. Он понял, что новое

поколение чиновников из соцстран уже не воспринимает его как одного из передовых защитников социализма из числа иностранцев. Было очевидно, что он для этого поколения уже устарел и тому требуются более молодые и более рентабельные кумиры (вскоре они появятся в лице той же американской школьницы Саманты Смит).

Что касается творчества, то Дин и здесь сдавал одну позицию за другой. Взять тот же выпуск его дисков, который был одним из индикаторов его популярности. Из всех социалистических стран Дин записывал альбомы только в трех: Советском Союзе, ГДР и Чехословакии. Остальные страны либо предпочитали перепечатывать у себя эти пластинки, либо вообще их игнорировали. В итоге с конца 70-х к списку этих стран добавился Советский Союз, который перестал приглашать Дина к себе для записи пластинок, довольствуясь лишь их перепечаткой (в последний раз Дин записывал диск на «Мелодии» **летом 1976 года**).

Дина, естественно, интересовала эта проблема, и он неоднократно задавал советским чиновникам от культуры вопросы на эту тему. Те поначалу отвечали уклончиво, а потом сообщили, что такова практика студии: она с недавних пор стала предпочитать покупать только лицензионные диски. Но с Дином Ридом ситуация сложилась таким образом, что даже его готовые пластинки «Мелодия» стала покупать все реже и реже. Почему? Ответ лежал на поверхности: время, когда его диски в Советском Союзе отрывали с руками, навсегда закончилось. И если за 10 лет (**1967–1976**) в СССР вышло его четыре диска-гиганта и четыре миньона, то за последующие пять лет – три «гиганта» и один миньон. А все потому, что «Мелодия» в своих закупках все сильнее ориентировалась на тех исполнителей, которые обещали ей гарантированную прибыль. Дин Рид, увы, в список таких исполнителей уже не входил. Эта ситуация сильно била по самолюбию Дина, однако изменить что-либо в лучшую сторону было уже не в его силах.

В ГДР Дин вернулся ближе к двадцатым числам, чтобы успеть на важное событие: собственную свадьбу. Невестой была Рената Блюме, а сама церемония состоялась в день 43-летия Дина **22 сентября** в ЗАГСе восточноберлинского района Копеник. Практически все восточногерманские газеты сообщили об этом событии, а вот в Советском Союзе эта свадьба осталась незамеченной. Хотя о Дине Риде там пусть изредка, но все-таки продолжали вспоминать: так, **2 октября** по советскому телевидению был показан концерт Дина и вокально-инструментального ансамбля «Верасы», записанный в **апреле**

этого года.

В те дни Дина уже не было в ГДР – он отправился в Ирак, чтобы снимать там документальный фильм, посвященный проблемам Ближнего Востока. Это была не собственная инициатива Дина, а просьба международного отдела ЦК СЕПГ, который был заинтересован в появлении подобного пропагандистского фильма, который должен был разоблачить агрессивные действия Израиля. В **июне** тот нанес бомбовый удар по ядерной установке близ Багдада, пытаясь отсрочить превращение Ирака в ядерную державу (эту бомбардировку осудили в ООН даже США, правда, осудили чисто символически: всего лишь на несколько недель отложили поставку в Израиль новых военных самолетов). Дин пробыл в Ираке несколько дней, после чего отправился в Ливан для продолжения съемок (сразу после Ирака, в **июле**, Израиль напал и на это государство, совершив налет на Бейрут). Во время нахождения в Багдаде Дин утряс еще одну проблему: договорился с тамошними чиновниками из Министерства кинематографии, чтобы те разрешили ему снимать в Ираке натурные эпизоды его фильма «Вундед-Ни».

Из Ирака Дин заехал в Ливан, где пробыл около недели. За это время он встретился со многими из тех, с кем познакомился еще в свой первый приезд сюда осенью 77-го. Например, с капитаном Билялем и учеником сиротской школы Дэвидом. Последний здорово вымахал за эти годы: если в 77-м он был самым маленьким в классе и легко помещался у Дина на плечах, то теперь это уже был высокий и подтянутый юноша – лучший спортсмен не только в своем классе, но и в школе.

У Дина в Ливане появилось еще несколько друзей. Одним из них был детский поэт Тауфик, у которого была трагическая судьба. Восемь лет он томился в израильской тюрьме в Иерусалиме без предъявления какого-либо обвинения, хотя все знали, что он арестован за свои стихи. Наконец его выпустили на свободу, однако на родине ему жить запретили, и он уехал в Ливан. Там он написал несколько книг стихов и женился на ливанке Нине; у них родился сын. Но счастье молодой семьи продолжалось недолго. В начале 81-го во время очередного обстрела Бейрута одна из бомб угодила прямо в балкон дома Тауфика, где в тот момент находилась Нина. Женщина погибла мгновенно на глазах у соседей, которые в тот момент выбежали во двор.

В **ноябре** Дин вернулся в ГДР, где у него намечались очередные концертные выступления. **13 ноября** он дал концерт в городе Хольтхаузене, на следующий день выступил там же с

бесплатным концертом в одной из средних школ. **26 ноября** Дин дал концерт в «Штадтхалле» в городе Котбусе. **29 ноября** он уже был в Восточном Берлине, где принял участие в концерте солидарности, проходившем в «Палас дер Републик».

Между тем год закончился на тревожной ноте. В ночь на **13 декабря** первый секретарь ЦК ПОРП генерал армии Войцех Ярузельский объявил в Польше военное положение. В течение нескольких часов после этого были интернированы все лидеры профобъединения «Солидарность». Кризис власти в этой стране был преодолен. Узнав об этом, миллионы людей в Восточном блоке, в том числе и Дин, вздохнули с облегчением: так долго ожидаемой интервенции советских войск в эту страну не произошло, и польские власти сами нашли способ справиться с ситуацией. Однако враги Восточного блока отреагировали на это событие весьма нервно. **30 декабря** президент США Рональд Рейган обвинил СССР в причастности к политическому кризису в Польше и объявил о введении экономических санкций против Советского Союза (приостановка переговоров о продаже зерна, эмбарго на поставки оборудования для Транссибирского газопровода).

В начале **1982 года** Дин дал несколько концертов в ГДР, а также работал над последними страницами сценария «Вундед-Ни». А в самом начале **марта** отправился с гастролями в Советский Союз. Правда, это были не широкомасштабные гастроли, а всего лишь несколько концертов в московском Театре эстрады. Но Дин отправился в поездку с радостью, поскольку любил этот зал, в котором почти 16 лет назад состоялись его первые концертные выступления в СССР.

Дин прилетел в Москву ночным рейсом, а утром ему уже позвонила в гостиницу журналистка «Вечерней Москвы» Л. Завьялова. И первое, что она спросила: «Как дела, Дин?» Тот в ответ засмеялся и ответил по-английски: «О'кей». А потом раскрыл секрет своего прекрасного настроения: «Я недавно женился на актрисе Ренате Блюме, которая знакома вам по телефильму „Карл Маркс. Молодые годы“. И сейчас я очень счастлив…»

Турне Дина продлилось почти две недели и вместило в себя десять концертов (**3–5, 7–9, 11–12, 14–15 марта**). Аккомпанировал Дину инструментальный ансамбль из ГДР «Эвергин юниорс». Репертуар Дина состоял из почти трех десятков песен, четверть которых была новой. Причем Дин отдал предпочтение лирическим песням в стиле кантри и рок-н-роллам, а гражданские песни сократил до минимума.

В свободное от концертов и репетиций время Дин нашел

время встретиться с друзьями. Он побывал в Советском комитете защиты мира, в Останкине, на «Мелодии», где разговор шел о выпуске его лицензионной пластинки, записанной в прошлом году на «Супрафоне» («Дин Рид—кантри»). Кроме этого, Дин посетил издательство «Молодая гвардия», где речь шла о выпуске в СССР его биографии «Рождается в сердце», написанной Хансом Дитером Брайером и выпущенной в ГДР в **1980 году**. Еще он узнал, что его фильм «Пой, ковбой, пой» планируется для показа в Советском Союзе в конце этого года (в ГДР фильм был показан в прошлом году, имел слабую посещаемость и не самые лестные отзывы критики, что сильно расстроило Дина).

В один из тех мартовских дней Дин встретился и со своим старым приятелем Юрием Купцовым. Сначала они вдвоем сходили в Театр кукол Сергея Образцова (Дин там ни разу не был) на спектакль «Необыкновенный концерт», а потом всю ночь просидели в квартире Юрия в Воротниковском переулке за разговорами о политике. Поговорить им было о чем, поскольку с тех пор, как они вот так же сидели и беседовали под водочку, прошло несколько лет. За это время много воды утекло и многое изменилось. Особенно у Юрия, который сменил место работы: буквально на днях его перевели из ЦК ВЛКСМ в идеологический отдел ЦК КПСС. Как объяснил он сам – в подмогу будущему новому главному идеологу партии Юрию Андропову.

– Вообще, у нас тут в последнее время такие дела закручиваются, что просто голова идет кругом, – сообщил Юрий, цепляя вилкой жирный кусок семги из тарелки. – В одном только **январе** из жизни ушли сразу две большие шишки: главный идеолог Михаил Суслов и один из заместителей Андропова в КГБ Семен Цвигун. Причем обе смерти были тесно взаимосвязаны друг с другом. Говорят, у Цвигуна были на руках какие-то компрометирующие высших должностных лиц партии документы, которые он показал Суслову. Тот же на него наорал, и Цвигун, под впечатлением этого разговора, застрелился. А спустя несколько дней самого Суслова хватил инсульт и он скончался. Место главного идеолога осталось вакантным, и теперь его должен занять Андропов. Утверждение его на должность должно состояться на майском пленуме, цель у которого одна – сбить волну разговоров о слабости кремлевского руководства.

– Ты считаешь, что одним пленумом эту проблему можно решить? – искренне удивился Дин.

За последние несколько месяцев слухи о катастрофическом состоянии здоровья Брежнева практически в открытую ходили даже в ГДР. Когда Дин осенью прошлого года вернулся из Багдада и зашел в международный отдел ЦК СЕПГ, он услышал, как

секретарша чуть ли не в открытую пересказывала своей коллеге статью из западногерманского журнала «Штерн», где прямым текстом писалось: Брежнев доживает последние дни. Потом секретарши стали вслух рассуждать о том, кто встанет на место Брежнева. Причем присутствие в приемной Дина их нисколько не смущало: они были уверены, что этот разговор уместен так же, как обсуждение цен на какую-нибудь импортную кофточку.

Впрочем, Дина этот факт уже нисколько не удивлял. Он знал, что даже сам глава СЕПГ Хонеккер не стесняется в открытую критиковать здоровье советского генсека. Дин собственными ушами однажды слышал, как Хонеккер назвал Брежнева «генеральной развалиной». Почему Хонеккер вел себя подобным образом, Дин догадывался: судя по всему, он никак не мог ему простить его дружбу с бывшим канцлером ФРГ Вилли Брандтом, которого Брежнев называл «мой друг Вилли». К Хонеккеру он подобных эпитетов не применял.

Между тем Юрий ответил на вопрос Дина практически сразу:

– Пленум – это только начало процесса, катализатор рывка, который может вытянуть партию, а с нею и страну, из того болота, в которое ее загнала брежневская команда. Ведь в руках у Андропова находится компромат на всех высших деятелей страны. И не только высших – у него на крючке даже все секретари обкомов! Если он даст команду начать чистку партийных и хозяйственных органов, эти обожравшиеся нувориши полетят со своих постов, как перезрелые груши с дерева. И народ будет это только приветствовать.

– Ты думаешь, еще не поздно? – продолжал сомневаться Дин.

– Лучше поздно, чем никогда! – выдохнул Юрий, откидываясь на спинку стула. – Помнишь Галину Брежневу, которая пыталась выбить для тебя квартиру в Москве? Так вот, Андропов даже до нее добрался: так прижал ей хвост, что она теперь дрожит от одной мысли, что Андропов займет место ее отца. А он его обязательно займет, поскольку жить в этом маразме уже просто невозможно.

– Однако ты уверен, что поддержки простых людей достаточно для того, чтобы Андропов пришел к власти? Ведь после смерти Брежнева останутся сотни, если не тысячи его сторонников, которые не захотят так просто отдать свою власть?

– Ты так говоришь потому, что не знаешь, как много в верхах сторонников Андропова. Их не тысячи, а десятки тысяч. А знаешь почему? Потому что они тоже боятся за свою власть и не хотят ее потерять. А с брежневскими преемниками страна загнется уже через пару лет, похоронив под обломками обе стороны, включая и народ. Вот почему шансов прийти к власти у Андропова больше:

его поддержит большая часть аппарата. Все же прекрасно знают, что последнюю пару лет страной управляет не Брежнев, а те, кто стоит у него за спиной. В том числе и Андропов.

– И все же я не думаю, что приход Андропова к власти дело уже решенное, – возразил другу Дин. – Ведь он шеф спецслужб, а это значит, что его победа чревата для многих аппаратчиков большими проблемами, а то и закатом карьеры.

– Это ты рассуждаешь как американец, – усмехнулся Юрий. – А для нашего загнивающего общества именно человек из органов, да еще из таких, каким является КГБ, где аппарат наименее коррумпирован, является единственным спасением. Но с тем, что дорога на олимп у Андропова выстелена отнюдь не ковровой дорожкой, я согласен. В Политбюро друг другу противостоят две группировки. С одной стороны Андропов, Устинов, Громыко, с другой – Черненко, Кириленко и Тихонов. При равенстве сил исход противостояния может решить лично Брежнев. Но именно он в начале этого месяца рекомендовал Андропова на пост главного идеолога, то есть второго человека в стране.

– Значит, Брежнев поддерживает Андропова? – В вопросе Дина сквозило искреннее удивление.

– Вот именно! И лично я никак не могу понять, с чем это связано: то ли с тем компроматом, которым владеет Андропов на семейство Брежнева, то ли с осознанием Брежневым того факта, что страну надо спасать.

– И к какому выводу ты склоняешься больше?

– Я считаю, что здесь сплелись воедино оба фактора. При этом Брежнев давно знает Андропова и ценит его как умного и расчетливого политика, который редко ошибается. Ты заметил, как ловко в Кремле обставили ситуацию с введением военного положения в Польше? Ведь ситуация сложилась таким образом, что почти ни у кого ни здесь, ни на Западе уже не было сомнений в том, что мы введем свои войска в эту страну. На границе с Польшей было сосредоточено 44 наших дивизии, которые только ждали команды из Москвы, чтобы пересечь границу. И на Западе уже потирали руки в предвкушении очередной фатальной ошибки Кремля. А что получилось? Наши кремлевские старцы переиграли противника, ликвидировав кризис в Польше руками самих поляков. И знаешь, чья главная заслуга в этой ловкой операции? Андропова и Устинова. И Брежнев это оценил.

Выдохнув из себя этот монолог, Юрий замолчал, чтобы промочить горло напитком «Боржоми», который он пил по совету врачей. После пары символических рюмок водки, которые он опрокинул в себя в самом начале застолья, к спиртному он больше не притрагивался, впрочем, как и Дин, которому завтра

предстоял очередной концерт.

Осушив бокал, Юрий поставил его на стол, после чего продолжил свою мысль:

– Я думаю, Андропову по силам точно так же обвести вокруг пальцев и американцев. Ведь у него богатый опыт по этой части. Еще в конце 60-х он начал вбивать клин в союз США с Западной Европой, когда налаживал мосты с немецкими социал-демократами. Потом, конечно, не все получилось так, как он задумывал, но, приди он сейчас к власти, наверняка попытается снова проделать тот же трюк.

– Сомневаюсь, что у него это теперь получится, – с нескрываемым скепсисом в голосе произнес Дин. – Европа сегодня откровенно поправела: в ФРГ все идет к тому, что социал-демократы утратят власть уже этой осенью, в Англии железной рукой правит консерватор Маргарет Тэтчер, в Италии, после убийства Альдо Моро, который хотел заключить союз с коммунистами, правительство возглавляет Аминторе Фанфани, и в его правительстве нет коммунистов. Кроме этого, в Бельгии и Норвегии год назад левые тоже утратили власть, Испания вот-вот вступит в НАТО (это случится в **мае 82-го**. – *Ф. Р.*), а во Франции хоть и победил социалист Франсуа Миттеран, но он уже высказался в пользу развертывания крылатых ракет и ракет «Першинг-2» в Европе.

– Зато Миттеран в хвост и гриву бьет Рейгана за его политику в Африке и Латинской Америке, а также поддерживает его противников в Никарагуа, – возразил другу Юрий. – Именно этими разногласиями и будет манипулировать Андропов, когда придет к власти. Он не любит Америку и прекрасно понимает, что такие же чувства испытывают к твоей родине и многие европейцы.

Я согласен, что в Европе произошел заметный сдвиг вправо, но ты заметил, что этот сдвиг создал почву для критики политики США со стороны левых партий более яростную, чем они обычно высказывали, когда находились в правительстве. Воинственная риторика Рейгана находит отклик у американцев, но она пугает европейцев. Последние не испытывают к нам большой симпатии, но они убеждены в необходимости установить свой модус вивенди. А Рейган тупо идет на конфронтацию. Когда он вводил санкции против нас и поляков после введения военного положения в Польше, он даже не удосужился посоветоваться со своими европейскими союзниками. А его санкции против поставок оборудования для Транссибирского газопровода и вовсе вывели Западную Европу из себя. Конечно, эта мера Рейгана понятна: он боится, что мы с помощью этого газа удвоим свой

экспорт и получим столь необходимую для нас валюту. Но Европа из-за этих санкций тоже понесет колоссальные убытки.

– Я не думаю, что эти убытки станут поводом к резкой конфронтации Западной Европы и США, – пожал плечами Дин. – Эти разногласия имеют под собой тактическую основу, но не стратегическую. Европа для того и поправела, чтобы встать с США на единую стратегическую платформу. В ее основе – усиление давления на Восточный блок. Так что со всеми своими тактическими проблемами европейцы и американцы все равно договорятся. Поверь словам человека, который родился в Америке и семь лет прожил в Западной Европе.

Услышав последнюю фразу, Юрий рассмеялся, чем мгновенно разрядил обстановку.

– Споря с тобой, я и вправду забыл, кто ты и куда тебя забрасывала судьба, – произнес Юрий. – Но я все равно остаюсь при своем мнении: после прихода к власти Андропова мы сумеем надрать задницу твоим землякам. А если ты по-прежнему в этом сомневаешься, то давай поспорим. Хотя бы на ящик пива.

– Увы, но пиво я не люблю, – развел руками Дин.

– Хорошо, я ставлю десять банок черной икры, а ты со своей стороны выставляешь ящик баночного пива «Хольстен».

Новое предложение понравилось Дину больше – в отличие от пива, черную икру он любил и всегда привозил ее с собой из каждой поездки в Советский Союз. А тут можно было выиграть десяток банок дефицитного продукта. Огорчало только одно: что результат этого спора предстояло узнать не скоро.

Вечером того же дня, в те самые минуты, когда Дин давал один из последних своих концертов в Театре эстрады, расшифровка этого дружеского разговора легла на стол председателя КГБ Юрия Андропова. Разговор был записан «слухачами» КГБ из 12-го отдела не случайно. Дело в том, что так называемый «андроповский десант», который был отправлен в аппарат ЦК КПСС из комсомольских органов, причем как из Центра, так и с периферии, состоял из полутора десятков человек. Несмотря на то что люди это были все надежные и неоднократно проверенные КГБ, однако Андропов отдал распоряжение, чтобы в течение некоторого времени всех их поставили на временную «прослушку». Ведь дело, которое он затевал, требовало максимальной осторожности и секретности, поэтому лишняя проверка даже проверенных людей этому делу помешать не могла.

К середине марта прослушка длилась всего несколько дней и никаких особых результатов не принесла – в разговорах

прослушиваемых ничего важного не всплывало. Пока Юрий Купцов не встретился у себя на квартире с Дином Ридом. Этот разговор, который велся на английском, чрезвычайно заинтересовал начальника 12-го отдела, и после его расшифровки он принес его Андропову для ознакомления.

Почти два десятка страниц текста, отпечатанного убористым шрифтом на печатной машинке, Андропов проглотил за считаные минуты, не вставая из-за стола. Затем, сняв очки, он потер пальцами уставшие от чтения глаза и откинулся на спинку кресла. Прочитанное его приятно удивило. Он был поражен аналитическими выводами, прозвучавшими из уст Юрия Купцова, лишний раз воздав похвалу людям, которые порекомендовали ему этого человека для работы в ЦК КПСС.

Стоит отметить, что Андропов, давно зная отца Юрия и считая его хорошим специалистом в области международных дел, о самом Юрии был несколько иного мнения. В последний раз Андропов слышал о нем несколько лет назад, причем эта информация была не из приятных – ему сообщили, что тот угодил в больницу по причине бытового пьянства. Чуть позже Андропов узнал, что парень сумел-таки справиться со своей пагубной привычкой и вернулся на руководящую работу в ЦК ВЛКСМ. С тех пор Андропов потерял его из виду. Но совсем недавно, когда Андропов дал задание своим людям подобрать надежных и толковых людей для «десанта» в аппарат ЦК КПСС, он внезапно обнаружил в списке этих людей фамилию Юрия Купцова.

– Этот Купцов случайно не сын Петра Сергеевича Купцова? – спросил Андропов у человека, который составлял список.

– Он самый, Юрий Владимирович, – подтвердил догадку Андропова автор списка.

– А что, он уже не пьет?

– Как любой из нас, Юрий Владимирович, – исключительно по праздникам.

– Не из нас, а из вас: я, к вашему сведению, спиртное вообще в рот не беру даже по праздникам, – не преминул поддеть собеседника Андропов.

После чего вновь взял в руки список и, еще раз пробежав его глазами, спросил:

– Значит, этому Юрию Купцову можно доверить столь важное дело?

– Я думаю, можно.

– Вы думаете или уверены?

Автор списка раздумывал всего лишь секунду, после чего твердо произнес:

– Уверен, Юрий Владимирович.

Услышав это резюме, Андропов вложил список в кожаную папку, которую спрятал в ящик стола. После чего подвел черту под разговором:

– Будем надеяться, что вы не ошибаетесь.

Как показали результаты прослушки, автор списка не ошибся: рассуждения Купцова-младшего произвели на Андропова самое приятное впечатление. Парень хорошо разбирался в текущей политике и, главное, искренне поддерживал линию Андропова. И это была не бравада, иначе Андропов, хорошо разбирающийся в людях, сразу бы это раскусил.

Приятно удивили шефа КГБ и высказывания Дина Рида, которого он знал гораздо дольше, чем Юрия Купцова. Андропов относился к Дину с уважением и много раз лично убеждался в его политической зрелости. Для Андропова это было тем более удивительно, поскольку он считал большинство представителей такого легкого жанра, как эстрада, людьми аполитичными. Во всяком случае, по тем служебным документам, которые готовили ему его сотрудники и где речь шла о представителях творческой интеллигенции, выходило, что большая часть артистов эстрады совсем не интересуются политикой. Чаще всего их интересует, как бы побольше заработать денег на «левых» концертах и съездить на гастроли за границу, чтобы привезти оттуда импортных шмоток. За Дином Ридом ничего подобного не наблюдалось. А ведь он был американцем и в свое время имел все возможности сделать себе карьеру на поприще американской поп-музыки. По той информации, которая поступала Андропову из ГДР, Дин жил достаточно скромно. Так, его автопарк включал в себя советский автомобиль «Лада», которым он редко пользовался, и спортивный мотоцикл. Он имел средний по меркам германской элиты дом на юго-востоке Берлина, а часть денег, которые зарабатывал на концертах, перечислял в разные общественные организации. Такой стиль жизни весьма импонировал Андропову, поскольку сам он считался в советском Политбюро одним из самых аскетичных деятелей.

Спрятав распечатку разговора Купцова и Рида в сейф, Андропов поднял телефонную трубку с аппарата, связывающего его с секретарем, и попросил соединить его с начальником 12-го отдела. И когда тот снял трубку, Андропов произнес всего лишь одну фразу:

– Прослушивание с квартиры Юрия Купцова снять.

Вернувшись в ГДР, Дин в том же **марте** встретился в Восточном Берлине с Ясиром Арафатом, который приехал туда для переговоров с Хонеккером. В последние несколько лет Арафат сделал еще несколько серьезных шагов на пути к своему признанию в мировом сообществе. В **1979 году** он был приглашен на заседание Социнтерна в Вене, а год спустя страны Европейского сообщества в пику США согласились, что ООП должна участвовать в мирных переговорах на Ближнем Востоке. Сам глава МИДа Великобритании лорд Каррингтон заявил, что «ООП как таковая не является террористической организацией». То, как Арафат удачно вбил клин между США и их западными союзниками, чрезвычайно обрадовало Москву, которая в **1981 году** тоже сделала серьезный реверанс в сторону Арафата – предоставила ООП официальный дипломатический статус. Следом за Москвой то же самое сделало и руководство ГДР.

Именно эта тема и стала одной из причин приезда Арафата в Восточный Берлин в **марте 82-го**. Кроме этого, Арафат и Хонеккер обсудили тревожную обстановку, складывающуюся в Ливане. Хонеккер сообщил Арафату, что по данным, полученным его спецслужбой «Штази», Израиль в скором времени планирует нападение на Ливан, чтобы окончательно разгромить палестинское движение Сопротивления и гарантировать выбор такого президента Ливана, который подписал бы мирный договор с Израилем по линии египетско-израильских соглашений. Эта операция носила кодовое название «Мир Галилее».

Услышав название операции, Арафат усмехнулся:

– Узнаю цинизм израильских вояк: используют слово «мир» в операции, где прольются реки невинной крови.

Однако Хонеккер не обратил внимания на эту реплику и продолжил:

– По нашим данным, поводом к вторжению может послужить любая провокация со стороны израильских спецслужб. Поэтому вам надо быть готовыми к подобному развитию ситуации, чтобы ни в коем случае самим не попасться на крючок израильтян и их союзников. Вам надо довести это до сведения всех ваших группировок.

Произнося последнюю фразу, Хонеккер не слишком надеялся на эффект своих слов. Лидер ГДР был прекрасно осведомлен, что внутри ООП продолжались разногласия и Арафат контролировал не всех своих соратников. Более того, часть из них даже осмелились искать контактов с новой администрацией Белого дома. Это стало поводом к возникновению недоверия к Арафату в Москве, поскольку там решили, что он сам и инициировал эти контакты, преследуя корыстные цели. Что касается Хонеккера, то

он тоже не одобрял этих контактов с американцами, но в то же время не хотел поддерживать Москву в ее подозрениях относительно причастности к этим событиям Арафата. Поэтому на протяжении всего их разговора лидер ГДР постоянно называл своего собеседника «товарищем», а в конце беседы обронил многозначительную фразу:

– Восточногерманское руководство всегда считало и будет считать вас, товарищ Арафат, своим надежным союзником.

Во время встречи Арафата с Дином разговор почти не касался политики. Вместо этого они говорили о последней поездке Дина в Москву и его ближайших планах в искусстве. Услышав, что Дин недавно закончил работу над новым сценарием о событиях в Вундед-Ни, Арафат произнес:

– Твой фильм несет в себе мощный пропагандистский заряд. Однако ты не подумал, что случится с твоим фильмом, если советско-американская конфронтация вдруг исчезнет?

Дин с удивлением взглянул на своего собеседника, после чего ответил:

– Понимаю, куда ты клонишь, Ясир: намекаешь на судьбу так и несостоявшегося фильма «Телль-Заатар»? Но я не думаю, что «Вундед-Ни» ждет та же участь: пока у власти Рейган, ничего хорошего советско-американские отношения не ждет.

– Но через два года в Америке состоятся новые выборы, – напомнил Дину Арафат.

– Я надеюсь, что к тому времени мой фильм уже будет готов.

– Ну что ж, если ты так уверенно об этом говоришь, то мне остается только одно – пожелать тебе удачи в твоих начинаниях, – широко улыбаясь, произнес Арафат.

Между тем, несмотря на тот оптимизм, который звучал в словах Дина, на самом деле с его фильмом было не все так гладко. Как известно, натурные съемки он собирался проводить в Ираке, однако к тому времени уже выяснилось, что эта страна отпадает из-за продолжающейся ирако-иранской войны. Кроме этого, не все ясно было с финансовой стороной съемок, которая потребовала дополнительных согласований с обеих сторон. Плюс к тому же определенные вопросы у руководства «ДЕФА» возникли по поводу самого сценария – его предстояло еще доработать. Вот почему в планах **1982 года** фильм «Вундед-Ни» в «ДЕФА» даже не стоял.

Конец весны прошел у Дина в концертных хлопотах. **19 апреля** он выступил с концертом в малом зале «Штадтхалле» в Карл-Маркс-Штадте, а в **мае** у него началось гастрольное турне по ГДР. Причем начал его Дин не в самом лучшем расположении духа. Буквально накануне турне с ним произошел инцидент,

который буквально выбил его из колеи.

В тот день Дин ехал на своей «Ладе» по автобану, направляясь в центр Берлина. Как вдруг мимо него на огромной скорости, не замечая ничего вокруг, промчалась целая кавалькада автомобилей с затемненными стеклами. Дин сразу понял, что это был кто-то из высших чинов ЦК СЕПГ, торопящихся на работу. Этот эпизод настолько возмутил Дина, что он у первого же поста полиции притормозил свою «Ладу» и, выйдя из автомобиля, направился к двум полицейским, которые стояли на обочине. Они сразу узнали в подошедшем мужчине Дина Рида и, улыбаясь, пошли ему навстречу. Однако, увидев, каким мрачным было его лицо, они тут же спрятали свои улыбки, а едва он начал говорить, как помрачнели не меньше, чем он.

– Только что мимо вас на огромной скорости промчались три автомобиля, но вы их не остановили, почему? – на хорошем немецком спросил Дин.

Полицейские переглянулись между собой, и один из них, старший по чину, ответил:

– Это правительственный кортеж, он каждый день здесь проезжает.

– И всегда мчится с нарушением скорости? – не унимался Дин.

– Для них это не считается нарушением.

– Значит, они ставят себя выше других жителей Германии? – Лицо Дина побагровело, а голос задрожал. – Мы что, живем в фашистском государстве, где партийные бонзы могут творить с населением что хотят? Или все-таки в социалистическом государстве? Вы же народная полиция, вы должны защищать интересы народа, а не отдельных обнаглевших партийных функционеров! Если вы будете закрывать глаза на их… – Здесь Дин на мгновение запнулся, пытаясь подобрать подходящее слово из немецкого языка, после чего продолжил: —…на их шауцлих (безобразные поступки), это никогда не прекратится. Неужели вы это не понимаете?

– Если мы обратим внимание на эти поступки, товарищ Рид, то завтра нас уже не будет в полиции, – все тем же спокойным и невозмутимым голосом ответил полицейский.

– Вот я и говорю, что мы живем в фашистском государстве. Наверху сидит кучка зажравшихся партийных функционеров, а внизу 17 миллионов простых немцев, которые боятся им даже слово сказать.

– Да, вы правы, мы боимся. Но кто мешает лично вам, товарищ Рид, сказать то, что вы здесь нам наговорили, этим зажравшимся функционерам? Вы человек очень известный, и вас

они, вполне возможно, послушают.

После этих слов весь запас красноречия Дина тут же иссяк, огонь в глазах потух и он, не говоря ни слова, отправился к своей «Ладе». Полицейские молча наблюдали за тем, как он, усевшись в салон автомобиля, какое-то время сидел неподвижно, после чего так стартовал с места, что завизжали протекторы. Провожая взглядом автомобиль Дина, один из полицейских обронил:

– Видно, сильно достали его наши партайгеноссе, если он называет их фашистами.

Гастрольное турне Дина завершилось в **июне**: **13-го** он дал концерт в Восточном Берлине, **19-го** – выступил на празднествах, посвященных 1000-летию города Мейнингена.

В разгар этих событий взорвалась ситуация на Ближнем Востоке, где Израиль напал на Южный Ливан. Интервенции предшествовала целая серия терактов. Так, **3 апреля** в Париже был убит израильский посол, а **21 апреля** на территории Ливана от взрыва мины погиб солдат израильской армии. Министр обороны Израиля Ариэль Шарон потребовал от кнессета принятия немедленных мер, а именно – дать «добро» на вторжение в Ливан. Но кнессет на это не пошел. Тогда последовал новый теракт. **5 июня** в Лондоне был убит посол Израиля в Великобритании Шломо Аргова. Ответственность за эту акцию взяла на себя террористическая организация Абу Нидаля, которая официально не входила в ООП. Однако для Израиля это уже не имело значения.

В полдень **6 июня** началось широкомасштабное вторжение израильских войск в Южный Ливан. Сирийская армия, не желая сдавать свои ливанские позиции, уже в первые часы войны вступила в бой с израильской армией. Однако израильтяне оказались сильнее. **9 июня** произошло крупнейшее за всю историю ближневосточных военных конфликтов авиационное сражение, в котором с обеих сторон участвовало более трех сотен самолетов. Победа в этом сражении досталась Израилю, который не потерял ни одного (!) своего истребителя, сбив в свою очередь 104 сирийских самолета (это были советские «МиГи»).

На девятый день операции армия Израиля полностью блокировала Бейрут, где находилась штаб-квартира ООП. На тот момент в Ливане проживали 340 000 палестинцев, из них большая часть – в Западном Бейруте; в окружении оказалось также почти 200 сирийских солдат и 500 000 жителей. Израильская авиация начала ежедневные бомбардировки осажденного города.

4 августа Советом Безопасности ООН была принята резолюция о прекращении военных действий, однако к тому

времени Израилем уже был захвачен аэропорт. Ситуация для ООП складывалась трагически, поэтому его руководство решило выбросить белый флаг. **19 августа** Израиль согласился на проект соглашения об эвакуации отрядов ООП из Бейрута. Эта эвакуация началась в конце августа. Во время нее Ясир Арафат едва не был убит. Сразу двое израильских снайперов поймали лидера ООП в перекрестье оптических прицелов своих винтовок, однако команды на поражение сверху так и не поступило. Израильское командование побоялось убивать Арафата на глазах у сотен журналистов, съехавшихся в Бейрут и ведущих прямую трансляцию на весь мир об эвакуации палестинцев. **30 августа** Арафат покинул Бейрут и отправился в Тунис, чтобы уже там организовать свой новый штаб. А новым президентом Ливана стал лидер ливанских христиан-маронитов Башир Жмайель, который давно работал на ЦРУ.

Как раз в момент вывода сил ООП из Бейрута, **29 августа**, Дин выступил на мирной манифестации на площади Ленина в Восточном Берлине. Этот митинг был посвящен событиям на Ближнем Востоке: его участники осудили Израиль и выразили свою поддержку палестинцам. Дин сказал много хороших слов в адрес Арафата и исполнил свою песню «О, Иерусалим». Никто из собравшихся в тот день на площади еще не подозревал, что всего две недели спустя случится еще более страшное событие, которое заставит уже весь мир выйти на митинги протеста.

После того как было достигнуто соглашение о прекращении огня в Бейруте, президент США Рональд Рейган выдвинул **1 сентября** новую американскую инициативу по Ближнему Востоку. Он заявил: «Мне показалось, что в результате достижения договоренности в Ливане нам представился удобный случай для приложения далеко идущих мирных усилий в этом районе. Я полон решимости воспользоваться таким моментом, ибо, по словам Священного Писания, пришло время для того, чтобы „добиваться вещей, созидающих мир“…»

Согласно американскому плану, Ливан должен был капитулировать перед Израилем, а палестинцам давалось обещание предоставить им внутреннюю автономию на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, откуда израильтянам предлагалось осуществить символический уход с сохранением там их военизированных поселений. Однако арабский мир встретил эту инициативу в штыки. На созванном в середине **сентября** совещании в городе Фесе арабские руководители выдвинули свой план урегулирования ближневосточного конфликта. Они потребовали вывода израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий, включая

Восточный Иерусалим; ликвидации поселений; создания палестинского государства и подтверждения статуса ООП как единственного законного представителя палестинского народа. Поскольку для Израиля эти требования были неприемлемыми, ситуация вновь зашла в тупик. А потом одна за другой грянули сразу несколько трагедий, потрясших весь мир.

14 сентября ливанский террорист христианского происхождения Хабиб Шартуни, являвшийся агентом сирийских спецслужб, смог пронести взрывное устройство в штаб-квартиру Башира Жмайеля. В результате этого теракта президент Ливана был убит (это произошло за несколько дней до тайной операции ЦРУ, которое по заданию Рейгана должно было перевести на имя ливанского правительства 600 тысяч долларов в качестве поддержки). В отместку за это убийство христианские фалангисты решили отомстить палестинцам, которые были непричастны к этому убийству. Но фалангистам было наплевать на это, просто палестинцы были «под рукой». К тому же израильские войска, которые хотели зачистить лагеря палестинских беженцев, были на их стороне. Правда, израильтяне потом заявят, что они рассчитывали исключительно на мирную зачистку, а фалангисты их обманули. Но мир в эту отговорку не поверит.

16 сентября фалангисты, руководимые полевым командиром Илией Хобейка, на армейских джипах ворвались в два лагеря палестинцев – Сабру и Шатилу. И началась настоящая резня. Палестинцев расстреливали, резали, рубили им головы, сжигали и взрывали прямо в их домах. Причем убивали всех жителей подряд: стариков, женщин, детей. Как напишут потом в газетах, фалангисты убивали даже младенцев в люльках, женщинам отрезали груди, мужчинам – половые органы, беременным вспарывали животы. На телах многих жертв убийцы вырезали кресты. Израильские солдаты наблюдали все это воочию, но ни один из них даже не попытался вмешаться в ситуацию. В итоге резня длилась до 5 часов утра следующего дня. Только после этого израильское командование потребовало от фалангистов покинуть территорию лагерей.

Поскольку скрыть эту трагедию от мировой общественности было невозможно, израильтяне были вынуждены допустить в Сабру и Шатилу журналистов. И сразу после этого все телекомпании мира облетели жуткие кадры: залитые кровью стены домов, обезображенные трупы на улицах и в домах. Всего в двух лагерях было насчитано около 1000 трупов мирных жителей. Так в глазах всего мира израильские союзники стали выглядеть бандой кровавых убийц. И если до этого момента война в Ливане

еще кое-где находила понимание как навязанная самими палестинцами вынужденная антитеррористическая операция, то теперь в глазах мировой общественности оккупация Ливана стала восприниматься как военное преступление, геноцид против палестинского народа. Даже в самом Израиле начались многочисленные антиправительственные выступления, участники которых стали требовать, чтобы руководство страны ушло в отставку.

В странах Восточного блока эта трагедия тоже не могла остаться без внимания: о ней ежедневно сообщалось в прессе, давались комментарии по телевидению. **7 октября**, выступая по восточноберлинскому радио, об этой трагедии говорил и Дин Рид. Однако уже вскоре ближневосточные проблемы, впрочем, как и все остальные, отступили для Дина на последний план из-за трагедии, случившейся в его семье.

29 октября в США скончался отец Дина, 79-летний Сирил Рид. Дину об этом сообщили по телефону, после чего он немедленно вылетел на родину. Там он и узнал страшные подробности происшедшего. Оказалось, что отец Дина умер не от естественных причин, а покончил с собой из-за тяжелой болезни, которая последние годы жизни подтачивала его изнутри. Эта новость стала для Дина как гром среди ясного неба, поскольку он всю жизнь считал отца сильным человеком. Впрочем, почти сразу Дин поймал себя на мысли, что эта трагедия как раз и доказывает сильную натуру отца: слабый человек покончить с собой вряд ли бы смог. Дин еще мысленно спросил самого себя: «А смог бы и я поступить таким же образом?» Но так и не смог найти убедительного ответа. Тогда он даже не догадывался, что ответа на этот вопрос ему осталось ждать совсем недолго – каких-то три с половиной года.

Несмотря на то что Дин пробыл в Америке всего несколько дней, обстановка, царившая в стране, его поразила. Большинство американцев буквально бредили идеей национального возрождения, а главным врагом Америки считали Советский Союз. Благодаря стараниям новой администрации Белого дома предыдущее десятилетие (годы правления президентов Никсона, Форда и Картера) американцы считали потерянным временем и характеризовали его одним словом – поражение.

«Мы сдали свои позиции по всем направлениям, – писали американские газеты. – Мы уничижительно отзывались обо всех институтах своей власти, тем самым едва не разрушив их». Под этими институтами американцы имели в виду Конгресс, ЦРУ, ФБР, Пентагон и так далее. В сущности, это было правдой: такого вала критики этих учреждений, который обрушился на них в 70-х

годах, они до этого еще никогда не знали. Долго так продолжаться не могло, поскольку американцы не та нация, которая способна до бесконечности ковыряться в собственных ранах и посыпать голову пеплом. Поэтому первый же человек, который заявил, что он станет президентом и возродит в американцах чувство национальной гордости, был незамедлительно избран ими на место «пораженца Картера». Этим человеком стал Рональд Рейган.

Рейган властвовал в Белом доме вот уже почти два года и продолжал иметь устойчивый успех у большинства американцев. Причем, критикуя его за нерешительность во внутренней политике (Рейган так и не сумел побороть инфляцию, не сократил налоги и урезал многие социальные программы), американцы хвалили его за сильную внешнюю политику, которая вернула жителям США ощущение, что они живут в великой стране. Ради этого они даже были согласны смириться с инфляцией, высокими налогами, а также вещами, от которых они уже успели отвыкнуть. Например, с наличием цензуры.

Тридцать лет назад, во времена разгула «маккартизма», в Америке были в ходу «черные списки» книг, которые насчитывали порядка 300 наименований. При Рейгане эта цифра увеличилась вдвое. Среди запрещенных при нем в США книг значились: «Прощай, оружие» Э. Хемингуэя, «Гроздья гнева» Дж. Стейнбека и даже «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» М. Твена. По данным комитета против цензуры, только в течение **1982 года** в более чем половине американских школ были проведены «чистки» библиотек. К числу «антиамериканских» были отнесены в первую очередь учебники, содержавшие правдивую информацию об агрессии США во Вьетнаме, уотергейтском скандале и т. д. Все эти книги были названы «пораженческими» и запрещались к распространению в США.

Между тем всю внешнюю политику Рейган рассматривал через призму конфликта между США и СССР. Это тоже устраивало большинство американцев, поскольку жить без внешнего врага им казалось бессмысленным. А как только он вновь появился, все сразу встало на свои места: и жизнь обрела свою осмысленность, и мир стал восприниматься в привычных тонах – в черно-белых, без каких-либо оттенков.

Тактика рейгановской администрации в отношении Советского Союза была проста как дважды два: Белый дом продолжал произносить общие заявления о необходимости переговоров и вносить конкретные предложения в интересах снижения уровня военного противостояния двух великих держав, и одновременно делал все возможное, чтобы эти предложения

оказались неприемлемыми для советского руководства – то ли путем создания атмосферы нетерпимости вокруг действий СССР на международной арене, то ли путем оговаривания этих предложений всевозможными условиями. Преждевременная готовность СССР к переговорам не входила в планы рейгановской администрации, поскольку цель у Белого дома была одна: сделать из СССР пугало, которым можно было бы пугать всю мировую общественность. Для претворения этой цели в жизнь были призваны под ружье все информационные ресурсы Белого дома. Например, в дни, когда Дин был в Америке, в местной печати началась кампания по обвинению Советского Союза в том, что он применяет в Афганистане химическое оружие.

Когда Дин читал эти статьи, он с грустью думал: «Ну вот, подтвердилось то, чего я опасался в декабре 79-го: вторжение в Афганистан в точности повторяет вьетнамскую эпопею. Ведь там тоже американцев обвиняли в применении химического оружия. Правда, мировой общественности тогда удалось доказать этот факт, а вот удастся ли это Рейгану, весьма сомнительно. Сколько фактов он ни приводит, все они малоубедительны. Даже эксперты комиссии ООН опровергают его слова. А вот самого Рейгана, кстати, за руку уже поймали. Весь мир знает, что Белый дом ассигнует в год до 200 миллионов долларов на поддержку афганских моджахедов, и на эти деньги те покупают себе оружие, в том числе и химическое».

Едва Дин вернулся в ГДР, как весь мир облетела новость о том, что в Москве **10 ноября 1982 года** скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. С одной стороны, это было известие, ожидаемое практически всеми, кто даже мало-мальски интересовался политикой, а с другой – неожиданное. Несмотря на то что все последние годы мировые информагентства регулярно оповещали людей о том, что дни Брежнева сочтены, советский лидер продолжал руководить страной. За последние два года новость о смерти Брежнева четырежды облетала мир. Однако каждый раз это оказывалось очередным попаданием пальцем в небо: Брежнев, пусть и плохо выглядевший, продолжал руководить первой в мире страной рабочих и крестьян. Вот и **7 ноября 1982 года** многие люди в мире благодаря телевидению увидели его на трибуне Мавзолея во время традиционного военного парада. Это означало, что с ним все в порядке. Как вдруг четыре дня спустя будто гром с ясного неба – было объявлено, что 76-летний советский лидер скончался. Поначалу в это мало кто поверил, посчитав очередным неудачным прогнозом, но когда само советское руководство официально объявило о кончине, все встало на свои места. Новым советским лидером стал Юрий

Андропов.

Для Дина этот взлет шефа КГБ к вершинам кремлевского олимпа не был неожиданным. Он все-таки был более других осведомлен о перипетиях борьбы за власть в советском руководстве и о шансах Андропова занять кресло генсека знал из первых рук. К приходу Андропова к власти Дин отнесся положительно, поскольку: а) слышал о нем много лестных слов от многих своих советских товарищей и б) считал, что именно шеф такого грозного ведомства, как КГБ, только и может удержать страну от окончательного развала. Кроме этого, у Дина были и личные причины поддержать возвышение Андропова: он познакомился с ним в **1966 году** в Кисловодске и знал, что тот всегда хорошо относился к нему и как к общественному деятелю, и как к артисту (Андропов даже бывал на концертах Дина в Москве).

29 ноября Дин дал концерт в берлинском цирке. Тогда же они с Ренатой отметили двухлетие своих отношений. Подошли они к этому событию, в общем, в хорошем расположении духа, хотя кое-какие шероховатости в их союзе уже наводили на определенные мысли. Дин вдруг обнаружил, что Рената, обладая массой достоинств, имеет и один серьезный недостаток – она была крайне ревнива. Причем это касалось не только поклонниц Дина, которых хватало как в ГДР, так и в других странах (об этом говорили сотни писем, которые приходили на имя Дина в Восточный Берлин), но и его близких.

Например, Ренате не нравилось, когда Дин общался со своей бывшей женой Вибке и их общей дочерью Наташей. Дин пытался объяснить Ренате, что он не может игнорировать этих людей в силу естественных причин, но эти объяснения мало действовали. Причем Рената достаточно спокойно относилась к другим близким Дину людям – к первой жене Патрисии и дочери Рамоне (может, потому, что они были далеко), а вот его отношения с бывшей германской половиной ее откровенно злили. Эту позицию Дин не понимал, хотя сам тоже был собственником. Но он, например, вполне спокойно смотрел на то, как Рената и ее сын Александр общаются со своим бывшим мужем и отцом режиссером Франком Байером.

И все же эти шероховатости тогда еще не сильно омрачали отношения между Дином и Ренатой, и они отметили двухлетие своих отношений в прекрасном настроении. И Дин по-настоящему гордился своей женой, которая в творческом отношении была в полном порядке: в те дни она снималась в 13-серийном телефильме «Фронт без пощады» о героической борьбе антифашистского подполья в годы Второй мировой войны, а

также в детской сказке. Но главным событием в творческой жизни Блюме было, конечно, то, что в **1982 году** она была удостоена Ленинской премии за роль Женни Маркс в телефильме Льва Кулиджанова «Карл Маркс. Молодые годы».

В начале **1983 года** Дин взялся за доработку сценария «Вундед-Ни». В помощь ему был выделен очень известный и титулованный восточногерманский режиссер – 55-летний Гюнтер Райш. Он пришел в кино в **1948 году** и к этому моменту снял более полутора десятков фильмов, причем разных жанров: и политические («Совесть пробуждается», 1961; «Пока я жив», 1965; «На пути к Ленину», 1970; «Вольц – жизнь и преображение немецкого анархиста», 1974), и комедийные («Незрелые овощи», 1956; «Лорд с Александр-плац», 1967; «Гвоздики в целлофане», 1976; «Антон-волшебник», 1978). Райш был членом Академии искусств ГДР, обладателем трех Национальных премий республики (1966, 1970, 1980). Короче, весьма опытный и проверенный товарищ. И Дину его выделили в помощь не случайно: он, видимо, должен помочь ему не только в режиссуре, но и с идеологией будущей картины.

Между тем в самый разгар работы над сценарием ее пришлось временно прервать, и Дин отправился в Южный Ливан в качестве одного из эмиссаров Восточного блока. Поездка эта была не случайной. Дело в том, что на Ближний Восток вновь зачастили посланцы Белого дома, которые продолжали политику выкручивания рук по отношению к президенту Ливана Амину Жмайелю (брату убитого в сентябре Башира Жмайеля) с тем, чтобы он заключил-таки сепаратный мир с Израилем по аналогии с «кэмп-дэвидским соглашением». Для этой цели весной в Ливан несколько раз прилетал госсекретарь США Джордж Шульц. Естественно, спокойно взирать на эти челночные рейды руководители Восточного блока не могли и, в свою очередь, посылали на Ближний Восток своих эмиссаров. Тем более что обстановка в те дни складывалась отнюдь не в пользу Израиля. Даже сами израильтяне выступали против агрессивной политики своего руководства, проводя массовые антивоенные выступления (самая невиданная в истории страны антивоенная манифестация численностью 400 тысяч человек прошла в Израиле **25 сентября 1982 года**). В итоге **14 февраля 1983 года** министр обороны Израиля Ариэль Шарон подал в отставку, а чуть позже его примеру последовал и премьер-министр страны Менахем Бегин. Израиль сократил свое военное присутствие в Ливане, передав часть полицейско-карательных функций американским морским пехотинцам и другим воинским контингентам из многонациональных сил НАТО.

Все эти события арабский мир встретил с недоверием, усмотрев в них лишь очередной отвлекающий маневр. Арабы считали, что таким образом Израиль и США хотели добиться закрепления израильской оккупации в южных районах Ливана и расширения военного присутствия США и некоторых стран НАТО. Укрепив свою группировку на юге Ливана и в долине Бекаа, Израиль получал возможность не только усиливать военный нажим на Сирию, но и подготовить плацдарм для наращивания вооруженного вмешательства многонациональных сил НАТО на Ближнем Востоке.

Когда Дин приехал в Южный Ливан, обстановка там была по-настоящему взрывоопасной. ООП была расколота на два лагеря. Представители первого во главе с Ясиром Арафатом и Абу Джихадом хотели заручиться поддержкой короля Иордании Хусейна, представители второго, представляющие радикальные группировки, ориентировались на руководителя Сирии Хафиза аль-Асада.

В Бейруте Дин собирался пробыть около двух недель и заснять на пленку материал для будущего документального фильма. Он поселился в гостинице «Ривьера», что неподалеку от американского посольства. Распорядок дня у него был следующий: днем он обычно уезжал в город на съемку, а в гостиницу возвращался вечером. Снимал он везде, но особенно его интересовал район бывших лагерей палестинских беженцев и особенно Сабра и Шатила. В городе Дин тоже снимал, стараясь запечатлеть бейрутские контрасты. Например, снимал одновременно и бедные кварталы, и богатые. А на центральной площади Мучеников запечатлел на пленку бронзовую скульптурную группу – памятник борцам за независимость. Этот памятник имел символические отметины: фигура женщины с пальмовой ветвью мира в руках, олицетворяющая республику, была вся испещрена выбоинами от осколков снарядов и мин.

Дин находился в Бейруте уже неделю и собирался пробыть еще столько же, когда в его планы вторгся непредвиденный случай. Все началось утром, когда он мирно спал в номере гостиницы. Внезапно его разбудил громкий стук в дверь, который длился несколько секунд, после чего стих. Дин оторвал голову от подушки, рассчитывая, что стук повторится и он спросит, кому это понадобилось в такую рань барабанить в его дверь. Однако повторного стука не последовало. Тогда Дин поднялся с кровати и, обмотавшись простыней, направился к двери. Подойдя к ней, он в течение нескольких секунд стоял неподвижно, стараясь уловить в коридоре хотя бы малейший шум. Но так ничего и не услышал. Тогда он взялся за ручку двери и повернул замок.

На пороге никого не было; как и в коридоре, куда Дин высунул голову. Он уже хотел было закрыть дверь и вернуться в кровать, когда его взгляд обнаружил на полу, устланном пестрой ковровой дорожкой, сложенный вчетверо листок бумаги. Дин поднял его и, закрыв за собой дверь, осторожно развернул. На листке ровным почерком, по-английски, было написано: «Жду тебя в кафе напротив, за угловым столиком справа от двери. Приходи сейчас же, иначе будет поздно. Твой друг».

Сказать, что эта записка удивила Дина, значит ничего не сказать: он был буквально потрясен. Друзей у Дина в Бейруте было немного: все они были соратниками Арафата и поэтому покинули город вместе с ним после прошлогоднего израильского вторжения. Если предположить, что записку написал кто-то из них, то почему он не поставил свое настоящее имя? Из-за конспирации? И что это за спешка такая? Короче, Дину было над чем поломать голову в те минуты.

Так и не найдя ответов на свои вопросы, Дин подошел к окну, которое выходило на улицу. Кафе, о котором шла речь в записке, отсюда видно не было, но зато было видно, что улица в эти часы еще пустынна. «Тот человек, который ждет меня сейчас в кафе, не случайно выбрал столь ранний час», – подумал Дин и, скинув с себя простыню, стал одеваться.

Спустя несколько минут Дин вышел из гостиницы и, перейдя через улицу, вошел в кафе. В эти утренние часы оно было практически пустым. Однако за столиком в правом углу заведения Дин заметил одиноко сидящего с газетой в руках мужчину в белой рубашке с длинными рукавами. Поскольку свет от окна падал в его сторону, лица его Дин различить не смог. Однако едва он приблизился к столику, как сразу же узнал в этом мужчине того самого командира ООП Биляля, с которым судьба свела Дина в его первый приезд в Южный Ливан осенью 77-го.

Обменявшись крепким рукопожатием, друзья сели за столик, и Биляль заказал официанту две чашки горького арабского кофе.

– С утра этот напиток хорошо прочищает мозги, – сказал Биляль на английском, который в его устах стал куда более сносным, чем пять лет назад.

После того как официант принес кофе и удалился, Биляль передал Дину привет от Арафата.

– Абу Амар (партийное прозвище Арафата. – *Ф. Р.*) просил также передать тебе его огромную благодарность за твою деятельность на благо арабского народа. Ты должен знать, что он по-прежнему считает тебя своим другом.

– Чтобы передать мне привет от Ясира, необязательно было будить в такую рань, – с лукавой улыбкой на устах произнес Дин.

– У нас на Востоке есть такая поговорка: «Кто рано поднимается, тот много успевает», – ответил Биляль, после того как пригубил горячий кофе. – А торопиться нам действительно надо.

– Торопиться куда?

– Подальше отсюда. Мы получили информацию, что тебя собираются убрать, а смерть твою выдать за несчастный случай. Мы даже знаем имя человека, который должен привести этот приговор в исполнение.

Услышанное настолько потрясло Дина, что он даже не стал допивать свой кофе и вернул уже поднесенную к губам чашку обратно на блюдце.

– Ты шутишь? – Дин старался, чтобы его голос звучал спокойно, хотя в душе у него все буквально клокотало от волнения. Шутка ли, услышать, что тебя заказали!

– В той борьбе, которую мы ведем, подобные шутки неуместны, – бесстрастным голосом ответил Биляль. – Твои частые приезды сюда стали сильно раздражать наших врагов. Что вполне закономерно: сказанное тобою слово иной раз бьет сильнее пули. Поэтому я сегодня здесь, и именно в столь раннее время. У нас в запасе всего лишь несколько часов, чтобы помочь тебе скрыться. Твой самолет отлетает сегодня в двенадцать часов дня.

Сказав это, Биляль достал из нагрудного кармана авиабилет и положил его перед Дином на стол.

– У тебя всего несколько минут, чтобы собрать свои вещи, после чего я отвезу тебя в Бейрутский аэропорт. Так что допивай свой кофе, собирай вещи и подходи к перекрестку – там я оставил автомобиль. Это серебристый «Опель».

К Бейрутскому аэропорту вело двухрядное шоссе, разделенное газоном с пальмами. От «Ривьеры», где проживал Дин, до него было всего около пятнадцати километров, поэтому «Опель» Биляля довез их до места назначения достаточно быстро. А спустя час Дин уже поднялся на борт белоснежного авиалайнера и покинул Бейрут. Как оказалось, навсегда.

Вернувшись из Ливана, Дин вновь взялся за работу над сценарием «Вундед-Ни», не переставая внимательно следить за событиями в мире. **23 марта** он был потрясен до глубины души очередной воинственной речью Рейгана, сделанной им в городе Орландо, штат Флорида, перед Национальной евангелической ассоциацией. Кстати, в отличие от большинства жителей ГДР, Дин имел возможность увидеть это выступление воочию. Эта речь транслировалась на многие страны мира, но только не на

социалистические. Однако у ТВ ГДР была запись этого выступления, и Дин, приехав на студию, посмотрел эту запись.

Именно в этой речи Рейган назвал Советский Союз «империей зла» и призвал к крестовому походу против нее. «Я люблю моих дочерей больше всего на свете, – патетически заявил американский президент. – Но я бы предпочел, чтобы мои маленькие дочери умерли сейчас, продолжая верить в бога, чем увидеть их растущими при коммунизме и оканчивающими свой жизненный путь не верящими в бога». Предложив присутствующим присоединиться к молитве во имя спасения тех, кто живет в «тоталитарной тьме», он одновременно обратился к ним с призывом встать на пути тех, кто хотел бы видеть США «неполноценными с военной и моральной точек зрения». Замораживание вооружений, заявил президент, является не чем иным, как «иллюзией мира», тогда как реальностью является достижение мира с «позиции силы».

Как писал один из американских исследователей, Л. Де Маусс, целью этой речи было «продемонстрировать, что Империя зла совсем рядом и что она с каждой минутой становится все опасней, и заставить нас поверить в то, что, если мы окажемся вновь втянутыми в войну, нам не будет угрожать опасность ядерного отмщения». В этой речи Рейган объявил о принятии им очень важного решения – о том, как сделать Америку вновь сильной. Рост военного могущества СССР за последние годы, проиллюстрированный фотографиями, коснулся, по словам Рейгана, и Центральной Америки, в частности Кубы и «маленького острова Гренада», где Советский Союз приступил к строительству аэродрома со взлетной полосой длиной 10 тысяч футов (более 3 км). «С какими целями это делается, ведь у Гренады нет собственных военно-воздушных сил?» – вопрошал американский президент. И хотя собственного ответа на этот вопрос он не давал, но присутствующим намек был понятен: это делается с целью подобраться поближе к США.

Дин знал о строительстве аэродрома на Гренаде из разных источников и поэтому был поражен изворотливостью Рейгана. Ведь он ни словом не обмолвился о том, что этот аэродром был спроектирован и строился английской компанией для гражданской авиации и что ни проектом, ни самим строительством не предусматривались столь необходимые для военного аэродрома подземные заправочные емкости, радарные установки, подземные арсеналы, параллельные взлетно-посадочные полосы, мастерские и ангары соответствующих нуждам военных самолетов размеров.

Но еще сильнее Дина, да и всех, кто слушал или читал речь

Рейгана по ту сторону океана, поразило заявление президента о новой стратегической оборонной инициативе США (СОИ), предусматривающей развертывание в космическом пространстве системы противоракетной обороны, способной уничтожить баллистические ракеты противника в момент их запуска или во время полета в направлении территории США. Это было восхождение администрации Белого дома на новую ступень в той эскалации гонки вооружений, которая грозила человечеству неминуемой гибелью. Именно об этом Дин и говорил на митинге молодежи в городе Потсдаме, который состоялся **21–22 мая**.

7 июня Дин дал концерт в Восточном Берлине, а **13 июня** уже был в греческом городе Пирей, где участвовал в «Концерте мира», который был посвящен все той же теме – гонке вооружений.

То лето выдалось в Греции неспокойным. Началось все **3 июня**, когда несколько тысяч человек из Федерации женщин Греции в течение трех часов блокировали вход на военную базу США в Нео-Макри в окрестностях Афин. А четыре дня спустя в Греции началась Неделя солидарности с палестинскими и ливанскими народами, на завершающую часть которой и приехал Дин. В тот день, **13 июня**, он сначала присутствовал на площади национального Сопротивления перед зданием муниципалитета на митинге в поддержку Никарагуа, а потом отправился в Пирей, где на стадионе «Караискаки» состоялся «Концерт мира» против гонки вооружений, подготовленный Греческим комитетом за международную разрядку и мир.

В Афинах Дин встретился со своим чилийским другом Луисом Варгасом, который специально приехал туда, чтобы увидеться с ним. От глаз Дина не укрылось то, что его друг за то время, пока они не виделись, заметно сдал: лицо его осунулось, а на голове появилось еще больше седых волос. Впрочем, это было закономерно: с тех пор как его родной брат Алехандро попал в лапы пиночетовских ищеек, от него не было никаких известий. Так что, несмотря на принятую в **1980 году** конституцию, режим Пиночета продолжал оставаться репрессивным и подавлял даже малейшее неповиновение себе.

Однако Луис приехал в Афины не только для того, чтобы поделиться с Дином последними новостями о судьбе своего брата. Его привело туда гораздо более важное дело: он приехал, чтобы просить Дина вновь отправиться в Чили. Прохаживаясь с Дином по парковым аллеям, Луис рассказал другу следующее:

– Ты, надеюсь, слышал, что **11 мая** при поддержке всех оппозиционных профсоюзов и партий в Чили состоялся «День национального протеста». Власти жестоко подавили эту акцию, но

она возымела действие: был создан Национальный руководящий совет трудящихся, который поставил целью проводить такие акции протеста ежемесячно. Короче, ситуация в Чили все больше радикализируется. Однако достигнуть взаимопонимания с другими оппозиционными силами нам никак не удается. И уже, судя по всему, не удастся.

ХДП и другие буржуазные партии, а также ряд фракций социалистов и некоторых других, отошедших от союза с компартией, хотят создать блок умеренной оппозиции – так называемый Демократический альянс. Мы же хотим объединиться с социалистической партией и левым революционным движением и создать свой блок – Народно-демократическое движение. Для этих целей нам нужны авторитетные люди, за которыми могли бы пойти массы. А поскольку многие руководители нашей партии либо погибли, либо находятся в заключении, мы решили привлечь к делу тех, кто находится за границей.

– Кого ты имеешь в виду? – поинтересовался Дин.

– Высшее звено партии, – уклончиво ответил Луис.

Однако Дин сразу догадался, о ком именно идет речь: за пределами Чили самым главным лицом чилийской компартии был ее лидер Луис Корвалан. Значит, понял Дин, вернуть в Чили хотят именно его – товарища Лучо.

– И чтобы сообщить об этом мне, ты проделал этот путь в Афины? – спросил Дин.

Прежде чем ответить, Луис широко улыбнулся и, обняв друга за плечи, произнес:

– Во-первых, я хотел тебя увидеть, так как соскучился. А во-вторых, мы хотим, чтобы ты тоже участвовал в этой акции. Сейчас на дворе 83-й год, поэтому твоя поездка в Чили не должна вызвать столь ярого протеста у Пиночета, как это было в 75-м. Но твой приезд мог бы отвлечь их ищеек от того, что мы задумали.

– Что-то вроде дымовой завесы? – догадался Дин.

– Правильно. Ты будешь делать свое дело – петь моим землякам свои гражданские песни, а мы будем делать свое. Ты согласен?

– Мог бы и не спрашивать, – расплываясь в улыбке, ответил Дин. Поездка в пиночетовские Чили сулила ему новый вплеск сильных эмоций, без которых он уже не мыслил своего существования. – Когда мне быть готовым?

– В конце лета. Впрочем, я сам приеду к тебе в Берлин и мы обо всем договоримся.

Между тем в начале **июля** в ГДР приехала мать Дина Рут Анна. Она познакомилась с новой семьей Дина: женой Ренатой Блюме и ее сыном Александром, которого Дин официально

усыновил. Кроме этого, она нашла время встретиться и с прежней семьей сына: бывшей женой Вибке и своей внучкой Наташей, которой два месяца назад исполнилось 7 лет. **8–9 июля** мама Дина присутствовала на репетициях и записи телепередачи «Пестрый котел» в «Палас дер Республик», где Дин исполнил несколько песен.

В те дни фотограф Георг Бурмайстер подкараулил Дина, его маму и Ренату Блюме возле входа в «Палас дер Республик» и сделал несколько фотографий. На них троица выглядит очень счастливой: все улыбаются, а Рената положила голову на плечо Дина и держит в руках открытую коробку, где красуется праздничный торт, увенчанный цветочками из крема и поздравительной надписью. Ни у кого из них даже в мыслях нет, что спустя три года (а точнее, через 35 месяцев) эта идиллия закончится трагедией.

Тем временем из Советского Союза приходит известие, что туда приехала Саманта Смит – 11-летняя американская девочка, ставшая Послом мира и продолжателем того дела, которое начали много лет назад ее земляки Пол Робсон и Дин Рид. И когда Дин увидел фотографию Саманты в одной из восточногерманских газет, он поразился ее внешнему сходству со своей старшей дочерью Рамоной.

Идея пригласить Саманту Смит в СССР пришла в голову советским идеологам благодаря… Рейгану. Когда в своей мартовской речи в Орландо он упомянул про двух своих дочерей, в Москве решили ударить по Рейгану его же оружием. И тут же вспомнили про письмо американской школьницы из штата Мэн, которая в начале года написала письмо Андропову.

Идея этого письма родилась у девочки случайно. Ей в руки попался журнал «Тайм» (его читали родители Саманты), на обложке которого были запечатлены президент США и новый лидер СССР. В статье, посвященной этим людям, говорилось, что Андропов является весьма опасной личностью и что под его руководством СССР может стать государством, которое как никогда может угрожать Америке ядерной войной. Прочитав об этом, Саманта спросила у своей мамы: «Если Андропова все так боятся, почему не напишут ему письмо и не спросят, собирается ли он на самом деле начинать войну?» Мама девочки в ответ рассмеялась и ответила: «Ну, напиши ему сама». И девочка действительно написала. Письмо было коротким:

«Уважаемый господин Андропов!

Меня зовут Саманта Смит. Мне десять лет. Поздравляю Вас с Вашим новым назначением. Я очень беспокоюсь, не начнется ли ядерная война между Советским Союзом и Соединенными

Штатами. Вы за войну или нет? Если Вы против, пожалуйста, скажите, как Вы собираетесь не допустить войну? Вы, конечно, не обязаны отвечать на этот вопрос, но я хотела бы знать, почему вы хотите завоевать весь мир или, по крайней мере, нашу страну. Господь сотворил землю, чтобы мы все вместе могли жить в мире и не воевать.

Искренне Ваша Саманта Смит».

Стоит отметить, что на имя Андропова в день приходили тысячи писем с разных концов света. Все они попадали в специальный отдел ЦК КПСС, который фильтровал эти послания и наиболее интересные с точки зрения идеологии передавал в секретариат генсека. Особое внимание уделялось письмам из США, которые считались главным противником СССР на международной арене. Поэтому письмо Саманты не осталось без внимания советских идеологов, его даже напечатали на первой полосе газеты «Правда». Когда же Саманта написала второе письмо Андропову, а Рейган сказал свою речь в Орландо, идеологическое колесо завертелось в нужном направлении. Андропов (или кто-то из его референтов) написал ответ Саманте, который занял куда больше места, чем оба письма Саманты вместе взятые. Вот как выглядел текст этого послания:

«Дорогая Саманта!

Получил твое письмо, как и многие другие, поступающие ко мне в эти дни из твоей страны, из других стран мира. Мне кажется – я сужу по письму, – что ты смелая и честная девочка, похожая на Бэкки, подружку Тома Сойера из знаменитой книги твоего соотечественника Марка Твена. Эту книгу знают и очень любят в нашей стране все мальчишки и девчонки. (Это не было преувеличением: эта книга имелась во всех детских библиотеках Советского Союза, по ней в разные годы было поставлено около трех десятков спектаклей, снято несколько фильмов, два последних – за минувшие 8 лет: «Совсем пропащий» (1973) Георгия Данелия и «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» Станислава Говорухина (1982, для ТВ, 3 серии). Что касается американцев, то они практически не экранизировали советскую классику – ни детскую, ни взрослую. – *Ф. Р.*)

Ты пишешь, что очень обеспокоена, не случится ли ядерная война между двумя нашими странами. И спрашиваешь, делаем ли мы что-нибудь, чтобы не дать вспыхнуть войне.

Твой вопрос – самый главный из тех, которые волнуют каждого человека. Отвечу тебе на него серьезно и честно.

Да, Саманта, мы в Советском Союзе стараемся делать и делаем все для того, чтобы не было войны между нашими странами, чтобы вообще не было войны на земле. Так хочет

каждый советский человек. Так учил нас великий основатель нашего государства Владимир Ленин.

Советские люди хорошо знают, сколь ужасна и разрушительна война. 42 года назад нацистская Германия, которая стремилась к господству надо всем миром, напала на нашу страну, сожгла и разорила многие тысячи наших городов и сел, убила миллионы советских мужчин, женщин и детей.

В той войне, которая закончилась нашей победой, мы были в союзе с Соединенными Штатами, вместе боролись за освобождение от нацистских захватчиков многих народов. Я надеюсь, что ты это знаешь по урокам истории в школе. И сегодня мы очень хотим жить в мире, торговать и сотрудничать со всеми своими соседями по земному шару – и с далекими, и с близкими. И, конечно, с такой великой страной, как Соединенные Штаты Америки.

И у Америки, и у нас есть ядерное оружие – страшное оружие, которое может в один миг убить миллионы людей. Но мы не хотим, чтобы оно когда-либо было пущено в ход. Именно поэтому Советский Союз торжественно на весь мир объявил, что никогда – никогда! – не применит ядерное оружие первым, и вообще мы предлагаем прекратить его дальнейшее производство и приступить к уничтожению всех его запасов на земле.

Мне кажется, что это достаточный ответ на твой второй вопрос: «Почему вы хотите завоевать весь мир или по крайней мере Соединенные Штаты?» Ничего подобного мы не хотим. Никто в нашей огромной и прекрасной стране – ни рабочие и крестьяне, ни писатели и врачи, ни взрослые и дети, ни члены правительства – не хочет ни большой, ни «малой» войны.

Мы хотим мира – нам есть чем заняться: выращивать хлеб, строить и изобретать, писать книги и летать в космос. Мы хотим мира для себя и для всех народов планеты. Для своих детей и для тебя, Саманта.

Я приглашаю тебя, если твои родители разрешат, приехать в нашу страну, лучше всего было бы летом. Ты познакомишься с нашей страной, встретишься со своими сверстниками, посетишь международный детский лагерь – «Артек» – на берегу моря. И убедишься сама: в Советском Союзе – все за мир и дружбу между народами.

Спасибо за письмо. Желаю тебе всего самого лучшего.

Ю. Андропов».

Саманта вместе с родителями прилетела в Советский Союз **7 июля**. Их принимали по высшему дипломатическому этикету. Сначала показали им Москву и Ленинград, а потом повезли на две недели в «Артек». Андропов в те дни находился в больнице,

поэтому лично встретиться с Самантой не смог – только разговаривал с ней по телефону. Советские газеты, как и пресса ГДР, много внимания уделяли этому визиту, поскольку подобное – ребенок в качестве Посла мира – происходило впервые.

22 июля семейство Смит покидало Советский Союз. Перед самым отлетом Саманта улыбнулась телекамерам и с улыбкой крикнула по-русски: «Будем жить!» А когда ступила на родную землю и ее спросили, какое впечатление произвели на нее советские люди, она ответила: «Они такие же, как мы».

В отличие от советских СМИ американская пресса не так много писала об этом визите, к тому же половина этих комментариев были со знаком минус. В то время как в советских газетах не было НИ ОДНОГО плохого отзыва о родине Саманты, американские писали, что этот визит – сплошная показуха. Что в СССР Саманте специально показывали только самое красивое и самое хорошее. Как заявит чуть позже мама Саманты Джейн Смит: «Американским журналистам мы отвечали: когда тебя приглашают в гости, то показывают все самое лучшее. Никто не будет устраивать экскурсию в трущобы. И мы, как простые и далекие от политики люди, искренне благодарны СССР за то, как нас приняли».

Увы, этот визит ничего не изменил во взглядах Рейгана и его администрации на Советский Союз. Более того, он только разозлил их, поскольку они посчитали его ловким пропагандистским ходом со стороны советского КГБ. Кстати, своим дочерям, которые заинтересовались этим визитом, Рейган ответил то же самое: дескать, это, дочки, хитрость русских. И в те самые дни, когда Саманта раздавала оптимистические интервью о своей поездке в Советский Союз, в умах американских политиков зародился план ответа русским, который едва не поставил мир на грань ядерной войны. Впрочем, не будем забегать вперед.

В **августе** в ГДР приехал Луис Варгас, чтобы сообщить Дину сроки его поездки в Чили. Причем Луис не стал заходить к Дину домой, не желая, чтобы его жена была в курсе их дел, а встретился с ним на конспиративной квартире «Штази» на юго-западной окраине города. Луис сообщил, что на **11 августа** в Чили намечен четвертый по счету День национального протеста и в ближайшие после него дни Дину следует вылететь в Сантьяго.

– Свяжись с Марией Милуэндой, пусть она тебя встретит в аэропорту, – посоветовал другу Луис.

Марию Милуэнду, популярную актрису и члена коммунистической фракции чилийского парламента при Сальвадоре Альенде, Дин знал давно – с конца 60-х. Как мы помним, это она присутствовала на том самом суде в **сентябре**

1970 года, где Дина судили за то, что он выстирал американский флаг у посольства США в Сантьяго.

Поскольку Луис знал только свою часть предстоящей операции и не был посвящен во все ее детали (это делалось с целью избежать возможного провала и не допустить ареста всех участников операции), он поделился с Дином только тем, что знал. Но Дину и этого было достаточно. Главным для него было то, что он опять был в деле, что это дело было одновременно нужным и опасным.

Между тем многие подробности этой операции станут достоянием гласности много позже, уже после смерти Дина. Как мы знаем, главной целью операции было проникновение в Чили для нелегальной работы генерального секретаря чилийской компартии Луиса Корвалана. К тому времени в Чили уже работали несколько членов руководства КПЧ – Гладис Марин (она вернулась одной из первых – в **1978 году**), Мануэль Кантеро, Хорхе Инсунса и др. – и то, что им удавалось избегать ареста, окончательно убедило Корвалана в том, что пришло время и ему возвращаться на родину. Тем более что там намечались крупные события в политической жизни, которые, при определенном стечении обстоятельств, могли привести к свержению режима Пиночета и приходу к власти левых.

Поскольку все эти годы (**1976–1983**) Корвалан жил в Советском Союзе (на квартире Управления делами ЦК КПСС на северо-востоке Москвы), его заброской в Чили занимались два ведомства: КГБ и Международный отдел ЦК КПСС (так называемая спецгруппа этого отдела). Операции было присвоено кодовое название «Фернандо», и на ее разработку ушло несколько месяцев. В ней было несколько этапов.

На первом Корвалан прошел специальный курс обучения, где ему на спецдаче под Москвой преподали уроки конспиративного мастерства: методы ухода от слежки, основы психологической подготовки к условиям конспиративной деятельности и т. д. На втором этапе Корвалану изменили внешность с помощью пластического хирурга Александра Шмелева.

Этот человек был хорошо известен в кругах творческой интеллигенции как замечательный врач: он делал «пластику» таким звездам, как Любовь Орлова, Мария Максакова, Алла Тарасова. Однако мало кто знал, что Шмелев был единственным хирургом-пластиком, кто являлся консультантом иностранного отдела 4-го Главного управления Минздрава и работал на КГБ. Именно поэтому его и привлекли к операции «Фернандо». Шмелев достаточно виртуозно изменил внешность Корвалану: сделал новый нос, подкорректировал фигуру. Кроме этого,

Корвалана, который до этого всегда одевался консервативно, обрядили в светлый пиджак спортивного покроя, темные брюки, на шею повязали яркий галстук, а на голову водрузили парик без единой сединки. И заставили сбрить его знаменитые усы.

Параллельно с этим Шмелев сделал еще трех Корваланов – двойников настоящего. Функции у них были различные. Двое из них накануне операции курсировали из страны в страну под тем же именем, под которым предстояло легализоваться Корвалану, но с разными паспортами – кипрским и испанским. Третий двойник отправился непосредственно в Чили, чтобы проложить маршрут для Корвалана. Если бы с этим двойником что-то случилось, операцию бы свернули. Но все обошлось, и в середине **августа** начался третий этап операции «Фернандо» – заброска Корвалана в Чили. Параллельно с этим создавалась «дымовая завеса» – по советскому радио, ТВ и в газетах появилось несколько интервью Корвалана, которые должны были указывать на то, что он по-прежнему находится в пределах Советского Союза.

Что касается Дина, то ему тоже была придумана легенда, которую он озвучит чуть позже, когда вернется из Чили в ГДР. По ней выходило, что в Чили Дин отправился спонтанно: смотрел дома телевизор, увидел репортаж из Чили от **14 августа**, где речь шла о Дне национального протеста, и, потрясенный сообщением о том, что в этот день погибло 27 чилийцев, среди которых было трое детей, решил немедленно лететь в Сантьяго. Рената была против этой затеи, но Дин сумел ее уговорить. Стоит отметить, что жена Дина и в самом деле была против этой поездки, причем не только из-за того, что она была опасна. Рената не могла никак взять в толк, зачем и, главное, ради чего ее мужу надо было рисковать. В этом конфликте наиболее ярко высветились все те жизненные нестыковки, которые были присущи этому браку.

Несмотря на то что Рената играла в кино правильных героинь – например, жену основоположника марксизма Женни Маркс или антифашистку в телесериале, – в жизни она не разделяла многих идей, которыми жили ее героини. Она считала это всего лишь игрой, определенной данью обстоятельствам, в которых вынуждены были существовать тысячи ее коллег-артистов. И когда она выходила замуж за Дина Рида, ей казалось, что и он мыслит точно так же. А вышло иначе. Рената вдруг увидела, что ее муж по-настоящему верит в социализм и для него это отнюдь не игра, а способ существования. Для Ренаты это было странно, поскольку времена на дворе стояли уже другие – не романтические 60-е, а застойные 80-е, когда в идеологии на смену восторгу пришел скепсис. И на этом фоне Дин с его чуть ли

не мальчишеской верой в светлое будущее смотрелся белой вороной. Рената этого не понимала, что и стало поводом к возникновению конфликтов, которые сотрясали их брак все последнее время его существования.

Однако вернемся к поездке Дина в Чили.

Вместе с ним туда согласился отправиться и режиссер Уилл Робертс, который собирался снимать пребывание Дина в этой стране с тем, чтобы потом вставить этот сюжет в свой документальный фильм. Дин договорился с ним о встрече в Буэнос-Айресе, откуда они уже вместе должны были вылететь в Сантьяго. Поскольку между США и Чили все еще существовал безвизовый режим, Дин и Робертс приобрели билеты как обыкновенные туристы и **15 августа** вылетели из столицы Аргентины.

В аэропорту Сантьяго «Пудауэль» друзей встретила Мария Милуэнда с группой товарищей. Естественно, прибытие в аэропорт актрисы-коммунистки не осталось без внимания агентов Национального-информационного центра (СНИ – правопреемница ДИНА), которые немедленно доложили об этом руководству. А потом в поле зрения тех же агентов угодил и Дин Рид, имя которого с момента сентябрьского переворота **1973 года** находилось в компьютерной базе данных чилийских спецслужб и проходило там под грифом «особо опасный». Однако, учитывая, что на дворе были уже иные времена и пиночетовский режим все силы прилагал к тому, чтобы выглядеть цивилизованно, было решено не высылать Дина и его товарища (тоже, кстати, американского гражданина) из страны. Вместо этого к ним приставили группу спецагентов СНИ, которые должны были следить за всеми передвижениями непрошеных гостей по стране и обо всем докладывать руководству.

Поскольку в этот раз Дин приехал в Чили вполне легально, он не собирался давать лишнего повода своим врагам арестовать его и выслать из страны раньше того времени, которое ему было отпущено для осуществления своих планов. Поэтому никаких резких движений не делалось: от откровенной слежки никто не отрывался, и жили гости в Сантьяго вполне открыто. Правда, места ночевки каждый раз меняли, чтобы не давать агентам СНИ возможности чувствовать себя комфортно и спокойно.

На третий день своего пребывания в Чили, **18 августа**, Дин отправился выступать перед шахтерами крупнейшего в мире подземного медного рудника Эль-Теньенте в городе Ранкагуа (150 км от Сантьяго). На этом руднике Дин уже бывал в **1971 году**, когда вместе с Виктором Харой участвовал в культурной программе блока «Народное единство». С тех пор на этом руднике

мало что изменилось, даже большинство зданий были все те же. Власти, прознав об этом выступлении, не стали его запрещать, чтобы не нагнетать напряженность, которая и без того была высокой (совсем недавно на руднике были уволены 800 рабочих). Однако полицию к месту концерта подтянули, причем в большом количестве. И еще накануне представления всех потенциальных слушателей предупредили, чтобы они имели на руках паспорта. Таким образом власть хотела запугать рабочих: мол, каждый из вас обязательно попадет на заметку к нам. Однако мера эта того эффекта, на который рассчитывали власти, не возымела – дома осталось лишь незначительное число шахтеров, а остальные, числом в несколько сотен, пришли на концерт. Платой за вход в зал служили… продукты (1 кг), которые в Чили были в большом дефиците (их потом устроители концерта раздадут семьям уволенных рабочих).

Когда власти поняли, что сорвать мероприятие не удалось, был предпринят другой шаг. К Дину подошел офицер полиции и, указывая на гитару, произнес:

– Петь вам запрещено.

– А говорить мне можно? – поинтересовался Дин.

– Говорить можно, но не о политике.

Дин передал гитару одному из своих товарищей, а сам поднялся на сцену. Но он не был бы Дином Ридом, если бы не нашел способ изменить ситуацию в свою сторону. Подойдя к микрофону, Дин обратился к присутствующим:

– Только что ко мне подошел офицер полиции и запретил петь.

Ответом на эти слова был такой рев негодования, что в зале задрожали стены. Дин нашел глазами того самого офицера, который запретил ему петь, и картинно развел руками: дескать, я не виноват. После этого он взял гитару и ударил по струнам. Начал с чилийских народных песен, чтобы не давать повода полицейским прервать концерт в самом начале. А когда зал проникся атмосферой концерта, Дин разошелся и стал исполнять песни, которые в Чили были под негласным запретом (произведения Виктора Хары, Пабло Неруды). Последнюю песню, «Венсеремос» («Мы победим»), Дин посвятил Сальвадору Альенде. Во время ее исполнения весь зал встал и все присутствующие, за исключением полицейских, подняли вверх сжатые кулаки. Это была кульминация концерта – полное единение исполнителя и зала. Оператор снимал все это на пленку, еще и поэтому полиция не решилась прервать выступление.

После концерта Дина обступили зрители и стали обнимать его, целовать. Внезапно сквозь эту толпу к нему протиснулась

женщина, которая сообщила, что несколько лет провела в пиночетовских застенках.

– В память о тех годах у меня сохранился медальон, который узники вырезают из костей, на которых им варят тюремную баланду. Сегодня я хочу подарить этот медальон тебе.

Сказав это, женщина разжала ладонь, и Дин увидел тот самый медальон в виде летящего голубя. Из-за переизбытка чувств глаза Дина в эти мгновения предательски увлажнились. А женщина тем временем попросила его наклониться и собственноручно надела ему на шею медальон.

На следующий день, **19 августа**, Дин собрался выступить еще в одном месте – в университете Сантьяго. Как и рудник Эль-Теньенте, это тоже было одно из самых идеологически неблагополучных мест Чили – этакий рассадник левых идей, в котором училось 2000 студентов. Власти встали перед выбором, как поступить. Дело дошло до того, что ситуацию доложили лично Пиночету. Тот после некоторых раздумий дал «добро» на это мероприятие.

– Пусть студенты выпустят пар, – сказал диктатор генеральному директору корпуса карабинеров Сесару Мендосе. – Однако сразу после этого Дина Рида из страны выслать. Хватит ему здесь воду мутить.

Утром в день выступления, когда Дин в сопровождении своих друзей вышел из дома к автомобилю, стоявшему во дворе, их ждало неприятное открытие: все шины у машины были проколоты. Без всяких объяснений было понятно, чьих рук это дело. Однако он не обратил на это никакого внимания. А новый автомобиль тем временем был раздобыт достаточно быстро: помог кто-то из жителей этого же дома, где Дин провел ночь.

Когда Дин приехал в университет, там на улице уже собралось почти две тысячи студентов. Дин пел на открытой площадке полтора часа под несмолкаемые овации. И он невольно поймал себя на мысли, что такого единения с публикой у него давно уже не было. Концерты последних лет, которые он давал в ГДР, Советском Союзе или Чехословакии, хоть и проходили при полных залах, однако были похожи на обычные эстрадные выступления, где певец и зал существовали в некотором роде обособленно друг от друга. Единственной связующей нитью между ними были аплодисменты, которые чаще всего были просто данью традиции, а не выражением подлинных чувств зрителей. Здесь же все было совершенно иначе. Дин буквально каждой частичкой своего тела чувствовал единение зала с исполнителем, видел не сытые и равнодушные лица людей, довольных своей жизнью, а совсем другие лица – одухотворенные

и заряженные на борьбу. В отличие от своих сверстников в ГДР или СССР чилийские студенты чуть ли не каждый день рисковали свободой, а то и жизнью и поэтому вызывали у Дина прилив таких чувств, которых он давно уже не испытывал.

Последнюю свою ночь в Чили Дин провел в доме у своих друзей-артистов. Они проговорили несколько часов, обсуждая ситуацию в стране и в мире, и уже собирались было ложиться спать, когда в дверь внезапно позвонили. Это были полицейские, которые довольно бесцеремонно вломились в дом и приказали Дину собираться. Тот пытался было выяснить причину своего столь неожиданного задержания, но офицер, командовавшей в доме, только процедил:

– В участке вам все объяснят.

Спустя несколько минут Дин предстал перед начальником участка – пожилым человеком с усталым лицом и бесцветными глазами. Но, как выяснилось, главным там был отнюдь не он. Когда Дина ввели в кабинет, он увидел в углу сидящего на стуле человека, лицо которого ему показалось знакомым. Когда этот человек поднялся со своего места и подошел к Дину, он тут же вспомнил, где его видел. Этот был тот самый офицер ДИНА, который в 75-м сажал его на самолет, выдворяя из страны.

– Я же предупреждал вас, чтобы вы забыли дорогу в нашу страну, – расплываясь в самодовольной ухмылке, произнес офицер. – Видно, мои предупреждения не пошли вам впрок.

– Просто я думал, что за эти годы ваша карьера благополучно завершилась и судьба не предоставит мне возможности увидеть вас вновь, – ответил Дин.

– Зря надеялись: я еще послужу отечеству, чтобы избавить его от таких людей, как вы, – все с той же усмешкой произнес офицер.

Сказав это, он взял лист бумаги, лежавший на столе, и поднес его к лицу Дина.

– Подпишите это, и судьба избавит нас от общения друг с другом – на этот раз навсегда.

Дин пробежал глазами текст, отпечатанный на машинке, который гласил, что он выдворяется из Чили без права когда-либо вернуться обратно.

– Я слишком люблю эту страну, чтобы подписывать такие бумаги, – поднимая глаза от листка, произнес Дин.

– А я думал, что вы любите только те места, где правят красные, – голосом, не предвещающим ничего хорошего, произнес офицер. – В таком случае мы оставляем за собой право воздействовать на вас теми методами, которые сочтем нужными.

На этом разговор был окончен, и Дина вывели на улицу. Там его усадили в автомобиль с затемненными стеклами, по бокам сели двое агентов СНИ в штатском, и автомобиль тронулся. Дин думал, что его везут в тюрьму, но ошибся – они выехали за пределы города и помчались куда-то в неизвестном направлении. В эти минуты на душе у Дина стало муторно: он вдруг подумал, что минуты его жизни сочтены. Видно, он настолько достал чилийскую охранку, что она решила от него избавиться. И хотя поверить в это было трудно – ведь о пребывании Дина в Чили знало слишком много людей, – но исключать возможность того, что охранка придумает способ, как доказать свою непричастность к исчезновению Дина, было нельзя (согласно докладам международных организаций, в **1983 году** в Чили было убито 96 противников режима). Одно успокаивало Дина: что даже если его сейчас убьют, то из жизни он уйдет без всяких угрызений совести за бесцельно прожитые годы. «Надеюсь, и Луису с его товарищами я сумел помочь», – с удовлетворением подумал Дин.

К счастью, мрачные мысли Дина по поводу своей судьбы не подтвердились. В течение часа автомобиль с ним курсировал по пригороду Сантьяго, после чего пулей влетел на территорию аэропорта «Пудауэль». По плану руководства СНИ, Дина Рида надо было посадить в самолет, вылетающий из Чили, ровно за минуту до отлета. Когда белоснежный авиалайнер взлетал в небо, Дин не знал, что больше сюда он никогда не вернется.

Между тем из Чили Дин отправился не в ГДР, а в Советский Союз, чтобы уже оттуда поделиться с миром результатами своей поездки в Чили. Это было вполне закономерно, учитывая, каким пропагандистским потенциалом обладала Москва. Пресс-конференция Дина состоялась **25 августа** в Советском комитете защиты мира, где он давно стал своим человеком. Советская печать широко освещала этот приезд Дина: публикации появились в «Правде», «Комсомольской правде», «Советской культуре» и даже «Сельской жизни», редакцию которой Дин специально посетил, чтобы дать большое интервью.

Во время своего короткого пребывания в Москве Дин встретился с несколькими своими друзьями (кроме Юрия Купцова, которого в те дни не было в столице). И у каждого из

них он интересовался одним: как они относятся к деятельности Юрия Андропова на посту руководителя страны. И почти все, у кого он это спрашивал, отзывались о новом генсеке положительно. При этом главный упор делался на то, что Андропов пытается навести хотя бы элементарный порядок в стране, которого так не хватало в последние годы правления Брежнева.

Дин узнал, что Андропов наводит порядок буквально железной рукой и за полгода своего правления в одной Москве уже успел арестовать около трех десятков высокопоставленных взяточников из Главторга во главе с его руководителем Трегубовым. А директора гастронома ГУМ, расположенного прямо на Красной площади, арестовали буквально накануне приезда Дина в Москву – **17 августа**. Все эти аресты ясно указывали на то, что Андропов взялся за основательную чистку авгиевых конюшен и преисполнен решимости не останавливаться на достигнутом.

27 августа Дин вернулся в ГДР. Однако в родных стенах пробыл недолго: спустя несколько дней он улетел в Вену, где **3–4 сентября** принял участие в празднике газеты австрийских коммунистов «Фольксштимме». Именно там его застало страшное сообщение о том, что над территорией Советского Союза силами ПВО СССР был сбит южнокорейский пассажирский самолет со 269 пассажирами на борту. Эта трагедия произошла в ночь на **1 сентября** над Японским морем. О гибели самолета тут же сообщили все телеграфные агентства мира, а вот ТАСС на следующий день ограничился лишь констатацией факта, но о судьбе лайнера ничего не сообщил. В этом заявлении говорилось следующее:

«В ночь с 31 августа на 1 сентября самолет неустановленной принадлежности вошел в воздушное пространство СССР над полуостровом Камчатка, а затем вторично нарушил воздушное пространство СССР над островом Сахалин. При этом самолет летел без аэронавигационных огней, на запросы не отвечал и в связь с радиодиспетчерской службой не вступал. Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря».

Как и большинство людей в мире, узнав эту новость, Дин был в шоке. Во-первых, он не мог понять, какая необходимость была атаковать пассажирский авиалайнер, который хоть и летел без навигационных огней, но никакой угрозы собой не представлял,

во-вторых – ему было вдвойне больно еще и оттого, что советское правительство, вместо того чтобы признаться в своей ошибке, всячески старалось ее замолчать. Последнее никак не укладывалось в голове у Дина, который уже успел составить о советском руководителе Юрии Андропове самое лестное представление.

И все же, приученный за долгие годы своего пребывания в политике никому и ничему не доверять, Дин вполне допускал, что в этой истории не все так просто, как казалось на первый взгляд. Поэтому он решил не делать поспешных выводов, основываясь только на информации западных источников (а они были откровенно антисоветскими).

Тем временем противники Советского Союза продолжали выжимать из трагедии максимум выгоды. К примеру, американские газеты в те дни ежедневно выходили с заголовками типа: «Советский Союз против всего мира», «Окровавленные руки Москвы», «Умышленное убийство», «Советская паранойя» и т. д. Американцы жгли государственные флаги СССР перед зданием ООН в Нью-Йорке, били витрины в магазинах, торгующих советскими товарами, требовали самых жестких правительственных санкций против Советского Союза. Как писала газета «Чикаго трибюн»: «Сбитый самолет оказался политическим подарком и пропагандистским благом для Рейгана».

9 сентября в Москве Министерство обороны и МИД провели подробную пресс-конференцию для иностранных и советских журналистов, после которой если не все, то многое стало становиться на свои места. Выяснилось, что руководители ПВО на Дальнем Востоке вполне могли принять в ночном небе Камчатки корейский авиалайнер за военный самолет-разведчик. Советские военные устами начальника Генштаба маршала Огаркова бросали упреки американским и японским диспетчерам, которые не подняли тревогу и не вернули корейский самолет на обычный курс. Не исправили курс этого самолета и американские военные самолеты-разведчики, находившиеся близ советского воздушного пространства.

Было также объявлено, что корейский самолет прошел над важнейшей базой стратегических ядерных сил СССР, постоянно передавая кодированные сигналы, как это делается при передаче разведывательной информации. А когда советские наземные службы попытались вступить с ним в контакт, он эти попытки проигнорировал. Над Сахалином самолет произвел сложный маневр и опять прошел над важной базой советских ракетных войск. После этого сомнений у службы ПВО не осталось: в небе был разведчик, полет которого был преднамеренным и четко

управлялся. Поэтому, заявил Огарков, службы ПВО действовали в точном соответствии с Законом о государственной границе СССР и международными нормами. Кроме этого, маршал сообщил, что СССР выразил сожаление по поводу гибели ни в чем не повинных людей. Однако, отметил он, СССР не собирается приносить никаких извенений, так как «извиняться и нести ответственность, и не только финансовую, должны именно те, кто послал самолет на гибель».

После этого Дину многое стало понятно. Он пришел к выводу, что пассажирский лайнер и в самом деле мог быть шпионом, а его руководство могло осуществляться США либо их союзниками. Эта версия была больше похожа на правду, чем та, которую так усердно (даже слишком усердно) все эти дни озвучивали западные СМИ: что советские зенитчики – настоящие звери и достойны того, чтобы их страну называли «империей зла». «Я скорее поверю в то, что звери сидят в Пентагоне, чем в Москве, – размышлял про себя Дин. – Зачем Андропову так явно подставляться? Здесь пахнет откровенной провокацией, на которые так охочи американские спецслужбы. И тут еще надо подумать, кто больший зверь: те, кто использовал пассажирский лайнер в качестве шпиона, заранее посылая сотни ни в чем не повинных людей на верную гибель, либо те, кто сбил этот самолет, но не подозревал, что там находятся пассажиры».

Вся эта история настолько взволновала Дина, что он с новой силой взялся за доработку своего сценария «Вундед-Ни». Ему захотелось еще четче, чем это было в первоначальных вариантах, выписать агрессивную сущность американского империализма, которому всегда было глубоко плевать на судьбы миллионов людей: будь то их «родные» индейцы или чужие южные корейцы.

Работа над сценарием продолжалась до глубокой осени. И проходила она на фоне все большего ухудшения международной обстановки. Можно смело сказать, что такого нагнетания страстей в мировой политике давно уже не происходило. А началось все с переговоров по разоружению, которые проходили в Женеве.

Кризис в переговорах начал возникать еще весной, когда **29 марта** США, в поисках частичного решения, предложили исходить в первую очередь из равного соотношения ядерных боеголовок безотносительно к числу ракетоносителей, а Советский Союз **3 мая** хоть и согласился с этим предложением, но стал настаивать на том, чтобы в договоре учитывалось и британское и французское ядерное оружие. Это было вполне справедливое требование, поскольку это оружие тоже было нацелено на СССР и его союзников. Однако командование НАТО

этого требования не приняло. По мнению Запада, СССР, оснащенный ракетами «СС-20», способными в кратчайшее время поразить цели в Западной Европе, нарушил стратегическое равновесие между Востоком и Западом. Брешь в обороне и должны были закрыть ракеты нового поколения «Першинг-2», отличающиеся исключительной точностью попадания (такая ракета, выпущенная с территории ФРГ, могла достигнуть Москвы за 8 минут), а также управляемые крылатые ракеты.

Тем временем после инцидента с южнокорейским авиалайнером, который стал поводом к разнузданной волне антисоветизма на Западе, в Москве окончательно поняли, что договориться с Белым домом полюбовно уже не удастся. Как итог, **29 сентября** в советской печати было опубликовано заявление Андропова, которое ставило крест на любой возможности договориться с США по какому-либо важному вопросу до тех пор, пока у власти в этой стране находился Рейган: «Если у кого-то и были иллюзии насчет возможности эволюции в лучшую сторону политики теперешней американской администрации, то события последнего времени окончательно их развеяли. Ради достижения своих имперских целей она заходит так далеко, что нельзя не усомниться, существуют ли у Вашингтона какие-либо тормоза, чтобы не пройти черту, перед которой должен остановиться любой мыслящий человек».

Между тем в Западной Европе ширилось движение протеста против размещения там американских «Першингов». Что тоже понятно: ведь в случае ядерного конфликта в первую очередь пострадала бы не Америка, а именно Европа. **22 октября** стало днем мощных выступлений против ядерного оружия, когда сотни тысяч людей вышли на улицы, чтобы выступить против гонки вооружений. Так, в ФРГ в манифестациях приняло участие рекордное число людей – 1 миллион 300 тысяч человек. Например, тысячи демонстрантов образовали живую цепь от американской базы Уайли Берекс до Штутгарта. Не менее массовыми были выступления в Риме (500 000 человек), Лондоне (250 000), Вене (100 000), Стокгольме (25 000). Однако повернуть ход истории вспять эти манифестации не смогли.

Тем временем пружина напряжения в мире продолжала сжиматься. **23 октября** начиненный взрывчаткой грузовик въехал на территорию американской военной казармы в районе аэропорта столицы Ливана города Бейрута и унес на тот свет более 240 американских морских пехотинцев и моряков из состава многонациональных сил по поддержанию мира в Ливане. Администрация Белого дома и в этот раз усмотрела в этом акте «руку Москвы».

Два дня спустя, **25 октября**, американские войска вместе со своими союзниками из шести карибских стран вторглись на территорию независимого островного государства Гренада под предлогом защиты американских граждан, живущих там. На самом деле США был неугоден режим Мориса Бишопа, который с **1979 года** взял курс на построение промарксистского государства и мог замкнуть в Западном полушарии «красный треугольник»: Куба – на севере, Никарагуа – на западе, Гренада – на востоке, в 90 милях от Южно-Американского континента.

В разгар этих событий, **19 ноября**, Дин отправился в Лейпциг, где проходил традиционный Международный фестиваль документального кино. Именно там его застало сообщение о том, что **22 ноября**, после двухдневного обсуждения, западногерманский бундестаг поименным голосованием одобрил размещение новых американских ракет средней дальности в ФРГ. **25 ноября** советский лидер Юрий Андропов заявил, что СССР прекращает участвовать в женевских переговорах, отменяет мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности и ускоряет процесс размещения тактических ракет в ГДР и ЧССР.

27 ноября Дин уже был в Восточном Берлине, где выступил в концерте политической песни в «Палас дер Республик». Концерт был приурочен к тем акциям протеста, которые проходили в Западной Европе по поводу размещения там американских ракет.

В конце года Дин отправился в Москву, чтобы **28 декабря** принять участие в фестивале политической песни памяти Виктора Хары. Однако участие в фестивале было не единственным желанием Дина: еще он хотел встретиться с Юрием Купцовым, чтобы подробно разузнать у него о тех событиях, которые произошли в СССР за последние несколько месяцев. Ведь Дин владел усеченной информацией, составленной главным образом из публикаций в прессе и тех комментариев, которые он слышал из уст отдельных восточногерманских политиков. Для полноты восприятия ему не хватало сведений с советской стороны, которые ему могли предоставить его московские друзья. При этом Дина интересовало не только развитие внешнеполитической ситуации, но и перспективы Юрия Андропова, которого многие уже списали со счетов (слухи о том, что советский генсек серьезно болен, стали курсировать по миру с осени).

Купцов назначил встречу Дину не у себя дома в Воротниковском переулке и не у родителей на Кутузовском проспекте, а… в собственном автомобиле «Жигули». Подобрав Дина у входа в гостиницу «Москва», Юрий сообщил, что лучше пообщаться в салоне автомобиля, поскольку их разговор не

должен стать достоянием чьих-нибудь ушей. Припарковав машину рядом со сквером у станции метро «Площадь Революции», Юрий заглушил мотор, и какое-то время они с Дином сидели молча, слушая в радиоприемнике пронзительный хит 83-го года «Hello» в исполнении Лайнела Риччи. Затем, когда песня закончилась, Юрий устало произнес:

– В такие минуты мне больше всего хочется бросить все и уехать куда-нибудь подальше. Если бы ты только знал, Дин, как я устал за этот год. Никогда такого со мной еще не было. Но я бы никогда не стал жаловаться на усталость, если бы не ощущение того, что все затраченные мною силы ушли в пустоту.

– Это связано с теми событиями, о которых говорит весь мир? – спросил Дин.

– Именно с ними, – кивнул головой Юрий. – Помнишь, больше года назад мы говорили с тобой на эту же тему и я связывал большие надежды с Андроповым? Да разве только я: вся страна буквально воспряла, когда он пришел к власти. И ведь ничего сверхъестественного в его лозунгах не было: он просто призвал всех к порядку. Но поскольку именно этого порядка все только и жаждали в последние годы правления Брежнева, призыв Андропова был услышан чуть ли не в каждом уголке страны.

Я тогда много ездил по республикам и лично в этом убедился. Сдвиги происходили во всех сферах жизни общества. В экономике прирост промышленного производства по сравнению с первым кварталом последнего года брежневского правления составил почти 5 процентов, а производительность труда возросла почти на 4 процента. Таких показателей не было много лет. И когда в **феврале** государство повысило цены на товары и услуги примерно 300 наименований, впервые люди встретили эту новость спокойно. И знаешь почему? Потому, что о повышении объявил человек, которому люди верили. И вот теперь все созданное за эти месяцы рушится как карточный домик. Андропов серьезно болен, и шансы, что он поднимется, весьма невелики.

– Значит, то, что говорят зарубежные радиостанции об этом, правда? – спросил Дин.

– Рад бы тебя обнадежить, но, увы, не могу, – положив руки на руль, произнес Юрий. – **28 сентября** Андропов в последний раз вышел на люди – встретился с генсеком йеменской социалистической партии, после чего уехал отдыхать в Крым и там подхватил якобы пневмонию. И в Москву вернулся уже окончательно больным человеком. У Андропова полностью отказали почки, и он теперь живет только благодаря аппарату «искусственная почка».

– Когда ты говорил о пневмонии, я услышал в твоем голосе

сомнение.

– Это сомнение разделяю не только я. Многие знали, что у Андропова были давние проблемы с почками, однако болезнь проявляла себя не так активно. Более того, врачи предрекали ему еще шесть-семь лет жизни. Но едва он стал у руля страны, как все его болячки внезапно обострились. Вот почему крымская пневмония выглядит очень подозрительно. И в верхах ходят упорные разговоры, что эта цепь событий была ловко подстроена.

– Кем подстроена? – не скрывая своего искреннего удивления, воскликнул Дин.

– Теми, кому Андропов прижал хвосты. Когда я говорил про энтузиазм, охвативший страну, я имел в первую очередь простых людей. А в руководящих верхах инициативы Андропова многими были встречены в штыки.

– Кто же сейчас руководит страной?

– Как кто – Андропов! Только дается ему это с каждым днем все труднее и труднее, и силы его уже на исходе. Я был в Кунцевской больнице, где он лежит, и собственными глазами видел это. А тут за одну осень на нас навалилось столько проблем, что распутать их тяжело даже здоровому человеку. И я подозреваю, что все эти проблемы тоже возникли не случайно именно в период обострения болезни Андропова.

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что, как только Андропов захотел пойти на уступки Западу и предложил сократить количество советских ракет «СС-20» в Европе до 162, что соответствовало численности аналогичных английских и французских, как вскоре после этого американцы стали нагнетать обстановку. Стали с новой силой давить на своих союзников с тем, чтобы они согласились на размещение у себя их «Першингов», а параллельно бряцали оружием – напали на Гренаду. Кроме этого, устроили еще и провокацию с самолетом.

– Ты имеешь в виду сбитый вами корейский «Боинг»? – уточнил Дин.

– Именно. Это был самолет-разведчик, который выполнял прямое задание ЦРУ. Оно сознательно направило его в наше воздушное пространство, чтобы вызвать переполох в системе ПВО и выявить ее засекреченные и обычно «молчащие» объекты. Незадолго до этого мы модернизировали свою ПВО на Дальнем Востоке, вот американцам и понадобилось прощупать ее на предмет слабых мест. Но наши военные с первой же минуты вхождения «Боинга» в наше воздушное пространство владели полной информацией обо всех переговорах его экипажа с разведбазами и спецслужбами НАТО. Уничтожить самолет мы

могли много раз, но не делали этого, так как при взрыве над Камчаткой он мог бы нанести нам непоправимый ущерб: могли сдетонировать ядерные боеприпасы на лодках или других объектах.

– Но почему в таком случае ваши военные не заставили самолет сесть на один из ваших аэродромов? – удивился Дин.

– Потому что те, кто задумывал эту операцию, были не дураками. Они установили внутри самолета мощную взрывчатку, и если бы мы захотели осмотреть «Боинг», то он бы в ту же минуту взорвался. Кстати, так оно и вышло: после того как «Боинг» поразила ракета нашего летчика, он еще пролетел 17 километров и взорвался изнутри над нейтральными водами. Причем у наших границ он оказался аккурат в тот момент, когда над Камчаткой проходил американский разведывательный спутник.

– Выходит, все пассажиры были пешками в чьих-то руках?

– Смотря каких пассажиров ты имеешь в виду. – Поймав на себе удивленный взгляд Дина, Юрий уточнил: – Сообщения о том, что на борту «Боинга» в момент взрыва находились 269 пассажиров, – ложь. Там было всего 29 человек, которые управляли самолетом и были прекрасно осведомлены о целях его полета. Именно они и погибли.

– Этому есть доказательства?

– Сколько угодно, – голосом, полным уверенности, ответил Юрий. – На месте падения самолета мы не обнаружили упомянутых почти трех сотен тел, зато нашли их багаж, который был нанизан на трос и скреплен по кругу. Догадываешься, зачем это было сделано? Правильно, чтобы этот багаж не разметало по морю и его легко можно было найти. Вот почему все международные комиссии признали наши действия обоснованными и с нас не потребовали выплачивать компенсации родственникам погибших. Знаешь почему? Потому, что мы договорились с американцами о том, что они признают нас невиновными, а мы не обнародуем факты, которые говорят, что сбитый «Боинг» – разведчик. Однако истерию вокруг сбитого «Боинга» американцы устроили знатную, в очередной раз вымазав нас в дерьме перед всем миром.

В это время за ококом повалил снег, и Юрий, чтобы расчистить лобовое стекло, включил щетки. Затем, краем глаза взглянув на Дина и увидев, что тот погружен в глубокие раздумья, произнес:

– Имей в виду, что сведения, которые я тебе рассказал, являются секретными, и если кто-нибудь узнает о том, что я их тебе сообщил, то меня… сам понимаешь…

– Меня об этом можно было не предупреждать, – оторвавшись от своих мыслей и с укором взглянув на друга, ответил Дин.

Вместо извинения за свою последнюю реплику Юрий положил свою ладонь на плечо Дина, чем сразу разрядил обстановку.

Возникшую в салоне паузу нарушил Дин, который спросил:

– Если дела Андропова столь плохи, то кто встанет на его место?

– Кто-то из стариков. Если элита и в самом деле убрала Андропова, то она не позволит кому-то из молодых продолжить его дело. Ей надо отдышаться и прийти в себя.

– Но старики не вечны. Ты сам кого бы хотел видеть у руля страны?

– Из молодых в Политбюро есть только двое: Григорий Романов и Михаил Горбачев. Я бы предпочел первого, поскольку тот более жесткий и вполне способен продолжить линию Андропова. Но, боюсь, с Романовым поступят точно так же, как когда-то с Шелепиным. Вокруг его имени уже сегодня вовсю курсируют всевозможные компрометирующие слухи.

Дин сразу догадался, о чем идет речь. Даже в ГДР дошли эти слухи о Романове: будто он справил свадьбу своей дочери в Эрмитаже и в пьяном угаре бил там императорскую посуду, а также о том, что его задержали с любовницей на яхте во время прогулки в территориальных водах Финляндии. Однако Дин не знал, верить этим слухам или нет, поэтому не преминул воспользоваться возможностью узнать это из уст Юрия.

– Все это откровенная ложь! – не скрывая своего раздражения, ответил Юрий. – Никто Романова с любовницей, якобы популярной ленинградской певицей, нигде не задерживал. А что касается свадьбы его второй дочери, то она игралась девять лет назад, и не в Эрмитаже, а на даче в поселке Левашеве. Мой товарищ из ленинградского обкома комсомола был там в числе немногочисленных гостей и видел все собственными глазами. Подчеркиваю, свадьба эта состоялась девять лет назад, а слухи о ней почему-то всплыли только сегодня, когда у Романова появились реальные шансы стать у руля страны. Догадываешься, зачем это делается?

– У Романова есть поддержка внутри Политбюро? – поинтересовался Дин.

– За него горой стоит министр обороны Устинов, который давно знает Романова по совместной работе – оба занимаются вопросами оборонной промышленности. Но боюсь, что мнения одного Устинова в этом вопросе окажется недостаточно.

Затем, после короткой паузы, Юрий добавил:

– Хотя, как говорится, поживем – увидим.

– Поживем, – живо откликнулся на эту фразу Дин, который, как и его приятель, был все-таки больше оптимистом.

Находясь в Москве, Дин встретился еще с одним человеком – журналистом «Комсомольской правды» Михаилом Кожуховым – и дал ему большое интервью (оно появилось **22 декабря** и называлось «Не ошибитесь в мечте»). Несмотря на то что из интервью были убраны наиболее острые моменты, оно получилось весьма злободневным и острым. Что вполне естественно. К тому времени Дина все больше волновали проблемы молодежи, причем не только советской, но и восточногерманской. Он видел, что это поколение, которое выросло в тепличных условиях, все сильнее дрейфует в сторону Запада и не видит в этом дрейфе ничего страшного. В этом явлении не было бы ничего предосудительного, если бы молодежью не двигало исключительно голое потребительство, лишенное всяческих идеологических подпорок. И в своем интервью Дин выражал обеспокоенность именно этим моментом. Цитирую:

«Уважение к себе начинается с ответа на вечный, мучительный вопрос – для чего живу? Для чего рожден? Чтобы ездить на собственной машине? Носить джинсы? И только?

Однако не стоит все доводить до максимализма, чтобы не переступить черту здравого смысла. Ведь совершенно очевидно: каждый из нас хочет красиво и удобно одеваться. Но страшно, когда только это становится смыслом жизни. И если человек начинается с того момента, когда сумеет решить для себя, что он такое есть, то кончается он как личность именно тогда, когда успокаивается, увидев наконец, что нижняя часть его тела красуется в вожделенных фирменных штанах.

Далеко не все плохо, что приходит из Америки. Ведь только одни джинсы, только одна рок-музыка не могут быть «врагами», опасными сами по себе. И то, и другое – приметы времени.

Но совершенно иное дело, когда «американская облатка» – в джинсовой или джазовой упаковке – становится самоцелью. Тогда за океаном ловцы душ хлопают в ладоши: к сонму приверженцев американской мечты прибавляется еще одна душонка. «Мой домик, моя машина, мое дело…» Страшно, когда, став рабом вещей, накопительства, человек забывает о том, что действительно важно.

А важно проснуться утром и иметь возможность пойти в школу. Или на работу. Или лечь в больницу, не думая о том, что твоя семья вынуждена из-за этого отказывать себе в куске хлеба. К сожалению, только потеряв все это, кое-кто понимает: какая, в

сущности, разница – ушел ли ты на работу в джинсах или брюках. Важно, что ты чувствовал себя Человеком».

В самом начале **1984 года** один из близких друзей Дина Рида в восточногерманском партийном руководстве – заместитель руководителя отдела агитации и пропаганды ЦК СЕПГ (сектор телевидения и кинематографа) Эбергарт Фенш – сообщил Дину новость о том, что из Москвы пришли обнадеживающие сведения: Юрий Андропов пошел на поправку. Якобы он стал чувствовать себя лучше и даже пару раз приезжал работать в свой кабинет в Кремле. Московские источники сообщали, что Андропов возобновил в СССР крупномасштабный экономический эксперимент по перестройке управления промышленностью, предприятиями и объединениями. Тот самый эксперимент, который затевал еще в **1964 году** Алексей Косыгин и который был свернут спустя несколько лет.

Кроме этого, в начале марта в СССР намечались выборы в Верховный Совет СССР, которые должны были значительно изменить состав не только Верховного Совета, но и Совета министров СССР, который возглавлял самый престарелый член советского Политбюро 79-летний Николай Тихонов. Все эти новости крайне обрадовали Дина, который тут же вспомнил свой последний разговор с Юрием Купцовым и был чрезвычайно рад тому, что сбываются оптимистические прогнозы, а не другие.

Но радость Дина длилась недолго. В конце **января** в восточногерманском руководстве уже вовсю курсировали слухи о том, что здоровье Андропова резко ухудшилось. И днем **10 февраля** весь мир облетела информация о том, что накануне вечером советский генсек скончался. Новым генеральным секретарем был избран Константин Черненко, который пять месяцев назад отпраздновал свой 73-й день рождения.

Как раз в те самые дни в Восточном Берлине должен был проходить ежегодный фестиваль политической песни, в котором собирался участвовать и Дин. Однако из-за смерти Андропова его проведение было перенесено на несколько дней.

Рональд Рейган на похороны Андропова не приехал, прислав в Москву своего вице-президента Джорджа Буша. Вообще с начала года в Белом доме стали происходить удивительные метаморфозы. Президент США после четырехлетней воинственности вдруг решил переквалифицироваться в миротворца. В интервью журналу «Тайм», который увидел свет в начале года, на вопрос, считает ли он по-прежнему уместной фразу: «СССР является средоточием зла», Рейган ответил: «Нет. Я не стал бы больше говорить подобных вещей». Этот ответ поразил

Москву настолько, что в «Правде» даже появилась заметка под названием «Чему же верить, г-н президент?».

Между тем столь резкий поворот на 180 градусов со стороны Рейгана был не случаен: ведь **1984 год** был годом президентских выборов, а значит, Рейгану необходимо было уже сейчас перетягивать на свою сторону не только консервативную Америку, но и либеральную (несмотря на то что индекс популярности Рейгана в США был в тот момент 54 %, что превосходило показатели других президентов послевоенного периода, кроме Эйзенхауэра, Рейгану, видимо, было этого мало). Однако люди, сведущие и искушенные в политике, в Рейгана-миротворца не очень-то верили, а в Москве его по-прежнему называли «ястребом», чтобы не помогать ему в его желании быть избранным президентом на второй срок.

Несмотря на тогу миротворца, которую нацепил на себя Рейган, Америка под его руководством продолжала проводить политику «сильной руки» и не собиралась уступать и пяди земли в зоне своих интересов. Так, Белый дом по-прежнему снабжал деньгами и оружием режим в Сальвадоре и делал все возможное, чтобы свергнуть революционное правительство сандинистов в Никарагуа. Эта страна по территории в семь раз превосходила Сальвадор, имела стратегически важное расположение и протяженные береговые линии Карибского моря на востоке и Тихого океана на западе. Помощь противникам сандинистского режима в Никарагуа, так называемым контрас, США стали оказывать еще при Джимми Картере, который подписал секретную директиву, предписывающую ЦРУ оказывать всяческую поддержку противникам сандинистов: снабжать их деньгами, полиграфическим оборудованием и т. д.

Когда к власти пришел Рейган, он не свернул эту операцию, а, наоборот, расширил ее рамки, надеясь, что ему удастся то, что не смог сделать его предшественник, – заменить правительство сандинистов другим, проамерикански настроенным. Для этих целей США даже выделяли Никарагуа финансовую помощь, надеясь, что таким образом они смогут хотя бы отвадить сандинистов от их ориентации на коммунистический блок. Но у Белого дома это плохо получалось. Все разведданные ЦРУ ясно указывали на то, что никарагуанское правительство продолжает иметь тесные связи с Кубой и Москвой. Около пятисот кубинцев работало в военных и разведывательных органах Никарагуа, в главных центрах связи. Лидер ООП Ясир Арафат тоже посещал Никарагуа. Короче, Рейган был убежден, что весь коммунистический мир вел активную работу в этой стране: СССР, Северная Корея, страны Восточного блока. Поэтому Вашингтон

активно финансировал отряды контрас, выделяя им в год порядка 100 миллионов долларов. С **1984 года** США стали минировать никарагуанские территориальные воды с целью преградить доступ в порты революционной республики судам других стран.

В конце **апреля** в Никарагуа отправился и Дин Рид в качестве посла Всемирного совета мира для участия в Международной профсоюзной конференции, в которой принимали участие представители 50 стран (одни США были представлены деятелями из 30 организаций). Дин прилетел в Манагуа **28 апреля** и уже на следующий день в сопровождении представителей Совета мира Никарагуа отправился в поездку по стране.

Дин дал серию концертов перед шахтерами и работниками плантаций сахарного тростника, выступил в госпитале, где лежали раненные в боях с контрас сандинисты. Поскольку обстановка в стране была тревожная – продолжались вылазки контрреволюционеров, базировавшихся в Гондурасе, – Дина сопровождала вооруженная охрана. Однако даже тревожные сводки из разных мест не могли заставить Дина отменить свои выступления. Так, в небольшое селение Халапа, что в нескольких километрах от северной границы с Гондурасом, он приехал через пару часов после варварского нападения на него контрреволюционеров, когда везде еще оставались следы боя: горели постройки, дымились воронки от взрывов минометных снарядов. При этом никто не исключал повторного нападения. Однако даже несмотря на это Дин дал концерт прямо посредине села при свете фар четырех джипов (электролиния была повреждена во время налета). Дин пел собравшимся жителям деревни песни свободной Америки, рожденной в борьбе против пиночетовской хунты в Чили, против диктатуры в Уругвае.

После концерта с Дином произошел случай, который потряс его до глубины души. Он обратил внимание на щуплого паренька 14–15 лет с автоматом Калашникова в руках. Подойдя к нему, Дин спросил:

– Ты, видно, хорошо владеешь этой «игрушкой»?

– Si, sedor, – ответил мальчишка.

Тогда Дин ткнул пальцем в свою гитару, как бы интересуясь: а с этим оружием ты знаком? К его удивлению, мальчишка и здесь ответил утвердительно: «Si, sedor». Тогда Дин протянул гитару парнишке. Тот отложил в сторону автомат, взял инструмент и через несколько секунд стал выдавать на ней такие «па», что Дин был в восторге. Парень спел песню, в которой речь шла о борьбе никарагуанского народа против контрас.

1 мая Дин встретил в городе Чинандега. Накануне ночью

террористы взорвали ведущий к городу мост, чтобы помешать окрестным жителям приехать в город и участвовать в массовых мероприятиях, посвященных Дню солидарности трудящихся. Но праздник все равно состоялся. И на местном стадионе на митинг собралось около 50 тысяч человек. В разгар мероприятия в небе стали барражировать два самолета без опознавательных знаков. Чтобы не подвергать стольких людей риску внезапной бомбардировки, устроители митинга быстро свернули мероприятие, и люди двинулись несколькими колоннами к центру города. В одной из этих колонн шел и Дин.

2 мая Дин был уже в Манагуа, где устроил концерт прямо под окнами посольства США в Никарагуа. Американский посол Лоуренс Пецулло в тот момент находился в своем кабинете и собственными глазами видел это выступление. Дин спел несколько песен протеста, в том числе и «Вы!», посвященную политике Рейгана. Припев у песни был весьма хлесткий:

> Вы, чьи войска убивают невинных,
> вы, попирающие законы и владеющие цепями,
> чтобы превратить людей всего мира в рабов,
> вам неведома правда:
> если вы убьете одного – четверо займут его место,
> если убьете сто – тысячи придут, чтобы бороться до победы…

В тот же день Дина принял лидер страны – координатор Руководящего совета правительства Национального возрождения Никарагуа Даниэль Ортега (его родной брат Умберто Ортега возглавлял Министерство обороны). Разговор длился почти два часа и касался в основном никарагуанских проблем. Обоим было хорошо известно, что Белый дом склоняется к мысли о том, что дни сандинистов у власти сочтены, поскольку под давлением контрас и оппозиции во главе с католической церковью сандинисты теряют поддержку населения. И в случае справедливых выборов существующий режим в Никарагуа может пасть. В такой ситуации союзники Никарагуа вряд ли смогут помочь его правительству удержаться у власти. Ортега это понимал, поэтому обещал Дину, что со своей стороны сандинисты сделают все возможное, чтобы выбить почву из-под ног контрас и легальной оппозиции.

Кроме этого, они обсудили и ситуацию с возможной интервенцией США и Гондураса в Никарагуа, которая могла осуществиться в предверии выборов в США в **ноябре** этого года. Здесь тоже ситуация была не из легких. Два главных союзника

Никарагуа в Восточном блоке – Советский Союз и Куба – вряд ли смогли бы помешать этому: СССР находится не в том положении, чтобы осуществить военное вмешательство, а Куба не станет подвергать себя риску военной конфронтации с США. Однако экономическая помощь этих стран Никарагуа в любом случае не прекратится. В те дни Восточный блок уже пришел к выводу, что сальвадорские повстанцы вряд ли возьмут власть в стране, поэтому те средства, которые предназначались им, лучше перенаправить в Никарагуа.

Касаясь экономических проблем Никарагуа, Дин выразил поддержку действиям сандинистского правительства, которое решило расширить мероприятия по передаче земли в частное владение крестьянам с целью сохранить поддержку сельского населения. До этого сандинисты придерживались другой политики: создавая гигантские агрокомплексы и производственные кооперативы, они насильно выселяли в новые поселки крестьян-индейцев, чем только отталкивали их от революции. Теперь эта практика была прекращена.

Вернувшись в ГДР, Дин пробыл там чуть больше недели, после чего вновь сорвался с насиженного места – отправился в Москву, чтобы принять участие во II Международном музыкальном фестивале, который должен был состояться **16–22 мая**.

Москва встретила Дина теплой и солнечной погодой. К радости от встречи с городом, который он давно и по-настоящему любил, прибавилось еще одно событие: Дину вручили его биографию «Рождается в сердце», которая вышла в Советском Союзе в начале года как перепечатка с восточногерманского издания **1980 года**. Дин тогда еще не знал, что эта книга станет его единственной биографией, выпущенной при жизни.

18–20 мая Дин выступил в концерте, проводимом в рамках фестиваля, под названием «Проспект Мира встречает гостей» (он проходил в спорткомплексе «Олимпийский»). В этом концерте, посвященном борьбе за мир, приняли участие более двадцати участников из разных стран. Среди них были Иосиф Кобзон (исполнил песни «Я люблю тебя, жизнь», «Пока не поздно»), Лев Лещенко («Притяженье Земли», «Родной дом», «Городские сады»), Олег Ухналев («Мир дому твоему»), Анне Вески («Жил отважный капитан»), В. Стойкович (Югославия, «Враги сожгли родную хату»), Ле Куэн и Ай Ван (Вьетнам, «Миллион алых роз»), Лили Иванова и Бисер Киров (Болгария), ансамбль «Электра» (ГДР), «Песняры» (СССР), Ханс Ведер (ФРГ) и др.

Дину выпала честь закрывать это представление. Он вышел на сцену под бетховенскую «Оду радости» в клетчатой рубашке,

белых брюках и с гитарой в руках и спел несколько песен, в том числе и «Мы преодолеем!». В конце своего выступления Дин обратился к залу со следующими словами: «Мир нужен всем! У всех у нас проблемы большие и маленькие, общественные и личные. И мы можем решить все проблемы, если крепко возьмемся за руки. Мы все преодолеем!» После этого на сцену вышли все участники концерта и, взявшись за руки, спели «Песню о Москве».

В те же самые дни, **19 мая**, по восточногерманскому телевидению прошла премьера очередного выпуска авторской передачи Дина Рида «Человек из Колорадо». Поскольку Дин в это время находился в Москве и не мог наблюдать за реакцией зрителей на свое творение, ему об этом сообщила по телефону его жена Рената Блюме. Сделала она это не случайно. Дело в том, что в последнее время Дин все чаще стал хандрить по поводу падения своей популярности в ГДР. Ему казалось, что его время уже истекло и все его потуги вернуть хотя бы часть былой популярности обречены на провал. Рената, да и многие другие люди из числа друзей Дина пытались убедить его в обратном, понимая, как важны эти слова ободрения для Дина. Вот почему спустя несколько часов после эфира передачи «Человек из Колорадо» Рената поспешила к телефону, чтобы позвонить Дину. Ее отклики были самые восторженные. «Наш домашний телефон после эфира не умолкал до утра», – сообщила мужу Рената. Дин был счастлив. В той передаче, кроме него самого, выступали индейская певица Гремучая Змея Энни, Лилия Сабитова (СССР), Зигфрид Краузе и Петер Черниг (ГДР) и др.

Вернувшись в ГДР, Дин уже спустя несколько дней отправился в очередной концертный тур по стране. Его концерты прошли в нескольких городах, в том числе и в Эрфурте (**26 мая**).

9—10 июня Дин принял участие в молодежном фестивале в Восточном Берлине.

В середине лета Дин вернулся в большой кинематограф. Как мы помним, в последний раз он имел к нему отношение ровно четыре года назад, когда снимал (и одновременно снимался) фильм «Пой, ковбой, пой». Однако после того, как он имел плохие сборы и был обруган критикой, Дин на какое-то время охладел к кинематографу. Эта пауза длилась четыре года. Поводом к тому, чтобы прервать ее, послужило неожиданное предложение, которое поступило от японского режиссера Масато Харады, который предложил Дину принять участие в его интернациональном проекте: японско-западногерманском фильме «Несерьезная история». Это была современная притча о молодых людях, увлеченных мотоциклетными гонками (как мы помним,

Дин тоже был увлечен этим видом спорта). Дину в этом фильме была предложена роль второго плана – мужчины по имени Ганс. Помимо него в ленте был занят интернациональный актерский состав в лице Хироки Ватанабе, Лесли Мальтона, Криса Эдиссона, Деборы Сассон, Оливии Паскаль, Патрика Стюарта, Барбары Штанек и др.

В **августе** Дин вновь вернулся к концертной деятельности, дав несколько выступлений в ГДР. Там его застала новость о шокировавшей весь мир шутке Рональда Рейгана. Это случилось **11 августа** на ранчо президента США, где у него должны были взять еженедельное интервью для радио. Проверяя готовность радиотехники к записи, Рейган, вместо обычного отсчета цифр, произнес: «Дорогие соотечественники-американцы! Я рад сообщить вам, что только что подписал закон, навсегда объявляющий Россию вне закона. Бомбежка начнется через пять минут». Америка восприняла эту «шутку» на ура, и **23 августа** съезд республиканской партии вновь выдвинул Рейгана своим кандидатом на пост президента страны.

Дин, прочитав в газете спич Рейгана, произнесенный им на своем ранчо, был в шоке. В те минуты ему было стыдно, что он американец. Все четыре года своего президентства Рейган отпускал язвительные реплики и откровенные оскорбления в адрес СССР, однако ни один из советских лидеров (ни Брежнев, ни Андропов, ни Черненко) ни разу не позволили себе сказать что-то, хотя бы отдаленно похожее на то, что говорил Рейган. Случай на ранчо окончательно подтвердил вывод о том, что американский президент в сущности неотесанный актеришка, волею судьбы вознесенный на вершину власти. Играя в молодости в кино лихих ковбоев, умеющих разве что метко стрелять из «кольта» да ладно скакать на лошади, Рейган, став президентом огромной страны, вел себя практически так же, как и его киношные герои. И большая часть Америки была в восторге от этих манер своего руководителя, поскольку в этой стране всегда отдавали предпочтение грубой силе. Конечно, на фоне больного и задыхающегося советского генсека Константина Черненко Рейган выглядел огурчиком. Но это был только внешний эффект. По своим человеческим качествам «партократ» Черненко был на голову выше кривоногого ковбоя из Иллинойса.

31 августа Дин выступил на митинге журналистов на Александр-плац в Восточном Берлине, где речь шла именно о разнузданной политике вашингтонской администрации. В тот же день он уехал в Потсдам, где выступил еще на одном митинге – на Вебер-плац.

8 сентября Дин принял участие в записи эстрадной

телепередачи «Пестрый котел» в зале «Фридрихштадтпалас» в Восточном Берлине. После чего покинул ГДР и отправился в Аргентину, где он не был вот уже больше 13 лет. Эта поездка проходила по линии Всемирного совета мира, где работал давний друг Дина аргентинский писатель и журналист Альфредо Варела. Именно он и организовал этот приезд Дина на свою родину.

Как мы помним, Дин прожил в Аргентине почти три года, и эта страна оставила в его сердце самые теплые воспоминания (несмотря на то, что впервые за решетку он угодил именно там и там же его едва не убили экстремисты, обстреляв дом, где он жил со своей первой женой Патрисией). Все эти годы Дин мечтал приехать в Аргентину, чтобы встретиться с друзьями, которых у него здесь было много, и погулять по улицам Буэнос-Айреса, где он прожил не самые худшие свои годы. Однако об этом возвращении даже речи идти не могло: в Аргентине у власти была военная диктатура, у которой к Дину Риду были особые счеты.

Однако после поражения Аргентины в войне с Англией за Фолклендские острова (**апрель – июнь 1982 года**) военный режим утратил окончательное доверие у населения, и **в октябре 1983 года** в стране были проведены всеобщие выборы. Победу на них одержал лидер Радикального гражданского союза Рауль Альфонсин, который стал президентом страны. Новое правительство восстановило действие конституции, начало реорганизацию вооруженных сил. Члены трех военных хунт во главе с бывшими президентами-диктаторами (Виделой, Виолой и Гальтиери) как главными виновниками репрессий и нарушений прав человека, а также ряд других высших офицеров были отданы под суд (большинство из них в итоге получат длительные сроки тюремного заключения).

Именно в разгар этих реформ в Аргентину и приехал Дин. Поселился он в отеле «Президент». И уже на второй день его пребывания там у него произошла неожиданная встреча. Случилась она утром, когда Дин только встал после сна и едва успел привести себя в порядок (сделал свою традиционную утреннюю гимнастику). В этот миг в дверь его номера постучали, и, когда он открыл ее, на пороге нарисовалась очаровательная женщина в элегантном брючном костюме. Поскольку Дин видел ее впервые, он, естественно, застыл на пороге с немым вопросом во взгляде. Женщина в ответ улыбнулась и произнесла имя, которое Дин уже когда-то где-то слышал:

– Мари-Элена.

Затем, увидев в глазах Дина все то же удивление, женщина достала из кожаной сумочки, висевшей у нее на плече,

фотографию и протянула ее Дину. Едва взглянув на ее оборотную сторону, Дин сразу все понял. Там его собственной рукой было написано: «Мари-Элене от Дина Рида – певца, но не пистолеро».

– Вы дочь Рикардо Мартина? – расплываясь в широкой улыбке, произнес Дин.

После этого он пригласил гостью зайти в номер, а когда она это сделала, нежно обнял ее за плечи и поцеловал в лоб. Так произошла встреча Дина с дочерью того самого начальника тюрьмы «Вила Давото», где Дин проходил свои первые тюремные университеты.

Усадив гостью на мягкий диван у распахнутой настежь двери на балкон, Дин, все еще держа в руках историческую фотографию, подписанную им в далеком **1965 году**, спросил:

– Как ваши двое детей, Мари-Элена?

– Откуда вы знаете про моих мальчиков? – удивилась гостья.

– От вашего отца, с которым мы случайно встретились в Перу в 75-м году. Вы, кстати, тогда тоже жили там.

– Да, жили, но два года назад вернулись на родину, и теперь я с детьми и мужем живу в Кильмесе.

– Это там, где у вашего отца оранжерея? – вновь показал свою осведомленность Дин.

– Этой оранжереей теперь занимается мой муж, – ответила гостья.

Правда, сказала она это с некоторой грустью, которая не укрылась от Дина. И он задал вопрос, который давно вертелся у него на языке:

– Значит, ваш отец к этой оранжерее уже не имеет отношения?

– Да, его уже нет несколько лет.

– Он умер?

– Мы точно не знаем. В 1976 году он вернулся в страну, поскольку надеялся, что его услуги понадобятся новому президенту, генералу Виделе. Но отец ошибся. Он позволил себе слишком смелые взгляды, идущие вразрез со многими действиями новой власти. В результате спустя несколько месяцев его обвинили в антиправительственных настроениях и бросили в ту самую тюрьму «Вила Давото», которую он когда-то сам и возглавлял. В течение двух недель мы навещали его там, после чего нам запретили это делать. С тех пор мы о нем больше ничего не слышали.

Что означали последние слова его гостьи, Дин прекрасно знал. За годы правления генерала Хорхе Рафаэля Виделы (**1976–1981**) в Аргентине были арестованы и сгинули без следа тысячи людей, объявленных военной диктатурой врагами режима. Судя

по всему, Рикардо Мартина постигла та же самая участь. И Дин вспомнил их давний спор во время первой встречи – в «Вила Давото». Тогда Мартин был активным сторонником военной диктатуры, не подозревая, что спустя десять лет от нее же и погибнет. И хотя это случилось не при генерале Онганиа, которого он так горячо поддерживал в 65-м, однако сути дела не меняло.

Паузу, которая повисла в номере, вновь нарушила гостья. Указывая на фотографию, которую Дин по-прежнему держал в руке, она сказала:

– Если вам не трудно, мистер Рид, поставьте на эту же фотографию свою нынешнюю подпись. Я, собственно, за этим к вам и пришла, едва узнав из газет о вашем приезде сюда.

Дин взял со стола шариковую ручку и чуть ниже старой надписи поставил новую: «От постаревшего на 19 лет „пистолеро“ помолодевшей Мари-Элене с любовью».

– Значит, вы по-прежнему являетесь поклонницей моего творчества? – возвращая фотографию ее хозяйке, спросил Дин.

– Не только я, но также и мой муж и наши дети – все с удовольствием слушаем ваши старые пластинки. Они, кстати, путешествовали с нами в Перу и обратно.

Эти слова дорогого стоили. Услышав их, Дин подался вперед и, взяв руку гостьи в свою, поцеловал ее. Мари-Элена от смущения зарделась, спрятала фотографию обратно в сумочку и встала с дивана.

– Мне пора, – сказала она, встряхивая копной черных как смоль волос.

У самого порога, прежде чем уйти, гостья вновь обернулась к Дину и произнесла:

– Мой отец в последние годы очень хорошо отзывался о вас и говорил, что гордится знакомством с вами. Берегите себя.

В Аргентине Дин пробыл больше недели и все это время не сидел без дела: выступил на нескольких митингах против американской экспансии в Латинской Америке, дал интервью для телевидения. Затем он отправился в Уругвай, где тоже не был с **1971 года**. В Монтевидео он написал письмо Рональду Рейгану, которое собирался передать в посольство США. В нем он осуждал нынешнюю администрацию Белого дома за поддержку фашистских режимов. В нем он писал: «В 1776 году народ Северной Америки совершил революцию, чтобы сбросить колониальное господство Англии. Так почему сегодня Вашингтон отказывает в этом праве странам Латинской Америки, которые не хотят быть колониями США?»

Это письмо **27 октября** Дин понес в посольство не один, а в

сопровождении около сотни своих товарищей из левого блока «Широкий фронт» (на недавних выборах его представители получили 21 % голосов). Колонна дошла до ворот посольства, где Дин сначала громко зачитал свое письмо, а потом расчехлил «Музиму» и спел несколько протестных песен, соответствующих моменту (например, «Нас не сломить!»). Все это время полицейские безучастно взирали на происходящее, поскольку никаких противоправных действий собравшиеся не совершали. Но стоило только Дину шагнуть за ворота и ступить на территорию посольства (он хотел передать письмо в руки посла Томаса Аранде), как к нему тут же бросились несколько стражей порядка. Они сбили его с ног и, подхватив под локти, поволокли в пристройку для охраны. Там Дина продержали около четырех часов, все это время допрашивая. Затем туда явился представитель посольства и сообщил, что со стороны посольства никаких обвинений Дину предъявлено не будет.

– Вы зря надеетесь, мистер Рид, что мы станем делать вам лишнюю рекламу, – усмехнулся посольский работник и приказал стражам порядка освободить задержанного.

В ГДР Дин вернулся в **октябре**. Он рассчитывал, что к этому времени прояснится судьба его фильма «Вундед-Ни», который никак не мог запуститься вот уже почти два года, однако ничего нового не узнал. На «ДЕФА» ему сообщили, что в этом году картина уже вряд ли будет запущена и надо ждать следующего года. Проволочка с запуском упиралась в политику: в зыбкость ситуации, которая сложилась в СССР (как мы помним, фильм должен был сниматься в содружестве с советскими кинематографистами), где у власти был престарелый Константин Черненко.

Тем временем **6 ноября** в США состоялись президентские выборы. Нельзя сказать, что Дин все это время внимательно следил за перипетиями президентской гонки, однако определенное внимание он ей все-таки уделял. Особенно с весны, когда на предварительных выборах в штатах Массачусетс, Флорида и Нью-Гэмпшир неожиданно для многих политических обозревателей победил сенатор от его родного штата Колорадо Гэри Харт. Однако чувство землячества было не единственным фактором, который побудил Дина отдать свое предпочтение в этой гонке именно Харту. Взгляды этого либерального демократа Дину были гораздо ближе, чем махрового антикоммуниста Рональда Рейгана.

В сенате Харт голосовал за запрещение производства нейтронной бомбы и против продажи американских истребителей Египту и Саудовской Аравии. За Хартом стояла богатая мыслящая

молодежь, те, для кого все еще не потускнел ореол Джона Кеннеди. Кроме этого, Харт привлекал к себе симпатии и своим поведением, которое было диаметрально противоположным тому, что позволял себе Рейган. Например, опытнейший наблюдатель американской политической жизни Теодор Уайт так характеризовал Харта: «Никакой кризис не способен заставить его отказаться от хороших манер или выйти из себя». Касаясь политических воззрений Харта, журнал «Ньюсуик» писал: «Харт последовательно старается изыскать альтернативу традиционному либерализму демократов и неоконсерватизму Рейгана. Многие идеи, которых он придерживается, ему не принадлежат, и в то же время они не являются, строго говоря, новыми. Но сведенные воедино, они свидетельствуют, по крайней мере, о намерении найти новые ответы на проблемы страны».

Увы, по мере приближения даты выборов позиции Харта постепенно ослабевали. В итоге ко дню выборов реальные шансы стать президентом США были только у двух кандидатов: Рональда Рейгана и бывшего вице-президента Уолтера Мондейла. Победил первый, за которого проголосовало 53 миллиона человек, что равнялось 59 %. И это при том, что Рейган был уже достаточно стар – ему шел 74-й год, в то время как его сопернику было всего 46 лет. Но Америка вновь выбрала Рейгана, который был единственным президентом США за последние два десятка лет, который сумел вернуть нации уверенность в своей мировой значимости. Согласно опросам в США, большинство американцев называли Рейгана в числе самых популярных президентов XX века наряду с Д. Эйзенхауэром, Д. Кеннеди и даже Ф. Рузвельтом.

18 ноября Дин принял участие в концерте солидарности в «Палас дер Республик» в Восточном Берлине. А шесть дней спустя – в записи телепередачи «Сильвестр-ревю» в Лейпциге. **29 ноября – 5 декабря** в том же Лейпциге Дин присутствовал в качестве гостя на XXVII Международном фестивале документального кино, девизом которого стали слова «Фильмы мира в борьбе за мир во всем мире».

Особенностью XXVII фестиваля стало обильное присутствие в конкурсной, информационных и прочих программах полнометражных лент – их было показано несколько десятков. Однако мотив у этих картин, несмотря на все их разнообразие, был один: показать бесчеловечность капитализма и преимущества социализма. Как писал журналист Феликс Андреев (они были знакомы с Дином): «Вопиющая социальная несправедливость, голод, нищета – неизбежные спутники капитализма. Об этом ярко, образно и убедительно свидетельствуют своими работами многие участники лейпцигского киносмотра. Поистине нет такого

преступления, на которое не пошел бы предприниматель во имя барыша. Даже если ради барыша предстоит в буквальном смысле слова обескровить сотни тысяч людей, как это показано в фильме кинематографистов из ФРГ Ганса-Христофа Коха и Мориса Еберл-Роте „Урожай крови“…

И как выразительно контрастны по своей тональности, фактам, героям фильмы из социалистических стран, соседствующие с вышеупомянутыми лентами в программе фестиваля…»

Среди победителей фестиваля были следующие фильмы:

«Золотой голубь» – «Мы нарушаем тишину» (Никарагуа), «Маршал Жуков. Страницы биографии» (СССР), «Будет ласковый дождь» (м/ф, СССР), «Птица» (м/ф, Болгария);

«Серебряный голубь» – «Жизнь в Виттштоке» (ГДР) и др.

2 декабря Дин уже был в Восточном Берлине, где участвовал в очередном митинге солидарности. Три недели спустя Дин покинул ГДР и отправился в Москву, чтобы за несколько дней до Нового года принять участие в записи телепередачи «Салют, фестиваль!». Запись проходила в Доме посольства ЧССР, в клубе «Прага – Москва», и Дин выступал в ней не только как певец, но и как ведущий. Кроме него в записи принимали участие Карел Готт (ЧССР), Бисер Киров (Болгария), Жанна Бичевская, Дмитрий Харатьян, Надежда Чепрага (все – СССР), Катаржина Шленке (Польша) и др.

Дин исполнил несколько песен: «Пусть всегда будет солнце!», «Элоиз», «Вы!», «Дайте миру шанс», «О, Иерусалим», «Мы преодолеем». Одну песню он спел дуэтом с Бисером Кировым: это был хит братьев Эверли «Прощай, любовь».

В последний день съемок, когда создатели ленты устроили прощальный ужин, Дин от угощений отказался, сославшись на то, что придерживается диеты, дабы не терять свою спортивную форму. Вместо этого он дал интервью журналистке «Учительской газеты» Ольге Володеевой. В нем Дин сказал: «Некоторые сравнивают любовь со сладким пирогом, который можно разделить на части: ну, скажем, 20 процентов – матери, 30 процентов – жене, столько же сыну, немного друзьям… Что же останется человечеству? Нет. Чем сильнее я люблю свою семью, свою жену, тем больше люблю человечество. Чем крепче люблю сына (речь идет о сыне Ренаты Блюме Александре, которого Дин усыновил. – *Ф. Р.*), тем больше я люблю детей всей земли».

Чуть позже своими воспоминаниями о Дине поделился один из участников тех концертов «Салют, фестиваль!» Бисер Киров: «С Дином мы познакомились во второй половине 70-х. Я разучивал на английском языке итальянскую песню. Кто-то должен был

помочь мне с текстом. И мне посоветовали молодого человека – Дина Рида. Потом мы встречались довольно часто. Я даже помогал ему снимать в Болгарии его фильм „Эль Кантор“. Мы вместе ездили на фестиваль молодежи в Гавану, в **1985 году** делали «Салют, фестиваль!» и жили в одной гостинице в Москве. Дин был невероятным идеалистом, романтиком…»

Наступление нового, **1985 года** Дин отправился встречать в ГДР. **11 января** он принял участие в репетиции молодежной телепередачи «Вокруг» во Франкфурте-на-Одере, а на следующий день – в записи этой передачи.

Тем временем в Советском Союзе скончался третий за последние два с половиной года Генеральный секретарь ЦК КПСС – Константин Черненко. В том, что подобный исход близок, уже никто не сомневался, в том числе и Дин. Еще с осени прошлого года в ГДР курсировали слухи о том, что здоровье Черненко хуже некуда и дни его жизни сочтены. С начала 1985 года он практически не появлялся на глазах у общественности, а когда **28 февраля** все-таки объявился (ему вручали удостоверение об избрании депутатом Верховного Совета РСФСР), то выглядел ужасно – Черненко едва держался на ногах и, чтобы не упасть, держался за спинку кресла. Эту картину наблюдали по ТВ во всем мире, поскольку советское руководство специально решило дать ее в эфир, чтобы показать, что советский генсек все еще жив. Однако спустя чуть меньше недели, **10 марта**, Константин Черненко скончался. И состоявшийся на следующий день внеочередной пленум ЦК КПСС избрал новым Генеральным секретарем ЦК КПСС 53-летнего Михаила Горбачева.

Дин встретил это известие двояко. С одной стороны, он был рад, что к руководству огромной страной, к которой он давно испытывал самые сильные симпатии, пришел молодой руководитель. Но, с другой стороны, он помнил о тех сомнениях, которые высказывал ему год назад Юрий Купцов, отдавая предпочтение не Горбачеву, а другому молодому члену Политбюро – Григорию Романову. К тому же и среди восточногерманских друзей Дина нашлись люди, которые весьма скептически отнеслись к возвышению Горбачева. Например, один из членов ЦК СЕПГ, который курировал по идеологической линии будущий фильм Дина «Вундед-Ни», в приватном разговоре с Дином обронил следующие слова:

– На этого человека очень надеются на Западе. И не случайно именно Горбачев ездил прошлым летом в Италию на похороны одного из идеологов еврокоммунизма Энрике Берлингуэра. А в **декабре** он встречался в Лондоне с Маргарет Тэтчер, которая после этой встречи заявила, что «с этим человеком можно вместе

вершить дела». Вопрос только в том, какие именно дела имелись в виду.

Дин запомнил эти слова, однако большого значения им не придал. Как и большинство друзей Советского Союза, он все-таки положительно оценивал последние события в СССР и верил, что все идет как надо. Тем более до него уже стали доходить сообщения о том, что подавляющая часть советских людей с энтузиазмом встретила приход Горбачева к власти, считая его именно тем человеком, который способен вывести их страну из кризиса, в который она угодила благодаря предыдущим правителям.

Положительно оценивать Горбачева Дина заставили и личные причины. Дело в том, что именно после его прихода к власти сдвинулась с мертвой точки история с многострадальным фильмом «Вундед-Ни»: из Советского Союза пришло сообщение, что летом Дин может приехать в Советский Союз для выбора натурных мест для съемок.

К тому моменту сценарий будущего фильма, многократно переписываемый, был уже готов. Начинаясь как «Вундед-Ни», он в конце концов сменил название на другое – «Окровавленное сердце». Две главные роли в нем Дин оставил за собой и своей женой Ренатой Блюме. Он должен был играть поначалу аполитичного журналиста Боба Миллера, а она – его подружку Жане Гонсалес. Волею своей профессии оба эти человека оказываются в эпицентре восстания индейцев в Вундед-Ни в **феврале 1973 года**, и у них происходит прозрение: они принимают сторону восставших. Как заметит в одном из интервью сам Дин: «Мой Боб не может оставаться равнодушным к несправедливости. Ведь как-никак предки его – аболиционисты, жизни самой не щадившие в борьбе с расистами-рабовладельцами почти за сто лет до событий у городка Вундед-Ни».

Получив из Москвы приглашение не только участвовать в выборе натуры для своего фильма, но также быть участником культурной программы XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который должен был состояться в июле, Дин стал буквально считать дни до своего отъезда. А попутно занимался другими делами. Так, он принял у себя в Восточном Берлине свою дочь от первого брака Рамону, которой в **мае** исполнилось 17 лет. Поскольку в последний раз она была в ГДР в возрасте 5 лет (на молодежном фестивале в **1973 году**) и мало что помнила из того визита, Дин и Рената специально выкроили время, чтобы показать девушке страну, прозванную «витриной социализма»: устроили ей экскурсию по Восточному Берлину, свозили в Дрезден, Потсдам. Попутно Дин пытался объяснить дочери, что такое «социализм

по-восточногермански». Он рассказал ей о многих социальных гарантиях, принятых в ГДР, которые не снились при капитализме.

– Немцы называют это цвайте лонтюте – второй зарплатой, – объяснял Дин дочери. – Жители ГДР получают ее благодаря бесплатному и качественному здравоохранению, дошкольной сети, дотированным ценам на продукты и очень маленькой кварплате, которая равняется около одной марки за квадратный метр. Мы тоже арендуем свой дом у государства и платим за него около 40 марок в месяц. Это очень мало, учитывая, что средний доход на душу населения здесь совсем недавно составлял 755 марок, а теперь он равняется почти 1110 маркам. Сегодня каждая вторая семья в ГДР имеет легковой автомобиль и цветной телевизор.

– Я вижу, папа, ты стал настоящим немцем, – выслушав отца, заявила Рамона с улыбкой. – Однако все у тебя получается слишком гладко. Разве так бывает?

– Не бывает, дочка, – рассмеялся в ответ Дин. – Только поверь мне на слово, что здешние недостатки столь незначительны, что не могут идти ни в какое сравнение с теми положительными фактами, о которых я тебе рассказал.

Услышав эти слова, Рамона сочла за благо не спорить с отцом.

Между тем Дин, конечно, лукавил. Имея доступ к информации из самых различных источников, он знал, что дела в ГДР складываются не столь безоблачно, как он обрисовал их дочери. Несмотря на все старания немецкого руководства, в 70-е годы происходило снижение темпов экономического роста, поскольку ведомственные интересы брали верх над государственной стратегией и гонка за количественными показателями заставляла руководителей выдавать желаемое за действительное. Чтобы поддерживать должный уровень жизни своих граждан (а их запросы с каждым годом росли), германскому руководству приходилось изыскивать дополнительные средства для покрытия этих запросов. Средства эти доставались в основном извне: помогал Советский Союз, а также брались кредиты на Западе. Однако в конце 70-х ГДР встала перед серьезной проблемой: СССР уже не мог столь же активно помогать своим союзникам, как это было ранее, а Запад стал давить с выплатой кредитов (первые выплаты в ГДР начались в **1978 году**). И восточногерманскому руководству пришлось сильно напрячься, чтобы не скатиться в пропасть.

Выручила внутригерманская торговля, которая шла без таможенных пошлин и с предоставлением западногерманской стороной беспроцентного кредита, что давало ГДР до 2,5

миллиарда прибыли в год. Кроме этого, значительные средства руководство ГДР получало за использование транзитных путей в Западный Берлин. Были и другие пути наполнения валютной кассы ГДР, которые власти не афишировали: например, восточногерманское почтовое ведомство изымало из писем, приходящих из ФРГ, вложенные в них деньги. Также власти ГДР продолжали практику взимания денег с отъезжантов – людей, которые перебирались на постоянное жительство в другие страны.

Однако для всех, кто был знаком с этими проблемами, существовавшими в ГДР, было ясно, что вечно латать эти дыры властям не удастся. Требовались какие-то иные, более радикальные меры, которые могли бы выправить ситуацию: сделать так, чтобы не топтаться на краю пропасти, лишь оттягивая момент падения в нее, а начать движение в сторону от этой пропасти. И сделать это можно было только в одном случае: если бы к власти в ГДР пришли более компетентные и более молодые руководители. Но именно этого и не происходило: Политбюро ЦК СЕПГ состояло из людей, возраст которых либо превысил 70-летний рубеж, либо уже приближался к нему. Единственным молодым членом Политбюро был бывший комсомольский лидер Эгон Кренц (46 лет), который был включен в высший партийный ареопаг только два года назад – в **1983 году**. А один, как известно, в поле не воин.

Дин хорошо относился к лидеру ГДР Эриху Хонеккеру, однако даже он понимал, что смена руководства в республике назрела уже давно. Хонеккер должен был сам подготовить себе преемника, который смог бы стать достойным ответом на стремительно меняющуюся в мире ситуацию. Случись это, и те скука и апатия, которые в начале 80-х все сильнее стали охватывать жителей ГДР, могли бы смениться другими чувствами – верой и надеждой на лучшее будущее. А так Дин, который часто общался с простыми немцами, видел, что в своем отношении к властям восточные немцы повторяют тот же путь, что прошли советские люди до прихода в Кремль Михаила Горбачева.

Но откровеннее всего с ним были молодые рокеры, с которыми Дин по выходным гонял на мотоцикле в окрестностях Раухфангсвердера. Они говорили прямым текстом:

– Еще немного, и бундес (Западная Германия) нас завоюет.

Когда Дин поинтересовался, почему в их голосах он не слышит страха, рокеры рассмеялись:

– А чего бояться, если при бундесе мы будем жить намного веселее.

Увы, это была весьма распространенная точка зрения в ГДР. В

Советском Союзе ситуация была похожей, хотя там в **1985 году** люди не грезили мечтой отдаться на милость Западу, а хотели лишь построить с ним добрососедские отношения. Однако в одном жители ГДР и СССР были едины: им стало скучно жить при социализме. Позднее эту ситуацию политолог Сергей Кара-Мурза объяснит следующим образом:

«Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало скучно. И никакого выхода из этой скуки наш проект не предлагал. Более того, он прямо утверждал, что дальше будет еще скучнее. И тут речь идет не об ошибке Суслова или Ленина. Тот социализм, что строили большевики, был эффективен как проект людей, **испытавших беду**. Это могла быть беда обездоленных и оскорбленных социальных слоев, беда нации, ощущающей угрозу колонизации, беда разрушенной войной страны. Но проект не отвечал запросам общества благополучного – общества, уже пережившего и забывшего беду…

Почему 280 миллионов рассудительных еще людей в СССР позволили сломать вполне благополучную жизнь? Почему рухнул брежневский коммунизм? Ведь не было ни репрессий, ни голода, ни жутких несправедливостей. Как говорится, «жизнь улучшалась» – въезжали в новые квартиры, имели телевизор, ездили отдыхать на юг, мечтали о машине, а то и имели ее. Почему же люди с энтузиазмом стали ломать свой дом? Почему молодой инженер, бросив свое КБ, со счастливыми глазами продает у метро сигареты – то, чем на его вожделенном Западе занимается неграмотный беспризорник? Мы должны это понять.

Одну важную черту массового сознания советского человека верно подметили демократы «первой волны» – избалованность высокой надежностью социальной системы СССР. Два поколения советских людей выросло в совершенно новых, никогда раньше не бывавших в России условиях: при отсутствии угроз и опасностей…

Человек привык к тому, что жизнь может только улучшаться, а все социальные блага, которыми он располагает, являются как бы естественной частью окружающей природной среды и не могут исчезнуть из-за его, человека, политических установок и решений. Ортега-и-Гассет давно сказал важную и неприятную вещь: «Избалованные массы настолько наивны, что считают всю нашу материальную и социальную организацию, предоставленную в их пользование наподобие воздуха, такой же естественной, как воздух, ведь она всегда на месте и почти так же совершенна, как природа»…

Между тем режим Запада стабилен потому, что все его жизнеустройство основано как **«война против всех»** – конкуренция. Всех людей столкнули между собой, как на ринге, и государство, как полицейский, лишь следит за соблюдением правил войны. Треть населения ввергнута в бедность и в буквальном смысле борется за существование – никаких иных приключений ей уже не дано. А остальным предложен рискованный лабиринт предпринимательства. Причем он доступен всем и поглощает страсть всех, кто в него входит, а вовсе не только крупных дельцов…»

Напомню, что эти слова будут сказаны спустя много лет – когда не будет ни Советского Союза, ни ГДР, ни вообще блока социалистических государств. И Дин Рид, естественно, об этих выводах даже не догадывался. Но он продолжал мучительно размышлять над тем, что происходит с социализмом и какая судьба его ждет в ближайшем будущем. И, судя по тому, какие интервью он давал тогда, в 85-м, выводы у него были оптимистические. Он верил в то, что, даже несмотря на все свои недостатки и яростные атаки своих противников, социализм все же устоит, трансформируется и станет еще сильнее, чем был прежде. Поверить в то, что вся эта система рухнет, преданная как своими руководителями, так и народами, жившими при нем, в те годы было просто невозможно. Если бы Дину кто-нибудь сказал о подобном исходе, он бы счел такого человека сумасшедшим.

Но вернемся в **лето 1985 года**.

8 июня Дин принял участие в записи телепередачи в Карл-Маркс-Штадте, а на следующий день выступил с концертом в городе Доберне.

Тем временем в середине **июня** на Дина обрушилась страшная весть. Ему позвонили из посольства СССР в Восточном Берлине и сообщили, что некоторое время назад в Москве погиб Юрий Купцов. Из той скупой информации, которая стала достоянием Дина, он узнал, что его друг ушел из жизни в результате несчастного случая: он выпал из окна своей квартиры в доме в Воротниковском переулке и разбился. По свидетельству врачей, в крови Юрия было обнаружено большое количество алкоголя.

Сказать, что Дин был потрясен этой информацией, значит ничего не сказать. Он был буквально раздавлен. Юрия Купцова он знал почти 20 лет, и тот был одним из самых близких его друзей. Вот и теперь, считая дни до своего отъезда в СССР, Дин надеялся, что обязательно встретится с Юрием, с которым не виделся больше года. И вот трагическое известие из Москвы навсегда перечеркнуло эти надежды. Дополнительный трагизм этой

ситуации придавало еще и то, что Дину сообщили о смерти друга спустя неделю после случившегося, когда торопиться в Москву было бессмысленно – похороны уже прошли. Поэтому Дин не стал менять свои первоначальные планы и отправился в Советский Союз в запланированные сроки – в конце **июня**, чтобы принять участие в работе XIV Московского международного кинофестиваля (**28 июня – 12 июля**). Вместе с ним в Москву отправилась и его жена Рената Блюме, которая входила в жюри фестиваля (помимо нее в него вошли следующие деятели кинематографа: Роберт Янг (США), Полена Виейру (Сенегал), Эльдар Шенгелая (СССР), Джузеппе Де Сантис (Италия), Дейси Гранадос (Куба).

Рената с головой ушла в фестивальную рутину, а Дин нашел момент позвонить отцу Юрия Петру Сергеевичу Купцову, чтобы выразить ему свои соболезнования и узнать подробности трагедии. Однако супруга Купцова Ирина Викторовна, которую Дин тоже хорошо знал (она преподавала английский язык в МГУ, поэтому легко общалась с Дином во время его приездов в Москву), сообщила ему, что мужа нет в городе – он отдыхает на даче (полтора года назад Петр Сергеевич уволился из МИДа и теперь вел жизнь обыкновенного советского пенсионера). А когда Дин поинтересовался местом последнего приюта Юрия Купцова, чтобы навестить его могилу, он услышал, что его друга похоронили на загородном кладбище рядом с дачей Купцовых.

– Так нам легче будет ухаживать за могилкой, – сообщила Ирина Викторовна.

Узнав у нее адрес дачи, где отдыхал Купцов-старший, Дин решил немедленно туда отправиться. Возле гостиницы он поймал такси, и водитель, молодой парень, сразу узнавший Дина Рида, с удовольствием согласился не только отвезти его в нужное место, но и пообещал заехать за ним вечером, чтобы привезти обратно в гостиницу. При выезде на МКАД Дин вспомнил, куда он едет, и попросил водителя остановиться у обочины, где одинокая старушка торговала цветами из собственного сада. Дин отдал ей пять рублей, а взамен получил букет гладиолусов.

Вся дорога до дачи Купцовых заняла меньше часа. Поскольку русский язык Дин знал плохо, а водитель другими языками не владел, разговора у них не получилось. Дин только поставил свой автограф на тетрадном листке, который водитель достал из бардачка, после чего они всю дорогу промолчали, слушая бодрую музыку, доносившуюся из радиоприемника. Из советских исполнителей, голоса которых звучали в те минуты, Дин знал многих, поскольку за столько лет неоднократно участвовал с ними в одних и тех же концертах. А когда в радиоприемнике

раздался голос Аллы Пугачевой, Дин вздрогнул: эта певица очень нравилась покойному Юрию Купцову. И сейчас она пела свой свежий хит «Осень», грустный мотив которой вернул Дина на много лет назад – в **осень 1966 года**, когда он только-только познакомился с Юрием в Грузии. Дин вспомнил их поездку на праздник винограда, долгий ночной разговор на берегу реки. Неужели с тех пор прошло уже почти 18 лет?

Когда Дин подъехал к воротам двухэтажной дачи Купцовых, утопающей в зелени, он сразу заметил знакомую фигуру Петра Сергеевича. Тот сидел на низенькой лавочке у калитки, облаченный в белую рубашку с короткими рукавами и темные брюки, закатанные по щиколотку. Видимо, сразу после разговора с Дином Ирина Викторовна позвонила мужу и предупредила его о приезде гостя.

Отпустив такси и договорившись с водителем, что он заедет за ним ближе к девяти вечера, Дин шагнул к Петру Сергеевичу и крепко обнял его. Тот в ответ прослезился и, стесняясь этих слез, какое-то время отводил глаза в сторону. Но, даже несмотря на это, Дин успел заметить, что Купцов-старший сильно сдал после смерти сына. Он заметно осунулся, а его голова, которая каких-нибудь несколько лет назад была наполовину седой, теперь была абсолютно белой.

Усадив Петра Сергеевича на скамейку, Дин присел рядом и сделал то, ради чего, собственно, и приехал сюда – выразил свое сочувствие по поводу смерти Юрия.

– Он был моим другом, и его смерть я оплакиваю так же, как и вы, – закончил свою короткую речь Дин.

Вместо ответа Купцов-старший сжал ладонь Дина, и в таком положении они молча просидели несколько минут. Потом Купцов-старший поднялся и предложил гостю навестить могилу сына. Идти пришлось недолго – около десяти минут. Шли они молча и заговорили, только когда подошли к огороженной металлической оградой могиле.

– Ну, вот мы и пришли, – сказал Купцов-старший, открывая калитку и приглашая Дина пройти внутрь.

Могила была скромной: деревянный крест в человеческий рост и скамейка, притулившаяся у края ограды. Положив цветы на могилу, Дин уселся на скамейку рядом с Петром Сергеевичем. После чего Купцов-старший спросил:

– Откуда ты узнал о смерти Юры?

– Мне позвонили из вашего посольства в Берлине. Сказали, что Юрий разбился, выпав из окна. Еще сообщили, что он был пьян. Это правда?

– Правда, если так записано в акте о вскрытии. Только я мало

верю в эту официальную версию.

Дин с удивлением взглянул на своего собеседника, и от того этот взгляд не укрылся.

– Да, я не верю в то, что Юра покончил жизнь самоубийством, – твердым голосом повторил Купцов-старший. – За день до трагедии я приезжал к сыну и нашел его в великолепном расположении духа. Ты знал, что он познакомился с женщиной и осенью они собирались пожениться? Нет? Так вот, это замечательная женщина, и они с Юрой очень любили друг друга. Это дочь моего бывшего однокурсника по институту, Лидочка. Она разведена, одна воспитывает дочь. Мы познакомили их примерно полгода назад, и у них были прекрасные отношения. Юра в рот ни капли не брал, поскольку бросил пить несколько лет назад – ну, тогда, когда мы с тобой ездили к нему в больницу. И вдруг мы узнаем, что Юрий выбрасывается из окна в алкогольном угаре. Зачем? Почему?

Последние слова Купцов-старший почти прокричал, спугнув нескольких ворон, сидевших на соседних могилах.

– Но если Юрий не собирался кончать с собой, тогда как вы объясните случившееся? – после короткой паузы спросил Дин.

– Его убили, – спокойно ответил Купцов-старший.

– Кто убил?

– Если бы я это знал, эти люди сейчас бы сидели за решеткой. Но я этого, к сожалению, не знаю. Единственное, чем я располагаю, это мои собственные гипотезы. Но их к делу не пришьешь.

– И что это за гипотезы? – продолжал допытываться Дин.

– Вполне разумные гипотезы. Хотя моя жена считает, что у меня паранойя. Но я-то знаю, что это не так. Тебе такое имя – Григорий Романов – что-нибудь говорит?

– Речь идет о члене Политбюро? – догадался Дин.

– Совершенно верно. Его кандидатура долгое время рассматривалась в качестве альтернативы Михаилу Горбачеву на пост генерального секретаря. Юрий симпатизировал Романову и входил в группу работников ЦК, кто хотел видеть именно этого человека во главе страны. Однако у их противников оказалось куда больше ресурсов, чем у них. Ты, наверное, слышал, что в конце прошлого года скончался один из влиятельнейших членов Политбюро министр обороны Дмитрий Устинов? Так вот, его смерть тоже выглядела подозрительно.

Устинову хоть и было 76 лет, однако чувствовал он себя вполне сносно и в случае смерти Черненко готов был либо сам возглавить страну, либо передать власть Романову. Но в конце октября Устинов был на совместных военных учениях в

Чехословакии и подхватил воспаление легких. Вроде бы обычное дело. Но это воспаление становится для него роковым. Он умирает **20 декабря 1984 года**, а спустя почти два месяца от такого же диагноза уходит из жизни и его коллега – министр обороны Чехословакии Дзур, который был моложе Устинова на десять лет. Эти смерти я рассматриваю как звенья одной цепи: они преследуют цель выбить из строя старую гвардию и привести к власти молодую.

– Но вы же сами несколько лет назад говорили, что старая гвардия ведет страну к гибели, – напомнил Дин Петру Сергеевичу его собственные слова.

– Я имел в виду брежневскую гвардию. Но потом к власти пришел Андропов, у которого были совсем иные планы – отличные от брежневских. Но они, к сожалению, по большей части так и остались нереализованными из-за смерти их носителя. Теперь ситуация вновь вернулась к брежневской точке, несмотря на то что у власти вроде бы стоит его антагонист.

– Как можно сравнивать Горбачева и Брежнева? – искренне удивился Дин.

– Да, внешне они мало похожи, – согласился Купцов-старший. – Но внутренние устремления идентичны: они направлены на развал страны. Только Брежнев делал это неосознанно, а Горбачев вполне адекватен. По сути своей он социал-демократ, стоящий на позиции еврокоммунизма. Не зря же идеологи этого течения так восторженно восприняли его приход к власти. Но еврокоммунизм – это «троянский конь» в стане коммунистов, который в итоге приведет их к гибели. Он придуман для того, чтобы встроить коммунистов в капиталистический проект и сделать их социально безопасными. Это я говорил еще десять лет назад.

С последним выводом своего собеседника Дин не стал спорить, поскольку полностью его разделял. Однако остальные доводы Петра Сергеевича его не убедили, и он попытался высказать эту точку зрения вслух.

– Я не согласен с тем, что Горбачев пришел для того, чтобы разрушить страну, – сказал Дин. – Все его действия говорят о том, что он хочет оживить партию и общество, заставить их вновь поверить в свои силы. И это пойдет только на пользу социализму.

– Это ты так говоришь потому, что наблюдаешь за действиями Горбачева со стороны. А я близко знал его в течение нескольких лет, да и теперь, сидя на пенсии, чуть ли не каждый день слышу о его художествах из первых уст. Возьми хотя бы эту антиалкогольную кампанию, с которой он начал свои реформы. Внешне все вроде бы правильно: повальное пьянство людей – бич

нашего общества. Но какими средствами все это делается? Самыми грубыми и примитивными. В этой кампании команда Горбачева напоминает собой слонов в посудной лавке. Складывается такое впечатление, что делается все возможное, чтобы еще сильнее расшатать общество, озлобить людей.

– Вы хотите сказать, что если бы у власти был Романов, он действовал бы иначе?

– Вот именно, – почти без паузы ответил Купцов-старший. – Он мог идти по тому же пути, что и Горбачев, но методы воплощения этих идей были бы диаметрально противоположные. Романов – консерватор. А Горбачев и его команда – либералы, которые спят и видят, как бы затеять новую разрядку. Но они не учитывают того момента, что времена нынче иные. И в Америке сейчас у власти не либерал Никсон, а консерватор Рейган. Да и Западная Европа вся сплошь консервативная, начиная от Тэтчер и Коля и заканчивая Виллохом в Норвегии и Шлютером в Дании. Даже в Канаде в прошлом году к власти пришел консерватор Малруни, а либеральная партия потерпела сокрушительное поражение, получив в парламенте только 40 мест. И что мы имеем в сухом остатке? В руках консерваторов вся северная часть Нового Света, Центральной и Северной Европы и даже Японии. А мы выбираем себе в руководители либерала Горбачева.

– И вы считаете…

– Да, я считаю, что случилось это не без помощи извне, – закончил мысль Дина Купцов-старший, после чего продолжил: – И думать так у меня есть все основания. Накануне моей отставки, **весной 1984 года**, Горбачев участвовал в женевских переговорах по разоружению. На его встрече с вице-президентом США Джорджем Бушем присутствовал мой коллега посол Исраэлян, который потом рассказал мне о фразе Буша, поразившей его. Буш сказал: «Вашим следующим лидером будет Горбачев». Эту фразу можно было бы счесть и случайной, если бы не цепь событий, которая последовала за этим. И суть этой цепи заключается в том, что на Западе волной пошли восторженные публикации о Горбачеве, в то время как про Романова писали сплошной негатив. То есть Запад пока готовил информационную почву для победы Горбачева. Потом начались конкретные шаги в этом направлении. О загадочной смерти Дмитрия Устинова, который мог помешать приходу к власти Горбачева, я уже говорил.

Когда умер Черненко, вопрос о его преемнике решали всего восемь членов Политбюро из одиннадцати. Щербицкого, который вряд ли проголосовал бы за Горбачева, специально задержали с вылетом из США, чтобы он не успел к моменту заседания. Кунаева, который голосовал бы так же, как и Щербицкий, не

вызвали из Алма-Аты, а главный соперник Горбачева Романов не успел вовремя прилететь из Паланги, где он находился на отдыхе. В итоге Горбачев стал генсеком с перевесом всего в один голос. Вот и вся арифметика. Причем заметь: первая биография Горбачева вышла на Западе, в США, и знаешь когда: в день его избрания генеральным секретарем. Это лишнее подтверждение того, что там уже заранее знали, кто придет к власти в Кремле.

Закончив свою речь, Купцов-старший замолчал, чтобы перевести дыхание. Между тем Дин воспользовался этой паузой, чтобы озвучить собственные мысли:

– То, что Запад делал определенные шаги к тому, чтобы Горбачев стал во главе страны, на мой взгляд, тоже очевидно. Об этом даже в ЦК СЕПГ вслух говорят многие. Однако остается открытым вопрос: зачем это делалось? Вы утверждаете, что Горбачев хочет развалить страну. Я же полагаю, что он все-таки пришел за другим. Да, он либерал, но он нужен Западу, чтобы остановить ту безумную гонку вооружений, которая в последние годы набрала колоссальные обороты. Та пикировка, которой занимались Рейган и Андропов, грозила миру ядерной войной. Именно она напугала Запад и заставила его сделать ставку на Горбачева, а не на Романова, который в своей жесткости мог превзойти Андропова.

– Ты наивный человек, Дин, если думаешь, что Запад испугался ядерной войны, – усмехнулся Купцов-старший. – Он испугался другого: экономического кризиса, который грозит ему уже в ближайшем будущем. Взять ту же Америку. Три года назад мир должен был ей около 140 миллиардов долларов, а сегодня ситуация кардинально изменилась, и теперь уже Америка задолжала миру почти 200 миллиардов долларов. Вот тебе цена рейганомики. Вот почему США из-за необходимости поддерживать гонку вооружений и одновременно сохранять жизненные стандарты среднего и рабочего класса оказались на краю пропасти. И, чтобы спасти себя, твоим землякам надо скорее предпринять решительные шаги. И это спасение в Вашингтоне увидели именно в либерале Горбачеве. Романов бы дожал Америку, а Горбачев ее вытянет.

– Но разве ваша страна не находится в таком же кризисе, как и Америка?

– Не находится, поскольку кризис кризису рознь. Да, у нас имеется повальное пьянство в низах, коррупция в верхах, полный раздрай в идеологии, отставание в науке и многое, многое другое. Но то же самое наше общество имело и три года назад, когда к власти пришел Андропов. И ему хватило всего нескольких месяцев, чтобы заставить, казалось бы, насквозь проржавевшие

шестеренки этой огромной махины под названием СССР вновь закрутиться в нужном направлении. И сейчас этот потенциал у страны есть, нужно только поставить у руля толкового человека. Но Горбачев таким человеком не является, хотя и пытается примазаться к славе Андропова. Не случайно в дни его прихода к власти на экраны страны вышел фильм про Андропова (речь идет о фильме Олега Уралова «Ю. Андропов. Страницы жизни». – *Ф. Р.*). Но Горбачев далеко не Андропов. В нем нет той жесткости, которая так необходима для решения внутренних проблем и во взаимоотношениях с Западом. Такие бульдоги, как Рейган или Тэтчер, заставят его капитулировать без всяких усилий со своей стороны. А это означает одно: сдача всех завоеванных нами позиций.

Вот ты два десятка лет жил при капитализме, поэтому ответь мне: разве капитализм заинтересован в том, чтобы на мировом рынке у него появился новый конкурент? А наша страна именно таким конкурентом и может стать, если Горбачев модернизирует ее и сделает сильнее. Нет, капитализм заинтересован в том, чтобы Советский Союз либо окончательно сгинул как страна, строящая социализм, либо встал на капиталистический путь развития, но в таком случае сильным ему стать уже никто не позволит. Он будет сырьевым придатком, таким же, каким стали те же латиноамериканские страны. Кучка либералов в таких странах обычно живет припеваючи, а большая часть населения прозябает в нищете или близко к ней.

– Но ведь и Горбачев тоже это понимает, – продолжал упорствовать Дин. – Да, он либерал, да, он может быть приверженцем еврокоммунизма, но он вырос в этой стране. Насколько я знаю, он из трудовой крестьянской семьи, в конце концов. Поэтому, я думаю, у него хватит ума не губить все то, что с таким трудом было завоевано предыдущими поколениями, и не отбрасывать свою страну на задворки истории.

– Ты правильно отметил, что Горбачев из крестьянской семьи. Он ставрополец, приехавший в конце 40-х покорять Москву. Поэтому в нем до сих пор сидит комплекс, который мы называем «комплексом провинциала»: такие люди лезут из кожи вон, чтобы вылезти наверх и быть принятыми в высшее общество. Только сорок лет назад он хотел попасть в столичную элиту, а сегодня мечтает приобщиться к элите западной.

– Насколько я знаю, Романов тоже из крестьян, – напомнил Дин собеседнику широко известный факт.

– Да, но он почти на десять лет старше Горбачева, – внес уточнение в ремарку Дина его собеседник. – В войну он служил в армии, потом был секретарем парторганизации на крупном

заводе. Формирование его личности происходило не в хрущевские «оттепельные» годы, а чуть раньше: когда люди не языками болтали, а делом занимались – страну из руин восстанавливали. И в этом его принципиальное отличие от Горбачева. Он и Юре нравился именно за то, что мало говорил, но много делал.

Поскольку в разговоре всплыло имя человека, с которого, собственно, и начался этот диалог, Дин спросил:

– Значит, по-вашему, Юрия убрали те, кто не хотел возвышения Романова?

– Именно, – кивнул головой Петр Сергеевич. – Юрий погиб почти за три недели до пленума ЦК, который состоится на днях и где будет принято решение об отставке Романова (Пленум состоится в разгар работы МКФ – **1 июля**. – *Ф. Р.*). Вместе с группой товарищей он собирал факты неблаговидных действий Горбачева и членов его команды и собирался передать эти документы одному из членов ЦК, чтобы тот обнародовал их на пленуме. Когда Юрий погиб, эта папка с документами бесследно исчезла. Следствие по факту гибели сына длилось всего сутки, после чего было закрыто за неимением состава преступления. А мне прямым текстом было заявлено, чтобы я не вздумал затевать какое-то собственное расследование. Хотя у меня и в мыслях подобного не было: я слишком стар для того, чтобы копаться в этой грязи. Да и сына этим уже не вернешь.

Последнюю фразу Петр Сергеевич произнес с такой печалью в голосе, что у Дина защемило сердце. Он обнял старика за плечи, и в таком положении они просидели несколько минут, в полной тишине глядя на деревянный крест, возвышающийся над могилой. После чего встали и неторопливым шагом отправились домой, чтобы, по русскому обычаю, выпить за упокой души раба божьего Юрия.

Между тем уже на следующий день грустные мысли, связанные с трагической судьбой его бывшего друга, сменились у Дина другими – рабочими. Вместе с ним на фестиваль прибыла съемочная группа фильма «Американский бунтарь» (режиссер Уилл Робертс, оператор Нил Джекобс), которая должна была снять заключительные кадры фильма именно на МКФ (общение Дина с участниками фестиваля, интервью о нем Тихона Хренникова и т. д.).

Фестиваль завершился **12 июля**. «Золотые призы» достались трем фильмам: советскому «Иди и смотри» Элема Климова, американской «Армейской истории» и греческому «Конец девяти».

После закрытия фестиваля вместе с группой советских

кинематографистов (представителей Рижской киностудии, которая с советской стороны должна была участвовать в съемках фильма «Окровавленное сердце») Дин отправился в Ялту для выбора объектов натурных съемок картины. Эта поездка оказалась весьма плодотворной: были не только найдены подходящие места, в точности напоминающие ландшафт Северной Америки (под Симферополем), но и обговорены сроки начала будущих съемок (начало лета следующего года). Кроме этого, Дин прекрасно отдохнул: вдоволь накупался в море, а время проводил в компании приятных ему людей.

Практически у каждого из них Дин спрашивал об их отношении к новому руководителю страны Михаилу Горбачеву и везде слышал только восторженные отклики. В Ялте он встретился с группой студентов, и даже они чуть ли не хором заявили, что Горбачев – это здорово. И это не было каким-то преувеличением. В те дни большинство советских людей с неподдельным восторгом следило за бурной деятельностью самого молодого в истории страны Генерального секретаря ЦК КПСС и ждало от него чуда – что он сделает их страну еще сильнее и краше. В те дни, когда Дин был в СССР, Горбачев развил бурную деятельность: съездил в Киев (**25–27 июня**), Минск (**10–11 июля**), а также провел кадровые перестановки: Григория Романова отправил в отставку (**1 июля**), а Андрея Громыко, которому был обязан своим избранием на пост генсека, пересадил в кресло Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а новым министром иностранных дел назначил Эдуарда Шеварднадзе (**2 июля**).

Из Крыма в Москву Дин вернулся за несколько дней до начала Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Как мы помним, он должен был участвовать в культурной программе фестиваля – выступить в нескольких сборных концертах вместе с советскими и зарубежными (в основном из социалистических стран) артистами. Во время этих репетиций Дин познакомился с танцовщицей ансамбля «Рецитал» Радой – 18-летней высокой белокурой девушкой, которая, как оказалось, давно была тайно влюблена в Дина и мечтала о встрече с ним. И вот эта мечта осуществилась. К немыслимому счастью девушки, Дин не только дал ей автограф, но и пригласил Раду на ужин в один из московских ресторанов. А сразу после этого они оказались в гостиничном номере Дина. Так начался их роман, которому суждено будет стать самым последним сильным романом в жизни Дина.

Тем временем **27 июля** открылся фестиваль молодежи и студентов, который собрал в Москве около 50 тысяч юношей и

девушек из 157 стран мира, представляющих 3 тысячи молодежных, студенческих, детских и юношеских организаций различной политической ориентации. Открытие фестиваля прошло на Большой спортивной арене в Лужниках в присутствии 100 тысяч зрителей и руководства страны во главе с новым Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым. Поскольку Дин находился недалеко от почетной ложи, где расположились члены Политбюро, он с интересом наблюдал за советскими руководителями и особенно за Горбачевым, который выступил с поздравительной речью.

Последний разговор с Купцовым-старшим до сих пор стоял у Дина в ушах, и теперь, слушая речь Горбачева, он все время пытался определить для себя, что могло быть правдой и неправдой в оценках Петра Сергеевича. Однако, как он ни старался, никаких негативных моментов в поведении и словах говорившего он так и не обнаружил. Горбачев все говорил по делу: что молодежь – это будущее планеты, что людям надо жить в мире и делать все от них зависящее, чтобы не разжигать пожара ядерной войны, которая может стать последней войной в истории человечества.

«Фестивали – это не только праздник, – вещал генеральный секретарь. – Проблемы жизни затрагивают и волнуют молодежь не менее остро, чем старшие поколения. Со всем жаром юности она встает на бой за социальную справедливость и подлинную свободу, за то, чтобы блага земли, блага цивилизации были доступны всем, чтобы исчезли из жизни человека и человечества насилие и расизм, неравноправие и угнетение, милитаризм и агрессия».

Все 100 тысяч человек, собравшихся на стадионе, и миллионы других людей, кто слушал эту речь по трансляции, готовы были лично подписаться под этими словами. И никто из них тогда даже не мог себе вообразить, что все происходящее – всего лишь ловко разыгранный спектакль. Что на самом деле Горбачев в те минуты думал и мечтал совсем о другом. Не о социальной справедливости ему грезилось и не о подлинной свободе, когда блага земли, блага цивилизации доступны всем. Он мечтал… о гибели коммунизма. Спустя 14 лет после молодежного фестиваля, в **1999 году**, выступая на семинаре Американского университета в Турции, Горбачев расскажет следующее:

«Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма… Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Когда я лично познакомился с Западом, я понял, что не могу отступать от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и

СССР, а также руководство во всех коммунистических странах. Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран. Плановая экономика не позволяла реализовать потенциал, которым обладали народы социалистического лагеря… Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают Александр Яковлев и Эдуард Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы…»

На открытии фестиваля рядом с Дином был его болгарский приятель Бисер Киров, которому он тогда подарил белоснежную ковбойскую шляпу «стэтсон», а также чернокожая коммунистка Анджела Дэвис, с которой Дин был знаком больше десяти лет и которой в **1972 году** он посвятил проникновенные стихи.

Фестиваль продлился до **3 августа** и включал в себя множество мероприятий, посвященных разным юбилейным датам: 40-летию Победы, 40-летию атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, 10-летию со дня подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и т. д. Всего в рамках фестиваля действовало 15 тематических центров, где прошло в общей сложности 58 антивоенных митингов и митингов солидарности. Дин участвовал в некоторых из этих мероприятий, но большую часть времени провел на концертных площадках. Так, **30 июля** он выступил в Зеленом театре Парка культуры и отдыха имени Горького на митинге «Молодежь и студенты за антиимпериалистическую солидарность» (исполнил песню итальянских партизан «Белла, чао»), **1 августа** принял участие в сборном концерте в ГЦКЗ «Россия» под названием «Хельсинки-75», а на следующий день – в конкурсе политической песни в спортзале «Дружба».

Свободное время Дин посвящал общению с друзьями из Советского комитета защиты мира, ЦК ВЛКСМ, Фонда культуры, а также крутил роман с танцовщицей Радой, хотя последнее было опасно: ведь кто-нибудь из восточногерманских участников фестиваля вполне мог донести слухи об этих отношениях до ушей Ренаты Блюме, которая, как мы помним, была чрезвычайно ревнива. Однако Дин этого почему-то не сильно боялся. Впрочем, так он поступал и будучи женатым на всех своих предыдущих женах.

Август Дин провел дома, а в конце месяца принял участие в традиционном митинге журналистов на Александр-плац в Восточном Берлине. А за пять дней до этого мероприятия скорбная весть пришла с родины Дина: **25 августа** там погибла самая юная Посол мира на Земле – Саманта Смит. Как мы помним, два года назад она написала два письма Юрию

Андропову, после чего советский генсек пригласил ее посетить Советский Союз. С этого момента имя 11-летней американки узнал весь мир. Вернувшись на родину, она написала книгу «Мое путешествие в СССР», где с восторгом поделилась с читателями своими впечатлениями от поездки в страну победившего социализма. В среде левых американцев книга стала бестселлером, в то время как американцы, придерживающиеся правых взглядов, назвали ее «заказом Кремля». Про саму Саманту писали, что она еще слишком юная, чтобы к ее мнению прислушивалось взрослое население страны.

Саманта Смит погибла в авиакатастрофе вместе со своим отцом Артуром. Они возвращались домой из Великобритании, куда ездили все с той же целью – как Послы мира. На обратном пути они пересели в небольшой двухмоторный самолет, летевший в Бостон, и на подлете к месту назначения из-за плохой видимости их самолет промахнулся мимо посадочной полосы и рухнул в 200 метрах от ее порога. Никому из 8 пассажиров выжить не удалось. Американское правительство даже не выразило соболезнование матери Саманты, и на похоронах из них тоже никого не было. Зато там был представитель советского посольства, который сказал трогательную речь о Саманте и ее отце. Потом будет много разговоров о том, что эту катастрофу подстроило ЦРУ, которое устало от чрезмерной активности взрослеющей Саманты Смит на поприще борьбы за мир, однако официальное расследование никакого злого умысла в этой трагедии так и не нашло.

6 сентября на экраны ГДР вышла японско-западногерманская картина «Несерьезная история», где Дин играл пусть не главную, но все-таки роль после более чем четырехлетнего перерыва (последний фильм с его участием – «Пой, ковбой, пой» – увидел свет в **июне 1981 года**).

Тем временем в середине **сентября** Дин снова отправился в Москву. Целью этой поездки было обсуждение с советской стороной последних формальностей, связанных с фильмом «Окровавленное сердце». Однако у Дина была и личная причина для приезда – он хотел встретиться со своей русской возлюбленной Радой, отношения с которой стали занимать в его сердце все больше места. Хотя все, кто наблюдал этот роман со стороны, были уверены, что в этом тандеме Рада выступает как активная сторона, а Дин всего лишь пользуется удобным случаем.

Свой 47-й день рождения, **22 сентября 1985 года**, Дин отметил в Москве в кругу своих друзей. Среди них были его сорежиссер по фильму «Окровавленное сердце» Гюнтер Райш, корреспондент журнала «Советский экран» Феликс Андреев и др.

Ф. Андреев вспоминает: «За праздничным столом шла беседа о будущем фильме. Вместе с нами здесь были представители двух киностудий: Рижской и „ДЕФА“, где планировалось создание этой совместной ленты. Разговор приобретал все более деловой характер: назывались конкретные места будущих съемок, предлагались имена актеров – исполнителей ролей будущего фильма. (Было ясно, что в главных ролях снимаются Дин и Рената Блюме-Рид.)

Все это дало повод видному кинорежиссеру ГДР Гюнтеру Райшу, сопостановщику картины, подняться с места и шутливо предложить перейти ко второму пункту повестки дня – чествованию именинника…»

Вернувшись в ГДР, Дин пробыл дома чуть больше двух недель, после чего вновь сорвался с насиженного места: вместе с режиссером Уиллом Робертсом Дин отправился к себе на родину в США, чтобы показать на фестивале документального кино, который проходил в его родном городе Денвере, их совместный документальный фильм «Американский бунтарь», который был посвящен… Дину Риду.

Как мы помним, идея этого фильма родилась еще **летом 1979 года**, когда Робертс познакомился с Дином на Московском кинофестивале. Потрясенный историей жизни Дина, Робертс так увлекся идеей этого фильма, что буквально поставил на кон все: когда ни одна из американских киностудий не согласилась финансировать эту картину, он продал два своих автомобиля, заложил собственный дом. На этой почве у него начались серьезные проблемы с женой, однако Робертс не оставил начатое дело и все-таки довел его до конца. Фильм снимался почти пять лет, уместился в 93 минуты экранного времени и «сожрал» 350 тысяч долларов. Его продюсерами выступили, помимо самого Уилла Робертса, Анита Д. Донахью и Кристин Рат (он же был одним из операторов картины). Музыку к фильму написал сам Дин Рид.

Дин ехал в США (на 5 недель), переполненный самыми радужными надеждами. Он не был на родине несколько лет (с **1978 года**), а по родному Денверу его ноги в последний раз ступали и вовсе 25 лет (!) назад. В последние годы, особенно когда Дин работал над сценарием фильма «Вундед-Ни», он все чаще мысленно возвращался на свою родину, вспоминал леса и горы Колорадо, грезил его озерами. Несмотря на то что в ГДР он жил в местечке, природа которого напоминала его родные места, однако полностью заменить ему родину оно, конечно же, не могло. И вообще он стал все чаще ловить себя на мысли, что тяготится своей жизнью в ГДР.

Нет, он не стал хуже думать об этой стране и ее людях, но вдруг осознал, что настоящая родина для него все-таки там, в Америке. Это по молодости он готов был жить где угодно, с калейдоскопической быстротой менял новые страны и континенты, но теперь, на пороге своего 50-летия, вдруг понял, что все мысли и помыслы его неизменно возвращаются в одно место – в Колорадо. Там жили оба его брата, там похоронен его отец, там прошли его детство и юность. Поэтому, отправляясь на родину, Дин был буквально переполнен мечтами о встречах с родными его сердцу местами и друзьями, которых он не видел много лет. Знай он, чем в итоге закончится эта поездка, может быть, повременил бы с ней? Хотя вряд ли: ведь это была еще и рабочая поездка – на фестиваль документального кино, сроки которого перенести было нельзя. Вот и выходит, что все было предопределено заранее.

Дин прилетел в Денвер **16 октября**. Судя по фотографии, где Дин широко улыбается, спускаясь по трапу самолета, настроение у него в эти минуты было прекрасное. Что неудивительно: в аэропорту его встречали не только журналисты, но и друзья, среди которых была и его бывшая одноклассница Дикси Ллойд Шнеблоу. К тому же он был уверен, что после прихода к власти в СССР Михаила Горбачева та волна антисоветизма, которая в последние несколько лет захлестнула Америку, постепенно сойдет на нет и ей на смену придет более реалистичный взгляд на советско-американские отношения. Тем более что именно в эти дни (**9—20 октября**) в Женеве проходили переговоры Михаила Горбачева и Рональда Рейгана, которые были своего рода сенсацией: ведь до этого президент США стоически игнорировал любые контакты с руководителями СССР.

Все это указывало на то, что в советско-американских отношениях может наступить потепление, которое Дин всячески приветствовал. И появление накануне его приезда на родину пусть в одной из самых молодых, но уже самых читабельных газет Америки «Ю-эс-эй тудей» (газета была создана для телевизионного поколения и для удобства путешествующих) большой статьи о нем, выдержанной в положительном ключе, могло сигнализировать об одном: что родина сделала первый шаг к тому, чтобы перестать считать его предателем. Но Дин ошибся.

Денвер всегда считался одним из оплотов правой Америки: там была очень сильная организация неонацистов, издавался известный милитаристский журнал «Солджер оф форчун» («Солдат удачи»). Именно в Денвере за год до этого неонацистами был убит радиоведущий Аллен Берг, который проповедовал левые взгляды (именно в дни пребывания Дина в Денвере там начался

суд над убийцами). Вот почему, когда Дин ступил на землю Денвера, первое, что сделал губернатор штата Колорадо Ламб, который принял Дина в своей резиденции, – выделил ему нескольких телохранителей. Однако от звонков с угрозами эти люди Дина оградить не могли: таковых в день ему поступало до нескольких десятков. Так что те радужные мечты, которые он лелеял в ГДР, были вдребезги разбиты в первые же часы пребывания в родном городе. И хотя, отправляясь в путешествие, Дин, конечно, держал в запасе и такой вариант развития событий, однако втайне все-таки надеялся, что это не выльется в столь ожесточенные формы. Особенно это ожесточение проявилось во время посещения Дином денверской радиостудии KNUS **17 октября**.

Этот визит закончился большим скандалом. Причем спровоцирован он был не Дином, а самим ведущим радиопередачи Петером Бойлесом. Дина еще не было в студии (он еще шел по коридорам радиостанции), когда ведущий включил свой микрофон и взялся представлять радиослушателям будущего гостя. Представил он его весьма своеобразно: «Сегодня у нас в гостях – предатель Америки Дин Рид». Даже если учитывать, что многие американцы именно таковым и считали Дина Рида, однако это не давало права ведущему так его представлять – ведь существуют же нормы цивилизованного общества. Но ведущий попросту наплевал на эти нормы и весь свой разговор с Дином построил именно на этом – на оскорблениях.

Не успел Дин удобно расположиться в кресле, как вопросы, один провокационнее другого, посыпались на него как из рога изобилия. Например, ведущий его спросил: «Почему вы защищаете Советский Союз, когда именно его солдаты в эти самые минуты убивают мирных граждан в Афганистане?» Дин стал объяснять, что советские солдаты убивают в Афганистане не мирных граждан, а моджахедов, которые борются против законного правительства, причем на деньги, которые поступают из США. Ведущий в ответ грубо прервал его, заявив: «Никто не доказал, что эти деньги американские».

После этого с темы Афганистана разговор плавно перешел на тему Польши. «Польский народ хочет жить свободно, а Советский Союз сконцентрировал на ее границах огромное войско и с помощью этой силы заставляет поляков жить в нелюбимом для них социализме. Почему вы защищаете Кремль и в этом случае?» Дин ответил: «В Польше действует военное положение, которое ввел генерал Ярузельский. Но даже если Кремль отстаивает социализм в Польше, то он имеет на это право, поскольку за

построение этого социализма в Польше он воевал с фашизмом, пожертвовав жизнями сотен тысяч своих солдат. А вот ради чего США вторглись на остров Гренада и свергли там законное правительство?»

Короче, в тот вечер Дину пришлось весьма несладко. Особенно ситуация накалилась, когда в студию стали звонить радиослушатели. Большинство из них были возмущены не поведением ведущего, а позицией Дина. «Убирайся в свою Москву!» и «Вон из нашего города, коммунист!» – такими были требования звонивших. Ведущий злорадно потирал руки и, чувствуя за собой поддержку слушателей, уже отбросил всяческие нормы приличия и стал забрасывать Дина откровенно провокационными вопросами. После одного из них Дин не сдержался и сказал: «Вы рассуждаете, как те неонацисты, которые убили Аллена Берга». После этих слов ведущий побагровел, вскочил со своего места и, выбив микрофон из рук Дина, закричал: «Пошел вон отсюда, комми!» («комми» – ругательное слово по отношению к коммунистам).

В течение нескольких секунд Дин пребывал в оцепенении, поскольку за всю его жизнь с ним ничего подобного еще не происходило. Побывав в более чем трех десятках стран, он раздал сотни интервью самым различным газетам, телевизионным и радиокомпаниям, но ни разу с ним не обходились столь по-хамски. И вот теперь его оскорбили самым бесцеремонным образом, и не где-нибудь, а в его родном Денвере. Был момент, когда Дин готов был наброситься на обнаглевшего ведущего с кулаками и наверняка победил бы своего визави, который выглядел отнюдь не спортивно. Однако Дин нашел в себе силы сдержаться и, поднявшись из кресла, спокойно покинул студию. Двое телохранителей, которые все это время ждали его в коридоре, немедленно обступили его и через запасной выход вывели из здания радиостанции к поджидавшему их автомобилю.

В тот же день, **17 октября**, в денверском Тиволи-центре состоялась премьера фильма «Американский бунтарь». Неонацистские группировки хотели сорвать этот показ и специально пришли к месту демонстрации с оскорбительными транспарантами типа «Ты не американский бунтарь – ты американский предатель». Однако премьера все равно состоялась, хотя настроение у Дина было уже испорчено. Вся эта вакханалия здорово ударила по его нервам, поскольку ничего подобного с ним до этого еще не происходило. И хотя он был достаточно закален многолетними преследованиями и нападками во многих странах мира, но когда это случилось в его родном доме, это выбило Дина из колеи. Он сильно переживал происходящее, хотя

внешне и старался этого не показывать.

После Денвера путь Дина и Робертса пролег в Миннеаполис и Огайо, где тоже состоялся показ «Американского бунтаря». Весь сбор от этих показов Дин направил в фонд организации, которая боролась против концерна, выпускающего системы управления для американских ракет «Першинг-2». Вот почему официальные власти приняли фильм в штыки: на него почти не было положительных откликов в газетах, а прокатчики все как один отказались от его покупки. «Крутите свое кино коммунистам», – заявили они.

Дина это, конечно, сильно задело, и в эти минуты он еще сильнее проникся желанием начать снимать картину про Вундед-Ни и в Миннеаполисе специально встретился с руководителями Движения американских индейцев Клайдом Беллкартом и его братом Верном. Рассказав им о своем будущем фильме, Дин попросил у братьев, чтобы те выступили в нем в качестве консультантов. Братья согласились практически сразу, поскольку давно мечтали о подобной картине, но в Америке снять ее было невозможно (ситуация изменится в лучшую сторону только в начале 90-х, когда после оскароносного фильма Кевина Костнера «Танцы с волками» в Голливуде начнется индеаномания и будет снята лента про события в Вундед-Ни-73. Однако Дина в живых тогда уже не будет).

Братья Беллкарты дали слово Дину, что на съемки в ГДР от Движения индейцев приедет целая семья, все члены которой участвовали в событиях в Вундед-Ни. Кроме этого, они помогли Дину закупить для фильма индейской одежды на 5 тысяч долларов. Так что назвать поездку Дина на родину неудачной было нельзя. Хотя горький осадок после посещения Денвера у него, конечно, остался. Но Дин постарался сделать все возможное, чтобы его друзья об этих его чувствах ничего не узнали. И в своем письме Дикси Ллойд Шнеблоу, которое он написал в аэропорту Джона Кеннеди перед отлетом в ГДР, Дин признался в следующем:

«Я провел 5 недель на моей родине, на сей раз больше, чем в любое другое время в течение прошлых 25 лет. Поездка была самой счастливой поездкой, которую я когда-либо совершал в Америку. Я снова видел мои родные синие небеса, и моя „батарейка“ как будто зарядилась заново. Я видел мои горы и вспомнил детские годы. Я видел много лиц моей родины: Денвер, Лос-Анджелес, Миннеаполис, Колумб, Нью-Йорк; очень много людей, очень много историй, связанных с прошлым. Но все, чему я верю, должно иметь общее будущее, будущее мира, будущее, где деньги, которые теперь тратятся впустую на вооружения,

должны быть потрачены, чтобы облегчить голод и бедность во всем мире. Такой день должен наступить, и я верю, что имею некоторое отношение к наступлению такого дня…»

С началом зимы Дин вновь взял в руки гитару. И **1 декабря** выступил в концерте в «Палас дер Републик» в Восточном Берлине. Затем до конца года он дал еще несколько выступлений. А в **январе 1986 года** он покинул ГДР и отправился в столицу Чехословакии город Прагу, чтобы на студии звукозаписи «Супрафон» приступить к работе над очередным долгоиграющим диском. Эта поездка стала для Дина знаменательной. Как мы помним, в **1981 году** у Дина вышел серьезный конфликт с чиновниками из Министерства культуры ЧССР, и с тех пор он перестал приезжать в эту республику. Так продолжалось четыре года, пока наконец обе стороны не пошли друг другу навстречу. К тому времени обида Дина сошла на нет, да и не на кого было уже обижаться, поскольку те люди, с которыми у него вышел конфликт, в Минкульте ЧССР уже не работали. Поэтому в Прагу Дин приехал в прекрасном настроении и заряженный на работу. Вот почему, когда давал интервью тамошним журналистам, Дин с радостью сообщил: «Мне кажется, это будет мой лучший диск».

В эту пластинку вошли 12 песен, причем к 8 из них он написал музыку (композитором остальных четырех выступил чехословак Зденек Ритер), а слова написал ко всем. Вот полный список этих произведений: «Old Cowboys never die», «To all the Ones i've loved», «I love me», «Mom's song», «Waiting for a Lady», «Wake up America», «Let me be», «Cive me a guitar», «Hey what are you shooting for», «Let me love you», «Hang Together», «American Rebel».

Этот диск Дин записывал не только для распространения в странах Восточного блока, но и собирался издать его у себя на родине в США. Об этом он договорился с Дикси Ллойд Шнеблоу еще осенью прошлого года, когда был с пятинедельным визитом в Америке. Он собирался отослать запись этого диска Дикси с тем, чтобы она использовала эти песни в его пиар-кампании, которая должна была предшествовать гастролям в США **осенью 1986 года**. Незадолго до отъезда в Прагу, в **январе**, Дин писал Дикси:

«Есть тысячи певцов в Америке, которые моложе меня, лучше выглядят и кто поет лучше меня. Я никогда не буду иметь коммерческого успеха для нормального американца. Я – политический человек и продолжаю быть таким… Я мятежник против несправедливости и эксплуатации. И хочу, чтобы слово „революционер" не воспринималось как ругательство. Двести лет назад люди гордились этим словом. Вот и лично я очень горд, что

являюсь американским мятежником и посвятил свою жизнь борьбе против несправедливости везде, где я ее видел…»

Из Праги Дин отправился в Москву, чтобы здесь встретиться с популярным американским телеведущим Майком Уоллесом, который вел на Си-би-эс передачу «60 минут». Идея пригласить в свою передачу именно Дина Рида возникла у Уоллеса не случайно, а была следствием той ситуации, которая сложилась в американо-советских отношениях.

После прихода к власти в СССР Михаила Горбачева и тех односторонних шагов, которые он сделал в отношении США (летом было заявлено о прекращении подземных испытаний ядерного оружия, а осенью советская сторона предложила американцам сократить на 50 % число боезарядов стратегического оружия и понизить их количество у каждой из стран до 6000 единиц), Америка возликовала, расценив эти предложения не как добрую волю Москвы, а как проявление ее слабости, как положительный результат того давления, которое администрация Рейгана оказывала на Кремль в течение пяти последних лет. В итоге даже всегда умеренный в своих американских устремлениях северо-восточный истеблишмент США принял эту точку зрения. А Дин этого не учел, рассчитывая, что уж эта часть США положительно оценит его попытки стать неким мостиком между Восточным блоком и его родиной. Вот почему даже после неудачи в Денвере он все еще продолжал надеяться на чудо и рассчитывал **осенью 1986 года** устроить свое концертное турне по США. И в качестве пиар-кампании согласился дать большое интервью программе «60 минут».

Но в то время как он рассчитывал предстать в этой акции как победитель (вот, мол, как все обернулось: я призывал к потеплению советско-американских отношений, и оно в итоге произошло), Уоллес преследовал иную цель – сделать из Дина побежденного. Поэтому название передаче о нем он дал весьма определенное и хлесткое – «Перебежчик» (и это в то время, когда между США и СССР уже прошли первые телемосты и на этом фоне Дина можно было представить в ином качестве: не как отступника и предателя, а, например, как посла мира).

Дин прилетел в Москву **10 февраля**. Здесь он встретился с Уоллесом, и они записали часть будущего большого интервью (общая продолжительность 2 часа). Кроме этого, Дин встретился с московскими друзьями, среди которых была и его новая возлюбленная Рада. Встреча с последней продемонстрировала Дину, что девушка совершенно потеряла голову от любви к нему, в то время как он сам толком так и не мог дать точного определения своим чувствам: то ли это тоже была любовь, то ли

мимолетное увлечение. Скорее всего, последнее, поскольку явилось прямым следствием того ухудшения отношений, которое произошло у Дина и Ренаты в последнее время. И Рада стала именно той отдушиной, которая помогала Дину хоть как-то держаться на плаву и не впадать в окончательную депрессию. Ведь если раньше он переносил свои нелады в личной жизни более спокойно, то после сорока все изменилось: спокойствие сменилось истерикой.

После интервью в Москве Майк Уоллес приехал в Восточный Берлин, чтобы снять последнюю часть этого двухчасового материала непосредственно в доме Дина. Эти съемки продолжались в течение двух дней.

Тем временем мирные инициативы Михаила Горбачева, которые он продолжал выдвигать с завидным постоянством (в **январе** предложил уничтожить ядерное и химическое оружие до 2000 года, а также согласованно сократить обычные вооружения и вооруженные силы), все больше нравились Дину. Самое благотворное впечатление произвел на него и XXVII съезд КПСС, который прошел в Москве **25 февраля – 6 марта**. Принятая на съезде Новая программа КПСС оказалась более реалистичной, чем все предыдущие программы вместе взятые: в ней уже не декларировалось скорое построение коммунизма, а провозглашалось «совершенствование реального социализма». Выступая на съезде с политическим докладом, Горбачев охарактеризовал брежневскую эпоху как время «застоя» и заявил о необходимости проведения глубоких реформ в системе управления народным хозяйством и демократизации общества. И хотя прошлогодний разговор с Петром Сергеевичем Купцовым еще не успел выветриться из сознания Дина, он все сильнее склонялся к мнению, что Купцов-старший ошибался в своих прогнозах относительно нового генсека. И ошибку эту Дин связывал с личным горем, постигшим старика, – потерей единственного сына. «Трудно объективно оценивать поступки человека, которого ты считаешь повинным в гибели дорогого тебе человека», – думал в те дни Дин.

2 марта Дин выступил в «Днях искусства» в «Палас дер Республик» в Восточном Берлине. Затем съездил на Лейпцигскую книжную ярмарку, где среди множества представленных книг была и его биография (дополненное издание той самой книги Ханса Дитера Брайера, которая впервые вышла в **1980 году**). Эта поездка оставила у Дина приятное впечатление: он воочию убедился в том, что его имя все еще пользуется в ГДР популярностью – к стенду, где он представлял книгу, выстроилась огромная очередь из желающих получить его автограф.

8 марта в США в программе «Entertainment Tonight» была показана небольшая часть интервью Дина, которое он дал Майку Уоллесу в Москве. Дин этот эфир, естественно, не видел, о чем он и сообщает своим американским друзьям супругам Першманнам в своем письме от **13 марта**:

> «Вы видели мое интервью 8 марта? Я не видел, но слышал, что это было неплохо. Мы снимали это в Москве. Майк Уоллес был здесь и покажет интервью в Америке в какой-то из дней апреля. Мы отсняли около двух с половиной часов материала, о котором я думаю, что он успешен процентов на 75. Но, конечно, поскольку ему нужны лишь 20 минут, вероятно, он вполне способен запятнать мою репутацию. Мои друзья в Америке предостерегали меня и просили не участвовать в шоу, но я чувствую, что это – единственно возможный реальный шанс поговорить со 130 миллионами американцев, и я должен воспользоваться им. Быть может, одна или две истины переживут цензуру? Я спел ему песню „Моя еврейская мама“ – и он плакал!!! Я сомневаюсь, что он покажет эту часть!!!
>
> Передайте мою любовь и поцелуй малышке. Скажите ей, что я никогда не забуду тот момент, когда она дала мне цветы в Миннеаполисе. Берегите ее и друг друга.
>
> Обнимаю, Дин».

Между тем в то время, как Горбачев продолжал призывать своих западных партнеров к обоюдному разоружению, те предпочитали гнуть свою прежнюю линию. **27 марта** министр экономики ФРГ Мартин Бангеман и министр обороны США Каспар Уайнбергер подписали в Вашингтоне два рамочных соглашения, предусматривающих участие западногерманских фирм в исследовательской программе СОИ (Стратегическая оборонная инициатива). Как мы помним, эта программа должна была помочь американцам заменить стратегию ядерного устрашения, так как лазерное оружие, размещенное в космическом пространстве, могло уничтожать неприятельские ракеты с ядерными зарядами еще в полете. Большая часть населения США восприняла подписание этого документа положительно. Зато совсем иную реакцию вызвало у американцев другое событие – показ в программе «60 минут» интервью с Дином Ридом (эфир **20 апреля**). Стоит отметить, что в первоначальных планах Уоллеса было показать это интервью осенью, но затем он изменил свое решение и показал выступление Дина на полгода раньше. Не случись этого,

возможно, будущей трагедии можно было бы избежать.

Приведу большую часть из показанного по ТВ интервью.

Д. Рид: «Я думаю, я был бы очень хорошим американским посланником в мире. Я общался с людьми, многие из которых никогда не видели американцев, и я показал им те стороны Америки, которые, я полагаю, они уважают. Люди в мире могли бы уважать Соединенные Штаты за науку, культуру, моральные ценности, в их же представлении Америка – мощная милитаристская держава, которую они боятся и страшатся».

М. Уоллес: «Вы не верите, что мы уважаемы во всем мире за науку, культуру, моральные ценности?»

Д. Рид: «Майк, вам следует поездить со мной по миру, и я покажу вам улицы в странах Латинской Америки, где кричат: „Янки, убирайтесь домой!“ Это был наибольший шок в моей жизни, когда я услышал такие слова. И я подумал: почему? Мы выиграли войну, революцию 200 лет назад. Мы не хотели быть колонией Англии. И люди в мире – третьем мире – говорят: „Мы не хотим быть колонией Соединенных Штатов или полуколонией. Позвольте нам иметь свой собственный суверенитет и независимость“.

М. Уоллес: «Разве Восточная Германия не является колонией Советского Союза, Польша – не колония? Румыния, Болгария?»

Д. Рид: «Конечно, нет».

М. Уоллес: «Вы арендуете свой дом в ГДР?»

Д. Рид: «Да, мы арендуем наш дом. Это стоит сумму, эквивалентную примерно 40 долларам в месяц».

М. Уоллес: «Не может быть!»

Д. Рид: «Даю вам слово (*смеется*)».

М. Уоллес: «У вас под Берлином замечательный дом. И всего 40 долларов в месяц?»

Д. Рид: «Да, это вполне нормально».

М. Уоллес: «Вы имеете деньги в банках Америки?»

Д. Рид: «Нет».

М. Уоллес: «В швейцарских банках?»

Д. Рид: «Нет».

М. Уоллес: «Богатый человек, бедный человек?»

Д. Рид: «Я богатый человек, потому что миллионы людей любят и уважают меня. Я не имею много денег, но сейчас мне их и не нужно. Школа для моих детей, университет – все есть и будет бесплатно, моей дочери и моему сыну не придется платить за образование. Когда я иду к доктору, я не должен ничего платить…»

Далее Дин рассказал о многих явных преимуществах социализма, о том, что Горбачев ему нравится больше Рейгана,

поскольку советский лидер более морален и более миролюбив, а академик Андрей Сахаров, находящийся в ссылке в Горьком, не такая уж и жертва коммунистического режима. Все это настолько задело Уоллеса, что он задал Дину прямой вопрос.

М. Уоллес: «Вы действительно считаете социализм и коммунизм самой лучшей системой?»

Д. Рид: «Нет, я так не считаю. Если бы вы знали, как много вещей, с которыми я не согласен, и как часто я получаю удары по голове, потому что не согласен с очень многим. Вы просите назвать три вещи, с которыми я не согласен. Я не согласен с засилием бюрократии. Я не согласен с тем, что социалистическое общество недостаточно открыто для критики. Я полагаю, что должно быть больше индивидуальной свободы…»

М. Уоллес: «Вы думаете о своей политической карьере?»

Д. Рид: «Я не знаю, Майк. Наступит ли когда-нибудь в Соединенных Штатах время для социалистической партии или, может быть, даже социал-демократической партии, я не знаю. Но я бы хотел вернуться в Колорадо и стать сенатором от своего штата».

Эту передачу посмотрели свыше 60 миллионов американцев. И подавляющая их часть восприняла все сказанное Дином в штыки. Американцы были возмущены тем, что Дин хвалит Горбачева, а Рейгана ругает, что защищает Берлинскую стену, а свою родину называет «милитаристской страной, которую все боятся». Аккурат в те самые дни Америка переживала очередной великодержавный бум, что только подогрело возмущенную реакцию американцев на интервью Дина.

Бум был связан с событиями в Ливии. В январе Рейган обвинил эту страну в причастности к взрывам на аэродромах Вены и Рима (**27 декабря 1985 года**), где погибли американские граждане. В **январе 1986 года** Белый дом объявил экономическую блокаду Ливии, а **15 апреля** (за 5 дней до интервью Дина) американская авиация в составе 33 бомбардировщиков совершила ночной налет на ливийские города Триполи и Бенгази. В результате ракетно-бомбового удара погибли 100 человек, в основном гражданских, несколько сот человек получили ранения. Эти налеты были с одобрением встречены большинством американцев, а когда стало известно, что СССР их осудил, это вызвало в США взрыв антисоветской истерии. Причем подогревали ее не только пресса и ТВ, но и кинематограф.

В **январе** на экраны США вышла четвертая часть фильма «Роки», сюжет которого заключался в следующем: американский боксер Роки (Сильвестр Сталлоне) получает вызов на поединок с

советским боксером Иваном Драго (Дольф Лундгрен) и в тяжелом поединке побеждает его на радость всем своим соотечественникам. На первый взгляд, обычное спортивное кино. Но это только на первый. Тот, кто видел эту картину (а ее наверняка видело большинство нынешних россиян), согласится, что сделана она как мощное пропагандистское полотно о торжестве цивилизованной Америки над дремучей и жестокой Россией (поэтому Лундгрен играл своего Ивана Драго как патологического убийцу и садиста).

Благодаря своей антисоветской направленности фильму «Роки-4» был выдан карт-бланш на широкую демонстрацию по всей стране. Говорят, «зеленую улицу» ему обеспечил сам Рональд Рейган, который посмотрел его и остался очень доволен сюжетной коллизией. Фильм запустили сразу более чем в 3 тысячах (!) кинотеатров по всей территории США, тогда как обычно лента поступает на экраны в лучшем случае в несколько сотен кинозалов. Большая часть Америки приняла фильм так же восторженно, как и ее президент: за первые два месяца проката он принес его создателям свыше 100 миллионов долларов! Журнал «Ньюсуик» вынес на обложку одного из своих номеров заключительный кадр из «Роки-4» – Сталлоне, закутанного в звездно-полосатый флаг. «Вы можете его любить или ненавидеть, – писал журнал, – но Сильвестр Сталлоне вернул героя американской мифологии, облаченного в военную форму и вершащего суд с помощью винтовки».

Стоит отметить, что за год до этого Сталлоне сыграл еще в одном пропагандистском фильме антисоветского толка: «Рэмбо-2», где его герой, лихой вояка Рэмбо, в одиночку расправляется с вьетконговцами и их пособниками – советскими военными советниками. Да что там сыграл: выступил также в роли сценариста и режиссера! И когда оба фильма вышли в американский прокат, Сталлоне выступил по калифорнийскому телевидению, где так объяснил идею обоих фильмов: «Мой герой несет послание людям. Это не мое послание, а послание американскому народу против сил зла…»

Между тем, кроме «Роки-4», были еще причины для антисоветской истерии в Америке. Причем причины уже не киношные, а реальные. **26 апреля 1986 года** случилась авария на Чернобыльской АЭС (Украинская ССР), которая существенно подорвала имидж не только СССР, но и всего Восточного блока. Многие американские издания писали, что Советский Союз не может обеспечить безопасность своих атомных реакторов и тем самым угрожает всему миру (суммарная радиация изотопов составила 50 миллионов кюри, что было в 30–40 раз больше, чем

при взрыве атомной бомбы в Хиросиме в **1945 году**). На Западе также вызывало возмущение и то, что советское руководство скрывает последствия аварии от своего народа, подвергая его смертельной опасности. «Если русские правители таким образом относятся к своему народу, то можно себе представить, каково их отношение к другим народам», – писали западные издания.

На этом фоне интервью Дина программе «60 минут» вызвало широкое недовольство в США. Сотни, если не тысячи людей не поленились взяться за перо и буквально завалили Си-би-эс и лично Майка Уоллеса возмущенными письмами, где прямым текстом обвиняли его в предательстве интересов родины. «Зачем вы предоставили трибуну этому предателю?» – вопрошали телезрители. Часть этих писем Уоллес потом перешлет Дину, что ввергнет того в шок, по силе еще более мощный, чем тот, что он испытал осенью прошлого года в Денвере. Он внезапно поймет, что все пути назад для него практически отрезаны. Именно осознание этой истины больнее всего ударит по нервной системе Дина, которая и без того была уже сильно расшатана тем образом жизни, который он вел (как мы помним, с середины 70-х он познакомился с психотропными лекарствами, а в последние годы принимал их уже регулярно).

Но пока письма из Америки только идут на имя Дина, поэтому он пребывает в относительном покое. **3 мая** его жене Ренате Блюме исполняется 42 года, и Дин дарит ей красивые английские часы для камина с трогательной гравировкой: «Я люблю Ренату, с каждым часом все больше. Дин». В тот день никто из супругов даже не мог себе представить, что Дину осталось жить чуть больше месяца (936 часов).

А пока Дин готовит к выпуску очередной выпуск своей авторской телевизионной передачи «Человек из Колорадо». Репетиции передачи состоялись **6–7 мая** в Лейпциге, а запись – **8 мая**. В ней, помимо Дина, участвовали: Нил Якоб (США), Людмила Солоденко (СССР), группа «Братья Вард» (Ирландия), Юрген Эрбе (ГДР), Майкл Тучи (ЧССР). Во время записи Дин внешне выглядит как обычно: много шутит, поет, подпевает другим исполнителям. Всего в этом представлении он исполнил шесть песен: «It’s the End of the Line», «Going to play in Leipzig», «Mama» (посвятил своей маме), «Er rette sich wer kann», «Jackson», «Oda a la alegria». К сожалению, эфира этой передачи Дин не дождется: ее покажут через два с половиной месяца после его гибели – **23 августа**.

Между тем тот негативный резонанс, который вызвала в США передача «60 минут» с участием Дина, достигает пределов ГДР. В итоге, знакомясь с письмами своих земляков, которые

переполнены самой откровенной злобой и ненавистью к нему, Дин впадает в ступор. Он всегда отличался ранимым характером и тяжело переживал свои творческие неудачи. Даже самая маленькая критическая заметка в адрес любой из его песен или фильма могла выбить его из колеи и стать поводом к депрессии. А тут он получил целый ворох писем с родины, где его называли только одним словом: предатель. Некоторые авторы и вовсе не выбирали выражений: «ты достоен газовой камеры», «тебя надо посадить на электрический стул», «если ты вернешься в Америку, мы тебя линчуем» и т. д. Начитавшись этих писем, Дин пережил микроинфаркт.

Видя, в каком состоянии он находится, друзья предпринимают определенные шаги, чтобы заставить его отвлечься от грустных мыслей. И в том же **мае** Дин в компании с гитаристом Нилом Якобом, который снимался в его телепередаче «Человек из Колорадо», отправляется на отдых в Чехословакию. Они посещают XXV кинофестиваль в Карловых Варах (главный приз на нем достался фильму австралийского режиссера Билла Беннета «Улица, ведущая к смерти» – про ветерана вьетнамской войны, который участвовал в варварских операциях по распылению дефолиантов и в результате заболел лейкемией), заезжают в Прагу. Однако эта поездка лишь отсрочивает на время трагедию, но предотвратить ее не может.

Вернувшись в конце месяца в ГДР, Дин практически сразу вновь срывается с места: он едет в Москву, чтобы принять участие в благотворительном концерте «Счет № 904», все средства от которого должны были поступить в фонд Чернобыля. Однако лучше бы он туда не ездил, поскольку там его ждет еще один сильнейший удар.

Концерт намечался на **30 мая** в спорткомплексе «Олимпийский». Из артистов в нем были заявлены сплошь одни звезды: Алла Пугачева (она же и ведущая на пару с Владимиром Цветовым), Александр Градский, Владимир Кузьмин, группы «Автограф», «Браво», «Круиз» и др. Было в числе участников и имя Дина Рида, однако в самый последний момент чья-то властная рука его из этого списка вычеркнула. Дин сначала подумал, что это всего лишь досадное недоразумение, но потом один из организаторов концерта, отведя его в сторонку, сообщил, что таков приказ «свыше».

– У нас сейчас дуют совсем другие ветры, и вам, Дин, лучше переждать их в Берлине, – снизив шепот до заговорщицкого, сообщил организатор концерта.

Что это за ветры такие и чем они вызваны, Дин понял спустя несколько минут, когда, проходя за кулисами, услышал чье-то

громоподобное ржание и реплику, которую он, даже плохо зная русский язык, понял без всякого перевода:

– Брежневский холуй идет.

Дин сразу понял, кто именно подразумевался под этим определением, поскольку выражение «брежневский холуй» применительно к себе слышал до этого в СССР неоднократно. Только тогда он воспринимал его более спокойно: обижался, конечно, но не настолько, чтобы бить людям, произносившим его, морды. А тут в считаные секунды вскипел и, повернувшись туда, откуда донеслась обидная реплика, хотел было уже наброситься на обидчика с кулаками. Однако в этот момент ведущие на сцене объявили следующий номер, и толпа людей, стоявшая за кулисами, мгновенно рассосалась. Потом зазвучала бравурная музыка, но Дин ее почти не слышал, скрывшись в коридорах спорткомплекса.

Вечером того же дня один из работников Советского комитета защиты мира сообщил Дину много интересного из того, что теперь происходило в Советском Союзе. По его словам, после XXVII съезда КПСС, где Горбачев назвал брежневское время «застоем», советское общество резко поляризовалось. Большая его часть буквально ополчилась на бывших столпов брежневского режима, обвинив их во всех бедах, свалившихся на страну. Причем под понятие «столпы» попали не только работники партаппарата, но даже и недавние кумиры нации. Например, на недавнем Пленуме Союза кинематографистов (он прошел **13 мая 1986 года**) его участники дружно забаллотировали таких корифеев советского кинематографа, как Сергей Бондарчук, Лев Кулиджанов, Евгений Матвеев и др. Их, как и Дина Рида, назвали «брежневскими холуями» (не с трибуны, конечно, а в кулуарах) и пригвоздили к позорному столбу. О том, насколько разнузданной была эта кампания по шельмованию недавних кумиров, говорит хотя бы такой факт: Сергей Бондарчук подумывал о самоубийстве, и только любовь близких и поддержка некоторых друзей уберегли его от этого шага. С Дином ситуация получилась куда более трагичная, поскольку рядом с ним таких людей, увы, не нашлось.

В ГДР Дин вернулся в подавленном настроении. Всю дорогу он вспоминал свой прошлогодний разговор с Петром Сергеевичем Купцовым и на фоне всего, что произошло с ним в последние месяцы, уже иначе воспринимал его слова. Нет, он не считал, что Горбачев пришел во власть, чтобы развалить страну и сдаться на милость Западу, однако то, что он начал строить фундамент своей власти на ниспровержении и оголтелой критике предшествующей, казалось Дину шагом не менее убийственным,

чем то, о чем говорил Купцов-старший. «Своими действиями Горбачев поднимет на поверхность такую грязь и пену, что они в итоге сметут и его самого, – с грустью думал Дин. – Но прежде, как это ни печально, они сметут таких, как я».

Дин в своих выводах не ошибался. Горбачевская команда хоть и продолжала в 86-м году разоблачать происки рейгановской администрации, однако делала это скорее по инерции. **Весной 1986 года**, после того как минул год со дня воцарения Горбачева у власти, для внимательного наблюдателя уже стал заметен тот поворот в сторону более уступчивой политики, которую горбачевская команда собиралась взять на вооружение в своих отношениях с США и Западной Европой. Этот поворот был обусловлен главным образом экономическими причинами.

Летом прошлого года резко снизились мировые цены на нефть, что было результатом прямого сговора США и Саудовской Аравии. Последняя резко увеличила добычи нефти (если раньше в день добывалось менее миллиона баррелей, то теперь – до шести миллионов), из-за чего в ноябре 85-го нефть-сырец шла по 30 долларов за баррель, а в апреле 86-го – уже по 12 долларов. Учитывая, что в это же время в СССР началось резкое падение добычи нефти (из-за недостаточности инвестиций в инфраструктуру и оборудование при завышенных темпах добычи), Советский Союз разом потерял около 10 миллиардов долларов, что равнялось почти половине средств, выручаемых за нефть. Пришлось вдвое увеличить продажу золота, чтобы удержать запасы твердой валюты на необходимом уровне.

Этот удар вынудил советское руководство взять крен в сторону сначала замирения с Западом, а позднее и полнейшей капитуляции перед ним. Для этого горбачевская команда подбирала и соответствующие кадры, с которыми было бы легче сдавать одну позицию за другой.

В **апреле** реорганизации подвергся Всемирный совет мира, где Дин проработал почти 20 лет: секретарем ВСМ стал финский коммунист Йоханнес Пакаслахти, а Ромеш Чандра хотя и сохранил за собой пост президента, однако отныне его власть и влияние были существенно урезаны. А за месяц до этого был отправлен в отставку многолетний руководитель Международного отдела ЦК КПСС Борис Пономарев, уступивший свое кресло бывшему послу СССР в США Анатолию Добрынину.

Глядя на эти перестановки, Дин прекрасно отдавал себе отчет, чем именно они вызваны: желанием новой власти избавиться от «балласта» в лице прежних руководителей и заменить их людьми из своего круга. Дин, в сущности, был не против, чтобы старых функционеров меняли на более молодых,

но совершенно не ожидал, что под это определение «балласта» попадет он сам – вполне еще дееспособный 47-летний мужчина, который в течение 20 лет верой и правдой служил делу борьбы за мир. Дину трудно было поверить в то, что для членов горбачевской команды борец за мир Дин Рид был таким же неугодным деятелем, как Борис Пономарев в ЦК КПСС или Сергей Бондарчук во главе Союза кинематографистов СССР.

Между тем о том, как прошла последняя неделя жизни Дина, можно только догадываться. Но, судя по всему, это была тяжелая неделя. Иначе как объяснить, что **8 июня** Дин совершил попытку самоубийства, поссорившись со своей женой Ренатой Блюме: схватив со стены мексиканский нож мачете, он закричал на весь дом: «Я убью себя!» Однако в последнюю секунду испугался и полоснул себя не по венам, а всего лишь по плечу. Из раны хлынула кровь, однако серьезного вреда своему здоровью Дин не причинил. Рената, увидев это, громко рассмеялась и заявила: «Тоже мне мужик: даже убить себя по-настоящему не можешь!»

Чем была вызвана столь язвительная реплика, сказать трудно. Может быть, тем, что Рената подозревала мужа в многочисленных изменах, которые мерещились ей чуть ли не на каждом шагу. Например, она подозревала Дина в том, что его одноклассница Дикси Ллойд Шнеблоу, которая возобновила отношения с ним осенью прошлого года, когда Дин приезжал на родину, тоже является его любовницей. Поэтому любой звонок от нее или звонки Дина ей в Америку по поводу будущих гастролей Рената воспринимала в штыки. В итоге Дин вынужден был общаться с Дикси вне стен дома: он уезжал в Западный Берлин и уже оттуда, из телефонной будки в центре города, звонил Дикси.

Тот инцидент с мачете закончился звонком Ренаты другу Дина Эбергарту Феншу (как мы помним, он был заместителем руководителя отдела агитации и пропаганды ЦК СЕПГ). Фенш приехал к Дину **9 июня** (в тот день в ГДР проходили выборы в Народную палату) и пробыл там до утра, пытаясь успокоить Дина. Ему это удалось: под утро Дин пообещал другу, что возьмет себя в руки и больше никогда не будет пытаться свести счеты с жизнью. Слово свое Дин держал… несколько дней.

Последние три дня жизни Дина прошли вроде бы спокойно. Никаких ссор с Ренатой не происходило, и **11 июня** (за день до гибели!) супруги даже позировали на крыльце своего дома фотографу Гюнтеру Линке. У Дина вполне умиротворенный вид, разве что Рената несколько напряжена. Но, в общем, вполне миролюбивая фотография, не предвещавшая ничего ужасного.

Утром **12 июня** Дин отправился на киностудию «ДЕФА», чтобы уточнить последние детали съемок фильма «Опасная

близость» (предыдущее название – «Окровавленное сердце» – посчитали слишком натуралистичным). Однако там его поджидал новый удар, который стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Дина.

Продюсер фильма Геррит Лист только что вернулся из СССР, однако новости у него были не самые радостные. Дело в том, что вся финансовая сторона в производстве фильма была в руках советской стороны (бюджет картины составлял 4 миллиона долларов), а она как раз вдруг заартачилась. Нет, она не отказывалась от финансирования, однако в воздухе витала какая-то недосказанность. И это за три дня до начала съемок! И вот тут до Дина (впрочем, не только до него) вдруг дошло, что при новом руководстве Союза кинематографистов СССР никакого фильма о подавлении американским правительством восстания индейцев в Вундед-Ни быть не может по определению. Горбачевская команда все сильнее выворачивала руль своей политики в сторону замирения с США (осенью намечалась очередная встреча Горбачева и Рейгана), поэтому снимать антиамериканское кино, да еще руками «брежневского холуя» Дина Рида, она явно не желала.

Ситуация чем-то напоминала ту, что случилась с фильмом Дина «Телль-Затар». Только тогда Дину хватило сил не делать из этого случая трагедию, а теперь этих сил у него уже не осталось: ни физических, ни моральных. А ведь сразу после этого фильма он планировал снимать еще один, и снова антиамериканский: про индейцев, которые воевали в рядах армии США во Вьетнаме! Но после того, что случилось с фильмом о Вундед-Ни, про этот проект тоже надлежало забыть. Короче, везде тупик.

Впрочем, даже если бы советская сторона и согласилась участвовать в создании этих картин, это не снимало других проблем. Например, Дин прекрасно понимал, что его отношения с Ренатой тоже зашли в тупик и дело близится к разводу. Но Ренате предназначалась главная женская роль в «Опасной близости», и снять ее с этой роли Дин не мог: отец Ренаты занимал высокий пост на «ДЕФА». То есть и здесь возникла патовая ситуация, решения которой Дин не видел.

Домой Дин вернулся в подавленном настроении. Попытался было излить душу Ренате, но та не была расположена к подобному разговору. А тут еще по телевизору шла какая-то политическая передача, которую Дин попытался прокомментировать. В итоге удостоился от жены очередной язвительной реплики: «Ты всего лишь шоумен, а не политик». Для Дина подобное заявление было оскорбительным, сродни тому же «брежневскому холую». Он всю жизнь посвятил борьбе за

справедливость, неоднократно рисковал жизнью ради этого, а в результате удостоился презрительного звания «шоумена». И от кого – от одного из самых близких людей! Опять вспыхнул скандал, который переполнил чашу терпения Дина. Наскоро собрав кое-какие вещи, он покинул дом. Как оказалось, навсегда.

Дин собирался отправиться в Потсдам к Геррету Листу, чтобы у него скоротать эту ночь, а может быть, и следующие. Однако до продюсера он не доехал. Проехав всего лишь 3 километра на своей «Ладе», он свернул с дороги к озеру Цейтенерзее и, проехав несколько метров в темноте, остановился, ударившись бампером о дерево. Поскольку скорость была небольшая, Дин не пострадал, а «Лада» получила только легкую вмятину. Однако состояние Дина было ужасное, мысли путались.

Какое-то время Дин неподвижно сидел в салоне автомобиля и молча смотрел в одну точку. Потом взгляд его натолкнулся на кожаную папку, в которой лежали листы со сценарием «Опасная близость». В голове тут же выстроилась вся недавняя цепь событий в обратной последовательности: тупиковая ситуация с фильмом о Вундед-Ни, оскорбление на чернобыльском концерте, возмущенные письма из Америки, где его называли предателем. «А ведь я никому не нужен, – как молния пронзила сознание Дина внезапная мысль. – От меня отвернулись мои соотечественники, предали Москва и собственная жена. Куда мне теперь ехать? И главное – зачем?»

Подумав об этом, Дин в следующую секунду открыл спортивную сумку, лежавшую на переднем сиденье рядом с ним, и достал из нее пузырек с пилюлями снотворного лекарства родедорм. С недавних пор это успокоительное средство стало его вечным спутником, и он обязательно брал его с собой во все свои поездки. Повертев пузырек в руках, Дин поставил его на переднюю панель, после чего достал из этой же сумки шариковую ручку и открыл кожаную папку со сценарием. Литературная основа будущего фильма уместилась на ста с лишним страницах, однако Дину в этот раз понадобилось чуть больше полутора десятков листов. Перевернув на чистую сторону первый из них, Дин написал: «Моему другу Эбергарту Феншу!» После чего принялся писать свое прощальное письмо.

Сейчас уже невозможно установить, сколь долго Дин писал свое завещание. Судя по всему, больше часа, поскольку это письмо заняло 15 страниц. Но можно себе представить, какие чувства испытывал Дин в свои последние минуты жизни на этой земле. Обычно самоубийцы стараются побыстрее привести приговор в исполнение, поэтому если и оставляют предсмертные письма, то короткие. А тут – целых 15 страниц! В своем письме

Дин подробно объяснял мотивы своего самоубийства, просил прощения у родных и друзей. Приведу лишь несколько отрывков из него, которые многое объясняют:

> «Я понимаю, что причиняю тебе (Эбергарту Феншу. – *Ф. Р.*) горе. Ты был образцом для меня – таким же, как многие честные социалисты от Чили до Ливана. Моя смерть не должна связываться с политикой. Не позволяйте этого делать нашим врагам, фашистам и реакционерам…
>
> Люди доброй воли будут строить лучший мир – социалистический мир… Я не соглашаюсь со всем, но социализм еще слишком молод. Однако именно он несет в себе единственное решение основных проблем для большинства мира… Я многое имел и пытался посвящать все свои силы и талант всем людям, нуждающимся в моей помощи…
>
> Я хотел жить в мире с Ренатой, но когда сегодня вечером я вернулся домой со студии «ДЕФА» и сидел перед телевизором, Рената крикнула мне, что я являюсь всего лишь плохим американским шоуменом, который не имеет никакого мужества даже покончить с собой. Она мучает и пытает меня с давних пор и ревнива ко всем, кого я люблю и кто любит меня. Но особенно к моей бывшей жене Вибке и дочери Наташе. А я отказываюсь ненавидеть ту, которая когда-то была моей женой…
>
> Я люблю Ренату. Но не могу найти выхода из этой проблемы. Она террориризирует меня уже 5 лет. Я хотел жить с ней до конца наших дней, но она убивает меня. Изо дня в день… Мне кажется, что моя жена всегда старалась покорять сердца известных мужчин, чтобы тешить свое самолюбие…
>
> Моя смерть станет хорошим выходом для «ДЕФА» в истории с фильмом про Вундед-Ни. Я не могу брать народные деньги для фильма, который никогда не будет снят. К тому же я не смогу работать в одном фильме с женщиной, которая каждый день будет мучить меня, а найти другую актрису уже нет времени…
>
> Передайте привет моей маме. Скажите ей, что я всегда очень сильно любил ее и старался быть образцом для нее. Передайте также приветы моим дочерям и сыну. Я обнимаю тебя. Твой Дин Рид».

Поставив точку в своем письме, Дин сложил листы обратно в

кожаную папку, после чего открыл пузырек с родедормом и высыпал на ладонь целую горсть пилюль. Помедлив секунду, он отправил их в рот одну за другой. Затем в течение нескольких минут сидел неподвижно, закрыв глаза. Наконец он вновь вернулся к реальности и, выбравшись из автомобиля, нетвердой походкой отправился к берегу озера. Стояла тихая июньская ночь, и было довольно прохладно. Но Дин не чувствовал холода, будучи в джинсовой куртке, да еще в состоянии, когда вообще не обращаешь внимания на внешние факторы.

Дойдя до берега, Дин, не сбавляя шага, вошел в воду. Когда вода дошла ему до груди, он поплыл. Дин хорошо плавал, так как еще в школе активно занимался этим видом спорта и даже побеждал на соревнованиях. Где-то на середине озера Дин перевернулся на спину и какое-то время пребывал в таком положении, глядя остановившимся взглядом на звездное небо. Силы уже покидали его, разум затуманивался. О чем он мог думать в эти мгновения? Можеть быть, вспоминал свою жизнь? Или в последний раз прощался со своими близкими? Собственно, за них он мог быть спокоен. Старшая дочь Рамона была уже взрослой и самостоятельной девушкой, Патрисия тоже устроена – у нее есть муж, она работает в престижном месте, мама живет с любимым человеком. Вторая дочь, Наташа, тоже не пропадет в надежных руках Вибке. Как и Александр, сын Ренаты. Еще оставалась Рада – московская любовь Дина, с которой он встречался в последние годы своей жизни. Эта девушка была без ума от него и согласна была идти за ним хоть на край света. Другое дело, хотел ли этого сам Дин? Видимо, нет, если так и не решился сделать окончательный выбор между нею и Ренатой.

В течение нескольких минут Дин глядел в темное июньское небо. Его взгляд остановился на безымянной звезде, тускло мерцавшей на огромном небосклоне. «Эта звезда погасла много тысяч лет назад, но свет ее до сих пор виден нам, – пронеслось в затуманенном сознании Дина. – Будет ли светить моя звезда, после того как меня не станет?»

Через секунду вода озера поглотила Дина с головой. И ничто в тот миг не нарушило покоя прибрежных мест – ни один звук не известил мир о том, что секунду назад здесь произошла трагедия.

Эпилог

Дина хватились только через сутки. Продюсер Геррет Лист стал разыскивать его, чтобы обговорить новые подробности запуска фильма «Опасная близость», и был крайне удивлен, когда ему сообщили, что Дин уже сутки находится у него. «Я его не видел три дня», – заявил обескураженный Лист. А когда то же самое заявили и другие друзья Дина, стало ясно, что случилось что-то неординарное. Нет, о гибели Дина речи еще не шло, но какая-то тревога уже поселилась в сердцах всех, кто его знал. Особенно в сердце Эбергарта Фенша, который хорошо помнил попытку суицида Дина несколькими днями ранее.

14 июня к делу поисков Дина была подключена уголовная полиция ГДР и «Штази» (расследованием руководили начальник отдела XX «Штази» генерал-лейтенант Пауль Кинберг и сын президента Народной палаты ГДР Томас Зиндерманн, бывший в ту пору начальником уголовной полиции). Тут же были наведены справки о том, кто выезжал из страны в последних два дня, но имени Дина Рида среди этих людей не было. Он не появлялся ни в аэропорту, ни на одном из вокзалов, ни на пропускном пункте «Чарли» (пограничный пункт для пересечения границы с Западным Берлином).

В тот день 14-го Дин должен был отправиться в Западный Берлин, где ему предстояла встреча с английским журналистом Расселом Миллером. Тот приехал к месту встречи с женой, однако Дина там не застал. Тогда он позвонил домой Дину, но трубку взяла Рената Блюме, которая заявила, что Дин… находится в больнице с воспалением легких.

Тем временем стражи порядка продолжали поиски Дина. Они взялись прочесывать местность вокруг его дома в Раухфангсвердере. И спустя несколько часов их поджидала удача. В трех километрах от дома Дина, в лесном массиве неподалеку от автобана, они обнаружили автомобиль «Лада», принадлежавший Дину. Но он был пуст. Однако в салоне полицейских ждало страшное открытие: прощальное письмо Дина. Вот тут многое стало понятно, и стражи порядка принялись осматривать местность вокруг (при помощи собак), а потом и озеро Цейтенерзее. Для этой цели были использованы лодки. И утром **17 июня** (в 8.30) в нескольких сотнях метров от места, где была обнаружена «Лада», было найдено тело Дина.

В тот же день судебные медики, профессоры медицины Отто Прокоп и Радам, произвели вскрытие тела и установили, что Дин Рид погиб от естественных причин: утонул, приняв большую дозу

снотворного лекарства родедорм. А чуть раньше этого о самоубийстве Дина было доложено руководителю ГДР Эриху Хонеккеру. Сделал это Эбергарт Фенш, на имя которого и было оформлено прощальное послание Дина. Прочитав его, Хонеккер какое-то время пребывал в тяжелых раздумьях, после чего произнес:

– Мы не можем показывать это письмо вдове Дина. Чего доброго, и она тоже наложит на себя руки.

– Но как тогда объяснить его смерть? – спросил Фенш.

Хонеккер некоторое время подумал, после чего произнес:

– Говорить о самоубийстве ни в коем случае нельзя. Ведь Дин был не простым человеком, а известным общественным деятелем. Люди, чего доброго, подумают, что это мы довели его до гибели. Поэтому спрячьте письмо подальше, а смерть Дина объясните несчастным случаем.

Так и сделали: письмо исчезло в недрах Министерства внутренних дел, а гибель Дина Рида объяснили следующим образом: дескать, он ехал ночью на большой скорости на автомобиле (кстати, он и в самом деле любил гонять на своей «Ладе»), не справился с управлением и врезался в дерево. Удар был настолько силен, что Дин выбил лобовое стекло, упал в озеро и захлебнулся.

Как и следовало ожидать, большинство населения ГДР не поверило в эту версию. Дин Рид был слишком видной фигурой, к тому же тесно связанной с политикой, чтобы люди так легко поверили в то, что его смерть – всего лишь трагическая случайность. В итоге уже в первые же дни в ГДР стали распространяться самые различные версии этой гибели. Однако суть этих разных версий сводилась к одному: что Дин Рид разочаровался в социализме, хотел сбежать, а агенты «Штази» не позволили ему этого сделать. Эту версию также активно отстаивали и западные масс-медиа, которым именно такой вариант был наиболее удобен. Их газеты и радиоголоса неустанно твердили одно и то же: Дина убила «Штази». И аргументы приводили вполне правдоподобные.

Отмечалось, что с тех пор как Дин Рид уехал из Америки и перебрался жить в ГДР, он стал настоящей находкой для органов пропаганды социалистических стран. На его примере людям из соцлагеря в течение двух десятилетий показывали, что «свободный мир» не так заманчив и красив, как его расписывают западные идеологи, если из него бегут такие люди, как Дин Рид. И вдруг в середине 80-х, когда под руководством КПСС соцлагерь предпринял попытку придать социализму более человеческое лицо, один из самых известных пропагандистов этого строя

решился на возвращение на родину. Это, во-первых, больно било по имиджу социализма, а во-вторых, таило в себе определенную опасность, в случае если Дин Рид захотел бы рассказать всю правду о своих годах пребывания в ГДР (а ведь он одно время был на короткой ноге с самим Хонеккером и другими членами восточногерманского Политбюро). А дать гарантию, что он будет молчать, никто не мог. Поэтому, видимо, и было принято решение о его физическом устранении.

Тот самый журналист, который безрезультатно пытался взять интервью у Дина Рида в Западном Берлине – Рассел Миллер, – по горячим следам опубликовал в газете «Санди таймс» статью с весьма характерным названием: «Убийство в Берлине отступника, который изменил свою линию…» В ней он писал:

«Одним из немногочисленных друзей в его родной стране была Дикси Ллойд, женщина-бизнесмен из Денвера, в свое время работавшая менеджером у Дина Рида. Она не верит ни в самоубийство, ни в несчастный случай. Она убеждена, что его убили, потому что он открыто говорил о желании вернуться в США после 14-летнего пребывания на Востоке…»

Чтобы у западного обывателя не было никаких сомнений в убийстве Дина Рида, ему поведали о наемных киллерах, которые якобы долгие годы существовали в структуре «Штази». Утверждалось, что с конца 50-х годов в недрах восточногерманской разведки действовал «убойный» отдел из 623 отлично подготовленных агентов, которые убивали по приказу германского Политбюро неугодных коммунистическому режиму людей, причем не только в ГДР, но и на территориях других государств.

Естественно, едва версия об убийстве Дина Рида стала распространяться по стране со скоростью пожара, официальные власти бросились ее опровергать. Сначала в прессе выступила вдова погибшего Рената Блюме. Она заявила: «Любые предположения о том, что моего мужа убили, – самая отвратительная клевета. Такие домыслы лишь оскорбляют память о Дине, причиняют боль мне и нашему сыну.

Мой муж утонул. Его нашли в озере мертвым. В последнее время у Дина резко ухудшилось здоровье: у него было больное сердце и легкие.

Что касается предположений о том, что он хотел вернуться в США, – и это абсолютная ложь. Ничего подобного Дин Рид делать не собирался. Он жил мыслью о новом фильме…»

Однако западная сторона продолжала гнуть свою линию: Дина убила «Штази». Вскоре в хор этих голосов вплели свои голоса и американские родственники Дина.

17 июня бывшей жене Дина Патрисии позвонили в США и сообщили о том, что он покончил с собой, утопившись в озере. «Я была в ужасе, – вспоминала позднее Патрисия. – Я слишком хорошо его знала – ему были чужды мысли о самоубийстве». (Отметим, что Патрисия хорошо знала Дина только 8 лет (с **1964 по 1971 год)**, когда была его женой. Потом они виделись крайне редко, разделенные огромным расстоянием. – *Ф. Р.*)

Сразу после этого сообщения, созвонившись с матерью Дина Рутой Браун, Патрисия принимает решение вместе с нею и дочерью Рамоной вылететь в ГДР.

Когда они прибыли в ГДР, то сразу попросили отвезти их на место, где произошла трагедия. Эту просьбу выполнила Рената Блюме.

Р. Браун вспоминает: «Они сказали, что он ехал очень быстро, и действительно, он всегда ездил быстро, но ему нужно было очень сильно постараться, чтобы попасть в это злосчастное дерево».

Поскольку сомнения в подлинности официальной версии после посещения места трагедии у гостей из Америки продолжали иметь место, они потребовали показать им труп Дина. Но власти отказались это сделать. При этом рассказывали, что он сильно пострадал, что его лицо буквально изъедено рыбами. Но Патрисия и мать Дина упорно настаивали на своем. В конце концов, после трех дней настоятельных просьб, их отвезли в морг. Об этом посещении Патрисия вспоминает следующее:

«В затемненной комнате, через стекло, на расстоянии нескольких метров нам продемонстрировали труп. Когда занавеску отодвинули, я увидела лицо Дина. Это был он, вне всякого сомнения. Я заметила под горлом темный шрам и синяк на лбу. Он не был раздут и не выглядел как утопленник».

24 июня состоялась кремация Дина Рида в одном из крематориев Восточного Берлина (Баумшуленвег). На церемонии присутствовали только близкие родственники покойного и сотрудник «Штази». Когда прощание близилось к завершению, один из его участников – режиссер Уилл Робертс – попросил присутствующих… поаплодировать. «Как каждый артист, Дин любил аплодисменты», – объяснил он свою просьбу.

30 июня прошла траурная церемония в Гонолулу, организованная матерью Дина. **31 июня** состоялись похороны праха Дина в Раухфангсвердере, где он прожил последние годы своей жизни.

Между тем советские средства массовой информации довольно скупо откликнулись на смерть Дина Рида: две относительно большие статьи в «Литературной газете» и

«Советском экране» и несколько коротких некрологов в остальных. После чего имя Дина Рида надолго (на 7 лет) исчезло из советских СМИ. И это, на первый взгляд, было очень странно, поскольку Дина Рида в СССР знали практически все – он ездил сюда на протяжении 21 года. Более того, власти запретили кому-либо из советских друзей Дина отправиться на его похороны. Однако теперь, по прошествии времени, стало понятно, почему Горбачев и его команда наложили табу на имя Дина Рида. В свете взятого советскими властями курса на сближение с Западом американский борец за мир оказался нежелательным персонажем.

О Дине Риде у нас опять вспомнили в начале 90-х, когда Советского Союза уже не существовало. Однако и эти воспоминания были окрашены в одни тона: антисоветские. В российских СМИ активно пропагандировалась одна версия его ухода из жизни – западная: что он разочаровался в социализме, хотел сбежать на родину, а агенты «Штази» его убили. Когда в **сентябре 1990 года** в Германии (ГДР тогда уже почила в бозе) были опубликованы выдержки из прощального письма Дина, где он писал: «Моя смерть не должна связываться с политикой», российские издания тоже известили своих граждан об этом письме, но суть его извратили. Рассказав о том, что у Дина возникли проблемы в семье, они присовокупили к этому следующую ремарку: «Моральную травму усугубило разочарование в социализме». Хотя из текста письма следовало диаметрально противоположное.

Как и некогда западные издания, российские СМИ вволю поупражнялись в том, чтобы навесить всех собак в этом деле на «Штази» (вообще демонизация КГБ и других социалистических спецслужб было любимым коньком российской «демократической» прессы тех лет). Но самое удивительное, что эта ситуация длится до сих пор: фильм про Дина Рида, показанный по российскому ТВ в **2005 году**, из этого же ряда – прозападный.

Каюсь, я сам какое-то время был в плену у этой версии. Но когда взялся подробно, день за днем, восстанавливать хронику жизни Дина Рида, пришел к окончательному выводу, что его смерть – не убийство, а добровольный уход из жизни. И не был Дин Рид «болванчиком» (как сказано в упомянутом фильме о нем), поверившим в социализм и обманутым им. Обманула его не система, а конкретные люди, которые хоть и были коммунистами, но, как выяснилось, никакого отношения к подлинному коммунизму не имели. Это типичные перерожденцы и циники, для которых такие романтики, каким был Дин Рид (или тот же Че Гевара), всегда были как кость в горле.

К сожалению, таких перерожденцев в наше время стало слишком много. Отсюда и большинство бед сегодняшней России, которую буквально поразил вирус пораженчества. А ведь есть в истории и другие примеры. Взять те же США, где точно такие же пораженческие настроения царили в **1973–1980 годах**, когда «либеральные» СМИ вволю потоптались на своих силовых ведомствах (ЦРУ, ФБР, Пентагоне), однако потом к власти пришел Рональд Рейган и быстро заткнул рот «пораженцам». И победа в итоге осталась за ним: он оставил сильную Америку, а своего главного врага, Советский Союз, заставил капитулировать.

P. S

В 1987 году в Потсдаме одна из только что построенных политехнических средних школ была названа именем Дина Рида. На открытии присутствовали мама Дина Рут Анна и его вдова Рената Блюме.

После падения Берлинской стены в 1989 году мама Дина Рида стала добиваться от властей Германии разрешения перезахоронить прах своего сына на родине. Такое разрешение было получено в конце 1991 года. И теперь прах «американского бунтаря», «красного ковбоя» Дина Рида покоится на кладбище Зеленая Монтана в Боулдере (США). После этого мама Дина Рут Анна Браун прожила еще девять лет – она скончалась в 2000 году в возрасте 86 лет.

Оба брата Дина, Дэйл (1935) и Вернон (1940), по-прежнему проживают в США. Там же живут и другие близкие Дину люди: первая жена Патрисия и дочь Рамона.

Вторая жена Дина Вибке Дорнбах и их дочь Наташа живут в Германии.

Там же живет и последняя жена Дина Рената Блюме: она обитает в том же доме в Раухфангсвердере, где в последние годы жил и Дин, и по-прежнему играет в театре (мюнхенское концертное агентство подыскивает для нее роли в спектаклях по всей Германии). С нею живет и ее сын от первого брака Александр Рид (Дин усыновил его в 1981 году).

Эбергарт Фенш теперь пенсионер. С 1990 года Рената Блюме прервала с ним всяческие отношения, обвинив его в спекуляции именем своего мужа (именно Фенш обнародовал посмертное письмо Дина, где тот нелестно отзывался о Ренате).

Бывшая возлюбленная Дина эстонская актриса Эве Киви живет в Таллине и продолжает верить в то, что ее любимого убили коммунисты. В интервью журналу «Караван историй» в **2002 году** она заявила: «Я думаю, что Дина вначале отравили, а потом кинули в воду. Незадолго до его гибели я оказалась в гостях у известного экстрасенса, к которому ходили многие знаменитости. Когда мы остались одни, я достала из сумки фотографию Рида. Он взглянул на нее и побледнел: „Убери! Мне страшно. И не спрашивай ничего, тебе не надо об этом знать…“

Трагичнее всего сложилась судьба у последней любви Дина – московской танцовщицы Рады, которая повторила судьбу своего возлюбленного. Когда весть о смерти Дина дошла до Москвы, девушка тоже попыталась покончить с собой. Врачам тогда удалось ее спасти. Однако слов благодарности от нее они не

услышали. Жить Рада все равно не хотела и, выписываясь из больницы, обещала, что повторит попытку. Говорят, в свой последний день она обзвонила нескольких друзей и с каждым из них простилась. Один из них догадался о причине этого звонка и попытался отговорить девушку от рокового шага. Но она в ответ… повесила трубку. После этого девушка ушла из дома, прихватив с собой целую упаковку сильнодействующего лекарства. Ее тело нашли на следующий день за городом. А на столе вместо предсмертной записки осталось лежать последнее прижизненное письмо Дина Рида, адресованное ей.

Годы жизни Дина Рида

1938

22 сентября – родился в городе Денвере, в штате Колорадо (США).

1948

Поступает в кадетское училище. Проучился в нем один год.

1949

Отец покупает Дину лошадь Блонди за 150 долларов.

1950

22 сентября – в день рождения Дина отец дарит сыну гитару.

1954

В честь любимой девушки Дин пишет свою первую песню под названием «Don't let her go» («Не разрешай ей уходить»).

1956

Июль – Дин ставит рекорд в марафоне, пробежав 110 миль.

6 августа – статья в «Ньюсуик» про рекорд Дина.

Дин поступает в Колорадский университет на факультет метеорологии.

1958

Август – на летние каникулы Дин едет в Голливуд и заключает контракт со звукозаписывающей компанией «Кэпитол Рекордз» (Лос-Анджелес).

1959

Февраль – песня «Search» («Память») в исполнении Дина Рида занимает 96-е место в списке «Hot 100 charts» хит-парада журнала «Биллборд».

С песней «Twirly twirly» Дин Рид выступает на ТВ в «Bachelor Fater Show».

Дин Рид поступает в актерскую школу кинокомпании «Уорнер Бразерс» под руководством Патона Прайса.

4 октября – песня Дина Рида «Our summer romance» («Наш летний романс») занимает 2-е место в списке «Top 50».

1960

Дин Рид живет в Нью-Йорке.

1961

9 марта – Дин Рид уезжает из Нью-Йорка.

Март – от «Кэпитол Рекордз» Дин Рид едет в свое первое турне – в Латинскую Америку (Чили, Бразилия, Перу, Аргентина). В Чили он знакомится с будущим президентом страны Сальвадором Альенде.

Декабрь – песня «Наш летний романс» занимает 1-е место в латиноамериканском хит-параде.

1962

Начало года – Дин Рид отправляется в путешествие (несколько месяцев) к индейцам Бразильской Амазонки.

Май – Дин Рид пишет письмо в известную чилийскую газету против испытаний США ядерного оружия.

22 мая – статья про Дина Рида в «Лос-Анджелес таймс».

9 июня – знакомится на чемпионате мира по футболу (в Чили) с Львом Яшиным.

11 июня – присутствует на матче Чили – СССР.

1964

Дин Рид снимается в фильме «Гвадалахара летом». На фестивале в Акапулько (Мексика) фильм завоевывает два приза.

В Мексике Дин Рид женится на голливудской киноактрисе Патрисии (Пэтси) Хоббс.

Дин Рид выступает на аргентинском ТВ в шоу «Todo es amor».

Вышел фильм «Первая любовь» (Аргентина) с участием Дина Рида.

1965

Дин Рид каждую субботу ведет на аргентинском ТВ собственное шоу.

10—15 июля – в составе аргентинской делегации Дин Рид едет в Хельсинки на Всемирный конгресс мира. После форума посещает Москву.

6 августа – Дин Рид в США участвует в Марше мира на Вашингтон.

Август – Дин Рид участвует в качестве гостя на празднествах в честь 15-летия независимости Аргентины.

Вышел фильм «Новая волна» (Аргентина) с участием Дина Рида.

1966

Февраль – Дин Рид в Каракасе (Венесуэла) пишет

стихотворение «Без войн планета не живет».

Март – в доме Дина Рида в Буэнос-Айресе одну ночь проводит Че Гевара.

13—16 июня – Дин Рид участвует в сессии Всемирного совета мира в Женеве.

Конец июня – Дин Рид покидает Аргентину и переезжает в Испанию.

1 октября – 30 ноября – Дин Рид в СССР: 3–5, 7–9 октября – концерты в ГТЭ; 8 октября – пресс-конференция в Советском комитете защиты мира; 11–15 октября – концерты в Ленинграде; 17–21 октября – концерты в Ереване; 24–28 октября – концерты в Тбилиси; 30 октября – 1 ноября – концерты в Баку; 5 ноября – выступление в Театре на Таганке в Москве; 12–13 ноября – концерты в Ростове-на-Дону, 15–18 ноября – концерты в Кисловодске, 20–23 ноября – концерты в Риге; 27–29 ноября – концерты в Театре эстрады в Москве.

Патрисия лежит в «Кремлевке» и там теряет ребенка.

Декабрь – Дин Рид попадает в Испании в «черные списки» и вместе с Патрисией переезжает в Италию.

1967

Весна – Дин Рид и Патрисия расстаются: Дин остается жить в Италии, а она уезжает в США, где собирается выйти замуж за футболиста из Техаса. Но Дин забирает ее обратно в Рим.

Июль – август – Дин снимается в первом своем «спагетти-вестерне» «Буккаро» (Италия – Испания).

Август – Патрисия забеременела.

Сентябрь – Дин Рид в Риме пишет стихотворение «Мы – революционеры», посвященное 50-летию Октября.

28 октября – премьера в Италии фильма «Буккаро» с участием Дина Рида.

1968

Январь – март – Дин снимается в «спагетти-вестерне» «Бог их породил, я их убью» (Италия – Испания).

29 апреля – премьера в Италии фильма «Бог их породил, я их убью».

Апрель – июнь – Дин снимается в фильме «Племянники Зорро» (Италия – Испания).

2 мая – у Дина и Патрисии родилась дочь Рамона.

4 мая – Дин Рид пишет письмо дочери Рамоне.

5 мая – Дин Рид в Риме пишет стихотворение «О моя бедная родина!».

Лето – Дин Рид посещает Монголию.

16 октября – Дин Рид пишет стихотворение «Вам!».

Вышел фильм «Племянники Зорро» (Италия – Испания) с участием Дина Рида.

1969

Осень – Дин Рид участвует в демонстрации протеста против войны во Вьетнаме перед американским посольством. Арест на несколько часов.

Вышли фильмы «Банда трех хризантем» (Италия – Испания), «Смерть стучится дважды» (Италия – ФРГ) с участием Дина Рида.

1970

27—30 марта – Дин Рид участвует в конференции сторонников мира в Стокгольме.

2—6 апреля – Дин Рид в Москве на пленуме Всемирного совета мира, созванном в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

В «Огоньке» (№ 18) опубликовано стихотворение Дина Рида «Чтобы ты знал».

28 августа – Дин Рид выстирал американский флаг перед посольством США в Сантьяго. Участвует в предвыборной кампании Сальвадора Альенде.

4 ноября – Дин Рид присутствует на инаугурации нового президента Чили Сальвадора Альенде.

Выходят фильмы с участием Дина Рида: «Саранда», «Пираты зеленого острова» (все – Италия – Испания).

1971

27 января – «Литературная газета» публикует открытое письмо Дина Рида Александру Солженицыну.

Январь – апрель – Дин Рид выступает с концертами в Чили в поддержку Альенде.

25 мая – в крупнейшей чилийской газете опубликовано прощальное письмо Дина Рида чилийскому народу.

3—18 июля – Дин Рид через Уругвай нелегально проникает в Аргентину. Его арестовывают и бросают в тюрьму «Вила Давото». После 16-дневного пребывания за решеткой Дина отпускают на свободу и высылают из страны.

20 июля – 3 августа – Дин Рид присутствует на Международном кинофестивале в Москве. Знакомство с эстонской киноактрисой Эве Киви.

10 августа – 30 сентября – Дин Рид дает концерты в восьми городах Советского Союза: Ленинграде (12–16 августа), Киеве (20–22 августа), Одессе (24–26 августа), Тбилиси (5—11

сентября), Новосибирске (13–19 сентября), Владивостоке, Москве (29–30 сентября) и др.

25—29 ноября – Дин Рид присутствует на Международном кинофестивале документального кино в Лейпциге. Знакомство с 30-летней преподавательницей и родственницей председателя СЕПГ Эриха Хонеккера Вибке Дорнбах.

23—31 декабря – Дин Рид в Москве.

Выходит фильм «Прощай, Сабата» (Италия – Испания) с участием Дина Рида.

1972

5 января – Дин Рид в Сан-Марино пишет стихотворение «Наша храбрая Анджела Дэвис».

12 – 28 февраля – Дин Рид в Москве, концерты в ГТЭ (12–13, 15–16 февраля), «Октябре» (18–19 февраля), ГЦКЗ «Россия» (24, 27–28 февраля).

Март – в журнале «Советский экран» (№ 5) опубликована статья Натальи Лагиной про Дина Рида «Певец и актер».

Июнь – июль – Дин Рид снимается в Испании в фильме «Битва титанов» (Италия – Испания).

22—26 августа – Дин Рид как гость присутствует на Международном фестивале эстрадной песни в Сопоте (Польша).

Сентябрь – октябрь – Дин Рид снимается в ГДР и Румынии в фильме киностудии «ДЕФА» «Из жизни одного бездельника» (Бездельник).

Режиссер Вернфрид Хюбель снимает фильм «Дин Рид – певец другой Америки».

Ноябрь – Дин Рид присутствует на Международном кинофестивале документального кино в Лейпциге в качестве почетного гостя.

9—10, 12–13, 15–16 декабря – Дин Рид выступает с концертами в Москве (Театр эстрады).

1973

24 февраля – Дин Рид принимает участие в фестивале солидарности «Чили—Вьетнам» в Уругвае. Там же выходит диск Дина Рида.

Дин Рид снимается в Испании в фильме «Кулак, фасоль и… карате» (Италия—Испания).

Конец мая – Дин Рид принимает участие в азиатском конгрессе миролюбивых сил в Дакке (Бангладеш).

Начало июня – Дин Рид посещает Панаму, Венесуэлу, США.

Июнь – на экраны ГДР выходит фильм «Из жизни одного бездельника».

28 июля – 6 августа – Дин Рид участвует в фестивале молодежи и студентов в Восточном Берлине.

31 июля – Дин Рид женится на Вибке. Бракосочетание состоялось в городе Дебельне (28 тысяч жителей).

Август – Дин Рид находится в Мексике и Чили.

25 августа – выступление по чилийскому ТВ.

27 августа – Дин Рид участвует в фестивале искусств в Монтевидео (Уругвай), устроенном газетой уругвайских коммунистов «Популар» (по приглашению 1-го секретаря ЦК КП Уругвая Роднея Арисменди).

25—31 октября – Дин Рид участвует в работе Всемирного конгресса мира в Москве.

Выступает в комиссии по Чили 28 октября.

1974

8—9 февраля – Дин Рид на БАМе.

Февраль – Дин Рид снимается в Чехословакии в фильме киностудии «ДЕФА» «Кит и К» по книге Джека Лондона «Смок Белью».

10—25 марта – Дин Рид в Карелии (Косалма под Петрозаводском) снимается в фильме «Кит и К».

Апрель – съемки в «Кит и К» в ГДР; гастроли по ГДР и ЧССР.

28—30 мая – Дин Рид в Париже на юбилейной сессии Всемирного совета мира.

Июль – Дин Рид выступает на фестивале песни и танца в Тюрингии (ГДР).

Август – октябрь – Дин Рид снимается в ГДР и Румынии в фильме киностудии «ДЕФА» «Братья по крови», где выступает в двух ипостасях: как автор сценария и исполнитель главной роли (Гармоника).

13 декабря – Дин Рид выступает в берлинском зале «Фридрихштадтпалас» в концерте в честь 25-летия пионерской организации имени Эрнста Тельмана.

19 декабря – премьера в ГДР фильма «Кит и К» с участием Дина Рида.

1975

Январь – Дин Рид снимается в ГДР и Румынии в фильме киностудии «ДЕФА» «Братья по крови» (Дин – автор сценария и исполнитель главной роли – Гармоника).

Март – апрель – Дин Рид выступает с гастролями в США, на Кубе, в Венгрии, ЧССР (в последней он дал 13 концертов, которые посетили 57,5 тысячи зрителей).

Май – Дин Рид проникает в пиночетовскую Чили и попадает

за решетку. По приговору суда ему дают 10 лет тюрьмы за призывы к свержению существующего строя.

После трехдневной голодовки Дина Рида отпускают и выдворяют из страны.

Июнь – на экраны ГДР выходит фильм «Братья по крови».

10—24 июля – Дин Рид в Москве на Международном кинофестивале.

23 сентября – в газете «Советская культура» опубликована поэма Дина Рида «Думаю о вас, скучаю о вас, люблю вас», где речь идет о его пребывании в чилийской тюрьме (перевод Евгения Долматовского).

Октябрь – Дин Рид встречается с матерью во время Всемирного конгресса женщин в Восточном Берлине.

Ноябрь – Дин Рид в 4-й раз гастролирует по СССР: 15–16 ноября дает концерты в Театре эстрады в Москве; 19–20 ноября – в Спортивном манеже в Риге; 22–23 ноября – в Доме спорта «Калев» в Таллине; 26–27 ноября – в Большом концертном зале «Октябрьский» в Ленинграде (в Ленинграде участвует во Всемирной конференции представителей национальных движений за мир 24–25 ноября); 29–30 ноября – в московском Театре эстрады (все концерты в сопровождении оркестра Дитера Джулика).

3 декабря – Дин Рид дает концерт в Москве в честь борющегося народа Чили.

1976

Январь – март – Дин Рид записывает на студии «Супрафон» (Чехословакия) диск «Dean Reed a jeho svet».

22 марта – Дин Рид посещает один из детских домов в ГДР.

17 мая – у Дина и Вибке родилась дочь Наташа.

Лето – Дин Рид посещает США, где гостит у своей бывшей жены Патрисии.

29 ноября – Дин Рид участвует в Международном фестивале документального кино в Лейпциге.

1977

Февраль – начались съемки фильма «Эль Кантор» («Певец»). Дин Рид выступает как автор сценария, режиссер и исполнитель главной роли (чилийский певец Виктор Лебен).

15 июня – Дин Рид в Испании, на первых демократических выборах в этой стране.

Июль – август – съемки фильма «Эль Кантор» («Певец»).

Сентябрь – Дин Рид записывает в Праге, на студии «Супрафон», диск «Моя песня для тебя».

Сентябрь – октябрь – Дин Рид находится в Южном Ливане, на базе партизан Организации Освобождения Палестины (ООП).

Ноябрь – развод Дина Рида и Вибке.

22 декабря – в Восточном Берлине, в кинотеатре «Космос», состоялась премьера фильма «Эль Кантор» («Певец»).

1978

9 января – Дин Рид в Москве, где его награждают медалью Советского комитета защиты мира «Борцу за мир».

11 января – Дин Рид посещает редакцию газеты «Комсомольская правда».

6 апреля – Дин Рид выступает на 80-летии Академии искусств ГДР.

25—28 апреля – Дин Рид в Москве на XVIII съезде ВЛКСМ.

Май – Дин Рид присутствует на кинофестивале в Карловых Варах (ЧССР) с фильмом «Эль Кантор» («Певец»). Вместе с актером и другом Вацлавом Некаром Дин присутствует на слете молодежи в городе Кралове.

Июнь – Дин Рид участвует в фестивале прессы в Восточном Берлине.

29 июля – 7 августа – Дин Рид в Гаване на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов.

28 октября – Дин Рид в США. Показ фильма «Эль Кантор» («Певец») студентам Университета в Миннеаполисе (штат Миннесота).

29 октября – арест Дина Рида за участие в демонстрации фермеров в городе Делано (штат Миннесота).

30 октября – Дин Рид и 19 арестованных вместе с ним фермеров объявляют голодовку.

11 ноября – в советских газетах опубликовано открытое письмо президенту США Д. Картеру с просьбой отпустить певца на свободу. Под этой петицией стоят подписи именитых людей: Майи Плисецкой, Максима Шостаковича, Игоря Ойстраха, Юрия Темирканова, Евгения Нестеренко.

13 ноября – Дин Рид предстает перед судом присяжных в округе Райт (штат Миннесота) и признается невиновным.

19 ноября – Дин Рид возвращается в ГДР.

21 ноября – Дин Рид участвует в митинге в школе имени Вильгельма Пика в Богензее (ГДР).

26 ноября – Дин Рид участвует в Дне солидарности в «Палас дер Республик» в Восточном Берлине.

29 ноября – Дин Рид участвует в Международном фестивале документального кино в Лейпциге.

Декабрь – концертное турне Дина Рида по 20 городам ГДР.

16 декабря – Дин Рид выступает в одной из телепередач восточногерманского ТВ.

31 декабря – Дин Рид в Москве.

1979

8—12 января – Дин Рид в Москве: участвует в новогодней елке в Кремле; 9 января – дает концерт во Дворце пионеров на Ленинских горах; 12 января – выступает в кинотеатре «Энтузиаст».

Январь – Дин Рид выступает с концертом в городе Хетсштадте (ГДР). Работает над сценарием очередного фильма – «Ковбои» («Пой, ковбой, пой»).

2—5 февраля – Дин Рид участвует в сессии Всемирного совета мира в Восточном Берлине.

Февраль – Дин Рид снимает на восточногерманском ТВ передачу «Человек из Колорадо» с участием своего друга Фила Эверли. Съемки в Карл-Маркс-Штадте.

28 февраля – Дин Рид выступает в восточноберлинском кинотеатре «Вавилон».

Март – Дин Рид выступает в 15-й средней школе в Шмоквице (Восточный Берлин).

10—18 марта – Дин Рид выступает в ревю «Алекс Буммель» в «Палас дер Републик» в Восточном Берлине.

19 марта – Дин Рид начинает большое концертное турне по 58 городам ГДР.

Апрель – концертное турне Дина Рида по Чехословакии.

21 мая – Дин Рид дает концерт на митинге солидарности с Чили на «Непштадионе» в Будапеште (Венгрия) в присутствии 70 тысяч зрителей.

1 июня – Дин Рид выступает на молодежном фестивале в Восточном Берлине.

2 июня – Дин Рид выступает на Александр-плац и в Культурпарке на детском фестивале.

3 июня – Дин Рид выступает в телевизионной передаче на восточногерманском ТВ.

20 июня – Дин Рид выступает на Берлинском радио.

Июль – Дин Рид на одном из рыбацких островов в Северном море работает над сценарием «Ковбои» («Пой, ковбой, пой»).

1—3 августа – Дин Рид в Москве, репетирует с ВИА «Верасы» концертную программу для турне по БАМу.

4—6 августа – Дин Рид в Иркутске, концерт во Дворце спорта.

7 августа – Дин Рид дает концерт на интернациональной стройке СЭВ – Усть-Илимского ЛПК.

8—20 августа – поездка по БАМу. Концерты проходят прямо в

тайге, на импровизированных площадках (однажды Дин поет даже на крыше поезда).

21 августа – Дин Рид дает пресс-конференцию в Комитете молодежных организаций в Москве, где рассказывает о своих гастролях на БАМе.

22—28 августа – Дин Рид участвует в Московском международном кинофестивале.

2—3 сентября – Дин Рид в Вене участвует в празднике газеты австрийских коммунистов «Фольксштимме».

7 сентября – Дин Рид принимает участие в репетиции телевизионной передачи «Кессель бунтес» («Пестрый котел») в зале «Фридрихштадтпалас» в Восточном Берлине.

8 сентября – концерт «Кессель бунтес» (29 сентября – показ по ТВ).

Сентябрь – октябрь – Дин Рид гастролирует по ГДР (концерты в 26 городах).

21—30 октября – концертное турне Дина Рида по Чехословакии.

29 октября – решение ЦК ВЛКСМ о вручении Дину Риду премии Ленинского комсомола за песни, посвященные антиимпериалистической солидарности, миру и дружбе народов.

30 октября – концерт Дина Рида в пражском зале «Люцерна».

3—5 ноября – Дин Рид в Москве, где ему вручается премия Ленинского комсомола.

15 декабря – Дин Рид участвует в митинге солидарности с народом Кампучии в средней школе в восточноберлинском микрорайоне Митте.

27 декабря – Дин Рид дает концерт в городе Котбусе (ГДР).

1980

Март – апрель – Дин Рид записывает в Праге, на студии «Супрафон», диск «Рок-н-ролл, кантри и романтика».

24—26 мая – Дин Рид принимает участие в митинге дружбы молодежи ГДР и СССР в городе Карл-Маркс-Штадте (ГДР).

Июнь – июль – Дин Рид снимается в Румынии в фильме «Пой, ковбой, пой».

1981

11 февраля – Дин Рид принимает участие в фестивале политической песни в Восточном Берлине.

4 марта – Дин Рид принимает участие в концерте в восточноберлинском зале «Космос».

14 марта – Дин Рид выступает в концерте «Пестрый котел» в «Палас дер Республик» в Восточном Берлине.

15 марта – Дин Рид принимает участие в радиопередаче.

17 марта – Дин Рид выступает в студенческом клубе.

21—22 марта – Дин Рид выступает в «Палас дер Республик».

Апрель – Дин Рид участвует в концерте «Дайте миру шанс» в крупнейшем концертном зале Восточного Берлина «Конгрессхолле».

19 апреля – Дин Рид дает концерт в восточноберлинском кинотеатре «Вавилон».

Апрель – май – гастрольное турне Дина Рида по СССР: Минск (18–20 апреля), Киев (23–26 апреля, Дворец культуры «Украина»), Ленинград (28 апреля – 1 мая), Москва (7 мая в ГЦКЗ «Россия»).

7 июня – Дин Рид дает концерт на стадионе в Лейпциге.

12 июня – во время «Летних дней кино» в ГДР состоялась премьера фильма «Пой, ковбой, пой».

18 июня – премьера фильма «Пой, ковбой, пой» в восточноберлинском кинотеатре «Космос».

7—21 июля – Дин Рид и Рената Блюме участвуют в Московском международном кинофестивале с фильмом «Пой, ковбой, пой».

16 августа – Дин Рид дает концерт в зале «Палас дер Республик» в Восточном Берлине.

25—30 августа – концерты Дина Рида «Пой, Дин, пой» в «Палас дер Республик».

28 августа – Дин Рид принимает участие в митинге журналистов на Александр-плац в Восточном Берлине.

Сентябрь – Дин Рид записывает в Праге, на студии «Супрафон», диск «Дин Рид – кантри».

22 сентября – в день своего 43-летия Дин Рид женится на Ренате Блюме (ЗАГС в восточноберлинском районе Копеник).

13 ноября – Дин Рид дает концерт в городе Хольтхаузене (ГДР).

14 ноября – Дин Рид дает концерт в одной из средних школ Хольтхаузена.

26 ноября – Дин Рид дает концерт в «Штадтхалле» в городе Котбусе (ГДР).

29 ноября – Дин Рид участвует в концерте солидарности в «Палас дер Республик» в Восточном Берлине.

1982

Март – Дин Рид в Москве, концерты в Театре эстрады 3–5, 7–9, 11–12, 14—15-го в сопровождении ансамбля «Эвергин юниорс» (ГДР).

Март – Дин Рид встречается в Берлине с Ясиром Арафатом, который находится в ГДР с официальным визитом.

19 апреля – Дин Рид выступает в малом зале «Штадтхалле» в Карл-Маркс-Штадте (ГДР).

Май – июнь – Дин Рид участвует в турне по ГДР.

13 июня – Дин Рид дает концерт в Восточном Берлине.

19 июня – Дин Рид выступает на празднествах, посвященных 1000-летию города Мейнингена (ГДР).

29 августа – Дин Рид выступает на мирной манифестации на площади Ленина в Восточном Берлине.

7 октября – Дин Рид дает интервью восточноберлинскому радио.

29 октября – в США скончался отец Дина Рида 79-летний Сирил Рид.

29 ноября – Дин Рид выступает в берлинском цирке.

1983

Январь – в СССР в прокат выходит фильм «Пой, ковбой, пой».

Дин Рид во второй раз посещает Ливан.

21—22 мая – Дин Рид выступает на митинге молодежи в Потсдаме (ГДР).

7 июня – Дин Рид дает концерт в Восточном Берлине.

13 июня – Дин Рид в Греции участвует в «Концерте мира» в Пиреях.

8—9 июля – Дин Рид участвует в репетициях телепередачи «Пестрый котел» в «Палас дер Републик». Мать Дина Рут Анна присутствует на записи в качестве гостьи.

15 августа – Дин Рид и кинорежиссер Уилл Робертс выезжают в Сантьяго (Чили).

18 августа – Дин Рид дает концерт для шахтеров рудника Эль-Теньенте.

19 августа – Дин Рид дает концерт в Университете Сантьяго для 2000 студентов. Утром следующего дня Дина высылают из страны.

25 августа – Дин Рид в Москве дает пресс-конференцию в Советском комитете защиты мира о своей поездке в Чили.

27 августа – Дин Рид возвращается в ГДР.

3—4 сентября – Дин Рид в Вене участвует в празднике газеты австрийских коммунистов «Фольксштимме». По возвращении в ГДР он завершает работу над сценарием «Вундед-Ни» («Окровавленное сердце», или «Опасная близость»).

19 ноября – Дин Рид участвует в Международном фестивале документального кино в Лейпциге.

27 ноября – Дин Рид выступает в концерте политической песни в «Палас дер Републик» в Восточном Берлине.

28 декабря – Дин Рид в Москве выступает на фестивале

политической песни памяти Виктора Хары.

1984

Февраль – Дин Рид участвует в ежегодном фестивале политической песни в Восточном Берлине.

19 апреля – показ в ГДР телепередачи «Человек из Колорадо».

28 апреля – 2 мая – Дин Рид в Никарагуа на Всемирном конгрессе мира.

1 мая – Дин Рид участвует в первомайской демонстрации.

2 мая – Дин Рид выступает перед посольством США.

19 мая – показ в ГДР телепередачи «Человек из Колорадо».

18—20 мая – Дин Рид в Москве выступает в концертной программе «Проспект Мира встречает друзей» в спорткомплексе «Олимпийский» в рамках II Международного музыкального фестиваля.

26 мая – концерт Дина Рида в Эрфурте (ГДР) в рамках гастрольного тура по ГДР.

9—10 июня – Дин Рид принимает участие в молодежном фестивале в Восточном Берлине.

31 августа – Дин Рид выступает на митинге журналистов на Александр-плац в Восточном Берлине. В тот же день он уезжает в Потсдам, где выступает на Вебер-плац.

8 сентября – Дин Рид выступает в «Пестром котле» в зале «Фридрихштадтпалас» в Восточном Берлине.

Сентябрь – Дин Рид приезжает в Аргентину по приглашению Совета мира Аргентины. В этой стране он не был 18 лет.

27 октября – Дин Рид в Уругвае участвует в митинге протеста против диктатуры.

18 ноября – Дин Рид участвует в концерте солидарности в «Палас дер Републик» в Восточном Берлине.

24 ноября – Дин Рид участвует в записи телепередачи «Сильвестр-ревю» в Лейпциге (ГДР).

29 ноября – Дин Рид на Международном фестивале документального кино в Лейпциге.

2 декабря – Дин Рид участвует в митинге солидарности в Восточном Берлине.

27—28 декабря – Дин Рид в Москве участвует в записи телепередачи «Салют, фестиваль!».

1985

11 января – Дин Рид на репетиции молодежной телепередачи «Вокруг» во Франкфурте-на-Одере (ГДР).

12 января – Дин Рид участвует в телепередаче «Вокруг» во Франкфурте-на-Одере.

8 июня – Дин Рид участвует в телепередаче в Карл-Маркс-Штадте (ГДР).

9 июня – Дин Рид выступает в городе Доберне (ГДР).

Июль – Дин Рид в СССР выбирает натуру в Ялте для фильма «Окровавленное сердце» («Опасная близость»).

27 июля – 3 августа – Дин Рид в Москве на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов.

30 августа – Дин Рид выступает на митинге журналистов на Александр-плац в Восточном Берлине.

22 сентября – свой последний в жизни день рождения Дин отмечает в Москве в компании своих друзей. Там же проходят переговоры по поводу нового фильма Дина – «Опасная близость» («Окровавленное сердце»).

16 октября – вместе с режиссером Уиллом Робертсом Дин Рид приезжает в свой родной город Денвер (США). Они привозят на Международный кинофестиваль документальный фильм «Американский бунтарь» (про Дина Рида).

17 октября – Дин Рид дает интервью радиоведущему Петеру Бойлу. В тот же день состоялся показ фильма «Американский бунтарь» в Тиволи-центре в Денвере.

1 декабря – Дин Рид выступает в концерте в «Палас дер Республик» в Восточном Берлине.

1986

Январь – Дин Рид участвует в записи диска «Дин Рид» в Праге.

10 февраля – Дин Рид приезжает в Москву, чтобы дать интервью американской телевизионной передаче «60 минут» телекомпании Эй-би-си.

2 марта – Дин Рид выступает в «Днях искусства» в «Палас дер Республик» в Восточном Берлине.

Март – Дин Рид присутствует на Лейпцигской книжной ярмарке, где среди других книг есть и его биография (2-е издание с 1980 года).

20 апреля – в США выходит телевизионная передача «60 минут» телекомпании Эй-би-си, в которой показывают интервью Дина Рида.

6—7 мая – Дин Рид в Лейпциге репетирует очередной выпуск телевизионного кантри-шоу «Человек из Колорадо».

8 мая – запись передачи «Человек из Колорадо».

Дин Рид отдыхает в Карловых Варах (ЧССР). Вместе с музыкантом Нилом Якобом (США) Дин Рид совершает поездку в Прагу.

8 июня – Дин Рид ссорится с Ренатой Блюме и совершает

неудачную попытку самоубийства – режет руку мачете.

12 июня – очередная ссора с Ренатой, после которой Дин покидает свой дом.

17 июня, 8.30 утра – тело Дина Рида находят в водах озера Цейтенерзее.

24 июня – кремация тела Дина Рида в одном из крематориев (Баумшуленвег) Восточного Берлина.

30 июня – траурная церемония в Гонолулу.

31 июня – похороны праха Дина Рида в Раухфангсвердере (ГДР).

1991

Мать Дина Рида перевозит прах сына на кладбище Зеленая Монтана в Боулдере (США).

Дискография Дина Рида (1959–1986)

1959

США («Кэпитол»)

миньон (сингл) – «The Search», «Annadelle»,

миньон – «I kissed a Queen», «A pair of Scissors».

Чили («Чили Кэпитол»)

миньон – «Un par de Tijeras» («A pair of Scissors»), «He besado a una Reina» («I kissed a Queen»).

миньон – «A pair of Scissors», «I kissed a Queen».

США («Кэпитол»)

миньон – «Our Summer Romance», «I ain't got you».

1960

Чили («Чили Кэпитол»)

миньон – «Nuestro Amor veraniego» («Our Summer Romance»), «No te Tengo» («I ain't got you»).

США («Кэпитол»)

миньон – «Don't let her go», «No Wonder».

Чили («Чили Кэпитол»)

миньон – «No la dejes irse» («Don't let her go»), «No te extranes» («No Wonder»).

США («Кэпитол»)

миньон – «Hummingbird», «Pistolero».

1961

США («Кэпитол»)

миньон – «Female Hercules», «La Novia».

Филиппины («Мико Рекордз»)

миньон – «La Novia» (english version), «La Novia» (spanish version).

США («Империал»)

миньон – «I forgot more than you'll ever know» («About her»), «Once Again».

Чили («Полидор»)

миньон – «Una vez mas» («Once Again»), «La olvide mas de lo

que tu imaginas» («I forgot more than you'll ever know»)
диск-гигант – «Дин Рид в Чили».

1963
Чили («Филипс»)
миньон – «Canibal twist», «Chilena».

1964
Чили («Одеон»)
миньон – «Como un Nino soy» («He Walks a man»), «Mirando una Estrella».

Мексика («Мексика Музарт»)
миньон – «Mirando una Estrella», «A traves de los anos», «Todo el Camino», «Como un Nino soy»,
миньон – «La Novia», «Yo Estare Alli», «No la dejes irse» («Don't let her go»), «No te extranes» («No Wonder»).

1965
Аргентина («Одеон»)
миньон – «La Bamba», «Jericho»,
миньон – «Hippy hippi Shake», «Me estas Mirando» («You're looking at me»),
миньон – «La Bamba», «Jericho», «Hippy hippi Shake», «No le digas que no»,
диск-гигант – «Симпатия».

Чили («Одеон»)
миньон – «Hippy hippi Shake», «Me estas Mirando» («You're looking at me»).
Уругвай
диск-гигант – «La Bamba».

1966
Перу («Перу Музарт»)
миньон – «Mirando una Estrella».

Аргентина («Одеон»)
миньон – «No nos moveran», «Hemos dicho basta»,
миньон – «Pum Pum», «No le digas que no»,
миньон – «Rosas Rojas para una Dama triste», «Sigue Buscando»,
миньон – «Chica inquieta», «Oleana»,
диск-гигант – «Mas Simpatia».

Испания
миньон – «Red Rose for a blue Lady», «Colorado», «Portrait of my Love», «Elizabeth».

Венесуэла («Одеон»)
диск-гигант – «Los exitos de Dean Reed».

1967
Испания
миньон – «La Musica se ha Acabado», «Cierro Los Ojos», «El Valle del arco iris», «Estoy Esperando».

СССР («Мелодия»)
диск-гигант – «Дин Рид».

1968

Италия («Аристон»)
миньон – «Nun'o ssapevo», «God greates them i kill them»,
миньон – «Se incontri L'uomo per te», «La valle dell'Arcobaleno».

1970
СССР («Мелодия»)
миньон – «Донна, Донна», «Я буду с тобой», «Мы», «Historia Liamaa»,
миньон – «Букаро», «Музыка кончается», «Я ищу себя», «Я закрываю глаза»,
миньон – «Ножницы», «Счастливая девушка», «Ты увидишь», «Когда ты рядом»,
миньон – «Поиск», «Я поцеловал королеву», «Я буду с тобой», «Донна, Донна».

Чили («Одеон»)
миньон – «Las Cocas que yo he Visto», «Somos Los Revolucionarois».

1971
Чили («Одеон»)
миньон – «Siento que la historia llama», «Ustedes».

Уругвай
миньон – «Hemos Dicho Basta», «No nos moveran».
СССР («Мелодия»)
диск-гигант – «Дин Рид».

1972
СССР («Мелодия»)
диск-гигант – «Дин Рид».
миньон – «Мутная Миссисипи», «Это не дождь», «Мы сказали „хватит“, „Вчера, когда я был молодым“.

Польша
миньон (Сопот-72) – «Elizabeth», «Jericho».

ГДР («Амига»)
миньон – «Wir sagen ja», «I can hear History calling».

1973
СССР («Мелодия») – журнал «Кругозор» № 2
миньон – «Мы скажем „да“, „Как будет?“.

ГДР («Амига»)
диск-гигант – «Dean Reed»,
миньон – «Together», «I'm not Ashamed».

Уругвай («Уругвай фолдеф»)
диск-гигант – «Dean Reed en Montevideo».
1974
ГДР («Амига»)
миньон – «Singt unser Lied», «Somos Los Revolucionarois».
миньон – «Liebe liebt Zartlichkeit», «Wenn du gute freunde hast».

Аргентина
диск-гигант – Дин Рид № 1 «El Cantante Prohibido».

1975
ЧССР («Супрафон»)
миньон – «Wir sagen „ja“», «Together».

ГДР («Амига»)
миньон – «Love your brother», «Um der grosen Liebe willen».

БОЛГАРИЯ («Балкантон»)
миньон – «Love your brother», «Wir sagen „ja“».

1976
СССР («Мелодия») – журнал «Кругозор» № 1
миньон – «Убейте сотню – нас останутся тысячи».

ЧССР («Супрафон»)
диск-гигант – «Dean Reed a jeho svet»,
миньон – «Hey Baby», «For Baby».

ГДР («Амига»)
миньон – «Hey Baby», «For Baby».

1977
ГДР («Амига»)
диск-гигант – «Dean Reed aktuell».

1978
ЧССР («Супрафон»)
диск-гигант – «My song for you»,
миньон – El Cantor», «My Song for you»,
миньон – «Hey Biladi», «Cindy»,
миньон – «Sweet little sixteen», «You don't bring me flowers».
Польша («Поланд тонпресс»)
миньон – «Hey Biladi», «Cindy».

ГДР («Амига»)
миньон – «Wir sagen „nein“», «El Cantor»,
миньон – «Hey Biladi», «Tell me how».

1979
СССР («Мелодия») – журнал «Кругозор» № 1
миньон – «Эль Кантор», «Люби брата своего»,
диск-гигант – «Моя песня для тебя» («My song for you»).

ГДР («Амига»)
диск-гигант – «My song for you».

ЧССР («Супрафон»)
миньон – «Blowing in the Wind», «This land is your land», «Tell me How».

1980
ГДР («Амига»)
миньон – «Sweet little sixteen», «Du bringst mir keine Blumen»,
диск-гигант – «Dean Reed singt Rock'n Roll, Countri and Romantik».

ЧССР («Супрафон»)

диск-гигант – «Dean Reed singt Rock'n Roll, Countri and Romantik».

СССР («Мелодия»)
диск-гигант – «Дин Рид: рок-н-роллы, кантри, лирические песни» («Dean Reed singt Rock'n Roll, Countri and Romantik»).

1981
ГДР («Амига») – песни из х/ф «Пой, ковбой, пой»
миньон – «Susan», «Thunder and Lightning».

СССР («Мелодия»)
диск-гигант – «Мы скажем „да“ („We will say «yes!“).
1982
ЧССР («Супрафон»)
миньон – «Wounded Knee in 73», «Love your brother».

ГДР («Амига»)
диск-гигант – «Dean Reed-country».

1984
ГДР («Амига»)
диск-гигант – «Es gibt eine Liebe, die bleibt»,
миньон – «Es gibt eine Liebe, die bleibt», «Die Rose».

1985
ГДР («Амига»)
миньон – «Caera», «Die Kinder».

1986
ЧССР («Супрафон»)
диск-гигант – «Dean Reed».

ГДР («Амига»)
диск-гигант – «Dean Reed-coutry-songs».

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА – 7 дисков-гигантов, 12 миньонов;
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ – 7 дисков-гигантов, 4 миньона;
ЧЕХОСЛОВАКИЯ – 5 дисков-гигантов, 6 миньонов;
АРГЕНТИНА – 3 диска-гиганта, 10 миньонов;
ЧИЛИ – 1 диск-гигант, 11 миньонов;
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ – 1 диск-гигант, 1 миньон;
УРУГВАЙ – 1 диск-гигант;

ВЕНЕСУЭЛА – 1 диск-гигант;
США – 9 миньонов;
МЕКСИКА – 4 миньона;
ИСПАНИЯ —3 миньона;
ПОЛЬША – 2 миньона;
БОЛГАРИЯ – 1 миньон;
ПЕРУ – 1 миньон.

Фильмография Дина Рида (1964–1985)

1964

«Гвадалахара летом» (Мексика; режиссер Джулио Брачо) – роль американского студента Роберта Дугласа.

1965

«Моя первая девушка» (Аргентина; реж. Энрике Каррерас) – роль второго плана.

«Новая волна» (Аргентина; Энрике Каррерас) – эпизодическая роль.

1967

«Буккаро» (Италия – Испания; реж. Адельчи Бианчи) – роль меткого стрелка.

Премьера – **28 октября**.

1968

«Бог их породил, я их убью» (Италия—Испания; реж. Паоло Бианчини) – роль меткого стрелка Слима Корбетта. Премьера – **29 апреля**.

«Племянники Зорро» (Италия; Марчелло Сиорсилини или Фрэнк Рид) – главная роль – Рафаэль, он же Зорро.

1969

«Банда трех хризантем» (Италия; реж. Игнацио Игуино) – роль гангстера Оуэна.

«Тайный дневник Фанни» (Италия; реж. Серджио Пасторе) – роль второго плана – Мишель.

«Смерть стучится дважды» (Италия – ФРГ; реж. Харальд Филипп) – роль Боба Мартина.

1970

«Пираты зеленого острова» (Италия – Испания; реж. Фердинандо Балди) – главная роль – предводитель пиратов Алан Дрейк.

«Прощай, Сабата» («Черный Индио») (Италия—Испания; реж. Жанфранко Паролини или Фрэнк Крэмер) – роль авантюриста Баллантайна.

«Саранда» (Италия – Испания; Мануэль Эстеба или Тед Миллиган) – главная роль.

1972

«Битва титанов» (Италия – Испания; реж. Жанфранко Паролини или Фрэнк Крэмер) – роль бунтаря Буда Спенсера.

1973

«Кулак, фасоль и… карате» (Италия – Испания; реж. Тонино Риччи) – главная роль.

«Из жизни одного бездельника» (ГДР – Западный Берлин; реж. Цилино Бляйвиц) – главная роль – Бездельник.

1974

«Кит и К» (ГДР – ЧССР – СССР; реж. Конрад Петцольд) – главная роль – Кит Белью.

Премьера – **декабрь**.

1975

«Братья по крови» (ГДР – Румыния; реж. Вернер Валльрот) – главная роль – Гармоника, сценарий Дина Рида и Ханса-Иохима Вальштайна, музыка – Дина Рида и Карла-Эрнста Зассе. Премьера – **июнь**.

1978

«Эль Кантор» («Певец») (ГДР – Болгария; реж. Дин Рид) – главная роль – певец Виктор Лебен; сценарий – Дин Рид. Премьера – **июнь**.

1981

«Пой, ковбой, пой» (ГДР – ЧССР – Румыния; реж. Дин Рид) – главная роль – папа Джо.

Премьера – **июнь**.

1985

«Несерьезная история» (Япония – Западный Берлин; реж. Масато Харада) – роль второго плана – Ганс. Премьера – **6 сентября**.

Использованная литература

Книги:

Х. Д. Брайер «Рождается в сердце», А. Козлов «Рок: истоки и развитие», Э. Иванян «Белый дом: президенты и политика», Т. Джентри «Элвис Пресли», Э. Лабарка Годдард «Вторжение в Чили», В. Весенский «Огни больших городов», «Мир на рубеже XXI века» (Сборник), Р. Иванов «Генерал в Белом доме», И. Дроговоз «Необъявленные войны СССР», К. Эндрю, О. Гордиевский «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева», «На суше и на море. 1985» (Сборник), Г. Ратиани «На ближнем и дальнем Западе», В. Зимянин «Поль Робсон», Ю. Гавриков «Че Гевара», А. Строганов «Латинская Америка в XX веке», И. Савич «На острие тайной войны», Д. Келер «Секреты „Штази“, Э. Саммерс „Империя ФБР“, В. Гиленсен „В тенетах политического сыска“, Л. Колосов „Собкор КГБ. Записки разведчика и журналиста“, „Огни далеких городов“ (Сборник), И. Валента „Советское вторжение в Чехословакию. 1968“, „Заокеанские мифы и реальность“ (Сборник), Ю. Филонович „По ту сторону“, „Америка: улица разделения“ (Сборник), А. Асеевский „ЦРУ: шпионаж, терроризм, зловещие планы“, Б. Вудворт „Признание шефа разведки“, Т. Мотылева „Ромен Роллан“, Р. Бенциен „Джон Леннон навсегда“, Н. Яковлев „ЦРУ против СССР“, П. Кальвокоресси „Мировая политика. 1945–2000“, А. Брасс „Терроризм: история и современность“, Л. Вольнов „У врат Востока“, В. Кеворков „Тайный канал“, Ф. Сергеев „Гестапо Пиночета“, В. Островский, К. Хой „Я был агентом МОССАД“, М. Березовский „Бог любит Америку“, Т. Емельянов „Метастазы коррупции“, О. Калугин „Прощай, Лубянка!“, М. Стуруа „С Потомака на Миссисипи“, „Анатомия преступлений. ЦРУ против молодежи“ (Сборник), А. Яковлев „От Трумэна до Рейгана“, Т. Вольтон „КГБ во Франции“, В. Медведев „Человек за спиной“, С. Иванько „Меняющаяся Америка“, Р. Медведев „Андропов“, А. Ватлин „Германия в XX веке“, А. Патрушев „Германия в XX веке“, А. Шевякин „Загадка гибели СССР“, „Мифы и реальность. Буржуазное кино сегодня“ (Сборник), Ц. Кин „Итальянский ребус“, С. Кара-Мурза „Манипуляция сознанием“, С. Кара-Мурза „Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней“, „Современная Испания“ (Сборник), А. Уткин „Мировая холодная война“, В. Буковский „Московский процесс“, „Крупнейшие уголовные дела США“ (Сборник), Л. Косичев „Многоликий мир Латинской Америки“, О. Гриневский „Тайны советской дипломатии“, Г. Арбатов „Затянувшееся выздоровление“, Л.

Медведко „…Этот Ближний бурлящий Восток“, Э. Иванян „Рональд Рейган“, М. Калашников, С. Кугушев „Третий проект. Погружение“, А. Гэрен, Ж. Варэн „Люди из ЦРУ“, Д. Хара „Виктор – прерванная песня“, „Кинословарь“ (1985).

Газеты:

«Совершенно секретно», «Литературная газета», «Правда», «Советская Россия», «Известия», «Вечерняя Москва», «Московский комсомолец», «Новая газета», «Аргументы и факты», «За рубежом», «Труд», «Комсомольская правда», «Мир новостей», «Завтра», «Советская культура», «Московская правда», «Советская Эстония», «Воздушный транспорт», «Учительская газета», «Гудок», «Советский спорт», «Водный транспорт», «Сельская жизнь», «Социалистическая индустрия», «Знамя коммунизма», «Заря Востока» (Тбилиси), «Рабочая газета» (Киев), «Восточно-Сибирская правда», «Советская Сибирь», «Коммунист» (Ереван), «Смена» (Ленинград), «Бакинский рабочий», «Советская Латвия», «Porto-Franco» (Одесса).

Журналы:

«Советский экран», «Огонек», «Человек и закон», «Панорама», «Караван историй».

Отдельные авторы:

Н. Батаен, Л. Кастанян, М. Демичев, Ю. Филинов, О. Кулиш, В. Кривчун, Л. Курин, Г. Васильев, О. Володеева, А. Гурков, Д. Гай, А. Логинов, А. Лопухин, М. Кожухов, В. Куликов, И. Хуземи, В. Весенский, М. Калашников, Г. Попов, В. Чернов, В. Лапин, И. Илюшин, Д. Розанов, Т. Баштанник, Б. Преловская, В. Дранников, Ю. Каменев, М. Рубина, И. Броладзе, Ф. Андреев, В. Байбурт, В. Партугимов, М. Брук, Л. Фалькон, Б. Спок, М. Рыбак, Г. Сапожникова, И. Зайчик, В. Чернышев, Н. Адамов, С. Нахамкин, Е. Гликман, Д. Макаров, А. Налоев, Ю. Голубенский, М. Садчиков, Л. Завьялова.

Интернет-ресурсы:

http//www.deanreed.de

Переводы стихотворений: С. Мнацаканян, А. Щуплов, Е. Шевелева, Г. Красников.